Д. Дж. Е. Холл

ИСТОРИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

D.G.E. Hall

A HISTORY OF SOUTH-EAST ASIA

Д. Дж. Е. Холл

ИСТОРИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Перевод с английского
Я. М. СВЕТА, Р. А. ТУЗМУХАМЕДОВА,
И. П. ЯСТРЕБОВОЙ

Предисловие
А. А. ГУБЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

В спецредактировании перевода книги принимали участие: Д. В. Деопик (Лаос и Камбоджа), А. П. Муранова (Бирма), Н. В. Ребрикова (Таиланд), В. А. Тюрин (Малайя и Индонезия), А. П. Шилтова (Вьетнам), Г. С. Шабалина (Индонезия).

ПРЕДИСЛОВИЕ

После второй мировой войны неизмеримо возрос интерес к странам Юго-Восточной Азии. Да это и понятно. Народы Бирмы, Индокитая и Индонезии, в течение долгих лет находившиеся на положении бесправных колониальных рабов, поднялись на решительную борьбу за свою свободу. Самоотверженная борьба завершилась завоеванием национальной независимости. Прежние колонии превратились в суверенные государства, отстаивающие свою независимость и стремящиеся покончить с тяжелыми и все еще остро ощутимыми последствиями колониализма. Буквально на другой день после капитуляции Японии — последней империалистической державы, которой удалось на короткий срок насильственным путем установить свое господство над громадным районом, охватывавшим колонии Англии, Франции, Голландии, США,— весь мир облетели вести о провозглашении независимости Индонезии, о возникновении Демократической Республики Вьетнам, об освободительной борьбе в Бирме и Малайе.

Прогрессивные силы во всем мире с глубокой симпатией следили за справедливой борьбой народов Юго-Восточной Азии против жестоких, но тщетных попыток колониальных держав восстановить здесь довоенные порядки, удержать эти страны в положении бесправных «заморских» владений империалистических метрополий.

Вместе с тем самым широким слоям во всех странах захотелось узнать о современном положении и прошлом народов Юго-Восточной Азии, понять истоки их нынешней борьбы и побед, своеобразие культуры и их национальные особенности.

В течение длительного периода колониального господства было написано немало книг и исследований, посвященных отдельным странам Юго-Восточной Азии. Значителен был вклад многих ученых в изучение различных аспектов многовековой истории культуры и искусства Индокитая и Индонезии. Немало трудов было положено для установления хронологических дат и географических терминов, локализации древних и средневековых государств в Юго-Восточной Азии. Однако большинство такого рода работ, рассчитанных на специалистов и посвященных, как правило, отдельным, хотя и существенным, но узким темам, обычно печаталось в сугубо специальных журналах и было поэтому мало доступно для широкого круга читателей. Следует при этом отметить, что по-настоящему изучение древней, да в значительной мере и средневековой истории Индонезии и Индокитая получило научную базу лишь после первой мировой войны в связи с расширившимися археологическими работами.

Основным недостатком даже наиболее ценных исторических работ, посвященных древней и средневековой истории отдельных стран Юго-Восточной Азии, несомненно, было отсутствие сколько-нибудь серьезных попыток показать социально-экономические процессы, проследить развитие производительных сил и осветить жизнь и борьбу народных масс — подлинных творцов истории. Господствовавшая теория извечности феодализма не только исключала возможность правильно представить себе смену общественных формаций в ее исторической конкретности, но даже и развитие самих феодальных отношений.

Что же касается колониального периода, то как история завоевания этих стран европейцами, так и особенно история их господства неизменно подчинялись и подчиняются задачам оправдания иноземного владычества, причем этим владычеством авторы объясняют технический и культурный прогресс колониальных стран. Вольно или невольно у буржуазных историков, посвящающих свои работы колониальной системе и колониальному периоду в истории отдельных стран Юго-Восточной Азии, европейский капитал и его носители превращались в некую магическую силу, действие которой только и смогло вывести эти страны из якобы бесперспективного тупика застойности и отсталости.

Такая интерпретация исторического развития стран Юго-Восточной Азии, как и вообще стран Азии, Африки и Америки, находила свое наиболее законченное отражение в работах, рассчитанных на широкие круги читателей, а именно в школьных учебниках[1] и в богато иллюстрированных полурекламных изданиях.

При этом работы, написанные в эпоху империализма и пробуждения народов Востока к сознательной национально-освободительной борьбе, характеризуются усилением тенденций «облагородить» и приукрасить колониальную деятельность европейских завоевателей. Сравнивая откровенные свидетельства «великих хищников» эпохи первоначального накопления и их современников о кровавых эпизодах захвата колониальных владений, а также подчас обличительные работы либеральных историков конца XVIII и XIX веков, посвященные колониальным завоеваниям и колониальным порядкам, с интерпретацией тех же событий авторами эпохи империализма, со всей очевидностью обнаруживаешь эту преобладающую тенденцию. Восхваление жестоких подвигов Яна Питерсзона Куна или Спеелмана[2], прославление деятельности миссионерской агентуры европейских завоевателей становятся особенно неудержимыми с наступлением общего кризиса капитализма.

Все этапы колониального господства от эпохи первоначального накопления и до всестороннего охвата колониальных территорий империалистической эксплуатацией подвергались систематическому препарированию в целях оправдания и увековечения колониализма. Напрасно мы стали бы искать у буржуазных историков эпохи империализма такого правдивого анализа «системы принудительных культур» на Яве, какой в свое время был дан, например, Сустом в его трехтомной работе[3], или такого разоблачения деятельности голландских колонизаторов, какое мы находим у ван Хёвеля и других прогрессивных голландских авторов XIX века.

Особенно разительным искажениям сознательно подверглась история борьбы против иноземных колонизаторов и история национально-освободительного движения в период империализма. Все попытки представителей господствующих феодальных классов Индонезии и Индокитая отстоять независимость своих стран неизменно сводили к личной амбиции и в лучшем случае—к религиозному фанатизму и ксенофобии. Деятельность местных вождей, еще не утративших способности к борьбе, преднамеренно отрывалась от движения народных масс, хотя такие вожди, как Дипо Негоро, султан Аче и вьетнамский император Хам-Нги, являлись выразителями патриотических чаяний народа в борьбе против иностранного господства.

Наименее разработанной в западной литературе темой, несомненно, является история национально-освободительного движения. Конечно, от представителей метрополий трудно ожидать объективности при описании событий, свидетельствующих о пробуждении народов Юго-Восточной Азии к сознательной борьбе за воссоздание своих независимых национальных государств, за ликвидацию колониальных империй Голландии в Индонезии или Франции в Индокитае. Сколько-нибудь детального и систематического изложения исто-

---

[1] См., напр., учебник по истории Индонезии: Eijkman en Stapel, Geschiedenis van Nederlandsch-Indië.

[2] Напр., монография F. W. Stapel, Cornelis Janzoon Speelman, s'Gravenhage, 1936.

[3] G. H. Soest, van, Geschiedenis van het Kultuurstelsel, 3 vols., 1869—1871.

рии национально-освободительного движения — даже с позиций колонизаторов — по многим странам Юго-Восточной Азии нет. Известное исключение составляют работы весьма осведомленного в силу своей деятельности в департаменте внутренних дел Индонезии Петруса Блумбергера[1]. Хотя и написанные с позиций открытой враждебности к демократическим силам индонезийского народа, призванные очернить и изобразить деятельность индонезийских коммунистов как нечто привнесенное извне, они все же насыщены большим фактическим материалом, основаны на первоисточниках. Именно поэтому при надлежащем сугубо критическом подходе читателя они могут помочь воссоздать общую картину развития национального движения и историю политических партий в Индонезии с момента их зарождения и до мирового экономического кризиса 1929—1932 годов. Задуманная как продолжение книги Блумбергера, работа Плювира[2], не чуждая некоторой весьма лояльной критики близорукости и косности политики голландского правительства в отношении национального движения, доводит историю национального движения до второй мировой войны.

В подавляющем большинстве общих работ по истории стран Юго-Восточной Азии, опубликованных до второй мировой войны, национально-освободительная борьба народов, не только не исследуется, но и игнорируются ее результаты. Уступки в области административного управления, на которые вынуждены были пойти колонизаторы под давлением национально-освободительного движения, и проведение крайне ограниченных социальных мероприятий неизменно изображаются как благодетельные акты европейских хозяев, якобы заботливо воспитывавших у колониальных народов несвойственные им способности к самоуправлению.

Характерной чертой исторических работ европейских и американских авторов является отсутствие достаточной связи между экономическими процессами в странах Юго-Восточной Азии и политической историей, хотя экономика не выпадает из поля зрения исследователей. Это относится не только к весьма многочисленным экономическим работам, которые ставят своей целью ознакомить европейский и американский капитал с богатейшими ресурсами Юго-Восточной Азии и перспективами их эксплуатации или представляют собой хвалебные гимны колониально-предпринимательской деятельности в различных областях, но и к ценным исследованиям, раскрывающим положение колониального крестьянства, освещающим процесс его обезземеливания, господствующие формы эксплуатации и т. д.[3] Однако, как правило, ни авторы этих трудов, ни тем более историки нового и новейшего времени стран Юго-Восточной Азии не пытаются связать эти социально-экономические предпосылки с развитием крестьянского движения.

В свое время, в начале XX века голландские колониальные власти, с одной стороны, под влиянием резкого сокращения налоговых поступлений от обложений яванского населения, с другой — испытывая страх перед возникавшими в ряде районов крестьянскими волнениями, создали специальную «Комиссию по выяснению причин уменьшения благосостояния населения Явы и Мадуры». Исключительно ценные данные многолетних обследований комиссии, собранные в десятках томов, при использовании их различными авторами теряли свою неприглядную объективность, не рассчитанную на популяризацию среди широкой публики[4]. Как правило, мимо этих обследований проходят и позднейшие исследователи Индонезии.

---

[1] См. особенно: J. Th. P. Blumberger, De Nationalistische Beweging in Nederlandsch Indië, The Haague, 1931.

[2] Dr. J. M. Pluvier, Overzicht van de ontwikkelung der Nationalistische Beweging in Indonesië in den jaren 1930 tot 1942, s'Gravenhage — Bandung, 1953.

[3] См., напр., I. Henry, Economie Agricole de l'Indochine, Hanoi, 1922; J. W. Meijer Rannett en dr. W. Huender, Onderzoek naar den Belastingdruk op de Inlandsche Bevolking, Weltetreden, 1926.

[4] См., напр., C. J. Hasselman, Algemeen overzicht van de uitkomsten van het Welfaart—Onderzock, s'Gravenhage, 1914.

Одним из последних в западной историографии трудов по истории Юго-Восточной Азии является предлагаемая книга профессора Лондонского университета Д. Дж. Е. Холла. Автор написал обобщающую работу по истории стран Юго-Восточной Азии, использовав значительный фактический материал, почерпнутый из разнообразных источников и литературы, а также данных археологических раскопок. В этом отношении его труд представляет бóльшую ценность, чем многие другие работы буржуазных историков Европы и Америки, в особенности в освещении древней и средневековой истории стран Юго-Восточной Азии. Он довольно подробно рассматривает историю культуры и общую историю этих государств, связи между ними. Представляя его труд советскому читателю, следует, однако, сразу же подчеркнуть, что в изложении истории стран Юго-Восточной Азии нового и новейшего времени Д. Дж. Е. Холл мало чем отличается от охарактеризованных выше буржуазных авторов.

В предисловии к своему труду сам автор справедливо замечает, что в отношении периода после 1511 года работы европейских авторов являются скорее описанием деятельности европейцев в странах Юго-Восточной Азии, нежели историей самих этих стран. Автор подчеркивает, что для большинства трудов того периода с особой силой применим введенный в западноевропейскую литературу де Каспарисом и уже давно получивший распространение и у советских историков и востоковедов эпитет «европо-центризм». Однако автор в своем подходе к истории стран Юго-Восточной Азии после появления в ней европейцев сам нередко оказывается в плену того же «европо-центризма».

Мы уже отмечали выше, что особенно подробно автор излагает период древней и средневековой истории, но все же это изложение по странам ведется не всегда равномерно. Некоторым, на наш взгляд исключительно интересным и важным, сюжетам уделяется крайне мало места и внимания. Так, например, истории вьетнамского народа от древнейших времен и до XVII века в книге уделено всего лишь семь страниц. При этом автор не использует ни последних публикаций вьетнамской летописи, ни весьма ценных работ историков Демократической Республики Вьетнам. Последнее обстоятельство тем более удивительно, что проф. Холл придерживается абсолютно правильного взгляда о необходимости широкого использования работ ученых стран Юго-Восточной Азии. Еще на Международном конгрессе востоковедов в Кембридже в его интересном докладе об изучении Юго-Восточной Азии последовательно проводилась мысль о невозможности в настоящее время исследовать историю этих стран, игнорируя труды местных ученых. В предисловии автора к данной книге мы также находим отражение этого положения. Использование работ проф. Минь-Чаня и других ученых Юго-Восточной Азии, несомненно, придало бы этим разделам книги проф. Холла бóльшую полноту и свежесть. При этом достоинством работ демократических ученых Вьетнама являются их обоснованные попытки выяснить уровень развития вьетнамского общества в рассматриваемый период.

Надо признать, что, касаясь этого периода, автор старается уделить внимание внутренним событиям в странах Индокитайского полуострова и в какой-то степени в различных районах Индонезии. Однако его внимание концентрируется главным образом на событиях династической борьбы и внешних конфликтах, в результате чего слабо освещаются важнейшие народные движения, героическое сопротивление народных масс колониальным захватам, восстания против иностранного господства. Пропорция между освещением событий внутренней жизни самих стран Юго-Восточной Азии и освещением колониальной политики и деятельности европейских держав все еще остается «европо-центристской».

Приведем лишь некоторые примеры наиболее важных, с нашей точки зрения, пробелов в освещении крупных событий внутренней жизни стран Юго-Восточной Азии XVIII—XIX веков. Достаточно подробно останавливаясь на борьбе Чиней и Нгюенов во Вьетнаме, описывая злоключения Нгюен-Аня в результате восстания тэй-шонов, деятельность Пиньё де Беэна, епископа

Адранского, в организации французской помощи династии Нгюенов, автор не считает нужным хотя бы кратко охарактеризовать мощное народное движение тэй-шонов. Восстанию тэй-шонов, имевшему ярко выраженную антифеодальную направленность, обеспечившему размах народной борьбы, расправу с представителями феодального класса, ликвидацию власти Нгюенов, Чиней и номинально царствовавшей династии Ле,автор почти не уделяет никакого внимания. Вожди восстания братья тэй-шоны выступают как амбициозные претенденты на власть. Для читателя остается неясным характер восстания тэй-шонов, этой крестьянской войны со всеми свойственными крестьянскому движению, не руководимому передовым классом, слабостями и с неизбежной верой в «справедливого царя». Остается неясным и перерождение руководителей восстания, превратившихся в основателей новой династии, что являлось одной из важнейших причин отхода от них народных масс и реставрации власти Нгюенов. Игнорируя характер восстания тэй-шонов, автор не уделяет внимания и внутренней политике Нгюенов после реставрации их власти, в значительной мере связанной с проведением необходимых после восстания реформ.

Вся героическая борьба вьетнамского народа против французской экспансии, и в особенности длительное сопротивление в Тонкине, сводится лишь к «пиратским» действиям отрядов «Черных флагов» и «Желтых флагов», инспирированных якобы Китаем. Не находит своей оценки роль Хам-Нги как борца за независимость и роль многих вьетнамских патриотов, примкнувших к борьбе за независимость. Даже известному и высокочтимому вьетнамским народом герою Сопротивления Де-Тхаму отводится лишь одна строчка, в которой он кратко характеризуется как «крупный лидер недовольных элементов и острая заноза в теле французов». Приходится признать, что в характеристике этого этапа сопротивления вьетнамского народа трактовка автора является шагом назад, даже по сравнению с некоторыми работами французских участников «замирения Вьетнама»[1].

С традиционных позиций западной историографии, игнорируя появившиеся после второй мировой войны работы индонезийских авторов (проф. Ямина[2] и других), проф. Холл освещает восстание Дипо Негоро на Яве, (стр. 372), хотя и признает важность изучения этого вопроса по-новому. Тридцатилетняя война за покорение Аче дается также как описание истории установления голландского господства, а не патриотического сопротивления народных масс и возглавивших его феодальных вождей.

Говоря в той или иной степени о национально-освободительном движении, автор подчас пытается развить тезис, будто бы это движение не было вызвано стремлением освободиться от иностранного ига. Так, например, он утверждает (стр. 481): «Однако национализм не был порожден возмущением народов против европейского господства. Национализм в Юго-Восточной Азии, как и в Европе, имеет свои глубокие культурные истоки...»

Автор признает понятие «экономический империализм», однако для него это — незакономерный этап в развитии капитализма. С нашей стороны было бы смешно упрекать автора за то, что он немарксист, за то, что он стоит на идеалистических позициях интерпретации исторического процесса, но именно этим объясняется, в частности, непонимание автором особенностей империалистической эпохи и свойственных империализму методов колониальной политики, а также противоречий между народами колониальных стран и империалистическими державами.

Советский читатель, бесспорно, обратит внимание на тот факт, что проф. Холл, подчас весьма критически трактуя колониальную политику и захватническую деятельность Португалии, Голландии и Франции, не находит соответствующих красок для изображения английского колониализма.

---

[1] См., напр., Ch. Gosselin, L'Empire d'Annam, Paris, 1904.

[2] Muhammad Yamin, Sedjarah Peperangan Dipanegara pahlewan kemerdekaan Indonesia, Djokarta, 1952.

Колониальная политика Англии выглядит в изображении автора по сравнению с политикой других держав в значительно более «привлекательном» свете. Так, например, довольно подробно останавливаясь в гл. XXXVII на англо-французских противоречиях и соперничестве на Индокитайском полуострове во второй половине XIX века, автор всю вину стремится возложить на Францию. Учитывая объем книги, нельзя не признать, что захватнической деятельности французских колонизаторов по расширению своих владений в Индокитае за счет Лаоса и Сиама уделено довольно много места. Однако английские колониальные планы изображаются как бескорыстная защита интересов Сиама, как оборонные мероприятия, на которые вынуждены были пойти англичане перед лицом французской агрессии. По словам автора, действия французов вновь и вновь заставляли англичан выступать в защиту того, что они считали своими законными интересами.

Действия французов в Камбодже совершенно справедливо характеризуются как экспансионистские, но в то же время английская экспансия в Малайе изображается как действие англичан по обеспечению независимости княжеств, «оказавшихся под угрозой» вторжения Сиама.

Из трактовки автора не выступают с достаточной ясностью ни причина сохранения формально независимого государства Сиам (как буфера между английскими и французскими владениями), ни сговор между двумя колониальными державами в районе Индокитайского полуострова за счет Сиама. Правильно отмечая значение англо-французской антанты для рассматриваемого района, проф. Холл лишь вскользь упоминает связанные с этим соглашением территориальные захваты Франции и Англии. При этом фактический захват Англией четырех северных малайских княжеств выглядит чуть ли не как выгодная для Сиама сделка, обеспечившая отказ Англии от всех (в 1909 году) прав экстерриториальности в Сиаме.

Говоря об англо-французских противоречиях, Холл утверждает: «Слова «англо-французское соперничество» употребляются слишком неточно. На деле соперничество имело место со стороны французов, которых бросало в дрожь от одной мысли, что воображаемые англичане уже опередили их в каком-либо направлении, в котором они планировали экспансию» (стр. 462).

Когда в главе XLI проф. Холл касается французской политики в отношении национального движения, то он находит значительно более объективные и правильные определения, нежели при характеристике английской или голландской деятельности. Он правильно отмечает, что у Франции никогда не было цели предоставления индокитайским колониям самоопределения, что для нее было характерно стремление к ассимиляции местного населения. С полным основанием проф. Холл характеризует «представительные» учреждения Индокитая как «прекрасный пример системы комуфляжа, применявшейся французами».

Приходится лишь пожалеть, что подобных оценок мы не встречаем в отношении таких же учреждений Бирмы или Индонезии.

В отношении французской политики репрессий автор также находит более правильное и энергичное определение. Однако из этой главы читатель не получит представления о развитии и формах национально-освободительного движения.

В очень интересных главах, посвященных захвату Бирмы, также сквозит тенденция оправдать английскую политику. Автор не только склонен рассматривать в качестве причин первой англо-бирманской войны опасность французского проникновения и главным образом «реальную» угрозу нападения со стороны Бирмы, но и утверждает, что традиционная политика Англии, направленная на сохранение мира и добрососедских отношений с Бирмой, нарушалась отнюдь не по вине Англии. Однако материал этих и других глав убедительно показывает, что захват и превращение Бирмы в английское колониальное владение является проявлением империалистической борьбы держав за раздел мира.

При чтении книги Холла бросается в глаза идеализация многих англий-

ских деятелей и колониальных администраторов. Это в значительной мере объясняется отсутствием анализа тех глубоких причин, которые обусловливали развитие колониальной политики Англии как в Индии, так и в других ее колониях в период господства «свободного капитализма», ее отличие от политики эпохи первоначального накопления, с одной стороны, и эпохи империализма— с другой. Остается нераскрытым смысл деятельности крупного и дальновидного сторонника английской колониальной экспансии Раффлза как выразителя интересов шедшей к власти английской промышленной буржуазии. Точно так же не выяснены и крывшиеся в особенностях экономического развития Голландии в начале XIX века и в соотношении сил внутри ее господствующих классов причины неизбежного поражения сторонников новых форм эксплуатации Индонезии (Дирк ван Хогендорп и др.) и торжество «системы культур».

Советского читателя не смогут удовлетворить главы, посвященные пробуждению Юго-Восточной Азии и национально-освободительному движению до второй мировой войны. Правильно констатируя рост национального самосознания у народов Юго-Восточной Азии как явление, характерное и для других стран Востока, связывая его с последствиями возросшей эксплуатации колониальных ресурсов иностранным капиталом, с вовлечением непосредственных производителей в товарно-денежные отношения, с разорением крестьянства и ростом их задолженности и т. д., автор в то же время не дает подлинной картины возникновения и роста национально-освободительной борьбы в Юго-Восточной Азии и в отдельных ее странах.

Идиллически характеризует автор и реакцию империалистических хозяев на рост национального самосознания колониальных народов. Вряд ли кто-нибудь поверит, что «новый курс» голландских империалистов, «цивилизаторская миссия» французских колонизаторов или обещания английских колонизаторов подготовить колониальные народы к самоуправлению по западным образцам отражали сущность колониальной политики империалистических держав. И уж совсем странно звучат в устах столь компетентного автора, как проф. Холл, утверждения, что все три колониальные державы «либерализировали» колониальную администрацию, принимали социальные законы, аналогичные тем, которые проводились в метрополии, всячески поощряли распространение европейского образования и создавали якобы основы для «процветания и более высокого уровня жизни» (стр. 521). Уж кому, как не проф. Холлу, несомненно, хорошо известны итоги этой «либеральной» реакции на национальное движение и «трогательной» заботы о социальном законодательстве: 80—90 процентов неграмотных во всех колониальных странах Юго-Восточной Азии, чудовищная детская смертность, отсутствие каких бы то ни было законов по охране труда и уголовные законы, закреплявшие полурабское положение законтрактованных кули в Индокитае и Индонезии.

Автор в то же время проходит мимо тех жестоких преследований и суровых кар, которым подвергались революционные патриоты — участники национально-освободительной борьбы. А если и упоминает вскользь об отдельных антидемократических и антирабочих законах, то они выглядят в его трактовке как меры, вызванные крайностями националистического движения.

Автор правильно отмечает влияние на национально-освободительное движение многих внешних факторов и международных событий. Однако весьма примечательно, что, перечисляя (см. стр. 480) эти факторы и события, проф. Холл не только игнорирует значение русской революции 1905 года для пробуждения народов Азии, но и «забывает» о Великой Октябрьской социалистической революции. Автор «забывает» о влиянии Октябрьской революции, открывшей новую эпоху в борьбе колониальных народов за свое освобождение, вопреки бесспорным и общепризнанным фактам, вопреки тому, что это влияние неоднократно подчеркивали такие деятели стран Востока, как Сунь Ят-сен, Джавахарлал Неру, Сукарно, У Ну и многие другие, что это влияние убедительно раскрыли в своих работах коммунисты стран Востока и в первую очередь крупный теоретик и практик революционного марксизма Мао Цзэ-дун.

Невольно возникает мысль, что именно для того, чтобы не выделять значения первой мировой войны и Октябрьской революции, знаменовавших начало общего кризиса капиталистической системы, автор рассматривает национальное движение сразу за весь период от начала XX века и до второй мировой войны.

Главы, посвященные этому периоду по отдельным странам, не только не дают подлинной картины развития национально-освободительного движения и классовой борьбы, но и зачастую изобилуют фактическими ошибками и искажениями действительной роли коммунистов. Вызывает удивление, как проф. Холл, описывая национально-освободительное движение в Индонезии главным образом на основе работ Блумбергера, счел возможным полностью воспроизвести, местами даже усилив, нелепые выпады и измышления голландского автора из его первой книги («Dee kommunistische Beweging in N. J., 1928»), которые и сам-то Блумбергер избегал повторять в своей более поздней и солидной работе. В то же время проф. Холл допускает много ошибок и неточностей, за которые никак не может нести ответственность послуживший ему источником голландский автор.

Приходится лишь пожалеть что в серьезной работе находят место обычные для империалистической пропоганды и уже никого не способные ввести в заблуждение вымыслы. Что же касается фактических ошибок, то отметим лишь некоторые из них.

Социал-демократическое объединение (а не клуб, как его называет Холл) было создано по инициативе Снеевлита и других трибунистов не под влиянием февральской революции 1917 года в России, а еще в 1914 году. Национальный конгресс «Сарекат Ислама» в октябре 1917 года имел место до возникновения Коммунистической партии Индонезии и до раскола социал-демократического объединения, и уж поэтому Семаун в 1917 году не мог стремиться к завоеванию «Сарекат Ислама» для коммунизма.

Совершенно произвольно автор выводит возникновение Коммунистической партии Индонезии из «секции В» «Сарекат Ислама», которую он также без всякого основания изображает как «коммунистическую секцию» «Сарекат Ислама».

Характеристика и определение роли политических деятелей, например Сукарно, д-ра Сутомо случайны и неверны. В то же время, если верить автору, энергия и энтузиазм голландской администрации в вопросах экономического и социального благосостояния были совершенно исключительными, и если они дали сравнительно малый результат, то только в силу слишком быстрого роста народонаселения и оппозиции со стороны частных интересов в Голландии и Индонезии.

В главе XLI о Вьетнаме, как и в главе об Индонезии, также встречаются фактические ошибки. Хо-ши-Мин никак не мог примкнуть до первой мировой войны к Коммунистической партии во Франции, как утверждает автор,— потому что и сама партия еще не существовала. Встречаются в книге и другие более или менее значительные неточности.

Советский читатель, несомненно, с большим интересом прочтет XLIV главу, посвященную описанию японского захвата Юго-Восточной Азии. С некоторыми положениями автора нельзя согласиться так же, как и с его преувеличением готовности Англии и США в 1945 году к решительному разгрому Японии, со значением, придаваемым им атомной бомбе, с одной стороны, и замалчиванием роли Советского Союза в разгроме Японии — с другой.

Однако в целом автор дает правильную картину внутреннего положения в оккупированных Японией странах Юго-Восточной Азии, показывает последствия японского захвата для народных масс и их роль в движении сопротивления. Автор отказывается от распространенных в первые годы после войны и широко пропагандируемых в империалистических странах утверждений о «коллаборационизме» национальных деятелей стран Юго-Восточной Азии. При своей крайней нелюбви к коммунизму и коммунистам автор выну-

жден подчас отдать должное их роли в организации борьбы против японских оккупантов, подчеркивая, что они являлись основным ядром движения сопротивления как в Малайе, так в Бирме и во Вьетнаме.

Мы считаем, таким образом, что предлагаемая нашим читателям работа проф. Холла имеет ряд серьезных погрешностей. Многие положения автора и его подход к важнейшим событиям новой и новейшей истории стран Юго-Восточной Азии для нас совершенно неприемлемы. Как справедливо считает сам автор, современные события в Юго-Восточной Азии требуют по-новому переосмыслить многое в истории ее народов. Он пытался в какой-то мере сделать это, однако его классовые позиции буржуазного историка, его стремление обелить колонизаторскую политику наложили свой отпечаток на содержание данного труда. Можно лишь пожалеть, что проф. Холл не использовал в достаточной мере не только публикации, документы и периодическую прессу самих стран Юго-Восточной Азии, но и работы Фернивolла, Виргинии Томпсон и других авторов, дающих более или менее объективный и глубокий анализ процессов, происходивших в странах Юго-Восточной Азии.

Предлагая работу проф. Холла советскому читателю, мы не сомневаемся, что критическое ознакомление с этим трудом представляет большой интерес, так как впервые в переводе на русском языке появляется работа, комплексно освещающая историю стран Юго-Восточной Азии с древнейших времен и до современности[1].

Александр Губер.

---

[1] Издательство не сочло целесообразным давать в русском переводе последнюю главу данного труда («После войны»), так как глава бедна фактическим материалом, написана крайне тенденциозно и не представляет научной ценности.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящая работа, какой бы объемистой и детализированной она ни показалась читателю, не знакомому с ее предметом, все же представляет собой лишь общий очерк, к тому же во многом предельно сжатый и упрощенный. Являясь введением в историю Юго-Восточной Азии, рассчитанным в одинаковой степени как на неспециалиста, так и на специалиста, желающего глубже изучить предмет, эта работа написана с возможно меньшим числом отвлекающих внимание примечаний. Особое внимание было уделено отбору и систематизации библиографии. Следует отметить, что литература по данной теме огромна и исчисляется многими тысячами книг, статей и сборников напечатанных документов. По ранним периодам существуют тысячи надписей и масса пока еще недостаточно изученных местных хроник. По более поздним периодам необычайно интересны отчеты, документы и мемуары современников, перечисленные в III разделе библиографии.

Ведущаяся ныне исследовательская работа европейских ученых и, к счастью, все большего числа азиатских ученых настолько обширна, что трудно поспевать за ходом открытий и толкований того или иного вопроса по всей области исследования сразу. Вследствие этого рассмотрение некоторых вопросов, особенно относящихся к очень важному доевропейскому периоду, следует считать предварительным. Так, например, многолетний и упорный труд Гордона Льюса по изучению надписей в Бирме — а она в этом отношении несравненно богаче любой другой страны в Юго-Восточной Азии,— по-видимому, вскоре приведет к результатам большого значения. Это, разумеется, вызовет необходимость изменения данного в нашей книге описания Паганского периода. Точно так же исследования как голландских, так и индонезийских ученых, осуществленные в течение последних приблизительно двадцати лет, по-видимому, вызовут значительный пересмотр версии истории древних яванцев, предложенной Н. Дж. Кромом. В нашей книге сделана попытка подчеркнуть значение недавних выступлений К. К. Берга против принятой точки зрения относительно истории раздела Эрланггой своего королевства, правления Кертанагары и раннего периода Маджапахита. В настоящее время по этим вопросам окончательное суждение сделать невозможно и, пожалуй, правильнее будет придерживаться осторожной оценки событий того периода, сделанной Дж. Г. де Каспарисом в его ценном труде «Двадцать лет изучения истории Индонезии»[1].

В первых главах широко использована работа Жоржа Кёдэ «Индуизированные государства Индокитая и Индонезии» (G. Coedès, Les Etats Hindouse d'Indochine et d'Indonesie), которая заслуживает наивысшей оценки, и не только потому, что она представляет собой труд высокого научного уровня, но также и благодаря тому, что в ней впервые ранняя история Юго-Восточной Азии представлена как единое целое. До этого история отдельных государств рассматривалась настолько изолированно, что наличие многих параллельных элементов их развития едва ли принималось в расчет. Внимание, обращенное на них Кёдэ, оказало огромное стимулирующее влияние на мысль и исследовательскую деятельность.

[1] J. G. Casparis, Twintig jaar studie van de oudere gechiedenis van Indonesië, «Orientatie», n. 46, 1954, p. 638—641.

Работа, проведенная европейскими учеными в деле исследования истории Юго-Восточной Азии, превыше похвал. Фундаментальный труд Крома «Индо-Яванская история» (Krom, Hindoe-Javaansche Geschiedenis), несомненно, стоит в одном ряду с крупнейшими исследовательскими работами. Однако в настоящее время европейские ученые проявляют признаки неудовлетворенности своим подходом к предмету в прошлом, подходом, на который большое влияние оказали определенные предвзятые взгляды и концепции, заимствованные авторами еще в процессе их обучения. Де Каспарис называет этот подход «европо-центризмом» и утверждает, что он ясно проявился в громоздком пятитомнике Ф. В. Стапеля «История Нидерландской Индии» (F. W. Stapel, Geschiedenis van Nederlandsch Indië), в котором «индуистский период» Индонезии рассматривается как какая-то прелюдия или своеобразное введение в историю деятельности голландцев. Точно так же можно обвинить в «индо-центризме» и индийских авторов, которые при написании истории «Большей Индии» главным образом основывались на работах французов и голландцев. Радикальные изменения, происшедшие в Юго-Восточной Азии после второй мировой войны, неизбежно привели к широкому пересмотру устаревших концепций и к попыткам перестроить взгляды на историю стран этого района.

Именно в связи с этим особое значение приобретает труд Берга. И не только потому, что этот автор посвятил себя изучению индонезийской исторической литературы, но и благодаря тому, что он разработал метод подхода к толкованию этой литературы, который, хотя, возможно, и возлагает на историков огромную задачу, является, по его убеждению, единственным методом, могущим дать надежные результаты. Он определяет его как необходимость смотреть на историческую литературу того или иного периода как на элемент культуры, который ни структурно, ни с точки зрения эволюционного и динамического развития не изолирован от остальных ее компонентов. Литература народов Юго-Восточной Азии очень богата письменными памятниками либо в виде хроник, либо в виде надписей, посвященных отдельным историческим событиям. Их великое множество, причем некоторые из них очень длинные. До сих пор авторы-историки использовали лишь относительно немногие из них. Огромное большинство этих памятников все еще ждет своего исследователя и сравнительного изучения. Поэтому значение брошенного Бергом вызова выходит далеко за пределы его собственной области исследования.

Данная книга основана главным образом на лекционных курсах, читанных в Лондонском, Рангунском и Сингапурском университетах. Отдельные ее части были использованы в лекциях, прочтенных в Индонезийском университете в Джакарте и университете Чулалонгкорна в Бангкоке. Именно в результате опыта, накопленного при чтении лекций в этих университетах, а также благодаря контакту со студентами и преподавателями в странах Юго-Восточной Азии автор осознал необходимость написать книгу, подобную настоящей. Поэтому данная книга представляет собой обзор работы, уже опубликованной в той или иной форме. Однако в ряде глав, касающихся Аракана, предыстории Сингапура и правления Бодопаи в Бирме, автор включил итоги своих собственных последних исследований, пока еще не опубликованных.

Полностью объективной истории никогда не было написано, равно как знания и суждения одного человека недостаточны для всестороннего рассмотрения такого обширного предмета, каким является история Юго-Восточной Азии. В данной работе делается попытка прежде всего представить Юго-Восточную Азию в историческом аспекте как район, заслуживающий того, чтобы его рассматривали самостоятельно, а не только в связи с историей Китая, Индии или западных стран. Историю стран этого района невозможно правильно представить ни с какой иной точки зрения, кроме как с точки зрения их собственного развития. Но это не так-то легко сделать, учитывая имеющуюся в наши дни в наличии литературу для изучения истории этого района. Особенно это относится к периоду после 1511 года, историю которого европейские авторы склонны представлять скорее как историю деятельности европейцев

в Юго-Восточной Азии, чем историю самой Юго-Восточной Азии. Ко многим из них — хотя и не во всем[1]— особенно применим эпитет де Каспариса «европо-центризм».

Насколько книга достигает поставленной в ней цели — вопрос, по которому мнения могут расходиться. Однако автор надеется, что источники, вдохновившие его на написание данной работы,— радость, которую он испытывал во время своих длительных контактов со студентами стран Юго-Восточной Азии, а также дружеское отношение и любезность, которую они постоянно проявляли по отношению к нему,— позволили ему написать историю их народов с сочувствием и пониманием и вызвать у читателя при изучении книги определенный интеллектуальный стимул и познавательный интерес.

* * *

Я должен выразить особую благодарность проф. В. Ф. Кулхаасу, проф. С. Х. Филипсу, г-ну А. Х. Кристие и г-ну С. Д. Ковану, которые прочли части моей рукописи до того, как она была сдана в набор, а также г-ну Х. Р. Клинебергу из библиотеки Школы изучения Востока и Африки за проверку выходных данных книг, включенных в список литературы. Подробные замечания д-ра Кулхааса по поводу моего толкования деятельности голландцев принесли мне большую пользу, и хотя мы разошлись с ним по ряду вопросов, я тем не менее глубоко признателен ему за оказанную помощь.

Я также должен поблагодарить различные учреждения и отдельных лиц, которые любезно разрешили мне воспроизвести имевшиеся у них иллюстрации. Г-ну А. Х. Кристие я особенно признателен за разрешение использовать его карту «К предыстории Восточной Азии», а также за помощь при подготовке других карт.

Неограниченную помощь оказала мне моя жена, которая перепечатывала и считывала рукопись, составляла указатель. Еще большую помощь она оказала мне своим многотерпением, которое проявляла в течение долгих месяцев, когда все свободное время я отдавал написанию этой книги.

Д. Дж. Е. Холл.

---

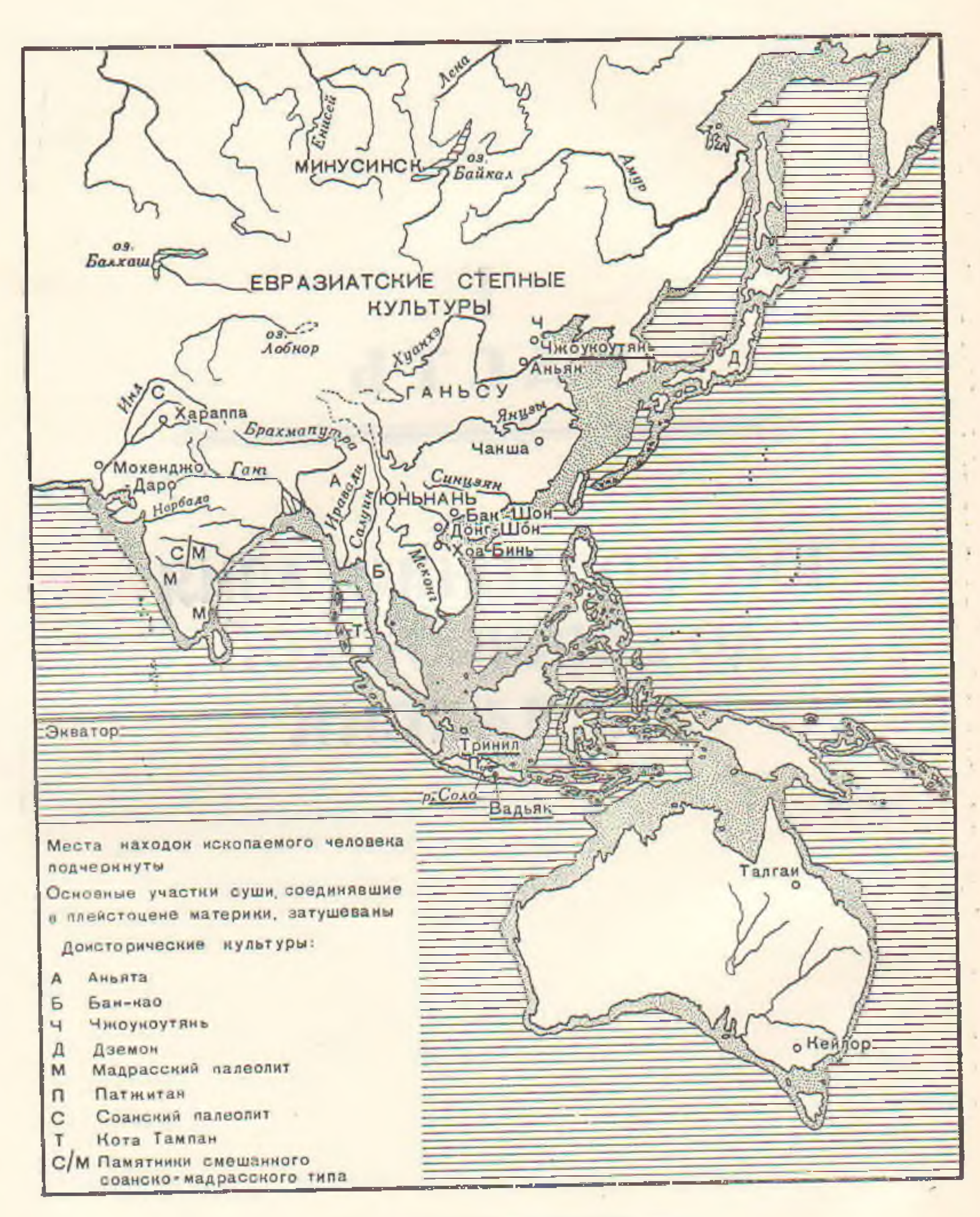
[1] Среди них следует прежде всего отметить книги Фейра (A. P. Phayre, History of Burma) и Харви (G. H. Harvey, History of Burma), а также «Историю Сиама» Вуда (W. A. R. Wood, History of Siam).

СПИСОК
СОКРАЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

BEFEO	«Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient» (Hanoi)
BKI	«Bijdragen van het Koninklijk Instituut voor de Taal-Land-en Volkenkunde» ('s-Gravenhage).
BSEI	«Bulletin de la Société des Etudes Indochinoises de Saigon».
BSOAS	«Bulletin of the School of Oriental and African Studies» (London).
CEFEO	«Cahiers de L'Ecole Française d'Extrême Orient» (Hanoi).
DNB	«Dictionary of National Biography» (London).
FEQ	«Far Eastern Quarterly» (Ithaca, N. Y.).
FES	«Far Eastern Survey» (New York).
JA	«Journal Asiatique».
J.Am.O.Soc.	«Journal of the American Oriental Society» (Newhaven, Conn.)
JBRS	«Journal of the Burma Research Society» (Rangoon).
JGIS	«Journal of the Greater India Society» (Calcutta).
JRAS	«Journal of the Royal Asiatic Society» (London).
JRASMB	«Journal of the Royal Asiatic Society, Malayan Branch» (Singapore).
JSS	«Journal of the Siam Society» (Bangkok).
RAA	«Revue des Arts Asiatiques» (Paris).
TBG	«Tijdshrift van het Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen» (Batavia, now Jakarta).

I ЧАСТЬ

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ ДО ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ



К предыстории Юго-Восточной Азии

ГЛАВА I

АВСТРО-АЗИАТСКАЯ КУЛЬТУРА

Термин «Юго-Восточная Азия» получил широкое распространение во время второй мировой войны. Так обозначается совокупность территорий восточной части азиатского материка, которая охватывает полуостров Индокитай и огромный архипелаг, включающий Индонезию и Филиппины. Применяя этот термин, американские авторы ввели в качестве стандартного обозначения слитную форму написания слов — «юговосток», и их примеру последовали В. Парселл[1] и Е. Добби[2]. Однако вряд ли можно сколько-нибудь убедительно обосновать превосходство этой новой слитной формы по сравнению с формами раздельного написания — «юго восток» или «юго-восток», вошедших в обиход в силу давней традиции. В документах Британского флота определение «юго-восточная» пишется через дефис. Во время войны штаб командования союзными вооруженными силами в Юго-Восточной Азии не применял дефиса, введя раздельное написание этих слов. В отчете главнокомандующего союзными вооруженными силами в Юго-Восточной Азии лорда Маунтбеттена[3] снова встречается дефис. Подобно всем прочим терминам, вводимым ради удобства для обозначения какой-либо обширной области, это наименование может вызвать некоторые возражения. Однако дискуссия по данному поводу была бы излишней, ибо следует иметь в виду, что мы используем этот термин лишь по соображениям удобства, и только удобства.

Территория, которая является объектом настоящей работы, охватывает Бирму, Таиланд, Индокитай[4], Малайю и острова, протянувшиеся от Андаманских и Никобарских островов до Новой Гвинеи. За рамками книги остаются Ассам и Филиппины, поскольку эти области, расположенные соответственно на крайнем западе и крайнем востоке Юго-Восточной Азии, оказались вне основного потока исторического развития этого района, который издавна был сферой перекрестного влияния Индии и Китая. В Анназе и Кохинхине[5], например, на протяжении многих веков культуры Индии и Китая в напряженной борьбе оспаривали право первенства. Поэтому история культуры Юго-Восточной Азии вызывает большой интерес, особенно культура эпохи, соответствующей средним векам в Европе, когда архитектура и искусство, получив мощный толчок под влиянием индийской культуры, достигли таких высот, что могли выдержать сравнение с лучшими образцами архитектуры и искусства других стран мира.

В конце средних веков, в ту пору, когда на исторической арене появились португальцы, Юго-Восточная Азия в отношении культуры была разделена на две главные области. В одной из них, которую французские ученые называют «Внешней Индией», преобладало индийское влияние, в другой — Тонкине, Анназе и Кохинхине — после падения в XV веке «индуизированного» царства Тямпа утвердилось китайское влияние.

[1] V. Purcell, The Chinese in Southeast Asia, 1951.

[2] E. H. G. Dobby, Southeast Asia (Е. Добби, Юго-Восточная Азия, М. Издательство иностранной литературы, 1952).

[3] «Report to the Combined Chiefs of Staff by the Supreme Allied Commander South-East Asia», 1951.

[4] Имеются в виду территории Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. — *Прим. перев.*

[5] См. прим. 2 на стр. 148.

Надлежит, однако, предостеречь читателя против вредной тенденции преувеличения роли чужеземных культур и принижения значения культур местных. Следует поэтому безоговорочно отвергнуть такие термины, как «Дальняя Индия», «Бóльшая Индия», «Малый Китай». И даже такие столь примелькавшиеся названия, как Индонезия и Индокитай, дают основание для серьезных возражений, поскольку они затушевывают тот факт, что эти области отнюдь не являются «культурными придатками» Индии или Китая, а всегда сохраняли свою собственную и при этом чрезвычайно своеобразную индивидуальность. Искусство и архитектура, которые достигли столь пышного расцвета в Ангкоре, Пагане, центральной Яве и в древнем царстве Тямпа, поразительно резко отличаются от искусства и архитектуры индуистской и буддийской Индии. Чтобы овладеть ключом к их познанию, необходимо обратиться к изучению местных культур народов, их создавших. Но при этом необходимо помнить, что все эти народы развивались особыми и совершенно своеобразными путями.

Индийское влияние, которое, не в пример китайскому, непосредственно не проявилось в Юго-Восточной Азии в политической сфере, было в процессе освоения индийской культуры точно так же преобразовано туземным обществом, как культура древней Греции в Западной Европе, ибо народы, как отмечал Ж. Кёдэ[1], которые испытывали на себе влияние индийской культуры, не были «дикарями», а представляли собой общества с самобытной и относительно высоко развитой цивилизацией. И даже вьетнамцы, которые с 111 года до н. э. до 939 года н. э. находились под властью Китая и в ханьскую эпоху подверглись основательной китаизации, создали культуру, которая, будучи во многом обязанной Китаю, тем не менее сохранила свой оригинальный облик; корни этой культуры уходят далеко в глубь веков, в «докитайское» прошлое народов Вьетнама.

Основную причину недооценки значения местных культур народов Юго-Восточной Азии легко понять. И в культурном и в политическом отношениях Юго-Восточная Азия была превзойдена Индией и Китаем — великими странами, чья цивилизация сформировалась задолго до того, как народы азиатского юго-востока вступили в период собственного исторического бытия. Кроме того, культура этих народов начала развиваться и достигла величественных образцов, получив благотворный толчок от древних цивилизаций Индии и Китая. Европейские ученые по вполне понятным причинам, узнав об этом влиянии, сосредоточивают свое внимание на истории правителей, царских дворов и храмов, где внешнее влияние сказывалось наиболее сильно; причем в своих исследованиях они в силу необходимости основывались на китайских и санскритских источниках.

Сведения же о жизни простого народа добыть оказывается гораздо труднее, а поэтому до сих пор в этой области открыто очень немного. А между тем разве не бросается в глаза тот неоспоримый факт, что в так называемых «индуизированных» государствах огромные массы народа либо вовсе не были затронуты индийской культурой, либо в процессе освоения этой культуры преобразовывали ее и приводили в соответствие со своими идеями и обычаями. Так, например, общественный строй в странах Юго-Восточной Азии не был в сильной степени затронут индийским влиянием. Кастовая система — основа основ индуизма — оказала весьма небольшое воздействие на местный уклад, и женщина, как правило, сохранила то высокое положение, которое отводилось ей в древнем обществе, еще не затронутом индийским влиянием, причем, насколько известно, положение ее было гораздо более высоким, чем положение индийской женщины на протяжении всей истории Индии. Более того, и после распространения в Юго-Восточной Азии индуизма и буддизма религиозные представления и обряды более древней эпохи продолжали сохранять огромную жизненную силу и оказали глубокое влияние на обе эти религиозные системы.

---

[1] G. Coedès, Les États hindouisés d'Indochine et d'Indonésie, 1948, p. 27.

Для антропологов Юго-Восточная Азия представляет собой необъятную область для исследования. Здесь, в горах и джунглях, еще и поныне живут остатки племен разнообразных представителей человеческого рода, соответствующие наиболее ранним стадиям его этнологической истории. Тут пигмеи негритосы еще ведут жизнь первобытных бродячих племен; здесь обитают племена, родственные аборигенам Австралии, и здесь же проживают народы, которые, возможно, являются индонезийцами, какими они были на ранних ступенях развития. Здесь, очевидно, происходило смешение ранних обитателей с поздними пришельцами, и вообще вся эта область в целом представляет картину хаотического смешения рас и языков.

Следы исключительно древних человеческих типов были обнаружены на Яве. *Pithecantropus erectus* Эжена Дюбуа и еще более древний *Homo modjokertensis* Кенигсвальда датируются ранним плейстоценом и одно время рассматривались как представители особой человеческой расы. К позднему плейстоцену относится одиннадцать черепов, обнаруженных в Нгандонге, в долине Соло. Эти черепа принадлежат к более развитому антропологическому типу, но обнаруживают черты сходства с питекантропоидными разновидностями. Вадьякские черепа, относящиеся к позднему плейстоцену или к послеплейстоцену, по-видимому, близки к протоавстралоидному человеку.

Доказано, что *Homo modjokertensis* и *Pithecantropus erectus* очень близки к синантропу, или пекинскому человеку. Орудия питекантропа, моджокертского человека и синантропа сходны с орудиями соанской культуры северо-западной Индии и орудиями аньятской культуры в Бирме. На основе тщательно изученных данных были выдвинуты две весьма интересные гипотезы: 1) монголоидные племена ведут свое происхождение в конечном счете от питекантропа и синантропа; 2) может быть намечена непрерывная линия, связывающая *Pithecantropus erectus* с *Homo australiensis*; промежуточным звеном в этой цепи является *Homo soloensis* (нгандонгские черепа). Если бы выявилась достоверность этих гипотез, то естественно выдвинуть следующие три положения: а) столь распространенные в настоящее время монголоидные черты не были, как думали раньше, впервые занесены в Юго-Восточную Азию иммигрантами неолитической эпохи или бронзового века; б) одна из ветвей *Homo sapiens* могла развиться в Юго-Восточной Азии, поскольку данных о ее развитии в Австралии не имеется; в) теория, согласно которой веддоидные мезолитические племена рассматривались как первые аборигены Юго-Восточной Азии, должна быть признана несостоятельной.

Следы мезолитической культуры широко распространены. Эта культура получила название бакшоно-хоабиньской[1] (от провинций Бак-Шон и Хоа-Бинь в Тонкине, где было обнаружено наибольшее количество мезолитических материальных остатков). Отличительная особенность ее каменных орудий заключается в том, что у них обработана лишь одна сторона. Наряду с орудиями была обнаружена различная утварь, изготовленная из кости, и керамические изделия. Изучение костных остатков человека наводит на мысль, что бакшоно-хоабиньская раса была низкорослой, отличалась темным цветом кожи и принадлежала к австралоидно-веддоидной группе[2]. В Индокитае были обнаружены следы человека меланезоидного типа. Орудия и утварь этого человека были найдены в северном Аннаме, Луан-Прабанге, Сиаме, Малайе и на восточном берегу Суматры. Антропологи относят этого человека к веддоидной группе (от названия племен ведда, обитающих на Цейлоне) и причисляют к ней лесные племена сеноев и сакаев Малайи и отсталые народности южного Целебеса и островов Энгано и Ментавай, расположенных близ западных берегов Суматры.

---

[1] Значительная часть археологов считает ранний этап этой культуры поздним палеолитом, а поздний — ранним неолитом. Об этом говорит и наличие на поздних стоянках этой культуры керамики. — *Прим. ред.*

[2] Эта точка зрения разделяется также далеко не всеми исследователями. — *Прим. ред.*

У этих племен в обычае был ритуальный каннибализм. Мужчины занимались охотой, рыбной ловлей и собирательством; женщины некоторых племен пользовались при обработке почвы примитивной мотыгой. В ходу были каноэ, выдолбленные из цельных древесных стволов. Существует немало теорий о возможной связи этой культуры с неолитической культурой, которая пришла ей на смену. Гейне-Гельдерн, например, выдвинул теорию (которую оспаривали другие исследователи), согласно которой неолитическая культура овальных топоров, обнаруженная в северной Бирме, Камбодже, у ассамских племен нага, а также на восточных островах Малайского архипелага, связана с использованием каноэ, изготовляемых из досок; Гейне-Гельдерн полагал, что овальные топоры и лодки из досок представляют собой дальнейшую стадию развития мезолитической культуры.

Известны также и два других типа кельтов (топоров) неолитического периода — топоры с плечиками, обнаруженные в ряде пунктов на территории от Ганга до Японии, но не известные к югу от линии, пересекающей центральную часть Малайского полуострова, и самые распространенные прямоугольные топоры, которые были обнаружены в долинах Хуанхэ, Янцзы, Меконга, Салуина, Иравади и Брахмапутры, а также повсеместно встречаются в Индонезии. Поскольку характерные орудия этого типа были обнаружены на Малайском полуострове, а также на территории центральной и южной Суматры, считают вероятным, что они проникли в Индонезию через Малаккский пролив и Суматру.

В науке завязался спор вокруг вопроса о возможной близости топоров с плечиками и прямоугольных топоров и о возможной связи их распространения с распространением австроазиатских языков. Гейне-Гельдерн считает, что топоры с плечиками характерны для мон-кхмерских племен материка и что неолитические племена, которые принесли с собой прямоугольные топоры, расширили сферу распространения индонезийских языков.

Эта культура топоров была не только наиболее распространенной, но и наиболее значительной из всех культур каменного века, поскольку ее носители достигли значительного уровня развития ремесла. П. Саразэн и Т. Саразэн, авторы-кузены, назвали этих пришельцев протомалайцами, желая отличить их от более поздних переселенцев, или дейтеро-малайцев, которым уже были известны металлы. Хендрик Керн, пионер в области исследования происхождения индонезийских языков, полагал, основываясь на лингвистических данных, что колыбелью протомалайцев была область Тямпы, Кохинхины и Камбоджи. Гейне-Гельдерн считал, что прародина протомалайцев располагалась еще далее к северу, в западном Китае, там, где берут начало великие реки Восточной и Юго-Восточной Азии. Орудия протомалайцев свидетельствуют о том, что они в совершенстве владели искусством обработки дерева. Свои деревянные дома они украшали великолепной резьбой; известны их гончарные изделия, и полагают, что им было известно искусство изготовления различных тканей.

Пришельцы, которым уже были известны металлы, принадлежали к тому же расовому типу, что и протомалайцы, и, подобно последним, обычно рассматривались как индонезийцы. Общими для них были и их первоначальное местопребывание, и пути, которыми следовали обе эти группы. В Юго-Восточной Азии более поздние пришельцы, для которых характерны резче выраженные монголоидные черты, быстро смешались с протомалайцами, оттеснив некоторые протомалайские племена в глубь страны. К протомалайцам были причислены племена гаджо и ала Суматры и тораджи Целебеса.

Культура более поздних переселенцев не может быть, строго говоря, названа бронзовой, поскольку им уже было известно железо[1]. Гейне-Гельдерн назвал эту культуру донгшонской (по названию селения Донг-Шон в Тонкине, где были обнаружены наиболее характерные для нее материаль-

---

[1] В настоящее время в специальных работах существование бронзового века в Юго-Восточной Азии общепризнано.—*Прим. ред.*

ные остатки). Донгшонские бронзовые изделия весьма совершенны; среди них особое место занимают ритуальные барабаны различных разновидностей[1], распространенные по всей Юго-Восточной Азии. В области мореходства донгшонцы достигли гораздо более высокого уровня, чем их предшественники. Они были отважными мореплавателями и обладали известными астрономическими познаниями. Их торговцы плавали повсюду, и не лишено интереса то обстоятельство, что в Индии и в Китае до сих пор в ходу некоторые древнемалайские названия мер и весов (в частности, *тахил* и *кати*).

Другой весьма характерной особенностью этой культуры является связь мегалитических сооружений с религиозными верованиями. К числу таких сооружений относятся каменные статуи (обычно изображения предков), шлифованные камни с магическими знаками, хранилища черепов, менгиры с фалическими символами, дольмены — погребальные сооружения, склепы, сложенные из длинных плоских камней, и насыпные могильники. Гейне-Гельдерн полагает, что, хотя большинство этих памятников датируется бронзово-железным веком, некоторые из них относятся и к более ранней эпохе, к неолиту. Для первых, по мнению Гейне-Гельдерна, характерны монументальность и символизм, для последних — орнаментальные и графические мотивы. Такого рода памятники можно обнаружить повсеместно на всей территории Юго-Восточной Азии, причем сооружения на острове Ниас, расположенном к западу от Суматры, свидетельствуют о том, что эта культура существует еще в наши дни.

Таким образом, к тому времени, когда Юго-Восточная Азия впервые ощутила влияние индийской культуры, ее народы уже создали свою собственную цивилизацию. Кёдэ[2], суммируя наиболее существенные особенности этой цивилизации, отмечает, что в сфере производства она характеризовалась: 1) возделыванием риса на орошаемых землях, 2) приручением быков и буйволов, 3) примитивным использованием металлов, 4) развитием мореходного дела; в области общественного строя: 1) главенствующей ролью женщины и счетом родства по материнской линии, 2) социальной организацией, сложившейся в условиях ирригационного хозяйства. В сфере религиозной Кёдэ подчеркивает такие характерные черты этой цивилизации: 1) анимизм, 2) культ предков и бога плодородия, 3) обычай помещать гробницы на высоких местах, 4) кувшинные или дольменные погребения, 5) мотивы космического дуализма в мифологии (горы против моря, духи воздуха против духов воды, люди гор против людей побережья). И, наконец, последняя характерная особенность этой цивилизации: в отдельных языках Юго-Восточной Азии отчетливо проявляется способность к словообразованию путем прибавления префиксов, суффиксов и инфиксов. Народы, приобщенные в большей или меньшей степени к этой культуре, хотя и имели пестрый этнический состав и обитали почти на территории всей Юго-Восточной Азии, однако главными районами их расселения были прибрежные области и речные долины. Далее в глубь материка и в горах жили отсталые племена, стоящие на разных ступенях развития.

Кром, характеризуя яванскую цивилизацию до проникновения индийского влияния, отмечает следующие особенности, дополняющие список Кёдэ: 1) кукольно-теневой театр (*вайанг*), 2) оркестр особых музыкальных инструментов (*гамелан*), 3) специальные приемы окраски тканей (*батик*)[3]. Разумеется, кое-где в пределах столь обширной территории эти культуры отличали местные особенности. Но весьма показательно, что у древних китайцев, очевидно, уже сложилось представление о Юго-Восточной Азии как о культурном единстве, так как различные народы и языки этой области они обозначали

---

[1] H. R., van Heekern Bronzen Keteltrommen, «Orientatie», 46, Jan. 1954, p. 615—625. См. также в списке литературы работы Голубева, Гейне-Гельдерна, Ван дер Хопа, Леви, Мансюи, Твиди.

[2] G., Coedès Les États hindouisés d'Indochine et d'Indonésie, 1948, p. 25—26.

[3] Krom, Hindoe-Javaansch Geschiedenis, p. 47—48.

собирательным термином *кунь-лунь*, если, конечно, правы те ученые, которые склонны придавать этому термину слишком широкий смысл[1].

В последнее время разгорелась одна из наиболее интересных дискуссий о связях культур Юго-Восточной Азии и «доарийской» Индии. Согласно одной гипотезе, «одна или несколько этнических волн, зародившихся в Индокитае или на островах Малайского архипелага, достигли Индии до завоевания ее ариями»[2]. Согласно другой теории, дравиды или арии, явившись в Индию, вынудили ее коренных жителей к массовому переселению в Юго-Восточную Азию и именно этим притоком доарийских элементов индийской культуры объясняется та общность культур Юго-Восточной Азии и Индии, которая проявляется в языке и орудиях труда. В то время как Кёдэ склонялся к тому, что проблема эта еще не разрешена, возникла третья гипотеза, которая, кажется, заслуживает серьезного внимания. Сторонники этой гипотезы считают, что те западнокитайские области, на которые указывал Гейне-Гельдерн как на прародину индонезийской культуры, были также и колыбелью древнеиндийской культуры; обе культуры, несомненно, восходят к одному источнику. Первоначально общий поток в своем движении к югу разветвился: одна или, быть может, несколько его струй, следуя в западном направлении, достигли Индии; другие же проникли в Индокитай и Индонезию.

Согласно этой теории, арии, придя в Индию, застали там смешанную дравидийско-мундскую культуру, которая находилась по крайней мере на столь же высоком уровне развития, как культуры Египта, Ассирии и Вавилона. И действительно, индуизм исторических времен сохраняет элементы дравидийского или мундского происхождения. Исследования элементов мундской культуры, проведенные Сильвеном Леви и Пжилуцким, показали, сколь значителен был вклад, который народы мунда внесли в индийскую культуру. Сильвен Леви и Пжилуцкий подчеркнули, что в культе Шивы и его супруги Умы имеются черты, которые отсутствовали у ариев. Эти исследователи отмечали, что культ линги имеет частично дравидийское и частично мундское происхождение и восходит к эпохе неолита, когда поклонялись камням. На основе изучения языков мунда Сильвен Леви также отмечал, что не только ряд этнических названий, приводимых в санскритской литературе, имеет мундское происхождение, но что многие санскритские слова, и в частности названия таких растений, как перец, лук, гвоздика, алоэ, бетель и т. д., имеют «австроидное» происхождение (термин «австроидный» Сильвен Леви применял в соответствии с тем значением, которое придавал ему его создатель патер Шмидт, подчеркивая единство двух великих языковых групп — австроазиатской и австронезийской, область распространения которых простирается от Гималаев до острова Пасхи и от Мадагаскара до Гавайских островов).

Представляется также несомненным, что в Индонезии еще до того, как она столкнулась с индуистской культурой, были распространены в устной форме произведения такого же характера, как санскритские сказания. И возможно, что позже, после того как Индонезия ознакомилась с письменными памятниками индийской литературы, здесь появились литературные произведения, выдержанные в индонезийском духе, причем эти произведения вовсе не обязательно являлись чужеземными, переделанными на индонезийский лад, а представляли собой народные легенды и мифы, восходящие к столь же древнему источнику, как и индийские сказания, сохранившие в более чистом виде свои первоначальные особенности.

Таким образом, можно предполагать, что с внедрением индуистской культуры сказания австроидного происхождения были облечены в индийские одежды и что отклонения от чисто индуистских форм в яванско-индуистских сказаниях нередко вызывались возрождением древних австроидных традиций.

На связи австроидных языков и языков мунда в Индии (ныне в большей

[1] Кёдэ в своей работе («Les États hindouisés d'Indochine et d'Indonésie») на стр. 26—27 спаривает это положение.

[2] Там же, стр. 24.

части утраченные) первым обратил внимание австрийский исследователь Кун, но их лексикографическое родство убедительно доказал патер Шмидт, который разработал теорию о культурной и антропологической общности народов обеих языковых групп. И хотя теория Шмидта не получила всеобщего признания, его соображения о связях, которые в очень древнюю эпоху существовали между Индией, Индокитаем и островным миром Индийского и Тихого океанов, представляются совершенно бесспорными. И если теория разветвления единого потока культур западнокитайского происхождения пока еще остается недоказанной, то совершенно доказан факт, что индуистским элементам отводили слишком большое место по сравнению с древними культурами Юго-Восточной Азии.

К тому времени, когда индийская культура стала оказывать свое влияние, эпоха великих доисторических переселений уже закончилась. На островах Индонезийского архипелага основную массу населения составляли индонезийцы, которые обосновались здесь еще в эпоху неолита. Это население распадалось на две группы. К первой, сохранившей до некоторой степени чистые расовые черты, относились батаки на Суматре, даяки на Борнео и алафуры на Целебесе и на Молуккских островах. Во вторую группу входили малайцы прибрежных областей — многочисленные этнические разновидности и смешанные подгруппы на Суматре, сундские племена[1], яванцы, мадурцы и балийцы. Это были народы, которые в той или иной степени были приобщены к австроазиатской культуре и которых китайцы называли общим наименованием *кунь-лунь*, а индийцы — *двипантара*, «островным народом».

Ту часть материка, которую занимает теперь центральный и южный Аннам, район дельты Меконга, заселяли тямы, Камбоджу и область среднего течения Меконга — кхмеры; монские народности, тесно связанные с кхмерскими племенами, занимали долину Менама и территорию, которая ныне называется Нижней Бирмой; племена пью, возможно авангард тибетско-бирманских народов, осели в бассейнах Иравади и Ситтанга; на территории Малаккского полуострова располагались малайцы. Таким образом, если и не все, то многие из главных этнических групп занимали в те времена области, примерно соответствующие современным районам их расселения.

Наиболее существенные исторические перемены произошли на материке. Мы увидим, что тямы были изгнаны из центрального Аннама вьетнамцами, монов в долине Менама покорили таи, а в долине Иравади их одолели бирманцы. Племена пью исчезли совершенно. «Продвижение на юг», которым был отмечен доисторический период, повторился в исторические времена, и этим именно объясняется современная этническая картина Индокитая и в известной мере и островов. В общем миграционные потоки следовали вдоль узких долин рек, берущих начало в Китае и на окраинах Тибета, к заманчивым землям речных дельт и побережья. Следует, однако, отметить, что из этого правила встречались порой существенные исключения.

Впрочем, миграций в том смысле, как обычно понимают этот термин, в историческое время не было. Речь идет о медленном и постепенном продвижении, сопутствуемом интенсивной ассимиляцией завоевателей и побежденных, в процессе которой старожилы усваивали язык и обычаи пришельцев. Факты истребления коренного населения или массового перемещения его были чрезвычайно редки. Таким образом, на территории индокитайского материка основным этническим ядром и по сей день остаются индонезийцы[2]. История народа таи на позднем ее этапе дает наглядный пример исторического процесса, который происходил повсюду в другие периоды, и Кёдэ следующим образом выразил его сущность: «воинственной аристократии удалось навязать свой язык, который, словно масляное пятно, расплывался в языках других этнических групп»[3].

[1] Население западной Явы.—*Прим. перев.*

[2] В работах антропологов термин «индонезийцы» применяется не только к населению Индонезии, но и к древнейшему населению всей Юго-Восточной Азии.—*Прим. ред.*

[3] Coedès, op. cit., p. 30.

ГЛАВА II

ИНДИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ

а) Древнейшие связи Юго-Восточной Азии с Индией

Термин «индуизация» обычно применялся исследователями для характеристики того воздействия, которое оказала на страны Юго-Восточной Азии индийская культура. Кёдэ зашел при этом столь далеко, что назвал «индуизированными» (les états hindouisés) государства, которые развивались под индийским влиянием, несмотря на то, что в процессе их развития весьма значительной была роль буддизма, и буддизм теравадского[1] толка в конечном счете стал господствующей религией в Бирме, Аракане, в тайских государствах и Камбодже. И если на Малайском полуострове и в Индонезии индуизм исчез, вытесненный исламом в эпоху, соответствующую концу средних веков в Европе, то буддизму по-прежнему оставались стойко верны покоренные им страны.

Применение в столь широком смысле термина «индуизм» чревато известными опасностями, поскольку в обычном применении терминов «индуист» и «буддист» имеется четкое разграничение, основанное на действительных различиях. Однако в истории обеих этих религий в Юго-Восточной Азии не всегда легко наметить линию раздела между ними, особенно в случае тантрийского буддизма, в котором отчетливо видны индуистские черты, а некоторые культы, в частности культ Шивы-Будды, который существовал в XIII веке на Яве, не поддаются точной классификации. Кроме того, даже в тех государствах, где преобладал буддизм хинаяны, брахманы играли важную роль в церемониях, особенно при дворе, и все еще продолжают играть в Бирме, Сиаме и Камбодже, хотя в этих странах брахманы резко отличаются от своих индийских собратьев. Возможно, что в настоящей работе будут неизбежны некоторые недоразумения при применении термина «индуизм». Следует, однако, надеяться, что придерживаясь контекста, можно легко предотвратить смысловую путаницу.

Вероятно, связи Индии и Юго-Восточной Азии восходят к доисторическому периоду. Индийские купцы, возможно, уже в те времена посещали порты азиатского Юго-Востока, а в индийских портах вели торговлю выходцы из Юго-Восточной Азии. Возможно, что еще задолго до того, как стало сказываться влияние индийской культуры, в портах Юго-Восточной Азии существовали небольшие индийские торговые колонии. Можно также предположить, что то же самое наблюдалось и в индийских портах, поскольку в историческое время индонезийские торговые колонии были обнаружены как в Бенгалии, так и на Коромандельском берегу. Индонезийцы были преимущественно народом мореходов, и они могли добраться до Индии точно так же, как индийцы добирались до Юго-Восточной Азии. Это обстоятельство нужно особо подчеркнуть, так как слишком уж легко приходят к выводу, что торговые отношения, а затем проникновение индийской культуры следует объяснять деятельностью одних лишь индийцев.

По-видимому, после весьма длительного периода торговых связей в Юго-Восточной Азии стали обнаруживаться значительные перемены. На Индо-

[1] В настоящее время народы этих стран отвергают термин «хинаяна» («малая колесница»), называя это направление буддизма теравадским буддизмом, буддизмом *тера* (тера — учитель, старец).

китайском полуострове и на островах Малайского архипелага возникли государства, в которых получили распространение индийские религиозные культы, индийское искусство и индийские обычаи, причем санскрит стал здесь священным языком. На вопрос о том, когда и как возникли эти государства, можно ответить лишь предположительно. Древнейшие археологические свидетельства относятся в большинстве случаев к значительно более позднему времени, а данные, взятые из индийских, китайских и европейских источников, едва ли позволяют сделать точные заключения.

Новые государства вырастали вокруг тех поселений, которые с незапамятных времен посещались индийскими моряками. Перемены в этих государствах, должно быть, были вызваны появлением индийских жрецов и ученых, которые могли распространить индийскую культуру, хотя нельзя исключить и ту возможность, что в этом процессе значительную роль играли и сами индонезийцы, ознакомившиеся с Индией. Когда же с течением времени завеса несколько приподымается и становится возможным составить определенное представление об этих новых общинах, они предстают перед нами как организованные очаги культуры, в основе которой лежат следующие четыре особенности: а) монархическая концепция, характерная для индуистских и буддийских религиозных культов, б) памятники письменности на санскритском языке, в) мифологические мотивы, заимствованные из индийского эпоса, пуран и других санскритских литературных произведений, содержащих ядро монархических преданий и традиционные генеалогии царских фамилий области Ганга, и г) соблюдение дхармашастр, священных законов индуизма и, в частности, «Манава дхармашастры», или «Законов Ману».

Было высказано предположение, что это явление представляет собой продолжение за морем процесса брахманизации Индии, очагом которого была Северо-Западная Индия. Заслуживает внимания тот факт, что древнейшие санскритские надписи Юго-Восточной Азии не намного моложе подобных же надписей, обнаруженных в Индии. Однако возможно, что культура, которую распространяли индийцы, не была полностью чуждой народам, ее воспринимавшим. Быстрое распространение индийской культуры частично объясняется тем, что народы Юго-Восточной Азии могли под индийской оболочкой разглядеть идеи и предания, имеющие много общего с их собственными идеями и преданиями.

Чтобы пролить свет на этот весьма важный процесс, велись поиски индийских источников. Однако результаты оказались чрезвычайно неутешительными. Чтобы доказать, что этот процесс происходил в эпоху, предшествующую нашей эре, ссылались на одно место из «Артхашастры» Каутильи, а именно на то место, где царю дается совет заселять старую или новую страну либо путем захвата чужой территории, либо путем переселения избыточного населения из собственного царства. Но текст этот чрезвычайно неясен, и, во всяком случае, в настоящее время первоначальная датировка составления «Артхашастры», относящаяся примерно к 300 году до н. э., то есть ко времени царствования Чандрагупты Маурья, успешно пересмотрена и передвинута на пять столетий в глубь веков. Кроме того, эта теория основывается на ошибочном предположении, что индийская культура была принесена в Юго-Восточную Азию «волнами» иммигрантов.

Буддийские джатаки[1] содержат множество притч о моряках, а в индуистской «Рамаяне» упоминается Ява и, возможно, Суматра. Но время составления джатак и «Рамаяны» неизвестно, и точных данных, относящихся к освещаемой нами теме, эти источники не содержат. В каноническом тексте на языке

[1] Джатаки — притчи о 550 перерождениях Будды, вошедшие в южно- и североиндийские буддийские каноны. Джатаки—одно из наиболее ярких и живых произведений буддийской литературы (некоторые притчи являются образцами своеобразного религиозно-приключенческого жанра)—великолепно отражают историческую обстановку древней Индии и содержат исключительно интересные сведения об общественном устройстве, ремесле и торговле в эпоху, которая охватывает примерно четыре-пять столетий (III век до н. э.—I—II век н. э.). Мотивы джатак были чрезвычайно популярны в фресках и рельефах буддийских пещерных храмов Индии. К сюжетам джатак обращались художники и скульпторы Китая, Бирмы, Сиама и Индонезии.—*Прим. перев.*

пали «Ниддеше»[1] — источнике, который может быть отнесен к началу нашей эры,— перечисляется ряд санскритских географических названий, которые Сильвен Леви отождествляет с различными пунктами, расположенными в Юго-Восточной Азии. Однако археологические данные и ссылки на эту область в китайских и европейских источниках относятся к более позднему времени, и поэтому эти отождествления остаются лишь гипотезой.

Китайцы дали историкам первые сведения об одном индуизированном государстве — государстве Фунань, предшественнике королевства Камбоджа. Согласно данным китайских источников, Фунань была основана брахманом Каундиньей в I веке н. э. В Ок Ео, в западной части Кохинхины (Нам-бо), главной гавани Фунани, была найдена золотая медаль римского императора Антонина Пия, относящаяся к 152 году н. э. Медаль была найдена совместно с санскритской печатью той же эпохи. Из четырех древнейших санскритских надписей фунаньского происхождения одну предположительно можно отнести к эпохе ранних связей с Китаем, то есть к середине III века н. э.; впрочем, надпись эта может оказаться и более поздней.

Китайцы упоминают также о существовании в конце II века н. э. индуистского государства на полуострове Малакка; к этой же эпохе относятся их наиболее древние ссылки на государство, которое позднее стало известно как королевство Тямпа.

Поселения Пра Патом и Понг Тук в бассейне Менама располагают наиболее древними доказательствами индийского влияния. Здесь можно видеть фундаменты зданий и буддийские скульптуры в стиле, характерном для эпохи Гупт, а также небольшие бронзовые статуи Будды в стиле Амаравати, который процветал в Индии между II и IV веками н. э. Ни одно из прочих открытий в Таиланде не относится к эпохе древнее V века н. э.

Араканские надписи свидетельствуют, что в этой области с середины IV века н. э. правила династия Чандра. Древнейшие бирманские находки — отрывки канонических буддийских текстов на языке пали, обнаруженные в Хмозе и Маунгуне, близ современного Проме на Иравади,— не могут датироваться сколько-нибудь древнее 500 года н. э. Татон в стране монов связывали с легендой, содержащейся в бирманских хрониках, где речь шла о посылке Ашокой, правителем государства Маурья, буддийских миссионеров Соны и Уттары в землю Суварнабхуми; однако легенда эта не находит реального исторического подтверждения.

Что касается Индонезийского архипелага, то здесь отсутствуют данные древнее V века н. э. В Кутей (Борнео) сохранилась санскритская надпись царя Мулавармана, относящаяся к началу V века. Надпись царя западной Явы Пурнавармана относится к середине V века. В Кедахе, на Целебесе, восточной Яве и в Палембанге (на Суматре) были найдены изображения Будды в стиле Амаравати, которые могут явиться свидетельством существования здесь буддийских государств до V века, однако об этих государствах ничего не известно.

Древнейший китайский текст, в котором упоминается Малайский архипелаг — «Цянь хань шу» («История Ханьской династии»), — охватывает период с 206 года до н. э. по 24 год н. э. В «Цянь хань шу» говорится о плаваниях из Южного Китая к большим и густонаселенным островам, жители которых будто бы платили Китаю дань начиная с царствования императора У Ди (140—86 год до н. э.). Китайцы отправлялись на эти острова за жемчугом и драгоценными камнями. Император Ван Ман (1—6 годы н. э.) послал на один из этих островов подарки, потребовав прислать носорогов. Предположительно, остров этот отождествляется с областью Аче на северозападной оконечности Суматры. Ни в одном из этих сообщений, однако, даже нет намека на какое бы то ни было индийское влияние.

Более позднее китайское сообщение от 132 года н. э. могло бы представлять в этом отношении известный интерес, если бы хоть какое-то значение

[1] «Ниддеша»—комментарий к основным произведениям палийского канона; в канон не входит. «Ниддеша» составлена была не ранее III века н. э.—*Прим. перев.*

имело довольно недостоверное толкование названий, упомянутых в этом сообщении. В нем говорится о приеме ханьским императором посольства Тяо Бяня, царя страны Е-Цзяо, которое вручило императору почетные дары. Является ли название Е-Цзяо китайским эквивалентом Явадвипы — санскритского названия острова Явы и соответствует ли имя Тяо Бянь санскритской форме Деваварман?[1] Если эти предположения верны, то это сообщение свидетельствует о начале процесса индуизации.

В некоторых европейских источниках содержатся данные, которые при надлежащем их отборе могут иметь значительную ценность для датировки эпохи распространения индийского влияния в Юго-Восточной Азии и выяснения его причин. Древнейший из этих источников — «Перипл Эритрейского моря» (сообщение греческого автора о греко-египетской торговле и мореплавании на Востоке) — относится, по-видимому, к 70—71 годам н. э. Упомянув о трех больших портах Западной Индии — Броаче, Кранганоре и Поракаде,— в которые заходили в то время греческие корабли, автор отмечает, что отсюда местные корабли отправлялись в три порта на восточном побережье по ту сторону залива Манаар: Каверипатнам, Пондишери и порт, который автор называет «Сопатма», а индийские исследователи отождествляют с Марканумом. Из этих портов в свою очередь отправлялись большие корабли — «коландии», которые вели торговлю с населением района устья Ганга и наряду с другими островами с островом Хризой, где добывались черепашьи панцири. Далее на восток индийские корабли не заходили. Хризой — «золотой землей» — позже называлась часть Бирмы, как в свое время Суматру именовали «золотым островом». А поскольку черепашьи панцири являлись продукцией Малайского архипелага, голландские исследователи склоняются к мысли, что в «Перипле» содержится неясное указание на торговые связи с этой областью. Дионисий Периегет, греческий автор II века н. э., упоминает о «золотом острове», но не дополняет сведения «Перипла» новыми данными.

Сведения, которые представляются более точными, исходят от александрийского географа Клавдия Птолемея, который писал около 165 года н. э. (а возможно, несколько раньше) и, безусловно, использовал более ранние источники. В книге VII его «Географии» содержится детальное описание Юго-Восточной Азии, описываются Золотая и Серебряная страны, расположенные близ городов Золотого Херсонеса (Хризы Херсонесской). Из островов архипелага Птолемей упоминает о «пяти островах Барусаи», населенных каннибалами, и «трех островах Сабадеибаи», также населенных каннибалами, и об острове Ябадиу, или Сабадиу (буквально «Остров ячменя»), который, как говорили, был плодороден и имел много золота; столица же этого острова — торговый город Аргире, или Серебряный город, лежит в западной его части. Затем следуют три острова Сатиров, населенных хвостатыми людьми, и десять островов Маниолаи, где также живут каннибалы и где при постройке кораблей применяются железные крепления.

В противоположность неясным указаниям более древних авторов Птолемей приводит данные о широте и долготе пунктов, упомянутых в его книге. Его название острова Ябадиу является транскрипцией Явадиву, которое в свою очередь есть эквивалент (на пракрите) слова Явадвипа («Остров ячменя»). Птолемей отождествляет острова Барусаи и Сабадеибаи с некоторыми областями Суматры. Но поскольку культура ячменя не присуща ни Яве, ни Суматре, то трудно объяснить происхождение этого названия. И, хотя спорные вопросы возникают при интерпретации многих других названий Птолемея, факт остается фактом, что по сравнению с туманным «Периплом» и Дионисием более отчетливые данные Птолемея позволяют нам приблизиться к «царству реальности» и подкрепляют точку зрения, согласно которой индийское влияние начало распространяться в Юго-Восточной Азии в первой половине

---

[1] Предположения эти высказаны были Г. Ферраном в «Journal Asiatique» за ноябрь—декабрь 1916 года, стр. 520. Это предположение оспаривает Кром (K r o m, op. cit., p. 61—62).

II века н. э. Авторы I века н. э., в числе которых заслуживают упоминания Помпоний Мела и Плиний Старший, имели лишь весьма неопределенное представление о «Золотой стране», и, по всей видимости, в I веке н. э., несмотря на длительный период торговых сношений, движение, результатом которого было распространение индийской культуры, еще не начиналось.

Нелегко установить причины индийской культурной экспансии в страны Юго-Восточной Азии. Две ныне отвергнутые теории связывали эту экспансию с беспорядками в Индии, которые заставили множество беженцев оставить родину и устремиться за море в поисках нового убежища. Одна из этих гипотез приписывала эмиграцию кровопролитным войнам, в ходе которых Ашока, правитель империи Маурья, завоевал в III веке до н. э. Калингу. Однако где свидетельства такого рода движения и почему результат его не сказывался в течение столь длительного времени?

Другая гипотеза связывает эмиграцию из Индии с вторжением кушанов в I веке н. э. Кочевники юэчжи, которые овладели Бактрией вскоре после 100 года до н. э., несколько позже начали продвигаться далее к югу, причем в это время преобладающую роль среди завоевателей стали играть племена кушанов. В 50 году н. э. кушанский царь правил уже долиной Кабула. Вскоре кушаны овладели Пенджабом и продвинулись к Гуджарату и к равнинам Ганга. Вождем кушанов стал в 78 году н. э. император Канишка; из своей столицы Пешавара он правил большей частью северной Индии. Если бы имелись какие-либо данные, свидетельствующие о том, что завоевания Канишки вызвали переселение индийцев за море, то не составило бы труда вместить эти переселения в хронологические рамки; однако такие данные отсутствуют.

Интересное предположение высказал Кёдэ[1], подвергший анализу многочисленные факторы, которые, как он полагает, могли играть какую-то роль в этой эмиграции. Кёдэ полагает, что на ранних стадиях это передвижение не было связано с какой-либо массовой эмиграцией индийцев-беженцев, а объясняется прежде всего развитием торговых связей. Контакт средиземноморского мира с Индией, за которым последовало, с одной стороны, создание империй Маурья и кушанов в Индии, а с другой — рост Селевкидской и Римской империй, привел к оживленной торговле предметами роскоши между Востоком и Западом. Такие предметы торговли, как золото, пряности, ценные сорта древесины и благовонные смолы, привозились из стран Юго-Восточной Азии.

В течение двух веков, предшествующих нашей эре, Индия утратила главный источник импорта драгоценных металлов, так как кочевники в своем передвижении перерезали путь, связывавший ее через Бактрию с Сибирью. Поэтому в I веке н. э. Индия стремилась получить драгоценные металлы из Римской империи. Однако пагубные последствия, которые вызывал в экономике империи экспорт золота, заставили императора Веспасиана (69—79 годы н. э.) остановить утечку драгоценных металлов, что вынудило индийцев обратиться в поисках золота в другие места. Кёдэ полагает, что индийцы двинулись к Золотому Херсонесу, и значение таких санскритских названий, как «Суварнабхуми» («Золотая земля») и «Суварнадвипа» («Золотой остров»), которые они дали этим областям в Юго-Восточной Азии, показывает, что им эти места были известны главным образом из-за золота.

Кёде предполагает, что переориентация индийской торговли произошла в то время, когда в странах Индийского океана были достигнуты значительные успехи в мореплавании. Главное нововведение в торговом мореплавании Индии и Китая заключалось в том, что были созданы большие морские корабли, которые могли вмещать до 700 пассажиров, причем оснастка кораблей позволяла им плыть против ветра. В середине I века н. э. греческий мореплаватель Гиппал открыл значение влияния муссонов на условия мореплавания (до того времени тайна муссонов строго охранялась), а это вызвало огромный рост

---

[1] C o e d è s, Les États hindouisés, p. 41—45.

морских сообщений между Индией и портами Красного моря, и возможно, хотя подобное предположение спорно, это открытие оказало влияние на развитие связей Индии со странами, расположенными далее на восток.

Притчи буддийских джатак, посвященные приключениям на море, свидетельствуют о весьма важной роли, которую морские предприятия играли в жизни индийцев в эпоху создания этих произведений. Буддизм, как предполагают, также мог сыграть свою роль в преодолении отвращения к морским путешествиям, которое имелось у многих индийцев, поскольку буддийское учение подрывало их концепции расовой чистоты и парализовывало их боязнь осквернения в случае если бы они покинули родные берега.

Ферран дал такую картину начальной стадии процесса «индуизации» Явы. Небольшой караван судов приходит в гавань. Начальники каравана склоняют на свою сторону местных вождей подарками, а простой люд — раздачей амулетов и врачеванием больных. Так приобретают они репутацию людей богатых и наделенных магической силой; их претензии (действительные и мнимые) на царственное происхождение получают признание, когда они предлагают взять в жены дочерей местных вождей. Эти жены становятся, таким образом, полезными помощниками в деле распространения новых представлений о царской власти, культе и обряде, которые вводят пришельцы. Ричард Уинстед, рисуя аналогичную картину для Малайи, добавляет, что браки индийцев с дочерьми местных вождей в эту эпоху напоминают брачные союзы, которые многими столетиями спустя заключали мусульмане-тамилы с семействами султана и бендахара (визиря) Малакки, содействуя распространению ислама.

Но не только этим путем распространялась индийская культура. Бывали случаи, когда индиец навязывал себя в вожди туземному населению или когда местный вождь усваивал культуру чужеземцев и таким путем укреплял свое положение и усиливал свою власть. Возможно, что были и такие случаи, когда купцы из Юго-Восточной Азии приносили с собой в родные земли индийскую культуру и санскритскую литературу. Таким образом, не происходило массового переселения, которое могло бы изменить физический тип коренного населения.

За успешными рейдами, совершенными наудачу и подобными описанным выше, могли следовать более культурные переселенцы, через которых распространялось знание санскритской литературы. А так как на местных языках не было адекватных терминов для выражения новых идей, то индийская терминология проникала в эти языки. Китайцы засвидетельствовали пребывание индийских чиновников в царстве Фунань. Вероятно, многие из них, не будучи ариями, тем не менее причисляли себя к тем социальным группам, из которых они исключались у себя на родине. Иначе трудно объяснить преобладание смешанных браков, которые вызывали такое отвращение у людей подлинно брахманского происхождения. Эта практика смешанных браков приводила к быстрому превращению индийской династии в индокитайскую или индонезийскую. Таким образом, под индуистской или буддийской оболочкой старое общество сохраняло свои существенные черты. Древние китайские источники показывают нам, что туземные общества, воспринявшие индийскую культуру, не были индийскими колониями. Индуизм был аристократичен и производил слабое впечатление на массы, которые развивались по своему традиционному пути. И только спустя много столетий, когда буддизм теравадского толка и ислам стали распространяться как народные религии, чужеземные влияния стали оказывать свое воздействие на простого сельского жителя. Но даже тогда, когда обе иноземные религии вошли в соприкосновение с местными культурами, они были вынуждены значительно изменить свой характер.

Тот факт, что буддизм играл значительную роль в процессе передвижений, подтверждается большим числом изображений Будды в стиле Амаравати находимых в самых древних поселениях. Амаравати на берегу реки Кришны, в 80 милях от восточного берега Индии, явилась очагом великой школы буддийской скульптуры, которая особенно процветала в течение столетия, между

150 и 250 годами н. э.Изделия этой школы чисто индийского стиля легко отличить от индо-эллинистических скульптур Гандхары, центром которой был город Пешавар. Однако, несмотря на то, что буддизм имел важное значение, на что указывает преобладание произведений буддийского искусства, не подлежит сомнению тот факт, что большинство новых индуизированных государств быстро усвоило шиваитскую концепцию царской власти, согласно которой брахманы, как мастера церемониала, руководили отправлением царского культа линги. Шива, указывает Кёдэ, стал хранителем государства, а брахман сделался царским капелланом.

При отсутствии исторических документов, которые могли бы указать, из каких именно областей Индии культурные влияния распространились в Юго-Восточную Азию, поиски соответствующих данных приходится вести примерно таким же путем, как и при выяснении причин и хронологии заморских переселений. Показательно, что современные индийские исследователи, высказывающиеся на эту тему, стремятся в первую очередь особенно подчеркнуть роль своих родных местностей. Как отмечает Кёдэ, тамилы приписывают честь колонизации «Великой Индии» Мадрасу, бенгальцы — Бенгалии. В «Перипле», как мы видели, упоминается три порта: Каверипатнам, Пондишери и Марканум, откуда коландии обычно отправлялись к Хризе. Птолемей относит эти индийские порты дальше к северу, в (или близ) Чикаколе (округ Ганджам). Позже упоминается порт Тамралипти, то есть Тамлюк, в устье Ганга, откуда буддийские пилигримы — Фа Сянь в V веке и И Цзин в VII веке — направлялись на Суматру, на обратном пути в Китай.

Джатаки в связи с путешествиями в страну Суварнабхуми упоминают о трех портах западной Индии — Броаче, Сопаре и Кранганоре, а также о Тамлюке. Такие санскритские географические названия, как Тямпа, Дваравати и Айодхья, встречающиеся в Юго-Восточной Азии, напоминают об индийских городах в бассейне Ганга, столь прославленных в индийских сказаниях. Однако применение этих названий еще не указывает на какие бы то ни было связи с городами в бассейне Ганга, так как точно такие же названия встречаются и в Южной Индии. Упомянутое в одной из древнейших яванских надписей название Тарума, возможно, напоминает поселение, расположенное близ мыса Коморин; Кром, однако, отождествляет это название с индонезийским словом *тарум* (индиго).

С другой стороны, некоторые географические пункты в Юго-Восточной Азии называли так, чтобы подчеркнуть связь этих местностей с Индией. Так, в Бирме названия Усса (для Пегу) и Шрикшетра (для Хмозы, или древнего Проме), возможно, указывают на древние связи с Ориссой, тогда как *талайнг* — бирманское название народа мон на юге,— по-видимому, происходит от Телинганы в округе Мадрас, с которой у бирманцев были тесные культурные связи. Хэлинь — китайское название древнего яванского царства, возможно, является китайским эквивалентом слова Клинг, названия все еще применяемого к южным индийцам в Малайе и Камбодже и указывающего на первоначальные связи с Калингой[1]. У кара-батаков Суматры встречаются такие названия племен, как чола, пандия, паллава, малайала; все эти названия пришли из дравидийской Индии. Династическая традиция царей Фунани восходит к царским династиям Паллава и Чола Южной Индии; цари Фунани вели свой род от легендарного брахмана Каундиньи и его супруги — принцессы из племени нага. Каундинья — название одного из брахманских родов северной Индии, одна из ветвей которого пользовалась значительным влиянием на территории современного Майсура во II веке н. э.

Чтобы пролить свет на интересующую проблему, изучалась также система письма древнейших надписей. Большие трудности вызывает то обстоятельство, что в своих древнейших формах многочисленные разновидности индийского

---

[1] Калинга — древнее индийское царство, располагавшееся на территории Ориссы, в северной части Коромандельского побережья, вне пределов южной дравидийской Индии.— *Прим. перев.*

письма обнаруживают лишь весьма небольшие расхождения. Поэтому в то время как Р. С. Маджумдар считает, что в древних санскритских надписях Фунани использовалось кушанское письмо, характерное для Северной Индии, К. А. Нилаканта Шастри доказывает, что решительно все надписи, обнаруженные в Юго-Восточной Азии, имеют южноиндийское происхождение и что южноиндийское письмо паллава имело здесь преобладающее влияние. Кёдэ отмечает, однако, что использование в надписях в течение короткого промежутка времени (с конца VIII и в начале IX века) донагарского письма указывает на проникновение в Юго-Восточную Азию бенгальской «волны» влияния[1].

Не слишком большую помощь оказывают при разрешении этой проблемы пластическое искусство и архитектура, поскольку наиболее древние памятники созданы были в то время, когда давно уже миновала эпоха первых успехов индийской культуры и в архитектуре и пластике уже стали проявляться различные влияния. Пармантье, касаясь древней архитектуры Юго-Восточной Азии, решился высказать заслуживающее внимания мнение, что если не принимать в расчет изображений и надписей, то сами архитектурные памятники окажутся настолько отличными от индийских прототипов, что никак нельзя считать очевидными связи с Индией. Шарль Дюруазель, бывший главный инспектор Археологической службы Бирмы, считает, что для великолепного храма Ананды в Пагане (Бирма) (постройка которого, согласно преданию, приписывается царю Чанзите, будто бы создавшему его по подобию храма Ананды, выдолбленного в скале в Удайягири в Ориссе) образцом мог служить Пахариурский храм в Северной Бенгалии.

Кёдэ, один из самых надежных авторитетов в этой области, на основании анализа всех имеющихся в его распоряжении данных приходит к выводу, что наибольшую роль в «экспорте» индийской культуры играла Южная Индия. При этом Кёдэ подчеркивает, что влияние это осуществлялось на протяжении многих столетий и шло последовательными волнами. Кроме того, следует иметь в виду, что и другие области Индии, в том числе и северо-запад, играли какую-то роль в распространении индийской культуры.

До сих пор в нашем изложении в качестве единственного возможного пути, по которому индийское влияние проникало в Юго-Восточную Азию, фигурировало лишь море. Море было наиболее удобным путем, соединяющим Индию с Малайским архипелагом. И на самом деле, путешествие от Коромандельского берега к Малаккскому проливу занимало сравнительно немного времени и в благоприятное время года его можно было легко и без особого риска совершить даже на небольших судах. Однако имелась и северная, сухопутная, дорога из Индии в Китай через Ассам, Верхнюю Бирму и Юньнань. Исторические данные свидетельствуют о том, что этим путем пользовались еще в 128 году до н. э., когда Чжан Цянь в Бактрии обнаружил товары из Сычуани. Были предприняты меры для успешного использования этого пути, и в 69 году н. э., желая обеспечить более эффективный контроль над этим путем и его охрану, китайские власти основали префектуру Юнчан в верховьях Меконга с центром, расположенным к востоку от Салуина, примерно в 100 километрах от современной бирмано-китайской границы. По этому пути прошло в Юнчан в 97 году н. э. посольство из восточной части Римской империи. Буддийский пилигрим И Цзин писал, что этот путь в конце III века был использован двадцатью китайскими монахами, которые направлялись ко двору Шри-Гупты.

В IV веке Китай настолько ослабил свой контроль над бирманской границей, что в 342 году префектура Юнчан была упразднена. С этого времени путь этот был, видимо, закрыт до тех пор, пока властитель королевства Наньчжао Го Лу-фэнь (748—779) снова не открыл эту дорогу, что во многом способствовало экономическому развитию северных областей Бирмы и установлению более тесных связей между народом пью в Бирме и танским двором

---

[1] Coedès, op. cit., p. 59

в Китае. Данные, обнаруженные в поселениях пыю, указывают на проникновение сухопутным путем индийского влияния в Верхнюю Бирму. Этим же путем индийское влияние проникло и в тайское королевство Наньчжао. Но обычным путем, связывающим Индию с Бирмой, был морской путь.

Чтобы достичь земель, расположенных в восточной части Индокитайского полуострова, индийские корабли должны были следовать либо через Малаккский, либо через Зондский пролив. Но поскольку в этих узких проходах господствовали пираты, путешественники стремились избегать встреч с ними, используя множество коротких сухопутных путей. Археологические находки, обнаруженные вдоль этих сухопутных трасс, подтверждают их важное значение не только в начальную эпоху проникновения индийского влияния, но также и в более позднее время, когда империя Шривиджайя удерживала строгий контроль над проливами, вынуждая все корабли заходить в тот или иной свой порт.

Излюбленным коротким путем был путь, пересекающий узкий перешеек Кра в направлении от Такуа-Па на западе до Чайи на востоке или от Кедаха до Сингоры. Севернее проходил путь, ведущий из Тавоя в долину Менама через перевал Трех Пагод и долину реки Канбури. На этом пути расположены были древние поселения Понг Тук и Пра Патом. Еще дальше к северу находился путь в долину Менама, проходивший через Моулмейн и Рахенгский перевал. Позже, особенно в XVI и в XVIII веках, обоими этими северными путями пользовались бирманцы во время своих набегов на Сиам. Совсем недавно, во время второй мировой войны, эти пути использовали японцы при своем вторжении в Бирму. Была еще одна сухопутная трасса — дорога, которой ходили древние путешественники. Она шла от Менама к Меконгу и вела через плато Корат и Си Теп в область Бассак — колыбель кхмерского королевства Камбоджа.

б) Древнейшие следы индианизированных государств: Фунань и Линь-и

Судя по историческим данным, первые признаки государств, об образовании которых говорилось в предыдущем разделе, уже существовали в конце II века н. э. Они возникли в трех областях: 1) в районе нижнего течения и в дельте Меконга, 2) в окрестностях Хюэ, в современном Аннаме (Чун-бо) и 3) на Малаккском полуострове. Возможно, что подобные же государства существовали и в других местах, в частности в Аракане и Нижней Бирме, но данные, подтверждающие эти предположения, отсутствуют. При отсутствии археологических и эпиграфических данных древнее V века н. э. нашими единственными источниками сведений для более раннего периода являются названия местностей в «Ниддеше» и в «Географии» Птолемея, а также упоминание в китайских династийных историях о связях с государствами Юго-Восточной Азии. Последний источник имеет неоценимое значение: без него древнейшая история крупных государств Фунани и Тямпы была бы совершенно неизвестной[1]. Однако географические сведения китайских источников туманны, а китайская транскрипция санскритских названий с трудом поддается расшифровке.

Название «Фунань» представляет собой современное китайское произношение двух иероглифов, которые в прошлом произносились как *биу-нам* — так китайцы в древности называли докхмерское царство, первоначальные поселения которого располагались вдоль реки Меконг между Тяу-доком и Пном-Пенем. Но это не было действительным названием страны, которое остается неизвестным, а титулом, принятым его правителями. На древнекхмерском языке *бнам* (современное *пном*) — это гора, а полный титул древних правителей — *курунг бнам* («король горы») — является эквивалентом на кхмерском народном наречии санскритского термина *шайлараджа*, который сам напоминает титул, некогда принятый Паллавами, царями Конджеверама в Южной Индии.

[1] Последнее не вполне справедливо, так как от этого периода сохранились очень важные эпиграфические источники.—*Прим. ред.*

Столицей Фунани в течение некоторого времени была Вьядхапура — «город охотников», который располагался близ холмов Ба-Пном и деревни Банам в современной камбоджийской провинции Прей-Венг. Китайцы отмечали, что город этот лежит в 190 километрах от моря. Порт Вьядхапуры — Ок Ео недавно был объектом археологических раскопок французских ученых. Ок Ео уже в глубокой древности был центром торговли, куда съезжались иноземные купцы, и возможно, что его основание относится к I веку н. э. Вся страна была пересечена сетью бесчисленных каналов, пользуясь которыми, китайские путешественники на своем пути к Малаккскому полуострову могли «плыть через Фунань». Фунань действительно располагалась там, где в те времена проходил великий морской путь, ведущий из Китая в Индию. Страна была населена индонезийцами, которые на заре своей истории сохраняли еще родовую организацию. Они говорили на докхмерском языке австроазиатской группы, хотя в конце фунаньского периода они, видимо, сменили его на древнекхмерский.

Первые сведения об этом королевстве, содержащиеся в китайских источниках, принадлежат перу Кан Тая, который вместе с Чжу Ином в середине III века был послан с поручением в Фунань.

Кан Тай рассказал легенду об основании государства Фунань Каундиньей (в китайском произношении имя это звучит — Хун Дянь). Согласно его рассказу, этот правитель был чужеземец, причем его родиной могла быть или Индия, или Малаккский полуостров, или даже южные острова. Путь в Фунань был якобы указан Каундинье во сне, во время которого он удостоился божественного откровения и узнал о своем предназначении. По прибытии в Фунань он расстроил замысел местной владычицы Лю-е («Ивовый лист»), которая хотела захватить его корабль, и пронзил ее челн стрелой, пущенной из волшебного лука. Затем он взял ее в жены и основал династию, которая после его смерти правила страной на протяжении полутора столетий.

Эта версия, видимо, является местным вариантом индийской легенды о брахмане Каундинье и дочери царя племени нага — Наги Сомы. Точное изложение этой индийской легенды содержится в надписи, обнаруженной в Мисоне (Тямпа). В ней говорится о том, как брахман Каундинья получил от Ашваттхармана, сына Дроны, священное копье; он кинул это копье, чтобы наметить место своей будущей столицы. Затем он женился на Соме, дочери царя племени нага, основав новую царскую династию. Паллавы, цари Канджеверама, подобной же легендой объясняли свое происхождение. Впоследствии эту легенду восприняли кхмеры, и змея нага стала священным символом их происхождения. Мистический брак кхмерского царя и принцессы племени нага занимал выдающееся место в церемониале Ангкорского двора. Согласно этому церемониалу, от царя требовалось, чтобы он ради благополучия царства вступил в союз с девятиглавой змеей нагой. И действительно, девятиглавая кобра стала основным мотивом кхмерской иконографии.

В «Истории Лянской династии»[1] утверждается, что один из потомков Каундиньи Хунь Пян-куан скончался в возрасте 90 лет; ему наследовал его второй сын Пань Пань, который передал бразды правления великому военачальнику Фань Маню. Слово *фань*, как полагают, является китайским эквивалентом санскритского суффикса *варман*, который стали применять южноиндийские правители[2]. Согласно династийной «Истории южных Ци»[3], полное имя Фань Маня было Фань Ши-мань, и после смерти Пань Паня он продолжал в течение трех лет править страной, а затем был избран правителем с одобрения народа.

---

[1] «История Лянской династии», «Лян шу» (502—566 гг.). Составлена в VII веке и содержит сведения о различных странах «южных варваров», относящиеся к II—VI векам н. э.—*Прим. перев.*

[2] Однако Кёдэ придерживается другого мнения. (См. Coedès, op. cit., p. 71, п. 1.) Предположение, что слово *фань* является клановым именем местного происхождения, кажется более верным, чем вышеприведенное утверждение.

[3] Династия южных Ци правила в Китае с 479 по 501 год н. э.—*Прим. перев.*

Фань Ши-мань был великим завоевателем. Он настолько расширил пределы своих владений, что принял титул Великого короля. Он построил большой флот, который господствовал на морях. В «Истории Лянской династии» отмечается, что этот правитель нападал на десять королевств, и приводятся названия четырех из них. Нелегко определить, что это за королевства, но его вассальные государства, возможно, располагались в низовьях Меконга и Тонле Сап, захватывая часть дельты Меконга. Предполагают, что Фань Ши-мань подчинил полосу побережья от дельты Меконга-Доннаи до бухты Кам-Жань. Одну из завоеванных им областей отождествляют с птолемеевской Каттигарой, которую Поль Леви помещает в Кохинхине. Другую завоеванную им область — Ду-цзюнь — Пелльо отождествляет с северной частью Малайского полуострова, доходившей, возможно, до Таколы.

Китайцы утверждают, что Фань Ши-мань умер во время похода против страны Цзинь-линь («Золотой рубеж»). Эта область отождествлялась либо со страной Суварнабхуми — «Золотой землей», либо со страной Суварнакудьи — «Золотой стеной», и, возможно, она располагалась или в Южной Бирме, или на Малаккском полуострове. Кёдэ считает, что Фань Ши-мань упоминается под именем короля Шри Мара в санскритской надписи в Во-кане, в области На-Чанг, которая ныне относится к южному Аннаму, но некогда входила в границы королевства Тямпа. Эта надпись свидетельствует, что король был покровителем буддизма и что официальным языком его двора был санскрит. Однако Л. Фино полагает, что Шри Мара был вассалом Фунани.

До сих пор не удавалось точно датировать время царствования правителей Фунани и события начального этапа ее истории. Согласно подсчетам Кёдэ, события, послужившие толчком для появления легенды о Каундинье, по всей вероятности, произошли не позже I века н. э. При Фань Чжане, преемнике Фань Ши-маня, благодаря сношениям Фунани с Индией и Китаем наконец появляются некоторые, видимо, вполне достоверные хронологические данные. Фань Чжань был племянником Великого короля; он убил законного наследника, захватил престол и правил страной около двадцати лет, пока не погиб от руки брата того человека, которого он устранил со своего пути. Царствование его приходится примерно на 225—250 годы. Фань Чжаня посетил уроженец Индии, который так очаровал его рассказом о своей родине, что тот распорядился направить в Индию посольство, которое, отправившись в путь из Таколы, порта на Малаккском полуострове, добралось морем до Индии, поднялось затем по Гангу и прибыло ко двору индийского правителя (по мнению Сильвена Леви, ко двору одного из властителей династии Мурунда). Путешествие этого посольства относится к 240—245 годам.

Кроме того, согласно «Истории трех царств»[1], Фань Чжань в 243 году послал в Китай миссию, которая передала императору в качестве дара музыкантов и различные фунаньские изделия. Примерно между 245 и 250 годами его преемник Фань Сюнь принял ответное китайское посольство, которое встретилось при фунаньском дворе с послом правителя из династии Мурунда. Каи Тай, автор первого дошедшего до нас сообщения о царстве Фунань, был в составе этого посольства. Он писал, что в Фунани имеются окруженные стенами города с дворцами и жилыми зданиями, а люди этой страны некрасивы, кожа у них черная, волосы курчавые и ходят они обнаженные. Нравом они просты, к воровству не склонны. Они занимаются примитивным земледелием, любят работать резцом и наносить орнамент. Многие предметы их столовой утвари сделаны из серебра. Подати они платят золотом, серебром, жемчугом и благовониями. Есть у них книги и хранилища документов. Их письмо напоминает письмо ху — народа, живущего в Центральной Азии, пользующегося индийским письмом.

---

[1] В Китае после распада Ханьской империи (220 год) возникло три враждующих друг с другом царства—Вэй, Шу и У, которые просуществовали до 264 года. Период с 220 по 265 год вошел в историю Китая как эпоха Троецарствия. «История трех царств» («Саньгочжу») была написана в конце III века н. э. выдающимся китайским историком Чэнь Шоу.—*Прим. перев.*

Кан Тай, по-видимому, убедил Фань Сюня обнародовать указ о ношении одежды, и фунаньцы стали обертывать вокруг бедер куски тканей; этот вид одежды современные обитатели Камбоджи называют *сампот*. Утверждают, что Каундинья ввел для женщин обычай носить одежду. Согласно легенде, Сома не носила платья, когда Каундинья прибыл в Фунань. Он обернул ее тело куском ткани с отверстием для головы. Каундинья научил ее также завязывать волосы узлом. Такова версия о происхождении одежды и причесок в Камбодже.

Связи с Китаем, укрепившиеся в результате этих миссий, оставались тесными в течение всего царствования Фань Сюня, которое продолжалось до 287 года. В «Истории Цзиньской династии» упоминается ряд посольств, направленных Фань Сюнем в Китай между 268 и 287 годами. Однако отношения между этими государствами не всегда были одинаково хорошими, так как Фань Сюнь, по-видимому, заключил союз с Фань Сиюном, который вступил на престол Линь-и (Тямпа) в 270 году и втянул его в десятилетнюю борьбу с Цзяо-чжи (Тонкин). Когда первый император Цзиньской династии вступил в 280 году на престол, правитель Тонкина направил ему памятную записку; в ней он жаловался на набеги войск Линь-и, которых поддерживали союзные войска из Фунани. В «Истории Цзиньской династии» при изложении этих событий указывается, что государство, которому принадлежали линьийские участники набегов, основано было примерно столетием раньше местным должностным лицом Цзю Линем, который, воспользовавшись ослаблением Ханьской династии (206 год до н. э.— 221 год н. э.), основал в 192 году свое королевство за счет Е-Нани. Китайское название этого королевства — Сянлинь — фактически относилось лишь к одному из его округов, в котором имело место движение за независимость страны. Его территория почти точно совпадает с современной аннамской провинцией Тхуа-тхиен, в которой расположен город Хюэ.

Так появилось на исторической арене государство, которое позже стало известно как Тямпа. Судя по археологическим данным, центр его находился к югу от района Хюэ, в современной аннамской провинции Куанг-нам, в которой было обнаружено столько стоянок, что, по всей вероятности, это была священная территория Тямпы. Но, хотя в известных поселениях Ча-кьеу, Мисоне и Донг-Зыонге и обнаружены произведения в стиле Амаравати, здесь, как и в соседней Фунани, отсутствуют данные о династической преемственности королей Тямпы и о появлении индийского культурного влияния. Только к началу VII века название Тямпа впервые появляется в эпиграфике, хотя, по-видимому, оно как наименование государства тямов существовало и до этого. Однако на протяжении первого этапа длительной борьбы, предпринятой с целью расширения своих границ в северном направлении, в сторону земель, находившихся под властью китайцев, оно было известно под китайским названием— Линь-и.

Узкая прибрежная полоса от «Ворот Аннама» до перевала Нюаж (Хоань-Шона), которую жаждала захватить Тямпа, по-видимому, была населена в то время дикими, отсталыми племенами. Территория, населенная тямами простиралась к побережью от перевала Нюаж до бухты Кам-Жань, но тямские поселения имелись также и в долинах Меконга, Се-сана и Сонг-ба и на близлежащих холмах. Тямы владели западными склонами Аннамских гор вплоть до долины Меконга, от Стунг-Ченга до реки Мун. Они принадлежали к индонезийской группе племен. В более позднюю эпоху индонезийские поселения вокруг залива На-Чанг должны были образовать их южную провинцию Пандуранга (ныне Фан-Жанг), но она в ту пору, когда впервые стало упоминаться королевство Линь-и, была частью Фунаньской империи. Жители этой местности скорее были родственны фунаньцам, чем тямам. По-видимому, индийскому влиянию они подверглись уже в начале I века н. э. Согласно Пармантье, ранние формы их искусства и архитектуры скорее кхмерского, нежели тямского характера. Эта область продолжала оставаться частью Фунани вплоть до второй половины VI века, когда ее завоевала Ченла.

Жалоба правителя Тонкина — не первое упоминание о Линь-и в китайских анналах. Примерно между 220 и 230 годами один из потомков Цзю Линя направил посольство правителю Гуандуна и Тонкина. В записях об этом событии впервые упомянуты были названия «Линь-и» и «Фунань». В 248 году, как сообщается в анналах, линьийцы разграбили северные города и завязали большую битву с китайцами в районе Ба-Дон на берегах реки Сонг-Зянг. Фань Сюнь, вступивший на престол в 270 году и предпринявший, как это уже отмечалось, в союзе с Фунанью ряд атак на Тонкин, был, как говорится в анналах, внуком Цзю Линя. Когда после долгой борьбы он был разбит, Фань Юй, новый правитель Линь-и, направил в 284 году официальное посольство к китайскому императорскому двору.

Фань Юй правил более 50 лет. В 336 году на трон вступил его первый министр Вэнь, который, как сообщают источники, был китайцем. Четыре года спустя, когда китайский император отказался признать в качестве северной границы его государства линию, проходившую через «Ворота Аннама», Вэнь силой захватил спорную территорию, и в 349 году, в год его смерти, его войска продвинулись еще дальше на север. Однако его сын и преемник Фань Фу был вынужден отказаться от всех завоеваний отца. Китайские источники упоминают о его посольствах, которые посетили Китай между 372 и 377 годами.

Из числа наиболее древних индианизированных государств на полуострове Малакка, упоминаемых китайцами, некоторые, возможно, можно отождествить с теми территориями, завоевание которых приписывается фунаньскому правителю Фань Ши-ману. Может быть указано точно географическое положение трех государств: Лянясю, Даньмейлю и Цзюгули. В первом из них легко узнается Ланкасука, упоминаемое в малайских и яванских хрониках. Оно пересекало полуостров Малакка от Сиамского до Бенгальского залива и контролировало одну из коротких сухопутных трасс. Основание этого государства, расположенного в районе реки Перак, один из притоков которой и поныне носит название Ланкасука, относится к началу II века н. э. Это государство вновь появляется в китайских источниках VII века под названием Лянцзяшу, а в источниках XII века — под названием Ланясыцзя. В Кедахе и Пераке обнаружено самое большое число древнейших археологических памятников Малаккского полуострова. Но ни один из них нельзя отнести к более позднему времени, чем время завоеваний Фань Ши-маня. Серия этих памятников открывается наскальными надписями IV века, обнаруженными в провинции Уэллсли, против острова Пенанг.

Таньмейлю, то есть Тамбарлинга в «Ниддеше», буддийском источнике на языке пали, существовала уже в начале II века н. э. Центр ее находился в районе современного Лигора. Цзюгули — гавань, откуда отправилась ко двору правителя династии Мурунда в 240 году фунаньская миссия,— видимо, располагалась на западном берегу перешейка Кра. Возможно, что это Такола, о которой идет речь в «Ниддеше».

в) Вторая стадия индийского влияния. Древнейшие надписи

На современном этапе развития наших знаний невозможно дать связное изложение событий древнейшей истории государств, упомянутых в предыдущем разделе. Китайцы, например, ничего не сообщают о Фунани в период между 287 и 357 годами, и мы не имеем никаких других сведений об этой эпохе. Однако, когда тьма снова начинает рассеиваться, появляются надписи в Фунани, Тямпе, на Борнео и на Яве, и мы вступаем в новый период, когда индийская культура, очевидно, оказывала более сильное влияние.

Упоминая о получении дани от царя Фунани по имени Чжань Дань, китайцы описывают его как индийца. Чжань Дань — китайский эквивалент слова Чандан, царского титула кушанских правителей из династии Канишки, с которыми, как полагают, Фунань установила связи в середине III века н. э. В связи с этим была выдвинута гипотеза, согласно которой Чжань Дань был отпрыском этого царского дома, бежавшим в Фунань, после того как

северная Индия была завоевана Самудрагуптой (335—375), вторым царем династии Гупта.

Последующее завоевание большей части южной Индии Самудрагуптой привело к подчинению властителя Паллава и его наместников и вызвало настолько серьезные волнения в стране, что можно предположить факт бегства принцев, брахманов и ученых в поисках нового убежища за море, в страны, где уже существовало индийское влияние. Этим можно объяснить сильное паллавское влияние, обнаруженное в Камбодже, Тямпе и на полуострове Малакка, а также то, что надписи, относящиеся к новому периоду, выполнены буквами письма паллава. Но это только предположение.

Известна только одна дата — 357 год,— относящаяся к правлению Чжань Даня. Если, как это предполагают, Чжань Дань был по происхождению индо-скифом, то его правлением можно объяснить те элементы иранского влияния, которые проявляются в раннекхмерской культуре, и тот факт, что, когда кхмеры завоевали Фунань, их новое государство получило название Камбоджа, которое, как полагают, может указывать на какую-то связь с Камбоджей иранской. Драгоценный камень с изображением одного из Сасанидов, обнаруженный в Ок Ео, быть может, является еще одним указанием на возможные связи с Ираном.

В «Истории Лянской династии» утверждается, что один из преемников Чжань Даня был индийский брахман Цзяо Чжен-ю, которому некий сверхъестественный голос повелел отправиться в Фунань и взять власть в свои руки. Согласно данному источнику, этого брахмана народ встретил хорошо и избрал его своим правителем. Затем он изменил на индийский манер всю систему правления. Полагают, что имя его, приводимое на китайском языке, соответствует имени «Каундинья», и таким образом это сообщение может указывать на реставрацию индуистских элементов в правящей фамилии в ущерб туземной династии Фань, в правление которой индийское влияние ослабло в результате воздействия местной культуры. Дата правления этого второго Каундиньи неизвестна, но об одном из его преемников, имя которого может читаться как Шресхтхаварман, упоминается, что он направлял посольство к китайскому императору Вэнь-ди (424—453). В «Истории древней Сунской династии» перечисляются посольства из Фунани, посланные в 434, 435 и 438 годах, и сообщается, что правитель Фунани отказался помогать Линь-и в походе на Тонкин.

Величайшим правителем Фунани на более позднем этапе ее истории был Джайяварман, или Каундинья Джайяварман, умерший в 514 году. Дата вступления его на престол неизвестна. Джайяварман посылал фунаньских купцов торговать в Кантон. На обратном пути эти купцы потерпели кораблекрушение у берегов Тямпы, и находившийся с ними монах Нагасена возвратился в столицу Фунани по суше. В 484 году Джайяварман послал его в Китай, чтобы просить у императора помощи в борьбе с Линь-и, но император ответил отказом. Письмо Джайявармана императору свидетельствует о том, что шиваизм был официальной религией в Фунани, хотя был распространен и буддизм.

Эти сведения взяты из «Истории южных Ци», где также содержится сообщение о Фунани, какой она была в эпоху правления Джайявармана. Этот источник описывает фунаньцев как народ мореходов, занимающийся торговлей и морским разбоем, постоянно грабивший своих соседей. Правитель живет во дворце с многоярусной крышей, простой же народ возводит дома на столбах и кроет крыши бамбуковыми листьями. Селения в целях защиты обнесены деревянным частоколом. Национальная одежда — кусок ткани, обернутый вокруг бедер. Национальные игры — петушиные и свиные бои. Здесь в обычае «божий суд». Царь выезжает к народу на слоне.

Более поздний источник — «История Лянской династии» — добавляет к этому, что на слонах выезжает не только царь, но и все придворные и даже царские наложницы. В стране поклоняются божествам неба, в честь которых воздвигнуты бронзовые статуи, иногда двуликие и четверорукие; встречаются статуи четвероликие и восьмирукие, что явно напоминает культ Харихары. Покойников хоронят четырьмя способами: бросают мертвые тела в реку,

сжигают, закапывают в ямы и выставляют на съедение птицам. В этом же источнике упоминается обычай омовения, до сих пор сохранившийся в Камбодже (здесь он носит название *трапеанг*), и говорится, что общие бассейны для купанья используются одновременно несколькими семьями.

По случаю приема посольства Джайявармана в 503 году китайский императорский двор признал величие фунаньского властителя, присвоив ему титул «Военачальника умиротворенного Юга, царя Фунани». Надписей самого Джайявармана не обнаружено; известны, однако, санскритские надписи его главной супруги и сына Гунавармана. Обе эти надписи свидетельствуют о влиянии вишнуизма. Надпись сына в Тап-Муи в Тростниковой долине отмечает закладку святилища Чакратиртхасвамин, сохранившего отпечаток ног Вишну. Это святилище напоминает яванское святилище Пурнавармана, где имеются отпечатки стопы Пурнавармана, подобные отпечаткам стопы Вишну. В надписи Гунавармана сообщается об осушении заболоченной земли. Яванский царь Пурнаварман прославился строительством ирригационных сооружений. Отпечатки стоп Вишну являлись символом овладения какой-либо территорией — в обоих случаях (в святилище Пурнавармана и в святилище в Тап-Муи) речь, видимо, шла о землях, приобретенных мирным путем.

Рудраварман, сменивший в 514 году на престоле своего отца Джайяварамана, в «Истории Лянской династии» называется узурпатором, рожденным от наложницы; он умертвил законного наследника, которого, как предполагают, звали Гунаварман, и захватил престол. Между 517 и 539 годами он направил в Китай несколько посольств. После его смерти (вероятно, около 550 года) в области среднего течения Меконга вспыхнуло восстание, во главе которого стояли два брата — Бхававарман и Читрасена, и при довольно загадочных обстоятельствах власть фунаньских царей была свергнута. Посольство Рудравармана, посетившее Китай в 539 году, по-видимому, было последним посольством, направленным к императорскому двору независимым фунаньским государством. В начале следующего столетия в связи с сообщением о посольстве из района Фунани «Новая Танская история» отмечает, что «Город охотников» — древняя столица Фунани — был завоеван Ченлой и правитель вынужден был бежать в какую-то местность на юге страны.

Фунань была первой в истории Юго-Восточной Азии великой державой. И, подобно Риму, слава этой империи долго жила после ее падения. Фунаньские традиции и особенно культ священной горы и принцессы нага восприняты были кхмерскими царями Камбоджи. И хотя памятники фунаньской архитектуры совершенно исчезли, есть все основания полагать, что некоторые ее характерные особенности сохранились в стиле существующих и поныне сооружений доангкорской эпохи в Камбодже и что статуи Будды в стиле Гупта и увенчанные митрами статуи Вишну и Харихары, относящиеся к этому же периоду, дают некоторое представление о том, как изображали человеческие фигуры фунаньские скульпторы.

Наиболее древние надписи Тямпы связаны с правителем Бхадраварманом. Они обнаружены были в Куанг-наме и Пу-Ене. Французские исследователи старшего поколения отождествляли Бхадравармана с Фань Хутой, сыном и преемником царя Фань Фу, чьи войска были отогнаны китайцами от границы, проходившей через «Ворота Аннама», и относили эти надписи примерно к 400 году. Однако видный голландский ученый Вогель отнес эти надписи к эпохе правления Фань Фу; но в обоих случаях китайские имена царей совершенно не соответствуют санскритской форме имени Бхадравармана, и Стейн предполагает, что правители с санскритскими именами, правившие в Куанг-наме, не имеют ничего общего с властителями страны Линь-и, правившими в районе Хюэ, деяния которых отражены в китайских династийных историях. Стейн полагает, что вначале существовало два независимых государства и что южное государство было впоследствии завоевано государством Линь-и.

Бхадраварман, кем бы он ни был, основал первое святилище в районе Мисона, посвятив его Шиве-Бхадрешваре. Подобная привязка имени основа-

теля династии к имени Шивы — обычай, позже широко распространенный в государствах, где господствовали шиваистские представления о королевской власти. Одна наскальная надпись Бхадравармана представляет особенно большой интерес, поскольку она содержит древнейший из всех известных текстов на индонезийских языках. Она предписывает воздавать почести «королевской наге», которая, по-видимому, являлась божеством, охраняющим водные источники. В надписи ясно указывается, что при дворе исповедовался культ Шивы. Бог Шива-Бхадрешвара представлен лингой (фаллическим изображением) — древнейшим из всех известных в Юго-Восточной Азии памятников этого рода.

Древние китайские сообщения, в которых содержалось бы описание обычаев страны Линь-и, отсутствуют, однако характеристика этих обычаев, основанная, видимо, на более древних источниках, приводится у китайского путешественника XIII века Ма Дуань-линя. Ма-Дуань-линь отмечает, что обычаи в Линь-и в общем такие же, как в Фунани и во всех государствах по ту сторону китайской границы. Он подчеркивает видную роль, которую играют в Линь-и женщины, и указывает, что все браки заключаются здесь в восьмом месяце, причем женщины сами выбирают мужей. Ма Дуань-линь отмечает обычай захоронения в урнах. Тело царя, говорит он, спустя семь дней после смерти торжественно переносится к морскому берегу и сжигается на костре. Затем кости кладут в золотой сосуд, который бросают в море.

Падение Цзиньской династии в начале V века вызвало столь стремительные нападения тямов на Тонкин, что китайский правитель Тонкина вынужден был просить у императорского двора помощь. В 431 году китайцы предприняли нападение на Тямпу с моря, но были отброшены. Именно вследствие этого Ян Ма, король Линь-и, безуспешно пытался, как мы это видели, заручиться поддержкой Фунани для нападения на Тонкин. В 446 году новый правитель Тонкина Тань Ху-чжу решил дать Линь-и серьезный урок. Он напал на ее столицу, расположенную в районе современного Хюэ, опустошил ее и возвратился с добычей, которая оценивалась в 100 тысяч фунтов чистого золота. Следует отметить, что Китай не предпринимал попыток к длительной оккупации или захвату территории Линь-и. Китайцы стремились лишь к тому, чтобы мерами, наводящими страх на соседних «варваров», обеспечить спокойствие в пограничной полосе. После этого наступил период длительного мира, на протяжении которого в Китай прибывали традиционные посольства из Линь-и.

В 529 году в Линь-и воцарилась новая династия, четвертая в Тямской истории, по подсчетам Масперо. Первый правитель этой династии — Рудраварман, получив от Китая инвеституру, в 534 году направил посольство к императорскому двору. Спустя девять лет он предпринял попытку вооруженного нападения на Тонкин. Случай, казалось, выдался для этого благоприятный — в Тонкине вьетнамский вельможа Ли-Бон поднял восстание против китайского владычества с целью установить независимость. Войска Рудравармана были, однако, разбиты Пам Ту, военачальником Ли-Бона. В 547 году китайцам удалось подавить восстание Ли-Бона. Но спустя несколько лет, воспользовавшись ослаблением Китая при южной династии Чэнь (557—589), тямы снова предприняли набеги на Тонкин. Но успехи их были кратковременными, так как завоевания Ян Ченя, основателя Суйской династии, принудили царя Самбхувармана отказаться от воинственных замыслов и заплатить в 595 году дань Китаю.

Спустя 10 лет китайцы решили применить то же умиротворяющее средство, что и в 446 году. Их войска вторглись в Тямпу, захватили ее столицу и возвратились с огромной добычей. Какое-то время Самбхуварман оставался покорным. Затем он перестал выплачивать Китаю обычную дань, что явилось признаком восстановления его сил. Но воцарение в 618 году Танской династии внушило ему мысль, что благоразумие — лучшая добродетель. И тямские посольства снова стали почтительно посещать императорский двор в Чаньане, а в истории тямской агрессии началась длительная эпоха затишья.

Древнейшие санскритские надписи в Тямпе ненамного старше надписей, обнаруженных на полуострове Малакка, на Яве и Борнео. На Малаккском полуострове в Черок Текуне, против острова Пенанг, найдены были фрагменты наскальной надписи, которую относят к IV веку. К несколько более позднему времени относится надпись, обнаруженная в Букит Мериаме, в Кедахе. Текст этой надписи выгравирован на плитке сланца, и найдена она в развалинах кирпичного дома, в котором, видимо, была келья буддийского монаха. Текст содержит два буддийских стиха на санскрите, выгравированных буквами древнего письма паллава. Второй стих гласит: «Незнание ведет к карме. В карме — причина перерождения. Через знание происходит избавление от кармы, а при отсутствии кармы нет и перерождения».

В поздненеолитической стоянке в Куала-Селинсинг (Перак) найдены печати из сердолика, датируемые V веком, с именем Шри Вишнувармана. Но наиболее интересная находка, относящаяся к той же эпохе, обнаружена в северной части нынешней провинции Уэлсли. Это исписанная плитка сланца на ступе[1], увенчанной семиярусной зонтичной кровлей (*чаттравали*). Санскритский текст включает буддийский стих, приведенный выше, и молитву некоего Будагупты, хозяина джонки, живущего, как указывает текст, в «Красной стране». «Красная страна», на основании китайских сообщений, отождествляется с областью Паталунг на берегу Сиамского залива. Надпись эта также выполнена письмом паллава. Таким образом, можно заключить, что буддизм махаяны был в V веке распространен в Малайе и, по всей вероятности, был занесен из южной Индии.

В эту же эпоху устанавливается контакт между некоторыми государствами полуострова Малакка и Китаем. Под 515 годом упоминается в этой связи имя Бхагадатты, короля Ланкасуки. В «Истории Лянской династии» описывается народ этой страны: это люди с распущенными волосами, носящие платья без рукавов из хлопчатой ткани. Царь обычно появляется на процессиях, сидя под балдахином на слоне; ему предшествуют барабанщики и знаменосцы, а окружают свирепые на вид телохранители. К северу от Ланкасуки находилась страна Пан-Пан, протянувшаяся вдоль Сиамского залива. Наиболее древняя ссылка на посольства из этой страны относится к 424—453 годам. Китайские источники отмечают, что отсюда явился в Фунань второй Каундинья, чтобы восстановить индуизм.

Первые следы индийского влияния на Борнео обнаруживаются в семи надписях, найденных в одном из храмов на территории султаната Кутей в восточной части острова. Достоверно не установлено, к какому культу относился этот храм. Предполагают, что надписи были сделаны примерно в 400 году и принадлежат царю Мулавармане, который упоминал в тексте своего деда Кундунга и отца Ашвавармана. Отмечается, что Ашваварман был основателем династии. Кундунга не санскритское слово, и в связи с этим высказывались предположения об индонезийском происхождении этой фамилии. В долинах рек Капуас, Маакам и Рата обнаружены другие следы индийского влияния — брахманистские и буддийские изображения в стиле Гупта.

Древнейшие яванские надписи были найдены во внутренней части Явы, неподалеку от современной столицы Индонезии — Джакарты. Близ Богора у подножья гор были обнаружены три наскальные надписи, которые датируются примерно 450 годом. Четвертая надпись, относящаяся к той же эпохе, была найдена к востоку от Танджонг-Приок, порта Джакарты. Автором их являлся Пурнаварман, правитель Тарумы; он соблюдал брахманистский ритуал и содействовал осуществлению ирригационных работ, древнейших из всех известных на Яве. На двух надписях воспроизведены следы его ступней, на третьей — следы ног царского слона. Пурнаварман описывается как великий воин, и такие надписи обычно свидетельствовали о том, что данная местность была захва-

---

[1] Ступа — весьма распространенный в Индии и в Юго-Восточной Азии тип буддийских храмов. Воздвигается на могиле святого или в месте нахождения реликвий Будды. — *Прим. ред*

чена в результате завоевания. Однако Стуттерхейм предполагает, что самые важные приобретения Пурнавармана были мирными — в одной из надписей сообщается, что Пурнаварман говорит о том, что всего лишь за 20 дней он прорыл канал длиной в 15 километров[1]. Название страны (Тарума) напоминает название района в Южной Индии, расположенного близ мыса Коморин, и до сих пор еще сохраняется в названии реки Чи-Тарум, протекающей в районе Бандунга. То, что это государство существовало до второй половины VII века, подтверждает китайский автор, который упоминает о миссиях из «Доломо» в 666—669 годах. Предполагается, что двадцать лет спустя Тарума была завоевана быстро растущей суматранской державой Шривиджайя, с центром в Палембанге.

Китайские пилигримы на пути из Китая в Индию — родину Будды — или из Индии в Китай останавливались на Яве или Суматре в течение всего V века. Фа Сянь, возвращаясь в 414 году в Китай, сетовал на слабое распространение буддизма в царстве «Еподи» и преобладание здесь язычников и еретиков. Спустя десять лет буддийский монах-миссионер Гунаварман, кашмирский принц, посетил страну «Дупо», посольства из которой датируются в китайских источниках 433 и 435 годами. Третье государство «Хэлодань», расположенное на острове «Дупо», также упоминается в китайских источниках в связи с посольствами, которые прибыли оттуда между 430 и 452 годами. Предприняты были попытки локализации этих государств на полуострове Малакка, но пока нет сколько-нибудь убедительных данных, которые могли бы поколебать гипотезу Пелльо, который считал, что названия «Еподи» и «Дупо» обозначают остров Яву[2].

Китайцы упоминали также о стране «Ганьтоли». В период с 454 по 464 год здесь правил Шри Варанарендра, который направил в Китай в качестве посла индийца Рудру. Позже, в 502 году, этим государством правил буддийский властитель, а в 519 году его сын Виджайяварман направил посольство в Китай. Предполагают, что государство Ганьтоли находилось на Суматре.

Учитывая близость долин рек Иравади и Менама, естественно было бы предположить, что в эти области индийское влияние должно было проникнуть раньше и более глубоко, чем в Фунань и Тямпу. К сожалению, здесь практически отсутствуют археологические данные древнее середины VI века, а в китайских источниках эти области не упоминаются. Впрочем, молчание китайских анналов может свидетельствовать лишь о том, что связи Китая с этими областями не были установлены в столь раннюю эпоху. Китайцы упоминают о буддийском царстве Линьян при описании попыток Фань Ши-мана завоевать в III веке страну Цзинь-линь, причем изложение фактов позволяет допустить, что государство Линьян находилось в центральной Бирме.

Если китайцы в III веке установили контакт через Юньнань с королевством Пью (что представляется вполне вероятным), то не будет натяжкой предположить, что Линьян было именно тем государством Пью, столица которого — легендарная Шрикшетра — находилась в Хмозе, близ Проме в центральной Бирме. Древнейшие фрагменты надписей, открытых здесь, восходят примерно к 500 году. Местные хроники приводят длинные списки легендарных правителей, начиная со времен Будды; но достоверность этих данных невозможно проверить.

В легендах монов в центральной Бирме то и дело упоминается город Татон (Судхаммавати), который, возможно, имел какую-то связь с Ориссой. Кажется, нет причин сомневаться в том, что бирманское название монов — *талайнг* происходит от Телинганы и указывает на ту область Индии, откуда распространилась их культура. Согласно легенде, Буддагхоша, родоначальник сингалезского буддизма V века, был монским монахом из Татона; в 403 году, незадолго до смерти, он перенес в свой родной город рукописи буддийского

---

[1] Stutterheim, Het Hinduisme in de Archipel, p. 94.

[2] Coedès, op. cit., p. 95; см. также серьезную работу П. Пелльо, «Deux Itinéraires», BEFEO, IV (1904), p. 274, 275.

канона, написанные на языке пали. Однако отсутствуют археологические данные, подтверждающие эту версию. Древнейшими поселениями монов в бассейне Менама были Си Теп, Пра Патом и Понг Тук, которые возникли до 550 года. Сперва они находились под властью Фунани, но об этом этапе их истории нам ничего не известно. В VII веке эти поселения составляли часть монского королевства Дваравати, но не известно, существовало ли оно в V и в VI веках.

Наиболее древние эпиграфические данные королевства Аракан истолковывались как указания на то, что здесь с середины IV века правила династия Чандра. Столица Аракана располагалась близ современного Мрохаунга в северном Аракане и носила индийское название Вайшали. Сохранились имена тринадцати царей, время правления которых охватывает 230 лет, но только имя одного из них, возможно, совпадает с именем царя в араканских хрониках. Это царь Чандродая (в хрониках — Сандасурья), но дата его восшествия на престол, согласно хроникам, приходится на 146 год н. э.

ГЛАВА III

ОСТРОВНЫЕ ИМПЕРИИ

а) Возникновение Шривиджайи. Шайлендра

Падение Фунани с ее мощным флотом и разветвленной торговлей открыло путь для возникновения новых морских империй в западной части Индонезии. Древнейшие исторические данные о новых государствах, относящиеся к VII веку, отрывочны, имеющиеся пробелы чрезвычайно затрудняют исследования, и нередко картина, составленная на основании этих данных, далеко не ясна. Однако с тех пор, как Кёдэ в 1918 году опубликовал свою первую работу[1] по истории Шривиджайи, были достигнуты большие успехи в выяснении ряда фактов и расширении знаний. Но по ряду важных вопросов еще до сих пор имеются большие расхождения среди ученых.

О политической обстановке на Яве и Суматре в середине VII века содержатся указания в китайском сообщении о посольствах, прибывших из государств, расположенных на этих островах. В нем упоминается о двух государствах на Суматре: Молою, на восточном берегу, которое отождествляют с областью Малайю (ныне Джамби) на реке Батанг, и лежащем несколько дальше к югу, в районе современного Палембанга, Шилифоши (китайский эквивалент санскритского названия Шривиджайя). Ява, по-видимому, была разделена на три владения. На крайнем западе находилась Тарума Пурнаварманa, причем название этого государства непрерывно изменялось; в центре — Хэлин, или Калинга, а на востоке — держава, столица которой помещалась где-то к югу от современной Сурабайи.

Оба государства на Суматре посетил в 671 году на пути в Индию знаменитый китайский буддийский пилигрим И Цзин. Он рассказывает, что в Шривиджайе было более тысячи буддийских монахов и что их обычаи и церемонии были те же, что и в Индии. Тот факт, что перед поездкой в Индию он провел шесть месяцев в Шривиджайе, изучая здесь санскритскую грамматику, свидетельствует о том, что Шривиджайя имела большое значение как центр махаянистского учения.

В 685 году, после длительного периода обучения в буддийском «университете» в Наланде (в Бенгалии), И Цзин возвратился в Шривиджайю и провел здесь около четырех лет, занимаясь переводами буддийских текстов с санскрита на китайский язык. В 689 году, испытывая насущную потребность в письменных принадлежностях и в помощниках, И Цзин на короткое время отправился в Кантон, а затем снова возвратился в Шривиджайю с четырьмя сотрудниками и водворился здесь, намереваясь закончить две книги мемуаров о современном ему буддизме. В 692 году работа эта была завершена и отправлена в Китай. Сам же он возвратился на родину в 695 году.

Во второй книге И Цзина имеется очень интересное утверждение, что Малайю (Джамби), где он в 671 году пробыл два месяца по пути из Шривиджайи в Индию, теперь стала частью Шривиджайи. Что именно означали эти его слова, было установлено лишь после открытия целого ряда древнемалайских надписей, которые датируются 683—686 годами. Две из них были обна-

---

[1] G. Coedès, Le royaume de Çrivijaya, BEFEO, XVIII (1918), № 6.

ружены близ Палембанга, третья — в Каранг-Брахи, в верховьях реки Батанг, четвертая — на острове Банка. Наряду с упомянутыми ранее тямскими надписями они являются древнейшими из всех ныне известных памятников письменности на языках малайско-полинезийской группы.

Эти ценнейшие свидетельства, взятые вместе, подтверждают существование в Палембанге буддийского государства, которое только что завоевало внутренние области Малайю и готовилось к нападению на Яву. Самая древняя надпись, обнаруженная близ Палембанга, гласит, что правитель (имя которого не названо) в день, который может быть определен как 13 апреля 683 года, вышел в море с двадцатитысячной армией в поисках волшебной силы и в результате добился победы и приумножил мощь и богатства Шривиджайи. Во второй надписи отмечалась закладка в 684 году общественного сада «Шрикшетры» по повелению Джайянасы (или Джайянаги) как акт, достойный буддиста. В третьей и в четвертой надписях, датируемых 686 годом, навлекалось проклятие на жителей, населявших район реки Батанг, и жителей острова Банка, если они проявят непокорность правителю и его должностным лицам; причем в последней надписи упоминалось, что войска Шривиджайи почти готовы начать поход против Явы.

Таким образом, Шривиджайя появилась на арене истории как растущая держава, которая протянула свои щупальца, с одной стороны, к Малаккскому, а с другой стороны — к Зондскому проливам. Палембанг, расположенный почти на равном расстоянии от этих проливов, занимал исключительно выгодное положение для того, чтобы удерживать торговую гегемонию в Индонезии и контроль над обоими проливами, через которые должны были осуществляться все перевозки между Индией и Китаем[1]. Развитие мореплавания у арабов и рост торгового обмена между Индией и Китаем придали еще большее значение проливам, и Палембанг стал обычным портом, в который должны были заходить корабли из Китая в сезон северо-восточных муссонов. По-видимому, в эту эпоху процветали торговля и торговое мореплавание; Шривиджайя поддерживала регулярные сообщения как с Индией, так и с Китаем. И Цзин говорит, что из Китая в Шривиджайю он плыл на корабле, который принадлежал одному персидскому купцу. Дальнейшее путешествие из Шривиджайи в Индию И Цзин совершил на корабле, принадлежавшем правителю Шривиджайи. Поэтому представляется вероятной гипотеза, согласно которой надписи 683—686 годов указывают на важный этап в возвышении Джайянасы (или Джайянаги), завоевателя Малайю, а, быть может, также и Тарумы, и инициатора той политики, которая вплоть до XIII века обеспечивала Палембангу роль центра могущественной морской и островной империи.

Как долго существовала Шривиджайя до этой эпохи? Об этом можно строить лишь догадки. Столетия спустя «История Минской династии»[2] утверждала, что государство Саньфоци (так китайцы называли Шривиджайю) направило свое первое посольство с данью в царствование императора Сунской династии Сяо У-ди (454—464). Трудно, однако, признать достоверность этого сообщения, поскольку китайцы говорят, что в то время эта страна называлась Ганьтоли; и хотя, по общему мнению исследователей, Ганьтоли находилась где-то на Суматре, нет никаких данных, которые говорили бы в пользу отождествления этой страны с Шривиджайей на ранней ступени ее истории. Были высказаны остроумные предположения о том, что первоначально Шривиджайя была расположена на северном берегу Явы или в каком-то месте на Малаккском полуострове.

[1] В настоящее время Палембанг находится в 180 километрах от берега моря, на реке Муси. Но необходимо иметь в виду, что в VII—XI веках, в период расцвета Шривиджайи, ее столица находилась гораздо ближе к морю, чем в наши дни. По расчетам голландских геологов, за счет выноса крупными реками Суматры аллювиального материала береговая линия на северо-восточном берегу Суматры «отодвинулась» за последние 1000 лет почти на 100 километров.—*Прим. перев.*

[2] Минская династия правила в Китае с 1368 по 1644 год. Ее династийная история «Мин ши» была составлена в XVIII веке.—*Прим. перев.*

Очевидное значение Палембанга как центра буддизма в эпоху паломничеств И Цзина является одним из фактов, вызывающих мучительные сомнения, ибо появление таких фактов столь неясно, что оставляет широкое поле для многочисленных догадок. Ранняя история буддизма на островах Малайского архипелага, если не учитывать случайных упоминаний, неизвестна. Если верить И Цзину, буддизм хинаяны был широко распространен здесь до конца VII века. Однако обнаруженные в Шривиджайе изображения бодисатв[1] говорят о том, что здесь был распространен буддизм преимущественно махаянистского толка, хотя имеются также свидетельства о наличии элементов буддизма хинаяны санскритского канона. Различия между двумя формами буддизма в то время были гораздо менее отчетливы, чем в более позднее время, в частности в Юго-Восточной Азии XIII века.

Было бы интересно установить, какую роль играла Шривиджайя в распространении махаянистского буддизма в Юго-Восточной Азии, которое рассматривается как один из преобладающих факторов второй половины VIII века. Распространение махаянизма совпадает с приходом к власти в Бенгалии и Магадхе в середине VIII века династии Пала и объясняется влиянием этой династии и влиянием Наланды. Махаянизм свидетельствует об известном смешении элементов буддийского и индуистского культов и о тенденциях к тантрийскому мистицизму, как это было в Бенгалии. Распространение махаянизма совпадает также с появлением на Яве буддийской династии Шайлендра, представители которой носили титул махарадж. С этой династией связан важный этап в истории Шривиджайи.

Для полувекового периода, который следует за открытием четырех древнемалайских надписей, единственные ссылки на Шривиджайю содержатся в китайских сообщениях о посольствах. Ссылки эти относятся к периоду с 695 по 742 год, и говорят они нам очень немного. Государи Шривиджайи посылают в дар карликов, музыкантов и разноцветных попугаев, император же в знак своей признательности жалует им почетные титулы. Затем сведения совершенно отсутствуют вплоть до 775 года, с которого вызвавшая много споров лигорская стела, обнаруженная в Ват Сема-Муанге, продолжает рассказ о событиях.

Стела двухсторонняя, причем на обеих сторонах имеются надписи. На одной стороне (стороне *А*) выгравировано 10 санскритских стихов, посвященных основанию махаянистского святилища властителем Шривиджайи. Надпись датируется эрой сака[2] (дата соответствует 15 апреля 775 года). Таким образом, эта надпись свидетельствует об экспансии империи Шривиджайя и буддизма махаяны на Малаккском полуострове. Надпись на другой стороне (стороне *В*), которую Кёдэ и Кром рассматривают как незаконченный отрывок, прославляет победоносного правителя, который носит титул шри-махараджи, так как он принадлежит к династии Шайлендра. Кром и ряд других исследователей отождествляли правителя Шривиджайи, упомянутого в надписи на стороне *А*, с монархом из династии Шайлендра, о котором идет речь в надписи на стороне *В*, и отсюда заключали, что Шайлендры правили в 775 году Шривиджайей. А поскольку было уже установлено, что Шайлендры в ту же эпоху правили центральной Явой, Кром полагал, что Ява была подвластна тогда суматранскому государству. Отсюда делалось предположение, что Шайлендра была той династией в Шривиджайе, которая завоевала часть острова Явы.

Прежде чем пытаться дать ответ на вопросы, поставленные этой гипотезой, неплохо было бы рассмотреть две другие проблемы, которые трудно разрешить в силу скудости исторических данных. Первая из них касается локализации столицы Шривиджайи. Делались попытки отнести ее местоположение на Малаккский полуостров. Французский ученый Ферран

---

[1] Бодисатва—божество, являющееся ступенью на пути к состоянию Будды.—*Прим. ред.*

[2] Система летосчисления, применявшаяся в древней и средневековой Индии, откуда была перенесена в Шривиджайю. Начальной датой эры является 78 год н. э.—*Прим. ред.*

в 1922 году высказал предположение, что столица Шривиджайи находилась в Кедахе. Позже Куорич Уолс заявил, что наиболее вероятным местоположением столицы следует считать Чайю на восточном берегу перешейка Кра. Не вдаваясь в детали споров, вызванных этими предположениями, можно просто констатировать, что ни одно из них не поколебало мнения о том, что столицей Шривиджайи был Палембанг[1].

Что касается второй проблемы — происхождения династии Шайлендра, то следует отметить, что была отвергнута точка зрения Р. Маджумдара, который считал, что Шайлендры непосредственно пришли из Индии и были связаны с калингскими правителями династии Шайлодбхава. К. А. Нилаканта Шастри в 1935 году высказал предположение, что поскольку титул Шайлендра, «властитель гор», часто применялся к Шиве, а Пандии в Южной Индии считали себя потомками Шивы, присвоив титул «Минанкита Шайлендра», то возможно, что Шайлендры Суматры имеют южноиндийское происхождение. Однако в своей более поздней работе «История Шривиджайи» (1949) он отказался от своего прежнего утверждения, хотя и не присоединился полностью к мнениям французских ученых Ж. Пжилуцкого и Кёдэ, которые приписывают династии Шайлендра чисто яванское происхождение[2].

Кёдэ склоняется к мнению, что эти властители гор (Шайлендры), возможно, возродили титул властителей Фунани, будучи действительно более или менее связаны с ними, с целью выдвижения политических и территориальных притязаний, на которые давал право этот титул. Вслед за появлением Шайлендра на исторической арене последовал ряд военных экспедиций на индокитайский материк. Одна вьетнамская хроника, относящаяся к 767 году, сообщает, что китайский правитель Тонкина отразил нападение войска, состоявшего из «яванцев и обитателей южных островов». В 774 году один тямский храм был разрушен «чужеземными моряками ужасного вида, черными и безобразными». В 787 году морские разбойники с «Явы» повторили набег и разрушили другой храм. Во второй половине VIII века яванские Шайлендры претендовали на господство над Камбоджей. Однако нет никаких достоверных данных, которые подтверждали бы, что Шайлендры ведут свое происхождение из Фунани, и, кажется, нет причины отрицать их яванское происхождение.

Однако на самой Яве отсутствуют эпиграфические свидетельства за период между V веком, к которому относится надпись Пурнавармана, и 732 годом, которым датирована санскритская надпись в шиваитском храме в Чанггале, к юго-востоку от Боробудура. В этой надписи сообщается о возведении в местности Кунджаракунжа, на острове Яве, «богатом зерном и месторождениями золота», фаллического святилища (линги) матарамским правителем Санджайей. Так как на Яве нет золота, название Кунджаракунжа исследователи пытались отождествить с названием одной из местностей на Малаккском полуострове, однако Стуттерхейм доказал, что название это относится к местности, где Санджайя возвел свое святилище. Имя Санджайи, правителя Матарама, встречается также во многих более поздних надписях, обнаруженных Стуттерхеймом в Кеду (центральная Ява). Большую ценность представляет надпись, датируемая 907 годом, в которой приводится список предшественников правившего тогда махараджи Балитунга, открывающийся именем Санджайи. Восемь прочих правителей носят титул шри-махараджи. Непосредственный преемник Санджайи, Паньчапана, властитель Панангкарана, который правил в 778 году, в одной надписи, обнаруженной в чанди (гробнице) Каласан, к востоку

---

[1] Более подробные сведения об этом см.: G. Ferrand, L'empire sumatranaise de Çrivijaya (IA, 1922); Quatritch Wales, A Newly-explored Route of Ancient Indian Cultural Expansion («Indian Art and Letters», Series IX (1935), I, p. 155); Nilakanta Šastri, Šrivijaya, Candrabhanu and Vira-Pandya (TBG, LXXVII, 1937, 2, p. 251—268); J. L. Moens, Çrivijaya, Java en Kataha (TBG, 1937, 3, p. 317—487).

[2] См. по этому вопросу: R. C. Majumdar, Les rois Sailendra de Suvarnadvipa (BEFEO, I. XXXIII, 1933, p. 121—142); G. Coedès, On the Origin of the Śailendra of Indonesia (JGIS, I, 1934, 2, p. 61); K. A. N. Śastri, Origin of the Śailendras (TBG, LXXV, 1935, 4); J. Przyluski, The Śailendravamsa (JGIS, II, 1935, I, p. 25).

от Джокьякарты, и посвященной основанию чанди буддийской богини Тары, назван правителем из династии Шайлендра.

Таким образом, древнее государство Матарам находилось на центральной Яве; его властителя Санджайю ни одна надпись не называет махараджей и не связывает с династией Шайлендра; Санджайя, кроме того, был не буддистом, а шиваитом. Более того, китайские источники сообщают, что между 742 и 755 годами столица государства Хэлин (то есть Матарама) была перенесена далее к востоку государем Ки- Еном, которого отождествляют с Гаджайяной, основавшим в 760 году храм Агастьи в Динае (восточная Ява). Отсюда предполагается, что буддисты Шайлендры изгнали династию Санджайи из центральной Явы, а с ней вместе и шиваитскую религию. Таким образом, надпись Балитунга представляет не последовательное перечисление правителей одной и той же династии, а хронологически связанный перечень правителей центральной Явы. Единственным признаком связи между Санджайей и Паньчапаной, властителем Панангкарана, и является эта последовательность. Поэтому можно предполагать, опираясь на весьма скудные данные, что Шайлендры как правящая династия появились на Яве в середине VIII века; в течение второй половины VIII века их власть распространилась на центральную часть острова, и в то же самое время они делали попытки подчинить некоторые области Индокитая.

Хотя фактически ничего не известно о политической истории древнего государства Матарам, но развалины матарамских сооружений остаются наиболее величественными архитектурными памятниками, когда-либо обнаруженными на Яве или вообще на территории Индонезии. С ними не могут сравниться памятники более поздней эпохи, найденные на восточной Яве и свидетельствующие о могуществе и славе империй Сингосари и Маджапахит. Традиция приписывает Санджайе большие завоевания, в результате которых он распространил свою власть на Сунду, Бали и Шривиджайю. Однако данные, которые подтверждали бы это, отсутствуют. Достоверно известно лишь то, что он добился укрепления своего могущества и сумел заставить *рака* (местных властителей) различных районов Явы подчиниться ему и выплачивать дань. Таков ход яванской истории, характерный для всего периода доевропейских завоеваний. Страна была поделена между многочисленными мелкими правителями, и время от времени какой-либо из них выдвигался на первое место и распространял свою власть на обширную территорию. Свое величие он демонстрировал сооружением чанди — монументальной гробницы, посвященной тому божеству, воплощением которого он считал себя при жизни и с которым должен был соединиться после смерти. Санджайя был сперва ракой области Матарам, и государство, которое он впоследствии создал, получило название по этому уделу. Чанди, увенчанный шиваитским символом линги, возведенный Санджайей в 732 году, был внешним признаком и проявлением его претензий на верховную власть.

Его преемник буддист Паньчапана, рака Панангкарана, первый правитель из династии Шайлендра, отметил свой приход к власти сооружением буддийских памятников, которые по своим размерам превосходили все памятники, созданные до них на Яве. В ту пору, когда археологи еще предполагали, что Боробудурский храм был возведен в середине IX века, Паньчапана был известен лишь как строитель великолепной чанди Каласан, гробницы его супруги — воплощения богини Тары. Однако последние исследования показали, что величественный ансамбль Боробудура был сооружен до возведения чанди Каласан, и в настоящее время считают, что Боробудур основан был в 772 году. Таким образом, создателем этого ансамбля мог быть Паньчапана.

Боробудур — величайшее воплощение художественного гения эпохи Шайлендра — совершенно несходен с прочими архитектурными памятниками Явы. Это не храм с замкнутым внутренним пространством, а грандиозная ступа, которая своими каменными террасами покрывает верхнюю часть естественного холма, плоская вершина которого увенчана центральной ступой,

высота которой около 150 футов. Чтобы через все галереи храма добраться до его вершины, надо совершить примерно трехмильную прогулку. Стены галерей по обеим сторонам украшены барельефами, иллюстрирующими махаянистские тексты. Барельефов этих тысячи. Кроме того, здесь насчитывается 400 статуй Будды. В основании храма имеется целый ряд рельефов, изображающих повседневные добрые и злые деяния человека, приводящие к карме[1]. Но в настоящее время эта часть храма скрыта под каменной кладкой. Японцы в 1942—1945 годах, в период оккупации Явы, проявили достаточный интерес к сооружениям Боробудура. Они сняли небольшую часть этой каменной рубашки и скопали древние рельефы. В настоящее время еще можно видеть эти обнаженные рельефы, так как каменная кладка не восстановлена.

С религиозной точки зрения святилище в целом представляет собой впечатляющее и доходчивое буддийское учебное руководство, выдержанное в духе наландской школы. Скульптура следует образцам, характерным для Индии эпохи Гупт, но рельефы отнюдь не индийские, а яванские. Они дают великолепное представление о яванском образе жизни и яванских обычаях. Яванские мастера, усваивая индийские образцы, изменяли их сообразно древним традициям своей родины[2]. Даже условные изображения часто столь жизненны, что порывают с формалистическими канонами и в них проявляются реалистичные черты.

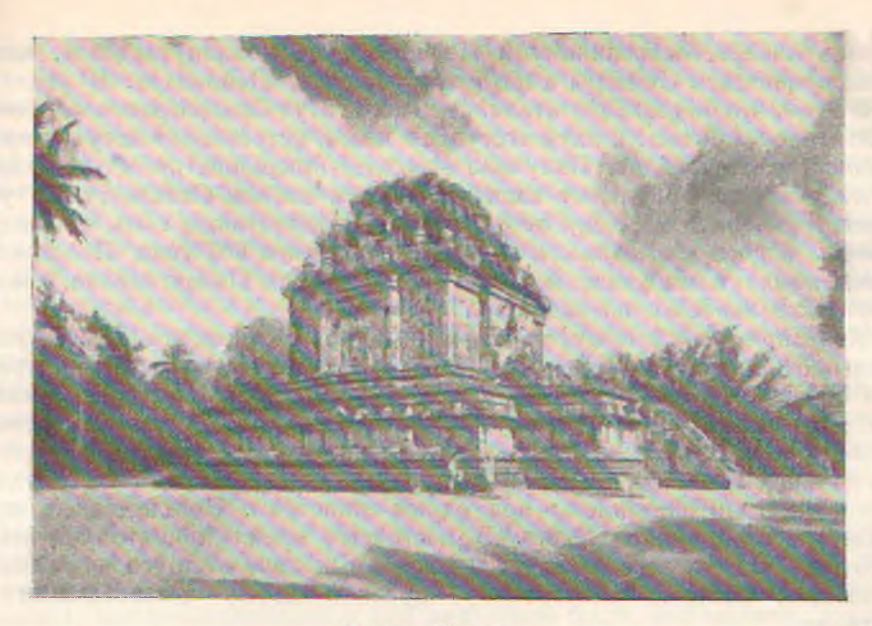
Архитектура была наивысшим достижением Шайлендров. О большинстве махарадж этой династии мы не знаем ничего, кроме их имен в списке Балитунга, но возведенные ими величественные гробницы до сих пор еще стоят на равнине Кеду близ Джокьякарты. Неподалеку от Боробудура расположено великолепное чанди Мендут с тремя гигантскими каменными статуями, изображающими молящегося Будду между двумя бодисатвами. Голландцы старательно реставрировали эту группу, и она сейчас находится в прекрасном состоянии. Другими выдающимися образцами искусства этого периода являются чанди Сари с единственным *вихарой* (монастырем) и чанди Плаосан, состоящий из двух квадратных дворов, каждый с вихарой, окруженных рядом гробниц и двойным поясом ступ, и незаконченная чанди Севу, состоящая из обширной вихары, окруженной четырьмя рядами маленьких гробниц, число которых доходит до 240.

По основным элементам конструкции и декоративному оформлению эти сооружения периода Шайлендра немногим отличаются от более скромных шиваитских храмов на близлежащем плато Дьенг, которые свидетельствуют о процветании страны в VII веке и в эпоху правления Санджайи, но большой размах в самом их замысле, их более высокое техническое исполнение и более талантливое применение орнаментов свидетельствует о творческом подъеме, который мог быть вызван новым и весьма жизненным импульсом. Однажды было высказано предположение, что сооружение этих памятников стало возможным в результате новой волны индийских переселенцев. Однако нет данных, подтверждающих это, и Стуттерхейм доказал, что эти сооружения не только были возведены руками яванских каменщиков и скульпторов, но и были связаны преимущественно с местными религиозными идеями и обычаями. Чанди — это отнюдь не индийский храм. Отличительной чертой культуры эпохи Шайлендра является жизненность и сила местных индонезийских элементов. В литературе эта тенденция отчетливо проявляется в переводе на древнеяванский язык санскритского произведения «Амарамала», осуществленном под покровительством правителя из династии Шайлендра, имя которого — Джитендра — приводится в начале древнеяванского текста.

Выше упоминалось уже о гипотезе голландских ученых Вогеля и Крома, которые при своих первоначальных исследованиях лигорской стелы пришли к заключению, что Шайлендры были правителями Шривиджайи, завоевавшими

[1] Карма (*санскр.*)—деяние. Догмат о карме — один из догматов индийских религий. Согласно карме, общественное положение человека является результатом его деяний в прошлых существованиях.—*Прим. ред.*

[2] Stutterheim W. F., Het Hinduïsme in de Archipel., p. 25.



Чанди Мендут.

Чанди Мендут (внутри).

часть острова Явы. А отсюда делалось предположение, что правитель Шривиджайи, упоминаемый на стороне *А* этой стелы, был, несомненно, Шайлендра, о котором говорилось на противоположной стороне (стороне *В*). Стуттерхейм, оспаривая мнение Вогеля и Крома, выдвинул противоположную точку зрения, доказывая, что, наоборот, Шривиджайя оказалась под властью яванцев. Стуттерхейм, таким образом, говорит не о суматранском периоде в истории Явы, а о яванском периоде в истории Суматры в VIII и IX веках.

Что Шайлендры действительно в середине IX века правили Шривиджайей, подтверждается указом одного бенгальского властителя из династии Пала. В этом указе, относящемся примерно к 850 году, речь идет о передаче пяти

деревень вихаре, основанному в Наланде неким Балапутрадевой, который назван правителем Суматры и потомком яванских Шайлендра. В указе говорится о том, что он сын властителя, имевшего титул Самарагравиры — «выдающегося героя в битве», и внук «государя Явы и истребителя могучих врагов», из династии Шайлендра. Получило всеобщее признание предположение, что титул Самарагравира может являться другим именем Самараттунги, упоминаемого в надписи из Кеду от 847 года, и может также быть отождествлен с именем одного из махарадж в списке Балитунга 907 года. Полагают, что дедом, упомянутым в указе, мог быть Паньчапана из Панангкарана, о котором говорится в каласанской надписи 778 года.

Кром пришел к выводу, что Самарагравира из династии Шайлендра взял в жены дочь правителя Шривиджайи, которая стала матерью Балапутрадевы. Кёдэ обращает внимание на то, что слово «Балапутра» означает «младший сын», и предполагает, что Балапутрадева *несомненно* был первым властителем Шривиджайи из династии Шайлендра. Власть его, однако, не распространялась на владения Шайлендров на Яве, и суматранское и яванское государства никогда не были объединены под одним скипетром. Вогель также присоединился к этой точке зрения. В настоящее время принято считать, что около середины IX века было две независимых друг от друга ветви династии Шайлендра, которые одновременно правили двумя независимыми государствами.

Однако такое положение продолжалось недолго. В IX веке наметились перемены в положении Шайлендра на Яве. Одна надпись из Прамбанана (863) свидетельствует, что шиваизм снова восстанавливал свои позиции на центральной Яве и что власть Шайлендра приходила здесь в упадок. Об этом свидетельствуют и иноземные источники. Китайцы, которые в начальную эпоху правления Шайлендра упоминали о посольствах из страны Хэлин, с 820 года относят эти миссии уже к стране Дупо (так китайцы называли Яву в V веке, а также столицу, покинутую между 742 и 755 годами ради другой, которая фигурировала в китайских источниках под названием Болуцзясы). Вторичное появление названия Дупо может рассматриваться как указание на возвращение шиваитских властителей на центральную Яву. Арабские авторы, которые в своих ранних сообщениях, говоря о «правителе страны Забаг», имели в виду яванских правителей из династии Шайлендра, с X века стали применять это название для обозначения суматранского государства Шривиджайя.

Таким образом, приход к власти Шайлендра в Шривиджайе, видимо, произошел в ту пору, когда эта династия утрачивала свои владения на центральной Яве. «Новая история Танской династии», сведения которой о Яве основываются на сообщениях о посольствах, прибывших оттуда в Китай в 860 и 873 годах, вносит некоторую ясность. В этом источнике отмечается, что резиденция правителя Дупо находится в городе Дупо, тогда как предшественник его жил в городе Болуцзясы, расположенном далее к востоку. В надписях, обнаруженных на равнине Кеду в окрестностях Прамбанана, упоминается начиная с 879 года ряд правителей, которые не относятся уже к династии Шайлендра. Но об этих властителях и об их владениях известно немногое, вплоть до правления Балитунга, автора известной надписи, относящейся к 907 году, в которой приведен список, начинающийся с Санджайи.

Надписи Балитунга охватывают период 898—910 годов. В них государство Балитунга носит название Матарам, и из текста явствует, что Балитунг предпринял попытки к восстановлению шиваитских традиций, прерванных в эпоху правления буддистов Шайлендра. Кром полагает, что Балитунг первоначально, видимо, был властителем на восточной Яве и укрепил свое положение на центральной Яве благодаря брачному союзу. С него начинается новый период в истории Явы, которому будет посвящена следующая глава. Что же касается Шайлендра, то есть данные, что в конце IX века они стали правящей династией в Шривиджайе и полностью утратили власть над центральной Явой.

Кёдэ в «Индуизированных государствах» (1948)[1] и Нилаканта Шастри в «Истории Шривиджайи» (1949)[2] дали превосходное краткое изложение всего, что было в их время известно о Шайлендрах. Освещение этого вопроса, данное выше, полностью соответствует этим работам. Однако со времени выхода в свет книг Кёдэ и Нилаканты Шастри были обнаружены новые материалы и пересмотрены ранее уже опубликованные документы. Были достигнуты значительные успехи в разрешении ряда важных вопросов. Выдающийся вклад в обсуждение этой проблемы внес д-р де Каспарис своей работой «Надписи эпохи Шайлендра»[3], вышедшей в свет в Бандунге в 1950 году. Новые факты, которые привел де Каспарис, и гипотезы, которые он выдвинул на основании эпиграфических материалов, проанализированных в его работе, могут явиться надежной основой для полного пересмотра всей истории Шайлендра.

Прежде всего де Каспарис смог провести четкое различие между действительными представителями династии Шайлендра и правителями, упомянутыми в надписи Балитунга 907 года, перечень которых, как мы указывали выше, Кёдэ рассматривал как смешение имен Шайлендра и правителей, непричастных к этой династии. Де Каспарис говорит, что надписи содержат имена трех правителей и одной принцессы дома Шайлендра, даты правления которых приходятся на 775—842 годы. Эти данные дополняют список Балитунга, который, по мнению де Каспариса, не содержит ни одного представителя династии Шайлендра; все перечисленные в нем правители были, несомненно, прямыми потомками Санджайи. Следовательно, в течение этого периода на центральной Яве была не одна, а две правящие династии, причем правители линии Санджайи вплоть до 832 года находились в зависимости от династии Шайлендра. На этом основании и в соответствии с интерпретацией Каласанской надписи, данной Вогелем, Паньчапана, *ракарайян* (правитель) Пананкгкарана, был не представитель дома Шайлендра, а вассал махараджи Вишну из династии Шайлендра.

Таблица обеих династий имеет следующий вид:

Линия Санджайи (шиваиты)	Шайлендры (буддисты)
Санджайя (732—около 760)	. . . .
↓	
р. Пананкгкарана (около 760—около 780)	?Бхану (752)
↓	↓
р. Панунгалан (около 780—около 800)	Вишну (Дхарматунга) (до 775—782)
↓	↓
р. Варак (около 800—до 819)	Индра (Санграмадхананджайя) (782?—812?)
↓	↓
р. Гарунг (р. Патапан?) (до 819—838?)	Самараттунга (= Тара) (812?—832?)
↓	↓ ＼
р. Пикатан (838?—851?)	Балапутра
↓	
р. Кайювани (851?—после 882)	= Прамодавардхани (принцесса)

В 832 году ракарайян Патапан (которого де Каспарис отождествляет с ракарайяном Гарунгом, потомком Санджайи) в созданной им надписи провозгласил себя владыкой большей части центральной Явы, и этот акт мог

[1] C o e d è s G., Les États hindousès, 1948.
[2] N i l a k a n t a Š a s t r i, The History of Šrivijaya, 1949.
[3] D e C a s p a r i s J. G., Inscripties uit de Çailendra-tijd, 1950.

знаменовать собой конец эпохи правления Шайлендров на острове. Как, однако, обстояло дело на самом деле, нам не известно. Де Каспарис предлагает следующее объяснение: он предполагает, что в 832 году умер Самараттунга из династии Шайлендра. Младший его сын, Балапутра, был еще столь юным, что не мог занять престол. Прамодавардхани, дочь покойного правителя, вступила в брак с одним из представителей дома Санджайи, как это подтверждается эпиграфическими данными. Мужем ее был ракарайян Пикатан, сын ракарайяна Патапана, автора надписи, относящейся к 832 году. Десятью годами позже, в надписи 842 года, где говорится о пожаловании рисовых полей на содержание Боробудурского храма, Прамодавардхани названа правительницей. Ее муж, возможно, наследовал своему отцу в 838 году.

Таким образом, Шайлендры утратили власть над центральной Явой. Юный принц Балапутра, как предполагается, бежал на Суматру, взял в жены шривиджайскую принцессу и в конце концов стал правителем государства, которое предоставило ему убежище.

На Яве ракарайян Пикатан и его супруга из дома Шайлендра были родителями Кайювани, который вступил на трон в середине IX века. «Последние яванские правители, от Кайювани до Балитунга,— пишет де Каспарис,— а возможно, и предшественники Кайювани, считали себя представителями династии, основанной в 732 году Санджайей, но титулы их свидетельствуют, что они косвенным образом были связаны с домом Шайлендра»[1].

Это наиболее вероятное из всех до настоящего времени выдвинутых объяснений причин исчезновения династии Шайлендра на Яве и почти одновременного ее появления на Суматре. Де Каспарис, однако, выдвигает ряд новых, весьма интересных предположений. Он настаивает на том, что буддийские храмы, сооруженные правителями из династии Шайлендра, следует изучать в свете культа предков, и доказывает, что девять статуй бодисатв у чанди Мендут близ Боробудура могут быть истолкованы как воплощения предков махараджи Индры, строителя этой гробницы. Если это предположение справедливо, то династия Шайлендра, которая, как это обычно предполагается, была основана незадолго до появления наиболее древних ее надписей, могла на самом деле быть основана еще в первой половине VII века. Тогда мнение Кёдэ (которого он придерживался долгое время) о том, что яванские «властители гор» были каким-то образом связаны с фунаньскими властителями, носившими тот же титул, получит хронологическое оправдание, поскольку конец Фунани мог совпасть во времени с началом династии Шайлендра на Яве. И, действительно, де Каспарис обнаружил в двух надписях, принадлежащих Шайлендра (в Келураке и Плаосане), ссылки, в которых встречается название последней столицы Фунани — Наравaранагара.

Предположение де Каспариса о «скрытом смысле» Боробудура заслуживает особого внимания. Выше уже упоминалось о каменной кладке, скрывающей рельефы в основании храма. Высказывались различные догадки о причинах нанесения этих рельефов, впоследствии скрытых под каменной одеждой. На основании надписи от 842 года де Каспарис предположил, что полное название храма было Бхумисамбарабхудхара — «Гора собрания добродетелей десяти ступеней бодисатвы». Таким образом, подножие храма — это воплощение первой ступени. Сокрытие рельефов под камнем нельзя объяснить в духе буддийской доктрины махаяны, это больше соответствует традициям культа предков. Первую ступень земного воплощения Будды (Бодисатвабхуми) следует рассматривать как стадию, которую займет Индра из дома Шайлендра, когда он достигнет статуса бодисатвы. Ее надлежало скрыть, чтобы сохранить. В известном смысле это была стадия смерти, и только после того, как Индра становился бодисатвой, окружающие его рельефы раскрывались и снова вызывались к жизни[2].

---

[1] De Casparis, op. cit., p. 202.
[2] De Casparis, op. cit., p. 184.

Чтобы видеть вещи в правильном свете, необходимо рассмотреть комплекс трех чанди — Мендута, Павона и Боробудура как единое целое и притом с двух точек зрения — с точки зрения махаянистского буддизма и культа предков. С первой точки зрения сооружения этого комплекса выражают идею *пути*, ведущего к *состоянию Будды*, и на этом пути «Храм бамбуковой рощи» (чанди Мендут) знаменует собой первую подготовительную ступень. Однако термин *готра*, применяемый в этой связи, чтобы указать на главный элемент состояния Будды, проявлявшийся на этой стадии, означает также (в небуддийском смысле) родословную линию предков. Именно с этой точки зрения чанди демонстрирует положение правителя Индры как последователя ряда предков, представленных, как уже указывалось, в виде скульптур — девяти бодисатв — с наружной стороны храма.

Чанди Павон, название которого де Каспарис связывает с идеей кремации царского тела, представляет последнюю мирскую ступень, открывающую путь к потусторонним стадиям дальнейшего воплощения бодисатвы. Эта ступень представлена самим Боробудуром. Скрытое под каменной кладкой основание символизирует первую ступень. Расположенные выше открытые террасы — это следующие ступени, причем наивысшую степень совершенства выражает самая верхняя, десятая терраса. И снова угадывается в этом скрытый смысл, который имеет большее значение, так как, согласно интерпретации де Каспариса, девять террас представляют собой изображение девяти предшественников из дома Шайлендра, причем каждый из них занимает свое место на пути к состоянию Будды. Родоначальнику, «корню» (*мула*) династии Шайлендра, «Богу горы» посвящена самая верхняя терраса — символ последнего кратковременного этапа созерцания накануне обретения естества Будды.

б) Величие и упадок Шривиджайи

Достоверные данные о происхождении Шайлендров и падении их власти на центральной Яве отсутствуют. Тихо вступили они в историю, бесшумно ушли из нее. Более того, Шайлендры, оставившие на Яве столь славное наследие — памятники религиозной архитектуры и искусства, в эпоху своего правления в Шривиджайе не создали ни на Суматре, ни в других областях своей империи долговечных сооружений. Бросается в глаза отсутствие местных данных по истории Шривиджайи. Можно ли отсутствие их для X века приписать опустошениям, связанным с великим вторжением войск Чолов в 1025 году? Или это можно объяснить тем, что, как отмечает Кёдэ, эта «мощная в экономическом отношении держава пренебрегала духовными ценностями»? Ее властители, говорит Кёдэ, были слишком озабочены надзором за судоходством в проливах, чтобы уделять время такого рода делам[1].

Интересно отметить, что около того времени, когда власть Шайлендра исчезла на Яве, китайцы стали по-новому называть Шривиджайю. Вместо Шилифоши они начали называть ее Саньфоци. Впервые новое название появилось в сообщении о посольстве, которое в 904—905 годах прибыло в Китай, и удерживалось до конца XIV века. Ничем нельзя объяснить это изменение в терминологии. И даже сама транслитерация представляет трудность, ибо если эквивалентом санскритского слова *виджайя* могут быть иероглифы *фо* и *ци*, то слово *шри* на китайский язык должно передаваться не через *сань*, а через *шили*.

С середины IX века большое значение приобретают новые чужеземные источники — сообщения арабско-персидских географов. В этих сообщениях превозносятся мощь и богатство махараджи «Забага», «властителя островов в восточном море». В них, в частности, отмечается, что этот властитель правил морской страной «Калах» и островом «Срибуза». «Калах» означает Кра — так ныне называется одна из областей на Малаккском полуострове, но тогда авторы сообщений применяли это название ко всему полуострову. «Срибуза» — экви-

[1] Coedès, op. cit., p. 221.

валент Шривиджайи, и это название применялось как к Палембангу, так и к острову Суматра в целом.

Араб Масуди в 955 году, явно преувеличивая, описывал огромное население и неисчислимые армии государства махараджи. Как отмечал Кром, оборона такой выгодной позиции, какую занимала Шривиджайя, вызывала необходимость постоянно прибегать к силе. Эта империя, подобно Голландии XVII века, обладала обширной торговой монополией и должна была либо покорить, либо нейтрализовать своих соперников. Земли Шривиджайи давали, как указывают арабские авторы, камфору, алоэ, гвоздику, сандаловое дерево, мускатные орехи, кардамон и многие другие продукты. Сфера же торговли была обширной. Наландская надпись, в которой сообщается об основании Балапутрой вихары (монастыря), указывает на установившиеся торговые сношения с Бенгалией, откуда, видимо, доставлялись в Шривиджайю хлопчатобумажные ткани. Имеются данные и о связях Шривиджайи с Коромандельским берегом.

Когда в 971 году китайцы открыли в Кантоне инспекцию заморской торговли, купцы из Шривиджайи были упомянуты в списке чужеземцев, посещающих эту гавань. «История Сунской династии»[1] упоминает о прибытии в 980 году в Сватоу купца из Шривиджайи, и там же говорится о прибытии пять лет спустя торговой миссии. Восстановление порядка Сунской династией привело к оживлению связей Китая со Шривиджайей. Китайцы сообщают о прибытии посольств из Шривиджайи в 960, 962, 971, 972, 974, 975, 980, 983 и 988 годах. В некоторых случаях упоминается имя правителя, но в переводе с китайского языка невозможно установить его истинное санскритское имя. Постоянные сношения между двумя дворами поддерживались до 1178 года, когда китайский император, сочтя, что издержки, связанные с приемом этих посольств, слишком велики, распорядился, чтобы впредь миссии из Шривиджайи не допускались далее гавани Цюаньчжоу в провинции Фуцзянь, но чтобы торговля шла обычным путем.

Посол Шривиджайи, который посетил императорский двор в 988 году (и выехал обратно в 990 году), по прибытии в Кантон услышал, что страна его подверглась нападению яванцев. Прождав около года в Кантоне, он отплыл на родину, но, дойдя до Тямпы, получил столь дурные вести, что вернулся в Китай, чтобы просить об издании указа, который ставил бы Шривиджайю под покровительство императора. Это произошло в 992 году. В том же году в Китай прибыли яванские послы с жалобой на постоянную войну с Саньфоци (Шривиджайей). Война была спровоцирована Дхармавамсой, правителем восточной Явы (около 985 года — около 1006 года), который стремился уничтожить Шривиджайю и установить яванское господство над островами архипелага. Об истинном ходе этой борьбы известно мало, хотя возможно, что атаки яванцев создали на несколько лет грозную опасность для Палембанга. Однако они были отбиты. Затем, как предполагают, Шривиджайя, опираясь на помощь своих вассалов на Малаккском полуострове, организовала мощное контрнаступление; дворец Дхармавамсы был сожжен, сам Дхармавамса был убит и государство его разрушено.

Успехи Шривиджайи в длительной борьбе с Дхармавамсой частично были достигнуты благодаря тому, что она поддерживала дружественные отношения с Китаем и индийскими правителями Чола[2]. Если бы китайский император и индийские правители Чола поддержали яванцев, результаты могли быть совершенно иными. Посылая в 1003 году в Китай обычную дань, правитель Шривиджайи сообщил, что он построил буддийский храм для вознесения молитв во здравие императора. Для этого времени китайская версия имени правителя может быть расшифрована как Шри Чуламанивармадева.

---

[1] Сунская династия правила в Китае с 960 до 1279 года (не смешивать с так называемой первой сунской династией, упомянутой на стр. 48).—*Прим. перев.*

[2] Династия в Южной Индии, возвышение которой началось с IX века н. э.—*Прим. ред.*

Примерно два года спустя этот же властитель, следуя примеру Балапутры, соорудил буддийский храм в Негапатаме на Коромандельском берегу, который был назван вихарой Чуламанивармадевы. Правитель Раджараджа Чола пожаловал на содержание этого храма доходы с одной большой деревни. Подобно сооруженному ранее храму в Наланде, негапатамская обитель была основана с целью дать возможность шривиджайским купцам совершать религиозные обряды в соответствии с их собственными религиозными догматами. Постройка этого храма свидетельствует о значении торговых связей между Палембангом и Коромандельским берегом, которые вызвали оживленную торговлю индийскими хлопчатобумажными тканями в Юго-Восточной Азии.

При пожаловании Раджараджей доходов на содержание негапатамского монастыря было указано, что властитель Шривиджайи принадлежит к династии Шайлендра. В правление этого государя могущество и престиж Шривиджайи достигли своего апогея. К сожалению, ни одного местного источника не сохранилось, и все, что известно о Шривиджайе той эпохи, даже имена правителей, взято из чужеземных источников. Так, китайцы сообщают о прибытии в 1008 году посольства от сына Чуламанивармадевы — Маравиджайоттунгавармы, но при этом они не указывают дату смерти самого Чуламанивармадевы. Другой чужеземный источник также содержит интересные сведения о том, что Шривиджайя все еще была знаменитым центром буддизма. Атиша, известный реформатор тибетского буддизма, обучался здесь с 1011 по 1023 год у Дхармакирти, главы буддийского духовенства на Суматре. В тибетской биографии Атиши Суматра названа главным центром буддизма, а Дхармакирти — величайшим ученым своего времени.

Дружественные отношения, которые Шри Чуламанивармадева поддерживал с Чолами, были недолговременными. Такая развивающаяся морская держава, как держава Чолов, должна была выступить против методов, которые применяла древняя островная империя для сохранения своей торговой монополии. В 1017 году китайские источники отмечают прибытие миссии, посланной уже другим правителем Шривиджайи — Хаджи Суматрабхуми. Именно в его царствование Шривиджайя испытала со стороны Чолов потрясающий удар, от которого она полностью уже не могла оправиться. В 1007 году Чолы начали набеги в восточном направлении, и Раджараджа похвалялся, что в этом году он покорил 12 тысяч островов. Эти преувеличенные претензии приводились в связи с экспедицией на Мальдивские острова. Сыну и преемнику Раджараджи — Раджендре приписывается поход во владения Шривиджайи на Малаккском полуострове, однако имеются некоторые сомнения, действительно ли этот поход имел место. Раджараджа умер в 1014 году, и Раджендра, по-видимому, в течение нескольких лет поддерживал дружественные отношения с Шривиджайей и даже подтвердил пожалование, сделанное его отцом негапатамской обители.

Крупное вторжение, ослабившее Шривиджайю, произошло в 1025 году. Подробности этого похода сообщаются в Танджурской надписи Раджендры, датируемой 1030—1031 годами. Нилаканта Шастри приводит ее следующим образом: «[Раджендра], отправив в просторы грозного моря много кораблей и захватив Санграму-Виджайоттунгавармана, властителя Кадарама, и слонов его славной армии, [овладел] несметными сокровищами, которые [этот властитель] собрал по праву; с шумом захватил [арку, называемую] Видьядхараторана у боевых ворот его могучей столицы Шривиджайи, с калиткой, пышно украшенной драгоценностями, и воротами, украшенными крупными драгоценными камнями; Паннаи и воды его купальных бассейнов; древний Малайюр вместе с горой, служащей ему крепким оплотом; Майюрудингам, окруженный водами глубокого моря, [словно] рвом; неустрашимую Илангасоку [в] жестоких битвах; Маппапалам, защищенный [глубокой] водой; Мевилимбангам, охраняемый великолепными стенами; Валаиппандуру, который владел Валаиппандуру(?); Талаиттаколам, столь хвалимый великими людьми, [сведущими] в науках; великую Тамралингу, [способную] к сильным действиям в опасных битвах; Иламури-дим, грозная мощь которой выросла в боях; великий Наккаварам,

в чьих обширных садах собирают мед; и страшной силы Кадарам, защищенный глубоким морем»[1].

Большинство этих местностей было расположено либо на Суматре, либо на Малаккском полуострове, но названия некоторых из них не удалось установить. Бесспорно, можно опознать Палембанг, Малайю (Джамби), Пане (восточный берег Суматры), Ланкасуку (Лигор), Таколу и Кедах на Малаккском полуострове, Тумасик (древнее название острова Сингапур), Аче (на северной оконечности Суматры) и Никобарские острова. Любопытно, что Санграма Виджайоттунгаварман, властитель Шривиджайи, был известен тамилам как властитель Кедаха, хотя главный оплот его власти находился на Суматре. Принимая во внимание неясность некоторых названий, можно допустить, что в то время границы Шривиджайи соответствовали рубежам государства Забаг, описанным арабскими географами.

Кром придерживается мнения, что вначале нападениям подвергся Палембанг, затем последовала оккупация ряда важных пунктов на восточном берегу Суматры, а уже потом наступила очередь Малаккского полуострова. На обратном пути нападению подверглись Аче и Никобарские острова. Однако не было предпринято никаких попыток завоевания в полном смысле этого слова. В самом деле, единственным политическим результатом этого нападения, о котором сохранились какие-то сведения, было восшествие на престол нового правителя династии Шайлендра, Шри Девы, который сменил взятого в плен правителя. Его посольство, отправленное в Китай в 1028 году, было встречено с необычайными почестями.

Ослабление Шривиджайи после нашествия дало возможность правителю Явы Эрлангге (1019—1042) вновь отвоевать наследственные земли, потерянные его отцом Дхармавамсой в 1006 году. Перед лицом угрозы со стороны Чолов обе индонезийские державы заключили мир, и в 1030 году Эрлангга взял в жены дочь Санграмы-Виджайоттунгавармана. Об истории Шривиджайи в период между 1030 и 1064 годами ничего не известно. В надписи на статуе макары[2], датируемой 1064 годом и обнаруженной в Солоке, к западу от Джамби, упоминается имя некоего Дхармавиры, о котором, однако, ничего не известно. Статуя носит следы влияния яванского искусства. По-видимому, после нашествия Шривиджайя восстановила свою власть над Суматрой, но ей уже не удалось достичь былого могущества. С воцарением Эрлангги установился *модус вивенди*, характеризующийся преобладанием влияния Явы в восточной части Малайского архипелага и гегемонией Шривиджайи над его западной частью. Известно, однако, что Ява поддерживала торговые сношения с западным побережьем архипелага.

В 1067 году суматранский посол был с большим почетом принят китайским императором. Десять лет спустя в Китай прибыло посольство правителя Раджендрадева Кулоттунги Чола. Поскольку правитель Чола фигурирует в китайских сообщениях под тем же именем, что и суматранский посол, прибывший в Китай в 067 году, некоторые индийские авторы пришли к выводу, что Раджендрадева Кулоттунга до восшествия на престол, должно быть, был советником в Шривиджайе. Однако это предположение не доказано.

Больший интерес вызывает краткое сообщение о нападении флота Чолов на Малаккский полуостров в 1068—1069 годах, когда Вирараджендра Чола, выступивший от имени правителя Шривиджайи, завоевал Кадарам и передал ему эту область, а тот признал верховенство Чолов. Этот факт, по-видимому, вызвал у китайцев ошибочное мнение, что правитель Чола был вассалом Шривиджайи, а не Шривиджайя—вассалом Чолов. Каков бы ни был истинный смысл этих сбивчивых и неясных сообщений, имеются отчетливые указания, что в правление Вирараджендры между двумя державами снова установились мирные отношения и оживленные торговые связи. В одной тамильской надписи 1088 года, обнаруженной близ Бароса, на западном берегу Суматры, упоми-

---

[1] Nilacanta Šastri, History of Šri Vijaya, p. 80.

[2] Макара—мифическое существо.—*Прим. ред.*

нается важная южноиндийская торговая корпорация. В 1090 году по просьбе Шривиджайи правитель Чола Кулоттунга I пожаловал новую грамоту негапатамской вихаре.

Немногое можно сказать об истории Шривиджайи XII века. Этот век не отмечен выдающимися событиями. Китайцы перечисляют целый ряд обычных посольств, сообщения арабов содержат много сведений о китайской торговле со страной Забаг. Должно быть, этот период был периодом медленного упадка. Развитие Кедири на восточной Яве как морской и торговой державы стимулировало развитие торговли в странах архипелага, и, по-видимому, некоторые выгоды в связи с этим получала и Шривиджайя. Но в 1178 году китайский автор Чжоу Гу-фэй отводил Шривиджайе третье место в ряду богатых иноземных стран — ее превзошли арабские страны и Ява. И ее методы, вероятно, становились все более и более пиратскими. Любой проходящий корабль, если он не заходил в гавани Шривиджайи, подвергался нападению.

Тем не менее в начале XIII века Шривиджайя, должно быть, все еще оставалась великой державой. О ней как о великой державе писал в 1225 году Чжоу Чжу-гуа[1], инспектор заморской торговли в Цюаньчжоу, в своем трактате «Чжуфаньцзи» («Записки об иноземных народах»). Он перечисляет не менее пятнадцати вассальных государств, подчиненных Шривиджайе, территория которых охватывает весь Малаккский полуостров к югу от залива Бандон, а также всю западную Индонезию, включая государство Сунда на западной Яве. Нилаканта Шастри полагает, что есть основание подозревать, что географические сведения этого автора не столь свежи, как приведенные им данные о торговле. Несомненно, однако, что в начале XIII века Шривиджайя все еще господствовала на берегах Малаккского и Зондского проливов. И только тогда, когда она утратила контроль над проливами, ее власти пришел конец.

Описание столицы Шривиджайи, которое дает Чжоу Чжу-гуа, свидетельствует, что это был типичный «город на воде» с множеством бухточек. Народ жил здесь в лодках или в домах, сооруженных на плотах, как в Мрохаунге, древней столице Аракана, современном Бангкоке и многих древних городах, относящихся к эпохе фунаньского государства. Однако, судя по китайским сообщениям, Палембанг не располагал больше таким контролем над своими вассальными владениями, как это было в свое время. В Кампаре, на восточном берегу Суматры, появился собственный правитель, а Джамби даже направляла свои посольства в Китай. Чжоу Чжу-гуа не включает Джамби в список вассалов царства Саньфоци. Довольно странно, что в этом перечне фигурирует Палембанг. В связи с этим был поставлен вопрос, не переместился ли к этому времени политический центр из Палембанга в Джамби.

Впрочем, список этот не вполне надежен. В него, например, включен Цейлон. Кроме того, китайцы упоминают только о двух посольствах из Джамби в 1079 и 1088 годах, в то время как в «Истории Минской династии» указывается, что посольства из Саньфоци регулярно посещали Китай в эпоху второй Сунской династии (960—1279). В свете современных данных этот вопрос еще не может быть разрешен. Переход руководящей роли от Палембанга к Джамби, несомненно, произошел в XIII веке, поскольку главным объектом похода Кертанагары на Суматру была Малайю (то есть Джамби), и, согласно «Параратону»[2], этот поход был запланирован еще в 1275 году. В 1281 году из Малайю прибыло в Китай посольство Шривиджайи, и Марко Поло, посетивший Суматру в 1292 году, называет Малайю наиболее значительным государством этого острова. В этот период исчезает и само название Шривиджайя.

Показателем наступившего упадка Шривиджайи является надпись, сделанная в Чайе в 1230 году Дхармараджей Чандрабану, правителем Там-

---

[1] Работа Чжоу Чжу-гуа была переведена на английский язык Ф. Хиртом и У. Рокхиллом (F. Hirth and W. Rockhill, Chou Ju Kua, St. Petersburg, 1912).— *Прим. перев.*

[2] «Параратон»—яванская хроника XIV века, содержащая ценные географические и исторические сведения.—*Прим. перев.*

бралинги (в Лигоре), в которой он говорит языком независимого властителя и не упоминает о Шривиджайе. В 1247 и в 1270 годах он предпринял походы на Цейлон. Поражение, понесенное во второй экспедиции, было настолько сокрушительным, что, как полагают, оно явилось причиной неспособности Лигора отразить 20 лет спустя вторжение войск таи. Имеются основания предполагать, что Дхармараджа Чандрабану развивал дружественные отношения с усиливающейся тайской державой Сукотаи на Менаме. Кёдэ предполагает, что эта дружба с таи и вмешательство правителя Тамбралинги в цейлонские дела объясняются его приверженностью к буддизму хинаяны палийского канона. Таи также исповедовали буддизм хинаяны, а Цейлон был не только важнейшим хинаянистским центром, но претендовал на обладание двумя наиболее почитаемыми реликвиями Будды — его молитвенной чашей и знаменитым зубом Канди[1]. Отношения Тамбралинги с ее сюзереном могли осложняться нарастающими противоречиями между буддизмом хинаяны и махаяны.

Возникновение яванских империй Сингосари и Маджапахит в значительной мере способствовало угасанию древней суматранской империи. И хотя в свете новейших исследований нельзя утверждать, что Суматра оказалась под властью Кертанагары, но он покорил Сунду, если сведения «Нагаракертагамы» точны, а также часть Малаккского полуострова. Таким образом, Шривиджайя должна была утратить контроль над Зондским проливом, и не исключена возможность, что походы Кертанагары ослабили ее позиции в Малаккском проливе.

Однако решительный удар в этом направлении нанесла тайская держава Сукотаи. Согласно монским хроникам, начиная примерно с 1280 года таи стали распространять свою власть на северные владения Шривиджайи на Малаккском полуострове. В надписи, нанесенной по приказу Рамкамхенга в Сукотаи в 1292 году, утверждается, будто Лигор попал под его власть. «История Юаньской династии»[2], упоминая о посольстве, прибывшем в 1295 году от Рамкамхенга, отмечает, что в течение долгого времени народы Сиама и Малиюэль (Малайю) взаимно истребляли друг друга, но теперь Сиам покорил Малайю.

В то время как яванцы и таи захватывали территории, на которые ранее распространялась власть махарадж из династии Шайлендра, в Юго-Восточной Азии появился ислам, который проявил себя как сила, вербующая большое число новообращенных, и стал способствовать дальнейшему политическому раздроблению. Одним из наиболее ранних свидетельств появления ислама служит указание Марко Поло о том, что Перлак на северной оконечности Суматры уже обращен «в веру Магомета». Надпись, обнаруженная на могильной плите султана Самудры[3] Малик-ал-Салеха, умершего в 1297 году, указывает на то, что его государство приблизительно в это же время также приняло ислам. Таким образом, в то время как под натиском Явы и Сиама древняя буддийская держава теряла свой контроль над проливами, ислам начал подрывать ее духовные традиции.

Описывая восемь государств Суматры, Марко Поло внушает мысль, что они являлись обломками былой империи. И хотя в 1292 году Кертанагаре и его государству Сингосари внезапно пришел конец, ни Палембанг, ни Малайю не были способны оказать противодействие, когда над ними нависла угроза вторжения карательной экспедиции из Китая, посланной Хубилай-ханом. Малайю было единственным государством на Суматре, которое имело какое-то значение в XIV веке, и эпиграфические памятники свидетельствуют, что в эту эпоху оно все еще было прибежищем «индуистской» культуры, хотя уже не играло роли международного торгового центра. Шривиджайи же больше не существовало.

---

[1] Одна из самых известных святынь буддизма — зуб Будды — хранится в Канди на Цейлоне.—*Прим. ред.*

[2] Юаньская династия в Китае правила с 1280 по 1368 год.—*Прим. ред.*

[3] Самудра — государство на севере Суматры.—*Прим. ред.*

ГЛАВА IV

ОСТРОВНЫЕ ИМПЕРИИ

а) Ява до монгольского вторжения 1293 года

Господство буддийских властителей династии Шайлендра на центральной Яве в VIII веке вынудило шиваитов искать убежища в восточных районах острова. Имеются данные, которые свидетельствуют о существовании во второй половине VIII века независимого владения, центр которого находился где-то в окрестностях Маланга. Оно было предшественником образовавшегося много позже государства Сингосари. Архитектурные памятники этого княжества близки по стилю к сооружениям, воздвигнутым в эту же эпоху Шайлендрами на центральной Яве, но они посвящены Агастье — мудрецу, который индуизировал южную Индию. Правители этого государства были хранителями королевской линги, выражающей почти те же самые политико-религиозные идеи, которые столь характерны для Тямпы этого же периода и Камбоджи в эпоху Джайявармана II. Древнейший датированный документ, обнаруженный на восточной Яве, относится к этому периоду. Это санскритская надпись, относящаяся к 760 году, в которой сообщается об основании в Динае Гаджайяной святилища Агастьи[1].

Возвращение во второй половине IX века шиваизма на центральную Яву рассматривается как свидетельство упадка в этой области власти Шайлендра. Балитунг (898—910), в надписях которого впервые упоминается государство Матарам, был первым из четырех шиваитских властителей, оставивших ряд надписей на равнине Кеду, близ Прамбанана; он является представителем династии восточнояванского происхождения, и возможно, что к этой династии относится и Гаджайяна. Однако об этой династии почти ничего не известно.

Преемник Балитунга, Дакса (910—919?), возможно, воздвиг величественные сооружения прамбананского ансамбля, грандиозный комплекс из 156 гробниц, окружающих группу из восьми больших храмов во главе с храмом Шивы. Как Боробудур с его галереями барельефов является своеобразной книгой буддизма махаянистского толка, так (правда, в меньшей степени) храм Шивы с барельефами, иллюстрирующими древние предания «Рамаяны», может быть назван каменной книгой индуизма. В одном из храмов центральной группы находится великолепная статуя Дурги, супруги Шивы, которую здесь называли Лара Джонггранг — «стройная дева». Весь комплекс образует мавзолей, в котором покоятся останки правителя, членов его семьи и магнатов страны; и каждый из них отождествлялся с определенным божеством, которому посвящалась та или иная гробница, причем усыпальницы членов правящей династии посвящены главным богам индуистского пантеона, склепы магнатов — божкам-покровителям той области, с которой связана была деятельность покойного. В целом этот комплекс должен был производить неописуемое впечатление величия и блеска.

Преемник Даксы, Тулодонг, правил с 919 по 921 год. Последним из четырех правителей был Вава, время правления которого, согласно Крому, приходится

[1] См. стр. 51.

на 924—928 годы. Это был последний правитель, чья столица находилась а центральной Яве. Следы ее обнаружены были близ Прамбанана. По-видимому, эти четыре правителя ставили перед собой великую цель — восстановить шиваитскую традицию, прерванную в правление буддистов Шайлендров. За кратковременным царствованием Вавы, по причинам, еще не выясненным, последовал упадок центральной Явы. Предполагалось, что причиной внезапного перемещения столицы на восточную Яву явилось либо землетрясение, либо чума, но эта гипотеза представляется совершенно неправдоподобной, так как нет никаких данных, свидетельствующих об этих событиях. Столицу перенес Синдок (929—947), который считается основателем новой династии, правившей на восточной Яве до 1222 года. Возможно, что одной из причин перенесения столицы было опасение, что Шривиджайя может возобновить притязания Шайлендров на центральную Яву. Подобно всем древним правителям, Синдок известен лишь по имени. Мы знаем только, что он правил страной совместно со своей главной женой—дочерью крупного вельможи, ракарайяна Баванги. Этот факт наряду с многими другими свидетельствует о значительной роли женщины в древнеяванском обществе. Синдоку наследовала его дочь Шри Ишанатунггавиджайя, которая правила страной. Ее муж, яванский магнат, был при ней принцем-консортом.

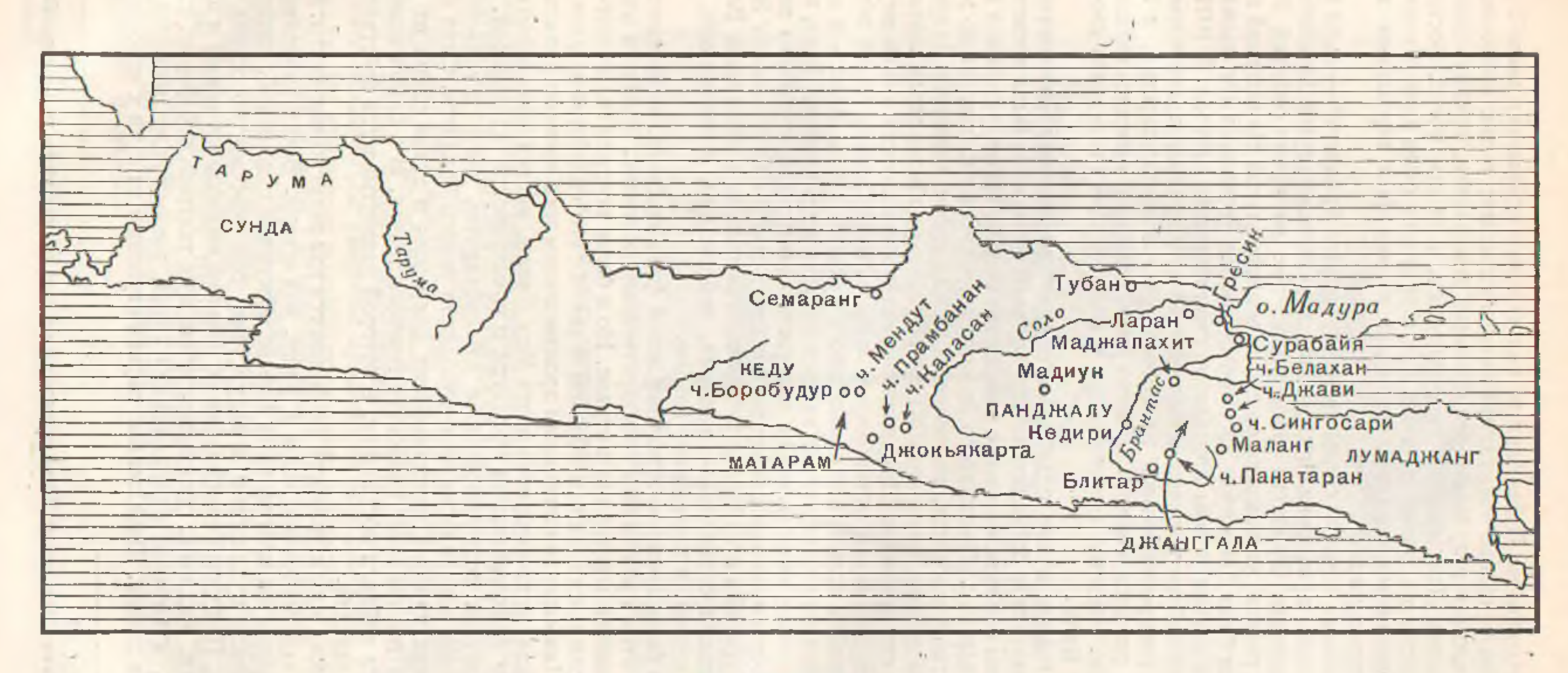
Период 929—1222 годов явился важным этапом в развитии яванской культуры. Перемещение центра державы в долину реки Брантас способствовало ослаблению индийского влияния в сфере управления, религии и искусства и росту значения местного яванского элемента. Несмотря на приверженность первых правителей восточной Явы шиваитской традиции, индийское влияние всегда было здесь слабее, чем в центральной части острова. В шиваитской оболочке здесь процветали местные культы, то есть происходило то же, что в Камбодже и Тямпе. К правлению Синдока относят ряд надписей на древнеяванском языке, которые являются ценными источниками для изучения многих установлений страны. Они свидетельствуют, что здесь процветала не индийская, а индонезийская цивилизация.

В то время когда обычно было принято все объяснять «волнами» индийской «иммиграции», в качестве одного из объяснений растущего преобладания яванского элемента выдвигалась гипотеза, согласно которой начиная с IX века индийская иммиграция на Яву прекратилась. Но возникает вопрос, имела ли место такая иммиграция вообще? Ведь крайне легко предположить наличие «волн иммиграций», когда объективные данные чрезвычайно скудны, а это предположение мешало поискам внутренних источников развития яванской культуры. И надо сказать, что это в равной мере справедливо и для Бирмы, Сиама, Камбоджи и Тямпы.

Рост восточнояванского государства имел важные экономические последствия для этого района. Ранее невозделываемые болота в прибрежных районах и в дельте стали районами интенсивного земледелия. Правители нового периода начали проявлять интерес к заморской торговле. Были установлены торговые связи с Молуккскими островами на востоке и с Суматрой и Малаккским полуостровом на западе. В яванской истории впервые стал играть значительную роль остров Бали. В X веке один из правителей Бали вступил в брак с правнучкой Синдока, и этот союз открыл яванской культуре путь на соседний остров.

Из потомков Синдока наиболее известен Дхармавамса (около 985 — около 1006). Это первый яванский правитель, который представляется нам уже не смутным видением, а приобретает черты реального исторического лица. Он распорядился кодифицировать яванские законы и поощрял перевод на яванский язык санскритских текстов. В числе многих произведений были переведены некоторые части «Махабхараты», причем в прозаический перевод этой поэмы включен был ряд санскритских стихов. Так зародилась древнейшая прозаическая литература на яванском языке.

Самым значительным предприятием Дхармавамсы была его война с могущественной империей Шривиджайей. В последнем десятилетии X века он



Средневековая Ява.

двинулся походом на Палембанг и, как это уже отмечалось выше[1], поставил Шривиджайю в крайне затруднительное положение; и так продолжалось до 1006 года, когда в результате решительной контратаки, предпринятой суматранцами, дворец Дхармавамсы был разрушен, а он сам погиб. Восточнояванское государство на время исчезло. Его территория была занята многочисленными воинственными вождями, и каждый из них был верховным владыкой на своей территории.

Дхармавамса наметил своим преемником зятя Эрланггу[2] — сына той яванской принцессы, правнучки Синдока, которая была супругой балийского принца Дхармодайяны. Эрлангга находился на Яве во время событий 1006 года, но избежал гибели, укрывшись со своим верным слугой Нароттамой в обители отшельников близ Воногири. Здесь он оставался несколько лет, выжидая благоприятного случая, чтобы предъявить свои права на престол. В 1019 году он покинул свое тайное убежище и был официально признан правителем. Однако власть его распространялась на небольшую часть государства, и Эрлангга вначале не решался собрать воедино свои владения, опасаясь вмешательства Шривиджайи. Имеются сведения, что в 1022 году он наследовал своему отцу на острове Бали.

Тремя годами позже судьба благоприятствовала ему совершенно неожиданно. В результате большого набега Чолов Шривиджайя была временно сломлена, и таким образом миновала опасность, которая ранее угрожала восточнояванскому царству. После этого Эрлангга приступил к покорению многочисленных местных магнатов, поделивших между собой владения Дхармавамсы. Борьба была долгой, но около 1030 года Эрлангга добился столь значительного успеха, что его признала Шривиджайя, махараджа которой отдал ему в жены свою дочь. В результате установился *модус вивенди* между двумя державами: за Шривиджайей осталось верховенство в западной, а за Явой —в восточной части Малайского архипелага. Яванское государство, которое Чолы, вероятно, считали торговым задворком, не заслуживающим того, чтобы его завоевали, вскоре приобрело большое значение как центр торговли. В гаванях Эрлангги, в заливах Сурабайи и Тубана шла торговля не только с «Великим Востоком», но и с купцами с запада — тамилами, цейлонцами, малабарцами, тямами, монами, кхмерами и выходцами из Аче.

Таковы были внешние признаки новой фазы подъема, вызванного на восточной Яве этим прекрасным государственным деятелем. Эрлангга многое сделал для развития земледелия в стране. Но в более поздние годы своего правления он прославился главным образом в связи с его содействием развитию литературы. Наиболее значительным произведением того времени являлась поэма «Арджунавиваха» придворного поэта Мпу Канвы, написанная, вероятно, в ознаменование бракосочетания Эрлангги с суматранской принцессой. История аскета Арджуны, содержащаяся в «Махабхарате», была использована как аллегорическое описание жизнедеятельности самого Эрлангги. Одна из версий «Арджунавивахи» была приспособлена для сцены и стала одной из наиболее популярных тем *вайянга*, яванского теневого театра. И в самой поэме и в ее варианте для вайянга обстановка, в которой развертывается действие, исключительно яванская.

В надписях эпохи Эрлангги упоминаются три религиозные секты: шиваиты, буддисты махаянистского толка и риши, или аскеты. Восстановление шиваитского правления на центральной Яве не обострило отношений, которые установились между буддистами и индуистами; они повсеместно оставались превосходными. Подобный симбиоз обеих религий наблюдался также и в Камбодже той эпохи. Махаяна, преимущественно в ее тантрийской форме, стала тайной сектой, к которой принадлежали люди, занимающие наиболее высокое положение в стране. Шиваизм был первой ступенью на пути к «просветлению».

---

[1] См. стр. 58.

[2] Эрлангга был зятем Дхармавамсы, а не сыном, как указано на стр. 60.—*Прим. ред.*

Кукла яванского теневого театра вайянг.

Верующий, овладевший основами шиваизма, мог считать себя подготовленным к восприятию высшего знания — буддийской доктрины. Буддийское и шиваитское жречество было столь могущественно, что Эрлангга счел благоразумным поставить его под свой контроль. Себя же он считал воплощением Вишну. В чанди Эрлангги в Белахане имеется замечательная статуя Эрлангги, изображенного в образе Вишну, восседающем на человеко-орле гаруде. Было общепринято поклоняться умершим правителям этой династии как воплощениям Вишну. На правителя возлагались особые жреческие обязанности, связанные с культом предков. В определенное время правитель должен был совершать ритуал контакта со своими предками, чтобы укрепить свою власть новой порцией волшебной силы, полученной от них. Следовательно, многочисленные чанди, разбросанные по восточной Яве, где поклонялись умершим правителям в образе Шивы, Вишну или бодисатвы Авалокитешвары[1], были очагами культа предков, и, хотя они внешне были либо буддийскими, либо индуистскими, по существу они представляли культ, сохранившийся еще от доиндуистского прошлого.

---

[1] Бодисатва Авалокитешвара — в учении махаяны одно из воплощений Будды.— *Прим. перев.*

Надгробное изображение короля Эрлангги, найденное в Белагхне (сейчас находится в Моджокертском музее, Ява).

Года за четыре до смерти (он умер в 1049 году) Эрлангга удалился в уединенную обитель и стал аскетом-рищи. Отмечается, что незадолго до этого он совершил акт, который удивительным образом противоречит политике, которой он придерживался в течение всего периода своего правления. Он разделил свои владения между двумя сыновьями, рожденными от наложниц[1]. Сыновей

---

[1] Берг в своей работе (Berg C. C., Herkomst, Vorm en Functie der Middeljavaanse Rijksdelingstheorie), вышедшей в 1953 году, пишет, что легенда о разделении Эрланггой своих владений лишена исторических оснований.

от законного брака у Эрлангги не было. Поскольку права этих сыновей были одинаковы, то, возможно, Эрлангга опасался, что, в случае если он предпочтет одного из них в ущерб другому, может вспыхнуть гражданская война, которая вызовет еще более глубокий разлад, чем мирный раздел страны. Следует напомнить, что верховная власть на Яве не была централизованной властью, обеспечивающей управление всей страной. Махараджа должен был контролировать бесчисленное множество мелких властителей. Властители более высокого ранга присягали ему и платили дань, но своими делами управляли сами. История средневековой Явы, как и средневековой Европы, свидетельствует о том, что в эту эпоху шла постоянная борьба центростремительных и центробежных тенденций. Правителю удавалось удерживать власть только при помощи беспрестанных карательных походов.

Река Брантас стала демаркационным рубежом двух государств. Восточная держава — Джанггала — была слабосильной, и скоро ее поглотило западное государство, которое сначала называлось Панджалу, но более известно в истории под названием Кедири. Объединение было достигнуто мирным путем, в результате брака Камешвары из Кедири (1117—1130), и Кираны, принцессы Джанггалы.

Долгий период истории Явы, последовавший за смертью Эрлангги, почти совершенно неизучен. Многочисленные надписи этой эпохи содержат крайне скудные исторические данные. В китайских источниках упоминается о Кедири как о могущественном и хорошо организованном государстве. До 1222 года упоминались десять правителей, но о большинстве из них ничего не известно, кроме их имен. Камешвара известен благодаря своему браку и благодаря упоминанию о нем в поэме Дхармаджи «Смарадахана», в которой он отождествляется с богом Камой, а его жена — с богиней Рати, супругой Камы. Из преемников Эрлангги наиболее популярен был Джайябхайя (1135—1157). Согласно яванскому преданию, он предсказал упадок своего гоударства и новый его грандиозный расцвет. Джайябхайя является героем поэмы Мпу Панулуха «Харивамса». О его правлении имеется много сведений, но в местных легендах оно изображается как эпоха романтического рыцарства. Действительную славу этого правления составило еще одно классическое произведение древнеяванской литературы— «Бхаратаюддха», переработка заимствованного из «Махабхараты» сказания о великой битве между Пандавами и Кауравами. Период существования Кедири поистине был временем беспрецедентного расцвета яванской литературы.

Это было также время развития торговли во всей Индонезии. Молуккские острова — родина гвоздики и мускатных орехов — стали приобретать большое политическое и торговое значение. Остров Тернате был вассальным владением Кедири. Имеются сведения об активной торговле арабов со всем Малайским архипелагом. Арабы приходили скупать перец, пряности и ценные сорта древесины. Арабские купцы были мусульманами, но в XI—XII веках они еще не предпринимали попыток обратить в ислам народы Малайского архипелага. Немало купцов приходило из Камбая в Гуджарат, чтобы продать индийские хлопчатобумажные ткани. Персы занесли в этот город веру пророка, и незадолго до конца XIII века гуджаратские купцы положили начало обращению в ислам народов малайского мира.

Государство Кедири пало в 1222 году, и новое государство — Сингосари — заняло его место, став сильнейшей державой на Яве. История падения Кедири описана в яванской хронике «Параратоне»— «Книге царей». Главным действующим лицом в драматических событиях был Кен Ангрок, «тот, кто ниспровергает все». Используя недовольство Джанггалы необходимостью подчинения правителям Кедири, Кен Ангрок сумел путем целого ряда преступных действий низложить Кертаджайю, последнего правителя династии Эрлангги, и создать новое государство. Недовольство же в Джанггале было столь значительным, что многие жители предпочли перебраться в соседнюю область Тумапель в округе Маланг. Кен Ангрок, человек низкого происхождения, убил регента Тумапеля и узурпировал власть, женившись на его жене Кен Дедес. Затем,

воспользовавшись ссорой Кертаджайи с его жрецами, он напал на Кедири и в 1222 году разгромил его в битве под Гантером. Затем, объявив себя правителем и приняв имя Раджасы, он построил свой дворец в Кутарадже, которая позже стала называться Сингосари.

Яванская хроника не содержит больше никаких фактов о его правлении вплоть до 1227 года (года его смерти), к тому же легендарный элемент в хрониках столь велик, что трудно отличить реальные факты от вымысла. Сам Раджаса был убит Анусапати, сыном Кен Дедес от ее первого брака. Анусапати правил более 20 лет и в свою очередь погиб от руки своего сводного брата Тохджайи, сына Раджасы, овладевшего престолом в 1248 году. Тохджайя вскоре умер, и ему наследовал сын Анусапати — Вишнувардхана.

Детали ранней истории Сингосари совершенно неизвестны. В сущности, до нас дошел только жалкий список, в котором перечисляются убийства, посредством которых правители сменяли друг друга на престоле. Однако благодаря археологическим исследованиям удалось выявить, что в этот период наблюдались две весьма любопытные тенденции в развитии яванской культуры: архитектура и искусство приобрели совершенно яванский характер; в области религии симбиоз буддизма и шиваизма стал поистине брачным союзом. И хотя в произведениях скульптуры внешне различимы буддийские и индуистские элементы, реальное их значение следует связывать с мотивами местного фольклора и местных легенд. Скульптуры эти персонифицировали божественные и магические силы, которым поклонялся народ. Когда Вишнувардхана (1248—1268) умер, пепел его поместили в две гробницы. В чанди Млери ему поклонялись как воплощению Шивы, а в чанди Джаго — как бодисатве Амогхапасе. В Джаго на храмовых террасах и в галереях сохранилось множество рельефов, иллюстрирующих в духе древнеяванского тантризма буддийские джатаки.

Последний правитель Сингосари, Кертанагара, который в 1268 году сменил на престоле своего отца Вишнувардхану, завершил религиозную унификацию отправлением культа Шивы-Будды. Как правитель, посвященный в таинства тантрийского учения, необходимого для блага своего государства, он должен был бороться с демоническими силами, гнездящимися в мире. А чтобы выполнить эту задачу, он должен был находиться в состоянии постоянного экстаза, чего он добивался путем сексуальных излишеств и употребления спиртных напитков. Его оргии весьма шокировали автора «Параратона», который называл его пьяницей, погибшим из-за того, что безудержно отдавался грязным порокам. Однако в поэме «Нагаракертагама», написанной в 1356 году Прапаньчей — главой буддийской церкви, этот правитель описывается как святой, как аскет, свободный от каких бы то ни было страстей. Профессор Лейденского университета Берг, недавно опубликовавший специальную работу о правлении Кертанагары, убежден, что для уяснения политики этого правителя следует относиться весьма серьезно к оценке «Нагаракертагамы»[1].

Кертанагара полагал, что для подавления центробежных тенденций на Яве он должен уничтожить проклятие раздоров и стремление к расчленению страны, вызванные деятельностью аскета Бхарады, которому приписывалась видная роль в событиях, приведших в свое время к разделу государства Эрланги. Поэтому Кертанагара приказал воздвигнуть в местности, где некогда жил Бхарада, свою собственную статую, в которой он был увековечен в образе Аксобхьи, Будды-созерцателя. Ныне она украшает Крусенперк в Сурабайе, и народ называет этот монумент «Джака долог»— «Жирный парень». Разновидность тантрийского буддизма—*калачакра*, которой придерживался Кертанагара, получила распространение в Бенгалии к концу правления династии Пала. Из Бенгалии учение это проникло в Тибет, Непал и в Индонезию, где оно встретилось с яванским культом предков, к которому и приспособилось с исключительной легкостью. Таким образом, культ Шивы-Будды был

---

[1] C. C. Berg, Kertanagara de miskende empirebuilder «Orientatie», № 34, 1950, p. 3—32; см. также его статью в книге Стапеля (Stapel F. W., Geschiedenis van Nederlandsch Indië, II, p. 7—178), где он дает толкование древне-яванских исторических хроник.

индийской оболочкой, под которой скрывался очень древний и стойкий местный культ.

Различные оценки правления Кертанагары, которые даются соответственно в «Параратоне» и «Нагаракертагаме», выражают не только противоречивые мнения о личности самого Кертанагары. В «Параратоне» отмечается, что правление Кертанагары было кратковременным и незаметным, тогда как в «Нагаракертагаме» оно описывается как длительная эпоха, полная блестящих достижений, закончившаяся лишь в 1292 году. Кром в своем монументальном труде «Индо-яванская история» (1931) дал оценку его правления, нашедшую общее признание в современной исторической науке; в ней он подверг видоизменению свою первоначальную точку зрения, выраженную в его статье, включенной в первый том «Истории Нидерландской Индии» Стапеля. Кром принимает версию «Нагаракертагамы» о длительном правлении Кертанагары и рисует Кертанагару как основателя сильного государства, главной целью которого было завоевание Суматры. В 1275 году, согласно Крому, Кертанагара направил большую экспедицию, известную под названием «Памалайю», чтобы начать покорение острова, причем эта экспедиция возвратилась только в 1293 году, спустя год после смерти Кертанагары. Завоевание шло столь успешно, что в 1286 году Кертанагара отправил на Суматру копию установленной в чанди Джаго статуи своего отца Вишнувардханы, чтобы торжественно водрузить ее в Дхармашрайе, в государстве Малайю, и тем самым обеспечить контакт с этим государством, своим вассалом, и утвердить свою династию через культ предков.

Эта версия истории правления Кертанагары, до недавнего времени всеми принятая, подверглась радикальному пересмотру со стороны профессора Берга. В своей работе «Кертанагара — неверно понятый создатель империи» Берг сделал попытку создать новую историческую схему, основанную главным образом на пересмотре даты похода на Суматру. Берг доказывает, что нет никаких данных, позволяющих утверждать, что Кертанагара организовал поход «Памалайю» в 1275 году. Кертанагара не только не мог этого сделать в 1275 году, но то место в «Нагаракертагаме», которое приводилось обычно в подтверждение этого события, было неправильно истолковано. В действительности же в «Нагаракертагаме» говорится, что в связи с восприятием Кертанагарой божественной сущности (в начале 1275 года) был издан указ о подготовке к захвату Малайю. А это может быть истолковано так, что в 1275 году Кертанагара определенно посвятил себя осуществлению своих захватнических планов, конечной целью которых был захват Шривиджайи. На основании тщательнейшего изучения всех доступных материалов Берг выдвигает предположение, что войска Кертанагары отправились в поход лишь 17 лет спустя, в 1292 году, в год смерти правителя.

Отсюда вытекает и необходимость пересмотра тех данных, которые, по мнению Крома, являются важнейшими и непосредственными свидетельствами о более раннем завоевании. Речь идет об отправке на Суматру статуи Вишнувардханы в 1286 году, согласно надписи, относящейся к этому году, обнаруженной в самом сердце Суматры — на реке Батанг. Статуя представляла собой изображение Будды-Амогхапасалокешвары, как отмечается в надписи; она была доставлена на Суматру по приказанию Кертанагары четырьмя яванскими должностными лицами и установлена в Дхармашрайе к великой радости всех обитателей страны Малайю, начиная от самого махараджи. Но Берг полагает, что факт этот далеко еще не свидетельствует об успешном военном походе. Он указывает на дружественную политику, которую проводил Кертанагара, чтобы привлечь Малайю в индонезийскую конфедерацию, возглавляемую Сингосари. Это подтверждает тот факт, что до 1286 года еще не посылалось никаких военных экспедиций против Суматры.

Опираясь на свою гипотезу, Берг переходит к пересмотру хода развития экспансионистской политики Кертанагары, придерживаясь последовательности событий, причем его рассуждения представляются логичными и убедительными, если признать справедливой ту интерпретацию отрывка из «Нагаракертагамы», где описана церемония посвящения, происходившая в 1275 году.

Берг говорит, что Кертанагара после восшествия на престол в 1268 году задумал превратить свое государство в мощную индонезийскую державу. Первый министр его отца Раганатха, который противодействовал этой политике, считая ее слишком рискованной, получил другое назначение, и его место заняли два сторонника нового политического курса — Кебо Тенгах и Арагани, которые стали ближайшими советниками Кертанагары. Им Кертанагара доверил проведение мер, необходимых для подготовки акта провозглашения его воплощением Будды-Бхайравы. Этот акт, который должен был явиться первым шагом на пути к реализации честолюбивых замыслов правителя, был проведен в жизнь в 1275 году.

Берг утверждает, что политику Кертанагары можно правильно понять лишь в свете того, что, по его мнению, является главной целью этого акта посвящения. Он отвергает точку зрения, согласно которой захватническая политика Кертанагары приписывалась его капризу. Равным образом Берг отвергает попытки объяснить эту политику стремлением возродить старые «империалистические» тенденции яванских правителей. Берг считает, что рассказы о завоеваниях Санджайи, об экспедиции яванцев против Шривиджайи около 1000 года и экспансии Кедири в XII веке за пределы Явы не имеют реального исторического основания. Он утверждает, что захватническая политика Сингосари была вызвана внешней причиной: то был один из отзвуков монгольского нашествия на Восточную Азию. Берг разделяет мнение, первоначально высказанное Мунсом в 1924 году[1], который считал, что Кертанагара актом своего воплощения в образе Будды-Бхайравы повторил аналогичный прием Хубилай-хана, который в 1264 и 1269 годах провозгласил себя живым Джина-Буддой и тем самым возвестил о принятии им программы дальнейших монгольских завоеваний. Страх перед монголами был, по мнению Берга, основным мотивом, которым руководствовался в своей политике Кертанагара. Поэтому в 1275 году он под видом церемонии воплощения в Будду принимал на себя обязательство осуществить далеко идущие захватнические планы, направленные на объединение Индонезии, перед лицом возможной угрозы со стороны Китая. Подражая акту посвящения, предпринятому Хубилай-ханом, Кертанагара надеялся развить в себе силу, которой обладал этот властитель. В планы Кертанагары входило образование священной индонезийской конфедерации и мобилизация всех ее сил на борьбу с монголами; этого он надеялся добиться с помощью своей волшебной мощи, мощи Будды-Бхайравы. Примечательно, что одним из первых шагов Кертанагары после восшествия его на престол было установление дружественных отношений с Тямпой, которой также угрожали монголы. И появление на Суматре в 1286 году его подарка —статуи Амогхапасы — можно рассматривать как вывоз его собственной *шакти*[2] в страну, которой также угрожала монгольская экспансия.

После церемонии 1275 года Кертанагара систематически проводил в жизнь намеченную им программу. В 1280 году он, как об этом сообщается в «Нагаракертагаме», уничтожил зловредного Махиши-Рангках. Точный смысл этого сообщения неясен, но, видимо, речь идет о мерах, которые Кертанагара вынужден был предпринять для укрепления своей власти в пределах собственной страны, прежде чем начать реализацию экспансионистских планов. Имеются данные, свидетельствующие, что он встретил серьезное сопротивление при проведении своей политики. В течение всего периода правления Кертанагаре едва удавалось сдерживать центробежные силы.

Следующим шагом Кертанагары было, согласно Бергу, присоединение острова Мадуры, расположенного против главной яванской гавани — Тубана. Задача обеспечения лояльности населения этого острова была поручена одному из приближенных царя, чиновнику высокого ранга Банджак Виде, который получил титул Арья Вирараджа. Ранее принималась версия предания,

---

[1] Moens J. L., Hett Buddhism op Java en Sumatra in zijn laatste bloeiperiode, in TBG, LXIV (1924).

[2] Шакти — символ силы и могущества правителя. —*Прим. ред.*

согласно которой Вирараджа был царедворцем, потерявшим доверие Кертанагары и сосланным за это на Мадуру. Берг отвергает гипотезу изгнания на том основании, что пост наместника Мадуры был одним из наиболее важных в условиях, когда необходимо было обеспечить восточный фланг для успешного проведения экспансии на запад.

Затем последовало завоевание Бали, приказ о захвате которого был дан, согласно Прапаньче, в 1284 году. Он говорит и о других враждебных актах Кертанагары по отношению к соседям, но отсутствие точных деталей в его утверждениях ставит ряд трудноразрешимых проблем. Если, как говорит Берг в своей работе о «неверно понятом создателе империи», Кертанагара проводил в жизнь тщательно разработанную программу вооруженных захватов, направленную на достижение конечной цели — покорение Малайю, то следующим шагом этого правителя после обеспечения безопасности Явы на востоке должно было бы явиться ослабление Сунды на западе Явы, а тем самым объединение всего острова под единой властью. Прапаньча утверждает, что Сунда входила в состав империи Кертанагары, но он не указывает, каким образом и когда она была присоединена. Берг, намечая последовательную цепь событий в осуществлении агрессивной программы Кертанагары, отмечает, что Сунда была захвачена в 1289 или в начале 1290 года.

К счастью, однако, нет необходимости придерживаться его весьма остроумных предположений, так как в двух своих последующих статьях[1] он дает совершенно новую интерпретацию сущности «Памалайю», которая влечет за собой соответственное изменение мнений о прочих «завоеваниях» Кертанагары. Берг отрицает, что слово «Памалайю» имеет военный смысл. Он считает, что его следует переводить как «соглашение с Малайю»; никакого военного похода *против* Малайю не предпринималось. Он приходит к заключению, что упомянутое Прапаньчей завоевание носило исключительно духовный характер. Перед лицом угрозы монгольского нашествия Кертанагара создавал священную конфедерацию индонезийских государств путем установления духовных связей с каждым из них. Отсюда следует, что ни Бали, ни Сунда не были завоеваны силой оружия: они были вовлечены в «священный союз». В этом свете находят соответствующее объяснение характер и цели акции «Памалайю».

В то время как Кертанагара тем или иным способом[2] создавал оборонительный антимонгольский фронт, опасность нашествия с севера, которая ранее казалась несерьезной, начала приобретать угрожающий характер. Хубилай-хан направлял в государства Юго-Восточной Азии посольства, у которых вошло в обычай требовать в подтверждение признания сюзеренитета Китая особых проявлений покорности. Вскоре стало ясно, что Хубилай-хану нужны не обычные изъявления уважения, сопровождаемые подарками в виде продукции местного производства, а действительное подчинение, причем, если в этом ему отказывали, он готов был подкрепить свои требования силой. Сначала Кертанагара придерживался выжидательной и уклончивой тактики. Может быть, он старался выиграть время, чтобы взвесить вероятные последствия отказа.

А если это так, то возможно, что неудача монгольского похода в Японию в 1281 году и последующие за этим поражения войск Хубилай-хана в Тонкине и в Тямпе в 1285 году оказали на Кертанагару влияние и побудили его бросить монголам вызов в 1289 году. Кертанагара задержал монгольское посольство, которое прибыло в его столицу в 1289 году, а затем отправил членов миссии восвояси, причем, как отмечают китайские источники, предварительно изуродовав им физиономии. Это должно означать, что он отрезал им носы, во всяком случае главе миссии Мен Ги. Дюйвендак, однако, считает, что это сообщение не следует понимать буквально; оно означало, что Пекин был глубоко оскорблен грубым отказом Кертанагары принять посольство.

[1] C. C. Berg, De Geschiedenis van Pril Majapahit, Indonesië, IV, p. 481—520; V, p. 198—202.

[2] Каспарис в своей книге (De Casparis, Twintig jaar van de oudere geschiedenis van Indonesië, «Orientatie», № 46, Jan. 1954, p. 637—641) дает ценный анализ взглядов Берга.

Как бы то ни было, но Хубилай-хан подготовил большую флотилию и собрал войско, чтобы проучить непокорного правителя, и Кертанагара, по-видимому, знал, отправляясь в 1292 году в свой поход «Памалайю», о реальной опасности, которая угрожала ему со стороны Китая. Возможно, он шел на риск, стремясь успешно разрешить задачу этого похода до прибытия монгольской карательной экспедиции.

Но какова была цель этого похода? В «Нагаракертагаме» указывается, что поход 1292 года был совершен не только в Малайю, но и на западный берег Борнео и на Малаккский полуостров, причем Кертанагара якобы овладел Бакулапурой (то есть Танджунгпури) на Борнео, а также Пахангом (это название во времена Прапаньчи применялось ко всей южной части Малаккского полуострова). Правда, в «Нагаракертагаме» не говорится, когда именно были завоеваны эти области, но исследователи согласны в том, что это должно было произойти во время экспедиции «Памалайю». Если принять эту точку зрения, то можно предположить, что Кертанагара, зная о неминуемом вторжении монголов, надеялся отвратить эту опасность, захватив стратегические пункты на пути их продвижения. Берг доказывает, что экспедиционные войска Кертанагары едва не перехватили монгольскую армаду у берегов Борнео. При отсутствии убедительных данных о той роли, которая придавалась экспедиции «Памалайю» в общей схеме операций по отражению монгольской угрозы, легко выдвигать любые предположения. Если ее конечной целью была мобилизация сил для оказания действенного сопротивления ожидаемому вторжению, то она была неэффективной, поскольку высадку монголов на Яве предотвратить не удалось.

Надгробное изображение Кертанагары.

Но до того, как монголы появились на Яве, здесь вспыхнуло возмущение против власти Кертанагары, которое сорвало все его планы. Отправка мощной экспедиции за пределы Явы угрожающе ослабила Сингосари. Недовольным вассалам представлялся исключительно благоприятный случай для мятежа (следует иметь в виду, что на Яве было много противников политики, проводимой Кертанагарой). Очевидно, центром этого движения была Кедири, где отпрыски старой династии не могли забыть унижений, которые причинил их дому Кен Ангрок. Во главе грандиозного мятежа, который поставил под угрозу столицу, стал Джайякатванг, принц Кедири. Джайякатванг ловко отвлек внимание правительственной армии ложными атаками с севера. Затем в один из дней, когда государь и его приближенные предавались оргии, предписанной культом Шивы-Будды, Джайякатванг внезапно напал на столицу с запада, захватил ее, убил Кертанагару и его первого министра, а также других лиц его окружения, причем, по словам автора «Параратона», убил их в тот момент, когда они пили пальмовое вино.

Таким образом, когда монгольская армада под командованием адмирала Икхмиша вскоре после этого (в 1293 году) прибыла в Тубан, Кертанагара уже сошел со сцены и престол занимал Джайякатванг из Кедири. Прибытие монголов дало зятю Кертанагары, бывшему наследному принцу Виджайе, поистине ниспосланную небом возможность низложить узурпатора. В свое время, когда

Сингосари была взята, Виджайя бежал на Мадуру. Однако по совету Вирараджи он возвратился на Яву и изъявил покорность Джайякатвангу, который назначил его правителем одной из областей в низовьях реки Брантас.

Теперь Виджайя обратился к монголам с просьбой помочь ему свергнуть Джайякатванга, обещая за это признать сюзеренитет Хубилай-хана над Явой. Это предложение было принято, и объединенные войска быстро разгромили узурпатора и захватили столицу. Когда же монголы удалили свою гвардию и разделили свои войска на мелкие отряды, чтобы обеспечить «умиротворение» страны, Виджайя внезапно атаковал захватчиков во многих местах. Добившись успеха в этих атаках, он, умело маневрируя, поставил остатки монгольских войск в столь неблагоприятное положение, что адмирал Икхмиш вынужден был прекратить борьбу и отплыть в Китай, оставив Виджайю хозяином положения.

Виджайя стал правителем и принял имя Кертараджаса Джайявардхана. Он построил свой дворец в Маджапахите, местности в нижней части долины Брантас, где в момент прибытия монголов находилась его ставка. Виджайя был основателем последней великой яванской династии, верной индуистской традиции.

Кром полагает, что империя, созданная Кертанагарой, была весьма ослаблена в то время, когда монгольский флот покинул Яву, но не пришла в упадок со смертью этого правителя. Экспедиция Хубилай-хана полностью провалилась и в конечном счете принесла яванцам выгоды, косвенно содействовав продолжению династии Сингосари-Маджапахит. Берг, однако, считает, что в результате монгольского вторжения на Яву крупная экспедиция, направленная Кертанагарой в 1292 году на Суматру, вынуждена была в 1293 году возвратиться на родину и что были утрачены плоды всех усилий, предпринятых Кертанагарой, так как действия Джайякатванга воспрепятствовали попыткам Сингосари создать под своим главенством единую островную империю — *нусантару*, в которую должны были войти и неяванские земли. Эту задачу заново пришлось разрешать государству Маджапахит, но, по мнению Берга, правителям династии Маджапахит не удалось добиться тех результатов, которых чуть было не достиг Кертанагара накануне своей гибели. Берг полагает, что при несколько более благоприятных обстоятельствах Кертанагара стал бы национальным героем и не прослыл бы «неверно понятым создателем империи».

б) Маджапахит
(1293—около 1520)

Берг говорит, что устранение Джайякатванга дало возможность принцу Виджайе спасти свою репутацию, поскольку его победа над узурпатором отвлекла внимание от поражений, понесенных яванцами в борьбе с монголами. В результате успешных маневров, после которых монголы вынуждены были отказаться от своих замыслов и возвратиться восвояси, он сумел с большим успехом завершить видимость победы. Три надписи, датируемые соответственно 1294, 1296 и 1305 годами, создают впечатление, что Виджайя пользовался неоспоримой властью как зять и законный наследник Кертанагары и что его признали все вожди, ранее состоявшие в вассальной зависимости от последнего. Успехи Виджайи нашли отклик у Прапаньчи, которого Берг окрестил «трубадуром своего государя». В «Нагаракертагаме» говорится, что вся Ява с ликованием встретила весть о восшествии на престол Кертараджасы Джайявардханы и одобрила его четырехкратный брак с дочерьми Кертанагары.

Кертанагара не оставил сыновей, и, хотя принц Виджайя как потомок великого Раджасы (Ангрока) имел все основания требовать права на престол, в «Нагаракертагаме» подчеркивается значение браков Виджайи с четырьмя дочерьми Кертанагары и отмечается, что именно благодаря этим бракам он получил действительное право быть наследником своего тестя. Кром и Стуттерхейм допускают, что все эти четыре жены действительно были дочерьми Кертанагары. Однако надпись 1305 года свидетельствует, что эти браки символи-

Храм на о. Бали.

зировали мистическую связь Виджайи с землями, «приобретенными» Кертанагарой в результате акта воплощения в образе Будды-Бхайравы в 1275 году. Четыре жены — это символы Бали, Малайю, Мадуры и Танджунгпури. Берг предполагает, что ни одна из них не была дочерью Кертанагары[1]. Берг объясняет это так: как Кертанагара добился создания нусантары (островной империи) с помощью акта иоги, так и Кертараджаса Джайявардхана сотворил четырех «дочерей Кертанагары» с помощью культа Бхайравы и, соединившись с ними, установил тем самым особые связи с островной империей, созданной его тестем. Таким образом, заключив сексуальный союз с четырьмя *иогинями*, Кертараджаса приобрел новые магические силы, необходимые для дальнейшего претворения в жизнь программы Кертанагары.

Очевидно, эти брачные союзы были заключены в разное время и не являлись постоянными. Известны лишь имена первой и четвертой супруг Кертараджасы. Первая жена, Дара Петак, которая имела звание *парамешвари* (главной жены), была суматранской принцессой, которую доставили на Яву во время экспедиции «Памалайю». Она стала матерью сына Кертараджасы Джайянагары, который наследовал отцу в 1309 году. Четвертая супруга, которая, как отмечается, была любимой женой Кертараджасы, была тямской принцессой, по имени Гайятри. Она имела двух дочерей, причем старшая из них после смерти Джайянагары в 1328 году стала правительницей Маджапахита. Гайятри прибыла на Яву после отхода монгольской флотилии вместе с посольством, посланным Кертанагарой в 1291 или в начале 1292 года к царю Тямпы Джайя Синхаварману III с яванской принцессой.

Яванскую принцессу, доставленную в Тямпу, звали Тапаси. Берг отмечает, что яванское слово *тапаси* соответствует санскритскому термину *иогиня* и полагает, что отправка этой принцессы в Тямпу была связана с ритуалом культа Бхайравы. Миссия Тапаси символизировала вывоз царской *шакти* на территорию, которая подвергалась опасности монгольского вторжения. Вторая и третья «дочери Кертанагары»— фигуры весьма туманные. Видимо, браки, которые заключил с ними правитель, носили характер кратковременного ритуального союза. Судя по сообщениям «Нагаракертагамы» и надписей, Кертараджаса имел детей лишь от Дары Петак и Гайятри.

В «Нагаракертагаме» отмечается, что правление Кертараджасы было мирным, причем ему изъявила покорность вся страна. До последнего времени

[1] B e r g C. C., De Geschiedenis van Pril Majapahit (1. Het misterie van de vier dochters van Krtanagara), «Indonesië», IV, p. 481—520.

исследователи разделяли эту точку зрения. При этом предполагалось, что «Параратон», где приводится список всех восстаний, начиная с возмущения, учиненного в 1295 году Рангга-Лаве, допускает ошибку, относя ранние из них к эпохе правления Кертараджасы. Кром, например, считает, что восстание Рангга-Лаве произошло в 1309 году, то есть в первый год правления Джайянагары[1]. Он разъясняет, что правление Джайянагары было временем непрерывных мятежей и что эти мятежи провоцировались старыми соратниками принца Виджайи, которые, оказав Виджайе помощь в овладении престолом, были затем разочарованы вознаграждением. Тот факт, что он был способен, став королем Кертараджасой Джайявардханой, держать в узде этих беспокойных честолюбцев, сам по себе уже свидетельствует, насколько сильна была его власть.

Однако Стуттерхейм[2], связывая восстания с теми же причинами, что и Кром, считает, что в «Параратоне» даты указаны верно. К мнению Стуттерхейма о датах присоединяется также и Берг[3], который доказывает, что есть все основания полагать, что то место в «Параратоне», где идет речь о мятежах, взято из «Протопараратона», написанного примерно около 1330 года и содержащего сведения, заслуживающие доверия. Однако Берг, касаясь причин восстаний, приходит к совершенно иным выводам, чем Кром, и весьма убедительно доказывает, что возмущения вызывались борьбой двух группировок — сторонников и противников священной конфедерации Кертанагары, или, говоря иными словами, борьбой паниндонезийской партии с партией противочужеземной. Берг считает, что мятеж Рангга-Лаве начался в 1295 году в связи с пожалованием Джайянагаре, сыну Виджайи от суматранской *парамешвари* Дары Петак титула принца Кедири (яванский эквивалент английского «принца Уэльского»), и акт этот свидетельствовал, что сын от матери-малайки получил официальное признание как будущий правитель Явы. Более того, в том же 1295 году Виджайю поразил длительный недуг и Дара Петак заняла влиятельное положение как мать малолетнего принца, который вскоре мог стать титулованным правителем Маджапахита, хотя он был еще несовершеннолетним. Таким образом, восстание было проявлением ненависти яванцев к правительнице чужеземного происхождения и ее суматранскому окружению.

Так объясняет Берг целый ряд восстаний (согласно «Параратону», их было девять), которые потрясли страну в годы правления Кертараджасы и его сына Джайянагары, охватив период с 1295 года до смерти последнего (1328). Помимо возмущения Рангга-Лаве, которое было быстро подавлено, особое значение имели три других восстания, известные по именам их вождей — Соры, Намби и Кути. Восстание Соры было грозным и длилось с 1298 по 1300 год. Намби, сын знаменитого Вирараджи, владевший землями в восточнояванском округе Лумаджанг, поднял на восточной Яве национальное движение, направленное против полусуматранца Джайянагары. Очевидно, Вирараджа не одобрял политики Кертараджасы и получил от него разрешение удалиться в свои восточнояванские владения. Спустя некоторое время он отказался выполнить долг вассала и перестал являться ко двору для принесения ежегодной присяги верности.

Его сын Намби, который был первым министром Маджапахита, пришел к выводу, что при создавшихся обстоятельствах его положение при дворе становится весьма трудным; под предлогом болезни отца он добился разрешения покинуть столицу и направился к Вирарадже. Отец и сын приступили к укреплению своей крепости и в 1309 году, после смерти Кертараджасы, прервали сношения с Маджапахитом. Вирараджа умер в 1311 году, и, поскольку Намби продолжал оказывать открытое сопротивление новому правителю, Джайянагаре, последний в конце концов вступил с ним в вооруженную борьбу. В 1316 году против Намби была послана карательная экспедиция; в «Нагара-

[1] Krom, Hindoe-Javaansch Geschiedenis, chap. X, p. 346—382.
[2] Stutterheim, Culturgeschiedenis van Indonesië, II, p. 72—73.
[3] Berg, op. cit.; см. также: De Casparis, Twentig jaar studie, «Orientatie», № 46, p. 636—640, где освящена история Дары Петак.

кертагаме» говорится, что крепость Намби в Паджаракане была взята, а он сам убит. Однако Берг доказывает, что Намби продолжал борьбу еще в течение десяти лет, пока наконец от него не удалось окончательно избавиться.

В 1319 году против Джайянагары разразилось самое грозное восстание. Вождь восстания, знатный яванец Кути, овладел самой столицей. Правитель бежал в Бадандер, причем его сопровождал отряд телохранителей, возглавляемый молодым офицером, по имени Гаджа Мада. Молодой человек, применив военную хитрость, спас положение. Возвратившись переодетым в столицу, чтобы выяснить обстановку, он распустил слух, что правитель погиб от руки Кути. Реакция населения на эту весть показала ему, что Кути не пользуется популярностью. Тогда Гаджа Мада поднял против него восстание, которое оказалось успешным, и восстановил Джайянагару на престоле. В награду за отважные действия Гаджа Мада был назначен *патихом* (правителем) Кахурипана, а спустя несколько лет стал правителем Кедири. Впоследствии он добился еще более влиятельного положения в государстве.

В годы между восстанием Кути и смертью Джайянагары (1328) не зафиксировано сколько-нибудь значительных событий. Весьма любопытны обстоятельства смерти Джайянагары. Он имел глупость посягнуть на жену Гаджа Мады. Оскорбленный супруг подговорил придворного врача, который оперировал царя, всадить в тело Джайянагары нож глубже, чем это было необходимо, и сразу же после операции казнил своего злосчастного сообщника. Поскольку Джайянагара не оставил наследников, то, согласно Крому, престол перешел к Гайятри. Но Гайятри вскоре удалилась в монастырь; в связи с этим высказывается мнение, что этим актом она добровольно уступила престол своей старшей дочери Трибхуване, которая обычно упоминается как регент. Эта точка зрения основывается на предположении, что Гайятри была действительно дочерью Кертанагары, тогда как, согласно гипотезе Берга, она была тямской принцессой. Тямское происхождение Гайятри, вероятно, может служить объяснением ее отказа от мирской деятельности. Она не могла отречься от престола, утверждает Берг, поскольку она вообще не имела права претендовать на него.

Трибхувана вышла замуж за одного знатного яванца, который, как принц-консорт, принял титул Кертавардхана и был объявлен принцем Сингосари, но верховной власти не имел. В правление Трибхуваны, которое продолжалось до 1350 года, когда она отреклась от престола в пользу своего сына Хайям Вурука, Гаджа Мада приобрел такую власть и влияние, какой до того не добивался ни один из яванских министров. В 1330 году Гаджа Мада был назначен на должность *папатиха*, главного министра государства Маджапахит. С этого момента и вплоть до своей смерти, в 1364 году, Гаджа Мада был истинным правителем Маджапахита.

Роль, которую сыграл Гаджа Мада в подавлении восстания Кути, свидетельствует, что на заре своей деятельности он проявил себя как сторонник паниндонезийской политики. Этим, возможно, и объясняется, почему назначение его на пост *папатиха* вызвало мятеж на восточной Яве. В 1331 году, возвратившись после подавления этого возмущения, Гаджа Мада дал, как это отмечают источники, перед советом министров клятву до тех пор не прибегать к *палапе*, пока не будет подчинена нусантара. Что тем самым он возвещал новый курс экспансионистской политики — совершенно ясно, но слово *палапа* заставило ученых сильно призадуматься. Кром предполагает, что это слово может означать или личные доходы Гаджа Мады, или освобождение его от налогов. Стуттерхейм[1] не мог дать никакого объяснения этому слову. Однако Берг, кажется, разгадал эту загадку[2]. Он полагает, что термин этот означает упражнение в умерщвлении плоти и встречается при описании обряда буддийского культа Бхайравы, включающего половые сношения с *йогинями*. Декларация Гаджа Мады указывает, таким образом, на прекращение политики, основанной

---

[1] Stutterheim, op. cit., p. 76—77.

[2] Berg, De Geschiedenis van Pril Majapahit, «Indonesië», V, p. 198—202.

на культе Бхайравы, или, иными словами, на замену плана индонезийской конфедерации Кертанагары, созданной через посредство системы иоги, политикой вооруженных захватов, направленной на утверждение гегемонии Явы над *нусантарой*.

В источниках отмечается, что министры, перед которыми выступил Гаджа Мада, встретили его клятву смехом. Но вскоре им пришлось распроститься с иллюзиями; некоторые из них были отстранены от должности. Начало новому курсу было положено в том же самом 1331 году удалением статуи Аксобхьи— символа мирной политики Кертанагары на пути создания *нусантары* — с места погребения Кертанагары (чанди Джави) и возведением демонической статуи Камунды с одновременным объявлением о необходимости начать военные действия против страны Саденг.

Название Саденг относится к острову Бали, восстановившему свою независимость после распада конфедерации Кертанагары, последовавшего за его смертью. Покорение Бали было главной целью Гаджа Мады. Произнося свою историческую клятву, Гаджа Мада назвал ряд других государств. Он упомянул о Гуруне, Серане, Таджунгпури, Ару, Паханге, Домпо, Сунде, Палембанге, Тумасике (древнее название Сингапура). Ученые полагают, что эти и ряд других территорий были включены в Маджапахит в период с 1331 по 1351 год, когда чанди Джави был закрыт и политика Кертанагары отвергнута. Однако данные, свидетельствующие об этих приобретениях, оспариваются, и с уверенностью можно говорить лишь о захвате Бали. Завоевание Бали началось в 1331 и завершилось, очевидно, в 1343 году. Именно на Бали заметнее, чем на любой другой внеяванской территории, проявилось влияние древнеяванской культуры. Однако этот остров никогда не был полностью яванизирован. Здесь развилась своя собственная «индуизированная» культура, которая в отличие от яванской способна была отстоять свою самобытность против всех атак со стороны ислама.

Полагают, что признаки яванского культурного влияния, относящиеся к этой эпохе, можно найти также и в Домпо, на Сумбаве и в других местах, которые по традиции связывают с империей Маджапахит. Зависимые от Маджапахита государства перечисляются в «Нагаракертагаме». К ним относится вся Суматра, несколько областей на Малаккском полуострове, Мендавай, Бруней и Танджунгпури на Борнео и целый ряд местностей к востоку от Явы, начиная от Бали и включая Макассар, острова Банда и Молуккские. Многие названия, однако, идентифицируются лишь предположительно. Мы набросали картину столь обширной империи, которая включала территории современной Индонезии и, кроме того, большую часть Малайи. Кром, Стуттерхейм и другие авторы, разделяющие их точку зрения, считают эти границы в основном соответствующими истине. Влекке, например, дает яркое описание мощной империи, единство которой обеспечивалось несметными морскими силами. Он говорит, что после падения Маджапахита не было создано столь величественной державы «до тех пор, пока голландцы не завершили своего завоевания»[1].

Но существовала ли на самом деле великая империя Маджапахит, описанная Прапаньчей в «Нагаракертагаме»? Вопрос этот был поставлен профессором Бергом в одном из его трудов[2], в котором он подверг критике ортодоксальное толкование средневековой яванской истории, данное Кромом в его «Индо-яванской истории». И Берг дает на этот вопрос совершенно определенный ответ: список владений, зависимых от Маджапахита, который приводится в «Нагаракертагаме», имеет большое значение как исторический миф и как свидетельство о географическом кругозоре яванцев в дни Гаджа Мады; однако этот список бесполезен для исследователя политической истории, так как он основывается на совершенно недостаточных данных. Насколько можно судить на основании достоверных фактов, государство Маджапахит ограничивалось пределами восточной Явы, Мадуры и Бали.

---

[1] B. H. M. Vlekke, Nusantara, p. 53.

[2] Berg C. C., De Sadeng-oorlog en de Myth van Groot-Majapahit, «Indonesië», V (1951), p. 358—422.

О связях между Маджапахитом и Суматрой в период, последовавший за возвращением экспедиции «Памалайю» Кертанагары, известно весьма немного. Но то, что известно, не дает, пожалуй, основания утверждать, что этот остров в 1365 году являлся владением Маджапахита, как говорится в «Нагаракертагаме». Предыдущее столетие было эпохой роста Малайю за счет Палембанга, и именно в Малайю Кертанагара отправил в 1286 году статую Амогхапасы (возбудившую столько споров в наше время), когда он приступил к созданию «священного союза» с целью предотвратить угрозу монгольского нашествия. Мауливармадева, который в ту пору правил в Малайю, направил в Маджапахит с кораблями возвращающейся экспедиции «Памалайю» двух принцесс. Одна из них, Дара Петак, стала, как это уже отмечалось выше, женой Кертараджасы Джайявардханы и матерью Джайянагары. Другая, которую звали Дара Джингга, была, согласно Стуттерхейму, выдана замуж за члена яванского правящего дома, и ее сын наследовал Мауливармадеве как правитель Малайю. Берг, однако, считает, что Дара Джингга «сочеталась браком» с Кертараджасой в соответствии с ритуалом культа Бхайравы, а затем была отправлена в Малайю и стала там супругой Висварупакумары, сына и преемника Мауливармадевы. Если принять точку зрения Берга, то можно предположить, что сыном Дары Джингги и Висварупакумары был Адитьяварман, который впоследствии правил большей частью Суматры и в силу двойного брака своей матери одновременно считался старшим сыном суматранского правителя и младшим «отпрыском» Кертараджасы. Он воспитывался при дворе Маджапахита и командовал яванскими войсками при завоевании Бали. В 1343 году он пожертвовал чанди Джаго статую Манджушри — бодисатвы, побеждающего неведение. Стуттерхейм считает, что это он сделал в знак благодарности за воспитание, полученное им при яванском дворе.

Вскоре Адитьяварман стал правителем в Малайю, где он, видимо, наследовал своему отцу. Он не предпринимал попыток восстановить былое морское могущество Шривиджайи и сосредоточил усилия на расширении своих владений за счет внутренних областей Суматры.

Адитьяварман распространил свою власть на горные области, населенные племенами минангкабау, стал правителем сухопутной державы, которая была во всех отношениях независимой. В 1347 году он сделал надпись, в которой ничто не указывает на его зависимость от Явы. Развалины храмов, относящихся к эпохе его правления, свидетельствуют о преобладании на Суматре сильного тантрийского буддизма с элементами шиваизма. Однако дни буддизма были уже сочтены. Ислам в это время уже одержал первые победы в северных приморских областях Суматры. Ибн-Баттута, который посетил Самудру в 1345—1346 годах, отмечал, что эта страна почти столетие назад стала мусульманской.

Восшествие на престол в 1350 году Хайям Вурука не внесло изменений в политику государства Маджапахит. Гаджа Мада продолжал править государством вплоть до своей смерти (1364), и юный царь, по-видимому, был совершенно удовлетворен тем, что дела управления не находятся в его руках. Однако в 1351 году произошло одно из наиболее драматических событий раннеяванской истории. Историки назвали это событие «бубатской кровавой баней». Это было финальное и в то же время наиболее выдающееся событие того периода, когда чанди Джави был закрыт и когда проводилась в жизнь политика железа и крови.

Предание гласит, что вскоре после восшествия на престол Хайям Вурук стал просить руки дочери правителя Сунды. Его предложение было принято, и сам правитель в сопровождении блестящей свиты доставил принцессу в Бубат — город, расположенный к северу от Маджапахита, где должна была произойти свадебная церемония. В самый последний момент Гаджа Мада заявил, что невеста должна быть передана жениху в соответствии с процедурой, принятой в тех случаях, когда вассал вручает дань своему сюзерену. Властитель Сунды понял, что его попросту завлекли в западню. Не желая поступиться независимостью своего государства, он попытался с боем проложить себе путь,

но его и всех его приближенных схватили и убили. На основании имеющихся данных трудно установить, заключен ли был действительно брак или невеста наложила на себя руки у тела отца. После «бубатской кровавой бани» Сунда, по-видимому, временно признала сюзеренитет Маджапахита, но в конце концов снова добилась независимости.

Как уже отмечалось выше, «бубатская кровавая баня» завершила эпоху завоеваний. После этого Гаджа Мада самолично продемонстрировал возврат к политике Кертанагары; он соорудил новую гробницу — чанди Сингосари, заменив ею чанди Джави. Под покровительством Гаджа Мады Прапаньча приступил к составлению «Нагаракертагамы», чтобы прославить «неверно понятого создателя империи».

Прапаньча в дополнение к списку зависимых от Маджапахита владений перечисляет ряд государств, с которыми Маджапахит поддерживал дружественные отношения. К числу таких государств он относит Сиам, Бирму, Камбоджу, Тямпу и «Явану», то есть Вьетнам, и, кроме того, более отдаленные страны — Китай, Карнатик и Бенгалию, с которыми он имел торговые связи. Китайские источники упоминают о яванских посольствах, относящихся к эпохе начала Минской династии (датируя их 1369 и 1382 годами). В это время Палембанг также посылал посольства в Китай, прося у него помощи против Явы. В 1377 году император направил правителю Палембанга грамоту, в которой признавал его права. Но прежде чем этот документ попал по назначению, город Палембанг был взят войсками Маджапахита и китайские послы были казнены. Звезда Палембанга быстро закатилась. Приблизительно в это время китайский пират Лин Дао-мин с отрядом в несколько тысяч земляков установил свой контроль над Палембангом. Ява, очевидно, не желала вмешиваться, и Кром предполагает, что она преднамеренно придерживалась этой политики. Но такое предположение подразумевает существование «великого Маджапахита» с его обширной индонезийской империей, которую Берг считает чистым мифом. Следует отметить, что государство, созданное Адитьяварманом, не имело интересов вне Суматры.

Деятельность Гаджа Мады была настолько сосредоточена на создании империи, что не легко установить, какую роль играл он во внутренней политике. У Прапаньчи имеется блестящее описание современной ему системы правления на Яве, причем он отмечает, что члены правящей династии занимали видные посты. Отец правителя ведал судебными делами, сбором податей и классификацией населения. На дядю было возложено наблюдение за земельными делами и надзор за мостами и дорогами. Особая служба ведала землями *дес* (общин) и храмовых земель. Были зафиксированы обязанности полиции и в связи с этим перечислены определенные лица. Для различных классов и групп населения предназначались определенные профессии. Были изданы правила относительно пожалований должностным лицам и храмам, содержания войск, покровительства земледелию и землевладению, уплаты податей в казну, определения налоговых ставок и различных видов обязательных повинностей.

Введение большинства этих правил предписывается самому Гаджа Маде. Деятельность Гаджа Мады была настолько обширной, что, когда он умер, Государственный совет объявил, что невозможно назначить ему преемника, и разделил функции, которые прежде исполнял Гаджа Мада, между четырьмя министрами. Возможно, что этим решением совет в вежливой форме намекал, что было бы неразумным снова сосредоточить в одних руках столь большую власть.

Имя Гаджа Мады связано с изданием свода законов, составленного по его указаниям. По-видимому, этот свод заменил «Кутараманаву»— свод, который являлся переработкой «Законов Ману» и был главным источником писаного яванского права в эпоху, предшествующую основанию империи Маджапахит. Однако форма этих сводов, в которой они дошли до нас, относится к более позднему времени. Вердикт, относящийся ко времени правления Раджасанагары, записанный на медной доске, дает представление о том, чем должны были руководствоваться судьи при разборе гражданских дел. Они

должны были принимать во внимание законы, внесенные в свод, местные обычаи, прецеденты и мнения духовных лиц и старцев. Они также должны были запрашивать мнение беспристрастных соседей, прежде чем принимать окончательное решение.

О короле как правителе известно очень мало. По-видимому, после смерти Гаджа Мады, его преемник счел труды, связанные с необходимостью координировать и направлять работу четырех министров, ведавших различными отраслями управления государством, столь обременительными, что спустя несколько лет назначил первого министра и поручил ему ведение всех государственных дел. По описанию образа жизни великого властителя, которое дает Прапаньча, создается впечатление, что, поглощенный царственными развлечениями, этот государь мог уделять не много внимания государственным делам. «Воистину,— говорит Прапаньча,— царь Хайям Вурук — великий властитель. Он живет без забот и тревог. Все удовольствия дозволены ему. Ему отбирают множество красивых девушек Джангалы и Кедири, и, кроме того, когда захватывают девушек в чужеземных странах, самых лучших приводят к нему в гарем»[1].

От главной жены у Хайям Вурука не было сыновей; от нее он имел только одну дочь, которую выдал за своего племянника Викрамавардхану, принца Матарама, который стал законным наследником. От другой жены у Хайям Вурука был сын Вирабуми, и царь проявлял о нем особую заботу. Он назначил его наместником восточной Явы и женил на сестре наследника. Эта комбинация породила смуты после смерти царя. Имеются сведения, что еще до кончины Хайям Вурука Вирабуми управлял своим уделом как независимый властитель.

Правление Викрамавардханы (1389—1429) было периодом быстрого упадка государства. Главной причиной этого упадка явилась гражданская война, вспыхнувшая из-за отказа Вирабуми признать верховенство Маджапахита, ибо она роковым образом ослабила власть Маджапахита над зависимыми от него государствами. Тем самым был открыт путь возвышению нового государства — Малакки, дальнейший рост которой облегчен был тем «вакуумом», который был создан в результате падения Шривиджайи и сосредоточения внимания правителей Малайю на внутренних территориях острова. Кроме того, распространение ислама было тем мощным религиозным фактором, который укрепил силы оппозиции и придал новый импульс центробежным тенденциям, всегда имевшимся на самой Яве. В течение некоторого времени Викрамавардхана поддерживал хорошие отношения со своим шурином. Однако в 1399 году, когда умер единственный сын Викрамавардханы от его главной жены, началась смута, а в 1401 году разразилась гражданская война. В 1406 году Вирабуми был убит, и голову его доставили в Маджапахит в знак восстановления единства государства.

Китайцы признали обоих государей. Но при взятии столицы Вирабуми было убито несколько членов китайского посольства. Император потребовал огромного денежного возмещения. Викрамавардхана отправил $^1/_6$ требуемой суммы в знак погашения платежа; это удовлетворило императора, который простил Викрамавардхане остаток суммы.

Посольство, направленное по этому случаю на Яву, было первым из множества миссий, посланных императором Минской династии Юнлэ[2], который желал восстановить былой престиж Китая и снова превратить свою страну в величайшую державу восточного мира. Большинство этих посольств возглавлял знаменитый флотоводец евнух Чжэн Хэ, который в промежуток между 1405 и 1433 годами совершил несколько замечательных путешествий и побывал в Тямпе, на Яве, Суматре, в Индии, на Цейлоне и даже в Аравии и Восточной Африке. Его секретарь мусульманин Ма Хуань дал ценное описание трех путешествий в книге «Иньяшэнлань» («Описание берегов океана»). Эта книга была написана в 1416 году, а затем дополнена и исправлена в 1451 году.

---

[1] B. H. M. Vlekke, Nusantara, p. 62.

[2] Юнлэ — название эры правления императора Чэн-цзу (1403—1425).—*Прим. ред.*

Китайский пират, правитель Палембанга, в 1407 году попытался ограбить Чжэн Хэ, но адмирал, вовремя предупрежденный местным китайским поселенцем Ши Цзи-цином, захватил предводителя пиратской шайки и назначил правителем Палембанга Ши Цзи-цина. Показательно, что Чжэн Хэ при этом рассматривал себя как лицо, действующее от имени правителя Маджапахита, и новый правитель Палембанга номинально считался подданным Викрамавардханы. На Палембанг претендовала Малакка, которую китайская миссия впервые посетила в 1403 году. Однако китайский император счел эти притязания неприемлемыми и решил дело в пользу Маджапахита.

Таким образом, оживление интереса китайцев к островам Малайского архипелага ни в коей степени не было направлено против Маджапахита. Очевидно, Китай не намерен был проводить политику «раздробления». Записки Ма Хуаня о его путешествиях свидетельствуют, что в то время от яванской заморской империи осталось лишь название, если вообще что и осталось. Чтобы удерживать власть над столь обширной империей, нужны были такие деятели, как Гаджа Мада, а после смерти этого правителя равного ему в царстве Маджапахит уже не было. Однако ослабление политических связей в небольшой степени отразилось на яванской торговле, а быть может, и вовсе не повлияло на нее. Так, например, когда в XV веке порты Борнео, ранее платившие дань Маджапахиту, демонстрировали свою независимость путем развития отношений с Китаем, их торговые связи с Явой оставались прежними. И Китай вел торговлю с Молуккскими островами главным образом через Яву.

Весьма немного известно о событиях последнего столетия в истории Маджапахита после смерти Викрамавардханы в 1429 году. Викрамавардхане наследовала его дочь Сухита (1429—1447), при которой вспыхнуло восстание, возглавленное Бхре Дахой. Преемником Сухиты был ее брат Бхре Тумапель, известный под именем Кертавиджайи (1447—1451). После него правители старой династии уже больше не упоминаются.

В 1451—1453 годы на Яве правил некий Бхре Памотан, который перенес свою резиденцию в Келинг-Кахурипан и носил имя Раджасавардхан. Затем последовало трехлетнее междуцарствие, а с 1456 по 1466 год страной правил Хьянг Пурвавишеса. В 1460 году его послы оскандалились в Китае, заколов в пьяной драке шесть священнослужителей из другой чужеземной миссии. Занимавший престол с 1466 по 1478 год Бхре Пандан Салас (Сингхавикрамавардхана) покинул в 1478 году столицу в Маджапахите. Согласно яванскому преданию, Маджапахит был взят в 1478 году войсками коалиции мусульманских государств. Однако эта версия не соответствует действительности, поскольку имеются бесспорные данные, свидетельствующие, что на Яве в 1486 году царствовал правитель-индуист Ранавиджайя.

Конец истории Маджапахита окутан мглой. Кром считает, что последним правителем Маджапахита был Патеудра, который правил в 1516 году. Барбоза[1] говорит о нем как о языческом короле языческой страны, к которому Албукерки направил своих послов после завоевания Малакки в 1511 году.

Имя «Патеудра» — по всей вероятности, португальский эквивалент яванского титула и имени Пати Удара. Барбоза отмечал, что приморские города на Яве были мусульманскими и что они время от времени выступали против «короля Явы», но восстания эти подавлялись. Отчет, посланный наместником Малакки де Бриту португальскому королю, почти не дополняет сведений Барбозы. Бриту писал, что на Яве имеются два «правителя-каффира»—король Сунды и король Явы, а прибрежные области находятся во власти мавров[2].

[1] Дуарти Барбоза — португальский авантюрист, участник кампании Алмейды и Албукерки и знаменитой экспедиции Магеллана. Погиб на Филиппинах почти одновременно со своим шурином Магелланом в 1521 году. Барбоза является автором замечательного описания стран Востока «Livro de Duarte Barbarosa», в котором содержатся ценнейшие сведения об африканских землях, Индии и Юго-Восточной Азии.—*Прим. перев.*

[2] Каффирами (неверными) мусульмане называли язычников; маврами португальцы именовали мусульман.—*Прим. ред.*

ГЛАВА V

КХМЕРЫ И АНГКОР

а) Кхмерское королевство Камбоджа до 1001 года

Согласно китайским источникам, падение империи Фунань произошло в середине VI века в результате восстания вассального княжества Ченла. В «Истории Сунской династии» об этом событии говорится следующее: «Королевство Ченла расположено к юго-западу от Линь-и. Вначале оно находилось в вассальной зависимости от Фунани. Короля Ченлы, носившего династическое имя Чали, звали Четосеуна. Его предшественники постепенно усиливали мощь страны. Четосеуна напал на Фунань и завоевал ее». Линь-и — это, разумеется, Тямпа; Чали — это Кшатрия; а Четосеуна — Читрасена. Однако до сих пор не найдено объяснения слову «Ченла»; во всяком случае, оно не может быть связано ни с санскритским языком, ни с языком кхмеров.

В собственно Фунань входили современные территории юга Камбоджи и Кохинхина. Ченла была расположена севернее; она занимала нижнее и среднее течение реки Меконг на север от Стунг Ченга; первоначальный центр Ченлы был расположен в районе Бассака, чуть ниже устья реки Мун. Таким образом, она включала северную часть современной Камбоджи и южную часть королевства Лаос. Согласно «Истории Сунской династии», до покорения Фунани столица Ченлы находилась близ горы, носившей название Лингкиапопо, то есть Лингапарвата; на ней был воздвигнут храм в честь бога Потоли, то есть Бхадрешвары, которому король Ченлы ежегодно в одну из ночей приносил человеческую жертву.

Согласно кхмерской легенде, сохранившейся в надписи X века, первая королевская семья Камбоджи ведет свое начало от брачного союза отшельника Камбу Свайамбхува и небесной нимфы Мера, посланной ему богом Шивой. Эта легенда, которая, как это очевидно, совершенно отлична от истории о Каундиньи и принцессе нага, видимо, была придумана для того, чтобы объяснить происхождение названия «Камбуджа», которое кхмеры приняли в результате индианизации.

Бхававарман, «Протеже Шивы», старший из двух братьев, которые возглавили восстание против Фунани, женился на принцессе Лакшми из династии Камбу Мера, уже существовавшей на протяжении предыдущих полутора столетий, и стал королем Ченлы. О его отце Виравармане упоминается в надписях как о вассале Фунани. Его деда звали Сарвабхаума, и если, как полагают, этим именем называли последнего короля Фунани — Рудравармана, то он принадлежал к «лунной» династии, основанной Каундиньей и Сомой. Его женитьба имела большое значение для развития династических преданий кхмеров, ибо она была использована для объяснения того, каким образом последующие камбоджийские короли могли претендовать на происхождение одновременно и от «лунной» и от «солнечной» ветвей, династические легенды которых совершенно не связаны друг с другом.

Что случилось после того, как умер правитель Фунани — Рудраварман, точно не известно. Кёдэ полагает, что была совершена попытка восстановить законную династию и что это заставило двух братьев — Бхававармана и Читрасену — возглавить движение, с тем чтобы отстоять свое собственное право

на престол как внуков последнего короля. Вопрос осложнялся тем, что, хотя Рудраварман умер приблизительно в 550 году, Фунань и в начале VII века все еще продолжала посылать в Китай свои миссии, правда, теперь уже из столицы, расположенной намного южнее прежней, ибо старая столица Вьядхапура была захвачена братьями из Ченлы. По мнению Бриггса, этот факт указывает на то, что Бхававармап не захватывал Фунани и что она пользовалась автономией до 627 года, когда при правлении Ишанавармана I она была включена в состав Ченлы. Бриггс отмечает, что министры Рудравармана остались на своих постах в древней столице и продолжали служить Бхававарману, хотя он никогда не переносил сюда своей столицы из Ченлы[1].

Точное местонахождение его столицы неизвестно. Возможно, она находилась около Ват Пху или в Стунг-Ченге. Во всяком случае, именно к Ченле перешла власть над Фунанью. И даже если прав Бриггс, утверждающий, что в отношении побежденной Фунани Ченла придерживалась «мудрой политики умиротворения», то все равно долгое правление Бхававармана, видимо, было периодом войн, которые постоянно отвлекали его брата Читрасену, командовавшего его армиями. Империя Фунань включала народы и вассальные государства на территории от Тямпы на востоке до Бенгальского залива на западе, а также бóльшую часть Малаккского полуострова. Из всех этих государств сюзеренитет Ченлы, очевидно, признала только собственно Фунань. Малайские княжества, известные китайцам под названием Лангясиу, Пан-Пан и Читу, вероятно, установили дипломатические отношения с Китаем, так же как это сделало монское государство Дваравати на реке Менам[2].

Точное время правления Бхававармана не установлено. Единственная надпись, относящаяся ко времени его правления, в которой отмечалось основание святилища (линги), датирована 598 годом. Около 600 года ему наследовал Читрасена, который принял титул Махендраварман — «Протеже великого Индры». Даты его правления неизвестны, но оно было коротким, так как Читрасена уже был на склоне лет, когда стал королем. Все источники — тямские, китайские и его собственные надписи — характеризуют его как героя и завоевателя. Во время своего правления он захватил долину в низовьях реки Мун. Свои завоевания он отмечал тем, что воздвигал святилища (линги) в честь Гириса — «Правителя горы». Его надписи были обнаружены на берегах реки Меконг около Кратие и Стунг-Ченга, а также к западу, вплоть до Бурирама и Сурина.

Сын Читрасены — Ишанаварман I, сменивший своего отца на престоле приблизительно в 611 году, по мнению китайцев, завершил захват Фунани. Согласно «Истории Танской династии», это случилось в 627 году или несколько позже. Фунань перестала существовать как отдельное вассальное государство, ее территория была аннексирована. Китайские источники указывают, что даже после этого Фунань продолжала посылать свои посольства. Бриггс полагает, что это были миссии протеста, посылавшиеся свергнутой династией[3].

Кроме того, Ишанаварман I распространил свою власть дальше на запад в сторону района, которому позже предстояло стать центром Ангкорской империи. Принц по имени Баладитья, по всей вероятности один из потомков правившей в Фунани ветви Каундинья — Сома, основал независимое государство в долине реки Стунг Сен, впадающей в Тонле Сап и текущей параллельно Меконгу. По-видимому, это королевство вначале называлось Баладитьяпура, однако оно больше известно под более поздним названием — Аниндитапура. Баладитьяпура была захвачена Ишанаварманом, который затем воздвиг на Стунг Сене свою первую столицу. Этот город был назван Ишанапура. Можно предположить, что он был расположен в двадцати милях к северу от современного города Компонг Том, где ныне обнаружены наиболее внушительные

---

[1] L. P. Briggs, The Ancient Khmer Empire, p. 42.

[2] Автор, следуя общей ошибке почти всех авторов и карт (кроме таиландских), называет реку Тяу Прайя—Менам. *Ме-нам* на тайском языке означает «река». На таиландских картах вместо Менам значится «менам Тяу Прайя» («Мать-река»). — *Прим. перев.*

[3] Briggs, op. cit., p. 48.

развалины из всех известных памятников Камбоджи доангкорского периода. Причина переноса столицы, по-видимому, состояла в том, что в свете политики расширения владений на запад прежняя столица на Меконге оказывалась слишком близко от восточной границы. После этого Ишанаварман распространил свою власть на три княжества в северо-западной Камбодже: Какранкапура, Амогхапура и Бхимапура. Кроме того, он захватил ряд территорий на юге, в результате чего граница его владений на западе прошла через современный город Чантабун и подошла к границе монского королевства Дваравати. Характерно, что и он и его отец в целях облегчения политики завоеваний поддерживали дружественные отношения с Тямпой. Сам Ишанаварман женился на тямской принцессе.

Согласно китайским источникам, Ишанаварман I правил до 635 года, хотя самая последняя его надпись относится к 628—629 годам. Его преемником был Бхавварман II, родственные отношения которого к Ишанаварману, а также даты правления неизвестны. Бриггс предполагает, что он мог быть «сыном таинственного сына своего тезки, который бесследно исчез в истории»[1]. Лишь одна из его надписей может быть датирована, и Кёдэ относит ее к 639 году. Бхавварману наследовал Джайяварман, который, согласно Кёдэ, был его сыном; правда, Бриггс отрицает это[2]. Он полагает, что Джайяварман, возможно, принадлежал к династии Ишанавармана. Наиболее ранний памятник его правления — надпись 657 года, однако некоторые думают, что он вступил на престол несколькими годами раньше. Он правил, вероятно, лет сорок, и хотя к периоду его правления нельзя отнести ни одного памятника зодчества, он в то же время явился автором многих надписей. В одной из них он назван «славным львом среди королей, победоносным Джайяварманом». Он завоевал центральный и верхний Лаос, вплоть до границ Наньчжао. Но в его огромных владениях никогда не было мира, и те гражданские войны, которые привели к расчленению империи Ченла после его смерти, уходили своими корнями в более ранние времена. Он сумел удержать свою власть над долиной Меконга, но запад, видимо, уже находился под властью какого-то враждебного государства, столицей которого была Баладитьяпура, и, кроме того, сомнительно также, чтобы он сохранил власть над южными территориями широко разбросанных владений Ишанавармана. Джайяварман не оставил наследника, поэтому в течение столетия после его смерти Камбоджа переживала очень тяжелый период. Согласно надписи 713 года, можно заключить, что после него правила его супруга Джайядеви, но она не смогла остановить центробежные силы, которые бросали вызов трону еще в период правления самого Джайявармана.

Вплоть до правления Джайявармана I кхмеры все более укрепляли свою власть в низовьях Меконга и в районах около Тонле Сап. Они оставили после себя много из того, что представляет археологический интерес: кирпичные башни, одиночные или расположенные группами скульптуры, в которых проявляется сходство с индусскими прототипами и в то же время сильно выражены местные черты, и богато декорированные изваяния, подобные тем, которые были в таком изобилии созданы в Ангкорский период. Управление государством было хорошо организовано, однако на основе имеющихся в нашем распоряжении эпиграфических памятников невозможно составить полную картину его функционирования.

Все надписи связаны с религиозными святилищами, поэтому нет недостатка в сведениях о государственной религии. Буддизм уже не пользовался благосклонностью правителей, как это было в Фунани. Господствующее положение занимал индуизм, и основой религии двора был, в частности, шиваитский культ линги. Упоминаются главные секты шиваитов и вишнавитов, основанные в Индии. Характерной чертой этого периода является поклонение Харихаре, или объединенным в одном лице Шиве и Вишну, который якобы впервые появился еще до 450 года н. э. на скалах Бадами и Махавелипур в стране Паллавов.

---

[1] Briggs, op. cit., p. 52.
[2] Там же, стр. 53.

Большинство надписей составлено на санскрите, но уже встречались надписи и на кхмерском языке. Надпись в Ак Йоме в долине Муна, которую можно датировать 609 годом, является наиболее древней из до сих пор обнаруженных надписей на кхмерском языке. Литература основывалась на санскритской классике, широко использовалась мифология «Рамаяны», «Махабхараты» и пураны. Но это была культура двора. Насколько она проникала в среду простого народа — нам неизвестно. Несомненно, что огромную роль продолжала играть старая доиндусская культура. В связи с этим интересно отметить, что в надписях подтверждается большое значение матриархального строя семьи.

Что же касается материальной культуры времени правления Ишанавармана, то сведения об этом содержатся в «Истории Сунской династии», хотя в ней основное внимание уделяется королю и его двору. Из отраслей хозяйства упоминается лишь земледелие, которому посвящена лишь одна короткая фраза: «В этом королевстве выращивают рис, рожь, мелкое просо и немного крупного проса». Основываясь на том, что в XIII веке Ма Дуань-линь включил весь этот период как единое целое в свое «Описание народов за пределами Китая», можно предположить, что в течение этих веков не произошло каких-либо крупных общественных или экономических изменений и что чудеса архитектуры и искусства Ангкора были достигнуты на базе экономики, характеризовавшейся наличием мелких крестьян-земледельцев. До сих пор исследование в силу понятных причин сосредоточивалось на храмах и дворе, и, к сожалению, история мало что говорит нам о том, что делалось в Камбодже за их пределами.

«История Танской династии» констатирует, что вскоре после 706 года страна распалась на две части, которые она называет Сухопутной Ченлой и Водной Ченлой. Эти названия соответствуют северной и южной частям страны, которые для удобства можно называть Верхней и Нижней Ченлой. Номинальную власть над обеими частями Ченлы осуществляли преемники Джайявармана I в качестве «архираджей», или верховных правителей, однако фактическая власть находилась в руках мелких князьков. Настолько велика была путаница и настолько скудны сведения, что невозможно последовательно изложить историю этого периода. Со времени выхода в свет в 1900 году классической работы Эймонье «Камбоджа» стали появляться все новые и новые гипотезы относительно местонахождения столиц двух упомянутых китайцами частей Ченлы[1]. Поль Пелльо в своем исследовании «Два пути»[2] выдвинул теорию, согласно которой столицей Нижней Ченлы была Вьядхапура, а столицей Верхней Ченлы — Самбхупура (Самбор). Некоторое время это считалось общепризнанным. Но эту теорию оспаривали Анри Масперо, Кёдэ и Пьер Дюпон. Последний убежден, что, для того чтобы установить территорию Верхней Ченлы, необходимо обратиться к древней родине кхмеров, которую он располагает значительно севернее — в районе Бассак — Паксе и нижнего течения реки Мун. А Нижняя Ченла, по его мнению, включала Самбхупуру, Вьядхапуру и Баладитьяпуру. В таком случае действительно преемницей королевства Джайявармана I должна была бы быть Нижняя Ченла.

Источником всех сведений о Верхней Ченле являются китайские отчеты о посольствах. Китайцы называли ее Вен Тан. Ее территория, по-видимому, доходила на севере до Юньнани; Верхняя Ченла была населена племенами кха, а у границы с Наньчжао, возможно, и таи. Первое посольство из Верхней Ченлы прибыло в Китай в 717 году. В 722 году она воевала с китайским правителем Цзяо-Чжоу (Тонкин), но потерпела поражение. Сообщение о другом посольстве относится к 750 году, однако неизвестно, из какой части Ченлы оно прибыло. Наследник престола Вен Тана в 753 году прибыл ко двору китайского императора, где ему был дарован титул «стойкого и упорного защитника». В то время Китай воевал с Наньчжао, король которой, Колофенг, заключил союз с Тибетом. Наследник престола сопровождал китайскую армию, которая

[1] Бриггс подробно рассматривает этот вопрос на стр. 58—59 своей работы (Briggs, op. cit., p. 58, 59).
[2] Paul Pelliot, Deux Itinéraires, BEFEO, IV, 1904, p. 131—385.

была полностью разбита войсками Наньчжао. Последнее сообщение о посольстве из Вен Тана относится к 799 году. О ее истории того периода можно сказать следующее: по сравнению с Нижней Ченлой ее положение в общем было более стабильно.

В Нижней Ченле сразу же после смерти Джайявармана I развернулась борьба за власть между двумя династиями: «лунной» династией Аниндитапуры во главе с *ишвара* (правителями) семейства Баладитьи и новой «солнечной» династией Самбхупуры. Прежнее королевство Баладитьяпура, завоеванное Ишанаварманом, было восстановлено Нрипатиндраварманом, который провозгласил себя правителем этого королевства и присоединил узкую полосу территорий дельты, выходящую к морю в районе древнего фунаньского порта Ок Ео. Полагают, что столица Нрипатиндравармана находилась в Ангкор Борей. Самбхупура, находившаяся в районе современных Самбора и Кратие, отпала от Ченлы еще при Джайявармане I. Многие надписи и памятники относятся к периоду 681—716 годов. Принцесса Самбхупуры, которая, как полагают, была дочерью основателя этого государства, вышла замуж за Пушкаракшу, сына правителя Аниндитапуры — Нрипатиндравармана, и ее муж стал королем Самбхупуры. Таким образом, во главе обоих королевств стали монархи, которые претендовали на принадлежность к династии Каундинья—Сома.

Сведения о последующем периоде истории Нижней Ченлы крайне скудны и вызывают много вопросов. Сообщения о посольствах в Китай отсутствуют, имеется лишь несколько надписей. Последняя надпись королевы Джайядеви от 713 года повествует о бедствиях. Надпись у входа в Пре Тет Кван Пир, в провинции Кратие, датированная 716 годом, сообщает: «В Пушкаре была статуя бога Пушкареша, воздвигнутая монахами и наиболее видными брахманами». Возможно, автором этой надписи был правитель Самбхупуры — Пушкаракша. По мнению Бриггса, это первый пример обожествления короля в камбоджийской истории[1]. В четырех надписях периода 770—781 годов упоминается о короле Джайявармане, который не был включен в ранее принятый список камбоджийских королей. Поэтому во избежание путаницы Кёдэ называет его Джайяварманом I-бис. Все эти надписи обнаружены на территории королевства Самбхупура.

Власть династии Нрипатиндравармана, правившей в Аниндитапуре, видимо, распространялась на всю территорию дельты. Кёдэ предполагает, что женитьба Пушкаракши на наследнице трона Самбхупуры была завуалированным захватом этой страны. Архираджи Вьядхапуры, вероятно, контролировали лишь узкую полосу территории вдоль Меконга в районе прежней столицы Джайявармана I. Сын Пушкаракши, женившись на наследнице трона Вьядхапуры, объединил всю Нижнюю Ченлу и стал королем под именем Самбхуварман. Поэтому его сын Раджендраварман, правивший во второй половине VIII века, по общему признанию, значится среди королей Камбоджи как Раджендраварман I. Ему наследовал его сын Махипативарман. Предполагают, что столица и этих королей находилась в Ангкор Борей.

В конце VIII века Нижняя Ченла подверглась нападению малайских пиратов с «Явы». Последнее может означать собственно Яву, Суматру, Малаккский полуостров или все три вместе взятые. Пираты захватили остров Пуло-Кондор и использовали его в качестве базы для своих набегов, причем они иногда достигали северной части Тонкина. В 774 и 787 годах пираты совершили набег на Тямпу. Нападению подверглась и Камбоджа, но надписи не освещают подробностей этого события. Одна из яванских надписей утверждает, что Камбоджа была захвачена королем Санджайей. Арабский автор X века Абу Саид Хасан повествует о плаваниях купца Сулеймана, путешествовавшего в этих районах в 851 году и собравшего сведения о вторжении яванцев в Ченлу в последние годы VIII века. Несмотря на то, что это сообщение напоминает легенду, оно проливает некоторый свет на события того периода.

---

[1] Briggs, op. cit., p. 60.

Молодой кхмерский король имел неосторожность потребовать, чтобы ему на блюде принесли голову махараджи «Забага» (то есть Шривиджайи). Об этом прослышал сам махараджа, который неожиданно напал на столицу кхмерского короля, пленил его и отрубил ему голову. Взяв голову с собой, махараджа забальзамировал ее и отправил обратно в урне в качестве предупреждения преемнику кхмерского короля. Кхмерская надпись более позднего времени указывает, что Джайяварман II, прежде чем вступить на престол Камбоджи, посетил Яву. Возможно, что он прибыл ко двору Шайлендров для принесения феодальной присяги как преемник обезглавленного короля. Историки склонны думать, что в повествовании Абу Саид Хасана имеется значительная доля правды, ибо, когда Джайяварман II установил власть над всем своим королевством, он устроил церемонию, на которой демонстративно объявил о своей независимости. Поэтому Бриггс предполагает, что Джайяварман II был преемником Махипативармана и что этот последний и был тем кхмерским королем, которого обезглавил махараджа из династии Шайлендра[1].

Несмотря на недостаток исторических сведений, VIII век оставил интересные образцы искусства и архитектуры доангкорского периода. После 1937 года, когда Филипп Штерн опубликовал свой труд «Ангкор и развитие кхмерского искусства», совершенно иначе освещающий вопрос, хронология и классификация кхмерского искусства были радикально изменены. Опубликование труда Штерна вызвало появление большого числа новых исследований этого предмета, например трудов Пармантье, г-жи де Кораль Ремюза, Пьера Дюпона и других ученых. В 1947 году результаты этих исследований были объединены г-жой де Кораль Ремюза в труде, имеющем большое значение,— «Кхмерское искусство; главные этапы его развития», который довольно точно определяет историческое место основных памятников и, кроме того, по-новому освещает длительный период развития Камбоджи до создания Ангкора как столицы и центра искусств кхмерского королевства[2].

Основателем королевства Ангкор был Джайяварман II, хотя сам город Ангкор был создан не им. Бриггс полагает[3], что он был избран королем министрами Махипативармана в соответствии с указанием яванского махараджи, о котором писал Абу Саид Хасан. Он не принадлежал к династической ветви Раджендравармана I. Более поздние надписи говорят о нем как о правнуке Нрипатиндравармана — правителя Аниндитапуры, но надо учесть, что тот, кому удавалось захватить трон, всегда мог быть обеспечен подходящей генеалогией. О его отце ничего не известно. Но совершенно ясно одно, что для того, чтобы занять трон, он прибыл с Явы. В связи с этим было выдвинуто предположение, что его семья обосновалась там в период смут и волнений и что его держали при дворе Шайлендров в качестве заложника. Насколько известно, он не оставил после себя никаких надписей, и его роль в кхмерской истории была признана лишь сравнительно недавно.

Основные факты его правления изложены в надписи XI века на стене в Сдок Как Томе, переведенной в 1915 году Луи Фино. Свое длительное правление Джайяварман II начал с создания столицы, названной им Индрапура, которая была расположена, как полагают, в районе археологических раскопок в Бантей Прей Нокор, к востоку от Компонг Тяма в нижнем течении Меконга. Здесь он принял на службу брахмана Шивакайвалью, который стал первым жрецом нового культа, признанного Джайяварманом II государственной религией. Это был культ Дева-раджи, бога-короля, то есть одна из форм шиваизма, основывающаяся на почитании линги как священной индивидуальности короля, которой наделил его Шива через посредство своего священника-брахмана. Считалось, что процветание королевства зависит от благополучия королевской линги. Святилище линги находилось на вершине храма-горы, естественной или

---

[1] B r i g g s, op. cit., p. 69.

[2] Замечательный обзор кхмерского искусства и архитектуры периода 550— 790 годов дает в своей книге Бриггс (B r i g g s, op. cit., p. 69—80).

[3] Там же, стр. 69.

искусственной, которая располагалась в центре столицы и считалась осью вселенной.

Эта концепция храма-горы имеет гораздо более раннее происхождение, чем культ Шивы. Она уходит корнями в древнюю Месопотамию, откуда перешла в древнюю Индию, где ряд индусских династий имел свои священные горы. В Фунани тоже, как мы видели, имелся свой священный холм Ба Пном, а на Яве Шайлендры называли себя «королями горы». Принятие Джайяварманом II этого культа явилось жестом независимости, знаком того, что он не признавал никакой власти над собой. Больше того, это свидетельствовало о его стремлении называться Чакравартином, то есть монархом вселенной, и имело для него и его преемников почти то же самое значение, какое белый слон имел для буддийских монархов теравадского толка. Начиная со времен Джайяварманa каждый король считал своим долгом соорудить свою собственную храм-гору для водружения на ней королевской линги, воплощавшей его «священное Я». Таким образом и возникли великие храмы, составившие славу Ангкора.

Однако Индрапура была лишь первой из столиц, основанных Джайяварманом II. Он, видимо, стремился найти место, которое, имея надлежащее возвышение для его храма, в то же время обеспечивало бы надежную оборону как против нападений со стороны малайцев извне, так и против внутренних врагов. Его следующий выбор пал на район Великого озера[1], который благодаря обилию рыбы и высокому урожаю риса на окружающих его заливных полях мог обеспечить существование многочисленному населению. Здесь, в Харихаралайе, «обители Харихары», к юго-востоку от современного Сиемреапа, он основал свою вторую столицу. От этого города ныне осталась лишь группа развалин, называемых Ролуос. Позже он построил третью столицу, Амарендрапуру, местоположение которой до сих пор не известно. И, наконец, он переехал к Пном Кулен, в Куленских горах, приблизительно в тридцати милях северо-восточнее Ангкора, где основал Махендрапарвату. Раскопки на вершине Пном Кулена помогли обнаружить ряд храмов Джайявармана II, включая большой пирамидальный храм и его лингу. Большую работу по раскопке этих сооружений, совершенно скрытых под густыми зарослями леса, проделали Филипп Штерн и Генри Маршал. Стиль этих строений явно переходный — он связывает стиль доангкорского периода со стилем, который превалировал в период раннего Ангкора. Здания носят следы как яванского, так и тямского влияний, причем яванское влияние объясняется ранними связями короля с Явой, второму же влиянию до сих пор не найдено исторического объяснения. Существует мнение, что последний переезд Джайявармана II означал завершение им захвата своего территориального наследства и что возникновение предыдущих столиц было связано с различными этапами войн за наследство. Но история пока ничего не говорит об этом.

Восшествие на престол Джайявармана II Кёдэ датирует 802 годом. Возражая ему, Бриггс указывает, что, как свидетельствуют надписи, в этом году король основал свою столицу на горе Махендра (Пном Кулен)[2]. Но подлинное значение этой даты состоит в том, что она отмечает год, когда Джайяварман II открыл новую эру, официально объявив о независимости Камбоджи и установив культ Дева-раджи. Пока не известна дата его возвращения с Явы и годы, которые он жил в каждой из своих предыдущих столиц.

Махендрапарвата не была его последней резиденцией, ибо в конце концов он вернулся в Харихаралайю, где в 850 году закончил свои дни. В северной Камбодже его власть не простиралась далее района Великого озера. Возможно, что он избрал это место центром своего государства частично из-за его близости к каменоломням Пном Кулена и к проходам, открывавшим доступ на плато Корат и в бассейн Менама. Местность была выбрана очень удачно: отсюда можно было начать осуществление политики экспансий, к чему обязывал титул Чакравартина.

---

[1] Имеется в виду озеро Тонле Сап.—*Прим. перев.*

[2] Briggs, op. cit., p. 88.

Правление Джайявармана II оставило глубокий след в истории Камбоджи. Он был создателем величия этой страны и в особенности ее далеко идущих притязаний на господство. Начиная с его правления, в центре столицы кхмерских королей стали воздвигать пирамидальное святилище. На его вершине, считавшейся центром вселенной, Дева-раджа вступал в общение с миром богов. Он сам был богом, которому еще при его жизни посвящали храм. После смерти этот храм становился его мавзолеем.

В течение некоторого времени Харихаралайя продолжала оставаться столицей преемников Джайявармана II. Его сын Джайяварман III (850—877) прославился как охотник на слонов. Ко времени его правления относятся несколько строений в районе Ангкора, но не обнаружено ни одной надписи. Индраварман I (877—889) возвел Баконг — первый из тех величественных каменных храмов, построенных в грандиозном стиле, которые встречаются в Ангкоре позже. Это сооружение и построенное при нем При Ко, а также Лолеи, воздвигнутое его сыном и наследником Яшоварманом, составляют группу, к которой применяется выражение «искусство Индравармана». Она знаменует начало первого периода классической кхмерской архитектуры.

Яшоварман I (889—900) был основателем первого города Ангкор. Чтобы превзойти храм своего отца — Баконг, он построил свой собственный храм на естественной горе Пном Бакхенг. Город, возникший вокруг храма, был назван в честь его Яшодхарапурой. В результате осуществленной им широкой программы строительства были созданы большой водоем (ныне Восточный Барей) и ряд монастырей для различных религиозных сект: шиваитов, вишнавитов и, возможно, буддистов. Яшодхарапура — первоначальный город Ангкор — занимал значительно большую площадь, чем созданный в конце XII века Джайяварманом VII город Ангкор Том, в центре которого возвышался единственный в своем роде таинственный буддийский храм Байон. Территории этих двух городов частично совпадают, но Пном Бакхенг находился непосредственно за южной стеной Ангкор Тома (см. стр. 101).

О политической истории периода правления этих королей и тех, которые правили после них, вплоть до конца X века, сведений мало. Власть Яшовармана I распространялась на территорию, которая намного превосходила владения Джайявармана. Надписи периода его правления льстиво говорят о нем как о воине. Если верить надписи 947 года в Баксей Тямронге, его владения охватывали территорию Фунани периода ее наибольшего величия. Но когда и как были совершены эти завоевания — не известно. Учитывая, что он правил всего лишь одиннадцать лет и при этом осуществил большую программу строительства, трудно поверить, чтобы у него оставалось время для захвата столь обширной империи, простиравшейся на севере до Китая, на востоке—до Тямпы, на западе — до Индийского океана и включавшей северную часть полуострова Малакка вплоть до Пан-Пана (Кра). Бриггс полагает, что если даже Яшоварман I не совершал такой экспансии, территория в пределах указанных выше границ, несомненно, признавала его власть[1]. С другой стороны, Кёдэ причисляет к владениям Яшовармана лишь долину Меконга до границ Китая и долину Менама, исключая, таким образом, районы полуострова Малакка и монское королевство Татон в Нижней Бирме. Бриггс считает, что, «пожалуй, ни об одном из королей в истории Камбоджи не было написано столько неверного, как о Яшовармане I», и многое из того, что ему приписывается, относится к более позднему периоду. Одним из примеров этого является история его попытки захватить Тямпу и поражения, понесенного им от тямского короля Индравармана II. Одним из крупнейших достижений Яшовармана было обеспечение водой его новой столицы. «Прорытие огромного Восточного Барея,— пишет Бриггс,— изменение течения реки Сиемреап, удивительная система рвов, водохранилищ и бассейнов, с помощью которых он обеспечил водоснабжение своей новой столицы, представляют собой замечательное достижение»[2].

---

[1] B r i g g s, op. cit., p. 113.
[2] Там же, стр. 114.

Статуя Будды (на фоне змеиной шкуры), Ангкор.

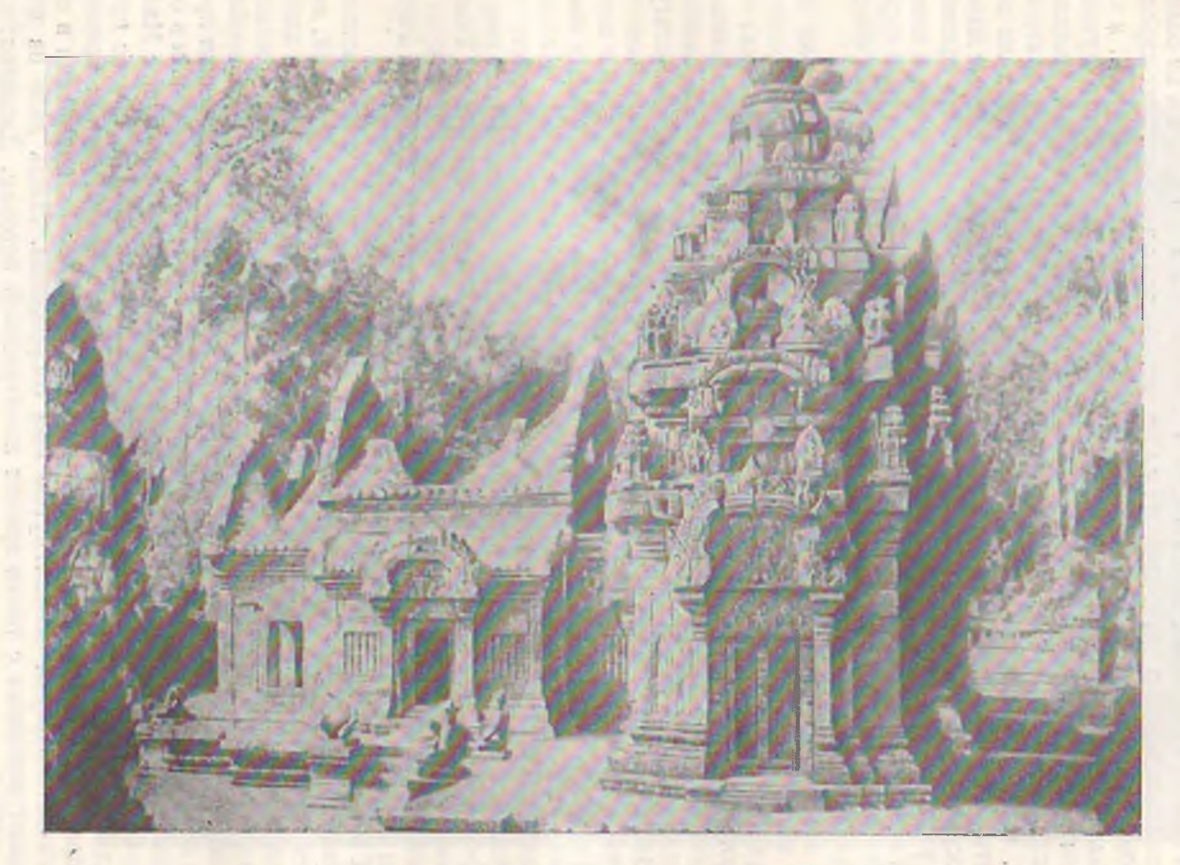
Кхмерская история X века в основном является повествованием о строениях, а не о политических событиях. Это был период пышного расцвета, когда формировалась цивилизация. Он совпадает с периодом анархии в Китае, который продолжался с конца царствования династии Тан и в течение правления пяти династий. Почти единственным источником для историков являются надписи на камнях, ибо все сведения, записанные на менее прочном материале, как пальмовые листья, погибли от плесени или огня или стали жертвой термитов. А надписи сообщают лишь о жизни Дева-раджи и его двора и не содержат никаких сведений о материальной культуре, обычаях и верованиях народа.

Вообще король как глава государства был так высоко превознесен, а его жизнь была настолько пропитана религиозным церемониалом, что в лучшем случае он мог иметь лишь самую ограниченную связь с народом. Являясь источником любой власти, он был и стражем закона и порядка, и покровителем религии, и защитником своей страны от внешних врагов. Но он едва ли мог выполнять какие-либо административные функции. Все государственные должности сосредоточивались в руках узкого круга олигархии, причем главные посты в управлении государством занимали члены королевской семьи и семей крупных жрецов. Они были связаны узами родства и составляли группу, в корне отличавшуюся от остального населения. Но характерно, что, представляя индусские традиции, они носили кхмерские имена.

Так же как и короли, эти вельможи сооружали святилища, только несколько меньших масштабов, в честь своего личного культа. Существовало поверие, будто путем создания статуи «священное Я» того, кто подлежал поклонению, упрочивалось в камне, и святилище хранило надписи, призывавшие наследников ее основателя продолжать этот культ. После смерти основателя святилище становилось его мавзолеем. Таким образом, бесчисленные статуи Шивы, Вишну, Харихары, Лакшми, Парвати и бодисатв, найденные в местах расположения храмов, есть не что иное как изваяния королей, королев и вельмож, а их имена, высеченные на этих статуях,— это смесь их собственных имен с именами богов и богинь, с которыми они составляли единое целое. Каждая статуя была искусственным телом, якобы наделенным волшебными свойствами делать бессмертным того, кого оно изображало. Подобная практика была широко распространена по всей Юго-Восточной Азии. Она встречалась в Тямпе и имела особое значение на Яве и Бали. Она свидетельствует о смешении культа поклонения предкам, уходящего корнями в эпоху неолита, с индуистскими и буддийскими идеями, привнесенными из Индии.

В IX и X веках господствовал шиваизм. Но к XII веку вишнувизм настолько упрочился, что уже мог стимулировать создание крупных сооружений, выдающимся примером которых может служить тот же Ангкор Ват. Но буддизм всегда имел своих сторонников. А поскольку все эти религии были чужеземными, то они стремились сохранить взаимную терпимость. Более того, вообще существовала большая веротерпимость, так как анимизм и культ предков продолжали оставаться религией народных масс. То же самое наблюдалось и в общественной жизни: в то время как двор официально признавал законы Ману и другие брахманские законы, в большинстве случаев решающий голос принадлежал местному обычаю, ведущему свое начало с незапамятных времен.

На протяжении X века сменилось шесть королей. Об их правлении в основном свидетельствуют воздвигнутые ими сооружения. Лишь двое из них заслуживают внимания с точки зрения политической истории. Джайяварман IV (928—942) был узурпатором; он захватил Яшодхарапуру (Ангкор) и либо был изгнан оттуда, либо оставил этот город, с тем чтобы основать новую столицу в Кох Кере, к северо-востоку от Ангкора. Раджендраварман II (944—968) сверг с трона Харшавармана II, сына узурпатора Джайявармана IV, и вновь перенес столицу в Ангкор, который с тех пор оставался столицей кхмеров вплоть до того, как этот город был окончательно покинут в 1432 году. Возвращение в Яшодхарапуру вызвало большие работы по перестройке города. В одной из надписей королю воздается хвала за то, что при нем город стал «великолепным и восхитительным благодаря строительству в нем домов, украшенных блестя-



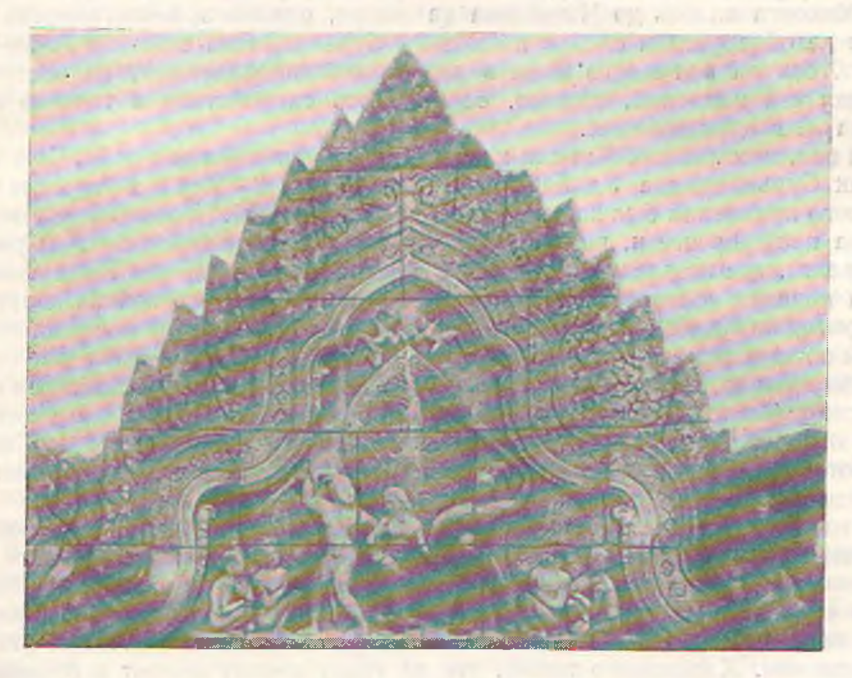
Бантей Срей — Северная библиотека и центральный Прасат.

щим золотом, дворцов, сверкающих драгоценными камнями, похожих на дворец Махендры на земле». В 945—946 годы он вторгся в Тямпу и, как свидетельствует одна тямская надпись, вывез из храма По Нагар золотую статую Бхагавати. Хотя сам Раджендраварман II был шиваитом, надписи его периода свидетельствуют о существовании большого разнообразия верований и большой веротерпимости. В частности, к периоду его правления, видимо, относится широкое распространение буддизма. При нем культ поклонения предкам, как никогда ранее, сопровождался возведением огромных храмов.

Последний правитель X века — Джайяварман V (968—1001) завершил строительство и открыл один из прекраснейших кхмерских храмов, Бантей Срей — «Цитадель женщин». Это был первый памятник древности, восстановленный французскими археологами по методу, известному под названием анастилоз, который впервые был применен голландцами на Яве.

б) С 1001 года до оставления Ангкора в 1432 году

Первая половина XI века примечательна правлением другого видного короля в истории кхмеров — Сурьяварманa I (1002—1050). Он наследовал «некоему призрачному королю, лишь пропорхавшему над троном», — как характеризует Фино Удайядитьявармана I (1001—1002), наследника Джайявармана V. Нет никаких сведений о смерти Удайядитьявармана I и вступлении на престол Сурьявармана I. Последний якобы был сыном короля Тамбралинги и претендовал на трон в силу родства (через свою мать) с материнской линией Индравармана I. Есть указания на то, что в 1001 году он высадился в восточной Камбодже и после длительной гражданской войны в конце концов около 1010 года обосновался в Ангкоре. Более поздние надписи датируют его правление с 1002 года, когда Удайядитьявармана уже не было. После 1002 года его главным соперником был некий Джайявираварман, который до 1007, а возможно до 1011 года, удерживал в своей власти некоторые части Камбоджи. Права Сурьявармана на трон были мало обоснованными. Одна из надписей указывает, что он получил трон силой своего меча, который «рассек кольцо его врагов».



Рельеф из Бантей Срей.

Сооружения времен Сурьявармана привлекают внимание многих. Строительство двух наиболее известных из них — Пхиминакаса («Небесный дворец») и Та Кео было начато еще при Джайяварнане V. Та Кео — первый из кхмерских храмов, построенный из песчаника. Как и в сооруженном ранее Бакхенге и воздвигнутом позднее Ангкор Вате, его центральную часть составляет площадка, увенчанная пятью башнями. Но Пхиминакас имеет пирамидальную форму с одной центральной башней. Легенда гласит, что он служил дворцом. Однако кхмерские дворцы всегда были деревянными, и, кроме того, план Пхиминакаса совершенно не похож на традиционные контуры кхмерских дворцов. Чжоу Да-гуань, посетивший Ангкор в конце XIII века, сообщает о народном поверии, будто король кхмеров первый час каждой ночи проводил в этой башне с мифической нáгой в виде прекрасной женщины и будто от совершения этого обряда зависело благополучие королевства. Башни этих двух храмов позолочены; о такой манере украшения башен впервые упоминается лишь в надписях времени правления Сурьявармана. По-видимому, она была перенята у монов, которые в этот период имели обыкновение покрывать башни позолотой.

Чиенгмайская хроника, относящаяся к значительно более позднему времени, описывает экспансию кхмеров в долине Менама при правлении Сурьявармана. А надпись того же периода в Лопбури утверждает, что его империя включала как королевство монов Дваравати, так и малайское королевство Тамбралингу (позднее Лигор). Местные хроники приписывают ему захват долины Меконга вплоть до Чиенгсена на севере, однако археологические изыскания не обнаружили следов правления Сурьявармана севернее Луан-Прабанга. Хотя он вел много войн в различных направлениях, на восточных границах его владений, видимо, сохранялось спокойствие в течение всего периода его царствования.

XI век, несомненно, был для кхмеров веком усилившихся войн. Сын и наследник Сурьявармана Удайядитьяварман II (1050—1066) в течение всех лет своего правления был занят подавлением восстаний. Первое из них вспыхнуло на крайнем юге и, видимо, было вызвано нападением тямов из района Пандуранги, где незадолго перед этим тямский король Джайя Парамешвараварман подавил восстание местного населения, причем его войска вторглись на территорию Камбоджи и разграбили Самбхупуру. Во главе последовавшего за этим восстания стал человек, который якобы мастерски владел искусством стрельбы из лука. Возможно, он был тямом. Вначале повстанцы достигли немалых успехов и разбили не одну камбоджийскую армию. Когда же восстание было в конце концов подавлено известным камбоджийским полководцем Санграмой, который каждую свою победу отмечал религиозными пожертвованиями, руководитель восстания бежал в Тямпу.

В то время, когда правил Удайядитьяварман II, король Пагана Аноратха подчинил монов южной Бирмы и захватил их столицу — Татон. Тайское предание гласит, что он распространил свою власть даже на Лопбури и Дваравати и что кхмеры вынуждены были вернуть себе Лопбури ценой признания власти бирманцев над захваченными ими землями. Однако это не подтверждается надписями. Характерно также, что по этому поводу молчат и бирманские хроники. Поэтому нет оснований предполагать, что Аноратха пытался захватить территории, лежавшие к востоку от королевства Татон.

В годы правления Удайядитьявармана II имели место еще два восстания. Первое вспыхнуло на северо-западе. Им руководил Камвау, один из полководцев короля, который одно время серьезно угрожал столице, но был разбит Санграмой. Другое восстание, вспыхнувшее на востоке, также было подавлено Санграмой. Выдвигались предположения, что эти восстания явились результатом враждебного отношения короля к буддизму. В этой связи можно отметить, что хотя отец Удайядитьявармана II и был выходцем из буддийского государства и оказывал особую благосклонность этой религии, он придерживался культа Дева-раджи. Что же касается Удайядитьявармана, то он строил только шиваитские святилища. В наиболее величественном из них, в позолоченном Бапхуоне, он установил золотую лингу. Это был самый крупный из

воздвигнутых до того времени храмов Камбоджи. Парментье называет его «одним из наиболее совершенных образцов кхмерского искусства».[1] Чжоу Да-гуань, которому привелось видеть этот храм во всем его великолепии, пишет, что он был «действительно внушительным».

Младший брат Удайядитьявармана II Харшаварман III (1066—1080) пытался ликвидировать разрушения и урон, причиненные войнами своего брата. Это был миролюбивый правитель. Но времена были иные. Он был свергнут с трона в результате восстания, возглавленного принцем Джайяварманом, который не принадлежал к королевской семье и, вероятно, был сыном вассального правителя (или губернатора) города Махидхарапуры, местонахождение которого до сих пор не установлено.

Правление основателя новой династии Джайявармана VI было беспокойным. Родственники свергнутого Харшавармана III подняли против него население юга страны и продолжали борьбу вплоть до восшествия на престол Сурьявармана II в 1113 году. Кёдэ сомневается в том, что Сурьяварман II вообще правил в Ангкоре, хотя надпись, высеченная сто лет спустя, сообщает, что он был венчан на царство именно в этом городе. Город Махидхарапура, расположенный где-то на севере страны, был, по-видимому, центром, откуда он руководил военными операциями.

Ему наследовал его старший брат Дхараниндраварман I (1107—1113), человек преклонного возраста, проводивший свою жизнь в монастыре. Хотя одна из надписей и сообщает, что он «правил благоразумно», тем не менее этот правитель был совершенно бессилен справиться с восстанием, не прекращавшимся в течение всех лет правления его брата. Эту задачу выполнил его внучатый племянник по материнской линии — молодой человек с безграничным честолюбием, который уничтожил династию Харшавармана III, сместил с трона слабого Дхараниндравармана I и был венчан на царство под именем Сурьявармана II.

Сурьяварман II (1113—1150) стал самым могучим королем в кхмерской истории. Кёдэ пишет о нем: «Его восшествие на престол совпадает со смертью Джайя Индравармана II — короля Тямпы, и Чанзиты — правителя Пагана. Более близкое ознакомление с взаимоотношениями этих стран могло бы выявить причинную связь между смертью двух могущественных королей и захватом власти честолюбивым кхмерским королем, готовым нанести удары как на востоке, так и на западе»[1]. Его армии появлялись там, где ранее никогда не ступала нога кхмерского воина. Однако надписи времени правления Сурьявармана II странным образом молчат о его войнах с Тямпой и Аннамом, а также о походах против монов и таи в долине Менама. Большинство надписей, относящихся ко времени его правления, обнаружено на севере, где он, видимо, провел много времени и воздвиг ряд храмов.

Выше упоминалось уже о захвате Сурьяварманом II Тямпы, который был вызван неблагосклонным отношением Тямпы к попыткам Сурьявармана вовлечь ее в качестве союзницы в действия против аннамского королевства Дай-Вьет. Но все его попытки вторгнуться в Аннам, используя сухопутную дорогу, проходившую от Саваннакета до Нге-ан, окончились неудачей. Столь же неудачными были его усилия удержать в подчинении Тямпу.

О его походах на запад известно мало. Таи еще раньше начали проникать в долину Менама и оседать в государстве Лаво (Лопбури). Согласно тайским хроникам, его походы против Лаво и монского королевства Харипунджайя (Лампун) были безуспешны. Но на архитектуре Лопбури того времени лежит отпечаток столь сильного кхмерского влияния, что оригинальность ее подвергается сомнению. «История Сунской династии» сообщает о значительном расширении власти кхмеров. Говоря о границах Камбоджи, она указывает, что на севере эта страна граничила с Тямпой, на юге выходила к морю, на западе она имела смежную границу с Паганом, а на восточной части Малаккского полуострова — с Грахи.

---

[1] Coedès, Les États Hindouisés d'Indochine et d'Indonésie, p. 269.

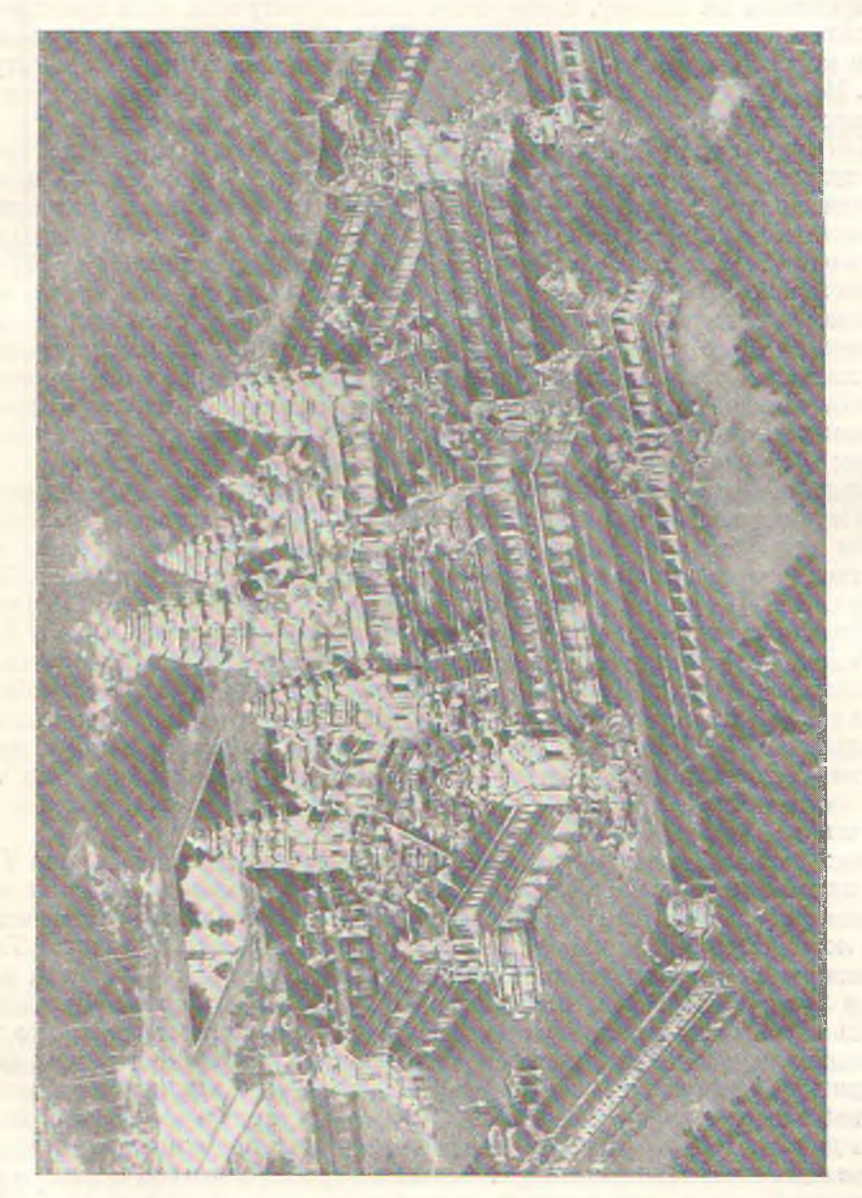
Сурьяварман II был первым после Джайяврамана II камбоджийским королем, установившим дипломатические отношения с Китаем. Его первое посольство было принято в Китае в 1116 году. Второе прибыло в 1120 году. Восемь лет спустя, принимая третье посольство из Камбоджи, китайский император наделил «короля Ченлы» высокими титулами. В период между 1136 и 1147 годами имели место переговоры, которые привели к мирному разрешению возникших между двумя странами затруднений в области торговли.

Сурьяварман II был не только воином; он в равной степени известен и как созидатель, ибо явился основателем Ангкор Вата. Возможно, что, за исключением Бантей Чмара, построенного у подножья Дангхрекских гор, в ста милях к северо-западу от Ангкора, и представляющего ныне груду развалин, Ангкор Ват — крупнейшее в мире строение религиозного характера. Это наиболее сохранившийся из всех кхмерских памятников. Центральное святилище, поднимающееся на 130 футов, воздвигнуто на квадратной площадке высотой в 40 футов при ширине в 750 футов и такой же длине. По углам возвышаются четыре башни, связанные между собой галереями и соединенные с центральным святилищем крытыми проходами. Это огромное центральное строение обнесено высокой стеной крытых галерей с башнями в четырех углах. Двор в свою очередь окружен более широким квадратом колоннад, за которыми следует стена из латерита и песчаника, обрамляющая площадь 850 на 1000 метров. В свое время весь этот комплекс был окружен рвом двухсотметровой ширины, который окаймлял территорию размером почти в одну квадратную милю.

Старая легенда гласит, что этот Ват был создан не человеческими руками, а Индрой, повелителем неба, спустившимся для этого на землю. Первоначально вершины всех девяти основных башен были облицованы золотом, а исключительно роскошные горельефы и барельефы сверкали красками. В центральном святилище помещалась золотая статуя Вишну, восседавшего на гаруде; во время празднеств статую извлекали из святилища. Разумеется, это было изображением короля, обожествленного в виде Вишну, а великолепное святилище было построено для того, чтобы служить ему мавзолеем после смерти. Подобное увлечение вишнуизмом было характерно и для Явы тех времен, где кедирийские правители, так же как и Сурьяварман, считались олицетворением Вишну. Но и шиваизм также сохранял свое значение, о чем свидетельствуют высеченные на стенах изображения шиваитских религиозных сцен. Шел процесс смешения двух культов с большим уклоном в сторону вишнуизма.

Точная дата смерти Сурьявармана неизвестна. Судя по тямским надписям, он еще правил в 1149 году. По мнению Кёдэ, Сурьяварман, возможно, посылал против Тонкина камбоджийские войска, которых в 1150 году постигло несчастье, и сам он, должно быть, скончался в этом же году. Обширные строительные работы наряду с необдуманной и в основном безуспешной внешней политикой ввергли страну Сурьявармана в бездну несчастий, от которых ее спас лишь Джайяварман VII.

История периода, прошедшего со времени смерти Сурьявармана II до восшествия на престол Джайявармана VII, совершенно неизвестна. Отсутствуют надписи, относящиеся к этому периоду, поэтому необходимые сведения приходится собирать в документах последующего этапа истории, а также в иностранных источниках. Двоюродный брат Сурьявармана II по материнской линии Дхараниндраварман II, сменивший его на троне в 1150 году, был буддистом, чем нарушил долгую традицию приверженности правителей к индуизму. В 1160 году на престол вступил Яшоварман II, который, как полагают, был одним из его сыновей, но не законным наследником. Его старший сын Джайяварман, который должен был ему наследовать, уехал, как гласит предание, в добровольное изгнание в Тямпу, ибо, будучи добропорядочным буддистом, он не хотел вызывать гражданскую войну, которая обязательно бы вспыхнула, если бы он попытался добиться права на престол.



Ангкор Ват.

За свое короткое правление (до 1165 или 1166 года) Яшоварману пришлось иметь дело с двумя восстаниями. Возможно, первое, называемое *Рахус*, было крестьянским движением, вызванным, видимо, тяжелыми условиями, в которых оказались земледельцы в результате чрезмерных расходов Сурьявармана II. Второе, возглавленное неким Трибхуванадитьяварманом, стоило Яшоварману его трона и жизни. В одной из надписей этот вождь повстанцев охарактеризован как «слуга, стремящийся обрести власть короля». Узнав о восстании, Джайяварман поспешил на родину, с тем чтобы помочь брату или, если представится возможность, захватить трон. Надпись в Пхиминакасе гласит: «Дождавшись удобного момента, он поднялся, чтобы спасти страну, отягощенную преступлением». Но было уже слишком поздно. Он застал брата мертвым, а на троне — узурпатора. После этого Джайяварман снова канул в неизвестность.

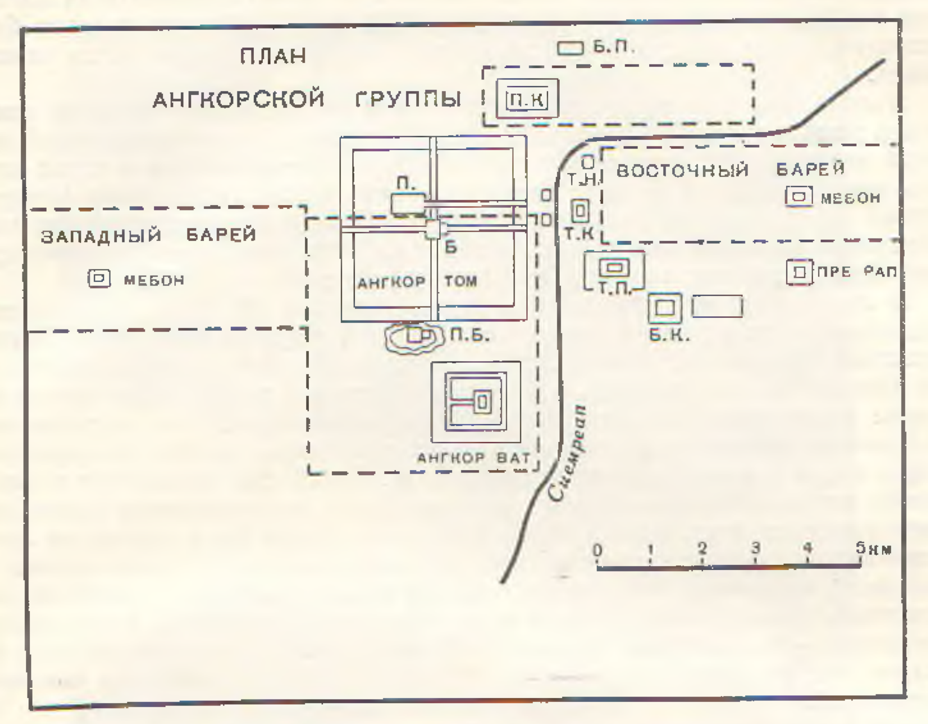
В 1167 году король Тямпы Джайя Индраварман IV, тоже узурпатор, предпринял целый ряд нападений на Камбоджу. Очевидно, единственной целью этого нападения был грабеж. Вначале действия ограничивались пограничными стычками, в которых на долю тямов выпал некоторый успех благодаря тому, что они обучили свою кавалерию пользоваться арбалетами. Но в 1177 году, не достав необходимого количества коней для крупного вторжения, они совершили неожиданное нападение с моря, которое закончилось захватом и разграблением Ангкора. Старый город Яшодхарапура был защищен деревянным частоколом, который оказался слишком слабой преградой, чтобы противостоять неожиданному нападению хорошо подготовленного противника. Король Трибхуванадитьяварман был убит при взятии города. Центральное правительство пало; в стране началась анархия.

Наступила очередь Джайявармана вывести страну из создавшегося положения. Первым делом он расправился с тямами. Большое морское сражение, в котором он разбил флот тямов, почти идентично отображено на стенах как его собственного надгробного памятника — Байон, так и на памятнике в Бантей Чмара. Следующей его задачей было подчинение Камбоджи. К 1181 году он настолько упрочил свою власть, что смог отпраздновать коронацию в Ангкоре. Но почти сразу же после этого вспыхнуло крупное восстание в вассальном королевстве Мальянг, в южной части современной провинции Баттамбанг. Во главе его армии, разгромившей повстанцев, стоял молодой тямский принц Шри Видьянанда — беженец из Тямпы; причина его бегства из своей страны неизвестна. Он проявил такие способности командира, что Джайяварман VII поручил ему проведение еще более ответственного мероприятия, которое он втайне готовил против Тямпы.

Захват Тямпы был самым крупным военным успехом Джайявармана VII. Следует отметить то терпение и ту тщательность, с которыми он готовил этот акт великого отмщения. Для того чтобы заручиться нейтралитетом вьетнамцев, он даже послал посольства с подарками королю Дай-Вьета. О захвате Тямпы, что относится скорее к истории Тямпы, нежели к истории Камбоджи, рассказано в главе VIII. О том, что он предусматривал постепенное низведение Тямпы до положения вассального княжества, свидетельствует не только то, что главнокомандующим вторгшихся камбоджийских войск он назначил тямского принца Видьянанду, но и тот факт, что после вторичного падения Тямпы под напором кхмерских армий в 1203 году управление Тямпой было поручено другому тяму — Онг Дхамапатиграме, проведшему некоторое время при дворе Джайявармана в Ангкоре. Также интересно отметить, правда в совершенно иной связи, что тямский вице-король, получивший в 1207 году титул *ювараджи*, в своих нападениях на Аннам использовал главным образом отряды кхмеров, находившихся в его распоряжении, которых возглавлял другой тямский принц Онг Ансараджа, сын Джайя Харшавармана II (1162—1163) и наследник тямского трона.

При Джайявармане VII власть Ангкора, видимо, распространилась на бóльшую территорию, чем при Сурьявармане II. Надпись в Сэй Фонге, на Меконге, близ Вьентяна, датированная 1186 годом, указывает самую северную границу владений Ангкора. Китайские источники говорят, что его власть, по крайней

мере номинальная, распространялась далее на часть Малаккского полуострова. Кроме того, они утверждают, что в то время королевство Паган находилось в зависимости от Камбоджи. Правда, делались попытки опровергнуть последнее путем ссылок на то, что, поскольку китайские авторы не были знакомы с географией Бирмы, они спутали с Паганом столицу страны монов — Пегу.



П. К.—Пра Кан
Т. Н.—Та Нео
П. —Пхиминакас
Т. П.—Та Пром
Т. К.—Та Кео
Б. —Байон
П. Б. —Пном Бакхенг
Б. К.—Бантей Кдей
Б. П.—Бантей Прей

Пунктирной линией обозначены границы трех искусственных озер и границы древнего города Яшодхарапура, в центре которого возвышался Пном Бакхенг.

Но нельзя согласиться даже с таким предположением. Бирманские и монские источники ни слова не говорят о подчинении кхмерам. Кроме того, при Нарапатиситу (1172—1210) власть в Пагане была достаточно прочной, чтобы не допустить господства Камбоджи над какой бы то ни было частью страны.

Одному интересному явлению, возникшему в Бирме при правлении Нарапатиситу, было суждено позже, в середине следующего века, вызвать серьезные изменения в Камбодже. Среди соратников монского монаха Чапаты, создавшего в 1190 году в Бирме монашеский орден теравадского буддизма по цейлонскому образцу, был один кхмерский принц, который, по мнению Кёдэ, мог быть сыном Джайявармана VII. Монахи-миссионеры разнесли учение новой секты в государства, расположенные в долине Менама. В конце концов это учение попало в Камбоджу, для которой это имело радикальные последствия, ибо не в пример шиваизму, вишнуизму и буддизму махаяны, которые были насаждены сверху, новые доктрины проповедовались в среде народа и вызвали народное движение, завершившееся обращением кхмеров целиком в буддистов хинаянского толка, которыми они остались до наших дней.

В деятельности Джайявармана VII внутри страны обращает на себя внимание предпринятое им крайне расточительное строительство. Оно было беспрецедентным не только по своим масштабам, но и по той спешке и небрежности, с которыми велось. Прежде всего, учтя опыт нападения тямов, он взялся за строительство неприступного города. В результате появился Ангкор Том, который был намного меньше Яшодхарапуры. Во время строительства Ангкор Тома король жил во временной столице, Нагара Джайяшри, которая была построена у самой стены за пределами северо-восточного угла нового города.

Ангкор Том был окружен широким рвом общей протяженностью около восьми миль и мощной латеритовой стеной, подпертой изнутри огромной земляной насыпью. Ров пересекали пять мостовых, которые вели в город через пять монументальных ворот с башнями, увенчанными гигантскими четырехликими головами. По обе стороны мостовых высились балюстрады из ряда гигантских изваяний, держащих на своих коленях нагу, семь голов которой веерообразно поднимались у обоих концов мостовой.

В центре города возвышался Байон — наиболее странное из когда-либо воздвигнутых кхмерскими королями строений, крупнейший после Ангкор Вата храм ангкорской группы[1]. Это был пирамидальной формы храм, центральная часть которого увенчивалась золотой башней с четырьмя человеческими лицами гигантских размеров. Вокруг центральной части над внутренними и внешними галереями поднималось множество более мелких четырехликих башен, число которых достигало пятидесяти. Байон был воздвигнут в такой спешке, что камни нагромождались один на другой без скрепления каким-либо цементирующим раствором[2]. Украшения этого храма были одними из прекраснейших в кхмерской архитектуре, его архитектурный мотив — один из замечательных в мире, но сейчас из больших храмов Ангкора он наиболее разрушенный. Множество лиц, смотрящих со всех сторон, гнетущих и смущающих посетителя,— это портреты самого Джайявармана в виде махаянистского бодисатвы Авалокитешвара, которого в Юго-Восточной Азии обычно называют Локешварой.

Так же как и его отец Дхаранииндраварман II, Джайяварман был буддистом, и при нем буддизм махаянистского толка на время стал господствующей религией Камбоджи. Уже при Сурьявармане II вишнуизм настолько смешался с шиваизмом, что в Ангкор Вате Вишну-раджа был заменен Дева-раджей. Джайяварман VII пошел еще дальше и заменил все предыдущие культы культом Будда-раджи с центром в Байоне. В 1933 году французский археолог Труве в углублении под центральной башней Байона обнаружил большую статую Будды. Должно быть, она являлась олицетворением Будда-раджи. Вероятно, это изваяние было зарыто во время ожесточенной индуистской реакции, последовавшей за смертью Джайявармана, когда Байон стал шиваитским святилищем и на место культа Локешвары снова вернулся культ линги.

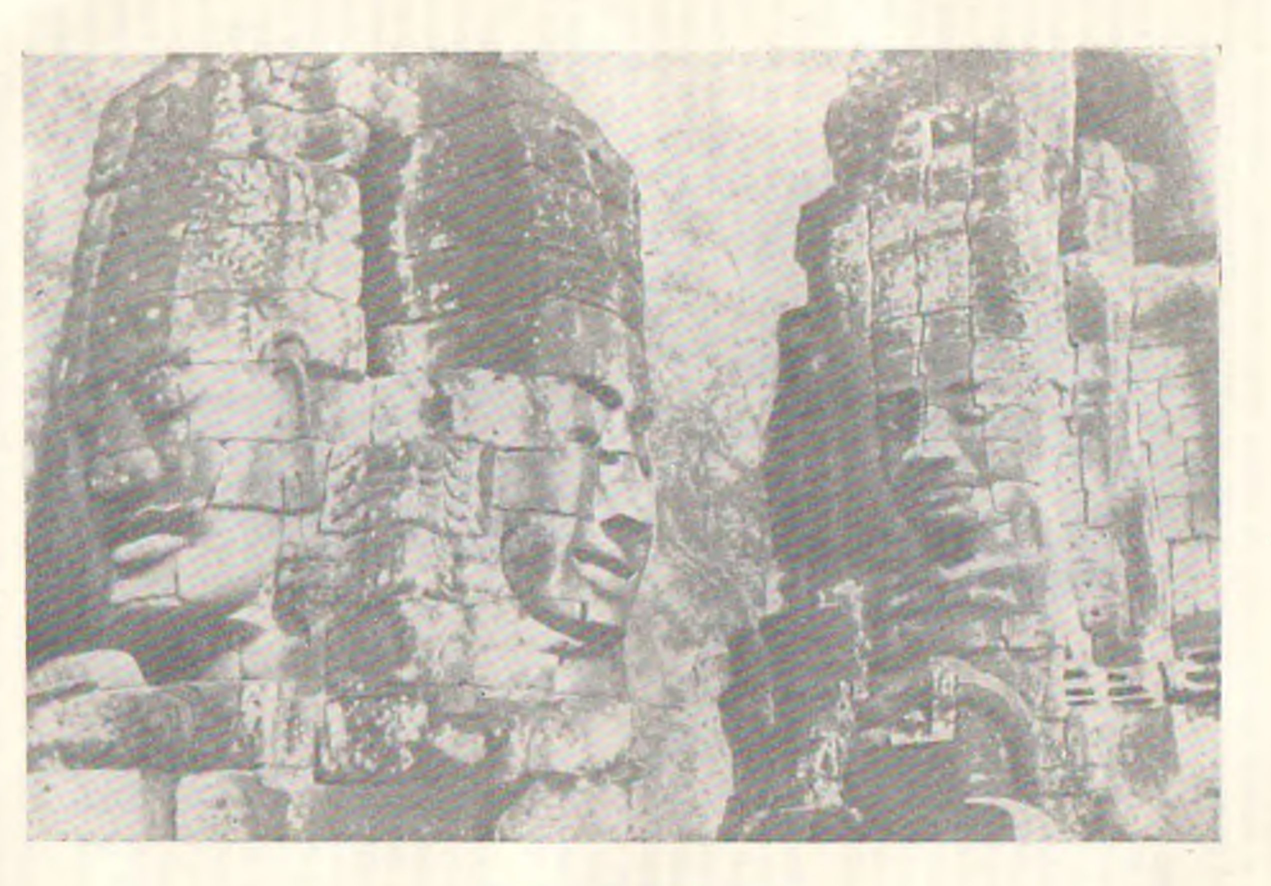
Однако и при правлении Джайявармана шиваизм не исчез. Правда, в этот период не было воздвигнуто ни одного большого шиваитского памятника, но более мелких святилищ на долю Локешвары приходилось столько же, сколько и на долю Шивы. Излишне указывать, что эта эволюция официальной религии не затрагивала основной массы населения, которая воспринимала различные формы официальной религии на свой лад, связывая их с анимизмом и культом предков.

Строительство Джайявармана VII далеко не ограничилось созданием двух великих памятников — Ангкор Тома и Байона. Ему приписывают также создание 121 дома для отдыха, расположенных на определенном расстоянии друг от друга вдоль дорог, шедших от столицы. Как свидетельствуют надписи,

---

[1] C o e d è s, Pour mieux comprendre Angkor, chap., IV «Le mistère du Bayon», p. 121—150.

[2] В данном случае автор не прав. Отсутствие раствора было связано с ювелирной подгонкой камней, и, если бы регулярно уничтожались растения, корни которых разрушали строение, этот храм был бы наиболее сохранившимся в Камбодже.—*Прим. ред.*



Ангкор Том: башни Байона.

Десятирукий бодисатва.

его первая королева, Джайяраджадеви, «наполнила землю потоком изумительных даров». После ее смерти своей первой королевой Джайяварман сделал ее старшую сестру Индрадеви. Она была известной проповедницей буддистского учения в трех монашеских школах. Наряду с созданием «во всех городах множества изваяний Джайяраджадеви вместе со скульптурами короля и своего собственного изваяния» она оставила на стенах Пхиминакса известную надпись на хорошем санскрите, излагающую биографию ее мужа.

Для народа, уже задавленного бременем войн и строительства, предпринятых Сурьяварманом II, подобная программа была чрезмерной. Для содержания больших храмов к ним приписывались тысячи деревень; кроме того, для обслуживания храмов назначались десятки тысяч священников и сотни танцовщиц, не говоря уже о необходимой для строительства армии рабочих, каменщиков, скульпторов и художников. Джайяварман VII, возможно, и был величайшим правителем среди кхмерских властителей, и можно даже утверждать, что его правление было вершиной величия Камбоджи, но он довел народ до нищеты тяжелыми налогами и бесконечными наборами на принудительные работы и военную службу. Кёдэ даже задает вопрос, не правильнее ли рассматривать Джайявармана VII скорее как «человека, страдавшего манией величия, чье необдуманное расточительство было одной из причин заката Камбоджи»[1]? Ответ не вызывает сомнений.

До сих пор не обнаружено сколько-нибудь определенных сведений относительно даты смерти Джайявармана VII. Одно время полагали, что он умер в 1201 году. Теперь же Кёдэ считает, что он скончался в 1218 году. Это продление периода его правления свидетельствует о расширении за последнее пятидесятилетие знаний о Джайявармане. В 1900 году о нем было известно только его имя. Те захваты и то строительство, которое ему ныне приписывается, разумеется, потребовали, чтобы его правление не заканчивалось раньше 1215 года. Кроме того, была пересмотрена дата его рождения. Кёдэ, который еще недавно относил его рождение приблизительно к 1130 году, сейчас склонен думать, что Джайяварман родился не позже 1125 года. Это значит, что он умер, когда ему было уже далеко за девяносто лет[2].

Подробных сведений о кхмерской истории конца XIII века найти трудно. Сколько-нибудь важные надписи, относящиеся к этим годам, отсутствуют, и китайские династические истории ничего не сообщают об этом периоде. Основными источниками являются тямские и тайские надписи, а также более поздние камбоджийские. После Джайявармана VII не было ни одного крупного правителя. Вскоре после его смерти погибло многое из того, что он создал. Кхмеры оставили Тямпу, а индуистская реакция внутри страны смела культ Будда-раджи. Локешвары повсеместно были заменены лингами.

Эвакуация Тямпы была первым шагом на пути распада кхмерской империи. Есть основания полагать, что вскоре после этого обрела независимость и Тамбралинга, хотя совершенно не ясно, как это произошло. Таи также усиливали свою власть в верхнем течении Менама, вытесняя оттуда кхмеров. Однако в самой Камбодже не было никаких признаков крушения и лишь проявлялись некоторые черты упадка; поэтому в конце XIII века китайский автор Чжоу Да-гуань мог обрисовать великолепный город и цветущую страну, несмотря на опустошительные набеги таи.

До появления официальных камбоджийских хроник в обнаруженных надписях упоминается еще пять королей Ангкора. Один из них, Джайяварман VIII (1243—1295), правил дольше всех кхмерских правителей, но не прославился ни как государственный деятель, ни как созидатель. Со смертью Джайявармана VII резко оборвалась великая эпоха кхмерского искусства. На Джайявармана VIII в значительной степени падает ответственность за варварское отношение к буддийским статуям, созданным его предшественником. При нем было восстановлено господство брахманов.

---

[1] Coedès, op. cit., chap. VIII, p. 176—210.
[2] Coedès, Les Etats Hindouisés, p. 286, 291.

Он был бессилен справиться с таи. Именно в период его правления таи смогли завладеть большей частью территорий, ныне составляющих Таиланд, или Сиам. Крупный шаг в этом отношении был совершен тогда, когда один из тайских вождей, женившийся на дочери Джайявармана VII, нанес поражение кхмерскому правителю долины верхнего Менама и основал там королевство Сукотаи. Рамкамхенг, занявший престол этого королевства в 1270 году, намного расширил свои владения за счет кхмерской империи. Еще севернее другой тайский принц, Менграй, захватил монское королевство Харипунджайю в долине Мепинга и построил новую столицу Чиенгмай. Как он, так и Рамкамхенг установили тесные отношения с Хубилай-ханом, захватившим в 1253 году тайское королевство Тали, или Наньчжао. Хубилай-хан поощрял нападения таи на кхмеров, правитель которых Джайяварман VIII накликал на себя беду, оставив без внимания требования монгольского владыки принести ему феодальную присягу, и даже заключил под стражу его посла. Если бы маршалу Сагату удалось покорить Тямпу, то, несомненно, на очереди оказалась бы Камбоджа. Однако его попытка кончилась неудачей. Поэтому Хубилай-хан считал таи тем более полезными в деле ослабления гордого Ангкора.

Победы таи настолько сократили источники доходов и принудительной рабочей силы, что уже одно это может объяснить причину неожиданного прекращения строительства памятников кхмерского искусства. Однако во всем прочем жизнь Камбоджи текла по-прежнему и на время, возможно, стала даже легче для угнетенных масс народа, главной обязанностью которых было трудиться на алчных богов. В конечном счете прекращение крупных мероприятий, будь то сооружение храмов или военные захваты, способствовало пробуждению интереса к знанию. Как указывает Фино: «Все еще создавались стихи на языке санскрит. Здесь было много мудрецов, сюда приезжали чужеземные ученые, привлекаемые славой этого высококультурного королевства. Здесь, как нигде, было в почете знание. Ученые занимали самые высокие посты в государстве; они были в близких отношениях с королями. Их дочери становились королевами. Сами они были королевскими наставниками, верховными судьями, министрами. Существовало звание «короля профессоров»[1].

Но, с другой стороны, назревали большие изменения, которым предстояло стать наиболее мощным фактором, вызвавшим падение древней культуры, на которой основывалось величие Ангкора. Это был переход населения в буддизм цейлоно-махавихарской секты. Мы уже видели, каким образом в конце XII века это новое учение было привнесено монскими монахами в Бирму, откуда оно распространилось среди монского населения долины Менама, где уже несколько столетий существовал буддизм хинаяны. К середине XIII века оно дошло до таи на севере и до кхмеров на востоке.

Это учение было простым и не нуждалось ни в каком духовенстве для содержания дорогостоящих храмов и отправления сложных обрядов. Его проповедниками были монахи, обрекшие себя на аскетизм, одиночество и размышление, на жизнь в бедности и самопожертвовании. В противоположность иерархии столичного духовенства они общались непосредственно с народом и окончательно подорвали прежнюю государственную религию и все, что было с ней связано. «Начиная с того дня, когда король перестал быть Шивой, спустившимся на землю, — пишет Кёдэ, — или живым Буддой, каким был Джайяварман VII, королевская династия уже не могла вселять в сердца народа религиозное почтение, которое позволяло совершать великие мероприятия. Под угрозой анархистского духа цейлонского буддизма престиж короля стал падать, светская власть погибла, а король-бог был сброшен с своего алтаря»[2].

Когда в 1296—1297 годах в Ангкор вместе с китайским посольством прибыл Чжоу Да-гуань, он застал на троне нового короля, Индравармана III. Это был воин, который, женившись на дочери Джайявармана VIII, сверг

---

[1] Цитируется по книге G. Maspero, L'Indochine, I, p. 108.
[2] Coedès, Pour mieux comprendre Angkor, p. 66.

с престола своего тестя, посадил под стражу законного наследника и захватил власть. Он пытался усилить королевскую власть, и если его предшественники никогда не показывались на людях, то Индраварман, наоборот, стал часто появляться на улицах. Прием, оказанный им китайской миссии, был проявлением нового отношения, если не новой политики. В свое время Джайяварман VIII заключил под стражу членов единственной китайской миссии, появившейся при его дворе; Индраварман же принял китайцев с почетом. Они были посланы Тимур-ханом, внуком и наследником Хубилай-хана; Чжоу Да-гуань утверждает, что Индраварман III принес феодальную присягу новому императору. Однако нет следов последующих, обычных в таких случаях официальных связей, а Пелльо в своем издании «Воспоминаний об обычаях Камбоджи» Чжоу Да-гуаня[1] цитирует работу одного китайского автора, относящуюся к 1520 году, причем этот автор пишет, что Камбоджа никогда не приносила феодальной присяги Китаю.

Но все же Индраварман, должно быть, приложил достаточно усилий для того, чтобы расположить к себе китайского императора. Кроме того, ему удалось сдержать натиск таи, в результате чего угроза нападений с их стороны уменьшилась. В 1317 году Рамкамхенг умер[2], и мощь Сукотаи стала падать. Чжоу Да-гуань упоминает о том, что до восшествия на престол Индравармана Камбоджа подвергалась нападениям таи. Однако, начиная со времени правления Индравармана и до основания Аютии в 1350 году, серьезной угрозы для Камбоджи, видимо, не существовало.

Есть основание предполагать, что Индраварман III и в области религиозных вопросов пошел по иному пути, нежели Джайяварман VIII. При нем официальный государственный церемониал, который после смерти Джайявармана VII снова стал шиваитским, остался без изменения. Но вместе с тем имеются сообщения о том, что в конце своего правления он делал пожертвования буддийским монастырям и святилищам. Надпись 1309 года, сообщающая о пожаловании доходов, сделанном им одному монастырю, указывает, что годом раньше он отрекся от престола[3]. Было ли это вызвано, как полагает Кёдэ, желанием стать монахом и посвятить себя изучению теории и обрядов нового хинаянистского учения? Из рассказов Чжоу Да-гуаня о религиозных культах Ангкора совершенно ясно, что к концу правления Джайявармана VIII буддизм хинаянского толка стал господствующей религией в Камбодже. Чжоу Да-гуан пишет, что каждый человек поклонялся Будде, а его описание *чу-ку* (сиамское *чао-ку*, то есть «господин»), как он называет буддийских монахов, «бривших головы, носивших желтую одежду, оставляя правое плечо открытым», полностью убеждает нас в том, что это были буддисты хинаянского толка.

О правлении двух непосредственных преемников Индравармана — Индраджайявармана (1308—1327) и Джайявармана Парамешвары (1327—?) известно мало. Джайяварман Парамешвара — последний из камбоджийских королей, о котором упоминается в надписях. Неизвестным остается не только конечная дата его правления, но также и его отношение к первым королям, перечисленным в камбоджийской хронике, которая начинается приблизительно с 1340 года посмертным именем царя Маханиппина. Во время правления Джайявармана Парамешвары санскритские надписи неожиданно прекращаются, причем не заметно никаких следов ухудшения их стиля или деградации искусства тех, кто их высекал на камне. Единственным объяснением может быть то, что король и его придворные сменили свою религию на буддизм хинаяны, в результате чего официальным языком стал пали. Вместе с падением культа Дева-раджи исчез также и обычай прославления достижений коро-

---

[1] «Memoirs on the Customs of Cambodia», BEFEO, II (1902), p. 123—177.

[2] 1317 год — приблизительная дата смерти Рамкамхенга; точная дата не установлена.—*Прим. перев.*

[3] До последнего времени считалось, что он умер в 1307 году. По этому вопросу см. Briggs, Ancient Khmer Empire, p. 252.

лей традиционным санскритским стихом, искусно высеченным на камне. Был ли Джайяварман Парамешвара именно тем королем, при котором произошло это важное изменение?

Бриггс[1] доказывает, что есть серьезные соображения в пользу того, что его правление было долгим, что он был тем самым кхмерским королем, который помог изгнанному лаосскому принцу Пхи-Фа и его сыну Фа Нгуну создать в 1353 году независимое королевство Лан Чанг со столицей в Мыонг Шва, что Фа Нгун женился на его дочери и что в основном благодаря ее усилиям лаосцы приняли буддизм хинаяны. Полагают, что вскоре после того как Фа Нгун стал королем, Джайяварман Парамешвара убедил своего зятя в общении со своими подданными руководствоваться учением Будды.

Камбоджийская хроника указывает, что за время с 1340 до 1353 года на троне Ангкора сменилось четыре короля, начиная с Ниппеан Бата (Нирванапада). Кроме того, она сообщает, что в 1353 году Ангкор был захвачен королем Аютии Раматибоди I и находился в его власти четыре года, в течение которых кхмерский король укрывался при лаосском дворе. Бриггс, однако, отделался от этих «назойливых» королей, доказав, что их правление, так же как и захват Ангкора, имело место много позже[2]. «Те, кто готовили камбоджийские хроники, видимо, отодвинули даты правлений и событий назад, вставляли выдуманных королей или же исказили и неверно изложили факты»[3].

Точная дата смерти Джайявармана Парамешвары не известна; не ясна также хронология событий до конца XIV века. Взаимоотношения Камбоджи с Китаем вновь восстановились с приходом к власти в 1368 году династии Мин. В «Истории Минской династии» сообщается, что между 1371 и 1403 годами в Китае было принято десять посольств из «Ченлы». При этом указывается, что в 1371 году прибыл сам король, но имени его по китайскому варианту (Хоуеул-на) установить не удалось. Следующий король, о котором говорится в «Истории Минской династии», носит титул Самтак При Пхайя. Он умер в 1404 или 1405 году. Император Минской династии Чинг Сунг послал на похороны свою делегацию и официально признал «Пхинг-йя», старшего сына покойного. По предположению Бриггса, «Пхинг-йя» должен быть тем самым Ниппин Батом, который упоминается в камбоджийской хронике среди четырех королей до падения Ангкора, что якобы случилось в 1353 году. Бриггс дает следующий исправленный им хронологический список королей[4]:

1) Самтак Чао Пхайя Пхинг-йя, или Ниппин Бат (1405—1409),
2) Лампонг, или Лампонг Парамараджа (1409—1416),
3) Сориджовонг, Сориджонг, или Ламбанг (1416—1425),
4) Баром Рача, или Гамкхат Рамадхапати (1425—1429),
5) Тхоммо-Соккорач, или Дхармашока (1429—1431),
6) Понья Ят, или Гам Ят (1432—?).

В период с 1350 по 1431 год, когда таи захватили Ангкор, между таями и кхмерами, видимо, шла непрекращающаяся борьба. Для Ангкора Аютия была намного опаснее, нежели прежде Сукотаи. Она была значительно ближе и располагалась в стране монов, расовые признаки и язык которых были очень близки к кхмерским. Большинство сражений имело место в пограничных районах — Чантабуне, Чолбури и Корате. Опираясь на крайне ненадежную кхмерскую хронику, историки пришли к следующему выводу: в 1390 году таи вторично захватили Ангкор и посадили на трон своего марионеточного короля. Затем, после длившегося до 1401 года междуцарствия, таи были изгнаны из страны и снова была восстановлена власть кхмерских правителей.

Что было на самом деле, установить невозможно, за исключением того, что и на сей раз, как и в 1353 году, таи не захватили Ангкор. Есть сведения, что в 1390 году начались нападения кхмеров и ответные нападения таи в про-

[1] Briggs, op. cit., p. 253—255.
[2] Briggs, Siamease Attacks on Angkor before 1430, FEQ, VIII, 1948, p. 3—33.
[3] Briggs, The Ancient Khmer Empire, p. 254, f. n.
[4] Briggs, op. cit., p. 256.

винциях Чантабун и Чолбури, которые длились ряд лет и сопровождались угоном с обеих сторон многих тысяч людей.

Эта ожесточенная борьба навела тямов на мысль, что и для них настала пора попытаться опустошить Камбоджу. В 1414 году кхмерские послы жаловались китайскому императору, что нападения тямов в ряде случаев препятствовали отправке посольств в Китай. В связи с этим император послал королю Тямпы письмо с предупреждением, но оно не удержало короля от осуществления в 1421 году широкого вторжения в район дельты Меконга, откуда его войска были вытеснены лишь около 1426 года. Но вместе с тем и кхмеры не проявляли никакого признака ослабления. В то самое время, как тямы вторглись в их страну, они, по-видимому, вели наступательные операции против Аютии.

Они вновь и вновь угрожали столице государства таи, подступая к ней через Чолбури на юге и долину реки Мун — на севере. В 1430 году король Аютии Боромарача II наконец добрался до Ангкора и осадил его, но это случилось лишь после того, как сама Аютия в течение ряда лет подвергалась подобной же угрозе со стороны кхмеров. Больше того, когда после семимесячной осады Ангкор все же пал, то причиной этого было скорее предательство, чем слабость кхмеров,—так как после смерти короля Дхармашоки во время осады города два мандарина и два видных буддийских монаха перешли на сторону врага, что и привело к падению Ангкора.

Захватив в 1431 году Ангкор, таи разграбили его, унеся с собою все, что могли, и угнав тысячи пленных. На трон в качестве марионеточного короля был посажен тайский принц. Однако его власть была недолгой. Камбоджийский крон-принц Понья Ят сумел осуществить его убийство, а затем сам короновался в Ангкоре. И вскоре кхмеры снова прочно обосновались на границе Чантобун — Чолбури — Корат. Однако Ангкор Том как столица уже не считался в безопасности. В 1432 году Понья Ят эвакуировал его. Вначале он разместил свой двор в Басане, в провинции Срей Сантор на восточном берегу Меконга, а в 1434 году перенес столицу в Пном-Пень.

Камбоджа сохранила свою целостность; она не уступила Боромараче II ни единой части своей территории и все еще оставалась сильным государством. И хотя она не была завоевана, тем не менее эвакуация Ангкора положила конец великому периоду кхмерской цивилизации. Кхмерам уже не суждено было повторить замечательные творения искусства и архитектуры или создать новые сокровища санскритской эпиграфии, которые были созданы в Ангкоре в дни его славы. Они даже не попытались сохранить то, что было брошено в этом городе; несколько веков спустя эту задачу взяли на себя французы. Король и его двор оставили город, ибо он больше не мог быть столицей. Народ также покинул его, чтобы избежать участи невольников жадных богов, иго которых было невыносимым. И тропические леса стали быстро стирать следы человека как внутри покинутого города, так и в его окрестностях.

ГЛАВА VI

БИРМА И АРАКАН

а) Допаганский период

Наиболее древние сообщения, касающиеся бирманских земель, связаны со старой сухопутной трассой, соединявшей Китай со странами Запада и пересекавшей северные области Бирмы. Первое упоминание об использовании этого пути относится к 128 году до н. э., когда Чжан Цянь обнаружил в Бактрии китайские изделия из провинции Сычуань. Были предприняты меры, чтобы усовершенствовать этот путь, но только в 69 году н. э. китайцы создали провинцию Юнчан на Меконге с центром, расположенным к востоку от реки Салуин, примерно в 100 километрах от современной китайско-бирманской границы. Покоренные народы были названы «айлао». Сообщалось, что ими управляют семьдесят семь «властителей округов», что они прокалывают носы и носят украшения в ушах. Вскоре после создания новой провинции покоренные жители восстали. После подавления восстания последовал столетний период мира, в течение которого племена, жившие за страной Айлао (китайцы называли их дуньяньи и лулэй), направляли в Китай свои посольства. Полагают, что эти племена осели в северной части Бирмы.

В 97 году н. э. северным сухопутным путем в Юнчан прибыли послы из страны Тань или Шань в Римской империи. Возможно, что они прибыли из Таниса — области, расположенной к востоку от дельты Нила. Другие путешественники попадали из Римской империи в Китай морским путем, совершая по суше лишь короткий переход через Тенассерим. Так, послы из страныТань, прибывшие в 131—132 году в Тонкин (находившийся тогда под властью Китая), судя по сообщениям, прошли именно этим путем; точно таким же был маршрут торговой миссии, прибывшей из Римской империи в Китай в 166 году, и купца Чинь Луня в 226 году.

В бирманских буддийских легендах отмечается, что индийское влияние проникло в Нижнюю Бирму морским путем. В джатаках Нижняя Бирма носит название Суварнабхуми, или Золотой земли. В популярном бирманском предании о жизни двух братьев— Тапусы и Паликата — говорится, что Гаутама[1] дал им восемь волосков со своей головы, которые они перевезли морем в Золотую землю и погребли под пагодой Шве Дагон, украшающей современный Рангун. В монских хрониках содержится легенда о двух монахах — Соне и Уттаре, которые были посланы в Золотую землю третьим буддийским синодом в Паталипутре (около 241 г. до н. э.)[2]. Однако что касается исторических источников, то нет более древних следов проникновения индийского влияния, чем отрывки палийского канона, обнаруженные в Хмозе (Шрикшетра, или древний Проме) и датируемые примерно 500 годом нашей эры.

В «Географии» Птолемея береговая линия Аргиры и Хризы грубо приближается к современным очертаниям побережья Аракана и Бирмы до залива «Сабара» (Мартабан?). Аргира у Птолемея соответствует современному Аракану, а соседнюю с ней страну он называет Хризой. Он говорит о людоедах, которые живут в районе устья реки, причем исследователи отождествляют этот

[1] То есть Будда.—*Прим. перев.*

[2] Паталипутра (современная Патна)—город в нижнем течении Ганга.—*Прим. перев.*

район с областью Моулмейн. Быть может, имеет какое-то значение то обстоятельство, что название племени людоедов соответствует названию Весунги — гавани, упоминаемой в джатаках.

В связи с завоеваниями Фань Ши-маня, великого короля Фунани, выше упоминалось[1] о буддийском королевстве Линьян, которое, как предполагают, находилось в центральной Бирме. Если это предположение справедливо, то откуда был занесен в Линьян буддизм? Быть может, из Индии по северной сухопутной трассе? В китайских источниках, относящихся к IV и более поздним векам, упоминается о диких и беспокойных племенах к юго-западу от Юнчана, и особенно о племенах пу — татуированных людях, вооруженных луками и стрелами, причем некоторые из этих племен были каннибалами и ходили нагими. За областью их расселения, в трех тысячах ли к юго-западу от Юнчана, жил цивилизованный народ пяо. Пяо (или пью) — древнейшие обитатели Бирмы, воспоминания о которых сохранились в местных легендах.

Столица народа пью — Шрикшетра — упоминается в записках китайских пилигримов VII века Сюань Цзана и И Цзина. Легенды об этом народе распространены в области между Халином (округ Швебо) и Проме. Надписи, обнаруженные в этих местах, относятся к VII веку или к более раннему времени. Надписи на урнах, расшифрованные покойным Отто Благденом, свидетельствуют, что в Проме по крайней мере с 673 по 718 год правила династия Викрама. Упоминаются три правителя этой династии:

Сурьявикрама, умер в 688 году, в возрасте 64 лет,

Харивикрама, умер в 695 году, в возрасте 41 года,

Сихавикрама, умер в 718 году, в возрасте 44 лет.

Даты эти условны, поскольку эра не установлена. Если, как предполагают, речь идет о «бирманской эре», которая начинается в 638 году н. э., то можно допустить, что эта хронологическая веха означает также и начало династии. Были также обнаружены надписи с именами королей династии Варманов, но не установлено, где правила эта династия. Однако имя указывает на возможное влияние Паллавов из Конджеверама.

Шрикшетра (ныне Хмоза) — единственное основательно изученное поселение пью — дала археологам весьма ценные материалы. Здесь обнаружены остатки массивной городской стены, которая охватывала территорию, превышавшую площадь Пагана или Мандалая; эта стена с внутренней и внешней сторон была опоясана глубокими рвами. Шрикшетра имела большое значение; в монских надписях эпохи правления Чанзиты (1084—1122) этот город все еще упоминается как столица. Близ города расположены три большие буддийские ступы, причем высота одной из них достигает около 46 метров. В городе имеется также ряд небольших сводчатых сооружений — прототипы более поздних паганских храмов. Здесь же обнаружены большие каменные скульптуры в барельефах в стиле Гупта, круглые серебряные монеты, на которых изображены небольшие (видимо, символические) фигуры, а также любопытно нарисованы луна, солнце и звезды; кроме того, найдены терракотовые вотивные таблички с санскритскими легендами, выполненными письмом нагари[2].

Археологические памятники культового характера синкретичны и свидетельствуют о смеси различных религиозных культов. Имеются многочисленные каменные скульптуры Вишну, бронзовые статуэтки Авалокитешвары и прочих махаянистских бодисатв, и наряду с этим попадаются статуи и надписи на языке пали; это говорит о том, что буддизм хинаяны процветал там уже в весьма отдаленные времена. Покойники сжигались, и пепел хранился в урнах, стоявших возле пагод или на огромных кладбищах на кирпичных платформах, покрытых землей. Выше упоминалось о династии Чандра из Вайшали — первых араканских правителях, на которых указывают эпиграфические памят-

---

[1] См. главу II, раздел *б.—Прим. ред.*

[2] Нагари — индийское слоговое письмо с верхней орнаментальной чертой над буквой. Древнейшие надписи, сделанные письмом нагари, относятся к VII—VIII векам.— *Прим. ред.*

ники. Тот же источник сообщает о второй династии, основанной в VIII веке Шри Дхармавиджайей, внук которого, как указывается, взял в жены дочь короля Шрикшетры, принадлежавшего к народу пью.

В VIII и IX веках тайское государство Наньчжао покорило всю Верхнюю и большую часть Нижней Бирмы. Правитель Наньчжао Колофенг[1] (748—779) построил крепость с целью установления контроля над областью верхнего течения Иравади и пополнял свои войска за счет местных племен. Он поддерживал сношения с пью, которых он, возможно, покорил, так как воины пью служили в отрядах Наньчжао, захвативших в 863 году Ханой. Военные походы Колофенга снова открыли древний путь в Индию, пересекавший Верхнюю Бирму. Одна из трасс проходила через столицу народа пью (возможно, это был Халин), а оттуда, следуя вверх по Чиндвину, доходила до границ Манипура. Имеются признаки, указывающие на значительное развитие северной Бирмы в VIII—IX веках. Авторы той эпохи в списке товаров этой страны упоминают о золоте, амбре, соли, лошадях, крупном рогатом скоте, рабочих слонах и о многом другом.

И Му-сунь, внук Колофенга, послал в 800 году китайскому императору в дар музыкантов из народности пью. В 801—802 годах король пью направил в Китай через Наньчжао официальное посольство, которое сопровождали 35 музыкантов. В Китае пробудился интерес к стране пью, и в «Истории Танской династии» содержится яркое описание столицы пью. Китайцы также пишут, что в 832 году «мятежники мань» (Наньчжао?) разграбили столицу пью и увели три тысячи пленников в Юньнаньфу.

Означало ли это событие конец государства пью? В связи с сообщением о «мятежниках мань» о пью упоминается последний раз. Были ли пью авангардом бирманцев? Их язык относится к тибетско-бирманской группе. В надписи, обнаруженной в Мьязеди и относящейся к 1113 году, одна сторона занята текстом на языке пью, а это свидетельствует о том, что в ту пору еще жили люди, говорившие на этом языке. Как народность пью исчезли совершенно. По-видимому, они смешались с бирманцами, когда последние стали преобладающей народностью на территории Бирмы.

Пью притязали на сюзеренитет над 18 зависимыми государствами, преимущественно в Нижней Бирме. Одно из них, Мичэн, правитель которого в 805 году добился признания со стороны Китая, в 835 году было уничтожено силами Наньчжао. К числу зависимых от пью областей относились государства Кунлунь, близ гавани Модипо, откуда можно было достичь Палембанга и Явы. Это были монские государства. Государство Дваравати в долине Менама было центром монской державы, и в VII веке оно контролировало часть Тенассерима. Самые древние монские надписи, обнаруженные в Лопбури, относятся к VIII веку. Монские государства в Сиаме и Бирме поддерживали связь между собой и под влиянием индийской культуры достигли высокого уровня развития.

Государства Кунлунь отразили вторжение Наньчжао, которое уничтожило государство Мичэн. Арабские географы называют Нижнюю Бирму Раманнадесой («страной монов»). «Раманна» — измененное древнемонское слово *рмен*, от которого произошло современное *мон*. Позже бирманцы называли монов талаингами, отождествляя их, таким образом, с обитателями индийской области Телингана, с которыми моны поддерживали культурные связи. В монских хрониках основание монской столицы Хамсавати (ныне Пегу) относится к 825 году. Паган, столица бирманцев, появилась на арене истории в 849 году. Именно в этом году Пьинбья соорудил стены, окружавшие столицу. Полагают, что Паган возник путем слияния 19 селений. Если эта дата верна, то разорение столицы пью на севере страны, возможно, явилось причиной бегства ее жителей на юг, что в свою очередь и привело к основанию нового центра — Пагана. Бирманские хроники относят основание Пагана ко II веку н. э., но согласиться с этой гипотезой чрезвычайно трудно.

---

[1] Вернее, Го Лу-фэнь.—*Прим. ред.*

О периоде с 849 по 1044 год, когда Аноратха основал королевство Паган, почти совершенно отсутствуют сколько-нибудь надежные исторические данные. А это тем более досадно, что именно в это время основная масса бирманцев пришла в Бирму и осела здесь. Г. Льюс попытался проследить историю бирманцев до того, как они в середине IX века спустились с гор, где теперь расположены Северные шанские государства, и проникли в округ Чаусхе, южнее современного Мандалая. Древнейшая известная нам родина народов, говорящих на языках тибетско-бирманской группы, находилась где-то между пустыней Гоби и северо-восточным Тибетом, возможно, в Ганьсу. В древнейших китайских письменных памятниках упоминаются цяны — пастушеские племена к западу от китайской территории. Предков бирманцев следует, по мнению Льюса, искать среди цянов. Китайцы постоянно нападали на цянов с целью добыть жертву для человеческих жертвоприношений. Спасаясь от этих набегов, цяны нашли убежище в северо-восточном Тибете. В первом тысячелетии до н. э. китайские правители циньской династии продолжали преследовать цянов и многие из них бежали на юг.

Бирманцы были на восточном фланге этого фронта миграции и, когда в Юньнани возникло тайское государство Наньчжао, оказались под его властью. От своих владык бирманцы научились вести войны, владеть луком, ездить верхом, устраивать террасированные поля на горных склонах, разводить рис на орошаемых равнинных землях и многому другому. Стремление к независимости, которое красной нитью проходит через всю историю бирманцев, побудило их к бегству из Наньчжао и к переселению на жаркие и сухие равнины Верхней Бирмы.

Они пришли в Бирму через область, расположенную между реками Инмай и Салуином, и вскоре после уничтожения государства пью в 832 году силами Наньчжао они обосновались в «Одиннадцати селениях» Мьиты в округе Чаусхе. Здесь они нашли уже достаточно развитую ирригационную систему, которая, по мнению Льюса, должно быть, была создана монами. При своем стремительном переселении с гор на равнины бирманцы вклинились в область расселения монов, в результате чего на севере осталась группа монов, которая оказалась совершенно оторванной от основной массы монских племен, обитавших на юге.

Дойдя до Иравади, бирманцы разделились. Часть из них перешла Иравади и осела на склонах хребта Пондаунг, в горах Чин и в области Акьяб в Аракане. Другие обрели вторую родину в округе Минбу, к западу от Иравади, где в районе Салин-Сагу они нашли еще одну ирригационную систему, более древнюю, чем система в округе Чаусхе, и, по-видимому, созданную племенами сго-каренов и палаунгов. Продвигаясь вниз по Иравади, бирманцы дошли до рисовых полей Таунгдвинджи и до Проме; некоторые из них поднялись по Чиндвину, заняв там ряд местностей, названия которых не установлены, а часть бирманцев поднялась вверх по долине Му и направилась на север — к Швебо, Табайину и Мьеду, где они смешались с более древними местными племенами.

В период расселения бирманцы, или, как они себя называли, мранма, должно быть, находились под управлением множества местных вождей. Бирманские хроники, которые относят основание Пагана к 108 году н. э., сообщают имена 40 королей, которые правили в Пагане до восшествия на престол Аноратхи, но все эти короли истории не известны. В надписях же упоминается только один бирманский монарх, правивший до Аноратхи,— Сорахан, который построил буддийскую гробницу на горе Туран в 13 километрах от Пагана. Самым древним историческим документом, в котором упоминается сам город Паган, является тямская надпись, относящаяся приблизительно к 1050 году. Самое раннее упоминание о бирманцах содержится в одной монской надписи 1102 года, в которой они названы народом «мирма». Название «мянь», под которым бирманцы и их страна известны китайцам, появилось в китайских источниках только в 1273 году, незадолго до завоевания Пагана монголами.

б) Королевство Паган (1044—1287)

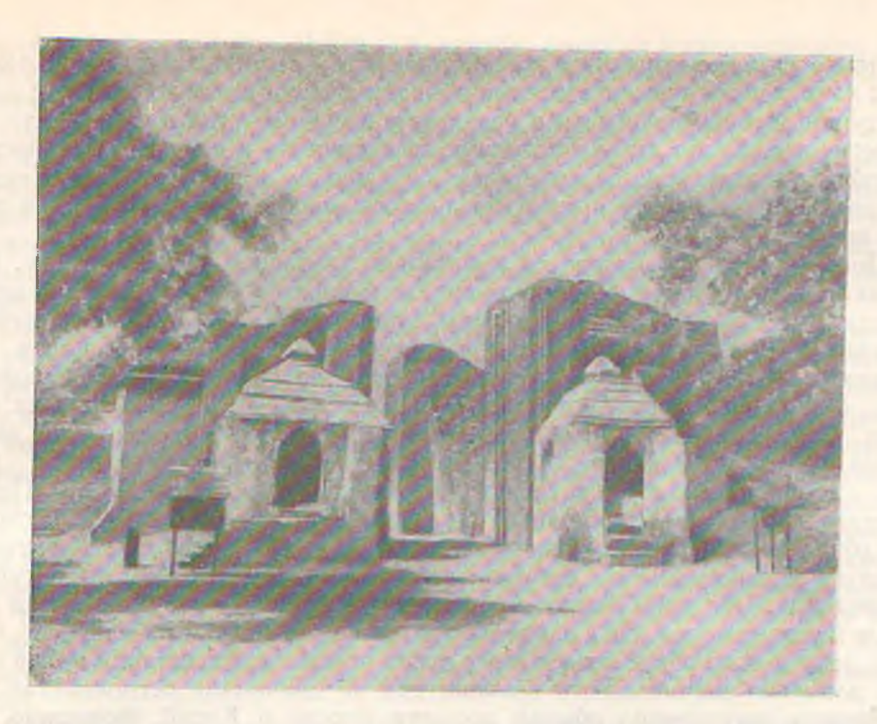
Объединителем Бирмы и создателем великой паганской державы был король Аноратха (1044—1077). Однако это скорее персонаж из величественной легенды, чем реальная историческая фигура. Ни один подлинный эпиграфический памятник, датируемый временем его царствования, не дошел до нас, за исключением вотивных табличек с краткими надписями. Тем не менее его достижения достаточно реальны и оставили неизгладимый след в стране и в памяти бирманского народа. Он объединил под своей властью большинство тех земель, которые могут быть названы собственно бирманскими, а также северный Аракан и Нижнюю Бирму — страну монов. Он совершил несколько походов на восток, в шанские земли, но не с целью их присоединения к своему государству, а лишь для того, чтобы заложить здесь в предгорье линию укреплений, состоящую из 43 опорных пунктов, и тем самым предотвратить набеги шанов на бирманские равнины. В сиамских хрониках отмечается, что Аноратха совершил нападение на Камбоджу и что его власть распространялась на бо́льшую часть современного Сиама. Эти хроники указывают, кроме того, что Аноратха воспринял от Након-Патома буддизм хинаяны и сделал его официальным культом Пагана. Однако для подобных утверждений нет никаких исторических оснований.

Самым важным деянием Аноратхи было завоевание им монского королевства Татон. Одна из легенд гласит, что Аноратха взял к себе на службу монского монаха Шин Арахана и поручил ему обратить бирманцев в веру хинаяны. Это вызвало борьбу с жрецами («ари»), которые имели огромное влияние в Верхней Бирме, исповедовали махаяну и отправляли тантрийский и иные эротические обряды. Чтобы добыть «Трипитаки»[1], копии палийского канона, для обучения народа основам буддийской религии, Аноратха завоевал Татон, захватил здесь 30 полных комплектов «Трипитаки» и переселил в Паган короля Татона Мануху и все население завоеванного города, которое насчитывало 30 тыс. человек. Наиболее существенные факты, о которых говорится в этом предании, историки не отрицают. Часть здания, куда был помещен плененный король и его двор, существует поныне, так же как и библиотека «Трипитатай», воздвигнутая для хранения захваченных рукописей.

Пали стал священным языком Бирмы, и монский алфавит был положен в основу бирманской письменности. Через монов индийское влияние просачивалось в земли, занятые бирманцами. Первое столетие истории Пагана характеризуется преобладанием монских элементов, и тексты надписей этого времени составлялись либо на пали, либо на монском языке. Буддизм, заимствованный в Татоне, никоим образом не был чисто хинаянским. Эпиграфические и археологические данные отчетливо показывают, что в Пагане буддизм хинаяны, говоря словами Льюса, был смешан с буддизмом махаяны, а к концу эпохи правления паганской династии он был смешан по крайней мере с тантризмом. Он, несомненно, покоился на глубокоукоренившемся культе Наги и На[2]. И в тронном зале короля Манухи в гробнице Нанпая, к югу от Пагана, барельефы с изображением индуистских богов свидетельствуют о теснейшем переплетении этих двух религий. Далее следует отметить, что, хотя легенды связывают введение буддизма хинаяны в Татоне с деятельностью Будлагхосы, который принес его с собой в 403 году с Цейлона, исторические данные свидетельствуют,

[1] «Трипитака», точнее «Типитака» («Три корзины»)—свод произведений южноиндийского канона, написанных на языке пали. «Трипитака» состоит из трех больших разделов—Сутта-питаки («Корзина притч»), Винпа-питаки («Корзина обрядов») и Абдхидхаммы-питаки («Корзины высшей догмы»). Этот свод (вместе с комментариями) насчитывает около ста произведений, составленных в период от III века до н. э. до VI—VII веков н. э. и подвергшихся многократной редакционной переработке. «Трипитака»—ценнейший памятник древнеиндийской культуры, представляющий огромный интерес в плане изучения истории, философии, экономики, права и религиозных идей древней Индии. В Бирме, Сиаме и на Цейлоне тексты «Трипитаки» воспроизводились в многочисленных копиях, материалом для которых служили пальмовые листья.—*Прим. перев.*

[2] Нага — по-бирмански дракон, На — святой дух.—*Прим. ред.*



Сорабские ворота в старом Пагане.

что буддизм в Татоне носил на себе влияние не Цейлона, а Конджеверама, который стал известным буддийским центром в V веке, когда здесь работал знаменитый комментатор Дхаммапала. Характерно, что древнейшие монские надписи выполнены письмом паллава.

В хрониках сохранилось предание о связях Пагана с Цейлоном в правление Аноратхи. Нападение государства Чола заставило Виджайя-Баху обратиться к Пагану за помощью. Аноратха вместо помощи послал на Цейлон ценные подарки. Позже, отразив захватчиков, Виджайя-Баху снова послал в Паган за монахами и копиями буддийских текстов, чтобы заручиться поддержкой, необходимой для осуществления задач реконструкции. Монахи и рукописи были посланы, и в обмен бирманский король получил чудом сотворенную копию священного зуба Канди. Этот зуб был помещен в раку под пагодой Швезигон. Какова бы ни была доля истины в этом сообщении, значение его заключается в том, что в XI веке Конджеверам уже не был больше крупным буддийским центром; здесь восторжествовал брахманизм. Цейлон же занял место Конджеверама как главный центр теравадского буддизма.

Завоевание Аноратхой Татона было важнейшим событием в истории Бирмы. Монская цивилизация была выше бирманской, и влияние татонских пленников было большим, хотя, возможно, и менее значительным, чем открытие пути к морю, которое явилось результатом овладения дельтой Иравади. Кроме того, деятельность Аноратхи обеспечила победу буддизма хинаяны, и со временем буддизм стал наиболее могущественным фактором в национальной жизни Бирмы. Однако великолепные храмы Пагана сооружены были уже после Аноратхи. При нем строили пагоды, а не храмы. Пагода Швезигон, постройка которой началась в 1059 году, является главным памятником его времени, и весьма примечательно, что одной из его наиболее выдающихся особенностей является ряд гробниц 37 духов. Культ духов — собственно бирманская форма анимистических представлений, важнейшего элемента, лежащего в основе всех культур Юго-Восточной Азии; эти представления едва ли с меньшей силой продолжали господствовать над умами людей, начиная с самого высокого ранга вплоть до простого люда. Произведения палийского канона, в которых излагались этические правила буддийской доктрины, в конечном счете оказали

достаточно сильное моральное воздействие, чтобы заставить бирманцев покончить с наихудшими анимистическими обычаями. Но буддизм должен был пойти на уступки древней религии и в результате этого сам стал в высшей степени синкретичным. Культ духов продолжал существовать в двух разновидностях: в одной из них он тесно переплетался с буддизмом, в другой — связи подобного рода отсутствовали, причем буддийское монашество относилось к этой секте неодобрительно.

Покорение монов Аноратхой губительно сказалось на этом народе. Оно положило начало борьбе между бирманцами и монами, которая красной нитью проходит через всю историю страны, причем эта борьба уже к первой половине XIX века завершилась фактическим уничтожением монов как народности. Несомненно, что именно восстание монов неожиданно положило конец правлению сына Аноратхи Солу (1077—1084). Однако Паган был спасен другим сыном Аноратхи, который разгромил монов и занял престол. Король Чанзита (1084—1112), как об этом повествуют хроники, добился небывалого расцвета бирманского королевства Паган. Он справил пышную коронацию по брахманистскому ритуалу, построил для себя новый дворец и оставил ряд надписей (большая часть выгравирована на монском языке), которые можно рассматривать как литературные произведения. Предание гласит, что Чанзита в царствование своего отца жил в опале в стране монов. Он с симпатией относился к ним и к их культуре. Очевидно, этим можно объяснить, почему после подавления восстания монов в течение довольно значительного времени они не причиняли беспокойства.

Чанзита восстановил обычай посылки миссий в Китай. Возможно, что цель посольств, отправленных в Китай в 1103 и в 1106 годах, заключалась в том, чтобы облегчить торговлю с Юньнанью по сухопутной трассе; торговые связи с Юньнанью были восстановлены после того, как в конце IX века королевство Наньчжао было покорено Китаем. Чанзита был первым бирманским правителем, проявившим живой интерес к храму Махабоди в Буддагайе. Работы по реставрации этого храма были выполнены по его повелению; об этом гласит надпись на монском языке в пагоде Швесандо в Проме.

Чанзиту посетил один из принцев Чола, о котором высказывалось много различных предположений. Напомним, что Чолы совершили в 1025 году нападение на Шривиджайю, в 1068—1069 годах покорили Кедах; они развивали торговые связи со странами Юго-Восточной Азии и посылали миссии в Китай. Что делал принц Чола в Пагане? Возможно, что он посетил Паган как торговый агент или путешественник, жаждущий пополнить свои знания, и что он не был правителем тамильской колонии в районе дельты, как предполагалось до сих пор. Нужно еще доказать, что такие колонии когда-либо существовали в Бирме. Не являются ли такого рода предположения еще одним мифом о колонизации, порожденным в силу неправильного использования термина «колония» для описания самых обыкновенных торговых поселений?

Чанзита ныне хорошо известен как строитель храма Ананды в Пагане. Легенда гласит, что он принял к себе восемь монахов, бежавших из Индии из-за преследований. Рассказы этих монахов о пещерном храме Ананты в холмах Удаягири в Ориссе возбудили в нем желание построить подобное же сооружение в Пагане. Однако Дюруазель в своем описании храма в Пагане, помещенном в «Ежегодном отчете об археологическом исследовании в Индии»[1] за 1913—1914 годы, склоняется к мнению, что моделью этого сооружения послужил Пахарпурский храм в северной Бенгалии. Внутренняя часть храма при сравнении с его восхитительным внешним видом и строгими пропорциями вызывает чувство разочарования. Здание представляет собой огромный массив, прорезанный высокими сводчатыми коридорами, ведущими к четырем центральным залам, в каждом из которых установлена гигантская статуя Будды. Головы и плечи этих статуй озарены светом, падающим извне, и этот световой эффект производит потрясающее впечатление на зрителя, который попадает

[1] «Annual Report of the Archaeological Survey of India», 1913—1914.

в зал из темного коридора. Перед монументом, стоящим в западном зале, помещены две статуи естественной величины коленопреклоненных Чанзиты и Шин Арахана.

История царствования Чанзиты содержится в надписи его внука и преемника Алаунгситу (1112—1167), выгравированной в 1113 году в пагоде Мьязеди, к югу от Пегу. Эту надпись назвали Розеттским камнем[1] Бирмы, поскольку на четырех гранях один и тот же текст воспроизведен на четырех языках — пью, монском, бирманском и пали. Открытие этой надписи в 1911 году дало ключ не только к изучению языка пью, но и к датировке времени правления первых королей Пагана.

Царствование Алаунгситу являет две различные и при этом резко контрастные картины. Та картина, которая воссоздается преимущественно по хроникам, изображает Алаунгситу как идеального буддийского правителя, странствующего по своему царству, предпринимающего работы по строительству достойных короля сооружений и составляющего тексты надписей, в которых находят истинное отражение высокие замыслы иного бытия, воплощенные в непревзойденных поэтических произведениях его времени. Его прекраснейшее сооружение — храм Табинью — было освящено в 1144 году. По стилю этот храм близок к храму Ананда, но здесь основной массив поднимается намного выше, прежде чем принять коническую форму. Мысли, которые вдохновляли Алаунгситу в его благочестивых деяниях, нашли наилучшее выражение в тексте его молитвы, выгравированном в пагоде Швегу на языке пали. Mutatis mutandis[2], эта молитва напоминает молитвы средневековых христианских святых.

Другая же картина рисует обстановку мятежей и беспорядка. В первые годы своего правления король был занят подавлением восстаний в Тенассериме и в северном Аракане. В одной из надписей в Буддагайе речь идет о восстановительных работах, осуществленных здесь правителем Аракана по требованию Алаунгситу в знак благодарности за помощь, оказанную им в борьбе с узурпатором. Однако долгие отлучки царя из столицы привели к ослаблению контроля над управлением, что имело гибельные последствия. В конце концов Алаунгситу был убит своим собственным сыном Нарату, который захватил престол в 1167 году.

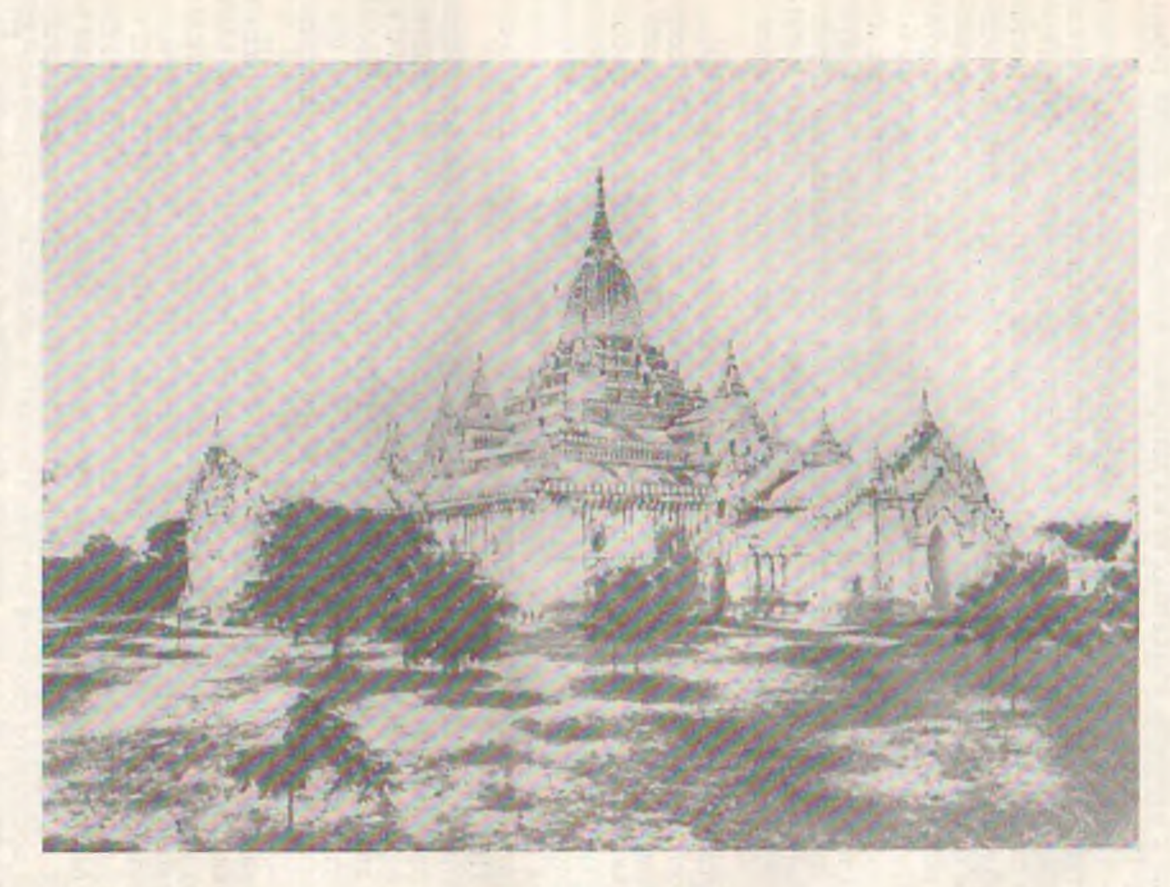
Краткое царствование Нарату (1167—1170) было временем беспорядков и кровопролитий, которые завершились дворцовым переворотом и убийством самого короля. Его сын и преемник Наратейнка также не смог справиться с царившей анархией и был убит восставшими в 1173 году. Задача восстановления мира внутри страны и возобновления работ по сооружению блестящих архитектурных памятников выпала на долю его младшего брата Нарапатиситу (1173—1210).

По-видимому, эпоха мятежей 1167—1173 годов является линией раздела в истории Пагана. Из периода, когда в надписях преобладал монский язык, мы сразу же переносимся в период преобладания бирманского языка. В последний период истории Пагана монский язык как язык литературный исчезает совершенно. Можно ли объяснить шестилетние смуты 1167—1173 годов как вспышку бирманского национализма, как реакцию против монского влияния? Каково бы ни было объяснение, несомненно одно — произошла культурная революция, в результате которой бирманское влияние вытеснило монское на протяжении последнего столетия истории Пагана. А поскольку достоверные данные отсутствуют, не нужно слишком большого воображения, чтобы именно в этом процессе увидеть главную причину всеобщего восстания монов, которое разразилось после поражения бирманцев под Каунгсином в 1283 году, когда король Таёпьемин «бежал от китайцев».

---

[1] Розеттский камень — трехязычная надпись эпохи Птолемеев, обнаруженная в Египте в 1798 году учеными, которые сопровождали экспедиционные войска Наполеона. Воспользовавшись параллельными текстами Розеттского камня, крупнейший французский египтолог Шампольон впервые расшифровал египетские иероглифы.—*Прим. перев.*

[2] Mutatis mutandis (лат.)—с соответствующими изменениями.—*Прим. ред.*



Храм Ананды, Паган.

Правление Нарапатиситу, самое продолжительное в истории Пагана, представляет весьма большой интерес. При нем были построены два прекраснейших храма в Пагане — Годопалин и Суламани — и были воздвигнуты бесчисленные пагоды в других местах. В округах Чаусхе и Швебо были проведены большие ирригационные работы. Но наиболее важными событиями этой эпохи явились введение сингалезских форм буддизма и развертывание религиозных движений, которые в конце концов привели к вытеснению этими новыми формами конджеверамской формы буддизма, занесенной из Татона в правление Аноратхи.

Легенда, записанная в «Хманнан Язавин» («Хроника стеклянного дворца»), повествует, как во время смуты в годы правления Нарату преемник Шин Арахана, глава буддийской церкви Пантагу, удалился на Цейлон. После воцарения Нарапатиситу он возвратился на родину и вскоре умер. Его сменил монский монах Уттараджива, который в 1180 году, следуя примеру Пантагу, направился на Цейлон и по возвращении оттуда получил титул «Первого цейлонского пилигрима». Один из его приближенных, монах Чапата, также мон, пробыл на Цейлоне десять лет и, вернувшись оттуда в 1190 году, прослыл «Вторым цейлонским пилигримом». Он привел с собой четверых монахов-чужеземцев, и один из них, Тамалинда, должно быть, был, как это предполагает Кёдэ, сыном Джайявармана VII, короля Ангкора.

В Ньяунг-у они основали, в соответствии с положениями махаянистского обряда, монашескую конгрегацию и построили пагоду в сингалезском стиле. Это вызвало раскол бирманского буддизма на сторонников новых вождей и приверженцев старой татонской традиции. Король поддержал реформаторов, но «Старый орден» (так называли татонскую школу) продолжал существовать в течение еще двух столетий. Реформаторы ревностно приступили к пропаганде своего учения. Множество монахов отправилось на Цейлон, чтобы быть посвященными в духовный сан, и буддизм впервые в истории Индокитая стал истинно народным течением, не вызванным каким-либо влиянием двора. В таком виде это учение распространилось далеко за пределы Бирмы, охватив народы таи, лаосские государства и Камбоджу, что вызвало важные и долговременные последствия, ибо в последующий период, когда ислам стал господствующей религией народов Малайи и Индонезии, он не пробил себе дороги в буддийские страны. Различные шиваитские и вишнуитские культы, хинаяна в санскритской форме и махаяна были религиями двора, призванными обожествлять личность царя и правящие классы. Они не оказывали действенного влияния на народные массы, и поэтому в государствах, где эти культы существовали, ислам легко одержал решительную победу.

Сын и преемник Нарапатиситу — Нантаунгмья (1210—1234), более известный под именем Тхиломинло («тот, кого зонт отмечает, как короля»; согласно поверью, королевский зонт чудесным образом «указал» на него как на законного претендента на престол), был последним великим храмостроителем. Он столь ревностно отдавался богоугодным делам, что предоставил ведение государственных дел своим четырем братьям, которые правили совместно. При этом короле процветало монашество и было создано на языке пали множество религиозных трактатов и комментариев к канону. В правление Нантаунгмьи было построено два последних храма величественного стиля: Махабоди — подражание знаменитому храму в Буддагайе, и Тхиломинло, названный по имени короля.

Затем престол занимали ничтожные короли Часва (1234—1250) и Узана (1250—1254). Появились признаки вырождения династии. Окончательная же катастрофа наступила в результате глупой политики короля Наратихапате (1254—1287). Этот грубый деспот, который не обнаруживал особенного религиозного рвения, построил пагоду Мингалазеди и отметил это событие в надписи, в которой в явно преувеличенных тонах описывал свою мощь, называя себя «верховным командующим 36-миллионного войска». Он похвалялся, что съедает 300 блюд карри[1] в день и имеет 3 тысячи наложниц. Об этой пагоде,

[1] Карри — соус, который приготовляется из мяса, рыбы, фруктов или овощей и различных пряностей и подается к рису. — *Прим. ред.*

строившейся в течение шести лет, сложилась в Бирме поговорка: «Пагода построена, а великая страна разорена». Бирманские хроники называют его также Таёпьемином—«королем, бежавшим от китайцев».

В годы его правления было завершено завоевание Китая монголами. Когда победитель обосновался в Пекине, он направил посольства, требуя изъявлений покорности от всех стран, которые в императорских архивах значились данниками Срединной Империи. В 1271 году наместнику Юньнани было приказано направить послов в Паган с требованием выплаты дани. Наратихапате гордо отказался принять китайских послов. Два года спустя это требование было вновь предъявлено, но уже императорским послом, который доставил королю письмо от самого Хубилай-хана. На этот раз необузданный король велел схватить посла и его свиту и предать всех членов миссии казни.

Хубилай-хан, у которого было достаточно всяких забот, сразу не предпринял ответных шагов, и Наратихапате бросил ему новый вызов, совершив нападение на небольшое государство Каунгаи на реке Типинг, так как его правитель подчинился Хубилай-хану. Тогда Хубилай-хан отдал местным властям приказ наказать бирманцев, и наместник области Тали послал монгольские войска, которые разбили бирманцев в битве под Нгазаунгджаном и отбросили их на собственную территорию (1277). Эта битва стала известна благодаря ее яркому описанию, сделанному со слов очевидцев знаменитым венецианским путешественником Марко Поло[1].

Вторая монгольская армия под командой Насреддина, наместника Юньнани, вторглась в округ Бамо и, разрушив несколько бирманских укреплений, возвратилась обратно из-за сильной жары. Бирманцы, к которым после этого вернулась их самоуверенность, возобновили набеги на юньнаньскую границу. Поэтому в 1283 году монголы тем же путем вторглись в Бирму, разбили бирманцев под Каунгсином и расположили свои гарнизоны в верховьях Иравади. Наратихапате, полагая, что его столице грозит нападение, покинул ее и в панике бежал в Бассейн, в дельте Иравади.

Этот поспешный шаг решил судьбу государства. Центральная власть исчезла, северный Аракан объявил себя независимым, на юге подняли восстание моны во главе с Тарабьей, которому помогал шанский искатель приключений Вареру, бежавший, согласно преданию, из страны Сукотаи. Наратихапате слишком поздно направил в Юньнань свои заверения покорности, пытаясь снова возвратиться в свою столицу. В 1287 году по пути на север он был убит одним из своих сыновей, правившим в Проме.

Приблизительно в это же время принц Е Су Тимур, внук Хубилай-хана, проложил себе путь в низовья Иравади, взял Паган и оттуда направил во все стороны отряды для покорения провинций. Сперва монголы не видели необходимости оккупировать страну. Такая кампания была связана со значительными издержками, и первоначальные планы сводились к преобразованию центральной и северной Бирмы в две провинции монгольской империи, причем одному из членов королевской семьи дозволялось возвратиться в Паган и править центральной Бирмой. И когда после кровавой борьбы, вспыхнувшей между принцами на юге, единственный из оставшихся в живых, Чосва, возвратился в Паган, то он был официально признан монголами. Таким образом, Паган в течение нескольких лет был центром монгольской провинции. Однако существованию города угрожали трое шанских вождей, которые захватили жизненно важную область Чаусхе, откуда столица получала рис. В 1299 году они убили Чосву и сожгли его столицу Паган.

в) Бирма от завоевания Пагана монголами (1287) до разграбления Авы шанами (1527)

Монгольское вторжение в Бирму создало для шанов благоприятные возможности, позволившие им играть преобладающую роль в этой несчастной стране, чего монголы, казалось, никак не ожидали. Монголы приступили к ор-

[1] См. «Книга Марко Поло», М., 1955, гл. CXXII—CXXV.—*Прим. ред.*

ганизации двух новых провинций в северной и центральной Бирме. В 1283 году, захватив Тагаунг, они сделали его центром вновь учрежденной провинции Чинмян. Точно так же, когда в 1287 году пал Паган, монголы приступили к превращению центральной Бирмы в провинцию, которую они назвали Мянчжун. Но все эти мероприятия были сорваны шанами.

История проникновения шанов в Верхнюю Бирму неясна. Незадолго до 1260 года уже имелось, видимо, шанское поселение в Мьинсайнге, в округе Чаусхе. Бирманские короли обычно отводили здесь земли для солдат армии, и есть основание полагать, что это поселение было основано солдатами наемного войска королей Пагана. В хрониках говорится, что в 1260 году один из шанских вождей из горного района нашел убежище в Мьинсайнге и направил трех своих сыновей для обучения ко двору Наратихапате. Во время монгольского вторжения «три шанских брата» (так называют их хроники) стали самостоятельными правителями княжеств, причем владения их находились в округе Чаусхе. Старший брат Атинкхая стал вождем в Мьинсайнге, средний Язатинчан стал правителем в Меккаи, а младший Тихату — вождем в Пинле. Чосва, возвратившись в Паган как монгольский вассал, утвердил за ними владения. Так говорится в хрониках. Судя по другим источникам, эти шанские властители впервые появились в феврале 1289 года, когда они открывали пагоду в своем округе.

Спустя два года провинции Мянчжун не стало. Возможно, что задача управления этой областью оказалась слишком трудной и дорогостоящей. Шаны стали теперь господствующим фактором, определяющим положение Пагана. Установленный ими контроль над жизненно важной орошаемой территорией давал им возможность задушить город голодом, поскольку от них теперь зависело снабжение Пагана рисом. Чосва, очутившись в безвыходном положении, был вынужден в борьбе против трех шанских братьев искать поддержку извне. Но он лишь ускорил свое падение и гибель своей столицы. В 1299 году шаны схватили Чосву и казнили его. Затем они разграбили и сожгли Паган и, между прочим, перебили всех находившихся здесь китайцев. В «Хронике стеклянного дворца» излагается совершенно другая версия событий, приведших к этому трагическому концу. В ней говорится о предательстве королевы Со, вступившей с тремя шанскими братьями в заговор против короля. Эта версия совершенно неправдоподобна.

В Пагане после гибели Чосвы царствовало два отпрыска старой династии: Сохни, сын Чосвы (1299—1325), и Узана, сын Сохни (1325—1369). В сущности, они были всего лишь мелкими князьками. Действительная власть была сосредоточена где-то в другом месте расчлененного и распавшегося королевства. И Паган, конечно, был уже неподходящим местом для столицы. Истинный центр располагался в той области, которая находилась под властью шанских братьев. Потеря Пегу, расположенного во влажной зоне, потребовала реорганизации королевства и переноса столицы к месту, лежащему близ слияния Мьинге с Иравади, в район, где было легко обеспечить контроль над перевозками риса из Чаусхе. После того как монские провинции были отторгнуты, почти вся территория королевства оказалась в засушливой зоне.

Но до того как все это произошло, Бирма подверглась новому и последнему монгольскому нашествию. В 1300 году монголы из Юньнани вторглись в Бирму, чтобы наказать шанских братьев за разграбление Пагана. Но на этот раз монголам было оказано упорное сопротивление. Шанские братья, засев в своих укреплениях в Мьинсайнге, отбили все атаки монголов, и, в конце концов, монгольский военачальник, получив от шанов крупную взятку, увел свою армию в Юньнань. Юньнаньские власти не приняли оправдания этого генерала, виновного в провале кампании, и предали казни не только его самого, но и весь его штаб. Больше экспедиций в Бирму монголы не посылали. Планы подчинения страны были оставлены. В 1303 году монголы покинули провинцию Чинмян.

Отражение нашествия монголов было победой шанов, и с этого времени они преодолевали все трудности. Однако Мьинсайнг был расположен далеко

от Иравади и не мог стать столицей Верхней Бирмы. Ава, явно подходящее место, по некоторым причинам была отвергнута брахманами. Наконец в 1312 году Тихату, единственный к тому времени оставшийся в живых шанский брат, основал свою столицу близ Пиньи. В более поздних надписях ему приписывается победа над монголами, в связи с чем его называют Таёкан Минджи — «Король, разгромивший китайцев». В 1315 году один из его сыновей после семейной ссоры ушел из Пиньи, перебрался на другой берег Иравади и основал княжество Сагайнг.

Уход монголов из Верхней Бирмы и ослабление их власти в Юньнани открыли шанам путь для активной деятельности на крайнем севере Бирмы и дали им возможность основать новое королевство со столицей Челан, причем это королевство стремилось распространить свою власть в южном направлении. На собственно бирманской территории царили анархия и беспорядок. Шанские правители Пиньи и Сагайнга постоянно враждовали между собой, и один из них — правитель Пиньи Нарату призвал в 1354 году на помощь мо-шанов. чтобы овладеть Сагайнгом. Население Сагайнга бежало в джунгли, а союзники Нарату разграбили также и Пинью. Вслед за этим пасынок правителя Сагайнга, Тадоминбья, основал новую столицу в Аве и приступил к подчинению страны.

Ава, искаженное Ин-ва — «Ворота к озеру», была основана в 1364 или 1365 году. Ее название как столицы Верхней Бирмы, а с 1634 года и всей Бирмы стало в такой степени ассоциироваться с самой страной, что европейцы стали называть Верхнюю Бирму «страной Ава», а ее правительство «двором Ава» даже тогда, когда столицей государства была Амарапура или Мандалай. Поразительно, что Ава была не шанским, а бирманским городом. В облике этой новой столицы проступали черты Пагана. Основатель Авы стремился удовлетворить национальные чувства бирманцев, ведя свою родословную от легендарных королей Тагаунга. С момента основания города все надписи делались на чистейшем бирманском языке. Усилия Тадоминбьи были направлены на установление власти в южных бирманских округах, не затронутых шанским влиянием. В 1368 году при осаде Сагу он умер от оспы. Его преемник Минджи Свасоке (1368—1401) намеренно подчеркивал свои генеалогические связи со старой Паганской династией.

Проникновение шанов в Верхнюю Бирму привело к образованию нового бирманского центра на реке Ситтанг. Здесь в 1280 году на вершине холма (*таунг-нгу*) было основано укрепленное поселение[1] как аванпост против набегов рабов из соседних каренских княжеств. После падения Пагана сюда переселилось немало бирманских семей, не желавших подчиниться шанским властителям. Первоначально этот новый центр развивался беспрепятственно, и к середине XIV века он настолько усилился, что местный правитель Тинкхаба (1347—1358) заявил о своей полной независимости, принял королевский титул и выстроил себе дворец в традиционном стиле. В царствование его сына Пьянчи (1358—1377) уничтожение Сагайнга и Пиньи вызвало новую волну переселенцев в Таунгу. Пьянчи оставил в Пагане надпись, в которой говорится, что он явился сюда для принесения даров храмам и что король и королева гостеприимно приняли беглецов, спасавшихся от террора шанов. Новое государство существовало недолго; и Ава и Пегу пытались подавить его независимость. Однако властителям Таунгу суждено было впоследствии сыграть важную роль в бирманской истории.

Минджи Свасоке страстно желал возродить традиционную для бирманцев политику подчинения монов южной Бирмы. Однако угроза на северной и северо-западной границах со стороны шанов в начале его правления была столь серьезной, что он вынужден был воздерживаться от каких бы то ни было предприятий в Нижней Бирме. Кроме того, Пьянчи, король Таунгу, был в дружбе с монами. Поэтому Минджи Свасоке был вынужден придерживаться на первых порах мирной политики. В 1371 году он вел переговоры с Бинья У — королем

[1] Это поселение (ныне город) было названо Таунгу. — *Прим. ред.*

Пегу: в результате этих переговоров была установлена граница между государством монов и Бирмой.

С самого начала он соблюдал большую осторожность в своих отношениях с могущественными и придирчивыми правителями шанских государств. В 1371 году он отказался от вмешательства в борьбу между правителем (*собва*) Кале в долине верховьев Чиндвина и властителем княжества Мохньин в округе Ката. В 1373 году войска Мохньина вторглись в Мьеду, в округе Швебо. В это время монгольскую династию в Китае, которая быстро клонилась к упадку, сменила династия Мин[1]. Пока новая династия прибирала к рукам Юньнань—последний оплот монголов, шанские княжества, расположенные в северной Бирме и на ее границах, не ощущали властной десницы пекинских властителей. Набегом на Мьеду правитель Мохньина положил начало целому ряду походов на Бирму, и в 1383 году, два года спустя после того, как последние очаги сопротивления были подавлены в Юньнани, встревоженный король Авы направил к юньнаньскому наместнику минского императора послов с просьбой о помощи.

Китайцы, которые теперь впервые столкнулись с мо-шанами, были в такой же степени, как и Минджи Свасоке, заинтересованы в том, чтобы сдержать их беззакония. Юньнаньский наместник официально признал Минджи Свасоке «губернатором» Авы и приказал правителю Мохньина не нарушать мира. В течение нескольких лет этот приказ, казалось, имел воздействие, но в 1393 году из Мохньина был предпринят новый набег на Сагайнг. Шурин короля, Тилава, правитель Яметина, нанес грабителям столь сокрушительное поражение, что на протяжении нескольких лет все шанские собвы относились к Авскому королевству с уважением.

Поддержка, оказанная Китаем в 1383 году, позволила Минджи Свасоке сосредоточить свое внимание на овладении всей долиной реки Иравади, вплоть до ее впадения в море. В 1377 году по его наущению был убит властитель Таунгу — Пьянчи, сторонник монов. Поэтому, когда в 1385 году принц Разадари наследовал королю Пегу Бинья, а его изменник дядя связался с королем Авы и согласился признать себя его вассалом за помощь в организации мятежа, направленного против племянника, Минджи Свасоке получил великолепную возможность для того, чтобы покончить с независимостью монов.

Но моны оказались более стойкими, чем он предполагал. И хотя король Авы взял Проме и все дальше и дальше углублялся в сердце монской страны, захватить Пегу ему не удалось. В монских хрониках говорится о горных шанах в войсках Авы, и иногда шанов называют захватчиками. Но основная борьба шла между монами и бирманцами. Моны сдержали не переселение шанов, а продвижение бирманцев в дельту Иравади. Все надписи этого периода, обнаруженные в Верхней Бирме, выполнены на бирманском языке, и еще до завершения длительного периода войн зародилась народная бирманская литература.

Преемник Минджи Свасоке, Минкхаунг, который энергично правил с 1401 по 1422 год, предпринял огромные усилия, чтобы довести борьбу до победного конца, и был уже близок к успеху. Но Разадари был опасным противником; он сумел ослабить натиск бирманцев, добившись поддержки араканцев и посеяв рознь между Авой и северными шанскими княжествами. Еще в 1374 году Минджи Свасоке посадил своего дядю на араканский престол. После смерти дяди в 1381 году Минджи Свасоке отправил в Аракан своего сына, но тот вскоре был изгнан оттуда. В 1404 году в наказание за разорение араканцами округа Пакокку Минкхаунг направил в Аракан свои войска, которые захватили араканскую столицу. Правитель Аракана бежал в Бенгалию, а сын его укрылся в стране монов. На этот раз Минкхаунг посадил на престол Аракана

[1] В 1368 году в результате всенародного восстания против монгольского владычества в Китае один из вождей повстанцев, выходец из крестьянской семьи Чжу Юаньчжан, принял императорский титул. В историю Китая он вошел под именем Тай-цзу как основатель новой Минской династии, которая правила в стране до 1644 года.—*Прим. перев.*

своего зятя. Но араканский принц возвратился в Аракан при поддержке монов и убил бирманского марионеточного короля. Бирманцы ответили на это новым вторжением. Борьба шла с переменным успехом до 1430 года, когда изгнанный король Нарамейхла с помощью Бенгалии окончательно овладел престолом.

В 1406 году, после нескольких лет мира с шанами, Минкхаунг вмешался в борьбу, которая вновь вспыхнула между княжествами Кале и Мохньин. Согласно китайскому сообщению, Минкхаунг послал войска под командованием «Нолоты» (Норатхи), своего «главного утешителя» (*вунджи*), который разграбил Мохньин и убил князя и его сына. Китайский император сделал своему «губернатору» Авы, то есть Минкхаунгу, строгий выговор, и тот вынужден был отозвать войска и направить в Мохньин посольство с целью примирения. Но бирманский военачальник настолько тщательно выполнил возложенную на него задачу, что только в 1416 году в Мохньине была восстановлена власть собвы, а племянник и наследник убитого собвы бежал от бирманцев в Нань-тянь.

За опустошение Мохньина стал мстить собва княжества Хсенви[1]. В 1413 году он разорил несколько селений в королевстве Ава и послал нескольких пленных бирманцев в Пекин. Но бирманские войска пустились за ним в погоню и разгромили его у Вевина, близ современного Мемьо. В 1414 году, подстрекаемый Разадари, королем Пегу, он снова совершил набег на Авское королевство, и одновременно вожди шанских княжеств Моке и Модон напали на Мьеду. На этот раз все эти нападения были отбиты, но в 1415 году, когда бирманские войска вели операции в дельте, оба вождя снова вторглись в страну и стали угрожать самому городу Ава. Миньечосва, сын Минкхаунга от мо-шанской принцессы, который вел войну в дельте, был накануне решительной победы над монами. У Разадари оставались только города Пегу и Мартабан. Но Миньечосва был срочно отозван из дельты, чтобы спасти от шанов столицу, и победа над монами ускользнула из рук бирманцев. Двумя годами позже этот принц был убит в одном из походов в дельту. На этом закончилась борьба с монами. Опасность со стороны шанов стала столь серьезной, что дальнейшие операции в дельте представлялись слишком рискованными.

В 1422 году Схинбьюшин Тихату наследовал своему отцу Минкхаунгу как король Авы и как супруг мо-шанской принцессы. Он выступил в поход против шанов, но из-за предательства своей жены попал в ловушку, устроенную ему князем Онбаунга (Хсипо)[2], и в 1426 году был убит. Онбаунгский князь посадил на престол в Аве своего ставленника Калечетаунгньо, но этого короля вместе с его союзниками — онбаунгскими шанами — изгнал бирманский вождь Мохньинтадо, который сам захватил престол. Мохньинтадо правил с 1427 по 1440 год. В стране царил беспорядок. Феодальные вожди были независимы и в своей борьбе против короля опирались на князей Онбаунга и Енгве. Временами король даже терял контроль над жизненно важной областью Чаусхе. Из-за набегов онбаунгских шанов король был вынужден временно оставить город Аву. Попытки предотвратить окончательный развал отнимали у короля столько сил, что, когда в 1430 году изгнанный король Аракана возвратился на родину и приступил к постройке новой столицы в Мрохаунге, он не смог воспрепятствовать этому. Начался долгий период независимости Аракана.

При сыновьях Мохньинтадо — Миньечосве (1440—1443) и Нарапати (1443—1469) королевство Ава значительно оправилось. Основная причина заключалась в том, что против мо-шанов выступили китайцы. После падения династии Хубилай-хана в 1368 году Китай утратил контроль над сухопутной трассой, ведшей через Азию в страны Запада. В поисках новых торговых путей минские императоры обратили внимание на бассейн Иравади и решили подчинить мо-шанов. В результате завязалась долгая борьба, продолжавшаяся с 1438 по 1465 год. Китайцы еще потому столь активно выступали против мо-шанов, что один из их вождей, честолюбивый Тонганбва («Сы Ень-фа»), ле-

---

[1] Правильнее Тинни. — *Прим. ред.*

[2] Правильнее Тибо. — *Прим. ред.*

леял замыслы восстановления древней империи Наньчжао. В 1441 году глава императорского военного управления Ван Чжи был назначен командующим сильной армии, которая изгнала шанов из Лючжуаня. Часть шанов бежала в Сенви (Тинни), но основная их масса под водительством Тонганбвы перешла Иравади и нашла убежище в Мохньине. Ход кампании Ван Чжи изложен в «Истории Минской династии», где говорится, что император обещал передать земли «Сы Ень-фа» всякому, кому удастся захватить этого вождя. В надписи на пагоде Тупайон в Сагайнге, выгравированной по приказу короля Нарапати, рассказывается, что Тонганбва, после того как он бежал от Ван Чжи в Мохньин и Кале, был взят бирманцами в плен и доставлен ими их королю в день его коронации.

Своим чередом войска Ван Чжи завоевали Мохньин. Ван Чжи потребовал выдачи беглеца. Когда Нарапати отказал ему в этом, китайцы двинулись дальше, в глубь бирманской территории. Согласно «Хронике стеклянного дворца», китайцам был дан бой под Тагаунгом. Ван Чжи был убит, и войска его потерпели жестокое поражение (1445 год). В 1446 году большое китайское войско вновь вторглось в Бирму и дошло до стен Авы. Поэтому Нарапати согласился принять китайские требования. Однако Тонганбва покончил самоубийством, так что могли захватить лишь его труп. Нарапати формально признал себя также вассалом Китая, и за это юньнаньские вооруженные силы оказали ему помощь в подавлении мятежа, поднятого яметинским князем. В 1461 году он получил из Китая золотую печать в знак его назначения «Утешителем Авы», а три года спустя — часть мохньинской территории.

В то время, когда шаны испытывали на себе всю тяжесть карающей десницы Китая, король Авы сохранял какую-то видимость власти. Но его положение было весьма неустойчиво, так как постоянные трения между шанскими государствами — а эти трения и были основной причиной сохранения Бирмы — всегда могли втянуть его в тот или иной конфликт или дать его вассалам предлог поднять восстание. Тихатура (1469—1481) был последним королем Авы, при котором смуты и неурядицы не были обычным для страны состоянием. В течение этой кратковременной эпохи относительного покоя королевство Ава установило сношения с известным цейлонским центром теравадского буддизма — Канди. В 1456 году Нарапати купил здесь землю, чтобы основать обитель для бирманских монахов, посещавших храм Зуба Будды. В 1474 году Тихатура и его супруга послали в дар этому храму метелки, сделанные из своих волос. Вероятно, множество будущих осложнений удалось бы предотвратить, если бы Китай согласился на просьбу Тихатуры об уступке Мохньина. Однако китайцы удовольствовались тем, что предупредили собву Мохньина не нарушать сообщения по дороге, ведущей из Юньнани в Бирму. Китай беспокоило то обстоятельство, что, хотя он время от времени и наводил страх на шанов и рассеивал их во всех направлениях, попытки управлять ими так и не удались. Цель китайской политики разделения заключалась в том, чтобы предотвратить возникновение сколько-нибудь сильного государства на территории стран, от которых Китай требовал вассальной зависимости. В результате, когда даже на короткое время контроль со стороны Китая ослабевал, Верхняя Бирма и смежные с ней северные и восточные области превращались, по выражению Харви, в «бедлам ворчащих шанских княжеств».

Именно это случилось после смерти Тихатуры в 1481 году. Королям Минкхаунгу (1481—1502) и Швенанчошину (1502—1527) совершенно не удалось прекратить беспорядки. Мохньин стал столь могущественным и грозным, что в 1507 году Ава была вынуждена умиротворить его уступкой части своей территории и тем самым выиграла время. Положение стало настолько серьезным, что китайцы в 1520 году перешли Салуин и передвинули свои аванпосты к Тенгюе; к несчастью, мера эта оказалась совершенно безуспешной. В 1527 году непрерывные налеты княжества Мохньин завершились захватом и разграблением Авы.

Король Швенанчошин был убит, а на престоле утвердился Тоханбва, сын собвы Мохньина — «чистокровный дикарь», по словам Харви, который

грабил пагоды, убивал монахов и сжигал ценнейшие фонды монастырских библиотек. В период между 1527 и 1555 годами, когда Ава вошла в состав Объединенного Бирманского королевства, созданного Байиннаунгом, все правители этого королевства были шанскими вождями.

Сила, которая объединила Бирму в середине XVI века и освободила ее наконец от угрозы шанского вторжения, незаметно вызревала в Таунгу, в долине Ситтанга, в стороне от главных очагов беспокойства. В течение длительного периода борьбы между Авой и монами это маленькое государство едва отстаивало свою независимость, так как воюющие стороны время от времени стремились положить конец его существованию. В Таунгу у власти сменялось много династий. Однако время правления короля Минджиньо (1486—1531) явилось поворотным этапом в истории этого королевства. Хаос, который царил в Аве, дал этому способному правителю блестящую возможность расширить свои владения. Его наиболее важным приобретением был округ Чаусхе. В 1527 году, когда собва Мохньина разграбил Аву, в Таунгу бежало так много бирманских вождей, что Минджиньо стал самым могущественным властителем в Бирме.

Получив столь значительное подкрепление, он обратил свои взоры к южным областям и стал готовиться к захвату богатых и плодородных земель монского государства Пегу. Многочисленные шанские собвы, чьи владения лежали к северу от его королевства, были так заняты междоусобицами, что он мог не считаться с возможностью их объединенных действий и решил захватить баснословные богатства Пегу как основу для дальнейших завоеваний. Однако в 1531 году Минджиньо в самый разгар своих приготовлений умер, и его сыну, блестящему правителю Табиншветхи, довелось претворить в жизнь вынашиваемые отцом замыслы.

Монское королевство, которое паганский король Аноратха завоевал в середине XI века и присоединил к своим владениям, добилось независимости во время монгольского вторжения, которое привело к гибели великое буддийское королевство Паган в 1287 году. Начало борьбе монов за независимость было положено в 1281 году, когда, согласно преданию, некий Вареру, или Могадо, начальник дворцовой стражи короля Сукотаи Рамкамхенга, бежал с одной из царских дочерей из страны и захватил порт Мартабан. Вареру родился в Донвуне, в округе Татона, и в юности, согласно преданию, был коробейником. Утвердившись в Мартабане, Вареру объединился с вождем восставших монов Тарабьей и вместе с ним приступил к изгнанию бирманцев из Пегу. В 1287 году Вареру и Тарабья захватили все земли к югу от Проме и Таунгу. Затем между ними вспыхнула ссора, и Вареру убил Тарабью.

Сиамские источники утверждают, что Вареру владел своим королевством как вассал Рамкамхенга, который присвоил ему титул Чао Фа Руа. Это, однако, не мешало ему добиваться признания со стороны Китая и править как независимому властителю. Столицей его был Мартабан, который продолжал оставаться вплоть до 1363 года центром монского государства. На юге владения Вареру доходили до Мергуи, расположенного на Малаккском полуострове. Однако после своего основания в 1350 году королевство Аютия предъявило требование на всю территорию южнее Мартабана и в конце концов захватило бо́льшую ее часть. Если верить легендам, Вареру отбил атаки трех шанских братьев. В наши дни основным памятником его эпохи является свод законов — «Вагару Дхаммата»[1], краткое изложение законов Ману, составленный по повелению Вареру монахами, которые использовали рукописи ученых минувших эпох, хранившиеся в монских монастырях. Это древнейший из ныне еще действующих в Бирме сводов законов.

После смерти Вареру (1296) монское государство прошло через эпоху внутренних усобиц и споров из-за престолонаследия, которые длились много лет и могли бы вызвать пагубные последствия, если бы шаны и сиамцы оказались в состоянии воспользоваться создавшимся положением. Но когда они предпри-

[1] Дхаммата — по-бирмански свод законов.—*Прим. ред.*

няли наконец нападение, на престоле был сильный царь Бинья У (1353—1365); он сумел спасти королевство, хотя ему и пришлось уступить часть территории. На монов нападали Чиенгмай и Аютия. Войска Чиенгмая сожгли Тайкалу, Стаунг и Донвун, но были отброшены в 1356 году. В 1363 году сиамские войска заставили Бинья У эвакуировать Мартабан и усилили свои атаки на области Моулмейн и Тенассерим. Бинья У перенес временно столицу в Донвун и наконец в 1369 году обосновался в Пегу, которая оставалась монской столицей до тех пор, пока в 1539 году Табиншветхи не положил конец независимости монского королевства. В 1362 году Бинья У восстановил пагоду Шве Дагон и довел ее высоту до 20 метров. Эта пагода, знаменитое прибежище пилигримов, была воздвигнута близ рыбачьей деревушки Дагон, переименованной в 1755 году Алаунгпаей в Рангун.

Царствование Биньи У было беспокойным, полным войн и раздоров. Таи удерживали Мартабан и Тенассерим и постоянно угрожали монам. Старшему сыну Биньи У — Разадари (1385—1423) пришлось отражать не только набеги из Чиенгмая, Кампенгпета и Аютии, но и парировать, как мы видели, непрерывные атаки королевства Ава. Однако против всех своих врагов он боролся успешно. Впрочем, только благодаря тому, что Аютия была занята попытками подчинить Камбоджу, Сукотаи и Чиенгмай, страна монов не стала яблоком раздора между королевствами Ава и Аютия. Разадари был не только искусным государственным деятелем, согласно бирманскому и монскому преданиям, он снискал себе репутацию великого администратора. Бирманцы говорят, что он разделил каждую из «трех талаингских стран»— Пегу, Мьяунгмья и Бассейн — на тридцать две провинции. Вероятно, каждая из этих провинций представляла то, что британские власти назвали «районом», возглавляемым *мьотуджи* или *тайтуджи*.

С прекращением бирманских войн, вскоре после смерти Разадари, монское государство вступило в долгий период мира и процветания. Его столица стала крупным торговым центром, куда приезжали чужеземные купцы. Его три оживленные гавани — Мартабан, отнятый у Аютии, Сириам, чуть ниже Дагона, и Бассейн, в дельте Иравади,— вели постоянную торговлю с Индией, Малаккой и Малайским архипелагом. В 1435 году венецианец Николо ди Конти, первый известный в истории европеец, посетивший Бирму, прожил четыре месяца в Пегу, где в это время правил Бинья Ран I (1426—1446).

В XV веке правители Пегу проявляли большой интерес к религиозным делам. Бинья Чан (1450—1453) довел высоту пагоды Шве Дагон до 100 метров. Его преемница царица Шинсобу (1453—1472), дочь Разадари, пристроила к пагоде ряд дополнительных сооружений, в результате чего возник ансамбль, который и сохранился до наших дней. Снова были посланы миссии на Цейлон, и, подобно тому как это было несколькими столетиями раньше, связь с цейлонскими центрами буддизма вызвала религиозное возрождение, которое оказало влияние на всю Бирму и заставило правителей Авы также установить непосредственные связи с очагами теравадского учения.

Центром религиозного движения был Кальяни *тейн*[1], близ Пегу, названный так по названию цейлонской реки, где были посвящены в духовный сан основавшие его монахи. Конгрегация Кальяни стала образцом для всех религиозных орденов Бирмы. История реформ изложена в надписи, которая была выгравирована в тейне по приказу Дхаммазеди (1472—1492), преемника Шинсобу. Дхаммазеди был монахом, и на него пал выбор набожной королевы, которая заставила его покинуть монастырь и жениться на ее дочери. Дхаммазеди стал буддийским правителем наилучшего типа и прославился своей мудростью. Сборник его наставлений — «Дхаммазеди пьятхон»[2] — до сих пор еще действует в Бирме. При нем процветали цивилизация и мягкие методы управления. Он поддерживал дружественные отношения с Китаем и направлял

[1] *Тейн*—по-бирмански здание, в котором проводились различные церемонии и ритуалы, специфические для буддийской религии. — *Прим. ред.*

[2] Пьятхон — по-бирмански сборник прецедентов, составленный на основе обычного и государственного права.—*Прим. ред.*

посольства в Буд дагайю. После смерти Дхаммазеди был провозглашен святым, и на месте, где бы похоронены его останки, воздвигли пагоду.

В годы правления его сына Бинья Рана II (1492—1526) страну посетили два итальянских путешественника. Первый, Иеронимо де Санто Стефано, продал королю в 1496 году партию ценных товаров и вынужден был ждать денег дольше, чем это было условлено. Второй, Людовико ди Вартема, с восторгом писал о величии короля и его столицы и об изобилии слонов в стране. Вартема указывал, что главными предметами торговли и основными статьями королевских доходов являются шеллак, сандаловое дерево, хлопок, шелк и рубины.

В 1512 году Бинья Ран II принял европейского путешественника совершенно иного рода. Это был Руи Нуньиш д'Акунья, португалец, которого Аффонсу Албукерки послал после взятия Малакки с целью разведки в Тенассерим, Мартабан и Пегу. Результатом этой миссии было учреждение в Мартабане в 1519 году португальской торговой фактории. Это было признаком начала новой эпохи. Другой признак – консолидация сил бирманского национального возрождения в Таунгу — едва ли был заметен в период правления Бинья Рана II. Долго сдерживаемая лавина внезапно обрушилась на его преемника, Такаюпи (1526—1539), когда Табиншветхи вторгся в дельту Иравади в 1535 году. В течение короткого времени бирманский властитель покорил все монское государство, искусным приемом захватил Пегу и положил конец правлению королей династии Вареру.

ГЛАВА VII

ТАИ И КОРОЛЕВСТВО АЮТИЯ

Шаны, лао и таи — все являются потомками одной, близкой китайцам расовой группы, которая, как полагают, появилась на арене истории в VI веке до н. э. С этого времени китайские источники часто упоминают о народах этой группы, называя их «варварами», заселявшими районы к югу от Янцзы. В начале нашей эры часть этих народов была покорена Китаем, однако они неоднократно пытались восстановить свою независимость. Другая часть, не желая подчиниться власти Китая, начала переселяться в районы, которые ныне входят в состав Северных шанских государств Бирмы. Этих переселенцев китайцы стали называть *айлао*. В середине VII века н. э. у айлао начало складываться сильное королевство Наньчжао, включившее в свой состав западную и северо-западную часть Юньнани. В период между 757 и 763 годами при короле Колофенге в состав Наньчжао были включены области в верховьях реки Иравади. В 791 году внук и преемник Колофенга — Имухсун признал над собой сузеренитет Китая. Через него были установлены первые связи между народом пью в Бирме и китайцами.

Имухсун вел захватнические войны. Он покорил соседние государства и племена. Его преемники в IX веке продолжали ту же политику. В 832 году войска Наньчжао разрушили столицу народа пью и даже дошли до дельты Иравади. Более того, они дважды вторгались в пределы Китая и осаждали Ченгту. Правители Наньчжао нападали на Тонкин и Аннам, где в те времена господствовали китайцы. Однако в конце IX века они заключили мир с Китаем, признав себя его вассалами[1]. После этого в течение значительного периода времени китайские династийные истории очень мало упоминают о таи.

Но народы таи не переставали перемещаться, постепенно проникая вдоль речных долин в глубь Индокитая. Небольшими группами таи селились среди кхмеров, монов, бирманцев. Изображения наемников-таи появляются на барельефах Ангкор Вата. В долину Менама таи пришли из долин рек Салуина и Меконга задолго до этого времени. Уже в 1096 году к северу от Рахенга на месте слияния рек Мепинг и Меванг возникло небольшое независимое тайское государство Пайао[2].

В начале XII века тайские *мыанги*[3], расположенные в долине верхнего Менама, стали превращаться в крошечные государства, во главе которых стояли вожди *чао* или *собва*[4]. К XIII веку едва заметные передвижения таи превратились, по выражению Кёдэ, в «бурное кипение», охватившее районы, расположенные к югу от Юньнани. Возможно, это явилось следствием ослабления в этом районе влияния Кхмера; к концу своего правления Джайявар-

[1] Как указывает Вуд (W o o d, History of Siam, sec. ed., 1933, p. 35), мир, заключенный в 877 году, привел к появлению при дворе Наньчжао китайского посла-резидента, а через семь лет — к династическому браку между принцем Наньчжао и китайской принцессой. Однако вассальное положение Наньчжао было чисто формальным.—*Прим. перев.*

[2] Первые независимые мелкие государства таи в верховьях Менама и Иравади стали появляться еще в IX веке.—*Прим. перев.*

[3] Поселения.—*Прим. перев.*

[4] Собва — искаженное в бирманском языке тайское слово «тяу прайя».

ман VII все свое внимание сосредоточил на том, чтобы удержать в своих руках Тямпу. В 1215 году в Верхней Бирме, к северу от Бамо, возникло тайское государство Могаунг. В 1223 году шанами было основано другое сильное государство — Моне, или Мыанг Най. 1229 год обычно считают годом основания в Ассаме королевства Ахом, созданного также тайцами.

Приблизительно в это же время два тайских вождя, один из Чиенгруанга и другой из Чиенгсена, расположенных в верхнем течении Менама, заключили союз, скрепив его брачными узами. Возможно, что как раз к этому периоду можно отнести и легендарную массовую миграцию таи вдоль реки Нам У в район современного Луан-Прабанга. В 1238 году два тайских вождя напали на гарнизон кхмерского военачальника в Сукотаи, являвшемся центром северо-западной части империи Ангкор, и разгромили его. Сукотаи был объявлен столицей нового тайского королевства, которое во второй половине XIII века при Рамкамхенге стало сильным государством.

Захват Хубилай-ханом в 1253 году королевства Наньчжао вызвал еще более «бурное кипение» среди таи. По мнению Кёдэ, на воображение таи сильное влияние оказало неслыханное величие монгольских завоеваний, вдохновившее их на замечательные победы. Как бы то ни было, но монголы переняли традиционную китайскую политику «расчленения»: они предпочитали видеть ряд тайских государств на месте прежних единых государств. Следует отметить, что в этих районах произошло не массовое перемещение населения, а лишь захват власти правящими классами таи.

Падение Пагана в 1287 году привело к расчленению территории этого королевства на обособленные единицы во главе с тайскими правителями. В 1290—1292 годах тайский вождь из Чиенграя—Менграй захватил в долине верхнего Менама древнее монское государство Харипунджайю, или Лампун, и создал королевство Чиенгмай. В период 1283—1287 годов правитель Сукотаи Рамкамхенг подчинил монов в долине Менама, оттеснив кхмеров, и установил власть таи в районах, включавших большую часть территории по верхнему течению Меконга. В 1287 году Менграй, Рамкамхенг и вождь Пайао — Нгам Мыанг во время совместной встречи заключили прочный пакт дружбы. Интересно отметить, что это случилось в том же году, в котором Паган пал под натиском монголов. Ослабление власти Кхмера и одновременное исчезновение с политической арены сильной Бирмы создали исключительные возможности для расширения владений таи при условии сохранения мира в их собственной среде.

Рамкамхенг, или Рама Храбрый (1283—около 1317), прослыл грозным воином еще до того, как он вступил на трон Сукотаи после смерти своего отца Шри Индрадитьи. Он прославился как государственный деятель, по инициативе которого таи восприняли лучшие стороны цивилизации тех народов, с которыми они сталкивались. Сукотаи того периода называют «колыбелью сиамской цивилизации». В ранних государствах таи господствовали общественные отношения феодального типа, и следы их до сих пор можно обнаружить в шанских и лаосских государствах, а также в мыангах Тонкина и Тхань-хоа. Благодаря длительным связям с китайцами таи имели относительно развитую цивилизацию. Как и норманны в Европе, они выступили в роли ассимиляторов. Благодаря торговому пути, проходившему через Ассам и соединявшему Китай и Индию, народы таи вступили в контакт с буддизмом северной Индии; в районах, расположенных на крайнем севере бассейна р. Менам, легко можно проследить влияние на искусство народов таи буддизма и искусства Сена[1].

Расширяя свои владения на юге в долине Менама и на полуострове Малакка, таи в период правления Рамкамхенга захватили территорию, которая с доисторических времен была населена монами. Это был очаг передовой по тому времени цивилизации, имевшей глубокие корни. Когда в VII веке рухнуло господство Фунани, здесь возникло буддийское королевство Дваравати, об истории которого, к сожалению, известно очень мало. Пока кхмеры завоевывали огромные территории, составляющие ныне восточную и северо-восточ-

---

[1] Одно из государств Северо-Восточной Индии в VII—VIII веках.—*Прим. ред.*

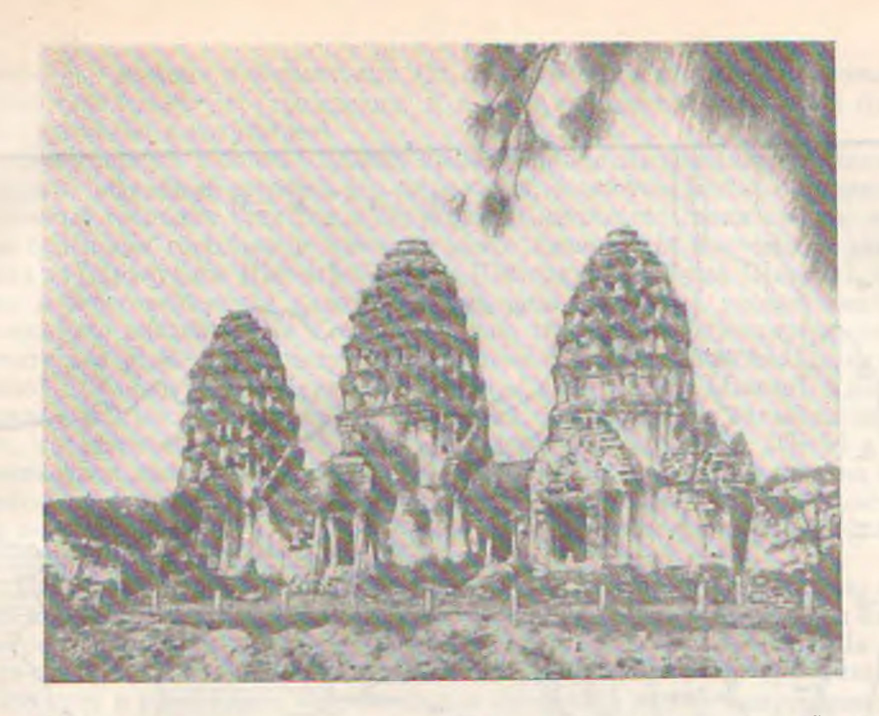


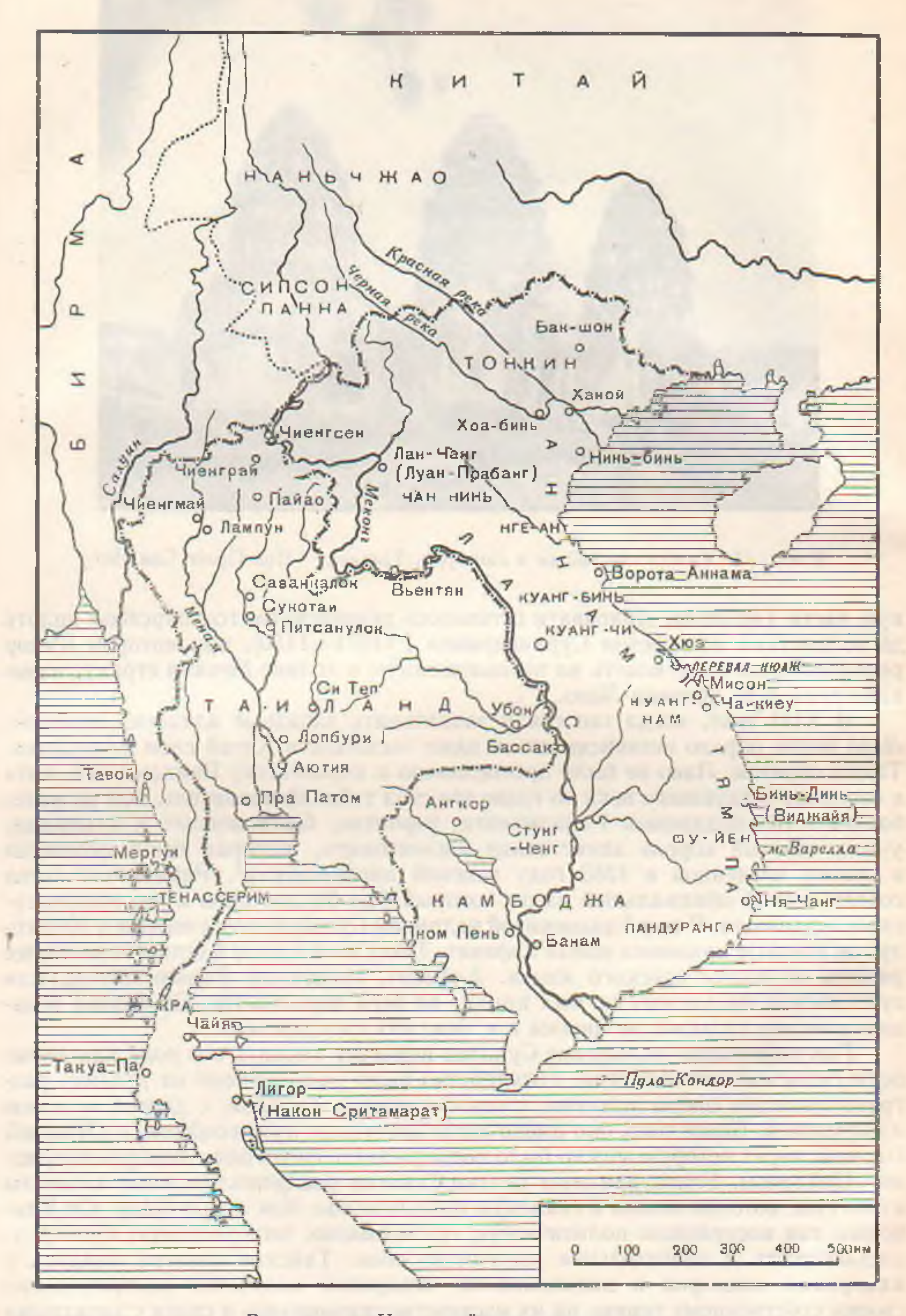
Рис. 15. Кхмерские башни в Лопбури, Таиланд — Пра Пранг Сам Йот

ную части Таиланда, Дваравати оставалось независимым государством вплоть до восшествия на престол Сурьявармана I (1011—1150), при котором Кхмер распространил свою власть на расположенную в долине Менама страну, называвшуюся в те времена Лаво.

В XIII веке, когда таи стали захватывать западные владения кхмеров, Лаво вновь обрело независимость и даже посылало в Китай свои посольства. Таким образом, Лаво не было присоединено к королевству Рамкамхенга, хотя в середине следующего века во главе его стал тайский правитель. Тем не менее большинство подданных Рамкамхенга, вероятно, были монами и кхмерами; у них тайский король заимствовал письменность, которая была положена в основу введенной в 1283 году тайской письменности[1]. Рамкамхенг хотел создать такой официальный язык, который был бы доступен и его монкхмерским подданным. В своей знаменитой надписи в Сукотаи, относящейся к 1292 году, он впервые применил новый алфавит. Текст этой надписи остается наиболее ранним образцом тайского языка. Алфавит, введенный Рамкамхенгом, или сукотайская письменность, был принят во всем королевстве. Он оказал большое влияние на развитие письма и в лаосских государствах.

Географическое положение Сукотаи помогает уяснить его роль как колыбели сиамской цивилизации. Государство было расположено на рубеже, разграничивавшем сферы влияния, с одной стороны, кхмеров, с другой — монов и бирманцев. Более того, оно имело легко доступные пути сообщения с Нижней Бирмой, через которую можно было поддерживать сношения с центром буддизма—Цейлоном. Благодаря этим связям Сукотаи воспринял важные элементы культуры, которые вошли в сиамскую цивилизацию. Как пишет Кёдэ: «От Камбоджи таи восприняли политическую организацию, материальную культуру, письменность и значительное количество слов. Тайские мастера учились у кхмерских мастеров и видоизменяли кхмерское искусство соответственно своему собственному гению; на их мастерстве сказывались и связи с западными

[1] По признанию некоторых авторитетов, таи и ранее имели свою письменность. Рамкамхенг лишь реформировал ее, переняв некоторые элементы письменности монов и кхмеров. Подробнее см. Burney J. and Coedès G., The Origins of the Sukhodaya script, «Journal of the Siam Society», v. XXV, part 2.—*Прим. перев.*



Государства Индокитайского полуострова

соседями — монами и бирманцами. От последних таи переняли правовые традиции индийского происхождения, и в первую очередь цейлонский буддизм и его традиции в искусстве»[1].

Относящаяся к более позднему времени приписка к надписи Рамкамхенга содержит подробный перечень его завоеваний. В ней говорится: «Рамкамхенг— верховный господин всех таи... Он покорил множество своих врагов, владевших большими городами и имевших много слонов. На Востоке он захватил земли до Саралуанга [Пичит], Сонгкве [Питсанулок], Лума [Ломсак], Бачей, Сака и берегов Меконга вплоть до Вьентяна, Вьенгкама, расположенных на границе его владений. На Юге он покорил территорию, простирающуюся до Кионти [на р. Мепинг между Кампенгпетом и Након-Саваном], Прека [Пакнампо], Супанапуми, Ратбури, Петчабури, Сритамаратат [Лигор] и до моря, являвшегося южной границей его владений. На Западе он захватил территорию, простирающуюся до Мыанг-Чота [Месота], Хангсавати [Пегу] и моря, являвшегося западной границей его владений. На Севере он захватил территорию, простирающуюся до Мыанг-Пле [Пре], Мыанг-Мана, Мыанг-Плуа [на реке Нан], а по ту сторону Меконга — до Мыанг-Чава [Луан-Прабанг], расположенного на северной границе его владений[2].

По имеющимся в настоящее время данным невозможно тщательно проверить этот перечень. Что касается территории, ранее находившейся под властью кхмеров, то указанный перечень подтверждается записями Чжоу Да-гуаня. Кёдэ относит захваты Рамкамхенга на полуострове Малакка приблизительно к 1294 году и утверждает, что таи начали проникать на этот полуостров с середины XIII века—со времени правления тамбралингского короля Чандрабану. Территориальные захваты таи на полуострове Малакка осуществлялись за счет владений Шривиджайи. Поэтому когда в 1295 году к монгольскому императору прибыл тайский посол, то на обратном пути его сопровождала миссия из Китая с императорским указом для Рамкамхенга: «Сдержи свое обещание и не причиняй зла Ма-ли-ю-ёл».

В связи с претензиями таи на Пегу встает вопрос об исторической достоверности личности Вареру, или Могадо, о котором говорилось в предыдущей главе. Вполне возможно, что история его бегства с дочерью Рамкамхенга скорее легенда, чем быль. Однако Вареру, первый правитель независимого королевства монов,—личность, действительно существовавшая в истории, и мало оснований сомневаться в том, что после захвата Мартабана он действительно формально признал свою зависимость от Сукотаи.

Краеугольным камнем политики Рамкамхенга было поддержание самых сердечных отношений с Китаем. Как зачинатель движения, направленного на расчленение Кхмерской империи, он пользовался полной поддержкой Китая. «История Юаньской династии» сообщает о целом ряде посольств, направляемых из Сукотаи ко двору китайского императора. Согласно сиамскому сказанию, Рамкамхенг один, а возможно и два, раза ездил в Китай и вывез оттуда китайских мастеров, которые основали в Сукотаи и Саванкалоке производство керамических изделий. Эта отрасль производства просуществовала вплоть до середины XVIII века. Наличие старых печей для обжига и огромных куч бледнозеленых отходов керамического производства свидетельствует о том, что эта отрасль имела в свое время важное значение.

Большая надпись Рамкамхенга рисует картину процветающего государства, управляемого справедливо и великодушно; официальной религией в нем был палийский буддизм ортодоксального цейлонского толка. Король, как сообщает надпись, вместе со своим двором и вельможами искренне исповедовал религию Будды. Но при всем этом нас не удивляет сообщение о том, что на горе Као Луанг у южных стен города жил наиболее значительный из всех духов страны — Пра Капунг и что правитель Сукотаи, желая обеспечить процвета-

---

[1] Coedès, Les États hindouisés, p. 370.
[2] Там же, стр. 342.

ние своего королевства, регулярно совершал в его честь ритуальные жертвоприношения в своем храме.

Китайцы называли королевство Сукотаи «Сиен». Кхмеры «сиамом» называли «дикарей» со среднего течения Менама, изображенных на южной галерее Ангкор Вата. Наиболее раннее употребление этого слова, насколько сейчас известно, встречается в тямской надписи XI века, в которой «сиамцы» упоминаются в списке военнопленных. Это название, видимо, является одним из вариантов слова «шан», которое бирманцы применяли для обозначения группы горных государств на севере, протянувшихся к югу от Могаунга и Мохньина. Этимология слова «сам» неизвестна. После основания в 1350 году Аютии территория, признавшая власть правителей этого города, стала называться Сиамом. Европейцы часто называли и сам этот город «городом Сиам».

Правление Рамкамхенга закончилось около 1318 года; предание гласит, будто он исчез в стремнине реки Саванкалок. При его сыне Лотаи (1317?—1347?) мощь Сукотаи стала увядать столь же быстро, как и возникла. Неправильное произношение имени Лотаи послужило причиной того, что в некоторых произведениях его называют «Сыотаи», то есть «тигр таи». Однако, он вовсе не напоминал тигра и в основном увлекался трудами, посвященными буддизму, и основал ряд святилищ—*буддапада*, где хранились отпечатки ступней Будды (наподобие святилища, которое имеется на Адамовом Пике на Цейлоне). Благодаря приверженности к религии он получил титул Дхармарачи.

Сын Лотаи—Лютаи, который наследовал трон отца в 1347 (?) году, был ученым, полностью углубленным в вопросы религии; в конце концов в 1361 году он отказался от престола и ушел в монастырь. В 1345 году Лютаи составил большой трактат о буддийской космологии—«Трайбхумикатха», который сохранился до наших дней под названием «Трайпум Па Руанг». Одна из надписей описывает Лютаи следующим образом: «Этот монарх соблюдал десять королевских заповедей[1]. Он проявлял милосердие ко всем своим подданным. При виде чужого риса он не жаждал его, он не позволял себе недостойных поступков при виде чужого богатства... Если он арестовывал людей, виновных в обмане, дерзости, или людей, отравлявших ему пищу с целью добиться его болезни или смерти, то никогда не убивал и не бил их, а прощал тех, кто дурно относился к нему. Причина того, что он сдерживал свое сердце, подавлял чувства и не давал волю гневу, хотя и мог себе это позволить, заключалась в том, что он хотел стать Буддой и взять каждое живое существо за пределы океана страданий»[2].

Таким образом, для одного из тайских принцев был открыт путь к созданию нового государства к югу от Сукотаи. Согласно преданию, он принадлежал к чиенгсенскому королевскому дому, откуда был родом основатель Чиенгмая—Менграй. Этот принц женился на дочери монского правителя государства Утонг и в конечном итоге наследовал его трон. Став хозяином большей части древнего королевства Лаво, он заставил набожного Лютаи признать свой сюзеренитет. Позже, когда эпидемия холеры вынудила его покинуть собственный город, он переселился на 50 миль южнее и основал на одном из островов реки Менам новую столицу Дваравати Сри Аютия. В 1350 году он короновался и принял титул Раматипат. Раматипат считается первым королем Сиама.

Три года спустя после его восшествия на престол другой тайский вождь, Фа Нгун, объединил все мелкие лаосские государства к северу, в верховьях

---

[1] В раннесредневековом полурелигиозном произведении таи—«Тамасате» (от палийского «Дхаммасатха») излагаются черты, которыми должен отличаться идеальный монарх: он должен соблюдать десять королевских заповедей, пять обычных заповедей (а в дни религиозных праздников—восемь), изучать «Тамасат» и следовать четырем принципам справедливости. Упоминаемые Холлом десять королевских заповедей часто встречаются в тайской литературе, особенно относящейся к священным буддийским писаниям (джатакам). Вот эти заповеди: быть благотворителем, нравственным, щедрым, правдивым, мягким, терпеливым, не прибегать к насилию, сдерживать себя, не упрямиться, ограничивать себя.—*Прим. перев.*

[2] Coedès, Les États hindouisés, p. 368—369; Coedès, Recueil des inscriptions du Siam, I, p. 107.

Меконга, и создал королевство Ланг-Чанг, которое позже стало известно под названием Луан-Прабанг. Здесь также чувствовалось кхмерское влияние, ибо Фа Нгун вырос при ангкорском дворе и был женат на кхмерской принцессе.

Новое королевство Аютии было сильным государством, которое скоро дало о себе знать. Аютия подчинила себе территории по среднему и нижнему течению Менама, большую часть полуострова Малакка[1], включая расположенные на территории современной Бирмы Тенассерим и Тавой, а также установила сюзеренитет над Сукотаи. Крайне сомнительно, чтобы Китай допустил возникновение столь сильного государства без своего одобрения или сопротивления. Хубилай-хан и его преемники поощряли таи к расчленению кхмерской империи, следуя традиционной политике разделения, которую Китай осуществлял в отношении «южных варваров». Но только слабость монгольской державы сделала возможным возникновение в середине XIV века такого сильного королевства, каким стала Аютия. Положение в корне изменилось, как только монголы оказались вытесненными Минской династией. Сиамские короли, по-видимому, понимали это, так как они часто направляли свои посольства в столицу Минской династии Нанкин и усердно добивались дружественных отношений с Китаем. Таи всегда были непревзойденными дипломатами.

Перенос главного центра тайской державы в долине Менама из Сукотаи, находящегося далеко на севере, на юг, в Аютию, создавало угрозу для Камбоджи, так как ее собственная столица Ангкор оказалась теперь в пределах досягаемости. Ныне окончательно доказано, что Раматипат не захватил Ангкор в 1353 году, но в то же время не может быть никаких сомнений в том, что, как только была основана его новая столица, он стал предпринимать настойчивые попытки покорить Камбоджу. Между двумя государствами наступил длительный период войн. Однако Аютия не могла полностью сконцентрировать свое внимание на Камбодже, вскоре она была вынуждена отвлечься и совершить ряд походов против непокорного Сукотаи и враждебного Чиенгмая.

Раматипат I опубликовал первый из известных в Таиланде сводов законов, который включал многие древнетайские обычаи, уходящие корнями в период Наньчжао. Модифицированный позже под влиянием воспринятых в стране законов Ману этот свод в течение веков, вплоть до правления Чулалонгкорна, служил сборником основных принципов сиамского права; он так и не был полностью вытеснен новым законодательством. Но, несмотря на то, что Раматипат занимает важное место в сиамской истории, о его личности практически ничего не известно. В 1369 году, когда он умер, ему наследовал его сын—правитель Лопбури, принц Рамесуен. Однако он не пользовался популярностью, и, столкнувшись с беспорядками, с которыми не в силах был справиться, принц Рамесуен в 1370 году отрекся от престола в пользу своего дяди, ставшего королем Боромарача I.

В течение первого периода своего правления новый король все свое внимание был вынужден сосредоточить на восстановлении власти Аютии в долине верхнего Менама. Освободившийся было Сукотаи снова был покорен. В 1371 году Боромарача вторгся в пределы северного королевства и сумел захватить несколько городов. Этим было положено начало целому ряду совершавшихся ежегодно вторжений, которые в 1378 году завершились капитуляцией короля Тамарача II и присоединением к Аютии западных районов Сукотаи, включая Кампенгпет. Тамараче, перенесшему свою столицу в Питсанулок, было разрешено управлять остальной частью бывшего Сукотаи в качестве вассала Аютии.

Такое распространение власти Аютии к северу привело к столкновению с Чиенгмаем, и незадолго перед смертью Боромарачи началась борьба, которой было суждено затянуться на несколько столетий. Как и большинство подобных войн, она возникла в результате спора из-за права престолонаследия. В 1387 году на трон в Чиенгмае вступил четырнадцатилетний Сен Мыанг Ма и один из

[1] Указание Вуда в его «History of Siam», что Раматипат захватил Малакку, не следует понимать буквально, ибо город Малакка был основан лишь в 1403 году или около этого времени.

дядей сразу же попытался свергнуть его, обратившись за помощью к Аютии. Но вторгшиеся из Аютии войска были разбиты около деревни Сен Санук, близ Чиенгмая. Эта битва является славной страницей истории Чиенгмая благодаря подвигу принцессы Нанг Мыанг, которая, несмотря на беременность, сражалась верхом на слоне, переодетая в мужскую одежду.

В следующем году умер Боромарача; престол наследовал его пятнадцатилетний сын. Но последний был сразу же лишен трона и умерщвлен бывшим королем Рамесуеном, который захватил власть и правил до 1395 года. Ему ошибочно приписывали вторичный захват Ангкора, что якобы имело место в 1394 году и явилось причиной переноса столицы Кхмера в Пном-Пень. Кроме того, тайская хроника «Понгсавадан» приписывает ему захват Чиенгмая и повествует о том, как он разрушил стены этого города, обстреляв его из большой пушки. Но эта версия недостоверна. В действительности же случилось следующее. Король Чиенгмая под предлогом помощи Сукотаи в его новой попытке добиться независимости ввел туда свои войска. Но король Тамарача, догадавшись, что действительной целью Чиенгмая является установление господства над его собственным королевством и использование его в качестве плацдарма для нападения на Аютию, нанес поражение лаосской армии и изгнал ее за пределы своих земель. В этой борьбе Аютия не принимала никакого участия.

Период с 1395 по 1408 год — белое пятно в истории Сиама. На троне сидел иллюзорный сын Рамесуена — Рамарача, но о его правлении нет никаких сведений. В 1408 году он был свергнут в результате дворцового переворота, возглавленного сыном Боромарачи I, который и занял трон, став королем Интарача (1408—1424). Во время его правления единственно достойные упоминания события произошли на севере, где вспыхнуло два спора из-за престолонаследия. Одно из событий случилось в Сукотаи, но вторгшиеся в 1410 году войска Аютии предопределили его исход. Другое событие произошло год спустя в Чиенгмае и было вызвано смертью Сен Мыан Ма. Для утверждения на троне одного из претендентов туда были посланы войска Аютии под командованием сукотайского короля Тамарачи III. Вместо того чтобы двигаться прямо на Чиенгмай, Тамарача напал на расположенный к северо-востоку от него город Пайао, центр некогда независимого тайского государства. Здесь, согласно чиенгмайской хронике, обе стороны применили пушки. Сопротивление города было настолько упорным, что войска Аютии сняли осаду и направились в Чиенграй с тем, чтобы набрать новые силы для нападения на Чиенгмай. Однако столица отбила все атаки, и в конце концов войска Аютии снова вернулись в Чиенграй, захватили его, преодолев некоторое сопротивление, и угнали в Аютию большое число пленных.

Умерший в 1424 году Интарача оставил трех сыновей. Сразу же между двумя старшими братьями началась борьба за престол. Попытка разрешить спор путем личной боевой схватки на слонах привела к тому, что оба бойца были сброшены со своих слонов и убиты. После этого королем был провозглашен самый младший из братьев, под именем Боромарача II (1424—1448). Он стал покорителем Ангкора, хотя, как известно из предыдущей главы, слово «покоритель» в данном случае может быть применено с некоторыми оговорками, ибо попытка Боромарача II посадить на трон Камбоджи короля — марионетку Аютии сразу же потерпела провал; в действительности же вся эта кампания была не чем иным, как успешным рейдом, проведенным в широких масштабах. Его цель — превратить Камбоджу в вассальное государство — не была достигнута. Камбоджийская хроника упоминает и о последующих схватках, имевших место после непродолжительного перерыва; характерно также, что в результате войны 1431—1432 годов таи не приобрели никакой территории. В последующих столкновениях инициатива уже не всегда исходила от них.

В 1438 году был предпринят важный шаг в консолидации сиамского королевства. Боромарача II назначил своего старшего сына Рамесуена правителем Питсанулока. Тем самым территория, оставшаяся от прежнего королевства Сукотаи, была присоединена к королевству Аютии в качестве его провин-

ции. Вскоре после этого, в 1442 году, новая борьба за престол, вспыхнувшая в Чиенгмае, предоставила возможность для вторжения туда войск Аютии. Но и на этот раз оно было безуспешным. Войска Чиенгмая нанесли своим противникам жестокое поражение. Во время этой кампании король заболел, и война была прекращена. В 1448 году смерть застала короля в момент, когда он возглавлял следующую бесплодную войну против своего заклятого врага.

Трон наследовал принц Рамесуен, став королем Боромтрайлоконатом (1448—1488), которого обычно называют сокращенно Трайлок. Этот король оставил след в истории государственного строя своей страны. Предпринимавшиеся им шаги были направлены на создание централизованной системы управления страной. До него центральное правительство осуществляло очень незначительный контроль над правительствами провинций. В действительности провинции во многом напоминали большие феодальные поместья средневековой Франции и Германии. В целях установления контроля над ними был реорганизован центральный управленческий аппарат, в основу которого были положены департаменты. Кроме того, для руководящих чиновников центра были установлены более высокие ранги. Были разграничены пять крупных гражданских департаментов и военное управление. В число гражданских департаментов входили: министерство внутренних дел, возглавляемое главным министром; министерство местного управления, которое ведало городом и провинцией Аютия; министерство финансов, ведавшее также и внешней торговлей; министерство сельского хозяйства, которое занималось вопросами земледелия и землевладения, и министерство королевского дома, ведавшее дворцовыми и судебными делами.

Военное управление, которым руководил *калахом*, также делилось на департаменты, главы которых имели министерские ранги. Такой в основном оставалась структура центрального управления вплоть до XIX века. По детализации функций управления Сиам обогнал другие страны Юго-Восточной Азии. Так, например, в соседней с ним Бирме система управления никогда не поднималась выше уровня рудиментарного распределения функций в высших сферах управления. Вплоть до упразднения монархии в 1886 году вся система управления теоретически контролировалась высшим органом страны — *Хлудо*, состоявшим из министров.

Другим важным мероприятием во время правления Трайлока было урегулирование системы *сакди на*[1]. С самых ранних времен согласно социальной системе народа таи количество земли, имеющееся у каждого человека, зависело от его положения в обществе. Трайлок пересмотрел всю эту систему и установил четкие правила относительно положения различных групп населения, определив количество земли, положенное представителю каждой из групп. Эти земельные наделы колебались от 4 тысяч акров для *чао пиа* до 10 акров для низшей группы. Эта система, просуществовавшая вплоть до недавних времен, представляла собой нечто большее, чем просто общественный уклад. Для государственных чиновников (до введения во второй половине XIX века жалованья) она определяла их вознаграждение; каждый получал количество земли, установленное нормами *сакди на*, и должен был жить на получаемый с нее доход. В судах ранг человека, согласно *сакди на*, предопределял размер налагаемого штрафа; точно так же устанавливалась и компенсация, уплачиваемая за убийство человека. Для представителей низших групп, имея в виду обилие земли и благодатный климат в Азии с ее муссонами, эта система означала, что никому не придется голодать.

Принятый в 1450 году «Кот Монтиен Бан», или «Дворцовый закон», явился следующим большим и детально разработанным актом этого сиамского Эдуарда I, и так же, как труд упомянутого английского монарха, был скорее завершением, чем нововведением. Он представлял собой кодификацию и толкова-

---

[1] *Сагди на* — феодальная система рангов (всего было 5 рангов). Король, возводя данное лицо в тот или иной ранг, одновременно наделял его землей, количество которой колебалось в зависимости от ранга. — *Прим. перев.*

ние существующего обычного права. В нем перечислялись вассальные государства, платящие дань, и формы этой дани; устанавливались относительные ранги для всех групп дворцовой знати, от королей и принцев и ниже; излагались правила церемоний; перечислялись функции чиновников и определялись наказания. Например, закон устанавливал процедуру, которой следовало придерживаться, когда член королевской семьи должен был быть забит до смерти сандаловой дубинкой.

Годы правления Трайлока были годами почти беспрерывной войны с Чиенгмаем. На сей раз инициатором было северное королевство. Война возникла из-за недовольства Сукотаи тем, что он был включен в состав королевства Аютия. События развернулись в 1451 году, когда правитель Саванкалока согласился стать данником Чиенгмая взамен на обещание поддержать его восстание против Аютии. Король Чиенгмая сразу же выслал войско, которое напало на Сукотаи, но было отброшено. Другое войско, направленное на Кампенгпет, захватило город. Однако вторжение в чиенгмайские владения правителя Луан-Прабанга вынудило Чиенгмай прекратить войну, и в течение нескольких лет все было спокойно.

Трайлок не мог воспользоваться возможностью, созданной вторжением в Чиенгмай войск Луан-Прабанга, и нанести решающий удар по Чиенгмаю— его внимание было сконцентрировано на событиях, развернувшихся на Малаккском полуострове. Помешала ему также и эпидемия оспы, вспыхнувшая по всему королевству. Что именно случилось в Малайе, не ясно. Вуд утверждает, что восстала Малакка и что в 1455 году войска Аютии захватили этот город, но не смогли обеспечить себе длительное господство над ним. Видимо, быстрое усиление Малакки в течение первой половины XV века явилось ответной реакцией на постоянную враждебность Аютии, которая в период резкого падения мощи яванцев после смерти Хайам Вурука пыталась распространить свой сюзеренитет на весь Малаккский полуостров.

Данное Кромом описание правления Музаффар-шаха, более известного под именем Раджи Касима (1446—1459), заставляет усомниться в правдивости тайских сообщений. Кром пишет, что наибольшее распространение власти Малакки произошло именно при этом правителе, чье имя связано с успешным отражением нападений Аютии. В своей «Истории Малайи» Уинстед ничего не сообщает по поводу предполагаемого захвата войсками Аютии Малакки, но пишет, что раджа Касим разгромил флот Аютии около Бату Пахат. Согласно «Седжарах Мелайю», («Малайским хроникам»)[1], в период правления Раджи Касима Аютия дважды нападала на Малакку: первый раз с суши и второй— с моря. Оба нападения были отбиты; сообщая о первом нападении, упомянутый малайский источник особо отмечает, что город взят не был[2]. Во втором случае нападавшие были отброшены еще до того, как они достигли цели. После этого, согласно «Седжарах Мелайю», султан Музаффар-шах и король Аютии обменялись послами и подарками и заключили мир[3].

Томе Пиреш, поселившийся в Малакке вскоре после захвата ее в 1511 году португальцами, в «Сума Ориентал» («Описание стран Востока») рисует картину Востока, отличающуюся своей правдивостью, и упоминает о союзе между Малаккой и Аютией в правление «Модафаркса». Он пишет, что этот правитель успешно воевал против раджей Паханга, Тренггану и Патани, а также против государств Кампар и Индрагири на Суматре и что своим успехом он обязан союзу с яванцами, китайцами и сиамцами. Поскольку в 1456 году Китай, признавая значение Раджи Касима, наделил его титулом «султан», то возможно, что это повлияло на отношение к нему со стороны Аютии, которая обычно всегда считалась с желанием Минской династии.

---

[1] «Седжарах Мелайю» — величайший историко-литературный памятник Малайи, составленный в XVI или XVII веке и много раз дополнявшийся вплоть до XIX века. Описанные в них события относятся в основном к малаккскому султанату и доводятся до 1528 года. — *Прим. ред.*

[2] Приводится в статье Брауна в «Journal of the Malayan Branch of the R. A. S.», XXV, parts II, III, 1952—1953, p. 66.

[3] Там же, стр. 70—72.

В 1460 году над районом верховьев Менама снова сгустились тучи. Правитель Саванкалока бежал в Чиенгмай и стал подстрекать короля Чиенгмая вновь вторгнуться в Аютию. В следующем году чиенгмайские войска захватили Сукотаи и осадили Питсанулок. Но вторжение войск из Юньнани вынудило чиенгмайские войска отступить, чтобы защитить свою собственную территорию, и в 1462 году Аютия вновь захватила Сукотаи. Однако Саванкалок остался во владении Чиенгмая. Угроза со стороны Чиенгмая заставила Трайлока перенести в 1463 году свою резиденцию из Аютии в Питсанулок, который весь остальной период правления Трайлока оставался его фактической столицей. Вскоре Чиенгмай в третий раз за время правления Трайлока напал на Сукотаи. Но чиенгмайцы были жестоко разбиты, и войска Аютии преследовали отступавшего врага вплоть до Дой Ба. Там им был дан отпор, и они остановились. В сражении, развернувшемся в лунную ночь, войска Аютии были остановлены и отступили в свои земли. После этого в течение нескольких лет сохранялся мир.

В период этой передышки Трайлок постригся в монахи и на время ушел в монастырь[1]. После этого он попытался ослабить Чиенгмай тайными путями. В 1467 году он послал в Чиенгмай монаха-бирманца, чтобы посеять смуту при чиенгмайском дворе. В следующем году с той же целью было послано посольство во главе с брахманом. Этим посланцам действительно удалось причинить много вреда, так как их клевета привела к ложному обвинению и казни старшего сына короля и одного из его верных министров. Однако действия брахмана вызвали подозрение, и заговор был раскрыт. Его и монаха-бирманца бросили в реку, привязав им к шее камни. В 1494 году снова вспыхнула война, которая продолжалась с перерывами 25 лет, но так и не привела ни к каким результатам.

Незадолго до своей смерти, в 1488 году, Трайлок предпринял важный шаг — он установил для своего сына принца Четта титул *махаупарат*, то есть второй король, или вице-король. Это — первое упоминание о должности, которая просуществовала до второй половины XIX века. Махаупарат пользовался некоторыми прерогативами королевской власти и был наделен землей, площадь которой в десять раз превышала площадь земли, предоставляемой самому высокому должностному лицу в государстве. Первоначально этот титул обычно присваивался старшему сыну короля. Но поскольку Чаи Четта не был старшим сыном Трайлока, была выдвинута версия, что им руководило желание разделить управление королевством между двумя столицами — Питсанулок и Аютия. Он умер до претворения своего замысла в жизнь, и на престол вступил его старший сын Боромарача III (1488—1491). Столицей снова стала Аютия, но Чай Четта как *махаупарат* остался в Питсанулоке в качестве правителя.

После смерти Боромарачи III его преемником стал Чаи Четта, принявший имя Раматибоди II (1491—1529). С началом его правления мы вступаем в новый период истории Юго-Восточной Азии. Раматибоди принял Дуарте Фернандиша — первого посла португальцев, захвативших Малакку. Посол прибыл ко двору Аютии, чтобы сообщить об этой победе. Королевство Аютия все еще продолжало претендовать на суверенитет над всем Малаккским полуостровом, но, поскольку внимание Раматибоди было сосредоточено на Чиенгмае, он не мог помешать португальцам захватить Малакку. Поэтому Раматибоди II согласился подписать договоры, согласно которым португальцам разрешалось торговать в Аютии, Након-Ситамарате, Патани, Тенассериме и Мергуи.

В самом начале правления Раматибоди распря с Чиенгмаем вспыхнула с новой силой. Причиной послужило то, что один из сиамских принцев, получивших в Чиенгмае желтую монашескую одежду, выкрал и привез в Аютию хрустальную статую Будды. Вслед за этим король Чиенгмая вторгся на территорию Аютии, и Раматибоди вернул Будду. Второе столкновение произошло в 1508 году, когда нападение чиенгмайских войск на Сукотаи привело

[1] По буддийским обычаям в Таиланде каждый мужчина, достигший отрочества, обязан уйти в монастырь, хотя бы на три месяца.—*Прим. перев.*

к вторжению в Чиенгмай армии Аютии. Но оно было безуспешным, так же как и повторная попытка в 1510 году. Когда в Аютию прибыл Дуарте Фернандиш, война была в полном разгаре. В 1513 году чиенгмайские войска вторглись в Сукотаи и вернулись домой с пленными и трофеями. Спустя два года они захватили Сукотаи и Кампенгпет, но большая армия Аютии под командованием самого короля оттеснила их на территорию Чиенгмая и нанесла им решительное поражение на берегах реки Меванг, недалеко от Након-Ломпанга.

Аютия не стала развивать успех этой победы, но характерно, что Раматибоди принялся за реорганизацию всей военной системы, введя обязательную военную службу. Королевство было разделено на военные округа и подокруга, а все мужчины от 18 лет и старше были переписаны для призыва на военную службу в случае возникновения необходимости. Боромарача IV (1529—1534) заключил мирный договор с Чиенгмаем, и после этого на несколько лет наступил период передышки в этой бесконечной борьбе.

Однако в 1545 году новый спор из-за престолонаследия, возникший в Чиенгмае, предоставил Аютии возможность для вторжения, которой она не преминула воспользоваться. Но повествование об этом следует перенести в другую главу, поскольку упомянутая борьба не была только столкновением между Чиенгмаем и Аютией. В нее были втянуты лаосское королевство Ланг-Чанг (Луан-Прабанг), а также вновь объединившееся королевство Бирмы, созданное в результате побед Табиншветхи и стремившееся к установлению своей власти над всеми тайскими государствами.

ГЛАВА VIII

КОРОЛЕВСТВО ТЯМПА

Основание и древняя история Тямпы описаны во II главе настоящей книги. Здесь же исходной датой является начало VII века, когда воцарившаяся в Китае Танская династия на время сдержала тямскую агрессию, которая в силу разных причин продолжалась до начала IX века. VII век был начальной эпохой расцвета тямского искусства, памятники которого известны главным образом в Мисоне и в Ча-Кьеу, близ Амаравати (Куанг-нам), к югу от современного Турана и бухты Коль-де-Нюаж. В Мисоне можно еще видеть остатки этих памятников, но в Ча-Кьеу от них остались лишь основания: город этот впоследствии был разрушен. Большинство памятников относится к длительному и мирному царствованию Пракасадхармы, который, вступив в 653 году на престол, принял королевский титул Викрантавармана. Памятники по стилю близки к индийским. Некоторые из них посвящены Вишну, культ которого был впервые занесен в Тямпу в царствование Викрантавармана. Этот король и его преемник Викрантаварман II (686?—731) посылали многочисленные посольства в Китай. Наскальная надпись Пракасадхармы, обнаруженная к северу от Ня-Чанга, свидетельствует, что его власть распространялась на территории к югу от современного мыса Варелла.

В середине VIII века китайцы уже не упоминают Линь-и; они стали называть тямов хуан-вань. Это изменение названия совпадает по времени с перемещением центра тяжести тямского царства к югу от Куанг-нама, в Пандурангу (Фан-Жанг) и Каутхару (Ня-Чанг). Новая, пятая по подсчету Ж. Масперо, династия правила здесь с 758 по 859 год. Короли ее известны по своим посмертным именам, указывающим бога, с которым воссоединялся покойный правитель. Более резкое выражение приобрел шиваизм, а фаллический культ (линга) здесь приобрел еще большее значение, чем в Камбодже. Эта религиозная система напластовывалась на древний туземный культ вертикально поставленных камней, которые символизировали бога плодородия. Имеется много памятников индийской формы этого культа, *мукхалинги* — каменные столбы с металлической кровлей, на которой изображены одно или несколько человеческих лиц, символизирующих, как это имеет место в кхмерском культе Дева-раджи, идентификацию царя с Шивой. Это любопытный пример симбиоза, в котором чужеземная и местная культуры сливаются в попытке расширить основу государственной религии.

Вторая половина VIII века была критическим периодом в истории Тямпы. Подобно Камбодже, Тямпа должна была вынести ряд тяжелых ударов, нанесенных яванцами. Во время набега яванцев в 774 году было разрушено древнее святилище По-Нагар в Ня-Чанге. Тремя годами позже во время другого набега был разрушен храм близ Вирапуры, столицы Тямпы, которая находилась неподалеку от современного Фан-Жанга. Но яванская опасность миновала, и в начале IX века Тямпа сама перешла в наступление. При Харивармане I возобновились атаки на китайские провинции, расположенные на севере, причем борьба с Китаем шла с переменным успехом. Происходили также набеги тямов на Камбоджу в начале царствования Джайяварманa II, основателя ангкорской династии. Обычно предполагали, что Яшоварман, основатель

Тямский танцор
(около VII веха н. э.)

города Ангкора, ответил на это нападением на Тямпу, которое было отражено Индраварманом II. Но в настоящее время установлено, что сообщения о кхмерских походах относятся к гораздо более позднему времени.

При Индравармане II (854—893) центр государства снова переместился на север. Индраварман II основал новую столицу — Индрапуру в современной провинции Куанг-нам. Он восстановил дружественные отношения с Китаем, и в эпоху его правления китайцы дали Тямпе третье название — Чанчжен, то есть город Чан, что на санскрите звучит Тямпапура. Царствование Индравармана II было мирным, оно отмечено основанием большого буддийского монастыря, развалины которого обнаружены в Донг-зыонге, к юго-востоку от Мисона. Этот памятник — первое свидетельство распространения буддизма махаяны в Тямпе.

Индраварман II основал шестую династию в истории Тямпы. В религиозной сфере властители этого дома отличались гораздо большей активностью, чем их предшественники. Они не только создавали новые святилища, но и охраняли монастыри и храмы от пиратов и восстанавливали их в случае осквернения. В оставленных ими надписях подробно отмечаются пожалования монастырям и храмам. В царствование преемника Индравармана, Джайя Симхавармана I, поддерживались тесные и дружественные отношения с Явой. Родич царицы отправился на Яву в качестве пилигрима и по возвращении занимал высокий пост при нескольких царях. Эти связи, возможно, объясняют яванское влияние на тямское искусство, которое проявилось в X веке.

В течение X века за северными границами Тямпы произошли события, которые имели большое значение для ее будущего. В 907 году в Китае пала Танская династия, и вьетнамцы воспользовались случаем, чтобы начать борьбу за независимость, которая увенчалась основанием в 939 году королевства Дай-Ко-Вьет (Аннам и Тонкин). Эти события произошли, когда в Тямпе царствовал Индраварман III (около 918—959). Сперва эти перемены, казалось, сравнительно мало задели Тямпу. Но дружественные отношения, поддерживаемые преемником Индравармана III, Джайя Индраварманом I, с первым сунским императором, можно рассматривать как вероятное указание на неурядицы, возникшие между Тямпой и новым королевством Дай-Ко-Вьет.

Эти неурядицы усилились при следующем правителе, Парамешваравармане. В 979 году беглый вьетнамец, претендовавший на власть в Дай-Ко-Вьете, убедил правителя поддержать его и послать морем флотилию в Хоа-Лу, столицу Дай-Ко-Вьета, где царствовала династия Динь. Экспедиция эта потерпела неудачу, попав в шторм. Когда в 980 году династию Динь сверг Ле-Хоан, который направил в Тямпу посольство, чтобы известить о своем воцарении, Парамешвараварман был столь опрометчив, что заключил посла в тюрьму. В результате последовало вторжение вьетнамцев, которые разрушили Индрапуру и убили тямского короля. Преемник его, Индраварман IV, нашел убежище на юге, тщетно призывая на помощь китайцев. В северной Тямпе воцарился такой беспорядок, что один вьетнамец—Лыу-ки-Тонг захватил власть и успешно отражал все попытки Ле-Хоана свергнуть его. Когда в 986 году Индра-

варман IV умер, Лыу-ки-Тонг даже провозгласил себя королем Тямпы и стремился добиться признания Китая.

В 988 году тямское движение сопротивления достигло высшей точки под руководством местного вождя, который был провозглашен королем в Виджайе (Бинь-динь). Смерть Лыу-ки-Тонга в 989 году облегчила его задачу, но в следующем году ему пришлось снова отражать возобновившиеся нападения вьетнамцев. Он принял титул Харивармана II и основал седьмую тямскую династию. После короткого периода мира, в течение которого он добился признания со стороны Китая и восстановил столицу в Индрапуре, он предпринял ряд контратак против Аннама. Так завязалась долгая борьба, которая закончилась лишь с гибелью тямского государства. Натиск вьетнамцев на северные тямские области был столь значительным, что в 1000 году преемник Харивармана II, известный под неполным титулом Янг Пу Ку Виджайя Шри, был вынужден оставить Индрапуру и перенести столицу Тямпы в более безопасное место—город Виджайю.

XI век был веком бедствий для Тямпы: в это время Аннам захватил ее северные провинции. Тямы часто направляли посольства в Китай, а в 1030 году вступили в союз с Сурьяварманом I, властителем Ангкора. Но надежды на помощь со стороны Китая и Ангкора оказались беспочвенными, и в 1044 году последовательные атаки вьетнамцев завершились новым тяжелым разгромом тямов. Их столица Виджайя была захвачена, а царь Джайя Симхаварман II обезглавлен. Новая, восьмая, династия была основана тямским военачальником, выходцем из знатной семьи. Он принял титул Джайя Парамешваравармана I и занялся восстановлением королевства. Он подавил мятежи в южных областях и делал все возможное, чтобы укрепить дружественные отношения с Аннамом и Китаем путем отправки в эти страны многочисленных посольств.

Рудраварман III, вступивший на престол в 1061 году, всемерно пытался усыпить подозрительность вьетнамцев непрерывными посольствами и одновременно готовился к нападению на своих главных врагов. Но, выступив в конце 1068 года в поход против Аннама, он потерпел поражение, за которым последовало неизбежное контрнаступление вьетнамцев в 1069 году. Властитель Аннама Ли-тхань-Тон быстро овладел столицей Тямпы и захватил Рудравармана III, преследуя его на территории Камбоджи. Победитель же отметил свой триумф торжественным банкетом в королевском дворце, а затем сжег столицу до основания. Его несчастный пленник Рудраварман III был доставлен в Тонкин и освобожден лишь после того, как официально уступил Аннаму три северные области Тямпы, соответствующие современным областям Куангбинь и Куанг-чи. По возвращении на родину он не смог восстановить свою власть, и с его смертью (1074) пришел конец недолговечной восьмой династии.

Девятую династию основал принц Тхань. Он принял титул Харивармана IV и вскоре, проявив огромную энергию, устранил ущерб, нанесенный захватчиками, и восстановил мощь страны, ослабленной утратой северных земель. Подъем Тямпы был, по-видимому, весьма быстрым, судя по тому, что Хариварман IV не только отразил дальнейшие атаки вьетнамцев, но и нанес поражение Кхмеру, а также проник на территорию Камбоджи до города Самбора на Меконге, где тямские войска разрушили все храмы.

Хариварман IV стремился установить лучшие отношения с вьетнамцами. Поэтому он неохотно дал себя вовлечь в 1076 году в коалицию, созданную Китаем для нападения на Аннам. Когда нападение не удалось, Хариварман IV счел необходимым отвести гнев вьетнамцев соответствующими дарами. С этого времени и вплоть до конца XI века Тямпа регулярно выплачивала дань Аннаму. Однако в 1103 году сын Харивармана IV, Джайя Индраварман II, поддавшись уговорам беглого вьетнамца, безуспешно пытался отвоевать утраченные три северные области. Впрочем, это был лишь кратковременный эпизод в долгой эпохе мирных отношений с Аннамом, длившейся до середины XIII века. Но это не значило, что тямы навсегда примирились с утратой спорной территории; они вынуждены были жить в мире с Аннамом потому, что всю

энергию им приходилось направлять на борьбу с кхмерами, чтобы отстоять свою независимость.

Борьбу начал воинственный царь Ангкора Сурьяварман II, который предпринял решительные шаги, чтобы распространить свою власть на Тямпу. Его стремлению стать завоевателем вселенной благоприятствовали сложившиеся в ту эпоху обстоятельства. Вследствие борьбы между Сунами и Цзинями, Китай уже не мог больше оказывать сдерживающее влияние на «южных варваров». Точно так же и Аннам в период долгого царствования малолетнего царя Ли-ань-Тона был ослаблен междоусобицами крупных феодалов. Кхмеры начали кампанию вторжениями в Тямпу. Когда же беженцы из тямских земель в поисках безопасного убежища перешли на вьетнамскую территорию, Сурьяварман II вторгся в провинцию Нге-ан и разорил прибрежный район Тханьхоа. В 1132 году Сурьяварман II уговорил или, может быть, заставил Джайя Индравармана III выступить против Аннама, но этот поход не удался. Тямский король после этого заключил мир с Аннамом, и, когда спустя несколько лет Сурьяварман II возобновил нападения, Джайя Индраварман III отказался выступить совместно с кхмерами.

В отместку Сурьяварман II в 1145 году вторгся в Тямпу, взял ее столицу Виджайю и овладел всем королевством. Джайя Индраварман III исчез во время войны—неизвестно, какая участь его постигла. Северная часть Тямпы до 1149 года оставалась во власти кхмеров, но на юге, в районе Пандуранги, в 1147 году появился новый тямский король Джайя Хариварман I. В 1148 году, изгнав кхмерские войска, он перешел в наступление, а в следующем, 1149 году, взял Виджайю и объединил все королевство. Но он еще не был хозяином своей собственной страны. Претендент на престол, Вамсараджа, собрал большое войско, состоящее из горцев, но, потерпев поражение, бежал в Аннам. Здесь ему разрешено было набрать новую армию, с которой он вторгся в Тямпу. Однако Вамсараджа снова потерпел поражение в конце 1050 или в начале 1051 года, причем он сам и его военачальник-вьетнамец погибли.

Этим, однако, не кончились смуты царствования Джайя Харивармана I. В 1155 году разразилось восстание в Пандуранге, которое удалось подавить лишь в 1160 году. Тем не менее, несмотря на все эти беспорядки, его царствование явилось периодом восстановления. Он возместил ущерб, причиненный войной, и часть военной добычи отдал на восстановление старых и постройку новых храмов. Джайя Хариварман I направил ряд посольств в Китай и умиротворил Аннам регулярной выплатой дани. Однако из-за незаконного поступка тямского посла, отправленного в 1166 году с дарами к Тхиен-То, чуть не произошел разрыв с Аннамом. В 1167 году войска Аннама перешли границу, но в это время Джайя Хариварман I умер, и его преемник Джайя Индраварман I послал богатые дары Тхиен-То, который отозвал свои войска.

Джайя Индраварман IV, захвативший престол у сына Джайя Харивармана I, был человеком смелым и предприимчивым. Его самым горячим желанием было отомстить Камбодже за вторжение Сурьявармана II в Тямпу. Первое нападение, которое он совершил в 1170 году, вторгшись в Камбоджу по суше, предварительно обеспечив нейтралитет Аннама, было неудачным. Однако в 1177 году он направил в дельту Меконга большую флотилию, которая поднялась вверх по реке и внезапно захватила Ангкор. Город был разграблен, и тямские войска возвратились на родину с несметной добычей. Это дерзкое нападение чрезвычайно обострило отношения между Тямпой и Камбоджей на многие годы.

В 1190 году после долгих приготовлений Джайяварман VII, строитель Ангкор Тома, предпринял решительную атаку на Тямпу, которую возглавлял тямский принц Шри Видьянандан, получивший воспитание в Ангкоре. Снова Тямпа оказалась во власти кхмерских захватчиков. Джайя Индраварман IV был взят в плен и отправлен в Ангкор, а сын короля Камбоджи Джайявармана VII, принц Инь, был провозглашен вместо него королем Виджайи. Тямпа опять распалась на два королевства. Шри Видьянандан стал править Пандурангой в качестве вассала Камбоджи, приняв имя Сурьявармана.

Однако против нового порядка повсеместно вспыхнуло восстание. В 1191 году принц Инь был изгнан тямским военачальником, который провозгласил себя королем, приняв имя Джайя Индравармана V. Тогда Джайяварман VII послал пленного Джайя Индравармана IV с войсками отвоевывать свой престол. В борьбе с претендентом Джайя Индраварман IV обратился за помощью к Сурьяварману, который успешно справился с мятежами в своем царстве. Сурьяварман двинулся с войсками к Виджайе, захватил город и убил Джайя Индравармана V. Но вслед за этим он обратился против незадачливого Джайя Индравармана IV, который потерпел поражение и был убит в 1192 году. Объединив Тямпу в результате этих успешных действий, Сурьяварман разорвал вассальные узы с Камбоджей. Но теперь он вынужден был выдержать целый ряд атак кхмеров. Некоторое время дела его шли успешно. Он направил посольства в Аннам и Китай и в 1199 году получил инвеституру от императора Нин-цзуна.

Однако в 1203 году кхмерские войска изгнали Сурьявармана из Тямпы. Он безуспешно пытался укрыться в Аннаме, куда отправился морем, и оказавшись под угрозой ареста, отплыл из Аннама. Масперо говорит, что «история ничего не сообщает о его дальнейшей судьбе». В течение семнадцати лет, с 1203 по 1220 год, Тямпа находилась под властью кхмеров. В 1220 году по каким то причинам, о которых хроники умалчивают, кхмерские оккупационные войска покинули Тямпу. Это был добровольный уход, и на тямского принца из старой царской династии, который принял бразды правления, пала нелегкая задача восстановления страны.

Историки высказывали различные предположения о причинах ухода кхмеров из Тямпы. По мнению Масперо, которое разделяет также Кёдэ, натиск на кхмерскую империю со стороны таи стал столь сильным, что Ангкор вынужден был оставить мысль об удержании под своей властью Тямпы. Столетняя вражда с Камбоджей чрезвычайно ослабила Тямпу, и восстановление страны шло очень медленно. В это время Тямпа отказалась от всяких попыток отвоевать у Аннама свои три северные провинции. Но то была лишь отсрочка: Тямпа была непреклонна в своем решении добиться возврата этой потери. А поскольку Аннам равным образом желал удержать эти земли, то оставался лишь единственный исход — окончательное уничтожение одной из враждующих сторон.

Борьба вспыхнула с новой силой в царствование Джайя Парамешвараварманa II, который пришел к власти после ухода кхмеров. Согласно «Аннамским анналам», тямы воспользовались ослаблением царствовавшей в Аннаме династии Ли и предприняли ряд пиратских налетов на приморские области. В 1225 году династию Ли сменила династия Чан, и новый правитель Аннама сразу же отправил посла в Тямпу, чтобы выразить недовольство по поводу нерегулярной выплаты тямами дани. В ответ на это Джайя Парамешвараварман потребовал возвращения утраченных провинций. В результате последовало новое вторжение вьетнамцев, войска которых лично возглавлял король Чан-тхаи-Тон. Тямы оказали жестокое сопротивление. По-видимому, Джайя Парамешвараварман погиб в ходе этой борьбы около 1252 года. Ему наследовал его младший брат Джайя Индраварман VI, миролюбивый правитель. И хотя вьетнамцы и не достигли сколько-нибудь ощутимых успехов в этой борьбе, они были рады примирению, поскольку с севера им угрожала новая серьезная опасность.

Причиной внезапного прекращения тямско-вьетнамской войны была победа монголов в Китае. Пятью годами позже, в 1257 году, монгольские войска разграбили Ханой, но вынуждены были затем отступить, встретив упорное сопротивление вьетнамцев. В 1260 году Хубилай-хан стал верховным монгольским властителем. Продолжая завоевывать земли Сунской империи, он требовал покорности от всех государств, которые в свое время признавали сюзеренитет Китая. В Аннам, Камбоджу и Тямпу были направлены посольства, чтобы передать королям этих земель повеление явиться в ставку Хубилай-хана и лично принести ему присягу в верности. Однако все короли под различными

предлогами уклонились от этого, но, чтобы выиграть время, направили в Китай посольства и подарки.

В Тямпе катастрофа разразилась в 1281 году, когда терпение Хубилай-хана истощилось и он направил туда военачальника Сагату, чтобы насадить монгольскую администрацию в стране. Появление монголов вызвало всенародное движение сопротивления в Тямпе. Вскоре Сагату убедился, что возложенная на него задача превышает его возможности; он не мог нанести решительного удара тямской армии, так как Индраварман V увел ее в горы. Когда Хубилай-хан послал в Тямпу подкрепления, Аннам отказался пропустить эту армию через свою территорию. В 1285 году сын Хубилай-хана Тоган при попытке силой пробиться через Тонкин потерпел поражение от вьетнамцев и был вынужден вернуться в Китай, а Сагату, попытавшийся оказать ему помощь, был отброшен в Тямпу и здесь убит тямами.

Индраварман V, желая избежать дальнейших осложнений, сразу же направил Хубилай-хану посольство с данью, которая была принята. Хубилай-хана настолько одолевали всевозможные заботы, что он не мог пойти на риск новой авантюры в Тямпе. Тремя годами позже, как раз в то время, когда Тямпу посетил Марко Поло, здесь мирно царствовал новый царь Джайя Синхаварман III (1288—1307), который решил, однако, не делать больше никаких уступок Китаю и ничем больше не рисковать; в 1292 году, когда монгольская карательная экспедиция проследовала вдоль берегов Тямпы к Яве, тямские морские силы шли по пятам за монголами, чтобы предупредить высадку монгольских десантов в Тямпе.

Джайя Синхаварман III благожелательно относился к союзу с Аннамом. В 1301 году его посетил Чан-ньон-Тон, который отрекся от престола в пользу своего сына Чан-ань-Тонга и приумножал свои заслуги паломничеством к святым местам в соседних странах. Покидая Тямпу, этот экс-правитель был столь благодарен тямскому монарху за теплый прием, что обещал ему в жены одну из своих дочерей. Джайя Синхаварман III, который был сторонником браков с чужеземными принцессами и уже имел жену-яванку, легко поддался искушению. При переговорах, которые привели к заключению в 1306 году брачного союза, его склонили уступить две северные тямские области к северу от Коль-де-Нюаж в качестве платы за руку сестры Чан-ань-Тонга.

Джайя Синхаварман III умер в 1307 году, и его сын Че Чи, который принял имя Джайя Синхавармана IV, должен был принять на себя все тягостные последствия нелепого поступка отца. Но уступленные области, переименованные вьетнамцами в провинции Тхуан-тяу и Хоа-тяу, были столь мятежны, что делали невыносимой жизнь вьетнамских администраторов, которые, естественно, приписывали все свои несчастья подстрекательству тямов. В 1312 году вьетнамцы, которые далее не могли мириться с таким положением вещей, вторглись в Тямпу, низложили Джайя Синхавармана IV и увезли в качестве пленника, заменив этого правителя его младшим братом Че Нангом.

Теперь Тямпа стала провинцией Аннама, а ее правитель — «зависимым принцем второго ранга». В 1313 году, когда войска властителя Сукотаи Рамакамхенга пересекли Камбоджу и ворвались в Тямпу, Аннам выполнил свой долг сюзерена, отогнав захватчиков. Че Нанг был, однако, истинным тямом и весьма неохотно подчинялся Аннаму. В 1314 году он поднял восстание и сделал попытку отобрать у вьетнамцев две области, уступленные им его отцом. Сперва счастье сопутствовало ему, но в 1318 году он потерпел столь жестокое поражение, что вынужден был распустить свои войска и бежать на родину своей матери — Яву.

Его сменил вице-король Те А Нан, которого посадил на трон победоносный вьетнамский полководец. В 1323 году Те А Нан в свою очередь порвал вассальную зависимость от Аннама. Он отразил все попытки вьетнамцев свергнуть его, но не пытался присоединить уступленные провинции. С 1326 по 1342 год (год его смерти) он имел возможность мирно царствовать. Францисканский монах Одорик Порденоне, посетивший Тямпу в царствование Те А Нана, отмечал, что этот король имел не менее 200 детей и что страна его пре-

красна, а берега ее богаты рыбой. Те А Нан был основателем двенадцатой династии в истории тямов, которая правила до 1390 года.

В 1353 году его преемник Ча Хоа предпринял еще одну попытку отвоевать потерянные провинции, но потерпел поражение. Это было тем не менее прелюдией нового периода расцвета тямского королевства. Этот период начался в 1360 году с воцарением Те Бонг Нга, последнего властителя кратковременной двенадцатой династии, военачальника необыкновенной смелости и предприимчивости. Успехи его были столь велики, что время его царствования Масперо называет эпохой апогея тямского могущества[1]. Кёдэ, однако, не склонен разделять это мнение и считает, что время это было «последним лучом заходящего солнца»[2]. Те Бонг Нга воспользовался воцарением Минской династии в Китае и предпринял ряд успешных вторжений в Аннам, которые завершились разграблением в 1371 году Ханоя. Когда первый минский император приказал ему прекратить военные действия в Аннаме, он стал атаковать пиратов на море и всю добычу посылал в Китай и, прикрываясь этим, продолжал войну с Аннамом. Тямы держали Аннам в постоянном страхе вплоть до 1390 года, когда тямский король был убит в морском бою.

Его преемник был вынужден вскоре отказаться от всех завоеваний, но в результате переворотов в Аннаме, вызвавших потерю власти династией Чан, контратака на Тямпу задержалась на долгие годы и началась только в 1402 году. Тямпа потеряла область Индрапуры (Куанг-нам) и должна была бы пойти на значительные уступки своему северному соседу, если бы не вмешательство китайцев в 1407 году, отогнавших вьетнамский флот, который осаждал Виджайю.

Для вьетнамцев дело обернулось весьма трагически: китайцы продолжали свои завоевания и захватили Аннам, который они удерживали до 1428 года. Тямы, со своей стороны, снова вернули себе территорию, утерянную ими в 1402 году. Более того, вскоре они стали столь агрессивными, что повернули свое оружие на ослабевшую Камбоджу, которая вынуждена была обратиться за помощью к минскому императору. После того как в 1428 году вьетнамский народный вождь Ле-Лой изгнал китайцев и обеспечил независимость Аннама, его преемники в течение многих лет были рады поддерживать мирные отношения с Тямпой.

В 1441 году закончилось долгое царствование Джайя Синхавармана V, и Тямпа стала ареной гражданской войны. Вьетнамцам представился исключительно удобный случай раз и навсегда сломить мощь своего беспокойного соседа. В 1446 году они захватили Виджайю, но тямы отвоевали свою столицу. Однако в 1471 году Тямпа была окончательно завоевана Аннамом. В этой борьбе погибло, как говорят, не менее 60 тысяч человек, а королевская фамилия и 30 тысяч человек были угнаны в плен.

Аннам аннексировал всю территорию Тямпы, вплоть до мыса Варелла. За этим мысом, далее к югу, существовало еще в течение нескольких столетий маленькое тямское государство. Тямскую династию Китай признавал до 1543 года, а тямский двор существовал здесь до 1720 года, когда тямский властитель с большинством населения бежал на территорию Камбоджи под натиском вьетнамцев. Последний потомок этих правителей умер в начале нынешнего столетия.

---

[1] Maspero, Le Royaume de Champa, p. 199—218.
[2] Coedès. Les États hindouisés, p. 395.

ГЛАВА IX

АННАМ И ТОНКИН[1]

Вьетнамцы (так они предпочитают в настоящее время себя называть) ныне самый многочисленный народ Индокитайского полуострова. Они занимают долины Красной и Черной рек в Тонкине, приморский пояс Аннама и область дельты Меконга в Кохинхине. В начале нашей эры вьетнамцы занимали лишь Тонкин и северный Аннам, а затем они расширили свою территорию на юг за счет земель тямов, чье королевство они завоевали в XV веке. Под предводительством Нгюена из Хюэ последние независимые тямские владения были поглощены в XVII веке. В том же XVII веке вьетнамцы начали основывать свои поселения в дельте Меконга, которая тогда являлась территорией Камбоджи, и с тех пор неуклонно продвигались в Кохинхину.

Вопрос о происхождении вьетнамцев вызвал много споров. Полагают, что вьетнамцы, как народность, являются продуктом смешения местных племен, издревле населявших Тонкин, и монголоидного народа, который, возможно, представлял собой третью доисторическую миграционную волну, докатившуюся до Индокитая,—в данном случае через долину Янцзы и территории современных китайских провинций Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и Гуачси. Язык вьетнамцев близок главным образом к языку таи, но содержит так много мон-кхмерских элементов, что некоторые лингвисты относят его к мон-кхмерской группе.

Древнейшие археологические данные, главным образом из поселений Тхань-хоа и Донг-шон, показывают, что вьетнамская культура была смесью монголо-индонезийских элементов, уже испытавших на себе глубокое влияние Китая. Китайская культура распространялась на территории Чжэцзяна, Фуцзяни, Гуандуна и Гуанси в период с IX по IV век до н. э. В III веке до н. э. ее влияние начало проникать в район современного Тонкина и северного Аннама. При Цинь Шихуанди (246—209), «первом императоре» Циньской династии, генерал Чжао То[2] завоевал район Гуанси и Гуандун и присоединил его к Китаю. Этот район в то время был населен племенами, родственными таи и вьетнамцам. Китайская колонизация началась там около 214 года до н. э. Тонкин и северный Аннам в течение некоторого времени еще оставались вне пределов Китайской империи. Когда Циньская династия была уже близка к падению, генерал Чжао То в 208 году до н. э. объединил эти области с территорией Гуанси и Гуандуна и создал независимое королевство Нань-юэ, или по-вьетнамски Нам-вьет. Часть Аннама, вошедшая в это королевство, состояла из трех областей: Тхань-хоа, Куанг-чи и Куанг-бинь. Ханьская династия признала Нань-юэ самостоятельным королевством, удерживая за собой весьма

[1] Тонкин, Аннам и Кохинхина — официальные наименования, употреблявшиеся французскими колонизаторами соответственно для северной, центральной и южной частей Вьетнама в период французского колониального господства в стране. Неправильно распространяются автором на более ранний период и не соответствуют историческим и национальным названиям этой страны: Ау-лак, Нам-вьет, Ван-суан, Дайко-вьет, Дай-вьет, Дай-нгу. С начала XIX века страна стала называться Вьетнамом. По административному делению, принятому после образования Демократической Республики Вьетнам, Тонкину и Аннаму соответствуют области Бак-бо и Чунг-бо, Кохинхине—Нам-бо. —*Прим. ред.*

[2] Его вьетнамское имя Чиеу-Да.—*Прим. ред.*

неопределенные сюзеренные права. Кантонская династия, основанная Чжао То, непосредственно управляла Гуандуном и Гуанси, оставив Тонкин и северный Аннам под управлением местной администрации.

Однако в 111 году до н. э. император У Ди (140—87 годы до н. э.), при котором Китай превратился в великую азиатскую империю, аннексировал Кантонское королевство, одновременно с ним и Тонкин с Аннамом. С тех пор название Нам-вьет было закреплено только за Тонкином и Аннамом. Территорию Нам-вьет У Ди разделил на округа: Цзяо Чжи (Тонкин), Цзю Чэн (Тхань-хоа) и Е-Нань (северный Аннам)[1]. С этого времени вплоть до 939 года Нам-вьет был составной частью Китайской империи. Сначала здесь сохранялась местная феодальная администрация, но в 40 году н. э., после восстания, была введена китайская система управления и китайские учреждения.

Между 541 и 602 годами Нам-вьет трижды пытался вернуть свою независимость. Первой такой попыткой явилось движение против тирании китайского наместника Сяо Цзу. Вначале восстание было успешным, и в 544 году вождь восстания Ли-Бон провозгласил себя королем Нам-вьета. Но в 547 году он был разбит и движение было подавлено. Второе восстание, которое произошло в 590 году, было попыткой воспользоваться положением в Китае, создавшимся в результате падения Чэньской династии. Третье восстание, начавшееся в 600 году и также возглавлявшееся отпрыском рода Ли — Ли-фат-Ты, было подавлено в 602 году китайским военачальником Лю Фаном, который затем успешно продвинулся дальше, чтобы наказать тямского короля Самбхувармана за нарушение границ провинции Е-Нань.

В течение длительного периода китайского господства Нам-вьет хотя и подвергался постоянному влиянию китайской культуры, которое способствовало ознакомлению с китайскими классиками, усвоению этической системы Конфуция и буддизма махаяны, тем не менее упорно сохранял верность своим национальным традициям. Китайская культура стала, в сущности, лишь достоянием образованного меньшинства; народ же в своей массе сохранил свой язык, обычаи и древнюю культуру, корни которой восходят к анимистическим представлениям и культу предков. С III по X век большое число посольств, следовавших из Индии в Китай и обратно, побывало в Тонкине и в известной мере внесло некоторые элементы индийской культуры, влияние которых, однако, было очень слабым. И Цзин пишет, что к его времени эта страна стала важным духовным центром буддизма и что там благодаря трудам китайских и местных пилигримов было переведено много буддийских текстов, привезенных из Шривиджайи.

Китайское влияние в стране усилилось, когда Китай в 767 году успешно защитил ее от нападения малайцев. Но в эпоху упадка Танской династии власть Китая начала ослабевать. Китайцы не смогли отразить натиск Тямпы, которая в 780 году установила свой контроль над Хюэ, Куанг-чи и Куангбинем—прибрежной полосой, идущей от Коль-де-Нюаж (Перевал Нюаж) до Ворот Аннама. В 862 году Тонкин подвергся нападению таи (из Наньчжао), а в 863 году таи опустошили Ханой. Когда в 907 году пала Танская династия и в Китае воцарилась анархия, вьетнамцы воспользовались создавшимися благоприятными обстоятельствами, чтобы вновь повторить попытку добиться независимости. На этот раз попытка была успешной, и в 939 году вождь восстания Нго-Кюен основал вьетнамскую династию Нго (939—968).

Французские историки насчитывают 15 династий за все время существования Аннама. Первые четыре династии, существовавшие до 939 года, удерживались у власти лишь весьма короткие периоды, во время восстаний против китайского владычества. Последующие три династии, которые правили после 939 до 1009 года, насчитывают всего восемь королей. Династии, которые правили после 1009 года, за одним исключением, были долговременными, и каждая из них знаменует определенный этап в истории страны. Сначала независимое

[1] Вьетнамское название этих округов соответственно: Зяо-тi, Кыу-тян, Нят-нам. — *Прим. ред.*

королевство включало только территорию Тонкина и три аннамских провинции: Тхань-хоа, Нге-ан и Ха-тинь. Земли, расположенные далее к югу, находились под властью Тямпы.

Династия Нго не смогла подчинить своей власти местных вождей и не добилась признания со стороны Китая. Династия Динь (968—979) была еще менее долговечной. Ранняя династия Ле (979—1009) начала править весьма успешно. Первый король этой династии Ле-Хоан вторгся в 982 году в Тямпу, разгромил ее столицу Индрапуру, убил тямского короля и возвратился домой с богатой добычей. Однако его преемник в 1009 году был низложен, и в стране утвердилась династия Ли, которая правила страной более двух столетий.

В период между 968 и 1009 годами произошли важные события в религиозной сфере. Тиен-Хоанг, король из династии Динь, установил официальную систему религиозной организации, включив в состав административной иерархии даоистских и буддийских жрецов. Второй король династии Ле ввез из Китая классические тексты буддизма махаяны и предпринял попытку вытеснения буддизмом местных культов с их анимистическими представлениями и поклонением духам предков. Буддизм был лишь пересажен на почву местных культов, которые продолжали существовать, оказывая столь же сильное влияние. Однако большая часть ученых оставалась даосистами или конфуцианцами.

Династия Ли (1009—1225) вступила в долгую борьбу за возвращение вьетнамских областей, захваченных Тямпой; в чисто культурном аспекте это была борьба китайского и индийского влияний. В XI веке под натиском Аннама Тямпа была вынуждена уступить три северные области. После разграбления Индрапуры Ле-Хоаном в 982 году тямы перенесли свою столицу далее к югу, в Виджайю (Бинь-динь). Но в 1044 году Виджайя также была разграблена вьетнамцами, а тямский король обезглавлен. Вторично Виджайя была взята в 1069 году. Короля Тямпы Рудравармана III вьетнамцы преследовали на территории Камбоджи и взяли в плен. Затем после торжественной церемонии, которую устроил в Виджайе король Ли-тхань-Тон, Рудравармана III и его семейство перевезли в Аннам. В 1070 году Рудраварман III получил свободу ценой формальной уступки Аннаму трех северных провинций.

Тямы предприняли героические усилия, чтобы отвоевать эти земли, но в XII веке Тямпа подверглась нападениям со стороны камбоджийцев, во главе которых стоял видный камбоджийский полководец Сурьяварман II. Эти нападения настолько обессилили тямов, что они не могли продолжать борьбу с Аннамом. Пока продолжались войны с Камбоджей, закончившиеся в 1220 году, Аннам твердо удерживал в своих руках три северные провинции.

В 1225 году династию Ли сменила династия Чан. В эту эпоху Тямпа стала постепенно оправляться от последствий долгой борьбы с Камбоджей. Но утраченные ею провинции оставались вечным яблоком раздора, и в середине XIII века появляются признаки, свидетельствующие о возобновлении этой борьбы. На этот раз едва борьба разразилась, как угроза монгольского нашествия заставила обе стороны примириться. В 1257 году монгольские войска разграбили Ханой (Тхань-лонг), но вынуждены были покинуть страну вследствие нарастающего сопротивления вьетнамцев. Хубилай-хан, который в 1260 году стал императором, направил послов во все страны Индокитайского полуострова, требуя полной покорности. Опасность заставила Тямпу искать сближения с Аннамом, но из этого ничего не вышло. Тем не менее, когда маршал Сагату был послан в 1281 году Хубилай-ханом, чтобы подчинить власти монголов Тямпу, Аннам был вынужден воевать в союзе с тямами, поскольку Хубилай-хан, чтобы сломить стойкое сопротивление тямов, пытался послать в Тямпу войска через территорию Аннама; аннамиты же, понимая, что их собственная независимость поставлена на карту, оказали сопротивление. В 1285 году монгольские войска пробились к Ханою через Ланг-шон и Бак-нинь. Но снова сопротивление аннамитов было столь сильным, что монголы вынуждены были отступить. Другая монгольская армия под командой сына Хубилай-

хана Тагана была разбита при попытке вторгнуться в Тонкин с севера, а маршал Сагату, пытавшийся прийти на помощь Тагану, был разгромлен и убит тямами. В 1287 году Ханой в третий раз был занят монголами, но вьетнамцы снова заставили их покинуть страну, и король Чан-нян-Тонг (1278—1293) с триумфом возвратился в свою столицу.

Тямпа и Аннам совместными усилиями успешно отразили все попытки монголов подчинить их. Чтобы скрепить возникшую таким образом дружбу, короля Тямпы убедили просить руки аннамитской принцессы. Когда после долгих переговоров в 1306 году Чан-ань-Тонг согласился отдать в жены тямскому монарху свою сестру, он потребовал за это уступки Аннаму провинций Хуанг-чи и Тхуа-Тхиен (Хюэ), и, как ни странно, это требование было принято. Но Джайя Синхаварман умер вскоре после заключения брака, и тямы сразу же приступили к отвоеванию обеих провинций. Тогда в 1312 году Чан-ань-Тонг вторгся в Тямпу, сломил сопротивление тямов и увел плененного короля в Тонкин. Завоеванное королевство было низведено до положения вассального владения Аннама.

В 1326 году после ряда восстаний и обращений к Китаю за помощью Тямпа добилась независимости. Но Аннам оставил свою жертву под натиском тямского вождя Те А Нана, а не в силу указа, которым Пекин в 1324 году повелел вьетнамцам уважать Тямпу. В 1353 году тямы сделали неудачную попытку вновь овладеть районом Хюэ. Затем тямский герой Че Бонг Нга (1360—1390) обрушил целый ряд атак на Аннам, которые держали эту страну в постоянном страхе в период его правления. В 1371 году он даже разграбил Ханой. В 1377 году Чан-зюе-Тонг предпринял контратаку и дошел до Виджайи, но здесь попал в засаду у самого города и погиб вместе со всем своим войском. Че Бонг Нга занял все территории, ранее захваченные у Тямпы ее соперником. Но сразу же после смерти Че Бонг Нга вьетнамцы вновь вернули все утраченные ими земли вплоть до Турана и в 1398 году, желая более эффективно руководить военными действиями, направленными на завершение покорения Тямпы, перенесли свою столицу из Ханоя далее к югу, в Тхань-хоа.

Но внезапно и неожиданно эти успехи были прерваны. В 1400 году военачальник Ле-кюи-Ли[1] низложил короля из династии Чан и занял его престол. Тогда сторонники Чанской династии призвали на помощь китайцев, и в 1407 году минский император Чэн-цзу послал в Тонкин войско, которое заняло Ханой и захватило узурпатора. Китайцы остались во Вьетнаме, и, если бы они не допустили ошибки, попытавшись уничтожить национальную культуру страны, силой навязывая вьетнамцам свой язык и свои обычаи, они могли бы присоединить Вьетнам к своей империи в качестве вассального государства. Недовольный народ нашел своего вождя в лице Ле-Лоя, феодала из провинции Тхань-хоа, который в 1418 году начал довольно успешную партизанскую борьбу против китайцев. В 1427 году Ле-Лой осадил их в Ханое. Армия, посланная китайским императором на помощь, была разбита Ле-Лоем, прежде чем она могла вступить в контакт с осажденным в Ханое китайским гарнизоном, и в 1428 году Ханой капитулировал. Тогда Ле-Лой провозгласил себя королем Аннама и стал, таким образом, основателем поздней династии Ле. Он ловко отвратил гнев минского императора, направив к нему посольство в знак признания сюзеренитета Китая. Пекин, мудро решив, что от добра добра не ищут, формально признал Ле-Лоя.

Тямы воспользовались затруднениями Аннама, чтобы вернуть утраченные земли к северу от Коль-де-Нюаж. Сначала новая аннамская династия поддерживала со своим южным соседом дружественные отношения, но в 1441 году тямы вновь предприняли ряд нападений. В 1446 году вьетнамцы, воспользовавшись гражданской войной в Тямпе, на короткое время снова заняли Виджайю, однако тямы вскоре отбили ее. Смертельный удар Тямпе нанес в 1471 году величайший из королей династии Ле — Ле-тхань-Тонг (1460—1497), который включил Тямпу в состав своих владений.

---

[1] Известен в истории также под именем Хо-кюи-Ли.—*Прим. ред.*

Независимость от Китая, которой добился Ле-Лой, была вполне реальной и долговременной. Но, освободившись от китайского владычества, вьетнамцы сохранили китайскую культуру, которую впитывали на протяжении веков.

Ле-тхань-Тонг разделил страну на 13 округов и создал сильную административную систему, которая надолго пережила его. Однако преемники этого короля были слабыми правителями. С 1497 по 1527 год не менее десяти королей сменили друг друга на престоле, причем четверо из них были узурпаторами. Их неспособность к управлению страной разожгла амбиции семей влиятельных мандаринов. Двор стал центром интриг, а контроль центральной власти над крупными феодалами был фактически утрачен. В 1527 году честолюбивый мандарин Мак-данг-Зунг, который с 1519 года свергал и возводил на престол многих королей, заставил короля Ле-хунг-Хоанга совершить самоубийство и захватил трон. В 1529 году он отрекся в пользу своего сына Мак-данг-Зонга, но до самой своей смерти, до 1541 года, удерживал власть в своих руках.

Однако в 1533 году могущественный род Нгюенов восстановил на престоле династию Ле. Нгюен-Ким изгнал Маков из провинций Аннама—Нге-ан и Тхань-хоа. Он уже обдумывал план завоевания Тонкина, но в 1545 году был убит, а сыновья его были слишком молоды, чтобы довести до конца начатое им дело. Таким образом, Маки сохранили за собой Тонкин, а Китай, за помощью к которому обращались обе стороны, признал наследственные права претендентов на удерживаемые ими территории при условии сохранения своего сюзеренитета.

Династия Мак правила в Тонкине до 1592 года. Собственно Аннам, то есть южная часть страны, номинально оставался во власти династии Ле, но, поскольку представители ее были «праздными королями», страной фактически правили преемники Нгюен-Кима, сохранявшие пост мажордомов. Непосредственным преемником Нгюен-Кима был его способный зять Чинь-Кием, умерший в 1570 году.

Когда подросли два сына Нгюен-Кима, между ними и Чинь-Киемом началась ожесточенная борьба. Чинь-Кием добился того, что старший сын был убит, но младший, Нгюен-Хоанг, притворившись безумным, избежал смерти, и Чинь-Кием послал его управлять южными областями, которые некогда составляли тямское королевство. Он полагал, что в столь беспокойной стороне юноша проживет недолго. Но его расчет оказался ошибочным, ибо Нгюен-Хоанг, сбросив маску помешанного, снискал расположение народа южных земель и вскоре приступил к созданию сильного войска.

В 1570 году, когда Чинь-Кием умер, Аннам был поделен между тремя правителями. Династия Мак господствовала в Тонкине, столицей которого был Ханой. Чини в качестве мажордомов королей династии Ле управляли провинциями Тхань-хоа, Нге-ан и Ха-тинь; их столицей был город Таи-до. Нгюены, также правившие от имени королей династии Ле, управляли южными областями с центром в Куанг-чи. В 1592 году Чунь-тунг, преемник Чинь-Киема, захватил Ханой и овладел бо́льшей частью Тонкина. Маки бежали в Као-банг на китайской границе, где им удалось удержаться с помощью Китая до 1677 года. Поскольку Китай в течение долгого времени отказывался признать права королей династии Ле на Тонкин, Маки в Као-банге хотя и не обладали действенной силой, все еще представляли большую опасность. Только после того, как маньчжурская династия сменила династию Мин, Китай отвернулся от Маков и признал королей Ле. Несмотря на это, начиная с 1592 года Чини были владыками севера и в 1593 году перенесли столицу вместе с марионеточным королем династии Ле из Таи-до в Ханой.

Время от времени Нгюен-Хоанг появлялся при дворе. Он надеялся, что при благоприятных обстоятельствах сможет занять то положение, которое занимал когда-то его отец. Но в конце XVI века стало ясно, что власть Чиней настолько упрочилась, что нечего было надеяться на ее ослабление. Поэтому, когда в 1600 году вспыхнул мятеж в Нинь-бине и Нгюен-Хоанг отправился, чтобы его подавить, он навсегда порвал свои связи с ханойским двором. С этих пор оба враждующих рода, каждый добившийся высшей власти на своей территории, стали готовиться к неизбежной войне, которая разразилась в 1620 году.

ГЛАВА X

МАЛАККА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА

Задолго до появления пророка арабы основали свои поселения вдоль торгового пути между Красным морем и Китаем. Ислам придал новый импульс развитию мореплавания у арабов. В VIII веке в Южном Китае оказалось так много арабов, что им удалось разграбить Кантон (758). В IX веке в некоторых гаванях на морском пути, ведущем в Китай, уже имелись небольшие колонии мусульманских купцов. Источники XI века говорят о существовании в течение некоторого времени таких колоний в Тямпе. Арабы вступали в браки с местными женщинами, но их общины стояли в стороне от немусульманской социальной среды. Нет никаких данных о существовании сколько-нибудь значительных арабских поселений и в Индонезии. Бóльшая часть островов, включая Яву и Острова пряностей (Молуккские), лежала в стороне от главного торгового пути, ведущего в Китай.

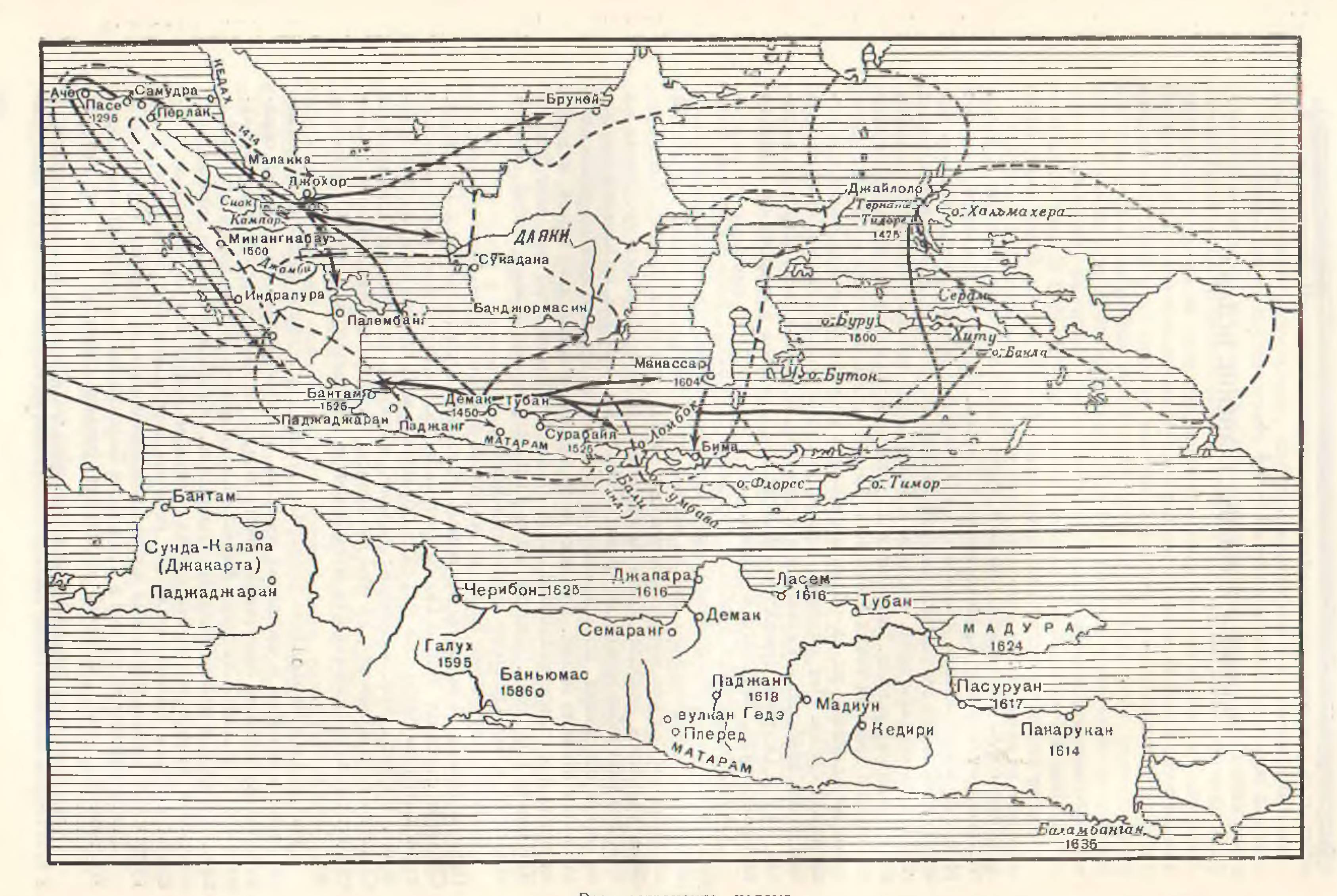
Сообщения первых арабских географов о странах Юго-Восточной Азии были неясными и фантастическими, а большинство данных, сообщаемых этими авторами, было получено ими из вторых рук. Надгробная плита с арабской надписью на могиле молодой женщины, обнаруженная в Леране, близ Гресика, считается наиболее древним свидетельством пребывания мусульман на Яве. Это надгробие можно датировать 1082 или 1102 годом, но имеются довольно веские основания, позволяющие предполагать, что этот камень установлен здесь значительно позже. Но даже если предполагаемая дата верна, надпись на могильной плите указывает лишь на то, что некий араб или перс был на Яве около 1100 года. Данные же о распространении ислама в этой области относятся к гораздо более позднему времени.

В 1292 году Марко Поло на обратном пути из Китая посетил Суматру. Первую гавань, в которую он зашел, «Ферлак», отождествляют с Перлаком. Согласно рассказу Марко Поло, этот порт посещало столько мусульманских купцов, что им оказалось под силу обратить в веру пророка все местное население. Из того, что он говорит дальше, явствует, что процесс исламизации Суматры в то время только еще начинался. Сообщение Марко Поло—первое свидетельство о деятельности мусульман по обращению народов Юго-Восточной Азии в ислам.

Из Перлака Марко Поло направился в Самудру, где его корабль задержался на пять месяцев в ожидании муссона. В окрестностях этого порта обнаружены древнейшие памятники—надгробья, относящиеся ко времени мусульманского султаната Самудры. Марко Поло отмечает, что во время его пребывания в Самудре она не была мусульманской. Обращение в ислам должно было произойти вскоре после посещения Самудры Марко Поло, поскольку надгробье султана Малик-ал-Салеха, первого мусульманского правителя, датируется 1297 годом; могильная плита была доставлена из Камбая (Гуджарат).

Распространение ислама в Гуджарате было одним из следствий завоеваний Мухаммеда Гури[1], который столетием раньше покорил ряд территорий

[1] Мухаммед Гури первоначально был правителем небольшого афганского княжества. В 1173 году он завоевал Газни, столицу некогда могущественных Газневидов, а в 1175—



Распространение ислама

Вверху: даты означают установление ислама в районе, показанном пунктиром; стрелки показывают направление распространения ислама. Внизу: древнейшие исламские государства; даты означают время их завоевания султанатом Матарам

в Северной Индии и в долине Ганга. Во второй половине XIII века борьба за обладание Гуджаратом окончилась в пользу мусульман. В 1298 году в их руках оказался Камбай, и хотя большинство гуджаратцев осталось индуистами, двор и правящие классы приняли ислам. В XIII веке Камбай как торговый центр насчитывал уже несколько столетий. Еще в IX веке здесь осели арабские и персидские купцы. Кроме того, Камбай имел давнишние торговые связи с Индонезией. Обращение в ислам многих камбайских купцов способствовало тому, что эти купцы наряду с торговлей развили активную миссионерскую деятельность в Индонезии. Отсюда нельзя считать простым совпадением то, что памятники, свидетельствующие о распространении ислама в северных гаванях Суматры, носят на себе следы камбайского происхождения.

Ибн-Баттута, который дважды посетил Самудру, на пути в Китай и при возвращении оттуда (1345—1346), говорит, что султан был приверженцем шафийского обряда — формы мусульманской религии, которую исповедуют теперь все индонезийские мусульмане. Ибн-Баттута отмечал, что в окружающих Самудру местностях живут немусульмане. На противоположном берегу реки, против города Самудры, обнаружена мусульманская могила, датируемая 1421 годом. Полагают, что на этом месте когда-то стоял город Пасе, упоминаемый в «Малайских хрониках» как Пасаи, который Дьогу Лопеш ди Сикейра посетил в 1509 году. По-видимому, это был один из главных центров распространения ислама в Юго-Восточной Азии.

Что касается Малаккского полуострова, древнейшим мусульманским документом является надпись на камне в Тренггану со стертой датой. Видимо, эта надпись относится к периоду между 1303 и 1387 годами. Благден, мнение которого заслуживает уважения, склонен принять более раннюю дату. Возможно, этот камень был пограничным знаком, который отмечал рубеж исламской территории и «военной зоны». Судя по тексту надписи, новая вера не была принята местным населением. С точкой зрения Благдена, который относит надпись к более ранней дате, однако, не согласуется сообщение Ибн-Баттуты: последний указывает, что в 1345—1346 годах правитель Малаккского полуострова был неверным. Имел ли он в виду правителя Кедаха? В «Нагаракертагаме» (1365) эта область считается зависимой от Маджапахита. Действительно, имеется очень мало данных, свидетельствующих о распространении ислама на Малаккском полуострове до XV века.

Толчком к обращению населения Малаккского полуострова в мусульманство явилось возвышение Малакки. Имеется много различных мнений о времени основания этого города. Против доводов тех исследователей, которые считают, что Малакка была основана до 1400 года, свидетельствует ряд соображений: о Малакке не упоминает ни Марко Поло, который прошел через проливы в 1292 году, ни Одорик Порденоне, совершивший подобное же путешествие в 1323 году, ни Ибн-Баттута, побывавший здесь в 1345—1346 годах, ни Прапаньча, который создал в 1365 году свою «Нагаракертагаму».

Однако в 1918 году Ферран[1] высказал остроумную догадку в подтверждение точки зрения автора труда «Индийские легенды»[2] Гаспара Коррейи, который считает, что Малакка к моменту появления в ней португальцев насчитывала уже свыше семи столетий. Ферран отождествляет Малакку с Малайюром Марко Поло, считая, что Малайюр находился на Малаккском полуострове, и с «Малиюэль» — страной, которая, согласно китайскому сообщению, подвергалась нападениям сукотайских таи до 1295 года и в 1295 году. В 1921 году Руффаер[3] подверг критике точку зрения Феррана. Руффаер доказал, что оба эти географические названия относятся к Малайю, то есть к области

1206 годах предпринял ряд походов в Индию, в результате которых завоевал Пенджаб, долину Ганга и часть Бенгалии. В результате он создал огромное, но недолговечное государство, которое простиралось от Хорасана до границ Ассама.—*Прим. перев.*

[1] Ferrand, Malacca, le Malayu et Malayur, JA, 1918.

[2] Составлены между 1512 и 1561 годами.

[3] Rouffaer, Was Malaka emporium voor A. D. 1400 genaamd Malajoer?, BKJ, The Hague, 1921, deel 77, part 1.

Джамби на Суматре, и, опираясь на имеющиеся данные, выдвинул версию основания города Малакки Парамешварой; эта версия в настоящее время считается общепринятой.

Парамешвара (буквально «принц-консорт»)—основатель Малакки, был мужем одной из принцесс из Маджапахита. Согласно суматранскому преданию, он происходил из рода Шайлендра, правителей Палембанга. Во время войны за престол, которая разразилась в 1401 году между Вирабуми, властителем восточной Явы, и Викрамавардханой, правителем Маджапахита, Парамешвара бежал в Тумасик (Сингапур), которым правил тогда вождь, находившийся в вассальной зависимости от Аютии. Он убил этого вождя и овладел городом. В 1402 году Парамешвару изгнал из Тумасика раджа области Паханг, или Патани, который был также вассалом Сиама и, согласно одной из легенд, братом убитого вождя. Проскитавшись некоторое время, Парамешвара осел в Малакке — в то время небольшой деревушке, населенной рыбаками и морскими разбойниками. В сиамских источниках селение с таким названием впервые упоминается примерно около 1360 года. Томе Пиреш, который находился в Малакке с 1512 по 1515 год, в своем ценном трактате «Обозрение стран Востока»[1], обнаруженном только в 1937 году, излагает историю воцарения Парамешвары в Малакке во всех подробностях, причем этих подробностей нельзя найти ни в каком другом труде. Согласно Пирешу, «Парамихура» появился в Малакке около 1400 года. Сын Албукерки, автор «Комментариев», опубликованных в 1557 году[2], придерживается в общем той же версии. Этой же точки зрения придерживается и Барруш[3] во второй декаде своей «Азии», но он считает, что Малакка была основана за 250 лет до прихода португальцев.

С помощью морских разбойников и при поддержке малайцев, прибывших из Палембанга, чтобы присоединиться к нему, Парамешвара за короткое время создал большое поселение. Сперва Малакка была рынком для незаконной торговли и базой пиратов. А затем, в результате того, что все корабли,следовавшие через проливы, принудительно загонялись в гавань Малакки, этот порт развился за счет Самудры и Сингапура.

В то время сюзеренитет над Малаккским полуостровом оспаривали Сиам и Маджапахит, но реальными возможностями для утверждения своего господства над этой территорией располагал лишь Сиам. Поэтому, когда в 1403 году Малакку посетил китайский посол, евнух Ин Цзин, Парамешвара воспользовался случаем и обратился к минскому императору с просьбой признать его власть и оказать поддержку в борьбе с Сиамом. В 1405 году он отправил посольство в Китай и сразу же добился признания со стороны императорского двора.

Как мы уже видели, целью внешней политики минских императоров было установление контроля над государствами Юго-Восточной Азии. Для достижения этой цели Китай посылал посольства, которые обходили гавани южных морей и разъясняли китайскую политику, а за ними шли военные флотилии, чтобы в случае необходимости силой заставить принять эту политику. Миссия, которая появилась в 1403 году в Малакке, была послана третьим минским императором Чэн-цзу (Юнлэ). Это была миссия, которая посетила Яву и обнаружила там двух государей. За миссией следовал военно-морской флот под командованием Чжэн Хэ, совершившего целый ряд путешествий начиная с 1405 года.

С Китаем Парамешвара поддерживал по возможности самые тесные отношения. В 1409 году Чжэн Хэ посетил Малакку, а в 1411 году в ответ на это

---

[1] Tome Pires. Suma Oriental. Английский перевод этого труда, сделанный Армадо Кортезано, был опубликован в 1944 году «Hakluyt Society».

[2] «Commentarios de gran Alfonso d'Alboquerque, Hakluyt Society, ser. 1, n. 53, 55, 62.

[3] Жуан Барруш (1496—1570)—крупнейший португальский хронист, автор истории португальских открытий и завоеваний в Азии (Jaõo Barros, Da Asia), составленной в 1552—1563 годах. —*Прим. перев.*

Парамешвара собственной персоной явился в Пекин, чтобы засвидетельствовать свое уважение императору. В 1412 году он послал в Китай своего племянника. Р. А. Керн отмечает, что сын Парамешвары Искандер-шах в 1414 году отправился в Китай, чтобы оповестить о смерти своего отца[1]. Однако это, по-видимому, ошибка, возникшая вследствие того, как полагает Р. Уинстед, что китайцы не знали о том, что Парамешвара был обращен в ислам и принял имя Мегат Искандер-шаха[2]. По-видимому, обращение в ислам явилось результатом брака Парамешвары с дочерью султана Пасе, который сам незадолго до того стал мусульманином. Согласно Кёдэ, Парамешвара снова посетил Китай в 1419 году, желая добиться помощи в борьбе с Аютией.

Экспансия Малакки была весьма стремительной. По сравнению с Палембангом и Джамби она занимала более выгодное положение, которое давало ей возможность контролировать морской путь через проливы. Именно поэтому Малакка унаследовала торговую мощь, некогда принадлежавшую Шривиджайе. Она стала крупным торговым центром, тогда как суматранские порты были всего лишь факториями, откуда экспортировался перец. Через Малакку проходила торговая дорога, по которой пряности (гвоздика, мускатный орех и шелуха мускатного ореха) шли с Молуккских островов в Индию. Прежде этот путь проходил от Молукк до восточной Явы, а оттуда — в Индию. Теперь же корабли, покидая восточную Яву, должны были заходить в Малакку и лишь затем следовать в Индию. Растущее государство, которое вначале должно было выплачивать дань Аютии, чтобы избежать гибельных нападений, вскоре перестало считать себя ее вассалом, особенно после того, как в 1409 году Чжэн Хэ пожаловал Парамешваре серебряную печать, головной убор, официальные одежды и «провозгласил его государем»[3]. В результате Парамешвара настолько забыл более чем скромное начало своей карьеры, что захотел добиться подчинения Палембанга, и потребовалось вмешательство императора Чэн-цзу, чтобы восстановить *статус-кво* в этом районе. С этой задачей непосредственно была связана третья экспедиция Чжэн Хэ в 1415 году.

Мегат Искандер-шах, который, согласно Пирешу, стал мусульманином в семидесятидвухлетнем возрасте, умер в 1424 году. Весьма показательно, что его сын, который наследовал ему, принял древний титул шримахараджи, который носили властители Шривиджайи.

Сразу же по вступлении на престол он вместе со своим сыном отправился в Китай, чтобы добиться признания со стороны императора. В китайских источниках говорится о визите «Силамахала» (шримахараджи). Страх перед Сиамом побуждал его регулярно отправлять посольства в Китай в течение всего своего царствования, которое продолжалось до 1444 года. Уинстед отмечает, что в некоторых текстах «Малайских хроник» этому властителю приписывается введение сложного придворного этикета, сохранившегося еще и поныне у султанов Перака[4]. Чжэн Хэ посетил и этого правителя.

Его сын и преемник раджа Ибрагим принял титул Шри Парамешвара Дева-шах. Уинстед полагает, что принятие этого смешанного индуистско-мусульманского титула, возможно, указывает на реакцию против новой веры. Раджа Ибрагим направил в 1445 году посольство в Китай. В 1446 году он был низложен и убит в результате переворота, организованного тамильскими мусульманами и возглавленного старшим братом раджи раджей Касимом, мать которого была дочерью богатого купца тамильского или полутамильского происхождения из города Пасе.

---

[1] Керн пишет об этом в своей статье в книге: S t a p e l, Geschiedenis van Nederlandsch-Indië, I, p. 322.

[2] R. W i n s t e d t, History of Malaya, p. 41—43. В этой работе Уинстед излагает точку зрения Керна. В последующей своей работе («The Malays, a Cultural History») Уинстед приводит сообщение Томе Пиреша об обращении Парамешвары в ислам и о перемене его прежнего имени. См. также C o e d è s, Les États hindouisés, p. 410, f. n. 2.

[3] W i n s t e d t, History of Malaya, p. 41.

[4] Там же, стр. 44.

Раджа Касим принял титул Музаффар-шаха. Португальские авторы называли его Модафайкса, или Малафар-шах. Он правил до 1459 года. В его царствование появилось выдающееся лицо в истории Малакки—Тун Перак, брат Тун Куду, жены Музаффар-шаха. В «Малайских хрониках» Тун Перак прославляется как герой победоносных походов против Аютии, Паханга и Пасе. Уинстед называет его «душой малаккской захватнической политики, проводившейся на протяжении более трех царствований в Малайе и на Суматре»[1]. Предание гласит, что дядя царя, тамил Тун Али, который играл главную роль в перевороте, в результате которого Музаффар-шах овладел престолом, приобрел вскоре столь большую власть в Малакке, что *бендахара*[2], отец Тун Перака и Тун Куду, вынужден был покончить самоубийством. После этого Тун Али стал бендахарой. Тун Перак начал с ним борьбу, которая стала столь ожесточенной, что Музаффар-шах ради умиротворения предложил Тун Али любую невесту, лишь бы он отказался от своего поста. Тун Али потребовал руки Тун Куду, и с согласия ее брата она была уступлена ему. После этого пост бендахары занял Тун Перак, а Тун Куду, по-видимому, с удовлетворением сменила супруга.

Тун Перак содействовал успешному отражению набегов Аютии на Малакку, о которых шла речь в главе VII, и территориальному расширению Малакки. Томе Пиреш говорит об успешных походах Тун Перака в Паханг, Тренггану и Патани на Малаккском полуострове и о рейдах в Кампар и Индрагири на Суматре. Он возобновил в 1456 году добрые отношения с Китаем, прерванные в результате дворцового переворота и последующего правления тамилов. Император послал ему «головной убор из кожи, платье, повседневные одежды из красного прозрачного шелка, пояс, украшенный рогом носорога, и головной убор из тончайшего шелка»[3].

Музаффар-шаху наследовал в 1459 году его сын раджа Абдулла, принявший титул Мансур-шаха. В первый же год своего правления он направил посольство в Китай. Ответное посольство императора потерпело кораблекрушение, но два года спустя в Малакку благополучно прибыла новая миссия из Китая. При Мансур-шахе Тун Перак распространил власть Малакки на еще более обширную территорию. В результате похода в Паханг был низложен правитель этой области махараджа Дева Сура, являвшийся вассалом Сиама, и на пахангский престол был посажен малаккский принц. Это было ответом на набеги сиамцев, предпринятые ими в царствование Музаффар-шаха. Затем был заключен мир с Сиамом. В последние годы правления Мансур-шаха в Малаккскую державу входили: Кедах, знаменитый своим оловом, Тренггану, Паханг, Джохор, Джамби, Кампар, Бенгкалис, острова Каримон и Бинтанг. В этот список можно было бы включить и Пасе, поскольку Тун Перак, совершив туда поход для подавления мятежа и восстановления на престоле местного султана, добился за это признания сюзеренитета Малакки. Но султан Пасе вскоре нарушил свое обещание, и в конце концов его владения стали добычей властителей Аче[4].

Таким образом, Малакка стала первостепенной державой, способной противостоять Сиаму. Она сделалась также наиважнейшим торговым центром Юго-Восточной Азии и очагом распространения ислама. До того как Албукерки завоевал Малакку, ее трон после смерти Мансур-шаха занимали два султана—Ала-уд-дин Риайят-шах (1477—1488), сын султана Мансур-шаха, и Махмуд (1488—1511), брат Ала-уд-дин Риайят-шаха. При Махмуде Малакка достигла своего апогея богатства и славы. Тун Перак, великий бендахара, чье имя связано с наиболее выдающимися успехами этой державы, умер около 1498 года, но его преемники продолжали оставаться действительными прави-

---

[1] Winstedt, op. cit, p. 46.

[2] Бендахара—первый министр при дворе султанов Малакки.—*Прим. ред.*

[3] Из надгробной надписи на могиле внука Музаффар-шаха (Winstedt, op. cit., p. 46).

[4] Английское название этой страны—Ачин, голландское—Аче. В Индонезийской республике принято это последнее название.

телями. Махмуд был, в сущности, султаном лишь номинально. Португальцы отмечали его пристрастие к опиуму. Более всего интересовали его религия и мистицизм.

При Махмуде вновь разразилась война с Сиамом, вызванная притязаниями Сиама на сюзеренитет, который Махмуд отказался признать, указывая, что его единственным сюзереном является китайский император. Атаки сиамцев были отражены, а сиамский флот потерпел поражение у берегов острова Писанг. Малакка оказала также помощь Пахангу, который подвергся нападению Лигора, вассала Сиама. Военные действия закончились одновременно с португальским завоеванием.

Томе Пиреш в своем детальном описании малаккской торговли подчеркивает значение ее связей с Гуджаратом[1]. Гуджаратские купцы играли значительную роль в обращении населения Малакки в ислам, извлекая из этого большую выгоду,—они поставляли в Малакку надгробные камни с изречениями на классическом арабском языке, причем на этих камнях оставлялись свободные пространства, куда вписывались имена покойников.

Португальцы, по-видимому, собрали все эти камни и использовали их при строительстве своих первых укреплений. Накануне завоевания бо́льшая часть малаккских пряностей экспортировалась в Камбай.

Наибольшим успехом Малакки в деле распространения ислама было обращение в новую веру населения Явы. Говорили, что «Ява была обращена в Малакку». В 1511 году португальцы застали в Малакке большое поселение яванцев. Из яванцев состояла армия Малакки. В городе было немало крупных купцов-яванцев, причем у одного из них было 6 тысяч яванских рабов. Албукерки при возвращении в Индию взял с собой 60 яванских корабельщиков вместе с их семьями. Торговля между восточной Явой и Малаккой находилась в руках яванцев, и через них Малакка получала не только пряности, но и главные продовольственные товары. Через яванских купцов ислам постепенно распространялся на территории Явы.

Уже в 1498 году на Яве имелись приморские мусульманские города. И хотя в тот момент, когда португальцы впервые появились на архипелаге, центральная власть на Яве оставалась в руках индуистов и еще сохранялись остатки власти Маджапахита, «топор отделил уже древесный ствол от корней». Правители исламизированных прибрежных областей на севере Явы постепенно добились полной независимости от хиреющей центральной власти. Первыми подверглись воздействию ислама восточная и центральная Ява. Западная Ява, расположенная в стороне от главного торгового пути, приняла ислам в последнюю очередь.

Малайцы из Малакки были ревностными пропагандистами ислама на Малаккском полуострове, и, по мере того как Малакка подчиняла себе различные государства на территории полуострова, туда проникал ислам. Первый мусульманский правитель Паханга, умерший в 1475 году, был сыном малаккского султана. На его могиле имеется надгробие, вывезенное из Камбая, подобное надгробию первого султана Самудры. Есть упоминание о том, что в 1474 году в Кедахе правил мусульманский правитель. Область Патани под воздействием Малакки была обращена в ислам во второй половине XV века. Келантан принял ислам от своего сюзерена Патани, а Тpанггану — от Малакки, вассалом которой он являлся.

Малакка оказала также большое влияние на суматранские приморские области, расположенные непосредственно против нее. Рокан, Кампар, Индрагири, и, возможно, Сиак были обращены в ислам в течение XV века. Когда португальское завоевание Малакки внезапно положило конец этой бурной прозелитской деятельности, северная Суматра еще раз сделалась важным очагом распространения ислама. Например, в 1526 году один мусульманский миссионер с северной Суматры явился на Яву, взял в жены сестру правителя Демака и Джапары и обосновался в Бантаме, где скоро приобрел много новых

[1] Tomé Pires, Suma Oriental, p. 269, 270.

приверженцев. С помощью своего шурина он овладел городом Бантам. В 1568 году его сын Хасан-уд-дин основал независимый султанат Бантам, которому вплоть до завоевания его голландцами в 1684 году было суждено играть значительную роль в яванских делах.

Кром полагает, что Маджапахит пал между 1513 и 1528 годами в результате натиска коалиции мусульманских государств, в которую входили Мадура, Тубан, Сурабайя и Бинтара (Демак). Демак и Джапара были теми гаванями центральной Явы, через которые поток молуккских пряностей шел с восточной Явы к Малакке. Из внутренних областей страны через эти же гавани вывозился рис и другие продовольственные товары. Демак и Джапара стали центрами распространения ислама, и после падения Маджапахита главным яванским государством на время сделался Демак. Княжество Баламбанган на крайнем востоке острова долго противилось внедрению новой веры и было еще индуистским, когда здесь в 1595 году появились голландцы. Баламбанган поддерживал тесные связи с островом Бали, где индуизм сохранился повсеместно. Однако во второй половине XVIII века Баламбанган был обращен в ислам, хотя здесь до нашего времени сохранилось несколько индуистских поселений в отрогах хребта Тенггер. Индуизму до сих пор еще верен весь остров Бали.

На Молуккских островах ислам утвердился в 1498 году благодаря торговым связям с Явой. Батаки на Суматре так и не были обращены в мусульманство. Макассар и Целебес только в 1603 году приняли ислам, но даяков и ряд других горных племен так и не удалось обратить в новую веру. Прибрежные города острова Борнео, по-видимому, были обращены в мусульманство главным образом через посредство яванских купцов еще до появления на острове португальцев, хотя Бриту, первый португальский наместник в Малакке, писал на родину в 1514 году, что «король Брунея—язычник».

Что же касается материка, то следует отметить, что его буддийские области—Бирма, Сиам, Камбоджа и Лаос—никогда не принимали ислама. Аракан остался по преимуществу буддийской страной, но здесь весьма отчетливо выражены примеси мусульманства, вызванные перекрестными браками с индийцами. Большинство тямов исповедует в настоящее время ислам. Тямские легенды утверждают, что тямы были обращены в мусульманство еще в XI веке. Однако исторические свидетельства того времени не подтверждают этой версии, и Масперо полагает, что среди тямов ислам не был распространен до окончательного завоевания их страны Аннамом в 1470 году. Не известно, какими путями дошел до них ислам. Аннам и Тонкин, где преобладало китайское влияние, остались верны конфуцианству, даосизму и буддизму махаяны, хотя здесь и сохранялись заметные следы анимистических представлений и культа предков. Однако для большей части простого народа Юго-Восточной Азии буддизм и ислам долгое время являлись лишь внешней оболочкой, под которой скрывались древние верования и обряды, по-прежнему господствовавшие над умами.

ГЛАВА XI

ПОЯВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙЦЕВ

О связях средневековой Европы с Юго-Восточной Азией не было никаких письменных свидетельств вплоть до конца XIII века, когда братья Поло, морем возвращаясь на родину из резиденции Хубилай-хана, прошли мимо берегов Тямпы, обогнули южную оконечность Малаккского полуострова, пробыли в течение пяти месяцев на северной Суматре, ожидая попутного муссона, а затем пересекли Индийский океан. Они прошли Азию по караванной сухопутной трассе, ведущей в Китай, и в 1275 году были приняты Хубилай-ханом в его «верхней столице». На протяжении своего семнадцатилетнего пребывания в Китае Марко Поло служил при императорском дворе в качестве ответственного должностного лица и не раз совершал длительные путешествия по стране. Однажды, отправившись в четырехмесячную поездку из Пекина на запад, он, следуя сухопутным маршрутом, установить который невозможно, пересек страну «златозубых», столицей которой был Юнчан, между Меконгом и Салуином, и достиг северобирманского города, который он называет городом «Мянь». Наибольшее впечатление произвели на Марко Поло две каменные башни высотой 50 футов, одна крытая золотом, другая серебром, обе увешанные колокольчиками, которые звенели при порывах ветра. Если его утверждения о том, что он действительно побывал в Бирме, и верны, хотя на этот счет и высказывают большие сомнения, то он мог достичь города Тагаунга. Он упоминает о «Мяне» как столице Бирмы, но вряд ли город этот может быть отождествлен с Паганом, до которого Марко Поло не мог дойти за то сравнительно небольшое время, которое было в его распоряжении.

Еще больший интерес представляет его сообщение о войне великого хана с правителем «Мяня и Бангалы». Его описание битвы под Нгазаунгджаном в долине Намти, имевшей место в 1277 году, в которой монгольские лучники одержали победу, наведя панический страх на бирманских боевых слонов, возможно, основывается на сообщениях очевидцев. Однако Марко Поло ошибочно приписывает руководство монгольскими вооруженными силами Наср-эд-дину, который командовал более поздней экспедицией, в ходе которой был захвачен Каунгсин—бирманская крепость, господствовавшая над ущельем Бамо.

Марко Поло бегло описывает одно из полунезависимых государств Лаоса на юньнаньской границе. Правитель этой страны имеет 300 жен; здесь много золота, слонов и различных пряностей; здесь пьют вино, изготовленное из риса, а мужчины и женщины татуируют свои тела, нанося с помощью черного красящего вещества фигуры зверей и птиц. Трудно сказать, что в этих сообщениях основано на слухах. Несомненно, сведения Марко Поло содержат много неточностей, это явствует хотя бы из того, что он страну «Бангала» описывает как составную часть владений правителя Бирмы, хотя это название может быть отнесено только к Бенгалии; по-видимому, Марко Поло спутал дельту Ганга с дельтой Иравади. Показательно, что ту же ошибку допускает в своей карте и Фра Мауро, который основывался на данных, приведенных в книге Марко Поло.

Описание путешествия на родину, которое Марко Поло начал в первые месяцы 1292 года, содержит весьма интересные сведения о Юго-Восточной

Азии. Аргун, внучатый племянник Хубилай-хана, монгольский властитель Ирана, пожелал получить в жены монгольскую принцессу из Китая. Великий хан остановил свой выбор на принцессе Кукачин и поручил ее заботам братьев Поло, которые просили Хубилай-хана дозволить им вернуться на родину. Описание Марко Поло китайской джонки, на которой он отправился в путь, в точности совпадает с теми данными, которые приводят путешественники XIV века—Одорик Порденоне, Ибн-Баттута и Фра Иордан[1]. Марко Поло говорит, что страна «Тямба», то есть Тямпа, очень богата и что ею правит король, который ежегодно в качестве дани отправляет ко двору великого хана слонов. Марко Поло преувеличивает победу монголов над Тямпой в 1281 году, но он ни одним словом не упоминает об окончательном разгроме монгольской армии под командованием Сагату четыре года спустя.

Яву он называет «большим островом Явой», в отличие от «малой Явы», как он называет Суматру. Ява, говорит он, считается у мореплавателей самым большим островом на свете и в окружности превышает 3 тысячи миль[2]. Столь преувеличенные данные отражают представление арабских мореплавателей, сведения которых о Яве ограничивались лишь несколькими гаванями на северном берегу острова, которые они нередко посещали. Марко Поло пишет, что на Яве растут черный перец, мускатные орехи, нард, имбирь, гвоздика и многие другие пряности. Фактически же этот остров не производил пряностей, хотя и являлся центром оживленной торговли ими. По-видимому, Марко Поло не был на Яве, и сведения его об этом острове целиком заимствованы из досужих рассказов моряков. Весьма интересным представляется утверждение Марко Поло, что этот остров никогда не был во владении великого хана, принимая во внимание, что незадолго до того, как Марко Поло выехал из Китая, Хубилай-хан отправил против Кертанагары, правителя Сингосари, мощный флот.

В числе других островов, положение которых не всегда удается определить, Марко Поло называет Пуло-Кондор, лежащий против дельты Меконга,—остров, стратегические возможности которого столь оживленно обсуждались англичанами и французами в XVII и XVIII веках. Упоминает он и об острове Бинтанг на восточном конце Малаккского пролива, на котором обосновался малаккский султан после того, как Албукерки захватил Малакку в 1511 году. Много споров вызвала идентификация «Малайюра», который Марко Поло описывает как прекрасный и благородный город, управляемый своим правителем, богатый пряностями и ведущий большую торговлю (об этих спорах уже упоминалось в предыдущей главе). Очевидно, в данном случае речь идет о Джамби, причем показательно, что Марко Поло ничего не говорит о яванском завоевании Малайюра. Характерно также, что он не упоминает и о Малакке.

Разительно отличается от неточного сообщения о Яве описание Суматры, основанное на более достоверных данных. Марко Поло указывает, что по окружности остров этот имеет свыше 2 тысяч миль, что не так далеко от истины. Ценным историческим свидетельством является сообщение Марко Поло о недавнем обращении купцами-сарацинами в ислам государства «Ферлек». Он лично посетил шесть суматранских «королевств», и, хотя он насчитывал на острове только восемь государств, в его рассказе многое звучит правдоподобно, даже если учесть то легковерие, с которым он сообщает о том, что одно из этих государств населяют хвостатые люди, причем эти хвосты длиною в пядь и толщиной с собачий хвост, но не покрыты волосами.

За год до того, как Поло отправился в обратный путь из Китая, францисканский монах Иоанн Монте Корвино[3] направился в Пекин в надежде обра-

[1] Иордан (Жордан) де Северак (ум. около 1330 года), доминиканский монах, француз родом, долгое время бывший миссионером в Индии.—*Прим. перев.*

[2] В тексте Потье указывается цифра—5 тысяч миль.

[3] Иоанн Монте Корвино (1247—1330) был послан ко двору Хубилай-хана папой Николаем IV и пробыл в Китае 36 лет (с 1294 по 1330 год). В 1307 году он был назначен архиепископом Китая и основал здесь несколько католических епархий. Монте Корвино является автором чрезвычайно интересных писем, в которых сообщаются ценные сведения о Китае, Индии и торговых путях в страны Дальнего Востока.—*Прим. перев.*

тить в христианскую веру Хубилай-хана. Со своими немногочисленными спутниками Монте Корвино добрался до Индии через Хормуз и Персидский залив. Затем, пробыв несколько больше года на Коромандельском берегу, Монте Корвино направился дальше морским путем вдоль берегов архипелага и достиг Китая в 1294 году, незадолго до смерти Хубилай-хана. Этим было положено начало католическим миссиям, посещавшим на протяжении полувека монгольский двор. А поскольку отдельные миссионеры направлялись в Китай или возвращались оттуда морским путем, то странам Юго-Восточной Азии стали уделять больше внимания в книгах о путешествиях.

Лучшей из них и единственно достойной серьезного отношения является книга францисканца Одорика Порденоне, который покинул Европу в 1316 году и возвратился обратно в 1330 году. От Коромандельского берега к Кантону он прошел через Суматру, Яву, Борнео и Тямпу. Его «Описание Востока», составленное после возвращения на родину, по мнению Р. Бизли, следует расценивать как «наиболее полную, яркую и занимательную картину Азии, непревзойденную ни одним монахом-путешественником того века[1]. Несмотря на многочисленные неточности, описание Порденоне до некоторой степени дополняют данные Марко Поло по Юго-Восточной Азии. По сравнению со сведениями Марко Поло его сведения о Суматре более ограниченны. Он упоминает лишь три государства и не приводит названия этого острова. Однако его «Ламори» на крайнем северо-западе Суматры, безусловно, является страной, которую Марко Поло называет «Ламбри», а его «Сумольхра», где люди клеймят лица раскаленным железом, соответствует «Самаре» венецианского путешественника, местности, по которой в конечном счете и весь остров получил свое современное название. Порденоне привели в ужас суматранские обычаи—групповой брак и каннибализм. С чрезвычайным легковерием он утверждает, будто чужеземные купцы привозят сюда детей и продают их мясникам.

Сообщение Порденоне о Яве полнее рассказа Марко Поло, хотя он и повторяет некоторые неточности, которые имеются у венецианца. Марко Поло ничего не говорит о характере правления на Яве, тогда как Порденоне пишет о великом государе, который правит семью властителями меньшего ранга и живет в великолепном дворце. Порденоне пишет, что великий хан Китая предпринимал частые походы против правителя Явы, но всегда безуспешно. Если допустить даже, что здесь имеет место преувеличение, то все равно это сообщение не так уж далеко от истины,—великий хан лично не возглавлял ни одной экспедиции, посланной против Кертанагары.

Порденоне упоминает «Патем», или «Таламасим», по-видимому, какую-то область на Борнео, расположенную неподалеку от Явы и омываемую на юге «мертвым» морем, воды которого текут только в южном направлении, так что человек, пустившийся в это море, никогда уже не возвращается. Он упоминает о саговых пальмах и процессе приготовления саго, который, однако, остался ему не вполне понятным.

Сообщение Порденоне о Тямпе[2] содержит удивительные совпадения с сообщением Марко Поло, однако Порденоне ничего не говорит о вторжениях монголов. По словам Порденоне, правитель Тямпы—многоженец и имеет 200 детей. У царя 14 тысяч прирученных слонов. К берегам Тямпы в определенное время года подходят огромные косяки рыбы, которая легко дает себя вылавливать; как говорят местные жители, «она отдает дань уважения королю». Порденоне говорит о распространении здесь обычая сати[3] и утверждает, что видел здесь огромную черепаху, размером больше купола собора Св. Антония в Падуе.

---

[1] Raymond Beazley, Dawn of Modern Geography, III, p. 253.

[2] Р. Бизли не прав, отождествляя Кохинхину с Тямпой, упоминаемой Марко Поло и Одориком. Под этой страной они подразумевали древнее царство Тямпа с центром к югу от современного Хюэ.

[3] Обычай сати заключается в том, что жена покойного бросается в костер, на котором сжигают тело ее мужа.—*Прим. ред.*

Глава о «Никуверане», то есть о Никобарских островах, полна невероятных вымыслов, тем более нелепых, что Порденоне подчеркивает, что эти острова он посетил лично. Страну «Никуверан» он описывает как большой остров, в окружности достигающий 2 тысяч миль и населенный нагими псоглавцами-каннибалами, которые поклоняются быкам.

К этой же эпохе относятся описания Юго-Восточной Азии Иордана и Иоанна Мариньолли. Иордан, книга которого называется «Чудеса Востока», отправился в 1330 году в Индию, но не был в странах, расположенных далее к востоку. Он описывает торговлю пряностями, остров «Яву» (вернее, Суматру) и Тямпу и повторяет версии, ставшие традиционными у арабских моряков. «Имеется там,—пишет он,—другой преогромнейший остров, которому название Яуа и в окружности, как я о том слышал, превышает он семь [тысяч?] миль, и на острове этом много всяких чудес. И среди этих чудес, кроме великолепнейших ароматических пряностей, есть чудо великое, а именно пигмеи ростом с трех- или четырехлетнего младенца, и все они косматы, словно козлы. А живут они в лесах и попадаются редко». На Яве, говорит Иордан, «с великим удовольствием едят белых жирных людей, если только удается их захватить». По-видимому, имеются в виду францисканские монахи.

Иоанн Мариньолли, флорентиец, который в 1342 году добрался до Китая по сухопутному пути, возвратился в декабре 1346 года на родину через Юго-Восточную Азию. Он описывает страну «Саба» (Яву или Суматру) как далекий и бесподобный остров, где живут женщины—искуснейшие мастерицы и где правят царицы из рода Семирамиды. По словам Мариньолли, царица устроила в честь его пир и одарила дарами, и он проехал на королевском слоне. Может быть, Мариньолли имеет в виду область на Суматре, населенную минангкабау? Он говорит, что на этом острове есть священная гора, с которой волхвы впервые узрели звезду, которая привела их в Вифлеем. Довольно странно, что описание своего путешествия он включил в «Богемские анналы», которые составил на латинском языке, будучи капелланом императора Священной Римской империи Карла IV. В этих анналах яркие описания, основанные на личном опыте, перемежаются с фантастическими измышлениями.

Откуда заимствованы эти неправдоподобные сведения? «Можно отметить,—пишет Г. Юл о сообщениях Иордана,—поразительные совпадения не только в приводимых данных, но даже в манере изложения, которые встречаются в трудах Иордана и других путешественников той эпохи, и особенно Марко Поло. Вначале можно подумать, что у Иордана была книга Поло. Но ведь он никак не мог иметь книги Ибн-Баттуты, а между тем и у Иордана и у арабского путешественника встречаются поразительно сходные места. Не было ли у этих почтенных древних авторов какого-то источника, из которого они черпали свои сведения, как это делают и современные путешественники? Я думаю, что такой источник у них был. Таким источником для них являлись традиционные побасенки арабских моряков, вместе с которыми странствовали европейцы. Некоторые россказни такого рода гуляли по свету со времен Птолемея (а может быть, Геродота) почти до наших дней»[1].

В 60-х годах XIV века монгольскую династию сменила династия Мин, и сношения Запада с Китаем прекратились. Следующим европейцем, который совершил путешествие в Юго-Восточную Азию, был уже не миссионер, а предприимчивый купец, выходец из знатной венецианской фамилии Николо де Конти, который странствовал на Востоке 25 лет и возвратился на родину в 1444 году. В молодости он был купцом в Дамаске. Затем он прошел через Иран, проплыл вдоль Малабарского берега, посетил некоторые области во внутренней части Индии, добрался до Цейлона, а оттуда—в Юго-Восточную Азию. Там он побывал на Суматре, Яве, в Тенассериме, Аракане и Бирме. Возможно, что он дошел до южного Китая. Он возвратился в Венецию через Красное море и Каир. По прибытии на родину Конти сообщил на исповеди, что ради спасения своей жизни он вынужден был отречься от христианской

[1] Yule Henry, Cathay and the Way Thither, Preface, p. XVIII.

веры и стать мусульманином. Папа Евгений IV отпустил этот грех с условием, однако, что Конти расскажет о своих приключениях папскому секретарю Поджо Браччолини. Последний записал рассказ Конти, которым мы благодаря этому ныне располагаем.

Конти называет Суматру «Тапробаной»—название, которым в древности европейцы обозначали Цейлон. Эта любопытная ошибка появляется и на каталонской карте 1375 года и на карте Фра Мауро 1458 года. Однако Конти указывает, что местные жители называют остров «Сцимутерой». И хотя он пробыл здесь год, его сообщения не представляют большого интереса. Конти отмечает, что главные продукты этого острова — перец, камфара и золото, что народ здесь жестокий и в некоторых местах проживают людоеды и охотники за человеческими головами.

Он описывает также остров «Андаманию», что означает «золотой остров». В окружности остров, говорит он, достигает 800 миль, населен он каннибалами, и поэтому путешественники избегают посещать эту землю. Тенассерим богат слонами, кроме того, здесь водится особая разновидность дроздов. По всей вероятности, он имеет в виду птицу мина. Из Тенассерима Конти направился в Бенгалию, где пробыл несколько месяцев. Отсюда он морским путем прибыл в Аракан, а из Аракана по суше добрался до Авы, столицы верхнебирманского царства (по пути пересек Йому и Иравади); Конти считал, что Иравади больше Ганга. В то время Ава находилась в зените своего расцвета и была главным центром бирманской культуры. Конти считал, что окружность Авы составляет 15 миль; он описал ее как благородный город. Конти рассказал о способе ловли слонов и об использовании их в битвах. Он рассказал, что правитель выезжает на белом слоне. Когда он говорит об обычае татуировать тело, об «ужасных безногих змеях толщиной с человека и длиной в шесть локтей» и о распространенном в Бирме поверье, что носорожий рог спасает от яда,—он недалек от истины.

Конти спустился по Иравади и, перейдя через несколько рек, добрался до «весьма многолюдного города Панконии»—то есть Пегу, столицы монского государства. И хотя Конти пробыл в этом городе четыре месяца, рассказывает он о нем немного. Равным образом разочаровывает его сообщение об острове Ява. Он описывает людей, которые в ярости набрасываются на каждого встречного, и говорит, что основной вид зрелищ на Яве—это петушиные бои. Яванцев он считает варварами, поскольку они употребляют в пищу собак, кошек, мышей и других нечистых животных.

В 1496 году другой итальянец, генуэзский купец Иеронимо де Санто Стефано, от Коромандельского берега направился к Бирме и дошел до страны Пегу, которую он назвал ее истинным названием. Иеронимо де Санто Стефано путешествовал как купец, заходя в различные торговые центры и совершая там всевозможные торговые сделки. Он не смог добраться до Авы, так как между двумя местными государствами шла война. Поэтому он был вынужден продать партию ценных товаров правителю Пегу, который задержал на 18 месяцев платежи. За это время умер его компаньон Иеронимо Адорно. Санто Стефано похоронил его в разрушенном сооружении, которое он принял за храм, «никем не посещаемый».

Покинув Пегу, Санто Стефано направился в Малакку, но ветры занесли его корабли на Суматру, «где в изобилии растет перец различных видов и где имеется шелк, бензойная смола, белое сандаловое дерево и много другого добра». Здесь мусульманский правитель одного приморского города, названия которого Санто Стефано не знает, отобрал у него рубины и другие ценности. Поэтому он решил, что это не то место, «где он желал бы оставаться», и морем возвратился в Камбай на западном берегу Индии.

Вскоре после Санто Стефано Юго-Восточную Азию посетил болонский путешественник Лодовико ди Вартема, который, покинув Европу в конце 1502 года, прошел через Египет, Сирию, Аравию, Иран и Индию, добрался до Юго-Восточной Азии и, пробыв на Востоке пять лет, возвратился в Лиссабон. О Вартеме известно немногое. Он обладал инстинктом географа и ненасытным

желанием путешествовать и изучать чужие земли. Вартема был первым известным в истории европейцем, который упоминал о посещении мусульманских святых мест в Аравии. Ему удалось побывать там лишь потому, что он перешел в ислам и примкнул в Дамаске к группе мамелюков.

Рассказ Лодовико ди Вартема является первым достоверным сообщением о Тенассериме, принадлежащим перу европейца (если не считать коротких заметок Конти). Он говорит, что город «Тернассари» расположен в устье реки того же названия. Здесь строят большие двухмачтовые джонки (*гиунги*) для торговли с Малаккой. Следует отметить, что эти корабли играли важную роль, ибо большая часть Малаккского полуострова принадлежала Сиаму, а морем легче и удобней совершать переходы из Индийского океана в Сиамский залив.

Вартема описывает Пегу как большой город, расположенный к западу от прекрасной реки, с «красивыми домами и дворцами, сложенными из камней, скрепленных известью», и обнесенный стеной. В момент прибытия Вартемы в Пегу государя не было в городе: он находился в походе против правителя Авы. Вернувшись, он дал гостю аудиенцию. На Вартему огромное впечатление произвели рубины, которыми были украшены царские одежды, а также вежливость короля. «Король,—пишет Вартема,—столь человечен и приветлив, что с ним может беседовать даже дитя». Вартема продал ему кораллы и приобрел взамен рубины.

Вартема был первым путешественником, который ознакомил Европу с Малаккой. Он описывает оживленную торговлю, которая велась через этот порт, и в особенности торговлю пряностями. Сюда приходит, говорит он, больше кораблей, чем в любой другой порт мира. Большинство жителей города «джаваи», то есть яванцы. Здесь немало «морских людей», которые не имеют постоянного пристанища на суше и вызывающе относятся к местным властям. Этих людей малайцы называли «оранг-лаут» (морской народ); португальцы Пиреш и Барруш окрестили их именем «селлаты» (люди пролива), а Кроуфорд[1] дал им наименование «морских цыган». Убежищем для них служили узкие проливы Джохорского архипелага[2]. Жили они тем, что давало им море и пиратский промысел. Вартема говорит, что малаккские туземцы—плохие люди, хуже всех на свете, и что чужеземцы предпочитают, будучи в Малакке, ночевать на своих кораблях во избежание гибели. Здесь можно приобрести наиболее ходкие товары — пряности и шелк.

На Суматре Вартема посетил процветающий порт Педир близ Аче. Здесь, указывает он, ежегодно 18—20 кораблей забирают перец для рынков Китая. Эта страна производит в огромном количестве шелк и много бензойной смолы. Здесь настолько развита торговля и так много купцов, что на одной из улиц города проживает 500 менял. В Педире в ходу чеканные золотые, серебряные и оловянные монеты, на одной стороне которых изображен дьявол, на другой— нечто вроде колесницы, в которую запряжены слоны. На Вартему большое впечатление произвело строгое отправление правосудия. Он отмечает, что в Педире сооружаются трехмачтовые джонки с двумя рулями. Вартема приводит любопытное сообщение о том, что туземцы весьма искусны в огневом деле (пиротехнике). Эти данные были подтверждены Кроуфордом, который указывал, что наиболее развитым малайским народам огнестрельное оружие известно было еще до того, как португальцы впервые появились на островах Малайского архипелага[3].

Вартема посетил острова Банда, родину мускатных орехов, где народ неразумен, и Молукки, где люди хуже, чем на островах Банда. Он побывал на Борнео и на «прекрасном острове Джава», разделенном на множество владений, подчиненных королю-язычнику, резиденция которого находилась

[1] Джон Кроуфорд — шотландский востоковед (1783—1868), автор работ «History of the Indian Archipelago», «Descriptive Dictionary of the Indian Islands», а также грамматики и словаря малайского языка.—*Прим. перев.*

[2] То есть архипелага Риау-Лингга.—*Прим. ред.*

[3] Crawfurd, Descriptive Dictionary of the Indian Islands, p. 23.

в глубине острова. Однако он слышал столько жутких историй о людоедах, что поспешил как можно скорее покинуть этот остров из страха быть похищенным и съеденным. Кроуфорд считает его описание Явы лживым и не заслуживающим доверия[1]. С Явы Вартема возвратился в Малакку и, пробыв там всего лишь три дня, на корабле отправился в «город Коромандель»[2].

Книга Вартемы впервые была опубликована в Риме в 1510 году. Его описания людей, стран и бытовых сцен, которые он наблюдал на Востоке, сразу же привлекли всеобщее внимание; появились переводы книги Вартемы на латинском, немецком, испанском, французском и английском языках. С Вартемой кончается век средневековых путешественников. Непосредственно за ним открывается эпоха португальских флибустьеров.

---

[1] Crawfurd, Descriptive Dictionary of the Indian Islands, p. 165—166.

[2] Баджер в комментариях к своему изданию «The Travell of Ludovico Di Varthema» (Hac. Soc., 1863) предполагает, что Вартема отправился в Негапатам.

II
ЧАСТЬ

НАЧАЛО ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ

ГЛАВА XII

ПОРТУГАЛЬЦЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

На исходе средних веков португальцы проявили себя как народ, наиболее способный возглавить стремления европейцев к расширению торговли в Индийском океане. Благодаря положению их страны на берегах Атлантики они стали нацией мореходов, способной идти на риск заокеанских плаваний. В ходе долгой борьбы с маврами они создали грозные морские силы. Они использовали на своих кораблях опытных генуэзских моряков. В деле создания больших кораблей, пригодных для дальних океанских переходов и несущих на борту множество людей, португальцы опередили другие морские державы. Главные гавани страны — Лиссабон и Опорто — имели тесные торговые сношения как со Средиземноморьем, так и с Северной Европой. Когда под водительством Васко да Гамы португальцы впервые появились в Индийском океане, они, побуждаемые горячим чувством национализма, который заставил их уничтожить ислам, уже располагали опытом целого ряда открытий.

В восточных морях они превзошли мусульман как в искусстве ведения боя, так и в кораблевождении, и их корабли были во всех отношениях совершеннее арабских, которые были построены применительно к плаванию в условиях муссонов. Как бы ни преувеличивали роль «крестоносного рвения», необходимо отметить, что еще задолго до того, как португальцы впервые обогнули мыс Доброй Надежды, экономические мотивы стали вытеснять религиозные; и по мере того как усиливались экономические и колонизаторские стремления, средневековая крестоносная идея ослабевала. В свете опыта, приобретенного в Каликуте—главном центре арабской торговли на Малабарском берегу, колоссальные барыши от торговли пряностями и желание вырвать у «мавров» торговую монополию стали определять стремления португальцев. К счастью, оказалось возможным одновременно служить и богу и маммоне: парализуя арабскую торговлю в Индийском океане, Португалия тем самым наносила удар по Оттоманской империи, бо́льшая часть доходов которой была связана с монополией на торговлю пряностями.

Преодолевая противодействие арабов и других мусульманских купцов, португальцы быстро расширили сферу своего влияния. Кочин, их первая база и центр торговли перцем, стал штаб-квартирой первого вице-короля Индии Франсишку д'Алмейды, который стремился добиться господства в торговле на Малабарском берегу и в то же время выступал против распространения португальского влияния на Красном море и Малаккском проливе, так как, по его мнению, подобная экспансия ослабила бы позиции португальцев. Преемник Алмейды Аффонсу д'Албукерки считал, однако, что подобные ограниченные цели не позволят добиться желанных успехов. По его мнению, для того чтобы обеспечить торговую гегемонию Португалии в Индийском океане, необходимо было захватить и держать в руках главные стратегические пункты и настолько развить торговлю, чтобы доходы от нее могли покрывать издержки на содержание мощной военной силы.

С захватом Гоа в 1510 году Албукерки приобрел тот центр, откуда можно было контролировать индийскую торговлю; однако мусульманские корабли

все еще продолжали закупать товары в Бенгалии, Бирме, на Суматре, на Островах пряностей, в Сиаме, в Китае и в крупном торговом центре — Малакке. Албукерки предложил остановить эту торговлю, захватив вход в Красное море и в то же время нанеся удар по главным опорным пунктам мусульманских купцов. Кроме того, поскольку Малакка под властью мусульманского правителя была основным центром распространения ислама в Индонезии, Албукерки считал, что, овладев этим городом, он выполнит обязательство, которое булла Александра VI налагала на Португалию[1]. Таким образом, завоевание Малакки в 1511 году было одним из наиболее важных составных частей обширного стратегического замысла, а не актом мести за вероломство султана, проявленное им в сделках с Диогу Лопешом ди Сикейрой в 1509 году, когда последний предпринял попытку основать факторию в Малакке. В «Малайских хрониках» отмечается, что Сикейра злоупотребил гостеприимством султана и приступил к сооружению в Малакке форта, чтобы оттуда угрожать городу. Несомненно, Сикейра был послан в Малакку с преднамеренной целью спровоцировать casus belli[2].

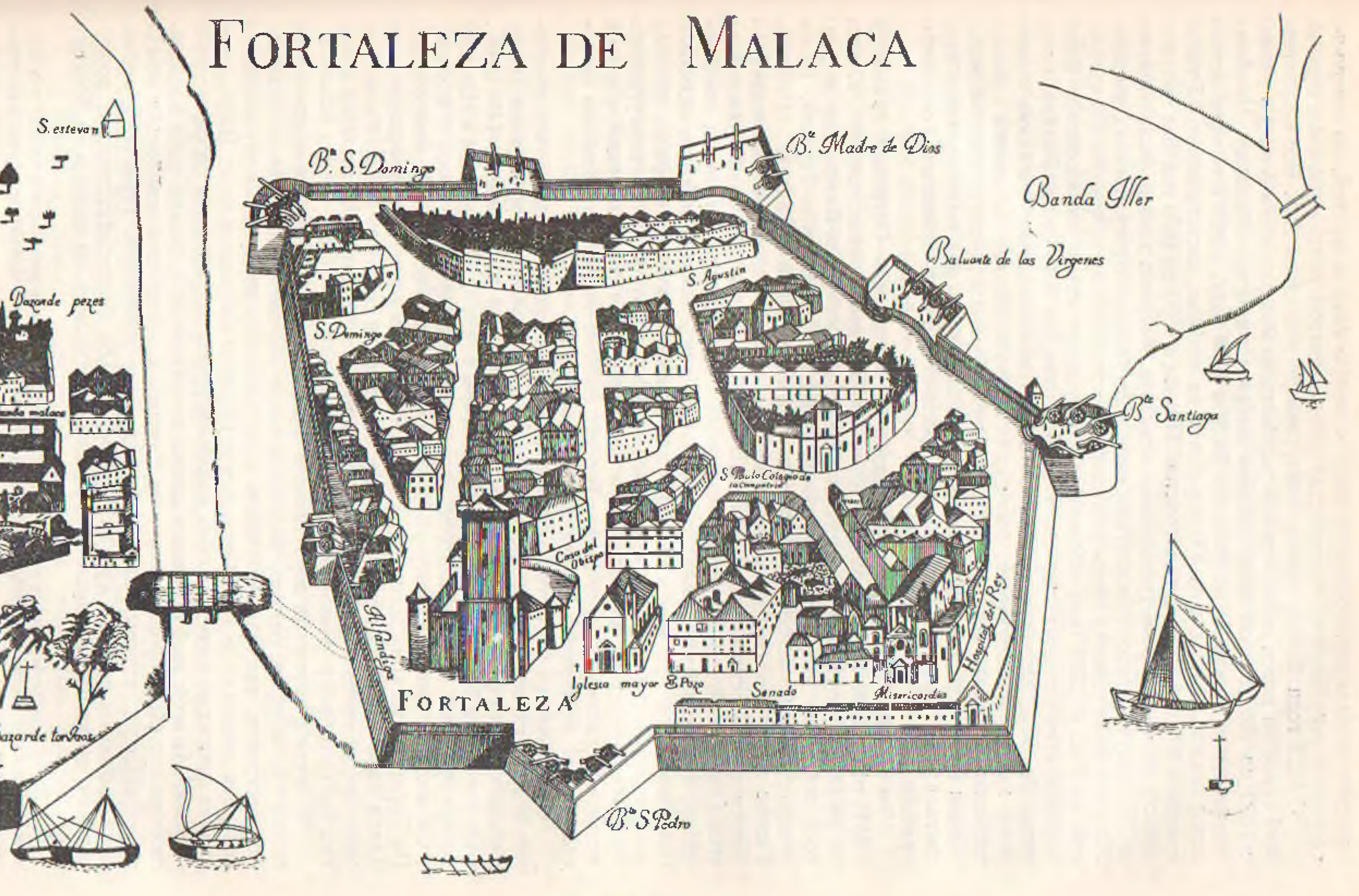
Из Малакки Албукерки направил послов в Сиам и Бирму. Дуарти Фернандиш, отправившийся в Сиам, был первым европейцем, побывавшим в Аютии. Кроме того, Албукерки отправил экспедицию на Молуккские острова. Глава этой экспедиции Антониу д'Абреу получил строгие указания: воздерживаться от грабежей и насилия и делать все возможное для установления дружественных отношений с обитателями Молуккских островов, уважая их обычаи. Тернате, Тидоре, Хальмахера и ряд более мелких островов были родиной гвоздики. На островах Банда и Амбоине основным продуктом был мускатный орех. Малакка, главный центр распределения этих пряностей, получала их через яванских купцов, которые скупали пряности непосредственно на Молукках. Пряностей было настолько много, а цены на них так низки, что португальцы ради сохранения высоких цен на эти товары в Европе должны были установить жесткую монополию и ограничить экспорт. А для этого необходимо было вытеснить яванских купцов-посредников и установить контроль над морскими путями, ведущими из Индонезии в Аравию. Главная трудность заключалась в том, что незадолго до появления португальцев на Островах пряностей население их было обращено в ислам.

Но на первых порах бо́льшую опасность для португальцев представляло положение дел в самой Малакке. Здесь они занимали оборонительные позиции. Соседние страны не были подчинены им, мусульманские султаны Индонезии относились к ним враждебно; кроме того, султан Малакки Махмуд, бежавший из города после захвата его португальцами, сделал остров Бинтанг в Сингапурском проливе своей штаб-квартирой и, используя сильный флот, стремился прервать все связи Малакки со странами Малайского архипелага. В 1517 году он перешел в наступление, утвердился на берегах реки Муар в непосредственной близости от Малакки и был изгнан оттуда только в 1520 году. В 1521 году он снова вернулся сюда с помощью войск Аче, султан которого в ту пору распространил свою власть на всю северную Суматру. Однако португальцы после двенадцатидневной упорной битвы взяли штурмом укрепления противника. В 1526 году португальцы предприняли успешное нападение на столицу султана Махмуда на острове Бинтанг. Но сын и преемник Махмуда обосновался на крайней южной оконечности материка, в Джохоре, и продолжал борьбу, нападая на португальский торговый флот. Мусульманские же купцы, чтобы не

---

[1] Речь идет о булле, (точнее буллах, поскольку их было несколько) папы Александра VI, изданной в 1493 году. Согласно этой булле, внеевропейский мир был разделен между Испанией и Португалией, причем большая часть восточного полушария оказалась в сфере влияния Португалии. Буллы Александра VI санкционировали захват и разграбление новооткрытых заморских территорий, причем в качестве мотива будущих захватов выдвигались соображения о необходимости обращения в «истинную веру» нехристианских народов. «Права Португалии» на земли Востока неоднократно подтверждались папами и в XVI веке.—*Прим. перев.*

[2] Casus belli (*лат.*)—повод к войне.—*Прим. перев.*



Португальская Малакка

заходить в Малакку, перенесли свою опорную базу в Бруней, на северо-восточном берегу Борнео. Бруней стал новым центром распространения ислама.

С 1526 года борьбу против португальцев возглавил Аче. Все возрастающий спрос на перец способствовал укреплению мощи султана Аче, и в период с 1529 по 1587 год он неоднократно пытался захватить Малакку. Наиболее решительное нападение на Малакку было в 1558 году, когда в течение месяца город осаждала армада из 300 кораблей, на которых насчитывалось 15 тысяч воинов и 400 турецких артиллеристов. Период с 1570 по 1575 год был критическим: в эти годы, кроме трехкратных атак Аче, Малакка должна была отразить (в 1574 году) чреватое опасностями нападение яванского государства Джапары. Малакка была спасена лишь благодаря своевременному прибытию подкреплений из Гоа. С 1587 года обстоятельства, однако, стали складываться более благоприятно для португальцев. Новый султан Аче Ала-уд-дин Риайят, испытывая большие затруднения в связи с вооруженными выступлениями правителей зависимых государств, был рад установить мирные отношения с португальцами. Однако, несмотря на постоянные угрозы и тревоги, которые испытывала португальская Малакка вплоть до 1587 года, она необыкновенно процветала; ее торговля продолжала расширяться и приносила огромную прибыль.

Экспедиция Абреу, которая вышла из Малакки к Островам пряностей в 1511 году, была малоуспешной. Абреу потерял два корабля (из трех), и, хотя он доставил груз гвоздики и мускатного ореха с островов Банда, ему не удалось добраться до главных островов гвоздики — Тидоре и Тернате. Более успешной была экспедиция, посланная на Молукки в 1513 году. Султаны Тидоре и Тернате снабдили португальцев большим количеством гвоздики и разрешили им основать на территории своих островов фактории. Каждый из этих властителей стоял во главе враждебных друг другу островных конфедераций, и каждый из них искал португальской поддержки. Положение еще более осложнилось с прибытием на Молукки магеллановой «Виктории», которая возвращалась домой. Вторжение испанцев в сферу влияния португальцев заставило последних изыскать меры для укрепления своих позиций, и с этой целью они заключили с султаном Тернате соглашение, по которому им предоставлялась монополия на торговлю гвоздикой.

Одновременно Португалия заявила Испании протест, указав, что появление испанских кораблей на Островах пряностей является нарушением Тордесильясского договора, заключенного между обеими державами в 1494 году. Папская булла 1493 года разграничила сферы влияния Португалии и Испании демаркационной линией, которая проходила от северного полюса к южному в 100 милях к западу и к югу от Азорских островов и островов Зеленого мыса. По Тордесильясскому договору условия эти были изменены и демаркационная линия намечена в 370 милях к западу от островов Зеленого мыса[1]. Однако не было предпринято никаких попыток демаркации соответствующих сфер влияния по ту сторону новооткрытого континента.

В связи с протестом португальцев в 1524 году была созвана конференция экспертов, которая, однако, не смогла точно определить положение Молуккских островов, так как разница в долготных определениях португальцев и испанцев доходила до 46°. В результате Испания направила через Магелланов пролив флотилию в составе семи кораблей, чтобы закрепить за собой спорные острова. Из всей этой флотилии дошел по назначению только один корабль. Экипаж его был хорошо принят на Тидоре[2], и тогда началась борьба между португальцами, которым оказывал поддержку властитель Тернате, и испанцами, которым помогал султан Тидоре. Судьба благоприятствовала португальцам, поскольку испанцы могли рассчитывать лишь на помощь из Мексики

---

[1] Здесь ошибочно дается расстояние в милях. На самом же деле и в буллах и в Тордесильясском договоре дистанции были даны в лигах (1 лига примерно равна 6 километрам).—*Прим. перев.*

[2] Речь идет об экспедиции 1525—1526 годов, во главе которой стояли Лоайса и Элькано, спутник Магеллана.—*Прим. перев.*

от Кортеса[1], а когда эта помощь не прибыла своевременно, испанцы вынуждены были вступить в соглашение со своими соперниками. В Европе португальцы также довели до конца свои планы. В 1530 году, согласно новому договору, испанцы согласились ограничить сферу своей деятельности линией, намеченной в 17° к востоку от Молукк[2]. Однако это соглашение не помешало испанцам во второй половине XVI века добраться до Филиппин и основать в 1570 году город Манилу.

В связи с португальскими экспедициями на Острова пряностей встал яванский вопрос. Обычный путь из Малакки к Молуккским островам проходил вдоль южного берега Борнео, пересекая Яванское море, шел к Гресику, гавани близ Сурабайи, а оттуда, огибая с юга Целебес, к Молуккам. Враждебное отношение яванских мусульман делало этот путь небезопасным. Поэтому португальцы предприняли попытки установить сношения с индуистскими государствами, и в 1522 году португальский корабль был послан в сундскую гавань Калапу, позже ставшую голландским портом Батавией. Раджа индуист разрешил португальцам основать форт, но когда португальцы вернулись сюда в 1527 году, то город уже был завоеван мусульманским государством Бантам и переименован в Джакарту.

Быстрое распространение ислама чрезвычайно вредило планам португальцев. На островах Банда и на Амбоине местные правители поддерживали тесные связи с мусульманскими султанами Явы. Португальцам не удалось добиться согласия на сооружение фортов на островах Банда и утвердить свою монополию на торговлю мускатным орехом. Меньшие трудности встретились на Амбоине, где ради успеха в торговле мускатным орехом португальцам пришлось завязать дружественные отношения с местными вождями. К 1535 году все северное побережье Явы стало мусульманским. Только крайний восток острова оставался индуистским[3]. В этих условиях решено было постараться обратить немусульманские народы в католичество, чтобы предотвратить дальнейшее распространение ислама. Всюду, куда уже проник ислам, католические миссии не имели никакой надежды на успех.

Миссионерская деятельность первоначально охватила те части восточной Явы, куда еще не проникла вера пророка. Но миссионеры явились слишком поздно, так как всюду, за исключением крайней восточной части Явы, которая не представляла интереса, власть индуистских правителей была уже подорвана проникновением мусульманской религии. Часть острова Амбоины еще не приняла ислама, и здесь, а также на севере Хальмахеры католические миссионеры приобрели опорные базы. Однако португальский союзник султан Тернате был врагом христианской религии, и португальцы из чисто коммерческих соображений не решались оказать поддержку католическим миссиям в борьбе с этим правителем.

Кроме того, на Молукках португальцы приобрели весьма скверную репутацию из-за своей алчности. Только один португальский наместник Антонну Гальван (1536—1540) вел себя так, что заслужил уважение и расположение местных жителей. Иезуит Франциск Хавьер[4], который посетил Амбоину в 1546 году, писал, что знакомство с португальским языком на Молукках ограничивается спряжением глагола rapio[5], причем местные жители проявляют

---

[1] Мексика была завоевана Эрнандо Кортесом в 1519—1522 годах. В 1527 году из Мексики направлена была на Молукки экспедиция Сааведры. Один из ее кораблей в марте 1528 года дошел до Тидоре.—*Прим. перев.*

[2] Этот договор был подписан не в 1530, а в 1529 году в Сарагосе.—*Прим. перев.*

[3] Термин «индуистский» имеет лишь относительное значение. Сохранившаяся здесь религия была смесью культа предков и других традиционных верований; она имела лишь индуистско-буддийскую оболочку.

[4] Франциск Хавьер (известен в литературе также под именем Ксавье) (1506—1552)—один из основателей иезуитского ордена. С 1541 года вел активную миссионерскую деятельность в Индии, в странах Малайского архипелага, в Японии и в Китае.—*Прим. перев.*

[5] Rapio (*порт.*)—одна из форм глагола rapinar—грабить, расхищать, красть.—*Прим. перев.*

«огромную изобретательность, успешно создавая новые причастия и новые временные обороты». Считалось, что Амбоина и соседние острова созрели для обращения их жителей в христианство, и, поскольку эти острова были независимы от султанов Тидоре и Тернате, а португальцы нуждались еще в одной базе на Островах пряностей, было принято решение сосредоточить здесь миссионерскую деятельность. Франциск Хавьер, который полтора года провел на «Островах господнего упования» (так называл он Молукки), нашел, что христианские общины здесь слишком уж невежественны, а народ чересчур груб, чтобы его возлюбить. Посетив все местности, где были христианские общины, он решил, что бóльший успех его миссионерская деятельность будет иметь в Китае, и возвратился в Малакку.

Фактически успех христианизации почти полностью определялся военной мощью португальцев. Множество новообращенных порывало с христианством, коль скоро им угрожали мусульмане. Хайрун, султан Тернате, стал решительным врагом португальцев, причем он был достаточно силен, чтобы открыто бросить им вызов. Он напал на христианские общины и к 1565 году полностью разрушил католическую миссию. Тогда из Гоа был послан флот, чтобы восстановить положение: на Амбоине была построена крепость, и христианская религия стала снова оживать. Но это продолжалось недолго, поскольку португальцы вскоре поссорились с Хайруном, который обвинял их в том, что они лишают его законной доли при распределении доходов от торговли пряностями. Тогда в довершение всех бед португальцы, заключив с Хайруном торжественный договор, сразу же после этого вероломно убили его (1570 год).

Результат был катастрофическим. На Тернате вспыхнуло восстание, во главе которого стал новый султан Баабулла. Почти пять лет португальская крепость на Тернате осаждалась повстанцами. Ни Гоа, ни Малакка не могли оказать необходимой помощи, и, когда в 1574 году крепость пала, христианские общины были обречены на гибель. Однако Амбоина была спасена португальским наместником Васконселушем, который сплотил туземцев-христиан и построил новую крепость. Враждебные действия Баабуллы вынудили португальцев перебраться на Тидоре, где им разрешено было в 1578 году заложить форт. Не успели они здесь утвердиться, как на Тернате появился Фрэнсис Дрейк, и мстительный Баабулла предложил ему вступить с ним в союз и нагрузил его корабли пряностями. После возвращения Дрейка из кругосветного плавания (1577—1580) в Англии усилился интерес к путешествиям прямо на Острова пряностей, и в 1586 году Кавендиш прошел с севера на юг через Макассарский и Балийский проливы.

Испанцы, обосновавшись на Филиппинах, после основания в 1570 году Манилы, также стремились расширить сферу своего влияния к югу. В момент, когда Филипп II объединил Португалию и Испанию, испанцы готовились еще раз вторгнуться на Молукки, причем их остановило от этого шага лишь запрещение Филиппа. Положение португальцев на этих островах казалось безнадежным, но в 1587 году со смертью Баабуллы и устранением угрозы Малакке со стороны Аче, наступило улучшение.

Следует отметить, что, несмотря на постоянную угрозу позициям португальцев в Малакке и на Молукках, они значительно расширили свою торговую деятельность в Юго-Восточной Азии. С 1545 года им удалось получить долю в торговле Бантама, который стал главной гаванью, снабжавшей перцем Индию и Китай; согласно подсчетам, отсюда ежегодно вывозилось до $3^1/_2$ миллионов фунтов перца. Чтобы избежать южного пути к Молуккским островам мимо восточной Явы, португальцы заключили соглашение с султаном Брунея, что дало им возможность пользоваться северным путем, ведущим через архипелаг Сулу и Целебесское море к Молуккам. Название султаната португальцы стали применять ко всему острову, и впоследствии оно в искаженной форме «Борнео» получило всеобщее распространение[1].

---

[1] Индонезийское название острова—Калимантан.—*Прим. ред.*

Следуя тем или иным путем, португальцы проходили мимо Целебеса, но они считали его не единым островом, а группой островов. Поэтому португальцы и дали этому острову название Целебес[1].

Выше отмечалось, как пала империя Маджапахит между 1513 и 1528 годами под ударами коалиции, в состав которой входили мусульманские государства Мадура, Тубан, Сурабайя и Демак. После этого самым могущественным государством Явы стал султанат Демак. Его власть распространялась на плодородные северные рисовые равнины от Джапары до Гресика, а торговля, которая велась через оба эти порта, обогащала эту державу. Через Джапару яванский рис вывозился в Малакку. Гресик успешно вел торговлю с Островами пряностей. В XVI веке возникли два новых государства — Бантам и Матарам, которым суждено быль сыграть большую роль в следующем столетии. Независимый султанат Бантам был основан в 1568 году Хасан-уд-дином. Под властью Бантама находилась вся западная часть острова, некогда входившая в состав Сунда. Росли богатства этого государства, так как оно было главным центром закупки перца, куда купцы из Индии и Китая привозили хлопчатые ткани, шелк и фарфоровые изделия.

Небольшая область Матарам, к югу от Демака, которая в давние времена была сердцем могущественного центрально-яванского государства, существовавшего до возвышения восточно-яванских государств, являлась вассальным владением султаната Паджанг, одного из государств, входивших в состав Демака. К концу XVI века второй мусульманский правитель Матарама Сута Виджайя, которому султан Паджанга пожаловал титул *сенапати* (главнокомандующего), объявил себя независимым. Он правил до 1601 года и к этому времени покорил все области во внутренней части острова от границ Бантама на западе до рубежей восточно-яванского государства Баламбанган на востоке. Матарам был по преимуществу аграрной страной со слабо развитой торговлей. В то время как торговые города на северном побережье постепенно слабели в постоянной борьбе с португальцами, обстановка благоприятствовала укреплению мощи новой империи, и ее столица сделалась центром политической, культурной и экономической жизни большей части Явы. И когда англичане и голландцы впервые появились на Яве, там уже не было прежнего грозного флота; наиболее могущественное государство Матарам было державой сухопутной. За исключением Бантама, все северные порты Явы, словно спелые вишни, были поглощены новой, быстро набирающей силы Матарамской державой.

В своих сношениях с более могущественными государствами, расположенными на Индокитайском полуострове, португальцы должны были довольствоваться ролью более скромной, чем та, которую они играли в Малакке и на Островах пряностей. Многие португальцы служили в качестве наемников в войсках различных местных властителей и нередко причиняли немало беспокойств своим хозяевам. Торговые договоры с Сиамом давали португальцам возможность вести торговлю в столице страны Аютии, в Мергуи и Тенассериме в Бенгальском заливе, в Патани и в Након-Ситаммарате на восточном берегу Малаккского полуострова. Аютия и Патани вели оживленную торговлю с Китаем, и португальские фактории в обоих этих городах процветали. Гавани Сиама были также полезны как пункты, где португальские корабли, идущие в Китай, могли найти убежище в сезон северо-западных муссонов, когда условия плавания в китайском море были неблагоприятны. Португальцы чувствовали себя здесь уверенно, пока не были изгнаны отсюда голландцами около 1630 года. Португальские миссионеры и торговцы осели также и в Камбодже; по-видимому, португальский монах был первым европейцем, которому довелось в 1570 году увидеть Великое озеро и развалины Ангкора.

В Бирме и Аракане больше выделялись португальские наемники и авантюристы, чем миссионеры и купцы. Так, португалец Диогу Соариш

[1] Целебес (Celebes) — множественное число от Целебе (Celebe). Индонезийское название острова Сулавеси. — *Прим. перев.*

ди Меллу играл большую роль во время войн Табиншветхи и Байиннаунга и помог последнему овладеть в 1551 году короной. В Сиаме португальцы не осмелились захватить какие бы то ни было территории, ибо король Сиама был достаточно силен. До конца XVI века так же обстояло дело и в Бирме. Однако в 1599 году, когда Пегу был захвачен и мятежный принц из Таунгу и король Аракана разделили между собой добычу, а страна была опустошена сиамскими захватчиками, некий Филипп де Бриту, португальский наемник, служивший в араканских войсках, овладел главной гаванью—Сириамом и предпринял попытку покорить Нижнюю Бирму. Пробыв у власти четырнадцать лет, этот авантюрист, однако, пал в борьбе с вновь усилившимся государством, управляемым преемниками Байиннаунга.

Примерно в это же время другой предводитель наемников Гонзалвиш Тибан из Дианги объявил себя «королем» острова Сандвип, лежащего против восточного рукава дельты Ганга, и продержался здесь с 1609 по 1617 год. В 1615 году, получив помощь из Гоа, он отважился даже совершить нападение на Мрохаунг, столицу Аракана, но был отброшен. С середины XVI века многочисленные португальские флибустьеры стали селиться в Дианге близ Читтагонга, который тогда был владением Аракана. Португальцы превратили это место в крупный центр пиратского промысла. Отсюда они подымались вверх по рукавам Сундербунда и захватывали тысячи рабов, которых затем продавали королю Аракана. Их бесчинства продолжались вплоть до 1666 года, когда наместник Великих Моголов в Бенгалии Шаиста-хан разорил это пиратское гнездо и присоединил область Читтагонга к империи Аурангзеба.

Упадок португальского могущества на Востоке наметился довольно рано, хотя благодаря тому, что португальцы упорно удерживали Малакку, в Юго-Восточной Азии признаки этого упадка не были столь очевидными до тех пор, пока здесь не появились их конкуренты по торговле пряностями—англичане и голландцы. Клиффорд характеризовал португальцев как банду добытчиков, которая устремилась в Азию, движимая страстью к открытому разбою[1]. Их религиозное рвение скорее стимулировало, чем сдерживало жестокость и своенравие по отношению к мусульманским народам. Даже португальские историки со стыдом пишут о злодеяниях, совершенных их соотечественниками на Молукках, где туземцы доведены были до необходимости вооруженной борьбы, чтобы положить конец бесчестным торговым приемам португальцев. И хотя число монахов и священников умножалось в португальских владениях, они были неудачливыми миссионерами из-за бесчинств, чинимых купцами и флибустьерами[2]. Эти бесчинства явились основной темой книги Мендиша Пинту[3] «Странствования», в которой, несмотря на весьма сомнительную достоверность в описаниях деталей, дается истинная картина деятельности португальцев в середине XVI века. Кроме того, на военные и религиозные предприятия португальцы затратили больше того, что могли принести им барыши от их торговой деятельности.

«Посмотрите на португальцев,—писал в 1613 году Томас Рой, английский посол при дворе Великого Могола,—несмотря на свои великолепные поселения, они доведены до нищеты расходами на содержание армии; и все же их гарнизоны весьма посредственны». Политика Албукерки, направленная на строительство крепостей и покорение местных властителей, рассматривается как одна из главных причин упадка мощи португальцев. Они были в большей степени завоевателями, чем купцами, и, когда к середине XVI века стала проявляться

---

[1] Hugh, Clifford Futher India, London, 1904, p. 48.

[2] Сами миссионеры совершали не меньшие бесчинства. Скандальное поведение иезуитских миссионеров, костры инквизиции в Гоа, варварское уничтожение памятников культуры народов Востока — таковы были отличительные черты деятельности этих рясоносных колонизаторов.—*Прим. ред.*

[3] Фернан Мендиш Пинту (1509—1583)—португальский авантюрист и путешественник, который в 40-х и 50-х годах XVI века посетил ряд стран Южной и Восточной Азии. Его записки «Странствования Фернана Мендиша Пинту» опубликованы были в Лиссабоне в 1614 году и переведены почти на все западноевропейские языки. —*Прим. перев.*

внутренняя дезорганизация, пала дисциплина, началось общее разложение. Среди португальцев было множество «потенциальных» Бриту и Тибанов, жаждущих разбогатеть и возвратиться на родину, когда представится случай.

Объединение Испании и Португалии, если оно и не было основной причиной упадка, имело серьезные последствия для португальцев, поскольку враги Испании стали их собственными врагами, и атаки этих врагов были поддержаны народами Азии и местными правителями, которые на своем горьком опыте научились презирать и ненавидеть португальцев. Следует также помнить, что англичане и голландцы за столетие, предшествовавшее их появлению на Востоке, столь успешно развили свои морские силы, что в морских битвах с португальцами они превзошли их в тактике боевых операций и в навигационном искусстве. Но факт остается фактом, несмотря на все признаки умирания португальской империи в конце XVI века, она, подобно Карлу II, считала несвоевременным покончить счеты с жизнью.

ГЛАВА XIII

БИРМА И ТАЙСКИЕ КОРОЛЕВСТВА В XVI ВЕКЕ

а) до 1570 года

Три года спустя после основания Аютии (1350) в районах верховья Меконга возникло другое тайское королевство, которое позже стало известно под названием Лаос, или Луан-Прабанг. Оно появилось в результате союза ряда мелких лаосских государств, возглавляемых правителем государства Мыонг Шва — Фа Нгуном, который вырос при дворе Ангкора и был женат на кхмерской принцессе. Происхождение лаосских государств на Меконге неясно и легендарно. Таи, видимо, осели здесь во второй половине XIII века и вначале находились под сюзеренитетом Ангкора, а позже Сукотаи. Благодаря этому они вошли в соприкосновение с индийской культурой. При Фа Нгуне они были обращены в буддизм хинаянского толка. Тесть Фа Нгуна прислал к нему миссию монахов, которые привезли с собой священные тексты на языке пали и знаменитую статую Будды, называемую Прабанг, задолго перед этим присланную правителем Цейлона в подарок Камбодже. Она была установлена в столице Фа Нгуна —Лан-Чанге, в специально построенном храме, и позже сам город стал называться именем этой статуи.

Благодаря своей военной доблести Фа Нгун получил прозвище «завоевателя». Королевство, которое он завоевал и объединил, простиралось от границ Сипсон Панна вдоль долины Меконга до северных пределов Камбоджи. На западе оно граничило с тайскими государствами Чиенгмаем, Сукотаи и Аютией, а на востоке его соседями были Аннам и Тямпа. Хотя и редко населенное, это королевство было одним из крупнейших государств Индокитая. Правление Фа Нгуна было периодом постоянных войн и агрессий, которые ощущали на себе как Аннам, так и Аютия. Но для миролюбивых и беспечных подданных Фа Нгуна его автократическое правление и вызванное войнами истощение становились все более тягостными, и в конце концов в 1373 году министры изгнали его; на его место был посажен его семнадцатилетний сын Оун Хюен.

Пайа Сам Сене Таи, как его величают в официальных хрониках, получил свой титул—«Господин 300 тысяч таи»—благодаря переписи мужского населения, которую он провел в 1376 году. Его правление было периодом консолидации страны и усовершенствования управления. Он был женат на принцессе из Аютии, и на организации управления королевством сказывалось сильное влияние сиамских методов. Кроме того, он строил храмы и основал монашеские школы для изучения буддизма. Лан-Чанг был выгодно расположен с экономической точки зрения: он имел удобные пути сообщения как с Аннамом, так и с Сиамом. Поэтому вскоре этот город стал важным центром торговли, причем его гуммилак и бензойная смола пользовались большим спросом у сиамцев.

Благополучие государства зависело от поддержания добрых отношений с его двумя сильными соседями. Но во второй половине XV века Лан-Чанг чуть было не оказался разрушенным войсками Аннама. Случилось это в результате инцидента, возникшего в период правления Лан-Кам-Денга (1416—1428). В 1421 году, когда в Аннам вторглись китайцы, он предложил вьетнамцам помощь, но высланные им войска перешли на сторону китайцев и в конечном счете были изгнаны разгневанными вьетнамцами обратно в Лан-Чанг. В после-

дующий период вьетнамцы были слишком заняты войной с Тямпой и не могли отомстить. Но, как только в 1471 году Ле-тхань-Тон завершил покорение Тямпы, он стал готовиться к нападению на Лан-Чанг. Свой удар Ле-тхань-Тон нанес в 1478 году; он штурмовал город, заставив короля Пайа Сан Тиакапата (1438—1479) бежать. Однако его успех был кратковременным. Сын бежавшего короля Тене Кам собрал лаосские войска и изгнал вьетнамцев. Затем он унаследовал трон и поставил своей целью восстановить благополучие своей страны, улучшив отношения с восточным соседом.

Борьба с Аннамом сменилась длительным мирным периодом, в течение которого королевство процветало благодаря развитию тесных торговых связей с городами долины Менама. Король Потисарат (1520—1547), воздвигнувший храм Визон, был преданным буддистом и безуспешно стремился подавить распространенные в народе анимизм и колдовство. Это был первый лаосский король, основавший свою резиденцию в городе Вьен-Чанг (Вьентян), который, будучи расположен намного ниже по течению Меконга, находился в центре вытянутой территории королевства и занимал более выгодные позиции для торговли с Сиамом[1] и Аннамом, чем Лан-Чанг.

Период относительного спокойствия закончился в 1545 году, когда Потисарат, не удержавшись, вмешался в острый спор из-за престолонаследия в беспокойном королевстве Чиенгмай. В 1538 году король Мыанг Кеса—пятнадцатый по счету со времени образования государства—был смещен своим сыном Таи Саи Камом. Но плохое управление Таи Саи Кама и его жестокость привели к тому, что в 1543 году он был убит, а вместе с ним прекратилась мужская линия династии. После этого, ссылаясь на родословную своей матери, чиенгмайской принцессы, на трон Чиенгмая стал претендовать Потисарат. Он выслал большое войско, которое быстро расправилось со всеми его соперниками, претендовавшими на трон, и добился присылки к нему миссии с предложением принять чиенгмайскую корону. Потисарат согласился принять ее для своего сына — двенадцатилетнего Сеттатирата. Ожидая его прибытия, вельможи Чиенгмая собрались и назначили регентом принцессу Махатеви.

Известие о восшествии на трон Чиенгмая Сеттатирата вызвало выступление сиамской армии во главе с самим королем Прачаем. Очевидно, предлогом для вмешательства было наказание убийцы Мыанг Кеса. Но, так как он был уже наказан до прибытия Прачая, а истинные цели Аютии были хорошо известны и их осуществление, по-видимому, должно было натолкнуться на решительное сопротивление, принцесса Махатеви, женщина огромных способностей в деле государственного управления, уговорила его возвратиться домой. В 1547 году король Потисарат погиб в результате несчастного случая на охоте, и Сеттатират был вынужден возвратиться в Лан-Чанг, чтобы предотвратить попытку своих младших братьев разделить королевство. Как только он отбыл, появилось много претендентов на трон Чиенгмая, и королевство снова было оккупировано войсками короля Прачая. На этот раз принцесса Махатеви оказала сопротивление. Войска Аютии были отброшены от стен Чиенгмая. Во время отступления преследующая их лаосская армия в ходе сражений нанесла им ряд поражений, и сиамцы были полностью разгромлены.

Эта кампания ярко описана Фернано Мендес Пинто, который заявляет, что он сопровождал армию Прачая. Он рассказывает также, что по возвращении домой король Прачая был отравлен Тао Сри Суда Чан, одной из его четырех старших жен, не носивших королевского сана. Она была беременна от любовника, с которым сошлась во время отсутствия короля, занятого военными делами. Королем стал ее девятилетний сын; однако вскоре она и его устранила со своего пути. Затем, вырезав своих противников, она возвела на трон любовника. Но два месяца спустя они оба были убиты во время королевского пира.

Пинто не мог сопровождать армию Прачая, так как он повествует об этой кампании как о победоносной войне против вторгшихся войск Чиенгмая.

[1] Имеется в виду Аютия. И в дальнейшем (как, впрочем, и выше) автор часто, говоря об Аютии, называет ее Сиам, а ее жителей—сиамцами.—*Прим. ред.*

Его рассказ, очевидно, является смесью различных историй, собранных, возможно, среди португальских наемников, которые служили в сиамской армии. Его рассказ о государственном перевороте Тао Сри Суда Чан ближе к действительности, хотя, согласно сиамской версии, принятой Вудом[1], принцесса Махатеви и ее любовник были убиты в королевской ладье по пути на охоту на слонов. Приводимые Пинто даты не совпадают с тем, что известно об этих событиях. Однако, как бы там ни было, сиамские источники этого периода настолько противоречивы и неясны, что почти невозможно проверить достоверность приводимых им подробностей.

Организаторы заговора посадили на трон младшего брата Прачая принца Тиена, дав ему титул Махачакрапат. Вуд относит это событие к 1549 году[2], однако есть веские основания датировать его годом раньше, так как это соответствовало бы указанной в бирманских хрониках[3] дате вторжения Табиншветхи в Сиам, которое произошло в конце того года, когда на престол взошел Махачакрапат; поэтому бирманские источники того периода более надежны в отношении дат, чем сиамские.

Табиншветхи (1531—1550) из династии Таунгу, о возвышении которой было рассказано в главе VI (параграф *в*) поставил себе целью вновь объединить всю Бирму под управлением одного правителя. Первым шагом Табиншветхи, который был наполовину подготовлен его отцом и осуществить который ему помешала смерть, было завоевание более богатого и развитого королевства Пегу. В королевстве Ава царил такой хаос после завоевания его столицы шанами в 1527 году, что он рискнул оставить свой тыл незащищенным, сконцентрировав войска на южном направлении. В результате первого похода в 1535 году он овладел дельтой реки Иравади и ее главным городом Бассейн. Однако оборона Пегу была хорошо организована, и город пал только в 1539 году после четырех лет сопротивления, и то лишь в результате военной хитрости врага. Монский король Такаюпи бежал на север в Проме, где наступление Табиншветхи было остановлено с помощью подкрепления, посланного из Авы ее шанским правителем.

Когда Такаюпи умер, многие монские вожди принесли вассальную присягу бирманскому королю, видя в нем единственного предводителя, способного обеспечить их землям устойчивое управление. К тому же он благоразумно проявлял уважение к их обычаям и институтам и обращался с монами так же, как и со своими подданными — бирманцами. В 1541 году с помощью армии, усиленной монскими рекрутами и отрядом португальских наемников во главе с Хоаном Карейро, он захватил порт Мартабан. Город оказал упорное сопротивление, но в конце концов был взят штурмом и безжалостно разграблен. Пинто и на сей раз заявляет, будто он был очевидцем этих событий; он дает красочное описание страшной резни, учиненной захватчиками.

Город Моулмейн, опасаясь, что его постигнет судьба Мартабана, капитулировал, и все монское королевство, вплоть до сиамской границы близ Тавоя, оказалось в руках бирманцев. После этого в качестве благодарственной жертвы в честь победы Табиншветхи поставил новые шпили на главных монских пагодах. Наиболее широко известной из них, Шве Дагон, был поднесен особый дар—10 висс (35,6 английских фунтов) чистого золота.

В следующем году после пятимесячной осады был взят измором и подчинен Проме, причем с ним поступили так же жестоко, как и с Мартабаном. Захват Проме открыл дорогу в центральную Бирму. Однако, прежде чем Табиншветхи собрался предпринять наступление в центральную Бирму, ему пришлось выдержать мощное контрнаступление, предпринятое против Проме монским правителем Авы совместно с вождями (собва) шести шанских государств. С помощью своих канониров-португальцев Табиншветхи выиграл

---

[1] Wood, History of Siam, p. 111.

[2] Wood, op. cit., p. 112.

[3] Это утверждает Фэйр в своей «Истории Бирмы» (Phayre, History of Burma, p. 100). Однако Харви придерживается другого мнения (Harvey, History of Burma, p. 343).

решающее сражение, за которым последовала оккупация всей страны, вплоть до районов Минбу и Мьинджан. В Пагане он был коронован по древнему обычаю. Однако Табиншветхи не стал наступать на Аву. Он возвратился на юг и в 1546 году устроил вторую коронацию в Пегу, использовав как бирманский, так и монский обряды.

Ни Таунгу, ни Пагану не суждено было стать его столицей. Выбор Табиншветхи пал на Пегу—город, исторически связанный с монами. Часто необоснованно пытаются объяснить этот выбор симпатиями Табиншветхи к монам. Он действительно делал все возможное, чтобы успокоить монов, даже перенял их прическу. Но симпатизирующий монам король едва ли мог допустить жестокости, совершенные в Мартабане и Проме. Настоящей причиной было, по-видимому, то, что он замышлял наступление на Аютию и хотел сделать монское государство своей базой. Он мечтал стать Чакравартином—завоевателем мира, о котором говорится в буддийском мифе о белом слоне. У сиамского короля было много этих ценных животных, и Табиншветхи решил завладеть ими.

Однако в действительности первым крупным мероприятием Табиншветхи после коронации было вторжение в Аракан. Этот шаг, видимо, не являлся частью какого-то обширного плана, а был вызван благоприятными обстоятельствами. При его дворе появился недовольный араканский принц, который обещал стать его вассалом, если он поможет ему занять трон Мрохаунга. Однако городские укрепления оказались не по силам Табиншветхи, и он был рад предлогу отменить экспедицию. Таким предлогом явилось известие о набеге сиамцев на район Тавоя. Но, как правильно указывает Вуд, насильственные перевороты, происходившие при дворе Аютии, убедили его в том, что настало время для вторжения. Он провел большую подготовку, и армия, которую он двинул в Сиам в 1548 году после окончания периода влажных муссонов, была действительно огромна. Тем не менее она не смогла сломить оборону Аютии и при возвращении домой чуть не понесла поражение в результате непрерывных нападений сиамцев.

После двух крупных неудач Табиншветхи, несмотря на свои 36 лет, морально был совершенно подавлен. Он предался разврату, и управление делами перешло к другим. Моны, на долю которых пришелся главный удар во время его войн, подняли восстание под руководством Смимтхо[1]—одного из младших принцев прежней династии. В то время как шурин Табиншветхи—его alter ego[2] —Байиннаунг находился вне столицы, занятый подавлением восстания, другой член монской королевской семьи Смимсотху[3] организовал убийство короля (1550). Пегу с радостью открыл перед ним свои ворота. В течение некоторого времени королевство Табиншветхи находилось в состоянии безнадежного хаоса. Один из монских вождей правил в качестве короля в Пегу. Второй—собирал войско в Мартабане. В то же время бирманские правители Таунгу и Проме отказались признать власть Байиннаунга, который намеревался стать наследником убитого короля.

Однако Смимтхо прежде всего направился в Пегу и уничтожил своего соперника Смимсотху. Байиннаунг захватил Таунгу и был коронован. Затем он решил обеспечить контроль над центральной Бирмой вплоть до Пагана на севере. Он подумывал об осуществлении нападения на Аву, но решил сначала вновь завоевать монское королевство. В 1551 году с помощью смешанных войск, состоявших из бирманцев, монов и отряда португальцев во главе с Диего Суарец де Мелло, он нанес поражение Смимтхо в сражении, развернувшемся у стен Пегу. После этого сопротивление монов было сломлено повсеместно. Самого Смимтхо преследовали по всей дельте; ему удалось бежать в открытой лодке в Мартабан. Однако в конце концов он был схвачен в горах близ Ситаунга и предан жестокой казни. Его героическая борьба завоевала симпатии народа, и до сих пор среди местного населения все еще живут легенды о нем.

---

[1] По-бирмански Тамейнтхо.—*Прим. ред.*
[2] Alter ego (*лат.*)—второе я.—*Прим. ред.*
[3] По-бирмански Тамейнсотху.—*Прим. ред.*

Байиннаунг был коронован в Пегу с величайшими церемониями. Он начал строить для себя и своего двора величественный город-дворец. Его следующее военное предприятие — покорение северной Бирмы и шанских государств — было куда более честолюбивым, чем два похода, в результате которых он восстановил королевство, созданное Табиншветхи. В 1553 году он послал вверх по Иравади армию для разведки, но ее продвижение заставило шанских правителей забыть о своих междоусобных ссорах и объединиться перед лицом угрозы вторжения. Поэтому он собрал по возможности самые крупные силы и в конце 1554 года предпринял наступление на Аву двумя фронтами—из Таунгу и Пагана. В марте 1555 года город пал и Байиннаунг, продолжая наступление, захватил Банджи в округе Монъюа и Мьеду в округе Швебо, на которые в те времена власть правителей Авы не распространялась.

На очереди были шанские государства. В 1556 году, ведя наступление на Чиенгмай, он попутно покорил Сипо и Моне. В то время в Чиенгмае правил шанский принц, по имени Мекути, которого местные вожди признали королем, после того как Сеттатират, захвативший трон Луан-Прабанга, отказался возвратиться в Чиенгмай. Мекути сдался без сопротивления, принес присягу верности Байиннаунгу и согласился платить ежегодную дань слонами, лошадьми, а также шелком и другими продуктами своей страны. Этот поход оказал сильное воздействие на шанских правителей пограничных государств, расположенных между Бирмой и Китаем; все поспешили принести феодальную присягу новому завоевателю.

Однако, как только бирманская армия покинула Чиенгмай, в него вошли войска из Луан-Прабанга. В 1558 году они нанесли поражение Мекути и лишили бы его трона, если бы вновь не появился Байиннаунг, который вытеснил их из Чиенгмая. Затем он объявил о низложении Сеттатирата с трона Луан-Прабанга. В ответ Сеттатират создал крупную коалицию шанских государств и выступил на Чиенгсен во главе объединенных сил. Однако Байиннаунг оккупировал территорию союзников Сеттатирата и вынудил его отступить, в результате чего конфедерация распалась (1559 год).

В следующем году Байиннаунг возвратился в Пегу, и Сеттатират, воспользовавшись передышкой, заключил официальный союз с Аютией. В 1563 году в целях поддержания более тесного контакта с сиамцами и предотвращения внезапного нападения бирманцев, он перевел свою столицу в Вьен-Чанг и сильно укрепил этот город. Кроме того, он построил там святилище для знаменитого «Изумрудного Будды» (Пра Кео), которого он вывез из Чиенгмая, возвращаясь в Луан-Прабанг после смерти отца. Величайшим архитектурным произведением периода его правления в новой столице было сооружение пирамидальной формы, известное под названием Тат Луонг, которое в настоящее время является самым прекрасным образцом лаосской архитектуры, несмотря на то, что оно было сильно повреждено в 1873 году разбойниками из Юньнани.

Установлением Байиннаунгом сюзеренитета над шанскими государствами была начата новая глава в истории Бирмы. Это было неизбежным результатом успешного сопротивления бирманцев попыткам шанов установить господство над Бирмой, которые стали предприниматься после падения Пагана в 1287 году и привели к разрушению Авского королевства. С тех пор уже не могло быть речи о восстановлении господства шанов над Верхней Бирмой; положение бесповоротно изменилось.

Господство в Чиенгмае сторонника бирманцев имело большее значение, ибо намного облегчало осуществление нападения на Аютию. А самой заветной мечтой Байиннаунга было покорить это наиболее сильное из всех тайских государств. Союз Сеттатирата с королем Чакрапатом и быстрое восстановление Сиама после нашествия Табиншветхи ускорили принятие им решения выступить как можно скорее. Его требование о выдаче ему белых слонов и последовавший отказ Чакрапата, часто выдвигавшиеся в качестве причины этой войны, следует, несомненно, рассматривать лишь как формальность, предшествующую началу военных действий, подобно тому как в средневековой Европе торжественно бросали перчатку, вызывая на поединок.

Вторжение началось после окончания сезона влажных муссонов в 1563 году. Бирманские войска пересекли долину Ситтанга и вступили в Чиенгмай. Затем они проследовали через Кампенгпет и Сукотаи в Аютию, которая после слабого сопротивления капитулировала в феврале 1564 года. Король и большинство членов его семьи были вывезены в Бирму в качестве заложников, а сын Чакрапата был оставлен вассальным правителем под контролем бирманского гарнизона. Покорив Аютию, Байиннаунг стал думать о карательной экспедиции против короля Чиенгмая, поведение которого во время прохождения бирманских войск через его страну не понравилось Байиннаунгу. Однако пришло известие о крупном восстании монов, и он вынужден был поспешить в Пегу, передав своему сыну—престолонаследнику—командование войсками, выступившими против Чиенгмая.

Прибыв в Пегу, Байиннаунг обнаружил, что восставшие с помощью шанских и сиамских пленных, поселившихся по соседству, сожгли Пегу вместе с его собственным дворцом и даже некоторыми древними зданиями, сохранившимися еще со времен правления Дхаммазеди. С характерной для него энергией он подавил восстание, окружил мятежников, и только вмешательство буддистского духовенства удержало его от того, чтобы сжечь несколько тысяч повстанцев в громадных бамбуковых клетках. Он сразу принялся за строительство нового дворцового города, еще более прекрасного, чем тот, который был уничтожен. Венецианец Цезарь Фредерик и англичанин Ральф Фитч, видевшие дворцовый город во всем его великолепии, писали о том, как их удивили его размеры и богатство. Они писали, что в некоторых частях города крыши были покрыты золотыми листами.

Тем временем войска престолонаследника, шедшие на Чиенгмай, натолкнулись на всеобщее сопротивление; король Мекути бежал во Вьен-Чанг. Поэтому бирманцы вторглись в королевство Луан-Прабанг и готовились к наступлению на столицу Сеттатирата. Когда их флотилия появилась перед Вьен-Чангом, король бежал. Бирманцы заняли город, захватили королеву и *упахата* (престолонаследника), а также беглого Мекути. Но когда они попытались преследовать Сеттатирата, его тактика изматывания оказалась им не под силу, и они вынуждены были отказаться от своей попытки. В октябре 1565 года бирманцы возвратились в Бирму с пленниками. Мекути был подвергнут строгому тюремному заключению в Пегу, а принцесса Махатеви во второй раз была назначена регентшей в Чиенгмае, но на этот раз под контролем бирманского гарнизона.

В Сиаме принц Махин, которого Байиннаунг назначил регентом, правил под контролем пробирмански настроенного раджи Питсанулока. Успешное сопротивление, оказанное Сеттатиратом бирманцам, заставило Махина обратиться к нему за помощью, чтобы сбросить иго Байиннаунга. В 1566 году они оба напали на Питсанулок, однако прибытие бирманской армии вынудило их отказаться от своих планов. В надежде предотвратить дальнейшие беспорядки Байиннаунг в следующем году разрешил плененному королю Чакрапату, ушедшему в монахи, возвратиться в Сиам в качестве паломника. Однако последний злоупотребил его великодушием: прибыв на родину, он сбросил с себя желтое одеяние монаха и присоединился к принцу Махину, начавшему новое нападение на Питсанулок.

Поэтому Байиннаунг вынужден был начать вторичное вторжение в Аютию. В 1568 году он выступил из Мартабана, направился на Питсанулок и освободил его. Затем он пошел на Аютию. На этот раз столица оказала ему отчаянное сопротивление и отбила все его попытки взять город штурмом. Сеттатират послал отряд на помощь своему союзнику, но бирманцы устроили ему засаду и обратили в бегство. Осада длилась до августа 1569 года, когда город пал в результате предательства. Король Чакрапат умер во время осады. Принц Махин скончался, когда его везли в плен в Пегу. В качестве очередного вассального правителя Аютии был посажен пробирмански настроенный раджа Питсанулока Махатаммарача, и Байиннаунг приготовился повести свою победоносную армию, чтобы наказать короля Вьен-Чанга. Он отдал Аютию на

разграбление своим людям. Оборонительные сооружения города были разрушены, и огромное число населения угнано в Нижнюю Бирму.

Второй раз бирманское вторжение в Лаосское королевство закончилось провалом. Вьен-Чанг сорвал все попытки Байиннаунга захватить город, и в апреле 1570 года он поспешно отступил с изможденными от голода и болезней войсками, чтобы успеть добраться домой до начала сезона влажных муссонов. Но Сиам еще пятнадцать лет оставался под владычеством бирманцев. Одним из интересных последствий этого было принятие Сиамом бирманского летосчисления, которое начинается с 638 года н. э. Это летосчисление называлось «Чула Сакарат»; в отличие от отмененного «Маха Сакарат», начинавшегося с 78 года н. э., «Чула Сакарат» оставалось официальным летосчислением вплоть до 1887 года, когда Чулалонгкорн принял европейский календарь. Согласно Вуду, в том же году был введен и включен в сиамское право бирманский *дхамматa*, основанный на законах Ману.

б) С 1570 до 1599 года

Карьера Байиннаунга была удачно охарактеризована как «величайшее проявление человеческой энергии, когда-либо имевшее место в Бирме». Венецианец Цезарь Фредерик, посетивший его столицу в 1569 году, писал: «Король Пегу не имеет никаких военно-морских сил, но по людским ресурсам, масштабу своих владений, количеству золота и серебра он далеко превосходит богатство и мощь Великой Турции». Простое перечисление событий его правления, а именно список походов, показывает, что он постоянно спешил то в одном, то в другом направлении, стремясь установить свою власть.

Имеется, однако, другая сторона его истории, хотя она и менее важна. Как это ни кажется странным для человека, ответственного за столь многочисленные кровопролития, но он стремился быть образцовым буддистским королем: он строил пагоды, где бы ни появлялся, распространял священное писание на языке пали, кормил монахов и содействовал сбору и изучению *дхамматы*. Дорогие подношения, сделанные им пагодам в Пегу после возвращения в 1570 году из Вьен-Чанга, оставляют впечатление актов искупления за вину в связи с гибелью многих тысяч человеческих жизней. Возможно, он оправдывался теми же словами, которые два столетия спустя произнес король Наунгдоджи, отвергая требование англичан о компенсации за резню на о. Негрэ (1759): жертвам, сказал он, такая смерть была уготована судьбой.

Однако, не испытывая большой жалости при убийстве людей, Байиннаунг был ревностным противником жертвоприношений животных, как, например, закалывания мусульманами коз в дни праздника Бакра или приношения белых животных духу Махагири на горе Попа. Он запретил эти обычаи, равно как и убийства рабов и закалывание слонов и лошадей при смерти того или иного шанского собвы для погребения вместе с его телом.

В своем рвении утвердить за собой во всем Индокитае репутацию короля буддиста он несколько раз посылал приношения знаменитому храму Зуба Будды в Канди (Цейлон), поставлял для него свечи, мастеров для украшения здания и венички для храма, сделанные из его волос и волос его главной королевы. В 1560 году вице-король Гоа Дон Константино де Браганца возглавил экспедицию, направлявшуюся для наказания раджи Джафны за преследование населения, обращенного в католическую веру св. Фрэнсисом Ксавье. Во время грабежа местности зуб, который считался тем самым, что был в Канди, был захвачен и вывезен в Гоа. Байиннаунг направил туда послов, предлагая за зуб большую сумму денег. Но вмешался архиепископ и передал дело инквизиции, которая постановила уничтожить его как опасного идола. Приговор был приведен в исполнение в присутствии множества людей, среди которых находились обескураженные бирманские послы.

Несколько лет спустя Байиннаунг попросил у Дхармапалы, раджи Коломбо, руки его дочери. Не имея дочери, но стремясь угодить королю, Дхармапала представил ему в качестве своей дочери дочь одного из своих прибли-

женных. Кроме того, он послал с невестой зуб, который, как он утверждал, был настоящим зубом Будды. Раджа Джафны, сказал он, подсунул вице-королю Гоа зуб обезьяны. Как «принцесса», так и зуб были приняты в Бирме с высочайшими почестями, а раджа Коломбо получил такой щедрый подарок, что король Канди в свою очередь предложил принцессу и зуб, причем и то и другое, как утверждал он, было настоящим. Но он тщетно пытался доказывать, что подлинный зуб никогда не покидал его храм в Канди и что у раджи Коломбо не было дочери. Байиннаунг был достаточно умен, чтобы усомниться в подлинности даров раджи. Зуб он поместил в драгоценную шкатулку под пагодой Махазеди.

В 1571 году скончался Сеттатират, король Вьен-Чанга, правитель, который так и не покорился королю королей. Его брат упахат с 1565 года находился заложником в Бирме, и Байиннаунг направил послов во Вьен-Чанг для переговоров о возвращении его туда в качестве вассального правителя. Но у лаосцев были свежи в памяти горькие воспоминания о бирманских вторжениях, и они убили послов. Чтобы отомстить им, Байиннаунг послал на Вьен-Чанг своего военачальника мона Бинья Дала во главе армии, составленной из рекрутов, набранных в Чиенгмае и Сиаме. Армия была разбита, и Байиннаунг не то казнил своего генерала, не то отправил его в ссылку, где он вскоре умер. Затем во время сухого сезона 1574/75 года он лично возглавил поход против Вьен-Чанга, изгнал из столицы регента, генерала Сене Соулинту, и посадил на трон упахата.

Но, как только он отправился в обратный путь, власть его марионетки стала колебаться. В 1579 году для подавления общих беспорядков, борьба с которыми была не под силу его вассалу, он послал новую армию. Но не успела она выполнить свою задачу и направиться домой, как несчастный король был изгнан из столицы и умер, спасаясь бегством. После этого Байиннаунг попытался выйти из положения, посадив на трон самого Сене Соулинту. Но последний уже был старым человеком и прожил только два года. Ему наследовал его сын Наконе Ной, для которого положение вскоре стало невыносимым. Всюду происходили восстания. Во время сумятицы новый король был свергнут, и в стране воцарилась анархия. Больше нечего было опасаться вторжения бирманцев: Байиннаунг скончался в 1581 году, а его сын Нандабайин был занят другими делами.

В течение ряда лет вопрос о правителе Вьен-Чанга оставался нерешенным. Единственный сын Сеттатирата родился в 1571 году—в год его смерти. Когда в 1575 году Байиннаунг посадил на трон упахата, он увез молодого принца в качестве заложника в Бирму. В 1591 году собрались настоятели главных монастырей и решили, что единственным средством для исцеления недугов страны является возвращение законного наследника из плена. Момент был благоприятный, так как король Нандабайин испытывал столь сильный нажим со стороны консолидирующихся сил сиамского национального движения, возглавляемого Пра Наретом и направленного против бирманского господства, что он с готовностью освободил принца. В 1592 году принц Нокео Кумане стал хозяином Луан-Прабанга и был признан королем. Его первым актом после установления своей власти было официальное провозглашение независимости от Бирмы.

В 1581 году смерть застала Байиннаунга в тот момент, когда он вынашивал планы нанесения сокрушительного удара араканскому королевству. Бирманские хроники утверждают, что незадолго перед своей смертью он направил миссию к могольскому императору Акбару. Но так как в 1576 году Бенгалия была завоевана могольскими войсками и в могольских летописях нет упоминаний о бирманской миссии к Фатехпуру Сикри, то более вероятным кажется, что миссия направилась к могольскому наместнику Бенгалии. Ее целью, очевидно, было выяснение его отношения к нападению бирманцев на Аракан. Однако удар так и не последовал, а когда в 1596 году между бирманским и араканским государствами все же вспыхнула война, то нападающей стороной были араканцы, присоединившиеся к общей драке за свою долю

в грабеже страны в тот момент, когда войска Нандабайина были изгнаны из Сиама, а перешедшие в контрнаступление войска Пра Нарета стали предпринимать серьезные набеги на Бирму.

Байиннаунг посеял ветер—его сын пожал бурю. Дело не в том, что у Нандабайина не хватало способностей или решимости, а в том, что рано или поздно сумасбродство и мания величия его отца должны были вызвать соответствующую реакцию. Особенно моны были доведены до отчаяния все увеличивающимися наборами на военную службу, а также голодом и разорением в результате невозможности возделывать землю, ибо долго не обрабатываемая земля дельты быстро превращается в непроходимые джунгли и расчистка ее чрезвычайно трудна.

Сиамцы могли бы еще раньше попытаться восстановить свою независимость, если бы не правитель Камбоджи Боромарача, который воспользовался благоприятной возможностью, возникшей в результате их слабости, для сведения старых счетов. В том же году, когда вторично пала Аютия, он вторгся в Сиам и, хотя был изгнан, понеся тяжелые потери, однако продолжал оказывать давление на сиамцев и после смерти Байиннаунга. Угроза, нависшая над Аютией, сделала необходимым восстановление разрушенных оборонительных сооружений, и бирманцы были вынуждены разрешить укрепить оборону города. Кроме того, сиамцы нашли нового вождя в лице Пра Нарета, «Черного принца» (позже ставшего королем Наресуеном), старшего сына Тамарачи, увезенного в Бирму в качестве заложника, когда его отец, король Аютии, признал себя бирманским вассалом. В 1571 году, когда Пра Нарету было шестнадцать лет, ему разрешили вернуться домой, так как одна из его сестер выходила замуж за Байиннаунга. Храбрость и находчивость, проявленные им в борьбе против камбоджийцев, сделали его надеждой сиамских патриотов.

Восшествие на престол Нандабайина было сигналом к опасной попытке расчленить единое королевство. Брат Байиннаунга Тадоминсо, губернатор Авы, попытался вовлечь губернаторов Проме и Таунгу в движение за независимость. Они, однако, передали его письма двору, и Нандабайин, подозревая, что в этом деле были замешаны некоторые из его министров, арестовал их и сжег живыми вместе с семьями. Венецианский ювелир Гасперо Балби, который был свидетелем этого ужасного зрелища, описывает его в отчете о своих путешествиях, английский перевод которого был опубликован Ричардом Хаклютом в его «Основных путешествиях». В 1584 году Нандабайин выступил во главе армии против своего дяди и нанес ему поражение в битве, во время которой по традиции оба вождя сразились в единоборстве на слонах.

Пра Нарету было приказано привести из Сиама войско для помощи сюзерену в его борьбе против восставшей Авы. Согласно Вуду, Нандабайин намеревался убить Пра Нарета, но монские вожди, которым это было поручено, раскрыли план тайскому принцу. Поэтому вместо продвижения к Аве он появился у Пегу, угрожая напасть на него. Однако, узнав о победе, одержанной Нандабайином над войсками Авы, он отступил к Мартабану, собрал большое число сиамских пленных, угнанных в Нижнюю Бирму во время войн Байиннаунга, и вывел их на родину. Нандабайин послал вслед за ним войска, но Нарет повернул свои войска и разбил преследователей в долине Менама. Вскоре после этого было разбито и изгнано за пределы страны другое бирманское войско, преследовавшее шанских пленных, пробиравшихся из Бирмы в Питсанулок. Жребий был брошен. Сиам утверждал свою независимость. Правители Саванкалока и Пигая, боясь мести бирманцев, восстали против Пра Нарета, но он штурмом взял Саванкалок и казнил обоих правителей.

В декабре 1584 года Нандабайин вторгся в Сиам через перевал Трех Пагод, лежащий на пути между Моулмейном и Тавоем. Он должен был соединиться с чиенгмайской армией до подхода к Аютии. Но Пра Нарет разбил оба войска порознь. В ноябре 1586 года три бирманские армии начали с трех сторон наступать на Аютию, и с января по июнь 1587 года город был в осаде. Однако столь крупное мероприятие было недостаточно подготовлено с административной точки зрения и закончилось плачевно. Положение бирманцев

оказалось бы еще хуже, если бы во время осады Аютии в Сиам не вторгся король Камбоджи Сатта, благодаря чему Пра Нарет сразу же после ухода бирманцев вынужден был заняться изгнанием камбоджийцев вместо того, чтобы попытаться нанести решающий удар по дезорганизованным и деморализованным войскам Нандабайина. Преследование Пра Наретом камбоджийцев было столь успешным, что он чуть было не захватил их столицу Ловек. И лишь недостаток снабжения, дававший себя знать у стен этого города, заставил его отказаться от захвата столицы и вернуться домой.

С этого времени независимость Сиама упрочилась. Но упрямый бирманский король не желал отказаться от своей тщетной борьбы и этим сам решил свою судьбу. Он мог бы сохранить единство своей страны, если бы был достаточно благоразумен и вывел войска из Сиама. В своих отчаянных попытках набрать и снарядить новые армии он возлагал особенно тяжелое бремя на плечи монов, которые и без того были враждебно настроены в силу того отношения, которое они испытывали в течение долгих лет. Многие пытались избежать встречи с отрядом вербовщиков и одевали желтую мантию, становясь монахами. Но король лишал их духовного сана. Многие бросали свои деревни и бежали в джунгли. Восстал Бассейн, но безуспешно; все пойманные повстанцы были замучены. Многие бежали в Аракан и Сиам.

В 1587 году в Бассейн из Бенгалии прибыл Ральф Фитч—согласно сообщениям, первый англичанин, высадившийся в Бирме. Он покинул Англию вместе с тремя спутниками в 1583 году и прибыл в Индию. Там он расстался со своими спутниками и продолжал свой путь на восток один. Пробираясь из Бассейна в Пегу через устья рек, он заметил дома, построенные на «больших и высоких сваях» из-за боязни, как он предположил, многочисленных тигров. В своем описании, которое Хаклют включил во второе издание своих «Основных путешествий», а Парчес также поместил в своих «Пилигримах», он не упоминает ни о каких признаках приближающейся катастрофы, Фитч описывает эту страну как «весьма плодородную»; на него очень большое впечатление произвело величие и богатства короля. К несчастью, он не вел дневника и не делал никаких записей, боясь быть арестованным португальцами по обвинению в шпионаже, что действительно и случилось с ним на обратном пути. Поэтому при написании своего отчета о Бирме он широко использовал переведенные Томасом Хиккоком рассказы Цезаря Фредерика о посещении им Бирмы в 1569 году, когда он застал Байиннаунга во всей его славе. Последние также были опубликованы Хаклютом.

Цезарь Фредерик написал то, что можно назвать справочником для торговых людей, и как таковой этот справочник является бесценным, так как содержит полезную информацию о торговле, условиях путешествия, а также о деньгах и валютном обмене. Ральф Фитч также был купцом, собиравшим сведения, которые могли бы пригодиться в интересах коммерции. Он, очевидно, не мог улучшить повествование венецианца; это был скромный человек, без всяких претензий на литературный дар. Однако Фитч привнес несколько новых моментов, из которых становится ясным, что его интересовала не только торговля. Вот его описание пагоды Шве Дагон:

> «Приблизительно на расстоянии двухдневного перехода от Пегу стоит Варель, или Пагода, место паломничества пегуанцев. Ее называют Догонн; она удивительно высока и вся от основания до верха позолочена. Это, как мне представляется, самое приятное место на земле: Пагода расположена очень высоко, к ней ведут четыре дороги, которые на всем протяжении обсажены фруктовыми деревьями так мудро, что человек может идти в их тени более двух миль».

Равным образом удачен его рассказ о буддийском монашестве:

> «Таллипои одеваются очень странно. Их коричневые тела непосредственно облегает камболин, или тонкая ткань; другая, желтая, ткань несколько раз обертывает их плечи. Оба куска ткани закрепляются на теле широким кушаком. На шее у них на веревке висит кусок кожи, на который они садятся; они ходят с обнаженными головами и босые.

ибо никто из них не носит обуви. Их правая рука оголена; в руке они держат большое широкое сомбреро, или зонт, защищающий их летом от солнца, а зимой от дождя. Они отмечают свои праздники по лунному календарю. С наступлением новолуния они справляют свой самый большой праздник, и жители присылают рис и другие яства в киак, или церковь, в которой они молятся. Там собираются все таллипои этой церкви и едят присланную им пищу. Когда таллипои произносят проповедь, много людей приносят им подарки в зал, где они сидят и молятся. Рядом с ними находится человек, который принимает то, что приносят люди. Подношения делятся между ними. Я не видел, чтобы они участвовали в других церемониях или несли иную службу, они только молятся».

В 1590 году Тамарача умер, и королем, как номинально, так и фактически, стал Пра Нарет. В списке королей Сиама он известен как Наресуен. К 1593 году Нандабайин успел пять раз потерпеть неудачу при осуществлении широких вторжений в Сиам. Во время последнего из них, начатого в конце 1592 года, бирманский наследный принц потерпел поражение и был убит при Нонг Са Рай, не достигнув Аютии. И до сих пор можно видеть развалины пагоды, воздвигнутой на том месте, где он был убит (согласно сиамским источникам, это случилось во время единоборства с Наресуеном). Наступила очередь сиамцев совершить вторжение в Бирму.

Но прежде надо было покончить с камбоджийскими делами и тем самым ликвидировать возможность удара в спину, в то время когда внимание Наресуена будет приковано к Бирме. Сразу же после разгрома бирманцев в феврале 1593 года Наресуен начал войну против Камбоджи. Она была затяжной и жестокой. Наконец в июле 1594 года Ловек был взят, а король бежал в Луан-Прабанг. Однако не было предпринято никаких попыток аннексировать Камбоджу: достаточно было парализовать ее настолько, чтобы она не могла помешать борьбе Наресуена против его главного врага. Для заселения обезлюдевших северных провинций Сиама туда были направлены тысячи пленных; одновременно было возвращено на родину много сиамцев, уведенных ранее во время набегов короля Сатта.

Первые шаги, предпринятые Наресуеном в начале наступления против Бирмы, показали, что он заботится о нуждах своего королевства как истинно государственный деятель. Он не стремился нанести сокрушительного удара, что попросту привело бы к разграблению страны и могло бы закончиться тем, что ему пришлось бы удерживать в подчинении непокорных бирманцев. Сиам был торговым государством и остро нуждался в портах на Индийском океане. В южной Бирме имелись такие выгодно расположенные порты, до которых было относительно легко добраться из Аютии. Именно на этом в первую очередь сосредоточил свое внимание Наресуен. В 1593 году сиамцы стали хозяевами Тавоя и Тенассерима. После этого их призвал на помощь восставший монский правитель Моулмейна, который был доведен до отчаяния истреблением его народа бирманцами. В ответ Наресуен двинул войско, которое не только отогнало бирманцев, заставив их снять осаду Моулмейна, но и захватило Мартабан.

Следующей потерей Нандабайина был Чиенгмай. Престарелая принцесса Махатеви, которую в 1564 году Байиннаунг вторично сделал регентшей, скончалась в 1578 году. Для того чтобы укрепить свои позиции в борьбе против Луан-Прабанга, Байиннаунг после смерти принцессы посадил на престол Чиенгмая своего сына Таравади Мина. Когда дела Нандабайина стали ухудшаться, правитель Луан-Прабанга Нокео Кумане объявил войну Чиенгмаю, и Таравади, будучи не в состоянии получить помощь от своего брата, оказался в таком тяжелом положении, что обратился за помощью к Наресуену. Это была ниспосланная небесами возможность для короля Аютии. В 1595 году за помощь, которая спасла его королевство, Таравади был вынужден согласиться на установление над Чиенгмаем сюзеренитета Сиама, чего последний так долго домогался.

В том же году сиамцы появились у стен Пегу. Но из Таунгу подоспели бирманские войска, которые вынудили Наресуена отступить. Затем разразилась ссора из-за власти внутри королевской семьи, и беда стала неизбежной. Проме, Таунгу и Ава управлялись братьями Нандабайина. Когда правитель Таунгу пошел на помощь Пегу против Наресуена, его брат, правитель Пьи[1], воспользовался его отсутствием и напал на Таунгу. Король был не в состоянии справиться с положением, и началось всеобщее восстание. Правитель Таунгу предложил араканцам объединиться с ним для нападения на Пегу. В 1599 году мощный араканский флот захватил порт Сириам и высадил сухопутный отряд для соединения с армией Таунгу, осаждавшей Пегу. Тогда Наресуен понял, что они затевают, и попытался присоединиться к ним. Но было слишком поздно, ибо, когда он прибыл в Бирму, Нандабайин был уже пленен и находился на пути в Таунгу, а Пегу был превращен в груду развалин. Сообщники разделили добычу. Таунгу получил короля и зуб Будды, Аракан—принцессу и королевского белого слона. Покидая город, араканцы подожгли его. Они угнали тысячи монских семей. Кроме того, они сохранили плацдарм в стране, оставив за собой Сириам, во главе которого был поставлен один из португальских наемников—Филипп де Бриту.

Наресуен, желая захватить Нандабайина, направился на север, намереваясь напасть на Таунгу, но он понес такое жестокое поражение, что был вынужден вернуться домой. Нандабайин был убит вскоре после прибытия в Таунгу. С падением Пегу исчезла всякая видимость центрального правительства. Нижней Бирмой от Мартабана к югу завладели сиамцы, остальная часть была поделена кучкой враждующих вождей, в то время как Филипп де Бриту, обосновавшись в Сириаме, повел крупную игру.

[1] Пьи—бирманское название города Проме.

ГЛАВА XIV

ВТОРЖЕНИЕ АНГЛИЧАН И ГОЛЛАНДЦЕВ

а) Англо-голландское наступление на «линию обороны»

То обстоятельство, что англичане так поздно начали осваивать путь вокруг мыса Доброй Надежды в Индийский океан и далее, отнюдь не было вызвано отсутствием интереса к восточной торговле. Путешествия Джона Кабота из Бристоля в период царствования Генриха VII[1] были предприняты с целью достичь крупных рынков пряностей и шелка в Восточной Азии. Открытие Америки задержало осуществление этой цели примерно на столетие. Однако многочисленные попытки отыскать северный путь вокруг Америки либо вокруг России и Сибири показывают, что неизменно преследовалась первоначальная цель — завязать торговлю с Азией. Неудача, постигшая Московскую компанию[2] в ее стремлении открыть морской северо-восточный путь, привела к попыткам Энтони Дженкинсона отыскать путь на Дальний Восток по суше через Россию. Однако единственным результатом этого было установление кратковременных торговых связей с Персией. Когда лондонские купцы попытались использовать путь на Восток через Сирию, то, хотя им и удалось завязать оживленную торговлю с восточным районом Средиземного моря, этот путь все же не послужил воротами в Индию и страны, лежащие за ней. Отдельные путешественники, такие, как Джон Ньюбери и Ральф Фитч, прошли через Левант[3] — первый в Индию, а второй — в Юго-Восточную Азию; но Ньюбери исчез по пути домой, а опыт Фитча ясно показал, что тот путь, которым он прошел, не может быть использован для крупной торговли. Поэтому на исходе XVI века лондонские купцы начали понимать, что единственно пригодный путь лежит вокруг мыса Доброй Надежды.

Трудности, которые так долго мешали англичанам использовать путь вокруг мыса Доброй Надежды, можно понять, если рассмотреть в правильном аспекте появление англичан в Юго-Восточной Азии как конкурентов португальцев и голландцев. Прежде всего нет никаких доказательств, что англичане намеренно воздерживались от вторжения в португальские заповедники из уважения к папскому эдикту 1492 года. В течение первой половины XVI века их удерживало незнание условий торговли и навигации в Индийском океане. Португальцы прилагали все усилия к тому, чтобы сохранить в тайне свои операции на Востоке. Ни один португальский мореплаватель не стал бы служить на английском корабле. Португальцы также не допустили бы ни одного англичанина на свои корабли, идущие в восточном направлении, если бы он обладал достаточными знаниями для того, чтобы выведать их секреты.

В течение второй половины XVI века географические познания англичан чрезвычайно расширились в результате трудов таких ученых, как Джон Ди, Ричард Иден и оба Гаклют. Но все еще существовали огромные трудности,

[1] Генрих VII Тюдор правил в Англии с 1485 по 1509 год.—*Прим. ред.*

[2] Московская компания была создана в Англии в 1554 году для торговли с Московским государством.—*Прим. ред.*

[3] Страны восточного Средиземноморья.—*Прим. ред.*

которые нужно было преодолеть. Англия фактически не производила никаких товаров, которые могли бы найти сбыт в тропических странах. Ей прежде всего нужно было сбывать свои шерстяные ткани, а для этой цели, казалось, важно было найти подступы к странам Севера. Более того, только в конце XVI века английские купцы смогли располагать достаточным свободным капиталом, для того чтобы пойти на риск кругосветного путешествия на расстояние 16 тысяч миль ради груза пряностей. Правда, снаряжались дальние экспедиции, но они направлялись на запад на поиски испанских кораблей с сокровищами.

Были также и другие трудности, вызываемые длительными торговыми экспедициями. Для обслуживания кораблей нужны были многочисленные команды, соответствующие размерам кораблей, и чем более длительным было путешествие, тем больше места требовалось для провианта; таким образом, возникала проблема обеспечить достаточно места для полезного груза. Португальцы разрешили эту проблему, построив вооруженные купеческие корабли водоизмещением 1200—1500 тонн; для их обслуживания соответственно требовалось меньше людей, чем для 200-тонных торговых кораблей, которые представляли собою крупнейший тип судов, обычно использовавшихся английскими шкиперами. Война с Испанией привела к тому, что частные предприниматели стали строить более крупные суда, однако англичане смогли конкурировать с португальцами в области торговли на Индийском океане не ранее, чем эта трудность была в основном преодолена.

Когда король Испании Филипп II получил в 1580 году корону Португалии[1], он фактически дал возможность врагам Испании вторгнуться в Португальскую империю. В том же году Дрейк вернулся из кругосветного путешествия и привез с собою, помимо драгоценных металлов, которые он награбил у испанцев, небольшой груз гвоздики, приобретенной им на острове Тернате, после того как он пересек Тихий океан. Он сообщил о том, что заключил торговый договор с королем острова, который жаждет получить помощь в своей борьбе против португальцев. Успех путешествия Дрейка возбудил большой интерес к Ост-Индии[2], и шесть лет спустя Томас Кавендиш отправился в плавание. Он прошел Магелланов пролив, пересек Тихий океан и попал на Филиппины и юго-западный берег Явы, где он снарядился для обратного пути домой. Он сообщил, что можно свободно вести торговлю с Молуккскими островами и, более того, он якобы слышал на Яве о том, что, если португальский претендент Дон Антонио, которому Англия оказывает поддержку, прибудет в Ост-Индию, Молуккские острова будут в его распоряжении. В Англии существовали две точки зрения по вопросу о Португальской империи. Дрейк и девонцы полагали, что для Англии наилучшим путем получить доступ к торговле на Тихом океане является оказание поддержки Португалии в ее борьбе за независимость. Тогда, утверждали они, Англия сможет рассчитывать получить в виде награды долю в португальской торговой монополии.

Лондонские купцы, однако, предпочитали прямое наступление на португальскую торговую монополию, и после гибели Армады в 1588 году они начали обращаться к королеве с петициями, прося ее о поощрении торговых экспедиций вокруг мыса Доброй Надежды. Захват в 1587 году Дрейком у

---

[1] Филипп II Испанский (1556—1598) присоединил Португалию к Испании в 1581 году, и до 1640 года она не существовала как самостоятельное государство.—*Прим. ред.*

[2] Ост-Индия—общее историческое название большей части Южной Азии. Обычно под этим названием подразумевают: полуостров Индостан с прилегающей к нему на севере Индо-Гангской равниной, полуостров Индокитая с Малаккой, острова Лаккадивские, Мальдивские, Цейлон, Андаманские, Никобарские, Б. Зондские, М. Зондские и Молуккские. Термин Ост-Индия (Восточная Индия) появился в западноевропейской литературе в середине XVI века как противопоставление перечисленных выше стран странам Вест-Индии (Западной Индии), открытой испанскими мореплавателями в конце XV—начале XVI века, и окончательно закрепился на рубеже XVI—XVII веков. Этот термин нашел свое отражение в названиях организованных в то время монопольных торговых компаний: английской Ост-Индской компании (1660) и голландской Ост-Индской компании (1602).—*Прим. ред.*

Азорских островов португальского корабля «Сан Филиппе» с грузом пряностей стоимостью 108 тысяч фунтов стерлингов побудил лондонских купцов внести предложение о том, чтобы это рискованное мероприятие финансировалось за счет грабежа португальских судов. Они указали также, что можно начать торговлю с районами, расположенными между Южной Индией и Филиппинами, не приближаясь к каким-либо крепостям португальцев или испанцев. Нет никаких сведений об ответе на первоначальную петицию купцов, представленную ими в октябре 1589 года. Но они возобновили свое предложение в следующем году, и результатом его была посылка из Плимута в 1591 году экспедиции в составе трех кораблей под командованием Джорджа Реймонда и Джемса Ланкастера, которая направилась в Ост-Индию вокруг мыса Доброй Надежды. Знаменательно, что как Корнелис де Хоутман, которого голландские купцы Амстердама избрали руководителем первой экспедиции в Ост-Индию, так и Ланкастер — оба в молодости жили в Лиссабоне.

Экспедиция была бы успешной, если бы не ужасающая смертность среди команды. По пути к мысу Доброй Надежды она приняла такие размеры, что один корабль с больными людьми пришлось из Столовой бухты отправить в Англию. После того как экспедиция покинула мыс Доброй Надежды, корабль Реймонда погиб в море. Ланкастер, однако, достиг северо-запада Суматры и прошел до Пенанга, откуда он начал свои нападения на португальские торговые корабли, проходившие через Малаккский пролив. Однако в результате заболеваний он потерял так много людей, что не смог обеспечить возвращения своего корабля на родину. Оставив остров Святой Елены, он попал в штиль и был вынужден проплыть до Вест-Индии за провизией; в поисках ее он высадился на Мона, а его корабль, на борту которого было всего шесть человек, был отнесен в Сан-Доминго, где сдался испанцам. Сам он и восемнадцать его людей были взяты французским капером и доставлены в Дьепп, откуда они 24 мая 1594 года возвратились в Англию. Это рискованное мероприятие потерпело неудачу, однако тот факт, что английский корабль побывал в Индийском океане, безнаказанно захватывая португальские торговые корабли, послужил некоторым утешением. А пока Ланкастер отсутствовал, был ограблен еще один вооруженный купеческий корабль с грузом даже более богатым, чем добыча Дрейка, захваченная им в 1587 году.

Лондонские купцы, однако, не решались послать еще одну экспедицию прямым путем. Торговый кризис все более углублялся, и купцы, ведущие торговлю с Левантом, выражали резкие протесты. В 1596 году Дадли сумел добиться поддержки для осуществления путешествия в Китай через Магелланов пролив, и была отправлена злополучная экспедиция Бенджамена Уорда. Первоначальный план был отвергнут, и его эскадра, состоявшая из трех кораблей, вышла в Индийский океан, обогнув мыс Доброй Надежды. Достигнув Малаккского полуострова, все бесследно исчезли, и единственный уцелевший человек, француз по национальности, был подобран в 1601 году голландским кораблем на острове Маврикия, где он жил, подобно Робинзону Крузо.

В результате известий о путешествии Хоутмана в Бантам (1595—1597) точка зрения снова изменилась в пользу пути вокруг мыса Доброй Надежды; вторжение голландцев в эту область рассматривалось как угроза торговле с Левантом. Поэтому, когда в 1599 году в Голландию возвратились четыре корабля ван Нека не только с богатым грузом, но и в рекордно короткий срок, лондонские купцы приступили к сбору средств для снаряжения новой экспедиции на Восток. Появление в 1598 году английского перевода «Итинерарио» («Странствований») Линсхотена, содержащего первоклассные сведения о торговле и навигации в Индийском океане, вызвало большой интерес и наряду с известиями об успехах ван Нека содействовало укреплению мнения в пользу создания компании для торговли с Ост-Индией, используя путь вокруг мыса Доброй Надежды.

Но существовали еще и другие серьезные трудности, которые нужно было преодолеть. Правительство Елизаветы находилось в тяжелом финансовом положении: это было время ирландского восстания и войны с Испанией.

Проект был задержан в связи с переговорами королевы с Испанией. Однако, когда в июле 1600 года переговоры были прерваны, Тайный совет дал понять инициаторам создания компании, чтобы они действовали, заверив, что ходатайство о получении королевской хартии будет удовлетворено. 31 декабря 1598 года Ост-Индская компания официально начала свое существование. В своей «Хронике» Стоу говорит, что создание компании было вызвано голландскими спекуляциями перцем, и эта версия часто повторяется, хотя она совершенно недостоверна.

Компании, состоявшей из управляющего и двадцати четырех «опекунов», назначенных для организации торговой экспедиции в Ост-Индию, королевская хартия предоставляла на пятнадцать лет торговую монополию в районе, расположенном между мысом Доброй Надежды и Магеллановым проливом. Для своей первой экспедиции компания собрала 68 тысяч фунтов стерлингов. Были специально приобретены четыре корабля стоимостью в 41 тысячу фунтов стерлингов; 6860 фунтов стерлингов было израсходовано на покупку товаров для продажи, и на борт была погружена специально отчеканенная монета на сумму 21 742 фунта стерлингов для закупки обратного груза. Ланкастеру, оказывавшему помощь в снаряжении флота, было поручено командование экспедицией, а Джон Дэвис был назначен главным лоцманом. Он занимал такой же пост во флоте Корнелиса де Хоутмана во время его второго путешествия в 1598—1600 годах.

Флот Ланкастера отправился в плавание в феврале 1601 года и прибыл в Аче 5 июня 1602 года. Он пошел дальше, в Бантам, где было получено разрешение создать факторию. Затем он вернулся в Англию с грузом пряностей. Он привез так много перца, что рынок оказался перенасыщенным и акционерам пришлось часть доходов от экспедиции получить перцем. Ланкастер не встретил сопротивления со стороны голландцев, которые уже упрочили свои позиции в торговле с Ост-Индией, и получил активную поддержку от правителя Аче, который скрыл от Малакки[1], что англичане находятся поблизости. Бантам был наиболее подходящим местом для первой английской фактории, так как он был не только процветающим центром местной торговли, но и портом, куда приходили за перцем китайские джонки. Он продолжал оставаться главным центром английской торговли на островах Малайского архипелага до 1682 года.

К тому времени, когда Ланкастер основал первую английскую факторию в Ост-Индии, голландцы в течение четырех лет прилагали самые настойчивые усилия, чтобы захватить рынки, на которых господствовали португальцы. До конца 1601 года не менее пятнадцати флотилий, состоявших в общей сложности из шестидесяти пяти кораблей, прошли в Индийский океан вокруг мыса Доброй Надежды или через Магелланов пролив. Указ Филиппа II, изданный в 1594 году, в силу которого порт Лиссабон был закрыт для голландских и английских купцов, обычно приводился в качестве причины этого поистине замечательного наступления на португальскую «линию обороны». Но в последнее время, однако, голландские ученые склонны приписывать этому меньшее значение и указывают, что задолго до 1594 года голландцев не удовлетворяло их положение посредников между Лиссабоном и остальной Европой и они стремились совершать путешествия непосредственно на Восток в своих собственных интересах. Указ, как они утверждают, способствовал усилению голландской инициативы, но не явился ее причиной.

Когда голландцы поставили задачу вырвать из рук португальцев торговлю пряностями, они обладали известными преимуществами по сравнению с англичанами или другими конкурентами. Их высокоразвитое рыболовство было превосходной школой мореплавания. Их деятельность в качестве перевозчиков и комиссионеров Европы, в ходе которой они успешно конкурировали с ганзейскими городами, способствовала накоплению опыта в посредничестве,

---

[1] В Малакке в то время находились португальцы.—*Прим. ред.*

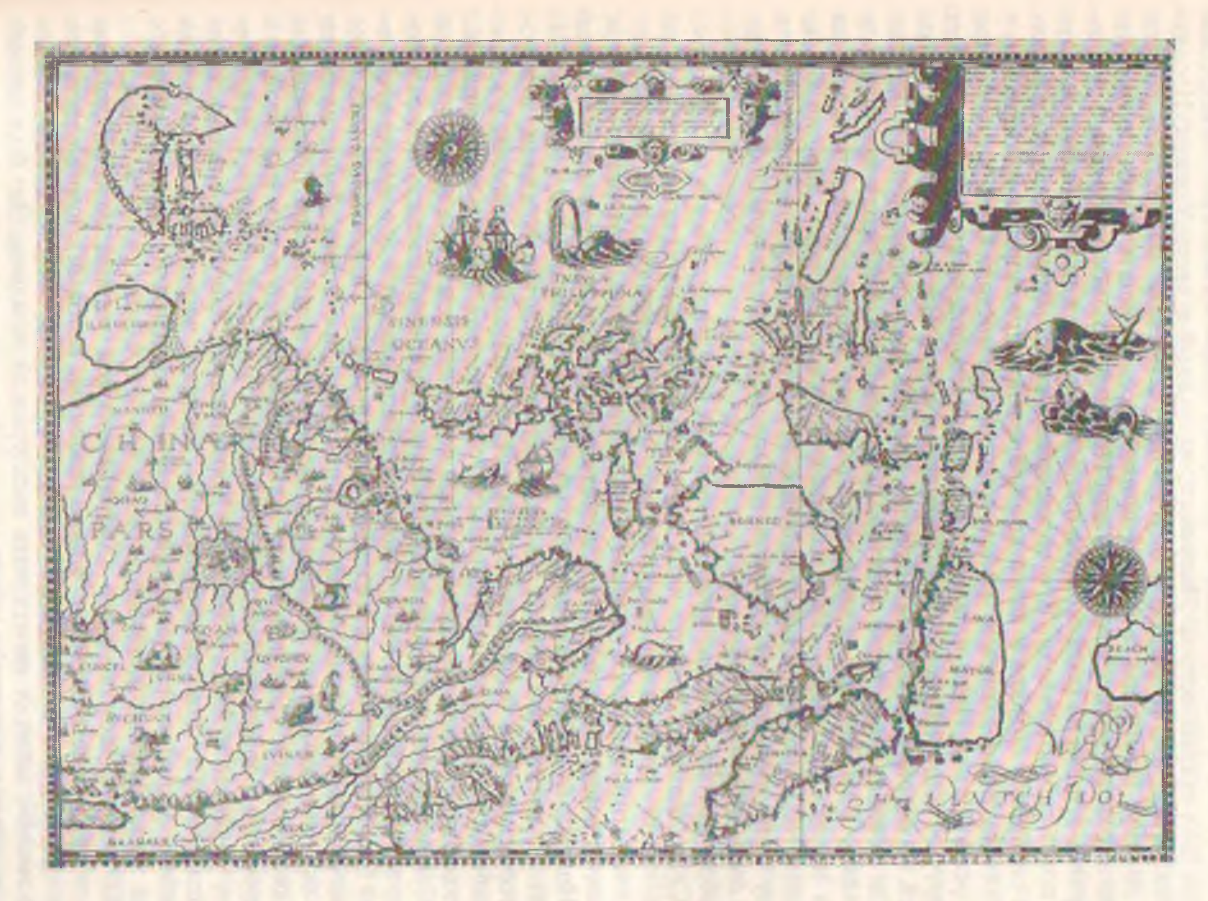
в котором мало кто мог с ними соперничать. Более того, их финансовые методы были наиболее современными в Европе, и они располагали такими суммами свободного капитала, которые с самого начала обеспечили им колоссальное превосходство над английской Ост-Индской компанией. Главные причины их колебаний в отношении освоения пути вокруг мыса Доброй Надежды заключались в том, что они, как и англичане, не располагали достаточными сведениями об условиях навигации в Индийском океане и, кроме того, в течение длительного времени сосредоточили все свои усилия на попытках отыскать северо-восточный путь.

Однако в 1592 году Ян Хёйген ван Линсхотен из Гарлема, проведший четыре года в Португалии, а затем пять лет в Гоа в качестве секретаря архиепископа, вернулся на родину с огромным запасом знаний о торговле и навигации в Индийском океане, которые он тотчас же передал в распоряжение сведущих географов и картографов. Его книги «Описание путешествий португальцев в страны Востока», опубликованная в 1595 году, и «Странствования. Путешествие на корабле Яна Хёйгена ван Линсхотена в Ост или Португальскую Индию», появившаяся год спустя, содержали как раз те практические сведения, которых до сих пор не хватало. И, что, может быть, еще более важно, он показал, что португальское владычество на Востоке ослабело и отношения португальцев с туземными народами настолько плохи, что другие торговцы имеют блестящие возможности начать с ними конкуренцию. Он указал на Яву как на превосходный опорный пункт для развития торговли, поскольку португальцы редко заходят туда.

В 1595 году в Ост-Индию вокруг мыса Доброй Надежды отправилась первая голландская экспедиция. Экспедиция финансировалась консорциумом, известным под названием компании «Ван Верре», который возник в результате провала попыток проложить северо-восточный путь. Экспедицию возглавлял Корнелис де Хоутман, купец, проведший несколько лет в Лиссабоне. Чему он на самом деле научился у Линсхотена до своего отъезда, не известно, но знаменательно, что его путь был намечен картографом Плансиусом, другом и коллегой Линсхотена, и что он использовал его «Описание путешествий португальцев в страны Востока». Хоутман был плохим руководителем, хвастуном и головорезом и едва не погубил экспедицию своим безрассудным поведением. Тот факт, что только во время плавания в открытом море погибло 145 человек из 249, приписывают его недостаткам как руководителя, но, учитывая те потери, которые понес Ланкастер во время своего первого путешествия, может быть, было бы более справедливо объяснить потери Хоутмана отсутствием опыта.

Со своей маленькой эскадрой из четырех кораблей он в июне 1596 года прибыл в Бантам. Хоутмана хорошо приняли, но его поведение было настолько вызывающим, что он и некоторые его спутники были брошены в тюрьму. Вслед за этим голландские корабли обстреляли город. Через месяц Хоутмана выкупили. После отплытия в восточном направлении (в Джакарту и другие северо-яванские порты), вплоть до острова Бали, команда Хоутмана заставила его повернуть на родину, хотя было запасено недостаточно грузов и он стремился посетить Молуккские острова. В августе 1597 года он вернулся на остров Тессел с тремя из четырех своих кораблей, на которых находилось восемьдесят девять человек. Несмотря на то, что привезенный небольшой груз мог вызвать лишь разочарование, возвращение Хоутмана вызвало в Голландии бурю ликования. Его путешествие показало, что при лучшей организации и руководстве можно завязать успешную торговлю с Ост-Индией, и сразу же началась подготовка к дальнейшим экспедициям.

Ликование голландцев по поводу успеха Хоутмана было столь же велико, как и тревога португальцев. Вице-король Гоа снарядил флот, чтобы предотвратить дальнейшие экспедиции голландцев. Правителю Бантама было строго запрещено принимать в дальнейшем европейских купцов, и были применены репрессалии против его судоходства. Но сопротивление яванцев было столь решительным, что португальский флот должен был отойти к Малакке.



Карта Линсхотена.

В 1598 году не менее пяти экспедиций, насчитывавших в общей сложности двадцать два корабля, отправились из Голландии в Ост-Индию. Из них тринадцать кораблей пошли вокруг мыса Доброй Надежды и девять — через Магелланов пролив. Оливер ван Ноорт, отплывший на одном из кораблей в западном направлении, возвратился, обогнув мыс Доброй Надежды, и стал первым голландским капитаном, совершившим кругосветное плавание. Крупнейшей по масштабам была экспедиция, отправленная из Амстердама компанией «Ван Верре» под командованием Якоба ван Нека, помощниками которого были ван Варвейк и ван Хеемскерк. Во время плавания в открытом море ван Варвейком был открыт остров Маврикия, названный в честь Морица Нассауского[1]. Ван Нек достиг Бантама спустя шесть месяцев после того, как он оставил родину. Бантамцы, которым приходилось отбивать атаки португальского флота, охотно вели торговлю, и ван Нек с четырьмя кораблями, груженными перцем, отплыл на родину, куда он прибыл менее чем через четырнадцать месяцев после своего отъезда. Его обращение с туземцами было столь тактичным, что он привез с собою в качестве подарка принцу Морицу золотую чашу от молодого султана и письмо от его главного министра. Остальные четыре корабля эскадры ван Нека плыли вдоль северного побережья Явы с заходом в Джакарту, Тубан и Гресик. Ван Хеемскерк и ван Варвейк после этого отправились к острову Амбоина, откуда первый был направлен на острова Банда. Он основал на острове Лонторе факторию и в 1599 году возвратился в Голландию. Ван Варвейк отправился на остров Тернате и возвратился на родину в конце 1600 года. Груз, привезенный ван Неком, дал прибыль, составившую 100 процентов по отношению к расходам на экспедицию. Когда на родину вернулись другие корабли и были подведены итоги, объявленная прибыль составила 400 процентов.

Корабли других флотов, отправленных в 1598 году, посетили Суматру, Борнео, Сиам, Манилу, Кантон и Японию. Но ни одна из этих экспедиций не принесла таких колоссальных прибылей, как экспедиция ван Нека. Две экспедиции, отправившиеся через Магелланов пролив, потерпели убыток в 500 тысяч гульденов, а одна из экспедиций, отправившихся вокруг мыса Доброй Надежды, принесла страшные убытки ее инициаторам. Но знаменательно, что, несмотря на борьбу за независимость против Испании, эти потери, которые вызвали бы кризис в Лондоне, не только не пресекли, но даже и не ослабили усилий голландцев. Было создано еще несколько компаний, и на Восток было отправлено даже больше кораблей, чем когда бы то ни было раньше. Существовало так много компаний, соперничавших между собою в посылке кораблей на Восток, что период, предшествовавший образованию Объединенной Ост-Индской компании в 1602 году, получил название периода «беспорядочного вояжирования». Что касается Юго-Восточной Азии, вряд ли нашелся бы сколько-нибудь значительный порт, в котором не побывали бы голландские корабли. Почти повсюду их принимали дружески и добивались их поддержки в борьбе против португальцев. Самым разительным исключением было убийство в Аче в 1599 году Корнелиса де Хоутмана и заключение на два года в тюрьму его брата Фредерика, который за эти два года составил самый ранний малайско-голландский словарь и перевел на малайский язык некоторые христианские молитвы.

В 1600 году Стевен ван дер Хаген заключил первый важный договор с туземным правителем. Это был вождь Амбоины, который, помимо того, что разрешил голландцам основать на своей территории «Кастель ван Верре» (форт «Дальний»), обещал им отдавать весь урожай гвоздики. Это был первый из многочисленных договоров, при помощи которых голландцы стремились не только вытеснить португальцев, но и монополизировать торговлю, не допуская других пришельцев из Европы. Португальцы оказались в крайне невыгодном положении, когда все возрастающее число голландских кораблей

---

[1] Мориц Нассауский (Оранский)—штатгальтер в республике Соединенных провинций (Голландия).—*Прим. ред.*

наводнило сферы их влияния. Лиссабон не мог оказать им помощи. Использование Филиппом III[1] этого порта для морских приготовлений против Англии и Нидерландов к 1599 году привело к тому, что англичане блокировали его, и к тому же нелепая и неумная политика испанцев лишила этот порт его былого величия. Поэтому Гоа должен был обходиться теми морскими силами, какие он мог набрать в восточных морях. В 1601 году Фуртадо де Мендоза отправился из Малакки с флотом в тридцать кораблей, чтобы напасть на Бантам, но Волферт Харменсзон с пятью кораблями компании «Ван Верре» отогнал его. Однако, пока голландские корабли были рассеяны между Молуккскими островами, собирая грузы гвоздики, португальскому командиру удалось вновь установить контроль над Амбоиной. Вслед за этим он во взаимодействии с испанцами из Манилы повел наступление на Тернате. Но наступление не удалось, и он возвратился с измученными войсками в Малакку. Португальцы потерпели также поражение от голландской эскадры при их наступлении на своего старого врага—султана Джохора.

Провал попытки португальцев изгнать голландцев с архипелага предоставил последним блестящую возможность для широкого контрнаступления; однако голландцы при существовавших условиях торговли не смогли воспользоваться этой возможностью. Стало совершенно необходимым положить конец периоду «беспорядочного вояжирования». Цены резко повышались в результате соперничества между купцами различных компаний; в некоторых случаях дело доходило до рукопашной. Движение за объединение компаний началось в 1600 году. Создание английской Ост-Индской компании убедило голландцев, что только путем объединения национальных усилий они сумеют закрепить и сохранить то, что они завоевали в период подъема, вызванного их первым продвижением на Восток. Таковы были те факторы, которые привели к созданию Объединенной Ост-Индской компании — VOC (Vereenigde Oostindische Compagnie).

Структура компании была утверждена актом Генеральных Штатов от 20 марта 1602 года, который положил начало существованию компании. Ей была предоставлена монополия на торговлю в районах между мысом Доброй Надежды и Магеллановым проливом первоначально на двадцать один год, а также право заключать договоры, строить форты, содержать вооруженные силы и назначать судей. В каждом городе, где были созданы компании, а именно: в Амстердаме, Мидделбурге, Делфте, Роттердаме, Хорне и Энкхейзене, должна была находиться палата Объединенной Ост-Индской компании, а управляющие этих компаний в числе семидесяти шести человек должны были стать ее директорами; причем вакантные места должны были оставаться незанятыми до тех пор, пока число директоров не сократится до шестидесяти. Фактически управление текущей деятельностью было вверено группе, состоявшей из семнадцати лиц, называвшихся «семнадцатью директорами», или «старейшинами». В этой организации Амстердамской палате должно было принадлежать восемь мест. Был собран первоначальный капитал, составивший 6,5 миллиона гульденов, в котором доля Амстердама составляла 3 675 тысяч гульденов. Каждая палата должна была самостоятельно снаряжать суда, но прибыли и убытки должны были распределяться между всеми. И, наконец, к компании переходили все фактории, основанные на Востоке ее предшественниками, а именно: на Тернате, на Молукках и островах Банда, в Бантаме и Гресике на северном побережье Явы, в Патани и Джохоре на Малаккском полуострове и в Аче на северо-западе Суматры. Это было подлинно замечательным образцом объединения, в котором между частными интересами и центральным руководством была установлена гармония, с тем чтобы обеспечить наибольшую концентрацию общенациональных усилий. Заслуживает внимания тот факт, что капитал, с которым компания начала свои операции, был фактически в десять раз больше капитала английской компании.

---

[1] Филипп III—король Испании (1598—1621).—*Прим. ред.*

Первым флотом из пятнадцати кораблей, посланным компанией, командовал Вибранд ван Варвейк. В течение трех лет было снаряжено и отправлено на Восток тридцать восемь кораблей. Они вышли в море мощными, хорошо вооруженными эскадрами, предназначенными для наступления на португальцев. Наряду с созданием новых факторий на Яве, Целебесе (в Макассаре) и на материке в Индии (в Сурате, Масулипатаме и Петаполи) были установлены связи с Цейлоном, где португальцы монополизировали торговлю корицей и велась подготовка к установлению торговли с Китаем и Японией.

Контрнаступление на португальцев принесло лишь переменный успех. Прижатые к стене, португальцы проявили неожиданную силу сопротивления, к тому же они получили существенную поддержку от испанцев в Маниле. Португальский флот понес поражение у Джохора в 1603 году. Два года спустя были достигнуты значительные успехи на Островах пряностей: две португальские крепости — на Амбоине и на Молуккских островах — перешли под власть Голландии. Но в 1606 году португальцы отразили голландское наступление на Малакку, в то время как опорные пункты торговли голландцев на Молуккских островах были захвачены испанским флотом Филиппин. И хотя в 1607 году голландцы вновь отобрали у испанцев восточную часть Тернате, их наступление на Мозамбик и Гоа в следующем году потерпело полную неудачу, и они истощили свои ресурсы в бесплодных попытках захватить Манилу.

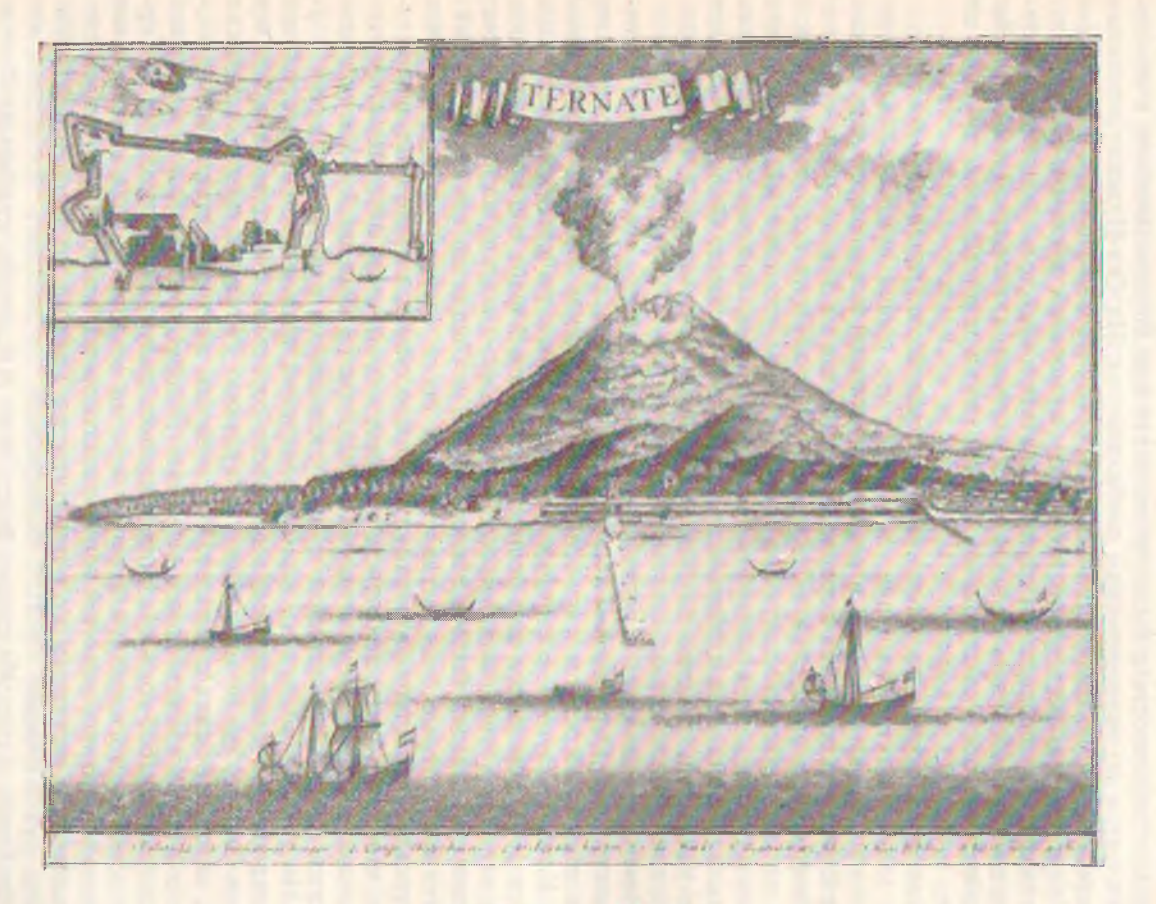
В 1609 году появились ясные признаки улучшения положения. В результате оккупации острова Банданейра и сооружения форта Нассау голландцы вновь заняли господствующее положение на Островах пряностей, тогда как в результате перемирия с Испанией на двенадцать лет, подписанного в Антверпене, они получили передышку от длительной борьбы в Европе и, кроме того, право оставить за собой все, что они отвоевали у Испании и Португалии. В этом же году голландцы предприняли важный и крайне необходимый шаг по укреплению своей власти на Востоке, назначив Питера Бота генерал-губернатором Ост-Индии, который был наделен правом контроля над всеми «фортами, поселениями, факториями, персоналом и деятельностью Объединенной компании». С ним был связан «Совет Индии», состоявший из четырех членов. Данные ему инструкции гласили, что обладание Островами пряностей имеет для компании важнейшее значение и что все конкуренты должны быть оттуда изгнаны. Прежде чем эти инструкции были составлены, между голландцами и англичанами — как на Молуккских островах, так и на островах Банда — возникли трения и вскоре они переросли в серьезное столкновение.

б) Англо-голландская борьба за торговлю пряностями

«С начала столетия англичане, хотя они и были значительно слабее, следовали за голландцами по всему архипелагу, преследуя их, как слепни»,— писал Дж. С. Фернаволл[1]. Бернард Влекке писал в том же духе: «Лондонские купцы повсюду следовали за своими более мощными соседями в надежде извлечь выгоду от той деятельности, которую те проводили в качестве пионеров. Нести расходы на войну с Испанией, которая обеспечила для северных стран торговлю с Индонезией, было милостиво предоставлено нидерландцам и где бы голландская компания ни создавала торговые пункты, англичане неизменно появлялись вслед за голландцами: в Патани, в Джамби, в Джакарте и во многих других местах»[2]. И он приводит в подтверждение своих слов мнение Фернволла.

Хотя эти утверждения и выглядят правдоподобными, ни одно из них не выдерживает детального изучения. Точка зрения голландцев в отношении периода, который был для них героическим периодом в истории их Ост-Индской

[1] J. S. Furnivall, Netherlands India, Cambridge, 1939 and 1944, p. 26, 27.
[2] Bernard Vlekke, Nusantara, A History of the East Indian Archipelago, Harvard Univ. Press, Cambridge, Mass., 1945, p. 111.



9. Тернате в XVII веке.

компании, конечно, резко отличается от точки зрения английских исследователей, таких, как Уильям Фостер[1] и У. Г. Мореланд[2], в течение всей своей жизни изучавших документы, относящиеся к раннему периоду существования английской Ост-Индской компании. Поэтому приходится сожалеть, что работы Коленбрандера[3] и Стапеля[4], в которых дано наиболее авторитетное освещение вопроса, доступны только на голландском языке. Во всяком случае, голландцу трудно бесстрастно описывать этот период. Голландская экспансия на Восток представляет собой важнейшую главу их восьмидесятилетней борьбы за независимость и была предпринята как по политическим и стратегическим, так и по экономическим соображениям. Их Ост-Индская компания вела сосредоточенную общенациональную борьбу против Португалии и Испании, и они яростно негодовали по поводу вторжения англичан в торговлю пряностями, когда последние утратили значительную долю ненависти, которую они питали к Испании в елизаветинские времена, и охотно заключили бы мир с португальцами на основе принципа «живи и давай жить другим» на Востоке.

Кроме того, исходя из своего опыта посредников, голландцы поняли то, чего не могли понять англичане, а именно: что рынок пряностей в Европе ограничен и что конкуренция, в результате которой повышаются закупочные цены на Востоке и создается перенасыщение рынка на Западе, резко сократит возможности вести прибыльную торговлю. Поэтому они сосредоточили свои усилия на установлении монополии и были готовы честными или нечестными приемами устранить всех конкурентов. И англичане, которые сочувствовали и помогали голландцам в их борьбе против короля Испании Филиппа II, были сначала удивлены, а затем глубоко возмущены отношением к ним народа, который они считали своим естественным союзником в Европе.

Осложнения начались в период, известный под названием «вторая экспедиция английской Ост-Индской компании», которая была предпринята с целью установления непосредственных отношений с островом Амбоина и островами Банда. Командир этой экспедиции Генри Миддлтон по прибытии в Бантам в декабре 1604 года нашел там мощный голландский флот под командованием Стевена ван дер Хагена, который был послан для нападения на португальцев. Отношение голландцев было дружественным, и Миддлтон узнал от английских агентов, которые были оставлены там после «первой экспедиции», что после отъезда Ланкастера на родину отношение туземцев стало столь неприязненным, что, если бы не поддержка голландских агентов, английская фактория, возможно, была бы уничтожена. Миддлтон прибыл на Амбоину раньше голландцев и повел переговоры с португальцами о разрешении вести торговлю. Но прибывший вслед за ним голландский флот вынудил португальцев капитулировать и помешал Миддлтону вести торговлю. Миддлтон отправился на остров Тидоре, где он случайно спас султана Тернате и трех голландских купцов, которые бежали с Тернате. Он снова был настигнут голландским флотом, на сей раз направлявшимся на захват Тидоре, который пал под ударами голландцев в мае 1605 года. Миддлтону удалось получить груз гвоздики на Тернате, и один из его кораблей взял на борт на островах Банда значительное количество мускатного «цвета»[5] и мускатного ореха, но враждебность со стороны голландцев заставила его возвратиться в Бантам, не основав фактории.

Лица, руководившие «третьей экспедицией», столкнулись почти с тем же, что и Миддлтон. Давид Миддлтон, брат Генри Миддлтона, прибыл на Молуккские острова в январе 1608 года и попал в разгар борьбы между голландцами

[1] См. в особенности его работы: «England's Quest of Eastern Trade» (1933), «The Voyages of Sir James Lancaster» (1940), «The Voyage of Sir Henry Middleton to the Moluccas» (1943), «The Journal of John Jourdain» (1905).

[2] W. H. Moreland, Peter Floris, His Voyage to the East Indies in the Globe (1904); The Relations of Golconda (1931).

[3] Colenbrander, Koloniall Geschiedenis (3 vols., 1925) и монументальный труд «Jan Pieterszoon Coen» (5 vols., 1919).

[4] Stapel, Geschiedenis van Nederlandsch Indië, vol. III.

[5] Мускатный «цвет»—наружная кожура мускатного ореха.—*Прим. ред.*

и испанцами, которые пришли на помощь португальцам и нанесли серьезное поражение голландцам и их союзнику — султану Тернате. Так как Давид Миддлтон отказался принять участие в борьбе против голландцев, ему было отказано в разрешении вести торговлю. Уильям Килинг, прибывший на острова Банда в феврале следующего года, встретил со стороны голландских агентов дружественное отношение и приступил к закупке пряностей. Но в следующем месяце во главе мощного флота прибыли адмирал Верхуфф со специальным приказом установить монополию. Подавив сопротивление, голландцы заставили местных вождей подписать договоры, предоставлявшие им монополию на торговлю пряностями, и приказали Килингу покинуть острова Банда. В 1610 году Давид Миддлтон, возглавлявший «пятую экспедицию» компании, прибыл на Банданейру, но голландский губернатор приказал ему удалиться. Когда он попытался сопротивляться, заявляя, что англичане имеют право находиться там, так как Англия и Голландия в Европе являются дружественными странами, голландцы начали угрожать силой. Он также прибег к демонстрации силы и отправился на остров Вай, который не был под контролем голландцев. Там он собрал большой груз и оставил двух агентов производить дальнейшие закупки.

Подобные инциденты следовали один за другим, и английские купцы начали понимать, что голландцы твердо намерены монополизировать торговлю с архипелагом, и английская Ост-Индская компания решила прибегнуть к поддержке правительства. В ноябре 1611 года компания обратилась к лорду-казначею Солсбери с жалобой на «грубые и жестокие несправедливости», совершаемые голландцами в отношении служащих английской компании, и умоляла его поставить этот вопрос перед Генеральными Штатами. Английский посол в Гааге, который получил указание сделать по этому вопросу представление, предупредил Солсбери, что голландская Объединенная Ост-Индская компания настолько могущественна, что вполне может пренебречь решениями Генеральных Штатов, если они будут противоречить ее собственным интересам. Единственным результатом его вмешательства было предъявление голландцами длинного списка контробвинений против англичан. Он предложил поэтому, чтобы оба правительства повлияли на соответствующие компании, с тем чтобы те начали переговоры с целью заключения соглашения о совместной торговле.

Однако ни одна из сторон не проявляла готовности прийти к такому соглашению; поэтому, хотя под давлением обоих правительств были проведены две конференции — одна в 1613 году в Лондоне и другая в 1615 году в Гааге,— они ни к чему не привели. Голландцы упорно ссылались на договоры, которые они заключили с туземными правителями, хотя методы, применявшиеся ими при заключении этих договоров, были весьма сомнительны, и жаловались, что англичане рассчитывают без каких-либо затрат участвовать в торговле, которую голландцы отвоевали у Испании и Португалии ценой огромных жертв. Англичане же утверждали, что они вели торговлю на Молуккских островах задолго до появления голландцев и, как подданные дружественной страны, они не должны отстраняться от торговли там под предлогом враждебных действий голландцев против других стран. Они категорически отказались принять участие в расходах, которые ранее понесли голландцы в борьбе против испанцев и португальцев, или присоединиться к голландцам и вместе с ними вести войны в дальнейшем. В этом их поддерживал Яков I[1], который во что бы то ни стало стремился установить дружественные отношения с Филиппом III.

Между тем англичане энергично расширяли сферу своей торговой деятельности. Они пришли к выводу, что наилучшим способом получить пряности является закупка хлопчатобумажных тканей и опиума в Индии и продажа их в портах архипелага, где велась торговля пряностями. В результате этого англичане, во-первых, в 1609 году начали устанавливать отношения с импера-

---

[1] Яков I—английский король династии Тюдоров. Правил с 1603 до 1625 года.— *Прим. ред.*

тором моголов Джехангиром и в то же время, преодолевая яростное сопротивление португальцев, прокладывать себе путь к торговле тканями в Западной Индии, во-вторых, они послали в 1611 году корабль «Глоб» с целью завязать торговлю в Бенгальском и Сиамском заливах. Голландцы уже достигли значительных успехов в торговле тканями между Коромандельским побережьем и странами, расположенными на противоположной стороне залива. В 1610 году комитет, которому была поручена подготовка «седьмой экспедиции» английской Ост-Индской компании, привлек для руководства всем этим мероприятием двух голландцев — Питера Виллемсзона Флориса и Лукаса Антёнисзона (обычно называемых в английских источниках Питером Флорисом и Лукасом Антеунисом), которые имели опыт практической работы в голландских коромандельских факториях.

Экспедиция на «Глобе» открыла новую страницу в истории английской Ост-Индской компании, так как в результате ее была не только основана английская фактория в Масулипатаме на Коромандельском побережье, но также завязаны торговые отношения непосредственно с Сиамом и косвенно с Бирмой. В Сиаме фактории были основаны в Патани — малайском государстве, находившемся под властью Сиама, и в столице — Аютии. Как Патани, так и Аютия имели большое значение для компании, так как они вели торговлю с Китаем (откуда получали шелк и фарфор) и с Японией. Китайские и японские купцы приезжали в Аютию главным образом для закупки шкур и кож, а в Патани — для закупки пряностей, доставляемых сюда с архипелага. На местных рынках можно было также купить дерево-краситель, известное как «бразильское»[1], алоэ, бензойную смолу и олово. Голландцы уже укрепились в обоих этих пунктах, и местные правители приветствовали конкуренцию со стороны других европейцев. Из Аютии были посланы два агента в Чиенгмай, чтобы завязать торговые отношения с лаосскими государствами. Пока они были там, король Бирмы Анаупхелун осадил город. Один из агентов выбрался, прежде чем город пал; другой, Томас Сэмюэль, был взят в плен и увезен в Пегу вместе с непроданными товарами; там он и умер. Из фактории в Масулипатаме в Пегу были посланы два помощника, чтобы востребовать товары Томаса Сэмюэля, и, таким образом, впервые были установлены связи индийской Ост-Индской компании с Бирмой.

Пока экспедиция «Глоба» была занята своим делом, на Суматре, Яве, Борнео и Целебесе происходило дальнейшее развитие событий. Капитан Томас Бест, после того как он в 1612 году положил начало английской торговле в Сурате[2] (вопреки яростному сопротивлению португальцев), отправился в апреле 1613 года в Аче, чтобы завязать торговлю перцем. Два года спустя, несмотря на сильнейшее сопротивление голландцев, в Аче, Приамаме и Джамби были основаны фактории. В 1617 году англичане из Бантама основали фактории в Джакарте и Джапаре на северном побережье Явы. В ходе войны с Матарамом голландцы разрушили факторию в Джапаре, но в 1619 году она была восстановлена. В 1611 или 1612 году Бантам также основал факторию в Суккадане, на юго-западном побережье Борнео. Это было сделано в результате сообщения о том, что голландцы добывают там золото и алмазы; однако соперничество со стороны голландцев помешало деятельности этой фактории; когда в 1622 году город был разграблен яванскими войсками, голландцы и англичане понесли тяжелые потери и ушли оттуда.

Фактория в Макассаре, на Целебесе, была основана Джоном Журдэном в 1613 году. Этот упрямый девонский моряк, которого Ян Питерсзон Кун считал «самым виновным» из всех своих английских противников[3], стал главным поборником борьбы против голландцев, когда в том же году сэр Генри Миддлтон поручил ему основать факторию на Молуккских островах. Сначала он отправился в Гиту, на северном побережье Амбоины, где голландцы отка-

---

[1] Фернамбуковое дерево.—*Прим. перев.*

[2] Западное побережье Индостанского полуострова.—*Прим. ред.*

[3] H. Terpstra, De Factorij Oostindische Compagnie te Patani, p. 216.

зали ему в разрешении закупать гвоздику. Затем он отплыл в Луху, на западной оконечности Церама, где голландцы утратили популярность в результате того, что использовали соглашение на монополию для снижения цены на гвоздику почти на 50 процентов. Когда туземцы объяснили ему, что они охотно снабдили бы его гвоздикой, если бы не боялись голландцев, он отправился с протестом в голландскую факторию. Там его встретил возмущенный молодой человек, который оказался не кем иным, как самим будущим генерал-губернатором.

Во время последовавшей беседы они «скрестили оружие». Кун в «желчном тоне» заявил, что если Журдэн будет закупать гвоздику без согласия голландцев, то «это будет равносильно краже и они поэтому будут препятствовать любыми средствами, которыми располагают». Журдэн возразил, что страна открыта для англичан так же, как и для голландцев, и, когда Кун отверг его предложение о том, чтобы поставить этот вопрос на собрании вождей, Журдэн отправился на собрание туземцев и рассказал им, что произошло между ним и Куном. Туземцы потребовали, чтобы пришли голландцы, и в их присутствии подтвердили свое желание торговать с англичанами. Но все это не достигло цели; ибо, хотя Журдэн с презрением отверг угрозы голландцев прибегнуть к силе, ему не удалось убедить туземцев отказаться от повиновения своим господам, и он отплыл в Камбелу на противоположный берег Церама, где, как ему сообщили, он сможет получить значительное количество гвоздики. Журдэн закупил немного гвоздики, но вождь был слишком запуган голландцами, чтобы удовлетворить его просьбу об основании фактории.

Журдэну не оставалось ничего другого, как возвратиться в Бантам, не выполнив своей миссии. По пути он зашел в Макассар, и, хотя голландцы укрепились там, местный правитель был в плохих отношениях с ними и охотно разрешил Журдэну основать факторию. Эта фактория оказалась очень важной, так как Макассар расположен на полпути между Явой и Островами пряностей. Связи этой фактории с Островами пряностей имели большое значение, так как фактория в обмен на золото и весьма необходимый для жителей островов рис получала пряности. В течение многих лет эта фактория вклинивалась в сферу влияния голландцев, стойко сохраняя свою независимость и отражая все попытки голландцев воспрепятствовать существенному нарушению их монополии на пряности вплоть до 1667 года, когда голландцы, наконец, захватили факторию.

Что касается Молуккских островов, то и здесь англичане продолжали попытки вести торговлю вопреки сопротивлению голландцев. По сравнению с перцем, гвоздика приносила в три с лишним раза больше прибылей на лондонском рынке, и повсюду на Востоке был спрос на более тонкие виды пряностей. Со всех точек зрения это была наиболее прибыльная торговля на Востоке, и Фостер пишет, что «едва ли можно винить наших соотечественников за ту настойчивую борьбу, которую они вели против попыток лишить их участия в этой торговле[1]». Однако англичане были слишком слабы, чтобы предпринять что-либо, помимо спорадических усилий, в ходе которых они поощряли туземцев нарушать их контракты с голландцами в расчете на поддержку англичан. Столкнувшись с решительной позицией голландцев, усилия англичан иссякали, как это было при попытках «Конкорда» и «Томасейна» завязать торговлю с Церамом в 1615 году, и несчастные туземцы оказывались брошенными на произвол судьбы.

Но гораздо большие последствия, чем какие-либо другие события, имела серьезная борьба, разгоревшаяся на островах Банда. Она началась в 1615 году, когда экспедиция Джорджа Болла и Джорджа Кокейна на «Конкорде» и «Спидуэлле» отправилась на эти острова. Прибыв в марте на Банданейру, они обнаружили там сильную голландскую эскадру под командованием не более и не менее как самого генерал-губернатора Герарда Рейнста (1614—1616).

[1] Foster, England's Quest Eastern Trade, p. 261.

Убедившись в настойчивости попыток англичан вести торговлю на островах, голландцы решили, что единственным действенным методом сохранения своей монополии является решительная победа. Рейнст не только запретил англичанам вести торговлю, но и направил корабли вслед за англичанами, чтобы не допустить нарушения его приказа. Когда, вопреки бдительности голландцев, Боллу удалось закупить значительное количество пряностей на острове Ваи, голландцы высадили на остров войска. Но туземцы, воспользовавшись поддержкой англичан, изгнали голландцев, причинив им тяжелые потери. В результате всего этого два английских купца были оставлены на острове, а представитель вождей отправился в Бантам, где агентом был Журдэн, с просьбой о помощи против голландцев. Однако Журдэн не располагал силами, чтобы бросить голландцам вызов, и, кроме того, он был осведомлен о том, что в Европе шли переговоры о соглашении. Однако он решил сделать все, что в его силах, так как он полагал, что голландцы не претендуют на Ваи; ему было известно, что вожди с этого острова никогда не заключали соглашений с голландцами[1]. Поэтому в январе 1616 года он послал на острова Банда эскадру из пяти кораблей под командованием Сэмюэля Кастлтона.

Как только голландцы на Банданейре услышали о прибытии Кастлтона на Ваи, они отправили сильную эскадру, чтобы изгнать его. Столкнувшись с численно превосходящими силами противника, Кастлтон малодушно принял условия, продиктованные ему голландским командиром Яном Дирксзоном Ламом, и заверил, что англичане не будут оказывать помощи туземцам Ваи при условии, что, когда голландцы вторгнутся на остров, они не будут вмешиваться в деятельность находящихся там английских агентов, а если голландцы захватят остров, английские агенты покинут его. Пытаться начать борьбу было бы безумием, но Уильям Фостер справедливо утверждал, что Кастлтон мог уйти в результате угрозы применения силы, оставив голландцев в затруднительном положении, так как им пришлось бы иметь дело с английской факторией, существовавшей уже год на острове, на который они не имели обоснованных претензий[2]. Эскадра Кастлтона, оставив пиннассу (катер) для эвакуации фактории на случай, если в этом возникнет необходимость, отправилась на поиски пряностей на Молуккские острова. Но повсюду, где господствовали голландцы, туземцам запрещалось торговать с англичанами. Лишь на Тидоре, где испанцы все еще удерживали крепость, англичанам удалось обменять рис на пряности.

Между тем Ричард Хант, главный английский агент на Ваи, решил не оставлять туземцев на произвол судьбы. Поэтому он убедил их и жителей соседнего острова Рун официально передать острова английской Ост-Индской компании и поднять английские флаги на своих укреплениях. Его необоснованные надежды, что это удержит голландцев, не сбылись. Голландцы быстро овладели островом Ваи; большинство жителей в панике бежало на Рун. Хант также ускользнул от разъяренных голландцев и бежал в Макассар, откуда он направился в Бантам. На время голландцы совсем оставили Рун, а Журдэн, как только услышал о случившемся, отправил новую экспедицию под командованием Натаниэля Кортхопа, чтобы помочь туземцам в защите острова. Он получил указание предложить английскую защиту населению Лонтора, а также Розенгайна.

Кортхоп со своими двумя кораблями «Сван» и «Дефенс» подошел к Руну в декабре 1616 года. Хотя Ваи находился в руках голландцев, вновь была разыграна церемония передачи обоих островов, после того как Кортхоп получил заверения от вождей, что они никогда не заключали соглашений с голландцами. Были выгружены пушки и проведена подготовка к обороне. Были также заключены соглашения с правителями Розенгайна и одного из городов на Лонторе о передаче их земель британской короне. Однако голландцы были столь же решительны, как и Кортхоп. Они напали на «Сван» и захватили его,

[1] По этому вопросу см. Heeres, «Corpus Diplomaticum», I, p.35.
[2] Foster, op. cit., p. 264.

убив в сражении одного из старших офицеров экспедиции. Тогда Кортхоп приготовился к отчаянному сопротивлению. Он укрепил небольшой остров Наилака, у которого стоял на якоре его корабль, и подготовился отправить «Дефенс» в укромное место. К несчастью, во время этих операций корабль начало относить течением, и в конце концов мятежная часть команды увела корабль и сдала его голландцам.

Таково было положение дел, когда голландский генерал-губернатор Лоуренс Реэл прибыл на Банданейру. Сознавая всю серьезность положения, он решил попытаться прибегнуть к переговорам, прежде чем перейти к более суровым мерам. Его предложения не отличались от тех, которые ранее принял Кастлтон на Ваи: если англичане предоставят голландцам распоряжаться на острове, их корабли будут возвращены им и они смогут увезти все пряности, которые они собрали. Но Кортхоп ответил, что он не будет изменником своего короля и родины и не предаст туземцев. Его собственное контрпредложение сводилось к тому, что, если Реэл согласится перенести решение вопроса о спорной территории в Бантам или Европу, он готов уйти. Генерал-губернатор в свою очередь отверг эти условия, и переговоры были прерваны. Реэл решил подождать подкрепления, прежде чем напасть на Рун; Кортхоп держался на острове Наилака и отправил в Бантам настоятельную просьбу о помощи. Но Журдэн уже не распоряжался там: он отправился на родину. Поэтому не было предпринято никаких эффективных мер, чтобы помочь острову, над которым нависла угроза. В ноябре 1617 года Реэл написал английскому губернатору в Бантаме, требуя эвакуации Руна и угрожая нападением на любой английский корабль, который появится у Молуккских островов. Он получил ответ, составленный в вызывающем тоне и гласивший, что остров будет защищаться до последнего, а ответственность за возможное кровопролитие падет на него.

В 1618 году отношения между обеими сторонами становились все хуже и хуже. Голландцы были действительно озабочены положением на Островах пряностей, они опасались, как бы туземцы, ободряемые англичанами, не напали на слабые голландские гарнизоны и не уничтожили их. К этому времени голландцы контролировали уже чрезвычайно обширную территорию, в результате чего их силы были рассеяны, что ставило их власть под угрозу. В июне этого года Ян Питерсзон Кун стал генерал-губернатором Нидерландской Индии и тотчас же начал укреплять систему управления. Еще в 1614 году он изложил директорам Объединенной компании свою политическую линию[1]. Он рекомендовал программу широкой территориальной экспансии и колонизации за счет испанцев и португальцев, а также прекращение допуска в эти моря кораблей других европейских конкурентов. Он считал, что наибольшую опасность представляет английская конкуренция; на Молуккских островах англичане подорвали торговлю тканями и увезли большое количество пряностей. По его замыслу, острова Банда должны были быть заселены колонистами из других мест или окончательно покорены силой оружия. Более того, чтобы сконцентрировать все свои силы и руководить ими, голландцы должны провести сбор своих кораблей и войск. Согласно составленным им инструкциям, которые были подписаны «Советом семнадцати» и утверждены штатгальтером Морицем, он пользовался правом изгонять, в случае необходимости с применением силы, всех иностранцев — союзников и противников — из всех мест, где голландцы ведут торговлю. Иностранные корабли должны подвергаться обыску, и, в случае если будут найдены пряности, последние должны отбираться.

В ноябре того же года Джон Журдэн прибыл в Бантам в качестве английского резидента. Его назначение означало переход английской Ост-Индской компании к более энергичной политике. Находясь в Англии, он присутствовал на заседании комитета компании и настаивал на предоставлении войск,

[1] «Discoers aen de E. Heeren Bewinthebberen, touscherende den Nederlantsche Indischen Staet».

достаточных не только для того, чтобы удержать Бантам, но и вести торговлю с Молуккскими островами и островами Банда. Он утверждал, что неуклонное противодействие стремлению голландцев установить монополию не приведет к войне, так как голландцы не решатся прибегнуть к крайним мерам. Он недооценил Яна Питерсзона Куна.

Журдэн был отправлен с флотом, состоявшим из шести кораблей, под командованием Томаса Дейла, причем ему была вверена власть над всеми факториями компании, за исключением Сурата и его владений. У берегов Суматры флагманский корабль «Сан» потерпел крушение. По прибытии в Бантам англичане узнали тревожные вести: два корабля, посланные на Рун на помощь Кортхопу, были захвачены голландцами, а на улицах Бантама голландцы нападали на англичан. Но положение голландцев на Яве было не столь уж надежным. Их отношения с Ранамангалой[1], правителем Бантама, были настолько напряженными, что Кун угрожал ликвидировать факторию. Он отправился в Джакарту, чтобы превратить основанную там голландскую факторию в место сбора всех своих сил. Но когда, вопреки строгому приказу *пангерана*[2], он приступил к укреплению этого пункта, началась война. Примерно в это же время голландская фактория в Джапаре была захвачена силами *сунана*[3] Агунга, правителя Матарама, который стремился к воссозданию империи Маджапахит, и Кун пришел к заключению, что против голландцев образуется коалиция яванских государств. И так как большинство его кораблей охраняло Острова пряностей от ожидаемых нападений англичан, которые могли последовать в виде репрессий за действия против английских кораблей на острове Рун, то в результате прибытия кораблей под командованием Дейла и присоединения его к другому английскому флоту, во главе с Мартином Прингом, уже вышедшему из Бантама, Кун оказался перед лицом значительно превосходящих сил противника на море.

Осложнения начались 14 декабря 1618 года, когда корабль «Зварте леу» по прибытии из Патани в Бантам был захвачен Дейлом и задержан им в качестве залога удовлетворения требований англичан. К несчастью, на корабле случайно вспыхнул пожар, и он сгорел, а Кун в отместку напал на английскую факторию в Джакарте и уничтожил ее. Вслед за этим Дейл отплыл в Джакарту, и между английской и голландской флотилиями произошел бой, не приведший к решающим результатам. Куну, однако, удалось вывести свой флот и отплыть на Амбоину, чтобы собрать подкрепления и сконцентрировать свои силы. Он был готов пожертвовать осажденным фортом в Джакарте, чтобы спасти свои корабли. И Дейл, хотя главной задачей его экспедиции была охрана английской торговли на Островах пряностей, малодушно решил не преследовать Куна и не выручать отважного Кортхопа. Вместо этого он остался в Джакарте, чтобы помогать пангерану в его борьбе против голландского форта. При создавшемся положении это был серьезный просчет, так как, когда голландский совет согласился на условия капитуляции, по которым личный состав голландских кораблей должен был перевозиться на Коромандельское побережье на английских кораблях, в Джакарте неожиданно появился со своей армией Ранамангала, правитель Бантама, и потребовал, чтобы форт и все пленные были переданы ему. Короче говоря, Дейл, не желая нарушать условия соглашения, заключенного им с голландцами, отплыл в Бантам. Бантамская армия оттеснила осаждающие силы пангерана, но затем оказалась не в силах захватить форт, который продержался до конца мая 1619 года и был освобожден Куном, возвратившимся с Амбоины с мощным флотом.

Успех смелой игры Куна превзошел все его ожидания, так как он по возвращении убедился, что положение изменилось в его пользу. Во-первых, англичане поссорились с Ранамангалой и решили, по крайней

---

[1] Он был главным министром и, так как правитель государства был несовершеннолетним, фактически возглавлял государство.

[2] Пангеран — яванский княжеский титул.—*Прим. ред.*

[3] Сунан — титул правителя государства.—*Прим. ред.*

мере временно, оставить Бантам. Дейл и Принг, корабли которых были в плохом состоянии, отправились на Коромандельский берег, чтобы произвести ремонт и собрать больше кораблей для борьбы против Куна. Сам Журдэн с двумя кораблями отправился к факториям в Джамби, Патани, Аютии и в другие места, чтобы получить крайне необходимую помощь. Кун узнал об этих событиях, когда предпринимал первые шаги по закладке на месте Джакарты нового города, Батавии — столицы Голландской восточной империи; он отправился в Бантам, чтобы бросить вызов Дейлу и Журдэну и тотчас же отправил три корабля в погоню за Журдэном. В середине июля они нашли его корабли, стоявшими на якоре у Патани и атаковали их. Результат был предопределен заранее; Журдэн был пойман в ловушку, и, хотя он упорно сражался, потери его были столь велики, что он был вынужден начать переговоры о капитуляции. В ходе переговоров, на время которых было объявлено перемирие, он неосмотрительно появился на палубе и был немедленно убит выстрелом с одного из голландских кораблей. Голландцы заявили, что его смерть была несчастным случаем, но, согласно английским источникам, «фламандцы, выследив его, самым предательским и жестоким образом застрелили из мушкета». Современные голландские исторические исследования подтверждают эту точку зрения; так, Терпстра в своей истории голландской фактории в Патани пишет: «Тщательное сопоставление фактов убедило меня, что английская точка зрения более приемлема, чем голландская»[1].

Этим несчастья англичан не ограничились. В следующем месяце голландцы захватили «Стар» в Зондском проливе; несколько недель спустя они неожиданно напали и захватили не менее четырех английских кораблей в порту Тику на западном побережье Суматры, в котором велась торговля перцем. Дейл умер в Масулипатаме в августе 1619 года. Его эскадра под командованием Принга была готова к отплытию на архипелаг только в декабре того же года. В марте в Тику к ней присоединились три корабля из Сурата. 8 апреля в Зондском проливе на пути в Бантам соединившиеся эскадры встретили корабль, шедший из Англии и привезший весть о подписании англо-голландского договора, согласно которому обе компании должны участвовать в торговле на архипелаге и совместно нести расходы на оборону. Четыре дня спустя, по прибытии в Бантам, они узнали, что Кун уже получил из Голландии уведомление о соглашении, и, таким образом, вместо того чтобы встретиться как противники, англичане и голландцы теперь должны были сотрудничать как союзники.

Эта кратковременная попытка покончить с соперничеством, которое принимало форму необъявленной варварской войны, отнюдь не была столь нереальной, как это могло показаться с первого взгляда. В конце 1618 года с инициативой выступили голландцы, так как директора голландской Объединенной Ост-Индской компании, предвидя окончание Антверпенского перемирия, сочли необходимым договориться с англичанами. Однако английская Ост-Индская компания была настроена враждебно, и переговоры, начатые в декабре 1618 года, несколько раз находились под угрозой срыва, прежде чем 17 июля 1619 года было достигнуто соглашение. Фостер утверждает, что соглашение было заключено только благодаря давлению, оказанному Яковом I[2], а по утверждению Стапеля, отношение короля было весьма сдержанным[3]. Основными пунктами соглашения были следующие: а) обе стороны должны простить и предать забвению прошлые обиды; пленные должны быть освобождены, а захваченные корабли возвращены по принадлежности; б) каждая компания должна закупать половину имеющегося в наличии перца; доля англичан должна составить одну треть всего объема торговли пряностями Молуккских островов, Амбоины и островов Банда; в) должен быть учрежден Совет обороны, состоящий из четырех членов от каждой стороны и имеющий

---

[1] Terpstra, op. cit., p. 215.
[2] Foster, op. cit., p. 276.
[3] Stapel, Geschiedenis van Nederlandsch-Indië, III, p. 142.

в своем распоряжении флот обороны из десяти кораблей от каждой стороны; г) каждая сторона должна сохранить свои форты и крепости и в течение ближайших двух-трех лет не должна строить новых; д) каждая компания должна владеть своим собственным капиталом и сама вести свои расчеты.

Характерна реакция Куна, когда он узнал об условиях соглашения. Он писал на родину, что вряд ли можно считать благоразумным столь поспешно принятое директорами решение надеть столь тяжелое ярмо и уступить так много своих законных завоеваний. Они, заявлял Кун, вскармливают змею на своей груди. Но труднее всего, по его мнению, понять, почему англичанам нужно уступить треть всей гвоздики, мускатного ореха и мускатного «цвета», когда они не могут претендовать ни на один дюйм побережья Молуккских островов, Амбоины и островов Банда. Как бы ни расценивали трудности, связанные с выполнением договора, однако не подлежит сомнению, что выполнение этого пункта намеренно саботировалось Куном. В 1608 году «Совет семнадцати» писал: «Острова Банда и Молуккские являются нашей главной целью, по которой мы ведем огонь». Они должны были теперь стать главной скалой, о которую разобьется ненадежное англо-голландское сотрудничество.

Весть о соглашении достигла Роберта Гейса, главного английского агента в Наилаке, лишь в ноябре 1620 года. Месяцем раньше его предшественник, отважный Натаниэл Кортхоп, на обратном пути из Лонтора попал в устроенную голландцами засаду и был убит. Весть о соглашении положила конец военным действиям, но в остальном положение осталось без изменений. Между тем в Батавии Кун и его совет приняли решение завершить покорение островов Банда, которое было приостановлено после захвата ими Ваи в 1616 году. Кун оправдывал это решение перед директорами тем, что жители островов Банда сбывают свою продукцию испанцам на Тидоре. Он пригласил англичан участвовать в экспедиции, но, по голландским источникам, они отказались под тем предлогом, что у них не было в наличии кораблей.

В январе 1621 года сам Кун, возглавив флот, состоявший из двенадцати кораблей, взялся за выполнение этой задачи. Первой его целью было покорение Лонтора. Заканчивая свои приготовления к высадке, он предложил жителям острова мир, если они будут передавать весь свой запас мускатного ореха и мускатного «цвета» исключительно голландцам на условиях первоначального соглашения. Он также информировал о своих намерениях Роберта Гейса, и, когда последний убеждал его подождать прибытия английских кораблей, наотрез отказался. Жители островов сопротивлялись как могли, но в конце концов 11 марта 1621 года были вынуждены капитулировать. Вскоре после этого жители Руна, опасаясь нападения голландцев, также покорились. Голландцы заняли остров, заставили англичан уйти, оставив лишь на Наилаке английский пост. Несколько дней спустя на острова прибыл английский корабль под командованием капитана Хэмфри Фицгерберта, и 19 марта был торжественно разыгран фарс заключения англо-голландского договора. Голландцы, однако, начали закреплять свои завоевания постройкой нового форта Холландия-кастл на Лонторе.

В результате этого среди жителей островов Банда возникло убеждение, что англичане предали их, и на Лонторе вспыхнуло серьезное восстание, поддержанное восставшими на других островах. Тогда Кун приступил к осуществлению всего своего плана в целом, который сводился к тому, чтобы выселить всех местных жителей и заселить мятежные острова другими поселенцами. Этот план был осуществлен с чудовищной жестокостью. Сотни людей на Лонторе были захвачены и отданы в рабство на Яву, их хижины и лодки систематически уничтожались. Сорок семь оранг-кайя (даяков), захваченных в качестве заложников, были подвергнуты пыткам и казнены, когда восставшие, укрывшиеся в горах, отбили наступление голландцев. Тысячи туземцев умерли голодной смертью в горах, но не сдались. Около 300 бежали на прау на южный Церам. Жители Руна, узнав о расправе на Лонторе, пытались спастись бегством, но были схвачены, и все взрослые мужчины, число которых достигало 160 человек, были убиты. Обрабатываемые земли были затем разделены

между служащими компании, с тем чтобы они возделывались рабским трудом. «Кун участвовал во всем этом деле,— пишет Коленбрандер[1],— которое запятнало память о нем, с жесткой бесчеловечностью, ужаснувшей даже служащих компании». И когда его бывший коллега Аэрт Гиселс услышал об этом, он написал: «Мы должны понять, что они [местные жители — *Ред.*] сражаются за свободу своей страны точно так же, как мы в течение долгих лет отдавали наши жизни и средства в защиту свободы нашей страны». Даже директора были вынуждены написать Куну и высказать пожелание, чтобы он выполнял свою задачу с большей умеренностью[2].

Добившись поставленной цели, Кун затем перенес свое внимание на Амбоину и Молуккские острова. Он заставил вождей Амбоины заключить новый договор, по которому они признавали власть голландцев. В отношении Церама, вожди которого не проявили желания следовать по этому пути, была применена некоторая доза того же лекарства, что и к островам Банда. На Молуккских островах возникли более значительные трудности, так как испанцы все еще удерживали остров Тидоре, а Кун не мог выделить достаточно сил, чтобы расправиться с ними. Более того, он вынужден был вернуться в Батавию, прежде чем попытался добиться окончательных результатов.

Между тем соглашения об англо-голландском сотрудничестве и в других областях потерпели полнейший провал. В Батавии был создан Совет обороны, предусмотренный по договору. Вражда голландцев с Ранаманггалой из Бантама не затухала, и блокада ими этой области была столь сильной, что англичане, не имея возможности вести там торговлю, перенесли свое управление в Батавию, где они столкнулись с нетерпимым для себя положением. Голландцы настаивали на том, что их власть является верховной по праву завоевания и что все англичане подсудны голландским судам. Срок Антверпенского перемирия истек в 1621 году, и Кун строил планы экспедиций против Манилы и португальских портов в Индии и Мозамбике. Англичане были втянуты в эти приготовления, но когда выяснилось, что они не могли обеспечить своей доли в расходах и предоставить соответствующее число кораблей, стремление к сотрудничеству ослабело. К тому времени, когда Кун отправился на родину по окончании первого срока своего генерал-губернаторства в начале 1623 года, англичане приняли решение оставить Батавию и отозвать своих агентов из всех голландских поселений. Прежде чем они смогли осуществить свое решение, произошло событие, оказавшее более глубокое и более устойчивое влияние на отношения между этими двумя странами, нежели какой-либо другой факт этого злосчастного периода. Он получил известность как «Амбоинская резня».

Оставляя в 1622 году Амбоину, чтобы вернуться в Батавию, Кун указал губернатору Херману ван Спелту, чтобы последний пресекал попытки англичан подорвать его власть. Англичане по договору 1619 года вели в Амбоине торговлю под защитой голландского форта Виктория-кастл. Отношения с голландцами были хорошими до 23 февраля 1623 года, когда внезапно члены английской фактории — восемнадцать англичан, одиннадцать японцев и один португалец — были арестованы голландцами по обвинению в заговоре с целью захвата крепости. Под пытками у всех у них были вырваны признания, и после «суда» десять англичан, включая главного агента Габриеля Тауерсона, десять японцев и один португалец были обезглавлены. Стапель придерживается мнения, что, хотя наказание было весьма суровым, нельзя отрицать того факта, что заговор имел место[3]. Но так как все показания были получены под пытками, они не имеют никакой цены, и единственный вывод, который кажется вероятным, это то, что либо голландцы действовали в состоянии паники, как это имело место в случае со смертным приговором Питеру Эберфелту в Батавии в 1721 году, что осудил сам Стапель[4], либо они поступили обдуманно, чтобы заставить англичан покинуть Острова пряностей. Поспешность след-

---

[1] Colenbrander, Kolonial Geschiedenis, II, p. 117.
[2] Stapel, op. cit., III, p. 151.
[3] Stapel, op. cit., p. 161.
[4] Stapel, Geschiedenis van Nederlandsch-Indië, 1930, p. 133.

ствия и неубедительные объяснения по поводу того, почему дело не было передано в Батавию до исполнения приговора, вызывают серьезнейшие подозрения.

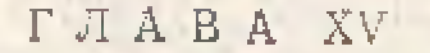
В Англии были предприняты попытки разрешить трудности, которые возникли в связи с договором, и в январе 1623 года было заключено новое соглашение. Но грубое нарушение закона на Амбоине теперь уничтожало всякую надежду на дальнейшее сотрудничество. В начале 1624 года англичане ликвидировали свою факторию в Батавии и попытались обосноваться на одном из островов в Зондском проливе. Но условия там были крайне нездоровыми; вскоре англичане так ослабели, что не могли защитить себя от нападений грабительских банд с Суматры. В мае 1625 года им пришлось воспользоваться помощью голландцев, чтобы вернуться в Батавию, где преемник Куна, де Карпентье, разместил их в заброшенном здании школы. В 1627 году, когда Кун вернулся на Яву, англичане решили перебраться в Бантам, и султан, который все еще оставался в плохих отношениях с голландцами, охотно принял их под свою защиту. Там они оставались до тех пор, пока голландцы в 1682 году не захватили Бантам. По соглашению 1623 года остров Рун был признан английской собственностью, но голландцы держались за него, и английская Ост-Индская компания не могла основать там факторию. В конце первой голландской войны[1] в 1654 году голландцы согласились возвратить Рун и уплатить 85 тысяч фунтов стерлингов в возмещение ущерба, нанесенного Ост-Индской компании. Но компания все еще не могла владеть островом. В 1662 году Карл II поднял этот вопрос, и голландцы снова согласились отдать остров. В 1665 году Ост-Индская компания фактически заняла остров, а затем несколько месяцев спустя в результате второй голландской войны[2] потеряла его. В конце концов по договору, заключенному в Бреда в 1667 году, которым закончилась война, остров был уступлен голландцам.

Интересно отметить, что в течение тех лет, когда англичане вели конкуренцию с голландцами за торговлю на Островах пряностей, английская Ост-Индская компания могла выплачивать более высокие дивиденды, нежели голландская Объединенная Ост-Индская компания. Это объясняется тем, что голландцам приходилось уделять слишком большую долю своих прибылей на расходы по сооружению фортов, содержанию крупных гарнизонов и снаряжению военных эскадр. Они были твердо убеждены, что монополия на пряности является жизненно важным вопросом для страны, и поэтому, по словам резкого критика, «прилагали огромные усилия к созданию империи — цель, которая имела лишь преходящее значение»[3]. Так как с расширением мировой торговли торговля пряностями получала все меньшее и меньшее значение, сосредоточение всех сил голландцев на Востоке привело к ослаблению их национальной мощи во второй половине XVII века.

Что касается Юго-Восточной Азии, то победу голландцев над англичанами следует рассматривать как первый решительный шаг к образованию новой империи, которая на первых порах была торговой империей, такой, как Шривиджайя и Малакка, но постепенно превращалась по преимуществу в территориальную; однако эта империя не являлась в полном смысле слова ни торговой, ни территориальной, так как центр ее управления находился за тысячи миль.

---

[1] То есть англо-голландской войны 1652—1654 годов.—*Прим. ред.*
[2] То есть англо-голландской войны 1665—1667 годов.—*Прим. ред.*
[3] J. A. Williamson, The Ocean in British History, p. 103.



ГЛАВА XV

ЭКСПАНСИЯ ОБЪЕДИНЕННОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ (1623—1684)

Ян Питерсзон Кун был основателем Голландской империи в Ост-Индии; но ее развитие после его смерти едва ли пошло по тому пути, который он стремился проложить. По его планам, Батавия должна была стать центром великой торговой империи, основанной на полнейшем контроле на море. Он не предусматривал какого-либо значительного расширения в территориальном отношении и не интересовался политическими делами внутренней части Явы. Территориями, которые, по его мнению, должны были находиться в фактическом владении Объединенной Ост-Индской компании, были мелкие острова, такие, как Амбоина и Банда. Остальная же часть империи должна была состоять из хорошо укрепленных торговых поселений, тесно связанных друг с другом и охраняемых непобедимыми морскими силами.

Империя не должна была ограничиваться Индонезией; ее форты и торговые посты должны были быть широко раскинуты по всему Востоку. Особенно он стремился завоевать Манилу и Макао, чтобы вытеснить испанцев и португальцев с Филиппин и китайского побережья. Он считал, что нужно поселить большое число голландских колонистов, которые должны были руководить трудом рабов на плантациях на Островах пряностей и в других местах, помогать защищать вновь приобретенные владения и участвовать в торговле между азиатскими странами. Эта торговля, по его мнению, могла принести значительно большие прибыли, нежели торговля между Европой и Азией, потребность которых в товарах, производимых каждой стороной, была весьма ограниченной. Его идеи были не столько реальными, сколько туманными, фантастичными и крайне жестокими. В те дни, когда он был генеральным директором по вопросам торговли в Батавии, его планы в отношении Островов пряностей ужаснули Лоуренса Реэла — его предшественника на посту генерал-губернатора, который считал, что осуществление этих планов будет связано с такими жестокостями в отношении туземного населения, что может повлечь за собой крах Объединенной Ост-Индской компании.

Военные мероприятия Куна привели к колоссальному росту расходов компании; и хотя методы отчетности компании и потеря некоторых бухгалтерских книг делают невозможным точное исчисление прибылей и убытков за ранний период, его собственные подсчеты за 1613—1620 годы показывают дефицит в 8 тысяч гульденов, и в некоторых случаях директора вынуждены были прибегать к займам, чтобы поддержать средний дивиденд на уровне 10 процентов. И тем не менее Кун был убежден, что, если бы торговая система была перестроена согласно его предложениям, дальнейший вывоз капитала из Голландии мог бы принести колоссальные прибыли. После его смерти развитие межазиатской торговли компании, на что он возлагал надежды, действительно принесло компании весьма удовлетворительные прибыли, хотя директора и отвергли его предложения о колонизации, что было главным пунктом его программы.

Кратковременное вторичное пребывание Куна на посту генерал-губернатора (1627—1629) явилось наглядным уроком, свидетельствовавшим о той опасности, которой подвергается торговая империя, не имеющая территории.

Сунан Агунг, правитель Матарама, достиг многого в осуществлении своего стремления возродить мощь Маджапахита. Из года в год неуклонно ширились его завоевания. В 1621 году он взял Тубан; в следующем году вторично пал Гресик, и он отправил экспедицию на Борнео, которая разрушила Суккадану. В 1624 году сунан Агунг опустошил Мадуру, убил вождей и выслал 40 тысяч человек на Яву. В 1625 году он завоевал Сурабайю. Он присвоил себе титул *сусухунана* («тот, кому все повинуются») и заявил свои притязания на верховную власть над всем островом. Но Бантам отказался признать его притязания, а Батавия, хотя она и начала с 1622 года посылать официальные посольства с дарами, отказалась помогать ему при его нападении на Сурабайю, чем навлекла на себя его гнев. Поэтому в 1626 году он отказался принять обычное голландское посольство и повел подготовку к нападению на Батавию.

Так обстояли дела, когда возвратился Кун. Батавия все еще продолжала жестокую блокаду торговли Бантама, которая была установлена в бытность Куна генерал-губернатором, и он принялся укреплять оборону города в первую очередь против нападений со стороны своих ближайших соседей. В канун рождества 1627 года войска Бантама в результате неожиданного нападения фактически проникли в крепость, но были изгнаны. Восемь месяцев спустя Матарам также предпринял неожиданную атаку с моря, но в результате отчаянного сопротивления это нападение было также отбито. В 1629 году Агунг осадил город самыми многочисленными силами, которые он смог собрать. Но столь многочисленную армию было трудно обеспечить достаточным количеством продовольствия с помощью сухопутного транспорта, а голландцы нападениями на корабли с продовольствием обрекли его армию на голод. Через пять недель колоссальная армия *сусухунана* вынуждена была начать беспорядочное отступление, оставляя за собой путь, усеянный трупами людей и животных, погибших от голода и истощения. Во время осады Кун заболел холерой и спустя несколько часов умер. Это второе нападение Матарама на Батавию встревожило султана Бантама, который понял, что вслед за падением города атакам подвергнется его государство. Поэтому он предложил мир на условиях, которые были приняты, и десятилетняя блокада была снята.

Тяжелое поражение, нанесенное голландцами войскам сунана Агунга, не привело к установлению лучших отношений, хотя Хендрик Броуер, занявший в 1632 году пост генерал-губернатора, предпринял попытку договориться с ним. Военные столкновения продолжались, но были незначительны по своим масштабам, так как *сусухунан* оставил запад в покое и сосредоточил свое внимание на востоке. Он был ревностным мусульманином, и одним из его шагов, имевших далеко идущие последствия, было развитие отношений с мусульманскими государствами Аравии, в результате чего в Индонезии вновь оживилась деятельность проповедников ислама. Паломники из Мекки стремились возродить и укрепить веру среди народов, которые хотя формально были мусульманами, но все еще придерживались большинства своих старых, традиционных обрядов и ритуалов. Агунг объявил священную войну двум районам — острову Баламбангану и острову Бали, которые вплоть до того времени все еще противились обращению в ислам. В 1639 году он завоевал Баламбанган и выслал бо́льшую часть его населения. Бали, однако, с беспримерным мужеством противостоял его нападению и сохранил свою независимость.

Голландцы, избавившись от угрозы со стороны Матарама, вступили в полосу больших успехов и завоеваний. Дело значительно продвинулось вперед при Антони ван Димене (1636—1645). В 1629 году Ян Петерсзон Кун избрал его своим преемником, но Совет Индии решил по-иному, назначив в качестве фактического генерал-губернатора Жака Спекса. Но директора в Голландии после длительных размышлений назначили генерал-губернатора из своего состава — Хендрика Броуера. По сравнению с Куном и ван Დименом как Спекс, так и Броуер были посредственностями; но, когда Стапель[1] характеризует период их деятельности как период, когда экспансия

[1] S t a p e l, Geschiedenies van Nederlandsch-Indië, 1943, p. 85.

в новые области осуществлялась недостаточно энергично, он, несомненно, имеет в виду только архипелаг, так как в начале 30-х годов XVII века осуществлялась значительная экспансия на Индокитайском полуострове — в Аракане, Бирме, Тенассериме, Сиаме и Кохинхине. В каком-то смысле это было продолжением политики Куна, направленной на уничтожение туземного населения и на развитие иностранного, европейского, судоходства в Ост-Индии. Голландские фактории на Коромандельском берегу — «левая рука Молуккских островов»— стремились вырвать у индийских и арабских купцов торговлю индийскими тканями. Для того чтобы добиться этого, сочли необходимым создать фактории во всех тех пунктах вне Индии, которые ввозили эти товары.

Таким образом, голландцы в своем неуклонном стремлении установить полный контроль над торговлей в Бенгальском заливе вновь открыли в 1634 году свою факторию в Аракане, впервые создали факторию в Бирме и отправили разведывательную экспедицию в Тенассерим, находившийся тогда в руках сиамцев. Восстановление араканской фактории было тесно связано с непрерывной блокадой Малакки, которая началась в 1633 году и продолжалась вплоть до падения города в 1641 году. Аракан вывозил рис, а Батавия, столкнувшись с враждебным отношением сунана Агунга и его неоднократными запрещениями голландцам вывозить рис из его владений, настоятельно искала новых источников снабжения. Поэтому на протяжении всей истории этой фактории подавляющая часть ее торговли приходилась непосредственно на Батавию[1].

С другой стороны, рискованные мероприятия в отношении Бирмы и Тенассерима предпринимались и направлялись Пуликатом[2]. Во всех трех пунктах голландцы вступали в соперничество с индийскими купцами; и хотя в течение примерно половины столетия голландцы преуспевали, они не могли вытеснить индийцев. Повсюду, где велась относительно честная конкуренция, азиат — араб, перс, индиец или китаец — всегда мог сохранить свои позиции. Только там, где голландцы прибегали к силе, как это имело место на Островах пряностей, они могли получить преимущество перед азиатским торговцем; но даже и там они не могли вытеснить его окончательно и должны были заключать с ним временные соглашения. На материке, где существовали более мощные монархии, голландцы редко могли диктовать свои условия, а азиатские торговцы занимали слишком прочное положение, чтобы можно было их вытеснить.

В начале 30-х годов XVII века наблюдалось развитие отношений голландцев с Сиамом и Аннамом. На помощь королю Сиама Прасаттонгу в его борьбе против Камбоджи и португальцев, с одной стороны, и мятежного Патани — с другой, были посланы голландские корабли. В 1632 году принц Фредерик Генрих Оранский направил поздравительное письмо королю Сиама, а в 1634 году ван Флит обосновался в качестве голландского агента в прочном кирпичном здании в Аютии. Это положило начало длительному периоду голландского господства в торговле Сиама. В этот период Сиам, подобно Аракану, приобрел новое значение в глазах голландцев в связи с продовольственной проблемой. «Этот пункт,— писал в 1636 году Йоост Схоутен в своем «Описании Сиама»,— снабжает Батавию значительным количеством продовольствия». Аютия послужила отправным пунктом для основания в 1637 году фактории в Камбодже, откуда в 1641 году вверх по трудно проходимой реке Меконгу отправился ван Вейстхофф, чтобы завязать отношения с лаосским королевством Вьен-Чанг (Вьентян). С основанием в 1633 году фактории в Кюинаме установились прочные торговые отношения с Аннамом, но в связи с основанием четыре года спустя фактории в Тонкине они сложились неудачно и вскоре были прерваны. Как Чини, правители Ханоя, так и Нгюены, прави-

---

[1] D. G. E. Hall, Studies in Dutch Relations with Arakan, IBRS, XXVI, pt. I, p. 1—31.

[2] Пуликат — город в Индии.— *Прим. ред.*

тели Хюэ, приветствовали европейских купцов, но, так как они воевали друг с другом, вести торговлю с обоими практически было невозможно.

Таким образом, очевидно, что, хотя период генерал-губернаторства Спекса и Броуера и не характеризуется столь яркими результатами, которые были достигнуты при Куне и ван Димене, он все же представляет интерес. Голландские историки слабо его освещали главным образом потому, что успех описанных выше мероприятий был сравнительно невелик. Существование фактории в Мрохаунге (в Аракане) было исполнено превратностей, и в конце концов на исходе XVII столетия она была ликвидирована. Фактории, основанные в Бирме, несколько раз оказывались перед угрозой ликвидации, и в 1679 году они были закрыты. В Сиаме во второй половине столетия король Нарай, пытаясь избежать господства голландцев, призвал французов; и хотя попытка Людовика XIV обеспечить для себя в Сиаме доминирующее влияние провалилась с падением Константа Фолкона в 1688 году, голландцы никогда не смогли вернуть свои прежние позиции. Их фактория в Тонкине просуществовала до 1700 года, но она не принесла успехов в торговле.

Ван Димена называли «человеком, воплотившим в себе государственного деятеля, воина, мореплавателя и купца». По мнению голландцев, как один из создателей Голландской империи в Ост-Индии, он идет вслед за Куном. Он многим обязан Куну; вскоре по прибытии в Батавию директора прислали приказ о возвращении его на родину в связи с тем, что он был банкротом и проник на службу компании под чужим именем, но Кун не посчитался с приказом и предоставил молодому человеку возможность быстро выдвинуться. К тому времени, когда он в 1636 году занял свой пост, наиболее насущной задачей была торговля пряностями. Неизменное стремление голландцев усилить свою монополию задевало интересы населения Амбоины и Молуккских островов; происходили беспорядки, и велась «контрабандная торговля». Султан Хамджа на острове Тернате был союзником Объединенной Ост-Индской компании, но его *кимелаха* (заместитель правителя) на юге Церама был в тесной связи с султаном Макассара и поддерживал крупную контрабандную торговлю, центром которой был Макассар. Попытка голландцев захватить в 1635 году юг Церама потерпела полнейший крах и вызвала столь сильные волнения на всех островах, что в 1637 году ван Димен отправился с флотом, состоявшим из семнадцати кораблей, навести порядок. Он подавил восстание на Цераме и восстановил мир на островах, но, как только он ушел, прежние осложнения возобновились вновь.

Поэтому в 1638 году он возвратился на Амбоину и заключил новое соглашение с султаном Хамджой, который лично прибыл встретить его. На обратном пути он побывал в Макассаре, где покончил с длительной войной, которая велась с 1616 года между Объединенной Ост-Индской компанией и правителем, заключив соглашение, по которому последний признал права компании на Острова пряностей и предоставил ей право захватывать и уничтожать любые макассарские корабли, появляющиеся вблизи островов. Применить более крутые меры ван Димен не решился, так как его корабли и солдаты нужны были в другом месте. Во время второго посещения Амбоины в 1638 году он направил карательную экспедицию против Бутона, расположенного к юго-востоку от побережья Целебеса, который активно участвовал в тайной торговле пряностями. Эти мероприятия несколько улучшили положение, но оказались недостаточными для разрешения проблемы. Пока Макассар оставался непокоренным и процветал как центр деятельности английских, французских, португальских и голландских купцов, торговавших пряностями, монополия на торговлю пряностями оставалась неосуществленной мечтой. Но у ван Димена были связаны руки его обязательствами на Цейлоне и перед Малаккой, тогда как сусухунан Матарама Агунг снова создавал серьезные осложнения, запрещая продавать рис голландцам и препятствуя их торговле на северном побережье Явы.

Цейлон и Малакка все еще были важными центрами господства португальцев. На Цейлоне, где португальцы крепко держали в своих руках все

его порты, Синга, раджа Канди, стремился заручиться в борьбе против них помощью голландцев. В ответ на просьбу, с которой он обратился в 1636 году к губернатору голландских коромандельских факторий, ван Димен начал блокаду Гоа. В 1638 году голландский флот под командованием Адама Вестерволта пришел на помощь радже Синге, открыто воевавшему в тот период с португальцами, и захватил португальский флот в Баттикалоа. За это раджа Синга заключил договор, предоставлявший голландцам монополию на торговлю корицей. В течение нескольких последующих лет голландцы захватили и другие португальские поселения и создали сильные гарнизоны в Гелле и Негомбо. Они достигли значительных успехов в установлении полного господства над Цейлоном, когда Португалия в результате успешного восстания против Испании в 1640 году заключила перемирие на десять лет с Нидерландами, по которому Коломбо все еще оставалось в руках португальцев.

Прежде чем новое соглашение вступило в силу на Востоке, Малакка наконец в 1641 году пала. Вплоть до конца она оказывала ожесточенное сопротивление. В 1606 году Маталиф и в 1615 году ван дер Хаген не смогли овладеть ею. Несколько раз голландцы пытались завязать связи с Аче, старым врагом португальцев, но ничего из этого не вышло. Малакка оставалась помехой для голландцев, оказывая поддержку как Матараму, так и Макассару в борьбе против них. Начиная с 1633 года голландцы установили жестокую блокаду порта, серьезно нарушая его торговлю и снабжение. В августе 1640 года с помощью султана Джохора, потомка последнего султана Малакки, изгнанного Албукерки, голландцы начали регулярную осаду города. Город держался с беспримерным мужеством до середины января 1641 года, когда осаждавшие наконец взяли штурмом его развалины и сломили сопротивление. Его падение в корне изменило положение на архипелаге. Малакка быстро утратила свое значение. Многие португальские семьи переселились в Батавию. Матарам потерял одного из своих лучших потребителей риса; в результате того, что яванские купцы перенесли свою торговлю в Батавию, Агунг должен был отменить свое запрещение на сбыт риса голландцам, хотя и остался столь же враждебно настроенным, как и прежде. Голландцы были теперь, несомненно, наиболее сильными на архипелаге и стали проявлять гораздо больше усилий в борьбе за монополию на торговлю пряностями. Ван Димен стремился уладить отношения с Агунгом, который вел интриги с англичанами, убивал голландских заложников и, наконец, спровоцировал попытку захватить крепость в Батавии. Но директора компании возражали против каких-либо решительных мер, и отношения оставались неудовлетворительными и неопределенными вплоть до того, когда оба они — ван Димен и Агунг — сошли со сцены в 1645 году.

Период пребывания ван Димена на посту генерал-губернатора был отмечен другими примечательными событиями в истории деятельности голландцев на Востоке за пределами Юго-Восточной Азии. Когда в 1641 году Япония изгнала всех пришельцев с Запада, голландцам было разрешено продолжать свою торговую деятельность. Они должны были покинуть главные острова и ограничиться маленьким островом Десимой, недалеко от порта Нагасаки, где их жизнь и деятельность протекали в условиях строгих ограничений и пристального наблюдения. Ван Димен стремился компенсировать свои неудачи, решительно преследуя китайскую торговлю. В 1642 году, захватив испанский порт в Цзилуне, голландцы завладели всем островом Формоза (Тайвань) — важным распределительным центром торговли сахаром, получаемым из Китая. Вскоре их торговля стала процветать; но, когда маньчжуры положили конец династии Мин и правители Мин бежали в различных направлениях, один из них, Чжэн Чэн-гун[1], в 1661 году обосновался на Формозе и вскоре после этого заставил голландцев покинуть свою факторию.

[1] Чжэн Чэн-гун—китайский полководец, вел борьбу против вторгнувшихся в Китай маньчжурских войск. По призыву тайваньцев, которые находились в это время под гнетом голландцев, войска Чжэн Чэн-гуна освободили Тайвань от колонизаторов и восстановили китайское управление и законодательство.—*Прим. ред.*

Имя ван Димена связано с рядом важных путешествий, закончившихся открытиями новых земель. Он отправил мореплавателей на поиски мифического Золотого острова «Рика Доро», о котором говорили, что он находится где-то к востоку от Японии. Две экспедиции — одна в 1639 году под руководством Матхейса Хендриксзона Кваста и Абеля Янсзона Тасмана и другая в 1643 году под руководством Мартена Герритсзона де Фриса — завершились открытиями Курильских островов и восточного побережья Сахалина, но Золотой остров так и не был найден; кроме того, Тасман сделал более ценный вклад в географическую науку совсем в иной области.

В самом начале своих поисков рынков пряностей голландцы открыли, что существует лучший путь к островам архипелага, чем тот, которым пользовались португальцы. Последние переняли от арабов практику плавания во время муссонов: они следовали вдоль побережья Восточной Африки, попадали в пояс муссонов и приближались к архипелагу, пересекая Индийский океан к северу от экватора и проходя Малаккский пролив. Этот путь проходил у стратегического центра на западном побережье Индии. Однако голландцы, пренебрегая подобными соображениями, пройдя вокруг мыса Доброй Надежды, использовали западные ветры «бурной зоны» южного полушария, которые давали им возможность значительно быстрее пересечь Индийский океан и сделать Зондский пролив своим естественным путем к архипелагу. Корабли, прошедшие слишком далеко на юг, открыли землю, известную теперь как Австралия, и не мало их разбилось о ее негостеприимные западные берега.

В 1642 году и снова в 1644 году ван Димен отправил Тасмана и Франса Якобсзона Фиссера, чтобы установить связь этой земли, если таковая существует, с тем, что географы называли «Тэрра Австралис Инкогнита». Во время своего первого путешествия, после захода на остров Маврикия, они обогнули Австралию с запада и сделали свою первую высадку на острове, названном Тасманом «Землей ван Димена», который впоследствии англичане назвали Тасманией. Затем они проследовали дальше, открыв Новую Зеландию, которую они сочли частью великого южного континента, и возвратились в Батавию с севера Новой Гвинеи. Их второе путешествие было предпринято с целью установить, существует ли пролив между Новой Гвинеей и Австралией и является ли залив Карпентария началом пролива, который проходит непосредственно у Австралии. Хотя им не удалось открыть пролив, которым испанцы Торрес и Прадо успешно прошли еще в 1607 году[1], они правильно нанесли на карту залив Карпентария. Их путешествия были последним важным вкладом голландцев в область исследований.

Ван Димен не мог использовать результаты их путешествий в интересах развития торговли. Народ, который они встретили на северном побережье Австралии, «не имел риса и каких-либо ценных плодов, был очень беден и во многих местах злобно настроен». Со смертью ван Димена в 1645 году Объединенная Ост-Индская компания утратила интерес не только к дальнейшим открытиям, но также и к землям, которые ее отважные мореплаватели нанесли на карту.

Если Кун был основателем Батавии, ван Димен во многих отношениях был создателем этого города, который стали называть «Королевой Востока». Он завершил строительство дворца, построил ратушу и латинскую школу и многое сделал для того, чтобы расширить и украсить первоначальное поселение. Вокруг этого города развивались земледелие и промысел; этим занимались главным образом китайцы, поощряемые Куном селиться там. Была выстроена новая церковь, по берегам каналов вытянулись ряды выстроенных в голландском стиле домов, и вся местность выглядела почти как голландский город, перенесенный из Европы. Город стал новой родиной и фактически могилой для все возраставшего числа голландцев, так как был расположен в исключительно нездоровой местности; одним из наиболее важных вкладов, сделанных ван

---

[1] Торрес и Прадо написали отчеты о своем открытии, но они не были опубликованы. Рукопись Торреса увидела свет лишь в середине XVIII века.

Дименом при благоустройстве города, был приют для сирот, учрежденный в 1639 году.

Непосредственные преемники ван Димена, Корнелис ван дер Лейн (1645—1650) и Карел Рейнирсзон (1650—1653), не внесли сколько-нибудь существенного вклада в развитие Голландской империи; однако период их правления далеко не был периодом застоя. Амангкурат I (1645—1677), сын и преемник Агунга, заключил мир с ван дер Лейном и предоставил Объединенной Ост-Индской компании свободу торговли в своих владениях. Компания в свою очередь ежегодно направляла посольство в Матарам и позволяла яванским подданным сусухунана вести торговлю повсюду, за исключением Молуккских островов. Были заключены новые соглашения с раджой Сингой на Цейлоне и с государствами Малаккского полуострова, где добывалось олово, и эти соглашения упрочили позиции голландцев в обоих этих районах. В 1650 году директора компании издали новый обширный свод правил — «Главные правила» для управления Ост-Индией. Эти правила подчеркивали, что компания является торговой организацией, деятельность которой должна осуществляться в соответствии со следующими принципами: устранять конкурентов и «покупать дешево, а продавать дорого». Для того чтобы обеспечить более полный контроль над торговлей пряностями, было установлено, что гвоздика должна выращиваться на Амбоине и соседних островах, а производство мускатного ореха и мускатного «цвета» должно было осуществляться на островах Банда; перепроизводство и контрабанда должны были пресекаться путем уничтожения деревьев во всех других местах. В том же году по стратегическим соображениям было принято решение колонизировать мыс Доброй Надежды, и в 1652 году Ян ван Рибеек основал там одну колонию — единственную колонию в подлинном смысле слова, которой когда-либо владела голландская Объединенная Ост-Индская компания.

Политику уничтожения излишних деревьев, дающих пряности, которые могли быть использованы для контрабандной торговли, начал фактически осуществлять Арнольд де Фламинг ван Оудсхоорн в 1649 году, когда он учредил то, что получило название «хонгитохт», чтобы вырубать деревья на западе Церама, где все еще велась тайная торговля с Макассаром. Это была флотилия, состоявшая из кора-кора, или крупных прау, передвигавшихся при помощи весел. Этот бесчеловечный метод насаждения монополии систематически применялся до тех пор, пока производство гвоздики на Молуккских островах не было фактически прекращено. В 1650 году на этих злосчастных островах вспыхнуло крупное восстание, которое было полностью подавлено только в 1656 году. Голландцы арестовали султана Тернате, Мандаршаха, и выслали его в Батавию; он был восстановлен в правах лишь тогда, когда заключил официальное соглашение, позволявшее голландцам вырубать гвоздичные деревья в его владениях там, где пожелают. За такое послушание ему было назначено ежегодное содержание. Его народ заставили выращивать вместо гвоздики рис и саго, и, так как на этих островах не могло производиться достаточно продовольствия, население вынуждено было покупать дополнительно рис у голландцев по более высокой цене, чем оно могло себе позволить. Разорение стало уделом этих некогда процветавших островов, и естественным результатом этого был угрожающий рост пиратства.

Годы пребывания на посту генерал-губернатора Иогана Метсёйкера (1653—1678), так же как и годы пребывания на этом посту Куна и ван Димена, являются периодом значительных успехов Объединенной Ост-Индской компании. При ван Димене Иоган Метсёйкер был специалистом по вопросам законодательства в Совете Индии; он составил статус Батавии, который служил для Голландской восточной империи первым кодексом законов и оставался до начала XIX века главным авторитетным источником по вопросам законодательства. Позднее, являясь губернатором Цейлона, он установил хорошие взаимоотношения с раджой Сингой и проложил путь к окончательному искоренению там португальской власти. Достижение этой цели было одним из первых его успехов на посту генерал-губернатора. Дело не ограничилось

захватом только Коломбо (1656) и учреждением там голландской резиденции; ван Гунс, посланный в 1657 году с тем чтобы вытеснить португальцев с Цейлона, с Коромандельского берега и Малабарского побережья Индии, с таким успехом выполнил свою задачу, что, когда мир, заключенный в августе 1661 года между Нидерландами и Португалией, положил конец его завоеваниям в начале 1663 года, португальцы не только потеряли все свои владения на Цейлоне, но и в Индии у них остались только Гоа и Диу. В том же году португальцы покинули Тидоре, и голландцы остались полными хозяевами на Молуккских островах.

При Метсёйкере голландцы установили довольно значительный контроль над портами Суматры, где велась торговля перцем. Голландцы готовились принять решительные меры против султана Палембанга, который в 1658 году предательски напал на голландскую факторию, перебил агентов и команды двух судов, стоявших на якоре вблизи нее. Карательная экспедиция вынудила его дать разрешение на строительство голландского форта вблизи его города и предоставить голландцам исключительное право на закупку перца в его владениях. Кроме того, были предприняты меры против Аче, мощь которого значительно ослабела после смерти Искандера Муда в 1636 году. По Пайнанскому договору 1662 года влиятельные вожди минангкабау, восставшие против господства Аче, перешли под защиту Объединенной Ост-Индской компании. Когда четыре года спустя агенты Аче спровоцировали на западном побережье выступление против голландцев, экспедиция под руководством Абрахама Ферспреета покончила с влиянием Аче во всем районе.

После того как в 1656 году на Молуккских островах было сломлено всякое сопротивление, ясно было, что следует предпринять дальнейшие меры, с тем чтобы положить конец мощи Макассара. Но Хассан-уд-дин сильно укрепил свой город и был хорошо обеспечен оружием, получаемым от европейцев, которые вели там торговлю. К тому же Метсёйкер уклонился от выполнения задачи, которая, несомненно, повлекла бы значительные расходы, что вызвало бы недовольство директоров компании. В течение нескольких лет возобновившаяся война с португальцами на Цейлоне и в Южной Индии удерживала его от риска послать большую экспедицию против Хассан-уд-дина. Однако в 1660 году войска под командованием Иогана ван Дама захватили один из фортов Макассара, и вследствие этого султан принял условия, по которым он обещал прекратить плавание к Островам пряностей, воздерживаться от вмешательства в дела союзников компании, Бутона и Менадо, и изгнать португальцев из своих владений. Но он не выполнил договорных обязательств и вновь начал проводить прежнюю враждебную политику. Поэтому в 1666 году Метсёйкер поручил Корнелису Янсзону Спеелману свести с ним счеты. Спеелман заручился поддержкой Ару Палакка, бугского вождя Бони, семейство которого было перебито Хассан-уд-дином. Экспедиция началась с уничтожения крупных макассарских войск, которые действовали против Бутона. Затем Спеелман отплыл на Молуккские острова, где он заставил правителя Тидоре признать верховную власть голландцев и прекратить свою вечную вражду с Тернате. Затем, получив дополнительные подкрепления из Тернате, он возвратился на Целебес и принялся за выполнение трудной задачи — поставить Макассар на колени. Потребовалось четыре месяца отчаянной борьбы, для того чтобы заставить Хассан-уд-дина подчиниться. 18 ноября 1667 года он подписал Бонгайский договор, по которому признал верховную власть голландцев, разоружил свои форты, предоставил голландцам монополию на торговлю и согласился изгнать всех европейцев, кроме голландцев. Он должен был также уплатить огромную контрибуцию и разрешить голландцам занять его главную крепость, которую они назвали фортом Роттердам в честь места рождения Спеелмана. Четыре месяца спустя он снова попытался нарушить условия мира. На этот раз голландцы захватили его город, устранили его от власти, назначив ему содержание, и установили на юге Целебеса власть голландского губернатора, резиденцией которого стал форт Роттердам. Независимость Индонезии на востоке архипелага была фактически уничтожена.

Вплоть до периода правления Метсёйкера не было никаких отклонений от политики Куна, направленной на ограничение голландской империи цепью фортов и торговых пунктов и избежание территориальных завоеваний, за исключением очень мелких островов, таких, как Амбоина и Банда. Однако при Метсёйкере изменения в этой области начали становиться отчетливыми, хотя вряд ли кто-либо сознавал это в то время. Во-первых, Объединенная Ост-Индская компания стала господствующей силой на Цейлоне, и, хотя раджа Канди все еще продолжал выступать как правитель, остров фактически стал в значительной степени территориальным владением голландцев. Незадолго до смерти Метсёйкера в государстве Матарам произошли события, которые привели к вмешательству голландцев и тем самым повлекли за собою ряд последствий, завершившихся установлением господства голландцев над всем островом. Не было ни сознательной перемены программы, ни стремления со стороны директоров компании превратить свою торговую империю в территориальную. И все же такое превращение было неизбежным, как это позднее имело место и с англичанами в Индии, если голландцы хотели сохранить и укрепить свои позиции, которые они завоевали, нанеся поражение всем своим европейским конкурентам. В противном случае им угрожали упадок и, по всей вероятности, полное угасание их власти. Поэтому, хотя они ясно осознавали всю важность невмешательства в борьбу правителей Индонезии между собой и Батавия была готова признавать любого фактического правителя, пока он выполнял обязательства своего государства перед Объединенной Ост-Индской компанией, сами условия, на которых базировалась эта политика, должны были рано или поздно привести к отказу от нее.

Беспорядки в Матараме, приведшие к вмешательству голландцев, начались в 1674 году, когда Труноджойо (Трунаджайя), мадурский правитель, выдававший себя за потомка королевской семьи Маджапахита, возглавил мощное восстание против преемника Агунга, Амангкурата I, с которым после заключения договора в 1646 году голландцы находились в хороших отношениях. Амангкурат I, или сунан Тегалванги, как его обычно называли, был чудовищно жестоким; его зверства достигали столь необычайных масштабов, что кажутся невероятными. При осуществлении реорганизации управления своей империей его меры, направленные к тому, чтобы сломить независимость местных правителей, вызвали сильное недовольство. Положение осложнялось наличием большого числа беженцев из Макассара, которые осели на восточном берегу Явы и занялись пиратством[1]. Вместе с ними и своими мадурскими приверженцами, которые были недовольны поведением яванцев на их острове, Труноджойо быстро подчинил восточную Яву и часть центральной Явы и обосновался в Кедири. И сусухунан, который с самого начала не смог предпринять эффективных мер против мятежников, обратился к Батавии за помощью.

По договору 1646 года Метсёйкер был обязан оказывать военную помощь лишь в тех случаях, если враги Матарама были также врагами голландцев. Однако он сознавал, что среди мятежников много антиголландских элементов и, больше того, что сунан Бантама рассчитывает использовать беспорядки в Матараме в своих собственных интересах путем захвата западных провинций и окружения таким образом Батавии. Поэтому он решил послать помощь, но вмешательство голландцев свести к минимуму. Спеелман, которого он поставил во главе военно-морских сил, посланных в 1676 году против макассарских пиратов Труноджойо, придерживался совершенно иных взглядов. Он стремился проводить твердую политику, которая восстановила бы власть Амангкурата, поставив его в то же время в положение зависимости от голландцев, и дала бы возможность нанести решительный удар по планам Абулфатаха Агунга, правителя Бантама. Между тем Труноджойо, воспользовавшись нерешительной политикой голландцев, взял штурмом и разграбил *кратон* (дворец)

[1] По Бонгайскому договору 1667 года жители южного Целебеса—буги были лишены права заниматься морской торговлей, что являлось их основным занятием. Переселившись в другие районы, они стали заниматься морским разбоем.—*Прим. ред.*

Матарама. Амангкурат, бежав под защиту голландцев, умер в Тегалванги, оставив своим преемником адипати Анома, надежды которого на престол полностью зависели от голландцев. В октябре 1677 года за признание его законным сунаном он предоставил голландцам значительные торговые уступки наряду с передачей значительной территории к югу от Батавии, а также порт и область Семаранг. Кроме того, он обещал оплатить все военные расходы голландцев и в качестве залога передал им ряд городов на побережье.

Метсёйкер был не совсем удовлетворен договором, заключенным Спеелманом, но он вскоре умер, и на смену ему пришел более воинственно настроенный Рейклоф ван Гунс, который сделал Спеелмана своей правой рукой в Совете Индии и сразу же начал проводить энергичную политику. Антони Хурдт, командовавший значительными голландскими войсками, захватил Кедири, и адипати Аном был коронован древней короной Маджапахита, которая была передана голландским командующим, и был назван Амангкуратом II. Труноджойо бежал, но его преследовали два туземных войска — бугское и амбоинское,— находившиеся на службе у голландцев. В конце концов амбоинцы загнали его в непроходимые джунгли в горных районах восточной Явы и передали его Амангкурату II в его новой столице Картасуре, где несколько дней спустя сам сусухунан собственноручно убил его. Постепенно голландские и матарамские войска выследили и уничтожили других мятежников; однако мир был установлен лишь в 1682 году. «Тот, кому все повинуются», стал теперь фактически вассалом голландцев, державшимся на своем престоле благодаря телохранителям из голландских войск.

Борьба в Матараме в большой степени осложнялась для Батавии из-за положения, создавшегося в Бантаме. Абулфатах, который в 1651 году вступил на престол и получил титул султана Агунга, был энергичным правителем; он стремился возвратить своему королевству те важные позиции, которые оно ранее занимало в области торговли. В 1656 году он возобновил враждебные отношения с голландцами, но сильная блокада ими его столицы заставила его заключить в 1659 году мир. Как только блокада была снята, он направил свои усилия на содействие процветанию торговли, и Бантам с расположенными в нем французскими и английскими факториями стал серьезным соперником Батавии. Договор 1677 года между Батавией и Матарамом побудил его предпринять попытку помешать Амангкурату II в установлении слишком тесных связей с голландцами; в частности, он заявил свои претензии на сюзеренитет над Черибоном, территория которого была расположена к востоку от Батавии, и угрожал голландцам войной в случае их вмешательства.

Но вспыхнувшие семейные раздоры сыграли на руку голландцам. Старший сын Агунга, который возвратился в 1676 году из паломничества в Мекку (что дало ему титул султана Хаджи), узнал, что во время его отсутствия его младшего брата, женатого на дочери главного министра, собирались провозгласить законным престолонаследником. Это побудило Хаджи вступить в тайные сношения с голландцами. В мае 1680 года, когда Агунг намеревался прибегнуть к оружию, чтобы силой добиться осуществления своих притязаний на Черибон, произошел дворцовый переворот и его заставили отречься от престола в пользу Хаджи. Новый правитель тотчас же вступил в переговоры с Батавией по поводу договора о дружбе. Это вызвало в некоторых районах взрыв недовольства против него. Агунг получил возможность вернуть себе трон, и между отцом и сыном началась гражданская война. В 1683 году Хаджи взял в плен своего отца и выдал его голландцам, которые продержали его в тюрьме вплоть до его смерти в 1692 году.

Своим успехом Хаджи был полностью обязан поддержке сильных соединений голландских войск, и он добился этого успеха лишь после весьма ожесточенной борьбы. Поэтому в 1684 году он был вынужден заключить договор, по которому фактически отказывался от независимости своего государства. Помимо отказа от притязаний на Черибон, Хаджи обещал возместить все военные расходы голландских войск, составлявшие в общем до 600 тысяч долларов, предоставил голландцам исключительное право вести экспортную и импорт-

ную торговлю в своем государстве и согласился изгнать всех европейцев неголландцев. Он был освобожден от обязательства уплачивать свой долг до тех пор, пока будет уважать предоставленную голландцам монополию. Голландцы в свою очередь, построив в Бантаме мощную крепость, гарантировали этим его повиновение. Англичане, уже утратившие свою опору в Макассаре, были теперь вынуждены покинуть Бантам. Они перебрались в Бенкулен на западном побережье Суматры, где вынуждены были оставаться до 1824 года.

Голландцы были теперь неоспоримыми хозяевами архипелага. Но они добились господства дорогой ценой, и добились именно тогда, когда вели отчаянную борьбу в Европе против Людовика XIV и Карла II. Их торговля переживала тяжелые времена, и в ряде случаев во время пребывания Метсёйкера на посту генерал-губернатора Объединенная Ост-Индская компания не имела возможности ежегодно выплачивать дивиденды. Однако она все еще могла давать в среднем высокую прибыль и посылать богатые грузы пряностей в Европу. Но теперь она превращалась из торговой силы в территориальную. Однако недалеко было то время, когда с ростом расходов по управлению и сокращением торговли компания неуклонно пошла к упадку.

ГЛАВА XVI

РАСЦВЕТ И УПАДОК ОБЪЕДИНЕННОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ (1684—1799)

В 1684 году, когда генерал-губернатор Спеелман умер и на смену ему пришел образованный и миролюбивый Иоганнес Кампхёйс (1684—1691), голландская компания стала наиболее мощной политической силой на Яве. Султаны двух наиболее важных государств — Матарама и Бантама — были возведены на престол войсками компании и должны были ей огромные суммы в виде военных издержек. С обоими правителями голландцы заключили соглашения, в силу которых вопрос о выплате долгов не должен был подниматься до тех пор, пока они точно выполняли условия продиктованных им торговых договоров. Помимо установленного таким образом косвенного контроля, голландцы владели теперь территорией, простиравшейся в южном направлении от Батавии к противоположному берегу и разделявшей тем самым территории обоих государств.

С точки зрения всех заинтересованных сторон, такое положение было весьма неудовлетворительным, хотя голландские верховные власти, казалось, весьма медленно осознавали все связанные с ним последствия. В течение довольно значительного периода голландцы не придерживались какого-либо общего плана в осуществлении своей политики; они предпочитали выжидать развития событий и предпринимали решительные шаги лишь тогда, когда обстоятельства вынуждали их к этому. Из-за возраставшей угрозы их родине со стороны Людовика XIV они не решались развязать новую войну или борьбу за территории за границей. Мероприятия такого рода были связаны с чрезвычайными расходами и не компенсировались соответствующим повышением доходов.

Однако расширение власти компании и методы, применяемые ею при установлении своей торговой монополии, создали такое положение, при котором дальнейшее продвижение на Яве стало неизбежным, независимо от того, насколько те, кто руководил делами компании на родине и на Востоке, стремились ограничить ее деятельность. Жестокое обращение «неверных» голландцев с жителями Матарама и Бантама послужило причиной того, что многие мусульмане восстали с оружием в руках в защиту своей религии, а пиратский флот под командованием фанатика малайца с Суматры, называвшего себя Ибн Искандером («сыном Александра Великого»)[1], терроризировал Яванское море до тех пор, пока в 1686 году не был уничтожен голландской эскадрой под командованием Крейна де Ронде.

Угроза широкого мусульманского движения против голландцев причинила последним немало тревог, особенно когда замешанными оказались некоторые бантамские вожди и сусухунан (правитель) Матарама Амангкурат II позволил вовлечь себя в заговор. Одновременно осложнения возникли в долинах к югу от Батавии и в горах Преангера, где голландцы не решались установить свою власть над районами, уступленными им Матарамом по договору, заключенному Спеелманом в 1677 году. Эти районы стали убежищем многих лиц, находившихся вне закона, и один из них, Сурапати, бывший некогда балий-

[1] Александра Македонского.—*Прим. ред.*

ским рабом в Батавии, встал во главе отряда своих соотечественников и нашел там удобное поле деятельности. Во время борьбы против Бантама Сурапати и его отряд состояли на службе у голландцев, но после оскорбления, нанесенного ему одним голландским офицером, он и его приверженцы бежали в горы Галунгунг, где к ним присоединилось несколько сот восставших. В то время, когда голландцы были заняты борьбой против Ибн Искандера, Сурапати и его «патриоты» терроризировали всю местность к югу от Батавии[1]. Был послан голландский отряд, чтобы выследить его, но он бежал в Картасуру, где был благосклонно принят сусухунаном.

Кампхёйс направил посольство с требованием его выдачи. Он назначил руководителем посольства майора Така, который отличился в битве против Трунаджайи в Бантаме и привел в ужас яванцев при захвате Кедири в 1677 году тем, что примерил священную корону Маджапахита, прежде чем вручить ее Амангкурату II. Вскоре после своего прибытия в Картасуру он вмешался в драку между яванцами и балийцами из отряда Сурапати и был убит, как и многие из его конвоя. Хотя в Батавии понимали, что инцидент был разыгран с целью избавиться от ненавистного голландца, Кампхёйс воздержался от вмешательства, так как почувствовал, что среди туземных войск компании назревает измена. Вскоре сусухунан понял, что его балийские гости являются нежелательным бременем для него и Сурапати, бежав в Пасуруан на восточной Яве, начал сколачивать для себя королевство и совершать серьезные набеги на территорию, признававшую свою вассальную зависимость от Матарама. Но Кампхёйс, как и его преемник Виллем ван Оутхоорн (1691—1704) остался глухим к просьбам Амангкурата II о помощи.

В разгаре событий на центральной и восточной Яве в 1703 году умер Амангкурат II, и на смену ему пришел его сын Амангкурат III, названный голландцами сунаном Масом. Он был кровожадным тираном, и его ссоры со своим дядей, пангераном Пугером, вынудили последнего бежать в Семаранг и просить голландцев о защите. Иоганн ван Хоорн, сменивший на посту генерал-губернатора в 1704 году своего тестя ван Оутхоорна, узнал, что сунан Мас вступил в союз с Сурапати против компании и что ряд матарамских вождей был склонен возвести на престол Пугера. Поэтому ван Хоорн признал Пугера сусухунаном и предоставил в его распоряжение голландские войска.

Так началась война, получившая известность среди голландских историков как «первая яванская война за престолонаследие». С помощью голландских войск Пугер без труда занял Картасуру и был возведен на престол под именем Паку Бувоно I. Однако он вынужден был дорого заплатить за голландскую поддержку. В 1705 году он заключил с ними договор, по которому уступал часть территории своего государства (до реки Лосари на севере и реки Донан на юге). Он официально отказался от своих притязаний на Черибон и Преангер и от восточной части острова Мадуры. Более того, он предоставил компании полный контроль над торговлей своего государства и согласился на размещение мощного голландского гарнизона в своей столице Картасуре.

Между тем голландцы изгнали сунана Маса из его княжества и вынудили его искать убежище при дворе Сурапати. В 1706 году мощные голландские войска высадились в Сурабайе и захватили Бангил, пограничную крепость Сурапати. Сам Сурапати умер от ран, полученных им при попытках удержать крепость. В следующем году в результате тяжелого сражения против сунана Маса и сыновей Сурапати голландцы одержали полную победу. Сунан Мас сдался и вместе со своей семьей был отправлен в ссылку на Цейлон.

Компания стала теперь хозяином Явы, но все же она должна была подавить последние искры сопротивления. В 1712 году приверженцы Сурапати снова

[1] Восстание Сурапати описано автором очень тенденциозно, согласно официальной версии голландских колониальных властей. Это восстание было проявлением ненависти народных масс к чужеземным угнетателям. Хотя восстание и окончилось поражением, оно оставило глубокий след в памяти народа. Сурапати посвящена повесть известного индонезийского писателя Абдулы Мунса. Она издана в русском переводе (см. Абдул Мунс, Сурапати, Детгиз, 1956).—*Прим. ред.*

Голландские завоевания на Яве.

Батавия в XVII веке.

вызвали беспорядки и были окончательно сломлены лишь в 1719 году. В том же году умер правитель Матарама, Паку Бувоно I, вассал компании, и вспыхнула война, получившая известность как «вторая яванская война за престолонаследие». Право на престол сына Паку Бувоно — Амангкурата IV оспаривали его собственные братья, которые подняли восстание. Голландцам потребовалось четыре года упорной борьбы, прежде чем мятежные вожди были захвачены и сосланы — некоторые на Цейлон, а остальные — на мыс Доброй Надежды. Подобно империи Маджапахит, Матарам пал скорее в результате внутренних раздоров, чем в результате давления извне. Вопреки обвинениям в макиавеллизме, выдвигаемым против голландцев их критиками, начиная от Раффлза и другими более поздними, вмешательство голландцев в события в Матараме было вынужденным. Бесконечные гражданские войны неблагоприятно сказывались на их торговле и могли бы иметь серьезные политические последствия, если бы голландцы не придерживались твердой политики. Распространение их власти на весь остров было неизбежным результатом того, что их компания стала играть роль территориальной державы. Столетие спустя англичане оказались в таком же положении по отношению к Индии.

В начале XVIII века Объединенная Ост-Индская компания находилась в зените своего могущества. Стороннему наблюдателю она казалась богатой и процветающей: флотилии ее кораблей ежегодно возвращались в Европу нагруженные товарами и ее ежегодные дивиденды составляли от 20 до 40 процентов. В действительности же ее финансовое положение было катастрофическим. Длительные, дорого обходившиеся войны, расширение территории и связанное с этим увеличение числа служащих влекли за собой огромные расходы в то время, когда ее торговля фактически сокращалась.

Политика «дорого продавать, дешево покупать» принесла свое возмездие, так как она низвела яванцев до такой степени нищеты, что они не могли покупать европейские товары или красивые индийские ткани, которые привозили для них голландцы. Они научились удовлетворять свои нужды иным путем: выращивали свой собственный хлопок и ткали его традиционным способом, или же прибегали к тайной торговле с португальцами или английскими контрабандистами, которые уплачивали яванцам за их продукцию более высокие цены, чем голландцы. Не раз генерал-губернатору ван Хоорну (1704—1709) приходилось сообщать на родину, что посланные на Яву товары должны были продаваться в убыток.

Директора компании на родине, смотревшие сквозь пальцы на недостатки своей собственной политики, приписывали убытки контрабанде и тайной торговле, которая была обычным явлением среди служащих компании, жалованье которых не могло обеспечить прожиточного минимума европейцев на Востоке. Однако тяжелые наказания, которые директора налагали за такого рода проступки, совершенно не достигали своей цели. Так, например, в 1722 году генерал-губернатор Зваардекроон в течение одного дня обезглавил не менее двадцати шести служащих компании за воровство и контрабанду. А девять лет спустя генерал-губернатор колонии Дюрвен, генеральный директор Хасселаар и два члена Совета Индии были смещены со своих постов за то, что не сумели принять должных мер против широко распространившейся коррупции. Но злоупотребления продолжались.

С ростом дефицита директора стали проводить политику абсолютной секретности отчетов компании, и для поддержания кредита компании на денежном рынке выплачивали ежегодно дивиденды от 20 до 40 процентов, хотя, поступая таким образом, они вынуждены были выпускать новые займы. К 1700 году долг компании достиг уже 12 миллионов гульденов, и, для того чтобы вести войны, она вынуждена была обратиться к Генеральным Штатам за помощью, прося у них денег и кораблей. Таким образом, за видимостью богатства и могущества компании скрывались ухудшение ее положения и коррупция. Но наибольшую тревогу вызвало фактическое сокращение торговли компании в то время, когда расширение территории требовало значительного увеличения числа ее служащих.

Власти в Батавии, изыскивая способы преодоления упадка торговли, вернулись к предложению Куна о том, чтобы открыть торговлю Ост-Индии для частного предпринимательства и ограничить судоходство компании перевозками между Востоком и Европой. Но директора не хотели отказаться от системы строгой монополии и распорядились дополнить ее методами «контингентирования и принудительных поставок». «Контингенты» представляли собою форму налога натурой, взимаемого в районах, находившихся под непосредственным контролем компании; принудительные поставки взимались продуктами, которые земледельцы выращивали в принудительном порядке и сдавали по твердым ценам, неизменно устанавливаемым к выгоде покупателя. Директора не обращали внимания на тот факт, что подобные методы приводили к росту нищеты населения и служили непосредственным стимулом для контрабанды.

Генерал-губернатор Зваардекроон стремился улучшить положение путем насаждения новых культур на Яве. Он ввел улучшенный способ приготовления индиго для европейского рынка, который стимулировал его производство. Его усилия улучшить выращивание хлопка и поощрять посадки саппанового дерева, которое дает красящее вещество, также увенчались успехом. Но самым важным событием этого периода было внедрение культуры кофе, которая сразу же принесла успех и освободила голландцев от зависимости от Мокка именно в то время, когда турки создавали им затруднения в экспорте кофе. Первые плантации были созданы в районах, прилегающих к Батавии и Черибону, и контракты Зваардекроона на поставки кофе по пять пенсов за фунт побудили яванцев к выращиванию этой культуры в таких масштабах, что возникла угроза превышения спроса. Вслед за тем, вопреки совету генерал-губернатора, директора настояли на понижении цены на кофе на 75 процентов, и производители в отчаянии вырубили большое количество кофейных деревьев. Правительство поэтому применило здесь систему принудительных поставок и несколько повысило цену.

Последующие манипуляции в торговле кофе, практиковавшиеся компанией в течение XVIII века, представляют собой печальную историю мероприятий, предпринимаемых с тем, чтобы обеспечить высокие цены на европейском рынке и лишь жалкие гроши производителям, целиком зависевшим от правителей, которые меняли время от времени свою политику столь произвольным образом, что производители были лишены возможности выращивать кофе с экономическим эффектом. Более того, поскольку голландцы действовали через местных вождей, которые в равной мере произвольно определяли свою собственную долю в доходах, производитель оказывался в худшем положении, чем раб. Фернivолл следующим образом суммирует окончательный итог: «В конечном итоге, на каждый отправляемый пикуль, весом 126 фунтов, производитель должен был доставить 240—270 фунтов и получал оплату, равную оплате за 14 фунтов»[1].

В 30-х и 40-х годах XVIII века голландские власти на Яве переживали трудный период. До окончания «второй яванской войны за престолонаследие» произошел возмутительный случай, известный под названием «заговора Петера Эрберфелда». Эрберфелд был зажиточным свободным бюргером Батавии, высказывавшим недовольство правительством в связи с тем, что оно претендовало на некоторое имущество, оставленное Эрберфелду его отцом. В декабре 1721 года Эрберфелд был обвинен в том, что замышлял вместе с партией Сурапати и рядом недовольных вождей заговор, чтобы поднять восстание и убить всех европейцев в городе. Хотя показания были получены под пытками, нервозная обстановка была доведена до такого напряжения, что он и его предполагаемые соучастники, которых удалось захватить, были казнены. Власти зашли так далеко, что снесли его дом, выставили на развалинах его голову и установили камень с надписью, гласящей, что это место должно оставаться заброшенным навеки. Историки, по-видимому, единодушно пришли

[1] J. S. Furnivall, Netherlands India, p. 40.

к выводу, что показания, на основании которых он был осужден, были совершенно лишены оснований и что скорее не он совершил преступление, а против него было совершено преступление[1].

Несколько лет спустя в результате массовой истерии было совершено еще более худшее преступление, которое имело серьезные последствия. Задолго до прихода португальцев в Индонезии жили китайские поселенцы. Ян Питерсзон Кун высоко ценил трудолюбие и прилежание китайцев и поощрял их селиться в Батавии. К 1700 году около 10 тысяч китайцев жило в городе и его окрестностях. В большинстве случаев они занимались ремеслами, торговали чаем и выращивали сахарный тростник. Китайцы были полезны голландцам в качестве посредников в их торговле с яванцами. Они были также главным оплотом контрабандной торговли, и некоторые из них стали так богаты и влиятельны, что представляли собой потенциальную угрозу голландскому господству. Но подлинная проблема в самом начале XVIII века заключалась в том, что джонки для перевозки чая, регулярно прибывавшие из Китая, привозили все возрастающее число людей, не имевших средств существования и становившихся нищими бродягами, что представляло угрозу закону и порядку.

Еще в 1706 году голландцы издали жесткие указы, направленные на то, чтобы помешать прибытию подобных нежелательных элементов. Когда выяснилось, что эта мера не дала результатов, батавские власти захватили значительное число бродячих нищих и отправили их на Цейлон, острова Банда и мыс Доброй Надежды. Лишь те, у кого были удостоверения, выданные властями, могли оставаться на Яве. Но и эти меры также потерпели провал: акты насилия со стороны бродячих китайских отрядов стали частым явлением, а чиновники, которым была доверена выдача пропусков, использовали это как средство вымогания взяток. Тяжелое положение неожиданно стало критическим, когда в июле 1740 года генерал-губернатор Валкенир и Совет Индии приняли решение прибегнуть к более строгим мерам. Все китайцы, которые не могли доказать, что они обеспечены работой, подлежали высылке для работы на плантациях корицы на Цейлоне. Выполнение этого решения сопровождалось большими несправедливостями: алчные чиновники хватали китайцев, давно уже проживавших на Яве, чтобы под угрозой высылки вымогать у них деньги. А когда распространился ни на чем не основанный слух, будто высылаемых выбрасывают за борт судов, как только скрывается из виду Ява, большое число китайцев бежало из Батавии и организовало вооруженное сопротивление.

Голландские власти узнали, что китайцы, оставшиеся еще в городе, находятся в союзе с мятежниками и готовятся к защите. Пожар, случайно вспыхнувший в одном из китайских домов, был принят за сигнал к согласованному нападению китайцев, как находившихся в городе, так и вне его. Поэтому обозленное население, поддерживаемое солдатами, матросами, рабами и яванцами, напало на китайцев, и никем не пресекаемые избиения и грабежи продолжались целую неделю. Генерал-губернатор Валкенир настолько растерялся, что отдал приказ убить всех заключенных китайцев и ничего не предпринял для того, что бы удержать войска компании от участия в кровопролитии.

Когда дело отмщения было завершено и порядок был восстановлен, правительство объявило всеобщую амнистию в отношении всех китайцев, которые сложат оружие в течение месяца. Большое число из тех, кто воспользовался этим предложением, было размещено в специальном квартале, построенном за чертой города. Однако многие убежали и образовали значительное войско, которое мстило европейцам в Рембанге, Джоане и других местах и наконец осадило Семаранг. Положение голландцев оказалось очень серьезным, когда сусухунан Паку Бувоно II открыто высказался в поддержку мятежников, захватил голландский гарнизон в Картасуре и перебил его офицеров. Семаранг, однако, был спасен в результате своевременного прибытия подкрепле-

[1] De Haan, Priangan, I, p. 210.

ний голландских войск и мадурцев; последние так сильно страдали под властью Матарама, что связали свою судьбу с голландцами.

Тогда Паку Бувоно II сразу же понял, что просчитался в выборе союзников, и заключил мир с голландцами. Его поступок едва не стоил ему престола, так как многие из вождей, фанатически ненавидевшие голландцев, соединились с китайцами, изгнали его из столицы и провозгласили своим правителем внука изгнанного сунана Маса. Однако Паку Бувоно спасли раздоры, начавшиеся между китайцами и их яванскими союзниками. Голландцы вновь заняли Картасуру и восстановили Паку Бувоно правителем Матарама.

Но Матарам, которым ему позволили управлять, был доведен до состояния полного истощения. По новому договору, который он вынужден был заключить с Батавией в 1743 году, ему пришлось уступить все северное побережье Явы, а также отказаться от всех своих притязаний на остров Мадуру. Более того, Паку Бувоно покинул свою столицу Картасуру и построил новую столицу в области Соло, назвав ее Суракартой. А голландцы основали новую провинцию Северного побережья со столицей в Семаранге. Их мадурские союзники, однако, начали борьбу в надежде завоевать независимость. Они отказались признать это новое поселение и были приведены к повиновению лишь после упорной борьбы.

Политика по китайскому вопросу генерал-губернатора Валкенира вызвала резкий протест со стороны части Совета Индии во главе с ван Имхоффом. После драматических столкновений, в ходе которых Валкенир арестовал и выслал на родину членов оппозиции, он сам по приказанию директоров был предан суду в Батавии, а генерал-губернатором вместо него был назначен ван Имхофф.

Этот одаренный и энергичный человек понял, что нужны чрезвычайные меры для того, чтобы приостановить экономический упадок компании. Он убедил директоров допустить к внутренней и морской торговле между Индонезией и Индией свободных бюргеров и туземцев при условии известных ограничений. Например, каждый торговый рейс должен был начинаться и заканчиваться в Батавии. Торговля между другими портами была запрещена. Проект не оправдал его надежд отчасти именно вследствие этого ограничения. Во всяком случае, этот проект опоздал на столетие, когда частная и контрабандная торговля в Индонезии уже ускользнула из-под контроля голландцев. Рассчитывая также ограничить контрабанду, ван Имхофф учредил в 1745 году опиумное общество, которому было предоставлено исключительное право торговать опиумом в пределах Голландской империи. Его усилия в этом направлении также не имели большого успеха.

С другой стороны, более успешными оказались его меры по расширению обработки земли в районе Батавии, особенно в местностях, пострадавших от опустошительных набегов китайцев. Пустующие земли продавались частным фермерам, которым предоставляли феодальные права в отношении туземных поселенцев, но обязывали продавать всю продукцию властям компании по твердым ценам. Ван Имхофф сам купил для себя землю в живописном районе Богора, где он построил величественный особняк, названный Бейтензорг («Беззаботный»), который после его смерти переходил от одного его преемника к другому, пока в конце концов не стал загородной официальной резиденцией генерал-губернатора. При его поощрении голландские крестьянские семьи покидали родину, чтобы получить землю на Яве. Он также улучшил участь туземных земледельцев, установив, какое количество кофе они должны ежегодно сдавать компании, и тем самым стремился предотвратить уничтожение излишков кофе, что делалось в периоды перепроизводства. Его реформы явились результатом инспекционных поездок в различные районы Явы, во время которых он встречался с управляющими и другими местными служащими и принимал меры, чтобы оградить местных жителей от притеснений со стороны их непосредственных хозяев. Его ценный отчет о путешествиях, полный интересных деталей о местностях и народах, не был опубликован из-за секретности, которой упорно придерживались директора компании.

Изобретательный ум ван Имхоффа с такой быстротой порождал один проект за другим, что он пытался предпринять слишком многое; но лишь немногое из того, что он сделал, привилось. Обширный план, который он стремился осуществить, означал бы резкое сокращение обязанностей компании в отношении торговых пунктов вне Индонезии и Цейлона и сосредоточение внимания на ее растущих обязанностях как территориальной державы. Его неудачная попытка завязать непосредственную торговлю с Мексикой с целью получения необходимого серебра для чеканки монеты показывает, как далеко могло завести его воображение — вплоть до игнорирования таких упрямых фактов, как наличие условий действующих договоров, исключающих подобные предприятия.

Его крупнейшим недостатком было отсутствие государственного подхода в отношениях с туземными правителями. Во время своего посещения сусухунана Паку Бувоно II в Суракарте он бесцеремонно вмешался в ссору между этим правителем и его братом Мангкубуми, и это вмешательство привело к тому, что последний поднял восстание и началась длительная борьба, «третья яванская война за престолонаследие» 1749—1757 годов, которая снова вовлекла компанию в военные действия, связанные с большими расходами. В течение первого года войны в связи со смертью сусухунана характер войны изменился, и она превратилась из династической распри в освободительную войну против голландского господства, ибо Паку Бувоно II на смертном одре дал свое согласие губернатору провинции Северного побережья ван Хогендорфу уступить свое государство голландцам, и его преемник Паку Бувоно III получил свою корону не по праву рождения, а из рук компании. Это привело к тому, что большинство матарамских вождей связало свою судьбу с Мангкубуми, которого они провозгласили сусухунаном. Поэтому голландцам пришлось вести самую разрушительную из всех своих яванских войн, чтобы сохранить престол за своим ставленником. Пока голландцы были всецело поглощены событиями в Матараме, в султанате Бантам вспыхнуло серьезное восстание, которое было подавлено лишь ценой тяжелых военных потерь.

После двух лет борьбы в Матараме, которая шла с переменным успехом, Мангкубуми в сражении на реке Боговонто в 1751 году нанес поражение голландским войскам и убил голландского командующего Де Клерка; ему удалось занять большую часть провинции Северного побережья, откуда он угрожал вторжением в глубь территории компании. Однако ценою огромных усилий его удалось вытеснить из провинции, и, к счастью для компании, он начал борьбу за власть со своим племянником Мас Саидом, которая парализовала его действия против голландцев. В 1750 году умер ван Имхофф, и его преемник, Якоб Моссел, решил произвести раздел Матарама. В 1755 году он заключил с Мангкубуми договор, по которому Паку Бувоно III признавался правителем восточной половины королевства[1]. Сам же Мангкубуми получил западную половину со столицей Джокьякартой и титул султана Хаменгку Бувоно. Потребовалось два года ожесточенной борьбы, чтобы заставить Мас Саида подчиниться. По Салатигскому миру (1757) Мас Саид признал сюзеренитет компании и получил в качестве вассала компании часть Матарама, известную теперь как территория Мангкунегоро.

Осложнения в Бантаме возникли в результате династического конфликта, и снова неуместное вмешательство Имхоффа привело к серьезным последствиям. Старый султан, который правил с 1733 года, в такой степени подпал под влияние одной из своих жен арабского происхождения Рату Фатимы, что поддался ее уговорам и назначил ее зятя, своего племянника, наследником престола вместо законного наследника пангерана Густи. Ван Имхофф поддержал этот план, и в 1743 году, когда султан проявил признаки безумия, Рату Фатима низложила его в пользу своего ставленника, а сама стала регентшей. Когда пангеран Густи попытался добиться своих прав, он был выслан голландцами на Цейлон, а старого султана увезли на Амбоину, где он вскоре

[1] То есть Суракарты.—*Прим. ред.*

умер. Сразу же вспыхнуло всеобщее восстание под руководством священнослужителя Кьяи Тапа и военачальника Рату Багуса. Голландские войска, посланные на помощь Фатиме, были разбиты, и мятежники обратились за помощью к англичанам в Бенкулене.

Таково было положение в 1750 году, когда умер ван Имхофф. Пришедший ему на смену Якоб Моссель решил резко изменить политику. Он привлек на свою сторону видных бантамских вождей, изгнав Фатиму и ее ставленника возвел на престол брата покойного султана, возвратил пангерана Густи с Цейлона и признал его наследником престола. Новый султан заключил в 1752 году договор с компанией, по которому он признавал ее сюзеренитет и уступал ей контроль над Лампонгскими областями. Восстание, однако, продолжалось. Рату Багус принял титул султана, тогда как Кьяи Тапа, воспользовавшись тем, что голландцы были поглощены матарамской войной, грабил голландскую территорию и даже предпринял наступление на Батавию, которое закончилось провалом. В течение некоторого времени голландские войска в Бантаме были осаждены мятежниками. Потребовалась очень упорная борьба, прежде чем два мятежных вождя отказались от сопротивления. В 1753 году новый султан отрекся от престола в пользу пангерана Густи, который подтвердил договор с компанией, и спокойствие было восстановлено. Голландцы стали теперь хозяевами всей Явы, за исключением территории на крайнем востоке острова, где балийские сторонники Сурапати все еще создавали беспорядки. Лишь в 1772 году голландцы смогли расправиться с ними.

Теперь голландцы были полными хозяевами Явы. Они оставались долгое время силой, более или менее господствующей над остальными островами архипелага. Из более крупных островов только Бали и Ломбок оставались вне их влияния. Продукция этих островов не имела большого экономического значения, тогда как воинственный характер их жителей и упорство, с которым они неоднократно в прошлом противостояли внешнему вмешательству, пугали голландцев. Удивительная приверженность балийцев к своей традиционной религии с ее индуистскими связями в то время, когда все крупные островные державы приняли ислам, говорит сама за себя.

На Суматре еще до конца XVII века голландцы уничтожили контроль Аче над торговлей перцем. В результате, за исключением Аче, который упорно сохранял свою независимость, большинство прибрежных государств стало вассалами Батавии. Но так как голландцы не были склонны в какой-либо степени к территориальной экспансии в глубь острова, их вмешательство в туземную жизнь было незначительным или же вовсе не имело места; во всяком случае, власть султанов с побережья не распространялась на внутренние территории острова. Монополия на торговлю перцем не могла строго соблюдаться отчасти по географическим причинам, а также в связи с существованием фактории, созданной в Бенкулене англичанами после их изгнания из Бантама. На более отсталом острове Борнео голландцы установили отношения главным образом с султанатом Банджермасина, который приобрел некоторое значение как центр контрабандной торговли после того, как голландцы в 1667 году захватили Макассар. Чтобы покончить с таким положением, Батавия в 1756 году отправила специального посла, заключившего новое торговое соглашение, по которому контроль над торговлей переходил в руки голландцев. В XVIII веке возникла китайская колония, занимавшаяся разработкой богатых золотых месторождений Самбасского султаната. Иммигранты были организованы в *конгси*[1] и в конце концов начали создавать полунезависимые общины.

Если влияние голландцев на жизнь Суматры и Борнео было незначительным, то их строгое регулирование производства пряностей и торговли на островах «Великого Востока»[2] подорвало в равной степени процветание и туземную культуру этого района. Выращивание гвоздики и мускатного ореха было

[1] Конгси — объединение, землячество. — *Прим. ред.*
[2] Островах пряностей. — *Прим. ред.*

ограничено островами Банда и Амбоина. Деревья, выращенные без разрешения в других местах, уничтожались крупными флотилиями кораблей под командованием голландских офицеров, которые совершали ежегодные рейсы в районы, вызывавшие подозрение. Тернате и Тидоре, некогда процветавшие центры разведения гвоздики и межостровного судоходства, превратились в отсталые районы, пораженные нищетой. Наследственные правящие династии на этих островах получали за свое послушание ежегодное содержание. Но положение в «привилегированных» районах было хуже (если это только возможно), чем в тех районах, где производство пряностей было запрещено. Туземцы, работавшие за жалкие гроши, были вынуждены покупать продовольствие у голландцев по непомерно высоким ценам и вырубать свои деревья всякий раз, когда компания решала ограничить запасы. Положение усугублялось тем, что политика монополии и ограничения принесла свое возмездие — она заставила англичан и французов разводить гвоздику и мускатный орех на своих собственных тропических территориях, благодаря чему они довольно успешно удерживали цены на разумном уровне, когда в конце XVIII столетия спрос в Европе на пряности начал возрастать.

Одним из наихудших результатов жестких мер, применявшихся голландцами при установлении и сохранении своей торговой монополии, был колоссальный рост пиратства. В течение многих столетий пиратство среди малайцев считалось почетным занятием, тогда как для индонезийских мусульман война против «неверных» считалась религиозным долгом. Значительное сокращение туземной морской торговли и крайняя нищета, до которой были низведены многие прибрежные районы *нусантары*[1], заставляли большее, чем когда-либо, число людей становиться пиратами и пополнять собой крупные пиратские флотилии, которыми кишели воды архипелага. Поражение, нанесенное морской мощи Макассара, открыло, в частности, дорогу возвышению бугского государства Бони. Начиная с конца XVII века отважный и смышленый народ этого государства стал производить налеты с целью грабежа на побережьях Явы, Суматры и Малаккского полуострова, причем число этих налетов все возрастало. На протяжении XVIII века буги были явными врагами голландской Ост-Индской компании. Они принимали участие в войнах, которые вели султаны западного побережья Борнео, опустошили султанат Джохор и даже угрожали Малакке. И так как в течение второй половины столетия голландский контроль над морями ослабел, крупные пиратские флотилии ежегодно совершали регулярные набеги, отправляясь с хорошо оборудованных баз в различных частях архипелага — в Тобело на северо-восточном побережье Хальмахеры, на островах у побережья Новой Гвинеи и на островах Сулу. Наиболее грозными из всех были илланы с островов Сулу. Их крупные флотилии хорошо вооруженных галер бесстрашно совершали нападения на самые мощные военные корабли компании, а в конце столетия они создали укрепленную базу на южной оконечности Суматры, откуда совершали грабительские налеты в Зондском проливе и охотились за рабами во всех направлениях.

Восстановление мира на Яве после «третьей войны за престолонаследие» и бантамского восстания до некоторой степени улучшило положение на острове. Компания прилагала усилия к тому, чтобы сохранить хорошие отношения с вассальными султанами Суракарты и Джокьякарты и отказывалась от вмешательства в пограничные конфликты, которые постоянно возникали между этими двумя государствами. Поощрялось разведение кофе и сахарного тростника, и строились дороги, чтобы облегчить перевозку этих товаров. В надежде уменьшить коррупцию было увеличено жалованье служащим и были предприняты попытки повысить эффективность вооруженных сил. Но все возраставшее истощение финансов компании и неуклонно растущий дефицит ее балансов препятствовали осуществлению каких-либо коренных реформ.

---

[1] Нусантара (*индонез.*) — архипелаг. — *Прим. ред.*

За пределами Явы упадок могущества голландцев был более очевидным. Усиление власти англичан в Индии, начиная со времени Клайва, стало серьезно угрожать позициям голландцев в Индии, особенно в Бенгалии, откуда Батавия ввозила не только большое количество тканей, но также и запасы опиума, тайная монополия на торговлю которым приносила служащим компании огромные барыши. Неудачная попытка голландцев осуществить в 1759 году вооруженное выступление против Клайва принесла им унизительное поражение, в результате которого бенгальская торговля голландцев перешла под надзор англичан[1]. На Цейлоне их распри с правителем Канди по поводу торговли корицей вылились в открытую войну, которая, однако, закончилась в 1766 году выгодным для голландцев договором. Повсюду — на Суматре, Борнео и Островах пряностей — наблюдалась печальная картина торгового застоя и упадка. Положение усугублялось тем, что именно в тот момент, когда только огромное общенациональное усилие могло спасти компанию, в 1780 году в Голландии произошло столкновение между «патриотами» и «оранжистами»[2], которое помешало принять какие-либо меры.

В том же году началась также «четвертая английская война», как ее называют голландские историки, которая, по их горькому замечанию, нанесла компании смертельный удар. Голландское правительство вняло увещеваниям выходца из Новой Англии Джона Адамса и согласилось признать независимость Америки. Правительство лорда Норда узнало об этом и объявило войну Голландии. Как в Ост-Индии, так и в Вест-Индии голландские колонии были беззащитны. Потери голландского торгового флота были колоссальны. Негапатам и другие торговые пункты в Индии попали в руки англичан, так же как и все голландские форты на западном побережье Суматры. Только с помощью французской военно-морской эскадры под командованием блестящего полководца Сюффрена голландцы смогли спасти Цейлон и мыс Доброй Надежды от захвата их англичанами. Они потеряли почти все свои суда, направлявшиеся на родину с Востока. Ни одно торговое судно не решалось выйти в море из голландских портов в Европе. Торговля замерла. Склады голландцев в Батавии были забиты невывезенными товарами, которые они охотно бы продали нейтральным странам по убыточным ценам.

Парижский договор, подписанный в 1784 году, разрушил систему голландской монополии. По этому договору английские суда получали свободу торговли во всех морях, омывающих Индию. Англичане снова получили возможность оспаривать господство голландцев над индонезийской торговлей. Спустя два года в этом направлении был сделан важный шаг — Фрэнсис Лайт основал английское поселение на острове Пенанг, напротив Кедаха.

Утрата голландцами контроля над своей восточной империей во время войны 1780—1784 годов имела дальнейшие последствия. Буги воспользовались случаем и начали угрожать Малакке, и лишь своевременное прибытие голландской эскадры под командованием ван Браама спасло город. Когда в 1783 году голландцы изгнали бугов из Джохора, буги стали угрожать интересам голландцев на западном побережье Борнео и в Банджермасине. Это наряду с основанием англичанами поселения на Пенанге заставило голландцев в 1787 году установить свой контроль в этом районе, но ненадолго. Вскоре после этого между султанатами Суракартой и Джокьякартой на центральной Яве начались трения, которые в условиях ослабления власти голландцев могли привести к серьезным последствиям; к счастью, в результате давления, оказанного голландцами на сунана в 1790 году, вопрос был улажен.

Временное восстановление голландской морской мощи эскадрой ван Браама было результатом вмешательства голландского правительства в дела компании. Комитет, посланный вслед за этим для обследования состояния

---

[1] «Cambridge History of India», vol. V, p. 153—155.

[2] Во второй половине XVIII века в Нидерландах образовались политические партии «патриотов» и «оранжистов». Первая в основном выражала интересы демократической части буржуазии, а вторая являлась дворянско-католической и группировалась вокруг штатгальтера Вильгельма Оранского. — *Прим. ред.*

обороны Голландской восточной империи, нашел, что положение вызывает тревогу. В равной степени вызывал тревогу непрестанный и быстро растущий дефицит в балансах компании. В 1789 году дефицит составлял 74 миллиона гульденов. Два года спустя дефицит возрос до 96 миллионов гульденов. Компания не пользовалась более доверием и не могла вести переговоры об условиях займов на открытом рынке. Генеральные Штаты должны были принять меры. Главный вопрос заключался в том, можно ли спасти компанию путем реформы или же голландское правительство должно распустить ее и принять на себя все ее обязательства.

Вильгельм V, восстановленный штатгальтером в результате контрреволюционного восстания 1787 года[1], стремился сохранить компанию. Несмотря на провал предыдущих комиссий, назначавшихся для ее перестройки, он назначил в 1791 году высокую комиссию в составе Недербурга, советника компании, и Фрейкениуса, офицера по морским делам компании, которые должны были отправиться в Ост-Индию и действовать совместно с генерал-губернатором Алтингом и ван Стоккумом, генеральным директором по торговле в Батавии. Недербург и Фрейкениус попали в Батавию лишь в 1793 году. Там они соединились с правящей кликой компании и некоторое время продолжали выступать против требования о проведении реформ.

В начале 1795 года войска генерала Пишегрю заняли Голландию, низвергли власть штатгальтера и учредили Батавскую республику под французским протекторатом. Вильгельм V бежал в Англию и опубликовал там «Письма из Кью»[2], в которых он приказывал служащим голландской Ост-Индии передать владения компании в руки англичан во избежание их захвата французами. Англичане, как он пояснял, дали торжественное обещание возвратить эти владения Нидерландам, когда будет восстановлен мир. По этому соглашению англичане в 1796 году установили свой контроль над мысом Доброй Надежды и над Цейлоном. Все голландские форты в Индии и на западном побережье Суматры, так же как и Малакка, попали в руки англичан. На Молуккских островах англичане захватили Амбоину и острова Банда, но не смогли взять Тернате.

Правительство Батавии под влиянием Недербурга было против политики, изложенной в «Письмах из Кью». В равной степени оно было против требований о создании более демократичного правительства, которые начали предъявлять группы свободных бюргеров и служащих компании на Яве. Поэтому Недербург и генерал-губернатор ван Оверстратен сурово подавляли либеральное движение и в то же время готовились оказать сопротивление любой попытке англичан занять остров. Но никаких попыток в этом направлении предпринято не было, хотя союз Батавской республики с революционной Францией еще раз привел к войне между Англией и Голландией. В это время англичане были слишком поглощены своими делами в других местах.

Смена правительства в Гааге, однако, привела к изменению политики в отношении Восточной империи. Коллегия директоров была упразднена. Вместо нее был создан «Комитет по делам ост-индской торговли и владений», находившийся под непосредственным наблюдением правительства. В 1798 году было принято решение о ликвидации самой компании; ее долги и имущество государство должно было принять на себя. Указ вступал в силу 31 декабря 1799 года, когда истекал срок устава компании, и этот устав не был возобновлен. Долг компании составлял тогда 134 миллиона гульденов.

---

[1] В 1785 году в Нидерландах партия «патриотов», опиравшаяся на помощь Франции, подняла восстание против штатгальтера Вильгельма V и изгнала его из Нидерландов. Его власть была восстановлена с помощью прусской и английской интервенции. — *Прим. ред.*

[2] Кью — пригород Лондона. — *Прим. ред.*

ГЛАВА XVII

МАЛАЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ МАЛАККИ (1511) И ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

Томе Пиреш, который прибыл в Малакку через год после покорения ее Альбукерки, описывает в шестой книге своего труда «Сума Ориентал» («Обозрение стран Востока») положение в этой стране и на всем полуострове. Он указывает, что от Малакки вплоть до Кедаха тянутся земли, богатые месторождениями олова, которые ранее были подвластны султану Малакки. Описывая их, он упоминает Сунгей-Джугра, Селангор, Кланг, Бернам, Мимджам[1], Бруас и деревню под названием Перак. К югу расположены Муар и Сингапур; последний, по словам Пиреша, состоит из нескольких селлатских[2] деревень и не представляет собой «ничего замечательного». На восточном побережье, как он указывает, находится Паханг и платящее ему дань государство Тренггану, расположенное на землях Сиама; однако Паханг относится также к империи Малакка и находится в состоянии постоянной войны с сиамцами.

Когда султан Махмуд проиграл битву за Малакку, он со своим сыном пересек страну и бежал в Паханг, откуда отправил эмиссара в Китай с просьбой о помощи против португальцев. Однако минский император, ссылаясь на то, что он ведет войну против татар, заявил, что не в состоянии выступить против португальцев. Поэтому Махмуд должен был искать место для основания своей новой столицы, где он мог бы восстановить свою власть над полуостровом и чувствовать себя в достаточной безопасности от португальцев. Сначала он обосновался в Сайонг-Пинанге, в верховьях притока реки Джохор. Но это место оказалось слишком удаленным от моря, и в 1521 году Махмуд перебрался на остров Бинтанг, к юго-востоку от Сингапура. Здесь, однако, он неоднократно подвергался нападениям португальцев. В 1523—1524 годах он отбил их атаки, нанеся им тяжелые потери, и даже направил войско для осады Малакки.

Но в 1526 году португальцы вновь напали на его столицу, разрушили ее и передали остров радже Лингги. Сам Махмуд бежал в Кампар на Суматре, где и умер в 1528 году. Ему наследовал его младший сын Ала-уд-дин, который основал столицу на реке Джохор[3]. Там он в течение некоторого времени был серьезной помехой для португальцев, пока, наконец, в 1536 году дом Эстavано да Гама не выступил против Ала-уд-дина и не заставил его заключить мир и перенести свою резиденцию на реку Муар.

Между тем старший брат Ала-уд-дина Музаффар-шах направился в Перак, где он положил начало династии, которая правит там до сих пор. В течение некоторого времени Перак, Джохор и Паханг были согласны поддерживать дружеские отношения с португальцами. Они с большой тревогой следили за быстро растущим могуществом Аче на северо-западной оконечности Суматры, который при правлении султана Али Мугхайят-шаха устано-

[1] Мимджам (Манджонг)—главный поставщик олова во времена Малаккского султаната. Название это бесследно исчезло.—*Прим. ред.*

[2] Селлатами (жителями проливов) португальцы называли протомалайцев.—*Прим. ред.*

[3] Город назывался Джохор-Лама; он был основан около 1530 года Ала-уд-дином II (Ала-уд-дин I был султаном Малакки).—*Прим. ред.*

вил контроль над портами Педир и Пасе, где велась торговля перцем, и вел крупную торговлю с Гуджаратом и Китаем. При правлении его сына Ала-уд-дина Риайят-шаха (1530—1568) Аче стал серьезным соперником португальской Малакки и в течение многих лет неоднократно прилагал усилия к тому, чтобы захватить город. Честолюбивая политика Аче являлась угрозой не только для Малакки, но также и для малайских государств Суматры и Малайского полуострова. В 1537 году португальцы предприняли неожиданное наступление. Два года спустя флот Аче захватил Дели на Суматре. В ответ Джохор вместе с Пераком и суматранским государством Сиак нанесли сокрушительное поражение этому столь быстро возвысившемуся государству.

Поражение Аче было лишь временным. К 1547 году Аче восстановил свои силы настолько, что предпринял новое наступление на Малакку. Наступление было столь близким к успеху, что малайские соперники Аче захотели попытать свое счастье в игре. Соединенный флот Джохора, Перака и Паханга вошел в устье Муара и остановился, выжидая исхода борьбы. Когда португальцы в конце концов отбили наступление суматранской флотилии, малайский флот отступил. В 1551 году он вернулся и в течение трех месяцев осаждал Малакку. Попытка взять город штурмом была отбита с такой решимостью, что атака уже больше не возобновлялась. В конце концов португальцы, направив корабли на разграбление гаваней в малайских странах, заставили малайский флот снять осаду.

Стремление Аче к завоеванию господства над малайскими государствами неизмеримо возросло накануне смерти второго из великих султанов —Ала-уд-дина Риайят-шаха в 1568 году. Он создал лигу государств против португальцев, получил из Турции стрелков, оружие и снаряжение и собрал большее чем когда бы то ни было войско. Прежде чем напасть на Малакку, он нанес сокрушительный удар своему сопернику — султану Джохора.

В 1564 году его армада разграбила Джохор-Ламу и увезла султана Ала-уд-дина в качестве пленника на Суматру. В течение нескольких лет после этого между Джохором и Аче велась ожесточенная борьба, и Джохор перешел на сторону португальцев. Дело дошло до того, что в 1568 году, когда Аче предпринял мощное наступление на Малакку, португальцы обратились за помощью к Джохору. Эта помощь была предоставлена, но, когда прибыл флот Джохора в составе шестидесяти кораблей, португальцы уже отбили наступление Аче. В отместку ачехский флот пошел вверх по реке Джохор и сжег ряд деревень.

Эта проходившая с переменным успехом борьба между Аче и Малаккой продолжалась до 1575 года, когда по какой-то причине, которая навсегда осталась неизвестной, ачехский флот, угрожавший Малакке, неожиданно повернул на север и захватил Перак. Султан Перака, являвшийся родственником султанов Джохора, был убит, а его жена и дети были увезены в Аче. Это привело к огромным переменам в положении малайских государств. Находившийся в плену наследный принц Перака женился на ачехской принцессе и в 1579 году наследовал своему тестю, став султаном Ала-уд-дин Мансур-шахом. Он в свою очередь выдал дочь замуж за султана Джохора — Али Джалла Абдул-Джалил Риайят-шаха и послал своего младшего брата управлять Пераком на правах вассального правителя.

Брак с представителем Джохорского дома, однако, не улучшил отношений между этими двумя государствами. В 1582 году португальцы помогли султану Джохора отбить нападение Аче. В 1585 году Мансур-шах, по-видимому, был убит адмиралом своего флота. Четыре года спустя убийца стал султаном Ала-уд-дин Риайят-шахом (1589—1604). Именно в период его правления голландцы, французы и англичане впервые посетили Аче. На какое-то время борьба Аче с Джохором затихла. В 1584 году между португальцами и их союзником начались раздоры из-за торговой монополии португальцев. В результате этих раздоров Джохор в 1586 и снова в 1587 году осаждал Малакку и блокировал ее с суши и с моря. Джохор также заключил союз с Аче. Но этот союз был весьма кратковременным, так как, когда португальцы предприняли

крупное контрнаступление, послав экспедицию вверх по реке Джохор, которая разрушила Джохор-Ламу и увезла огромную добычу, Аче послал официальное поздравление Малакке.

Таким образом, борьба трех сторон продолжалась. Вражда между двумя малайскими государствами имела в конечном счете для них большее значение, чем желание вытеснить португальцев. К концу столетия Джохор достаточно восстановил свои силы и начал угрожать Аче настолько серьезно, что Ала-уд-дин Риайят-шах направил посольство в Малакку с просьбой о помощи. Португальцы, в сфере влияния которых браконьерствовали голландцы и англичане, решили, что разумнее будет заключить мир на следующих условиях: султан перебьет голландских «пиратов» и отдаст португальцам свой сильнейший форт. Однако военная удача внезапно изменила им, как это часто бывало раньше, и заключение союза не состоялось. Убив в 1599 году Корнелиса де Хоутмана и взяв в плен его брата Фредерика, султан оказался в опасной изоляции, что очень встревожило его. И так как он опасался союза португальцев с Джохором в большей степени, чем мести голландцев, он решил в своих собственных интересах использовать враждебное отношение голландцев к португальцам. Поэтому он освободил голландских пленников и направил послов в Голландию. Он даже направил войско, чтобы осадить новую столицу Джохора — Бату-Савар[1], но эта осада не имела успеха.

Прибытие голландцев и англичан открыло новые благоприятные возможности для Джохора, так же как и для Аче. Джохор видел в голландцах потенциального союзника против своего старого противника — Португалии; он начал прислушиваться к предложениям голландцев о совместном нападении на Малакку, оставаясь внешне безучастным к тому, что голландцы не намеревались передать этот город под управление малайцев. В 1606 году Джохор и голландцы повели совместное наступление на Малакку, закончившееся неудачей. На какое-то время доверие султана к голландцам настолько ослабело, что он заколебался.

В следующем году новый правитель Искандер-шах захватил престол Аче и начал весьма энергично осуществлять захватническую политику. Воспользовавшись упадком могущества португальцев, он распространил свой контроль не только на другие прибрежные районы Суматры, но также на расположенные на Малаккском полуострове государства Паханг (1618), Кедах (1619), а также на самое важное государство (поскольку там имелось олово) — Перак (1620). В 1613 и затем в 1615 году Аче разграбил Джохор за то, что его султан вел переговоры с Малаккой. Поэтому в 1616 году султан Джохора счел благоразумным присоединиться к Искандер-шаху в крупном наступлении на Малакку. Наступление снова не удалось: прижатые к стене португальцы показали себя стойкими воинами, все еще способными удерживать в своих руках знаменитый торговый центр.

Однако рост могущества Аче был действительно поразительным. В своем послании к королю Англии Якову I Искандер-шах претендовал на господство над самим Джохором. Это требование означало лишь то, что он принимал желаемое за действительное, но установленный им контроль по обе стороны Малаккского пролива позволял надеяться, что он завоюет господство над всеми туземными государствами полуострова и северо-западной части архипелага. С другой стороны, высылка тысяч людей из покоренных Аче государств разожгла глубокую ненависть к Аче и породила движение за освобождение от его ига. В 1629 году соединенные силы Малакки, Джохора и Патани нанесли сокрушительное поражение ачехскому флоту вблизи Малакки. После этого могущество Аче начало ослабевать столь же быстро, как и возникло. Искандер-шах умер в 1636 году. Ему наследовал его приемный сын Искандер II, который умер в 1641 году, в тот год, когда голландцы захватили Малакку. Затем в течение шестидесяти лет Аче управляли женщины. В результате давле-

---

[1] Бату-Савар был основан султаном Джохора Ала-уд-дином III (1597—1613).— *Прим. ред.*

ния голландцев и поддержки, оказанной ими Джохору, Аче потерял все свои территории на полуострове, за исключением Перака.

Джохор возлагал большие надежды на то, что, заключив союз с голландцами, он сможет возвратить себе Малакку. Султан Джохора именовал себя властителем Джохора и Малакки. Однако голландцы отказывались признать его притязания на город. Но ненависть Джохора к португальцам была так велика, что султан Джохора Абдул-Джалил в 1637 году заключил договор с голландцами, по которому он обязывался участвовать вместе с ними в нападении на город, и в ходе решающей борьбы в 1640—1641 годах послал на помощь голландцам сорок парусных судов. Абдул-Джалил уже успел присоединить к своим владениям Паханг, когда Аче утратил свой контроль над ним. Затем, освободившись от угрозы как со стороны португальцев, так и Аче, он принялся за постройку новой столицы в Макам-Таухиде, близ нынешнего Кота-Тингги. Он все еще номинально оставался главой обширной империи, которая включала большинство малайских государств полуострова, архипелаг Риау и Бенкалис, Кампар и Сиак на Суматре. Он слишком поздно начал понимать, что если португальцы наказывали кнутами, то голландцы наказывают бичами.

Голландцы заняли Малакку лишь после того, как стали добиваться установления своего контроля над государствами, производящими олово. Олово было главной причиной их заинтересованности в полуострове; оно имело первостепенное значение в их торговле как с Индией, так и с Китаем. В 1639 году голландцы заключили контракт с Аче, по которому они могли закупать олово в Пераке. В 1641 году первый голландский губернатор Малакки предъявил султану Перака требование, чтобы он прекратил всякие торговые сделки с иностранцами и в будущем продавал все олово Объединенной Ост-Индской компании. Когда тот отказался согласиться, голландские военные корабли блокировали устье реки Перак. Когда ему все же удалось избежать их настойчивых попыток установить монополию над его экспортной торговлей, голландцы в 1650 году добились от его сюзерена, королевы Аче, заключения договора, по которому компания получала равную с Аче долю в перакской торговле оловом, а все другие торговцы устранялись.

Можно вкратце рассказать последующую историю отношений голландцев с Аче и Пераком по вопросу об олове. Соглашение 1650 года никого не удовлетворило. Оно наносило ущерб крупной торговле между Аче и Суратом, благодаря которой большое количество индийских тканей поступало на Суматру и полуостров. В результате голландская фактория в Сурате подверглась нападению и была разграблена. Более того, в 1651 году с молчаливого согласия Аче голландская фактория в Пераке также подверглась нападению и была разграблена, а девять служащих фактории были убиты. Голландцы были слишком поглощены другими делами, чтобы послать карательную экспедицию. В 1653 году султан Перака Музаффар обещал восстановить соглашение 1650 года, уплатить компенсацию за убытки голландской фактории и казнить вождей, виновных в убийствах. Однако он не попытался выполнить свои обязательства.

В 1655 году голландцы через посредство Аче обратились к перакскому султану, и в присутствии ачехских послов он подписал еще одно соглашение по тому же вопросу. Однако султан снова не выполнил условий соглашения и, когда Аче стал чинить новые затруднения голландцам, стало ясно, что он, как соперник голландцев в торговле с Пераком, обманывает их. Поэтому голландцы блокировали оба государства — Перак и Аче. В 1657 году Аче в ответ разрушил голландские фактории в подчиненных ему портах —Приамаме, Тику и Салидо на Суматре. После этого Батавия направила военно-морской флот для нападения на эти порты и усилила блокаду Перака и Аче. Положение Аче снова ухудшилось. В 1659 году генерал-губернатор Ян Метсёйкер принял в Батавии ачехское посольство и был подписан договор, по которому предусматривалась выплата голландцам компенсации в виде снижения цен на олово, закупавшееся голландцами в Пераке, и распределение

доли в торговле, причем Аче должен был получать одну треть экспорта олова Перака, а Объединенная Ост-Индская компания получала две трети[1].

Но и этот договор не представлял большей ценности, чем предыдущие, так как женщина, осуществлявшая в это время полномочия султана в Аче, лишь номинально стояла во главе конфедерации вождей, над которыми она, как это потом стало ясно голландцам, фактически не имела власти. Как уже говорилось, Джохор и Паханг успешно отстояли свою независимость от Аче. Теперь Перак, раздраженный тем, что Аче заключил договор, угрожал перейти на сторону Джохора. Как показал дальнейший ход событий, торговля голландцев с Пераком значительно расширилась, так как упадок Аче стал столь очевидным, что немногие из его судов заходили в порт.

В отношениях с другими государствами, в которых имелось олово, успех голландцев носил переменный характер. В 1642 году они заключили соглашение с Кедахом о поставке им половины всей добычи олова. В 1643 году Джанк Сейлан и в 1645 году Бангери обещали голландцам продавать им всю свою добычу. Кедах, однако, нарушил свое соглашение, и голландцы в виде наказания прибегли к блокаде. Малайцы были, по-видимому, недовольны тем, что договор нужно было рассматривать как нечто большее, чем дипломатический жест. Когда голландцы обнаружили, что они не в состоянии эффективно вести блокаду ввиду удаленности Кедаха от Малакки и его удобного сообщения с Коромандельским берегом, они попытались заручиться поддержкой сиамцев. В 1664 году они заключили договор с Сиамом, по которому получали право свободной торговли с малайскими государствами, находившимися под его властью. Но власть Аютии над Кедахом практически мало чего стоила, и все усилия голландцев заставить это маленькое государство подчиниться оставались тщетными. В отношениях с другими государствами, находившимися под контролем Аютии, а именно Лигором и Селангором, голландцы добились большего успеха и в конце концов заключили соглашения о монополии на торговлю.

Упадок Аче повлек за собой потерю им контроля не только над государствами полуострова, но также над минангкабаускими портами западной Суматры, в которых велась торговля перцем. С этими портами голландцы уже давно пытались заключить индивидуальные соглашения, по которым они должны были отказаться от своей верности Аче и перейти под защиту компании. В 1663 году голландцам наконец удалось заключить соглашение, известное под названием Пайнанского договора и подписанное рядом султанов западного побережья Суматры, которые в обмен на защиту предоставляли Объединенной Ост-Индской компании абсолютную монополию на торговлю перцем, а также освобождали ее от пошлин. Заключение соглашения привело к многочисленным столкновениям и заставило голландцев закрыть свои фактории в Аче и Пераке. Это соглашение практически поставило западное побережье Суматры под контроль голландцев.

Захват голландцами Малакки и упадок Аче открыли перед Абдул-Джалилом благоприятную возможность укрепить позиции Джохора. В 1644 году его младший брат женился на принцессе Патани. Страх перед голландцами заставил Джамби и Аче стать его союзниками, тогда как слабость Аче предоставила ему возможность распространить свою власть на Сиак и Индрагири на восточном побережье Суматры[2]. На некоторое время его столица стала важным торговым центром, а он сам стал богатым человеком. Но в 1666 году в результате нарушения брачного контракта между наследником Абдул-Джалила и дочерью пангерана (правителя) Джамби между Джамби и Джохором началась продолжительная война, причем нарушение этого контракта

---

[1] Уинстед (W i n s t e d t, History of Malaya, p. 132) указывает, что олово распределялось поровну между Объединенной Ост-Индской компанией и Аче, но утверждение Стапеля (S t a p e l, Geschiedenis van Nederlandsch Indië, III, p. 358) является более приемлемым.

[2] Власть Абдул-Джалила распространилась также на Паханг, Риау, Кампар.— *Прим. ред.*

явилось результатом интриг честолюбивого *лаксаманы*[1] Джохора, который выдал замуж за принца свою собственную дочь. В 1673 году войска Джамби разграбили Бату-Савар — столицу Абдул-Джалила, а старый султан бежал в Паханг, где спустя три года умер в возрасте девяноста лет.

Его племянник и преемник Ибрагим обосновался на Риау, откуда он продолжал борьбу. Но его империя уже распадалась. Будучи не в состоянии добиться решающего успеха, он призвал на помощь бугского наемника Даинг Мангика, который в 1679 году разграбил Джамби в наказание за его жестокое обращение с Джохором шесть лет назад. Однако война продолжалась и в 1682 году. Ибрагим написал генерал-губернатору Корнелису Спеелману, предлагая возобновить старый союз, первоначально заключенный в 1603 году, когда было направлено посольство к принцу Морицу в Гаагу. Спеелман в своем ответе требовал предоставления монополии на торговлю Джохора и Паханга.

Прежде чем переговоры дали какие-либо результаты, Ибрагим в 1683 году умер; ему наследовал его малолетний сын Махмуд, а регентами стали его мать и раджа Падука, лаксамана, по вине которого началась война с Джамби. Губернатор Малакки немедленно направил посла, чтобы потребовать установления монополии на недавно открытые залежи олова в Сиаке. Регенты, будучи не в состоянии установить контроль над минангкабау этого района, подписали договор, предоставлявший голландцам монополию, взамен чего голландцы должны были принять на себя посредничество в отношениях между Джохором и Джамби. Этот договор, однако, оказался безрезультатным, и когда раджа Падука был устранен в 1688 году и заменен новым главным министром, который увез молодого султана с Риау обратно в Кота-Тингги на полуостров Малакка, в 1689 году был заключен новый договор. Новый договор подтверждал условия предыдущего договора, предоставляя голландцам право беспошлинной торговли в Джохоре до совершеннолетия султана и в дополнение предусматривал запрещение индийским торговцам селиться во владениях Джохора. Уинстед утверждает, что и этот договор также оказался безрезультатным[2]. Ф. В. Стапель, напротив, характеризует его как «весьма выгодный» и придерживается того мнения, что он значительно укрепил позиции голландцев в Сиаке в конце XVII века[3].

Махмуд оказался человеком с извращенными наклонностями и садистом, жестокость которого послужила причиной его убийства в 1699 году. Он был последним представителем старой малаккской династии, правившей в Джохоре. Его преемником был главный министр, бендахара Шримахараджа Тун Хабиб Абдул-Джалил. Однако семейные распри заставили его передать дела государства своему брату радже Муде; тирания последнего привела к такому разладу, что в 1717 году минангкабауский правитель Сиака, раджа Кечиль, неожиданно напал на Джохор-Ламу и захватил престол. Абдул-Джалил снова был низведен до положения бендахары. В «Малайских хрониках» новый правитель известен под именем Абдул-Джалил Рахмат-шаха.

Раджа Кечиль правил джохорскими владениями, находясь на Риау. В 1718 году низложенный султан составил заговор с Даинг Парани, бугским вождем, который служил у раджи Кечиля на Суматре и был обманут в своих расчетах получить пост ямтуана муды, или вице-короля Джохора. Заговор провалился, и Абдул-Джалил был убит при попытке к бегству в Паханг. Однако в 1722 году Даинг Парани и его бугские приверженцы изгнали раджу Кечиля и возвели на престол сына Абдул-Джалила[4]. Нового султана заставили назначить старшего брата Даинг Парани ямтуаном мудой, или вице-королем Риау; он управлял страной, будучи марионеткой в руках бугов. С этих пор буги стали подлинными правителями Джохора.

История Малайи на протяжении XVIII века представляет собой историю возвышения бугов. Являясь преобладающим народом на Целебесе в

---

[1] Лаксамана — адмирал, начальник флота в малайских государствах.—*Прим. ред.*

[2] Winstedt, op. cit., p. 146.

[3] Stapel, III, стр. 460.

[4] Он получил имя Сулеймана (1722—1760).—*Прим. ред.*

XVIII веке, они впервые стали известны в истории как наемники голландцев. Ару Палака, пангеран Бони, командовал отрядом бугских волонтеров в кампании, которую вел Спеелман против Макассара в 1666—1667 годах. Они оказали большую помощь голландцам при захвате Матарама. Их родиной была юго-западная оконечность острова; там существовал ряд небольших бугских государств, которые время от времени образовывали конфедерации. Буги были мореходами и относились к числу наиболее развитых народов Индонезии. Бонгайский договор 1667 года, который покончил с независимостью Макассара и привел к разорению Молуккских островов, послужил причиной их расселения по всему архипелагу. Их пиратские флотилии сновали по морям архипелага, и еще до окончания XVII века они стали совершать набеги на побережья Явы, Суматры и Малаккского полуострова. Уже в 1681 году в устьях Кланга и Селангора существовали крупные поселения бугов.

Даинг Парани, который в 1722 году установил власть бугов над Джохором, был одним из пяти знаменитых братьев, покинувших Целебес и отправившихся на поиски счастья на Борнео, архипелаг Риау и Малаккский полуостров. Отныне Риау стал центром их влияния. Оттуда буги установили контроль над государствами, в которых имелось олово,— Кедахом и Пераком. Во время династической распри в Кедахе их призвали оказать помощь новому султану против его мятежного брата. Они получили за это крупное денежное вознаграждение, а Даинг Парани женился на сестре султана. В 1724 году их враг минангкабауский раджа Кечиль из Сиака, которого буги изгнали с Риау, привел в Кедах войско для борьбы против них, и в течение двух лет минангкабау и буги сражались за власть в государстве. Война оказала губительное влияние на торговлю Кедаха. Даинг Парани был убит, но в конце концов буги отбросили раджу Кечиля обратно в Сиак.

Затем борьба распространилась на Перак и Селангор. Брат Даинга Парани, Даинг Меревах, вице-король Риау, вторгся в Перак, над которым стремились установить свою власть минангкабауские воины и кедахские вожди. Это вторжение было также успешным; благодаря ему власть бугов распространилась на третье государство. Селангор подвергся нападению сына раджи Кечиля и бугского военачальника, ставшего изменником. Положение было спасено третьим из знаменитых братьев, Даинг Челаком, который сменил Даинг Мереваха на посту вице-короля Риау. Он и его марионетка, султан Сулейман, изгнали захватчиков. Его сын раджа Лума был тогда объявлен первым в истории этого государства султаном Селангора. Два года спустя он совершил новое нападение на Перак, чтобы восстановить власть бугов и предотвратить дальнейшее вмешательство минангкабау.

Такая активность бугов и огромный рост их влияния встревожили голландцев. Их длительным попыткам монополизировать малайскую торговлю оловом грозил провал в результате конкуренции со стороны бугских торговцев, находившихся под защитой боевых флотилий Риау. Поэтому в 1745 году голландцы начали перестраивать свой форт в Диндингсе. К этому времени стало заметно, что сами малайцы ищут помощи, чтобы освободиться от власти бугов. Султан Сулейман заключил с ван Имхоффом договор, по которому взамен обещанной голландцами помощи он уступал Сиак и, кроме того, снова предоставлял им монополию на закупку олова в своих владениях. Враждебность малайцев, проживавших на Риау, была так сильна, что Даинг Кембоджа[1], который представлял подлинную власть на Риау, счел более безопасным перенести свою резиденцию на острова Лингга.

В течение некоторого времени голландцы не предпринимали никаких действий, направленных на захват Сиака. Однако в 1753 году в результате дворцового переворота на престоле оказался правитель, который начал торговую войну против них. Поэтому в 1755 году голландцы изгнали его. Затем они заключили новый договор с султаном Сулейманом, по которому обещали

[1] Даинг Челак умер в 1745 году, и вице-королем стал его брат Даинг Кембоджа.— *Прим. ред.*

помочь ему возвратить его владения, отнятые бугами. Султан в свою очередь назначил регента, чтобы следить за соблюдением голландских интересов в Сиаке, и предоставил компании монополию на закупку олова в Селангоре, Кланге и островах Лингга. Голландские корабли получали также право вести беспошлинную торговлю во всем его государстве.

Теперь между голландцами и бугами велась открытая война. В 1756 году буги напали на Малакку. В ответ голландцы вместе с войсками Тренггану напали на бугскую крепость на островах Лингга. Борьба с обеих сторон была продолжительной и ожесточенной, и в конце концов буги были разбиты. В качестве гарантии султан Сулейман уступал голландцам Рембау и Лингга, и 1 января 1758 года три бугских вождя, Даинг Кемболжа с Лингга, раджа Туа из Кланга и раджа Адиль из Рембау, подписали мирный договор с голландцами и подтвердили предоставленную султаном монополию на закупку олова.

Империя Джохор стала теперь делом прошлого. Селангор был независимым государством, возглавляемым бугским султаном. Более мелкие внутренние государства находились под властью минангкабау или бугов. В Паханге властвовали минангкабауские вожди. В самом Джохоре царила анархия. Сиак был накануне падения, а его правитель вассал Джохора, султан Мухаммед перед своей смертью перебил голландский гарнизон на острове Гунтунг. Поэтому в 1761 году голландцы направили карательную экспедицию и сделали султаном своего собственного ставленника. В довершение всего в 1759 году, незадолго до смерти султана Сулеймана, бугский вождь раджа Хаджи, племянник Даинг Кемболжи, совершил переворот на Риау и восстановил своего дядю на посту вице-короля владений Джохора. В следующем году, когда умер сам Сулейман, буги убили его преемника, и Даинг Кемболжа, опекун малолетнего внука Сулеймана, рожденного в тот же год[1], стал, таким образом, фактическим правителем государства.

В правление Даинг Кемболжи имперская власть Джохора пережила период временного возрождения, главным образом благодаря воинской доблести раджи Хаджи и отчасти благодаря его умению поддерживать хорошие отношения с голландцами. Раджа Хаджи заставил правителей Джамби и Индрагири признать суверенитет Джохора, возродив тем самым влияние Джохора на Суматре. Затем он отплыл на север, чтобы разделаться с Пераком и Кедахом. Султан Перака принял продиктованные ему условия, но султан Кедаха воспротивился; за это был низложен и изгнан.

В 1771 году Фрэнсис Лайт, основавший позднее поселение на Пенанге, убедил власти Мадраса гарантировать султану Кедаха независимость и принять предложение об уступке морского порта. Но когда Ост-Индской компании стало известно, что султан хочет получить военную помощь на случай возможного нападения бугского султана Селангора, брата раджи Хаджи, переговоры были прерваны под тем предлогом, что это вызвало бы осложнения в отношениях с голландцами. В какой степени было надуманным такое объяснение, ясно из того, что угроза независимости султана со стороны бугов была обусловлена главным образом упадком могущества голландцев. Таким образом, перед раджой Хаджи и его селангорским братом открылась возможность установить контроль над Кедахом и получить значительную долю доходов, получаемых султаном Кедаха от крупной торговли с Бенгалией, Суратом и Суматрой.

В 1777 году, когда умер Даинг Кемболжа, раджа Хаджи отправился на Риау и отнял власть у сына покойного правителя, своего двоюродного брата, хотя последний был признан голландцами преемником своего отца. В течение некоторого времени он поддерживал дружественные отношения с голландцами, но в 1782 году между ними начались распри, и буги стали совершать набеги на голландские посты в Малаккском проливе. В 1783 году попытка голландцев захватить Риау потерпела неудачу из-за плохого руководства. После этого раджа Хаджи, собрав все свои силы, повел осаду Малакки.

[1] Речь идет о Махмуде, султане Джохора и Лингга (1761—1812). — *Прим. ред.*

Он захватил голландцев врасплох. Они были полностью поглощены своей злосчастной «четвертой английской войной» (1780—1784) и не могли собрать достаточные военно-морские силы для защиты своих восточных владений. Однако Малакка стойко держалась. В июне 1784 года ван Браам с флотилией из шести кораблей, посланных из Голландии спасать положение, неожиданно напал на осаждавшие войска и полностью уничтожил их, убив при этом раджу Хаджи.

В августе ван Браам закрепил этот успех, изгнав бугского султана из Селангора. Затем в октябре он изгнал бугов с Риау и продиктовал условия договора, по которому султан, бендахара и *теменггонг*[1] признали порт и султанат голландской собственностью и обязались содержать голландского резидента и гарнизон. В июне 1785 года первый резидент занял свой пост.

Однако закончилась лишь первая фаза войны. В этом же 1785 году возвратился бугский султан Селангора Ибрагим, и голландский гарнизон, не в силах противостоять его наступлению, эвакуировал свой форт и ушел в Малакку. Вскоре владения Ибрагима были блокированы голландским флотом. В течение года он оказывал сопротивление осаждающим войскам, тщетно надеясь на помощь англичан, но в конце концов вынужден был признать власть голландцев.

Затем возникла угроза власти голландцев на Риау. Султан Махмуд искал помощи у грозных иланунов с Борнео. Они прибыли в мае 1787 года и изгнали не только голландцев, но и самого султана и его малайских вождей. Бежавший султан искал помощи сначала у голландцев, а затем у капитана Фрэнсиса Лайта, который в предыдущем году завоевал Пенанг для английской Ост-Индской компании. Когда эти попытки потерпели неудачу, султан Махмуд образовал коалицию, в состав которой вошли Тренггану, Кедах, Рембау, Сиак, Солок, Лингга, Индрагири, Сиантан и Джохор, причем эта коалиция провозгласила своей целью изгнание из малайских вод как голландцев, так и англичан. Но после нескольких безуспешных нападений на голландский флот в Диндингсе и на побережье Пенанга эта коалиция распалась. Голландцы вернули себе Риау, илануны возвратились домой, буги отправились в Селангор, Сиантан и Борнео, а малайцы, поощряемые Махмудом, занялись пиратством.

Таково было положение вплоть до 1795 года, когда французские революционные армии заняли Голландию и в результате опубликования бежавшим голландским правительством «Писем из Кью» англичане начали занимать голландские владения на Востоке. Как раз в это время голландцы только что заключили соглашение, по которому они должны были восстановить в правах бежавшего султана. Однако восстановили в правах Махмуда англичане, которые одновременно удалили с Риау голландский гарнизон. Сделав это, они тем самым восстановили власть бугов.

Этот переворот на Риау имел весьма интересные последствия. Бугский вождь раджа Али, изгнав малайского вице-короля Энгку Муду, положил начало вражде, которая не только послужила причиной многих осложнений на Малаккском полуострове, продолжавшихся в течение ряда лет, но и предоставила Раффлзу в 1819 году прекрасный случай возвести на престол султана, у которого англичане купили остров Сингапур. Раджа Али так упорно противостоял всем попыткам Махмуда удалить его с Риау, что в конце концов в 1803 году султан признал его вице-королем и отдал ему на воспитание своего младшего сына Тенгку Абдуррахмана. Затем три года спустя, не сумев убедить разочарованного Энгку Муда принять пост теменггонга, он передал этот пост племяннику малайского вождя. В то же время он доверил Энгку Муде воспитание своего старшего сына Тенгку Хусейна с тем, чтобы в свое время женить его на дочери Энгку Муды. Именно этот новый теменггонг вступил в 1819 году в знаменитую сделку с Раффлзом; чтобы придать видимость законности этой сделки, Раффлз объявил султаном Тенгку Хусейна, который

[1] Теменггонг — одно из высших должностных лиц в малайских государствах, наблюдавший за внутренним порядком.—*Прим. ред.*

был обманут в своих надеждах на получение престола после смерти своего отца преемником раджи Али на посту полновластного правителя.

Вражда между раджой Али и Энгку Мудой нашла также свой отзвук и в других малайских государствах. В 1800 году бугский султан Селангора — Ибрагим выступил в поддержку своего родственника. Вскоре после этого перакские вожди, не зная о том, что буги заняли господствующее положение на Риау, несвоевременно предложили престол Перака султану Махмуду. Это сильно разгневало Сулеймана[1]. В 1804 году он захватил Перак, изгнал правившего там султана и в течение двух лет удерживал власть в государстве. Однако в 1806 году на престол вступил новый султан из прежней династии, и, когда Сулейман попытался вновь вернуть себе власть, оборона Перака оказалась для него слишком мощной. Однако в течение многих лет он продолжал, по выражению Уинстеда, «удить рыбу в мутной воде реки Перак»[2].

К концу XVIII века всюду, за исключением Селангора, замыслам бугов был нанесен или подготовлялся ряд решительных ударов, главным образом в результате вмешательства сил извне. Они будут описаны ниже в последовательном порядке.

В район, прилегающий к Малакке, уже начиная с XV века собирались малайцы из района на Суматре, населенного минангкабау, и основывали новые поселения. Ко времени захвата Малакки голландцами в 1641 году в Нанинге, Рембау, Сунгей-Уджонге и Кланге уже существовали поселения минангкабау. Во второй половине столетия они создавали голландцам некоторые осложнения. В начале XVIII века буги стали решающим фактором в жизни района, прилегающего к Малакке, и ограничивали власть минангкабау. Захват ван Браамом Селангора и изгнание голландцами бугов с Риау открыло путь к образованию свободной коалиции мелких государств минангкабау во главе с правящей династией. Ее основатель, раджа Мелевар (1773—1795) утверждал, что он ведет свое происхождение от правящего дома минангкабау на Суматре, представители которого претендовали на происхождение от знаменитых Шайлендров из Шривиджайи. По-видимому, он получил признание голландского губернатора Малакки и, тщательно избегая соперничества с какими-либо мощными вождями, постепенно создал компактное ядро государств минангкабау. К моменту его смерти в 1795 году — в тот год, когда англичане взяли Малакку и вновь допустили бугов на Риау,— государство, которое называют теперь Негри-Сембилан, стало независимым.

Начало XIX века застало Малакку на пороге новой эры. Притязаниям бугов был положен предел. Силы голландцев были временно скованы — в это время в Европе господствовал Наполеон. Малайская империя Джохор переживала агонию. Между тем Сиам после сокрушительного поражения, нанесенного ему бирманцами в 1767 году, с необыкновенной быстротой восстанавливал свои силы и при династии Чакри возобновил свои давние притязания на малайские государства. Наконец, англичане, водрузив в 1786 году свой флаг на острове Пенанг и заняв в 1795 году Малакку, вступили в ожесточенную схватку с Францией и поэтому твердо решили не давать своему противнику стратегических преимуществ в Индийском океане, которые Франция могла бы получить в результате оккупации Нидерландской Индии. Более того, в 1805 году молодой Стамфорд Раффлз должен был прибыть в Пенанг. И хотя примерно десять лет спустя ему помешали осуществить свою мечту — заменить голландский контроль над архипелагом английским — он тем не менее занял Сингапур — совершил акт решающей важности для будущего Малайи.

---

[1] Здесь явная опечатка: речь идет не о Сулеймане, а об Ибрагиме.—*Прим. ред.*

[2] Winstedt, History of Malaya, p. 163.

ГЛАВА XVIII

СИАМ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ В XVII ВЕКЕ

Наресуен — «Черный принц» Сиама, который повернул фортуну против бирманцев и восстановил независимость своей родины, занимает одно из наиболее почетных мест в истории Сиама. После неудачного нападения, предпринятого им в 1600 году против Таунгу, он сосредоточил внимание на шанских государствах, которые вслед за окончательным поражением Нанда Байина стали независимыми. Но, как мы видели выше, принц из Ньянгьена, укрепившись в Аве, вскоре вновь начал войну за захват этих территорий, и во время этой войны Наресуан скончался в 1605 году от карбункула.

Ему наследовал его брат «Белый король», принявший титул Экатотсарат. Он не любил воевать; в результате военные действия в шанских государствах были прекращены и эти территории снова оказались под властью Бирмы. Экатотсарат проявлял интерес к реформе финансов и к торговле; в течение его пятилетнего правления были установлены торговые связи Сиама с голландцами. В 1602 году голландцы открыли факторию в Патани, а к 1608 году — в Аютии. Оба эти города являлись важными центрами торговли с Китаем и Японией. Японцы были первыми иностранными торговцами, обосновавшимися в Сиаме, как только победы Наресуена над бирманцами сделали возможным возобновление мирной торговли. Многие из них были из числа лиц, обращенных в Японии в новую религию миссионерами-иезуитами и прибыли в Сиам после того, как религиозная политика сёгуна[1] Иеясу сделала дальнейшее пребывание их на родине небезопасным. В Аютии Экатотсарат разрешил японцам жить отдельным поселением и большое число их включил в свою личную охрану, назначив командиром их предводителя Ямаду. Кроме того, Сиам обменялся с великим сёгуном специальными миссиями вежливости.

Как в Патани, так и в Аютии голландцы столкнулись с сопротивлением португальцев и японцев. Но и там и здесь они нашли поддержку со стороны местных правителей, и в 1609 году в Гааге Мориц Насауский принял посольство из Аютии. Это первый известный в истории визит сиамцев в Европу. В 1610 году Экатотсарату наследовал его сын Интарача, который известен в истории Сиама под именем Сонгтам («Справедливый»). Его восшествие на престол явилось для японцев сигналом к восстанию, которое одно время угрожало гибелью государству. Они восстали из-за того, что покровительствовавший им министр был казнен за участие в заговоре, приведшем к смерти *махаупарата* в годы предыдущего правления. Японцы разграбили Аютию и двинулись на Петчабури, который они укрепили и приготовились защищать. Одновременно под предлогом изгнания японцев в Аютию вторгся король Луан-Прабанга. Но Сонгтам оказался на высоте положения. Он захватил Петчабури, а затем нанес решительное поражение войскам Луан-Прабанга. Японцы, видимо, пришли к соглашению с королем, так как они были оставлены в составе личной охраны, а сам Ямада был удостоен сиамского почетного титула.

[1] Сёгун — титул военных правителей Японии, переходивший с XII по XIX век от одной семьи к другой. Сёгуны были фактическими правителями Японии.—*Прим. перев.*

Сиамский танец.

Мир был восстановлен в 1612 году — в тот год, когда в Аютию прибыл «Глоб», привезший приветственное письмо от английского короля Якова I. Вопреки сопротивлению голландцев Сонгтам разрешил Ост-Индской компании основать факторию в своей столице. В следующем году правитель Бирмы Анаупхелун захватил Сириам и положил конец стремительной карьере Филиппа де Бриту. Затем он вернул те части империи Байиннаунга, которые захва ил Сиам. Бинья Дала отдал ему Мартабан без боя, но, продвигаясь дальше к югу, он в течение 1614 года наталкивался на жестокое сопротивление. Как уже отмечалось, бирманцы вернули себе Моулмейн и Тавой, но им не удалось захватить Тенассерим, который обороняли португальские наемные войска, находившиеся на службе у Аютии.

В следующем году вспыхнула война в Чиенгмае, который захватили бирманцы. В 1618 году, после трех лет борьбы, в течение которых Аютия не смогла вернуть захваченные земли, было заключено перемирие, закреплявшее за бирманцами все, что они завоевали. Возможно, что прекращению войны способствовали события, имевшие место в том же году в Камбодже. Воспользовавшись тем, что Аютия была занята войной в Чиенгмае, Камбоджа объявила о своей независимости и изгнала сиамский гарнизон, размещенный Наресуеном в столице Камбоджи в 1594 году. В 1622 году попытка Аютии восстановить свою власть над Ловеком потерпела неудачу. В продолжение последних лет своего правления Сонгтам неоднократно пытался заручиться поддержкой Голландии и Англии против Камбоджи, но ни та ни другая не желала включиться в такую сомнительную авантюру, и Камбоджа сохранила независимость. Несмотря на свои решительные действия при подавлении восстания японцев и отпор вторжению Луан-Прабанга, Сонгтам не любил воевать. Когда был призван на трон, он находился в монастыре, где увлекался изучением религиозных текстов и предавался молитвам.

Постепенно отношения между англичанами и голландцами в Аютии стали ухудшаться. Выше уже было описано морское сражение при Патани в 1619 году, в котором погиб Джон Журдэн. В Аютии голландцы находились в более выгодном положении, чем англичане, благодаря соглашению, заключенному ими с Сонгтамом в 1617 году относительно закупки шкур. В 1622 году фактории англичан в Патани и Аютии были закрыты, и в течение тридцати семи лет они не имели регулярной торговли с Сиамом. Голландцы тоже закрыли свою факторию в Патани; торговля в Патани не оправдала тех больших надежд, которые обе компании возлагали на нее, когда впервые основали там свои фактории. Однако в Аютии после ухода англичан голландцы усилили свои позиции как никогда.

В 1628 году после смерти еще молодого Сонгтама трон наследовал его сын Четта. Он был марионеткой в руках двоюродного брата Сонгтама — Пья Сри Воравонга, который быстро выдвинулся и, опираясь на помощь главы японцев Ямады, захватил власть. В 1630 году тщеславный министр захватил трон и принял титул Прасаттонг («Король золотого дворца»). Народ же называл его «пауком в бутылке». В момент захвата трона Ямада выступил против него и попытался стать фактическим властителем при бессильном короле. Но Прасаттонгу удалось отделаться от руководителя японцев, который был сразу же отравлен. Затем после кровопролитной борьбы в 1632 году, закончившейся резней японцев в Аютии, оставшиеся в живых японцы были изгнаны из королевства. Борьба с японцами сыграла на руку голландцам: они установили еще более тесные связи с узурпатором и обещали ему свою помощь против его врагов. В 1632 году принц Нидерландов Фредерик Генри послал Прасаттонгу поздравительное письмо по случаю восхождения на трон, а в 1634 году голландцам было разрешено построить в Аютии на берегу Менама «каменное здание с соответствующими пакгаузами, удобными жилыми помещениями и просторной пристанью»[1].

---

[1] Joost Schouten, A True Description of the Mighty Kingdoms of Japan and Siam, trans. by Roger Manley, London, 1663, p. 151, 152.

И хотя голландский агент Юст Схоутен, находившийся в Аютии во время прихода к власти Прасаттонга, охарактеризовал его как правителя, «пользовавшегося большим авторитетом и почетом», преемник Юста — Еремиа ван Флит рисует совершенно иную картину его правления[1]. Это объясняется тем, что отношения голландцев с «пауком в бутылке» прошли через ряд критических этапов. Аютия стала проявлять беспокойство в связи с процветанием и усилением голландцев в результате устранения их соперников. Кроме того, правление Прасаттонга отличалось обилием убийств и восстаний, и король неоднократно ссорился с голландцами из-за того, что они не оказывали обещанную ими ранее помощь. Еще в самом начале правления нового короля королева Патани отказалась признать захват трона Прасаттонгом, назвав его «мошенником, убийцей и предателем». В 1632, а затем в 1634 году королевские войска потерпели жестокую неудачу при нападениях на Патани. В 1632 году голландцы не оказали никакой помощи, а в 1634 году помощь пришла слишком поздно, хотя и не по их вине. В 1636 году, когда подготавливалось следующее нападение, было достигнуто примирение через посредничество голландцев. Но в том же году возник новый конфликт по поводу поставок риса Сиамом, в связи с чем было совершено нападение на двух голландских комиссаров в Аютии, которые были схвачены и приговорены к смертной казни: их должны были растоптать слоны. Они были спасены лишь благодаря огромным взяткам, предложенным королю и главным министрам.

После этого инцидента отношения на длительное время улучшились. Благосклонное отношение к голландцам старательно поддерживалось благодаря усилиям голландских властей как в Батавии, так и в Гааге. Усиление Батавии и захват в 1641 году Малакки не могли не отразиться на отношении голландцев к королю Сиама. Так, когда в 1649 году двор Аютии не удовлетворил некоторые требования, предъявленные голландцами, ван Флит пригрозил нападением голландского флота. Это вызвало серьезный кризис. Была осаждена фактория, и все, кто находился в ней, были арестованы и оказались под угрозой смерти. Пятью годами позже, когда вследствие отказа голландцев помочь Прасаттонгу в борьбе против непокорной Сингоры возник новый кризис, преемник ван Флита Вестерволт грозил закрыть факторию и покинуть страну. По этому случаю в Сиамском заливе была проведена военно-морская демонстрация, оказавшая заметное воздействие. Прасаттонг уступил, и больше конфликтов не возникало.

После смерти Прасаттонга в 1656 году страна пережила несколько беспокойных месяцев, в течение которых на троне побывали и были убиты два короля. Их сменил Нарай, младший сын Прасаттонга. Долгое, длившееся тридцать один год правление этого короля (1657—1688) представляет особый интерес в истории соперничества европейских держав в Юго-Восточной Азии. Если не считать возобновления извечной борьбы с Бирмой из-за Чиенгмая, политика Нарая была в основном направлена на освобождение страны от экономического господства голландцев, которое в период правления его отца постепенно усиливалось. А обращение Нарая за помощью к французскому королю Людовику XIV создало такое положение, которое не только способствовало тому, что Сиам на время приобрел большое значение в политике европейских морских держав, но и накалило обстановку до такой степени, что ее можно было сравнить лишь с Пакнамским инцидентом 1893 года.

Борьба за Чиенгмай возобновилась вследствие нарушения спокойствия в Бирме и шанских государствах, вызванного бегством в 1658 году из Юньнани в Бамо последнего императора Минской династии Юн Ли[2]. В ужасе перед возможным вторжением китайцев Чиенгмай поневоле стал искать помощи у Аютии. Но когда в 1660 году Нарай направился на север с большим войском, Чиенгмай, получив успокаивающие вести из Авы, изменил свои планы,

---

[1] Jeremias van Vliet, Révolutions arrivées au Siam en 1647, Paris, 1663; Description of the Kingdom of Siam (van Ravenswaay's trans.), «Journal of the Siam Society», vol. VII, pt. I.

[2] См. ниже, гл. XXII.

и король был вынужден отступить. В 1661 году безуспешное восстание монов в Мартабане вызвало вторжение в Сиам бирманцев, причем последние продвигались вдоль реки Атаран и через перевал Трех пагод по направлению на Канбури. В период временного затишья борьбы между китайцами и бирманцами, вызванного тем, что маньчжуры энергично занялись проведением операций по очистке Юньнани, вторжение бирманских войск в Сиам, по-видимому, должно было привести к возобновлению той ожесточенной борьбы, которую вели эти два государства между собой во второй половине предыдущего столетия. Но Аютия легко изгнала вторгшиеся войска. И хотя для закрепления своей победы она совершала рейды в глубь Бирмы, в 1662 году ее основной целью оставался Чиенгмай. В начале 1662 года она захватила Чиенгмай, и король Авы Пье, которому угрожали маньчжуры, был бессилен помешать этому. Войска Аютии, однако, были совершенно неспособны удержаться на завоеванной территории. В 1664 году население Чиенгмая восстало и изгнало их. На престоле был восстановлен бирманский принц, являвшийся вассалом Авы. Чиенгмай оставался под бирманским контролем до 1727 года.

В 1659 году в результате вторжения аннамских войск из Камбоджи были вынуждены бежать английские служащие фактории, основанной Ост-Индской компанией в Ловеке в 1657 году. Они нашли убежище в Аютии, где были так радушно встречены королем Нараем, что в 1661 году Ост-Индская компания вновь открыла свою факторию в этом городе. В апреле следующего года в Мергуи по пути в Аннам остановился епископ Лабер де ла Мот из французского «Общества зарубежных миссий». Это общество было основано в 1659 году в Париже с целью проведения миссионерской работы в Китае, Аннаме и Тонкине независимо от иезуитских миссионеров. Людовик XIV поддержал это мероприятие. Но создание этого общества вызвало жестокую оппозицию не только со стороны иезуитов, которые сосредоточили в своих руках миссионерскую деятельность в этом районе еще со времен святого Франциска Ксавье, сделавшего первые шаги на этом поприще в середине XVI века, но также со стороны Испании и Португалии[1]; они понимали, что общество было создано с целью распространения французского влияния на Дальнем Востоке. Папа римский, пытаясь нейтрализовать оппозицию архиепископа Гоа, претендовавшего на власть над всеми миссионерами, находившимися на Востоке, присваивал миссионерам, посылаемым для организации работы на определенной территории, те же саны, которые существовали в Малой Азии до распространения там ислама, включая сан апостолического викария. Ламбер де ла Мот, например, имел сан епископа Бейрутского.

Первоначально Ламбер намеревался попасть в Западный Китай по Иравади и древней сухопутной дороге, идущей от Бамо. Но, узнав о нашествии китайцев на Бирму, о котором ему сообщили в Масулипатаме, перед тем как он намеревался пересечь Бенгальский залив, Ламбер решил направиться в Аютию, откуда надеялся попасть в Аннам. Однако, отплыв из Аютии, его корабль потерпел крушение, и он был вынужден вернуться в столицу страны. Сюда же в январе 1664 года прибыл другой миссионер — прелат Паллю, епископ Гелиопольский, и четыре пастора. Известие о начавшемся в Аннаме жестоком преследовании католиков заставило обоих епископов остаться в Сиаме; пользуясь хорошим расположением короля, они решили сделать Аютию штаб-квартирой своей миссии. Им было разрешено построить в городе церковь и семинарию. Вскоре прибывшие с ними пасторы начали миссионерскую работу в различных районах страны.

Благосклонность, проявленная королем Нараем к англичанам и французам, вызвала враждебность голландцев, которые потребовали дополнительных торговых привилегий. Когда же им в этом было отказано, голландский флот блокировал устье Менама; Нарай, будучи не в состоянии сопротивляться

[1] Португальцы все еще отстаивали привилегии, предоставленные им папскими буллами в XVI веке. Согласно этим актам, миссионеры, направлявшиеся на Восток, должны были отправляться из Лиссабона и иметь разрешение португальского короля. По приезде на Восток они попадали под юрисдикцию архиепископа Гоа.

такой форме давления, вынужден был уступить. В августе 1664 года он подписал договор, предоставивший голландцам монопольное право на торговлю шкурами, фактическую монополию на морскую торговлю между Аютией и Китаем и некоторые права экстерриториальности. Первый раунд выиграли голландцы. Однако их победа лишь усилила желание короля отделаться от контроля. Он хотел получить поддержку английской Ост-Индской компании, и английская фактория в Бантаме направила в Лондон письмо с просьбой предпринять что-нибудь в этом направлении. Но фактория в Аютии находилась под юрисдикцией форта св. Георга, расположенного на Коромандельском берегу. А его власти крайне не желали вмешиваться в дела Аютии. Более того, в период, когда фортом св. Георга руководил Эдвард Уинтер, дела компании в Аютии были настолько запущены, что фактория пришла в упадок, а английская торговля в стране попала в руки контрабандистов.

Между тем французские миссионеры в Аютии посылали на родину отчеты, в которых преувеличивали свои успехи, и тем самым заставили Версальский двор необоснованно надеяться на то, что обращение местного населения в христианство является делом ближайшего будущего. В 1673 году Паллю, выезжавший в Европу, вернулся с личным письмом Людовика XIV к королю Сиама. Он был столь радушно принят, что оба епископа — Паллю и Ламбер — стали убеждать короля послать в Версаль дипломатическую миссию. До этого момента Нарай, видимо, не имел серьезного намерения попытаться добиться союза с Францией против голландцев, однако письмо Людовика XIV определенно настроило его на это. Но в то время Франция и Голландия были в состоянии войны, и поэтому осуществление плана (если вообще в умах кого бы то ни было, кроме французских миссионеров, существовало что-нибудь столь определенное, как план) франко-сиамского сближения на несколько лет было отложено. За это время на сцене появилось новое лицо, влияние которого толкнуло короля Аютии во французский лагерь.

В 1674 году была вновь открыта английская фактория. Инициатива исходила из Бантама, интерес которого к Сиаму никогда не уменьшался. С самого начала дела фактории не ладились, и в 1678 году для выяснения причин такого положения вещей Бантамский совет направил в Аютию Ричарда Бёрнэби. Вместе с ним направился грек Констант Фалькон. Фалькон находился в Бантаме на службе Ост-Индской компании, а затем, получив большую премию за спасение склада боеприпасов, ушел в отставку, для того чтобы попытать счастья в Сиаме. Сын содержателя таверны с острова Кефаллиния, он бежал из дома и стал юнгой на английском торговом судне. Его настоящее имя было Константин Иерахи, но по совету Джорджа Уайта, которого он, видимо, сопровождал в 1670 году в Индию, он изменил свое имя на французское и под этим именем известен в истории. Уайт уехал в Сиам, где стал лоцманом на Менаме. В 1675 году за ним последовал его младший брат Сэмюэль, который стал капитаном сиамского судна, совершавшего рейсы между Мергуи и Масулипатамом. Прибыв в Аютию, Бёрнэби уговорил Джорджа Уайта поступить на службу Ост-Индской компании, и некоторое время они оба использовали Фалькона в частных торговых сделках. Затем в 1680 году они решили осуществить один план, согласно которому грек должен был поступить на службу к сиамцам и использовать свое положение для защиты интересов Ост-Индской компании против голландцев. Он был принят на службу к государственному казначею Пья Коза Тибоди в качестве переводчика и проявил столь большие способности, что вскоре был повышен до должности суперинтенданта внешней торговли.

Однако основная задача этого плана так и не была выполнена. Бёрнэби настолько испортил отношения со своим коллегой Потсом, всей душой ненавидевшим Фалькона, что в 1682 году был отозван в Бантам. Одновременно возмущенный Джордж Уайт подал в отставку и уехал в Лондон, где начал торговое дело на свой страх и риск. Потс, оставленный во главе фактории, жестоко поссорился с Фальконом по поводу его долга Ост-Индской компании. Поэтому последний, решив, что невозможно больше поддерживать добрые

отношения с английской факторией, стал благосклонно относиться к молодому французскому торговому агенту Буро-Деланду, который пытался снискать его доверие. Буро-Деланд появился в Аютии в начале 1682 года со специальной рекомендацией от Людовика XIV, переданной королю Нараю епископом Паллю. Молодой француз — зять основателя Пондишери[1] (1679) Франсуа Мартэна задался целью переманить Фалькона на сторону французов. В этом ему значительно помог инцидент, происшедший в 1682 году. В декабре этого года сгорела английская фактория, а Потс был настолько глуп, что намекнул, будто пожар был делом рук грека. Но даже после этого Фалькон, видимо, еще долго колебался, прежде чем решил окончательно перейти на службу к французам. Не может быть никакого сомнения в том, что если бы англичане попытались уговорить его, то он предпочел бы служить им[2]. Но его ближайшими коллегами были Бёрнэби, вернувшийся после увольнения его компанией в Аютию в качестве частного торговца, и Сэмюэль Уайт. А Уильям Стрэнг, посланный в Аютию в 1683 году из Сурата[3], чтобы решить вопрос о том, закрывать или не закрывать факторию в Аютии, не склонен был ни сотрудничать с другом Бёрнэби и Уайта, ни подчиняться условиям торговли, предъявленным фактории. Таким образом, в январе 1684 года английская фактория в Аютии была закрыта, и ее сотрудники выехали в Сурат.

За это время влияние Фалькона при дворе возросло настолько, что он стал играть решающую роль в определении его внешней политики. Нарай, как и прежде, стремился привлечь какое-либо другое государство в качестве противовеса влиянию голландцев. Англичане явно были не в состоянии выступить в такой роли. К тому же глубокое разочарование вызвал тот факт, что английский король, не в пример Людовику XIV, полностью игнорировал существование Нарая. Король Аютии предпочел бы не связывать себя союзом с Францией, но, очевидно, у него не было другого выхода. Поэтому в 1680 году он отправил к Версальскому двору посольство, но французский корабль, на борту которого оно находилось, погиб у берегов Мадагаскара. Известие об этом несчастье достигло Аютии в сентябре 1683 года. Тогда Нарай решил направить во Францию двух менее представительных лиц с просьбой прислать в Аютию французского посла, который имел бы полномочия заключить договор. Представляет определенный интерес тот факт, что корабль, отплывший с этими посланцами в январе 1684 года, направился в Англию и вез послания от Фалькона к Джорджу Уайту и Ост-Индской компании, а также соответствующий набор подарков. Итак, прежде чем прибыть во Францию, посланцы Нарая сделали короткую остановку в Лондоне, а сопровождавший их пастор Ваше был принят королем Карлом II лично. Ост-Индская компания была, однако, столь твердо настроена против Фалькона, которого считала основным виновником провала фактории в Аютии, что все старания Уайта отстоять его были тщетны. К тому же посланцы были аккредитованы только к Версальскому двору, и по понятным соображениям Ваше торопился доставить их в сохранности на ту сторону Дуврского пролива.

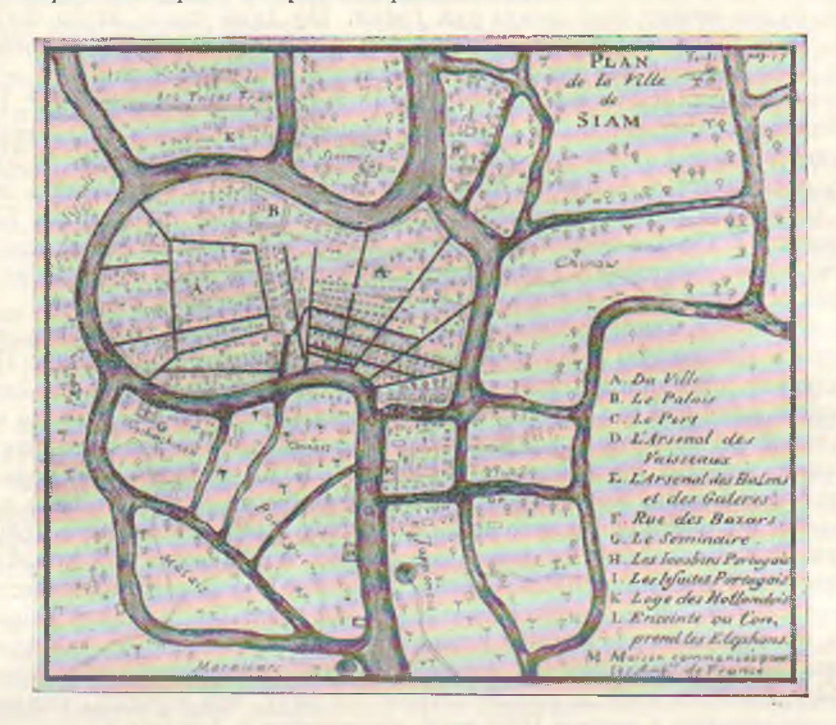
Во Франции им был оказан великолепный прием, хотя за кулисами Ваше столкнулся с неожиданной ситуацией. Король полностью находился под влиянием мадам де Ментенон и иезуитов, а «Общество зарубежных миссий» уже не играло той роли, которая ему принадлежала во времена благосклонности короля. Более того, большие надежды на обращение самого Нарая в католическую веру, чем Паллю в свое время пробудил интерес у Людовика XIV к Сиаму, рассеялись полностью. Правда, у Ваше был козырь: он мог доложить иезуиту отцу де ла Шез, исповеднику короля, что Фалькон обращен иезуитами в католичество. Это обстоятельство фактически и было одной из главных причин колебаний Фалькона, не решавшегося искренне связать себя

[1] Пондишери — бывшее французское владение в Индии.—*Прим. перев.*

[2] Этот вопрос подробно освещен в книге Хатчинсона (E. W. Hutchinson, Adventurers in Siam in the Seventeenth Century, p. 68—91).

[3] Фактория в Бантаме была закрыта в 1682 году в результате действий, предпринятых голландцами против султана.

с интересами Франции. Он покровительствовал иезуитам, и ему было не по душе влияние, которое оказывали на ум короля Нарая их соперники — миссионеры «Общества зарубежных миссий». Характеристика Фалькона, данная Ваше, как влиятельному лицу в правительстве Сиама и стойкому другу иезуитов, окончательно покорила сердце де ла Шез. В результате Людовик XIV решил направить Шевалье де Шомона ко двору Аютии в качестве своего аккредитованного посла вместе с большой свитой пасторов и иезуитов и с откровенной целью обратить короля Нарая в христианство.



Аютия в XVII веке.

Посольство отбыло на двух французских военных кораблях. В Аютию оно прибыло в октябре 1685 года и было встречено королем с исключительной пышностью. Де Шомон, обращенный в католичество гугенот, был религиозным фанатиком, единственной целью которого было обращение в христианскую веру короля Нарая. Его совершенно не интересовали переговоры о торговых уступках и фактически мало интересовал вопрос, имевший первостепенную важность для Нарая и Фалькона — политический союз против голландцев. Однако Фалькон, выступавший на всех королевских аудиенциях в качестве переводчика, тщательно обходил неуклюжие попытки де Шомона поднять вопрос об обращении в католичество короля и за спиной посла тайно договорился с иезуитом отцом Ташаром о представлении Людовику XIV плана обращения иезуитами в католичество всего населения этого королевства. Фалькон предлагал направить в Сиам большое число переодетых в светское платье иезуитов, которых он назначил бы на должности правителей провинций, городов и фортов. Для обеспечения успеха этого плана, как он полагал, необходимо иметь в стране два сильных отряда французских солдат. Умело маневрируя, он вынудил де Шомона публично подтвердить, что Франция обещает поддержку Сиаму. В обмен на это Фалькон начал переговоры о заключении соглашения, содержащего торговые уступки, привилегии для миссионеров и обещание уступить город Сингору (около Патани на восточном берегу Малаккского полуострова) для размещения в нем французского гарнизона якобы для того, чтобы удержать голландцев от агрессивных действий

против Сиама. В декабре 1685 года де Шомон выехал во Францию в сопровождении сиамского придворного Коса Пана, направленного послом в Версаль для заключения соглашений об отправке французских войск в Сингору.

Де Шомон с Коса Паном и Ташаром прибыли во Францию в июне 1686 года. Снова начались параллельные переговоры, во время которых Коса Пан оставался в полном неведении относительно тех темных сделок, которые заключал за его спиной Ташар. Советники Людовика XIV полагали, что Сингора, несмотря на ее стратегическое положение, находится слишком далеко от столицы. Они решили набить как можно большую цену за поддержку Людовиком XIV идеи Фалькона. Де Сеньелэ, сын Кольбера[1], дошел до того, что спросил Коса Пана о возможности уступки Мергуи в качестве судостроительного и судоремонтного пункта. Однако возражения Коса Пана были столь убедительными, что об этом ему больше ни разу не напоминали. Его держали в полном неведении относительно подлинного назначения войск, о посылке которых в Сиам он был прислан договариваться. Если бы он знал, что соглашение, заключенное с Ташаром, имело своей целью оккупацию Бангкока, что в свою очередь было рассчитано на удушение независимости его страны, он тотчас прервал бы переговоры. Итогом всего этого было отплытие 1 марта 1687 года из Бреста в Сиам эскадры из шести военных кораблей, на борту которых находилось 636 солдат под командованием маршала Дефаржа. С ними отбыли Коса Пан, два французских полномочных представителя — Клод Себере де Булэ, директор «Компани дез Инд», а также Симон де ла Лубер[2] вместе с Ташаром и несколькими иезуитами. Ташару было поручено уговорить Фалькона согласиться на замену Сингоры Бангкоком. Он также должен был добиться назначения в Мергуи французского губернатора и расквартирования там французского гарнизона, поскольку Мергуи, как ему объяснили, был для французской торговли с Коромандельским берегом, в частности и Индией, вообще столь же жизненно важен, как Бангкок для торговли со странами Сиамского залива и побережьем Китая. За согласие Фалькону обещали титул французского графа и посвящение в рыцари «Ордена святого Михаила». В случае же отказа Дефарж, согласно данным ему указаниям, должен был взять Бангкок силой.

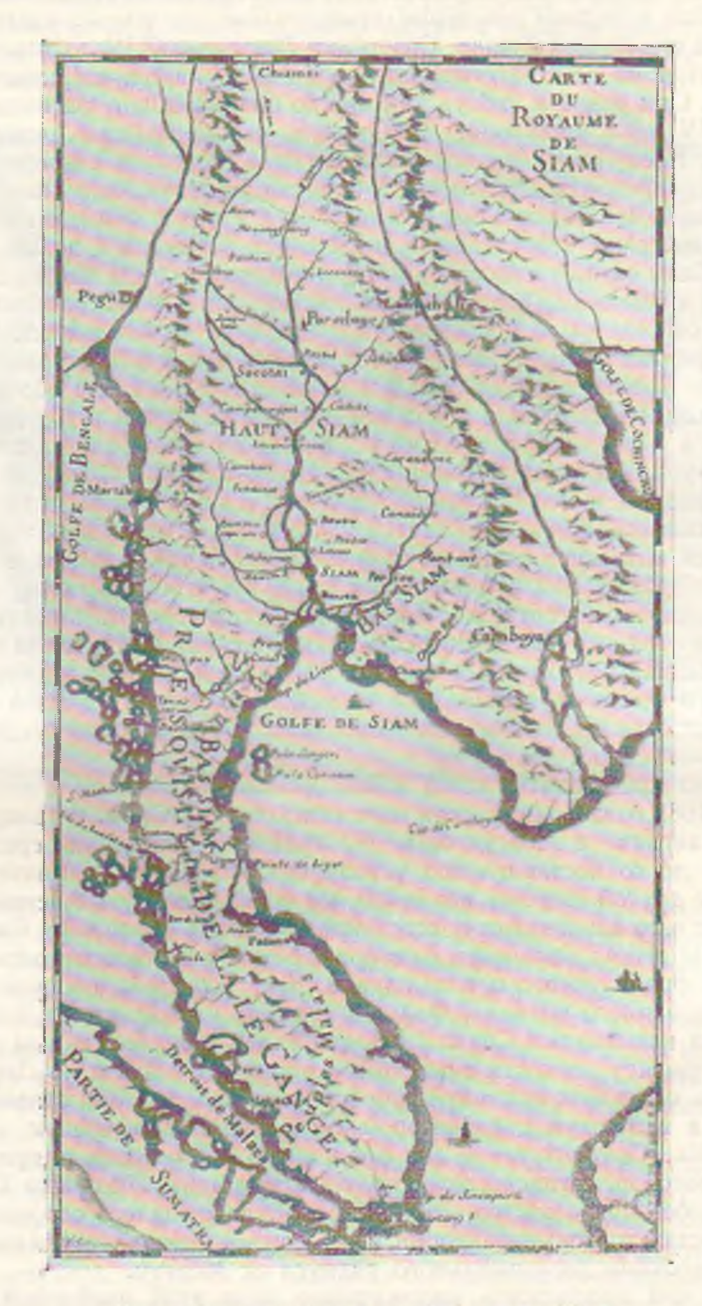
Нетрудно представить, перед какой дилеммой оказался Фалькон, когда в сентябре 1687 года французская миссия прибыла в Сиам. Французские гарнизоны в Бангкоке и Мергуи были бы крайне непопулярны среди сиамцев и могли бы легко поставить под угрозу его, Фалькона, влияние на короля Нарая. Но, с другой стороны, его отказ мог сорвать сотрудничество с Людовиком XIV, от чего зависело осуществление его плана обращения Сиама в христианство. Он решил покончить с осторожностью и полностью посвятить себя выполнению французского плана; однако, для того чтобы побороть сомнения своего коронованного хозяина, Фалькон настоял на том, чтобы Дефарж и его войска стали наемниками Сиама, находящимися под его личным контролем, и приняли присягу верности сиамскому королю. В результате Дефарж и основная часть его войск оккупировали Бангкок, который они стали тщательно укреплять, а в Мергуи губернатором был послан Дюбрюан с гарнизоном в 120 человек. Соответственно два французских полномочных представителя заключили договор, согласно которому всем подданным Людовика XIV в Сиаме предоставлялось право экстерриториальности, разрешалось сооружать в надлежащих местах торговые фактории и, что очень важно, уступались все острова на расстоянии десятимильного радиуса от Мергуи.

Прежде чем продолжить рассмотрение хода этой необычной авантюры французов, необходимо вернуться назад и остановиться на том, как она была встречена в английском лагере. Обладание Мергуи давало Сиаму возможность

---

[1] Жан Батист Кольбер (1619—1683), маркиз де Сеньелэ — крупнейший французский финансист XVII века, министр Людовика XIV, генеральный контролер финансов с 1665 по 1683 год.—*Прим. перев.*

[2] Его книга («Du Royaume de Siam», 2 vol., Paris, 1691) содержит лучшее описание Сиама тех времен.



Карта Сиама, составленная Лубером в 1691 г.

очень прибыльно торговать с Коромандельским берегом. До появления здесь Фалькона эта торговля полностью находилась в руках судовладельцев-мусульман из княжества Голконда. Фалькон стремился развить эту торговлю, используя суда, плавающие под сиамским флагом и под командой английских «контрабандистов». В Мергуи были построены суда, и вскоре там образовалась целая колония англичан-мореплавателей, находившихся на службе у Фалькона. Индийские торговцы, естественно, негодовали по поводу такого нежданного вторжения в их сферу деятельности, а английские капитаны жаловались на плохое отношение к ним в портах Голконды. В 1681 году потерпело крушение судно Сэмюэля Уайта; катастрофа произошла вследствие отказа чиновника порта в Масулипатаме снабдить корабль канатами. В 1683 году Фалькон назначил Бёрнэби губернатором Мергуи, а Уайта — его помощником. В их задачу входило контролировать строительство и подготовку к плаванию кораблей в этом пункте, который теперь стал наиболее оживленным портом. Уайт на новом посту стремился добиться удовлетворения своих претензий к Голконде таким образом, чтобы поскорее скопить состояние и возвратиться на родину. Поэтому в 1684 году он начал карательную войну против индийских судов в Бенгальском заливе. Это сразу же создало значительные трудности для английской фактории в форте св. Георга (в Мадрасе), и, вполне естественно, за пиратство, совершаемое судами из Мергуи, стали обвинять Фалькона. Поэтому Мадрас стал готовиться к серьезным действиям против Сиама.

Положение ухудшилось из-за ссоры, возникшей в 1685 году между Элиху Яле и Фальконом по поводу соглашения о поставке ряда драгоценностей, заказанных в Мадрасе для короля Нарая через агента Сиама Томаса Иватта. Яле прислал чрезмерно большой счет, и Фалькон отказался его оплатить. Томас, брат Яле, и два других комиссионера привезли драгоценные камни в Аютию, намереваясь вновь открыть английскую факторию. Они прибыли как раз в момент приема посольства де Шомона. Когда вскоре после этого Фалькон приказал им вывезти драгоценные камни обратно в Мадрас, то это только подлило масла в уже и без того опасно разросшееся пламя. И хотя Фалькон, поняв, в каком положении окажется Мадрас в результате организованных из Мергуи пиратских набегов, сразу же отменил свою санкцию на их продолжение, Сэмюэль Уайт и его сподвижники легко находили оправдание своей пиратской деятельности. Тем самым война между Ост-Индской компанией и Сиамом стала неизбежной.

По восшествии на престол в 1685 году Яков II направил собственноручное письмо Фалькону, выражая благодарность за подарки, присланные в 1684 году с Джорджем Уайтом. Однако в июле 1686 года, до того как это письмо дошло до адресата, английский король созвал в Виндзорском замке совет, на котором было принято решение издать прокламацию, запрещающую английским подданным служить на судах иностранных государств на Востоке. К этому времени власти форта св. Георга уже начали репрессии против пиратов Мергуи и подыскивали базу на восточном берегу Бенгальского залива, с которой можно было бы осуществлять военные операции. Первоначально они планировали захватить остров Негрэ у входа в западный рукав дельты Иравади, но направленная туда экспедиция потерпела фиаско. Она отплыла из Мадраса в октябре, когда началась смена юго-западного муссона на северо-восточный, в результате чего дувшие в противоположном направлении ветры заставили ее вернуться. Несколькими неделями позже, в начале 1687 года, пришли вести о прокламации Якова II и было решено послать в Мергуи два военных корабля — «Куртана» и «Джэймс». Эта экспедиция должна была передать приказ всем англичанам покинуть службу и захватить все находившиеся в порту суда впредь до урегулирования королем Нараем вопроса о возмещении ущерба в сумме 65 тысяч фунтов стерлингов. Между тем в ноябре 1686 года Фалькон, встревоженный безответственным поведением Уайта в Мергуи, обратился с письмом к пастору де ла Шез, предлагая передать Мергуи французам. Нет нужды говорить, что он совершенно не знал о том,

что оккупация этого порта к тому времени уже стала главной целью французской политики на Востоке.

Оба английских военных корабля, везшие прокламацию Якова II, прибыли в Мергуи в июне 1687 года, как раз в тот момент, когда Уайт, опасаясь нападения англичан на Мергуи, заканчивал приготовления к бегству домой на своем судне «Резолюшн». Оказавшись в ловушке, Уайт решил, что единственным возможным выходом для него остается подчиниться приказам, присланным из Мадраса; в результате он и все находившиеся в городе англичане объявили о своем намерении покинуть сиамскую службу. Командир английской экспедиции Антони Уелтден, имевший указание удерживать блокаду Мергуи до конца октября, когда смена муссона позволит ему вернуться в Мадрас, принял сдачу Уайта за чистую монету, и, несмотря на поразительнейшую неподготовленность к отражению возможного нападения сиамцев, он и англичане на берегу предались бурным увеселениям. Ночью 14 числа во время оргии на берегу сиамские батареи начали обстрел кораблей и потопили «Джэймс». Одновременно на суше сиамцы напали на англичан и перебили их. Уайт и Уелтден оказались в числе немногих спасшихся. Они бежали на своих судах «Резолюшн» и «Куртана», ища укрытия среди островов архипелага, где стали ожидать смены муссона. Уайт уговорил Уелтдена разрешить ему плыть в Англию на «Резолюшн», а сам Уелтден вернулся в Мадрас.

В то время, когда разыгрывалась эта маленькая драма, французская эскадра под командованием маршала Дефаржа двигалась к берегам Сиама. Узнав о ее отплытии из Бреста, Ост-Индская компания представила Якову II свои соображения, указывая на то, какая угроза нависнет над судоходством компании в Бенгальском заливе, если французы завладеют Мергуи на восточном побережье залива в дополнение к уже находившемуся в их руках Пондишери на Коромандельском берегу. Поэтому король послал губернатору Мадраса Элиху Яле тайное распоряжение захватить Мергуи прежде, чем он окажется в руках французов. Распоряжение было получено в августе 1687 года, и Яле, полагая, что Уелтден со своими двумя кораблями все еще продолжает блокировать порт, сразу выслал для усиления блокады еще один фрегат, надеясь, что таким образом Уелтден сможет заставить Мергуи сдаться. 22 сентября командир фрегата, ничего не подозревая, вошел в гавань, преследуя сиамский торговый рейдер, находившийся под командованием английского капитана, и оказался таким образом в ловушке; он вынужден был сдаться Дюбрюану, который уже распоряжался в Мергуи.

К этому времени Сиам формально находился в состоянии войны с Ост-Индской компанией. Война была объявлена в августе 1687 года и явилась прямым результатом действий Уелтдена в Мергуи в июне и июле. Но эта война была на редкость малоэффективной, ибо Фалькон, передав французам Бангкок и Мергуи, фатально ослабил свои собственные позиции в правительстве, а Ост-Индская компания после неудачи в Мергуи решила занять выжидательную позицию. Такова же была и позиция голландцев в течение всего периода заигрываний короля Нарая с Францией. По мере того как связи Фалькона с Версальским двором становились теснее, он постепенно занимал все более неуступчивую позицию в отношении голландской торговли. Вследствие этого в 1686 году положение голландской фактории стало настолько затруднительным, что ее пришлось закрыть, и Фалькону было предложено иметь дело непосредственно с Батавией. А когда в 1687 году прибыла эскадра Дефаржа, стали распространяться слухи о том, что Голландия объявит войну Сиаму, но эти слухи так и не подтвердились. Хитрые голландцы выжидали реакцию, которую неизбежно должно было вызвать у сиамцев пребывание иностранного гарнизона в непосредственной близости от их столицы.

Во всяком случае, имевшиеся в распоряжении Дефаржа силы были слишком незначительны и слишком разбросаны, чтобы их можно было бы как-нибудь использовать в случае серьезной угрозы. В довершение всего Фалькон, поддерживая требования иезуитов, безнадежно поссорился с главой миссионеров «Общества зарубежных миссий» в Аютии епископом Лано, и во

французском лагере возникла серьезная трещина. В 1688 году король Нарай, находясь в Лопбури, настолько серьезно заболел, что не мог заниматься делами. Это дало благоприятную возможность заговорщикам (выступавшим против иностранного засилия) во главе с Пра Петрачей — генералом, ведавшим королевскими слонами,— захватить в свои руки королевский дворец. Фалькон слишком поздно призвал на помощь Дефаржа — в защиту дела заговорщиков поднялись тысячи вооруженных сиамцев. Пра Петрача был назначен регентом, и в середине мая он арестовал Фалькона. Французы под напором превосходящих по численности сиамцев вынуждены были перейти в оборону и не могли ничего сделать для спасения своего союзника. 5 июля 1688 года Фалькон был публично казнен. В августе король умер и на трон был посажен Пра Петрача.

Самое большее, на что теперь мог надеяться Дефарж, это добиться наиболее выгодных условий эвакуации своего небольшого отряда и безопасности для французских резидентов в Аютии. Силы, осаждавшие укрепленный им район в Бангкоке, были достаточно велики и хорошо оснащены и могли уничтожить оборонявшихся. Однако сиамцы испытывали здравые опасения по поводу того сопротивления, которое они могли встретить, и предпочли вести переговоры. В сентябре было достигнуто соглашение, в силу которого французские войска должны были эвакуироваться в Пондишери, а за французскими миссионерами и торговцами сохранялись их прежние привилегии. К концу ноября бангкокский гарнизон отбыл, оставив на берегу в качестве заложников обоих сыновей Дефаржа и католического епископа. В Мергуи, отрезанный враждебными силами, Дюбрюан с боем проложил себе дорогу, понеся жестокие потери, и вывез остатки своего гарнизона в Пондишери. Несмотря на соглашение, заключенное с Дефаржем, отношение к французским миссионерам и резидентам было крайне жестоким и многие из них погибли.

В конце 1689 года Дефарж предпринял безуспешную попытку восстановить французское влияние в Сиаме путем захвата острова Пукет, больше известного как Джанк Сейлан (испорченное европейцами малайское название острова Уджанг Селанг). Эта глупая операция вызвала новую волну жестокостей против остававшихся в Аютии французов, многие из которых, включая епископа, были убиты. Для того чтобы прекратить дальнейшую резню, в Аютию выехал пастор Ташар, который по прибытии заявил, что приехал для заключения мира от имени Людовика XIV. В это время Дефарж вторично отступил в Пондишери и в конце концов отбыл домой. Переговоры Ташара ни к чему не привели, и в конце 1690 года он выехал в Пондишери. Но преследование христиан прекратилось, французы были освобождены, а миссионерам разрешили продолжать их деятельность. Теперь Франция воевала в Европе с Великим союзом[1], и Людовик XIV вынужден был на время проститься с идеей обращения Сиама в христианство.

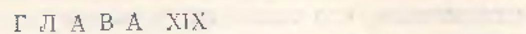
После заключения Рисвикского мира[2] была сделана новая попытка возобновить переговоры с Сиамом. И снова пастор Ташар отправился в Аютию. Но все это было бессмысленно. Реакция против политики короля Нарая и Константа Фалькона вызвала такую мощную волну антииностранных настроений, что до правления Монкута, то есть до середины XIX века, правители Сиама проявляли исключительную осторожность в предоставлении привилегий европейцам. Правда, в ноябре 1688 года было заключено новое соглашение с голландцами, в силу которого последние восстановили некоторые из своих торговых льгот, особенно в отношении закупки шкур и олова, но голландцы навсегда лишились того господствующего положения в Сиаме, которое заставило Нарая броситься в объятия Франции.

[1] Великий союз, или Аугсбургская лига,—союз, созданный в 1686 году против Франции. В него входили Голландия, Австрия, Швеция, Англия, Испания, Савойское герцогство и ряд мелких княжеств.—*Прим. перев.*

[2] Рисвикский мир — мир, завершивший войну, начатую Францией в 1689 году против Аугсбургской лиги. Мирные договоры были подписаны в сентябре—октябре 1697 года.—*Прим. перев.*

Война с английской Ост-Индской компанией прекратилась сама собой. Никакого официального мирного договора заключено не было, ибо компания не пожелала отказаться от требования возвратить ей 65 тысяч фунтов стерлингов, которые Уелтден подарил сиамским властям в Мергуи. Поэтому не было предпринято никаких попыток к повторному открытию в Аютии английской фактории. Все это время действительным желанием министерства иностранных дел Франции было скорее овладение плацдармом в Мергуи, чем обращение населения Сиама в христианство. В начале XVIII века были предприняты неоднократные попытки снова поднять вопрос о создании там пункта по ремонту военно-морских судов. Но сиамцы оставались непоколебимы. Поэтому англичане сосредоточили свое внимание на порте Сириам в Бирме, а их примеру последовали и французы[1].

[1] Hall D. G. E., From Mergui to Singapore, 1686—1819, ISS, XLI, pt. I, July, 1953, p. 1—18.



ГЛАВА XIX

БИРМА ПРИ ВОССТАНОВЛЕННОЙ ДИНАСТИИ ТАУНГУ (1600—1752)

Когда в 1599 году объединенное королевство Бирма распалось, древнее королевство монов Пегу находилось в отчаянном положении. В руинах лежала не только столица, но и вся страна, опустошенная вторгшимися войсками Аракана, Таунгу и Сиама. Сириам был в руках араканцев. Филипп де Бриту, португалец, состоявший на службе короля Мин Разаджи, прибыл туда, чтобы взять на себя управление таможней и контроль над португальцами, жившими в Сириаме по своим собственным законам. Вместе с ним прибыли два иезуитских миссионера, Пимента и Бовес; оба они написали отчеты обо всем виденном, перевод которых был опубликован Сэмюэлем Парчесом в его «Пилигримах»[1]. Бовес писал: «Я также отправился туда вместе с Филиппом де Бриту и через пятнадцать дней прибыл в Сириам, главный порт королевства Пегу. Печальное зрелище представляли собою берега рек, засаженные бесконечными рядами фруктовых деревьев, где теперь лежали в развалинах позлащенные храмы и величественные здания; дороги и поля были усеяны черепами и костями несчастных пегуанцев, убитых или погибших от голода; их сбрасывали в реку в таких количествах, что множество трупов преграждало путь кораблям»[2].

Де Бриту разработал честолюбивый план — установить контроль над Сириамом и поставить его под власть вице-короля Гоа. Вместе с португальским офицером Сальвадором Рибейро он построил форт и изгнал араканского губернатора. Затем, оставив Рибейро удерживать захваченную местность, он отправился в Гоа, чтобы получить официальное признание и помощь. Он получил в жены дочь вице-короля и возвратился в Сириам в чине генерал-капитана в сопровождении шести кораблей, на которых находились подкрепления и припасы. Во время его отсутствия Сальвадор Рибейро отбил несколько атак араканцев и бирманцев и установил настолько хорошие отношения с вождями монов, что последние предложили признать де Бриту своим королем. По прибытии де Бриту принял это предложение от имени своего монарха, а Рибейро отошел на второй план и вскоре покинул страну. Мудрость, проявленная Рибейро при разрешении трудных вопросов в отсутствие его начальника, дает основание предполагать, что если бы он остался у власти, то все это предприятие имело бы больше шансов на успех, чем при руководстве вспыльчивого и слишком честолюбивого де Бриту. Вначале успех следовал за успехом. Крупная араканская флотилия под командованием наследного принца была разбита, сам принц был взят в плен, и за его освобождение потребовали выкуп. Другое нападение араканцев, действовавших в союзе с королем Таунгу, было отбито, и в 1604 году оба правителя пришли к соглашению с де Бриту.

Сильнейший из монских вождей Бинья Дала, правивший Мартабаном в качестве вассала Аютии, породнился с де Бриту: сын де Бриту от первой жены женился на дочери Бинья Дала. В течение нескольких лет португальский авантюрист был неоспоримым властителем значительной части страны монов,

[1] Оба отчета включены в том II указанной работы, изданной в 1625 году.
[2] Samuel Purchas, Pilgrimes, II, p. 1748.

хотя Бассейн и западная часть дельты оставались независимыми. Бирманцы пока еще не предпринимали против него широкого наступления, но было несомненным, что такое наступление последует, как только бирманцы найдут вождя, способного объединить их. Однако принц Ньяунджан, младший брат Нандабайина, правивший в Аве в период распада королевства и взявший на себя задачу восстановить могущество своей династии, умер в 1605 году, в то время, когда он пытался подчинить мятежные северные и восточные шанские государства. В течение нескольких последующих лет его сын и преемник Махадхаммаяза, более известный под своим позднейшим именем Анаупхелуна, был слишком поглощен делами на севере, чтобы уделять внимание югу.

Вместо того чтобы сосредоточить свои усилия на завоевании доверия монов и на их объединении, де Бриту восстановил их против себя разграблением пагод и принудительными мерами по массовому обращению буддистов в христианство, вызвавшими глубокое возмущение народа. В 1608 году, установив свою власть над севером, Анаупхелун захватил Проме, а спустя два года он заставил своего двоюродного брата, правителя Таунгу, признать свой сюзеренитет. Де Бриту посчитал это актом измены и в союзе с мартабанским правителем Бинья Дала напал на Таунгу, взял в плен принца, разграбил и сжег дворец, а затем удалился. Вслед затем Анаупхелун после самых тщательных приготовлений повел осаду Сириама в начале 1613 года. Де Бриту оказался неподготовленным, но у бирманцев не было достаточно мощных тяжелых орудий, чтобы разрушить укрепления. Однако после того, как осада продлилась немногим более месяца, монский вождь, состоявший на службе у де Бриту, открыл одни из городских ворот и бирманцы захватили город. Де Бриту был посажен на кол на холме, возвышающемся над фортом, а большинство его офицеров было убито. Остатки его португальских приверженцев были рассеяны по стране и расселены в деревнях между Чиндвином и Му, где столетия спустя их потомки образовали католическую общину со своими священнослужителями. Их вербовали в королевскую стражу в качестве мушкетеров и канониров.

Затем Анаупхелун направил свои действия против областей, входивших в королевство его деда, но позже захваченных Сиамом. Воинственный Пра Нарет умер в 1605 году, и ему на смену пришел его миролюбивый брат Экатотсарат, который умер в 1610 году. Интарача (1610—1628), сын Экатотсарата, послал войско для оказания сопротивления вторжению бирманцев в Тенассерим и сумел приостановить это вторжение после того, как Мартабан и Е сдались без всякого сопротивления. Однако в 1615 году Анаупхелун повернул на восток, напал на Чиенгмай и захватил его. Затем он прекратил походы против Сиама и возвратился домой, передав одному из своих сыновей управление королевством Чиенгмай, которое превратил в бирманскую провинцию. Он разумно воздержался от попыток возобновить бирманские притязания на Луан-Прабанг; но тот факт, что по возвращении из Чиенгмая он выбрал Пегу своей резиденцией и намеревался вновь сделать его столицей своих владений, показывает, что он не терял надежды на возможность возобновить старую борьбу за обладание Аютией, которая принесла так много унижений его династии. Вражда продолжалась в течение нескольких лет, и ее причиной был главным образом Чиенгмай. Согласно сиамским источникам, обе стороны безуспешно пытались заручиться поддержкой Гоа. Анаупхелун, несомненно, направлял посла в Гоа, но целью этого посольства, по-видимому, было желание оправдаться по поводу событий в Сириаме и предложить свою помощь против Аракана, на который флот Гоа совершил два безуспешных нападения в 1615 году. Но когда посол Гоа в свою очередь прибыл в Пегу, король отказался принять его. Столь резкой перемене не было дано никаких объяснений, и можно только предполагать, что король узнал, что португальцы не в состоянии отомстить ему за расправу над де Бриту.

Среди пленников, захваченных бирманцами в Чиенгмае, находился Томас Сэмюэль с фактории Ост-Индской компании в Аютии. Его увезли в Пегу, где он и умер. Об этом узнал в 1617 году Лукас Антёнисзон в Масулипатаме от

индийских купцов, торговавших с Бирмой. Он послал на индийском корабле двух своих помощников — Генри Форреста и Джона Стейвли, чтобы потребовать возврата товаров, принадлежавших Ост-Индской компании и находившихся у Сэмюэля в момент его смерти. Анаупхелун обещал возвратить товары, если компания начнет торговлю с его страной, а когда понял, что компания не намерена этого сделать, задержал обоих молодых людей в Пегу в качестве заложников. Однако в конце концов после длительной задержки он возвратил товары и отправил обоих агентов в Масулипатам с небольшим подарком и письмом, в котором предлагал компании установить торговые отношения. Его предложение осталось без ответа. Компания была слишком связана обязательствами в других местах, согласно англо-голландскому договору 1619 года, и не могла открывать новые фактории в странах, где перспективы прибыльной торговли были весьма сомнительны. В результате безуспешной борьбы с Яном Питерсзоном Куном компания вскоре должна была умерить активность и закрыть свои фактории. Более того, Форрест и Стейвли так неблагоприятно отзывались об условиях торговли в Пегу, что масулипатамская фактория в течение многих лет противилась созданию фактории в Бирме, и лишь после того, как в 1639 году в Мадрасе был основан форт св. Георгия, Бирму начали серьезно рассматривать как сферу английской торговой деятельности.

В 1628 году Анаупхелун завершил перевод своего двора из Авы в Пегу и начал обдумывать план нападения на Аютию. Однако в следующем году он был убит, а престол захватил один из его братьев, Талун, который проводил диаметрально противоположную политику. Планы в отношении Сиама были оставлены, и в 1635 году столица была перенесена из Пегу обратно в Аву. Тотчас же по восшествии Талуна на престол вспыхнуло большое восстание монов, и после его подавления началось массовое бегство монов на территорию Сиама. Идеи объединения монского и бирманского королевств, которую, по всей вероятности, вынашивали Табиншветхи и Байиннаунг, более не существовало. Бирманцы относились к монам как к покоренному народу, и, так как Пегу стал непригодным в качестве порта ввиду заиления его вод, пришлось выбирать между Сириамом и Авой. С экономической точки зрения Сириам был бы более пригодным местом для столицы и, переехав туда, правительство могло бы поддерживать связь с внешним миром. Но после Анаупхелуна ни один король не придавал значения внешним связям и Верхняя Бирма оставалась, по существу, замкнутой бирманской территорией. Таким образом, династия придерживалась традиций и изоляционизма, и ее все усиливающаяся нетерпимость и вражда ко всему иностранному делали невозможными не только торговлю с Западом в каких-либо приемлемых масштабах, но даже обычные дипломатические отношения.

Политика Талуна была мирной и консервативной; он стремился восстановить порядок и общественные устои. Поэтому период его правления интересен главным образом с точки зрения его административной деятельности. Его министр Кайнгса составил «Манусарашвемин»— первый свод законов на бирманском языке. Талун реорганизовал систему управления орошаемой областью Чаусхе и систему землепользования в этой области (земли здесь раздавались отрядам королевской армии). Его крупнейшим достижением было обследование налоговой системы в 1638 году, в результате которого была составлена кадастровая книга всего королевства; если бы эта книга сохранилась до наших дней, она представляла бы собой неоценимый исторический документ. Кадастровая книга, как и большинство документов, записанных на пальмовых листьях и на бумаге паябай[1] и относящихся не только к данной династии, но и к последующей, не сохранилась, и то немногое, что мы знаем о ней, почерпнуто из таких же кадастровых книг, составленных в период правления Бодопаи в 1799 и 1802 годах и ссылавшихся на нее.

В 1635 году, в период правления Талуна, голландцы основали свою первую факторию в Бирме. Фактория была основана в Сириаме, но голландские

[1] Бумага паябай — очень прочная бумага местного производства.—*Прим. ред.*

агенты Дик Стеур и Вирт Яансен Попта должны были последовать за двором в Аву, где в сентябре того же года король принял их и устроил для них «различные представления: танцы, прыжки и борьбу». Контроль над голландской торговлей в Бирме осуществлялся из Пуликата; голландцы пришли сюда с целью вытеснить индийских и португальских купцов, которые держали в своих руках внешнюю торговлю страны. Значительная часть торговли с заграницей приходилась на долю монских купцов и их кораблей, и среди отчетов Ланкастера о первом путешествии по поручению Ост-Индской компании имеется краткий список слов «языка Пегу», который, по-видимому, был составлен в Аче. Однако вряд ли кто-либо из бирманцев участвовал во внешней торговле, которая почти целиком находилась в руках иностранцев. Дополнительных сведений о деятельности монов не имеется. Когда голландцы попытались прибегнуть к своим хорошо испытанным методам завоевания монополии в торговле, Талун выступил в защиту индийских купцов против нечестной конкуренции и написал губернатору Пуликата письмо, требуя, чтобы он воздержался от враждебных мер в отношении португальцев, которым, как жаловался Талун, мешают вести традиционную торговлю с Бирмой. Голландцы были настолько разочарованы результатами своей торговли, что в 1645 году они серьезно подумывали о закрытии своих факторий и держались за них только из боязни, что их место займут англичане.

Англичане, которые в 1647 году основали в Сириаме свою первую бирманскую факторию, направились туда, частично побуждаемые слухами о баснословных прибылях, получаемых там голландцами. Еще до прибытия английских агентов в Аву умер Талун (1648), и ему наследовал его сын Пиндале (1648—1661). Англичане увидели, что позиции голландцев очень прочны и что надежда на успех невелика, а когда в 1652 году разразилась первая англо-голландская война и голландцы буквально очистили Бенгальский залив от английских судов, английские фактории в Бирме были обречены. В 1657 году английские фактории были ликвидированы[1].

Пиндале, который был слабым королем, пришлось столкнуться с небывалыми трудностями, возникшими из-за войны в Китае, в результате которой маньчжуры изгнали Минов. Чэн Цзу, последний из Минов, в 1644 году бежал в Юньнань, откуда он в течение долгого времени причинял беспокойство маньчжурам. Его постоянные обращения к Хсенви и Майнгмо с требованиями людских сил и снаряжения заставили Пиндале послать последним войско в помощь; эта мера оказала определенное воздействие, так как в 1650 году английские агенты в Бирме сообщили в Мадрас, что бирманцы нанесли поражение «своим грабителям-соседям и страна, по-видимому, успокаивается и приходит в мирное состояние»[2]. В 1658 году Чэн Цзу был изгнан из Юньнани и бежал по старой бирманской дороге в Бамо вместе с 700 своих приверженцев. Их разоружили и позволили поселиться в Сагайнге. Это обстоятельство послужило причиной многочисленных набегов, совершаемых отрядами приверженцев Минов, которые пытались освободить своего вождя. Бирманская армия потерпела поражение в Вевине, и Бирма в течение трех лет подвергалась опустошению до самых стен Авы и Пагана на юге. В 1661 году голландские агенты в столице сообщали, что смятение так велико, что торговля совершенно прекратилась[3].

В дальнейшем положение еще более ухудшилось. Монские рекруты, призванные для обороны Авы, дезертировали, и в Мартабане началось восстание[4]. Затем в страхе перед карательными мерами бирманцев тысячи монов бежали

---

[1] Об этом см. D. G. E. Hall, Early English Intercourse with Burma, p. 47—84.

[2] Foster, English Factories in India, 1650—1654, p. 19.

[3] D. G. E. Hall, The Daghregister of Batavia and Dutch Relation with Burma, JBRS, XXIX, pt. II, p. 149; см. также работу Питера ван Дама.

[4] Фейр (цит. соч.) и Вуд (цит. соч.) относят это событие к 1662 году, после вступления Пье на престол Авы. Харви, однако, считает, что оно произошло в 1661 году, до свержения Пиндале, и упоминания об этом инциденте в переписке голландских агентов в Сириаме, по-видимому, подтверждают называемую им дату.

в Сиам. Преследовавшее их бирманское войско было разбито сиамцами в Канбури, выше перевала Трех Пагод, и сиамцы закрепили свой успех, предприняв глубокое вторжение в Нижнюю Бирму. Голландцы, находившиеся в Сириаме, сообщали, что они предприняли специальные меры для охраны своей фактории. Пиндале, по-видимому, был не в состоянии справиться с положением. Поэтому в 1661 году он был свергнут и на престол был возведен его брат Пье. Беспорядки постепенно улеглись; однако это произошло независимо от мероприятий, которые смог предпринять новый король. Сиамцы перенесли свое внимание на Чиенгмай, который они вновь захватили, а Пье был слишком слаб для того, чтобы попытаться восстановить там власть бирманцев. Однако население Чиенгмая изгнало сиамский гарнизон, и бирманцы возвратились туда. Маньчжуры проявили такую энергию в установлении своего контроля над Юньнанью, что китайские отряды, будучи не в состоянии использовать ее как базу для своих операций, распались. В 1662 году маньчжурский наместник Юньнани вступил в Бирму и потребовал выдачи Чэн Цзу. У Пье не было другого выхода, как выдать своего обременительного гостя; последний был увезен в Юньнаньфу и публично задушен тетивой лука на рыночной площади.

Затем Бирма вступила в полосу длительного застоя. В 1672 году умер Пье, а год спустя умер его сын Наравара, который наследовал ему. После этого ряд влиятельных при дворе лиц захватили дворец и возвели на престол младшего сына принца Проме. Оппозиция среди королевской семьи была сломлена в результате многочисленных тайных казней. Минъечодин, или Шри Павара Махадхаммаяза, правил около двадцати шести лет (1673—1698). Но он был, по существу, лишь подставной фигурой: фактическая власть находилась в руках замкнутой группы министров. Как внутри страны, так и в ее взаимоотношениях с другими странами царил мир, но не было руководства и, следовательно, не могло быть проявления силы. Отдаленные районы были потеряны, так как во время вторжений (например, во время захвата раджой Манипура долины Кабо) не было никого, кто был бы способен изгнать захватчиков.

Недальновидная, скованная традициями политика двора особенно плохо повлияла на внешнюю торговлю. Голландцы в конце концов потеряли терпение и в 1679 году закрыли свои фактории. Они особенно стремились основать свою факторию в Бамо, куда снова потянулись крупные караваны китайских торговцев с тех пор, как в Юньнани была восстановлена твердая власть. Мысль завязать торговлю с Западным Китаем через Бирму весьма привлекала голландцев, и, когда двор Авы решительно воспротивился осуществлению их проекта, они решили, что дальнейшая торговля с Бирмой per se[1] не представляет интереса. Уход голландцев побудил английскую Ост-Индскую компанию предпринять новую попытку завязать торговлю с Бирмой. Мадрасская и другие фактории на Коромандельском берегу, которые опасались стремительных набегов Шиваджи и его маратхов, вооружались, и для производства боеприпасов им нужны были селитра и свинец, добываемые в Бирме. Поэтому Стринсхем Мастер, губернатор форта св. Георгия, первым проявил инициативу и в 1680 году направил в Аву посла.

Для этого была и другая серьезная причина. В 1680 году французы открыли в Аютии факторию и были тесно связаны с греческим искателем приключений Константом Фальконом, который начал завоевывать доминирующее влияние в правительстве короля Нарая. Представителям Ост-Индской компании приходилось сталкиваться со все возрастающей враждебностью Фалькона и английскими контрабандистами, которые наводняли Мергуи. Поэтому, хотя компания и предпочитала Сиам, отношение которого к внешней торговле было в целом более благожелательным, нежели отношение двора Авы, неудачи в Сиаме вынудили ее снова попытать счастья в Бирме. Это предприятие получило поощрение Якова, герцога Йоркского, которого голландец по имени Спар, возглавлявший ранее голландскую факторию в Аве, убедил, что стоит пред-

[1] Per se — (*лат.*)—сама по себе.—*Прим. ред.*

принять новую попытку использовать сухопутную дорогу в Западный Китай. Директора компании не могли решиться пойти на осуществление этого проекта и почувствовали облегчение, когда в результате уклончивых ответов бирманских министров на все предложения компании переговоры были прерваны. Бирманцы ни при каких условиях не разрешили бы вывозить селитру и свинец. А в форту св. Георгия установили, что в случае необходимости можно получить все бирманские товары через индийских, армянских и других частных торговцев, которые жили в Мадрасе и подчинялись его юрисдикции.

Между тем осуществление проекта Людовика XIV в отношении Сиама и пиратские действия английских частных купцов в Мергуи привели не только к нарушению отношений с Сиамом, но и к карательной войне, и в конце 1686 года совет форта св. Георгия предпринял неудавшуюся попытку захватить остров Негрэ, расположенный в устье западного рукава дельты Иравади, чтобы использовать этот остров в качестве военно-морской базы, откуда можно было бы угрожать Мергуи[1]. В следующем году в ходе борьбы за установление контроля над Мергуи капитан Антони Велтден посетил остров, но компания, вовлеченная в борьбу с Аурангзебом, не могла выделить военных сил, с помощью которых можно было бы основать там поселение. Однако, хотя французам удалось удержать на короткое время Мергуи, их предприятие в Сиаме потерпело в 1688 году крах, и необходимость быстрых и энергичных действий со стороны компании на восточном побережье Бенгальского залива отпала.

Поэтому власти форта св. Георгия перенесли свое внимание на порт Сириам, откуда регулярно поступали в Мадрас ценные грузы тикового дерева. Усиление военно-морского могущества французов в восточных морях и уроки, полученные в результате краткой оккупации французами Мергуи, указывали на необходимость создания пункта по ремонту судов где-либо на восточном берегу залива. На Коромандельском берегу не было удобной гавани, где можно было бы в безопасности осуществлять ремонт судов, особенно в период, начинавшийся в октябре, когда муссоны меняют свое направление с юго-запада на северо-восток. Во всяком случае, было невозможно во время бурной погоды в октябре и ноябре держать флот вдали от Коромандельского побережья, так что фактории и суда в заливе, лишившись защиты военно-морского флота, оказались бы под угрозой вражеского флота, если бы он появился здесь. Военно-морской ремонтный пункт на противоположном берегу залива представлял бы большую ценность. И хотя огромного стратегического значения этой проблемы никто не осознавал до того, как началась серьезная борьба с Францией за господство на Индийском океане, развернувшаяся во время войны за австрийское наследство (1740—1748), весьма показательно, что вскоре после неудачной попытки в 1687 году захватить Мергуи в форту св. Георгия начали подумывать о возможности создания верфи в Сириаме. В 1689 году туда был направлен для ремонта фрегат «Дайамонд».

Эта первоначальная попытка не дала непосредственных результатов, возможно потому, что директора Ост-Индской компании в Англии отвергали любой проект возрождения в Сириаме английской фактории. Однако в 1692 году бирманские власти Мартабана захватили небольшой шлюп, принадлежавший армянину — жителю Мадраса, и заключили его команду в тюрьму; но так как шлюп перевозил партию товара, принадлежавшего Натаниэлю Хиггинсону, губернатору форта св. Георгия, то он решил отправить в Аву посла для переговоров об освобождении взятого в плен купца и о возврате его имущества. Хиггинсон полагал, что, если он сможет обещать вновь установить официальные торговые связи между компанией и Бирмой, все пойдет гладко. Однако он не мог послать служащего Ост-Индской компании и в еще меньшей степени мог сделать какое-либо предложение, которое наложило бы на компанию официальные обязательства. Агент Хиггинсона, Эдуард Флитвуд, совершивший в 1695 году поездку в Аву, был частным купцом в Мадрасе, и его

[1] D. G. E. Hall, Early English Intercourse, p. 129—137.

расходы оплатил лично Хиггинсон. Но Хиггинсон делал все возможное, чтобы придать миссии официальный характер, и отдал инструкцию Флитвуду просить о предоставлении возможности «свободно производить ремонт и строить суда» в Сириаме. Как он и ожидал, бирманские министры совершенно ясно дали понять Флитвуду, что, если компания вновь откроет в Сириаме факторию, все его требования будут удовлетворены; в противном случае всякие переговоры бесполезны.

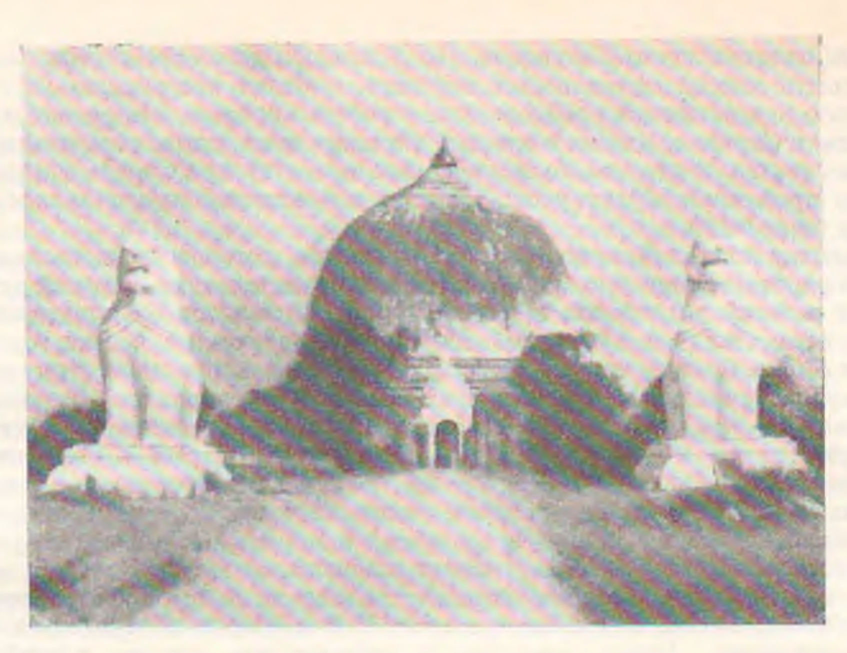
В конце концов было достигнуто соглашение, которое удовлетворило их. Власти форта св. Георгия должны были назначить начальника, который руководил бы работой английской верфи в Сириаме и являлся бы ответственным лицом, осуществлявшим контроль над всеми английскими купцами, торговавшими в Бирме. Однако, так как компанию нельзя было привлечь к этому рискованному предприятию, Хиггинсон после провала предпринятой им попытки образовать с этой целью частный синдикат назначил «свободного жителя» Мадраса Томаса Боуира начальником английской верфи в Сириаме для наблюдения за работой, а все англичане, которые вели торговлю с Бирмой, должны были оказывать ему должное уважение и повиновение. Практически английский начальник обычно не проживал в Бирме; каждый год он уезжал с мадрасскими шкиперами в сентябре и возвращался вместе с ними в марте. Такой порядок был неудовлетворительным: компания не могла контролировать действия начальника, а частные торговцы в Сириаме могли не считаться с его распоряжениями. Отказ капитана и заведующего грузом английского корабля, который зашел в 1720 году в Сириам для ремонта, признать власть начальника капитана Джорджа Херона привел к столкновению, в результате которого погибли два члена экипажа корабля.

После этого власти Мадраса заменили начальника резидентом, который должен был вносить мадрасскому совету в виде залога крупную сумму денег и с которым регулярно заключались от имени компании контракты на сооружение и ремонт судов. Этот эксперимент также оказался далеко не успешным. Деятельность некоторых резидентов была неудовлетворительной; один из них скрылся с деньгами. Как качество, так и стоимость кораблей, построенных в Сириаме, вызывали серьезные нарекания, и в 1741 году совет форта св. Георгия решил передать свои заказы на строительство судов парсийским верфям в Бомбее. Верфь, однако, оставалась в качестве ремонтной станции до тех пор, пока в 1743 году она не была разрушена восставшими монами.

Между тем французы последовали примеру англичан и открыли верфь в Сириаме. Дюпле, прибывший в Пондишери в 1720 году, вскоре оценил значение бирманских портов для военно-морской стратегии в Бенгальском заливе. В 1727 году он предложил построить в Сириаме верфь, и два года спустя она вступила в эксплуатацию. Под умелым руководством опытных кораблестроителей там строились превосходные корабли из тикового дерева. Разрабатывались проекты ее значительного расширения, но в 1740 году вспыхнуло восстание монов и верфь была закрыта.

Король Минъечодин умер в 1698 году; после него страной правили три последних короля этой династии: Сане́ (1698—1714), Танинганве (1714—1733) и Махадхаммаяза Дипати (1733—1752). Подобно Минъечодину, все они были ничтожествами. Они редко покидали столицу и являлись фактически дворцовыми узниками. Даже мирная политика, которой придерживалась при них Бирма, не являлась достоинством их правления, так как эта политика была только результатом их слабости. Трудно сказать, какова была власть двора Авы над феодалами, которые правили различными частями страны. Его власть над Нижней Бирмой, возможно, не простиралась далее торгового пути по Иравади, города Пегу и порта Сириам.

Район дельты так и не смог оправиться от того ужасающего состояния опустошения, в котором он находился в конце XVI века. Но моны навсегда сохранили свое стремление к независимости и были готовы в любой момент, когда к этому представится возможность, добиваться восстановления королевства Пегу. Такая возможность представилась в свое время, когда небольшое



Пагода Каунгхмудо, близ Сагайнга.

горное государство Манипур начало совершать многочисленные набеги на Верхнюю Бирму, а слабые правители Авы были не в состоянии их пресечь. В XVI веке Байиннаунг заставил Манипур признать его власть, но позднее это государство восстановило свою независимость и, как мы видели, в период правления Минъечодина успешно вторглось в долину Кабо, протянувшуюся вдоль Верхнего Чиндвина. При Гхариб Невазе (1714—1754) искусные манипурские всадники стали грозой Верхней Бирмы. Они разрушали деревни и пагоды и исчезали со своей добычей прежде, чем им можно было помешать. И не раз манипурцы наносили поражения бирманским войскам, посланным для обороны границы. Незадолго до этого они были обращены в индуизм, и брахманы поощряли их обещаниями, что они обретут блаженство, искупавшись в водах Иравади в Сагайнге. В 1783 году они расположились лагерем вблизи Сагайнга, взяли штурмом укрепления, построенные для защиты знаменитой пагоды Каунгхмудо, сооруженной Талуном, перебили гарнизон и сожгли все дома и монастыри вплоть до стен Авы. Их целью был грабеж, а не покорение страны. В Бирме же не было достаточно сильного вождя, чтобы дать им отпор.

Упадок монархии привел к распаду королевства. Этот процесс начался в 1740 году, когда поселение гве-шанов в Окпо в Верхней Бирме, вблизи Мадаи, недовольное непомерными налогами на арековые пальмы, подняло восстание под руководством вождя по имени Гоннаейн. Они объединились с группой сосланных монов и изгнали бирманцев из этого района. Почти одновременно вспыхнуло восстание в Нижней Бирме. Бирманский губернатор провинции Пегу замышлял свергнуть правительство и пойти на Сириам. Но его войска взбунтовались и убили его, а когда король направил войска, чтобы восстановить порядок, моны подняли массовое восстание, разбили посланные войска, захватили Сириам и Мартабан и перебили всех бирманцев, которых им удалось захватить. Затем они возвели на престол в Пегу своего короля Смимтхо Буддакети[1]. Он был сыном правителя Пагана, которому не удалось захватить Аву в 1714 году и который бежал в горную часть страны к востоку от Пегу. Смимтхо Буддакети был монахом, когда его призвали занять престол. Он оказался не сильным вождем, но Ава была настолько слаба, что его войска быстро заняли Нижнюю Бирму до Проме и Таунгу, начали продвигаться вверх по Иравади и стали угрожать самой столице.

[1] По-бирмански Тамейнтхо Буддакети.—*Прим. ред.*

Положение Бирмы перед лицом этой новой угрозы серьезно осложняли набеги из Манипура, которые продолжались до 1749 года. Бирманцам редко удавалось захватить инициативу в свои руки и напасть на Нижнюю Бирму, так как было бы опасно оставлять внутреннюю часть страны незащищенной. И только тогда, когда у бирманцев нашелся вождь, способный разрешить эту проблему, они смогли отплатить монам, но к этому времени Ава пала. Правитель Проме действительно совершил в 1743 году набег, в результате которого Сириам временно перешел в его руки, но его приверженцы так напились по этому случаю, что монам вскоре удалось изгнать их. Быстро развивая свой успех, моны захватили Проме. После этого инициатива оставалась в руках монов. Во время занятия Сириама бирманцы сожгли армянские, французские и португальские церкви и разрушили все фактории иностранных купцов, за исключением английской фактории, охранявшейся небольшим отрядом сипаев, присланным из Мадраса. Однако победившие моны, недовольные строгим нейтралитетом резидента Джонатана Смарта, к которому они неоднократно обращались за помощью, заставили последнего сдаться и дотла сожгли английскую факторию. Джонатану Смарту и небольшой группе служащих было разрешено вернуться в Мадрас.

В том же году в Сириам прибыл направлявшийся в Аву с небольшой группой подчиненных ему духовных лиц пастор Галлициа, который был посвящен папой в звание первого епископа Бирмы. Не имея возможности следовать к месту назначения, он отправился в Пегу, где ему разрешили поселиться. Вскоре после этого в Сириам зашли шесть кораблей Ост-Индской компании, которые перевозили персонал и имущество своей бывшей фактории в Банкибазаре в Бенгалии, откуда они были изгнаны. Монские власти в Пегу направили епископа Галлициа уточнить намерения прибывших, и когда он узнал, что их руководитель де Шонамилль хочет получить разрешение на открытие в Сириаме фактории, то убедил последнего отправиться в Пегу и изложить свою просьбу королю. Де Шонамилль весьма неразумно взял с собой значительный вооруженный конвой, вызвавший столь сильные подозрения среди монов, что был организован заговор с целью убить всех прибывших. Галлициа, узнав о заговоре, предостерег Шонамилля, и тот предпринял отчаянную попытку бежать. Но он и вся его группа вместе с епископом и двумя пасторами были окружены и перебиты. Лишь четверо оставшихся в живых бежали на свои корабли, которым удалось уйти из Сириама.

Смимтхо Буддакети пользовался популярностью среди народа, ценившего его добрый нрав; но его министры были крайне недовольны его неспособностью как вождя. Положение стало критическим в 1747 году, когда нападение монов, продвигавшихся вверх по Иравади в направлении к Аве, было отбито с тяжелыми потерями. После этого король оставил Пегу и обосновался в Ситтанге, где после некоторых размышлений объявил о намерении уйти со своего не соответствующего его склонностям поста. Затем с сильным конвоем он бежал в Чиенгмай. Его главный министр Бинья Дала, избранный вместо него королем, заявил о своем намерении возродить империю Байиннаунга. Для осуществления этого плана он не имел ни средств, ни способностей; и хотя он назначил военачальником Талабана — воина, пользовавшегося широкой известностью среди монов,— единственным результатом его деятельности было усиление набегов, не прекращавшихся с момента завоевания монами независимости. Бирманцы, однако, не могли оказать действенного сопротивления, и вскоре нападающие начали проникать за Аву с очевидным намерением соединиться с шанами с верховьев Иравади. Наконец в 1751 году, собрав большое войско, снабженное оружием, полученным от европейских купцов в Сириаме, Талабан повел широкое наступление на Верхнюю Бирму, которое завершилось в апреле 1752 года захватом Авы и свержением последнего короля династии Таунгу.

Победа далась слишком легко, и моны обманулись, полагая, что, захватив столицу, они покорили страну. Поэтому, вместо того чтобы сосредоточить внимание на уничтожении всех возможных очагов сопротивления, наследник престола, сопровождавший Талабана во время похода, возвратился с основными

силами в Пегу, оставив в распоряжении военачальника, который должен был подчинить вождей авского королевства, незначительные силы. Накануне отбытия принц услышал тревожные вести о том, что отряд монов, посланный принять изъявление вассальной зависимости от города Мособомьо («Город вождя охотников»), расположенного примерно в шестидесяти милях к северу от Авы, был уничтожен жителями. Но так как принц ошибочно полагал, что это начались осложнения с Сиамом, который незадолго перед тем обменялся дружественными миссиями со свергнутым королем Авы, он предпочел не придавать большого значения этому случаю и отбыл в Пегу, оставив Талабану приказ о наказании виновных в назидание другим. Он не отдавал себе отчета в том, что событие в Мособомьо было началом национального восстания бирманцев, в результате которого моны были изгнаны из Верхней Бирмы и их королевство окончательно уничтожено.

ГЛАВА XX

ВОЗВЫШЕНИЕ И УПАДОК КОРОЛЕВСТВА МРОХАУНГ В АРАКАНЕ

Аракан простирается примерно на 350 миль вдоль восточного побережья Бенгальского залива до Читтагонгской области Восточной Бенгалии на юге. Он отделен от Бирмы длинной цепью крутых гор, называемых Аракан Йома[1], через которые есть лишь два пригодных перевала — Ан, ведущий к Минбу на западном берегу Иравади, и Таунгуп, ведущий в Проме. Араканцы называют себя ракхайнгами, а свою страну — Ракхайнгпьи. По мнению Артура Фейра[2], это слово является искажением палийского слова *раккхасо* (санскр. *ракшаса*), обозначающего «людоед-великан» (по-бирмански *билу*) или «страж жилища Индры на горе Меру». Генри Юл[3] отождествляет с Араканом Аргиру, или Серебряную землю Птолемея. Но в Аракане не добывалось серебро, и прежние взгляды на данные Птолемея об Индокитайском полуострове теперь подвергаются сомнению[4].

Современные араканцы являются в основном бирманцами, хотя и с несомненной примесью индийской крови. Хотя они в основном являются буддистами, многовековые связи с мусульманской Индией, несомненно, оказали на них влияние. Их языком является бирманский с некоторыми диалектическими различиями и более старой формой произношения, особенно заметной в сохранении ими звука «р», который бирманцы заменили звуком «й». Бенгальцы называют их *магх* — словом, которое было принято европейскими авторами XVII века, писавшими его, однако, как *мугг*; это название применяется также к группе людей, относящихся к читтагонгам, которые являются буддистами, говорят на бенгальском языке и не относятся к монголоидам. Много фантастического написано о возможной этимологии[5] этого слова, но вопрос пока еще не разрешен.

Буддизм, по-видимому, получил распространение в Аракане задолго до того, как он проник во внутренние части Бирмы, и знаменитое изображение Махамуни, которое было привезено бирманцами в 1785 году из Аракана и которое теперь можно увидеть в араканской пагоде в Мандалае, может быть отнесено к первым векам нашей эры. Надписи упоминают о династии Чандра, которая, возможно, была основана еще в середине IV столетия нашей эры[6]. Ее столица носила индийское название Вайшали, и, согласно надписям, тринадцать королей этой династии правили в течение 230 лет. Согласно аракан-

[1] Йома—по-бирмански хребет.—*Прим. ред.*

[2] Phayre Arthur, History of Burma, 1883, p. 41.

[3] Об этом Юл впервые говорил в своей статье в «Proceedings of the Royal Geographical Society», November, 1882.

[4] Чтобы ознакомиться с критикой этой точки зрения, см. G. E. Gerini, Researches on Ptolemy's Geography of Eastern Asia, p. 37—40.

[5] См. замечания А. Фейра (Fayre, op. cit., p. 47—48) и его статью о *мугг* в «Hobson-Jobson».

[6] E. H. Johnson, Some Sanskrit Inscriptions of Arakan, «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», XI, 2, p. 357—385.

ским хроникам, королевство было основано в 2666 году до н. э., причем хроники содержат списки королей, начиная с этой даты[1].

Бирманцы, по-видимому, не селились в Аракане до X века нашей эры. Поэтому предполагают, что ранние династии были индийскими и управляли населением, во многом схожим с населением Бенгалии. Все известные в истории столицы Аракана были расположены на севере, недалеко от современного Акьяба. Этот район постоянно подвергался набегам со стороны горных племен — шанов, бирманцев и бенгальцев, и были довольно длительные периоды, когда устойчивое правительство вряд ли могло существовать. Однако дух независимости всегда был силен, и араканцы на набеги обычно отвечали набегами. Они сосредоточили свою деятельность главным образом на морском пути в Бенгалию и достигали большого искусства в ведении морских и речных боев. В середине XVI века они были грозой дельты Ганга.

Северный Аракан был покорен правителем Пагана Аноратхой (1044—1077), но не был включен в его королевство. Он остался полузависимым вассальным государством, управлявшимся своими наследными королями. Когда Паган пал в 1287 году, Аракан восстановил свою независимость при знаменитом Минтхи, правление которого, согласно хроникам, продолжалось в течение баснословно долгого периода —95 лет (1279—1374). Его правление также знаменито тем, что в этот период был отражен крупный набег бенгальцев. После смерти Минтхи Аракан в течение долгого времени, а именно во время ожесточенной борьбы между Авой и монским королевством Пегу, был одним из театров военных действий. Обе стороны стремились подчинить Аракан своей власти. Сначала бирманцы, а затем моны возводили своих ставленников на араканский престол.

Когда в 1404 году бирманцы вновь захватили власть, король Нарамейхла[2] бежал в Бенгалию, где ему оказал гостеприимство гаурийский правитель Ахмед-шах. В годы своего изгнания он отличился, оказав помощь своему хозяину в отражении нападения, и когда в 1426 году Ахмед-шах умер и ему на смену пришел Назир-шах, новый правитель дал Нарамейхле войско под командованием военачальника, известного в араканской хронике под именем Вали-шаха, для того чтобы Нарамейхла вернул себе свое королевство. Однако Вали-шах оказался предателем и в союзе с вероломным араканским вождем заключил Нарамейхлу в тюрьму. Королю удалось бежать, и в 1430 году он с помощью другого войска, предоставленного ему Назир-шахом, вернул свой престол.

После этого он построил новую столицу, называемую по-аракански Мраук-у, но обычно известную под своим бирманским названием Мрохаунг[3]; 1433 год является датой ее основания. Король Нарамейхла управлял своим государством в качестве вассала Гаура, и в знак этого он и его непосредственный преемник, хотя и были буддистами, присоединяли к своим араканским титулам магометанские титулы и отчеканили медальоны с изображением Калимы — магометанского символа веры.

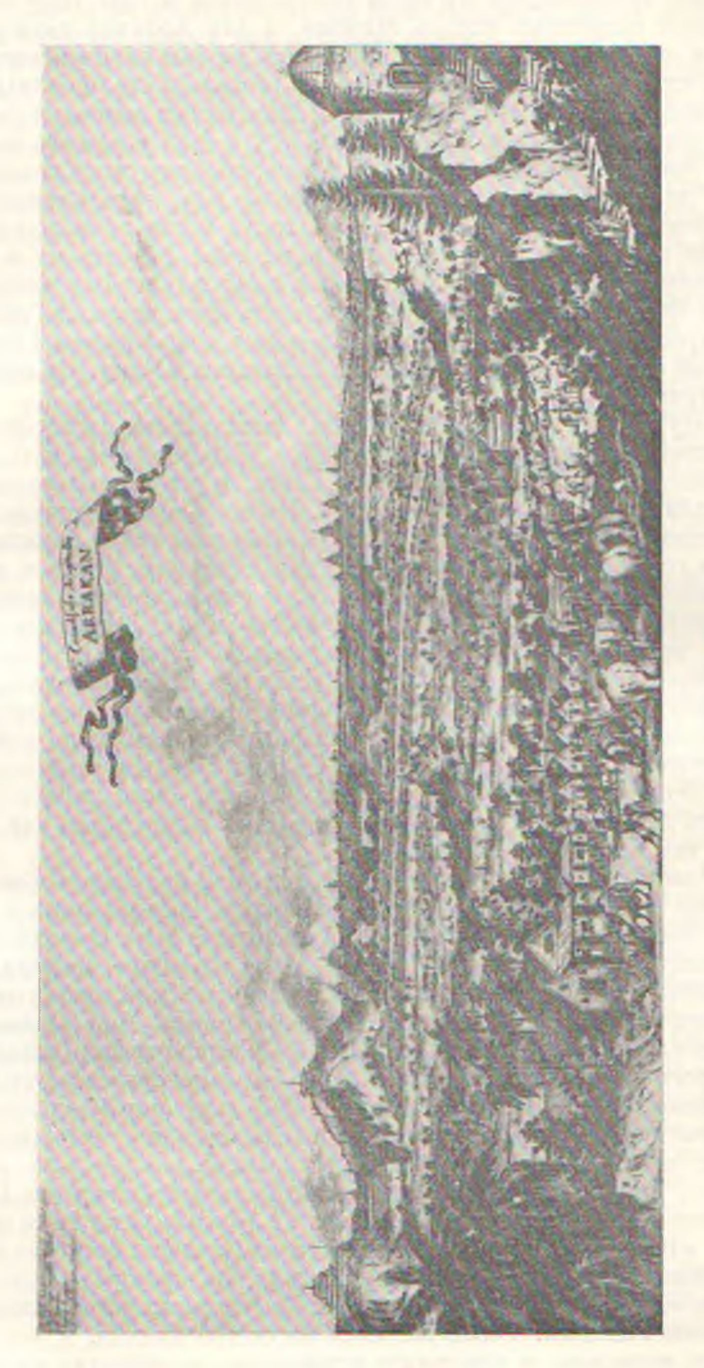
В 1434 году на смену Нарамейхле пришел его брат Минкари, известный также под именем Али-Хана, который провозгласил свою независимость от Гаура. Его сын Басопхью, который наследовал ему в 1459 году, воспользовался слабостью Барбек-шаха, правителя Гаура, и захватил Читтагонг. Он и его преемники продолжали носить магометанские титулы, но эти титулы не являлись более свидетельствами их зависимости, а были знаком их власти над Читтагонгом, который считали лежащим вне географических границ Аракана. Читтагонг в течение столетий был яблоком раздора между Араканом и Бенгалией

---

[1] Фейр в цит. соч. на стр. 293—294 приводит полный список, Харви (H a r v e y, History of Burma, p. 369—372) начинает список с 146 года н. э. О легендах относительно основания королевства см. Ф е й р, цит. соч., стр. 42—44. Фейр служил в Аракане старшим помощником комиссара с 1837 по 1846 год и в течение этого периода опубликовал ценные исследования о ранней истории Аракана и его древностях.

[2] Фейр (цит. соч., стр. 79) называет его Менг Соамуном и приводит дату 1406 год.

[3] Вернее Мьохаунг.—*Прим. ред.*



Мрохаун г в XVII векс.

и часто переходил из рук в руки. Он оставался в руках араканцев до 1666 года, когда моголы навсегда возвратили его Индии.

Басопхью был убит в 1482 году, и его страна вступила в полувековой период беспорядков и ослабления династии. На престоле сменилось не менее восьми королей; большинство их было убито. Затем в 1531 году на престол вступил молодой одаренный король Минбин, и для Аракана началась новая эра. Именно в период его правления появились первые европейские корабли, совершавшие набеги, и португальские пираты (*феринги*) стали селиться в Читтагонге. Именно в период его правления Табиншветхи возродил бирманское государство, завоевал монское королевство Пегу и стал угрожать независимости Аракана. Минбин предусмотрительно усилил оборону своей столицы, насыпав мощный земляной вал и вырыв глубокий ров, наполнявшийся водой из реки во время прилива. Поэтому в 1544 году, когда произошло неизбежное нападение бирманцев, Минбин хотя и не смог разбить их в открытом бою, построенные им оборонные сооружения в Мрохаунге оказались для них препятствием. Это препятствие не мог преодолеть даже великий Табиншветхи, когда столкнулся с ним в 1546 году. Во время осады раджа Типпераха со своими дикими соплеменниками напал на Читтагонг и Раму. Но победа опять осталась за араканцами.

В 1553 году, в год своей смерти, Минбин имел в своем распоряжении войска, состоявшие из португальских наемников. Его морские силы, базирующиеся в Читтагонге, были грозой района Ганга, и его страна находилась на пороге величайшего периода своей истории. Но возвышение Аракана, эффектное до некоторой степени, едва ли было результатом гениальности его правителей. Оно совпало с периодом ослабления Бенгалии, когда в результате распространения власти моголов на восток местные правительства слабели и гибли. Вопрос об обладании Читтагонгом имел решающее значение.

Минбин предоставил *ферингам*, служившим под его флагом, порт Дианга на морском побережье к югу от устья реки Курнапхули, примерно в двадцати милях южнее современного города Читтагонг. Это место вскоре привлекло значительное европейское и евразиатское население, которое вело обширную торговлю с портами Бенгалии. Однако главным занятием собиравшихся здесь *ферингов*, число которых все возрастало, было пиратство и охота за рабами, что вскоре стало источником серьезных осложнений как для короля Аракана, так и для вице-короля Гоа.

События достигли критической стадии в период правления Мин Разаджи (Мин Разагри) (1593—1612). Именно этот король воспользовался услугами Филиппа де Бриту при своем нападении на правителя Пегу Нандабайина, позволив, таким образом, атаману *ферингов* сделаться хозяином Сириама. Когда же де Бриту разбил араканскую флотилию, посланную для того, чтобы выбить его из монского порта, и взял в плен наследного принца, Мин Разаджи решил, что он должен сломить власть португальцев в Дианге, так как Дианга был тем портом, которого домогался де Бриту, предполагая использовать его в качестве базы для покорения Аракана. Поэтому в 1607 году Мин Разаджи направил войска, которые напали на Диангу с суши и безжалостно уничтожили ее жителей. Считают, что погибло шестьсот португальцев[1].

Среди тех, кому удалось бежать, был отчаянный Себастьян Гонзалвиш Тибан. Он занимался торговлей солью. Вместе с другими беглецами он занялся пиратством и в 1609 году стал «королем» острова Сандвип, истребив афганских пиратов, свивших там свое гнездо. На Сандвипе он приютил беглого араканского принца, который, будучи правителем Читтагонга, поссорился со своим братом, королем Разаджи. Тибан женился на сестре принца, и, когда принц внезапно умер, возможно, в результате отравления, он захватил все его сокровища. Вскоре после этого могольский наместник в Бенгалии начал наступле-

[1] Это число указывается в письме короля голландцам, проживавшим в Масулипатаме в 1608 году. De J o n g e, Opkomst van het Nederlandsch Gezag in Oost-Indië (1595—1610), III, p. 291.

ние на подчиненный Аракану район Ноакхали, расположенный к востоку от устья Ганга. Это послужило причиной сближения Тибана и Мин Разаджи. Но пока Разаджи вел безуспешную кампанию на суше, Тибан обманным путем завладел араканским флотом, пригласив его начальников на переговоры и убив их. Затем он пошел вверх по реке Лемро до самых стен Мрохаунга, захватив в качестве трофея королевскую барку.

Когда в 1612 году Мин Разаджи умер, его преемник Минкхамаунг (1612—1622) решил, что могущество Тибана и его головорезов должно быть в конце концов сломлено. Его первая попытка окончилась провалом, так как в критический момент на него напал раджа Типпераха, и Минкхамаунг был вынужден отвести свои войска. Тибан был осведомлен об опасном положении, в котором он оказался: с одной стороны, ему угрожала враждебная Бенгалия, а с другой — жаждущий мщения Аракан; поэтому Тибан обратился к Гоа и убеждал вице-короля отомстить за резню в Дианге. Он предложил провести совместное наступление на Аракан и выразил готовность уплачивать португальской короне ежегодную дань за свое островное «королевство». Вице-король послал флот, состоявший из четырнадцати галиотов, который прибыл к побережью Аракана в 1615 году, в период окончания влажных муссонов. Мрохаунг подвергся нападению, но отчасти вследствие несогласованности действий, а отчасти вследствие помощи, оказанной араканцам голландским кораблем, стоявшим в гавани, португальцы не смогли высадиться на берег и ушли прочь. Два года спустя Минкхамаунг захватил остров Сандвип, стер с лица земли поселение *ферингов* и разрушил их укрепления. По слухам, Тибану удалось бежать, но о нем с тех пор ничего не было слышно.

Феринги теперь начали действовать. Авантюра Филиппа де Бриту в Сириаме в 1613 году уже пришла к своему печальному концу. Поэтому они заключили мир с королем и снова взялись помогать ему в его борьбе за установление власти в юго-восточных частях Бенгалии, за покорение внутренней части страны, как образно называла это араканская хроника. Завоевания в подлинном смысле этого слова не было, хотя Аракан в течение некоторого времени удерживал район Ноакхали и Баккергунг и некоторые части дельты Сундербунда. В этом районе развернулась охота за рабами, которая достигла таких масштабов, что под угрозой оказалась и Дакка; в 1625 году *феринги* даже захватили ее и удерживали в течение некоторого времени. Этого никогда бы не произошло, если бы в империи моголов не наступил кризис, вызванный в 1612 году[1] восстанием шаха Джехана против своего отца Джехангира. Ежегодно армада *ферингов* возвращалась в Диангу, привозя тысячи бенгальских рабов. Вскоре все дома по обоим берегам рек между Читтагонгом и Даккой опустели.

Попытка Мин Разаджи освободиться от португальцев совпала с первой торговой экспедицией голландцев в Аракан. В 1605 году они основали фактории в Масулипатаме и Петаполи на Коромандельском берегу. Обосновавшись здесь, они начали выяснять возможности установления торговых связей с Бенгалией и Араканом. По приглашению Разаджи в 1607 году, в том самом году, когда произошла резня в Дианге, в Мрохаунг были посланы два купца — Питер Виллемсзон[2] и Ян Герритсзон Руилл. Король, подобно многим другим правителям Юго-Восточной Азии, весьма благосклонно принял их, предложил им вести беспошлинную торговлю в своих владениях и выразил надежду, что они помогут ему «изгнать португальцев».

Король, в частности, просил их о помощи против Филиппа де Бриту в Сириаме. «За это он дал бы нам вышеупомянутую крепость в Пегу, остров Сундиву, Читтагонг, Диангу или любую другую местность в Бенгалии, как он

---

[1] Восстание произошло в 1622—1623 годах.—*Прим. ред.*

[2] Позднее он оставил службу у голландцев и перешел на службу к английской Ост-Индской компании, возвратившись в 1611 году на Восток в качестве одного из руководителей седьмого путешествия. Англичане знают его под именем Питера Флориса. Английский перевод выдержек из его дневника, написанного в 1613 году, был опубликован Сэмюэлем Парчесом в его «Пилигримах». Полный текст дневника был опубликован в 1934 году «Hakluyt Society».

отдал когда-то португальцам»,— писал Питер Виллемсзон в своем отчете[1]. И он продолжал изображать дело так, что если не воспользоваться этим случаем, то португальцы «используют его в своих интересах, что нанесет большой ущерб компании». Но голландцы стремились к торговле в этом районе, а не к войне, даже против португальцев, ибо они были целиком поглощены борьбой за установление контроля над территориями, где выращивались пряности, и не хотели даже думать о походе против Сириама.

В мае 1608 года посланцы вернулись в Масулипатам. В сентябре 1610 года ван Весикк, голландский начальник над факториями, основанными на Коромандельском берегу, решил произвести рискованный опыт, основав факторию в Мрохаунге; Якоб Диркксзоон Кортенхооф отправился возглавить ее. Однако король добивался скорее военной помощи, а не торговли, и настоятельно требовал ее. Он хотел, чтобы голландцы построили форт в Дианге. В 1615 году, как мы уже видели, голландцы сыграли важную роль в отражении нападения португальского флота на Мрохаунг[2]. Однако они совсем не хотели оказаться вовлеченными в войны Минкхамаунга, и особенно в замышляемые им действия против Тибана, потому что, как они говорили, «прибыли от этого будут небольшие, а расходы, которые должна будет понести компания для восстановления власти короля в его королевстве, где царит беспорядок, будут велики»[3]. Поэтому фактория была закрыта в 1617 году.

Но голландцы не оставили своих планов в отношении Аракана; начиная с 1623 года туда направлялись голландские корабли для покупки бенгальских рабов, захваченных мародерствовавшими *ферингами*, а также излишков риса, который производился в этой стране благодаря неограниченным возможностям использования рабского труда для обработки полей[4]. В начале 1625 года голландцы основали в Мрохаунге другую факторию, главой которой был Паулюс Крамер Хейн. Она была основана в результате экспедиции под командованием Антония Кена, которая была послана из Батавии в сентябре предыдущего года[5] для нападения на португальские суда. Кен получил указание зайти в Мрохаунг и обсудить с королем Тиритудхаммой (1622—1638) возможность сотрудничества против «нашего общего врага», а также заключить соглашение о вывозе риса и рабов. Результаты этих переговоров были невелики, несмотря на то, что король направил посла в Батавию в 1627 году, и, так как торговля рабами шла плохо, Ян Питерсзон Кун распорядился вторично закрыть факторию.

Торговля, однако, продолжалась. Свободным бюргерам Батавии было разрешено участвовать в торговле, а Батавия и Мрохаунг часто обменивались послами. Голландцы, совершенно истребив население островов Банда и передав землю служащим компании для обработки ее с помощью рабов, стремились закупать всех рабов, которых Аракан мог выделить из партий, получаемых в результате набегов *ферингов*. Таким образом, фактория вскоре была открыта вновь, но снова просуществовала недолго. В 1631 году главный агент Корнелис ван Хоутен сообщал, что в результате ужасного голода и эпидемий торговля замерла. Поэтому он был отозван, а торговля снова перешла в руки частных купцов.

Тем временем Дианга и *феринги* снова оказались в центре внимания. В 1630 году Тиритудхамма назначил нового правителя Читтагонга, который до такой степени возненавидел *ферингов*, что направил в Мрохаунг тревожное сообщение, обвиняя португальцев в заговоре с целью пустить в Читтагонг войска могольского наместника Дакки. Губернатор намеревался побудить

---

[1] De Jonge, op. cit., III, p. 287—291. Крепость в Пегу — это Сириам, или Сан-Яго, как португальцы, по-видимому, называли его, Сундива—Сандвип.

[2] Профессор Гель утверждал, что наступление португальцев на Мрохаунг в 1615 году было предпринято с целью «изгнать голландцев» («Cambridge History of India», V, p. 34).

[3] J. E. Heeres, Corpus Diplomaticum Neerlando-Indicum, I, p. 412.

[4] F. W. Stapel, Geschidenis van Nederlandsch-Indië, III, p. 213.

[5] Стапель в цит. соч. относит это событие к 1625 году, но во вступлении в «Daghregister» указывается, что Кен оставил Батавию 3 сентября 1624 года.

Тиритудхамму поступить с Диангой так же, как он поступил с нею в 1607 году. Так как флот *ферингов* отправился на свою ежегодную охоту за рабами и находился далеко, то жители, узнав об этом замысле, спешно отправили двух посланцев убедить короля в необоснованности этого слуха. Этими посланцами были капитан *ферингов* Гонзалвиш Тибан, родственник прежнего «короля» Сандвипа, и Фра Себастьян Манрик, августинский монах из Опорто, который недавно прибыл в Дiангу в качестве ее викария, подчинявшегося архиепископству Гоа. Годы спустя после своего возвращения в Португалию Манрик рассказал историю своих путешествий в подробных мемуарах, которые представляют исключительный интерес и ценность[1].

Миссия была успешной. Король отменил экспедицию, которую он подготавливал для наказания Дианги. Он также разрешил постройку католической церкви в предместье Дайнгрипет, на западной окраине столицы, где жили португальские наемники королевской стражи. Смелый монах, который не побоялся заклинать короля отказаться от его ложной веры и стать христианином, был принят как почетный гость. Ему показали добычу, захваченную в 1599 году в Пегу, и его поразил белый слон. Дочь Нандабайина, которая была увезена в Мрохаунг и отдана в жены королю Разаджи, приняла его и с большим волнением рассказала ему историю своих страданий. После шестимесячного пребывания в Мрохаунге в начале 1631 года Манрик вернулся в Диангу.

В следующем году шах Джехан, ставший Великим Моголом, решил стереть с лица земли португальское поселение на Хугли. Он подозревал, что жители Хугли замешаны в недопустимой охоте за рабами, которую вели пираты Дианги. Его религиозное чувство было также оскорблено похищением жены высокопоставленного лица, совершенным *ферингами* в 1629 году близ Дакки, и последующим обращением ее Фра Манриком в католичество. Город оказывал отчаянное сопротивление, но без своевременной поддержки он не смог выстоять. Некоторая часть защитников пробила себе дорогу, погрузилась на свои корабли и отошла к острову Саугар, расположенному вблизи устья реки, где они начали укрепляться. В то же время они послали иезуита, отца Кабраля, просить короля Тиритудхамму о помощи. Вести об осаде, однако, уже дошли до короля задолго до прибытия Кабраля, и он приказал армаде *ферингов* в Дианге неожиданно напасть на флот моголов на реке Хугли. Армада была задержана плохой погодой, а когда она наконец смогла выйти, то прибыла слишком поздно, чтобы спасти город. Однако ей удалось во время преследований уничтожить флот моголов. Затем армада отошла к Саугару, чтобы ждать подкрепления.

Предпринимая это наступление, король, по-видимому, преследовал двоякую цель. Он стремился предупредить попытку моголов захватить Читтагонг, естественно полагая, что это будет их следующей целью после захвата Хугли. Он надеялся также, что решительная победа над флотом моголов даст ему возможность убедить вице-короля Гоа объединиться с ним для нападения на Бенгалию. Вице-король фактически был готов обсудить положение и в 1633 году отправил с этой целью в Мрохаунг Каспара де Мескита в сопровождении Фра Манрика в качестве его советника. Переговоры, однако, оказались безрезультатными. Королю пришлось отказаться от своего грандиозного замысла покорить Бенгалию.

Посол Гоа отбыл, но Манрик должен был остаться. Он полюбился королю. К тому же ему было известно слишком много государственных тайн, чтобы получить разрешение тотчас же возвратиться в Диангу. Только через два года, в 1635 году, ему разрешили уехать. В его книге рассказывается о дальнейших любопытных приключениях во время его пребывания в Мрохаунге. Он дает также живое описание коронации Тиритудхаммы, которая не отмечалась до 1635 года из-за предсказания, что король умрет через год после коронации.

---

[1] См. изданную Hakluyt Society «Travels of Frey Sebastien Manrique, 1629—1643», ed. by Lt.—Col. C. E. Luard, 2vols., 1927. Приключения Манрика в Дианге и Мрохаунге описаны также Морисом Коллисом (Collis Maurice, Land of the Great Image).

Перед коронацией были принесены варварские жертвы, чтобы умилостивить богов и предотвратить судьбу. Но три года спустя главная жена короля подготовила его убийство и возвела на престол своего любовника. Это был король Нарапатиджи (1638—1645).

Манрик не упоминает об отношениях Тиритудхаммы с голландцами. В 1633 году Тиритудхамма послал двух послов в Батавию, чтобы предложить голландцам вновь открыть факторию. Голландцы были заняты осадой Малакки и нуждались в запасах продовольствия, которое можно было получить в Аракане. Поэтому араканских послов, возвращавшихся на родину, сопровождали два голландских корабля с грузом товаров для продажи, и в 1635 году Адам ван дер Мандере вновь открыл факторию. Вначале торговля пошла хорошо, но вскоре возникли затруднения. Король хотел заключить военный союз и, когда он узнал, что послы моголов были приняты в Батавии, направил раздраженное письмо, предупреждавшее генерал-губернатора о том, что моголы являются его врагами. Более того, у ван дер Мандере сложились плохие отношения с королем, который установил королевскую монополию на рис, и, когда ван дер Мандере возразил против цены и попытался делать свои закупки на открытом рынке, возникли серьезные осложнения.

Поведение ван дер Мандере было сочтено генерал-губернатором Антони ван Дименом недостойным, и было установлено, что отчетность велась им небрежно. В соответствии с этим ван дер Мандере был переведен в другое место, а ван Димен отдал распоряжение, что в будущем в Мрохаунг должны назначаться «люди хорошего поведения, а не неряхи». Новый начальник, Арент Янсен ван дер Хельм, был в исключительно хороших отношениях с узурпатором Нарапатиджи благодаря щедрым подаркам в виде вина и спиртных напитков, которые последний высоко ценил[1]. Но в 1643 году здоровье короля пошатнулось, и он утратил власть над делами. Затем произошло событие, которое заставило голландцев еще раз закрыть факторию. Фрегат, принадлежавший свободному голландскому бюргеру и направлявшийся в Читтагонг с ценным грузом тканей, заманили в гавань Мрохаунга, где груз был конфискован, а капитан и команда были заключены в тюрьму. Когда попытки освободить их потерпели неудачу и некоторые из заключенных умерли в тюрьме, голландцы порвали отношения с Араканом. В течение восьми лет фактория пустовала, а голландцы жестоко мстили араканским судам.

Тадо, племянник Нарапатиджи, который наследовал ему в 1645 году, был ничтожеством и правил только семь лет. Но его сын Сандатудхамма, который вступил на престол в 1652 году и правил в течение тридцати двух лет, приобрел известность как один из лучших араканских монархов. Хотя он был совсем юным в момент своего вступления на престол[2], в Батавии вскоре стало известно, что его отношение к торговле является более передовым, чем отношение его предшественников. И так как директора Ост-Индской компании настаивали на том, чтобы Батавия вновь завязала торговлю с Араканом, в октябре 1652 года голландский посланник Иоанн Гессенс отбыл, имея при себе длинный список условий для переговоров с новым королем. Соглашение, по-видимому, было легко достигнуто, и условия, облеченные в форму договора, были приняты в 1653 году обеими сторонами[3]. Главные статьи договора предоставляли голландцам возможность вести беспошлинную торговлю в силу королевского разрешения и освобождали от необходимости совершать покупку и продажу через агентов короля. Богатства и великолепие двора произвели большое впечатление на Гессенса. Не может быть сомнения в том, что королевство процветало в это время.

---

[1] Фирман, который «Нарабидридж» выдал ван дер Хельму в августе 1643 года, напечатан у Хееpеса (Heeres, Corpus I, p. 414).

[2] Указания голландцев в «Daghregister» на возраст в тринадцать или четырнадцать лет, несомненно, неверны. Вальтер Схоутен, который видел короля в 1661 году, утверждает, что ему было примерно двадцать восемь лет.

[3] Полный отчет о переговорах содержится в «Daghregister» за 1653 год, стр. 93—103. Валентийн напечатал условия договора в «Oud en Nieuw Oost-Indiën», V, I, p. 140—146.

Таким образом, голландская фактория, вновь открытая в 1653 году, успешно продолжала свою деятельность до 1665 года, когда она снова была закрыта — на этот раз по политическим соображениям. В 1639 году шах Шуджа, второй сын Великого Могола шаха Джехана, был назначен наместником Бенгалии. В 1657 году, когда император заболел так серьезно, что распространились преждевременные слухи о его смерти, между его сыновьями разгорелась борьба за власть. Победу в этой борьбе одержал Аурангзеб, который сверг в 1658 году с престола своего отца и сам стал императором. Шах Шуджа отказался согласиться с этим положением, но был разбит военачальником Аурангзеба Мир-Джумлой и после безуспешной попытки удержать Бенгалию бежал из Дакки в Читтагонг вместе со своей семьей и личной охраной, состоявшей примерно из 500 преданных приверженцев. Сандатудхамма разрешил ему следовать далее в Мрохаунг при условии, что его приверженцы будут обезоружены. 26 августа 1660 года он прибыл в Мрохаунг и был благосклонно принят королем, который предоставил ему резиденцию вблизи города на правом берегу реки Вати, у подножия горы Вабхудаунг. Шах Шуджа просил предоставить ему корабли, которые отвезли бы его и его людей в Мекку, что ему было обещано.

Но обещание не было выполнено, и принц-беглец скоро обнаружил, что его положение невыносимо. Мир-Джумла не переставал требовать его выдачи, и Сандатудамма, ожидая осложнений, поставил свой флот у Дианги и послал туда подкрепление. Состояние тревоги усиливалось, и распространился слух, что Мир-Джумла взял Диангу. Более того, король просил в жены одну из дочерей шаха Шуджи, и его предложение было с негодованием отвергнуто. Таким образом, отношения все больше ухудшались. Фейр предполагает, что это делалось намеренно, чтобы у Сандатудхаммы был благовидный повод для ссоры, так как он отлично знал о том презрении, с которым к нему относится высокомерный могол, и жаждал овладеть богатыми сокровищами, которые шах Шуджа привез с собой.

Шах Шуджа, сознавая опасность, в которой он оказался, предпринял отчаянную попытку бежать из страны. Но его планы потерпели неудачу, и, когда жители напали на его приверженцев, последние, обезумев, подожгли большую часть города, прежде чем они были окружены и перебиты. Это произошло в декабре 1660 года. Дело было изображено так, что шах Шуджа пытался захватить дворец. Говорили, что только мать короля убедила его не убивать шаха Шуджу. Она доказывала, что убийство принцев является опасной забавой, вкус к которой могут приобрести и собственные подданные короля. Но 7 февраля 1661 года резиденция шаха Шуджи подверглась нападению и последовала новая резня; шаха Шуджу никогда больше не видели. Ходили слухи, что он со своими сыновьями бежал в горы, но был пойман и казнен. Лишь месяцы спустя начальник голландской фактории, Геррит ван Воорбург, узнал что́ произошло. Его отчет изложен в «Дахрегистер» следующим образом:

«Принц Часуса, о котором в предыдущем сообщении из Аракана от 22 февраля этого года говорилось, что он бежал и не был найден ни живым, ни мертвым, по слухам, хотя и не вполне достоверным, погиб во время первой вспышки ярости жителей, и его труп был изуродован до неузнаваемости вельможами, стремившимися наилучшим образом украсить свои особы великолепными драгоценностями, которые он носил. Три его сына вместе с его женами и дочерьми были захвачены; жены и дочери были увезены во дворец короля, а сыновьям, после того как в течение некоторого времени их продержали в тюрьме, было разрешено жить в маленьком доме. Золото и серебро, которое было захвачено араканцами, ежедневно привозят в королевскую сокровищницу для переплавки»[1].

Как только наместник Бенгалии услышал от голландцев с фактории в Дакке об убийстве шаха Шуджи, он реквизировал голландский корабль, на котором отправил посла в Мрохаунг, чтобы последний категорически потребовал

[1] Hall, Studies in Dutch Relations with Arakan, III, JBRS, XXVI, 1936, pt. I, p. 24.

выдачи детей шаха Шуджи. На это требование последовал отказ, и араканский король заявил протест Батавии против использования голландского корабля послом моголов. С нарастанием угрозы войны положение голландцев, придерживавшихся нейтралитета, становилось все более трудным. В июле 1663 года отчаянная попытка освободить трех пленных принцев закончилась провалом. Затем король «сжег свои корабли», обезглавив принцев и перебив большое число бенгальцев и мусульман, находившихся в столице. В начале следующего года флот *ферингов* пошел вверх по реке по направлению к Дакке, обратил в бегство флотилию моголов из 260 судов, уничтожив из них более половины, и увез в рабство сотни людей.

Однако прошли те времена, когда подобного рода поступки проходили безнаказанно. Шаиста-хан, дядя Аурангзеба со стороны матери, только что назначенный наместником Бенгалии, был преисполнен решимости выжечь пиратское гнездо в Дианге. Он обратился за помощью к голландцам и угрожал в случае отказа изгнать их из всех факторий в Бенгалии. В то же время король Аракана, который подготавливал еще одно крупное наступление на Бенгалию, приказал голландцам предоставить свои корабли для использования их в его армаде. К счастью для голландцев, буря разбила флот араканского короля прежде, чем он успел отплыть, и, пока производился ремонт араканских судов, голландские корабли ушли. Когда наконец армада отправилась в путь, она причинила большее опустошение, чем в предыдущий поход.

В июле 1665 года состоялось специальное заседание Совета Индии в Батавии, на котором были приняты секретные решения о закрытии фактории в Мрохаунге. Короля ловко провели, и темной ноябрьской ночью агенты поспешно погрузили на четыре корабля все, что могли увезти, и бежали. В устье реки их догнал специальный гонец с письмом от короля для передачи генерал-губернатору. Почему, спрашивал король, голландцы так боятся наместника Бенгалии? Ему легче построить Вавилонскую башню, чем покорить Аракан.

Но флот *ферингов* не беспокоил более Бенгалию своими налетами. Шаиста-хан, который построил и снарядил новый флот, уже захватил остров Сандвип, сделав его базой для нападения на Диангу. Трудно сказать, что произошло бы, если бы *феринги* решили довести борьбу до конца, так как их флот был сильнее, чем бенгальский. Но в самый критический момент между ними и араканцами начались раздоры, и когда Шаиста-хан, воспользовавшись случаем, предложил им перейти на его сторону, большинство из них так и поступило. Затем в начале 1666 года Шаиста-хан атаковал Диангу с суши и с моря. В феврале в ожесточенной битве он разбил араканский флот. Дианга пала, и весь район Читтагонга вплоть до реки Нааф был присоединен к империи моголов.

Лишенное своего мощного флота араканское королевство после 1666 года быстро пошло к упадку. Несколько лет спустя голландцы вернулись сюда и вновь открыли свою факторию, но о ней мало что известно. В «Дахрегистер» за 1682 год имеется письмо генерал-губернатора Корнелиса Спеелмана королю Сандатудхамме, в котором указывается, что вследствие слабой торговли фактория должна быть ликвидирована. Постоянный агент не должен там оставаться после того, как будут собраны наиболее крупные долги. Он надеется, однако, посылать туда ежегодно один или два корабля для закупки риса[1].

Когда в 1684 году умер Сандатудхамма, в стране начались внутренние беспорядки. Харви описывает это следующим образом: «Доходы от пиратства исчезли, но пиратские инстинкты остались и делали невозможным управление страной»[2]. Многие из приверженцев шаха Шуджи были взяты на королевскую службу в качестве стрелков стражи. Их число пополнялось постоянным притоком рекрутов с севера Индии. В 1685 году они убили сына и преемника Сандатудхаммы Тиритурия, разграбили казну и возвели на престол его брата

[1] «Daghregister», II, 1682, p. 1127—1128. Питер ван Дам в своей книге «Beschryvinge van de Oostindische Compagnie» не упоминает об Аракане после эпизода с шахом Шуджой.

[2] Harvey, op. cit., p. 148.

Варадхаммаразу. Когда же он оказался не в состоянии выдать им обещанную плату, *феринги* взбунтовались и подожгли дворец. Затем они стали бродить по стране и делали все, что хотели. Спустя некоторое время *феринги* договорились с королем, и тот возвратился в свою столицу. Но в 1692 году они свергли его и сделали королем его брата Мунитудхаммаразу, а примерно спустя два года убили его и возвели на престол другого брата.

Так развертывались события до 1710 года. В 1710 году араканский вождь Махадандабо при поддержке группы преданных ему лиц одержал верх над стрелками и выслал их на остров Рамри, где их потомки живут до сих пор, говорят на араканском языке и сохраняют свою мусульманскую религию. Махадандабо стал королем под именем Сандавизая и правил до 1731 года. Но он мало времени уделял созидательной деятельности, проводя большую его часть в набегах на своих соседей. Король вел войну против раджи Типпераха, забирая добычу и пленных. Он воспользовался слабостью последнего короля из династии Таунгу в Бирме, перешел через горы и напал на Проме и Малун. Упадок могущества моголов после смерти Аурангзеба в 1707 году побудил Махадандабо распространить свою власть на север и напасть на остров Сандвип. Но из всех этих попыток ничего не вышло, и, когда в 1731 году он был убит, в стране вновь воцарился хаос.

Четырнадцать королей еще сменилось на араканском престоле, прежде чем войска короля Бодопаи вторглись в королевство и свергли в 1785 году последнего короля Тамаду. Задолго до этого араканские вожди поспешили ко двору Авы и просили бирманцев о вмешательстве. Когда, наконец, вторжение произошло, оно принесло с собой такие бедствия, что половина населения Аракана бежала в район Читтагонга, и опять создалось положение, которое поставило под угрозу безопасность Бенгалии, на этот раз со значительно более важными последствиями, так как это вторжение явилось одной из главных причин первой англо-бирманской войны 1824—1826 годов.

ГЛАВА XXI

НАЧАЛО ДИНАСТИИ КОНБАУНГ В БИРМЕ

(1752—1782)

Когда наследник престола (юва-яза) возвращался в Пегу, он оставил Талабана с силами, недостаточными для того, чтобы подавить крупное восстание. Именно такое восстание вспыхнуло спустя поразительно короткое время в результате успешного сопротивления, оказанного вождем восставшего города Мособо. Назвав себя Аунгзея («Победоносный») и «вдохновленный добрыми духами, которые чтят религию», как об этом говорится в «Махаязавин», он стал вождем национального движения. В мае 1752 года он отразил нападение на свою крепость, которым руководил лично Талабан. В следующем месяце он перешел в наступление и напал на укрепление монов, чтобы отрезать их от источников снабжения. Гарнизон в панике покинул укрепление, бросив там все свое снаряжение. Таким образом этот вождь стал *минлаунгом*, или претендентом на престол, называл себя Алаунгпая, или «эмбрионом Будды», и вел свое происхождение от Мохньинтадо, который правил в Аве с 1427 по 1440 год. Куда бы он ни направлялся, он повсюду требовал изъявления вассальной покорности. Город Мособо—«город вождя охотников» стал называться Швебо—«городом золотого вождя», и он стал строить в нем дворец в излюбленном традиционном стиле.

Но монов нелегко было изгнать из Верхней Бирмы; они соединились с гвешанами из Мадая-Окпо. Это была позиционная война, в ходе которой патриоты испытали много трудностей. Только к декабрю 1753 года Алаунгпая смог окружить Аву; к этому времени он сформировал значительную флотилию, состоявшую в основном из судов, захваченных у противника. Моны после провала своей попытки захватить главное укрепление Алаунгпаи пали духом. Не было никаких признаков, что Пегу вышлет подкрепление, и моны опасались, что бирманцы и шаны, проживающие в городе, присоединятся к осаждающим. Поэтому ночью, в глубокой тайне, они оставили город и бежали вниз по реке, прежде чем бирманцы поняли, что произошло.

Алаунгпая был не в состоянии преследовать отступавших монов или предпринять наступление на юг. Ему нужно было прежде всего обеспечить преданность северных шанских князей (собва). В тот момент, когда он был поглощен выполнением этой задачи, Бинья Дала, король Пегу, начал крупное наступление на район Авы. Если бы наступление было предпринято раньше, в то время, когда моны еще удерживали город, оно могло легко решить исход дела не в пользу Алаунгпаи. Но наследник престола (юва-яза), военачальник монов, был неспособным вождем; и хотя он разбил бирманскую армию у города Тало и опустошил страну вплоть до Чаумьяунга, близ Швебо, в результате контрнаступления, предпринятого Алаунгпаей из Швебо, и вылазок осажденного в Аве гарнизона, он понес такие потери, что в мае 1754 года все его вторгнувшееся войско обратилось в беспорядочное бегство, не останавливаясь вплоть до Проме. Тем временем недовольство в королевстве монов достигло высшей точки и вылилось в заговор, имевший целью восстановление власти пленного Махадхаммаяза Дипати, который находился в Пегу. Когда заговор был раскрыт и низложенный король, три его сына и многие связанные с ним лица были казнены, бирманцы, проживавшие в районе дельты, подняли

восстание и стремительным натиском захватили город Проме, который им удалось удержать, несмотря на то, что он был окружен монскими войсками, отступавшими от Авы.

Но осада велась не энергично, и в начале 1755 года Алаунгпая, собравший большое войско для покорения королевства Пегу, без труда освободил от осады бирманцев, защищавших город. Однако моны построили хорошо защищенные земляные укрепления непосредственно к югу от города, и лишь после тяжелых боев эти укрепления удалось наконец взять штурмом. Этот успех дал Алаунгпае возможность потребовать, чтобы центральная Бирма признала свою вассальную зависимость; несколько недель Алаунгпая провел в Проме, наводя там порядок. Затем он двинулся к югу и у Лунхсе, в районе Хензада, столкнулся с монами. Решительная победа, которую он одержал, побудила его переименовать местечко Лунхсе в Мьянаунг («Быстрая победа»). Здесь, среди празднеств и ликования, он принял изъявление вассальной покорности от правителей Таунгу, Хензада, Мьяунгмья, Бассейна и даже от араканского округа Сандовай. Наконец, продвигаясь через Данубью, он в начале мая изгнал монов из Дагона и ознаменовал окончание своей кампании празднеством в пагоде Шве Дагон. Он намеревался сделать это место главным портом своего королевства и начал работы по закладке города, который он оптимистически назвал Рангун[1] («Конец раздоров»).

Однако раздоры на этом не кончились. Столица монов Пегу все еще сохраняла свою независимость, а их порт Сириам — центр европейской торговли, где моны сосредоточили свои главные силы, поблизости от Рангуна,— был слишком укреплен для того, чтобы Алаунгпая мог решиться напасть на него. Более того, монам помогал блестящий француз, господин де Бруно, которого Дюпле несколькими годами ранее прислал в Пегу в качестве своего агента.

В конце войны за австрийское наследство, пока Дюпле как губернатор Пондишери был занят проектами укрепления французского влияния за счет своих английских соперников, двор в Пегу искал европейского союзника, от которого он мог бы получить огнестрельное оружие, что дало бы ему решающее преимущество в борьбе с бирманцами. После закрытия европейских верфей в Сириаме на первых этапах борьбы за независимость английские интересы были представлены несколькими частными торговцами, которые не имели большого веса, тогда как французские интересы представлял итальянский священник, отец Виттони, считавшийся среди монов *персоной грата*. В 1750 году по его предложению к Дюпле была направлена монская миссия для выяснения его мнения относительно предоставления помощи. Поэтому через несколько недель после того, как один из агентов, Бюсси, оставил Пондишери, чтобы распространить французское влияние в Декане, другой агент, Бруно, отправился с подобной же миссией в Бирму. Он прибыл в Пегу в июле 1751 года и без труда заключил соглашение, по которому монам взамен торговых уступок предоставлялась значительная французская помощь. По возвращении в Пондишери он убеждал Дюпле, что, если последний готов к вооруженному вмешательству в борьбу монов и бирманцев, перед французами в Бирме откроются блестящие перспективы. По его словам, при наличии хорошо вооруженных французских войск численностью в 500 или 600 человек легко установить контроль над королевством монов. Дюпле тотчас же написал во Францию, расхваливая этот план, и просил предоставить необходимые подкрепления для проведения его в жизнь.

Между тем англичане в Мадрасе относились с большим подозрением к замыслам французов в отношении Бирмы. Еще до направления миссии Бруно губернатор форта св. Георгия Томас Сондерс сообщал в Англию о том, что якобы французы намереваются захватить остров Негрэ[2], и убеждал Ост-Индскую компанию предупредить действия французов, основав на этом острове поселение. Директора компании полностью одобрили этот план. Их ответ был

[1] Правильнее Янгун.—*Прим. ред.*
[2] D. G. E. Hall, The Tragedy of Negrais, IBRS, XXI (1931), pt. III, p. 63.

отправлен в декабре 1751 года, задолго до того, как вести о миссии Бруно в Пегу могли достигнуть Лондона. Прежде чем Сондерс получил ответ, он услышал от частных английских купцов в Сириаме о договоре Бруно с правительством монов и немедленно же начал действовать на свой страх и риск. Он направил небольшую экспедицию под командованием Томаса Тейлора для осмотра острова Негрэ и поручил частному купцу в Сириаме, Роберту Уестгарту, начать переговоры с двором в Пегу об уступке этого острова Ост-Индской компании.

Тейлор столкнулся с крайне враждебным отношением местных властей и после беглого осмотра отправился в Пегу, чтобы действовать совместно с Уестгартом. Они установили, что монское правительство категорически против основания какого-либо поселения на острове. Пока они находились в Пегу, туда в ноябре 1752 года возвратился Бруно в качестве агента Дюпле; и, поскольку становилось совершенно очевидным, что он имеет значительно большее влияние на монов, переговоры были прерваны и Тейлор вернулся в Мадрас. Оставив Негрэ, Тейлор отослал весьма неблагоприятный отчет об острове, который заставил Сондерса усомниться в разумности дальнейшего осуществления этого проекта, несмотря на восторженное одобрение, высказанное директорами в их послании. Но когда Тейлор прибыл в Мадрас и рассказал об усилении влияния Бруно в Пегу, Сондерс отбросил все сомнения и направил мощную экспедицию, которая 26 апреля 1753 года захватила остров. Если бы он знал, что директора французской компании уже отклонили предложение Дюпле, он, возможно, поступил бы иначе. В письме, датированном 2 января 1753 года, директора указывали Дюпле, что их удовлетворяет судостроительная концессия в Сириаме, предусмотренная договором 1751 года; любые меры, связанные с военными обязательствами, несомненно, вызвали бы дальнейшее обострение соперничества с англичанами.

По сообщению Тейлора, остров являлся очень нездоровой местностью и был бы совершенно бесполезным в качестве торгового пункта. Его оценка оказалась очень верной: в периоды дождей остров подвергался наводнениям, и там была широко распространена малярия. Никогда не предпринимались попытки использовать его в качестве военно-морской станции. И, хотя болезнь буквально косила служащих, как европейцев, так и азиатов, и все запасы и рабочая сила должны были доставляться из Мадраса, не могло быть и мысли об отказе от поселения, пока Бруно оставался в Пегу.

С другой стороны, возвышение Алаунгпаи заставило как Дюпле, так и монов пересмотреть свое отношение к созданию союза. Дюпле послал Алаунгпае в подарок оружие. Моны обратились к английской Ост-Индской компании с просьбой о военной помощи и обещали уступить Негрэ. Это были лишь маневры, но, несомненно, моны нуждались в значительно большей помощи, чем та, которую можно было получить от Пондишери. Когда в конце 1754 года Дюпле был отозван во Францию, моны потеряли надежду получить какую-либо действенную помощь от французов, хотя Бруно оставался в Пегу. Почти в то же время с Негрэ в Мадрас вернулся Томас Тейлор, совершенно убежденный в том, что успех Алаунгпаи обеспечен и что компания должна установить с ним хорошие отношения. И когда несколько месяцев спустя бирманский король, стремительно продвигавшийся вниз по Иравади, направил в Негрэ послов с просьбой предоставить оружие, находившийся на острове агент компании Генри Брук написал в форт св. Георгия, убеждая власти форта оказать королю любую возможную помощь. Но Мадрас мог удовлетворить требования Алаунгпаи о предоставлении оружия не в большей степени, чем Пондишери удовлетворял требования монов, по той простой причине, что в Индии назревало обострение борьбы между англичанами и французами.

Однако в тот момент, когда войска Алаунгпаи были задержаны в Дагоне как раз перед наступлением периода влажных муссонов в 1755 году, не было уверенности в окончательной его победе. Он не располагал достаточными средствами осады, с помощью которых можно было бы штурмовать столь силь-

но укрепленные города, как Сириам и Пегу. Серьезные осложнения возникли на севере. Снова начались набеги из Манипура, шаны стали проявлять беспокойство, и возникло опасение, что один из членов старой королевской династии Таунгу, нашедший убежище в Сиаме, замышляет вернуть себе престол своих отцов. Алаунгпая был вынужден возвратиться, чтобы принять соответствующие меры, отлично сознавая при этом, что, как только он уйдет, войска монов попытаются разбить его войска, удерживавшие Рангун.

Так фактически и произошло; однако моны наступали нерешительно и потерпели тяжелое поражение, хотя престолонаследник и Бруно, руководившие монами, получили известную помощь от нескольких английских кораблей, которые пришли в Сириам с торговыми целями, хотя они не были расположены оказать такую помощь. Выяснилось, что один из этих кораблей, «Эркот», принадлежал компании и его самовольные действия причинили серьезные неприятности властям форта св. Георгия, так как, когда Алаунгпая услышал об этом событии, он тут же усомнился в добрых намерениях фактории на Негрэ, которая согласилась вступить с ним в переговоры[1]. Поэтому, когда капитан Джордж Бейкер, направленный Генри Бруком для заключения договора, появился в Швебо, он увидел, что король не склонен прийти к соглашению. Прекрасный подарок — пушка, которую Бейкер привез королю, и обещание снабжать его всеми военными запасами, которые могло выделить поселение на Негрэ, несколько смягчили гнев короля, но самой большой уступкой, на которую он пошел, было обещание возобновить переговоры, когда он вернется в Рангун, чтобы начать операции против Сириама.

Алаунгпая разрешил задачи, заставившие его вернуться на родину, с характерной для него энергией. Карательная экспедиция против Манипура, первая из многих, произвела ужасные опустошения. Сильный отряд войск отправился в шанские государства и принял от них знаки вассальной зависимости. Наместник Юньнани официально признал короля. Затем с большим войском, в котором находились шанские и чинские рекруты, король вернулся в страну монов. В Рангуне младший лейтенант Джон Дайер и доктор Уильям Андерсон встретились с ним и заключили соглашение, по которому за предоставление военных запасов он признавал поселение на Негрэ и давал разрешение на основание фактории в Бассейне. Условия были записаны в королевском письме на золотом листе и направлены королю Англии. Иметь дело с губернатором Мадраса, представлявшим просто торговую компанию, было ниже достоинства Алаунгпаи. Послание было передано по назначению в начале 1758 года через Питта, знаменитого военного министра Англии. К этому времени Ост-Индская компания горько раскаялась в своих поспешных действиях по захвату Негрэ. Уже были отправлены приказы об окончательном уходе из Бирмы.

В феврале 1756 года началась жестокая осада Сириама. Теперь все зависело от того, откликнется ли Пондишери на настоятельные просьбы Бруно о помощи. Если бы направленная на помощь экспедиция, которая наконец была послана, прибыла вовремя, город можно было бы спасти. Первые два корабля, на которых находились экспедиционные силы, прибыли лишь два дня спустя после того, как Алаунгпая в результате неожиданного нападения захватил местность. Третий корабль, посланный из Пондишери, задержался в пути из-за плохой погоды и, прибыв к устью реки, вовремя узнал о падении города и повернул обратно. Два первых корабля, не знавшие о случившемся, получив подложное письмо, которое Алаунгпая заставил написать перед казнью захваченного в плен Бруно, поднялись вверх по реке. Они были посажены на мель бирманскими лоцманами и были вынуждены сдаться. Пушки, мушкеты и снаряжение, которые они везли для монов, были неожиданной находкой для Алаунгпаи; более того, он переманил к себе на службу 200 солдат.

---

[1] «Account of the English Proceedings at Dagoon, 1755», в сборнике Dalrymple, Oriental Repertory, vol. I, p. 177—200.

Алаунгпая мог теперь начать наступление на укрепления Пегу. Город, однако, оказал упорное сопротивление и был взят наконец лишь в мае 1757 года. Во время длительной осады города Алаунгпая обращался к Негрэ с беспрестанными требованиями о предоставлении оружия и угрожал поступить с поселением так же, как с Сириамом, если его требования не будут удовлетворены. Но с упадком французского влияния в Бирме поселение на Негрэ утратило свой raison d'être[1], и в условиях Семилетней войны для англичан стало необходимым сосредоточить свое внимание на опасности, угрожавшей Индии со стороны Франции. Еще в марте 1757 года директора компании отдали распоряжение ликвидировать рискованное предприятие в Бирме. Разумеется, прошло несколько месяцев, прежде чем распоряжение было получено в Мадрасе. Когда же это распоряжение достигло форта св. Георгия, он не смог его выполнить, поскольку все его внимание было поглощено операциями Лалли в Карнатике. Фактически на протяжении всего 1758 года англичанам в этом районе приходилось обороняться, а с декабря 1758 года по февраль следующего года даже Мадрас был осажден французами.

В это время Алаунгпая, окончательно завершив покорение монов, послал повелительный приказ главе поселения Негрэ прибыть к нему в Проме к тому времени, когда он остановится там на обратном пути в свою столицу. Но капитан Томас Ньютон счел неразумным отправиться к королю лично и направил вместо себя младшего лейтенанта Томаса Лестера. Лестер подробно описал свои беседы с королем[2] в дневнике, который является одним из наиболее интересных из многочисленных сохранившихся документов об этом периоде связей англичан с Бирмой. Он нашел, что Алаунгпая был несколько задет тем, что Георг II не ответил на его письмо, написанное на золотом листе и отправленное в предыдущем году. Но одержанная им победа привела его в хорошее расположение духа, и он согласился заключить «договор», по которому признавал право англичан на Негрэ и Бассейн взамен ежегодных подарков в виде оружия, а также обещания предоставить ему военную помощь против его врагов. «Договор», разумеется, не имел никакой цены, так как бирманский король не мог брать на себя подобные обязательства; он мог лишь издавать приказы, но они не были обязательными для его преемника. Показательно в этом смысле, что Этчисон не включил этот документ в свое собрание «Договоров, соглашений и обязательств» Ост-Индской компании[3]. Тем не менее, согласно второй статье «договора», по которой англичанам предоставлялся участок «на берегу реки Персейм, напротив Холма Пагоды и старого города Персейма», в 1757 году в Бассейне фактически была создана фактория, через которую производилась закупка тикового леса.

Так как Мадрас не мог выполнить приказ директоров об эвакуации поселения на Негрэ, выполнение этой задачи легло на плечи губернатора форта Уильяма в Калькутте. Главная операция по эвакуации капитана Томаса Ньютона и гарнизона была выполнена в апреле 1759 года. Но как на Негрэ, так и в Бассейне леса и запасов было значительно больше, чем могли увезти корабли, поэтому для их охраны был оставлен лейтенант Хоуп с небольшим отрядом. Во время холодного сезона 1758—1759 года Алаунгпая отсутствовал в связи с кампанией в Манипуре. Его отсутствие побудило монов предпринять отчаянную попытку сбросить бирманское ярмо. Они перебили бирманцев в нескольких районах, нанесли поражение бирманскому вице-королю и заставили его отступить в Хензаду. Алаунгпае пришлось прервать поход и поспешить в Рангун. Однако, когда он прибыл туда, местные войска уже справились с восставшими. Один армянин, состоявший на королевской службе, передал королю слух о том, что начальник поселения на Негрэ помогал восставшим

---

[1] Raison d'être (*фр.*)—право на существование, смысл.—*Прим. ред.*

[2] D a l r y m p l e, op. cit., vol. I, p. 201—222.

[3] Его комментарии, относящиеся к этому «договору», содержатся в «Treaties, Sanads and Engagement», vol. I, p. 325.

монам. Несколько месяцев спустя бирманские войска неожиданно напали на поселение, перебили служащих и разрушили здания.

В то время полагали, что причиной этого предательского акта была ярость короля по поводу того, что он считал вторым случаем английского вероломства. Но не эту причину указал сам король позднее в беседе с англичанином, уцелевшим во время резни. По его словам, причиной резни было молчание короля Англии, который не ответил на его письмо, в силу чего бирманский король пришел к заключению, что «англичане и компания принимают его и его народ за дураков»[1].

Следует помнить, что слух мог дойти до Алаунгпаи не позже мая 1759 года, а избиение последовало лишь в октябре этого года. Не лишен значения и тот факт, что фактории в Бассейне не был причинен ущерб. Слух был «уткой», намеренно пущенной армянами, которые в то время пользовались любой возможностью, чтобы навредить англичанам, так как они с патологической ненавистью и завистью следили за ростом английского влияния в Индии и в других странах Востока. Как об этом свидетельствуют факты, Алаунгпая был преисполнен решимости устранить англичан с Негрэ. Он хотел установить за ними более непосредственный контроль. Однако добиваться своей цели посредством убийств не входило в его замыслы. Избиение было намеренно задумано и осуществлено французским офицером, командовавшим войсками, посланными для захвата поселения, по-видимому, в качестве мести за те поражения, которые понесла его родина от англичан[2].

Поход Алаунгпаи против Манипура, откуда ему пришлось вернуться в связи с восстанием монов, явился для Манипура одним из наихудших бедствий во всей его истории. Тысячи людей были высланы и поселены в округах Верхней Бирмы — Сагайнге и Амарапуре. С этого времени астрологами при дворе Авы стали манипурские брахманы, и из манипурцев был составлен кавалерийский полк в бирманской армии.

Последним актом в бурной карьере Алаунгпаи было вторжение в Сиам. Разгром монского королевства привел к дальнейшему отливу населения в Сиам, и вследствие этого в пограничных районах постоянно царил беспорядок. Причины, которыми руководствовался Алаунгпая, возобновляя старую вражду с Аютией, были удивительно сходны с теми, которыми руководствовался Байиннаунг в XVI веке. Он надеялся восстановить свой контроль над Чиенгмаем. Кроме того, он, по-видимому, рассчитывал вновь заселить районы дельты путем массового переселения жителей из Сиама.

Таи ожидали его вторжения и сконцентрировали свои силы на западных подступах к столице. Бирманцы, однако, неожиданно напали с юга и захватили их врасплох. Войска Алаунгпаи направились по пути через Тавой к Тенасериму, вышли к Сиамскому заливу и затем проследовали в северном направлении к Аютии, которую и окружили в апреле 1760 года. В следующем месяце король был смертельно ранен при взрыве осадного орудия в то время, когда он направлял огонь батареи. Осада была тотчас же снята, и армия начала поспешно отступать. Алаунгпая умер в Тайкале, на подступах к реке Салуин. Его тело было перевезено в Швебо и погребено там при огромном стечении его опечаленных подданных. Он был великим вождем, пробудившим у бирманцев чувство собственного достоинства после всех тех бедствий, которые они потерпели от манипурцев, шанов и монов. Он также привил им вкус к военной славе, благодаря чему они еще в течение полустолетия были грозой для своих соседей.

Правление сына и преемника Алаунгпаи, Наунгдоджи, было кратковременным и тревожным; при нем часто вспыхивали восстания. Наиболее серьезным было восстание, руководимое одним из военачальников Алаунгпаи, Минкхаунгом Норатхой, который захватил Аву и задумал восстановить династию Таунгу. В самый разгар осады из Индии прибыл капитан Вальтер Алвс, чтобы добиться разрешения вывезти имущество Ост-Индской компании из Бассейна

---

[1] Hall, op. cit., p. 116.
[2] Там же, стр. 119.

и потребовать выдачи многих английских пленных. Новый король стремился к тому, чтобы компания возобновила свои торговые операции в его стране, и отправил Алвса обратно в Калькутту просить власти форта Уильям пересмотреть свое решение об уходе. Но это ни к чему не привело: губернатор Бенгалии имел строгий приказ из Англии покончить с рискованным предприятием в Бирме. Когда Алвс на следующий год вернулся в Бирму, его требования были удовлетворены. С отъездом Алвса отношения между компанией и двором Авы прервались на долгие годы.

Брат и преемник Наунгдоджи — Схинбьюшин (1763—1776) перенес свою столицу из Швебо обратно в Аву. Беспорядки в период правления его предшественника показали, насколько необходимо столицу в Верхней Бирме иметь поблизости от жизненно важного района Чаусхе. И хотя Схинбьюшин возродил планы своего отца о покорении Сиама, он считал, что ни Пегу, ни Рангун, находившиеся в стране недовольных монов, не являются подходящим местом для столицы. Он намеревался воспользоваться северными подступами к Аютии, подчинив страну лао и используя ее как базу для военных операций. Поэтому в 1764 году война началась походами, в результате которых были захвачены Чиенгмай и Вьен-Чанг (Вьентян). В самом начале 1766 года была осаждена Аютия. Она оказала длительное и упорное сопротивление. Когда наконец в марте 1767 года она пала, бирманцы превратили ее в груду развалин. Даже королевские архивы были сожжены. Были вывезены тысячи пленных и огромная добыча. «Король Хантавади (то есть Байиннаунг) вел войну как монарх,— указывает сиамский летописец,— а король Авы — как разбойник».

Но бирманцы снова не смогли удержать Сиам в подчинении. Вторжение бирманцев в Лаос вызвало такое брожение в государствах, граничащих с Юньнанью, что китайцы были вынуждены вмешаться, и между 1766 и 1769 годами Бирме пришлось обороняться от целого ряда нападений китайцев. Это отвлечение сил ослабило власть бирманцев в Сиаме и дало возможность сиамцам под руководством Пья Таксина (Паята, по бирманским хроникам) быстро восстановить свои позиции; пока Бирма напрягала все усилия, чтобы отбросить китайцев, Пья Таксин начал систематическое уничтожение бирманских гарнизонов и к концу 1768 года вновь занял Аютию.

В течение нескольких лет, вплоть до 1764 года, шанские государства находились в состоянии волнения. Гве-шаны из Мадая-Окпо — главные зачинщики восстания 1740 года, которое привело к падению династии Таунгу, причиняли такое беспокойство своими набегами на северные государства, что в 1758—1759 годах сам Алаунгпая послал против них карательную экспедицию. Уцелевшие поселились в Менгми, Хсенви, а также Менглькене — государстве, расположенном за Салуином,— откуда они совершали набеги через китайскую границу. Китайцы начали подозревать, что главной причиной беспорядков являются бирманцы, особенно когда в 1764 году бирманская армия, выступившая против государств лао, прошла через Кенгтунг, который находился в состоянии вражды с Кенхунгом, платящим дань Китаю. Вторжение бирманцев в Чиенгмай и Вьен-Чанг создало такое напряженное положение, что, когда в 1765 году бирманцы послали своего военачальника собирать дань с некоторых мелких салуинских государств, последние обратились с жалобой к Китаю, хотя в требованиях бирманцев не было ничего необычного. В течение столетий эти государства, хотя и находились под защитой Китая, уплачивали обычно дань более могущественным королевствам, расположенным вблизи их границ. Но честолюбивая политика Схинбьюшина вызвала у них тревогу.

Война началась в 1766 году карательной экспедицией, которую направил губернатор Юньнани против крупнейшего шанского государства Кенгтунга, расположенного восточнее других шанских государств, подчиненных Бирме; шанские собвы (вожди) с помощью бирманцев изгнали китайцев. Это поражение нанесло такой ущерб престижу губернатора Юньнани, что он покончил жизнь самоубийством. Поэтому императорский Китай решил жестоко проучить Бирму. В конце того же года, повинуясь полученным из Пекина при-

казам, новый губернатор Янг Инг-чу двинул свои войска по хорошо изведанному торговому пути через Бамо; это, однако, не дало никаких результатов, так как он был задержан бирманскими пограничными войсками в Каунгтоне на Иравади, к югу от города. Прибытие подкреплений из Авы позволило обороняющимся перейти в наступление, и китайцы были отброшены за границу Более крупное бирманское войско проследовало через Мохньин и Могаунг к Вайнгмо, к югу от Мьичины, а затем к реке Наммьин, где оно разбило китайский отряд. Затем оба бирманских войска вторглись на китайскую территорию.

Эти серьезные неудачи снова привели к смене губернатора Юньнани. Теперь вместо Янг Инг-чу пост занял зять императора Минг Юи. Он задумал предпринять наступление на Бирму по двум направлениям, как только закончится дождливый сезон 1767 года. Одно войско должно было вести наступление через Бамо, тогда как главные силы, руководимые самим Минг Юи, должны были проследовать по более южному пути через Хсенви и Хсипо, которым войска маньчжуров воспользовались сто лет назад, преследуя последнего императора династии Мин Чэн Цзу Это наступление чуть не закончилось удачей. Разгромив две группы бирманских войск, Минг Юи достиг Сингаунга, расположенного на расстоянии тридцати миль от Авы; создалось критическое положение (февраль 1768 года). И, хотя крупные силы бирманцев были скованы в Сиаме, третьей армии удалось, пройдя через шанские государства, перерезать коммуникации Минг Юи. Когда последний попытался устранить нависшую над ним угрозу, то оказался в таком трудном положении, что, стремясь выбраться из ловушки, в которую попал, потерял основную часть своего войска. Другое китайское войско, которое должно было прийти к нему на помощь, потеряло драгоценное время, пытаясь преодолеть каунгтонские укрепления, и в конце концов отказалось от этой задачи и отступило по направлению к своим границам. Командующий этим войском, сыгравший свою роль в этом поражении, подвергся ужасной казни в назидание другим. Минг Юи мог спастись, но он, не желая предстать перед лицом императора, предпочел отрезать свою косу и отослать ее императору, а затем покончил жизнь самоубийством.

В 1769 году китайцы предприняли последнюю попытку смыть с себя позор за эти неудачи. Их войско попыталось в третий раз достигнуть Авы, используя путь через Бамо. И снова войско было не в состоянии преодолеть каунгтонские укрепления. Оказавшись не в силах овладеть ими, китайцы построили в Швеньяунгбине большой укрепленный лагерь. Когда бирманцы приступом взяли лагерь и изгнали китайцев, последние запросили мира, и тут же в начале 1770 года был подписан мирный договор. По условиям этого договора, который никогда не был ратифицирован королем Схинбьюшином, китайцы должны были уйти с бирманской территории, торговля должна была возобновиться и каждые десять лет бирманцы и китайцы должны были обмениваться миссиями. Известие о том, что китайцам разрешили возвратиться домой, привело короля в ярость, и победоносные военачальники, опасаясь его гнева, не осмеливались вернуться домой. Чтобы смягчить его гнев, они повели свои войска в наступление на Манипур. Там они одержали решительную победу, в результате которой радже пришлось бежать в Ассам. Затем, возведя на престол Манипура бирманского ставленника, они выслали в Бирму еще тысячи манипурцев.

Каунгтонский договор был мероприятием государственной важности. Снова крупные караваны, состоявшие из сотен нагруженных животных, стали курсировать по «Старой бирманской дороге», а китайско-бирманские отношения приобрели новый характер сердечности, сохранившийся на протяжении правления этой династии и после нее. Бирма была крайне горда этим прекрасным результатом: он стимулировал ее стремление к расширению территории до опасных масштабов.

Конец правления Схинбьюшина не отмечен какими-либо крупными достижениями; в эти годы стала очевидна необходимость перехода к новой политике.

Война с Сиамом, которая прекратилась лишь со смертью Схинбьюшина в 1776 году, приносила бирманцам одни бедствия. Паята изгнал бирманцев из Лаоса, возвратил Чиенгмай и вновь объединил Сиам. В 1773 году внезапно вспыхнуло новое восстание монов, которое показало, насколько непрочной была власть бирманцев на юге страны. Рангун был сожжен, а вместе с ним было сожжено и несколько кораблей, которые строились там французскими кораблестроителями. Когда бирманцы восстановили свою власть и покончили с восстанием, тысячи монов снова бежали в Сиам, где их хорошо приняли. Бирманское войско, преследовавшее их по дороге Трех пагод, было окружено и захвачено в плен сиамцами. В следующем году Схинбьюшин совершил путешествие вниз по Иравади в Рангун. Там он казнил монского короля Бинья Дала, который был взят в плен в 1757 году, когда пал Пегу.

Накануне смерти Схинбьюшина в 1776 году его главный военачальник, Маха Тихатура, потерпел катастрофическое поражение в Сиаме. Сын Схинбьюшина, Сингу, наследовавший престол, решил положить конец войне и приказал бирманским войскам покинуть сиамскую территорию. Это был бездеятельный молодой человек; его тяготили дворцовые порядки, и он проводил время, совершая паломничества к различным пагодам. В 1782 году, когда он находился в одной из своих поездок, в результате дворцовой интриги на престол был возведен младший брат Схинбьюшина, Бадун Мин, более широко известный под именем Бодопая, «короля прадедушки»; под этим именем он упоминается в «Конбаунгской хронике», составленной в годы правления его правнука Миндон Мина.

ГЛАВА XXII

АННАМ И ТОНКИН (1620—1820)

а) Борьба между Чинями и Нгюенами (1620—1777)

Соперничество между Чинями и Нгюенами привело в XVII веке к войне, которая продолжалась свыше пятидесяти лет. Утомительная борьба безрезультатно продолжалась с 1620 по 1674 год. По всем данным, победить должны были Чини. По отчетам христианских миссионеров, они могли собрать сто тысяч человек, пятьсот слонов и пятьсот крупных джонок. Эти цифры вряд ли преувеличены. Война была единственным занятием мандаринов, и вся общественная система страны строилась на военной основе. Однако войско Нгюенов, хотя и меньшее по численности, было лучше снабжено оружием, полученным от португальцев. Нгюены вели оборонительную войну и могли рассчитывать на поддержку своего народа. К северу от Хюэ они построили две большие стены, чтобы преградить доступ с севера, и в течение длительного времени эти стены были серьезным препятствием для войск Чиней. Более того, наличие на севере небольшого княжества Маков, хотя и слабого, являлось постоянной угрозой Тонкину.

Война началась из-за того, что Нгюен-фук-Нгюен[1] (1613—1635), более широко известный современным европейским авторам под именем Шай-Выонг, отнял у столицы доходы, которые приносили Тхань-хоа и Куанг-нам. В 1630 году после длительного периода обороны он перешел в наступление и занял южный Бо-тинь, теперь район Ха-тинь, который в течение многих лет оставался яблоком раздора между обеими сторонами. Этот район был временно отнят тонкинцами у преемника Шай-Выонга, Конг-тхыонг-Выонга (1635—1648), но был снова потерян в 1648 году, когда тонкинцы потерпели серьезное поражение у стены Чыонг-зук, более южного из двух крупных оборонительных сооружений к северу от Хюэ. В 1655 году они предприняли новую попытку вернуть его себе, но это вызвало столь сильную реакцию со стороны Нгюенов, что в следующем году положение Чиней стало тяжелым. Однако Нгюены не могли добиться решительной победы, и борьба шла год за годом, не принося решительного перевеса ни одной стороне.

В 1659 году Чинь-Кан, который двумя годами ранее наследовал Чинь-Чангу, нанес Нгюенам двойное поражение; однако он в свою очередь не смог завершить этот успех решающим ударом. В 1661 году при попытке нанести такой удар он был остановлен у стены Донг-хой и потерпел катастрофическое поражение. После этого наступило временное затишье, продолжавшееся несколько лет, так как Нгюены не могли ответить ударом на удар. В 1672 году Чинь-Кан снова предпринял наступление, и у стен Донг-хой и Чыонг-зук разгорелась жестокая битва. Но в следующем году, убедившись, что сопротивление Нгюенов непреодолимо, он прекратил наступление и бессмысленная борьба закончилась. Свыше столетия в отношениях между Севером и Югом царил мир. Чини сосредоточили свои усилия на укреплении своей власти в Тонкине, а внимание Нгюенов было поглощено расширением своей террито-

[1] Шестой сын Нгюен-Хоанга — основателя княжества Нгюенов; наследовал последнему в 1613 году.—*Прим. ред.*

рии на юг за счет земель тямов и камбоджийцев, а также распространением влияния Аннама.

К концу XVI века португальцы установили регулярные торговые связи как с Аннамом, так и с Тонкином. Они не содержали там факторий, а использовали в качестве базы свое поселение в Макао, в Китае. Они отправлялись в Тонкин, чтобы закупать шелк-сырец для японского рынка, где спрос был так велик, что этот товар стал одним из главных предметов торговли португальцев на Дальнем Востоке. Фай-фо, близ Куанг-нама, был торговым портом владений Нгюенов. Это был скорее рынок, чем город. Когда португальцы начали вести там торговлю, основную часть населения составляли китайцы и японцы, издавна посещавшие эти места; они жили в обособленных кварталах и под управлением своих собственных магистратов. Внешняя торговля Аннама и Тонкина почти целиком находилась в руках иностранцев, которым правители обеих частей страны открывали широкий доступ. Сами туземцы занимались лишь прибрежной торговлей.

В течение XVI века доминиканцы, которые предпринимали энергичные, хотя и безуспешные, усилия распространить свою веру в Камбодже, время от времени появлялись в Аннаме, однако безрезультатно. В XVII веке изгнанные из Японии иезуиты стали рассматривать Индокитай как новое поле своей деятельности. Обычно иезуиты из Гоа или Малакки получали подготовку для деятельности в Японии в колледже общества в Макао. В 1614 году в результате изменения японской политики некоторое число иезуитов оказалось в Макао вне дела. Они охотно приняли предложение португальского купца из Фай-фо о том, чтобы вместо Японии отправиться в этот город. В начале следующего года они стали действовать под руководством неаполитанца Франческо Бузоми, который оставался в стране до 1639 года, пользуясь терпимостью и покровительством Шай-Выонга.

К 1625 году миссия, основанная в Кохинхине (португальское название территории страны, находившейся под властью Нгюенов), оказалась столь многообещающей, что было решено открыть еще одну миссию в Тонкине. Это было осуществлено знаменитым Александром де Родом, который отправился туда в 1627 году; но после довольно успешного начала он был изгнан оттуда в 1630 году Чинь-Чангом.

На протяжении двух столетий, вплоть до запрещения иезуитского ордена в Европе, иезуиты продолжали свою деятельность на вьетнамской земле, часто в условиях жестоких гонений, иногда тайно проживая в Макао и под видом купцов сопровождая португальские торговые корабли. Чини в Ханое были их открытыми врагами, а Нгюены, которые стремились получить помощь португальцев в своей борьбе за независимость, были настроены не столь нетерпимо, хотя и резко враждебно относились к христианской вере. Хиен-Выонг, раздраженный тем, что не получил ожидаемую помощь от европейцев во время походов 1655—1661 годов против Чиней, пресек миссионерскую деятельность и убил многих местных христиан. На протяжении последних десятилетий XVII века происходили избиения местных христиан, сжигались церкви, а миссионеров бросали в тюрьмы.

Ранние миссионеры изобрели *куок-нгы*, латинизацию вьетнамской письменности, которая в настоящее время общепринята во Вьетнаме. Португальский язык, язык торговли, которым пользовались все европейцы в своих взаимоотношениях с вьетнамским народом, придал *куок-нгы* основные ценные свойства. Одной из ранних работ, написанных на нем, был вьетнамский катехизис Александра де Рода, отпечатанный в Риме в середине XVII века.

Именно благодаря деятельности Александра де Рода французы начали миссионерскую деятельность в Индокитае. Его усилия убедить папу предоставить дальневосточным христианам собственную независимую организацию были встречены так враждебно португальцами, что он обратился за поддержкой к французам. Во Франции его предложение вызвало такой энтузиазм, что было создано «Общество зарубежных миссий», как об этом сообщалось в главе XVIII, и в 1662 году это общество избрало базой своей деятельности

Аютию. Оттуда миссионеры направлялись в Камбоджу, Аннам и Тонкин. Вопреки сопротивлению иезуитов и португальцев миссионеры преуспевали, пока их деятельностью руководили Ламбер де ла Мот и Паллю. Но миссионеры добивались успеха, лишь выступая под видом купцов французской Ост-Индской компании. Когда в 1682 году голландцы заставили всех своих европейских конкурентов покинуть Бантам, а вскоре после этого Рим запретил миссионерам заниматься торговлей, французскому влиянию на вьетнамской земле был нанесен жестокий удар. Другой причиной упадка французского влияния был провал вмешательства французов в Сиаме, и в 1693 году восточный приход перешел к испанским доминиканцам в Маниле.

Однако «Общество зарубежных миссий» продолжало свою деятельность на Дальнем Востоке, хотя в XVIII веке оно ощущало серьезный недостаток в людях и средствах. Ссоры между различными миссионерскими обществами стали принимать такие острые формы, что в 1738 году папа Климент XII послал на Восток комиссию по расследованию. В результате расследования было принято решение выделить определенные территории для деятельности каждой из миссий. При этом иезуиты получили Тонкин и северные провинции Аннама, а французское общество получило район к югу от Хюэ. Но местные правители снова стали преследовать миссионеров. Чини устраивали периодические гонения на миссионеров, убивая многих из них. Нгюены были менее жестоки, и хотя в 1750 году почти все миссионеры были арестованы и высланы, некоторые из них, обладавшие познаниями в области математики или естественных наук, были оставлены и определены на государственную службу.

В XVII веке голландцы стали оспаривать у португальцев торговлю Макао с Вьетнамом. Как только голландцы обосновались в Патани и Лигоре, Нгюены, которые всегда стремились получать помощь у иностранцев, пригласили их начать торговлю. Однако вначале главной целью голландцев на Дальнем Востоке была непосредственная торговля с Китаем и Японией. Их первая фактория на территории Нгюенов была основана в 1636 году в Кюи-наме. В следующем году они основали факторию в Тонкине и несколько позднее третью — в Ке-тё. Однако связи голландцев с Тонкином и опасения, что они откликнутся на просьбы Чиней о помощи, вызывали осложнения в их отношениях с Нгюенами. В 1641 году в результате жестокого обращения Нгюенов с командами двух кораблей, потерпевших кораблекрушение вблизи островов Пуло-Чам, голландцы оставили свои фактории на территории Нгюенов и на протяжении нескольких лет вели против них карательную войну. После того как Хиен-Выонг наследовал своему отцу в 1648 году, была предпринята попытка прийти к соглашению. В 1651 году был подписан договор, и в Фай-фо была открыта новая фактория. Но вскоре вновь вспыхнули ссоры, и в 1654 году фактория была закрыта, на этот раз окончательно.

В 1613 году англичане предприняли неудачную попытку завязать торговлю с территориями Нгюенов. Ричард Кокс, глава основанной Джоном Сэрисом фактории в Хирадо в Японии, отправил джонку в Фай-фо с письмом и подарками от Якова I для правителя Хюэ. Но как только агент фактории Вальтер Карворден и его переводчик высадились на берег, они были убиты вьетнамцами. Спустя несколько лет фактория в Хирадо отправила торговую экспедицию в Тонкин, но она также потерпела неудачу. В течение многих лет враждебность голландцев парализовала все попытки начать торговлю. Однако в 1672 году Бантам проявил инициативу и отправил Уильяма Гиффорда открыть факторию в Тонкине. Гиффорд был принят Ле-зя-Тонгом и получил разрешение обосноваться в Хиен-наме. Но фактория так и не добилась успеха и, после того как она была переведена сначала в Ке-тё, а затем в Ханой, была закрыта в 1697 году. Письмо от 1680 года содержит жалобы на безнадежные долги, возвращения которых нельзя было добиться, так как увидеться с королем непосредственно было невозможно, а мандарины забирали все, что хотели, ничего не платя. Имели место обычные затруднения, возникавшие в связи с противодействием голландцев и интригами португальцев, а начальники факторий были, по-видимому, неспособными людьми, и среди служащих царил разлад.

Изгнание англичан из Бантама в 1682 году явилось для фактории ударом, от которого она никогда не смогла оправиться. Однако главная причина неудач заключалась в отношении местного правящего класса, и показательно, что голландцам по тем же причинам не удалось сделать свою факторию прибыльной, и они закрыли ее в 1700 году.

В 1695 году губернатор Мадраса Натаниэль Хиггинсон направил Томаса Боуира в Фай-фо с поручением, которое носило характер разведывательной экспедиции. Как и Эдвард Флитвуд, который был послан в том же году в Аву, Боуир был частным купцом и не имел полномочий заключать соглашения от имени Ост-Индской компании. Его предложения были приняты с таким же недоверием, с каким двор Авы отнесся к предложениям Флитвуда. Боуиру сказали, что если бы компания учредила факторию, то тогда могли бы обсуждаться и соответствующие условия торговли; ему было вручено письмо от Минь-Выонга к Хиггинсону, изложенное в том же духе. Его миссия ни к чему не привела, и вскоре после своего возвращения в Мадрас он был послан в Сириам, чтобы принять на себя управление верфью, открытой здесь в результате миссии Флитвуда.

На протяжении мирного столетия, которое последовало за поражением, нанесенным аннамцами тонкинцам в 1673 году, обе правящие династии продолжали пользоваться неоспоримой властью на своих территориях. На севере Чини продолжали по своему желанию возводить на престол королей и низлагать их. Правление Чиней было твердым и обеспечивало подвластной им территории мир и устойчивое положение. Они унаследовали систему управления, которая действовала должным образом и была значительно более передовой, чем любая другая туземная система управления в Юго-Восточной Азии. Но они многое сделали, чтобы усовершенствовать ее. Чинь-Кыонг (1709—1729) ввел кадастровую опись земель и пересмотрел налоговые списки, изменив тем самым порядок сбора доходов от земледелия и горного дела. Он ограничил власть мандаринов, запретив им создавать деревни, находившиеся исключительно под их феодальной юрисдикцией. Он также усовершенствовал процедуру судопроизводства и смягчил суровость уголовного кодекса. Его преемник Чинь-Зянг (1729—1740) осуществил дальнейшие финансовые реформы путем регулирования торговли солью и эксплуатации рудников. Он стремился ограничить китайское влияние путем обложения китайских поселенцев более высокими налогами, чем вьетнамцев, и запрещения продажи китайских книг. При нем были изданы вьетнамские священные и классические произведения, а также летописи.

На юге Нгюенам в отличие от Чиней пришлось создать новую систему управления, чтобы объединить свои столь различные территории. Как и можно было ожидать, это система управления была весьма схожа с той, которая сложилась при династии Ле. Так, например, цензовая система и метод обложения поземельным налогом, учрежденные Шай-Выонгом (1613—1635), воспроизводили систему и методы, введенные Ле-тхань-Тонгом в 1465 году. Поземельный налог определялся на основе официального обмера площади полей и в соответствии с характером культур и качеством почвы. Хиен-Выонг (1648—1687) учредил управление по сельскому хозяйству, которое классифицировало обрабатываемые земли и поощряло обработку целины. По цензовой системе Шай-Выонга население было разделено на восемь категорий и подушный налог устанавливался в зависимости от категории. Лица, занесенные в две первые категории, были обязаны отбывать воинскую повинность. Большое внимание уделялось армии, которая была построена на территориальной основе. Ее первичной единицей был *тхюен*, представлявший собой взвод, в котором насчитывалось от тридцати до пятидесяти человек, набранных в одной или нескольких соседних деревнях. От двух до пяти *тхюенов* составляли *дой*, или роту. *Дой* в свою очередь соединялись в *ко*, или полк; иногда, хотя и более редко, полк мог состоять из шести, а то и десяти *тхюенов* без разделения на *дой*. Крупнейшим соединением был *зинь*, или армия провинции.

В середине XVIII века, после того как Нгюены распространили свою власть над югом вплоть до дельты Меконга, они разделили свою территорию на двенадцать провинций (*зинь*); во главе каждой из них стояли губернатор (*чан-тху*), казначей (*кай-бо*) и судья (*ки-лук*). Примерно с 1632 года был учрежден мандаринат провинций, членов которых набирали путем экзаменов, организованных по китайскому образцу. В 1675 году Хиен-Выонг, стараясь улучшить эту систему, ввел своего рода экзамен по практическому выяснению знания современной обстановки.

Время от времени Нгюены предпринимали попытки добиться от Китая признания их независимыми правителями. Но каждый раз императорский ответ гласил, что дань не может быть принята, как и не может быть пожалована инвеститура, пока существует законная вьетнамская династия.

После поражения, нанесенного тямам Ле-тхань-Тонгом во второй половине XV века, несколько тямских районов, как было сказано выше, все еще сохраняли свою независимость. На протяжении XVII века эти районы постепенно были присоединены Нгюенами к своим владениям. Они были объединены в два *зиня* — Чан-биен и Тхай-кханг. Однако тямский король все еще продолжал существовать. В 1692 году, несомненно, в знак протеста против той жестокости, с которой вьетнамцы насаждали на юге свою культуру, тямский король Ба Чань поднял восстание. Он был разбит и казнен вместе со всеми своими министрами. Территории, которыми он управлял, были превращены в *зинь* Тхуань-тхань, который позднее был переименован в Бинь-тхуан, и губернатором этой провинции был назначен тямский принц. Но влияние вьетнамцев усилилось, и обращение с тямами было жестоким.

Расширение владений вьетнамцев за счет Камбоджи происходило таким же образом, как это имело место в отношении Тямпы. В страну проникали ссыльные, дезертиры и прочие бродяги. Со временем численность их намного возросла и они смогли образовать поселения, что неизбежно предшествовало захвату. Так, в 1658 году губернатор провинции Чан-биен захватил поселение Мой-сюй под тем предлогом, что король Камбоджи нарушил вьетнамскую границу. Когда король Анг Чан прибег к оружию, он был разбит, захвачен в плен и отправлен в клетке в Хюэ. Там, после того как он принес вассальную присягу, он был освобожден и препровожден в свою столицу. Однако два его брата отказались примириться с таким положением, изгнали вьетнамцев со спорной территории и провозгласили себя королями-соправителями. В 1673 году неизбежные династические распри предоставили вьетнамцам случай вмешаться более эффективно и поставить у власти двух вассальных правителей — одного королем в Удонге и другого королем в Сайгоне.

Район Сайгона, Водная Ченла древнего королевства Кхмер, был соблазнительным объектом для вьетнамцев. Его население насчитывало всего около 40 тысяч семей, и поэтому там имелись обширные незаселенные земли. Правитель Сайгона Анг Нон пытался в 1679 году захватить престол Камбоджи, но его двоюродный брат Анг Сор призвал на помощь сиамцев и нанес ему поражение. В тот момент, когда Анг Нон бежал в Аннам, ища убежища, в Туран прибыла многочисленная флотилия джонок, которая привезла три тысячи китайских беглецов. Это были сторонники разбитой династии Мин, которыми командовали два офицера Ян и Чэнь[1], испросившие разрешение поселиться на территории, подвластной вьетнамцам. Стремясь всеми силами отделаться от них, Хиен-Выонг передал их Анг Нону, который поселил их в своем старом уделе. Чэнь и его сторонники обосновались в Биен-хоа, который они превратили в процветающий сельскохозяйственный центр; Ян отправился в Ми-тхо, расположенный на восточном притоке Меконга, где его сторонники повели более беспокойную жизнь речных пиратов. С помощью последних в 1682 году Анг Нон снова предпринял попытку добиться престола, но после некоторых пер-

[1] Их полные имена Ян Янь-ди (по-вьетнамски Зыонг-нган-Дить) и Чэнь Ань-пин (по-вьетнамски Ча-ан-Винь).—*Прим. ред.*

воначальных успехов потерпел поражение. Несколько лет спустя, будучи не в состоянии справиться с ними, он обратился за помощью к вьетнамцам. Войска Нгюенов разбили пиратов и убили Яна. После этого сторонники Яна были переданы под власть Чэня, главы Биен-хоа. Затем вьетнамцы заставили короля Анг Сора признать верховную власть Нгюенов. После этого похода Водная Ченла перешла под власть Нгюенов, и, когда Анг Нон умер, его сын Анг Ем вынужден был принять вьетнамского наместника, и из его владений было образовано два *зиня.*

Этим не кончилась вьетнамская экспансия за счет Камбоджи. Третий бежавший китайский вождь, Мак Кыу[1], поселился в нынешнем районе Ха-тиен, на берегу Сиамского залива. Сюда устремились колонисты, в результате чего было основано несколько процветающих деревень, в частности Кампот. В 1714 году в Ловеке снова началась борьба вокруг вопроса о престолонаследии, и Сиам, воспользовавшись этим, установил там свой контроль. Китайское поселение в Ха-тиене подверглось нападению, и Мак Кыу бежал в Хюэ. Минь-Выонг (1691—1725) передал ему в наместничество Ха-тиен. Дальнейшие вторжения вьетнамцев в Камбоджу принесли Нгюенам еще две провинции — Динь-туонг и Лонг-хо. В 1735 году, когда умер Мак Кыу, Хюэ передал этот пост его сыну Мак-тхиен-Ты[2], и под умелым правлением последнего Ха-тиен процветал. В 1739 году Камбоджа попыталась восстановить свое господство над этой местностью, но Мак-тхиен-Ты изгнал вторгшиеся войска. Это дало вьетнамцам новый предлог для вторжения в Камбоджу, и Камбоджа добилась мира лишь после того, как в 1749 году отказалась от всех территорий к югу от Зя-диня до рукава Меконга, который пересекает Ми-тхо.

Угроза Сиаму со стороны бирманцев при Алаунгпае (1752—1760) предоставила Нгюенам благоприятную возможность потребовать у Камбоджи новых территорий и получить провинции Бассак и Преапатени. Это был апогей вьетнамской экспансии в Камбоджу. В 1767 году бирманцы захватили и разрушили Аютию; но почти немедленно вслед за этим в результате ряда китайских вторжений бирманцы утратили свою власть над Сиамом, в этот же период в Сиаме появился в лице Пья Таксина вождь, под руководством которого страна быстро восстановила свои силы. В связи с неудачной попыткой Мак-тхиен-Ты возвести своего претендента на сиамский трон Пья Таксин вторгся в его владения, и вскоре сиамский король, разрушив Ха-тиен, попытался посадить на престол в Пном-Пене своего ставленника. Тогда вьетнамцы вторглись в Камбоджу и разбили сиамцев. Но хотя они восстановили на престоле вассала Нгюенов Анг Тонга, последний не сумел удержаться на троне и в 1773 году отрекся в пользу ставленника сиамцев Анг Нона. А Мак-тхиен-Ты заключил мир с Пья Таксином, который вывел сиамский гарнизон с территории Ха-тиена. Теперь все было готово к тому, чтобы Сиам и Нгюены вновь померялись силами в борьбе за господство над Камбоджей, и Анг Нон начал готовиться к отражению нового наступления вьетнамцев. Но на земли Нгюенов обрушилось неожиданное бедствие, и прошло несколько лет, прежде чем вьетнамцы снова оказались в состоянии оспаривать влияние сиамцев в Камбодже.

В 1765 году, когда умер Во-Выонг, его преемником в результате дворцовой интриги оказался двенадцатилетний мальчик, сын наложницы. Власть захватил корыстолюбивый министр Чыонг-фук-Лоан, провозгласивший себя регентом. Он оказался неспособным справиться со стоящими перед ним задачами, и в 1773 году в районе Тэй-шон под руководством трех братьев —Нгюен-ван-Няка, Нгюен-ван-Лы и Нгюен-ван-Хюэ — началось восстание, которое быстро достигло огромного масштаба. Вожди восставших, которые хотя и носили династическое имя Нгюенов, но не имели никакого отношения к правящей династии, захватили город Кюи-нён и разбили высланные против них правительственные войска.

---

[1] Его китайское имя Мо Мэй.—*Прим. ред.*

[2] Его китайское имя Мо Тянь-янь.—*Прим. ред.*

В следующем году положение ухудшилось в результате вторжения Чиней из Тонкина, и в начале 1775 года, пока войска Нгюенов были заняты подавлением восстания, войска Чиней захватили Хюэ. Предпринимая вторжение, Чинь-Шам заявил, что он намерен оказать помощь Нгюенам, но, кроме захвата Хюэ и старой тямской провинции Куанг-нам, его войска не смогли продвинуться дальше. Фактически в течение некоторого времени они вынуждены были обороняться, так как Нгюен-ван-Няк, нанеся новое поражение армии Нгюенов, направил все свои усилия на захват Хюэ. Это ему не удалось, и затем он обратил свое внимание на юг, где его брат Нгюен-ван-Лы был поглощен борьбой за овладение Сайгоном. В начале 1776 года Нгюен-ван-Лы захватил город, но вскоре был изгнан оттуда Мак-тхиен-Ты из Ха-тиена, который выступил на стороне Нгюенов, причем к нему присоединились в Сайгоне уцелевшие члены династии. В 1777 году вожди тэй-шонов вновь захватили Сайгон и взяли в плен Нгюенов, убив троих из них. Единственный оставшийся в живых пятнадцатилетний мальчик Нгюен-фук-Ань, обычно известный под именем Нгюен-Аня, бежал на остров Пуло-Панджанг с помощью французского католического священника Пиньё де Беэна, который позднее сыграл важную роль в восстановлении его на престоле. В то время казалось, что дело Нгюенов потерпело крах. Повсюду, за исключением района Хюэ, укрепились братья тэй-шоны, и Нгюен-ван-Няк даже провозгласил себя императором.

История длительной борьбы Нгюен-Аня за возвращение своего наследства и его взаимоотношений с Пиньё де Беэном будет изложена в следующем разделе. Настоящий раздел мы закончим кратким описанием попыток европейских держав восстановить в XVIII веке торговые отношения с вьетнамскими землями. Англичане покинули Тонкин в 1697 году, а голландцы в 1700 году. Французы все еще были представлены миссионерами, действующими в качестве торговцев. В Кохинхине не было европейских факторий, но португальцы из Макао продолжали посылать сюда грузы фарфора, чая и сплавы цинка с медью и никелем и получать взамен сахар, шелк-сырец и орлиное дерево, тогда как иезуиты по-прежнему оставались активными участниками этой торговли. В течение длительного периода, когда царил мир между двумя соперничающими домами, они не нуждались более в помощи европейцев и потому не предпринимали попыток привлечь европейских торговцев.

Англичане, постоянно стремившиеся найти пункты, где можно было бы закупать китайские товары, в 1702 году основали поселение на острове Пуло-Кондор, расположенном у западной части устья Меконга. В 1686 году французская Ост-Индская компания направила агента в Сиам с целью подыскать место для фактории на пути в Китай. Этот агент сообщил, что так как вся торговля между Китаем, Тонкином, Макао, Манилой и Кохинхиной должна проходить в непосредственной близости от острова Пуло-Кондор, то последний сочетает в себе преимущества Малаккского и Зондского проливов. Обосновавшись там в 1702 году, англичане, как видно, предвосхитили намерение французов занять остров. Но три года спустя их фактория неожиданно закрылась. Макассарские войска, составлявшие гарнизон, недовольные тем, что их задерживали сверх срока, указанного в контракте, взбунтовались и перебили всех европейцев, за исключением двух человек, бежавших в маленькой лодке в Джохор. В 1723 году французская Ост-Индская компания направила своего агента, чтобы осмотреть остров. Он представил весьма неблагоприятный отчет, и, так как было известно, что англичане не намерены возвращаться туда, компания отказалась от своего плана.

Однако французы стремились основать поселение на каком-либо из островов в Китайском море, так как их агенты в Кантоне считали свое положение почти невыносимым. В 1744 году один из кантонских купцов, племянник Дюпле — Фриель, посетил Во-Выонга в Хюэ и получил приглашение начать торговлю. Он отправился в Пондишери, чтобы заручиться поддержкой Дюпле, но война с английской Ост-Индской компанией, которая вспыхнула в результате участия Англии в войне за австрийское наследство, задержала осуществление этого проекта. Однако в 1748 году Дюпле направил агента в Кохинхину. Поч-

ти в то же время Пьер Пуавр обсуждал подобный же план с морским министром в Париже и был направлен на Восток для его осуществления. В 1749 году он прибыл в Туран и проследовал в Хюэ, где был хорошо принят Во-Выонгом, но лишился большей части своих товаров, которые были либо просто разворованы, либо взяты без всякой платы. Его отчет послужил причиной отказа французской Ост-Индской компании от мысли завязать торговлю с землями, подвластными Нгюенам. Однако Дюпле продолжал лелеять этот план; и хотя агент, которого он направил туда в 1752 году — миссионер из «Общества зарубежных миссий»,— был арестован и изгнан Во-Выонгом, он все же послал туда другого агента, но снова безрезультатно. Вследствие отзыва Дюпле во Францию и начала Семилетней войны этот проект опять был отложен на длительное время.

Когда война закончилась, Шуазель попытался вновь вызвать интерес к плану Дюпле, чтобы, по словам Мэйбона[1], «возместить понесенные потери», но ему не удалось получить поддержку. Позже, в 1774 году, Вержен, занявший пост министра иностранных дел после вступления на престол Людовика XVI, обратил внимание на проект. Его рассматривали как путь к освобождению Франции от господства Англии, достигнутого ею в колониальных войнах, путем предоставления Франции возможности препятствовать торговле англичан с Китаем в военное время. В результате этого из Чандернагора был послан корабль, чтобы ознакомиться с положением. Отчет, который командир корабля привез Шевалье, энергичному начальнику Чандернагора, побудил последнего написать во Францию, что обстановка, сложившаяся в Кохинхине, открывает перед Францией блестящие перспективы, если французы выступят в поддержку законного короля Нгюен-Аня. Он предлагал, чтобы политика, «столь счастливо применявшаяся ранее Дюпле в Индии», была применена и в Индокитае.

Почти в то же время подобный же план действия убеждали принять находившегося в Калькутте Уоррена Гастингса, весьма озабоченного ходом событий. В конце 1777 года английский корабль «Румболд», возвращаясь из Китая в Индию, зашел в Туран и взял на борт двух членов дома Нгюенов, стремившихся присоединиться к Нгюен-Аню в Сайгоне. Однако, не сумев войти в реку Сайгон, капитан торгового судна привез своих пассажиров в Калькутту, где они были приняты Уорреном Гастингсом. Им обеспечили возможность вернуться на родину, причем их сопровождал английский агент Чарлз Чапмен, которого направили с тем, чтобы выяснить возможность начать там торговлю. Чапмен проделал рискованное путешествие. Он установил, что братья тэйшоны держат в своих руках всю страну. Чапмен беседовал с Нгюен-ван-Няком, который стремился использовать оба корабля Чапмена в борьбе против Нгюен-Аня, и лишь с трудом Чапмену удалось спасти один корабль от захвата. В 1779 году Чапмен возвратился в Калькутту с весьма оптимистическим отчетом. Он настойчиво советовал вмешаться в дела страны, чтобы восстановить на престоле Нгюен-Аня, и подчеркивал, что если англичане будут вынуждены уйти из Кантона и придется искать другое место, где можно было бы покупать китайские товары, то в Кохинхине их можно купить дешевле, чем в Кантоне. Он указывал на стратегическое значение Туранского залива, который, по его словам, являлся превосходным укрытием для кораблей и хорошей базой, откуда корабли могли бы начинать действия против неприятеля. И, наконец, он предостерегал Гастингса, что Франция также намерена установить свое влияние в этой стране.

Ни Франция, ни Ост-Индская компания не могли уделить внимания этим предложениям: в это время они были слишком поглощены другими делами. Но на этом дело не кончилось, ибо, как уже говорилось, французский пастор Пиньё де Беэн уже сослужил службу бежавшему Нгюен-Аню, и их случайная встреча привела к возникновению дружеских отношений, которые имели последствия огромнейшего значения не только для принца, но также в более отдаленном будущем и для Франции.

[1] Ch. Maybon, Histoire d'Annam moderne, p. 170.

б) Создание империи Нгюенов в Кохинхине, Анначе и Тонкине (1777—1820)

Французский миссионер Пьер-Жозеф-Жорж Пиньё, который помог молодому Нгюен-Аню бежать на Пуло-Панджанг после вторичного захвата Сайгона в 1777 году восставшими тэй-шонами, родился в 1741 году в Беэне (Ориньиан-Тьераш, позднее ставший департаментом Эн). Он обучался в семинарии «Общества зарубежных миссий» и в 1765 году покинул Францию, чтобы начать свою деятельность в Кохинхине. Там он поступил в колледж Хон-дат, в Ха-тиене, основанный миссионерами, которых бирманское вторжение заставило бежать из Сиама. Это было маленькое поселение из жалких бамбуковых хижин, в котором насчитывалось около сорока вьетнамских, китайских и сиамских учеников. Колледж оставляли в покое недолго, так как в 1768 году Пья Таксин пожаловался сыну основателя княжества Ха-тиен—Мак-тхиен-Ты на то, что там нашел убежище беглый сиамский принц, и все миссионеры на три месяца были брошены в тюрьму.

В следующем году китайские и камбоджийские пираты напали на поселение, перебили многих учеников и сожгли постройки. Пиньё с несколькими своими учениками удалось бежать через Малакку в Пондишери. В 1770 году он основал поблизости новую семинарию в Вирампатнаме и во время своего пребывания там был назначен епископом Адранским. Четыре года спустя, после посвящения его в сан папского викария Кохинхины, он отправился в Макао, чтобы набрать персонал для миссии в Ха-тиене, которую намеревался открыть вновь.

В 1775 году он прибыл в Ха-тиен. Мак-тхиен-Ты радушно принял его и разрешил возобновить свою деятельность. О том, каким именно образом он встретился с бежавшим Нгюен-Анем, вьетнамские источники ничего не сообщают, а европейские авторы расходятся во мнениях. По-видимому, молодой принц скрывался в лесу поблизости от семинарии Пиньё в Кан-као в течение сентября и октября 1777 года, перед тем как отправиться на Пуло-Панджанг. В это самое время Мак-тхиен-Ты, сторонник Нгюенов, решив, что все потеряно, бежал из Ха-тиена и в конце концов по приглашению Пья Таксина направился к сиамскому двору.

В то самое время, когда Мак-тхиен-Ты утратил надежду на победу Нгюенов, Нгюен-Ань, узнав, что главные силы армии тэй-шонов ушли из района Сайгона, тайно бежал на материк, соединился со своими сторонниками и вновь овладел городом. Этот успех в большой степени был достигнут в результате усилий преданного сторонника дома Нгюенов — До-тхань-Няна, который после поражения в Сайгоне сформировал новую армию для борьбы на стороне Нгюенов. В течение 1778 года До-тхань-Нян снова проявил способности военачальника, очистив провинцию Зя-динь от войск восставших и уничтожив их флот. Положение начало казаться столь обнадеживающим, что Нгюен-Ань направил в Сиам миссию с предложением заключить договор о дружбе.

Однако события в Камбодже неожиданно задержали осуществление этих планов. В 1779 году мандарины под руководством Му, наместника Бассака, подняли восстание против сиамской марионетки Анг Нона и обратились к Нгюен-Аню за помощью. До-тхань-Нян, посланный в ответ на эту просьбу, помог Му добиться решительной победы, в результате которой Анг Нон был казнен, а на престол был возведен малолетний сын его старого соперника Анг Тонга, Анг Энг, регентом при котором стал Му. Затем До-тхань-Нян возвратился с почестями в Сайгон и направил все свои усилия на усовершенствование военно-морского флота Нгюенов.

Сиам, естественно, не мог допустить, чтобы в Пном-Пене продолжало оставаться создавшееся там положение. В ноябре 1780 года для вторжения в Камбоджу были направлены три армии. Однако в апреле 1781 года, как раз в тот момент, когда, добившись первоначальных успехов, эти армии были готовы встретиться с силами, посланными Нгюен-Анем, пришло известие о помешательстве Пья Таксина и наступление было прекращено.

В такой обстановке Нгюен-Ань на долгие годы лишил себя возможности добиться успеха, убив До-тхань-Няна. Причины этого бессмысленного преступления неясны. Наиболее вероятным является предположение, что этот выдающийся военачальник слишком заслонил собой своего молодого господина. Это убийство было наиболее неудачным актом с политической точки зрения. До-тхань-Нян был единственным военачальником из состоявших на службе у Нгюенов, который внушал страх братьям тэй-шонам. По слухам, старший из них «подпрыгнул от радости», услышав эту весть. Сторонники убитого немедленно же подняли восстание, и позиции Нгюенов были настолько ослаблены, что несколько месяцев спустя братья тэй-шоны снова захватили Сайгон. Пиньё де Беэн бежал в Камбоджу. Нгюен-Ань после отступления с боями в Ха-тиен укрылся на острове Фу-куок. Однако его сторонники продолжали вести партизанскую войну против тэй-шонов.

В октябре 1782 года положение снова переменилось: королевским войскам, руководимым младшим братом Нгюен-Аня — Нгюен-Маном, удалось изгнать восставших из Сайгона. Нгюен-Ань возвратился в город; сюда же вернулся и Пиньё де Беэн. Но положение было весьма неустойчивым, и оба ясно понимали, что, когда начнется неизбежное контрнаступление, надежды удержать город не будет.

Восставшие развернули контрнаступление в начале 1783 года; войска Нгюенов были разбиты, понеся тяжелые потери. Принц Ман был убит. Нгюен-Ань снова направился на остров Фу-куок, но его убежище было открыто, и ему едва удалось бежать от преследовавших его войск и укрыться на острове Ронг в Компонгсомском заливе. Его убежище снова было открыто. Однако судьба еще благоприятствовала ему, ибо, когда остров был полностью окружен флотом тэй-шонов, неожиданно разразился тайфун и среди мрака и смятения ему удалось бежать на другой остров.

Пиньё де Беэн сначала бежал в свою семинарию, но приближение войск восставших заставило его искать убежища в Сиаме. Он прибыл в Чантабун в августе 1783 года и почти немедленно же вслед за этим получил предложение примкнуть к Нгюен-Аню. Вьетнамские хроники указывают, что между ними состоялась беседа, во время которой принц просил епископа добиться помощи французов, чтобы дать ему возможность нанести сокрушительный удар тэй-шонам. Тогда епископ потребовал заложника, и принц отдал ему своего сына Каня, которому едва исполнилось четыре года. Однако на самом деле эта история не так проста, и трудно свести все подробности в единое целое, так как Пиньё де Беэну приходилось в этом деле соблюдать крайнюю осторожность. Как миссионер, он должен был избегать всякого вмешательства в политические дела страны, в которую он был послан, а уже находились люди, выражавшие недовольство его поведением. Больше того, еще до принятия какого-либо решения Нгюен-Ань в начале 1784 года отправился искать помощи у сиамцев. Сиам проявил благожелательное отношение и снабдил Нгюен-Аня войском, с которым тот возобновил борьбу. Его поход, однако, окончился неудачей, и он снова начал подумывать о французской помощи. Дело кончилось тем, что в декабре 1784 года Пиньё де Беэн и принц Кань оставили резиденцию Нгюенов на Пуло-Панджанге, чтобы совершить первый этап своего путешествия, конечной целью которого был Версаль. Вскоре после этого, в апреле 1785 года, Нгюен-Ань со своей свитой отправился на пяти джонках с Пуло-Панджанга в Сиам. Он намеревался, по-видимому, дожидаться там результатов миссии Пиньё де Беэна.

Пиньё де Беэн и его малолетний протеже прибыли в феврале 1785 года в Пондишери, где они увидели, что исполняющий обязанности губернатора Кутансо де Алгрэн крайне враждебно относится к вмешательству в дела Кохинхины, как к делу «крайне трудному и бесполезному, противоречащему интересам нации и разумной политике». Во всяком случае, Пондишери не мог предпринять никаких действий без распоряжений из Франции. Поэтому Пиньё де Беэн просил разрешения отправиться во Францию, и после длительной оттяжки губернатор Коссиньи удовлетворил его просьбу. В июле 1786 года

Пиньё и принц Кань отбыли из Пондишери на борту торгового корабля «Малабар».

Их приезд во Францию в феврале 1787 года вызвал немало волнений в салонах Парижа и Версаля. Малолетний принц стал баловнем светского общества. Пиньё был принят Людовиком XVI и представил министрам свой план экспедиции с целью возвести на престол Аннама Нгюен-Аня. Этот план был отвергнут главным образом потому, что требовал больших расходов. Франция находилась на грани национального банкротства, которое должно было привести к революции. Однако за проект Пиньё ухватились многие влиятельные лица, во главе которых находился Пьер Пуавр, который в 1749 году посетил Хюэ и в течение длительного периода был связан с дальневосточными делами. Но даже при горячей поддержке Пуавра Пиньё удалось добиться лишь обещаний, которые так и остались на бумаге. 28 ноября 1787 года он заключил от имени Нгюен-Аня договор о союзе между Францией и Кохинхиной; были обещаны корабли, войско и вооружение. Взамен Франция должна была получить Пуло-Кондор и территорию в Туранском заливе (залив Да-нанг). Единственным шансом Нгюен-Аня получить жизненно необходимую помощь французов была надежда на то, что Пиньё де Беэн будет назначен французским комиссаром в Индокитае.

В декабре 1787 года Пиньё со своим опекаемым отправился в Пондишери. Они прибыли туда в мае следующего года и задержались там на длительное время. Губернатор де Конвей не пожелал предоставить им какую-либо помощь и ставил всевозможные препятствия, чтобы помешать неугомонному епископу собирать вооружение и добровольцев для своего предприятия. Однако благодаря деньгам, добытым во Франции из разных источников, и помощи, полученной в Пондишери, Пиньё удалось отправить четыре корабля, на борту которых находились припасы и несколько сот добровольцев. Они прибыли в сентябре 1788 года, и вполне своевременно, так как Нгюен-Ань наконец снова захватил Сайгон и нуждался в укреплении своего положения. Полученная таким образом помощь склонила чашу весов в его пользу.

После того как в апреле 1785 года Нгюен-Ань отправился в Сиам, во Вьетнаме произошли важные события. Сделавшись хозяевами Кохинхины, братья тэй-шоны направили свое внимание на Хюэ, который в течение довольно долгого времени находился в руках тонкинцев. В июле 1786 года они заняли город. Одержанный успех настолько воодушевил их, что они решились выступить против самого Тонкина, где Чини все еще сохраняли власть и держали под своим контролем марионеточного императора Ле. С поразительной быстротой тэй-шоны заняли Куанг-чи и Куанг-бинь, нанесли поражение армии, посланной против них Чинь-Кхаем, и заняли Ханой. Затем они принялись за раздел империи; Нгюен-ван-Хюэ взял себе Тонкин и Верхний Аннам, Нгюен-ван-Няк — центральную часть страны с Хюэ, который он сделал своей столицей, а Нгюен-ван-Лы — Кохинхину. Фактически с Чинями еще не было покончено, и война против них продолжалась до конца 1788 года. Когда наконец всякое сопротивление было сломлено, Нгюен-ван-Хюэ провозгласил себя императором в Ханое и последний «праздный король» Ле-ман-Де бежал в Китай.

Нгюен-Ань оставался в Сиаме до августа 1787 года. С отрядами вьетнамских войск он отличился в сиамской войне против Бодопаи, правителя Бирмы. Когда братья тэй-шоны начали свои походы за овладение Тонкином, они ослабили свой гарнизон в Кохинхине, взяв войска из Зя-диня. Король Сиама Рама I предложил Нгюен-Аню помощь, чтобы снова завоевать провинцию. В августе 1787 года Нгюен-Ань тайно отбыл из Сиама в Кохинхину. Вначале он надеялся привлечь на свою сторону губернатора Зя-диня, поддерживавшего тэй-шонов, но его план провалился. Тогда Нгюен-Ань захватил Ми-тхо, превратив его в базу своих операций, и начал собирать силы, чтобы снова завоевать свои наследственные владения. Сначала он развернул наступление против Сайгона. Лишь после крайне ожесточенной борьбы город пал 7 сентября 1788 года. Своевременно подоспевшая помощь, посланная Пиньё де Беэном из Пондишери, позволила ему начать систематические мероприятия по приведению в повино-

вение Кохинхины. Когда 24 июля 1789 года прибыл сам Пиньё, ее завоевание было только что завершено.

Помощь, оказанная французскими добровольцами, была крайне ценной для Нгюенов. Некоторые из них оказали значительные услуги, помогая обучать и организовывать армию и военный флот. Так, Жан Мари Дэйо принял командование военным флотом и превратил его в мощную боевую силу, которая проявила свои качества, разбив флот тэй-шонов в Кюи-нёне в 1792 году. Оливье дю Пюиманель взял на себя обучение рекрутов, а также планировку и строительство укреплений. Сам «великий господин»[1] стал главным министром Нгюена-Аня и ведал его иностранной перепиской.

Однако в течение многих лет окончательный исход борьбы оставался неясным. Только в 1792 году Нгюен-Ань собрал достаточные силы, чтобы пойти на север. В этом году умер Нгюен-ван-Хюэ, который добился того, что Китай признал его императором Аннама. Ему наследовал его сын Нгюен-куанг-Тоан. Наибольшее препятствие представляла крепость Кюи-нён. Вплоть до 1799 года она казалась неприступной, но в этом году она капитулировала перед войсками, которыми командовал принц Кань. Вскоре после этого Пиньё де Беэн умер от дизентерии в возрасте пятидесяти восьми лет. К этому времени победа была обеспечена, хотя предстояла еще тяжелая борьба, ибо тэй-шоны снова захватили город; Кюи-нён окончательно попал в руки Нгюенов только в 1801 году, когда была отбита последняя крупная контратака тэй-шонов.

В дальнейшем события развивались быстро. В июне этого года пал Хюэ, и Нгюен-Ань короновался там как король Аннама. Затем он взялся за завоевание Тонкина. 22 июля был взят Ханой, и дело завоевания было завершено. Незадолго до этого окончательного триумфа, 1 июня 1802 года, Нгюен-Ань провозгласил себя в Хюэ императором Вьетнама и принял имя Зя-Лонг. В Китай было направлено посольство с просьбой пожаловать инвеституру. Инвеститура была пожалована в 1803 году императором Цзя Цином. Он установил, что дань должна уплачиваться каждые два года, а присяга приноситься каждые четыре года. Эти условия точно выполнялись Зя-Лонгом на протяжении всего периода его правления.

Нгюен-Ань почти непрерывно воевал в течение четверти столетия. Но эта борьба возвысила его династию до положения, которого она никогда до того не занимала. Ибо, завоевав Тонкин, он «прибавил королевство сюзерена к владениям вассала и полностью осуществил план, о котором ни один из его предшественников не смел и мечтать»[2]. Церемонией, проведенной 1 июня 1802 года в Хюэ, он основал династию, которая продолжает занимать престол до настоящего времени[3].

Возникшее таким образом новое государство Вьетнам включало три главных района, каждый из которых имел свой административный центр. Старые наследственные владения Нгюенов образовали центральную часть империи. В нее входило девять провинций, пять из которых управлялись непосредственно сувереном. Столица этой части, Хюэ, была также столицей империи. Тонкин, имперский генерал-губернатор которого имел свою административную резиденцию в Бак-тхане, состоял из тринадцати провинций, а в дельте оставались на своих постах прежние чиновники из администрации Ле. Зя-динь на крайнем юге, являвшийся административным центром четырех провинций Кохинхины, был также резиденцией имперского генерал-губернатора (*тонгчана*).

Центральное управление при императоре делилось на шесть министерств: общественных дел, финансов, церемоний, военное, юстиции и общественных

[1] Имеется в виду Пиньё де Беэн.—*Прим. ред.*

[2] M a y b o n, op. cit., p. 349—350.

[3] Последний император династии Нгюенов — Бао-Дай был свергнут с престола Августовской революцией 1945 года. Возвращенный к власти в 1949 году французскими колонизаторами в качестве императора марионеточного Вьетнама Бао-Дай был вторично смещен с престола в октябре 1955 года в результате так называемого «референдума» в Южном Вьетнаме, организованного нынешним главой Южного Вьетнама, американским ставленником Нго-динь-Зиемом.—*Прим. ред.*

работ. Во главе каждого министерства находился председатель, которому помогали два вице-председателя и два-три советника. Главы администрации составляли *нои-как*, или Верховный совет. Генерал-губернатор, управлявший рядом провинций, имел в качестве помощников генерального казначея и начальника юридической службы. Провинции всей империи делились на *чан*, то есть провинции первого класса, и *зинь*, то есть провинции второго класса. Провинции делились на *фу* (префектуры), управлявшиеся *чи-фу*, а *фу* в свою очередь делились на *хюены* и *тяу*. Французские администраторы сравнивали две последние административные единицы с округом и общиной.

Восстановление устойчивого управления после столь длительного периода гражданской войны представляло собой огромную задачу. Однако, подобно Генриху VII Английскому, Зя-Лонг не был новатором. Он использовал старый, привычный порядок управления и освященные многовековой традицией методы. В такого рода обществе, как только искореняется беспорядок, легко происходит процесс приспособления; верховная власть, однако, должна была всегда быть настороже и следить за тем, чтобы соответствующие лица должным образом выполняли свои функции. Царившее повсюду смятение было ярко описано Мэйбоном: «Механизм управления был испорчен или больше не существовал; должностных лиц не хватало, иерархия была уничтожена; налоги не собирались, списки общинной собственности исчезли, документы на право собственности были потеряны; поля заброшены; дороги, мосты и общественные амбары находились в беспорядке; работы в рудниках прекратились. Отправление правосудия было прекращено; каждая провинция стала добычей пиратов; нарушение законов оставалось безнаказанным, и даже самый закон превратился в нечто неопределенное»[1].

Не удивительно, что, имея перед собой столь сложную задачу по восстановлению порядка в стране, Зя-Лонг должен был стремиться к установлению мирных отношений со своими соседями. Возможно, что крупнейшей внешней проблемой для него была Камбоджа. Лишившись своих прежних провинций в результате вьетнамских завоеваний и колонизации в районах, ставших известными европейцам под названием Кохинхины, она представляла лишь бледную тень прежней Камбоджи и с середины XVII века признала верховную власть Нгюенов, правителей Хюэ. В начале XVIII века Сиам начал оспаривать у Хюэ контроль над Камбоджей, причем обе стороны непрестанно искали случая оторвать у нее кусок территории. Правда, стремление Сиама к распространению своей власти на восток было задержано в результате разрушения бирманцами Аютии в 1767 году. Но быстрое восстановление Сиама при Пья Таксине привело сиамцев снова в Камбоджу как раз в тот момент, когда влияние Нгюенов было там подорвано в результате восстания тэй-шонов.

Упадок власти Нгюенов, казалось, предоставлял Сиаму блестящую возможность навязать свою волю Камбодже; однако дела его шли не так хорошо, как можно было ожидать. Тот факт, что уцелел Нгюен-Ань и в 1777 году временно вновь занял Сайгон, дал возможность мандарину Му из Бассака заменить сиамскую марионетку Анг Нона его племянником Анг Энгом. Попытка же Пья Таксина помешать этому была сорвана в результате переворота, который привел его к смерти; на сиамский престол вступил генерал Чакри. Однако почти в то же время, как Нгюен-Ань потерял Сайгон, приверженцы юного Анг Энга утратили контроль над положением, и в Камбодже начались беспорядки. Сиам вмешаться не мог, так как на него возобновил нападение бирманский король Бодопая. Этим воспользовались тэй-шоны, которые вторглись в Камбоджу и захватили большую часть этой многострадальной земли.

Это последнее событие было на руку Сиаму. Король-мальчик Анг Энг, возведенный на престол пронгюеновской группой, был теперь в целях безопасности отвезен в Бангкок; он достиг зрелого возраста при сиамском дворе. В 1794 году он был коронован в Бангкоке и направлен обратно в свою страну в сопровождении сиамской армии под командованием мандарина Бена, губер-

[1] Maybon, op. cit., p. 350.

натора Баттамбанга. Баттамбанг ранее был провинцией Камбоджи, а теперь вместе с соседней провинцией Сиемреап—прежним центром империи Ангкор— попал под власть Сиама.

В 1796 году Анг Энг умер, оставив маленького сына, Анг Чана, родившегося в 1791 году. Однако преемник престола не был объявлен вплоть до 1802 года — того года, когда Зя-Лонг завершил объединение вьетнамских земель. Тогда Сиам официально ввел во владение одиннадцатилетнего мальчика, по-видимому, для того, чтобы опередить Хюэ.

Новое положение во Вьетнаме не могло не отразиться на Камбодже. Советники юного короля, естественно, стремились не допустить, чтобы страна снова стала полем военных действий между Сиамом и Вьетнамом. Поэтому они делали все от них зависящее, чтобы оставаться в хороших отношениях с обоими; как это было характерно для малых государств в этом районе, они платили дань и приносили присягу и тому и другому. В 1803 году Зя-Лонг принял в Ханое миссию с подарками от Камбоджи и в свою очередь послал подарки. Два года спустя Анг Чан попросил разрешения ежегодно приносить присягу верности монарху Вьетнама, и его просьба была удовлетворена.

В 1806 году он отправился в Бангкок для коронации. Это не помешало ему в следующем году направить в Хюэ миссию с данью и просьбой ввести его во владение как вассала Зя-Лонга. Император тотчас направил к нему посла, привезшего инвеституру вместе с печатью из позолоченного серебра с изображением льва. В ответ на это в 1808 году последовала еще одна миссия из Камбоджи с благодарностью за предоставленную инвеституру. Почти не проходило года без обмена миссиями между двумя дворами. Так дело могло бы продолжаться и дальше, если бы неизбежные династические распри не предоставили Сиаму, бывшему постоянно на чеку, желанный повод для вмешательства.

Брат Анг Чана — Анг Сгуон хотел стать вторым королем и получить часть королевства. Когда ему в этом было отказано, он поднял в 1812 году восстание, а Рама II, король Сиама, послал ему в поддержку армию. После этого Анг Чан бежал в Сайгон. В следующем году Зя-Лонг послал такое крупное войско для восстановления Анг Чана, что сиамцы благоразумно отступили, захватив с собой Анг Сгуона. Он поселился в Сиаме и умер там в 1822 году. В качестве гарантии от дальнейших беспорядков в крепости в Пном-Пене был размещен вьетнамский гарнизон.

Ни одна из сторон не допустила, чтобы этот инцидент нарушил те строго корректные дипломатические отношения, которые они поддерживали друг с другом с того момента, когда Зя-Лонг, овладев Тонкином, направил в 1802 году миссию с сообщением об этом факте в Бангкок. Сразу же была послана сиамская миссия, принесшая ему официальные поздравления, и после этого на протяжении всех лет его правления происходил частый обмен посольствами. Правда, отношения никогда не были сердечными, ибо Сиам не терял надежды снова установить свой контроль над Камбоджей. Но он никогда бы не рискнул пойти на столкновение с монархом, который так ярко продемонстрировал свое умение вести войны.

Из французских добровольцев, оказавших столь ценную помощь Нгюен-Аню в его длительной борьбе после 1802 года, у него на службе осталось только четверо: Филипп Ванье, Жан Батист Шеньо, де Форсан и доктор Деспьо. Все они были возведены в высокий ранг мандаринов и пользовались специальными привилегиями. Амьенский договор был подписан в тот год, когда Нгюен-Ань стал императором Зя-Лонгом, и состарившийся теперь Шарпантье де Коссиньи, бывший некогда комендантом Пондишери, убедил Наполеона Бонапарта восстановить дипломатические отношения с Кохинхиной. Однако это не дало больших результатов, так как возобновление войны в Европе и действия английского флота помешали Франции предпринять какие-либо активные шаги в столь отдаленной части земного шара.

Однако после падения Наполеона министр Людовика XVIII герцог Ришелье стремился возродить французскую торговлю в Китайском море, и в

1817 году французские торговые суда, базировавшиеся в Бордо, начали торговать с портами Вьетнама. На одном из них Шеньо вернулся во Францию, чтобы обсудить с Ришелье предложения об установлении официальных отношений с Вьетнамом. Ришелье присвоил ему титул консула и уполномочил вести переговоры о торговом договоре. Однако по возвращении в Хюэ он узнал, что Зя-Лонг умер в феврале 1820 года. Минь-Манг, сын и преемник Зя-Лонга, придерживался совершенно противоположных взглядов на европейцев, чем его отец. В 1825 году Шеньо и Ваннье, последние волонтеры Пиньё де Беэна, покинули Вьетнам и закончили свои дни во Франции.

ГЛАВА XXIII

КОРОЛЕВСТВО ЛАОС
(1591—1836)

В то время как империя, созданная благодаря военной доблести Байиннаунга, находилась в состоянии раздробленности и его сын Нандабайин был глубоко втянут в борьбу с Нaресуеном, правителем Аютии[1], королевство Лаос[2], расположенное далеко в верховьях Меконга, вновь добилось независимости при правлении Нокео Кумане. Он был провозглашен королем во Вьентяне в 1591 году, а в следующем году его войска сломили сопротивление Луан-Прабанга и вновь объединили страну. Небольшое государство Чан Нинь, столицей которого был Чиен Куанг, около «Долины кувшинов», также признало возрожденную мощь королевства Лаос, послав традиционные заверения в верности. Оказавшись зажатым между двумя более сильными государствами — Лаосом и Аннамом, оно платило дань обоим. Важно отметить, что Чан Нинь приносил присягу верности Вьентяну каждые три года, а Аннаму присягал ежегодно.

Нокео Кумане правил только пять лет. Его преемником был брат его жены Вонгса, который принял титул Таммикарата и правил до 1622 года. Правление Таммикарата окончилось печально. Его сын Оупагнуварат приобрел такую широкую популярность и стал оказывать столь большое влияние на правительство, что завистливый отец толкнул его на восстание. Армия поддержала молодого принца, который взял верх над отцом и казнил его. Год спустя он сам исчез, и страна была ввергнута в династические войны, длившиеся до 1637 года. В течение этого периода правило пять королей, но династические летописи настолько бедны, что об этих королях известно очень мало.

Борьба за трон достигла кульминационного момента в 1637 году, когда Сулигна-Вонгса, один из пяти претендентов, нанес поражение своим соперникам и захватил власть. Он оказался сильным человеком, в котором нуждалась раздираемая распрями страна. Во время его длительного правления, продолжавшегося 55 лет, был не только восстановлен мир внутри страны, но и налажены прекрасные отношения с соседними государствами. Его твердое и справедливое правление принесло королевству репутацию сильной страны, что гарантировало ее от возможности нападения какого-либо агрессора. Это позволило ему заключить ряд договоров со своими соседями, по которым были точно определены границы его королевства.

Дошедший до нас ярко написанный отчет о посещении Вьентяна во время правления Сулигна-Вонгсы принадлежит перу голландца ван Вейстхоффа, который в 1641 году отправился туда со своими двумя помощниками из голландской фактории в Пном-Пене. Генерал-губернатор Батавии ван Димен жаждал начать эксплуатацию ресурсов «страны гуммилака и бензойной смолы». Трудное и опасное путешествие вверх по Меконгу длилось с 20 июля по 3 ноября. Купцы были хорошо приняты королем в пагоде Тат Луонг; для них было устроено блестящее празднество с танцами, турнирами и состязанием

[1] См. гл. XIII, раздел *б*.

[2] *Речь идет о королевстве Лан Санг, состоявшем из трех княжеств: Луан-Прабанг, Чан Нинь и Вьентян (последнее автор тоже называет Лаос).—Прим. ред.*

гребцов, что доставило им большое удовольствие. Ван Вейстхоффу были обещаны огромные поставки гуммилака и бензоина. Ван Вейстхофф, на которого все это произвело глубокое впечатление, отбыл 24 декабря, оставив двух своих помощников, которые позже последовали за ним в сопровождении лаосского посла с подарками для ван Димена.

Ввиду непродолжительности пребывания там Вейстхоффа трудно сказать, насколько достоверны его сведения о положении в Лаосе, особенно потому, что рассказ о вступлении на престол Сулигна-Вонгсы совершенно противоречит сведениям туземных источников. Касаясь правительства страны, он называет трех видных министров, разделявших с королем высшую власть в стране. Один из них был главнокомандующим армией и комендантом города Вьентяна. Ван Вейстхофф называет его «Тевиниа-Ассен»; это, очевидно, был Тиан Тала, зять короля, который на самом деле был главным министром. Второй был губернатором Наконе и вице-королем южной части королевства, раскинувшейся до границ Камбоджи. Третий был министром королевского дворца и имел дело с иностранными посланниками. Существовал также верховный трибунал, состоявший из пяти членов королевской семьи, который ведал гражданскими и уголовными делами.

Ван Вейстхофф был первым европейцем, посетившим Вьентян. Его заметки о географии королевства неточны, и он проявил полное невежество в области буддизма. Но в своем дневнике он стремился нарисовать правдивую картину процветания королевства и передать красоту его многочисленных пагод и других культовых зданий. В его описании страна предстает буддийской Аркадией, привлекающей пилигримов со всех концов света.

Другой европеец, пьемонтский иезуит отец Джованни-Мария Лериа, прибыл во Вьентян год спустя после визита ван Вейстхоффа. Он безуспешно пытался получить разрешение открыть христианскую миссию в стране. Несмотря на упорное сопротивление буддийского духовенства, ему удалось прожить там в течение пяти лет. Его мемуары были использованы другим иезуитом, отцом Мерини, который положил их в основу при написании своей книги «Новое и любопытное повествование о королевствах Тонкин и Лаос», опубликованной в Париже в 1666 году. Это неожиданное вторжение европейцев в незнакомые районы верховьев Меконга не привело к каким-либо результатам. Сама река с ее порогами, теснинами и зыбкими песчаными берегами была существенным препятствием для налаживания европейской торговли, а буддизм — для проникновения христианских миссий. По-видимому, только в 1861 году третьему европейскому путешественнику, Анри Муо, удалось высадиться в этом уединенном королевстве и проехать в Луан-Прабанг в фургоне, запряженном волами.

Только одна война нарушила прочный мир, поддерживаемый твердой рукой Сулигна-Вонгсы. В 1651 году князь Чан Ниня отказался отдать ему в жены свою дочь Нанг Кен Чан. После того как предложение было отвергнуто несколько раз, Сулигна-Вонгса послал отряд войск, который, однако, был отброшен. Поэтому в 1652 году была послана более сильная экспедиция, которая захватила столицу Чиен Куанг и вынудила короля покориться. Этот злосчастный инцидент вызвал продолжительную и губительную вражду между двумя государствами, которая продолжалась вплоть до XIX века. За исключением этого, правление самого выдающегося лаосского монарха ознаменовалось главным образом заметными достижениями во всех областях традиционной культуры страны. При нем процветали музыка, архитектура, скульптура, живопись, ювелирное дело, плетение корзин и ткачество.

Но даже такой король, как Сулигна-Вонгса, не мог обеспечить сохранение установленного порядка в стране после своей смерти. Его единственный сын, наследник престола, соблазнил жену главы корпуса королевских пажей — то есть совершил преступление, каравшееся смертью. И, когда королевский трибунал приговорил принца к смерти, его отец отказался вмешаться в действия суда. В результате этого, когда король умер в 1694 году, его прямые наследники, внуки Китсарат и Инта-Сом, были слишком молоды, чтобы править,

и трон захватил главный министр, престарелый Тиан Тала. Шесть лет спустя, в 1700 году, он был свергнут и убит Нан Таратом, губернатором Наконе, который провозгласил себя королем.

Известие об этом государственном перевороте дошло до одного из принцев королевского двора, проведшего всю свою жизнь в ссылке в Хюэ, который с 1696 года пытался добиться помощи вьетнамцев для завоевания королевства Лаос. Это был Сай-Онг-Хюэ, сын Сом-Пу, старшего брата Сулигна-Вонгсы, который потерпел поражение в борьбе за трон в 1637 году. В 1700 году с вьетнамскими войсками и значительным отрядом своих приверженцев, собранным в Чан Нине, он напал на Вьентян, захватил город, казнил узурпатора Нан Тарата и объявил себя королем.

Когда Тиан Тала в 1700 году был свергнут, два внука Сулигна-Вонгсы, Китсарат и Инта-Сом, спаслись бегством в Луан-Прабанг; Сай-Онг-Хюэ, отняв трон у Нан Тарата, послал своего сводного брата Тао Нонга править Луан-Прабангом от своего имени. Два молодых принца не в силах бороться, бежали в Сипсон Панна, где их двоюродный брат Кхамоне-Нои, правивший там, взял их под свою защиту. В 1707 году с армией в 6 тысяч человек, возглавляемой Кхамоне-Нои, они изгнали Тао-Нонга из Луан-Прабанга. Затем Китсарат был провозглашен королем и послал Сай-Онг-Хюэ ультиматум, в котором говорилось, что отныне лаосские провинции севернее Чиан Кханга образуют отдельное независимое королевство. Сай-Онг-Хюэ, занятый прежде всего укреплением своей власти в южных провинциях, не был в состоянии возражать против такого решения вопроса.

Некогда мощного королевства Сулигна-Вонгсы больше не существовало. С 1707 года Луан-Прабанг и Вьентян стали столицами двух отдельных, враждующих между собой государств. Каждое было серьезно ослаблено тем, что другая сторона постоянно выискивала благоприятный момент для восстановления былого единства и в своих целях стремилась заручиться помощью со стороны соседей — Бирмы, Сиама или Аннама, каждое из которых в следующем столетии раньше или позже встало на путь захватов.

Вьентян при Сай-Онг-Хюэ (1707—1735) с самого начала испытывал трудности. Чан Нинь отказался принести присягу в феодальной верности. Поэтому была послана армия, чтобы оккупировать Чиен Куанг. Король бежал, и на трон был возведен его младший брат. Но как только войска Вьентяна были отозваны, свергнутый король вернул свой трон. Затем он решил пойти на хитрость и формально подчинился Сай-Онг-Хюэ. В Бассаке и провинциях на дальнем юге Сай-Онг-Хюэ был менее удачлив. Чао-Сой-Сисамут, правивший там с 1713 по 1747 год, имел тесные связи с Сиамом и Камбоджей, и Сай-Онг-Хюэ, занятый династическими беспорядками в Луан-Прабанге, оставил его фактически независимым.

В 1735 году Сай-Онг-Хюэ наследовал его сын Онг-Лонг, без борьбы занявший трон. В период его двадцатипятилетнего правления произошли великие потрясения в Бирме, Сиаме и Луан-Прабанге, но Онг-Лонгу удалось успешно проводить политику «безопасность прежде всего». Когда бирманский завоеватель Алаунгпая, сокрушив независимое королевство монов Пегу, двинулся на восток, пытаясь возродить политику Байиннаунга, Онг-Лонг спас свое королевство от нашествия, оказав помощь бирманским войскам, которые поставили Луан-Прабанг на колени.

Однако ему причинял беспокойство Чан Нинь. Это была старая история: Чан Нинь отказался платить дань, за которой последовало вторжение вьентянской армии. Однако на этот раз вмешался Аннам и приказал соперникам прекратить борьбу. Онг-Лонг поэтому вывел свои войска и пригласил короля Чан Ниня — Чом Пу на переговоры. Чом Пу, подозревая ловушку, тянул три года, прежде чем решился встретиться со своим сюзереном. Когда, наконец, он отправился, то был схвачен и заключен в тюрьму в Вьентяне. Аннам снова вмешался в 1760 году; Онг-Лонгу было приказано освободить узника, что он и сделал. В течение оставшихся лет своего правления Чом Пу регулярно платил дань и каждые три года лично приносил присягу верности.

Онг-Лонг умер как раз незадолго до снятия бирманцами осады Аютии, что произошло вследствие смертельного ранения Алаунгпаи. Сын Онг-Лонга Онг-Боун продолжал политику поддержки Бирмы, проводившуюся его отцом. Сначала все шло хорошо. Король Схинбьюшин сокрушил попытку Луан-Прабанга восстать и в 1767 году разрушил Аютию. Но его собственное королевство подверглось вторжению китайцев, и он лишился не только Сиама, но также Чиенгмая и Луан-Прабанга. Вьентян оказался теперь в страшной опасности. В 1771 году на него напал Луан-Прабанг. К счастью для него, Схинбьюшин к тому времени избавился от китайских завоевателей, заключив с ними Каунгтонский мир (1770), и смог послать значительные силы, которые нанесли поражение Луан-Прабангу.

Но Пья Таксин в борьбе за возрождение власти Сиама и изгнание бирманцев из лаосских государств добивался все больших успехов, несмотря на попытки Схинбьюшина вернуть земли, потерянные во время борьбы с китайцами. Поэтому, когда в 1774 году Инта-Сом, правитель Луан-Прабанга, вступил в союз с Пья Таксином, для Вьентяна единственным верным выходом был разрыв союза с бирманцами и заключение соглашения с Сиамом. Однако Онг-Боун принял безрассудное решение, отказавшись повиноваться, и в результате потерял все. В 1778 году Сиам воспользовался удобным предлогом для вторжения во Вьентян. После нескольких месяцев осады генерал Чулалок захватил город и приступил к военной оккупации страны. Онг-Боуну удалось спастись и бежать за пределы страны.

В 1707 году, когда Тао-Нонг, сводный брат Сай-Онг-Хюэ, был изгнан из Луан-Прабанга Китсаратом и Инта-Сомом, он увез с собой во Вьентян знаменитую прабангскую статую «Изумрудного Будды» (высеченную из зеленой яшмы), в честь которой был назван город. В 1778 году генерал Чулалок привез ее в сиамскую столицу. Со временем, когда в Бангкоке был построен первый королевский дворец, рядом с ним был воздвигнут и современный храм для статуи. Это была не единственная добыча, увезенная из разграбленного города. Согласно Вуду[1], в этом городе сиамцы соперничали с бирманцами в «жестокостях».

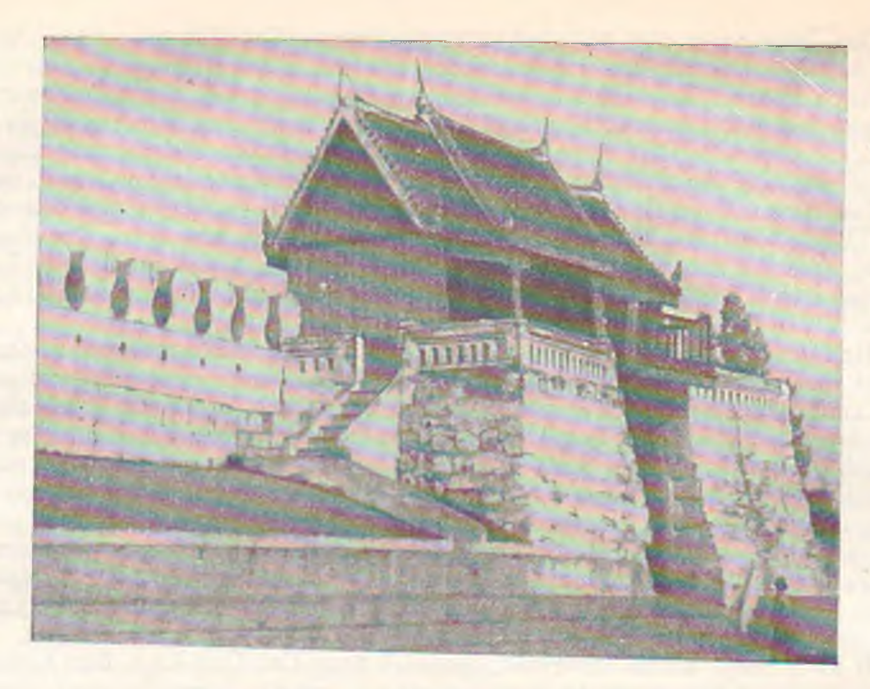
В 1782 году, когда Пья Таксин сошел с политической арены и генерал Чакри захватил сиамский трон, бежавший Онг-Боун официально подчинился ему. Затем Онг-Боуну было разрешено вернуться во Вьентян, и его старший сын Чао-Нан был поставлен во главе правительства Вьентяна в качестве вассала Сиама. В 1791 году молодой правитель поддался соблазну вмешаться в династические распри в Луан-Прабанге. Он добился блестящего успеха, взял город приступом и аннексировал кантоны Хуа Пан. Однако поведение Чао-Нана очень не понравилось его сюзерену Раме I. Поэтому по возвращении домой он был смещен и заменен своим младшим братом Чао-Ином (1792—1805).

Чао-Ин оставался на протяжении всего своего правления лояльным вассалом. Он помог сиамцам изгнать бирманцев из Чиенгсена. Его брат, упахат Чао-Ану, отличился в войне и получил поздравления бангкокского двора. Поэтому, когда в 1805 году скончался Чао-Ин, Сиам сразу признал Чао-Ану королем.

Чао-Ану был человеком выдающихся способностей, но его непомерное честолюбие принесло стране величайшее несчастье, какого она не испытывала в течение всей ее истории. Военная доблесть, проявленная Чао-Ану в Чиенгсене, завоевала ему любовь сиамцев. Его великой целью было освобождение своей страны от подчинения Бангкоку. В течение многих лет он ловко скрывал это, укрепляя свое положение и украшая столицу. В 1819 году Чао-Ану подавил восстание кха в Бассаке и добился для своего сына Чао-Нго места губернатора этой провинции. Затем он заставил Чао-Нго укрепить Убон под предлогом, что эта мера предусматривает защиту Сиама. Чао-Ану послал заверения в верности императору Аннама Зя-Лонгу, а в 1820 году предложил

---

[1] W o o d, History of Siam, p. 268.



Ворота и древняя городская стена в Корате.

Луан-Прабангу заключить секретный союз против Сиама. В своем чудесном новом замке в Сисакете, воздвигнутом в 1824 году, он дважды в год устраивал большие приемы всех своих вассалов, на которых они приносили ему феодальную присягу.

В 1825 году Чао-Ану отправился в Бангкок, чтобы присутствовать на церемонии погребения Рамы II. Там он попросил репатриировать лаосские семьи, высланные в Сиам во время войн предыдущего столетия. Было заведомо ясно, что на эту необоснованную просьбу ответят отказом. Она была выдвинута лишь для того, чтобы получить удобный предлог для свершения чрезвычайно опасного шага — отказа от вассальной верности своему сюзерену. В следующем году в Бангкок прибыл капитан Генри Барни для ведения переговоров о заключении договора с Англией. Когда он находился в Бангкоке, до Вьентяна дошли совершенно необоснованные слухи о том, что переговоры сорваны и британский флот почти уже угрожает Бангкоку. Чао-Ану сразу же решил, что настал момент покончить с зависимостью от Сиама силой оружия.

Его неожиданное выступление застало сиамцев совершенно неподготовленными. На Бангкок начали движение одновременно три армии: одна из Убона, под командой Чао-Нго, вторая во главе с упахатом Тиссой — из Района и третья, возглавляемая самим Ану,— из Вьентяна. Ану удалось продвинуться до самого కората, используя простую хитрость: он объявил, что идет на помощь королю Сиама, чтобы отбить нападение англичан. Авангард его армии даже угрожал Сарабури, находившемуся на расстоянии трехдневного перехода от столицы.

Однако сопротивление сиамцев вскоре стало усиливаться, и быстрое продвижение Ану кончилось. Его авангардные части были отброшены к Корату, и сиамцы использовали полученную таким образом передышку для набора большой армии, во главе которой был поставлен генерал Пья Бодин. Когда эти войска подошли к Корату, они не встретили сопротивления: Ану со своими войсками отступил в северном направлении. Это решение было, видимо, принято в результате неожиданного разгрома одного из его отрядов мародеров небольшим сиамским отрядом на Самритской равнине.

Пья Бодин, удерживая инициативу в своих руках, приступил к систематическому осуществлению военных действий, которые начались штурмом Убона

и пленением Чао-Нго и закончились в 1827 году решающей битвой при Нонг-Буа-Лампоне, где после отчаянного сражения, длившегося семь дней, сиамская армия форсировала Меконг. Это было концом борьбы. Ану бежал в непроходимые джунгли, откуда напрасно взывал о помощи к Чиенгмаю, Луан-Прабангу и Чиен Куангу. Сиамцы полностью сожгли Вьентян. Затем они начали методично разорять все королевство, сгоняя население, чтобы заселить те районы своей собственной страны, которые ранее подверглись такому же обращению со стороны бирманцев.

Это был конец королевства Вьентян. В 1828 году Ану, преследуемый сиамцами в Аннамских горах, появился в Хюэ, и император Минь-Манг обещал помочь ему вернуть королевство. Однако бо́льшая часть войск, с которыми Ану отправился в обратный путь, дезертировала по дороге. Как только он прибыл в свою разрушенную столицу, приближение сиамских войск вынудило его вновь бежать — на этот раз на территорию Чан Ниня. Поэтому король Чао-Ной должен был выбирать, кого обидеть — Сиам или Аннам; а так как сиамские войска непосредственно угрожали его стране и он сам унаследовал традиционную ненависть своей семьи по отношению к правителям Вьентяна, он схватил беглеца и передал его Сиаму.

Ану скончался в Бангкоке в 1835 году после четырехлетнего заключения. Паллегуа утверждает, что он был выставлен в железной клетке и в конце концов умер от перенесенных страданий. Однако имеются другие сведения, противоречащие этим утверждениям, и вопрос остается нераскрытой тайной. Аннам обрушил свою месть на Чао-Ноя, правителя Чиен Куанга,— эта месть была быстрой и безжалостной. Вызванный в Хюэ для объяснения своего поведения, Чао-Ной пытался смягчить гнев Минь-Манга, направив посла с богатыми подарками. Но это не помогло. Вьетнамские войска схватили Чао-Ноя и отправили в Хюэ, где он был публично казнен. Его королевство Чан Нинь стало префектурой аннамской империи.

Историю королевства Луан-Прабанг после 1707 года можно изложить более кратко. В первые годы происходили династические распри в результате попыток Инта-Сома прогнать с трона сначала своего брата Китсарата (1707—1726), а затем своего двоюродного брата Кхамоне-Ноя (1726—1727). Кхамоне-Ной был интересной личностью, авантюристические похождения которого все еще являются предметом многих сказаний. Он был страстным охотником. Во время одной из его отлучек на охоту Инта-Сом, которому он неосторожно разрешил жить в полной свободе в столице, несмотря на имевшую место попытку захватить трон, устроил дворцовый переворот и объявил себя королем. Кхамоне-Ной, узнав о случившемся, отправился попытать счастья в Чиенгмай, который за десять лет до этого восстал против Бирмы. Он установил свою власть над королевством, разбил бирманскую армию, посланную против него в 1728 году, и был коронован.

Правление Инта-Сома длилось долго, до 1776 года. Этот период отличался полным спокойствием внутри страны. Однако вне страны Инта-Сом столкнулся с серьезными опасностями. Его изоляция вынудила его вступить в дипломатические отношения с Китаем. Хроники его правления придают большое значение двум посольствам, посланным в Пекин в 1729 и 1734 годах. В 1750 году Аннам потребовал уплаты дани и, когда требование было отклонено, послал войска, чтобы собрать ее. Однако войска были изгнаны из страны, и конфликт на этом закончился. Это проявление слабости объясняется внутренними волнениями в Аннаме, вызванными тем фактом, что короли династии Ле утратили всякий контроль над делами государства.

Но самая большая опасность появилась после возрождения бирманского могущества при Алаунгпае (1752—1760) и его преемниках. Луан-Прабанг, как мы уже видели, был вынужден подчиниться в 1753 году и представить большое число заложников, включая Тяо-Вонга — сына Инта-Сома. После смерти Алаунгпаи Инта-Сом безуспешно пытался восстановить независимость своей страны. Но китайское вторжение в Бирму и победы Пья Таксина в Сиаме создали более благоприятную ситуацию, и Инта-Сом не только отказался от под-

чинения Бирме, но в 1771 году отважился напасть на Вьентян — бирманского союзника. Бирманские войска нанесли ему поражение в битве при Муонг Касси и освободили осажденный город, но вернулись обратно, не сделав ничего для восстановления бирманского сюзеренитета над Луан-Прабангом.

Это придало храбрости Инта-Сому, и он решил связать свою судьбу с Пья Таксином: в 1774 году он вступил с ним в оборонительный союз против бирманцев. Инта-Сом необдуманно зашел слишком далеко: когда в 1778 году сиамцы захватили Вьентян и лишили его независимости, они потребовали от его сына, Сотика-Кумане (1776—1781), принятия таких условий, которые низводили Луан-Прабанг также до положения зависимого государства.

В 1781 году Тяо-Вонг, младший брат Сотика-Кумане, заставил его отречься в свою пользу. Шесть лет спустя новый король преждевременно скончался, не оставив наследников, и на протяжении четырех лет в стране происходила непрерывная борьба между оставшимися братьями. Это, как мы видели выше, дало повод для вторжения Чао-Нана, правителя Вьентяна. Один из враждующих братьев Анурут (второй сын Инта-Сома) организовал сопротивление вторгшимся войскам, но ему не удалось спасти город. После падения Луан-Прабанга он бежал в Бангкок, где в течение двух лет (1791—1793) жил как государственный пленник.

Тем временем король Чао-Нан, устроив грандиозную резню в Луан-Прабанге, депортировал много семей и возвратился домой. Он продолжал бы свою захватническую политику и дальше, если бы не боялся навлечь на себя гнев своего сюзерена. В своей политике он, однако, зашел слишком далеко и в результате был смещен и получил приказ жить в Бангкоке. Вскоре после его прибытия бежавший туда Анурут был освобожден по требованию императора Китая и вернулся править Луан-Прабангом. Там он занялся восстановлением разрушенного города и совершал деяния, достойные буддиста. В 1817 году он отрекся в пользу своего сына Манта-Турата.

Новый король, который был уже не молод (он родился в 1775 году), довольствовался тем, что следовал по стопам своего отца и правил спокойно. Он был достаточно осторожным, чтобы не дать себя втянуть в антисиамский союз, замышляемый Ану— правителем Вьентяна. Однако победа сиамцев над Ану и падение Вьентяна заставили его попытаться несколько изменить свою политику. Поэтому в 1831 и снова в 1833 году он послал миссии в Хюэ, обещая принести вассальную присягу и выплачивать традиционную дань в золотых и серебряных цветах, от чего так грубо отказался его дед в 1750 году.

Но все это было бесполезно. Сиамское иго прочно лежало на его плечах, и Минь-Манг, правитель Хюэ, благоразумно «положил под сукно» письма, привезенные послами. Однако год спустя они были находкой для французов, когда те искали предлога, чтобы расширить свою власть от Аннама до лаосских государств по ту сторону Меконга.

Когда Манта-Турат умер в 1836 году, на его кремацию прибыл представитель сиамского короля и публично заявил о сюзеренных правах Сиама. Сын Манта-Турата — Сука-Сеум, назначенный преемником, находился в то время в Бангкоке в качестве заложника. Он был задержан там на значительное время, ожидая три года официальной инвеституры от короля Сиама и разрешения возвратиться в свою страну.

ГЛАВА XXIV

СИАМ С 1688 ПО 1851 ГОД

Узурпатор Пра Петрача, спасший свою страну от закабаления ее Францией, правил пятнадцать лет[1]. Это были беспокойные годы. Страна пребывала в состоянии постоянных смут, охвативших ряд ее районов. Волнения начались в 1690 году, когда некий самозванец, выдававший себя за брата короля Нарая, предпринял опасную попытку захватить Аютию. Большую поддержку ему оказали районы Након Найок, Лопбури и Сарабури. Но во время нападения на Аютию слон под ним был убит, а сам он ранен и захвачен в плен, после чего его сторонники разбежались. Поражение самозванца вызвало такую панику в повстанческих районах, что оттуда началось массовое бегство в Бирму. В следующем году восстали правители двух провинций: правитель Кората — на северо-востоке и правитель Након-Сритамарата — на Малаккском полуострове. Вначале были предприняты действия против восстания в Корате. После многих неудач город удалось захватить благодаря применению нового способа — запуска над городом воздушных змеев с подвешенными к ним горящими факелами, которые поджигали крыши домов. Восставший правитель бежал и примкнул к повстанцам Након-Сритамарата, которые подверглись нападению в 1692 году и также были покорены, хотя и с большим трудом. Правитель Кората был убит в начале боевых действий. Правитель Након-Сритамарата — малаец, старый друг адмирала, командовавшего королевским флотом, после того как дальнейшее сопротивление стало невозможным, убил свою жену и остальных членов семьи и бежал на судне вместе с пятьюдесятью сообщниками при попустительстве своего друга. За это адмирал поплатился своей жизнью; его голова была выставлена над городскими воротами.

В 1699 году в Корате вспыхнуло новое восстание. На сей раз его возглавлял маг, который, имея всего лишь 28 сторонников, прежде всего полностью терроризировал правителя и народ своими волшебствами. Спустя некоторое время его уговорили перейти в Лопбури, куда он ушел с войском в три тысячи человек. Оказавшись под угрозой атаки королевских войск, повстанцы выдали своего вождя и 28 его сподвижников, и в результате движение было подавлено.

В 1700 году в Лаосе разгорелся серьезный спор из-за наследства, который в конечном счете привел к разделу королевства на две взаимно враждующие части, управлявшиеся из Луан-Прабанга и Вьентяна. Нгюены из Хюэ помогли одному из претендентов занять трон Вьентяна, но с условием, что он признает себя их вассалом. Согласно сиамской версии, Сиам тоже оказал помощь претенденту на трон Вьентяна, за что в Аютию была направлена принцесса, которая стала женой упарата[2]. С тех пор Вьетнам и Сиам стали соперничать за установление господства над Лаосом.

Упарат, который наследовал трон отца в 1703 году, известен в сиамской истории под именем Прачао Сыа —«Король-тигр». Это был жестокий и развра-

---

[1] Мнения относительно даты его смерти расходятся; в «Понгсавадане» указан 1697 год. См. W o o d, History of Siam, p. 223, No. 2.

[2] Сравните с точкой зрения Буланже (Le B o u l a n g e r, Histoire du Laos Français, p. 130—135) и Вуда (W o o d, op. cit., p. 222—223).

щенный тиран, о выходках которого сохранилось много рассказов. В течение его правления не произошло ничего, достойного упоминания.

В следующее правление, правление старшего сына Прачао Сыа—Таи Сра (1709—1733), были предприняты огромные усилия, чтобы остановить растущее влияние Хюэ в Камбодже. В 1714 году король Пра Среи Тхомеа, названный сиамцами Сри Таммарача, был изгнан из столицы своим дядей Кео Фа, которому помогали вьетнамские и лаосские войска. Король и его младший брат бежали в Аютию. В 1715, а затем в 1716 году сиамские войска, направленные для восстановления их прав, были разбиты. В 1717 году в Камбоджу вторглись две большие сиамские армии. Одна, поддерживаемая большим флотом, развернула свои действия в прибрежных районах, другая выступила по суше против Удонга — столицы Кео Фа. Первую армию постигло бедствие — одно из крупнейших бедствий в истории Сиама, как говорит Вуд[1], который усматривает причину бедствия в неспособности и трусости командира армии. Флот, говорит он, потеряв несколько кораблей, впал в панику и ушел в открытое море, оставив армию на произвол судьбы. Однако, согласно вьетнамскому источнику, флот после захвата Ха-тиена погиб во время шторма[2]. Северная армия, нанеся поражение камбоджийцам в ряде сражений, создала угрозу их столице. После этого Кео Фа признал вассальную зависимость от Сиама и был оставлен на своем троне. Очевидно, он хотел этим добиться помощи Сиама в борьбе против Хюэ, экспансионистская политика которого за счет Камбоджи обходилась последней слишком дорого. Однако Сиам не предпринял никакой попытки помочь ему, и Нгюены продолжали захватывать провинции Камбоджи.

Таи Сра умер в 1733 году. После его смерти между его младшим братом — упаратом и его вторым сыном, принцем Апаи, началась борьба за трон. Победил упарат, принявший титул Махатаммарача II, которого обычно называют королем Боромокотом. Он жестоко отомстил своим противникам, но затем правил так мирно, что его правление, длившееся до 1758 года, в сиамской исторической литературе описывается как золотой век.

В период правления Боромокота в Бирме развивались драматические события. Восстание монов в 1740 году вынудило бирманских губернаторов Мартабана и Тавоя бежать в Аютию. В результате были установлены дружественные связи с Авой, и в 1744 году впервые за более чем столетний период в Аютию было направлено бирманское посольство. Ранее Боромокот отказался выдать свою дочь за монского короля Смим То (в сиамском варианте — Самин То), и теперь бирманцы надеялись на помощь Сиама в подавлении восставших монов. Но, несмотря на то, что в 1746 году в Аву была отправлена ответная сиамская миссия, Боромокот сохранял строгий нейтралитет. В следующем году, лишившись трона, Самин То бежал в Чиенгмай. Согласно Вуду[3], там он набрал армию, с которой безуспешно пытался вернуть свой трон. После этого в 1750 году он отправился в Аютию. Но Боромокот не помог ему и в конце концов посадил его на китайское судно, отплывавшее в Китай. Самин То высадился в Анналме и вернулся в Чиенгмай. В 1756 году он с небольшой группой сторонников предложил свои услуги Алаунгпае, который обезопасил его, посадив под стражу, где он пробыл два года, вплоть до своей смерти.

Боромокот был миролюбивым монархом и большим приверженцем буддизма. В 1756 году король Канди[4] попросил его прислать делегацию буддийских монахов для восстановления чистоты цейлонского буддизма. На Цейлон была отправлена миссия в составе пятнадцати человек во главе с монахом Упали. Об успехе этой миссии говорит то, что основанная ею секта, известная под названием Упаливонг, или Сайамвонг, стала крупнейшей на Цейлоне.

---

[1] Wood, op. cit., p. 228.

[2] Maybon, op. cit., p. 124.

[3] Wood, op. cit., p. 235.

[4] Хотя король Кирти Сой был индийцем, он был горячим сторонником религии своего королевства. Обнаружив разложение буддийской религиозной иерархии, он послал делегации как в Бирму, так и в Сиам, прося прислать монахов, с помощью которых он мог бы стимулировать религиозное возрождение.

Перед своей смертью в 1758 году Боромокот назначил упаратом своего второго сына принца Утумпона, предпочтя его старшему сыну. Однако новый король оказался в таком трудном положении, что ушел в монастырь, оставив трон брату, который короновался, приняв имя Бороморачи (1758—1767). Ему суждено было стать последним королем, правившим в Аютии. Год спустя после его восшествия на престол в Сиам вторгся Алаунгпая и осадил столицу. Формальным поводом для нападения послужил отказ Сиама выдать повстанцев-монов, нашедших убежище на его территории, но Алаунгпая нужен был лишь предлог для восстановления славы своей страны, которую она завоевала в период правления Байиннаунга. Сиамцы утверждают, что бирманский монарх снял бы осаду, даже если не был бы смертельно ранен, ибо он не был подготовлен к ведению длительной войны и решил вернуться домой до начала сезона влажных муссонов 1760 года. Его смерть лишь отсрочила на несколько лет следующее вторжение.

Как мы уже видели в одной из предыдущих глав[1], Схинбьюшин, как только в 1763 году сменил на троне Наунгдоджи, стал готовиться к новому нападению на Аютию. И еще до того, как основная часть его войск стала приближаться к своей основной цели через Чиенгмай, другая часть войск, посланная для захвата Мергуи и Тенассерима добилась большого успеха, оккупировав все зависимые от Сиама княжества на Малайском полуострове; ее дальнейшее продвижение было остановлено лишь в Петчабури генералом Пья Таксином[2], которому позже суждено было обрести известность как спасителю Сиама. Когда в конце 1765 года начались военные действия, в Сиам вторглись три бирманские армии: одна из Чиенгмая, другая — через перевал Трех пагод и третья — с юга. Постепенно они сомкнули кольцо вокруг столицы. Осада началась в феврале 1766 года. Начало дождливого сезона не принесло никакого облегчения, так как бирманцы имели лодки и могли вести бои в периоды затопления окружающей местности. В конце этого сезона к бирманцам прибыло подкрепление. Однако сиамцы, которым было отказано в почетном мире, отчаянно дрались до апреля 1767 года. Но, прежде чем наступил роковой конец, Пья Таксин, поссорившийся с неспособным командовать королем, прорвался с 500 приверженцами через окружение и бежал в Районг на берегу Сиамского залива, где начал собирать новую армию. Бирманцы разрушали все, что попадало под руку, за исключением того, что можно было унести в виде добычи. Дворец, главные здания, а также тысячи жилых домов были сожжены. Разрушенный город так и не был восстановлен[3]. Когда Сиам оправился от перенесенного несчастья, новой столицей стал Бангкок.

В момент падения Аютии у Бирмы уже происходили серьезные трения с Китаем. В начале 1768 года в результате вторжения Мин Чжу под угрозой оказалась Ава, и положение стало критическим. Поэтому Сиаму представилась замечательная возможность восстановить свою независимость — недоставало лишь подходящего вождя. Во время последней атаки на Аютию король Боромарача исчез, и о нем больше никогда ничего не было слышно.

Некоторые члены королевской семьи спаслись после разгрома Аютии. Но среди них не было ни одного Пра Нарета. Вождем движения сопротивления против господства бирманцев стал, несмотря на то, что он был наполовину китайцем, Пья Таксин. Сразу же после падения Аютии он начал подчинять себе районы в окрестностях Районга. В июне 1767 года он захватил Чантабун. Этот успех привлек к нему тысячи сторонников. В октябре он поднялся по Менаму и взял Тонбури[4] (Бангкок), казнив правителя сиамца, посаженного там

[1] Гл. XXI.

[2] Бирманцы называют его Паята.

[3] Молчаливые развалины древней Аютии, еще поныне подавляющие своим величием, сейчас охраняются государством и являются одним из пунктов туристических экскурсий и объектом исследований. Современная Аютия — небольшой провинциальный центр, расположен рядом с этими развалинами.—*Прим. перев.*

[4] Пригород Бангкока (тогда отсутствовавшего), расположенный на правом противоположном собственно Бангкоку берегу реки Тяу Прайя.—*Прим. перев.*

Развалины Пра Монгконбопит, Аютия.

бирманцами. Наконец Пья Таксин совершил смелое нападение на лагерь основных оккупационных войск бирманцев, расположенный у Трех деревьев Бо (Босамтон), близ Аютии, и одержал полную победу.

Этот успех обеспечил ему королевскую власть. Вначале Таксин намеревался сделать своей столицей Аютию, но это потребовало бы больших средств, чем он располагал. Поэтому он короновался в Тонбури. Однако Сиам оставался раздробленным на части. Провинции на полуострове находились под властью правителя Након-Сритамарата, который объявил о своей независимости и принял титул короля Мусика. В Корате и восточных провинциях правил один из сыновей короля Боромокота, также претендовавший на королевскую власть. Подобным же образом вел себя и правитель Питсанулока, называвший себя королем Руангом. И, наконец, на крайнем севере владений Руанга буддийский монах Руан основал теократическое государство — королевство Фанг. Кроме того, в Ратбури на реке Меконг находилось большое бирманское войско и парусный флот.

Когда в 1768 году началось отступление китайцев из района Авы, Схинбьюшин приказал бирманскому наместнику Тавоя соединиться с войсками, находившимися в Ратбури, и напасть на Бангкок. Этот план потерпел полный провал: Пья Таксин изгнал войска губернатора Тавоя и захватил Ратбури. Весь находившийся там флот попал в его руки. Развивая этот успех, он в мае 1768 года напал на Питсанулок, но на сей раз потерпел неудачу. После этого король Руанг устроил официальную коронацию и объявил себя королем Сиама. Но вскоре после этого он умер, и его владения были захвачены монахом — королем Фанга.

На исходе периода влажных муссонов Таксин начал наступление в районе Кората, где принцу Теп Пипиту помогали бирманские войска. И снова Таксин одержал решительную победу. Бирманский командующий был убит во время сражения, а принц при попытке бежать во Вьентян был схвачен и казнен.

Еще многое оставалось сделать для объединения Сиама, но в этот период внимание Пья Таксина отвлекли камбоджийские дела. Свергнутый король Раматибоди, больше известный под именем Анг Нон, изгнанный с помощью кохинхинских войск братом Анг Тонгом, бежал в Бангкок. Пья Таксин потребовал от узурпатора дани и, получив отказ, выслал свои войска, находившиеся в Корате, оккупировать Сиемреап и Баттамбанг; это был первый шаг для восстановления на троне изгнанного короля. Сам он в то время готовился свергнуть правителя Након-Сритамарата — короля Мусика и поэтому на время вынужден был предоставить камбоджийские дела самим себе. Действия против Након-Сритамарата были быстро и успешно завершены, но когда в марте 1769 года Пья Таксин вернулся в свою столицу, то обнаружил, что его армиям было нанесено поражение и они были вытеснены из Камбоджи.

Было бесполезно пытаться вновь утвердить господство Сиама в Камбодже, ибо из Чиенгмая продолжали угрожать бирманцы, а в Фанге продолжал править король-монах. Таксин решил вначале ударить по Чиенгмаю, но это нападение было безуспешным, и, пока он находился на севере, Мак-тхиен-Ты, правитель Ха-тиена, напал в сентябре 1769 года на Чантабун и Трат. Однако положение было спасено благодаря эпидемии чумы, разразившейся среди вторгшихся войск и давшей Пья Таксину возможность вновь захватить инициативу в свои руки. Он сам повел большую армию, чтобы отомстить за это нападение, и одновременно выслал отряд против короля-монаха. Экспедиция, направленная против Питсанулока, быстро управилась с королевством Фанг. Сам город был оккупирован без труда. Во время нападения на Сапанбури, укрепленную столицу монаха-короля, последний бежал на север и больше о нем ничего не было слышно. Пья Таксин вначале направил свой удар против Ха-тиена, который и был захвачен. Затем он пошел к Пном-Пеню, изгнал Анг Тонга и посадил на его место Анг Нона. Однако в 1772 году Анг Тонг с помощью вьетнамцев разгромил сиамскую армию и вернул свою столицу.

Кукла сиамского теневого театра.

Но, как мы уже видели[1], он не смог в ней удержаться, и в 1773 году там снова был посажен королем ставленник Сиама. Но, прежде чем Нгюены смогли попытаться восстановить свое господство над охваченным волнением королевством, их постигло несчастье в своей собственной стране. Господствующие позиции в Камбодже занял Сиам, который теперь быстро набирал силы.

Как только в 1770 году был заключен мир с Китаем, король Бирмы Схинбьюшин стал готовиться к новому нападению на своих восточных соседей. В 1771 году войска Луан-Прабанга осадили Вьентян, который запросил помощи Схинбьюшина. При приближении бирманских войск осада была снята, и таким образом был открыт путь для дальнейшего продвижения в северный Сиам. В 1772 и 1773 годах были предприняты попытки захватить Пичаи, но в результате сопротивления сиамцев обе попытки оказались тщетными. Восстание монов в 1773 году на время задержало осуществление бирманских планов широкого вторжения в Сиам, и Пья Таксин, воспользовавшись предоставленной ему передышкой, направил войска на север, намереваясь лишить бирманцев их чиенгмайской базы. В январе 1775 года он взял город, но тут же поспешил на юг, чтобы защитить свою страну. В течение 1774 года был отражен ряд вторжений бирманцев, преследовавших беженцев монов и нарушавших границу. В феврале 1775 года началось новое наступление; бирманские войска оттеснили пограничный отряд сиамцев к Канбури и закрепились в Ратбури. Однако появившийся вскоре здесь Пья Таксин восстановил положение. В апреле он взял Ратбури, захватив большое число пленных, причем другая часть бирманского войска, направившаяся на север, едва успела уйти от него. Позже, в том же году, бирманцы, которые после потери Чиенгмая превратили в свою базу Чиенгсен, попытались вернуть Чиенгмай, но были изгнаны подошедшими на помощь сиамскими войсками.

В конце 1775 года под руководством Маха Тихатуры началось давно готовившееся широкое вторжение. В январе 1776 года он нанес поражение большой сиамской армии под Сукотаи и захватил город. Затем он осадил Питсанулок и отбил попытки Пья Таксина освободить его. Но, прежде чем город пал, сиамцы отрезали бирманцам пути отхода, и, страдая от недостатка продовольствия, бирманцы вскоре были вынуждены перейти к обороне. Им пришлось оставить позиции и отступить, причем их преследовали сиамцы, наносившие им поражение за поражением. Остатки бирманской армии пересекли границу в августе 1776 года. В июне предыдущего года скончался Схинбьюшин. Его сын Сингу, как мы видели, был настроен против продолжения авантюр в Сиаме. Но, прежде чем объявить о прекращении войны, он предпринял еще одну попытку вернуть Чиенгмай и почти добился успеха; однако в сентябре 1776 года сиамцы отогнали осаждавшие войска. К этому времени город настолько обнищал, что наместник и большинство населения покинули его и поселились в Лампанге. Лет двадцать город оставался практически заброшенным.

И вот Пья Таксин вновь объединил Сиам и изгнал бирманцев. Однако его правление было периодом непрерывных войн, и вызывавшееся ими напряжение стало сказываться на его здоровье. Он начал проявлять признаки умственного расстройства[2]. Большинство побед в чиенгмайской войне и в операциях против Маха Тихатуры были одержаны генералом Чакри, который по мере прогрессирования болезни Таксина начинал играть все бо́льшую роль в руководстве страной. В 1778 году представилась возможность утвердить господство Сиама над двумя лаосскими королевствами — Луан-Прабангом и Вьентяном. Вторжение войск Вьентяна на территорию Сиама привело к тому, что он сам оказался захваченным; одновременно и король Луан-Прабанга был вынужден признать суверенитет Сиама.

---

[1] См. гл. XXII.

[2] Эта версия, так же как и почти все описание прихода к власти Чакри (Рама I), взята из официальной истории, написанной по приказанию самого Чакри, сместившего с трона Пья Таксина под предлогом его умопомешательства. Достоверность сумасшествия Таксина не доказана. — *Прим. перев.*

Вскоре после этого стала рушиться система управления Камбоджей, установленная Пья Таксином в ранний период его правления, и Кохинхина попыталась восстановить там свою власть, провозгласив королем малолетнего сына бывшего короля Анг Тонга. В 1781 году сиамская армия во главе с генералом Чакри направилась в Камбоджу, чтобы восстановить там власть Сиама и посадить на трон принца Ин Питока. Но, еще не выполнив своей задачи, Чакри был вынужден спешно вернуться назад, так как в Аютии вспыхнуло серьезное восстание. Восставшие заявили о своем намерении убить сумасшедшего короля и посадить на трон Чакри. Вскоре во главе их встал тщеславный придворный Пья Санкабури, который вступил в Бангкок, захватил короля и вынудил его уйти в монастырь. Его цель состояла в том, чтобы, воспользовавшись отсутствием Чакри, самому занять трон.

Обо всех этих событиях генералу Чакри сообщил Пья Сурия, наместник Кората, которому он приказал тут же отправиться в Бангкок и восстановить там порядок. Сам он двинулся туда в апреле 1782 года, когда восстание уже было подавлено, а претендент на трон был арестован и находился в руках Пья Сурия. Народ дружно и радостно приветствовал Чакри и настаивал, чтобы он принял корону. Главным препятствием являлось то, что еще жив был Пья Таксин. Сумасшедшему монарху было всего лишь 48 лет, и после столь славного правления можно было ожидать, что он станет причиной серьезных внутренних беспорядков. Поэтому во время последовавшей общей ликвидации руководителей восстания был убит и Пья Таксин, восстановивший независимость Сиама. На трон вступил генерал Чакри, короновавшийся под именем Раматибоди.

Король Рама I (1782—1809) явился основателем правящей ныне в Бангкоке династии. В период его правления Сиаму пришлось вести еще одну тяжелую войну с Бирмой. За месяц до его восшествия на престол в Аве в результате дворцового переворота на бирманский трон был посажен наиболее способный из сыновей великого Алаунгпаи—Бодопая. Человек с безграничным тщеславием, он задался целью заставить все соседние государства подчиниться его власти, и в 1785 году между Бирмой и Сиамом снова началась утомительная война, которая затянулась на многие годы. Но Сиам в годы правления Рамы I уже не был страной, которую могли ввергнуть в хаос уничтожавшие все на своем пути армии Схинбьюшина. Теперь это была победоносная держава, управляемая испытанным вождем, и бирманские армии терпели такие поражения, что война постепенно приняла форму постоянных пограничных набегов. Новый король Сиама был достаточно мудрым и достаточно осторожным, чтобы не предпринимать всеобщее наступление на Бирму в ответ на неудачное вторжение Бодопая в 1785 году. Он спешил заняться вопросами консолидации королевства и реорганизации его управления. Правда, Рама I пытался закрепить за собой провинции Тенассерима — Мергуи и Тавой, на которые его страна предъявляла обоснованные претензии. Но, продержавшись в этих провинциях недолгое время, он в конце концов в 1792 году был вынужден уступить их Бирме. И хотя Чиенгмай и Кенгтунг на севере и остров Пукет (Джанк Сейлан) на юге продолжали оставаться яблоком раздора между двумя королевствами, все же имевшие место военные действия носили лишь характер налетов, во главе которых стояли местные правители.

Рама I основал современный Бангкок. Столицей Пья Таксина был Тонбури на западном берегу реки Менам. Рама I воздвиг свой дворец в Бангкоке на противоположном берегу и окружил его двойной линией укреплений. Под защитой внешней стены начал расти нынешний город. Много было сделано не только для упорядочения управления провинциями, но также и для совершенствования центрального управления на традиционных основах. Еще задолго до смерти Рамы I его королевство настолько оправилось от опустошения, причиненного бирманским вторжением и последующей борьбой Пья Таксина за утверждение своей власти, что в начале XIX века Сиам стал сильным как никогда. И недалеко было время, когда Сиам вновь начал проводить экспансионистскую политику, пытаясь распространить свое влияние на лаосские коро-

левства Луан-Прабанг и Вьентян на севере, на древнее кхмерское королевство Камбоджу на востоке и на малайские княжества на юге.

Восстание тэй-шонов и длительное ослабление мощи Нгюенов предоставили Раме I возможность укрепить влияние Сиама в Камбодже. Успешному исходу предыдущих попыток сильно мешали нападения Бодопаи на Сиам. Но при его дворе нашел приют пронгюеновски настроенный несовершеннолетний король Анг Енг. В 1794 году Рама I короновал его в Бангкоке и на следующий год отправил обратно в столицу Камбоджи Удонг в сопровождении сиамских войск под командованием Бена, просиамски настроенного губернатора пограничных провинций Баттамбанг и Сиемреап (Ангкор). В течение нескольких лет Сиам был полновластным хозяином Камбоджи. Пользуясь своим положением, он распространил власть на три камбоджийские провинции к северу от Баттамбанга — Монгколборей, Сисофон и Корат. Как пишет Адемар Леклер[1], Сиам «молча» аннексировал их в 1795 году. В том же году Баттамбанг и Сиемреап (Ангкор), находившиеся под властью Бена, полунезависимого правителя, перешли от Камбоджи к Сиаму; возможно, это была цена, которую заплатил Анг Енг за возвращение ему трона.

Когда в 1802 году Зя-Лонг создал империю Вьетнам, на сцене снова появился соперник, оспаривающий у Сиама господство над Камбоджей. Камбоджийские министры были полны решимости не дать вьетнамцам ни малейшего повода для повторного превращения их страны в поле битвы. Поэтому они аккуратно приносили вассальную присягу и платили дань как Бангкоку, так и Хюэ; Рама I мудро согласился на подобное ущемление своей власти.

Такое положение длилось до 1812 года. В этом году Рама II (1809—1824) вторгся в Камбоджу с целью поддержать восставшего брата короля Анг Чана, бежавшего в Сайгон. Но на следующий год последний был восстановлен на престоле с помощью крупных сил Вьетнама, и сиамцы благоразумно отступили вместе со своим кандидатом в короли, который остаток своих дней прожил в Бангкоке. Вьетнамский гарнизон захватил крепость в Пном-Пене. Таким образом, влияние Сиама в этой стране было поколеблено. Но бангкокское правительство всегда оставалось начеку, всегда было готово воспользоваться любым случаем для восстановления своего господства. Между тем оно возместило свою потерю, послав в 1814 году в Корат армию, которая приступила к оккупации всей территории от границ провинции Пром-Теп до гор Дангрек, а также провинции Млу-Прей и Тонле-Репу, которые были слишком удалены от Удонга, чтобы центральное правительство могло действенно контролировать их. Не встретив сопротивления, сиамская армия переправилась через Меконг и оккупировала Стун Ченг. Благодаря этой операции Сиам захватил широкую полосу на севере Камбоджи и проложил рубеж между Камбоджей и королевством Вьентян, которое он и завоевал спустя несколько лет (1828).

Если не считать этого события, во время правления Рамы II не было других крупных конфликтов. Правда, война с Бирмой продолжалась, но она ограничивалась взаимными налетами и велась лишь на полуострове Малакка. В 1810 году бирманцы захватили остров Пукет (Джанк Сейлан) и осадили Чумпон, но были без труда изгнаны. Следующее нападение бирманцев ожидалось в 1819 году, но оно не последовало. Бирма сконцентрировала свои усилия для захвата Ассама, и Сиаму теперь нечего было бояться бирманцев.

Одним из последствий этих напрасных опасений было смещение султана Кедаха, который, как было установлено, имел связи с бирманцами. Сиам так и не простил ему сдачу англичанам Пенанга в 1786 году и провинции Уэсли в 1800 году. В 1821 году сиамские войска вторглись во владения Кедаха, и султан бежал в Пенанг. Это было началом периода более или менее активного давления Сиама на малайские государства, которое встревожило англичан и вызвало большую активность с обеих сторон. Однако повествование об этом будет более уместным в связи с историей Малайи[2].

[1] Adhémar Leclère, Histoire du Cambodge, p. 402.

[2] См. гл. XXVII.

Королевский балет, Пном-Пень (Камбоджа).

С тех пор как в XVII веке потерпела провал попытка Людовика XIV установить господство над древним королевством Аютия, сиамцы чрезвычайно подозрительно относились к европейцам и старались всячески ограничивать их торговлю. Эта линия неуклонно проводилась и в течение первой половины XIX века. Но при Раме II можно было заметить слабые признаки перемены. В 1818 году он принял португальского посла Карлоса Мануэля Сильвейра и согласился заключить торговое соглашение, согласно которому Сильвейра должен был осуществлять надзор за торговлей португальцев в Сиаме. Вуд, оценивая положение Сильвейра, называет его португальским консулом[1]. Однако с этим определением нельзя согласиться, ибо назначение иностранным государством лиц на подобную должность было разрешено лишь при короле Монгкуте (1851—1868). Более того, Сильвейра получил сиамский титул *луанг* и, по-видимому, выполнял свои функции, полностью подчиняясь местным властям. В это же время Ост-Индская компания добивалась отмены ограничений на торговлю британских подданных в Сиаме. В связи с этим правительство Индии в 1818 и 1819 годах посылало в Бангкок письма и подарки, но безуспешно. Поэтому в 1821 году губернатор Пенанга Филлипс послал в Бангкок сингапурского купца Моргана. Он ехал в качестве частного лица, но с целью сбора информации и выяснения мнения сиамских министров о возможности изменения существующих условий торговли. Но правительство Индии решило предпринять также и официальные шаги, и в том же году Джон Кроуфорд, о миссии которого будет рассказано в одной из следующих глав[2], предпринял бесплодную попытку найти выход из тупика. Тем не менее английская торговля стала расширяться. Сиамцы, как раньше бирманцы, не желали связывать себя письменными соглашениями, но разрешали отдельным торговцам жить в их стране. Говорят, что первым английским торговцем, обосновавшимся в Сиаме, был Джон Хантер, поселившийся там как раз в это время.

Рама II умер в июле 1824 года, вскоре после начала первой англо-бирманской войны. Ожидали, что трон займет его старший сын от жены-королевы — принц Маха Монкут. Ко времени смерти отца он был буддийским монахом. Однако сильная дворцовая партия посадила на трон старшего сына покойного

---

[1] W o o d, History of Siam, p. 276.
[2] См. гл. XXVII.

короля не от жены-королевы, и он стал Рамой III. Монкут наследовал ему в 1851 году, став самой замечательной личностью, когда-либо занимавшей сиамский трон.

Правление Рамы III было охарактеризовано как «в некотором смысле непрогрессивное»[1]. Он являлся сторонником старых традиций, которые становились опасным пережитком. Вначале Англия надеялась на то, что Сиам присоединится к ней в войне против Бирмы. Но правительство Рамы III с подозрением держалось в стороне, сознавая неизбежность столкновения своих интересов с интересами англичан в Малайе. Это особенно проявилось в приеме, оказанном второму послу, направленному Ост-Индской компанией в Бангкок,— капитану Генри Барни. Однако ему все же удалось заключить в 1826 году договор, который рассматривается в соответствующем месте в связи с событиями в Малайе в одной из последующих глав[2]. У англичан была мысль уступить Сиаму Тенассерим — провинцию, захваченную Бирмой, но сиамцы были настолько несговорчивы по всем пунктам, что вопрос об этой уступке даже не был поднят во время переговоров. Когда Барни собирался отбыть в Сиам, Ост-Индская компания рассматривала вопрос о возрождении старого королевства монов в Пегу в Нижней Бирме. Поскольку было известно, что в Сиаме живут тысячи беженцев монов, то Барни было поручено найти кого-нибудь из прежней монской королевской семьи, если таковой мог среди них оказаться, или подыскать любую возможную кандидатуру на трон из числа монов, занимающих высокие официальные посты на сиамской службе. Доклад Барни на эту тему представляет значительный интерес, но он не смог найти ни человека из королевской семьи, ни подходящей кандидатуры из числа прочих монов-беженцев.

В 1833 году в Бангкок направили своего посла Соединенные Штаты Америки. Послу удалось заключить договор, регулировавший положение американских граждан, которые могли посетить Сиам. Как Барни, так и американский посол Робертс приложили много усилий к тому, чтобы заставить короля Сиама согласиться на учреждение консульств, но безрезультатно.

Именно в период правления Рамы III было ликвидировано лаосское королевство Вьентян и разрушена его столица[3]. Это случилось в 1828 году. Окрыленный этим успехом, Рама III попытался восстановить господство Сиама над Камбоджей. Поэтому в 1831 году без всякого объявления войны покоритель Вьентяна Пья Бодин вторгся в Камбоджу. Вначале ему сопутствовал полный успех. Камбоджийская армия была разбита при Компонг-чхнанге, король Анг Чан бежал в Винь-лонг, и сиамцы быстро оккупировали Пном-Пень, Удонг и Тяудок. Но затем фортуна изменила сиамцам. Против них с оружием в руках поднялись восточные провинции; партизанские группы отрезали и громили отряды, посланные Бодином для установления вассальной зависимости; в довершение при попытке захватить Винь-лонг Бодин потерял всю свою флотилию военных судов. Император Минь-Манг прислал 15-тысячную вьетнамскую армию, которая быстро изгнала сиамцев и восстановила Анг Чана на троне.

Когда Анг Чан неожиданно скончался в 1834 году от дизентерии, вьетнамский резидент Онг-кхам-Манг по приказу своего императора созвал камбоджийскую знать для избрания преемника короля, ибо единственный сын короля скончался спустя несколько часов после появления на свет. Сиам об этом даже не был информирован. После того как по указанию Онг-кхам-Манга королевой была избрана молодая принцесса Анг Мей, стало очевидным, что Минь-Манг намеревается присоединить к своей империи то, что осталось от Камбоджи. И действительно, вскоре он разделил королевство на тридцать три провинции, дав всем им новые названия, связанные с названием Кохинхины. Его цель заключалась в том, указывает Леклер, чтобы «декамбоджировать» страну[4].

[1] Wood, op. cit., p. 277.
[2] См. гл. XXVII.
[3] Об этом см. в гл. XXIII.
[4] Leclère, Histoire du Cambodge, p. 422.

Возмущение, которое неизбежно было вызвано этой политикой, было использовано Сиамом. После семилетних страданий камбоджийцы восстали, вырезали всех вьетнамцев, которых могли захватить, и знать на тайном собрании создала временный правящий комитет, который обратился к Сиаму за помощью и предложил корону принцу Анг-Дуонгу, пользовавшемуся покровительством сиамского двора. В связи с этим в 1841 году престарелый генерал Бодин был вторично направлен для восстановления влияния Сиама в Камбодже.

Посадить Анг-Дуонга на трон было нетрудно. Но вьетнамцы были упорными противниками, и прошло четыре года тяжелых сражений, прежде чем было достигнуто соглашение. Для того чтобы удержать страну, они создали более пятидесяти фортов. Эти форты все были захвачены крестьянами; тем не менее король и его наставник Бодин не могли изгнать вьетнамские войска. Поэтому в 1845 году было достигнуто компромиссное решение: Камбоджа должна была находиться под совместной защитой Сиама и Вьетнама. Два года спустя представители обеих этих стран от имени их правителей присутствовали на официальном торжестве и возложили на Анг-Дуонга его королевские регалии. Такое успешное решение вопроса было достигнуто благодаря личным качествам камбоджийского короля, ибо ни Сиам, ни Вьетнам не отказались от своих намерений в отношении его страны. К счастью, это был умный и набожный человек, который был полон решимости не давать ни одной из сторон желанную возможность для дальнейших авантюр за счет его истощенной и несчастной страны. Он не верил сиамцам, считая их своими врагами, и ненавидел вьетнамцев. Поэтому своего старшего сына Анг-Вотей — позже короля Нородома (1860—1904) — он послал для получения образования именно в Бангкок.

Незадолго до смерти Рамы III Англия и Соединенные Штаты предприняли новые усилия добиться более выгодных условий для своих купцов. Англичане были недовольны условиями договора Барни; они выражали недовольство королевскими монополиями, особенно на сахар, и запретом на торговлю тиком. Английским полномочным представителем был назначен Брук из Саравака[1], который прибыл в Бангкок в августе 1850 года. Король стремился к улучшению отношений с Англией, но поскольку он был очень болен, то не мог принять участия в переговорах. Однако попытка Брука заключить удовлетворительный договор потерпела провал. Причины этого провала представляются странными. Следуя вверх по Менаму, одно из его судов село на мель у Пакнама, и он был вынужден просить помощи для снятия его с мели. Кроме того, распространились слухи о его неудачах на Борнео. Однако наиболее важным было то, что его письма были двухлетней давности и были подписаны только лордом Пальмерстоном, а не самой королевой Викторией. Эти моменты имели большое значение в отношениях с такими монархиями, как сиамская того времени.

Вслед за Бруком на военном судне Соединенных Штатов прибыл американец Баллестье с поручением своего правительства передать жалобы американских граждан и добиться нового более выгодного договора. Но он потерпел еще более жестокий провал, чем Брук. Ему было отказано в аудиенции короля, и он вынужден был уехать, не вручив письма президента. Баллестье был купец, которому, как указывает Боуринг, «не везло в торговле в Сингапуре»[2], и бангкокские министры сочли для себя унизительным иметь с ним какое-либо дело. Как Брук, так и Баллестье доложили своим правительствам, что, по их мнению, на Сиам может подействовать лишь военная демонстрация. Но в апреле 1851 года Рама III скончался и Сиам вступил в новую эру.

---

[1] Английское владение на севере Борнео. — *Прим. ред.*
[2] J o h n B o w r i n g, The Kingdom and People of Siam, vol. II, p. 211.

ЧАСТЬ III

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ

ГЛАВА XXV

ИНДОНЕЗИЯ В ПЕРИОД ОТ ЛИКВИДАЦИИ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ ДО ОТЗЫВА РАФФЛЗА (1799—1816)

Ликвидация компании вначале не привела к большим изменениям в управлении делами в Индонезии. Какой бы громкий отзвук ни получила в Батавской республике теория Французской революции о том, что свобода и равенство являются неотъемлемыми правами человека, еще не было подготовлено ничего, что было бы рассчитано на подрыв значения Ост-Индской империи для метрополии. Было распространено твердое убеждение, что сохранение этой империи зиждется на том, чтобы держать ее народы в строгом подчинении. Поэтому, в то время как Дирк ван Хогендорп, бывший губернатор провинции Северо-восточного побережья Явы и ярый противник Недербурга, ратовал за отделение торговли от государства и за отмену принудительных поставок и экономического рабства, известного под названием *хеерендинстен*, более сильной поддержкой пользовалась теория Недербурга о том, что туземные народы по природе ленивы и, следовательно, принудительный труд необходим как для их собственного блага, так и для торговых прибылей голландцев.

Правительство прибегло к созданию еще одного комитета, куда были назначены как Хогендорп, так и Недербург. Этому комитету, созданному в 1802 году, было поручено выработать «хартию для азиатских поселений», которая должна была обеспечить «насколько можно большее благосостояние жителей Ост-Индии, насколько можно большие преимущества для голландской торговли и насколько можно большие прибыли для финансов голландского государства». О характере этой хартии ярко свидетельствует тот факт, что проект, принятый комитетом, принадлежал перу Недербурга. Эта хартия, однако, никогда не была проведена в жизнь. Наполеоновские войны, временно прерванные Амьенским договором 1802 года и возобновившиеся в 1803 году, положили конец всякой торговле между Батавской республикой и колониями. Хотя хартия, изданная в 1804 году, была заменена несколько более либеральным законом об управлении, изданным в 1806 году, этот закон в результате преобразования при Людовике Бонапарте Батавской республики в Голландское королевство[1] также остался мертвой буквой. Одной из целей Людовика Бонапарта было укрепление обороны Явы против англичан, и по предложению своего царственного брата он направил маршала Хермана Виллема Дэндельса для выполнения этой задачи, наделив его диктаторскими полномочиями.

Между тем Индонезия переживала критический период. Ван Оверстратен, остававшийся на посту генерал-губернатора после падения компании, заботился главным образом о сохранении независимости Явы в условиях возможного вторжения англичан. В 1800 году английская морская эскадра фактически блокировала Батавию, однако высадиться ей не удалось. Англия, озабоченная вначале египетской экспедицией Наполеона, а затем внутренним положением в Индии, не могла мобилизовать силы, достаточные для того, чтобы

[1] В 1806 году Наполеон I превратил Батавскую республику в Голландское королевство, посадив на престол своего брата Людовика. Позднее, в 1810 году, Нидерланды были включены в состав Французской империи.—*Прим. ред.*

разделаться с Явой; однако все оставшиеся в распоряжении Батавии голландские корабли англичане уничтожили.

Амьенский мир в 1802 году принес некоторое облегчение, так как все голландские владения, ранее захваченные Англией, были возвращены, за исключением лишь Цейлона и Капской земли. Фактически положение было лучше, чем можно было ожидать, ибо освобожденная от строгого контроля Совета директоров Батавия имела возможность продавать свои продукты на свободном рынке по выгодным для нее ценам. В результате восстания рабов на Гаити производство кофе в Вест-Индии было подорвано, и нейтральные суда, а именно американские и датские, устремились в Батавию. Спрос на кофе был фактически большим, чем Ява могла удовлетворить. Кроме того, отношения с туземными правителями оставались хорошими. Султан Бантама рассчитывал на поддержку Батавии во время нападения англичан в 1800 году. Суракарта и Джокьякарта также сохраняли хорошие отношения с голландцами. Имели, правда, место серьезные волнения в Черибоне в связи со вступлением на престол незаконного сына султана, умершего в 1797 году. Но голландским властям ничего не угрожало, поскольку ненависть населения обратилась против китайских посредников, находившихся на службе у султана. Порядок был в конце концов обеспечен голландским губернатором провинции Северо-восточного побережья, который восстановил права законного престолонаследника.

Когда в 1803 году возобновилась война в Европе, англичане быстро отвоевали большую часть ранее уступленных ими территорий. В период между войнами на Яву была послана голландская эскадра под управлением Хартсинка; она прибыла в плохом состоянии и была недостаточно укомплектована людьми. В 1806 году ее разбил на рейде в Батавии мощный английский флот под командованием адмирала Пелью; однако англичане не сделали попытки завоевать остров. Единственная цель голландских властей в Батавии заключалась в том, чтобы не оказывать поддержки французам и тем самым избежать английского вторжения на Яву. Их пугало вступление Людовика Бонапарта на голландский престол. Они не хотели никаких изменений в своем полунезависимом положении, которое принесло им процветание и наполнило казну. Теперь же Дэндельс был назначен для реорганизации управления и усиления военной обороны Явы в интересах французов.

Новый генерал-губернатор начал свою карьеру в качестве адвоката в Хаттуме, где он возглавил «патриотов» в их борьбе против «оранжистов». Когда был восстановлен институт штатгальтерства, он бежал во Францию и поступил на службу во французскую армию. В 1793 году при неудавшемся нападении на республику он служил под командованием Дюмурье, возглавляя батавский батальон. Он вернулся с французами в 1795 году и проявил себя таким поборником французской власти, что Наполеон присвоил ему звание маршала. Он был горячим поклонником Наполеона и под влиянием последнего превратился из проповедника революции в ярого приверженца военной диктатуры. Он прибыл на Яву 1 января 1808 года после длительного и полного приключений путешествия через Лиссабон и Марокко.

Облеченный специальными полномочиями, которые ставили его выше Совета Индии, Дэндельс в полной мере воспользовался тем, что связи с метрополией были прерваны, и повел себя совершенно независимо. С огромной энергией он принялся за укрепление обороны Явы. Армия была увеличена и улучшена, и, поскольку невозможно было получать подкрепления из Европы, были набраны и обучены новые полки из туземцев. Была введена жесткая дисциплина, но в то же время были приняты меры для улучшения положения войск, невиданные при господстве компании. Были построены казармы и госпитали, в Семаранге была открыта мастерская для литья пушек, а в Сурабайе — оружейный завод. В самой Сурабайе были сооружены укрепления, в то время как укрепления Батавии были усилены путем сооружения новых фортов в Велтефредене и Меестер-Корнелисе. Для улучшения военной связи был построен большой почтовый тракт от Аньера до Панарукана длиной в одну тысячу километров. Продолжительность поездки по суше с востока на запад

была таким образом сокращена с сорока до шести с половиной дней, но работа по прокладке дороги производилась с помощью принудительного труда, что повлекло за собой огромные людские потери. Не имея военных кораблей, так как эскадра Хартсинка была уничтожена в 1806 году, Дэндельс создал флот из мелких быстроходных судов, базировавшихся на Меуенбае и Меракбае в Зондском проливе и в Сурабайе — на востоке. Сурабайя была также укреплена вторым фортом (Форт Лодевейк), который был создан на одном из островов в Мадурском проливе.

С самого начала Дэндельс попытался провести коренную реформу системы управления Явы. Он, естественно, стремился ввести наиболее полную и жесткую централизацию и для достижения этой цели безжалостно сметал все, что стояло на его пути. Так, он уничтожил губернаторство провинции Северо-восточного побережья и разделил эту территорию на 5 округов и 38 регентств, причем все они были поставлены под прямой контроль Батавии. Весь остров был разделен на 9 округов во главе с ланддростами, непосредственно подчиненными правительству, а туземные вожди, названные регентами, прежде являвшиеся полунезависимыми местными правителями, стали чиновниками голландского правительства; им было присвоено военное звание и назначено жалованье. Эта перемена, направленная на то, чтобы оградить интересы туземных вождей в отношениях с европейскими чиновниками, привела как к снижению их доходов, так и к падению их престижа в глазах народа. Резиденты в туземных государствах, которые раньше получали распоряжения от губернатора провинции Северо-восточного побережья, теперь оказались под непосредственным контролем Батавии и были низведены до ранга простых исполнителей.

В инструкциях, полученных Дэндельсом, особо подчеркивалось значение его военной миссии; помимо этого, ему было поручено изучить вопрос о возможности отмены принудительного выращивания кофе и принудительных поставок, а также выяснить, возможно ли улучшить условия жизни местных народов. Сомнительно, что Дэндельс уделял этим вопросам серьезное внимание, так как он, по-видимому, безоговорочно соглашался с общепринятым среди голландцев мнением о яванцах как о лентяях. Вместо того чтобы отменить принудительное выращивание кофе, он усилил его до такой степени, что число кофейных деревьев увеличилось с 27 до 72 миллионов, в то время как цены за принудительные поставки кофе были снижены. Однако он прилагал максимум усилий для ликвидации незаконных доходов и следил за тем, чтобы все платежи поступали непосредственно земледельцам. Поэтому были назначены инспектора для пресечения злоупотреблений, и земледелец, выращивающий кофе, был освобожден от всех других форм *хеерендинстен*. Путем выдачи риса и соли он улучшил также положение народа бландонг, принудительный труд которого в тиковых лесах был немногим лучше рабства. Дэндельс был убежден, что самый верный способ улучшить положение яванцев — строго вытравлять коррупцию.

Еще в хартии 1804 года отмечалось, что организация и практика системы правосудия Батавии уже давно нуждаются в полном пересмотре. В частности, во времена компании никогда не было должной системы правосудия для туземцев в соответствии с адатом, то есть с их обычным правом. С этим постыдным положением Дэндельс старался покончить путем учреждения судов в каждом регентстве и округе, где правосудие отправлялось бы в соответствии с адатом. Эти суды существовали отдельно от Советов правосудия, учрежденных в Батавии, Семаранге и Сурабайе, которые рассматривали дела иностранцев, то есть европейцев, китайцев, арабов и всех других, не являвшихся туземцами Явы. В этих Советах правосудие отправлялось в соответствии с законами Нидерландской Индии. В низших туземных судах судьями являлись туземные чиновники и священники. В судах префектуры председателем был ланддрост; при нем состоял голландский чиновник в качестве секретаря и ряд помощников — туземцев. Была также установлена система апелляции от низших судов к Советам правосудия. Метод сегрегации, применявшийся Дэндель-

сом в вопросах правосудия, укоренился и получил дальнейшее развитие при его преемниках. Он находился, однако, на своем посту столь короткое время, что мог заложить лишь основы этой системы. На практике он мало считался с юридической процедурой даже такого упрощенного характера, какая применяется при военном положении.

Как при жизни Дэндельса, так и позднее мнения о его деятельности на Яве резко расходились. Обвинения, выдвигавшиеся против него, были столь сильными, что в 1814 году он опубликовал в свою защиту работу под названием «Состояние Нидерландских Ост-Индских владений при управлении ван ден Г. Г. Х. В. Дэндельса»[1] вместе с двумя объемистыми томами документов. В то время, когда Дэндельс прилагал наибольшие усилия для стимулирования производства кофе, английская блокада была усилена до такой степени, что исчез рынок сбыта, и не по его вине у него на руках осталось на миллионы гульденов непроданного товара. К сожалению, его управление обошлось гораздо дороже, чем любое другое до него. Одни лишь его расходы на военные и военно-морские мероприятия достигли потрясающих размеров. Он, однако, значительно повысил жалованье государственным чиновникам в качестве одного из средств уменьшить коррупцию. Его первая попытка выпустить бумажные деньги не удалась, так как правительство не располагало доверием, которое могло бы обеспечить этот выпуск. Поэтому он прибег к продаже земли частным лицам. Под тем предлогом, что вся земля, не принадлежавшая туземным князьям, является владением правительства, он продавал не только крупные земельные участки, но и право распоряжаться земледельцами, которое ранее принадлежало правительству.

Одной из самых крупных сделок Дэндельса была продажа земель Прабалингги за миллион рикс-долларов ($2^1/_2$ миллиона гульденов) китайскому старосте Хан Ти-ко по соглашению, в соответствии с которым сумма уплачивалась в рассрочку. Однако нужда в наличных деньгах заставила его выпустить под обеспечение этой сделки столько бумажных денег, что вскоре его «прабалингговые деньги» сохранили лишь незначительную часть своей номинальной стоимости и многие отказывались принимать их. В своих энергичных поисках источников получения достаточного дохода он выпускал принудительные займы, сдавал в аренду опиумные притоны и ввел государственную монополию на рис, в соответствии с которой весь рис должен был сдаваться государству, которое с выгодой продавало его населению. Он даже заставил банки отдавать звонкую монету в казначейство в обмен на бумажные деньги.

Наиболее слабая сторона правления Дэндельса проявилась в отношении с туземными правителями. Его диктаторские и бестактные методы до такой степени восстановили их против него, что, когда наступило неизбежное нападение англичан, они «старались превзойти друг друга в неверности» голландскому режиму. Его требования предоставить рабочую силу привели к столкновению с султаном Бантама. Когда часть голландской стражи султана была перебита вместе с их командиром, Дэндельс сам повел армию, которая взяла город приступом и разграбила его. Он расстрелял главного министра, изгнал султана на Амбоину и объявил его государство владением короля Голландии. Он издал новые правила «церемониала и этикета», согласно которым голландским должностным лицам запрещалось оказывать традиционные знаки почтения местным правителям и предписывалось носить головные уборы в их присутствии. Такое обращение подорвало лояльность князей, более чем что-либо другое. Его высокомерное обращение с Хаменгку Бувоно II, султаном Джокьякарты, толкнуло этого правителя в объятия англичан. Распри между султаном и сусухунаном Суракарты заставили первого увеличить свою армию в большей степени, чем это считал нужным Дэндельс. Это послужило последнему предлогом для вторжения во владения султана; он низложил султана

[1] «Staat der Nederlandsche Oostindische bezittingen onder het bestuur van den G. G. H. W. Daendels».

и передал престол законному наследнику, который был назначен принцем-регентом. Однако низложенный султан располагал такой сильной тайной поддержкой, что, как только Дэндельс был отозван в Европу, он восстановил свое прежнее положение и вступил в сношения с англичанами.

Дэндельс пожертвовал всем для обороны Явы. Голландские пункты в других частях архипелага, которые трудно было оборонять или которые были невыгодны, такие, как Банджермасин на Борнео, были заброшены. В других, как Палембанг на Суматре или Макассар на Целебесе, гарнизон был сокращен до минимума. Молуккским островам, производящим пряности, Дэндельс уделил большое внимание, и на Амбоину в качестве подкрепления были направлены французский полковник Филц и с ним 1500 человек. Однако гарнизону не хватало денег и продовольствия, и, когда в 1810 году англичане произвели нападение, туземные войска изменили Филцу, и ему пришлось сдаться. Он сделал все, что мог, в тех трудных условиях, но, когда он вернулся в Батавию, «железный маршал» судил его военно-полевым судом и расстрелял. Причиной сдачи Тернате англичанам послужили мятежи среди туземных войск. После этого быстро пали все остальные голландские посты за пределами Явы.

Наступила очередь Явы; однако до того, как крупные экспедиционные силы лорда Минто появились у Батавии в 1811 году, Туан Бесар Гунтур («великий господин-громовержец»), как его прозвали яванцы, был отозван. Против Дэндельса было столько жалоб со стороны высоких должностных лиц королю Людовику, что тот назначил вместо него генерала Яна Виллема Янссенса[1]. Янссенс прежде был губернатором Капской колонии, когда она вторично попала в руки англичан. Теперь перед ним стояла вторая неосуществимая задача.

В августе 1810 года контрольный совет английской Ост-Индской компании направил лорду Минто, генерал-губернатору Индии, предписание изгнать «врага» с Явы. Англичане не помышляли о том, чтобы навсегда оккупировать голландскую империю; их единственной целью было воспрепятствовать планам Наполеона окружить Индию. Деятельность Дэндельса на Яве была непосредственной причиной экспедиции, посланной против острова в 1811 году. Голландские авторы-историки[2] изображают этот шаг как результат силы убеждения молодого Томаса Стамфорда Раффлза, младшего чиновника в Пенанге, которому Минто поручил подготовить почву для этого предприятия путем установления отношений с недовольными туземными правителями на всем архипелаге.

Ко времени яванской экспедиции Раффлзу было тридцать лет. В возрасте четырнадцати лет он поступил в контору Ост-Индской компании в Лондоне в качестве клерка. Его огромное трудолюбие обеспечило ему быстрое продвижение, и в 1805 году он был послан в Пенанг помощником секретаря с жалованьем в 1500 фунтов стерлингов в год. Пенанг только что был повышен до статуса президентства с губернатором и советом, и полагали, что он станет крупным торговым центром для островов Ост-Индии. По пути на восток Раффлз усиленно занялся изучением малайского языка, и вскоре после его прибытия туда люди, встречавшиеся с ним, отмечали, что он великолепно владеет им. В результате личного общения с малайцами и изучения их культуры и истории он стал специалистом в тогда малоизвестной англичанам области востоковедения.

Внимание лорда Минто к Раффлзу привлек его соотечественник д-р Джон Лейден, тоже большой знаток Малайи, а в 1810 году сам Раффлз, освободившись от своих обязанностей в Пенанге, посетил Калькутту, где имел

---

[1] По возвращении в Европу Дэндельс участвовал в наполеоновской злосчастной русской экспедиции 1812 года. После падения Наполеона он предложил свои услуги королю Объединенных Нидерландов Вильгельму I, который послал его губернатором голландских поселений на западном побережье Африки. Там он и умер в 1818 году.

[2] См. Stapel F. W., Geschiedenis van Nederlandsch-Indië, 1930, p. 221. Однако более приемлемое толкование событий, повлекших за собой завоевание Явы, дает Влекке (Vlekke, Nusantara, p. 238—239), см. также Coupland, Raffles of Singapore, p. 26.

личную встречу с генерал-губернатором и обсудил с ним положение на архипелаге. Его знания и энтузиазм произвели такое впечатление на Минто, что еще до конца года он назначил его «агентом при генерал-губернаторе по делам малайских государств». Тогда, обосновавшись в Малакке, Раффлз начал строить планы присоединения Явы к восточной империи, создаваемой английской Ост-Индской компанией.

Минто ставил своей целью нанести последний удар по французскому влиянию на Востоке. Он не стремился к расширению Британской империи; его планы предусматривали установление английского управления на Яве с привлечением, по мере возможности, голландцев. Однако Лейден и Раффлз считали, что голландское управление на Востоке крайне вредно и что необходимо использовать «справедливость, гуманность и умеренность» англичан для того, чтобы обеспечить лучшую жизнь туземным народам, которых так долго угнетали голландцы. Раффлз поэтому сначала полагал, что индонезийских правителей можно будет убедить добровольно согласиться на подчинение правительству Индии, которое осуществляло бы свой контроль в форме протектората, почти такого же характера, какой был позднее введен в Малайе. Именно в этом духе он начал действовать, чтобы оказать влияние на туземных правителей Голландской империи.

Приступая к управлению делами на Яве, Янссенс отдавал себе полный отчет в том, что англичане готовят нападение. Он застал население в состоянии беспокойства и недовольства, а местные правители так были раздражены поведением Дэндельса, что на их поддержку нельзя было рассчитывать. Финансовое положение Батавии было столь отчаянным, что Янссенс мог доставать деньги только на покрытие обычных расходов на управление, оставив всякую мысль о дальнейших приготовлениях к обороне. Положение еще осложнилось тем, что Жюмель, командующий немногочисленными французскими войсками, совершенно не годился для этого поста.

В начале августа 1811 года английский флот, состоявший примерно из 100 кораблей, имевших на борту экспедиционные силы численностью 12 тысяч человек, появился у Батавии. Город был занят без боя, поскольку несведущий Жюмель занял оборонительную позицию в Меестер-Корнелисе. Тогда командование взял на себя Янссенс, который отверг предложение Минто о сдаче и в течение шестнадцати дней блестяще оказывал сопротивление до тех пор, пока был вынужден отступить в направлении Бейтензорга. Однако отступление вскоре превратилось в беспорядочное бегство; отчаявшись занять прочные позиции на западе острова, Янссенс спешно направился на восток, чтобы организовать оборону центральной Явы.

1 сентября он прибыл в Семаранг, где занял удобную позицию на холме к югу от города и ждал подкреплений от яванских правителей. Однако здесь его ждало разочарование: предварительная работа, проведенная Раффлзом, совершенно подорвала лояльность местных правителей. Поэтому, когда англичане высадились в Семаранге, Янссенс оказался в очень трудном положении. Его войска были охвачены паникой и убили многих из своих голландских офицеров. Сам он с небольшими силами бежал в Тунтанг, где был вынужден просить перемирия. По условиям капитуляции, подписанной 17 сентября в Семаранге, он согласился сдать англичанам Яву и все зависящие от нее посты, включая Палембанг, Тимор и Макассар. Было также обусловлено, что все должностные лица, желающие перейти на службу к англичанам, могут оставаться на своих постах.

Тем временем Минто опубликовал заявление с изложением принципов, которых будет придерживаться новое правительство. Предполагалось установить бенгальскую систему управления. Голландская законодательная система оставалась в силе, но пытки отменялись. Бумажные деньги, выпущенные при голландском правлении, сохранялись в обращении, кроме, однако, тех, которые выпустил Дэндельс после аннексии Францией королевства Нидерландов. Туземному населению было обещано улучшение его положения, в частности была обещана отмена «контингентов» и принудительных поставок.

Раффлз, сопровождавший экспедицию, был назначен губернатором Явы и зависимых от нее Мадуры, Палембанга, Банджермасина и Макассара. В его деятельности ему должен был помогать совещательный совет, состоявший из командующего войсками Джиллеспи и голландцев — Кранссена и Мунтинге. Последний, отличившийся на службе при Дэндельсе, был самым влиятельным членом этой группы; его способности и глубокое знание Ост-Индии были полностью использованы Раффлзом, который вскоре оказался в столь дружеских отношениях со своими коллегами-голландцами, что это встревожило и настроило враждебно Джиллеспи, и без того раздраженного тем, что ему приходится служить под началом столь молодого служащего компании. 19 октября лорд Минто отправился в Бенгалию. «Пока мы находимся на Яве,— сказал он Раффлзу,— будем делать все доброе, что в наших силах». Редко в истории Ост-Индской компании на человека в возрасте Раффлза возлагалась столь большая ответственность. Благодаря отдаленности Явы от Бенгалии его положение было подлинно независимым.

Первые усилия нового губернатора волей-неволей должны были быть направлены на установление отношений с туземными правителями. Агенты Раффлза оказали поддержку мятежному вождю пангерану Ахмеду в его борьбе против марионеточного султана Мухаммеда, возведенного на престол Дэндельсом во время его эффектного нападения на Бантам. Теперь он решил поддержать Мухаммеда и поэтому арестовал Ахмеда и сослал его на острова Банда. Однако Мухаммед, которого его подданные не признавали законным султаном, оказался не способным покончить с постоянными беспорядками на своей территории. В 1813 году он передал поэтому свою власть Батавии в обмен за крупную пожизненную ренту и сохранение за ним почетного титула султана. Таков был конец султаната Бантам. С султаном Черибона обошлись подобным же образом. Он причинял голландцам серьезные неприятности своим крайне плохим управлением. Дэндельс понизил его до ранга регента. Но в его владениях продолжались волнения, и действия Раффлза явились единственным логичным решением проблемы.

В Джокьякарте низложенный султан Сепух, как только пришли англичане, снова стал править, оттеснив своего сына, принца-регента. Джон Кроуфорд, назначенный резидентом при его дворе, вскоре сообщил об измене как Сепуха, так и сусухунана Суракарты. В декабре 1811 года Раффлз отправился в Семаранг, чтобы заняться делами обоих государств. Там его встретил главный министр сусухунана; Сепух, однако, ограничился лишь письмом, составленным в выражениях, внушавших серьезные подозрения в отношении его намерений. Раффлз сам направился в Суракарту для того, чтобы уладить отношения с сусухунаном. Дела Джокьякарты он передал в руки опытного Мунтингье. С сусухунаном Раффлз заключил соглашение, по которому ему возвращались территории, захваченные Дэндельсом, но с соблюдением некоторых особых условий. Сусухунан должен был признать господство англичан на тех же условиях, на которых он раньше признавал господство голландцев, согласиться с подсудностью центральному правительству всех жителей его страны неяванского происхождения и с наблюдением центрального правительства за его перепиской.

С Сепухом Мунтингье заключил аналогичное соглашение. Условия были лучше, чем мог рассчитывать Сепух, учитывая его вызывающую позицию. Он был настолько глуп, что считал столь мягкое обращение признаком слабости англичан. Он стал увеличивать свои войска и укреплять столицу. Поэтому Раффлз прибег к суровым мерам. С армией в 1200 человек под командованием Джиллеспи он вступил в Джокьякарту, низложил и выслал Сепуха и возвел на престол бывшего принца-регента, который стал править под именем Хаменгку Бувоно III. Казна Сепуха, насчитывавшая испанских долларов на сумму 2 миллиона гульденов, была конфискована и передана войскам как военная добыча.

В захваченной столице Раффлз обнаружил свидетельства интриг султана с сусухунаном Суракарты против английской власти. Он поэтому пошел

на Суракарту и вынудил ее правителя заключить новое соглашение, в соответствии с которым тот терял возвращенные ему прежде районы и должен был сократить свою армию до размеров только личной охраны. Он должен был также согласиться передать центральному правительству право назначать и смещать своего главного министра. Во всех туземных государствах были отменены «контингенты» и принудительные поставки, в то время как пошлинные сборы и право производства опия перешли к правительству за денежную компенсацию.

В процессе укрепления своей власти над всеми зависимыми государствами, как Палембанг, Мадура, Бали, Банджермасин и западный Борнео, с которыми он вел интриги против голландцев до нападения на Яву, Раффлзу пришлось столкнуться с весьма неприятным инцидентом, ответственность за который голландцы возлагали на него. Султан Палембанга, узнав о высадке англичан в Батавии, напал врасплох на голландский гарнизон, находившийся в его городе, и перебил всех, включая женщин и детей. За год до этого Раффлз действительно писал ему, убеждая «изгнать и уничтожить всех голландцев». Когда уполномоченный Раффлза, не зная о том, что произошло, прибыл в Палембанг и потребовал сдачи голландской крепости, султан вежливо заявил, что он изгнал голландцев еще до капитуляции Янссенса и поэтому является независимым. Он отказался подписать договор, признающий английское господство. Раффлз тогда публично заявил о своем намерении наказать султана за жестокость. В апреле 1812 года Джиллеспи во главе экспедиционных войск захватил город. Султан бежал, и вместо него на престол был посажен его брат Ахмед Наджам. В качестве компенсации за избиение новый правитель должен был уступить за денежное возмещение острова Банка и Биллитон, на которых имелись месторождения олова.

Только после того, как он установил твердую английскую власть, Раффлз смог заняться реформой управления. Внимательное изучение его мероприятий показывает, что они представляли собой смесь англо-индийских методов и предложений, уже внесенных в свое время Дирком ван Хогендорпом на основе бенгальской системы. Он разделил Яву на шестнадцать *ланддростамптов*, названных резидентствами, куда входили как Суракарта, так и Джокьякарта. Резидент выполнял административные и судебные функции и, кроме того, выступал в качестве сборщика государственных налогов.

Самым большим новшеством было введение общего налога на землю. Раффлз стремился заменить этим налогом все принудительные повинности, «контингенты» и принудительные поставки. Он объявил правительство единственным владельцем земли. Жители Явы становились, таким образом, арендаторами, вносящими правительству арендную плату за обрабатываемую ими землю. Арендная плата взималась не с отдельных лиц, а с десы (сельской общины) и должна была устанавливаться в зависимости от плодородия почвы. С лучшей земли надлежало уплачивать половину урожая, с худшей — только четверть. Средняя плата определялась в две пятых урожая. Земледелец имел право свободно распоряжаться остальной продукцией, в большинстве случаев состоявшей из риса. Он мог уплачивать свои налоги либо рисом, либо деньгами. В последнем случае он мог вносить деньги старосте десы, который передавал их в окружную контору. Если же он платил рисом, он сам должен был доставить его за свой счет к местонахождению резидентства. Таким образом, возможности для злоупотреблений местных должностных лиц были ограничены, поскольку они больше не были лично заинтересованы в урожае и в значительной мере утратили свое право требовать выполнения принудительных повинностей. Как государственные служащие, они получали твердо установленное жалованье.

Однако такой переворот в жизни подавляющего большинства населения не мог быть проведен одним росчерком пера. Только в конце 1813 года подготовка продвинулась достаточно далеко, чтобы можно было начать проведение этих мероприятий в жизнь. Было признано слишком трудным или слишком неудобным проводить эти мероприятия в районах Преангера, производящих

кофе, где система принудительного труда и поставок глубоко укоренилась. В это время Наполеон потерпел полное поражение в Европе, и полагали, что восстановление мира вызовет большой спрос на яванский кофе. Ввиду недостатка денег надежда продать кофе с большой прибылью казалась поэтому действительно решающим фактором, ибо Ява себя не окупала, и Раффлз отлично понимал, что не было никакой надежды убедить английское правительство в необходимости удерживать этот остров, если бы ему не удалось доказать, что это экономически выгодно. В районах тиковых лесов прежний принудительный труд также оставался в силе.

Вскоре Раффлз понял, что его новые методы не принесли, как он надеялся, ни увеличения дохода, ни улучшения положения земледельцев. При системе обложения десы староста все еще обладал слишком большой властью при распределении земель среди населения. Поэтому Раффлз перешел к системе индивидуального обложения. Однако отношения внутри десы были весьма сложными, и без подробной кадастровой описи было почти невозможно выработать справедливые ставки индивидуального обложения. Его попытка провести такую опись провалилась из-за недостатка времени и квалифицированного персонала. Например, в Сурабайе удалось провести опись лишь в 50 деревнях из 2700. Поэтому размер налогов в большинстве случаев приходилось устанавливать в соответствии с произвольными оценками резидентов. Отмена всех принудительных повинностей на деле также оказалась неосуществимой, и продолжалась ранее существовавшая практика привлечения населения для поддержания в порядке дорог и мостов.

По вопросу о рабстве Раффлз, как ученик Вилберфорса[1], придерживался твердых взглядов. Однако этот институт укрепился слишком прочно, чтобы можно было попытаться полностью отменить его. Поэтому он сделал все что мог для облегчения участи рабов и увеличения их шансов на освобождение. Он начал с того, что в 1812 году установил налог на лиц, державших рабов, и издал приказ, запрещающий с января 1813 года ввозить новых рабов на Яву и на зависимые от нее острова. Вскоре после этого он издал распоряжение, запрещающее торговлю рабами на всем архипелаге. В 1815 году он лишил полицию права держать в заключении по требованию владельца нежелающего работать раба. Было полностью запрещено давнишнее зло туземного происхождения — *панделингсхап* (система залога), в соответствии с которым должник вместе с женой и детьми мог быть схвачен за невозвращенный долг своим кредитором, который мог заставить его работать бесплатно. Наконец, в тот год, когда он был отозван на родину, Раффлз основал Яванский благотворительный институт для ведения пропаганды против рабства. В результате его кампании сильно сократилось число рабов, хотя рабство продолжало существовать.

Энергично перестраивая всю существовавшую систему управления, Раффлз указывал, что реорганизация судебной системы, проведенная Дэндельсом, носила «сложный и путаный» характер. Многое из нее никогда не было проведено в жизнь. В целях упрощения судебной процедуры он отменил прежний Верховный суд и суд олдерменов и учредил в трех крупных портах — Батавии, Семаранге и Сурабайе — апелляционный и полицейский суды. Эти суды применяли голландское колониальное законодательство в гражданских делах, а в уголовных делах — английское судопроизводство с присяжными заседателями. При всех судебных процессах пытки были отменены. Что касается туземного правосудия, то он отменил суды, учрежденные Дэндельсом, и заменил их шестнадцатью местными судами — по одному в каждом резидентстве. Для рассмотрения уголовных дел, наказуемых смертной казнью, он учредил выездные суды (*рехтбанк ван оммеганг*), которые вели дело на месте совершения преступления.

Финансы были одной из самых слабых сторон управления Дэндельса. Раффлза в период его деятельности также обвинили в неэффективности его

[1] Вилберфорс (1759—1835) — видный английский филантроп. — *Прим. ред.*

финансовой политики. Директора Ост-Индской компании обвиняли его в том, что он превратил оккупацию Явы в «источник финансовых затруднений для британского правительства». Он думал, что введение аренды на землю даст излишек средств для покрытия расходов. Доходы действительно возросли, но увеличились и расходы, и каждый год бюджет показывал дефицит. С самого начала он столкнулся с огромным затруднением: он должен был выполнить обещание Минто выкупить бумажные деньги, находившиеся в обращении еще с голландского периода, со скидкой в 20 процентов. Бремя, возложенное тем самым на казначейство, помешало ему выполнить свое предложение об отмене внутренних пошлин и введении свободной внутренней торговли. Установление государственной монополии на соль наряду с введением 10-процентной импортной пошлины на все ввозимые на Яву товары не смогло покрыть дефицит. Поэтому ему пришлось прибегнуть к тому же, к чему в свое время прибегал Дэндельс, то есть продавать государственную землю частным лицам. Но это мероприятие принесло мало прибыли, отчасти потому, что земля была продана очень крупными участками покупателям, не располагавшим достаточным капиталом. Более того, появление в результате продаж, произведенных Дэндельсом, крупных землевладельцев вызвало столь сильное недовольство, что Раффлзу пришлось выкупить обратно немало проданной земли. Однако продажа земельных участков была лишь временной мерой, предпринятой для удовлетворения непосредственных нужд. О введенной им системе обложения земли следует судить по результатам, которые проявились спустя длительный период. Она была сохранена голландцами, когда они возвратились на Яву, и в конце концов оправдала ожидания Раффлза. По словам Ферниволла, который сам является специалистом по вопросам земельного обложения, расчеты Раффлза не были ошибочными, они были просто слишком оптимистичными[1].

Поле деятельности Раффлза было слишком обширно, чтобы в настоящей работе попытаться осветить ее в должной мере. По этому вопросу накопилась значительная литература, как на голландском, так и на английском языке[2] и к этой литературе мы отсылаем читателя; там он найдет более подробное освещение вопросов, затронутых здесь лишь поверхностно. Генерал Джиллеспи, неоднократно расходившийся с ним во мнениях, отправился в Бенгалию в конце 1813 года и вскоре после этого предпринял ряд злобных нападок на Раффлза, что заставило директоров Ост-Индской компании провести обследование его управления. Хотя с него были сняты все обвинения, директора компании, как и лорд Мойра, преемник Минто на посту генерал-губернатора Индии, в такой степени были недовольны его деятельностью, что в начале 1816 года он был смещен со своего поста и вернулся на родину.

Раффлз мечтал превратить Батавию в центр новой Британской островной империи. Однако вскоре после введения его системы аренды земли Наполеон пал и Нидерланды вновь обрели независимость. Цель лорда Каслра, провозглашенная им задолго до того, как собрался Венский конгресс, заключалась в том, чтобы создать сильное королевство Нидерландов (это было частью его плана сделать невозможной дальнейшую агрессию французов в Европе). Поэтому он оставался глух к предложению о том, что Англия должна сохранить за собой Голландскую империю на Востоке; по Лондонской конвенции, подписанной в августе 1814 года, Англия обещала возвратить ее Нидерландам. Однако надежды голландцев вернуть себе империю временно пошатнулись в связи с бегством Наполеона с Эльбы; Раффлз воспользовался случаем

---

[1] Furnivall, Netherlands India, p. 77.

[2] См. особенно: Ledy Raffles, Memoir of the Life and Public Services of Sir Thomas Stamford Raffles (1930); T. S. Raffles, Substance of a Minute recorded on 11 February 1814 and other documents (1814). См. также биографии Раффлза, написанные Деметриусом Чарльзом Булджером (1897), Эгертоном Х. И. (1900), Дж. А. Битьюн Куком (1918), Реджинальдом Куплапдом (1926), F. W. Stapel, Het Engelsche Tusschenbestuur (in «Geschiedenis van Nederlandsch-Indië», 1940, vol. V), M. L. Van Deventer, Het Nederlandsch gezag over Java en onderhoorigheden sedert 1811 (1891); H. D. Levyssohn Norman, De Britisch heerschappij over Java en Onderhoorigheden 1811—1816 (1857).

Ронггенг, или танцующая девушка (из книги Раффлза «История Явы»)

и направил в Англию доклад с исчерпывающим описанием значения Явы для Англии. Однако директора, столкнувшиеся с неопровержимым фактом, что он не сумел до сих пор свести концы с концами на Яве, не были склонны возражать против решения Каслра, и после окончательного поражения Наполеона при Ватерлоо были предприняты шаги к передаче голландцам Нидерландской Индии. До того как эта передача совершилась, в августе 1816 года Раффлз покинул Яву, и его преемнику Джону Фендаллу пришлось выполнить обещание, данное за два года до того.

Некоторое представление о деятельности Раффлза на Яве может дать тот факт, что голландцы, восстановив свой контроль, приняли большую часть его административных и судебных реформ, хотя и внесли в них некоторые изменения. Однако в конечном счете наиболее глубокий след оставил тот дух, которым была проникнута вся деятельность Раффлза, ибо он затронул воображение более свободомыслящих голландцев и внушил им свои филантропические идеалы. Раффлз считал благосостояние туземных народов высшей целью правления. Более того, хотя он провел на Яве всего около пяти лет, он сумел накопить знания о ее народе, языках, институтах, истории, что достойно высшей похвалы, особенно если учитывать тот факт, что в то время этими знаниями крайне пренебрегали сами голландцы. Именно он приказал впервые провести изучение величественного Борободура и обратил внимание на необходимость сохранить древние памятники, которыми он восхищался, объезжая остров. Он был не только весьма активным председателем Батавского общества искусств и науки, но и оказывал большую поддержку ученым-исследователям, таким, как американский естествоиспытатель Томас Хорсфилд, Джон Кроуфорд — автор работ, являющихся выдающимся вкладом в востоковедение[1], и Колин Макензи, который в процессе обследования земельной собственности собирал научный материал и изучал яванские древности. Работа самого Раффлза «История Явы», впервые опубликованная в 1817 году, была первой исчерпывающей работой по этому вопросу. «По научной проницательности,— пишет Ф. В. Стапель,— Раффлз стоял на голову выше прежних голландских губернаторов»[2].

---

[1] Его «История Индийского архипелага» («History of Indian Archipelago») была опубликована в 1820 году. В 1856 году он дополнил ее, и она вышла под названием «Описательный словарь Индийского архипелага и примыкающих к нему стран» («Descriptive Dictionary of the Indian Archipelago and Adjacent Countries») и до сих пор сохранила свою ценность.

[2] F. W. Stapel, Geschiedenis van Nederlandsch Indië, 1930, p. 232.

ГЛАВА XXVI

НАЧИНАНИЯ АНГЛИЧАН В МАЛАЙЕ: ОСНОВАНИЕ СИНГАПУРА

Приобретение Пенанга английской Ост-Индской компанией в 1786 году диктовалось соображениями военно-морской стратегии. Конечно, не упускались из виду и коммерческие соображения, но они имели мало отношения к торговле с Малаккским полуостровом; у компании не была никаких намерений распространить свой политический контроль на Малайю. Закон Питта об Индии от 1784 года был твердо основан на доктрине невмешательства, и преемник Уоррена Гастингса лорд Корнуоллис был твердо намерен сделать все возможное для его применения. Больше того, после ликвидации фактории в Патани в 1623 году компания утратила интерес к Малайе. Большие надежды возлагались на факторию в Патани, основанную экспедицией «Глоба» в 1612 году[1]. Ее считали одной из ключевых позиций торговли на Востоке наряду с Суратом, Коромандельским берегом и Бантамом. Предполагалось, что она будет центром торговли компании в Сиаме, Камбодже, Кохинхине, Борнео и Японии. Когда конкуренция Голландии заставила покинуть эту факторию, ничего не было предпринято для основания нового торгового пункта на полуострове, за исключением небольшого недолго просуществовавшего агентства, основанного в Кедахе в 1669 году для закупки олова.

Позднее, примерно в 1686 году, англичане столкнулись со все более возрастающей необходимостью иметь по стратегическим соображениям военно-морскую базу на восточной стороне Бенгальского залива. До тех пор главным центром английского господства было западное побережье Индии, а Бомбей был единственной важной военно-морской стоянкой. Однако в 1686 году, когда в Индийском океане внезапно появился мощный французский флот, направлявшийся в Сиам, и когда вскоре после этого французы захватили контроль над Мергуи в целях использования его в качестве станции по ремонту военно-морских судов[2], можно сказать, что начался новый этап в военно-морской стратегии Ост-Индской компании. Мадрас сразу понял, какую опасность представляет такая станция для английских факторий на Коромандельском берегу. Хотя сиамская авантюра Людовика XIV и имела внезапный и печальный конец, она все же послужила для англичан основательным уроком, которому сначала уделялось слишком мало внимания, но который позднее приобретал все большее значение, когда стало ясно, что англо-французская борьба за господство в Индии в сильной степени зависит от установления контроля военно-морских судов над Бенгальским заливом.

В этой связи восточное побережье Индии, и особенно Коромандельский берег, приобрело решающее значение. На Коромандельском берегу не только не было удобного рейда для кораблей, но в октябре с переменой направления муссонов с юго-запада на северо-восток эти рейды становились определенно опасными из-за бешеных ураганов, свирепствовавших в октябре и ноябре.

[1] Наиболее исчерпывающим трудом о европейской торговле в Патани является работа Терпстра (H. Terpstra, De Factorij der Oostindische Companie te Patani, 1938).

[2] См. выше, стр. 204, 249.

Поэтому, по словам морских специалистов, флот должен был в начале октября — не позднее 12 числа — удаляться в надежную гавань. В период юго-восточных муссонов, которые начинают дуть в начале мая, Коромандельский берег совершенно безопасен для кораблей, хотя временами неизменно высокие прибои препятствуют сообщению с берегом. Это могло представлять большие неудобства для кораблей, находившихся в ремонте, так как из-за отсутствия доков ремонт должен был производиться на открытом рейде. Поэтому серьезно поврежденные суда, которые нельзя было ремонтировать во время их стоянки на якоре, должны были направляться в Бомбей.

На протяжении XVIII века, когда морские битвы в Бенгальском заливе велись обычно в период юго-западных муссонов, крайне необходимо было иметь ремонтную станцию на восточном побережье, так как после перерыва, вызванного штормами в октябре и ноябре, та сторона, которой раньше удавалось вывести свою эскадру в залив, — а Коромандельский берег был безопасным начиная с января, — получала огромное преимущество при нападении на поселения и морские пути другой стороны. Для англичан эта проблема приобрела особую остроту начиная с 1740 года, когда Лабурдонэ устроил превосходную гавань на острове Маврикия и тем самым предоставил французам решительное преимущество, которым не преминул воспользоваться Дюплекс[1] во время войны за австрийское наследство[2]. Опыт англичан показывал, что флот, уходящий с Коромандельского берега для ремонта в Бомбей, не может вернуться обратно на свою стоянку раньше начала апреля. Таким образом, терялись три ценнейших месяца, когда вражеский флот, ремонтировавшийся на более удобно расположенной станции, мог господствовать в заливе.

Во время военных действий между английской Ост-Индской компанией и Сиамом, возникших в результате грабежей, совершавшихся мергуйскими пиратами в 1680-х годах, Мадрасский совет пришел к выводу, что остров Негрэ, расположенный к югу от устья реки Бассейн, может быть использован в качестве ремонтного пункта и базы, откуда можно отвечать на действия противника на восточной стороне залива. Однако попытка захватить остров не удалась, и было принято решение захватить Мергуи. После «мергуйского избиения» 1687 года было решено испробовать монский порт Сириам, и в сентябре 1689 года туда для ремонта был послан фрегат «Дайамонд». Это было, как мы видели выше[3], началом длительного периода использования этого порта в качестве ремонтной станции.

Французы по настоянию Дюплекса также открыли верфь в Сириаме, и между 1730 и 1740 годами обе страны строили там корабли. Затем вспыхнуло восстание монов, что предоставило Дюплексу соблазнительную возможность вмешаться, поскольку заключение мира в Экс-ла-Шапель развязало ему руки в Европе. Такова печальная история английского поселения на Негрэ и неудачной попытки французов спасти королевство монов от катастрофы. Алаунгпая, завоеватель монов, разрушил как Сириам, так и поселение в Негрэ, и Ост-Индская компания прекратила невыгодное дело в Бирме, сосредоточив свои усилия на том, чтобы нанести поражение французам в Индии, так как эти события происходили во время Семилетней войны.

На опыте этой войны англичане убедились в необходимости устроить ремонтную станцию в таком месте, которое было бы по крайней мере более удобным, чем Бомбей. В октябре 1758 года, после кампании на Коромандельском берегу против эскадры д'Аше, английскому адмиралу Пококу пришлось увести свою эскадру в Бомбей для ремонта, где она пробыла вплоть до конца апреля 1759 года. Во время его отсутствия французская эскадра появилась в заливе, и Лалли[4], напав на Мадрас с суши, смог удерживать город в осаде в течение

[1] Дюплекс — генерал-губернатор французских владений в Индии (1742—1757).— *Прим. ред.*

[2] D o d w e l l, Dupleix and Clive. См. также «Cambridge History of India», V, 119—123.

[3] См. главу XIX.

[4] Лалли — командующий французской экспедицией в Индии во время Семилетней войны.— *Прим. ред.*

шестидесяти шести дней. К счастью для англичан, 16 февраля из Европы прибыли шесть кораблей компании, и Лалли тотчас же снял осаду. Не удивительно поэтому, что, когда в 1763 году кончилась война, директора компании разослали приказы о подыскании подходящего порта на восточной стороне залива.

При таких обстоятельствах на первый взгляд может показаться удивительным, что не делалось предложений о возможности снова вернуться в Бирму. Алаунгпая, как мы помним, умер в 1760 году, а его преемник, Наунгдоджи, пытался убедить калькуттские власти возобновить торговлю с его страной. Французы после благоразумного перерыва действительно вернулись. Военнопленные, взятые с их кораблей, попавших в ловушку в верхней части реки после падения Сириама, оказывали полезные услуги двору Авы, и некоторые из них выдвинулись на ответственные посты. Через посредство одного из них, Пьера Милара, ставшего капитаном королевской гвардии, были установлены хорошие отношения с Пондишери, и в 1768 году французский посол, по имени Лефевр, получил от короля Схинбьюшина разрешение построить верфь в Рангуне. Об этом рискованном предприятии мало известно, однако на верфи был построен ряд превосходных кораблей из тикового дерева, один из которых, «Лористон», водоизмещением в 1500 тонн принял довольно активное участие в морских операциях французов в водах Индийского океана во время американской войны за независимость.

Внимание англичан было, однако, теперь направлено на совершенно другой участок. Новые фактории, появившиеся в результате переворота в торговле, происшедшего в Индийском океане в середине XVIII века, начали играть господствующую роль. Речь идет о быстром развитии торговли между Индией и Китаем, с одной стороны, и об ослаблении голландского контроля над торговлей Малайи и Индонезии — с другой. Переворот был делом рук английских частных лиц — капитанов кораблей и купцов, которые, в то время когда усилия Ост-Индской компании были направлены на то, чтобы нанести поражение французам и заложить основы своих территориальных владений в Индии, добились контроля над ее «местной» торговлей и играли важную роль в развитии ее торговых отношений с Китаем.

Расширение торговли Индии с Дальним Востоком было результатом затруднений, которые испытывали европейские ост-индские компании в изыскании средств для оплаты закупок китайских товаров, не прибегая к вывозу серебра из Европы. «Местные» купцы помогли им разрешить эту проблему, вывозя хлопок-сырец из Бомбея в Китай, а индийские товары, особенно штучные ткани с Коромандельского берега и опиум из Бенгалии,— в Малайю и Индонезию, где они обменивали эти товары на доллары или на товары, имеющие спрос в Кантоне и Макао, и, наконец, контрабандным способом доставляя опиум в Китай[1]. При этих условиях во второй половине XVIII века возникла явная необходимость построить гавань, которая являлась бы ремонтной станцией и торговым центром для Малайского архипелага и в то же время была бы расположена на главном морском пути в Китай.

Когда голландцы вынудили английскую Ост-Индскую компанию уйти из Бантама в 1692 году, она основала поселение в Бенкулене, на западном побережье Суматры. К сожалению, оно оказалось расположенным слишком далеко от главных торговых путей, и английским кораблям в случае необходимости обычно приходилось искать убежища в Батавии. Непомерная плата, которую требовали там голландцы, была предметом горьких сетований. К тому же, как оказалось, нельзя было положиться на их дружественное отношение. Таким образом, контроль голландцев над Малаккским и Зондским проливами мог угрожать расширяющейся торговле с Китаем.

От времени до времени возникали всякого рода проекты для преодоления этих трудностей. Один из этих проектов, привлекший к концу XVII века внимание как английской, так и французской Ост-Индской компании, заключался

---

[1] Holden Furber, John Company at Work (1948), chap. 5, The «Country» Trade of India.

в том, чтобы занять остров, известный под названием Пуло-Кондор и лежащий у западного устья Меконга. Однако, когда англичане в 1702 году сделали такую попытку, она оказалась неудачной[1].

Другой проект, исходивший от мадрасских властей во время Семилетней войны, заключался в том, чтобы отыскать место для станции либо на островах Сулу, либо на островах, расположенных непосредственно к северу от Борнео. Эта идея возникла в связи с открытием коммодором Вильсоном в 1757—1758 годах прохода, который стал известен под названием восточного, или «внешнего», прохода в Китай. Во время плавания в Китай на «Питте» он прибыл в 1757 году в Батавию слишком поздно для того, чтобы иметь возможность идти в Китай обычным курсом через Южно-Китайское море. Поэтому он пошел в восточном направлении, используя северо-западный ветер, через Молуккские острова и оттуда вдоль побережья Новой Гвинеи, чтобы использовать северо-восточный ветер в Тихом океане. Он взял курс сильно на восток от Филиппин и прошел между Лусоном и Формозой (Тайвань), достигнув в конце концов Кантона в более короткий срок, чем если бы шел обычным путем. Его отчет об островах, которые он видел или о которых слышал, побудил Мадрасский тайный комитет послать Александра Далримпла на «Куддалоре» для того, чтобы установить отношения с бугским султаном Сулу и обосноваться где-нибудь в его владениях. Ему поручено было также доложить о гавани, используемой купцами на Никобарских островах.

Далримпл отправился из Мадраса в 1759 году. 28 января 1761 года он заключил с султаном Сулу договор о дружбе и торговле, по которому компания получила разрешение приобрести участок земли для устройства торговой станции при условии, что она поможет султану в случае нападения. В ноябре этого же года он заключил особое соглашение с Дато Бендахарой—главным купцом на Сулу; по этому соглашению Далримпл должен был привезти груз индийских товаров в обмен на груз товаров, который он получит на Сулу для продажи в Китае. Он рассчитывал получить прибыль в 400 процентов к своим первоначальным затратам. Сомнительно, чтобы это рискованное предприятие оправдало возлагавшиеся на него надежды, но вторичное его путешествие, предпринятое в 1762 году с целью осуществить это предприятие, дало ему возможность остановить свой выбор на наиболее подходящем месте, которое стало центром торговли компании в Малайском архипелаге. Это был остров Баламбанган в море Сулу, расположенный в тридцати милях от самого северного пункта Борнео.

В сентябре 1762 года он заключил договор с султаном Сулу об уступке острова и вскоре после этого отправился туда и поднял английский флаг. В том же году в результате экспедиции Корниша и Дрэпера, направившейся из Мадраса, у испанцев была отнята Манила. Далримпл, который присутствовал при захвате города, узнал, что законный султан Сулу, Алимуддин, находился там в плену, а султан Бантила, с которым он имел дело, был узурпатором. Законный султан был так доволен тем, что англичане вернули ему свободу, что охотно подтвердил все уступки, сделанные Бантилой. Далримпл, на долю которого выпала задача восстановить его на престоле, имел возможность начать с ним переговоры о новом договоре, предусматривавшем еще большие территориальные уступки. Однако прошло некоторое время, прежде чем он смог предпринять какие-либо шаги для того, чтобы воспользоваться этими уступками, так как по Парижскому договору (1763), которым закончилась Семилетняя война, Манила должна была быть передана Испании, и в 1764 году он был назначен временным заместителем губернатора для наблюдения за этой передачей. По выполнении этой задачи он посетил Кантон, прежде чем вернуться в Мадрас.

К его большому разочарованию, сделанные им предложения были холодно приняты в Мадрасе. Поэтому он в 1765 году вернулся в Англию, надеясь убедить директоров Ост-Индской компании утвердить его договор и основать

[1] См. выше, глава XXII, раздел *а*.

поселение на Баламбангане. Директора же хотели получить место для поселения в значительно менее отдаленном районе. Они были особенно заинтересованы в Аче на Суматре, и туда посылались миссии в 1762 и 1764 годах. Но султан Аче неуклонно противился всякому плану о сооружении европейского форта в его стране. Делались попытки найти подходящее место в Зондском проливе и к югу от него. Но эти поиски были бесплодными.

В результате провала всех этих попыток директора стали больше склоняться к доводам Далримпла. К тому же он в 1767 году опубликовал брошюру «Отчет об открытиях в южной части Тихого океана до 1764 года», которая, возможно, помогла его делу. Вскоре после этого он предложил свою кандидатуру в качестве командующего экспедицией, снаряженной в 1763 году адмиралтейством для наблюдения за прохождением планеты Венеры через меридиан, но его кандидатура была отвергнута лордом Хауком в пользу капитана Джеймса Кука. Как раз тогда директора компании решили основать поселение на острове Баламбанган и предложили ему управление этим поселением.

Далримпл, который, по мнению Джона Лафтона[1], был сам большего мнения о ценности своих услуг, чем другие, теперь уничтожил всякие шансы быть назначенным руководителем экспедиции тем, что сильно поспорил с директорами по вопросу о его полномочиях, а также тем, что опубликовал свою версию этого спора в форме памфлета[2].

Лорд Хаук отверг его требование назначить комиссию королевского военного флота. Тогда Далримпл стал настаивать на том, что ему должна быть предоставлена абсолютная свобода действий и что его руководство этим рискованным предприятием не должно подвергаться контролю. Спор закончился в марте 1771 года его увольнением на том основании, что он не оказывал должного уважения и не повиновался Совету директоров[3].

План Далримпла, однако, на деле проводился в жизнь; в декабре 1773 года «Британия» под командованием капитана Джона Герберта прибыла на Баламбанган, чтобы основать там поселение. Безобразное отношение Герберта к порученному делу приобрело скандальный характер, но не это было причиной позорного конца всей этой затеи, наступившего через год с небольшим после основания поселения. Остров оказался в центре кишащего пиратами района, и в феврале 1775 года на поселение неожиданно напали пираты с Сулу и уничтожили его. Герберт и еще несколько оставшихся в живых человек бежали в Бруней. Они убедили султана этого государства уступить Ост-Индской компании остров Лабуан и в апреле 1775 года фактически завладели этим островом. Однако в ноябре этого же года они по приказанию директоров ушли оттуда.

Вопрос о Баламбангане был возобновлен позднее при совершенно иных обстоятельствах. Но если даже этот проект удалось бы осуществить, он все же не решил бы проблемы защиты с моря английских владений в Индийском океане. Осуществление проекта способствовало бы развитию торговли с Китаем и обеспечило бы использование Баламбангана как склада для торговли с Малайским архипелагом. Однако были люди, надеявшиеся найти такой пункт, который удовлетворял бы всем трем требованиям. В 1769 году выразителем этой точки зрения выступил Фрэнсис Лайт. Он высказал предположение, что остров Бинтанг, к югу от Сингапура, является с этой точки зрения лучшим местом для поселения.

Лайт был капитаном торгового судна и находился на службе у фирмы «Журдэн, Сюлливан и Де Суза» в Мадрасе, которая вела торговлю с портами в Малаккском проливе. Подобно очень многим «местным капитанам» своего времени, он в прошлом был морским офицером. Он хорошо знал различные

---

[1] DNB s. v. Alexander Dalrimple.

[2] «An Account of what passed between the East India Company Directors and Alexander Dalrimple», 1769.

[3] История Баламбангана изложена в диссертации Иоханнеса Вилли, напечатанной в «The Early Relations of England with Borneo to 1805», 1922; диссертация была представлена в Бернский университет на соискание степени доктора.

малайские государства, и его настойчивость заставила в конце концов Ост-Индскую компанию обратить внимание на интересовавший его район. В 1771 году директора дали Мадрасу распоряжение исследовать характер торговли, которую частные фирмы ведут с Аче, Кедахом и другими соседними районами, и обсудить вопрос о дальнейших переговорах с султаном Аче.

Мадрас, естественно, отнесся скептически к перспективам добиться чего-нибудь в Аче, но когда в 1771 году Лайт был в Кедахе, он убедился, что султан очень хотел бы заручиться помощью европейцев в борьбе против соседнего государства Селангора, войска которого вторглись на его территорию. По совету Лайта султан написал письмо губернатору Мадраса, но получил уклончивый ответ. Поэтому Лайт направил своей фирме письмо с просьбой сообщить в форт св. Георгия, что за оказанную помощь султан согласен уступить компании порт Кедах. Когда же власти форта св. Георгия не откликнулись на это письмо, то он, опасаясь, как бы голландцы не узнали о переговорах, написал 17 января 1772 года непосредственно Уоррену Гастингсу, убеждая его немедленно принять это предложение.

Когда же наконец в результате его давления Мадрас приступил к действиям, были посланы аккредитованные представители как в Аче, так и в Кедах. Обе миссии окончились неудачей. Султан Аче отказался обсуждать предложения, представленные ему Чарлзом Дэвё. Султан же Кедаха очень стремился к сотрудничеству в обмен за гарантированную помощь в случае нападения Селангора. Лайт вел переговоры именно в этом духе и, отлично зная, что компания откажется принять на себя какие бы то ни было обязательства военного характера и будучи в то же время убежден, что простого обещания помощи было бы достаточно для того, чтобы отпугнуть любого возможного агрессора, сумел убедить представителя Мадраса Эдварда Монктона парафировать соглашение. Однако Мадрасский совет наотрез отказался утвердить его, ссылаясь на необоснованный слух, будто султан Селангора в предвидении беспорядков обратился за помощью к голландцам. И хотя Монктон продолжал зондировать почву среди правителей Тренггану и Риау, все это было бесцельно, поскольку «заикающийся парень», как его прозвал разочарованный султан Кедаха, не мог склонить компанию принять условие, без которого ни один малайский правитель не согласился бы предоставить льготы, которых добивались англичане.

В течение двенадцати лет проект Лайта оставался без движения. Правда, была сделана злосчастная попытка обосноваться на Баламбангане вскоре после провала миссий Дэвё и Монктона. Затем началась американская война за независимость, повлекшая за собой возобновление англо-французской борьбы, не говоря уже о «четвертой англо-голландской войне» 1780—1784 годов. Уоррен Гастингс был слишком поглощен другими делами, чтобы уделять внимание этому проекту; и несмотря на то, что Лайт виделся с ним лично в 1780 году в Калькутте и на этот раз убеждал его занять Джанк Сейлан, где он на свой страх и риск обосновался в качестве частного купца, ему не удалось добиться ни войск, ни денег.

Возобновившаяся война с Францией вскоре показала Гастингсу, если только он в этом нуждался, каким опасностям подвергается Коромандельский берег, когда французскими военно-морскими операциями руководит такой грозный флотоводец, как де Сюффрен. Между февралем и сентябрем 1782 года французский адмирал вступал в одну за другой четыре схватки с Эдвардом Хьюзом, не имевшие решающего исхода. Затем он отвел свой флот к берегам Аче для ремонта. Хьюз остался у Коромандельского берега на случай, если его противник решит повторить нападение. Он оставался там слишком долго. В середине октября его эскадра была так сильно повреждена ураганом, что ему пришлось отправиться в Бомбей для ремонта. Прежде чем ему удалось вернуться в следующем году, де Сюффрен вытеснил всю английскую торговлю из Бенгальского залива и почти блокировал Калькутту.

В 1783 году произошел другой интересный инцидент. После единоборства французского корабля «Арроган» с английским кораблем «Викториоз» первый

тправился в Мергуи для ремонта, в то время как его противник должен был проделать путь до Бомбея. Таким образом, Мергуи вновь появился на сцене. Его отобрал у Сиама Алаунгпая в 1759 году. Однако теперь он утратил свое былое значение, так как больше не являлся воротами из Индийского океана в Сиам. Захват французских поселений во время войны повлек за собой ликвидацию французской верфи в Рангуне. Поэтому остров Маврикия завязал тесные отношения с Мергуи. Это снова послужило для англичан причиной затруднений во время борьбы с революционной Францией, начавшейся в 1793 году.

Как только был заключен Версальский мирный договор 1783 года, Гастингс сам приступил к решительным действиям. В 1784 году еще один представитель, Кинлох, был послан в Аче, в то время как другой, Форрест, отправился в Риау. Англичане имели в виду и другие пункты — Андаманские и Никобарские острова, Тринкомали на Цейлоне и Хугли. В 1785 году директора назначили комитет для обследования Новой гавани в Хугли. Пробыв там три года, он сообщил, что не только эта гавань не пригодна для военно-морской базы, но что на всей индийской стороне Бенгальского залива нет такого пункта.

Между тем обе миссии, направленные на другую сторону залива в 1784 году, окончились неудачей. Когда перед султаном Аче поставили вопрос о базе, ранее использовавшейся французами, он, как всегда, проявил враждебное отношение. Султан Риау находился под строгим контролем голландцев, ибо голландцы, сильно встревоженные проявленной ими в военно-морском отношении слабостью в «четвертой английской войне», делали ряд усилий для восстановления своего господства в индонезийских водах. Поэтому эскадра ван Браама прибыла в Риау, опередив Форреста.

Именно в такой обстановке Лайт выступил со своим предложением относительно Пенанга. Бывший в то время генерал-губернатором Индии Джон Макферсон склонялся в пользу Джанк Сейлана, но Лайт убедил его в преимуществах Пенанга, расположенного ближе к Малаккскому проливу и находившегося на расстоянии недельного плавания от Коромандельского берега. Макферсон рекомендовал этот проект директорам и предложил назначить Лайта управляющим проектируемого поселения. Директора приняли предложение, но дали ясно понять, что они не считают оккупацию острова решением военно-морской проблемы. Они считали оккупацию шагом к подрыву голландской монополии, средством помощи малайским правителям противостоять «голландским попыткам поработить их» и путем обеспечения безопасности мореходства в Китайском море. На протяжении последующих десяти лет военно-морские круги считали, что Андаманские острова более пригодны в качестве базы. В 1786 году остров был занят по соглашению с султаном Кедаха[1].

Только в ходе войны с революционной Францией мнение военно-морских кругов изменилось в пользу Пенанга. Вторжение французов в Нидерланды и последовавшее за этим издание «Писем из Кью» в феврале 1795 года повлекло за собой оккупацию англичанами большого количества голландских фортов и факторий, включая Малакку, островов Амбоина и Банда, а также станции на западном побережье Суматры. В качестве баз для военно-морских экспедиций, выполнявших эти операции, были использованы Пенанг и Бенкулен. Когда в 1797 году было решено послать экспедицию под командованием Артура Уэлсли, чтобы покончить с курсированием испанских судов в Манилу, Пенанг служил местом сбора. Уэлсли сам направил правительству Индии весьма благоприятный отчет об этом пункте. Были приложены все усилия для того, чтобы перенести торговлю из захваченной Малакки в Пенанг, и в 1800 году с целью расширения его гавани территория, расположенная напротив него на Малайском полуострове, была куплена у султана Кедаха и стала называться провинцией Уэлсли. Наибольшие надежды возлагались на этот порт в 1805 году, когда статус его был повышен до положения четвертого индийского президентства.

---

[1] См. ниже, главу XXVII.

Затем постепенно наступило разочарование. Раффлз, который прибыл в качестве помощника секретаря в сентябре 1805 года, очень скоро понял, что Пенанг расположен слишком далеко на запад от архипелага, чтобы он мог стать крупным торговым центром для островов; кишащие пиратами воды проливов были слишком серьезным препятствием для туземного мореходства. Больше того, Пенанг находился «за воротами» Голландской империи. Малакка лежит в самой узкой части пролива; в 1808 году, когда Раффлз посетил этот город, он был потрясен теми стараниями, которые прилагались, чтобы уничтожить ее как торговый центр в пользу Пенанга. Однако как военно-морская база Пенанг тоже в конце концов оправдал скептицизм, выраженный директорами в 1786 году. Верфи там строить было нельзя, и местный материал был непригоден для кораблестроения. В 1810 году Малакка стала центром, откуда Раффлз, как главный представитель лорда Минто, организовал завоевание Явы, а в следующем году она послужила местом сбора экспедиции, выполнившей эту операцию. В 1812 году от плана превращения Пенанга в военно-морскую базу полностью отказались.

К этому времени Раффлз, как губернатор Явы и ее владений, уже проектировал установление постоянного английского господства вместо голландского на всем Малайском архипелаге, в результате чего положение резко изменилось. Когда позднее осуществление его мечты было поставлено под угрозу в результате решения правительства Англии возвратить Нидерландскую Индию новому королевству Объединенных Нидерландов и разочарованный создатель империи был переведен на Бенкулен, в его плодовитом мозгу стал зарождаться новый план, опять же предусматривавший приобретение станции, которая находилась бы «не за воротами» Голландской империи.

В это время в воздухе носились различные проекты. Если обратиться к прошедшим нескольким годам, можно сказать, что Амьенский договор 1802 года предусматривал возврат голландцам всех прав и привилегий, которыми они пользовались до 1795 года. Однако Молуккские острова, которыми завладели англичане, оказались весьма важными для торговли с Китаем. Поэтому в 1803 году лорд Уэлсли, генерал-губернатор Индии, столкнувшись с необходимостью вернуть их голландцам, решил снова занять остров Баламбанган. На этом острове была хорошая гавань для укрытия и снабжения флота в восточных морях, и Уэлсли считал, что отсюда можно будет следить за голландцами на Молуккских островах и за испанцами на Филиппинах.

В соответствии с этим английскому президенту на Амбоине Р. Дж. Фаркухару при вручении распоряжения о возврате этого острова голландцам было поручено снарядить экспедицию с целью снова обосноваться на Баламбангане. Это распоряжение он выполнил в начале сентября 1803 года. Затем 7 декабря он отправился в Пенанг, чтобы занять там пост губернатора, оставив вместо себя уполномоченного для управления поселением. В течение следующего года Баламбанган был подчинен юрисдикции Пенанга, и Фаркухар выработал в общих чертах проект полной реорганизации английской торговли на островах Малайского архипелага. Проект предусматривал укрепление Баламбангана и заключение целого ряда договоров с правителями государств на островах архипелага.

Однако в 1805 году это поселение было покинуто. Совет директоров, узнав о намерении Уэлсли снова занять остров, наложил вето на этот план. Возобновление войны с Францией и Батавской республикой потребовало вторичного занятия голландских островов и поселений, а для подобного рискованного предприятия не хватало войск и кораблей. Фаркухар протестовал против эвакуации острова и резко отзывался о безразличном отношении компании к проблеме пиратства. Однако внимание Совета директоров было сосредоточено на Индии, и любой вопрос рассматривался только в связи с позициями англичан в Индии. Таким людям, как Раффлз и Фаркухар, с их ориентацией на Юго-Восточную Азию в отличие от людей, ориентировавшихся на Индию, приходилось сталкиваться с трудностями.

Таким образом, когда было принято решение восстановить Голландскую империю, не только Раффлз, но и Фаркухар придерживался того взгляда, что станция должна находиться «не за воротами» Голландской империи. В 1818 году, будучи резидентом Малакки, Фаркухар направил свое внимание на западное побережье Борнео. Голландцы, однако, разгадали его намерения и опередили его, заняв Понтианак — единственное место, пригодное для его целей. Он посетил также Риау и советовал бугскому вице-королю немедленно обратиться за помощью к англичанам, если на него нападут голландцы.

В том же году Раффлз посетил Калькутту и привлек генерал-губернатора маркиза Гастингса на сторону своего проекта — основать «станцию за пределами Малакки, которая могла бы контролировать южный вход в эти проливы». Риау являлся тем пунктом, который оба имели в виду. Но на случай, если голландцы опередят его, как они это сделали в 1784 году в отношении Форреста, агента Уоррена Гастингса, Раффлз получил указание «открыть переговоры с вождем Джохора» о месте для станции в его владениях. Больше того, прежде чем заняться южной частью проливов, он должен был сделать еще одну попытку убедить Аче разрешить компании основать поселение.

По прибытии в Пенанг Раффлз узнал, что голландцы одержали над ним верх в Риау. Губернатор Пенанга Баннерман резко возражал против всего проекта. Раффлз поэтому решил, что, не теряя времени, следует приступить к выполнению плана основания станции к югу от пролива; переговоры с Аче можно было отложить. В соответствии с этим он поплыл к югу, захватив с собой полковника Фаркухара, который, передав Малакку голландцам, получил из Калькутты распоряжение отложить свой отпуск и присоединиться к Раффлзу для выполнения его миссии.

Фаркухар предложил осмотреть для этой цели Каримонские острова в крайней южной части проливов. Но они оказались непригодными. Непригодным оказался также Сиак на побережье Суматры. Тогда они поплыли в Джохор и по пути «либо случайно, либо намеренно», как говорит Суиттенхэм[1], высадились на острове Сингапур 28 января 1819 года. Раффлз сразу решил, что это идеальное место для его целей. Вождем здесь был малаец Дато, теменггонг Джохора. Он охотно разрешил англичанам основать поселение на острове, и два дня спустя обе стороны подписали «предварительное соглашение». Было, однако, ясно, что оно приобретет силу закона только при том условии, если будет утверждено султаном Джохора. Вопрос заключался в том, кто являлся султаном Джохора.

Следует вспомнить, что в конце XVIII века империя Джохор была расколота на три основные части[2]. Султан превратился в марионетку бугского раджи муды (вице-короля), правителя Риау, а его подлинная власть распространялась лишь на архипелаг Риау — Лингга. Континентальные владения султана были разделены между двумя крупными государственными деятелями — теменггонгом Джохора и бендахарой Паханга. В 1803 году султан Махмуд II сделал бугского раджу Али раджа мудой и поручил ему опеку над своим младшим сыном Тенгку Абдуррахманом. Воспитание своего старшего сына Хусейна, который был назначен его преемником, он поручил Энгку Муде. Молодой человек женился на сестре теменггонга и дочери бендахары; по мнению Уинстеда, Махмуд, подбирая сыну в жены родственниц двух крупнейших малайских вождей в империи, рассчитывал на то, что ему удастся сохранить равновесие сил в борьбе против бугов[3].

За то время, пока Хусейн отлучался в 1812 году в Паханг для празднования своей женитьбы на дочери бендахары, султан Махмуд умер и раджа Джафар, занявший после раджи Али пост вице-короля, убедил Тенгку Абдуррахмана занять престол[4]. По возвращении Хусейн не сумел восстановить свои

---

[1] Swittenham, British Malaya, p. 66.
[2] См. выше, глава XVII.
[3] Winstedt, History of Malaya, p. 168.
[4] Согласно древним малайским обычаям, сын наследовал отцу в том случае, если присутствовал на погребальной церемонии.—*Прим. ред.*

права. Голландцы, устанавливая в 1818 году свой контроль над Риау, игнорировали его и заключили договор с Абдуррахманом. Раффлз утверждал, что условия договора относятся только к Риау, и делал вывод, что голландцы не могут претендовать на Сингапур. Поэтому он решил считать Хусейна законным сувереном и предложил ему обосноваться в Сингапуре в качестве султана Джохора.

Хусейну нетрудно было покинуть Риау, где он жил в бедности, и 6 февраля 1819 года он был провозглашен султаном в Сингапуре. В этот же день он и теменггонг подписали договор, подтверждающий «предварительное соглашение», заключенное 30 января. В обмен за предоставление Ост-Индской компании права основывать фактории в его владениях он должен был получать ежегодное содержание в размере 5 тысяч, а теменггонг — 3 тысячи долларов.

Таким путем Раффлз приобрел Сингапур для Англии. Он назначил Фаркухара первым губернатором и писал на родину: «Сингапур может стать на Востоке тем, чем является Мальта на Западе».

ГЛАВА XXVII

СТРЕЙТС-СЕТЛМЕНТС И БОРНЕО (1786—1867)

а) От приобретения Пенанга до англо-голландского договора 1824 года

Когда 11 августа 1786 года Фрэнсис Лайт завладел островом Пенанг и переименовал его в остров Принца Уэльского, у него и у Джона Макферсона, генерал-губернатора Индии, не было никаких иллюзий в отношении того, что молодой султан Кедаха сделал этот дар только ради получения поддержки для сохранения своей независимости[1]. Это с предельной ясностью вытекало из письма, посланного султаном в предыдущем году правительству Индии; в этом письме он излагал условия, на которых соглашался разрешить англичанам селиться на острове. Принимая этот дар, правительство Индии послало султану свои заверения, составленные таким образом, чтобы внушить ему уверенность в том, что и оно берет на себя связанное с этим обязательство. Сам Лайт, несомненно, надеялся и, может быть, верил, что султан может рассчитывать на помощь компании, в случае если произойдут события, которых можно было ожидать, а именно — нападение Сиама. Вскоре после вступления на пост он заверил султана, что, пока англичане будут находиться здесь, они окажут ему помощь, если он попадет в беду.

Тем не менее в январе 1787 года правительство Индии решило не заключать оборонительного союза с Кедахом. Несмотря на то, что до конца своих дней Лайт настаивал на том, что компания связала себя словом и должна удовлетворить просьбу султана, а сам султан был настолько раздражен, что предпринял неудачную попытку изгнать англичан с Пенанга, компания твердо придерживалась занятой ею позиции. Дело приняло серьезный оборот в 1821 году, когда сиамские войска вторглись в Кедах, изгнали султана и своей жестокостью повергли в ужас его подданных. Компания отказалась помочь Кедаху. Несмотря на то, что начиная с 1787 года компания неоднократно и решительно отказывалась брать на себя обязательства, связанные с оборонительным союзом, султан продолжал утверждать, что компания нарушила данное ему слово.

Поразительнее всего, что эти утверждения султана были поддержаны рядом английских чиновников, среди которых были Джон Андерсон, Роберт Фуллертон и сам Раффлз, не считая подавляющего большинства частных лиц из европейцев в Малайе. С точки зрения строгой законности, султан был, несомненно, неправ, но не может быть также сомнения в том, что, заняв Пенанг, компания взяла на себя моральное обязательство, которое она беззастенчиво отказалась признать и, выражаясь словами Суиттенхэма, тем самым «запятнала имя британца и ослабила его влияние среди малайцев на многие годы». Позиция компании была выше понимания такого практичного человека, каким был Лайт. «Две роты сипаев,— писал он генерал-губернатору,— снабженные четырьмя полевыми пушками с шестифунтовыми снарядами, с запасом ручного оружия и снаряжения смогут успешно защи-

[1] Вопрос этот подробно освещен в следующих работах: Frank Swettenham, British Malaya, p. 36—54; L. A. Mills, British Malaya, 1824—1867, p. 33—42; Richard Winstedt, A History of Malaya, p. 174—183.

тить страну от сиамцев». Сам же он был убежден в том, что ни Сиам, ни Бирма не нападут на Кедах, пока они будут убеждены, что Англия поддержит султана. История отношений Сиама с малайскими султанатами на протяжении XIX века убедительно показала, что уверенность Лайта была обоснованна.

Первоначальное соглашение, в соответствии с которым англичане заняли Пенанг, не было облечено в форму договора. В 1791 году, после того как Лайт отразил слабую попытку султана вернуть себе остров, султан подписал договор, по которому уступал его взамен пенсии в 6 тысяч долларов в год. Но этот документ не предусматривал защиты Кедаха Ост-Индской компанией. В 1800 году был заключен второй договор, по которому султан уступал полоску земли на полуострове, причем его пенсия была повышена до 10 тысяч долларов в год. И в этом договоре не было упоминания об оборонительном союзе. Компания только взяла на себя обязательство не предоставлять убежища мятежникам или изменникам, бежавшим из Кедаха, а также охранять побережье от «врагов, грабителей или пиратов», которые могли напасть с моря. Однако отсутствие упоминания о союзе не означало, что султан отказался от своих притязаний на защиту. Он сформулировал свою позицию в своем первом письме от 1785 года, где изложил условия, на которых он был готов разрешить занятие острова.

Вопрос о том, являлся ли Кедах в 1786 году независимым государством, имел ли он право уступать свою территорию Ост-Индской компании, был также предметом многих споров. А то, что Сиам мог предъявить старые претензии на господство над всем полуостровом и находящимися на нем государствами, не имело большого значения. Китай мог бы предъявлять аналогичные претензии в отношении всей Юго-Восточной Азии, включая тот же Сиам. Бирма в 1786 году фактически требовала от Сиама вассальной зависимости на том основании, что он был завоеван в 1767 году, и пыталась добиться своих притязаний силой оружия. Кедах каждые три года посылал в столицу Сиама *бунга мас*, искусственные декоративные растения с листьями и цветами из золота и серебра. От Кедаха Сиам мог также требовать контрибуции людьми и деньгами. Однако подобные обязательства не следует рассматривать с точки зрения европейских понятий международного права. Они были обычным явлением для Индокитая; более слабые государства брали на себя эти обязательства по отношению к более сильным соседям, видя в этом гарантию против вмешательства; часто, как это было с Камбоджей в ее отношениях с Сиамом и Вьетнамом, приходилось брать эти обязательства по отношению к нескольким более сильным соседям. Точное значение *бунга мас* не поддается определению, но сам Сиам, посылая каждые три года *бунга мас* в Пекин, отверг бы мнение о том, что этим актом он признает зависимость своего государства. Многое зависело от обстоятельств. Сиам изгнал бирманских завоевателей задолго до 1786 года, но еще не был в состоянии проводить экспансионистскую политику в Малайе. Кедах был, таким образом, по существу, независим. Но Сиам быстро восстанавливал свое положение и вскоре предпринял серьезную попытку отстоять свои притязания на Малайские государства.

Новое поселение процветало при Лайте, который был первым его управляющим вплоть до своей смерти в 1794 году. Иммигранты прибывали непрерывно, и система свободной торговли, которая оставалась в силе до 1802 года, позволила новому поселению быстро стать важным торговым центром, где продукция Индии и Англии обменивались на такую продукцию проливов, как рис, олово, пряности, индийский тростник, золотой песок, слоновая кость, черное дерево и перец. В 1789 году общая стоимость импорта и экспорта поселения достигла 853 592 испанских долларов, а через пять лет эта цифра почти удвоилась. Лайт стремился внедрить выращивание пряностей. Его попытки выращивать гвоздику, мускатный орех и корицу не удались, но благодаря его поощрению и финансовой поддержке один китаец привез саженцы перца из Аче, и этот эксперимент увенчался успехом. Главная слабость Пенанга заключалась в том, что он не мог производить достаточно продовольствия

для своего растущего населения. Эта чреватая опасностью зависимость от Кедаха в отношении продовольствия была одной из причин приобретения в 1800 году территории на материке. Надеялись, что в провинции Уэлсли, как называлась новая территория, можно будет выращивать достаточно риса, чтобы покончить с зависимостью от привозного риса.

Лайт до этого не имел опыта управления. Он безоговорочно отчуждал землю и сам присваивал крупные владения. Земля для общественных нужд не резервировалась, и дохода от земли не поступало. Ввиду крайне высокой смертности много земельных участков поступало в продажу, и все это скупала фирма, принадлежавшая другу Лайта, Джеймсу Скотту, который обладал почти полной монополией импортной и экспортной торговли и банковского дела. До 1807 года в Пенанге не было ни установленных законом судов, ни свода законов. Правительство Индии в 1788 году, а затем в 1794 году издало несколько общих правил, устанавливавших порядок судопроизводства в уголовных делах и характер наказаний. Лайт был уполномочен охранять порядок посредством арестов и других обычных наказаний. Ему не подведомственны были дела об убийствах или преступлениях, совершавшихся английскими подданными. Каждая национальность на острове имела свою систему законов, и мелкие гражданские дела разбирались старшинами различных национальных общин — китайской, малайской или тамильской. Более важные дела разбирались европейскими помощниками управляющего. Не было ни одного судьи, который был бы подготовленным юристом, пока в 1800 году в поселение не был послан калькуттский адвокат Джон Диккенс. Он объявил, что единственным действующим законом является закон природы; более поздний комментатор точнее охарактеризовал этот порядок как элементарное применение требований здравого смысла. В 1807 году, после более чем двадцатилетнего периода хаоса, директора получили санкцию английского парламента учредить в Пенанге уголовный суд. Наряду с этим были введены английские гражданские и уголовные законы при том условии, что в ходе судопроизводства суд должен считаться с местными религиями и обычаями в той степени, в какой они совместимы с духом английских законов.

С 1786 по 1805 год Пенанг находился в зависимости от Бенгалии. В течение первой части этого периода компания никак не могла решить вопрос о том, пригоден ли этот остров для морской базы. После захвата Малакки в 1795 году ожидали, что торговля оттуда перейдет в Пенанг. Использование Пенанга в качестве сборного пункта войск, предназначенных для похода против Манилы, и блестящая характеристика, данная ему Артуром Уэлсли, привели к тому, что оценки перспектив острова, осторожные и колеблющиеся ранее, стали крайне оптимистичными. Наконец место для морской базы, которое так долго подыскивалось, было найдено. Поэтому-то англичане и приобрели провинцию Уэлсли в 1800 году, чтобы контролировать обе стороны гавани и сделать Пенанг по мере возможности независимым от снабжения продовольствием извне.

В 1805 году, когда на будущее острова возлагались наибольшие надежды и когда еще не было никаких общественных зданий, за исключением временных построек, не было школ и надлежащей законодательной системы и поселение далеко не окупало себя, оно было повышено до ранга четвертого индийского президентства с числом чиновников более 50, среди которых были гражданские служащие из Индии, работавшие по договору. Но непомерные надежды начали, естественно, скоро уступать место досаде и разочарованию. Гавань была отличной, но было установлено, что она совершенно непригодна для морской базы. Там нельзя было строить доки, а ближайшим источником хорошего строительного леса была Бирма. Кроме того, надежды на развитие здесь торговли не оправдались. Гавань была плохо расположена с точки зрения торговли с архипелагом; она находилась слишком далеко на западе, чтобы местные корабли могли пройти кишащие пиратами проливы, в то время как они могли пользоваться более близко расположенными гаванями. По мере того как выявлялись эти недостатки, росла тревога чиновников по поводу стои-

мости содержания гавани, ибо там было слишком много служащих и дефицит достигал в среднем 80 тысяч фунтов стерлингов. Некоторое сокращение дефицита наступило в 1826 году, когда Малакка и Сингапур перешли от Бенгалии к Пенангу и было образовано президентство Стрейтс-Сетлментс. Спустя четыре года, это президентство было ликвидировано. Стрейтс-Сетлментс стал резидентством под управлением губернатора и совета Бенгалии. Затем в 1832 году столица Стрейтс-Сетлментс была перенесена в быстро развивавшийся Сингапур.

История Малакки при английском господстве в наполеоновский период еще ждет своего историка. За год до начала французской революции был подписан англо-голландский договор, который предусматривал, что в случае возникновения войны в Европе каждая сторона может занять колонии другой в качестве меры защиты против общего врага. Именно в соответствии с этим соглашением изгнанный штатгальтер Вильгельм V подписал в феврале 1795 года «Письма из Кью», разрешавшие голландским колониям допустить английские войска во избежание захвата этих колоний французами. Последовавшая затем оккупация англичанами Малакки не вызвала сопротивления голландцев. Голландские войска и губернатор покинули Малакку, но совет был оставлен, чтобы продолжать управление в соответствии с голландскими методами. Население Малакки уже сократилось до полутора тысяч человек, в то время как в Пенанге оно достигло в том же году 20 тысяч человек.

Было не только предпринято все возможное, чтобы перенести торговлю из Малакки в Пенанг, но англичане воспользовались положением и разрушили великолепный старый форт А Фамоза на тот случай, если когда-либо англичанам придется атаковать этот город. Было бы еще больше случаев вандализма, если бы Раффлз не приехал в этот город на праздник из Пенанга и не написал отчета, благодаря которому, по словам Уинстеда, он спас Малакку. Кстати, он сильно преувеличил стратегическое значение Малакки, когда советовал компании удерживать ее «до тех пор, пока мы действительно не будем вынуждены оставить ее». Малакка должна была быть возвращена голландцам по Амьенскому договору (1802), но война с Наполеоном возобновилась раньше, чем город был передан, и только в 1818 году голландцы получили его обратно.

Посещение Раффлзом Малакки в 1808 году имело более важные последствия, чем спасение древнего города, ибо его отчет вызвал интерес к самому автору у лорда Минто, генерал-губернатора Индии, который назначил Раффлза в 1810 году своим представителем в малайских государствах. Его задача заключалась в том, чтобы путем установления отношений с местными правителями ослабить сопротивление Явы предполагавшемуся вторжению англичан. Так был подготовлен путь к его замечательной карьере и его крупнейшему успеху — основанию Сингапура.

Новое поселение столкнулось с огромными трудностями. Можно было не только ожидать серьезного сопротивления голландцев, но даже многие из тех, кто был на стороне Раффлза, очень легко могли изменить ему. Некоторые из его прежних коллег по Пенангу так сильно завидовали его головокружительной карьере, что делали все возможное, чтобы помешать ему осуществить свой проект — основать поселение на юге пролива. Полковник Баннерман, губернатор Пенанга, который всячески старался убедить его отказаться от этого проекта, был настолько полон зависти к Раффлзу, равно как и к проектируемому им поселению, которое, как он справедливо подозревал, должно было оказаться успешным соперником Пенанга, что отказал в помощи резиденту Сингапура полковнику Фаркухару, который, опасаясь нападения голландцев, обратился к нему за подкреплением. Он зашел так далеко, что убеждал Фаркухара покинуть это место и советовал лорду Гастингсу вернуть его голландцам, которые, как он утверждал, были его законными владельцами[1].

Голландцы, как этого можно было ожидать, протестовали в самых сильных

---

[1] L. A. Mills, British Malaya, 1824—1867, p. 60.

выражениях против действий Раффлза. Однако доводы, приводимые ими для обоснования своих требований, не убедили генерал-губернатора, хотя он и был крайне недоволен Раффлзом за то, что тот вовлек его в ссору с голландцами. Запугивание голландцев наряду с явной завистью Баннермана еще больше укрепило его в мнении, что не следует поощрять идею о немедленном уходе с острова. Он послал губернатору и Совету Пенанга такой строгий выговор, что те сразу выслали Фаркухару требуемые подкрепления. Он предупредил также возможные действия директоров, которые под влиянием чувства раздражения по поводу совершившегося факта могли бы отдать приказ, о котором им впоследствии пришлось бы глубоко пожалеть.

Ибо скоро стало очевидным, что Сингапуру принадлежит большое будущее. Голландцам никогда больше не удалось добиться монополии, которой они некогда располагали, так как наличие Сингапура как свободного порта лишало их этой возможности. Они не могли также закрыть проливы в случае войны и угрожать торговле с Китаем. К июню 1819 года население Сингапура насчитывало уже 5 тысяч человек, а годом позже оно уже значительно превышало 10 тысяч человек[1]. С самого начала подавляющее большинство населения составляли китайцы. Торговля развивалась поразительными темпами: в 1823 году стоимость импорта и экспорта значительно превышала 13 миллионов долларов. Еще более убедительным с точки зрения правительства, пожалуй слишком занятого вопросами текущих прибылей и убытков, был тот факт, что к августу 1820 года доходы Сингапура уже покрывали расходы по его управлению. Поэтому можно действительно сказать, что Сингапур сам завоевал свою победу. Распри с голландцами улеглись сами собой. Директора изменили свою точку зрения на необоснованность требований голландцев. В 1824 году обе стороны решили положить конец непрерывным трениям между ними на Востоке путем заключения договора, который справедливо и четко разграничил бы сферы влияния обеих сторон.

При своем первом резиденте, полковнике Фаркухаре, Сингапур управлялся под общим наблюдением Раффлза как губернатора Бенкулена. Раффлз вторично посетил Сингапур, пробыв там с октября 1822 года по июнь 1823 года, и усердно трудился, чтобы заложить основы будущего процветания Сингапура. Самой неотложной проблемой являлась проблема беззакония, которое царило ввиду небольшого числа служащих и крайней недостаточности полицейских сил. Раффлз издал предписание о назначении двенадцати судей из числа крупных английских купцов и составил временный кодекс законов, основанный на английском праве, с учетом, однако, местных обычаев, касающихся таких вопросов, как религия, брак и право наследования. Он составил правила о регистрации земли, об управлении портом, о запрете работорговли, о полиции, о ликвидации игорных домов, петушиных боев и о создании института для изучения языков Китая, Сиама и Малайского архипелага; этот институт должен был также служить средством «повышения морального и интеллектуального уровня народов этих стран». Раффлз занимался также, как он говорил, «переустройством и планировкой моего нового города». Разумность его мероприятий как градостроителя ставилась под сомнение, а Джон Кроуфорд, которого он назначил преемником Фаркухара в 1823 году, с успехом оспаривал законность его правил о поддержании закона и порядка. Но проблема была столь неотложной, что любой временный распорядок был лучше, чем полное его отсутствие в ожидании того времени, когда директора смогут обеспечить должную правовую систему. А такая система отсутствовала вплоть до 1826 года.

Перед отъездом из Сингапура в 1823 году Раффлз обеспечил выплату пенсии султану Хусейну в размере 1500 долларов в месяц, а теменггонгу — 800 долларов; за это они отказались от монополии и налогов, которыми ранее

---

[1] Брадделл (T. B r a d d e l l, Statistics of the British Possessions in the Straits of Malacca, 1861) считает, что эти цифры, представляющие собой приблизительный подсчет самого Раффлза, преувеличены.

облагали торговлю, и отдали Сингапур полностью под контроль англичан. Условия англо-голландского договора 1824 года потребовали пересмотра этого соглашения, ибо как Хусейн, так и теменггонг предъявляли претензии на территории, которые окончательно были признаны сферой влияния Голландии. Поэтому в августе 1824 года Кроуфорд заключил договор, по которому султан и теменггонг передали навечно остров Сингапур Ост-Индской компании. За это султан получил единовременную сумму 33 тысячи долларов и пожизненную пенсию 1300 долларов в месяц, а теменггонг — единовременную сумму 26 800 долларов и 700 долларов в месяц пожизненно. Они обещали, кроме того, не вступать в союз с какой-либо иностранной державой без согласия Ост-Индской компании и не препятствовать английской торговле во всех портах Джохора на условиях наибольшего благоприятствования.

Англо-голландский договор, заключенный в Лондоне 17 марта 1824 года, был продиктован в первую очередь стремлением британского правительства обеспечить дружественное отношение королевства Объединенных Нидерландов в европейских делах, положив раз и навсегда конец всякому соперничеству и враждебным отношениям обеих стран на Востоке. В этом отношении он является естественным последствием конвенции 1814 года, согласно которой Голландская империя в Индонезии была возвращена новому королевству. В соответствии с условиями договора по территориальным вопросам Нидерланды уступили Англии все свои фактории в Индии, отказывались от своих возражений против занятия англичанами Сингапура, уступили Малакку и обязались не создавать никаких предприятий на Малаккском полуострове или заключать какие-либо договоры с любыми из его правителей. Англичане уступили Нидерландам Бенкулен и все владения Ост-Индской компании на Суматре и обязались никогда не основывать на острове никаких поселений и не заключать никаких договоров ни с кем из его правителей. Такие же обязательства они взяли на себя в отношении Каримонских островов, архипелага Риау — Лингга и «всех других островов к югу от Сингапурского пролива». Ни одна из уступленных территорий никогда не могла быть передана какой-либо другой державе, а если какая-либо из сторон когда-либо оставит уступленную территорию, право на ее оккупацию должно было сразу же перейти к другой стороне. На будущее было согласовано, что служащие обеих сторон должны быть предупреждены о том, что они не имеют права «создавать поселения ни на одном из островов восточных морей, не получив предварительно полномочий от соответствующего правительства в Европе». Таким образом, были четко определены две совершенно обособленные сферы влияния и провозглашен принцип, согласно которому ни одна сторона не должна была вмешиваться в сферу влияния другой стороны.

Статьи договора, касающиеся торговли, предусматривали, что Нидерланды не должны пытаться установить торговую монополию на архипелаге и проводить несправедливую дискриминацию торговли Англии. Обе стороны договорились о предоставлении друг другу условий наибольшего благоприятствования в Индии, на Цейлоне и на архипелаге, а также об определении общих правил установления таможенных пошлин. Больше того, они не должны были заключать договоров ни с одним туземным правителем в восточных морях с целью вытеснения торговли другой стороны из его портов. Англия, однако, согласилась исключить Молуккские острова из этих правил и признала право Голландии на монополию торговли пряностями на этих островах. Эта уступка не имела большого значения, поскольку Европа в то время уже имела другие источники снабжения пряностями и торговля этих островов в значительной степени утратила свое былое значение. Наконец, оба государства обязались деятельно сотрудничать в искоренении пиратства.

Статьи договора, касающиеся территориальных вопросов, имели наибольшее значение, так как устраняли одну из крупнейших причин трений. Но в течение многих последующих лет раздавались непрерывные жалобы на то, что голландцы нарушают статьи договора о торговле и, где только возможно, препятствуют торговле Англии с архипелагом. В материальном

отношении договор был наиболее выгоден Голландии, так как в то время, когда он был заключен, Суматра и многие другие острова архипелага еще не были заняты голландцами. Но мудрость английской политики заключалась в том, чтобы отказаться от возможности создания обширной империи на архипелаге, благодаря чему она получила гарантию, что Голландия воздержится от вмешательства в дела на полуострове. В частности, Англия ничего не потеряла, отдав заглохшую факторию Бенкулен, и мало выиграла, получив не имеющую стратегического значения Малакку. Проливы теперь контролировались Пенангом, с одной стороны, и Сингапуром — с другой. А с развитием торговли в обоих портах Малакка сохранила лишь часть своих прежних торговых операций. Ее гавань быстро затягивалась илом, и она представляла собой немногим более чем склад для товаров, идущих в Пенанг и Сингапур. И тем не менее вытеснение голландцев из Малакки было выгодно для англичан: Малакка являлась для них центром, откуда они распространяли свой контроль на полуостров[1].

Шутливое замечание Уинстеда[2], что история Сингапура написана цифрами, является удачным комментарием к политике его губернаторов вплоть до середины столетия. Их главной задачей было усилить его торговое значение. Сингапур процветал на основе политики фритредерства, проводившейся Раффлзом с почти религиозным рвением. В первые же годы своего существования Сингапур привлек к себе значительную часть торговли Голландской Индии и установил обширные торговые связи с Китаем, Сиамом, Индокитаем и Филиппинами. Он был главным образом транзитным складом, имевшим мировые связи, и едва ли вообще зависел от торговли слаборазвитого Малайского полуострова.

С заключением договора 1824 года окончательно исчез призрак бывшей империи Джохор. Султан Лингги, или Риау, как его называли, правил своими островными владениями, находившимися в сфере влияния Голландии, но ничего не мог сделать для осуществления своих претензий на Джохор и Паханг. Хусейн, называвшийся султаном Сингапура, потому что он жил там, не пользовался вообще никакой властью. Джохором правил темენггонг, а Пахангом — бендахара, и ни один из них не допустил бы вмешательства Хусейна. Теменггонг умер в 1825 году; ему наследовал его одаренный сын Тун Ибрагим. Хусейн умер десять лет спустя после того, как перенес свою резиденцию в Малакку. Его сын Али был слишком молод, чтобы занять его место, и в течение двадцати лет этот титул никому не принадлежал. Это привело к борьбе за власть между Али и Ибрагимом, что причинило английской администрации немало хлопот. Вопрос был разрешен в 1855 году в результате соглашения, согласно которому вся власть над Джохором была передана Ибрагиму. Али получил титул султана, небольшую полоску земли между реками Кесанг и Муар и пенсию. Титул был отменен после смерти Али, в 1877 году, а земля и пенсия все время переходили к его наследникам и преемникам.

Сразу после занятия Сингапура Раффлз начал переговоры о соглашении с султаном Аче. Из этого ничего не вышло, так как центральное правительство этого государства было свергнуто и страна попала в один из часто повторявшихся периодов безвластия. Между Аче и Пенангом шла оживленная торговля, которая никак не была связана с договором, а была обусловлена тем, что различные вассальные раджи Аче, отстаивая свою независимость, охотно открывали свои порты для английской торговли. По англо-голландскому договору 1824 года Англия согласилась аннулировать договор Раффлза на том основании, что он имел своей целью вытеснить голландскую торговлю из Аче. За это Голландия обязалась уважать независимость Аче. Совет Пенанга решил, что нет необходимости добиваться заключения нового договора с Аче.

---

[1] Соглашение 1824 года, по существу, было продиктовано Англией, которая предпочитала иметь дело в Индонезии со слабой Голландией и тем самым обеспечивала себе участие в эксплуатации этой колонии.—*Прим. ред.*

[2] Winstedt, Malaya and its History, p. 60.

б) Стрейтс-Сетлментс с 1824 по 1867 год

Годы, истекшие с момента заключения англо-голландского договора 1824 года до установления системы резидентства в Малайе, представляли собой период, необоснованно названный периодом «полувековой бездеятельности»[1]. До того как в 1925 году Л. А. Миллс опубликовал свое глубокое исследование под названием «Британская Малайя в 1824—1867 годах», этим периодом не занимались, вероятно, потому, что после героического периода Раффлза события и личности последующего периода казались бледными, пока возобновление наступательной политики в 1870-х годах снова не привлекло к ним внимания. И даже современникам малайские дела казались очень незначительными по сравнению с крупными событиями, происходившими в Индии, или даже с борьбой за открытие Китая для английской торговли. Тем не менее достаточно лишь перелистать многочисленные тома документов, относящихся к этому периоду, чтобы убедиться в том, что при незначительном количестве или даже полном отсутствии ярких достижений, этот период был полон деятельности, и деятельности такого характера, которой историку не следует пренебрегать.

Даже если под «бездеятельностью» понимается проведение политики невмешательства в местные дела, то и тогда этот термин может ввести в заблуждение. Если же имели в виду просто указать, что в тот период англичане не сделали новых важных территориальных приобретений, то это можно сказать и о голландцах; однако к ним еще в меньшей степени, чем к англичанам, можно в этот период применить термин «бездеятельность». Этот термин является, по-видимому, одним из тех слов, которые случайно соскользнули с пера американских авторов и, помимо их воли, выразили их представление о британском империализме.

В этот период Сингапур развивался с поразительной быстротой, Пенанг— несколько более умеренными темпами, а Малакка находилась в состоянии застоя. В дополнение ко всему этому две важнейшие проблемы—деятельность сиамцев и пиратство — вынуждали Ост-Индскую компанию, в значительной степени против ее воли, проводить активную политику. В своих инструкциях, непрерывно посылаемых служащим, компания запрещала им вмешиваться в дела малайских государств. Расширение территории было абсолютно запрещено; политические союзы с султанами не одобрялись; фактически компания решительно противилась всему, что могло бы каким-то образом увеличить ее обязательства в Малайе. Она не знала или игнорировала тот факт, что малайские государства находились в состоянии хронических внешних и внутренних беспорядков и были совершенно неспособны навести порядок в своем доме. Поэтому вмешательства нельзя было избежать. Фактически вмешательство происходило все время, несмотря на все запреты и крайнее недовольство Калькутты и правления Ост-Индской компании.

Главная причина такого положения заключалась в том, что в начале XIX столетия Сиам настолько оправился от нашествий бирманцев, что возобновил свои старые претензии на господство над всем полуостровом. Он лелеял эти мечты с тех самых пор, как провалилась его попытка помешать возвышению султаната Малакки. Однако при династии Чакри Сиам стал более могущественным, чем в какой-либо иной период своей истории, и губернаторы Пенанга опасались, что большая часть полуострова подпадет под его иго. При Бодопае Бирма тоже претендовала на расширение своей территории на юг полуострова за счет Сиама. Однако начиная примерно с 1816 года она сосредоточила свои усилия на Ассаме и соседних с ним государствах и поэтому не представляла больше серьезной угрозы растущей мощи Сиама. Но она все же продолжала вести интриги с правителями Малайи против Бангкока и даже в 1819 году угрожала напасть на Сиам.

У Бангкока поэтому не было недостатка в оправданиях своего вмешательства в дела Малайи. Если бы Ост-Индская компания не проявила такой не-

[1] R u p e r t E m e r s o n, Malaysia, A Study in Direct and Indirect Rule, New York, 1937, p. 91.

дальновидности, отказавшись последовать совету Фрэнсиса Лайта в отношении Кедаха, она могла бы избавить своих служащих от многих осложнений в более поздний период. Ибо в 1818 году Бангкок приказал султану Кедаха вторгнуться в соседний Перак и заставить его султана послать *бунга мас*. Претензии Сиама к Пераку не имели никакого основания, и не было никакой причины для вражды между двумя малайскими государствами. Затем в 1821 году султану Кедаха было приказано явиться в Бангкок для объяснений по поводу выдвинутых против него обвинений, включая обвинение в интригах с Бирмой. Когда он отказался повиноваться, сиамская армия внезапно напала на его страну, завоевала ее и опустошила с ужасной жестокостью. Султан нашел убежище в Пенанге. Тысячи беженцев, преследуемых сиамцами, наводнили провинцию Уэлсли. Но, как только к месту беспорядков был послан отряд сипаев, сиамцы стремительно бежали обратно в Кедах. Раджа Лигора, командовавший сиамскими войсками, потребовал выдачи султана, но губернатор Пенанга наотрез отказался сделать это. Султан, увидев, что компания не отвечает на его просьбу помочь ему вернуть престол, завязал отношения с бирманцами, после чего начались приготовления Бирмы, Селангора и других малайских государств для совместного нападения на Сиам. Это так встревожило английские власти в Пенанге, что они сообщили обо всем радже Лигора, и из этой интриги ничего не вышло.

Завоевание сиамцами Кедаха вызвало в Пенанге большие опасения в отношении снабжения продовольствием. Все попытки сделать это поселение обеспечивающим себя всем необходимым не увенчались успехом, и большая часть продовольствия все еще ввозилась из Кедаха. В течение некоторого времени Пенанг пытался также добиться более благоприятных условий торговли с Сиамом. Он вел значительную торговлю оловом с Пераком, Патани и Джанк Сайланом, которые находились в зависимости от Сиама; трудности возникли с Джанк Сайланом, откуда главным образом поступало олово. Поэтому Калькутту убедили направить полномочную миссию в Бангкок для обсуждения важных вопросов. Для выполнения этой миссии выбрали Джона Кроуфорда. Он уже служил на Яве при Раффлзе и стал позднее преемником Фаркухара в Сингапуре. В 1803 году он поступил в Бенгалии в отдел медицинской службы и стал признанным авторитетом в малайских делах.

В 1822 году Кроуфорд направился в Бангкок, получив инструкции не только вести переговоры, но и собрать по возможности больше сведений о стране. Его попытки добиться восстановления султана Кедаха и отмены ограничений, наложенных на английскую торговлю, полностью провалились, но косвенным путем он обеспечил в какой-то степени признание оккупации Англией Пенанга. Его отчеты были крайне ценны, равно как и его книга, которую он впоследствии опубликовал в Англии под названием «Дневник посла генерал-губернатора Индии при дворах Сиама и Кохинхины (1828)»[1]. Он сумел показать, что могущество Сиама было значительно слабее, чем думали власти Пенанга, и что не было оснований опасаться сиамцев в Кедахе. Если бы компания силой воспрепятствовала вторжению в Кедах в 1821 году, говорил он, сиамцам пришлось бы отступить.

В 1824 году началась англо-бирманская война и правительство Индии отдало распоряжение властям Пенанга начать переговоры с Сиамом как возможным союзником. Пенанг направил двух послов, чтобы попытаться убедить раджу Лигора послать войска против Бирмы. Их попытка не увенчалась успехом, но лейтенант Лоу в своем отчете об этой миссии указал, что раджа не был, как предполагалось, полунезависимым правителем, а был лишь сиамским чиновником. Лоу предупредил Пенанг, что Сиам стремился установить контроль не только над Пераком, но и над Селангором. Когда его отчет попал в руки Роберта Фуллертона, энергичного и способного нового губернатора Пенанга,

[1] Другая книга об этой миссии, написанная входившим в ее состав естествоиспытателем Джорджем Финлейсоном, была опубликована в Лондоне в 1826 году под названием «The Mission to Siam and Hué, The Capital of Cochin-China, in the years 1821—1822».

тот стал убеждать Калькутту восстановить власть раджи Кедаха и распространить покровительство Англии на все малайские государства, которым угрожает Сиам. Но правительство Индии отказалось согласиться с его доводами.

Тем временем Перак в 1822 году с помощью Ибрагима, султана Селангора, вновь получил независимость. В начале 1825 года Фуллертон узнал, что раджа Лигора собирается послать флот для завоевания Селангора и Перака. Поэтому он предостерег раджу, что англичане, как преемники принадлежавших ранее голландцам договорных прав в этих двух странах, могли бы препятствовать нападению на них. Эта угроза англичан была оставлена без внимания. Поэтому, когда в мае 1825 года Фуллертон получил сообщение о том, что флот раджи, состоявший из 300 галер, собирается выйти из реки Чанг, он послал канонерки для охраны устья реки. Этот маневр оказался весьма успешным: поход был отменен.

Послом Фуллертона в Лигоре был капитан Барни, племянник Фанни Барни, г-жи д'Арблей[1]. Он был секретарем по военным делам при губернаторе Пенанга с 1818 по 1824 год и заслужил одобрение правительства Индии за собранную им ценную информацию о политическом и географическом положении Малайского полуострова. Его миссия в Лигоре подготовила почву для вторичной попытки начать переговоры непосредственно с Бангкоком, на чем настаивал Фуллертон; визит, который Барни нанес в Калькутту после возвращения из Лигора, убедил генерал-губернатора в том, что он самый подходящий человек, которого следовало бы направить в столицу Сиама в случае, если будет решено принять предложение Фуллертона.

До того как было принято окончательное решение, Барни был снова послан в Лигор, где он узнал, что раджа готовился послать на сей раз сухопутное войско для «помощи» султану Перака против султана Ибрагима. Барни прибег к маневру такого же характера, какой был ранее применен Фуллертоном. Он предупредил раджу, что подобное действие может привести к разногласиям с англичанами, и убедил его подписать прелиминарный договор, по которому он обещал не нападать на Перак или Селангор, взамен чего англичане отказывались вмешиваться в дела Кедаха. Этот договор был подписан 31 июля 1825 года на том условии, что Барни лично передаст его правительству Индии и, если он там будет одобрен, вернется с ним в Лигор, а оттуда вместе с раджей направится в Бангкок, где этот договор послужит основой для разрешения спорных вопросов между компанией и Сиамом. Барни хорошо понимал, что его действия по подготовке подобного договора идут вразрез с доктриной невмешательства. Поэтому он направил письмо совету Пенанга, в котором объяснял, что проводимая им политика неизбежна и что связанные с нею осложнения невелики «по сравнению с бо́льшим злом, которое последует, если позволить Сиаму опустошить территории наших селангорских соседей, превратить их обитателей в пиратов и на многие годы нарушить местную торговлю». Больше того, договор исключал возможность войны с Сиамом. В ходе переговоров он добился еще одного важного пункта, убедив раджу Лигора оставить за султаном Перака право решать, посылать ему в Бангкок *бунга мас* или нет.

Губернатор Фуллертон был восхищен договором Барни и сразу же послал Джона Андерсона для разрешения споров, возникших между Пераком и Селангором, чтобы не оставить Лигору лазейки для нарушения своего обещания. В обоих государствах Андерсона встретили с восторгом и заключили договоры, по которым каждая сторона давала гарантию не вмешиваться в дела другой и соглашалась считать реку Бернам своей общей границей. Раджа Лигора, однако, предпринял еще одну попытку рассмотреть вопрос о Пераке. Под видом посылки посольства к султану он направил туда небольшое войско, что было явным нарушением договора. Фуллертон потребовал отзыва войск, но раджа дал уклончивый ответ; вопрос еще оставался нерешенным, когда из Калькутты пришло известие, что Барни направляется английским послом в Бангкок.

---

[1] Фанни Барни, г-жа д'Арблей (1752—1840) — английская писательница. — *Прим. ред.*

Правительство Индии полностью одобрило мероприятия, предпринятые Барни и Фуллертоном. Оно пошло даже на то, что ратифицировало прелиминарный договор Барни с Лигором. Однако оно не возлагало больших надежд на успех миссии Барни в Бангкоке. Главная цель, которую правительство Индии преследовало, посылая его, заключалась в том, чтобы заверить сиамское правительство, что успехи англичан в войне с Бирмой и завоевание Тенассерима ни в какой мере не представляют угрозы для Сиама и что Ост-Индская компания не имеет намерения распространить свою власть на весь Малайский полуостров. Фуллертон, которому было поручено дополнить своими инструкциями инструкции Калькутты, отдал Барни распоряжение действовать энергично по всем вопросам, касающимся независимости государств в районе, который позднее попал под английский контроль.

Барни прибыл в Бангкок в конце 1825 года и оставался там до июня 1826 года. Опасения возможного нападения англичан были настолько велики в Сиаме, что на все действия Барни там смотрели с крайним подозрением. Но своим терпением и твердостью он добился большего, чем это удалось сделать Кроуфорду. Правда, ему пришлось разрешить министрам составить на сиамском языке проект договора, на который он в конце концов их убедил согласиться; этот договор был составлен в столь туманных выражениях (это с такой очевидностью проявилось в английском переводе), что критически настроенный Фуллертон отказался принимать за чистую монету любую из сделанных сиамцами уступок. Статьи договора, касающиеся торговли, предоставляли англичанам несколько более благоприятные условия, чем этого удалось добиться Кроуфорду, но систематическое нарушение их Сиамом впоследствии оправдало критическое отношение Фуллертона. Обе стороны гарантировали Перак от нападения, признавали право султана управлять страной по своему усмотрению и согласились, что не следует препятствовать ему посылать в Бангкок *бунга мас*, если он этого пожелает. Барни все же не удалось убедить сиамских министров вывести сиамский гарнизон из Кедаха и разрешить вернуться туда султану. Ему пришлось также уступить их требованию о том, чтобы англичане запретили султану нападать на Кедах и перевели его из Пенанга в какое-либо другое место, где он не мог бы причинять беспокойства Сиаму. Это вызвало бурю протестов в Пенанге, но правительство Индии ратифицировало договор, и султан был переведен в Малакку.

Почти столь же сильное недовольство вызвало соглашение относительно Тренггану и Келантана, которое было достигнуто Барни после длительных споров. Соглашение гласило: «Сиам не будет препятствовать или нарушать торговлю в государствах Тренггану и Келантан; английские купцы и английские подданные будут в дальнейшем вести торговлю и поддерживать отношения столь же беспрепятственно и свободно, как они это делали до сих пор; англичане также не будут досаждать нападениями или причинять беспокойства этим государствам под каким бы то ни было предлогом»[1]. Тот факт, что ничего не говорилось о *бунга мас*, дал повод критикам заявлять, что это равносильно признанию зависимости этих государств от Сиама. Барни, однако, утверждал, что договор давал англичанам право препятствовать вторжению Сиама в эти государства и, таким образом, делал англичан защитниками независимости этих стран. Фуллертона это толкование Барни не убедило, но правительство Индии его приняло.

Вскоре после возвращения Барни в Пенанг стало совершенно очевидным, что сиамцы не намерены считаться с соглашением в отношении Перака. Поэтому в сентябре 1826 года губернатор Фуллертон направил капитана Джеймса Лоу с 40 сипаями и небольшим военным кораблем, с тем чтобы заверить султана, что он может не посылать *бунга мас*, если он этого не желает, и что он может рассчитывать на помощь англичан в защите своей независимости. Султан, которому угрожали просиамская группировка при дворе и отряды сиамских войск в стране, заявил, что он весьма охотно занял бы твердую позицию, если

[1] Статья XII договора.

бы английская гарантия была облечена в форму договора. Лоу очень охотно согласился на это предложение и 18 октября 1826 года подписал договор о союзе с султаном. Договор предусматривал, что взамен за английскую помощь против любой угрозы независимости султан не будет поддерживать никаких политических связей с Сиамом, Лигором, Селангором или с каким-либо другим малайским государством и воздержится от посылки Сиаму *бунга мас* или дани в какой-либо другой форме.

Благодаря этому договору, а также благодаря тому, что по совету Лоу султан отстранил своих просиамски настроенных чиновников, вопрос о Пераке был разрешен. Сиамские войска оставили страну, и султан снова обрел независимость. Однако Лоу, охваченный стремлением нанести поражение Сиаму, совершенно пренебрег не только данными ему инструкциями, но и специальными распоряжениями компании о невмешательстве. Султан в знак благодарности предложил уступить Пуло-Диндинг, Пангкор и другие острова у побережья Перака. Еще до того, как оценка правительством Индии деятельности Лоу дошла до Пенанга, султан оказался еще более обязанным англичанам за то, что Лоу разрушил пиратское гнездо на реке Курау, откуда совершались набеги на гавань Пенанга. Взятый в плен атаман пиратов находа[1] Удин был как сиамский подданный передан радже Лигора для совершения суда над ним. Оказалось, что атаман был приверженцем раджи, привлеченным им к участию в борьбе за лишение султана Перака власти; возмущенный раджа убедил Барни согласиться с такой версией этого дела, которая, достигнув Калькутты, заставила бы правительство Индии отстранить Лоу от всякой политической деятельности.

Фуллертон, однако, без труда доказал, что только решительные действия Лоу могли спасти независимость Перака и, больше того, что Удин действительно был пиратом. Он искусно опроверг доводы Барни, использовав при этом собственный доклад и карту последнего, чтобы показать, что Курау находится на территории Перака. Поэтому правительство Индии отказалось осудить Лоу; и хотя правительство продолжало в течение некоторого времени считать договор, заключенный Лоу, неутвержденным и формально никогда его не ратифицировало, оно не делало попыток заменить этот договор другим. Поэтому спустя некоторое время этот договор стали рассматривать как подлинное обязательство, и по крайней мере в трех случаях—в 1844, 1853 и в 1874 годах,—когда Перак обращался за английской помощью, ссылаясь на этот договор, последний был признан законным как в Калькутте, так и в Лондоне.

После этого случая сиамцы оставили свои попытки добиться контроля над малайскими государствами на западном побережье и переключили свое внимание на Келантан и Тренггану на восточном побережье. Однако лишь значительно позже, в 1862 году, события в этом районе достигли критической стадии. Сиамцы часто обращались за английской помощью ввиду частых набегов на Кедах сторонников изгнанного султана и угрожающего развития пиратства, которое им не удавалось подавить. Самое сильное восстание имело место в 1831 году, и подготавливалось оно в Пенанге, под самым носом британских властей. Губернатор Иббетсон своей энергичной блокадой побережья Кедаха оказал ценную помощь сиамцам в подавлении восстания, которое в противном случае могло бы оказаться успешным.

В 1836 и 1838 годах Пенанг снова объединился с сиамцами для выполнения неблагодарной задачи—помешать малайцам вернуть себе власть над малайским государством. Сопротивление, которое пришлось оказывать требованиям султана во время этих восстаний, истощило силы сиамцев; поэтому, когда англичане наконец убедили султана подчиниться Сиаму и сын султана отправился в Бангкок с письмом от властей Стрейтс-Сетлментса, предупреждавших сиамцев, что они больше не могут рассчитывать на дальнейшую помощь в случае нового восстания, правительство Сиама примирилось с положением и в 1842 году восстановило султана.

---

[1] Находа (*мал.*)—шкипер.—*Прим. ред.*

В следующем году султан Кедаха захватил у своего соседа Перака район Криан, проявив при этом такую жестокость, которая является прекрасной иллюстрацией политики, которую называют политикой самоубийства, столь широко распространенной в малайских государствах после падения империи Джохор. Султан Перака пытался бороться против этого и обратился к англичанам за помощью в соответствии с договором Лоу. Но власти Стрейтс-Сетлментса убедили его воздержаться от этого и в конечном счете заставили Кедах в 1848 году вернуть оккупированную территорию.

Между тем Келантан и Тренггану противились медленному, но настойчивому давлению сиамцев, стремившихся установить здесь свою власть. О Келантане в 1836 году говорили, что он «почти подпал под сиамское иго». Тренггану в течение некоторого времени оказывал успешное сопротивление хитрым и тайным маневрам, характерным для политики Сиама. Затем в 1858 году в Паханге началась одна из тех династических распрей, которые так часто меняли ход истории государств Юго-Восточной Азии. Бендахара Паханга умер, а два его сына начали борьбу за наследство. Полковник Каванаг, губернатор Стрейтс-Сетлментса, предложил свое посредничество, поскольку сингапурские купцы жаловались на застой в торговле; но его предложение было отвергнуто, и наконец в середине 1861 года старший брат оттеснил младшего. Последний направился в Бангкок, где нашел другого претендента-изгнанника, султана Лингги, изгнанного голландцами, который настаивал, что он является законным правителем Паханга и Джохора на основании того факта, что он был потомком Абдуррахмана, признанного голландцами в 1818 году, но непризнанного Раффлзом, объявившим в 1819 году в Сингапуре султаном его брата Хусейна.

Полковник Каванаг получил сведения, которые ясно указывали на наличие плана, по которому Сиам, используя в качестве своего орудия обоих изгнанников, собирается добиться контроля как над Пахангом, так и над Тренггану. Экс-султан Лингги должен был занять место султана Тренггану, который отказывался подчиниться Сиаму. Ван Ахмаду, претенденту на Паханг, сиамцы должны были помочь снова попытаться выступить против своего брата. В июле 1862 года экс-султан Лингги направился в Тренггану на сиамском военном корабле в сопровождении Ван Ахмада и флотилии прау. Роберта Шомбурга, английского посланника в Бангкоке, заверили, что экс-султан приехал по чисто личному делу, для свидания со своей матерью. Было немало свидетельств несостоятельности этого заверения; особенно это подтвердилось, когда Ван Ахмад, подстрекаемый экс-султаном, вторгся в Паханг. Под сильным давлением, оказанным Каванагом через Шомбурга и поддержанным правительством Индии, сиамцы обещали увезти экс-султана, но ничего не предпринимали для выполнения своего обещания. Скоро стало очевидным, что они выжидают перемены направления муссона, которая обычно происходит в середине ноября, что сделало бы опасным плавание у восточного побережья Малайи и послужило бы оправданием их отказа послать корабль, на котором можно было бы увезти экс-султана. Экс-султан и Ван Ахмад могли бы, таким образом, иметь время (до апреля следующего года) для выполнения своих планов.

Поэтому Каванаг уступил сильному давлению, оказанному на него сингапурской торговой палатой, и послал военный корабль, угрожая Тренггану бомбардировкой, если не будет выдан экс-султан Лингги и если султан не пообещает не оказывать больше помощи Ван Ахмаду. Когда ультиматум был отвергнут, английский военный корабль обстрелял форт султана. Но это применение силы не помогло; экс-султан бежал в глубь страны; блокада побережья в течение многих недель не дала никакого результата. В конце концов сиамцы увезли экс-султана, предварительно выразив протест английскому правительству по поводу того, что бомбардировка явилась нарушением их территориальных прав. Однако Сиам не делал больше открытых попыток поставить Тренггану под свой контроль. Что касается гражданской войны в Паханге, то она затихла; когда несколько лет спустя бендахара умер, его брат Ван Ахмад занял его место, причем английское правительство против этого не возражало.

Действия Каванага, связанные с бомбардировкой форта в Тренггану, взволновали Англию. В 1860 году Каванаг вмешался в дела минангкабауских государств—Сунгей-Уджонга и Рембау—с целью защитить китайских горняков, а затем в 1862 году он вторгся в Перак, чтобы заставить урегулировать беспорядки, возникшие в связи с делом китайских горняков в районе Ларут. После двукратных дебатов в палате общин он получил строжайший приказ воздерживаться от дальнейшего вмешательства. Не удивительно, что лица, заинтересованные в Малайе, добивались передачи Стрейтс-Сетлментса из министерства по делам Индии в министерство по делам колоний. Они считали, что малайскими делами пренебрегают. В течение многих лет люди на местах, понимавшие необходимость в более сильной политике в отношении местных государств, осуществляли ее не только на свой собственный риск, но и встречали противодействие со стороны собственного правительства. Дело было в том, что правительство Индии не было заинтересовано в Малайе.

Агитация за передачу Стрейтс-Сетлментса другому ведомству была делом Сингапура, который исходил из того, что интересы Англии приносятся безрассудно в жертву, пока краеугольный камень ее торгового превосходства в Восточной Азии рассматривается как «третьестепенное резидентство в изолированной части Индийской империи»[1]. Перед лицом растущей мощи голландцев в Индонезии и появления Франции как империалистической державы в Индокитае контроль правительства Индии и министерства по делам Индии, который связывал руки сингапурскому правительству в его взаимоотношениях с малайскими государствами, стал совершенно нетерпимым. Непосредственная причина движения, которое привело к фактическому переходу в 1867 году Стрейтс-Сетлментса в министерство по делам колоний, заключается в неудачных попытках индийского правительства мешать политике фритредерства, являвшейся характерной чертой планов Раффлза в отношении развития Сингапура и главной причиной его удивительного успеха[2].

в) Пиратство и деятельность раджи Джеймса Брука

По статье V англо-голландского договора 1824 года обе державы обязались «действенно способствовать искоренению» пиратства. Для того чтобы понять, сколь велика стала необходимость в согласованных действиях против этого ужасного зла, достаточно просмотреть указатели к многочисленным томам отчетов Стрейтс-Сетлментса. Это одна из преобладающих тем переписки. В Малайе пиратство являлось настолько старым злом, настолько широко распространенным и многогранным, что, когда европейские державы в XIX веке решили искоренить его, все их усилия в течение многих лет оставались безрезультатными. Ибо пиратство было почетным занятием, которому потворствовали, которое поощряли и в котором непосредственно участвовали высшие властители этого странного малайского мира, мира мемуаров раджи Брука и ранних романов Джозефа Конрада. И нигде в мире географическое положение так не благоприятствовало пиратству.

Несомненно, однако, что особое обострение пиратства в XVIII веке и превращение его в «огромное и пагубное зло» в XIX веке, явилось главным образом результатом дезорганизации местной торговли в архипелаге под влиянием португальцев и голландцев в XVI и XVII веках. По сравнению с методами обогащения португальских флибустьеров систематические и тщательно рассчитанные методы, какими голландцы создавали свою торговую монополию, причинили такое разорение туземным народам и настолько способствовали распаду правительств этих государств, что стали по своему значению самым крупным фактором создавшегося положения. Таким образом, с ослаблением в XVIII веке контроля Объединенной Ост-Индской компании над ее островной империей был открыт путь для расширения пиратства до небывалых масштабов.

---

[1] L. A. Mills, op. cit., p. 263—264.

[2] Миллс в главе XIV своей работы (L. A. Mills, British Rule in Eastern Asia, London, 1942) дает детальный анализ действовавших факторов.

Наивно было бы пытаться объяснить это тем, что только в XVIII веке европейские авторы начали делать различие между пиратом и частным торговцем[1].

В XVIII веке буги, которые приобрели доминирующее влияние среди малайских государств и которые были охарактеризованы Фрэнсисом Лайтом как «лучшие торговцы на восточных островах», своими пиратскими действиями наводили ужас на весь архипелаг. Жестокое обращение голландцев с Макассаром и разрушение государств на Молуккских островах положили начало пиратской карьере бугов. Но это было уже в прошлом, ибо в XIX веке о них как о пиратах уже ничего не слышно.

Еще больший ужас внушали моро, или иланы, с архипелага Сулу. В XIX веке они были известны под именем баланини (по названию группы островов, которые были их родиной). Подобно ланунам, или «пиратам из Лагуны», пришедшим из большой одноименной бухты на юге острова Минданао, баланини пользовались прау водоизмещением от 40 до 100 тонн и с командами от 40 до 60 человек. Это были обычные туземные военные суда, которыми пользовались во всей Юго-Восточной Азии. Лануны и баланини отправляли ежегодно флотилии из нескольких сот подобных судов. Их добычей были мелкие джонки и туземные торговые прау; они редко нападали на европейские корабли и даже на более крупные китайские джонки. Сулу являлся их торговой базой. Наиболее опустошительные набеги с целью захвата рабов и добычи они совершали на Филиппины; хотя испанцы снаряжали много карательных экспедиций, которые разрушали их укрепления и жгли деревни, добиться действенного контроля над ними не удавалось.

Для своих операций против Малайского архипелага флот ланунов шел сначала к Тампассуку на северо-западном побережье Борнео, где он делился на эскадры, каждая из которых имела свой собственный район. Каждый год «пиратский ветер» приводил их в Малаккский пролив, где они стояли в ожидании прау, направлявшихся в Сингапур. Архипелаг Риау—Лингга был для них обычным местом охоты, и население целых островов исчезало в результате их набегов за рабами. На побережье Пенанга и Кедаха они появились только в 1835 году. Нанесенные ими опустошения и разрушения не поддаются исчислению.

Самыми лютыми врагами ланунов и баланини были малайские пираты из архипелага Риау—Лингга, Каримон и других островов вблизи южного входа в Малаккский пролив. Остров Галанг был их главным рынком, где они продавали захваченные товары и рабов. Султана Лингги подозревали в том, что он покровительствовал им; его главные придворные экипировали пиратский флот; то же делали султаны Суматры и Малаккского полуострова. Пиратские прау снаряжались, по-видимому, даже в Сингапуре. Однако малайские прау былиз начительно меньше, чем большие военные суда ланунов и баланини, и на них было меньше людей. По сравнению с их соперниками операции малайских пиратов были значительно меньшего масштаба.

В начале XIX века северо-западное побережье Борнео было одним из наиболее известных пиратских центров. Фактически пиратство осуществлялось морскими даяками, *оранг лаут*, но их нанимали и ими руководили малайские вожди и отдельные арабы, поселившиеся среди них. Морские даяки и лануны, укрепления которых находились к северу от Брунея, были как раз теми пиратами, против которых была главным образом направлена деятельность раджи Джеймса Брука. Главной причиной сохранения пиратства, также как и мавританских корсаров на Средиземном море в XVI и XVII веках, было отсутствие согласованных действий против них морских сил европейских держав. Сотрудничество, предусмотренное англо-голландским договором 1824 года, никогда не осуществлялось. Англичане долгое время испытывали недостаток морских судов, так как Ост-Индская компания после 1833 года, когда она перестала быть торговой компанией, не хотела затрачивать средств на Стрейтс-Сетлментс, от которого она не получала никаких доходов. Голландцы, располагавшие го-

[1] Vlekke, Nusantara, p. 198, 199.

раздо большим, чем англичане, количеством военных судов в архипелаге, сделали больше, чем другие державы, для подавления пиратства, но они концентрировали свои усилия только в своем собственном районе. Точно так же и испанцы сосредоточивали свои усилия на охране Филиппин от ланунов. В 1848 году они изгнали баланини со своих островов. В 1851 году они захватили Сулу и вынудили ланунов перенести центр своей торговли в другое место. Однако лишь позднее, когда испанцы постепенно подчинили своему контролю архипелаг Сулу и Минданао, набеги ланунов на Филиппины прекратились.

Развитие Сингапура привело к такому сосредоточению в нем туземной торговли, что это вызвало еще большее процветание пиратской профессии. С 1819 по 1830 год Стрейтс-Сетлментс располагал лишь несколькими канонерками и шхунами, что было совершенно недостаточно для борьбы с этим злом. Бугские купцы из Сингапура в 1831 году жаловались, что они недостаточно защищены, и грозили прекратить свои рейсы. Положение было настолько трудным, что в 1832 году китайцам из Сингапура было разрешено снарядить собственных четыре судна для борьбы с пиратами. В 1835 году европейские и китайские купцы из Сингапура и Бенгальская торговая палата подавали в английский парламент и правительству Индии петиции об усилении охраны. В результате в Малаккский пролив был послан корабль королевского флота «Андромаха», а капитан корабля и губернатор Стрейтс-Сетлментса были назначены уполномоченными по совместным действиям для подавления пиратства. В 1836 году в Сингапур было послано еще два военных корабля и три канонерки, и в результате их усилий малайским пиратским центрам были нанесены тяжелые удары. В частности, был уничтожен их центр в Галанге. В 1837 году правительство Индии разместило в проливах военные силы в составе двух кораблей королевского военного флота и пяти канонерок, которые должны были находиться там постоянно. Еще большее значение имело прибытие в этом же году небольшого парового судна «Диана». Только паровое судно могло должным образом справиться с галерой, которой при помощи весел удавалось ускользать от парусного судна.

В течение нескольких лет пиратство близ Стрейтс-Сетлментса заметно сократилось. Но в 1843 году сильно оживилась активность малайских ланунских пиратов. Тем временем в 1839 году на сцене появилась новая личность; под инициативным руководством этого человека операции против пиратства проводились так энергично, что в течение нескольких лет оно было почти ликвидировано. Джеймс Брук был сыном члена Бенгальской гражданской службы и сам служил в армии Ост-Индской компании и участвовал в операциях в Ассаме во время первой англо-бирманской войны. Серьезное ранение в бою близ Рангпура вынудило его в 1826 году вернуться в Англию, и вскоре после этого он оставил службу в компании. В 1830 году он отплыл в Китай. Красота Малайского архипелага и опустошения, нанесенные пиратами и междоусобными войнами, произвели на него столь сильное впечатление, что, когда умер его отец, оставив ему крупное наследство, он истратил это наследство на яхту «Роялист» водоизмещением 140 тонн, подготовил отборную команду и в 1839 году прибыл на Борнео с непосредственной целью вести исследования и научную работу.

Когда он прибыл в район Саравака, район был охвачен восстанием против султана Брунея, дядя которого, пангеран Муда Хашим, только что потерпел неудачу при подавлении мятежа даяков. Муда Хашим и Брук стали большими друзьями, и в следующем году Муда Хашим предложил ему управлять Сараваком взамен за предложенную им помощь в борьбе против мятежников. Брук не только подавил восстание, но и завоевал преданность малайцев и даяков, которые долго страдали от плохого управления Брунея. После некоторой отсрочки, вызванной сопротивлением губернатора, он в сентябре 1841 года получил назначение и в следующем году был утвержден султаном.

С заметным успехом занимаясь внедрением справедливого и гуманного управления на вверенной ему территории, Брук настойчиво пытался заинтересовать английское правительство в Брунее. С развитием пароходного сообще-

ния с Китаем возникла необходимость в угольной станции между Сингапуром и Гонконгом, который был приобретен в 1841 году. В те дни корабли потребляли такое большое количество угля, что его хранение на судне было связано с потерей полезной площади под груз; важно было поэтому иметь угольные станции, расположенные не слишком далеко друг от друга, чтобы сократить количество угля, хранимого на корабле. Как на самом Брунее, так и на острове Лабуан имелись залежи великолепного угля, и Брук узнал, что голландцы стремятся завладеть ими. В 1844 году султан Омар предложил уступить Лабуан Англии; Брук посоветовал не только принять это предложение, но и назначить английского резидента в Бруней в качестве советника при султане. Зародившаяся у него мысль шла примерно в направлении создания системы резидентств, введенной позднее в Малайе. Немалое значение имел тот факт, что Хью Лоу, ставший в 1877 году резидентом Перака и бывший подлинным создателем системы резидентства в Малайе, проходил срок своего обучения при Бруке в Сараваке.

Тем временем в 1846 году в Брунее дела приняли критический оборот. Султан под влиянием пиратской клики среди малайской знати, которая видела в мероприятиях Брука против пиратства конец своего прибыльного занятия, убил пангерана Муда Хашима и всех его сторонников. Он пытался также убить Брука и похитить адмирала Кохрейна, чья эскадра в предыдущем году нанесла пиратам Борнео тяжелейший удар, захватив крепость ланунов Маруду. Предводитель ланунов Шариф Осман, убитый в бою, был союзником пангерана Узопа, фаворита султана. Сам Узоп в 1845 году совершил нападение на Муда Хашима, но был захвачен в плен и казнен.

Эффективные меры против пиратства начались с нанесения решительного поражения морским даякам, совершавшим набеги на Саравак. Наместниками султана в стране морских даяков были четыре араба, которые являлись предводителями пиратов и работорговцами. В 1843 году они подготовляли крупное нападение на Брука при поддержке Узопа и Макуты, бывшего наместника Саравака, плохое управление которого послужило причиной восстания, приведшего к вмешательству Брука в 1839 году. Однако этот заговор провалился еще до своего осуществления, так как на корабле королевского флота «Дидо» прибыл капитан Кеппель с целью расследования нападений, совершенных на сингапурские прау на побережье Борнео. Брук сразу же посоветовал начать наступление на серебасов и секарранов—два племени, на которые делились морские даяки. Поэтому «Дидо» и флотилия Брука приступили к разрушению укреплений серебасов. Еще до того, как борьба могла быть перенесена в страну секарранов, «Дидо» должен был отправиться в Китай. Но корабль вернулся в 1844 году и покончил с секарранами таким же образом, как и с серебасами. Затем в следующем году, как мы уже видели, эскадра адмирала Кохрейна нанесла ланунам сокрушительный удар, разрушив их укрепленное поселение в Маруду.

Триумф пиратской партии в Брунее в 1846 году был кратковременным. Брук и Кохрейн появились в устье реки, на которой стоит город Бруней; султан отказался от переговоров; после короткой острой схватки город был захвачен, а султан бежал в глубь страны. Ему разрешили вернуться, поскольку пиратская партия, чью волю он выполнял, была сейчас бессильна и султан соглашался сотрудничать с англичанами в деле подавления пиратства и работорговли. Поэтому, оставив для переговоров капитана Мунди, адмирал Кохрейн отбыл в Китай. По пути его эскадра разрушила два крупных ланунских поселения—Тампассук и Пандассан. В то же время Мунди на корабле королевского флота «Айрис» выполнил задачу подавления сил ланунов на северо-западе Борнео, систематически разрушая поселение, основанное на реке Мамбакут Хаджи Саманом, одним из предводителей пиратской партии в Брунее. В результате лануны покинули свои поселения на северо-западе Борнео и ушли на северо-восточное побережье, где основали новый центр в Тунку.

Будучи восстановлен на престоле, султан Омар уступил радже Бруку все суверенные права на Саравак. Почти одновременно пришло письмо от лорда

Пальмерстона, в котором он разрешал принять предложение султана об уступке Лабуана и заключении торгового договора, но отвергал предложение назначить английского резидента в Бруней. Договоры, которые в результате последующих переговоров были подписаны в 1846 году, обязывали султана ликвидировать пиратство и работорговлю и предоставляли для английской торговли условия наибольшего благоприятствования; договоры предусматривали также, что султан не имеет права отчуждать территорию без согласия англичан. Затем Брук вернулся с триумфом в Англию. Он получил личное дворянство и был назначен губернатором Лабуана, а также комиссаром и генеральным консулом при султане и независимых вождях Борнео.

С самого начала голландцы с растущим опасением следили за деятельностью Брука на северо-западе Борнео. В 1845—1846 годах они направили ряд нот английскому правительству, в которых необоснованно утверждали, что операции англичан в Брунее, и особенно овладение Лабуаном, являются нарушением договора 1824 года. Переписка приобрела несколько обостренный характер, поскольку англичане не только отвергли претензии голландцев, указав, что договор гарантировал права Нидерландов к югу от Малаккского пролива и что Саравак и Бруней расположены на более северной широте, чем Сингапур, но и напомнили им об их собственных непрерывных нарушениях торговых условий договора. Обсуждая вопрос о Борнео, голландцы выдвинули требование, которое шло гораздо дальше простого вопроса о широте,—они требовали от англичан не создавать никаких учреждений на тех островах архипелага, на которых уже имелся голландский пост, даже в том случае, если этот остров принадлежит независимому государству.

Лануны были изгнаны с северо-западного побережья Борнео, но пиратская деятельность морских даяков снова оживилась в 1847 году. Причина этого заключалась в том, что в распоряжении Брука снова оказалось недостаточно сил, а английская эскадра, оказавшая столь эффективную помощь в предыдущий период, была слишком мала, чтобы выполнить все возлагавшиеся на нее обязанности. Как раз в то время, когда малайское и ланунское пиратство было подавлено, значительных масштабов стало достигать китайское пиратство; примерно с 1840 до 1860 года туземная торговля Стрейтс-Сетлментса страдала от нападений больших и хорошо вооруженных китайских джонок, которые нападали даже на европейские суда. Только в 1849 году Бруку снова удалось добиться помощи английского военного корабля.

В начале 1849 года по требованию султана Брунея Брук и его малайцы на шлюпках «Немезиды», парохода королевского флота метрополии, совершили набег на страну морских даяков, но располагали слишком слабыми силами, чтобы нанести решительный удар. Вскоре адмирал Кольер, командовавший эскадрой в китайских водах, сумел послать два корабля королевского военного флота и два парохода компании, силами которых пиратство морских даяков было беспощадно ликвидировано. Решительные действия произошли в Батанг-Мару, где пиратский флот, состоявший из более ста военных лодок, был окружен и уничтожен. Затем было сожжено большое количество деревень серебасов и секарранов, и страна была опустошена. Из 4 тысяч пиратов погибло примерно не больше 800 человек. Потери были бы по крайней мере втрое больше, если бы Брук сознательно не дал бежать большому числу людей. Серебасы и секарраны сдались; вожди, которые препятствовали пиратству, снова получили власть, и, для того чтобы крепко держать в руках морских даяков и помешать пиратской партии снова организовать набеги, султан Брунея уступил их земли Бруку взамен за половину чистого дохода от этих земель.

Эта победа оказала заметное влияние на торговлю Стрейтс-Сетлментса. Была не только освобождена туземная торговля, но Сингапур завязал весьма ценные торговые отношения с Сараваком и Брунеем. Брук, однако, оказался предметом ожесточенных нападок печати в Сингапуре и Лондоне за свои действия против морских даяков. Кампанию открыла в 1849 году «Стрейтс таймс»; за ней последовала лондонская «Дэйли ньюс». В борьбе против Брука приняли участие Давид Юм, Общество мира, Общество защиты туземцев, Сидней Гер-

берт и сам Гладстон, а в его защиту выступили «Таймс», лорд Пальмерстон, лорд Грей, Кеппель и Мунди. В 1854 году он был полностью оправдан королевской комиссией. Дело было в том, что бывший агент Брука, Генри Уайз, использовал нуждающегося журналиста Роберта Вуда для опубликования в «Стрейтс таймс» явно ложного отчета об операции в Батанг-Мару, который был перепечатан «Дэйли ньюс». Уайзу удалось также завоевать доверие Давида Юма, который воспользовался случаем получить известность благодаря нападкам на столь прославленного героя. Брук порвал с Уайзом в 1848 году из-за мошеннических проделок последнего, связанных с компанией Восточного архипелага, основанной им в 1847 году. Кампания против Брука была, таким образом, инспирирована Уайзом, стремившимся отомстить Бруку за отказ последнего, по его собственным словам, «закрывать глаза, ничего не говорить и ждать, что бог пошлет». В 1853 году Брук возбудил судебный процесс по обвинению в мошенничестве компании Восточного архипелага и выиграл этот процесс. В результате устав компании был аннулирован и компания ликвидирована.

Эти нападки на Брука имели одно печальное последствие, заключавшееся в том, что в Сараваке распространилось мнение, согласно которому в случае новых беспорядков Брук не получит больше поддержки британского военного флота. Поэтому существовавшее там китайское тайное общество подготовило восстание. Кучинг, столица Саравака, был сожжен, и было убито много европейцев и туземцев, прежде чем восстание было подавлено. Два года спустя пытались восстать некоторые недовольные малайские вожди. Знаменательно, что во время всех этих беспорядков морские даяки стойко сохраняли верность человеку, который излечил их от пиратства.

ГЛАВА XXVIII

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ ВЛАСТИ В ИНДОНЕЗИИ И «СИСТЕМА КУЛЬТУР» (1816—1848)

После поражения Наполеона при Лейпциге в 1813 году голландцы наряду с другими народами восстали против него. Младший брат ван Хогендорпа[1] образовал временное правительство и призвал из Англии Вильгельма VI Оранского, сына прежнего штатгальтера. В качестве суверенного принца он в соответствии с Основным законом, принятым в 1814 году, получил широкие полномочия, включавшие не только управление государственными финансами, но «чрезвычайный контроль» над колониями. В следующем году, когда по условиям Венского договора Бельгия и Голландия были объединены в королевство Объединенных Нидерландов, Вильгельму был присвоен титул короля.

Лондонская конвенция, принятая обеими сторонами 13 августа 1814 года, предусматривала возвращение Англией всех бывших колоний Голландской Ост-Индской компании, «завоеванных у Голландии после 1803 года», за исключением Капской колонии. О Цейлоне не говорилось в этом соглашении, поскольку он перешел к Англии еще по Амьенскому договору в 1802 году. Богатый месторождениями олова остров Банка у восточного побережья Суматры, который был завоеван в 1812 году, был обменен на Кочин, расположенный на Малабарском побережье Индии. Кто-то однажды заметил, что Англия приобрела свою империю в XIX веке, находясь в состоянии рассеянности. Примерно тот же характер носит замечание Стапеля, что Англия не возражала против возврата Явы Нидерландам потому, что англичане не имели представления о ее ценности и красоте[2].

Для того чтобы принять управление островами, голландский король назначил трех верховных комиссаров: Корнелиса Теодоруса Элоута, барона ван дер Капеллена—весьма авторитетного государственного деятеля и А. А. Бейскерса—бывшего заместителя генерал-губернатора при Дэндельсе. Назначенный председателем Элоут был либералом ортодоксального направления того времени, то есть гуманистом и последователем Адама Смита. В то время как другие должны были вернуться на родину, Капеллен оставался на востоке генерал-губернатором. В январе 1815 года король передал комиссарам «Положение об управлении» (регерингс-реглемент), то есть конституционное положение, составленное по образцу хартии 1803 года и основанное на принципе свободного выбора сельскохозяйственных культур и свободы торговли. Месяц спустя он издал декрет, открывавший путь для торговли Нидерландской Индии.

Возвращение Наполеона с Эльбы и битва при Ватерлоо задержали отъезд комиссаров, и когда они в апреле 1816 года прибыли на Яву, у Джона Фендалла, преемника Раффлза, еще не было инструкций о передаче острова. Поэтому официальная церемония передачи состоялась только 19 августа. Комиссары столкнулись с затруднениями и препятствиями в других поселениях, особенно на Суматре и близ нее, так как в марте 1818 года на сцене вновь появился Раффлз в качестве губернатора Бенкулена и весьма энергично начал действовать против

[1] Это был Гейсберг Карел. Того, который проводил реформы в колонии, звали Дирк.
[2] S t a p e l, Geschiedenis van Nederlandsch-Indië, 1943, p. 225.

восстановления голландской власти на островах. Однако Калькутта поддержала голландцев против Раффлза, и после сдачи Малакки в сентябре 1818 года все прежние опорные пункты были быстро переданы им, за исключением Пенанга, который Раффлзу удалось удержать до мая 1819 года.

Новые голландские власти оказались перед трудной задачей. Голландцы в значительной степени утратили свой прежний престиж. Метрополия была слишком бедна, чтобы оказывать достаточную финансовую поддержку; комиссары не имели флота и располагали лишь небольшой армией. Внешняя торговля находилась главным образом в руках англичан и американцев. Больше того, при либеральной системе, введенной Раффлзом, производство экспортных культур, получение которых было главной целью прежней голландской администрации, пришло в упадок.

Однако финансовый вопрос, возможно, был самым неотложным. Как при Дэндельсе, так и при Раффлзе колония себя не окупала. Элоут полагал, что английская «налоговая система» в противоположность голландской «торговой системе» была гораздо выгоднее для отдельных лиц, чем для государства. Как либерал, он был склонен одобрять свободный выбор культур крестьянами. Как он установил, такую же позицию занимал Мунтингье при обсуждении вопроса в Совете Индии. Поэтому после продолжительной инспекционной поездки было принято решение сохранить введенную Раффлзом систему земельного обложения, использовав десу в качестве единицы обложения. Эта система должна была постепенно совершенствоваться путем обмера и оценки земли; а для того, чтобы предохранить налогоплательщика от ростовщиков, ему была предоставлена возможность уплачивать налог либо в денежной, либо в натуральной форме.

Эти принципы были воплощены в указах о земельном налоге, опубликованных в 1818 и 1819 годах. Эти указы определяли структуру системы территориального управления, которая была сформулирована верховными комиссарами в «Положении об управлении», изданном в декабре 1818 года. Сохранялась схема Раффлза, предусматривавшая деление территории на резидентства, районы, округа и деревни, причем район был переименован в «регентство», а округ— в «район». Однако, в то время как система Раффлза приближалась к прямому управлению, причем регент и его туземный штат подчинялись резиденту, при новом порядке был восстановлен метод «надзора»—старая двойная система, при которой регент, хотя и лишенный многих атрибутов наследственного представителя знати, возглавлял особый участок управления[1]. При этом подчинение регента резиденту имело тенденцию снова приобрести скорее феодальный, чем административный характер. Регент рассматривался как «младший брат», то есть вассальный правитель, в соответствии со значением этого термина, принятым во всей Юго-Восточной Азии. Но такой порядок применялся только на Яве. На других островах, носивших у голландцев название «Внешних провинций», туземные народы оставались под управлением своих собственных вождей, которые в свою очередь находились под надзором голландских губернаторов провинций.

Система правосудия подверглась бодее радикальному пересмотру, хотя и здесь сохранилось многое из системы Раффлза. Была восстановлена и усилена старая двойная система разных законов и отдельных судов для европейцев и туземного населения; там, где Раффлз назначал одного судью или мирового судью, который сам выносил решения с помощью присяжных заседателей или советников, теперь была восстановлена старая коллегия судей, из которых каждый имел право голоса. Для туземного населения были сохранены резидентские суды и окружные суды, действовавшие при Раффлзе. Резидентский суд был переименован в ландрат и состоял из коллегии туземных судей под председательством голландского чиновника. Для европейцев были сохранены суды, основанные Раффлзом в портах Батавия, Семаранг и Сурабайя, и были созданы новые на Амбоине, в Макассаре, Малакке, а в 1825 году—и в Паданге. Суд в

[1] Анализ принципов, применяемых в «Положении об управлении» 1818 года, см. у Ферниволла (F u r n i v a l l, Netherlands India, p. 87—92).

Батавии стал верховным судом и апелляционной инстанцией для всей Нидерландской Индии.

Верховные комиссары выработали всевозможные правила по охране туземного населения. Туземные чиновники должны были получать вознаграждение в виде фиксированного жалованья, а не в виде предоставления земли, которая обрабатывалась для них с помощью рабов. Они не могли заниматься ни торговлей, ни промыслом; главы десы не могли ни под каким предлогом нанимать для себя рабочих из своих деревень. Торговля рабами запрещалась; в связи с этим были утверждены указы Раффлза о рабстве. К сожалению, с этими мероприятиями по охране туземцев больше считались в принципе, чем на практике. Подобно Раффлзу, восстановленные голландские власти сочли необходимым сохранить принудительное выращивание кофе в Преангере и принудительный труд бландонгов в тиковых лесах. Больше того, с введением в 1830 году «системы культур» принцип свободного выбора культур крестьянами был полностью отменен.

К началу 1819 года почти все голландские владения за пределами Явы были переданы Нидерландам и работа верховных комиссаров закончена. Элоут и Бёйскерс вернулись поэтому на родину, оставив ван дер Капеллена генерал-губернатором. Он был наименее прогрессивным из всех троих и уже в 1820 году предоставил туземным вождям большую власть над своими народами, что прямо противоречило политике, установленной «Положением об управлении». Он был недоволен тем фактом, что все большее число европейцев основывало плантации на Яве. Он не разрешал им селиться в Преангере, опасаясь их конкуренции и подрыва правительственной системы выращивания кофе, которую он усиленно внедрял. Поэтому он вынуждал лиц, уже владевших там плантациями и плативших яванцам за их труд больше, чем правительство, продавать правительству свой кофе по тем же ценам, по которым его продавали сами яванцы.

У него было еще больше оснований стремиться к вытеснению европейцев и китайцев из торговли в Преангере. Авансируя деньги земледельцам, они могли скупать их урожай по значительно более низким ценам. Такая практика, помимо того, что она вела к обеднению земледельцев, наносила ущерб и правительству, поскольку земледелец не имел возможности уплачивать полностью свои налоги и стремился продать частным капиталистам кофе, который фактически был собственностью правительства.

Объезжая в 1822 году Яву, ван дер Капеллен убедился, что европейцы, не имея возможности получить землю от правительства, могли ее арендовать в туземных княжествах по соглашениям, известным под названием «контракты на аренду земли», которые предоставляли арендатору не только право пользоваться землей, но и осуществлять феодальные права в отношении земледельцев, прикрепленных к этой земле. В следующем году Капеллен издал декрет, согласно которому все подобные контракты теряли силу с 1 января 1824 года. Его декрет вызвал сильное возмущение. Большинство этих контрактов были долгосрочные, в связи с чем туземные вожди получили крупные авансы, которые им теперь надлежало вернуть. Поскольку они уже истратили деньги, то могли вернуть долги лишь путем нажима на уже и без того угнетенного земледельца. Это вызвало большое недовольство и возмущение против властей, особенно в районе Джокьякарты.

Положение осложнилось еще тем, что послевоенный бум, вызвавший повышение цен на кофе и сахар и увеличение числа кораблей в яванских портах, уступил место кризису, в результате чего превышение дохода над расходами, имевшее место вплоть до 1822 года, сменилось ежегодным дефицитом. Интересно, между прочим, отметить, что поступления от земельного налога продолжали расти, дефицит же был обусловлен сокращением доходов из других источников.

Затруднения отчасти объяснялись тем, что новый административный аппарат обходился значительно дороже, чем во времена Раффлза, и что слишком свободно расходовались средства на строительство дорог и другие обществен-

ные работы. Случилось так, что именно тогда, когда крайне необходимо было проводить политику экономии, ван дер Капеллену пришлось столкнуться с волнением на Молуккских островах, Борнео, Целебесе, Палембанге и на западном побережье Суматры, в результате чего сокращавшиеся финансовые ресурсы еще больше истощились.

По мнению большинства голландцев, главным источником недовольства был тот факт, что внешнюю торговлю в основном держали в своих руках иностранцы. Голландская торговля находилась в особо благоприятном положении благодаря преференциальной системе таможенных пошлин, принятой в 1817 году; однако благодаря превосходству английских тканей перед голландскими английские купцы сохраняли господствующее положение. В надежде нанести удар английским конкурентам Мунтингье предложил голландским купцам объединить свои ресурсы, создав крупную национальную компанию во главе с королем. Вильгельм поддержал эту идею, и в 1825 году возникла «Нидерландсе ханделмаатсхаппей» («Нидерландская торговая компания») с первоначальным капиталом в сумме 37 миллионов гульденов и гарантированным дивидендом в четыре с половиной процента, причем сам король был главным акционером. Это был более претенциозный проект, чем предполагал Мунтингье. Однако компания, как и частные купцы, оказалась не в состоянии, по крайней мере в первые годы, преодолеть английскую конкуренцию.

Стремление ван дер Капеллена помочь туземным народам заставило его попытаться смягчить вредные последствия монополии на пряности на Молуккских островах. Он посетил эти острова в 1824 году и объявил об отмене ненавистной *хонгитохтен*, посредством которой число деревьев, приносящих пряности, удерживалось на уровне, позволявшем ограничивать предложение и удерживать цены. Он надеялся убедить нидерландское правительство полностью ликвидировать монополию, но ему это не удалось.

Ван дер Капеллену также не удалось свести концы с концами. Поэтому в 1825 году было принято решение об отстранении его от должности в связи с его неспособностью управлять финансами. Король Вильгельм понимал, что, для того чтобы покончить с непрерывным ежегодным дефицитом, нужны особые меры, и с этой целью присвоил преемнику Капеллена Дю Бюс де Гисиньи ранг верховного комиссара со специальными полномочиями проводить реформы, какие он сочтет необходимыми. Ван дер Капеллен должен был вернуться на родину в 1825 году, но его отъезд задержался из-за того, что на центральной Яве вспыхнуло серьезное восстание.

Яванская война 1825—1830 годов возникла по ряду различных причин[1]. Большой остроты недовольство достигло в туземных государствах, особенно в Джокьякарте, где последствия ликвидации Капелленом контрактов на аренду земли задели все слои населения. Другой причиной сильного недовольства были пошлины, взимавшиеся на границах между туземной и правительственной территориями, а также ужасные вымогательства китайцев, которым эти пошлины были даны на откуп. Всеобщие беспорядки достигли своего апогея под руководством Дипо Негоро из султанского дома Джокьякарты, у которого были личные причины ненавидеть голландцев.

Пангеран Анта Вирия, более известный как Дипо Негоро, был старшим сыном Хаменгку Бувоно III, который был возведен на престол Раффлзом, когда в 1810 году его отец, султан Сепух, был изгнан на Пенанг. Хаменгку Бувоно III умер в 1814 году, и в соответствии с яванским адатом его престол был унаследован младшим сыном Джаротом, потому что его мать имела более высокий ранг, чем мать Дипо Негоро. Но Раффлз, чтобы умиротворить старшего брата, который пользовался огромным влиянием, обещал возвести его на престол в случае преждевременной смерти Джарота. Однако, когда Джарот Хаменгку Бувоно IV умер в 1822 году, голландское правительство не посчиталось с пре-

[1] «Яванская война» 1825—1830 годов явилась мощным народным восстанием против своих поработителей, к нему примкнула часть феодалов. Дипо Негоро, возглавившего это восстание, индонезийский народ до сих пор чтит как патриота и борца против иноземного господства.—*Прим. ред.*

тензиями Дипо Негоро и признало султаном двухлетнего сына покойного султана—Хаменгку Бувоно V. Очевидно, голландские власти не знали об обещании Раффлза, потому что они назначили Дипо Негоро и другого члена королевского дома, Мангкубуми, опекунами молодого султана.

Спустя немного времени Дипо Негоро поссорился с голландским резидентом в связи с инцидентом, происшедшим в результате отмены ван дер Капелленом контрактов на аренду земли. Но непосредственной причиной, которая в конце концов побудила его поднять знамя восстания, было решение голландских властей провести дорогу через ту часть его владений, где находилась одна священная могила. Он был фанатически религиозен, предавался уединенным размышлениям в священных пещерах и счел себя глубоко оскорбленным, когда голландцы отказались признать его главой верующих на Яве. Как избранник Аллаха, призванный изгнать «неверных», он завоевал широкие симпатии среди простого народа, который видел в нем принца-освободителя, героя старинного предания.

Восстание началось, когда Дипо Негоро, его соопекун Мангкубуми и другие недовольные «ушли в горы». Когда Дипо Негоро внезапно появился у Джокьякарты с крупными силами, население поддержало его; голландцы увезли малолетнего султана; произошло избиение европейцев и китайских сборщиков пошлин. Голландцы были захвачены врасплох, так как большая часть их армии ушла в поход на Палембанг и Бони. Генерал де Кок был послан на центральную Яву со столь слабыми силами, что почти ничего не мог сделать для предотвращения распространения восстания. Однако путем переговоров он убедил сусухунана Суракарты не присоединяться к Дипо Негоро.

Решительных сражений не было. Дипо Негоро и его племянник показали свое искусство в тактике партизанской войны и одерживали победы даже после того, как де Кок получил подкрепление. Напрасно голландцы восстановили на престоле султана Сепуха, низложенного Раффлзом. Он не смог добиться поддержки и умер в 1828 году.

Постепенно, однако, де Кок понял, какие меры следует принять для подавления восстания. Он приступил к сооружению укрепленных пунктов на территории, отвоеванной у повстанцев. Эти пункты были связаны хорошими дорогами, на которых действовали летучие отряды. Дю Бюс де Гисиньи был недоволен большими расходами, связанными с этой системой, но де Кок неуклонно ее защищал, и она принесла решающие результаты. Несмотря на то, что Дипо Негоро был провозглашен султаном в 1828 году, он быстро терял почву под ногами. Опустошения были огромны, и, кроме того, вспыхнула ужасная эпидемия холеры. В 1829 году Мангкубуми и Сентот—главные помощники Дипо Негоро,—считая свое положение безнадежным, перебежали к голландцам. В следующем году Дипо Негоро предложил начать переговоры. Во время переговоров он не захотел отказаться от титула султана и защитника ислама на Яве. После длительных промедлений де Кок нашел выход из положения, арестовав Негоро. Он был сослан в Менадо, на севере Целебеса, а позднее перевезен в Макассар, где и умер в 1855 году.

Во избежание повторения беспорядков голландцы заняли большие территории в Джокьякарте и Суракарте—Баньюмас, Багелен, Мадиун и Кедири. Обоим правителям была уплачена компенсация за потерю территории; однако сусухунан, возмущенный тем, как низко обошлись с ним голландцы за его преданность, покинул свою столицу и устранился от дел. Голландцы, опасаясь новой вспышки, выслали его на Амбоину. Его преемник Паку Бувоно VII без возражений подписал договор, предложенный ему Батавией, и осложнений больше не возникало.

Яванская война помешала Дю Бюс ди Гисиньи добиться действительного улучшения финансового положения. Война обошлась в двадцать миллионов флоринов и финансировалась целиком за счет займов. Ему удалось произвести крайне необходимое сокращение расходов на управление и сократить число резидентств; он рассчитывал на то, что основание Яванского банка и введение новой валюты дадут с течением времени хорошие результаты. Дю Бюс де Ги-

синьи отменил также запрещение контрактов на аренду земли, послужившее причиной стольких беспорядков. Однако в тот момент, когда в финансовом положении Явы наметился перелом, Бельгия восстала против Голландии, и правительство Голландии оказалось перед лицом банкротства.

Однако голландцы не предвидели этого конечного результата, когда король Вильгельм, отдающий себе полный отчет в том, что к проблеме яванских финансов следует подойти совершенно по-другому, назначил на пост генерал-губернатора вместо Дю Бюс де Гисиньи Иоганнеса ван ден Босха и, действуя по совету последнего, издал в 1829 году «Положение об управлении», которое должно было привести к важнейшим изменениям в экономической политике. Ван ден Босх был человеком, самостоятельно выбившимся в люди. В прошлом он находился в армии на Яве; затем начал обработку заброшенного участка земли близ Батавии, поссорился с Дэндельсом и в 1810 году был выслан в Европу; проведя два года в качестве военнопленного в Англии, дошел до поста начальника генерального штаба в королевстве Соединенных Нидерландов, а затем ушел в отставку и стал изучать политическую экономию.

В своих работах он резко критиковал «извращенный либерализм» Дэндельса и Раффлза. Он был скорее практическим реформатором, чем философом, и, как основатель Благотворительного общества, сделал много для ослабления ужасающей нищеты в городах своей страны путем основания колоний в менее развитых экономически самостоятельных районах Фрисландии и Дренте. В 1827 году он был послан со специальной миссией восстановить процветание Голландской Вест-Индии и год спустя вернулся с докладом, в котором показал, каким путем можно добиться крупных ежегодных прибылей для метрополии. Доклад произвел столь сильное впечатление на Вильгельма, что тот назначил ван ден Босха преемником Дю Бюс де Гисиньи с тем, чтобы он мог на деле проверить в Ост-Индии правильность проповедуемых им идей.

Новый генерал-губернатор прибыл на Яву в январе 1830 года и сразу же приступил к осуществлению проекта, который стал известен под названием «система культур». Во многих отношениях это была лишь новая форма старой системы принудительных поставок и «контингентов». Яванского крестьянина считали слишком невежественным для того, чтобы он мог наилучшим образом использовать свою землю; поэтому его следовало принудить отводить часть этой земли под выращивание экспортных культур, причем выращивание должно было проводиться под наблюдением голландских властей, которые должны были получать продукцию вместо денежного земельного налога. Собранные таким образом продукты должны были передаваться голландским купцам, перевозиться на голландских судах и продаваться в Голландии, которая таким путем могла снова стать мировым рынком тропических товаров. В то же время стимулировалась бы и отечественная промышленность, которая получила бы в колониях закрытый рынок.

Принципы этой системы в их применении к земледельцу были следующим образом изложены ван ден Босхом[1]:

1) С населением заключаются соглашения об отведении части их рисовых полей для выращивания продуктов, пригодных для европейского рынка.

2) Отведенная часть будет составлять одну пятую обрабатываемой площади каждой десы.

3) Выращивание культур для европейского рынка не должно требовать большей затраты труда, чем выращивание риса.

4) Отведенная для этих культур земля освобождается от земельного налога.

5) Выращенная продукция сдается властям района, и, если ее стоимость будет оценена выше, чем сумма невзысканного земельного налога, разница пойдет в пользу населения.

6) Убытки от неурожая, если последний вызван не недостатком усердия или сноровки, относятся за счет властей.

---

[1] Цит. из «Indisch Staatsblad» Коленбрандером в его работе «Koloniale Geschiedenis», III, p. 37—38.

7) Туземное население работает под наблюдением местных властей. Надзор европейских чиновников ограничивается контролем над обработкой полей, сбором и транспортировкой урожая и подысканием подходящего места для выращивания этих культур.

8) Работа должна распределяться таким образом, чтобы одна часть работающих занималась выращиванием культур, другая—уборкой урожая, третья—транспортировкой и четвертая—работой на фабриках, однако только в том случае, если нет достаточного количества свободных рабочих.

9) Там, где осуществление системы на практике еще встречает затруднения, освобождение от налога на землю должно строго соблюдаться; кроме того, следует считать, что население выполнило свои обязательства, если оно вырастило урожай; уборка урожая и его обработка должны быть предметом особых соглашений.

Система эта вводилась при благоприятной обстановке, так как в результате яванской войны под голландское господство отошло много новых территорий. Ван ден Босх начал с индиго и сахара. Резиденты устраивали собрания начальников десы и деревенских старост, которым разъясняли, в чем состоит эта система. С китайцами и европейцами были заключены контракты на сдачу продукции голландским властям по твердым ценам. Эксперимент оказался удачным, и поэтому ван ден Босх прибавил к списку продуктов, которые должны были выращиваться для властей, кофе, чай, табак, перец, корицу, хлопок и кошениль. Во всех слоях голландского общества, от высших до самых низших, было много возражений против этого проекта, но огромные расходы на войну с Бельгией являлись неопровержимым аргументом в пользу его дальнейшего применения. Поэтому в 1832 году ван ден Босх получил диктаторские полномочия, и его система превратилась в «спасательный круг, при помощи которого Голландия держалась на поверхности». Однако это обстоятельство изменило характер системы. Возникнув как средство спасения Явы от банкротства, она превратилась в средство спасения Голландии, а со временем—в средство обогащения Голландии за счет Явы.

Начиная с 1832 года элементы принуждения в этой системе стали усиливаться. Каждое резидентство должно было поставлять экспортную продукцию на сумму до двух гульденов на душу населения данного резидентства. С января 1833 года весь кофе, выращенный сверх установленной квоты, должен был продаваться властям по твердой цене. Это прямо противоречило первоначальным обещаниям, что, после того как земледелец выращивал обусловленное количество продукта для правительства на одной пятой части своей земли, он свободен делать что угодно с остальной землей и может как ему угодно распоряжаться своей продукцией. Больше того, хотя третий принцип ван ден Босха гласил, что выращивание продуктов для правительства не должно поглощать больше труда, чем выращивание риса, на практике, поскольку культуры были в некоторых случаях новыми для яванцев, они требовали больше времени и хлопот, чем выращивание риса, и, во всяком случае, выращивание кофе, сахара и индиго требовало больших затрат труда, чем рис.

Голландские власти, нуждавшиеся в деньгах, закрывали на это глаза; фактически все гарантии, предусмотренные в первоначальном проекте, были отброшены. Европейские и туземные чиновники, наблюдавшие за проведением в жизнь этой системы, получали процент от продукции своих районов; они стремились поэтому максимально повысить свой доход и применяли средства, запрещенные правительственными декретами, и нарушали обещания, данные населению. Например, часто более чем одна пятая часть площади десы отводилась для принудительных культур, причем для этой цели использовалась лучшая земля. Больше того, земледелец должен был обрабатывать землю под эти культуры раньше, чем он обрабатывал свою собственную. В результате сокращалось производство продовольствия, так как у яванцев не хватало времени для обработки своих *сава* (поливных рисовых полей). И хотя ван ден Босх определил, что на земле, отведенной для принудительных культур, можно работать не больше

шестидесяти шести дней в году, для выращивания кофе требовалось не меньше девяноста дней. Поскольку же оставалось в силе *херендинстен* (барщина) для поддержания в порядке дорог и мостов, в некоторых районах земледельцу приходилось работать на правительство больше двухсот дней в году. Это привело к тому, что на центральной Яве на протяжении 1848—1850 годов голод стал повсеместным явлением. Стапель считает наибольшим злоупотреблением тот факт, что вопреки четко выраженному запрещению, предусмотренному четвертым и девятым пунктами, налог на землю взимался почти без исключений.

Финансовые результаты новой системы с самого начала полностью оправдали ожидания. Уже в 1833 году Нидерланды получили прибыль в 3 миллиона гульденов. Эта прибыль стала известна под названием активного сальдо (*батиг салдо*), излишка; было подсчитано, что общая прибыль казначейства Нидерландов достигла 900 миллионов гульденов. Она была использована для погашения государственного долга и строительства голландских железных дорог. Система принудительных культур привела также к улучшению финансового положения компании «Нидерландсе ханделмаатсхаппей», которая получила исключительное право перевозить всю продукцию в Голландию. Власти Нидерландской Индии также получили свою долю от этого процветания, так как по соглашению, известному под названием «система консигнации», часть дохода должна была передаваться казначейству Батавии.

«Система принудительных культур,—пишет Ферниволл,—вызвала реакцию среди либералов, и авторы этого направления описывали ее в самых мрачных тонах; с тех пор она больше никогда не подвергалась критическому изучению»[1]. Этот факт слишком часто недооценивали голландские историки. «Ост-Индия не выиграла ничего, последствия этой системы были для нее пагубными»,—такая оценка, по-видимому, отражает всеобщую точку зрения. Это почти так же справедливо, как верно утверждение, что Георг III потерял английские колонии в Америке. Население Явы увеличилось при системе принудительных культур с 6 до 9,5 миллионов человек. Данные об экспорте риса показывают, что выращивание его увеличилось. Возрос доход от налога на соль и рыночных сборов, значительно увеличился также импорт хлопчатобумажных изделий. Внедрение многих новых экспортных культур и опыты, проводившиеся департаментом сельского хозяйства, особенно опыты по выращиванию чая, были, несомненно, выгодны для Явы.

Следует остерегаться обобщений. В некоторых местностях, а именно на восточной Яве, где чиновники уделяли одинаковое внимание и рису и сахару, наблюдалось процветание. В других же, где чиновники уделяли внимание только выращиванию экспортных культур и не заботились о рисе, царил голод. Имелись хорошие чиновники, которые думали о благосостоянии народа; но, к сожалению, было слишком много и таких, точка зрения которых определялась их задачами по выращиванию экспортных культур и стремлением завоевать хорошую репутацию у правительства. С точки зрения интересов Индонезии в целом, на протяжении периода наиболее полного применения системы—примерно с 1830 по 1860 год,—голландцам могут быть предъявлены два очень серьезных обвинения. «Внешние владения» были заброшены; голландцы сосредоточили свое внимание больше чем когда-либо на Яве и в середине XIX века мало интересовались другими островами. Они не вели также систематической энергичной борьбы с пиратством, являвшимся важной проблемой.

Только благодаря целому ряду вспышек голода на протяжении 1843—1848 годов народ впервые понял, что здесь кроется что-то неладное. Беспорядки начались в Черибоне—рисовом районе, который при системе принудительных культур был вынужден выращивать кофе, сахар, индиго и корицу. В 1843 году рис был включен в число экспортных культур, и налог на землю под рисом взимался натурой. Это вызвало серьезный голод и привело к бегству людей из этих мест. Другие районы на центральной Яве оказались в еще худшем положении в результате вспышек голода. Это вызвало недовольство против системы,

[1] Furnivall, Netherlands India, p. 135.

которое постепенно все усиливалось. Генерал-губернатор Рохуссен вынужден был сократить выращивание экспортных культур в затронутых голодом районах и всячески старался следить за тем, чтобы проводились в жизнь первоначальные указания ван ден Босха о должном внимании к выращиванию риса.

Значительно большее влияние оказали в конечном счете радикальные конституционные изменения, имевшие место в Голландии в 1848 году под влиянием революционного движения, потрясшего всю Европу в этом году. В результате изменения конституции король был лишен только ему одному принадлежавшего права отвечать за колонии; это право было передано Генеральным Штатам. Это привело к тому, что оппозиция в нижней палате все усиливалась и под руководством барона ван Хувелла достигла апогея. По мнению либералов, «система культур» к 1840 году устарела. Однако много воды утекло, прежде чем она была окончательно ликвидирована и, даже можно сказать, прежде чем что-либо реальное было предпринято для смягчения причиненного ею зла. Однако все сильнее звучали голоса, требовавшие, чтобы правительство в первую очередь заботилось об интересах туземных народов; и, несмотря на то, что в Гааге одно реакционное правительство следовало за другим, колониальная оппозиция приступила к выработке позитивной либеральной политики. Эта политика должна была в конце концов смести систему, которая, по мнению оппозиции, представляла собой «корень зла», так как являлась противоположностью частного предпринимательства—этой панацеи либералов.

ГЛАВА XXIX

ПРОНИКНОВЕНИЕ АНГЛИЧАН В МАЛАЙЮ

Тех, кто добивался передачи Стрейтс-Сетлментса из министерства по делам Индии в министерство колоний, должны были разочаровать непосредственные результаты этой перемены, так как за время пребывания (с 1867 по 1873 год) Гарри Орда на посту первого губернатора, назначенного министерством по делам колоний, политика невмешательства проводилась еще более строго, чем раньше. Сам Орд невольно служил в этом деле орудием правительства метрополии и позднее жаловался на то, что ему напрасно мешали установить отношения с малайскими правителями, ибо он оставался беспомощным свидетелем растущего беспорядка и распада, охвативших большинство малайских государств, в то время как он прекрасно знал о господствовавшем в торговых кругах Стрейтс-Сетлментса мнении, что внутренние районы полуострова богаты природными ресурсами и что при наличии там мира и порядка можно было бы развить значительно бо́льшую торговлю.

Помимо междоусобной вражды между самими вождями, начиная с середины XIX века все более острой становилась проблема массового притока китайских горняков в районы оловянных месторождений. Горняцкие поселки, насчитывавшие тысячи горняков, возникли в Ларуте (Перак), Куала-Лумпуре и Кланге (Селангор), Сунгей-Уджонге, Негри-Сембилане, свободной конфедерации девяти минангкабауских государств. Ларут управлялся с 1850 года вождем Лонг Джафаром, который уговорил тысячи китайцев идти работать на оловянные рудники в этом районе. Они делились на два крупных враждующих между собой общества—Сы Хин и Хай Сан; при сыне Джафара, Нгах Ибрагиме, стычки этих клик приняли нетерпимый характер. Больше того, существовала серьезная опасность, что в эту борьбу будет втянут Пенанг, поскольку штабы обоих обществ находились там и они ввозили оружие и снаряжение именно через Пенанг. Пиратство сильно развилось на побережье Перака, а схватки между кланами происходили на улицах самого Пенанга. Положение осложнилось еще тем, что в 1871 году умер султан и разгорелась борьба за престол. Когда Гарри Орд в надежде добиться прекращения враждебных действий предложил созвать собрание вождей для урегулирования этого дела, они отказались явиться, и он был бессилен вмешиваться в дальнейшем.

Для Селангора обычным явлением были, как указывает Фрэнк Суиттенхэм, «грабежи, столкновения и убийства». Во время правления Орда шла кровопролитная борьба между раджей Махди, членом правящего дома, и прогрессивным зятем султана Селангора, братом султана Кедаха, которого Орд сделал вице-королем. В 1871 году пиратское нападение китайцев из Куала-Лумпура на джонку, плававшую под английским флагом, привело к вмешательству корабля королевского флота «Ринальдо». Другие малайские государства присоединились к этой борьбе, и беспорядки приняли столь серьезный характер, что угрожали нарушить поставки олова малаккскими и сингапурскими купцами. Попытка Орда договориться об урегулировании вопроса снова окончилась неудачей. Когда торговая палата Сингапура пожаловалась на невозможность вести торговлю на полуострове, министр поручил Орду передать ей, что вмеша-

тельство допустимо лишь в случаях борьбы с пиратством или в целях охраны английских подданных или английской территории от нападения.

В 1873 году Орду была вручена петиция от 248 китайцев, в число которых входили все видные китайские купцы в Стрейтс-Сетлментсе, с просьбой о защите их законной торговли; докладывая об этом деле лорду Кимберли, министру по делам колоний в кабинете Гладстона, Орд привел почти буквальные выражения петиции: «Фактически нынешнее состояние дел на Малаккском полуострове таково..., что самая богатая часть его находится в руках нарушителей закона и бунтовщиков и что, за исключением Джохора, только в государствах, до некоторой степени зависимых от Сиама, поддерживается порядок».

В 1863 году Англия начала, как тогда говорили, «серьезную дипломатическую битву»[1] с голландцами по поводу нарушения ими договора 1824 года, что якобы выражалось в расширении ими своих владений на Суматре. Торговая палата Сингапура жаловалась, что, когда голландцы устанавливали свой контроль в некоторых портах восточного побережья, которые раньше были открыты для английской торговли, они заявляли раджам, что соглашения, заключенные с их предшественниками, больше не имеют силы. В ходе обмена мнений выяснилось, что голландцы готовы удовлетворить требования англичан взамен предоставления им свободы действий в отношении Аче, пиратская деятельность которого причиняла беспокойство обеим сторонам в течение полувека.

Этот вопрос приобрел еще большую важность для голландцев, когда они узнали, что в 1869 году султан Аче безуспешно обращался к Турции за помощью против голландцев. В том же году с открытием Суэцкого канала положение Аче на северной оконечности Суматры приобрело большее, чем когда-либо раньше, стратегическое значение. В 1871 году было достигнуто соглашение, в соответствии с которым в обмен за уступку Англии голландских владений на Золотом Берегу в Западной Африке голландцы получили свободу действий на Суматре, с той, однако, оговоркой, что английской торговле в архипелаге должны быть предоставлены точно такие же условия, как и голландской.

Договор о Суматре, как его называли, был подписан 2 ноября 1871 года и положил начало новому продвижению голландцев в Индонезии. В 1873 году они начали длительную войну за завоевание Аче. В сентябре этого же года лорд Кимберли положил начало изменению политики в малайских делах, что повлекло за собой открытый отказ от политики невмешательства. В своих инструкциях генералу Эндрью Кларку, преемнику Орда на посту губернатора Стрейтс-Сетлментса, он предлагал использовать свое влияние на туземных правителей, чтобы спасти «их плодородные и производительные страны от разорения, на которое они будут обречены, если не воспрепятствовать нынешним беспорядкам». Эта перемена ни в какой степени не была обусловлена проводившейся голландцами политикой экспансии, хотя по времени совпадала с ней. Эта перемена была обусловлена только местными обстоятельствами. Однако, как указывает Руперт Эмерсон[2], стремление как голландцев, так и англичан усилить контроль в своих сферах влияния «было симптоматично для нового империалистического духа, который начал давать себя чувствовать в это время» и который проявился также в новом продвижении французов в Индокитай как раз в это же самое время.

В другом параграфе инструкции Эндрью Кларку содержалось определенное указание, как подойти к этой проблеме. После требования уточнить действительное положение дел в каждом государстве и доложить о возможных мерах для восстановления порядка и охраны торговли лорд Кимберли продолжал: «Я просил бы Вас особенно подумать о том, желательно ли назначить английского чиновника, который проживал бы в каком-либо из этих государств. Подобное назначение может, разумеется, быть сделано лишь с полного согласия туземного правительства, и связанные с этим расходы должны быть оплачены

---

[1] Rupert Emerson, Malaysia, p. 380.
[2] Rupert Emerson, op. cit., p. 112.

за счет властей Стрейтс-Сетлментса». Один из претендентов на пост султана Перака—Абдулла—уже обращался к Гарри Орду с просьбой о назначении английского чиновника, который научил бы его управлять страной; ему предложили повторить эту просьбу Эндрью Кларку. Таким образом, первые шаги были предприняты в Пераке.

Кларк был человеком действия: он не ограничивался посылкой предложений и ожиданием инструкций. Его первые расследования показали, что проблема китайских иммигрантов была слишком сложна для того, чтобы ее могли разрешить малайские правители. Поэтому он направил своего чиновника по китайским делам У. А. Пикеринга в Пенанг, чтобы убедить вожаков враждующих групп в Ларуте согласиться на арбитраж Кларка. Добившись их согласия, он стал готовиться к совместному собранию перакских вождей, которое должно было состояться в январе 1874 года на острове Пангкор, у устья реки Перак. На этом собрании он начал с того, что признал Абдуллу законным претендентом на пост султана, несмотря на то, что последний располагал слабой поддержкой в стране, и затем перешел к переговорам о знаменитом Пангкорском соглашении, в соответствии с которым Абдулла согласился принять английского резидента.

Этот важный документ, возвестивший о начале нового порядка, предусматривал английское вмешательство на случай угрозы Пераку и оказания помощи его правителям. Две статьи этого документа устанавливали основные принципы системы резидентства. Согласно статье 6-й, «султан принимает английского чиновника, который будет называться резидентом, обеспечивает ему должное помещение; резидент будет аккредитован при дворе султана, который должен испрашивать его совета и действовать в соответствии с этим советом во всех вопросах, за исключением тех, которые касаются малайской религии и обычаев». Согласно статье 10, «взимание налогов и контроль над ними, а также общее управление страной должны проводиться в соответствии с советами этих резидентов».

Главари китайских групп также присутствовали на собрании и под угрозой сурового наказания подписали обязательство полностью разоружиться и поддерживать мир. Мантри, назначенный Абдуллой в Ларут (что впоследствии было одобрено Гарри Ордом), был утвержден в своем назначении; при нем должен был находиться помощник резидента. О своих действиях Эндрью Кларк докладывал лорду Карнарвону, новому министру по делам колоний в недавно сформированном правительстве Дизраэли. Само собой разумеется, что он в значительной мере превзошел все предположения лорда Кимберли, положившего начало этим мероприятиям. Однако все эти планы, изложенные на бумаге, надо было еще провести в жизнь.

Теперь подошла очередь Селангора. «Непосредственным поводом,—говорит Ричард Уинстед,—послужила особая жестокость пиратов в отношении малайского судна в Куала-Лангате, в результате чего пираты, находившиеся на службе у сына султана, убили восемь английских подданных». В феврале 1874 года Чарльз Шедуэлл, адмирал английского флота в китайских водах, получил приглашение присоединиться к Эндрью Кларку для проведения демонстрации военных кораблей, что заставило султана согласиться предать обвиняемых суду (хотя он и пытался изобразить их преступление как «мальчишескую игру»), а также принять резидента. В этом случае Кларк начал с того, что оставил молодого Фрэнка Суиттенхэма неофициальным советником. Здесь не было заключено формального соглашения, подобного Пангкорскому, но такт и понимание, проявленные Суиттенхэмом, так пленили султана, что он писал губернатору: «Я был бы очень рад, если бы мой друг установил в моей стране порядок и взимал бы все налоги». Поэтому был назначен официальный резидент Дж. Г. Дэвидсон, а Суиттенхэм стал его помощником.

Третьей страной, где была введена новая система, явился Сунгей-Уджонг, бывший наиболее важным членом минангкабауской конфедерации Негри-Сембилан, расположенной за Малаккой. Незаконные сборы налогов вызвали недовольство китайских горняков на реке Лингги; в апреле 1874 года Кларк вме-

шался и убедил вождей Сунгей-Уджонга и Лингги подписать обязательство о прекращении незаконных поборов и поддержании мира, за что обещал им защиту со стороны англичан. Дато Клана Путра, вождь Сунгей-Уджонга, попросил назначить английского чиновника, и капитан Татхэм был назначен помощником резидента в этом государстве. В результате вспыхнула гражданская война, поскольку Дато Бандар (вождь Лингги), извлекавший доходы от притеснения китайских горняков, естественно, возражал против нового порядка. Для ликвидации беспорядков пришлось послать небольшое английское войско, и после нескольких стычек с партизанами в районе был установлен английский контроль.

В следующем году пришлось прибегнуть к решительным действиям в Пераке, где 2 ноября был убит первый резидент Дж. У. У. Бёрч. Эндрью Кларк покинул Сингапур в мае этого года, чтобы занять место члена совета при генерал-губернаторе Индии. Его преемник, Уильям Джервис, стремился поскорее покончить со старыми привилегиями и правами вождей, служившими главным препятствием на пути какого-либо улучшения положения народа. Но Бёрч, вместо того чтобы действовать тактично и осторожно, в своем усердии расчистить то, что, с точки зрения европейского администратора, представляло собой «авгиевы конюшни» злоупотреблений, начал проявлять грубость в обращении с вождями.

Он ездил по всей стране и с неукротимой энергией расследовал факты притеснения, в особенности случаи долгового рабства, которое всюду было злом, но в Пераке Абдулла и его вожди сделали его особенно отвратительным и нетерпимым. Меры, принятые Бёрчем против долгового рабства, и его действия, направленные на обеспечение должного взимания налогов, привели к заговору части обиженных им вождей, которые решили избавиться от него. Однако во избежание превратного представления, будто причиной гибели Бёрча явились его собственное поведение и действия, следует со всей ясностью заявить, что заговор был направлен скорее против Пангкорского соглашения, чем против лица, которое должно было проводить его в жизнь. Вожди, которые приняли на себя это обязательство, как правильно указывалось[1], либо не вполне понимали его значение, либо не имели серьезных намерений соблюдать этот договор.

Восстание было подавлено путем посылки мощной экспедиции, в результате которой убийцы и их соучастники были захвачены. В течение некоторого времени существовала опасность общемалайского восстания, и потребовалось несколько лет для восстановления закона и порядка. Три вождя были повешены; другие три, включая самого султана Абдуллу, были изгнаны. Губернатор Джервис выступал за захват территории или, в случае неудачи, за превращение резидентов в комиссаров королевы, управляющих государствами от имени султанов. Лорд Карнарвон осудил Джервиса за предоставление резидентам полномочий, превышавших полномочия, санкционированные им министерством по делам колоний. В результате возникла острая борьба между губернатором и министром по вопросу о функциях резидентов. Губернатор придерживался той точки зрения, что система не будет эффективной, если резиденты останутся просто советниками. И, хотя лорд Карнарвон отказался изменить свои взгляды на основные принципы косвенного управления, на практике резиденты все больше и больше превращались в подлинных правителей в этих государствах.

В 1878 году, когда действия одного резидента в одном частном случае были квалифицированы как превышение им своих полномочий, губернатор издал указ, согласно которому резидент, нарушивший принцип, ограничивающий его деятельность функциями советника, и выполнявший функции правителя, будет нести ответственность за все вызванные этим беспорядки. Этот указ был одобрен министром, и на этом дело кончилось, по крайней мере в той степени, в какой это касалось английского правительства, ибо после войны в Пераке

---

[1] Об этом говорил заместитель губернатора Пенанга. Цит. по Emerson, op. cit., p. 125.

больше беспорядков не было. Малайцы сдались, мятежные вожди были удалены, и резиденты имели возможность продолжать в более благоприятных условиях работу по переустройству управления.

В Селангоре новая система внедрялась без каких-либо трудностей, поскольку вице-король и Дэвидсон были старыми друзьями. Здесь было образовано государственное казначейство с надлежащей системой отчетности; была организована полиция, китайский «капитан»[1] надежно охранял порядок в горняцких поселениях района Куала-Лумпур. В Сунгей-Уджонге Дато Клана, казалось, только и стремился к тому, чтобы делать все в соответствии с английскими порядками. Больше того, введение английского управления принесло с собой невиданное ранее процветание. Отмена рабства и многих досадных налогов, затруднявших торговлю, поддержание порядка с помощью надежной полиции, установление фиксированного содержания султану и другим вождям вместо их произвольного вымогательства, не говоря уже о зачатках образования и мероприятий по здравоохранению,—все это сильно способствовало улучшению положения простого народа.

Перак, переживший вначале столь бедственный период, был превращен в миролюбивое и процветающее государство мистером (впоследствии сэром) Хью Лоу, методы которого на протяжении длительного периода его резидентства (1877—1889) послужили образцом управления для других опекаемых государств. «Еще не изучен вопрос о том, в какой степени эта политика была оригинальной,—пишет Уинстед,—в какой степени она принадлежала губернатору, а в какой—Даунинг-Стрит»[2]. Его метод заключался в том, чтобы никогда не прибегать к диктату, а добиваться сотрудничества с вождями путем установления с ними тесных дружественных отношений[3]. При вступлении на должность он встретился с огромными трудностями, ибо, хотя мятежные вожди и были удалены, оставались другие, которые могли побуждать к весьма действенному пассивному сопротивлению. Больше того, сам Лоу по приезде в Перак был чужим человеком в Малайе, так как раньше он служил на Борнео.

Одна из первоначальных причин беспорядков заключалась в том, что вожди были лишены (без всякой компенсации) возможности получать феодальные подати. Лоу пытался исправить эту несправедливость, предоставляя им административные посты и выплачивая им процент от государственных доходов, получаемых в их районах. Другим мероприятием, обеспечившим значительное улучшение отношений, было создание государственного совета по образцу индийских советов, созданных в соответствии с законом 1861 года. Султан был председателем этого совета; его членами были резидент, виднейшие малайские вожди и два-три крупных китайских дельца. Заседания совета проходили на малайском языке, и совет обсуждал все важные дела. Он выполнял главным образом законодательные функции и издавал все государственные законы. На его рассмотрение представлялся ежегодный бюджет, а также все смертные приговоры для утверждения или изменения. Он назначал всех малайских вождей и старшин и устанавливал суммы вознаграждения для них. Совет так хорошо выполнял свои функции, что подобные советы с идентичной процедурой были созданы и в других государствах.

Наибольшим новшеством явилось учреждение судов под председательством европейских судей, часто при участии судей малайцев. Применялся уголовный кодекс Стрейтс-Сетлментса, составленный на основе Индийского уголовного кодекса, а также процессуальные уголовный и гражданский кодексы, составленные по образцу индийских и колониальных кодексов. Каждое государство делилось на районы, находившиеся в ведении европейских и малайских судей. Районы в свою очередь делились на *мукимы* и деревни во главе с малай-

---

[1] Глава китайцев, проживавших в Селангоре.—*Прим. ред.*

[2] Winstedt, Malaya and its History, p. 69.

[3] Суиттенхэм делает следующее проницательное замечание о политике Лоу: «Для того чтобы добиться их сотрудничества, надо оказывать им по крайней мере такое же уважение, как европейцам, но проявлять бесконечно больше терпения» (Swettenham, op. cit., p. 253).

скими старостами. В целях экономии средств полицейские функции передавались старостам. Это позволило сократить полицейские силы и закрыть многие полицейские участки. Такая система означала замену политики запугивания политикой сотрудничества.

К тому времени, когда Лоу сделался резидентом, долговое рабство являлось еще большим злом; оно было отменено только 1 января 1884 года. В других государствах от него избавились значительно легче. Удовлетворительная организация государственных финансов была также связана с бóльшими трудностями. В 1877 году государство было обременено долгом в 160 тысяч фунтов стерлингов. Значительным достижением Лоу было то, что он выплатил этот долг за шесть лет. Другим его достижением было быстрое увеличение населения Перака. По официальным оценкам, в 1879 году в Пераке проживало 80 тысяч человек, а в 1889 — 195 тысяч. По переписи 1891 года, в Пераке насчитывалось 214 254 человека.

В Ларуте капитан Спиди практически располагал полной свободой действий. По соседству почти не было малайцев; поэтому, хотя он и консультировался по всем важным вопросам с местным вождем (мантри), он принимал самостоятельные решения и действовал в соответствии с этими решениями. Он создал полицию, учредил мировые суды, казначейство, таможенное управление, а также земельное и межевое управления. Ларут процветал; китайцы были довольны уже тем, что могли приняться за работу и что их поселения не страдали от беспорядков, потрясавших другие районы Перака. В 1884 году была построена первая железная дорога в Малайе, соединившая Тайпинг, горнорудный центр Ларута, с Сапетангом, на реке Ларут; длина пути составляла 8 миль. Селангор немедленно последовал этому примеру, построив железную дорогу длиной в 22 мили, соединявшую горнорудный центр Куала-Лумпур с Кланом.

Поскольку процветание всех малайских государств-протекторатов зависело от оловянных рудников, служивших для них источником доходов, необходимо было сделать все возможное для обеспечения их средствами транспорта. Пока не было надлежащих дорог, для этой цели использовались многие судоходные реки, которые очищались от загромождавших их на протяжении веков деревьев. Однако все усилия направлялись на строительство дорог, и весь чистый доход использовался для этой цели.

Фактически до конца столетия экономика полуострова находилась почти исключительно в руках китайцев. Китайские капиталисты сделали очень много для развития государств-протекторатов. Добыча оловянной руды была их главным занятием, и применявшиеся ими примитивные методы давали наилучшие результаты. Недостаток рабочих вызывал большие трудности, поэтому были начаты переговоры с правительством Индии о вербовке индийских кули. В 1884 году было заключено соглашение, согласно которому разрешалась вербовка рабочих для государств-протекторатов. Прилагались все усилия к тому, чтобы убедить европейских горнорабочих и плантаторов приступить к освоению этой страны, но вначале эти призывы не находили большого отклика. В 1882 году одна французская компания начала добывать олово в районе Кинта и позднее распространила свою деятельность и на другие районы. За ней последовали другие европейские компании, но европейскому предпринимательству в этот период, предшествовавший образованию федерации, сильно мешал, по-видимому, недостаток рабочей силы.

Первые резиденты тратили большую часть своего времени на разъезды по стране; время от времени они посылали отчеты губернатору Стрейтс-Сетлментса. Они налаживали управление в своих государствах без серьезного вмешательства свыше, обращаясь к губернатору только по вопросам, по которым было обычно принято обращаться. Вначале резидент работал без помощников. Затем он привлекал одного или двух служащих, сержанта, который управлял его полицией, евразийца-аптекаря для первой больницы, которую надлежало основать, и малайского тюремщика для надзора за заключенными. Так пишет Суиттенхэм, который был хорошо знаком с развитием системы

резидентства с самого ее основания[1]. Вследствие отсутствия надлежащих средств сообщения Сингапуру было трудно контролировать и координировать работу своих служащих в этих трех государствах. С 1876 по 1882 год при губернаторе находился секретарь по малайским делам, который периодически посещал государства с целью проверки отчетности и обеспечения единообразия методов управления. Однако после 1882 года в секретариате Сингапура не было ни одного человека с достаточным знанием малайских государств, что не давало возможности продолжать этот порядок.

На протяжении первых десяти лет существования системы резидентства резиденты вели ежедневные записи, которые должны были служить источником информации губернатора; но по мере того, как у них прибавлялось работы, не оставалось времени для продолжения этой практики. Ежегодные бюджеты государств должны были регулярно представляться на утверждение губернатора. Помимо представления бюджета и годового отчета, говорит Суиттенхэм, «переписка резидента с Сингапуром касалась главным образом назначений, продвижения, жалованья и жалоб правительственных чиновников». У губернатора, интересовавшегося ходом дел в малайских государствах и желавшего оказать влияние на их управление, имелся лишь один путь: он должен был посещать эти государства и на месте изучать обстановку. До 1903 года, когда вступила в эксплуатацию главная железнодорожная магистраль с конечным пунктом в провинции Уэлсли, каждый резидент был вынужден действовать в основном по своему усмотрению из-за трудности переписки между государствами и Сингапуром, равно как и между самими государствами. Фредерик Уэлд[2] (1878—1887), который много путешествовал по этим государствам, пришел к выводу, что ту большую власть, которую резиденты постепенно приобрели, можно спокойно оставить в их руках. Однако наступило время, когда отсутствие координации в результате ликвидации секретариата по туземным делам должно было повлечь за собой такие различия между государствами, которые привели к федерации.

В 1888 году число государств-протекторатов увеличилось, так как к ним прибавился Паханг, очень крупное, но слаборазвитое государство с населением, насчитывавшим 50 тысяч малайцев и несколько сот китайцев. Здесь было настолько плохое управление, что в 1887 году Уэлд убедил султана заключить договор, согласно которому он принял английского консула. В следующем году, однако, убийство китайца, английского подданного, вызвало дальнейший нажим со стороны Сингапура, в результате которого султан весьма неохотно обратился с просьбой о назначении резидента. Применение новой системы вызвало восстание некоторых вождей и привело к длительным и дорогостоящим военным операциям, которые закончились лишь тогда, когда эти вожди были изгнаны в сиамские государства Келантан и Тренггану, где оставшиеся в живых были захвачены и высланы в Сиам. В этих операциях принимал участие молодой Хью Клиффорд, который позднее достиг высокого положения и создал много ценных исследований о работе и опыте первых поселенцев Малайи и Индокитая.

Такое же давление, которому подвергся Паханг, было оказано и на минангкабауские государства. В результате в августе 1895 года был заключен договор, согласно которому все девять государств решили образовать конфедерацию Негри-Сембилан под протекторатом Англии и следовать советам английского резидента по всем вопросам управления, за исключением вопросов, касавшихся мусульманской религии. Этот новый поворот в политике явился главным образом результатом тщательного обследования системы резидентства, проведенного Фредериком Уэлдом в 1880 году. «Есть два выхода,—говорил он,— либо покинуть территорию, либо аннексировать ее». Первый выход был исключен, поскольку иммиграция европейцев и вложения иностранного капитала производились исходя из уверенности в том, что англичане сохранят свой конт-

---

[1] Swettenham, British Malaya, p. 245—247.
[2] Губернатор Стрейтс-Сетлментса.—*Прим. ред.*

роль. Против аннексии территории он возражал на том основании, что колониальная система управления была непригодна для этих государств в их тогдашнем положении и рекомендовал распространить систему резидентства на другие государства и открыто признать подлинные функции резидентов.

Уэлд ясно показал, что аннексия территории не будет правильным решением проблем Малайи. Однако Суиттенхэм столь же ясно показал, что без соответствующей координации нельзя допускать бесконечного развития системы резидентства. В 1893 году он представил губернатору Сесилю Клементи Смиту план федерации. План был доведен до сведения министерства по делам колоний, в результате чего преемнику Смита, Чарльзу Митчеллу, было предложено сообщить свои соображения по поводу этих предложений. После двухлетних размышлений Митчелл в 1895 году изложил свои соображения, согласно которым этот план мог быть принят при условии его одобрения малайскими правителями.

Он указывал, что четыре государства-протектората сильно отличаются друг от друга в области правосудия, налогового обложения и землеустройства и землепользования и что при отсутствии какой-либо централизованной власти невозможно установить единообразное управление. Он утверждал, что губернатор, имевший дело с четырьмя резидентами, либо предоставлял их самим себе, либо обрекал себя на перегрузку работой. Поэтому он рекомендовал назначить генерального резидента, который, являясь главным административным чиновником, должен был наблюдать за управлением государствами, но действовать он должен был только через отдельных резидентов. Законодательные функции должны были, по его предложению, оставаться в руках государственных советов, однако время от времени должны были созываться заседания ассамблеи вождей и резидентов, имеющей только совещательные полномочия. Он предлагал не назначать чиновников в отдельные государства, а организовать общее гражданское ведомство, которое должно было действовать под руководством начальников департаментов федерального правительства. Каждое государство должно было, однако, сохранять автономию в финансовом отношении.

На долю Фрэнка Суиттенхэма, тогдашнего резидента Перака, выпала задача убедить правителей принять этот план. Министр поручил ему разъяснять правителям, что этот план ни в какой мере не ослабит их власти и привилегий и не ограничит прав самоуправления, которыми они пользуются. На этой «фиктивной основе», как ее характеризовали, Суиттенхэм без труда выполнил свою задачу, и был заключен договор о федерации, согласно которому Перак, Селангор, Паханг и Негри-Сембилан были объединены и составили Федерацию малайских государств. Явная несостоятельность этой федерации с точки зрения конституционной теории очевидна. Не было установлено разграничения между властью отдельных государств и властью федерации, как это обычно имеет место в законе о федерации. В договоре отмечалось, что власть правителя не урезалась, но одновременно генеральному резиденту предоставлялось право контроля «по вопросам управления, за исключением вопросов, касающихся мусульманской религии», хотя самое слово «контроль» было осторожно опущено. В договоре специально отмечалось, что новый порядок не меняет существующих отношений между отдельными государствами и Британской империей, но на деле они были объединены в административном отношении.

Однако, несмотря на расхождение между теорией и фактическим положением, султаны были удовлетворены. Они сохранили свои посты, обеспечив себе дополнительные гарантии, более крупные доходы и, следовательно, большее великолепие и более пышные церемонии. Англичане создали в Куала-Лумпуре крупную и действенную центральную администрацию в принятом для того времени стиле, при которой султаны если и имели значение, то очень небольшое. И все же утверждение о том, что эти государства являлись малайскими государствами под властью малайских правителей, было очень удобным предлогом для того, чтобы отказываться от удовлетворения требований быстро растущего китайского населения на том основании, что это могло вызвать недовольство малайцев.

Когда 1 июля 1896 года начала свое существование Малайская федерация, ее первым генеральным резидентом стал Фрэнк Суиттенхэм. Его администрация быстро разрослась; в нее входили: советник по законодательным делам, секретарь по китайским делам, уполномоченный по финансам, судебный комиссар, полицейский комиссар и директор общественных работ. С течением времени появились и другие департаменты. Сам генеральный резидент, хотя и подчинялся как верховный комиссар федерации губернатору Стрейтс-Сеттлментса и министру по делам колоний, на практике сумел сохранить большую свободу действий. Поскольку договор не ограничивал его полномочий, за исключением вопросов мусульманской религии, законодательная власть, по существу, находилась в его руках.

Первое из обещанных собраний малайских правителей состоялось в Куала-Кангсаре, в Пераке, в 1897 году. Никогда раньше в истории Малайи не было таких собраний, и поскольку протоколы велись на малайском языке, то малайцы, члены этого собрания, приняли активное участие в дебатах. Обсуждался целый ряд важных законодательных вопросов, и, поскольку собрание одобрило их единогласно, они были переданы государственным советам для составления закона с использованием тех же формулировок. Таким образом, Куала-Лумпур стал как законодательным, так и административным центром, а государственные советы, которые были столь важной чертой старой системы резидентства, теряли свое значение ввиду неизбежного усиления централизации.

На втором собрании малайских правителей, состоявшемся в Куала-Лумпуре в 1903 году, был поднят вопрос об участии малайцев в правительстве; султан Перака выразил сожаление, что не найдено способа предоставить малайцам возможности несколько более значительного участия в управлении. Он выразил также справедливый протест против чрезмерной централизации и привлек, таким образом, внимание к растущей необходимости внести изменения в структуру федерации. Разделение управления на департаменты и стремление к единообразию могло иметь лишь один результат: усиление контроля центрального правительства. Ибо судебный комиссар определял судопроизводство государств, уполномоченный по финансам реорганизовал всю финансовую систему, департаменты общественных работ отдельных государств были слиты в один под началом директора в Куала-Лумпуре, железнодорожное строительство находилось в ведении федерального директора железных дорог, охрана лесов была организована под началом центрального департамента лесов, а сельское хозяйство и просвещение находились в ведении федеральных директоров.

Эффектность заметно возросла, и факты, свидетельствующие о процветании, были внушительными. Население четырех малайских государств увеличилось с 424 218 человек в 1891 году до 678 595 человек в 1901 году. Доходы возросли примерно с 8,5 миллиона долларов в 1895 году до 24 миллионов долларов в 1905 году, причем доходы заметно превышали расходы. В 1874 году в малайских государствах не было ни одной почтовой конторы. В 1904 году через почтовое ведомство прошло 10 миллионов писем и денежных переводов на сумму свыше 1,25 миллиона долларов; почтовое ведомство имело в своих сберегательных кассах вкладов на сумму 275 тысяч долларов и располагало телеграфной сетью протяженностью свыше 2 тысяч миль. Имелись больницы, в которых лечились многие тысячи больных, и школы, в которых учились 13 тысяч детей. Имелось свыше 2400 миль хороших дорог и 340 миль железных дорог, построенных на средства из текущих доходов. «Спрашивается,— с законной гордостью писал Фрэнк Суиттенхэм,— были ли в истории британской администрации за рубежом успехи, равные этим?»[1]

Противники централизации, однако, указывали на то, что игнорировались данные султанам обещания и что наблюдалась тенденция забыть о том, что осуществляемая правительством власть является полностью даром этих султанов. Высказывалось недовольство по поводу того, что генеральный резидент действует без всякого эффективного контроля. Больше того, быстрый рост

[1] Swettenham, op. cit., p. 301.

торговых, горнорудных и плантационных поселений обусловил желание последних иметь представителей в правительстве. Поэтому в 1909 году туземным правителям было предложено соглашение об учреждении федерального совета, которое они приняли.

Новая организация должна была находиться под председательством верховного комиссара. Членами ее являлись генеральный резидент, четыре резидента, четыре султана и четыре неофициальных члена, назначаемые верховным комиссаром с одобрения короля. Верховный комиссар имел также право, если сочтет нужным, включить в совет дополнительно одного или больше начальников департаментов; но, если он включит таким путем официальных представителей, он обязан включить такое же число и неофициальных членов. В функции совета входило составление проекта бюджета для каждого государства. Он являлся законодательным органом, но о его законодательных полномочиях в документе имеются лишь случайные и косвенные упоминания. В преамбуле имеется указание о надлежащем издании всех законов, которые должны будут иметь силу во всей федерации или более чем в одном государстве, а в тексте документа предусматривается, что законы, изданные государственными советами, будут и в дальнейшем иметь силу, если только они не противоречат законам, принятым федеральным советом. Исключительные полномочия государственных советов в отношении вопросов, касающихся мусульманской религии и некоторых дел, связанных с малайскими обычаями, были подтверждены путем добавления следующих слов: «...и всякие другие вопросы, которые, по мнению верховного комиссара, затрагивают права и прерогативы вышеупомянутых правителей или которые по другим соображениям он считает подлежащими ведению только государственных советов».

Много говорилось о несостоятельности документа в законодательном отношении, о том, уместно ли такое положение, когда губернатор британской колонии действует как председатель совета, контролирующего дела федерации государств-протекторатов, управляемых своими собственными правителями, а также о том, что назначение членов совета должно было утверждаться английским королем, а не правителями соответствующих государств. Но это мероприятие еще более ослабляло значение султанов и государственных советов. В федеральном совете султаны были низведены до уровня рядовых членов совета. Они не могли председательствовать на нем; не имели права вето; совет издавал законы независимо от того, присутствовали султаны или нет, а изданные законы подписывал верховный комиссар, а не они. Что касается государственных советов, то их новое положение было охарактеризовано следующим образом: «Федеральный совет распределял общие доходы четырех государств по своему усмотрению, затем информировал государственные советы о своих решениях. Законодательные функции государственных советов были уничтожены, поскольку все сколько-нибудь важные законы отныне издавались федеральным советом»[1].

Верховный комиссар Джон Андерсен, который ввел эти перемены, приведшие к результатам, столь отличным от тех, на какие он рассчитывал, продолжал проводить их в жизнь, заменив звание генерального резидента на звание главного секретаря, надеясь тем самым уменьшить независимость лица, занимавшего этот пост. Однако это мероприятие тоже не имело успеха. Среди четырех неофициальных членов совета было три англичанина и один китаец. В 1913 году совет был дополнен советником по законодательным вопросам и еще одним неофициальным членом, а в 1920 году—казначеем и еще одним официальным членом. В конечном счете до момента реформы совета в 1927 году в нем насчитывалось восемь неофициальных членов: пять европейцев, два китайца и один малайский вождь.

Главным фактором, приведшим к изменению положения малайских правителей, был экономический переворот, выдвинувший Малайю на протяжении первых двадцати лет XX столетия на передний план мировой торговли и поста-

---

[1] L. A. Mills, British Rule in Eastern Asia, p. 50.

вивший малайские государства в такие условия, с которыми не могли справиться вожди этих государств с их средневековыми взглядами. Главными проблемами, стоявшими перед правительством, были: борьба с малярией, агрохимия, современная политика просвещения, мировые цены на олово и каучук и тому подобные вопросы, причем их нельзя было разрешить старыми методами, при которых резидент действовал лишь силою убеждения по отношению к султану и вождям. Повсюду во всем мире это была эра скорее усиления, чем ослабления централизации.

На протяжении последних десяти лет XIX века добыча олова стала производиться не методами примитивных открытых разработок, а методами крупных и глубоких разработок с применением современных европейских машин. Мировой спрос на олово стал так велик, а цены так высоки, что в эту отрасль стал притекать крупный иностранный капитал, главным образом английский и китайский; это стимулировало также большой приток рабочей силы, главным образом из Китая. Экспорт олова из Малайи, составлявший 26 тысяч тонн в 1889 году, достиг 51 733 тонн в 1904 году и почти 70 тысяч тонн в 1929 году. К началу XX столетия добыча олова в Малайе составляла свыше 50 процентов мировой добычи.

Однако с оловянной промышленностью Малайи стал теперь конкурировать каучук; производство каучука стимулировалось изобретением автомобиля, для которого требовались резиновые шины, и повсеместным распространением велосипеда. Каучуконосное дерево было привезено в Малайю еще в 1877 году, когда Королевский ботанический сад в Кью послал два ящика сеянцев ботаническому саду Сингапура для опытных целей. Однако, несмотря на то, что были основаны государственные питомники и плантаторам предлагались сеянцы, дело продвигалось слабо; к 1897 году под каучуконосами было занято всего 345 акров. К 1905 году площадь под ними увеличилась до 50 тысяч акров и было экспортировано 200 тонн каучука. Это было лишь каплей в море по сравнению с 62 145 тоннами каучука, получаемого в джунглях в других странах мира. Затем наступил период быстрого развития: бразильские спекулянты так взвинтили цены на каучук, что существующие плантации стали приносить огромные прибыли и в Лондоне начали лихорадочно учреждаться новые каучуковые компании. Это было во время большого бума 1910—1912 годов. Землю получить было легко, и к 1914 году малайские плантации могли поставлять каучук в Нью-Йорк по цене, более низкой, чем платили за каучук из джунглей Южной Америки.

В 1920 году Малайя экспортировала 196 тысяч тонн каучука, то есть 53 процента мирового производства. Источником пополнения рабочей силы на плантациях служили тысячи иммигрантов-кули—на этот раз из Индии. Во вновь развивавшихся районах малайцы составляли меньшинство. В их стране господствовали английские и китайские предприниматели, капиталисты и дельцы. Рабочая сила состояла главным образом из китайцев и индийцев, которые в конце концов и образовали большинство населения, в то время как большая часть малайцев оставалась мелкими земледельцами, возделывавшими рис и в дополнение к этому в качестве товарных культур—некоторое количество каучука и кокосовых орехов. Национальный состав полуострова изменился на протяжении одного поколения, и малайцы, не сумевшие приспособиться к внезапной перемене, оказались как политически, так и экономически «оттесненными на порог своего собственного дома»[1].

Бóльшая часть оловянных рудников и каучуковых плантаций находилась в четырех государствах, входивших в федерацию. В 1913 году их общий экспорт возрос до 154 974 195 малайских долларов, а государственные доходы—до 44 332 711 малайских долларов. В общем стремлении к развитию и, следовательно, к процветанию политические вопросы отошли на задний план. Только после первой мировой войны снова всплыли на поверхность старые вопросы о централизации, бюрократии и о положении малайских султанов.

[1] L. A. Mills and Associates, The New World of Southest Asia, Minneapolis and ondon, 1949, p. 177.

На этом фоне особое значение приобретает тот факт, что, когда в 1909 году четыре северных государства—Кедах, Перлис[1], Келантан и Тренггану—перешли под английский контроль в соответствии с англо-сиамским договором этого года, правители четырех государств отказались присоединиться к федерации. И действительно, взяв эти государства под свой контроль, Англия ограничила свою власть правом консультации, предоставляя им тем самым бо́льшую степень внутренней независимости. Они пользовались такими привилегиями, как финансовая автономия; это представляло резкий контраст по сравнению с положением государств федерации, уделом которых было подчинение Куала-Лумпуру.

Джохор также не пожелал войти в федерацию. С самого основания Сингапура в 1819 году он был тесно связан с англичанами. Только в 1914 году в Джохор был направлен генеральный советник, но в 1895 году султан Джохора Абубакар дал своему государству писаную конституцию, составленную английскими юристами. Эта конституция с одной поправкой, принятой в 1914 году, стала образцом, который, по мнению малайцев, должен был быть принят во всех государствах-протекторатах. В своей первоначальной форме она предусматривала совет министров, который должен был состоять из одних малайцев, исповедующих ислам, и государственный совет, членами которого могли быть лишь джохорские подданные независимо от расы и вероисповедания. В 1914 году эти ограничения были отменены, и английские чиновники могли заседать в совете, не принося присяги верности султану. Совет министров был чисто консультативным органом; государственный совет выполнял функции законодательного совета. В 1912 году был создан третий орган—исполнительный совет. Он был создан по образцу исполнительных советов английской колониальной администрации.

Во всех малайских государствах, не входивших в федерацию, имелись советники, функции которых отличались от функций резидентов. Советник имел право требовать от правителя, чтобы тот консультировался с ним по всем вопросам, но не мог издавать никаких приказов. Он мог настаивать на том, чтобы правитель следовал его совету, при этом он обычно старался убедить его согласиться со своим мнением и лишь в редких случаях использовал свою власть, а иногда даже шел на уступки, если вопрос не имел первостепенной важности[2].

Таким образом, перед второй мировой войной в Малайе действовало три типа государственного устройства:

Стрейтс-Сетлментс—английская колония, включавшая остров Сингапур, Пенанг и Провинцию Уэлсли, а также территорию Малакки, включая Нанинг[3];

федерация малайских государств, в которую входили Перак, Селангор, Негри-Сембилан и Паханг;

не вошедшие в федерацию малайские государства: Кедах, Перлис, Келантан, Тренггану и Джохор.

---

[1] Перлис — княжество, образованное в 1821 году при завоевании англичанами Кедаха.—*Прим. ред.*

[2] Фактически английские советники в княжествах, не вошедших в федерацию, пользовались такой же властью, как и резиденты. Различные малайские княжества находились в одинаковом положении.—*Прим. ред.*

[3] Нанинг — малайское государство, завоеванное англичанами в 1831—1832 годах.—*Прим. ред.*

ГЛАВА XXX

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ ГОЛЛАНДИИ В ИНДОНЕЗИЮ

Статья 59 пересмотренной конституции Голландии 1848 года[1] хотя и признавала верховную власть короля над колониями, однако обусловливала, что конституция колонии должна быть установлена законом и что палаты голландского парламента должны иметь специальное право издавать законы по вопросам денежного обращения в колониях и финансов, а также по другим вопросам, которые могут возникнуть. Статья 60 предусматривала ежегодный отчет короля о делах в колониях. Эти важные изменения в отношениях между метрополией и колониями сначала оказали незначительное влияние на положение в Ост-Индии. Министерство по делам колоний находилось в руках чиновников с консервативными взглядами, а парламент в течение некоторого времени был слишком мало сведущ в колониальных делах, чтобы оказывать сколько-нибудь действенное влияние. Однако «Положение об управлении», или конституционное положение, изданное в 1854 году и вступившее в силу в 1856 году, внесло значительное изменение в управление колониями, передав главную власть в Ост-Индии генерал-губернатору и совету при нем. Этот закон отменил введенный в 1836 году порядок, по которому совет был низведен до уровня только совещательного органа. Более того, этот закон предусматривал окончательную ликвидацию «системы культур» и ясно указывал, что власти не должны поощрять разведение тех или иных культур в туземных государствах. Генерал-губернатору было поручено следить за тем, чтобы экспортные культуры не препятствовали производству достаточного количества продовольствия для потребления и чтобы были устранены связанные с этим притеснения.

Все же движение за реформу развивалось невероятно медленно. Барон ван Хувелл, бывший президент Батавского общества искусств и наук и основатель газеты «Тейдсхрифт ван Нидерландс Индие», который упорно протестовал против коррупции, имевшей место при заключении контрактов на Яве, был членом нижней палаты с 1849 по 1862 год. Там он не только боролся за интересы яванского народа, но способствовал формированию движения, получившего название «колониальной оппозиции». Однако в течение длительного времени в правительстве Голландии господствовали консерваторы, и дело с проведением подлинных реформ двигалось крайне медленно.

В 1860 году борьба против «системы культур» снова оживилась в результате опубликования двух работ. Одной из них был роман «Макс Хавелаар», написанный Эдвардом Дауэсом Деккером (роман вышел под псевдонимом «Мультатули»). В этом романе Деккер рассказывает историю своей карьеры как историю непокорного чиновника с западной Явы, уволенного, по его словам, за защиту яванцев от притеснений, которым они подвергались в результате «системы культур». Совершенно независимо от пропагандистской ценности романа эта работа имеет высокую литературную ценность и является одним

[1] Под влиянием революционных событий в Европе в 1848 году в Нидерландах начался новый революционный подъем. Под давлением народного движения власть монарха была ограничена и была принята новая конституция.—*Прим. ред.*

из выдающихся вкладов в голландскую прозу XIX века. Роман явился большой поддержкой для либералов, развернувших кампанию против правительственной системы принудительных культур на Яве. Его успех был подкреплен двумя памфлетами Исаака Франсена ван дер Путте, и особенно одним из них под названием «Регулирование сахарных контрактов на Яве». Исаак Франсен был служащим сахарной фактории, имевшей дело с продукцией этих сельскохозяйственных культур, и впоследствии, будучи владельцем табачной плантации на крайнем востоке Явы, ознакомился с системой свободного выбора культур. В своих работах он проявил такое глубокое знание обстановки, что в 1863 году лидер либералов Торбеке назначил его министром по делам колоний в своем кабинете.

В период нахождения ван дер Путте на этом посту (1863—1866) стало развиваться свободное предпринимательство — это специфическое средство либералов против экономического принуждения. По его собственному мнению, прямые налоги должны были занять место поставок, характерных для системы принудительных культур, и частные предприниматели должны были иметь свободный доступ к земле и рабочей силе. Ван дер Путте и его сторонники, однако, не выступали за ликвидацию позорного активного сальдо (*батиг салдо*). Более того, принудительные культуры, которые были за этот период отменены — перец в 1862 году, гвоздика и мускатный орех в 1863 году, индиго, чай, корица и кошениль в 1865 году и табак в 1866 году,— не были больше прибыльными. Принудительное выращивание сахара и кофе, служившее главным источником прибылей голландцев, было сохранено, однако некоторые серьезные злоупотребления были устранены. Например, была ликвидирована система процентов, в силу которой европейские чиновники получали комиссионные с суммы, вырученной за принудительные культуры, и было запрещено использовать под правительственные культуры больше одной пятой площади земледельца. Крупный шаг вперед представлял собой изданный в 1864 году «Закон об отчетности», предусматривавший ежегодное утверждение в парламенте Нидерландов бюджета Ост-Индии, начиная с 1867 года. Другой полезной мерой явилась отмена в 1865 году принудительного труда в лесных районах.

Закон де Вааля от 1870 года явился кульминационным пунктом борьбы против системы принудительных культур. Этот закон предусматривал, что правительство постепенно в течение двенадцати лет должно отказаться от выращивания сахарного тростника, начиная с 1878 года; закон предусматривал также свободную продажу сахара на Яве. Следует опять-таки отметить исключительную осторожность, проявленную голландцами в этом деле, и тот поразительный факт, что кофе, который был наиболее прибыльным, продолжал оставаться принудительной культурой вплоть до 1917 года. Та же почти неправдоподобная медлительность была проявлена в отношении различных прибыльных монополий, причинявших столько лишений народу. Доход от продажи монополий составил в 1840-х годах свыше 15 миллионов гульденов. Начало было положено генерал-губернатором ван Твистом (1851—1856), отменившим столь ненавистные рыночные сборы и рыбные аукционы. Однако опиумные курильни и ломбарды, дававшие наибольшие прибыли, продолжали существовать. К 1927 году валовой доход от опиумной и соляной монополий и от ломбардов составил не менее 82,6 миллиона гульденов. Отсюда ясно, что голландский либерализм весьма значительно отличался от гладстоновского либерализма в Англии.

Действительно, взгляды голландцев по вопросу о колониях были совершенно отличны от взглядов англичан. Даже либералы смотрели на них как на деловое предприятие, и их выступления в защиту свободного предпринимательства и за отмену правительственного контроля над культурами были вызваны стремлением отдельных голландцев получить бóльшую долю в этом предприятии. Появлялось все больше и больше плантаций, принадлежавших или управлявшихся частными лицами, и частные предприниматели требовали устранения всякого рода ограничения их деятельности. Ван Твист, стремив-

шийся открыть Яву для частного капитала, разрешил частным лицам заключать в деревнях коллективные контракты на рабочую силу. На деле, однако, выдача денежных авансов деревенским старостам привела к таким злоупотреблениям, что в 1868 году эту практику пришлось отменить. Дело было в том, что либералы преследовали две совершенно противоречивые цели: освободить местное население от притеснений и превратить Ост-Индию в надежное место для частных предпринимателей.

Аграрный закон де Вааля 1870 года был издан в великий век частного предпринимательства. Он преследовал цель предоставить бо́льшую свободу и гарантию частному предпринимательству, давая отдельным капиталистам возможность получать от правительства наследственную аренду на срок до 75 лет и арендовать землю у туземных владельцев на основе краткосрочных соглашений, предусматривающих определенные условия. Это привело к расширению частного предпринимательства, о чем красноречиво говорят данные об экспорте плантационной продукции, приведенные в следующей таблице:

Стоимость государственного и частного экспорта

(в млн. гульденов)[1]

	Государственный	Частный
1856	64.4	34,3
1870	46,5	61,2
1875	41,4	130,7
1885	16,3	168,7

Еще большее значение, чем во Французском Индокитае и Британской Бирме, имела статья, запрещавшая продажу принадлежавшей индонезийцам земли неиндонезийцам. Непосредственной причиной этого запрета было безудержное стремление европейцев производить культуры для рынка метрополии, в результате чего возникала опасность, что земля, необходимая для производства продовольствия для местного населения, будет использована на другие цели.

В 1869 году был открыт Суэцкий канал. Развитие крупного земледелия наряду с возросшим использованием паровых судов способствовало непрерывному расширению торговли. Именно в этот период были основаны «Нидерландсстем навигатион маатсхаппей» (Голландская компания парового судоходства) (1870) и компания «Роттердам Ллойд» (1875).

Развитие Явы с 1830 по 1870 год представляет поразительный контраст с запустением «Внешних владений» в течение этого же периода. Яванская война, за которой последовала борьба с Бельгией, помешала проведению энергичной политики. Лишь с величайшим трудом генералу Кохиусу удалось собрать достаточные силы, чтобы покончить войны с Падри в 1837 году посредством осады и захвата Бонджола. Затем правительство Нидерландов издало распоряжение, согласно которому в будущем вмешательство в права туземных вождей за пределами Явы должно быть сведено до минимума. Таким образом, туземное население было отдано на произвол деспотических и враждующих между собой вождей, которые потеряли уважение к властям, не сумевшим вмешаться.

Еще худшее, с точки зрения голландцев, последствие имела деятельность раджи Джеймса Брука в Сараваке и Брунее, а также приобретение англичанами острова Лабуан. Генерал-губернатор Рохуссен (1845—1851) опасался, что это может открыть другим державам путь к захвату отдельных островов архипелага. Он предлагал поэтому установить эффективную власть Голландии над всей Индонезией. Но правительство Голландии даже по одним финансовым соображениям не могло себе позволить столь обширного проекта. Оно охотно санкционировало действия военных сил там, где это позволяли обстоя-

[1] Цифры взяты у Ферниволла (F u r n i v a l l, Netherlands India, p. 169).

тельства; батавские власти, однако, указывали на то, что карательные экспедиции бесполезны, если за ними не последует постоянная оккупация.

Тем не менее установление британского господства на северо-западе Борнео побудило голландцев прибегнуть к более энергичной политике. Наступление века пара привело к поискам угольных месторождений, и эти поиски увенчались успехом. На юго-западе Борнео, близ Банджермасина, и в восточной части острова, в Кутее, были открыты рудники, а когда разработка банджермасинского месторождения привела к столкновению с султаном и к войне (1859—1863), его владения были аннексированы. Голландцы не предпринимали рискованных действий в этом районе. В 1854 и 1855 годах они вмешались с целью прекратить беспорядки в султанатах Самбас и Понтианак, вызванные распрями между поселениями, где проживали китайцы, работавшие на золотых приисках. Больше того, открытие богатых залежей олова на острове Биллитон привело к его оккупации в 1851 году и к разработке этих залежей Биллитонской оловянной компанией.

Голландцы всюду проявляли немалую активность, что ясно свидетельствовало о том, что они стали все больше сознавать необходимость сохранить господствующее положение в архипелаге, хотя бы для того, чтобы предотвратить вмешательство других держав. Их тревожила гордая, независимая позиция правителей Бали, беспрепятственно продолжавших междоусобные войны и торговлю рабами. Экспедиции голландцев на этот остров в 1846 и 1849 годах встретили жестокое сопротивление. В результате последней из этих экспедиций они заняли часть территории, а вожди остальной части формально признали сюзеренитет Голландии. Бугские правители на Целебесе также доставляли много хлопот; пришлось вести тяжелую борьбу в 1858 и 1859 годах против Бони, прежде чем голландская власть более или менее укрепилась на юго-востоке острова; это было достигнуто главным образом благодаря лояльности династии Ару Палакка. Однако в дальнейшем предстояли еще бо́льшие трудности.

С течением времени, однако, голландцы стали сосредоточивать свое внимание главным образом на Суматре. Пиратство и торговля рабами были широко распространены в Аче, Палембанге, Бенкулене и в Лампонгских областях. Начиная с 1856 года голландцы предприняли ряд шагов, направленных на подчинение все большей территории острова своему контролю. В 1856 году были подчинены Лампонгские области. Два года спустя в таком же положении оказались батакские районы, а в 1868 году — Бенкулен. Палембанг попал под непосредственное голландское господство еще в 1825 году, но, подобно Бенкулену, стал жертвой беспорядков. Поэтому голландцам пришлось усилить там свой контроль. Сиак нанес голландцам тяжелый удар в 1856 году, когда султан Сиака, враждовавший со своим братом вице-султаном, призвал на помощь англичанина по имени Вильсон, который собрал в Сингапуре войска бугов, нанес поражение вице-султану и установил контроль над государством. Голландцам пришлось послать военный корабль, чтобы заставить его уйти. После этого, в 1858 году, они заключили с султаном договор, согласно которому его государство и зависимые от него вассальные владения — Дели, Серданг, Лангкат и Ассахан — перешли под власть голландцев. Приобретение этой территории к северу от Сиака было крупнейшим шагом на пути установления власти голландцев на восточном побережье Суматры. Вскоре европейцы начали разводить здесь табак, а это привело к тому, что район стал одним из богатейших в Нидерландской Индии.

Однако договор с Сиаком явился причиной напряженных отношений с Аче, который считал это государство одним из своих владений. Уязвимым местом было то, что Аче не обладал достаточной силой, чтобы эффективно контролировать территории, на которые он заявлял свои претензии, хотя некогда эти территории действительно признали его власть. Методы, при помощи которых голландцы установили свой контроль над этими территориями, отрицательно повлияли на торговлю, которую издавна вели купцы Сингапура и Малакки; настойчивые жалобы этих купцов заставили англий-

ское правительство принять меры. Протест английского правительства, предъявленный Гааге, привел к переговорам, завершившимся в 1871 году историческим договором, о котором говорилось в предыдущей главе. С подписанием этого договора начинается новый период голландской экспансии в Индонезии. Это был счастливый период, когда между Голландией и Англией установились лучшие отношения благодаря изданному ван дер Путте таможенному закону, ликвидировавшему дифференцированные ставки таможенных пошлин для товаров Голландии и других стран.

Аче, бывший в XVI веке заклятым врагом португальцев, превратился в начале XVII века при султане Искандере в могущественное государство, власть которого распространялась на значительную часть Суматры. После смерти Искандера государство пришло в упадок. В XIX веке оно было разделено на несколько государств, находившихся под властью фактически независимых вождей. Столица султана находилась в нынешнем городе Кутараджа; главным источником его доходов были портовые сборы. По Лондонскому договору (1824) на голландцев была возложена задача охранять моря вокруг Аче от пиратов; голландцы, однако, убедительно доказывали, что, поскольку жители Аче главным образом и являются пиратами, Нидерланды не смогут удовлетворительно выполнить свою задачу, если не займут главные порты этой страны. По договору же они не могли этого сделать, так как обязались уважать суверенитет этого государства. Пираты без конца нападали на корабли, в особенности у западного побережья Суматры, и грабили английские, голландские, американские и итальянские суда.

События достигли наибольшей остроты, когда султан сделал попытку получить иностранную помощь против голландцев. Его обращение к Порте не увенчалось успехом, так как Турция в то время нуждалась в европейской помощи в связи с угрозой со стороны России. После заключения договора 1871 года правительство Батавии сделало попытку разрешить спорные вопросы с Аче путем переговоров. Султан направил посольство для переговоров с голландским резидентом на острове Риау. На обратном пути миссия остановилась в Сингапуре, где послы вступили в тайные переговоры с американским и итальянским консулами. Итальянский консул отверг их предложения, но американский генеральный консул Студер составил с послами предварительный проект торгового договора. Голландский генеральный консул направил в Батавию оказавшийся впоследствии ложным доклад о том, будто Студер требовал посылки на побережье Суматры военных судов для защиты американских интересов. Это привело к острому столкновению между Гаагой и американским министерством иностранных дел и заставило Батавию в последний раз попытаться добиться соглашения с султаном и в результате непреклонной позиции последнего объявить войну.

Эта война оказалась одной из наиболее длительных и трудных в колониальной истории Голландии. Она вызвала в Голландии больший общественный интерес, чем столкновения в колониях когда-либо прежде. Война началась в апреле 1873 года отправкой небольшой экспедиционной армии, которая оказалась слишком слабой для выполнения возложенной на нее задачи и вынуждена была вернуться. В декабре того же года более крупная армия под командованием генерала ван Свитена высадилась в Аче и в течение нескольких недель захватила резиденцию султана. Когда спустя некоторое время султан умер, операции были прекращены в надежде на то, что его преемник подпишет договор, устанавливающий суверенитет Нидерландов при условии, если ему будет гарантирована автономия во внутренних делах. Вместо этого, однако, голландцы столкнулись с повсеместным восстанием, руководимым местными вождями и религиозными лидерами. Партизанская борьба стала обычным явлением, и перед голландцами встала, казалось, неразрешимая проблема. Как только они добивались некоторого успеха и пытались начать переговоры, снова начинались сражения. В войсках голландцев свирепствовала холера, а у командиров руки были связаны приказами свыше ограничивать по мере возможности военные действия.

Между 1878 и 1881 годами генерал Карел ван дер Хейден вынудил подчиниться такое большое число вождей, что в Батавии пришли к поспешному выводу, будто сопротивление сломлено. Поэтому батавские власти приступили к созданию гражданского управления. Это решение оказалось гибельным, борьба снова вспыхнула с прежней силой и религиозные предводители объявили священную войну против «неверных».

Голландцам пришлось снова ввести крупные военные силы и начать весьма дорогостоящие операции. В целях экономии средств было решено концентрировать войска в строго оборонительной позиции; была создана цепь связанных железной дорогой укрепленных пунктов, простиравшаяся от восточного побережья к западному в форме кольца, окружающего Кутараджу. Новая оборонительная сеть была завершена в марте 1885 года, и голландские войска были выведены за линию обороны, причем дело не обошлось без серьезных потерь. Однако надежда голландцев на то, что новая система даст им возможность вести переговоры о восстановлении султаната с позиции силы, оказалась тщетной, поскольку вожди рассматривали эту новую оборонительную систему как признак слабости.

Между тем годы шли, а голландская политика менялась с каждым новым губернатором Кутараджи. Губернатор Деммени пытался добиться умиротворения путем снятия морской блокады прибрежных районов; однако это лишь ухудшило положение. Его преемник ван Тейин (1886—1891) придерживался обратной политики и принудил многих вождей подчиниться. Помпе ван Меердервоорт, занимавший после ван Тейина пост губернатора в течение нескольких месяцев (1891—1892), вернулся к политике умиротворения; однако реакция Аче убедила Батавию, что эту проблему можно разрешить только силой. Но как применять силу, чтобы это дало результат?

Полковник Дейкерхофф, занявший пост губернатора в январе 1892 года, считал, что наилучший метод заключался в том, чтобы склонить на свою сторону какого-либо могущественного вождя и снабдить его всем необходимым для нанесения удара по непокорным. В 1893 году власти взяли на службу подчинившегося вождя Туку Умара и разрешили ему образовать хорошо вооруженный отряд в составе 250 человек. Его операции увенчались успехом, и голландские войска заняли вновь завоеванные районы и создали новую цепь опорных пунктов. Но в марте 1896 года Туку Умар внезапно вместе со своим отрядом перешел на сторону противника.

Голландцы поняли, что не остается ничего другого, как мобилизовать все силы на осуществление завоевания. Две книги, очень разные по своему объему и характеру, получившие в это время широкое распространение, помогли покончить с нерешительностью. Первая — «Ачехцы», написанная знаменитым ученым арабистом д-ром Снуком Хургронье,— появилась в 1893 году. Она была написана в форме отчета, составленного им в результате посещения Аче в 1891—1892 годах. Совершенно независимо от влияния, оказанного этой книгой на развитие конфликта в связи с тем, что автор доказывал необходимость политики решительных мер, эта книга сама по себе имеет огромную ценность, так как содержит описание местных обычаев и институтов. Это — классическая работа по антропологии.

Другая работа — это брошюра, написанная майором Иоганнесом Бенедиктусом ван Хейтсзоном, бывшим начальником штаба при ван Тейине. В этой брошюре автор изложил рекомендуемые им методы полного завоевания страны, не требующие большей численности войск сверх тех, которые были использованы для закрепления «системы окружения».

Однако, прежде чем начать действовать, необходимо было возместить урон, нанесенный изменой Туку Умаром. Все население, находившееся как внутри, так и вне так называемой «линии окружения», перешло на сторону Туку Умара. Генерал Веттер, принявший в апреле 1896 года командование значительно возросшей армией, произвел ряд крупных операций, что к марту следующего года позволило ему добиться контроля над терроризированной Туку Умаром территорией и вынудить последнего бежать в Дайя на западном

побережье. Ван Хейтсзон сыграл выдающуюся роль в этих операциях, и в конце концов было решено поручить ему руководство всей кампанией. В марте 1898 года он был назначен губернатором Аче, а Снук Хургронье — его советником по туземным делам.

Хейтсзон добился полного перелома в моральном состоянии голландских войск. Его первые операции закончились завоеванием округа Пидие, являвшегося центром восстания, где объединили свои силы претендент на трон султана Туку Умар и еще один вождь — Панглима Полем. К началу 1899 года голландцы господствовали в самом Аче, а мятежные вожди были изгнаны на территории земель Гайо и Алас. В начале этого года Туку Умар, вынужденный к бегству после завоевания Пидие, был пойман на западном побережье и убит. На протяжении 1899 и следующего годов всякое сопротивление было сломлено и крупные операции прекратились. Были организованы легко вооруженные, летучие отряды как для поддержания внутреннего порядка, так и для борьбы против тех вождей, которые все еще оказывали сопротивление. Подобного рода экспедиции пришлось неоднократно направлять в земли Гайо, где нашел убежище претендент на трон султана. В январе 1903 года он подчинился, и примерно в то же время сдался великий Паглима Полем.

Завершение операций ван Хейтсзон поручил подполковнику ван Даалену. В июне 1904 года, когда ван Хейтсзон покинул Аче, чтобы занять пост генерал-губернатора, большинство наиболее значительных вождей было покорено, но сопротивление все еще не было ликвидировано. Восстания, часть которых имела серьезный характер, продолжались до 1908 года; с ними было покончено лишь после высылки претендента на трон султана и ряда других вождей на Амбоину. Но и после этого все же пришлось сохранить военное управление на протяжении еще одного десятилетия.

Вспыхнувшая война вызвала нечто вроде сенсации в мусульманском мире, а последовавшие вскоре победы, одержанные Махди, правителем Кордофана в Судане, сыграли свою стимулирующую роль в оживлении мусульманского фанатизма в Африке и Аравии. Тысячи индонезийских паломников отправлялись ежегодно в Мекку, и Снук Хургронье, посетивший священный город в 1885 году, обнаружил большую колонию «джавахов» (яванцев). Поэтому для голландцев важнейшим фактором в деле умиротворения Аче было установление хороших отношений с Меккой. Это они и делали путем поощрения паломничества, приносившего жителям Мекки столь большую прибыль, а также путем назначения индонезийского вице-консула представителем Батавии в Мекке.

Экспансия голландцев в конце XIX века не ограничилась завоеванием северной Суматры, сколь трудной ни казалась эта задача. Несмотря на сопротивление властей метрополии против всякого расширения территории, много было предпринято для того, чтобы сделать доступными «Внешние владения». Генерал-губернатор Лансберге (1875—1881) уделял много внимания Молуккским и Малым Зондским островам, где все еще были широко распространены пиратство, потопление кораблей и торговля рабами. Много было также сделано для укрепления голландской власти на остальной части Суматры, за пределами территорий Аче. Голландцы постоянно опасались попыток иностранных держав образовать поселения в своих владениях и пристально следили за мелкими островами, окружающими Суматру. Во внутренней части острова, к югу от озера Тоба, деятельность Ренского миссионерского общества по обращению в христианство населения батакского района Силиндунга привела к конфликту с сектой Падри, и в 1878 году местный вождь Си Синга Мангараджа, угрожавший христианам, был изгнан голландцами и было создано новое резидентство — Тапанули.

Бали, заставивший голландцев дорого заплатить за попытки нарушить его независимость, время от времени причинял Батавии много беспокойств за ее жестокое притеснение сасаков Ломбока, которые исповедовали мусульманскую религию. В 1891 году вспыхнуло всеобщее восстание, и после бесплодных попыток договориться голландцы в 1894 году направили экспедицию,

которая установила контроль над Ломбоком. Это означало окончательный отказ от политики невмешательства. В 1898 году ван Хейтсон ввел в Аче новую систему, известную под названием «краткое заявление», согласно которой вождь, признававший власть Батавии, утверждался правителем[1]. До 1911 года эта система применялась так широко, что примерно 300 самоуправлявшихся государств попали под контроль Голландии. Именно в течение данного периода была подчинена остальная часть Бали.

В результате распространения голландского господства на этих территориях была проведена огромная работа по изучению и развитию страны. Топографическая служба проложила дороги и составила карты районов, где их ранее не было. Специалисты проводили обследования образа жизни, обычаев и религии различных народов, а также обследования характера почвы, флоры и фауны. Экспедиции А. В. Ниувенхейса в глубь Борнео (1893—1898) и исследования швейцарских ученых Пауля и Фрица Саразин на Целебесе (1898—1903) под руководством Нидерландского королевского географического общества проложили путь для развития торговли и промышленности и внесли ценный вклад в науку.

С 1870 года началось значительное развитие экономики Нидерландской Индии. Много земли, ранее обрабатывавшейся для государства, было передано частным плантаторам; быстро росло производство сахара, и было построено много новых заводов. Быстро развивалось также выращивание табака. Производство кофе сохраняло свое значение, а копра, пальмовое масло, волокно, перец, тапиока, капок, чай и какао в значительном количестве экспортировались на мировой рынок. Если не считать сахарных заводов, крупных промышленных предприятий было мало. Наиболее важными отраслями местной промышленности, способными выдержать конкуренцию европейских фабричных изделий, оказались гончарная, прядильная и ткацкая промышленность.

Строительство первых железных дорог — от Семаранга до Суракарты и от Батавии до Бейтензорга — началось в 60-х годах, но строительство обеих линий было закончено лишь в 1873 году. Повсюду плантаторы требовали проведения железных дорог, и в 1875 году началось строительство государственной железной дороги от Сурабайи до Маланга, которая должна была открыть доступ к сахарному району. Примерно в то же самое время в Аче была построена железная дорога, имевшая стратегическое значение. В 1883 году преуспевавшая «Делийская табачная компания» приступила к строительству железной дороги на восточном побережье Суматры, а в 1887 году была построена государственная железная дорога, соединившая угольный район Омбилин с Падангом. Значительно большие успехи были достигнуты за период между 1890 и 1900 годами, и общая длина сети увеличилась с 1600 до 3500 километров.

Первая телеграфная линия в стране была открыта в 1856 году, а почтовое сообщение внутри страны началось в 1866 году. В последующий период наибольшее развитие получила телефонная связь. Первая телефонная компания была основана в 1882 году, а в ближайшие несколько лет к ней прибавилось не меньше тридцати четырех. В 1898 году государство взяло в свои руки всю телефонную службу.

Открытие Суэцкого канала и введение свободной торговли сахаром вызвало переворот в голландском торговом судоходстве. Голландские парусные суда столкнулись с конкуренцией пароходов, плававших главным образом под английским флагом. Даже «Пароходная компания Нидерландской Индии» была связана с «Компанией парового судоходства Британской Индии» и производила все свои ремонтные работы в Сингапуре. Голландцам поэтому пришлось приступить к постройке совершенно нового флота; и хотя «Нидерландская пароходная компания» была основана в 1870 году, ей на протяжении многих лет приходилось приобретать свои пароходы за границей и нанимать

[1] Однотипные соглашения («краткие заявления»), подписываемые местными правителями, содержали три статьи: местные правители признавали свою территорию частью Нидерландской Индии, обязывались выполнять распоряжение голландских властей и не вступать в сношения с какими-либо иностранными государствами.—*Прим. ред.*

иностранцев для вождения этих судов. До 1891 года, когда истек срок последнего контракта компании Нидерландской Индии, она пользовалась фактически монополией в области каботажного судоходства. Затем контракт был передан «Королевской пароходной компании», основанной в 1888 году.

Развитие пароходного движения потребовало значительного улучшения оборудования портов. В 1873 году началось строительство нового порта для Батавии в Танджонг Приок. Оно было завершено в 1893 году. К этому времени такие же работы велись в Сурабайе, Макассаре, Белаване, Эммахавене (для Паданга) и Сабанге.

В 1883 году «Нидерландской королевской компании» была предоставлена первая концессия на эксплуатацию нефтяных месторождений. В то время на Суматре, Яве и Борнео были открыты значительные запасы нефти. Однако лишь в следующем столетии были достигнуты большие успехи. Развитие же угольной промышленности сделало большие успехи на протяжении второй половины XIX века на западе Суматры, юге Борнео и в районе Палембанга. Попытки привлечь частный капитал к разработке олова, значительные залежи которого были открыты на Банке, Биллитоне и Сингкепе, не встретили широкого отклика, несмотря на большие прибыли, которые получала принадлежавшая главным образом государству Биллитонская компания, основанная в 1852 году. В 1889 году была основана Сингкепская компания, но в течение первых лет своего существования она добилась немногого.

Результаты общего развития, выраженные в данных об импорте и экспорте, показывают, что за период между 1870 и 1900 годами экспортная торговля в стоимостном выражении выросла более чем вдвое, а импортная — в четыре раза. Общая стоимость экспорта увеличилась с 107,57 миллиона гульденов в 1870 году до 258,23 миллиона в 1900 году; импорт увеличился за тот же период с 44,45 миллиона до 176,07 миллиона гульденов. Весьма характерно, что расширение импорта шло главным образом за счет таких товаров, как удобрения, железо, сталь, машины и инструменты, что должно было способствовать росту производственного потенциала Индонезии.

ГЛАВА XXXI

ПРАВЛЕНИЕ БОДОПАИ И ПЕРВАЯ АНГЛО-БИРМАНСКАЯ ВОЙНА (1782—1826)

Король, известный в истории под именем Бодопаи, присваивал себе за время своего правления очень много различных титулов. Чаще всего использовался титул Минтаяджипая («Господин великого закона»). Он был третьим сыном Алаунгпаи и был, пожалуй, наиболее способным государственным деятелем своей династии. Однако Майкл Саймс, дважды направлявшийся к его двору в качестве представителя правительства Индии, характеризовал его как «ребенка по своим идеям, тирана по своим принципам и безумца по своим действиям». Его длительное правление, продолжавшееся до 1819 года, оказало огромное влияние на историю его страны.

Его правление началось с кровавого побоища, в котором он уничтожил всех своих потенциальных соперников из королевской семьи. Однако один из братьев, спасшийся во время всеобщей резни, вступил в заговор с Маха Тихатурой, одним из выдающихся генералов Схинбьюшина, чтобы свергнуть Бодопаю с престола. Это привело к новому побоищу, в котором оба заговорщика, все члены их семей и все слуги были преданы смерти. В конце того же 1782 года претендент на престол Нгамьяпон с двумястами отчаянными смельчаками взобрался на стены дворца. Он вместе с отрядом потерпел поражение, и все были убиты дворцовой стражей. Затем в округе Паунгга близ Сагайнга, где замышлялся этот заговор, в наказание было истреблено все живое — люди, животные, деревья, посевы. Этой участи избежали всего несколько человек, которые были превращены в рабов при пагодах.

Во искупление столь большого кровопролития правитель построил новую пагоду в Сагайнге. Он покинул дворец в Аве из страха, что этот дворец оказался во власти злого духа. Для местопребывания короля был заложен новый город в Амарапуре, примерно в 6 милях к северо-востоку от Авы; туда в мае 1873 года и был с надлежащей церемонией переведен двор. В сентябре этого же года моны из провинции Бассейн произвели внезапное нападение на Рангун, который они захватили и удерживали некоторое время, рассчитывая восстановить свою старую монархию. Контратака бирманцев была успешной, город был возвращен после отчаянной борьбы, и как раз вовремя, так как вскоре стало очевидно, что было подавлено в зародыше назревавшее сопротивление значительно бóльших масштабов.

Одним из первых мероприятий Бодопаи после восстановления порядка в его беспокойном государстве было общее обследование доходов. Его уполномоченные составили регистр после того, как были опрошены *мьотуджи* и деревенские старосты по всей стране. Этот регистр, получивший название Бирманской кадастровой книги, послужил королю документом о налоговой платежеспособности населения и был впервые использован им для установления чрезвычайного сбора на ремонт и украшение пагод и монастырей, построенных королями. Подобное обследование не производилось со времен правления Талуна (1629—1648), и, к сожалению изучающих историю, ни один из документов его времени не сохранился. После обследования 1784 года Бодопая провел еще одно обследование в 1803 году. Собранные, таким образом, много-

численные отчеты, записанные на пальмовых листьях и бумаге паябай, сохранились до настоящего времени и представляют собой редко встречающийся в Юго-Восточной Азии первоисточник, свидетельствующий о социальных и экономических условиях страны.

Следующим крупным мероприятием Бодопаи было завоевание Аракана. Со времени убийства Сандавизаи в 1731 году здесь постоянно царила анархия. Деревня воевала против деревни, и повсюду широко распространился бандитизм. Время от времени при Авском дворе в поисках помощи появлялись бежавшие из Аракана вожди. В 1874 году Бодопая решил, что наступило время занять Аракан, который представлялся ему легкой добычей. Тем не менее он тщательно готовился. В октябре Аракан был атакован тремя сухопутными колоннами и мощной флотилией военных судов. К концу декабря завоевание было завершено, а король Тамада бежал в джунгли. Месяц спустя он был взят в плен, и в феврале 1875 года он, его семья и не менее 20 тысяч жителей Аракана были перевезены в Бирму; туда же было также перевезено знаменитое изображение Махамуни, находящееся в настоящее время в Араканской пагоде в Мандалае. Аракан стал провинцией под управлением губернатора, в поддержку которому был дан бирманский гарнизон. Покорение Аракана было самым значительным событием правления Бодопаи. Граница Бирмы была отодвинута до Британской Индии, и в англо-бирманских отношениях наступил новый период, имевший огромные последствия.

Успех, легко достигнутый Бодопаей в раздираемом распрями Аракане, по-видимому, вскружил ему голову, так как еще до конца 1875 года он начал развернутое наступление на Сиам. Хроники периода его правления полны мифами о белом слоне. Бодопая всенародно был объявлен Аримиттией — грядущим Буддой, и, возможно, в течение короткого периода действительно считал, что ему предназначено быть завоевателем мира. Если это так, то его иллюзии были очень скоро жестоким образом рассеяны. Его грандиозный план завоевания Сиама путем одновременного наступления с четырех направлений потерпел неудачу главным образом из-за того, что сам он не обладал качествами полководца. Не имея никакого военного образования и опыта, он сам повел наступление на главном направлении через перевал Трех пагод и в результате полного невежества в области даже элементарных принципов организации тыла потерпел столь сокрушительное поражение, что едва избежал плена.

Две его наступавшие армии — одна, двигавшаяся сухопутным путем из Тавоя, и другая, следовавшая морем, чтобы занять остров Джанк Сейлан,— имели целью отрезать сиамские провинции на Малаккском полуострове. Изгнав эти армии, сиамцы восстановили контроль над Патани, Кедахом, Келантаном и Тренггану. Именно во время этой кампании, в 1876 году, султан Кедаха, рассчитывая на поддержку Англии в наступлении против Сиама, передал Ост-Индской компании остров Пенанг.

Четвертая группа бирманских войск, действовавшая в районе Чиенгмая, добилась первоначально некоторого успеха и заняла Чиенгсен и Чиенграй, но дальше не продвинулась. В течение многих лет борьба в этом районе велась с переменным успехом. Чиенгмай был главной целью бирманцев. Они провели два довольно крупных наступления: одно в 1787 и другое в 1797 году, но оба не увенчались успехом. Наконец, в 1802 году сиамцы, имевшие свою базу в Чиенгмае, очистили от бирманцев свои лаосские провинции. Однако к этому времени государство Чиенгсен так обезлюдело, что уже больше никогда не смогло восстановить свои силы. На юге сиамцы предпринимали большие усилия для возвращения районов Тавой и Мергуи, но им это не удалось. Их набеги на эти районы продолжались вплоть до занятия Тенассерима Англией в 1824 году.

Под влиянием этих событий усилилась религиозная мания короля. Он преследовал еретиков и даже издал указ о смертной казни за такие проступки, как потребление спиртных напитков, курение опиума и убийство быка или буйвола. Когда буддийское духовенство пыталось сдержать некоторые из его наихудших выходок, он объявил о своем намерении провести реформу ордена

и конфисковал монастырские земли. Бодопая построил десятки пагод, а в Мингуне, на западном берегу Иравади в нескольких милях к северу от столицы, он приступил к сооружению огромной пагоды, которая, если бы была построена, достигла бы 500 футов высоты. В течение семи лет тысячи араканцев и других сосланных воздвигали это сооружение под личным наблюдением Бодопаи. Его войны и работы по сооружению пагод требовали колоссального количества рабочей силы. Истощение Верхней Бирмы, равно как и страны монов, было столь серьезным, что, как выразился Харви, «остов общества дал трещину». Не было принято надлежащих мер для снабжения войск и рабочих отрядов продовольствием и всем необходимым. Тысячи людей умирали от голода, дезертирство было массовым, целые деревни уходили в джунгли, чтобы избежать мобилизации, и бандитизм стал распространенным явлением.

Именно в Аракане последствия этой сумасбродной и жестокой политики сказались наиболее серьезно. Чрезмерное применение принудительного труда и воинской повинности привели здесь к открытому выступлению несговорчивых и непокорных араканцев. В 1794 году вспыхнуло общее восстание; восставшим оказали помощь вооруженные отряды из района Читтагонга, где уже обосновалось несколько тысяч беженцев. Столкнувшись с крупными подкреплениями, присланными из Бирмы, восставшие потерпели поражение, и большое число беженцев снова устремилось на английскую территорию. Их по пятам преследовали крупные бирманские войска, которые пересекли реку Нааф и основали базу на английской территории. Для того чтобы покончить с этим вторжением, власти Калькутты направили полковника Эрскина. Бирманский военачальник изъявил согласие мирно удалиться при условии, если будут арестованы и выданы три бежавших сюда вождя. Эрскин не располагал достаточными силами, чтобы прибегнуть к строгим мерам. Поэтому он обещал арестовать трех требуемых лиц и, если при расследовании подтвердятся предъявленные им обвинения, выдать их. Это было выполнено, и бирманцы вернулись со своей добычей на собственную территорию.

Этот тревожный инцидент заставил англо-индийское правительство осознать, что араканская граница представляет серьезную потенциальную опасность. Поэтому генерал-губернатор Джон Шор в качестве предупредительного шага направил двору Авы письмо, в котором дал детальный анализ положения, как оно ему представлялось. Напрасно прождав ответа в течение нескольких месяцев, он решил, что для него исключительно важно ликвидировать длительный дипломатический тупик, тянувшийся с момента закрытия фактории в Бассейне в 1762 году. Он опасался, что, если не будет найден какой-либо подход к правительству Бирмы, французы, которые вели войну с англичанами, попытаются использовать бирманские порты в качестве баз против английского судоходства в Бенгальском заливе.

Так именно и случилось во время американской войны за независимость[1]. И хотя французскую верфь в Рангуне пришлось оставить, адмирал де Сюффрен и Шарль Кастлено де Бюсси, которые были посланы в 1872 году для восстановления французских позиций в Южной Индии (их попытка оказалась тщетной), затратили немало усилий, чтобы убедить Версаль, что Бирма представляет более привлекательную, чем Индия, сферу для экспансионистской политики и является наиболее подходящей отправной точкой для нападения на англичан в Индии. В 1783 году де Бюсси направил посла для заключения торгового договора с Бирмой. Из этих попыток фактически ничего не вышло, но французы на острове св. Маврикия использовали в качестве своей ремонтной базы Мергуи после того, как он перешел от сиамцев к бирманцам.

Капитан Майкл Саймс, посол Шора, отправившийся в Бирму в 1795 году, получил поручение устранить причины недоразумений, возникших в связи с инцидентом на араканской границе, и убедить двор Авы закрыть свои порты

---

[1] По этому вопросу см. работы: Sonnerat, Voyage aux Indes Orientales et à la Chine (1782), vol. II, p. 43; Henri Cordier, Historique abrégé des rélations de la Grande Bretagne avec la Birmanie (1894), p. 8; Edmond Gaudart, Catalogue des Manuscrits des Anciennes Archives de l'Inde Française, vol. I, «Pondichéry, 1690—1789».

для французских военных судов. В частности, он должен был начать переговоры о торговом договоре, по которому агенту компании было бы разрешено проживать в Рангуне для наблюдения за английской торговлей. Бирманцы отнеслись к Саймсу с намеренной грубостью, но одновременно оказали ему гостеприимство. Ему дали ясно понять, что двор Авы считает ниже своего достоинства вести переговоры на равных началах с представителем всего лишь генерал-губернатора.

Он возвратился в Калькутту с письмом короля, в котором последний информировал калькуттские власти о том, что, если в будущем араканские беженцы, обосновавшиеся в Читтагонге, перейдут границу и будут совершать преступления на территории Бирмы, английские власти должны выдать их по представлении письменного заявления. Компания получила разрешение «направить для проживания в Рангуне лицо, которое будет наблюдать за торговыми делами, поддерживать дружественные связи и передавать письма двору». Однако король решительно отказался закрыть свои порты для французских судов. Саймс опубликовал отчет о своей миссии в превосходной книге, которая явилась первым исчерпывающим описанием Бирмы, опубликованным на европейском языке[1].

В октябре 1796 года в Рангун прибыл капитан Хирам Кокс, чтобы приступить к исполнению обязанностей английского резидента в соответствии с соглашением, заключенным Саймсом. Перед отъездом из Калькутты произошло острое столкновение между ним и английскими властями по вопросу о его статусе. Он отказывался признать бирманское определение этого статуса, изложенное в письме короля Бирмы, и настаивал на том, что резидент по рангу равен послу или дипломатическому представителю второго класса и значительно выше агента или консула[2]. Власти Индии, однако, недвусмысленно указали ему, что он не является послом, и специально предупредили его, чтобы он не пытался добиваться упрощения церемониала, «применявшегося по отношению к капитану Саймсу».

Тем не менее он поехал в Бирму, полный решимости придерживаться собственного толкования своего статуса и, больше того, не повторять, по его выражению, «унизительных уступок» этикету двора, сделанных Саймсом. Тем самым он играл на руку преисполненным подозрений бирманским должностным лицам, которые, по его собственным словам, рассматривали его назначение как «попытку тайно ввести троянского коня в их владения». После длительного и все более осложнявшегося неудачами пребывания в Амарапуре[3], куда он выехал в тщетной надежде получить от бирманского двора признание, которого он добивался, Кокс объявил о своем намерении покинуть страну; однако, вернувшись в Рангун, он узнал, что опубликован приказ бирманского короля о его аресте. Его открытое неповиновение местным властям вынудило их объявить чрезвычайное положение, и в минуту отчаяния Кокс отправил срочное послание в Калькутту с просьбой прислать вооруженный фрегат для его спасения, поскольку его жизнь находится в опасности.

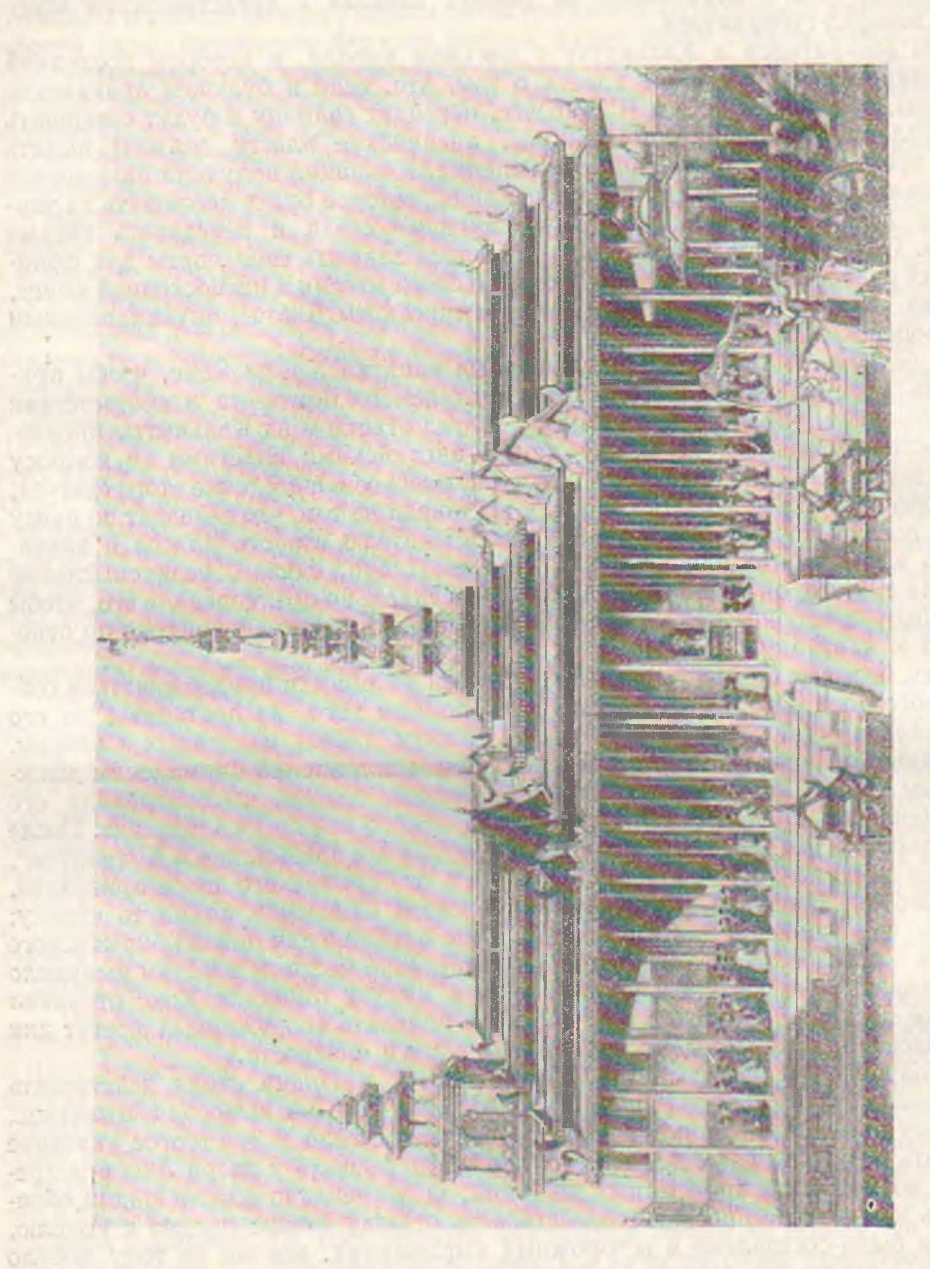
Получив это известие, английские власти в Индии стали действовать с крайней осторожностью. Они были убеждены, что Кокс вел себя вызывающе. Поэтому был послан приказ о его отзыве, и ему было дано строгое указание избегать резких выражений и всего, что могло вызвать у двора Авы подозрение о возможности враждебных действий. Одновременно власти Индии обратились к королю с просьбой содействовать отъезду Кокса; письмо к королю, хотя и было составлено в осторожных выражениях, все же по тону носило характер извинения. Однако возбуждение в Рангуне улеглось задолго до прибытия этих посланий, и ко времени отъезда Кокса в апреле 1798 года его отношения с местными властями стали самыми дружескими.

---

[1] Michael Symes, An Account of an Embassy to the Kingdom of Ava sent by Governor-General of India in the year 1795, London, 1800.

[2] «Bengal Political Consultations», 2 March 1798, No 5.

[3] Hiram Cox, Journal of a Residence in the Burmhan Empire, London, 1821.



Прием английского посла в королевском дворце в Амарапуре.

По возвращении в Калькутту Кокс предупредил английские власти в Индии, что бирманцы угрожают вторгнуться в Бенгалию, если вопрос об араканской границе не будет урегулирован в соответствии с их пожеланиями, и что король Бирмы действительно готовится к вторжению в Ассам. Кокс приписывал свою неудачу отчасти тому факту, что он вызвал враждебное отношение к себе той партии при дворе, которая поддерживала эти планы, предупредив ее, что дальнейшее проведение ее политики вынудит англичан вмешаться.

Но главная причина его неудач заключалась, по его мнению, в том, что капитан Саймс просто ввел в заблуждение английские власти в Индии относительно бирманцев. «Мне казалось, что он блуждал в лабиринте ошибок с самого начала и до конца переговоров, и если случайно некоторые проблески света доходили до него, он гасил их из-за ложного стыда, который мешал ему понять это»,— в таком крайне невоздержанном тоне нападал Кокс на своего предшественника. Шор превосходно понимал, насколько сам Кокс виновен в создании тех трудностей, с которыми ему пришлось столкнуться, но лорд Уэлсли, занявший пост генерал-губернатора, выразил свое полное удовлетворение поведением Кокса, когда тот вернулся в Калькутту. Он считал, однако, неразумным снова разжигать обиды, посылая еще одного резидента в Рангун. Его внимание было сосредоточено на заигрываниях Типу, султана Майсура, с островом св. Маврикия и с Парижем. Поэтому он возлагал необоснованные надежды на то, что политика невмешательства в вопрос об араканской границе может оказаться самым надежным способом избежать осложнений.

Пока генерал-губернатор находился в Мадрасе, наблюдая за приготовлениями к вторжению в Майсур, в Аракане снова вспыхнули беспорядки. Влиятельный араканский вождь, получив приказ Бирмы о посылке крупного контингента войск для борьбы против Сиама, бежал в Читтагонг. Его побег послужил сигналом к новому массовому бегству. Бирманские войска, преследовавшие беглецов, снова перешли границу и укрепились на английской территории. Судья Читтагонга пытался вести переговоры, но потерпел неудачу. Тогда он направил небольшой отряд сипаев для нападения на бирманские позиции, но сипаи были отброшены. Затем бирманцы внезапно покинули позиции и вернулись на свою территорию. Будучи всецело поглощен положением дел в Индии, Уэлсли послал капитана Томаса Хилла в Мрохаунг для переговоров с бирманским губернатором Аракана. Это было в июне 1799 года. Между тем положение беженцев было столь тяжелым, что капитан Хирам Кокс был послан в Читтагонг для проведения мер по оказанию помощи и устройству беженцев вблизи реки Багхоли, где имелось достаточно земли для обработки. Базар, названный его именем (Кокс-Базар), поныне остается памятником его трудов и его смерти, случившейся в то время, когда он занимался его созданием.

Хилл понял, что губернатор Аракана будет добиваться одного — полного изгнания всех беженцев с английской территории. Когда он прервал переговоры, губернатор направил в марте 1800 года делегата в Калькутту для предъявления своего требования генерал-губернатору. Уэлсли в ответ указал, что выполнить это требование невозможно, но обещал закрыть границу для новых беженцев с бирманской территории. Он старался выиграть время; хотя от султана Типу удалось избавиться в кровавой битве у Серингапатама, внимание Уэлсли было поглощено нарастающей анархией во владениях маратхов. Однако он начал подумывать о посылке нового посольства к Золотым стопам (двору Авы) и поручил майору Уильяму Франклину, довольно известному ориенталисту с солидной репутацией, изучить бирманские документы и предложить новый метод подхода к Авскому двору.

В отчете, представленном в июле 1801 года, Франклин рекомендовал удалить в глубь Бенгалии недовольных араканских вождей, которые могли бы нарушить мир на границе. Кроме того, он рекомендовал предложить Бирме заключить договор о помощи, причем это предложение должен был сделать посол в сопровождении такого великолепного эскорта, который показал бы двору Авы все достоинство и мощь английских властей в Индии. Однако Уэлсли

положил этот отчет под сукно и, по-видимому, сознательно вернулся к выжидательной политике.

Но в своих расчетах он не принял во внимание позицию бирманцев. В январе 1802 года, когда он находился с визитом в Коунпуре, ему было вручено письмо от губернатора Аракана, в котором тот от имени короля требовал изгнать всех араканцев из Читтагонга и угрожал напасть на Читтагонг, если это требование будет отклонено. Уэлсли немедленно приказал усилить пограничную стражу и вызвал Саймса, который только что вернулся из Англии после длительного отпуска и находился в Коунпуре со своим полком, чтобы отправить его во главе второй миссии в Амарапуру. На вопрос о том, почему Уэлсли отдал предпочтение Саймсу перед Франклином, источники не дают ответа. Можно лишь предполагать, почему он вообще выбрал Саймса, после того как Хирам Кокс подверг столь резкой критике его первую миссию. Известно только, что после личной беседы с Саймсом он объявил о назначении последнего, сделав при этом загадочное замечание о том, что его «способности, личный опыт и полнейшая осведомленность в делах правительства Авы» делают его «особенно достойным» для выполнения задачи, которая ему поручена. Как показали события, лучшего выбора он сделать не мог.

Саймс прибыл в Бирму в конце мая 1802 года с огромнейшим эскортом, как и рекомендовал Франклин, имея при себе проект договора о помощи. Он должен был в первую очередь выяснить вопрос о том, собирается ли араканский губернатор вторгнуться в Бенгалию и дать двору Авы возможность снять с себя ответственность за это. Он должен был также объяснить, почему правительство Индии не может согласиться с требованием об изгнании всех беженцев. Что касается вопроса о заключении договора о помощи, он узнал из целого ряда дополнительных инструкций строго конфиденциального характера, что есть основания предполагать, что король Бодопая серьезно намеревается отречься от престола, а в этом случае можно ожидать попытки принца Таунгу лишить своего брата, являвшегося законным наследником, права наследования. Саймс поэтому должен был предложить законному наследнику военную поддержку в случае, если создастся такое положение. В отношении последнего пункта здесь следует заметить, что, как выяснил Саймс, слух о намерении короля отречься от престола был необоснованным, да и сам Саймс был слишком осторожен, чтобы придерживаться линии, изложенной в инструкциях.

По прибытии в столицу ему пришлось прождать целые месяцы, пока он был принят. Он узнал, что короля с трудом удалось убедить не отсылать его с позором обратно в Калькутту. Полученные им инструкции позволяли ему отказаться от своей миссии и покинуть страну, если его дальнейшее пребывание там окажется бесполезным. Но он решил, что такое поведение сделает войну неизбежной и что терпение и снисходительность послужат ему лучшим оружием. Наконец, прежде чем уделить Саймсу какое-либо внимание, король решил разыграть представление приема фиктивной французской миссии, специально созданной для этой цели. Однако сдержанность и чувство собственного достоинства, проявленные Саймсом, завоевали ему поддержку законного наследника и наиболее влиятельных лиц при дворе, советы которых в конце концов возымели действие. Французская «миссия» была принята без церемоний и срочно отослана обратно. После этого Саймсу был оказан пышный прием, на котором король, отступив от обычной процедуры, произнес краткую речь. Он сделал Саймсу личный комплимент и заметил, что, видя снова его лицо, он «забывает всякие поводы для обиды».

Саймс вернулся в Калькутту с официальным письмом, содержание которого он резюмировал следующим образом: «Король был недоволен поведением капитана Кокса.., но теперь он рад примирению». В письме не было упоминания о том, что губернатор Аракана угрожал войной: это дело было урегулировано путем «словесного сообщения», сделанного Саймсу от имени короля, в котором его заверили, что губернатору не было дано инструкций требовать возврата беженцев в тех выражениях, которые он применил, и указали, что навсегда отказались от требования об изгнании всех беженцев. Саймс сообщил

своему правительству, что «добиваться всеми средствами наибольшего влияния в правительстве и администрации Авы стало сейчас совершенно необходимо с точки зрения интересов и безопасности британских владений на Востоке».

В этом письме король разрешал восстановить английское резидентство в Рангуне, и лейтенант Джон Каннинг, сопровождавший Саймса в Аву, был назначен резидентом. Однако для того, чтобы английские власти в Индии остались в стороне на тот случай, если дело обернется плохо, Каннинг был направлен в качестве частного агента Саймса, а не в качестве официального представителя Ост-Индской компании. Он прибыл в Рангун в конце мая 1803 года. Губернатор Хантавади, который был большим другом Саймса, был отозван в столицу, а его заместитель поставил Каннинга в столь трудное положение, что тот уже в ноябре этого же года вернулся в Калькутту.

Мысль о сохранении резидентства в Рангуне была поэтому оставлена как бесполезная. На араканской границе мир сохранялся в течение нескольких лет, что было результатом главным образом более строгого контроля, осуществлявшегося английскими властями. К тому же бирманцы сдержали свое слово: больше не было ни требований, ни угроз. Бирманский вопрос отошел на задний план. По свидетельству как Саймса, так и Каннинга, влияние и деятельность французов были там незначительны. В 1809 году, когда лорд Минто подверг блокаде острова св. Маврикия и Бурбон, перед тем как приступить к их завоеванию, Каннинг снова был направлен в Бирму, на сей раз для того, чтобы успокоить двор Авы в отношении английской политики. Он был принят с большой сердечностью. Каннинг установил, что в течение нескольких лет отношения между островами и бирманскими портами были полностью прекращены. По тем признакам обезлюдения и нищеты, которые он наблюдал на своем пути в столицу и обратно, он сделал вывод, что мощь Бирмы быстро клонится к упадку. Тем не менее он предупредил свое правительство, что король Бодопая стремится к осуществлению одной из своих целей — завоеванию Читтагонга и Восточной Бенгалии.

Если бы калькуттские власти уделили серьезное внимание его предупреждениям, можно было бы избежать многих осложнений. Но араканская граница проходила в районе густых джунглей, пересеченных бесчисленным количеством речек, и являлась очагом наиболее злокачественных форм малярии. Поэтому дополнительные войска, размещенные здесь в 1802 году, были вскоре выведены отсюда, и этот район вновь был предан забвению. После ряда лет обманчивого покоя в 1811 году последовало неизбежное возмездие. Новый вождь Чинбьян[1], отпрыск видной семьи мьотуджи из северного Аракана, тайно собрал на английской территории большое войско и совершил внезапное нападение на Мрохаунг, который и захватил. Из древней столицы он обратился в Калькутту с горячим призывом о помощи, обещая взамен передать это королевство под власть англичан.

Власти Индии решительно отказались от его предложения и в сентябре 1811 года снова послали капитана Каннинга в Бирму — на этот раз с целью заверить двор Авы, что английские власти никоим образом не инспирировали этого восстания и не помогали ему. Бирманцы предъявили Каннингу весьма убедительные, с их точки зрения, доказательства английской помощи восставшим. Они указывали на большую халатность, проявленную местными властями в Читтагонге. Положение усугублялось тем, что, пока Каннинг находился в Амарапуре и заверял правительство, что будут приняты эффективные меры для предотвращения дальнейшего передвижения беженцев через границу, бирманские войска в Аракане успешно подавляли восстание, и Чинбьян вместе с большим числом своих сторонников снова совершенно беспрепятственно бежал на английскую территорию.

Бирманские части, преследующие беглецов, снова пересекли границу, и губернатор Аракана угрожал вторгнуться с 80-тысячным войском в Читта-

[1] B. R. Pearn, King-bering, JBRS, vol. XXIII, 1933.

гонг, если не будут выданы беженцы, и в том числе гражданский хирург Читтагонга д-р Макрей, которого он обвинял в помощи Чинбьяну при его первом вторжении. Англичане срочно направили подкрепления в район беспорядков и предприняли энергичные меры для поимки неуловимого вождя мятежников. Однако он ускользал от всех своих преследователей, и в 1812 году с приближением сезона влажных муссонов бирманцы вернулись на свою территорию, а англичане прекратили поиски Чинбьяна.

Этим немедленно воспользовался Чинбьян и занял один из пограничных пунктов, только что оставленный войсками компании; использовав этот пункт в качестве своей штаб-квартиры, он совершил нападение на Маунгдо. На этот раз магистрат Читтагонга своевременно предупредил бирманцев, которые обратили нападавших в бегство. Когда беженцы снова укрылись на английской территории, войска компании арестовали многих из них. Однако благодаря поддержке местного населения Чинбьяну и большинству его начальников удалось избежать ареста; вскоре они стали грабить местное население, отбирая у него продовольствие.

Такое положение продолжалось в 1812, 1813 и 1814 годах. В конце 1812 года англичане лишили Чинбьяна возможности вести крупные операции, захватив весь его флот, состоявший из 150 военных судов. Но им никак не удавалось ни прекратить его деятельность, ни захватить его. Бирманцам также не удавалось захватить Чинбьяна, хотя они и отражали все его нападения. Тем не менее под давлением, с одной стороны, войск бирманцев и с другой — войск компании восстание явно начало затухать к концу 1814 года. Поэтому, когда в январе 1815 года Чинбьян умер, движение полностью прекратилось.

Это восстание нанесло непоправимый вред англо-бирманским отношениям. Бирманцы, не сумевшие, к сожалению, понять, до какой степени у англичан были связаны руки в других местах — на Яве, в стране маратхов и в Непале, прониклись к ним презрением и перестали верить в их силу, которую так долго и так нагло игнорировал решительный национальный вождь. После возвращения капитана Каннинга из Амарапуры в 1812 году англичане не предпринимали никаких попыток установить прочные дипломатические отношения между фортом Уильям и двором Авы. Обе стороны стали все более подозрительно относиться друг к другу. Семена первой англо-бирманской войны уже были посеяны; Бодопая был, однако, слишком осторожен для того, чтобы провоцировать войну с англичанами, а английские власти в Индии не могли применить решительной политики в отношении Бирмы, пока они не разделались окончательно с маратхами. В 1819 году Бодопая умер, и последние мятежные элементы в центральной Индии были сломлены.

К этому времени в результате проводимой бирманцами политики в Ассаме создалось такое же положение, как и в Аракане. Начиная с XVII столетия монархия Ахом клонилась к упадку. В последние годы XVIII столетия восстание преследуемой секты Моамариа, не признававшей превосходства брахманов, и неспособность глупого Гауринатха Сингха (1780—1794) создали такой беспорядок, что пришлось добиваться помощи англичан. Однако капитан Уэлш, посланный туда в 1792 году лордом Корнуолисом, доложил, что ничего эффективного сделать нельзя, кроме полной оккупации. Но об этом не могло быть и речи, и поэтому Уэлш был отозван.

Признаков улучшения положения не наблюдалось и в 1798 году, когда, как мы видели, капитан Хирам Кокс докладывал, что король Бодопая замышляет вторжение. Однако последний воздерживался в течение довольно длительного периода, возможно, потому, что Кокс предупредил его, что подобные действия вызовут возмущение англичан. Вскоре после того, как было покончено с делом Чинбьяна, Бар Фукан, бежавший из Ассама, появился в Калькутте с целью просить у англичан помощи против Бурха Гохайна. Когда власти форта Уильям отклонили его просьбу, он обратился к Бодопае. На этот раз бирманский король решил действовать. В марте 1817 года бирманская армия направилась к Джорхату и посадила на престол ставленника Бодопаи. Однако, как только бирманцы ушли, их ставленник был низложен. В 1819 году бир-

манцы вернулись, восстановили прежнего раджу Чандраканта Сингха и снова возвратились домой. И опять: как только они повернули обратно, вспыхнули беспорядки и Чандраканта, неспособный постоять за себя, бежал на английскую территорию.

Положение в Бирме к этому времени радикально изменилось. Престол унаследовал слабый и добродушный внук Бодопаи Баджидо, который под влиянием блестящего и честолюбивого военачальника Маха Бандулы решился вторгнуться в Ассам. Таким образом, бирманская армия снова вернулась в Ассам — на сей раз для того, чтобы там остаться,— и Бандула установил свой контроль над страной. Во время этих событий два претендента на ассамский престол — Чандраканта Сингх и Пурандар Сингх,— бежавшие на английскую территорию, занимались набором войск и вооружения, чтобы изгнать бирманцев, а английский магистрат в Рангпуре тщетно убеждал Калькутту помочь кому-нибудь из них. Оба вторжения окончились неудачей, и, как в случае с Араканом, бирманские войска, преследуя беглецов, пересекли границу Британской Индии. Это случилось в начале 1822 года. В июле того же года Маха Бандула направил посла в Калькутту с требованием выдачи ассамских вождей, нашедших убежище на английской территории.

Однако Ассам не был единственным государством, страдавшим от новой вспышки воинственности бирманцев. Отсутствие раджи Манипура на коронации Баджидо было использовано как повод для низложения его с престола и опустошения его страны. Он и тысячи жителей Манипура бежали в соседнее государство Качар. Раджа Качара, государство которого грабили толпы доведенных до отчаяния беженцев и которому угрожали бирманцы, бежал на английскую территорию и обратился к правительству Индии за помощью. Власти форта Уильям, учитывая, что если бирманцы будут контролировать проходы из Качара в их владения, то их нападение на Восточную Бенгалию будет значительно облегчено, решили, что пришло время занять твердую позицию. Поэтому они объявили протекторат Англии над Качаром и над его северным соседом — небольшим горным государством Джайнтия, которому также угрожали бирманцы.

Вступление на престол Баджидо послужило также сигналом для вспышки новых беспорядков на араканской границе. Бирманские войска стали переходить границу в районе Раму и хватать охотников на слонов, работавших для Ост-Индской компании, под тем предлогом, что они нарушают бирманскую границу. Эти и другие инциденты заставили англичан усилить свой пограничный пост в Тек Наафе и создать аванпост на острове Шапури у устья реки. Бирманцы ответили на это захватом острова в сентябре 1823 года. Британские войска заняли его снова. Попытка учредить комиссию по пограничным вопросам окончилась неудачей, и нарушения границы продолжались и в дальнейшем.

Тем временем в Качаре уже начались военные действия. Несмотря на предупреждение английского офицера пограничных войск Дэвида Скотта, что англичане будут защищать это государство, бирманцы начали широкое вторжение. Перед лицом крупного превосходства сил англичане могли здесь лишь удерживать свои позиции, но бои, которые они вели при отступлении, заставили бирманцев прекратить операции и удалиться в Манипур. Это было в феврале 1824 года. За месяц до этого Маха Бандула принял командование в Аракане и начал подготовительные операции для нападения на Читтагонг. Лорд Амхерст, занимавший пост генерал-губернатора, понял теперь, что бирманцы готовятся к войне. Поэтому 5 марта 1824 года власти форта Уильям объявили Бирме войну. Непосредственная причина крылась в том, что Бандула, как только установил свой контроль в Ассаме, направлял движение войск на границе из Брамапутры в Нааф в порядке координированного плана нападения на Бенгалию.

Английский план кампании сводился к тому, чтобы отвлечь войска Бандулы от границы Индии, сосредоточив силы для крупного вторжения с моря на Нижнюю Бирму, и одновременно вести дополнительные операции по завоеванию Ассама, Манипура, Аракана и прибрежной полосы Тенассерима. Глав-

ное наступление должно было идти вверх по Иравади в направлении к столице. Экспедиционные силы, втайне стягивавшиеся на Андаманские острова, добились полного стратегического успеха: 10 мая они внезапно форсировали реку и заняли Рангун без единого выстрела. Тем временем Бандула, совершенно неосведомленный о том, что произошло, пересек Нааф и одержал победу над одним из отрядов войск компании, вызвав нечто вроде паники в Калькутте. Больше ему ничего не удалось сделать, так как известие о захвате англичанами Рангуна вынудило его приостановить наступление и поспешить на юг.

Однако в ходе кампании, которая началась для англичан так удачно, скоро проявились серьезные недостатки планирования. Войска Арчибальда Кэмпбелла были так плохо снабжены транспортными средствами, что он был привязан к Рангуну, не имея возможности пробиться к Верхней Бирме до периода влажных муссонов, когда движение вверх по Иравади становится невозможным. Расчет на то, что моны из района дельты могут предоставить не только необходимый транспорт, но и обеспечить обилие свежего продовольствия, оказался необоснованным. Моны, опасаясь мести бирманцев, палец о палец не ударили для оказания помощи. Поэтому в течение шести дождливых месяцев наступающие должны были оставаться в Рангуне, причем дизентерия и лихорадка унесли столько жертв, что из первоначального отряда численностью в 11 тысяч человек осталось всего несколько сотен солдат, пригодных для ведения боев.

Первоначальный план двора Авы заключался, по-видимому, в том, чтобы задержать англичан в Рангуне путем сооружения кольца заграждений, расположенных в стратегических пунктах между Чимьиндайнгом и рекой Пазундаунг и тем самым вынудить их прекратить войну. Однако, когда два следовавших друг за другом командующих — Тонба Вунджи и Чи Вунджи — потерпели поражение во время атак англичан на их заграждения, они поняли, что требуются решительные действия. Тогда был послан Бандула с войском численностью в 60 тысяч человек и значительной артиллерией. Против него англичане могли выставить меньше 4 тысяч человек, которых поддерживали канонерки на реках Рангун и Пазундаунг.

1 декабря 1824 года Бандула повел атаку и был решительно отброшен. Через несколько дней подверглась штурму его главная позиция в Кокайнге, и его армия начала распадаться. С 7 тысячами оборванных людей он отступил в Данубью. К этому времени к Арчибальду Кэмпбеллу быстро подходили подкрепления, и он имел возможность организовать отряд для занятия Проме. 1 апреля 1825 года был убит Бандула, пытавшийся удержаться в Данубью; его армия бежала в беспорядке. Англичане тогда заняли Проме, и войска были расквартированы на период дождей.

Тем временем и на других участках военных действий англичане достигли больших успехов. Пока одна часть войск задерживалась бирманцами в Рангуне, другие части были направлены для занятия Сириама, Мартабана, Е, Тавоя и Мергуи. Вскоре оказалось возможным послать запасы свежей пищи осажденной в Рангуне армии. В начале 1825 года была занята столица Аракана — Мрохаунг и проведена систематическая оккупация страны. Однако вследствие отсутствия пригодной дороги через горы пришлось оставить надежду на то, что удастся провести нападение на столицу Бирмы через Араканский хребет.

Капитан Каннинг высказал интересное предположение, что в Амарапуру колонна может пройти маршем через Манипур к долине Чиндвина. Однако, когда бирманцы были вытеснены из Качара, в который они снова вторглись, англичане отказались от попытки преследовать их через Манипур, так как этому мешали сильно пересеченная местность, бездорожье и дожди. Вместо этого они предоставили изгнанному радже войска и нескольких английских офицеров, и с их помощью он постепенно восстановил свою власть. Другие отряды без большого труда вытеснили бирманцев из Ассама.

Смерть Бандулы и оккупация англичанами Проме вызвали крайнее заме-

шательство в Амарапуре. Предпринимались лихорадочные усилия для набора новых армий. В 1825 году, по окончании периода дождей, бирманцы под прикрытием переговоров о перемирии пытались произвести внезапное нападение на Проме. Эта хитрость была, однако, разоблачена, и после тяжелых боев бирманская армия снова была разбита. Путь к столице теперь был открыт; последнее серьезное сопротивление было подавлено. К тому же Арчибальд Кэмпбелл располагал теперь достаточным речным транспортом и добивался больших успехов, двигаясь вверх по реке.

В Малуне возобновились мирные переговоры. Однако условия мира, продиктованные англичанами — уступка Аракана, Тенассерима, Ассама и Манипура наряду с уплатой контрибуции в рупиях в сумме, равной миллиону стерлингов,— так потрясли бирманских уполномоченных, что они стали применять всевозможные средства, чтобы убедить англичан уменьшить свои требования и в особенности отказаться от пунктов об Аракане и контрибуции. Но англичане твердо стояли на своем, и продвижение войск к столице возобновилось. Только когда английская армия вошла в Яндабо, находившийся всего в нескольких днях пути от столицы, бирманцы наконец согласились принять условия мира. 24 февраля 1826 года Яндабоский договор был подписан и продвижение англичан приостановлено. В дополнение к крупным территориальным уступкам и тяжелой контрибуции — ибо Бирма не чеканила монеты, а доход правителя поступал главным образом натурой — двор Авы должен был обещать воздерживаться от всякого вмешательства в дела государств, расположенных на северо-восточной границе Британской Индии, принять английского резидента в Амарапуре и направить бирманского посла, резиденция которого будет в Калькутте. Стороны пришли также к соглашению о том, что немедленно должны начаться переговоры о заключении отдельного договора по регулированию торговых отношений.

Война, стратегически так хорошо задуманная и так плохо проведенная на первом этапе в оперативном отношении, была выиграна ценой тяжелых людских и материальных потерь. Не менее 15 тысяч из 40 тысяч человек, служивших в английских экспедиционных войсках, умерли в подавляющем большинстве случаев от лихорадки и дизентерии. Однако эта война показала также слабость Бирмы—она была полностью истощена захватническими войнами, которые вела на протяжении трех четвертей века. Даже гений Бандулы, если бы он и остался жив, не спас бы ее.

В истории Бирмы теперь должен был наступить коренной поворот. Она еще сохраняла свои три главных порта: Бассейн, Рангун и Мартабан, но уже потеряла свои две крупные прибрежные провинции в пользу расширяющейся Британской империи в Индии с ее морскими силами, господствующими в Индийском океане. Сможет ли она приспособиться к этому непривычному для нее положению, или приверженность к традициям, гордость и невежество двора Авы побудят англичан к дальнейшему вмешательству?

ГЛАВА XXXII

БИРМА ОТ ЯНДАБОСКОГО ДОГОВОРА ДО ОБРАЗОВАНИЯ ПРОВИНЦИИ БРИТАНСКАЯ БИРМА (1826—1862)

Поражение Бирмы в войне с англичанами имело далеко идущие последствия. Велики были ее территориальные потери, но еще больший удар был нанесен ее национальной гордости. Ее военная мощь, некогда наводившая ужас на всех соседей, была непоправимо сломлена. Англичане, отторгнувшие от Бирмы Тенассерим и Аракан, не говоря уже о позднее приобретенных территориях в Ассаме и Манипуре, в 1852 году отняли у нее богатую провинцию Пегу, а в 1885 году положили конец династии Алаунгпаи и захватили все, что еще оставалось от ее владений.

Однако это не входило в первоначальные планы англичан и не было проявлением макиавеллистской политики экспансии. Английские официальные документы со всей ясностью показывают, что англичане стремились избежать войны до 1824 года, и после Яндабо они продолжали искать пути установления мирных отношений с Бирмой. Они не понимали лишь того, что, поскольку они уже вступили на территорию Бирмы, простая логика событий должна была в конце концов привести их к полной оккупации страны вопреки их нежеланию совершать территориальные захваты. Этого можно было избежать, лишь возвратив все те завоеванные территории, которые с основанием можно было считать принадлежащими королевству Бирмы; но если это легко было сделать в отношении Тенассерима, то Аракан надо было удержать, так как этого требовала безопасность северо-восточной границы Индии. Компания надеялась, что мира можно добиться путем установления непосредственных сношений и, несмотря на неудачи, испытанные ею в этом отношении в довоенный период, оговорила в Яндабоском договоре, что английский резидент должен находиться в столице Бирмы, а бирманский посол — в Калькутте.

Включая такое условие, англичане исходили из того, что поражение Бирмы в войне окажет отрезвляющее воздействие на двор Авы и заставит его встать на верный путь. Случилось же как раз обратное. Король Баджидо стал страдать повторяющимися припадками меланхолии, которые в конце концов привели к безумию. Жестокий удар по престижу двора Авы привел не к ослаблению, а к усилению дерзости Баджидо. Он по-прежнему проявлял элементарное незнание внешнего мира и не желал узнать его. Больше всего гордость бирманцев страдала от унижения, состоявшего в необходимости поддерживать дипломатические отношения с простым вице-королем. Поэтому правительство Бирмы изыскивало одну причину за другой, чтобы не открывать посольства в Калькутте, и никакими силами нельзя было убедить его выполнить эту статью договора.

Довольно долго задерживалось и назначение английского резидента при дворе Авы. Ему следовало обеспечить надлежащее положение до того, как английская армия оставит Яндабо. Однако англичане избрали другой путь: они направили посла, которому было поручено вести переговоры о предусмотренном в Яндабо особом торговом договоре и сообщить о целесообразности учреждения постоянного резидентства. Послом был избран старый коллега Раффлза, Джон Кроуфорд, который был резидентом в Сингапуре с 1823

по 1826 год, а после этого провел шесть месяцев в качестве гражданского комиссара в Рангуне.

Он прибыл в столицу Бирмы 30 сентября 1826 года и обнаружил, что двор уже начал оправляться от первого удара и что он снова прибегает к отговоркам и увerткам, чтобы сделать его задачу невыполнимой. Кроуфорд был видным ученым, но не владел искусством вести переговоры. Поэтому, хотя, как и во время его предыдущей миссии в Бангкок, заключенный им договор не имел практического значения, книга, написанная им о своей деятельности, представляет большую ценность; она наряду с работами Саймса и Юла является одним из лучших отчетов о старом королевстве Бирмы[1].

Прием Кроуфорда правителем состоялся в день *кодо*, то есть «день прощения», когда вассалы короля собирались и приносили обычные подношения. Официальные подарки от генерал-губернатора были расценены как знак его подчинения «Золотым стопам» и его желания получить прощение за причиненные в прошлом обиды. По поводу чрезвычайно простого и бесхитростного проекта торгового договора, представленного Кроуфордом бирманскому правительству, последнее торговалось в течение ряда недель, пытаясь в обмен за уступки в торговле добиться аннулирования неуплаченной части контрибуции и возврата утраченных территорий. Из первоначальных двадцати двух статей только четыре появились в окончательном тексте договора, который был подписан 24 ноября 1826 года.

Во время переговоров правительство подняло целый ряд вопросов в связи с тем, что договор в Яндабо был неудачно составлен в отношении пограничной линии. Вставали серьезные проблемы, которые надо было разрешить. Но Кроуфорду с его строгими представлениями о дипломатической корректности надоели методы бирманцев. Он ссылался на то, что полученные им инструкции не позволяют ему заниматься политическими вопросами, возникающими в связи с договором. Однако по возвращении Кроуфорда в Калькутту правительство Индии не разделило его узкого подхода к своим полномочиям и подвергло его критике за то, что он, перед тем как оставить страну, не приложил больше усилий к установлению политических отношений на должной основе.

Кроуфорд считал нецелесообразным назначать постоянного резидента; в связи с этим правительство Индии отложило на время это дело. Он утверждал, что должностное лицо, находящееся на расстоянии 1200 миль морского пути от Калькутты, явилось бы предметом непрерывного недоверия для правительства, «невероятно невежественного и подозрительного», и положение этого должностного лица было бы «немногим лучше почетного заключения». Он считал, что отношения с Авой мог бы поддерживать политический чиновник, проживая в Моулмейне — столице новой английской провинции Тенассерим.

Однако судьба Тенассерима еще только решалась. Первоначально предполагалось предложить Тенассерим Сиаму, но в связи с позицией Сиама по различным вопросам, касающимся его отношений с англичанами, эта мысль была оставлена. Директора компании, выяснив, что доходы от этой провинции недостаточны для покрытия расходов по ее устройству, полагали, что следует обсудить вопрос о возможном ее возвращении Бирме. Имелись и другие проблемы, которые могли быть как следует разрешены лишь при наличии должным образом аккредитованного представителя в Амарапуре. Так, например, когда в Калькутту прибыла бирманская миссия для рассмотрения вопросов, от обсуждения которых Кроуфорд отказался (вопрос о невнесенной половине контрибуции и границах Аракана и Манипура), оказалось, что эта миссия не правомочна решать данные вопросы на месте, а должна передать их на рассмотрение двора Авы.

Немало трений вызывал и вопрос о границах. Бирманцы претендовали на долину Кабо между рекой Чиндвин и Манипурскими горами, которая была

[1] C r a w f u r d, Journal of an Embassy from the Governor-General of India to the Court of Ava in the year 1827, London, 1829.

занята Гамбхир Сингхом в то время, когда он вытеснил бирманцев из своей страны в ходе войны. Англо-бирманская пограничная комиссия не пришла к соглашению, и Пембертон, английский эксперт по северо-восточным пограничным районам Индии, заявил, что карта, используемая бирманскими уполномоченными, фальсифицирована. Когда было устроено еще одно заседание для проверки карты, бирманцы не явились, и правительство Индии приняло решение в пользу раджи Манипура. Когда через год комиссия снова собралась и бирманцы увидели, что англичане водрузили пограничные знаки на правом берегу Чиндвина, они заявили такой резкий протест, что правительство Индии приостановило дальнейшие действия, пока вопрос не будет тщательно изучен по бирманским документам, хранящимся в столице.

К концу 1829 года стало совершенно ясно, что подобного рода делами не может заниматься политический агент в Моулмейне, а только резидент, предусмотренный Яндабоским договором. Для этой роли правительство Индии выбрало майора Генри Барни, который уже заслужил высокую оценку за свое тактичное поведение у раджи Лигора и при дворе Бангкока. Он прибыл в Амарапуру в апреле 1830 года, имея полномочия решать все важнейшие вопросы, вопросы контрибуции, пограничных споров, торговли и возможности возвращения территории. Поскольку все предыдущие попытки установить отношения между Авой и Калькуттой на удовлетворительной основе терпели провал, положение, с которым ему пришлось столкнуться, могло бы испугать самого жизнерадостного человека[1].

В вопросах придворного этикета его позиция была твердой, но разумной. Он дал, однако, ясно понять, что не согласится бывать на приеме в день *кодо*. И он добился своего. Скоро Барни установил столь сердечные отношения с министрами Хлудо, высшего совета королевства, что они приходили к нему в резиденцию на обеды. Дошло до того, что сам король Баджидо часто лично вел с ним беседы. В феврале 1831 года их отношения были столь дружественными, что король присвоил ему ранг *вундау*[2].

Главные спорные вопросы обсуждались как в Аве, так и в Калькутте. Попытки бирманцев сократить размер контрибуции не увенчались успехом, и последний взнос был передан в октябре 1832 года. Бирманская депутация направилась в Индию с тем, чтобы убедить генерал-губернатора опротестовать решение о долине Кабо. В 1832 году Барни был вызван в Калькутту для участия в обсуждении этого вопроса. На основании изучения документов двора Авы он пришел к выводу, что право на стороне бирманцев, несмотря на возражения Пембертона. В марте 1833 года английские власти Индии согласились с его доводами, и долина была возвращена Бирме, несмотря на то, что она была занята манипурами с момента окончания войны.

По вопросу о Тенассериме Барни не удалось убедить бирманское правительство предложить разумные условия для его возвращения. Оно прекрасно знало, что в финансовом отношении Тенассерим представлял чистый убыток для Ост-Индской компании, и ошибочно полагало, что, если оно сумеет выждать достаточно длительный срок, компания вернет ему его в виде безвозмездного дара. Даже предупреждение о том, что сиамцы охотно приобретут эту территорию на выгодных для Англии условиях, не поколебало решимости бирманцев. Не удалось также Барни убедить их назначить постоянного посла в Калькутту. Тот довод, что это противоречило бирманским обычаям, был с их точки зрения решающим, и никакие примеры из дипломатической практики других стран не оказали на них воздействия.

Положение еще более осложнилось тем, что еще до конца 1831 года король Баджидо начал проявлять признаки безумия, что позднее вывело его из строя.

---

[1] Подробное исследование миссии Барни, основанное на документах Индийской канцелярии, см. W. S. Desai, History of the British Residency in Burma, 1826—1840, University of Rangoon, 1939.

[2] *Вундау* — министр второго класса, следующий по рангу после *вунджи*. См.: «Handbook of Oriental History» (C. H. Philips, editor), Royal Historical Society, London, 1951, p. 120—121, s. v. Ministers of State (B).

Власть поэтому все более и более переходила в руки главной королевы и ее брата Минтаджи (оба были низкого происхождения), игравших главную роль в Совете регентства. Напряжение, вызванное осуществлением столь трудной задачи, подорвало здоровье Барни. В письме, отправленном в 1834 году, он ясно указал на невыносимое положение, в котором оказался: «Когда здесь возникает какое-либо событие или спор, то сознание отсутствия надежных средств сообщения со своим правительством, которое меньше знает о подлинном характере и обычаях этого двора, чем любого индийского, возбуждает сильную душевную тревогу, что очень вредно отражается на здоровье государственного служащего, занимающего ответственный пост и к тому же живущего в подобном климате и в подобных условиях рядом с безумным правителем и дрожащими от страха министрами». Ему был предоставлен отпуск.

В июле 1835 г. Барни вернулся в Бирму. Хотя министры и оказали ему до некоторой степени лестный прием, болезнь короля достигла такой степени, что он не смог заставить себя встретиться с представителем державы, причинившей ему столь сильное унижение. События достигли кульминационного пункта в начале 1837 года, когда брат правителя, принц Таравади, убежденный в том, что Минтаджи стремится захватить престол, бежал в Швебо и поднял восстание. Он был другом Барни и надеялся на его поддержку. Барни пришлось разъяснить принцу, что принципы, которых придерживается его правительство, запрещают ему вмешиваться.

Его единственным желанием было уехать из столицы и предоставить враждующим сторонам самим решать исход борьбы. Однако охваченное паникой бирманское правительство отказалось его отпустить. Тогда он взял на себя роль посредника и договорился о сдаче столицы при условии, что не будет кровопролития. Завладев Амарапурой, Таравади нарушил свое обещание, и Барни вновь пришлось вмешаться, чтобы приостановить казни. Однако, пока его протесты возымели действие, пять министров были убиты, а жена и дочери Минтаджи подвергнуты ужасным пыткам. «Эти люди, носящие шляпы, не могут видеть или слышать, как бьют или плохо обращаются с женщинами»,— презрительно отозвался Таравади; он никогда не мог простить Барни, что тот вмешался в его королевское право нарушать обещания.

Во время войны 1824—1826 годов Таравади был сторонником быстрого прекращения военных действий и считал, что тяжелые условия Яндабоского договора вызваны тем, что брат отказался воспользоваться его советом. Поэтому по восшествии на престол он объявил о том, что отказывается от выполнения этого договора, и Барни с изумлением узнал, что при дворе существует партия, которая выступает за возвращение утерянных провинций силой оружия. Положение Барни стало невыносимым; король его совершенно игнорировал. Поэтому он, сославшись на болезнь, перевел в июне 1837 года резидентство в Рангун. Он стал опасаться, что если он останется в Амарапуре, то какой-либо выпад бирманцев может поставить под угрозу мир. Он советовал Калькутте не восстанавливать резидентство в столице до тех пор, пока король не согласится признать Яндабоский договор. Барни докладывал, что Таравади покупает оружие и призывает в армию больше людей, чем требуется в мирное время. В связи с этим он рекомендовал предпринять в какой-либо форме предупредительные военные действия.

Генерал-губернатор лорд Окленд отказался обсуждать подобный образ действий. Он отнюдь не был доволен поведением Барни в Амарапуре. Поэтому Барни был отозван, и его преемником был назначен полковник Ричард Бенсон, получивший распоряжение восстановить резидентство в столице. Когда Бенсон прибыл туда, то вопреки его официальному положению ему была отведена резиденция на песчаном берегу, который затапливало на несколько футов во время разлива Иравади в период влажных муссонов. Он жаловался властям в Калькутте, что с ним обращаются так, как «не должно обращаться ни с одним английским джентльменом и даже просто с английским подданным».

В марте 1839 года под предлогом нездоровья он уехал в Рангун, оставив Амарапуру на попечении своего помощника, капитана Уильяма Маклеода.

Когда подули муссоны и правительство отказалось подыскать ему более подходящее помещение, Маклеод в июле 1839 года тоже уехал в Рангун. В этот период Таравади часто шутил по поводу того факта, что каждый резидент заболевает в его столице. В начале следующего года правительство Индии отозвало резидента и порвало дипломатические отношения с двором Авы.

Была ли война в тот момент неизбежна? Бенсон, как и Барни, предупреждал Калькутту, что только вторжение может отрезвить бирманское правительство. Однако афганская война не позволяла проводить твердую политику в отношении двора Авы. С другой стороны, крупные неудачи англичан в афганской войне были использованы военной партией при дворе Авы в качестве аргументов в пользу более энергичной политики. Два восстания — одно в Нижней Бирме в 1838 году и другое в стране шанов в 1840 году — дали королю повод избавиться от людей, которых он хотел убрать со своего пути еще в 1837 году, когда Барни вмешался, чтобы спасти им жизнь. Бывшая королева была насмерть затоптана слонами, а ее брат Минтаджи был подвергнут еще более жестокой казни. Серьезная вспышка бандитизма неподалеку от Салуина послужила почвой для распространения панических слухов о намерении бирманцев вторгнуться в Тенассерим. Приезд короля в Рангун в 1841 году, носивший характер военной демонстрации, вызвал такие опасения, что были усилены гарнизоны в Аракане и Тенассериме.

Однако эти инциденты не имели никаких последствий. Таравади играл с огнем, но был достаточно умен, чтобы не заходить слишком далеко. Бланделл, комиссар в Тенассериме, предупреждал английские власти в Индии, что бандитизм в районе Салуина поощряется бирманским правительством с целью вызвать смятение по ту сторону границы, на английской территории. Он указывал, что требуются мероприятия более широкого масштаба независимо от того, насколько эффективно ему самому удастся ликвидировать бандитизм. Однако английские власти в Индии, закончив афганскую войну, сосредоточили свое внимание на Синде и сикхах и не хотели идти на рискованные авантюры в Бирме.

Трудно сказать, как долго продолжался бы этот беспокойный мир, если бы Таравади продолжал управлять делами. Но он, подобно своему брату, помешался. Его безумие сказалось в припадках неудержимой ярости, во время которых он совершал ужасные жестокости. Болезнь приняла столь серьезную форму, что в 1845 году его сыновья поместили его в дом для душевнобольных. В начавшейся затем борьбе за власть победителем оказался Паган Мин, убивший тех из своих братьев, которых считал опасными, вместе со всеми членами их семей.

В 1846 году Таравади умер, и Паган Мин стал королем. В тирании и жестокостях он превзошел даже Тибо и Супаялу, которые произвели столь потрясающее впечатление на более позднее поколение англичан. Его первые главные министры Маунг Байнг За и Маунг Бхейн систематически грабили более богатых людей, добиваясь на основе вымышленных обвинений вынесения им смертного приговора. Говорят, что на протяжении двух лет, пока они находились у власти, было уничтожено более 6 тысяч человек. Общественное возмущение в конце концов достигло такой степени, что король ради своего спасения отдал своих фаворитов на растерзание. Король редко принимал участие в делах, и местные чиновники могли делать что им угодно при условии выплаты надлежащей суммы годового дохода столице. Местные чиновники, такие, как Гаунг Джи из Таравади, который позднее стал атаманом отрядов, действовавших против английского режима, пользовались независимостью, подобно средневековым феодальным сеньорам в Европе.

Именно это полное отсутствие контроля центральной власти в конечном счете привело к давно назревавшей войне с Ост-Индской компанией. После отъезда резидента в 1840 году в Калькутту начали поступать бесчисленные жалобы на плохое обращение с английскими подданными в Рангуне. Некоторые из них были необоснованны, другие преувеличены, но Маунг-О, губернатор Пегу, назначенный Паган Мином в начале его правления, пользовался

дурной славой вымогателя. В июле и августе 1851 года имели место два особенно неприятных случая. Предъявив необоснованные обвинения в убийстве и краже двум англичанам — Шепперду, капитану корабля «Монарх», и Льюису, капитану «Чемпиона», а также членам их команд, Маунг-О заставил их уплатить сумму в размере около тысячи рупий. Его действия были не просто неуклюжей попыткой обогатиться. Его целью было публично унизить англичан.

Это был исключительно несвоевременный момент для антибританской демонстрации. Пострадавшие предъявили английским властям в Индии требование о возмещении убытков. Пост генерал-губернатора занимал тогда Дальхузи, недавно нанесший поражение сикхам. По сравнению с предыдущими провокациями это дело было незначительным; однако он знал, что двор Авы, безусловно, откажется удовлетворить требование о возмещении, предъявленное обычным путем, и считал, что попустительство в такого рода вещах может серьезно задеть престиж англичан на Востоке. «Английские власти в Индии,— писал он в докладной записке,— никак не могут в интересах собственной безопасности позволить себе, чтобы местные власти хотя бы на один день взяли над ними верх, и меньше всего это следует позволять двору Авы». Поэтому он решил предъявить претензии таким образом, при котором, по его мнению, бирманское правительство не смогло бы отклонить их. Он послал в Рангун коммодора Ламберта (заместителя главнокомандующего морскими силами Ост-Индской компании) на корабле королевского флота «Фокс» в сопровождении двух военных кораблей компании — «Прозерпина» и «Тенассерим» — с требованием в адрес бирманского короля не только о компенсации, но и об отстранении Маунг-О.

Правительство Бирмы обещало удовлетворить требование и срочно отозвало Маунг-О. Однако появление английских военных кораблей в рангунской гавани вызвало тревогу. Крупные войсковые части были посланы в Бассейн и Мартабан, а преемник Маунг-О привел с собой значительные силы; последний, к сожалению, принадлежал к ярой антибританской партии, действовавшей в столице, и прибыл с намерением занять непримиримую позицию, не считаясь с последствиями. Когда коммодор Ламберт направил к нему официальную депутацию для обсуждения требования о компенсации, ей в грубой и оскорбительной форме было отказано в приеме, а губернатор послал коммодору письменный протест с жалобой на то, что группа пьяных офицеров грубо пыталась нарушить его отдых.

«Вспыльчивый коммодор», как Дальхузи позднее охарактеризовал Ламберта, немедленно объявил блокаду порта и начал репрессии против бирманских судов. Когда береговые батареи бирманцев сделали несколько выстрелов, он заставил их замолчать залпом всех орудий с борта «Фокса»; затем, уничтожив все бирманские военные суда, находившиеся в пределах досягаемости, он вернулся в Калькутту. «Быть беде!» — заметил по поводу этих событий генерал-губернатор; сразу же начались приготовления к войне. «Мы не можем допустить, чтобы нам где бы то ни было на Востоке указали на дверь»,— писал он своему другу.

Следующий его шаг заключался в отправке крупных экспедиционных сил в Рангун. Они привезли с собой ультиматум, требовавший компенсации — на сей раз в размере не более и не менее чем десять лакхов рупий[1]; в эту сумму оценивались расходы по подготовке к войне. Письма Ламберта свидетельствуют о том, что он, несмотря ни на что, все еще надеялся, что двор Авы согласится вести переговоры. Однако 1 апреля 1852 года срок ультиматума истек, но никакого ответа от «Золотых стоп» не было получено. Несколько дней спустя англичане заняли Рангун и Мартабан. Ричард Кобден в своем знаменитом памфлете[2] резко осуждал английские власти в Индии, во-первых, за то, что для переговоров был послан коммодор королевского военного флота, а во-вторых,

[1] Эта сумма в то время равнялась ста тысячам фунтов стерлингов.
[2] Richard Cobden, How wars are got up in India («Political Writings of Cobden», London, 1867, vol. II, p. 25—106).

за повышение размера требуемой компенсации в сто раз против первоначальной суммы. Дальхузи признал, что допустил ошибку при выборе эмиссара, но утверждал, что не Ламберт был причиной войны. По его мнению, война уже давно была неизбежна. На самом деле он не одобрял действий Ламберта и сделал ему выговор.

Эта война была полной противоположностью предыдущей[1]. Дальхузи с замечательным усердием разрешал организационные проблемы, проблемы транспорта и координирования действий двух обособленных групп морских и сухопутных сил — королевских войск и войск компании. Его мероприятия по охране здоровья экспедиционных сил были столь эффективны, что смертность от болезней была ниже, чем средняя смертность в Индии в мирное время. Материалы для быстрого строительства бараков были заготовлены заранее. В Амхерсте были заготовлены обильные запасы свежего продовольствия, там были построены госпитали, и регулярные рейсы быстроходных пароходов обеспечивали тесную связь с экспедиционными войсками. Наибольшие затруднения ему причинял главнокомандующий, семидесятилетний старик генерал Годуин, который был не согласен со всем планом кампании и был известен своим недоверием к военному флоту, от сотрудничества с которым полностью зависел.

Первоначальный план кампании заключался в том, чтобы захватить Рангун, Мартабан и Бассейн до наступления периода влажных муссонов и, таким образом, вынудить Паган Мина начать переговоры. План не предусматривал занятия других территорий. Однако, когда начались бесконечные дожди, а двор Авы продолжал молчать, Дальхузи понял, что бирманцы тоже придерживаются выжидательной тактики. В июле 1852 года он лично отправился в Рангун для совещания с генералом Годуином и коммодором Ламбертом. Годуин хотел диктовать условия в самой Амарапуре, и в этом его энергично поддерживала лондонская пресса. Дальхузи же предпочитал ограничиться более скромной целью. Бесполезно было удерживать три захваченных порта, не имея тыла. Поэтому он высказал Лондону предположение о целесообразности занять древнее королевство Пегу. Это усилило бы позиции англичан в Бирме, так как соединило бы Аракан и Тенассерим и сделало бы бессильным двор Авы. Блестяще обоснованная докладная записка, в которой он изложил это предложение правительству Англии, получила полное одобрение.

Когда в ноябре 1852 года поступил ответ, Годуин занял Проме, отбросив главную бирманскую армию под командованием любезного, но неспособного сына великого Бандулы, который ради предосторожности предпочел сдаться, чем оказаться в положении побежденного военачальника в руках своего собственного правительства. На протяжении следующих нескольких недель англичане систематически занимали остальную часть провинции Пегу, встречая слабое сопротивление. Правительство Англии, санкционируя оккупацию, настаивало на необходимости заставить двор Авы подписать договор, признающий совершившийся факт. Дальхузи, со своей стороны, был уверен, что ни один король Бирмы никогда бы не подписал отказ от территории, если бы его столице не угрожала непосредственная опасность; и поскольку он считал поход на Амарапуру бессмысленным, оставалось только объявить об оккупации Пегу и поставить двор Авы перед совершившимся фактом. 20 декабря 1852 года майор Артур Пурвс Фейр, которого Дальхузи назначил первым уполномоченным в Пегу, зачитал с надлежащей церемонией официальное объявление об оккупации Пегу.

Двор Авы все еще никак не реагировал. Поэтому Дальхузи начал с большой неохотой разрабатывать план похода на столицу. Однако тем временем в Верхней Бирме назревал переворот, о чем он ничего не знал. Принц Миндон, сводный брат короля, был лидером партии при дворе, с самого начала возра-

---

[1] Наилучшее краткое описание войны см.: William Lee-Warner, Life of the Marquess Dalhousie, London, 1904, chap. XII. О послевоенном устройстве см.: D. G. E. Hall (ed.), The Dalhousie-Phayre Correspondence, 1852—1856, London, 1932.

жавшей против войны. С получением известий о продвижении англичан к Проме он стал популярным божком, который, как надеялись, восстановит положение. Поэтому король пытался от него отделаться, однако 17 декабря 1852 года Миндон и его брат, принц Канаунг, бежали в Швебо, подобно тому, как это сделал Таравади в 1837 году, и подняли восстание. После борьбы, которая проходила с переменным успехом в течение нескольких недель, Магве Минджи, главный министр Пагана, 18 февраля 1853 года неожиданно объявил себя сторонником Миндона, захватил Амарапуру и низложил короля. После этого Миндон покинул Швебо и был коронован в столице к всеобщей радости.

Новый король был искренним буддистом и ненавидел кровопролитие. Он позволил Паган Мину оставаться в почетном плену, где он дожил до 1881 года. Миндон Мин ознаменовал свое вступление на престол освобождением европейцев, находившихся в заключении в столице, а двух из них — итальянских священников отца Доминго Таролли и отца Аббону — срочно направил вниз по Иравади для встречи с английским главнокомандующим, которому они должны были сообщить, что в самое ближайшее время будет послана мирная делегация. Они застали главнокомандующего не в Проме, как ожидали, а в Мьеде, в пятидесяти милях вверх по реке. Так как из Амарапуры не поступало никаких сообщений, англичане решили занять еще кусок бирманской территории, включая полосу тиковых лесов. Посланцы вернулись к Миндону с копией официального объявления об оккупации и предложением примириться с неизбежным.

Миндон Мин не думал, что англичане серьезно намереваются удерживать Пегу. В конце марта 1853 года бирманская мирная делегация во главе с Магве Минджи встретилась с английскими комиссарами Фейром, Годуином и Ламбертом и просила вернуть занятую англичанами территорию. Бирманцы ссылались на то, что новый король совершенно отличается от своего предшественника и жаждет установить дружественные отношения с Англией. Лелея очень слабую надежду на успех, Дальхузи разрешил комиссарам передать бирманцам, что если будет подписан договор, признающий Пегу британским владением, то англичане возвратят Бирме позднее занятую территорию к северу от Проме. Однако, как он и предсказывал ранее, когда вопрос о договоре впервые обсуждался в Лондоне, Миндон никак не соглашался подписывать договор, предусматривающий уступку бирманской территории иностранной державе. Так, в мае 1853 года переговоры были прерваны и сохранена граница в Мьеде.

Сначала панически настроенные люди пророчили возобновление войны. Канаунг Мин, ставший законным наследником престола, был сторонником этого. Однако Миндон, обладавший большей политической мудростью, чем любой из его советников, возражал против всяких враждебных выступлений и направил Фейру успокоительное письмо, в котором писал, что пограничные власти получили приказ предотвратить дальнейшие военные действия. Ввиду этого Дальхузи объявил официально о прекращении военных действий. «Все, что известно о его характере и прошлой жизни,— писал он о Миндоне,— выделяет его среди бирманских правителей как короля редкого ума, гуманности и терпимости и накладывает на его нынешнее заявление печать искренности».

Однако армию в Пегу пришлось держать в боевой готовности. Восстания на оккупированной территории вспыхивали повсеместно. Местные *мьотуджи*, главы управлений прежних округов, возглавили движение сопротивления, которое серьезно препятствовало установлению гражданского управления, в то время как бирманские служащие, находившиеся по ту сторону границы, совершали набеги на пограничные деревни. Особенно отличились в ведении боев два наиболее отважных вождя, Мья Тун и Гаунг Джи, которые вызывали восхищение самого Дальхузи. Англичанам потребовалось три года, чтобы установить свой контроль над этой провинцией.

Тем временем Дальхузи и его способный помощник Фейр пришли к выводу о необходимости принять решительные меры для предотвращения возобновления войны. По обе стороны границы распространялись панические слухи.

Надо было еще выяснить, сможет ли Миндон удержаться на престоле. Если не удастся найти выход из дипломатического тупика, то нужно будет изыскать какие-либо неофициальные пути для установления непосредственного контакта с новым правителем для того, чтобы обе стороны проявили искреннее взаимопонимание и возникло взаимное доверие. Среди освобожденных королем Миндон Мином европейцев находился шотландский торговец по имени Томас Спирс, который был женат на бирманке и пользовался хорошей репутацией в Амарапуре. Фейр имел с ним беседу, и тот произвел на него столь хорошее впечатление своим практическим и здравым смыслом, что он предложил Дальхузи назначить Спирса неофициальным осведомителем в бирманской столице. Дальхузи вначале уклонился от этого предложения. Он считал, что Спирс, занимая такое положение, мог подвергнуться оскорблениям и тем самым взвалить на английские власти в Индии нежелательную ответственность. Обсуждались другие возможные кандидатуры, но все были отвергнуты. В конце 1853 года при своем вторичном посещении Рангуна Дальхузи встретился со Спирсом и решил пойти на эксперимент при условии, если с этим согласится Миндон.

К счастью, Миндон лично хорошо знал Спирса и приветствовал его назначение. Задача Спирса состояла лишь в том, чтобы информировать Фейра, как комиссара в Пегу и агента генерал-губернатора, о положении в столице. Однако условия, в которых он оказался, требовали почти сверхчеловеческого такта, потому что Миндон не только предоставлял ему абсолютную свободу посылать донесения без всякой цензуры, но все время старался использовать его в качестве официального лица для связи с англичанами. Были случаи, когда осторожному Дальхузи приходилось напоминать Фейру, что Спирс является просто осведомителем и не занимает никакого официального положения. Тем не менее как Миндон, так и Фейр стали полностью полагаться на его правильные оценки и здравый смысл. Прежде чем предпринять что-нибудь, Миндон обсуждал с ним каждый вопрос, касающийся отношений с англичанами, а Фейр сообщал ему обо всем важном, что происходило у англичан, чтобы он мог информировать короля. И хотя правитель никогда не мог примириться с потерей Пегу, мир на границе постепенно был установлен, и развивались дружественные отношения между Рангуном и двором Авы. Такое блестящее положение сохранялось непрерывно до 1861 года, когда Спирс уехал в отпуск на родину.

В марте 1854 года Дальхузи смог написать в Англию своему другу Джорджу Куперу: «Здесь полный покой, и король действительно отводит от границы все свои войска».

На протяжении этого года отношения улучшились настолько, что Миндон направил в Калькутту миссию доброй воли во главе с Далла-Вуном. Подлинная цель этой миссии заключалась в том, чтобы убедить генерал-губернатора пересмотреть вопрос о возвращении Пегу; Миндон считал, что есть все основания на это рассчитывать после того, как он на практике продемонстрировал свои мирные намерения. И хотя решительный отказ лорда Дальхузи и причинил сильное разочарование, все же отчет бирманской делегации, в котором говорилось о вежливом обращении с ней, произвел на Миндона такое впечатление, что он сразу же предложил английским властям в Индии послать ответную миссию в его столицу. В то время входила в моду фотография, и правитель очень заинтересовался коллекцией фотографий, которую посол и сопровождающие его лица привезли с собой.

Ответная миссия ко двору Авы, посланная в 1855 году во главе с Фейром, стала знаменитой благодаря изданию великолепной книги, принадлежавшей перу секретаря миссии полковника (позднее сэра) Генри Юла; в ней содержалось не только изложение всей работы миссии, но и обширная и разносторонняя информация о Бирме и бирманцах[1]. С точки зрения Ост-Индской компании,

[1] Henry Jule, A Narrative of the Mission sent by the Governor-General of India to the Court of Ava in 1855, London, 1858.

которая непрерывно добивалась заключения договора, эта миссия окончилась неудачей. Ибо, несмотря на длительные личные беседы с королем, Фейр не сумел убедить его подписать хотя бы общий договор о дружбе без упоминания о каких-либо потерях территории. Если же иметь в виду, что эта миссия послужила шагом к достижению лучшего понимания между англичанами и бирманцами, то она была исключительно успешной. Впервые в истории Бирмы был оказан столь подлинно дружеский прием послам иностранной державы.

Большую долю успеха следует отнести на счет самого Фейра, который свободно говорил по-бирмански, обладал глубоким знанием литературы, религии и истории[1] бирманцев и пользовался у них репутацией весьма вежливого и любезного человека. Но в равной степени успеху способствовал и Миндон. Крымская война была в разгаре, и армянская колония в Амарапуре энергично распространяла слухи о том, что неизбежно крупное нападение русских на Индию и что с британским господством здесь «покончено». Сомнительного характера французские авантюристы, вроде «генерала д'Оргони», шли еще дальше, расписывая слабость англичан в Крыму и представляя дело так, будто только французская армия спасает их от поражения. Однако бирманский король был достаточно умен, чтобы не поддаваться этим слухам; он был убежден в том, что единственная надежная политика заключалась в поддержании хороших отношений с англичанами. Здравый смысл Томаса Спирса служил ему безошибочным руководством.

Лорд Дальхузи был более чем удовлетворен результатами миссии. Резюмируя ее итоги в докладной записке, он писал: «Начиная с первого момента ее вступления в бирманские воды вплоть до возвращения к нашей границе, миссия была окружена величайшим почетом, ее принимали с чрезвычайным радушием и терпимостью... и мне хочется выразить свое твердое убеждение, что мир с Бирмой в такой же мере надежен, как мир, обеспеченный любым письменным договором». Доброе взаимопонимание, возникшее в результате этого дружеского обмена миссиями, выдержало даже такое сильное испытание, каким явился индийский мятеж 1857—1858 годов. Когда английский гарнизон в Нижней Бирме был сокращен в связи с необходимостью посылать подкрепления в Индию, советники Миндона убеждали его напасть на Пегу. Говорят, что он ответил им: «Мы не наносим удар другу, когда он в беде».

Документы Индийской канцелярии содержат множество материалов о времени правления Миндона; эти документы свидетельствуют о том, что его положение было не из легких. Некоторые лица при его дворе, придерживавшиеся старых традиций, непрерывно вели подрывную работу против него, а перед лицом заговоров и беспорядков, распространившихся в период его правления повсеместно, его позиции были ослаблены теми потерями территории, которые Бирма понесла в войне. Ему нужен был мир для приведения в порядок своих дел и для того, чтобы приспособиться к новому положению вещей, которое европейцы навязывали Азии. Подобно своему современнику Монкуту, королю Сиама, он понимал, что Запад бросает ему вызов, но в его, замкнутом и более чем когда-либо прежде изолированном от внешнего мира королевстве ему неизмеримо труднее было принять этот вызов.

Когда Аракан и Тенассерим были оккупированы в 1826 году, они управлялись обособленно под непосредственным наблюдением английских властей в Индии. В Аракане такой порядок продолжался не очень долго, так как было признано более удобным передать его под управление бенгальской администрации. С 1828 года управление им было поручено чиновнику, действовавшему под наблюдением комиссара в Читтагонге. Тенассерим же оставался под непосредственным управлением английских властей в Индии до 1834 года. Однако его связь с Индией была слабой, поскольку европейские администраторы вплоть до 1843 года прибывали из Пенанга. Таким образом, в то время как

[1] Его «История Бирмы» (Phayre, History of Burma, London, 1883) является замечательным образцом первых работ по истории этой страны.

в Аракане были сразу же введены методы управления, установленные англичанами в Индии, в Тенассериме сохранились преимущественно бирманские власти и бирманские методы управления[1], отчасти потому, что вопрос о возвращении Тенассерима в течение некоторого времени висел в воздухе.

Это был век либерализма, когда такие люди, как Стамфорд Раффлз, Томас Мунро, Монтстюарт Эльфинстон и лорд Уильям Кавендиш-Бентинк, бывший генерал-губернатором Индии с 1828 по 1835 год, признавали руководящими принципами управления идеалы экономической свободы, равенство перед законом и всеобщее благосостояние управляемых. А. Д. Мэйнджи, первый гражданский комиссар Тенассерима, был энтузиастом этих принципов, и, хотя он обнаружил, что либерализм и бирманские обычаи не всегда согласуются,— а когда они сталкиваются, то последние имеют тенденцию брать верх,— ему удалось ввести методы управления, способствовавшие благосостоянию народа. И как бы ни критиковали новую администрацию, факт остается фактом, что как в Аракане, так и в Тенассериме притеснения и вымогательство должностных лиц были признаны незаконными, бандитизм подавлялся значительно более энергично, чем раньше, а безопасность жизни и собственности стали укоренившимися чертами системы управления.

При бирманской системе, хотя начальники управления провинциями назначались королем, фактически вся административная власть находилась в руках наследственных местных заправил, таких, как *мьотуджи*. Таким образом, в Тенассериме система управления вначале приближалась к косвенному управлению, установленному голландцами на Яве, при котором европейцы наблюдали за деятельностью туземной администрации, придерживавшейся традиционных методов управления. Однако в 1834 году управление судами и доходами перешло к Бенгалии, и, следовательно, все больше применялись методы управления, установленные англичанами в Индии. Все же старые бирманские методы поразительно прочно сохранялись.

Когда в 1852 году англичане заняли область Пегу, туда был назначен отдельный комиссар, управлявший ею под непосредственным контролем генерал-губернатора. Фейр строил управление этой области по образцу управления Тенассерима. Провинция была разделена на пять округов, находившихся в ведении заместителей комиссара. Эти округа в свою очередь делились на районы под управлением *мьо-о*. Каждый район состоял из участков, возглавляемых *тайтуджи*, которые контролировали работу подчиненных им должностных лиц в деревнях. Однако, поскольку большинство английских офицеров, назначенных на административные посты, служили в бенгальской и мадрасской армиях и говорили плохо или совсем не говорили по-бирмански, система администрации все больше развивалась по образцу испытанных методов, применявшихся англичанами в Индии.

Метод назначения в отдельные провинции отдельных комиссаров был дорог и неудобен. Поэтому в 1862 году все три провинции были объединены и образовали провинцию Британская Бирма, в которой Рангун был столицей, а Фейр — первым главным комиссаром. Такое слияние имело своим естественным результатом большую унификацию управления. Оно явилось началом постепенной реорганизации управления и создания департаментов. Весьма знаменательно, однако, что «участок» под управлением *тайтуджи* оставался такой же единицей местной администрации, какой он являлся при бирманском господстве. Таким образом, практически сохранялось косвенное управление, и жизнь простого деревенского жителя протекала в значительной степени так же, как и при бирманском господстве.

Тенассерим и Аракан ко времени их оккупации в 1826 году представляли собой небольшую экономическую ценность. В XVII веке Аракан вел значи-

---

[1] Ранняя история управления Тенассерима подробно изложена у Ферниволла (J. S. Furnivall, The Fashioning of Leviathan, JRRS, vol. XXIX, 1939).

тельную экспортную торговлю рисом. Неустойчивость правительства в XVIII веке вызвала сокращение этой торговли. При бирманском господстве почти половина населения эмигрировала; и, во всяком случае, бирманское правительство не разрешало экспортировать рис. С установлением английского господства создалось более устойчивое положение: были отменены ограничения на экспорт риса, а близость индийского рынка обусловила восстановление посевных площадей под рисом. Акьяб, где была сосредоточена администрация, стал процветающим торговым центром.

Тенассерим имел очень редкое население, занимавшееся сельским хозяйством главным образом для собственного потребления. Его ценные тиковые леса были отданы по лицензиям частным предприятиям, и Моулмейн в течение некоторого времени был процветающим портом с лесопильными заводами и судостроительными верфями. Однако быстрое развитие Рангуна после 1852 года скоро привело Моулмейн к упадку. Деятельность лорда Дальхузи как создателя современного Рангуна по сравнению с деятельностью Раффлза в Сингапуре представляется более значительной и эффективной работой профессионала в отличие от кое-как сделанной работы любителя. В своих планах на будущее он представлял себе Рангун не только большим портом, но и «одним из прекраснейших городов и портов во всей Индии». Однако даже его самые оптимистические надежды на развитие города померкли перед действительностью, когда Рангун превратился в крупнейший мировой порт по торговле рисом в результате его усиленного выращивания в дельте Иравади, что было одним из наиболее ярких явлений в экономической истории Азии недавних лет.

ГЛАВА XXXIII

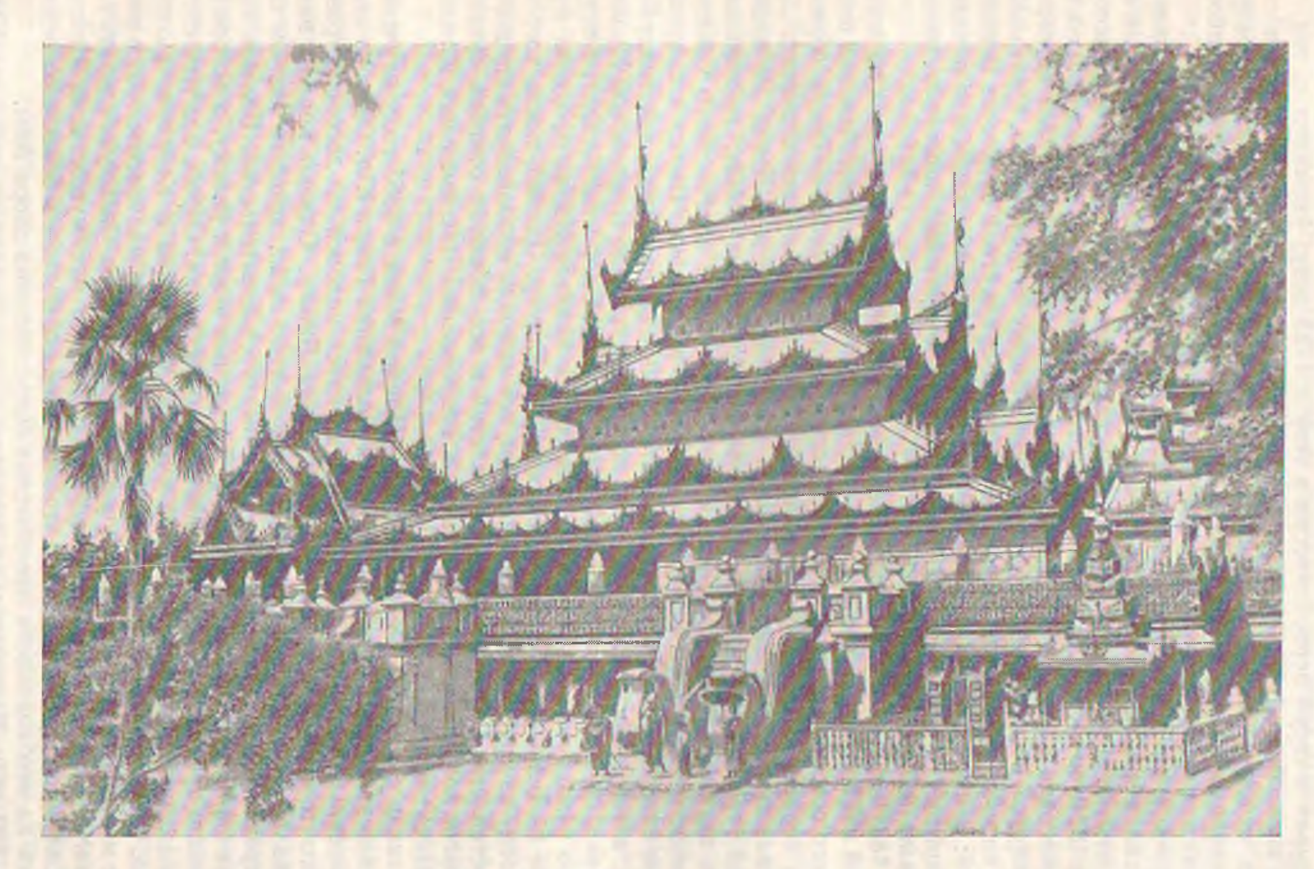
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ДИНАСТИИ КОНБАУНГ В МАНДАЛАЕ (1862—1885)

Миндону, сыну Таравади, было двенадцать лет, когда в 1826 году были оккупированы Аракан и Тенассерим. Он вступил на престол сразу после того, как Пегу и большой кусок территории к северу от Бирманской провинции подверглись той же участи. Его королевство все еще было велико, простираясь на много миль вверх по Иравади и ее большого притока Чиндвин. Оно включало преимущественно собственно Бирму наряду с окаймлявшими ее горными районами, населенными другими народами, главным образом шанами, чинами и качинами. Наиболее многочисленными из них были шаны, и большой клин населенных ими феодальных государств, приносивших присягу верности Бирме, простирался далеко по ту сторону реки Салуин до границ Юньнани, а в Кенгтунге достигал верховьев Меконга. Миндон мучился от сознания своей слабости. Он был отрезан от моря; от былой военной мощи Бирмы не оставалось и следа, да и сам он был мирным человеком, не солдатом. Поэтому он понимал, что ему важно оставаться в хороших отношениях с англичанами, что он и делал.

Миндон больше всего интересовался буддизмом; и хотя он не был глубоким знатоком буддийского учения, он был глубоко пропитан его доктринами и придерживался подлинно религиозных взглядов, более чем любой другой правитель этой династии. В 1857 году он выбрал для королевской резиденции новое место на равнине, расположенной к юго-западу от Мандалайского холма, и перевел туда из Амарапуры свою столицу. Он стремился превратить ее в главный центр буддийской культуры, восстанавливая и сохраняя лучшие традиции прошлого. В городе и вокруг него он построил большие монастыри из тикового дерева, богато украшенные резьбой, показывающей всю красоту чисто бирманского искусства. Среди многочисленных религиозных сооружений, которыми он украсил свою новую столицу, возможно, наиболее интересным и значительным является ансамбль пагод, известных под названием Кутодо («Великая работа, достойная короля»). Здесь вокруг центральной пагоды сгруппированы 733 меньших, включая вертикальные мраморные плиты, на каждой из которых выгравированы стихи из священного писания на языке пали; это сооружение представляет в общем точную копию Трипитаки, «Три корзины» буддийской «библии»: сутта, виная и абхидхаммапитака. В центральную пагоду был помещен комментарий, начертанный письмом пали на золотых и серебряных листах. Для бирманцев Мандалай являлся Швемьо — «золотым городом»; его официальное название на языке пали было «Яданабон» — «гроздь драгоценных камней». Королевский город, включавший дворец, представлял собой окруженный стенами квадрат, каждая сторона которого составляла одну милю с четвертью; глинобитные земляные стены с бойницами достигали в высоту 26 футов и были увенчаны деревянными смотровыми башнями традиционного бирманского типа; стены, в которых было двенадцать ворот, по три на каждой стороне, были окружены широким рвом.

Томас Спирс оставался английским представителем при дворе Авы до 1861 года, пока он не уехал на продолжительное время в Европу[1]. В сле-

[1] Он вернулся в Рангун в 1867 году и умер там в начале следующего года.



Мандалай. Золотой монастырь королевы.

дующем году полковник Фейр, новый верховный комиссар Британской Бирмы, прибыл в Мандалай для переговоров о торговом соглашении. Англичане ставили теперь своей целью развитие торговли с западным Китаем, используя старую бирманскую дорогу, ведущую из Бамо в Юньнань. Таким образом, снова вернулись к поискам пригодного сухопутного пути в Китай. Саймс, докладывая о своей первой миссии в Аву в 1795 году, упомянул о том, что Бирма вела обширную торговлю хлопком с Юньнанью. Хирам Кокс, в свою очередь направленный в Аву, произвел тщательные исследования, о результатах которых он написал весьма подробный отчет, опубликованный майором Франклином в 1811 году в сборнике документов о Бирме[1].

Приобретение Тенассерима в 1826 году заставило англичан направить свои усилия на стимулирование торговли Моулмейна, в связи с чем были сделаны попытки выявить его сухопутные пути сообщения. В своем отчете о миссии в Аву в 1824 году Кроуфорд указал, что стоимость бирманского экспорта составляла ежегодно 228 тысяч фунтов стерлингов; эта оценка выдвинула на первый план вопрос о возможности открытия пути в Бирму из Моулмейна. Она вызвала также интерес английских властей в Индии к сухопутной дороге из Бенгалии в Китай; калькуттские власти опубликовали карту, на которой были показаны возможные пути в Юньнаньфу. Были проведены многочисленные исследования и собраны ценные сведения.

В 1831 году капитан Спрай предложил использовать Салуинскую дорогу в Китай из Моулмейна через Кенгхунг, а в 1837 году капитан Маклеод последовал его совету, проделав это путешествие на шести слонах. Таким образом, он был первым европейцем, проникшим в Китай по Салуинской дороге. Другим отважным исследователем явился в этот период д-р Дэвид Ричардсон, который трижды приезжал в Чиенгмай из Моулмейна и был, по-видимому, первым англичанином, посетившим этот город после злосчастного Сэмюэля, побывавшего там в 1615 году. Пути из Индии в Верхнюю Бирму исследовали и другие смелые искатели приключений. В 1830 году, например, лейтенант Пембертон, автор неоценимого «Отчета о восточной границе Британской Индии»[2], переправился через горы из Манипура по Акуйской дороге в Киндат, а оттуда вниз по Чиндвину — в Аву. Пять лет спустя капитан Хэнни проделал путешествие из Бенгалии в Бамо через северную Бирму. Однако, после того как в 1837 году на престол вступил Таравади, все надежды использовать эту дорогу были оставлены на несколько десятилетий и все попытки открыть сухопутную торговую дорогу из Моулмейна в направлении Чиенгмая или Юньнани окончились неудачей.

В связи с миссией Фейра ко двору Миндон Мина в 1855 году изучением дневников этих исследователей занялся полковник Генри Юл. Одна из целей этой миссии заключалась в том, чтобы добиться подписания договора, разрешающего торговлю Англии с Китаем через Бирму. Однако короля никак не удавалось убедить согласиться на какой-либо план, который мог бы служить предлогом для дальнейшего английского вмешательства. Больше того, Юл установил, что торговля Бирмы с Юньнанью идет к упадку, а вскоре она совершенно прекратилась из-за Пантэйского восстания. Спрай, с другой стороны, продолжал рекомендовать свой путь из Моулмейна в Кенгхунг и оттуда в Сымао, несмотря на его неудобство (он проходил через малонаселенные и малярийные местности). Во всяком случае, намерение лорда Дальхузи сделать портом Рангун вместо Моулмейна наряду с явными преимуществами Иравади перед Салуином привели к тому, что внимание все больше и больше сосредоточивалось на необходимости преодоления сопротивления двора Авы.

В 1860 году Манчестерская торговая палата, исходя из того, что Китай может оказаться хорошим рынком для ланкаширских хлопчатобумажных тканей, обратилась с просьбой к английскому правительству принять

---

[1] W. Francklin, Tracts, Political, Geographical and Commercial, on the Dominions of Ava and the North-Western Parts of Hindostaun, London, 1811.

[2] Опубликован в Калькутте в 1835 году.

практические меры для открытия дороги Моулмейн — Юньнань. Почти в то же самое время английский военный хирург д-р Клемент Уильямс во время своего пребывания в Таемьо изучал бирманские отчеты о древней торговле между Китаем и Верхней Бирмой и так увлекся этой темой, что решил провести отпуск в Мандалае, чтобы собрать дополнительные сведения. После этого он стал рекомендовать дорогу, которая проходила бы через Бамо.

В ответ на оказываемое давление английские власти в Индии в 1862 году направили Фейра с миссией в Мандалай. Объединение в 1862 году трех областей—Аракана, Тенассерима и Пегу—в одну провинцию, Британскую Бирму, произвело большое впечатление на короля Миндон Мина. Он понял, что наступило время для выяснения его отношений с англичанами. Фейра он считал старым другом. Уильямс ему тоже нравился. Поэтому им удалось убедить его подписать торговый договор, основанный на принципе взаимной выгоды. Англия обязалась отменить в течение года таможенные пошлины на товары, идущие из Верхней Бирмы вниз по Иравади. Миндон также согласился пойти на уступки на значительно более длительное время, если сочтет нужным. Рис должен был ввозиться в Верхнюю Бирму беспошлинно. Торговцы с английской территории должны были получить разрешение вести торговлю по всей Иравади в Верхней Бирме в обмен на гарантирование таких же привилегий торговцам Верхней Бирмы в том районе, где Иравади течет по английской территории. Однако наибольшее значение имела статья, которая разрешала пребывание в Мандалае английского агента для устранения могущих возникнуть недоразумений.

Как Миндон, так и Фейр предпочли бы сохранить неофициальный метод сношений, так искусно проводившийся Спирсом. Однако для этого не было подходящего человека. Поэтому наилучшим выходом при сложившихся обстоятельствах было назначение официального агента, и Клемент Уильямс был переведен из армии на пост верховного комиссара при дворе Авы. Когда в 1862 году он приступил к исполнению своих обязанностей, его первым делом было получить от короля разрешение на обследование бассейна верхнего течения Иравади; этого ему удалось добиться, и он начал работу в январе 1863 года. Исследования, проведенные им в Бамо, убедили его, что эту дорогу можно использовать. Однако он не смог проделать путешествие до китайской границы, так как в Мандалае произошло восстание и Миндон отозвал его. Уильямс передал меморандум английским властям в Индии[1] и начал интенсивно обсуждать свой план в коммерческих кругах. «Собственно Бирма уже не является препятствием,— писал он,— она является проходом, открытым для каждого, кто захочет им воспользоваться»[2].

Здесь желаемое принималось за действительное. Труднопреодолимые препятствия были устранены лишь в незначительной степени. Большинство министров выступало в этом вопросе против короля, и все попытки провести дальнейшие обследования разбивались о трудности, чинимые местными должностными лицами. Торговля тоже была сильно затруднена из-за системы, при которой почти все важнейшие товары являлись королевской монополией и как таковые могли продаваться лишь королевскими маклерами или по специальному разрешению местных властей. А двор Авы находил способы и средства, чтобы бесконечно откладывать выполнение взятых им по договору обязательств по отмене таможенных пошлин.

К сожалению, перед королем стояли фактически непреодолимые трудности: повсеместно вспыхивали восстания, и каждую минуту дворцовый переворот мог лишить его престола. Он почти один при дворе понимал, что в условиях упорного давления европейцев, усиливших экспансию, старая политика изоляционизма должна была привести к катастрофе. Но в отличие от своего современника Монкута, короля Сиама, чья страна не была покорена и раздроблена европейской державой, каждый шаг, который он делал для ослабле-

---

[1] Суть меморандума изложена в его книге «Through Burma to Western China, London, 1868.

[2] Там же, стр. 6.

ния строгого традиционализма своего правительства, рассматривался его министрами как предательство.

В 1866 году попытка совершить переворот чуть не завершилась успехом. Это сильно потрясло короля. 2 августа, когда он находился в летнем дворце в нескольких милях от Мандалая, два его сына вместе со своими вооруженными приверженцами ворвались во временное помещение Хлудо, где шло заседание, и убили председательствовавшего на заседании наследника престола, одного вунджи[1] и двух принцев — ближайших после него наследников престола. Миндон бежал в Мандалай, где он был осажден восставшими в королевском дворце. В течение всей ночи он находился в осаде, пока страже не удалось отогнать осаждавших. Английский агент майор Слэден находился в летнем дворце во время этого происшествия, но ему удалось бежать. Положение оставалось столь напряженным, что король предложил Слэдену эвакуировать всех европейцев в Рангун; они были отправлены на торговом пароходе, стоявшем на якоре в Мандалае.

Несколько позднее в том же году Фейр направился в Мандалай для переговоров о новом торговом договоре, но король ответил, что страна его слишком неустроенна и обнищала, чтобы он мог отказаться от какой-либо из своих монополий или снизить таможенные пошлины. В марте 1867 года Фейр ушел в отставку, и пост верховного комиссара занял полковник Альберт Фитч, потомок старателя елизаветинских времен и двоюродный брат прославленного поэта Теннисона. Он обладал гораздо меньшими способностями и меньшим умением разбираться в характере бирманцев, чем Фейр, но был гораздо самоувереннее. Первым его делом было возобновление переговоров, которые Фейру пришлось прервать. Положение теперь изменилось: король нуждался в пароходах и оружии, чтобы обезопасить себя от дальнейших беспорядков, и, естественно, обратился за этим к англичанам.

Фитч прибыл вместе с женой, и им обоим был оказан любезный прием[2]. Заключенный Фитчем договор на бумаге выглядел значительно более внушительным, чем договор 1862 года. Король обещал отказаться от всех своих монополий, за исключением монополии на рубины, нефть и лес, и соглашался также снизить все таможенные пошлины до 5 процентов ad volorem[3]. Он предоставил также некоторые права экстерриториальности, в соответствии с которыми английскому агенту принадлежала полная юрисдикция в отношении гражданских дел, возникавших между британскими подданными в столице, в то время как дела между британскими и бирманскими подданными должны были подлежать смешанному суду, состоявшему из агента и бирманского чиновника высокого ранга. Далее договор предусматривал назначение английских чиновников наблюдателями в бирманские таможни, а бирманских чиновников — в английские.

Король пошел и на другие уступки, которые не были отражены в договоре[4]. Английскому агенту разрешено было находиться в Бамо, английским пароходам — проходить по Иравади выше Мандалая, а английские исследователи получили разрешение обследовать дорогу из Бамо в западный Китай. Когда шли переговоры об этом соглашении, Дудар де Лягрэ и Фрэнсис Гарнье уже проделали свое ставшее историческим путешествие вверх по Меконгу; строительство Суэцкого канала приближалось к завершению, равно как и строительство первой американской трансконтинентальной железной дороги к Тихому океану. Между Англией, Францией и США шла острейшая конкурентная борьба за торговлю с Китаем, и ажиотаж в Англии и в Рангуне за открытие сухопутного сообщения с западным Китаем достиг большой силы.

В ноябре 1868 года капитан Строувер приступил к своим обязанностям

---

[1] Вунджи — член Высшего государственного совета (Хлудо).—*Прим. ред.*

[2] Фейр всю жизнь оставался холостяком.

[3] Ad volorem (*лат.*) — от стоимости.—*Прим. ред.*

[4] Подробный отчет о переговорах приведен у Альберта Фитча (A l b e r t F y t c h e, Burma Past and Present, vol. II, appendix C, p. 252—285).

английского агента в Бамо. Однако до его прибытия майор Слэден, политический агент в Мандалае, преодолел все трудности, созданные бирманскими пограничными властями, и отправился через Бамо в Момейн (Тенджуе). Пантэйское восстание помешало ему двигаться дальше, но Фитч писал вице-королю Индии в тоне безудержного оптимизма, что Бирма обещала «проложить шоссейную дорогу в Китай», и, указав на угрозу американской конкуренции в Тихом океане, настаивал на том, что Англия «должна иметь возможность противопоставить этому вход в Китай с запада». Энтузиасты же шли еще дальше: они теперь ратовали за постройку железной дороги через Бирму в Шанхай. Не лишен значения тот факт, что экспедицию Слэдена частично финансировала Рангунская торговая палата, которая отныне стала требовать более решительных мер в отношении двора Авы. Находились и такие лица, состоявшие на английской службе, которые утверждали, что руководство иностранными делами двора Авы должно перейти к Англии.

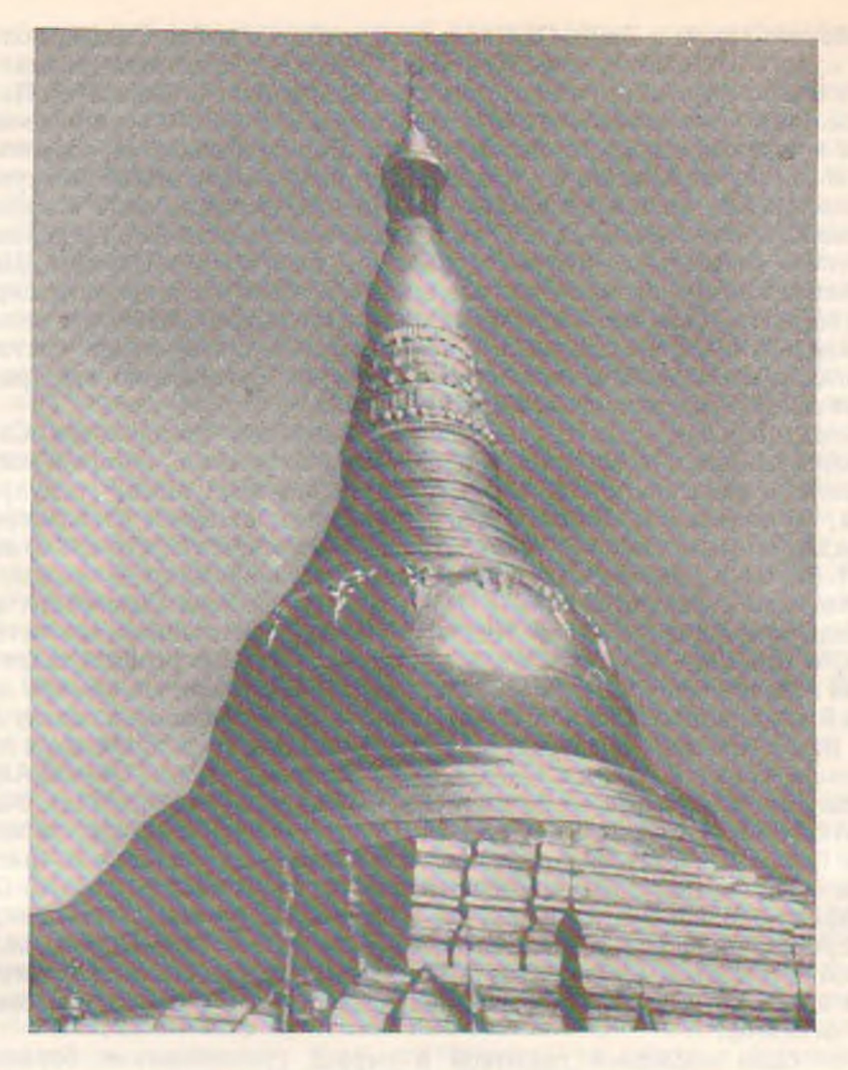
Лорд Лоуренс, однако, не одобрял отважного предприятия Слэдена; он энергично противился всякой дальнейшей экспансии, которая могла бы осложнить отношения с Бирмой. Его преемник, лорд Мейо, предупреждал Фитча, что задуманный им план родился на целое поколение раньше времени. Надежды померкли также из-за неблагоприятных отчетов Строувера об английской торговле в Бамо в связи с открытием там пароходного движения.

Надежды снова оживились в 1874 году, когда лорд Солсбери, государственный секретарь по делам Индии во вновь образованном кабинете Дизраэли, в ответ на петицию Объединения английских торговых палат отдал приказ предпринять новое обследование дороги Спрая или какой-либо другой. Английские власти в Индии по этому поводу вынесли решение в пользу дороги через Бамо. По плану предусматривалось провести экспедицию с двух концов: полковник Гораций Браун с географом Ни Эльясом и д-ром Джоном Андерсоном должны были выйти из Бамо, а Огэстес Маргэри — из Шанхая. Маргэри закончил свое путешествие и прибыл в Бамо 17 января 1875 года, до того как отбыл Браун. Поэтому он отправился в обратный путь за день до выступления бамской партии, с тем чтобы подготовить условия для ее работы. Однако 21 февраля в Манвьине, на полпути к Тенджуе, он был убит китайцами, которых привело в ярость сообщение о том, что целью экспедиции является постройка железной дороги через Китай. Опасение еще более крупного нападения китайцев вынудило партию Брауна вернуться в Бамо, и экспедиция была отменена.

Это было последней попыткой в период существования бирманского королевства проникнуть в Китай по Бамской дороге. Английские агенты, посланные из Ханькоу в Юньнань для расследования убийства Маргэри, докладывали, что дорога непригодна для железнодорожного строительства. Вступление в 1878 году на престол Тибо, последовавший за этим отъезд английского агента из Бамо и закрытие резидентства в Мандалае сделали на данный период невозможными поиски лучшей дороги через Верхнюю Бирму, и поэтому внимание было перенесено на дорогу через Моулмейн.

Как бирманцы, так и англичане считали Миндон Мина самым лучшим представителем своей династии. Как пламенный буддист, он добился исполнения мечты, которую лелеял всю жизнь, созвав в 1871 году в Мандалае Пятый Буддийский синод. Здесь в присутствии большого числа монахов торжественно читали «Бидага Тонбон»[1] («Три корзины закона»). Было принято решение воздвигнуть новый *тхи* («зонтик») на вершине знаменитой пагоды Шве Дагон в Рангуне. Английские власти, считая, что это задумано как националистская демонстрация, объединяющая всех бирманских буддистов в верности королю, санкционировали эту церемонию, поставив лишь одно условие — чтобы сам король не присутствовал. Церемония была выполнена его посланцами при всеобщем ликовании. *Тхи*, усыпанный драгоценностями, оценивавшимися тогда в 62 тысячи фунтов стерлингов, и поныне увенчивает величественную ступу.

[1] Бирманский вариант палийской Трипитаки.



Рангун. Пагода Шве Дагон.

Отношения Миндона с англичанами, несмотря на многие разочарования, всегда были корректными. Он надеялся убедить англичан вернуть Пегу, но терпеливо мирился с неизбежным. После восстания 1866 года он был особенно разочарован препятствиями, которые англичане чинили ему в импорте оружия. Он считал, что они должны были занять более сочувственную позицию, видя, с какими серьезными внутренними затруднениями ему приходится иметь дело. Поэтому он поступал очень хитро, развивая отношения с другими европейскими государствами, а именно с Францией и Италией, чтобы создать противовес английской мощи. В 1872 году, отчасти в результате дружественного письма, полученного от королевы Виктории, он направил своего главного министра Кинвун Минджи с визитом в Англию. Минджи был первым из членов Хлудо, посетивших Англию, однако его визит мало способствовал улучшению англобирманских отношений. С одной стороны, он был очень недоволен тем, что во время его официального приема королевой Викторией он был представлен ей министром по делам Индии, а не министром иностранных дел. С другой стороны, английское правительство было несколько задето тем фактом, что по пути в Лондон он вел переговоры о заключении договора с Францией и Италией. Французские специалисты издавна поступали на службу в Мандалай. Они помогали строить дворцовый городок, наблюдали за чеканкой новой монеты Миндона и управляли его военным заводом.

Французы немедленно направили в Бирму графа де Рошешуара, чтобы добиться ратификации торгового договора, подписанного в Париже. По пути в Мандалай в 1873 году он проезжал через Индию. В Агре, где он встретился с вице-королем, он дал самые твердые заверения, что Франция не имеет никаких планов относительно Бирмы. Однако переговоры не привели к заключению договора, так как Бирма добивалась полного союза, предусматривавшего импорт оружия, в то время как французы хотели получить рубиновые копи в Могоу, до тех пор являвшиеся наиболее строгой королевской монополией. Однако было достигнуто тайное соглашение по трем статьям. Согласно первой статье, Франция обещала, что ее торговые конторы будут разрешать конфликты, одной из сторон в которых будет Бирма; вторая статья предусматривала посылку Францией своих офицеров для обучения бирманской армии; согласно третьей статье, французы в Бирме должны быть подсудны бирманским судам. Соглашение по этим статьям превышало полномочия посла и поэтому было дезавуировано французским министром иностранных дел.

С Италией в 1872 году был заключен безобидный торговый договор. Эта дипломатическая деятельность была вызвана главным образом неудержимым желанием Миндона продемонстрировать независимость Бирмы. Принятое в 1871 году решение британского правительства поддерживать отношения с двором Авы через вице-короля Индии уязвило гордость Миндона: его обидело то, что с ним обращаются как с правителем туземного государства в Индии. Если бы англичане были более проницательны, англо-бирманские отношения сложились бы намного лучше и не произошло бы того ухудшения отношений, которое наступило за несколько лет до смерти Миндона.

Не способствовала улучшению атмосферы и позиция деловых кругов в Рангуне, которые были недовольны провалом различных попыток установить торговые связи с Китаем и непрерывно выступали против королевских методов торговли. Несмотря на обещание, зафиксированное в договоре 1867 года, отменить монополии, правительственный контроль никогда не ослаблялся в отношении таких предметов экспорта, как хлопок, пшеница, пальмовый сахар, чай, красители и слоновая кость; экспортер вынужден был платить за эти товары значительно более высокие цены, чем они стоили на открытом рынке. Другим источником недовольства являлась практика королевских агентов покупать рис непосредственно в дельте, а не через крупных маклеров, а также делать закупки тканей в Калькутте, если в Рангуне цены были слишком высоки.

Однако подлинный поворот, после которого стало невозможно восстановить надлежащие отношения, произошел в результате миссии Дугласа Форсита в Мандалай в 1875 году. Устанавливая границу между английской территорией и Бирмой в конце второй англо-бирманской войны, лорд Дальхузи посчитался с требованием независимости, предъявленным вождями красных каренов, племена которых населяли горные районы, известные под названием Западного Каренни. Однако эти красные карены были работорговцами; они занимались тем, что ловили бирманцев и шанов и продавали их в рабство в Сиам. Между Рангуном и Мандалаем происходили постоянные трения по поводу того, что бирманские местные власти подстрекали их совершать грабежи на английской территории.

В 1873 году Миндон послал войска для оккупации Западного Каренни, и, поскольку лорд Дальхузи обещал защищать племена от угрозы нападения с севера, англичане послали в Мандалай протест. Миндон отвечал, что он имеет суверенные права на эту территорию. Дело было урегулировано благодаря миссии Форсита в 1875 году, который добился заключения соглашения, по которому независимость красных каренов признали обе стороны. По возвращении из Мандалая Форсит заявил протест по поводу того, что на аудиенции у короля он должен был снять обувь и сидеть на полу. «Вопрос об обуви», как он был назван, долго оставался предметом жалоб английских послов, но требования бирманского этикета в этом отношении были смягчены до такого предела, что уже были не тяжелы для европейцев и, с точки зрения бирманцев, не оскорби-

тельны. К сожалению, однако, в истории Англии наступил период, когда появилось новое чувство гордости за империю, а вместе с ним пришла национальная заносчивость, которая в подобных случаях способна была сделать из мухи слона.

Несколько позже в том же году бирманские послы присутствовали на торжественном приеме, устроенном в Калькутте в честь принца Уэльского, позднее Эдуарда VII, по случаю его официальной поездки по Индии. На церемонии им, разумеется, были предложены стулья и они оставались в обуви. После этого, пытаясь оказать давление на Миндона, правительство Индии издало распоряжение, согласно которому в будущем английский резидент в Мандалае не должен был снимать обувь в присутствии короля. Такого ультиматума Миндон не мог принять. Поэтому английский резидент больше не мог получить аудиенции. Лишение резидента непосредственного личного контакта с королем было гибельным для обеих сторон.

В период правления Миндона были сделаны первые шаги к модернизации управления Бирмы путем установления высшим должностным лицам фиксированного жалованья вместо прежней практики предоставления им в качестве источника средств существования феодальных владений. Чтобы обеспечить доход для финансирования этого мероприятия, Миндон ввел налог *татамеда* на хозяйство; размер налога изменялся от года к году, причем принимались во внимание такие факторы, как отсутствие дождей в период муссонов или ущерб, нанесенный пожаром. Это было значительным прогрессом по сравнению с прежней практикой, хотя сам Миндон был слишком невежествен и ничего не знал о других системах управления, чтобы провести сколько-нибудь существенные реформы в этом направлении; в отличие от Монкута, короля Сиама, он не знал европейских языков и не приглашал английских учителей для своих детей.

Миндон умер в 1878 году, не решив вопроса о наследнике престола. Не существовало строго определенного правила о переходе престола к старшему сыну; назначение наследника было прерогативой короля. Но после того, как в 1866 году был убит его брат, являвшийся наследником престола, Миндон боялся назначить другого, несмотря на то, что на этом часто настаивал английский резидент. Наиболее популярным кандидатом был принц Ньяуджан. Перед смертью король вызвал его во дворец, намереваясь, вероятно, назначить его наследником престола. Принц, однако, узнав, что готовится заговор с целью посадить на престол принца Тибо, и опасаясь западни, укрылся вместе со своим братом в английском резидентстве. Кинвун Минджи послал англичанам официальное требование об их выдаче, но резидент, поступивший, казалось бы, очень неразумно, отправил их в Калькутту, где они стали получать субсидию от англичан.

Умирающий король предложил тогда назначить правителями одновременно трех принцев из королевского дома, но Кинвун Минджи и его сторонники не согласились с этим, так как такое решение, по их мнению, должно было, безусловно, привести к гражданской войне. Они присоединились к заговору, имевшему целью возвести на престол Тибо. Последний был полным ничтожеством, и вунджи намеревались установить своего рода министерский контроль, такой, какой, по их туманному представлению, существовал в конституционных монархиях. Даже английский резидент дал себя обмануть безрассудной надеждой, что таким путем могут быть введены начала конституционной реформы.

Кинвун Минджи рассчитывал главным образом на то, что Тибо можно будет низложить, если он явится причиной беспокойства. Однако он совершенно не принял во внимание принцессы Супаялы, которую заговорщики постарались сделать главной женой Тибо. Как только она стала королевой, она заставила арестовать своего мужа и в конце концов в феврале 1879 года уничтожить около восьмидесяти членов королевской семьи, ссылаясь на неминуемую угрозу восстания. Кинвун Минджи и его соратники не предпринимали реальных попыток предотвратить эти жестокости; они, по-видимому, считали, что

это облегчит им их задачу — добиться контроля над правительством. Поэтому, когда потерявший всякое терпение резидент Шоу направил решительный протест, Кинвун Минджи ответил, что король, как суверенный правитель, имеет право принимать такие меры для предотвращения беспорядков в его собственной стране и что для этого имеется достаточно много прецедентов. Тем не менее угроза Шоу спустить английский флаг и порвать всякие отношения вызвала нечто вроде паники при дворе, и спешно были мобилизованы войска из-за опасения английского похода на Мандалай.

Очень скоро министерская партия поняла, что им отнюдь не удалось добиться ослабления власти Тибо, а, напротив, их собственные позиции были ослаблены энергичной королевой и стоящими за ней беспощадными людьми, ибо она продолжала назначать своих фаворитов, в частности Тайнгда Минджи, на ведущие посты во дворце. Кинвун Минджи оставался главным членом правительства, так как король не решался уволить его, боясь вспышки восстания. Тайнгда Минджи и дворцовая клика, окружавшая королеву, держали в своих руках всю власть. Влияние Супаялы на слабого Тибо было столь велико, что она фактически не позволяла ему брать установленное число жен, соответствующее его королевскому достоинству.

В некотором отношении наиболее трагической стороной ситуации являлась беспомощность английского резидента, обусловленная глупым распоряжением английских властей в Индии по «вопросу об обуви». В июне 1879 года Шоу умер во время приступа ревматизма, и пост резидента занял полковник Гораций Браун, который хорошо говорил по-бирмански и давно был знаком со страной. Запись, сделанная им в дневнике вскоре после его прибытия в столицу, дает прекрасное представление о том, какой был нанесен ущерб распоряжением об обуви. Он пишет: «Поскольку старый король одновременно был и министром иностранных дел и никакие переговоры не велись без личной беседы с ним, эта внезапная перемена (то есть распоряжение об обуви) привела к полной приостановке всех важных дел... Частые визиты прежних резидентов во дворец и свободное общение с королем и его окружением являлись лучшим и действительно единственным средством точно установить, что происходит за пределами нашей крепости, окруженной непроницаемыми стенами».

Получив известие об убийствах, вице-король лорд Литтон усилил английский гарнизон в Бирме и убеждал британское правительство занять решительную позицию. Но Англия уже вела — и довольно бесславно! — две войны: одну против Афганистана и другую против военачальника зулусов Кечвайо; и, кроме того, в Южной Африке назревали неприятности с бурами. Поэтому нельзя было идти на риск — начинать войну с Бирмой. По словам военных специалистов, было бы нетрудно взять Мандалай, но для последующего «умиротворения» потребовались бы еще тысячи людей в дополнение к тем, которые уже находились в Бирме. В связи с советом Литтона британский кабинет предписал английским властям в Индии политику крайней «терпимости». Однако беспокойство о безопасности английского резидентства было столь велико, что вооруженный пароход стоял на границе, готовый быстро прийти на помощь в случае беспорядков. Наблюдалось поголовное бегство англичан из Мандалая. В конце августа 1879 года полковник Браун получил разрешение передать дела своему помощнику Барбу и вернуться в Британскую Бирму. В следующем месяце английский резидент в Кабуле Луи Каваньяри был убит, правительство Индии, опасаясь, что Тибо может не устоять против соблазна последовать примеру афганцев, поспешно отозвали Барба и весь его штат.

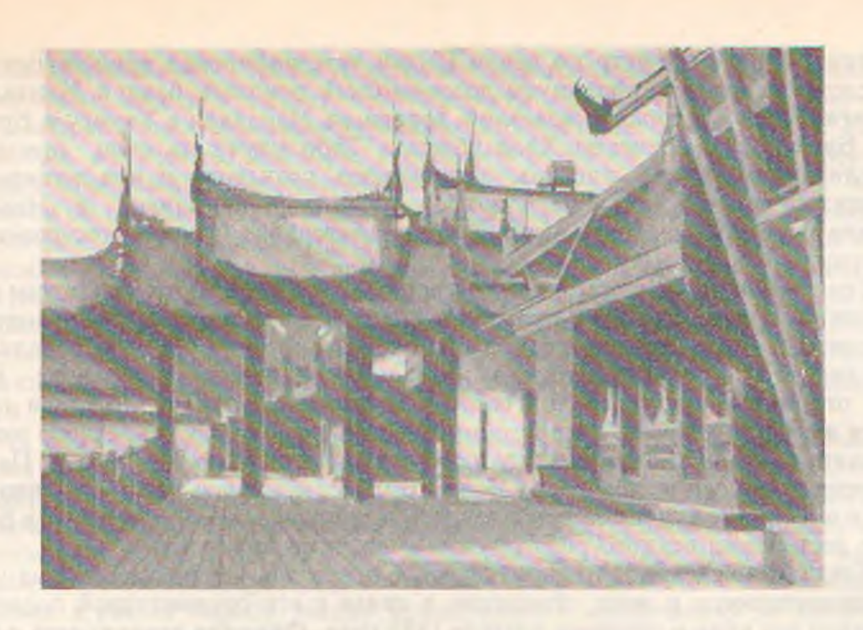
Двор Авы, отрезвленный серьезностью этого шага, направил посла с письмом и подарками к вице-королю Индии. Английские пограничные власти, однако, задержали его, чтобы выяснить характер его миссии. Ему было сказано, что вице-король согласится принять его только в том случае, если он уполномочен вести переговоры о новом договоре. В течение шести месяцев он оставался в Таемьо в качестве гостя англичан, пока между Калькуттой и Мандалаем шли дебаты о его полномочиях. Наконец, когда стало очевидным, что

Мандалай. Золотой дворец.

двор Авы не может сделать приемлемых предложений для разрешения существующих затруднений, посол вернулся в Мандалай.

Другой случай установить лучшие отношения представился в 1882 году, когда Тибо был вынужден направить посла в Калькутту в связи с вопросом о долине Кабо. После того как в 1834 году долина была отдана Бирме, точная демаркационная линия границы с Манипуром не была определена. После вступления на престол Тибо ряд пограничных беспорядков, вызванных бирманцами, заставил английские власти в Индии внести предложение о создании совместной пограничной комиссии. Когда это предложение было отвергнуто, английская комиссия приступила к демаркации границы. Оказалось, что бирманцы занимают деревню, на которую претендует Манипур. Поэтому в Калькутту был направлен бирманский посол для обсуждения этого вопроса. Лорд Рипон оказал ему весьма дружественный прием, но едва лишь начала появляться надежда на удовлетворительное разрешение вопроса, как бирманский посол был внезапно отозван. Поведение Тибо стало настолько вызывающим, что англичане послали радже Манипура подкрепления и ему было разрешено оказывать вооруженное сопротивление всякому выступлению бирманцев. Беспорядков больше не было, но надежда на улучшение англо-бирманских отношений исчезла.

Тем временем в Верхней Бирме почти царил хаос. Бандитизм был широко распространен, качины восстали, китайские партизаны сожгли Бамо, феодальные шанские государства отказались от вассальной зависимости от Авы. Делались попытки свергнуть Тибо. Принц Мьингун, который был верным кандидатом на престол, находился в Пондишери. Он был призван сюда, чтобы возглавить восстание, но французы его интернировали. В 1884 году, когда возникло подозрение о движении в его пользу, убийства в Мандалае участились до такой степени, что английские и китайские торговые круги в Рангуне требовали смены правительства в Верхней Бирме или ее оккупации, а д-р Маркс, наиболее выдающийся из находившихся там священнослужителей англиканской церкви, громил со своей кафедры злодеяния Тибо. Однако Бернард, главный комиссар, возражал против оккупации. Он считал, что принц Ньяунджан окажется приемлемым правителем, и рекомендовал помочь ему занять престол. Однако английские власти в Индии отказались вмешиваться и аргументировали свое бездействие тем, что плохое внутреннее управление еще не дает



Веранда в мандалайском дворце.

оправдания для вмешательства. В 1885 году принц Ньяунджан умер, а с ним умерла и надежда возвести на престол в Мандалае подходящего короля.

Внезапный отказ Тибо от переговоров с Манипуром явился следствием его гибельного решения использовать Францию против Англии. Он знал, что англичане очень встревожены активностью французов в Аннаме и Тонкине, и сделал глупый вывод, что ему удастся заставить англичан пойти на уступки путем возобновления переговоров с Францией, прерванных во время правления его отца. В мае 1883 года он направил миссию в Европу под предлогом сбора сведений о развитии промышленности и науки. Когда миссия прибыла в Париж, английское правительство узнало, что бирманцы снова подняли старый вопрос об импорте оружия. Английский посол во Франции в соответствии с этим получил инструкции просить у Жюля Ферри гарантии, что в случае заключения франко-бирманского договора бирманцам не будет предоставлена возможность закупать оружие. Его в этом полностью заверили.

Однако бирманская миссия оставалась в Париже, и, по мере того как шли месяцы, росли подозрения англичан. Снова и снова английский посол требовал у Жюля Ферри объяснения по этому вопросу. После длительного периода замалчивания Ферри в июле 1884 года наконец признал, что бирманцы соглашаются только на полный политический союз, включая возможность покупки оружия. Однако он обещал, что подобный союз не будет заключен.

В январе следующего года, поскольку бирманская миссия все еще оставалась в Париже, английский посол снова встретился с Ферри и сказал ему, что бирманцы создают столько затруднений английским властям в Индии, что если Англия будет вынуждена применить силу, чтобы заставить двор Авы должным образом относиться к своим обязательствам, то было бы очень прискорбно, если бы причиной подобного шага послужил договор между Бирмой и Францией. Ферри ответил, что только что достигнуто соглашение о чисто торговом договоре, без каких-либо политических или военных обязательств. Он сказал, что французский консул будет находиться в Мандалае, но его полномочия еще пока точно не установлены. Он заверил посла, что этот договор является весьма безобидным делом.

Это заявление ни в какой степени не успокоило подозрений англичан. В мае 1885 года Фредерик Хаас прибыл в Мандалай для выполнения обязанностей консула. Скоро стало ясно, что бирманцы сделали для французов очень многое в ущерб интересам англичан и что они готовы сделать им еще большие

уступки. В июле министр по делам Индии телеграфировал вице-королю, что по условиям договора французы должны были основать банк в Мандалае и финансировать постройку железной дороги из Мандалая в Таунгу в Британской Бирме. Тем временем Хаас убеждал Тибо улучшить свои отношения с англичанами, снова принять английского резидента и под прикрытием хороших отношений вести переговоры с Францией, Германией и Италией, объявив свое королевство нейтральной территорией. Однако этот совет был отвергнут.

Тем временем распространялись упорные слухи о том, что французы ведут переговоры о передаче им управления королевскими монополиями, контроля над почтой, эксплуатации речных пароходов, которые конкурировали бы с английской «Иравади флотилла компани», об аренде рубиновых копей и об открытии пути для торговли с Тонкином. События достигли своего апогея в начале августа, когда стало известно содержание секретного письма, переданного Ферри бирманскому послу в январе этого же года в Париже во время подписания договора. В нем было сдержанное обещание, что, как только в Тонкине будет восстановлен мир и порядок, через эту страну в Бирму будут доставлены всякого рода оружие и военные припасы.

Когда было сделано это драматическое открытие, Ферри уже не был у власти; изменившееся к нему отношение в связи с его опрометчивой политикой заставило его уйти в отставку в марте 1885 года. Франция столкнулась с большими трудностями в Тонкине и вела войны в Китае и на Мадагаскаре. Поэтому, когда лорд Солсбери показал французскому послу в Лондоне копию секретного письма Ферри и ясно заявил ему, что Англия не согласится с предполагаемыми уступками французам в Бирме, французское правительство отменило все мероприятия Хааса, а в октябре он был снят с занимаемого поста.

Когда это случилось, Тибо, опираясь на соглашение с Францией, вел такую линию в отношении одной английской фирмы, которая должна была привести его отношения с английским правительством к кризису. Английская Бомбей-Бирманская торговая корпорация, главная контора и лесопильные заводы которой находились в Рангуне, в течение многих лет занималась разработкой (по контракту с мандалайским правительством) Нинджанских тиковых лесов к северу от Таунгу, вблизи англо-бирманской границы. В начале своего правления, испытывая серьезные финансовые затруднения, Тибо попытался добиться больших платежей от компании. Новые контракты, предусматривающие значительно более высокие платежи, были заключены в 1880, 1882 и 1883 годах и, естественно, вызвали некоторые недоразумения. Это облегчило двору Авы задачу начать дело против компании. Ей было предъявлено обвинение в том, что она вывезла вдвое большее количество бревен, чем оплатила, что она занималась подкупом местных служащих и не уплатила бирманским лесничим причитающуюся им сумму. Управление лесами Таунгу потребовало провести проверку отчетов компании и представить квитанции, подписанные служащими.

Дело слушалось в Хлудо, который, получив информацию о том, что в случае если компания лишится своих прав, то будет образован французский синдикат для эксплуатации лесов, вынес одностороннее решение, признав компанию виновной в обмане короля на сумму 73 333 фунтов стерлингов и лесничих — на 33 333 фунтов стерлингов в английской валюте. В соответствии с этим решением компания должна была внести штраф в размере, вдвое превышающем первую сумму, и уплатить лесничим вторую сумму. В случае невыполнения этого решения принадлежащие корпорации лесные материалы, находящиеся в Нинджанских лесах, должны были быть конфискованы. Дело это было сфальсифицировано; его цель состояла не в соблюдении справедливости, так как не было сделано необходимых попыток проверить факты.

Решение совета Хлудо было опубликовано в августе 1885 года. Британское правительство тут же потребовало от двора Авы передать дело на арбитраж. Однако никакого ответа из Мандалая не было получено вплоть до середины октября, когда, все еще надеясь на поддержку французов, бирманское правительство полностью отвергло предложение. В течение нескольких лет

военный департамент Калькутты имел подготовленный план нападения на Верхнюю Бирму в случае необходимости. Поэтому генерал-губернатор лорд Дафферин имел возможность предъявить ультиматум двору Авы. Ультиматум был получен 30 октября, и срок его кончался 10 ноября. Двор Авы оказался совершенно неподготовленным. Король дал вызывающий ответ, в котором он отказывался пересматривать дело против компании, но заявлял, что, если английское правительство желает снова назначить агента, он может «приезжать и уезжать, как в прежние годы». На требование, содержащееся в ультиматуме, о передаче внешних сношений правительства под контроль английских властей в Индии — подобно тому, как это имело место в Афганистане,— король недвусмысленно ответил, что «дружественные отношения с Францией, Италией и другими государствами поддерживались, поддерживаются и будут поддерживаться».

Это было воспринято как отказ от условий, предложенных англичанами, и армия получила приказ двигаться на Мандалай. Военные действия начались 14 ноября, а две недели спустя, после почти бескровной кампании, Мандалай был захвачен и король сдался. Бирма не угрожала войной и не была к ней подготовлена; поэтому затруднения французов в Тонкине англичане рассматривали как ниспосланную небом возможность разделаться с Тибо. Однако, принимая в расчет борьбу между французами и англичанами за господство на Индокитайском полуострове, которая в ближайшее время должна была обостриться и распространиться на долины Верхнего Меконга и Менама, действия англичан, по мнению Ферниволла, «могут быть лучше всего оправданы как шаг, своевременно устраняющий потенциальную причину европейской войны». Уже отказ пересмотреть дело Бомбей-Бирманской корпорации являлся в этих условиях формальным поводом для войны, но на вызывающее утверждение, что дружественные отношения с Францией, Италией и другими государствами «поддерживались, поддерживаются и будут поддерживаться», мог быть дан лишь один ответ — свержение короля.

После низложения короля оставалось решить судьбу его королевства. Сначала было организовано под руководством главнокомандующего оккупационной армией генерала Прендергаста временное правительство во главе с государственным советом, состоявшим из тринадцати министров. Английские власти в Индии предпочли бы установить свой протекторат над Бирмой, посадив на престол вызывавшего доверие члена королевской семьи. Однако подходящего кандидата не оказалось. Поэтому 1 января 1886 года было опубликовано официальное объявление о присоединении территорий, ранее управлявшихся королем Тибо, к британским владениям. После дальнейшего обсуждения вопроса в феврале 1886 года было принято решение о том, что присоединенная территория будет находиться под непосредственным управлением англичан. Поэтому Бирма вошла в состав Британской Индии в качестве провинции, а Чарлз Бернард был назначен верховным комиссаром.

ГЛАВА XXXIV

ВЬЕТНАМ И НАЧАЛО ФРАНЦУЗСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ИНДОКИТАЕ (1820—1870)

Принц Кань, старший сын императора Зя-Лонга, который сопровождал Пиньё де Беэна к Версальскому двору, скончался в 1801 году. Его брат Минь-Манг, наследовавший трон в 1820 году, ненавидел «западных варваров». Он отказался заключить торговый договор с Францией и даже принять посвященное этому вопросу письмо Людовика XVIII, посланное ему в 1825 году. Трижды во время его правления французы пытались восстановить торговые связи с этой страной: Бугенвиль в 1825 году, де Кергариу в 1827 году и адмирал Лаплас в 1831 году. Все эти попытки были бесцеремонно отвергнуты. В 1826 году Минь-Манг отказался принять французского советника и порвал официальные отношения с Францией.

Когда Зя-Лонг умирал, он посоветовал своему преемнику не преследовать три религии, существовавшие в империи,— конфуцианство, буддизм и христианство. Однако Минь-Манг был ревностным конфуцианцем и поклонником китайской культуры. Он возродил политику преследования христианства, проводимую Нгюенами в XVIII столетии. Многие мандарины были недовольны тем, что он отказался от политики своего отца. Многие из них были друзьями Великого господина, как они называли Пиньё, а Ле-ван-Зюет, губернатор Кохинхины, который был одно время главным евнухом во дворце Зя-Лонга, оказался достаточно смелым, чтобы послать протест императору. «У нас во рту еще сохранился вкус риса, который дали нам миссионеры, когда мы умирали с голоду»,— писал он. Его твердая позиция привела к благоприятным результатам: император воздержался от преследований в шести южных провинциях. Однако год спустя после смерти Ле-ван-Зюета (он умер в 1833 году) был издан эдикт о повсеместном преследовании христиан, и даже могила Ле-ван-Зюета была осквернена по приказу Минь-Манга. Это надругательство вызвало восстание в Зя-дине. Оно было жестоко подавлено, а несколько миссионеров было предано казни.

К концу своей жизни Минь-Манг, очевидно, изменил свое отношение к европейскому вопросу и думал о поисках путей и способов установления контактов с европейскими государствами. В ноябре 1839 года разразилась война между Великобританией и Китаем, и возможно, что оккупация англичанами Хусана и их нападение на форты Дагу при входе в реку Бэй убедили его, что изоляционистская политика, которой он строго придерживается, может иметь опасные последствия. Однако в январе 1841 года он скончался, и его преемник Тхиеу-Чи (1841—1847) возобновил политику преследований с еще большей суровостью. Он был менее умен, чем его отец, и не понял, что занятие англичанами Гонконга в тот самый месяц, когда он вступил на трон, и открытие пяти китайских портов для европейской торговли означало наступление новой эры на Дальнем Востоке. Французы не хотели больше терпеть отношения Минь-Манга к их миссионерам и торговцам.

Поэтому в феврале 1843 года, когда пятеро миссионеров ожидали смерти в тюрьме Хюэ, корвет «Эроинь» под командованием Левека неожиданно появился перед Тураном и от имени командующего французским морским

дивизионом в Китайском море адмирала Сесиля потребовал и добился их освобождения. В том же году «Алкмен» освободил еще одного осужденного миссионера. Эти действия свидетельствовали о новой позиции европейских государств и Соединенных Штатов Америки, которая вызвала растущие требования о предоставлении прав экстерриториальности. Например, в 1844 году США добились таких прав для своих резидентов в Китае по договору в Ванся, и в том же году по договору в Вампу Франция добилась от Китая терпимости по отношению к католикам.

В 1845 году адмирал Сесиль снова подошел к Турану, на этот раз чтобы добиться освобождения Лефэвра, папского епископа западной части Кохинхины. И снова император уступил под угрозой бомбардировки города. Епископ был вывезен в Сингапур, где ему удалось уговорить владельца кохинхинского корабля тайно отвезти его обратно в Кохинхину. «Стрейтс сеттлмент рекордс» содержит интересный документ[1], в котором рассказывается о результатах этого смелого приключения, предпринятого «за честь своей страны», как охарактеризовал его один француз[2].

Губернатор Батерворт в письме от 13 марта 1847 года докладывал английским властям в Индии, что торговые корабли, идущие из Кохинхины, обратили внимание на новые строгие постановления в отношении иностранцев и что он заявил ответственному за это мандарину, что «английский монарх будет недоволен», если они будут применены по отношению к английским подданным. «Мандарин,— продолжал он,—сразу дал мне понять, что ограничения возникли в результате визита в Туранский залив американского корабля «Конститюшн», который открыл огонь по городу (в результате чего было убито несколько жителей), потому что не было выполнено требование его командира о выдаче находящегося в тюрьме французского епископа-миссионера, и что эти ограничения должны рассматриваться как политическая акция со стороны короля, который стремился показать своим подданным, что нанесенное ему оскорбление не прошло безнаказанно. В доказательство этого он вручил мне письмо от главного мандарина морского департамента... где говорилось о том, что он уже выпроводил и хотел бы передать мне того самого епископа, о котором упоминалось выше и который снова прибыл в Кохинхину после того, как его освободил из заключения французский корабль, посланный для этой цели».

Губернатор затем продолжал, что епископ Лефэвр посетил его, «как и год назад, после освобождения из кохинхинской тюрьмы, о чем упоминалось выше», и что он предостерег его от дальнейших поездок в Кохинхину, особо подчеркнув, что несчастный Накуодах[3], который привез его обратно в страну в последний раз, был казнен, а все остальные кохинхинцы, находившиеся на корабле, были сосланы на каторжные работы. «Но,—продолжал он,—эти иезуиты не очень разборчивы в средствах при достижении своей цели, и я должен добавить, что они не жалеют себя». Однако губернатор выражал предположение, что на этот раз епископ не найдет корабля, который согласился бы доставить его в Кохинхину.

В том же 1847 году Франция попыталась заставить Тхиеу-Чи пойти на уступки, устроив еще одну морскую демонстрацию близ Турана. Командующий французскими кораблями «Глуар» и «Викторьёз» Лапьер потребовал от имени французского правительства гарантий безопасности для французских подданных. Тхиеу-Чи продержал его в ожидании ответа целый месяц, собрав тем временем большое войско в Туране под предлогом оказания почестей французским послам. Он пригласил офицеров этих кораблей на прием, на котором они должны были быть убиты, после чего их корабли вьетнамцы намеревались сжечь. Когда приглашение было отвергнуто, вьетнамские корабли атаковали французские и пытались поджечь их. В завязавшейся схватке

---

[1] Governor's Letters to Bengal, R. 14, March 1847.
[2] Guy Chastel, Un Siècle d'Epopée Française en Indochine, p. 63.
[3] Хозяин корабля.

французы уничтожили большое количество джонок и кораблей, а затем покинули вьетнамские воды.

События достигли критической стадии при Ты-Дыке (1848—1883), сыне и преемнике Тхиеу-Чи. Благочестивый и образованный конфуцианец, он еще в большей степени, чем его предшественники, стремился оградить свою страну от проникновения европейского влияния. Однако сначала он колебался, не осмеливаясь проводить политику насилия, к которой принуждали его мать и *ученые*[1], но не одобряли два его наиболее влиятельных подчиненных — губернаторы Тонкина и Кохинхины. В конце концов он решился и издал эдикт о разгоне всех христианских общин, уничтожении их деревень и перераспределении их земель. Мужчин отделяли от женщин, и на левой щеке каждого человека выжигались иероглифы «Та Дао» («неверующий»), а на правой название района, в который он или она выселялись. Тысячи людей умерли от истязаний, которым они подверглись.

Одновременно Ты-Дык предпринял гонения и |на европейских миссионеров. В 1851—1852 годах были казнены два французских священника. Де Монтиньи, французскому советнику при правительствах Сиама и Камбоджи было поэтому приказано отправиться в Хюэ и заявить энергичный протест. Когда протест был отклонен, французский военный корабль «Катинат» подверг бомбежке форты Турана.

Эта жестокая политика в отношении европейцев совпала с подобной же политикой в Китае, где Великобритания, Франция и Соединенные Штаты предпринимали совместные усилия, чтобы добиться пересмотра договоров. Это был период, когда глава Кантона Е Мин-шен отвергал любую попытку переговоров и поощрял акты насилия против европейцев. Несомненно, что в этом вопросе Ты-Дык следовал указаниям из Китая; он был слишком недальновиден, и поэтому не понимал, что для его страны последствия такой политики будут значительно более серьезны, чем последствия шумных призывов Е Мин-шена уничтожить английских дьяволов в Китае. В 1856 году французский католический миссионер был подвергнут пыткам и убит якобы за участие в мятежном обществе провинции Гуанси. Заметим, что жертвы Минь-Манга были казнены по подобному же обвинению. В 1857 году Ты-Дык казнил Диаса, испанского епископа в Тонкине.

Это был шаг величайшей глупости. Франция периода Третьей империи искала предлога для захвата территории во Вьетнаме. Она уже имела мощную военно-морскую эскадру в китайских водах, которая прибыла после убийства французского миссионера в 1856 году и выступила совместно с британской эскадрой против главы Кантона Е Мин-шена. Испания имела базу вблизи, на Филиппинах, и стремилась присоединиться к Франции в дележе Аннама.

В 1857 году де Монтиньи был вторично послан в Хюэ. Он предъявил Ты-Дыку три требования: 1) гарантии свободы вероисповедания для христиан, 2) разрешения создать торговое агентство в Хюэ и 3) санкции для назначения в Хюэ французского консула. Требования были молчаливо отвергнуты. Однако его миссия была послана главным образом с целью оправдания будущих действий Франции, решение о которых было уже принято. Как только Кантон был захвачен англо-французскими войсками особого назначения в начале 1858 года, а в июне того же года Китаю был навязан Тяньцзинский договор, франко-испанские соединения под командованием адмирала Риго де Женуйи двинулись к Турану. Они прибыли туда 31 августа 1858 года. Форты были быстро выведены из строя, и были высажены небольшие части оккупационных войск.

Затем трудности стали возрастать. Вьетнамцы ничего не оставили в эвакуированном Туране. Невозможно было достать продовольствие. Болезни стали серьезным бичом для гарнизона, который был слишком слаб, чтобы напасть на Хюэ. После обсуждения возможности проведения демонстрации

[1] Мандарины, выдержавшие традиционные экзамены.—*Прим. ред.*

в Тонкине адмирал решил захватить Сайгон, житницу Вьетнама. Поэтому оккупационные войска оставили Туран и в феврале 1859 года захватили Сайгон.

Дальнейшие операции широкого масштаба были остановлены ввиду возобновления военных действий в Китае, которые завершились захватом Пекина англо-французской армией в октябре 1860 года. Тем временем в ноябре 1859 года Риго де Женуйи сменил адмирал Паж, который получил указания начать переговоры с Ты-Дыком. Первоначальные требования были расширены. Теперь французы требовали разрешения открыть консульства в трех портах Вьетнамской империи и права назначить своего поверенного в Хюэ. Ты-Дык пытался применить тактику затяжки переговоров. Тогда адмирал Паж отплыл в Туран и разрушил еще несколько фортов. Однако он был вынужден отправиться на помощь французским войскам в Китае, оставив в Сайгоне франко-испанский гарнизон, насчитывавший менее тысячи человек. В течение почти года (март 1860 — февраль 1861 года) маленький гарнизон, не получавший никакой помощи, должен был противостоять осаждавшему его вьетнамскому войску численностью в 12 тысяч человек.

Война в Китае закончилась в январе 1861 года, и сразу же адмирал Шарнэ с мощной морской эскадрой и тремя тысячами войск двинулся на Сайгон. 25 февраля в битве при Ти-хоа он нанес поражение осаждающим и освободил город. Затем последовал захват Ми-тхо и оккупация Зя-диня, Тху-дау-мота и части провинций Бьен-хоа и Го-конг. В ноябре 1861 года адмирал Бонар принял командование от Шарнэ и в течение нескольких месяцев сделался хозяином всей нижней Кохинхины, Пуло-Кондора и всех мелких островов при входе в дельту реки Меконга.

В мае 1862 года Ты-Дык направил двух послов для переговоров об условиях перемирия. Император, объяснили они, испытывает затруднения в Тонкине и хотел бы покончить с войной на юге. В следующем месяце в Сайгоне был подписан проект договора, по которому Ты-Дык передавал Франции три восточные провинции Кохинхины и согласился выплатить большую контрибуцию в течение десяти лет. Он обещал разрешить свободное отправление католической религии в своих владениях и открыть порты Туран, Балат и Куанган для французской торговли.

Пришлось довольно долго ждать ратификации договора императором Наполеоном III, так как корабль, везший делегатов во Францию, был задержан сильным штормом. Тем временем Бонар совершил ошибку, заменив французских резидентов, назначенных его предшественником для наблюдения за местной администрацией в каждой провинции, вьетнамскими мандаринами. В результате этого в декабре 1862 года повсюду имели место восстания. Поэтому, когда договор, подписанный Наполеоном III, был доставлен из Парижа, Ты-Дык сначала отказался ратифицировать его, и Бонар, который привез документы в Хюэ для их окончательной ратификации Ты-Дыком, добился его подписи лишь после того, как пригрозил послать помощь восставшим в Тонкине.

Когда следующий губернатор, адмирал Лаграндьер, прибыл в новую колонию в 1863 году, там создалось чрезвычайно опасное положение. Один из лидеров восставших терроризировал провинцию Бьен-хоа, другой обосновался на камбоджийской границе. Более того, Ты-Дык, прежде чем ратифицировать договор, послал Фан-тхань-Зяна, мандарина, который заключал этот договор, в Париж просить возвращения отторгнутой территории, взамен чего вьетнамцы обещали выплатить большую контрибуцию. В самой Франции росла оппозиция политике колониальной экспансии, в то время как сторонники мексиканской авантюры хотели оставить в покое Индокитай ради своей излюбленной цели. Даже у самого Наполеона III были огромные сомнения в правильности дальневосточной политики. Его удалось склонить благодаря непоколебимой позиции морского министра графа де Шаслу-Лоба, который грозил выйти в отставку, если откажутся от Кохинхины, а также благодаря неуклюжим попыткам Ты-Дыка уклониться от выполнения взятых им обязательств.

В то время как адмирал Лаграндьер был занят восстановлением порядка в трех провинциях и организацией их управления, произошло дальнейшее усиление влияния Франции в Индокитае. Король Камбоджи Нородом, который пришел к власти в 1860 году, столкнулся с серьезными трудностями в 1861 году, когда его младший брат Си Ватта восстал и заставил его искать убежища в Баттамбанге. В течение многих лет, как мы уже видели, Камбоджа влачила жалкое существование между двумя сильными соседями — Сиамом и Вьетнамом. Ее короли старались удерживать какое-то подобие независимости, принося феодальную присягу и дань обоим государствам. Однако в стране постоянно происходили династические распри, которые вызывали интервенцию.

На этот раз бежавший король, желая вернуть себе трон, отправился в Бангкок в поисках вооруженной поддержки. На его просьбу откликнулся Мишэ, папский викарий Камбоджи, который написал французскому консулу в Бангкоке письмо с просьбой обратиться к сиамскому правительству по этому вопросу. Правительство Сиама отправило Нородома обратно в Кампот на пароходе, и в марте 1862 года он вновь вступил в свою столицу. Демарш Мишэ не был одобрен французскими властями. Теперь их главной целью было обеспечить за Францией роль «защитника» Камбоджи. К счастью, Сиам не предоставил Нородому вооруженной силы. Положение в Камбодже дало возможность Нородому мирно возвратиться на престол. У восставших были плохие руководители, и вскоре хозяином положения стал второй брат короля. Французская канонерская лодка, посланная адмиралом Шарнэ в Пном-Пень для защиты находившихся там французских миссионеров, также помогла вызвать замешательство среди восставших, так как они приняли ее появление как доказательство поддержки французами короля.

Интерес к положению в Камбодже Шарнэ проявил еще в марте 1861 года, когда он послал одного из своих офицеров сообщить Нородому, что Франция решила навсегда оккупировать Кохинхину и желает помочь Камбодже сохранить свою свободу. Король, отвечая послу, заявил, что его королевство обязано своим продолжительным существованием сиамцам, которые спасли его от вьетнамского господства. Несмотря на заверения короля, что в отношениях с Сиамом он является человеком свободным, было ясно, что Сиам держал его в руках через своего резидента, обосновавшегося в столице Камбоджи.

В сентябре 1862 года Бонар лично нанес визит Нородому и потребовал, чтобы Камбоджа платила Франции дань, которую она раньше платила Хюэ, поскольку Франция завоевала Кохинхину. Очевидно, Франция была больше заинтересована в удовлетворении своих претензий, чем в защите независимости Камбоджи. В апреле 1853 года Бонар предпринял решительный шаг, направленный на установление французского влияния в Камбодже, послав туда морского офицера Дудара де Лагре в качестве резидента. Он поручил ему сделать географический обзор страны и установить тесный контакт с королем. Новый резидент сообщил в Сайгон, что король Сиама пользуется в Удонге большим влиянием, чем сам король Камбоджи.

Эти известия привели Лаграндьера, преемника Бонара, к мысли, что любая дальнейшая задержка даст Сиаму возможность еще более усилить свое влияние в Камбодже. Поэтому в июле 1863 года он нанес лично визит Нородому в Удонге и предложил ему французскую помощь в деле обеспечения независимости Камбоджи от посяганий Сиама. Король колебался. Он приветствовал предложенную французами помощь, так как его положение было крайне опасным. Он не доверял своему брату Анг Сору, который подавил восстание во время его отсутствия. Он боялся также, что неугомонный Покомбао, который доставлял французам беспокойства на камбоджийской границе, может попытаться отобрать у него корону. Но каково будет его положение, если он откажется от поддержки Сиама и Вьетнама ради помощи Франции, а французы затем вынуждены будут уйти из Кохинхины? Однако Лаграндьер успокоил его на этот счет и сумел убедить его подписать договор, ставящий его королевство под французский протекторат.

Договор был сразу направлен в Париж для подписания его Наполеоном. Тогда возникли непредвиденные трудности. Министр иностранных дел Франции сомневался в целесообразности ратификации; Сиам, поддерживаемый Великобританией, возражал против договора на том основании, что Камбоджа была его вассальным государством и все сношения Нородома с Францией должны происходить только через посредство Сиама. И когда вопрос еще не был решен, сиамский резидент в Удонге уговорил слабовольного короля подписать документ, согласно которому он не только признавал себя вассалом Сиама, но утверждал, что его настоящим титулом должен быть «Вице-король Камбоджи». В свою очередь король Сиама заявил, что он предполагает лично проследить за коронацией Нородома и принять от него феодальную присягу. А поскольку многие регалии, включая священный меч, которые должны быть использованы во время церемонии, Нородом оставил ради безопасности в Сиаме, когда он вернулся после побега в Бангкок, его положение оказалось затруднительным. Но Лаграндьер объявил, что мероприятие, предложенное королем Сиама, свидетельствовало о новых посягательствах на суверенитет Камбоджи, которые не имеют оправдания. Поэтому король Монкут предложил компромиссное решение, согласно которому Нородом должен был лично отправиться в Бангкок для получения своей короны.

Нородом назначил день, когда он должен был отбыть в Бангкок — 3 марта 1864 года. Узнав об этом решении, Дудар де Лагре пригрозил захватить столицу силой и спешно послал в Сайгон за подкреплением. И когда, несмотря на это, Нородом отправился в путь, французские моряки заняли королевский дворец в Удонге и вывесили трехцветный флаг. Расстроенный король переменил решение и возвратился. Он нашел у себя договор об установлении французского протектората над его королевством, ожидающий его подписи, должным образом подписанный императором Наполеоном. Ему ничего не оставалось делать, как согласиться с неотвратимым, и 17 апреля 1864 года ратификация была завершена.

Король Монкут под давлением французского правительства согласился предоставить Камбодже независимость при условии, что Нородом будет коронован представителями Сиама и Франции. Адмирал Лаграндьер принял это условие, и церемония состоялась 3 июня 1864 года. Однако Дудар де Лагре отказался разрешить сиамскому представителю возложить корону на голову короля, и на следующий день сиамец отбыл домой, сделав перед отъездом официальное заявление о претензиях своего короля на сюзеренитет над Камбоджей и на обладание двумя ее западными провинциями — Баттамбангом и Ангкором. Несколько месяцев спустя Нородом нанес официальный визит в Сайгон, где он был принят адмиралом Лаграндьером. Затем в апреле 1865 года он направился в Кампот, чтобы выполнить свое обещание принести присягу в вассальной зависимости Монкуту. Таково объяснение этого инцидента, данное Масперо[1]. Однако Леклер утверждает, что он отправился туда на переговоры по приглашению Монкута[2]. Его сопровождал Дудар де Лагре, которому не удалось убедить Нородома отклонить предложение. Король Сиама не открывал своих карт.

Тем временем шли переговоры между Парижем и Бангкоком о спорном вопросе — статусе Камбоджи. Они закончились в 1867 году заключением договора, по которому за отказ Сиама от всех сюзеренных прав над Камбоджей Франция от имени Камбоджи отказывалась от всех притязаний на провинции Баттамбанг и Ангкор (обычно известный в настоящее время под названием Сиемреап), которыми, согласно французской интерпретации истории Камбоджи, Сиам владел «нерегулярно» с 1795 года. Нородом, с которым не посоветовались, тщетно протестовал. Французы тогда считали этот договор хорошей сделкой.

---

[1] Maspero, L'Indochine, vol. I, p. 148.
[2] Leclère, Histoire du Cambodge, p. 456.

В 1866 году бонза, претендовавший на трон Камбоджи и устраивавший в течение многих лет волнения на границе Камбоджи с Кохинхиной, получил достаточную поддержку, чтобы предпринять попытку захватить трон. Он присвоил себе имя Покомбао, имя принца королевской семьи Камбоджи, умершего через несколько часов после рождения. Благодаря этому обману он получил широкую поддержку. Он собрал большой гарем, казнил губернаторов Кратие и Самбора, когда они отказались быть верными ему, и укрепился в деревне Чоутеалпхлос в провинции Канчор. В июне 1866 года он нанес поражение королевской армии при Ба-Пноме, но впоследствии сам был разгромлен. Затем он в течение нескольких месяцев «играл в прятки» с войсками Камбоджи и Франции, посланными против него. Каждый раз, когда они наносили ему поражение, он скрывался и затем через несколько недель вновь появлялся и начинал борьбу, пока, наконец, в декабре 1867 года не был схвачен и затем убит жителями Компонг-Тома, где он скрывался.

Когда это очень серьезное движение сопротивления развивалось в Камбодже, французы были связаны по рукам такими же волнениями в Кохинхине. Вооруженные отряды проникли на французскую территорию из Го-конга и Тростниковой долины и терроризировали население. Двор в Хюэ пытался рассеять подозрения французов о своей причастности к этим событиям, назначив Фантхань-Зяна, посла к Наполеону III в 1862 году, вице-королем трех провинций западной Кохинхины. Но положение не улучшилось, и в июне 1866 года адмирал Лаграндьер решил захватить эти провинции. В течение недели, с 17 по 24 июня, его войска оккупировали одну за другой провинции Виньлонг, Тяу-док и Ха-тиен. «Население встречало нас без страха и без отвращения», — пишет Жорж Масперо[1]. Вице-король покончил жизнь самоубийством.

Французы теперь достаточно обосновались, чтобы приступить к созданию новой империи в Индокитае. Следующим крупным шагом, предпринятым ими в то время, когда они еще занимались организацией управления территориями, находившимися под их контролем, явилось исследование течения реки Меконг. Кроме того, что он течет из Тибета, о нем почти ничего не было известно. Обладание его дельтой давало возможность французам соперничать с англичанами, которые оккупировали дельту Иравади, в борьбе за торговлю с Западным Китаем. Миссия Фейра ко двору Миндон Мина в 1855 году имела одной из своих целей добиться от короля разрешения на торговлю с Китаем через Бирму. Идея освоения кратчайшего пути в Китай по суше через Юньнань привлекала голландцев еще в XVII веке. Но доклад ван Вейстхоффа о Меконге и отказ Бирмы предоставить торговые льготы в Бамо заставили отказаться от этой мысли. Англичане заинтересовались этой идеей во время первой бирманской войны, когда и были исследованы территории от Ассама на севере до Моулмейна на юге, хотя и без всякого успеха[2].

Миндон сначала был настроен категорически против проекта, но сильное давление, оказываемое английской текстильной промышленностью с 1860 года[3], заставило Фейра и его преемника генерал-майора Альберта Фитча предпринять новые усилия, в результате которых в 1868 году было учреждено английское агентство в Бамо и сделаны новые попытки отыскать удобные торговые пути в Китай. Тревога, которая в конце концов побудила французские власти в Сайгоне послать в 1866 году исследовательскую экспедицию вверх по Меконгу, была в основном делом молодого морского офицера Франси Гарнье, служившего в штабе адмирала Шарнэ во время китайской войны, а после этого находившегося в рядах войск, посланных на помощь Сайгону. В 1863 году Франси Гарнье был назначен констеблем в район Тё-лона, пригород Сайгона. Его воодушевляли два одинаково сильных побуждения: често-

[1] Maspero, op. cit., p. 149.

[2] J. L. Christian, Modern Burma, p. 212—225.

[3] См. по этому вопросу книгу Клемента Вильямса (Clement Williams, Through Burma to Western China, being notes of Journey in 1863 to establish the practicability of a trade route between the Irrawaddi and the Yang-tse-kian, London, 1868).

любивое желание исследовать неизвестное и разжечь ненависть Великобритании как колонизирующей державы — этого колосса на гнилых ногах, как он говорил о ней. «Потрясите ее — и она упадет»[1]. Так как Гарнье был слишком молод, чтобы ему доверить командование экспедицией, оно было возложено на Дудара де Лагре.

Экспедиция, состоящая из 10 французов и нескольких местных переводчиков, отправилась из Сайгона 5 июня. Покинув территорию Камбоджи, экспедиция задержалась из-за отсутствия сиамских пропусков и денег, и ее участники проводили время за изучением развалин Ангкора, с которыми Дудар де Лагре ознакомился, когда служил в Удонге. Эти развалины были обнаружены католической миссией в 1570 году, и хотя слово «Онко»[2] встречается на ряде карт XVII столетия, именно французский естествоиспытатель и фотограф Анри Муо впервые обратил внимание Запада на важность этих развалин в своем отчете о путешествиях, опубликованном в «Тур де Монд» в 1863 году[3]. Однако он описал их как энтузиаст-дилетант. И только экспедиция Дудара де Лагре установила точную, самую раннюю дату этих развалин, опубликовав ее в 1873 году в книге Франси Гарнье.

Покинув Ангкор, экспедиция медленно продвигалась вверх по течению реки к развалинам города Вьентяна, который совершенно зарос джунглями. Затем двинулись к Луан-Прабангу и в расположенную около него деревню Бан Напхао, в которой умер и был похоронен пять лет назад Муо. Король Тиантха Кумане отнесся к членам экспедиции хорошо, но предупредил их, чтобы они не вступали на территорию Юньнани из-за беспорядков, вызванных там Пантэйским восстанием. Он не платил дани Китаю с 1855 года, когда началось восстание, на том основании, что дороги были непроходимыми, и именно поэтому не хотел, чтобы французы лишали его этого предлога.

Но в тот момент никакие предупреждения не могли отвлечь Гарнье от навязчивой идеи, которую он описывает как «мономанию Меконга», и он заставил Дудара де Лагре вступить на китайскую территорию. Там его руководитель экспедиции скончался, истощенный изнурительным, полным лишений путешествием. И когда экспедиция, возглавляемая теперь самим Гарнье, прибыла в Далифу, китайские власти вежливо, но твердо отказались разрешить им дальнейшее продвижение. Гарнье вынужден был волей-неволей отказаться от своей мечты исследовать истоки Меконга. Он убедился, что река была совершенно бесполезна как торговый путь, связывающий Сайгон с Юньнанью. Эта мечта была разбита.

Однако стала оформляться новая мечта, которая должна была оказывать заметное влияние на политику Третьей республики. Гарнье и его компаньоны прошли через Юньнаньское плато вниз к Янцзы, где добыли лодки, и быстро добрались до Ханькоу. Они покинули Далифу 4 марта 1868 года, а прибыли в Ханькоу 27 мая. В Юньнани они получили от китайских мандаринов и французских миссионеров самую ценную информацию о водных путях, связывающих провинцию Юньнань с Красной рекой в Тонкине. Поэтому внимание французов, заинтересованных в подступах к Западному Китаю, было перенесено с Меконга на Тонкин. Франко-прусская война 1870—1871 годов явилась важной вехой, разделяющей две совершенно различные фазы во французской экспансии на Дальнем Востоке.

---

[1] Hugh Clifford, Further India, p. 135. Клиффорд дает живописное описание своей последующей экспедиции. Его собственный отчет озаглавлен «Voyage d'Exploration en Indo-Chine, effectué pendant les années 1866 et 1868, etc.», 2 vol., Paris, 1873.

[2] Онко — португальское название Ангкора.—*Прим. ред.*

[3] Год спустя он опубликовал на английском языке «Travels in the Central Parts of Indo-China (Siam), Cambodia and Laos during 1858—1860», 2 vol., London, 1864.

ГЛАВА XXXV

ВТОРАЯ СТАДИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ИНДОКИТАЕ (1870—1900)

В мае 1868 года, когда Франси Гарнье остановился в Ханькоу на обратном пути из Юньнаньфу, он встретился с французским купцом Жаном Дюпюи. Открытия, сделанные экспедицией Дудара де Лагре — Гарнье, интересовали Дюпюи с точки зрения возможности установления торгового пути в Юньнань, используя Красную реку (Шонг-кай), и по-видимому, он немедленно отправился в Юньнань. В 1868—1869 годах он уже был здесь, но тревожное положение в стране, вызванное Пантэйским восстанием (1855—1873), помешало ему, как и Гарнье, продвинуться дальше Юньнаньфу. В феврале 1871 года он выехал из Юньнаньфу в Ханой, чтобы выполнить контракт на поставки оружия и боеприпасов для китайской армии в Юньнани. Продвинувшись к югу, он вышел близ Манг-хао к реке Шонг-кай, и оттуда ему удалось проплыть по ней до моря.

В следующем году, несмотря на упорное сопротивление тонкинских мандаринов и на трудности в пути, он доставил свой груз военных товаров властям Юньнани. Затем он закупил олово и медь в провинции Юньнань для продажи в Ханое и рассчитывал вернуться оттуда с грузом соли. Однако торговля солью была монополией мандаринов, и они не разрешили ему закупить ее. Тогда Дюпюи и его компаньоны — смешанная группа китайцев и филиппинцев — приступили к оккупации одного из районов города и обратились за помощью в Сайгон. Двор Хюэ тоже обратился в Сайгон, утверждая, что присутствие Дюпюи в Тонкине противоречило условиям существующего договора с Францией, и требуя от губернатора Кохинхины адмирала Дюпрэ положить конец деятельности Дюпюи.

Тонкин находился в то время в тяжелом положении. После Тайпинского восстания (1850—1864), которое вызвало опустошение многих районов Китая, особенно южных, где антиманьчжурские настроения были особенно сильны, отряды мятежников бежали через границу в северный Тонкин, где добывали себе на жизнь тем, что терроризировали местное население. Император Ты-Дык, совершенно неспособный справиться с ними, обратился за помощью к наместнику Кантона. Последний послал регулярные войска, которые, вместо того чтобы выполнить свою задачу, стали мародерствовать вместе с мятежниками. Все эти разбойничьи отряды, как регулярные, так и нерегулярные, стали известны французам под названием «Черные флаги». Адмирал Дюпрэ увидел в таком положении вещей прекрасную возможность для вмешательства, а жалобу Дюпюи расценил как ниспосланный небом предлог. Он просил у своего правительства свободы действий, но ему приказали воздержаться от вооруженного вторжения. Несмотря на это, он послал порывистого Франси Гарнье в Ханой с небольшим отрядом, состоявшим из 188 французских и 24 кохинхинских солдат, с указанием быть арбитром между Дюпюи и мандаринами.

Гарнье прибыл 5 ноября 1873 года. Его попытка выступить арбитром длилась всего несколько дней. Обнаружив непреклонность мандаринов, он издал прокламацию, объявляющую реку Шонг-кай открытой для всеобщей торговли. Этот ничем не оправданный акт побудил мандаринов начать военные приго-

товления, в ответ на что Гарнье 20 ноября штурмом взял цитадель. Его безрассудная дерзость была настолько успешной, что с помощью дополнительного числа добровольцев, которых он вовлек в свой отряд, он смог овладеть пятью крепостями, включая Хай-фонг и Нинь-бинь, и установить контроль над администрацией Нижнего Тонкина. Двор Хюэ теперь готов был идти на переговоры, однако мандарины Ханоя призвали на помощь отряды «Черных флагов», которые появились перед городом 21 декабря 1873 года, и Гарнье был убит во время возглавляемой им вылазки против них. В пылу борьбы он настолько далеко оторвался от своих людей, что попал в засаду и был убит до того, как они могли подоспеть к нему на помощь.

Если бы он был жив, французское завоевание Тонкина началось бы на десять лет раньше, чем это случилось, так как он поехал туда с твердым намерением установить там французское господство. Престиж Франции в Азии пал чрезвычайно низко в результате ее сокрушительного поражения в франко-прусской войне 1870—1871 годов, и люди, подобно Гарнье, считали, что лучший путь восстановления престижа — это вновь начать экспансию, прерванную поражением Франции в Европе.

Однако французское правительство было вынуждено дезавуировать такой поспешный акт, как захват цитадели в Ханое, и, как только адмирал Дюпрэ узнал об этом, он послал Филастра, инспектора по туземным делам, с приказом для Гарнье воздержаться от дальнейших актов агрессии и урегулировать вопросы путем переговоров с двором Хюэ. Филастр был личным другом Гарнье, но, являясь горячим поклонником китайской культуры, он был настолько глубоко потрясен действиями своего друга, что написал ему: «Несчастье непоправимо и для Вас и для цели, которую перед собой поставили французы. Как Вы могли позволить этому Дюпюи соблазнить Вас, обмануть и увести за собой?»[1]

Филастр прибыл в Ханой 3 января 1874 года и сразу приказал эвакуировать все форты, занятые французами. Он полностью отдавал себе отчет в том, какой тяжелый удар нанесет этот акт престижу Франции, но его девизом был лозунг «справедливость прежде всего». Корабли Дюпюи были конфискованы. Затем Филастр начал с Ты-Дыком переговоры о заключении договора, который был подписан в Сайгоне адмиралом Дюпрэ 15 марта 1874 года. Ты-Дык признал верховную власть Франции над Кохинхиной. Он согласился принять французского резидента в Хюэ, открыть порты Куи-нён, Туран[2] и Ханой для французской торговли и признал за Францией право иметь в каждом из них консула и эскорт для его защиты. Навигация по Красной реке объявлялась открытой вплоть до Юньнани. Ты-Дык снова обещал христианам свободу вероисповедания. За все эти уступки Франция освободила Ты-Дыка от уплаты остатка контрибуции и согласилась доставить ему канонерки, оружие и прислать инструкторов, чтобы он мог эффективнее бороться с «Черными флагами». Был заключен дополнительный торговый договор, по которому французским кораблям и торговцам предоставлялись более благоприятные условия, чем кораблям и торговцам других стран, и предусматривалось назначение французских чиновников на ключевые посты во вьетнамские таможенные учреждения.

На бумаге уступки были значительны, но в своем стремлении к справедливости Филастр не заметил того факта, что вьетнамцы расценивали его действия как проявление слабости со стороны Франции. Поэтому как только французские войска покинули Тонкин, Ты-Дык возобновил преследование христиан, подверг новых французских консулов величайшим оскорблениям и наказал всех, кто проявил себя сторонником французов во время вторжения Гарнье. Более того, в качестве противодействия французской угрозе он еще

---

[1] Письмо приведено полностью в книге Нормана (C. B. Norman, Tonkin or France in the East, London, 1884, p. 142—143). Краткий очерк этого периода дан у Масперо (Georges Maspero (ed.), L'Indochine, Paris et Bruxelles, 1930, vol. I, p. 150—153; vol. II, p. 1—15).

[2] По-вьетнамски Да-нанг. — *Прим. ред.*

более сблизился с Китаем, вновь заявив о своей вассальной зависимости и попросив снова признать его своим вассалом.

Тем временем после окончательного поражения Пантэйского восстания в Юньнани новые орды беженцев, изгнанные китайской армией, вливались в ряды мятежников в соседних государствах. От их грабежей страдали лаосские государства так же, как и Тонкин. Кроме профессиональных пиратов среди мятежников находились «Черные флаги», «Желтые флаги» и «Красные флаги». Они совершенно не считались со статьей договора 1874 года, устанавливавшей свободу судоходства по Красной реке. К этой сумятице добавилось восстание против императора из династии Нгюенов, инспирированное приверженцами старинной династии Ле, правившей до 1804 года. Сам Ты-Дык вел двойную игру, поощряя, с одной стороны, отряды пиратов как противодействие французам, а с другой — прося китайской помощи для их подавления, втайне надеясь, что, если Франция будет продолжать продвижение, она окажется втянутой в конфликт и с теми и с другими.

Французы отлично сознавали, что любая попытка аннексировать оставшуюся часть Вьетнамской империи вызовет сильное противодействие Китая. Они чувствовали также, что у Пекина вызовет негодование содержащийся в договоре Филастра пункт об открытии Красной реки для европейской торговли, как нарушающий договор, заключенный в Тяньцзине (1858). Поэтому французскому послу в Пекине были даны инструкции сделать все возможное, чтобы усыпить подозрения китайского правительства. Но, когда пришли известия об убийстве англичанина Маргери, пытавшегося воспользоваться торговыми путями из Бирмы через Юньнань, Франция решила сделать все, чтобы добиться признания договора 1874 года. Она пришла к заключению, что Великобритания использует убийство как средство заставить Пекин открыть Юньнань для британской торговли через Бирму.

Позиция Франции по отношению к Китаю стала еще более непримиримой, когда в 1876 году она узнала, что Ты-Дык, даже не поставив Францию в известность, направил миссию в Пекин с традиционной данью, выплачиваемой раз в три года. Несколько раньше, когда французский посол просил пекинское правительство отозвать войска из Тонкина, последнее обещало сделать это, но в таких выражениях, которые ясно показывали, что оно считает Вьетнам своим вассалом и совершенно независимым от Франции. Дело было в том, что Франция, несмотря на провозглашение независимости Ты-Дыка согласно договору Филастра, пыталась доказать, что действительным результатом этого документа должен был явиться переход протектората над Вьетнамом от Пекина к Парижу. Однако представители Франции на местах отлично сознавали, что любой шаг в этом направлении вызовет открытый разрыв с Китаем.

Но с беспорядками в Тонкине необходимо было покончить, а без посторонней помощи Ты-Дык был не в состоянии разбить мятежников. Он еще раз обратился к Китаю за помощью, которая и была предоставлена. Затем в 1880 году пекинское правительство публично еще раз заявило о позиции Китая в этом вопросе. Оно объявило, что мятежникам в Тонкине нанесли поражение войска, посланные Китаем на помощь своему вассалу Ты-Дыку, инвеститура которому была пожалована императором Китая. В ответ на это Ты-Дык направил миссию, чтобы выразить свою огромную благодарность императору.

В то время министром иностранных дел Франции был де Фрейсине. Он был сторонником новой экспансионистской политики, которая выражалась в невиданном до тех пор наступлении европейского империализма и в превращении громадных территорий в колониальные империи великих держав. Насколько он понимал, Франция стояла перед выбором: либо вовсе уйти из Тонкина, либо продолжать аннексию. Де Фрейсине был полон решимости восстановить господство Франции на Востоке при помощи оружия. Франция быстро оправлялась от удара, нанесенного ей Бисмарком. В июле 1881 года обе палаты ее парламента высказались за предоставление кредитов, необходимых для возобновления военных операций в Тонкине.

Французское наступление началось в следующем году. Трудности, с которыми французы сталкивались в Тонкине, возрастали так быстро, что они имели отличный предлог для вооруженного вмешательства. Ссылаясь на то, что действия мятежников угрожают безопасности французских подданных в Ханое, французские власти послали капитана Анри Ривьера с экспедиционными войсками, чтобы развернуть действие против отрядов «Черных флагов», наводнивших район Красной реки. Действительной целью его похода было начать снова завоевание Тонкина, что пытался сделать в предыдущий период Франси Гарнье.

Ривьер захватил Ханой в апреле 1882 года и Нам-динь — в марте следующего года. Но грозные «Черные флаги», нанятые Ты-Дыком, снова начали осаду Ханоя, и снова командир французов был убит во время вылазки. В то время премьер-министром Франции стал Жюль Ферри — главный выразитель взглядов партии колониалистов. Он решил, что нужно не только завоевать Тонкин, но и поставить под контроль двор Хюэ. На Восток были направлены мощные экспедиционные силы, генерал Буэ был послан возглавить войска в Ханое, а адмирал Курбэ был назначен командующим флотом. Коллегу Гарнье д-ра Армана уполномочили создать административный аппарат протектората, который должен был быть установлен над Аннамом и Тонкином.

«Черные флаги» настолько плотно обложили Ханой, что Буэ по прибытии туда ничего не оставалось делать, как обороняться вплоть до прихода флота Курбэ. 18 августа 1883 года Курбэ появился перед входом в реку Хюэ и начал наступление на форты, защищающие город. Французы были беспощадны, и защита фортов стоила вьетнамцам таких страшных потерь, что вьетнамский премьер-министр лично явился на переговоры в качестве парламентария. Выяснилось, что Ты-Дык скончался месяц назад и после его смерти наступил династический кризис. Принц Унг-Тян, которого он назначил своим преемником, был лишен трона регентским советом уже после трех дней правления и заменен принцем Хонг-Датом, который был возведен 30 июля на трон как император Хиеп-Хоа.

Было заключено перемирие, по которому все военные суда и форты в окрестностях Хюэ передавались французам и предусматривалось немедленное составление проекта нового договора. Несколько дней спустя, 25 августа, этот документ был подписан Хиеп-Хоа и Арманом, выступавшим от имени Франции. По условиям перемирия Вьетнам признавал французский протекторат и передавал Франции контроль над своими внешними сношениями. Кроме того, во все главные города назначались французские резиденты с необходимыми гарнизонами, чтобы осуществлять повсюду юрисдикцию над вьетнамскими властями. Французы занимали форты на реке Хюэ и все форты, которые они считали необходимым занять для сохранения мира в Тонкине. Таможенная служба передавалась французской администрации. Все вьетнамские войска, находившиеся в Тонкине, немедленно отзывались, а Франция брала на себя обязанность открыть Красную реку для торговли, покончить с восстанием и пиратством и отразить любую иностранную агрессию. Вьетнам передал Франции провинцию Бинь-тхуан, граничащую с Кохинхиной, все свои военные корабли и согласился выплатить контрибуцию, покрывающую стоимость французской оккупации. До выплаты контрибуции Франция должна была получать все доходы от таможенных сборов.

Первым результатом этих действий был официальный протест со стороны Китая. Китайцы заявили, что ни один договор с Вьетнамом не действителен без одобрения пекинского правительства. Однако Кэ д'Орсэ не придало этому заявлению никакого внимания. На Восток были спешно посланы подкрепления, а генералу Буэ приказали действовать энергичнее. Китай ответил на это столь же решительно, послав войска из Юньнани на вьетнамские базы в Шон-тэй и Бак-нинь и распределив в Европе и Америке заказы на военные корабли и боеприпасы. После этого генерал Буэ продвинулся в направлении Шон-тэя до самого Паллена, который он захватил, изгнав китайские и вьетнамские войска, но дальше продвинуться не смог из-за затоплений, вызванных против-

ником. И хотя против него выступали регулярные части, он был склонен считать их мятежниками и поэтому казнил всех пленников.

В то время как события развивались таким образом, Буэ неожиданно, не предупредив никого, выехал во Францию. Официальное заявление гласило, что он отправился с докладом о положении в Тонкине. Позднее выяснилось, что он поссорился с Арманом — гражданским комиссаром. Руководство операциями было передано адмиралу Курбэ, и в декабре 1883 года он отобрал у китайцев Шон-тэй. Вскоре начали прибывать подкрепления, и три генерала— Мийо, де Нэгрие и Бриэр де Лиль — приняли на себя командование отдельными колоннами, когда бои переместились в глубь страны. Бак-нинь был взят в марте 1884 года, а вскоре после этого — Тхай-нгюен. Затем одна колонна очистила район Черной реки, а другая в июне завладела Тюен-куангом.

В том же самом месяце был подписан новый договор с правительством Хюэ, который в некоторой степени смягчил суровые условия договора, заключенного Арманом. Например, провинция Бинь-тхуан, которая была присоединена к Кохинхине, была возвращена Аннаму. Сам Аннам остался протекторатом, но Франции было предоставлено право подвергнуть военной оккупации любой район Аннама. Управление Тонкином стало обязанностью Франции — императору оставили лишь право номинального сюзеренитета. Однако северные провинции Аннама, которые были присоединены к Тонкину по договору Армана, теперь возвращались Аннаму.

Тем временем наряду с серьезной борьбой, которую они вели в Тонкине, и серьезными волнениями в Аннаме французы оказались вовлеченными в необъявленную войну с Китаем. Захват важных городов Шон-тэя и Бак-ниня, где стояли китайские гарнизоны, рассматривался Китаем как акт войны. Однако Ли Хун-чжан и мирная партия в Пекине предприняли попытку прийти к соглашению. Командующий французским флотом Фурнье, личный друг китайского государственного деятеля Ли Хун-чжана, встретился с ним в Пекине 11 мая 1884 года. Они подписали проект конвенции. Франция обязалась гарантировать южную границу Китая, а в случае необходимости защищать ее; Китай в свою очередь обязался вывести свои войска из Тонкина.

Конвенция не удовлетворила ни одну из сторон. Министерство иностранных дел Китая хотело сохранить сюзеренитет Китая над Вьетнамом и закрыть границы Юньнани для французской торговли. Положение усугублялось тем, что произошел спор о дате эвакуации китайских войск, и командующий французскими войсками в районе Лонг-шона полковник Дюжон столкнулся с китайскими войсками в Бак-ле и потерпел серьезное поражение. Таким образом, война возобновилась. Генерал де Нэгрие развернул военные действия против китайцев в районе Лонг-шона и после продолжительного упорного сражения 13 февраля 1885 года занял эту местность.

Адмирал Курбэ после безуспешной атаки на порт Цзилун на северном побережье Формозы (Тайваня) отплыл к Фучжоу, где он разбил находящийся там китайский флот и разрушил новый арсенал. Вернувшись затем, чтобы блокировать Формозу, он предпринимал наступление за наступлением на форты Цзилуна, пока, наконец, в марте 1885 года не захватил его. Вскоре после этого он занял Пескадорские острова.

К тому времени обе стороны были совершенно утомлены войной. Французы, втянутые в изнурительную партизанскую войну с «Черными флагами», стали добиваться некоторых успехов. Однако 28 марта 1885 года их войска в Лонг-шоне потерпели страшное поражение от китайцев. Генерал де Нэгрие был атакован и ранен во время кавалерийской разведки пригородной местности. Его заместитель капитан Эрбинжэ, приняв командование, решил оставить Лонг-шон. Его войска поддались панике, побросали все обозы и оружие и бежали в горы.

Сообщение об этом поражении, переданное по телеграфу в Париж, вызвало такой ужас, что 31 марта под натиском Клемансо кабинет Жюля Ферри пал. Почти в то же самое время переговоры, которые уже велись между Китаем и Францией, закончились подписанием мирного протокола. 9 июня, после

того как были согласованы детали урегулирования между Ли Хун-чжаном и Патенотром, французским послом в Пекине, был подписан Тяньцзинский договор. По иронии судьбы новое соглашение было почти идентичным соглашению, достигнутому годом раньше между Ли Хун-чжаном и Фурнье. Франция вернула Китаю Формозу и Пескадорские острова.

В продолжение всего периода после смерти Ты-Дыка в июле 1883 года двор Хюэ переживал постоянные кризисы. Хиеп-Хоа, подписавший под угрозой оружия договор с Арманом, был убит патриотами в ноябре того же года. Ему наследовал Киен-Фук, правивший до июля 1884 года, когда он был свергнут и заменен Хам-Нги. В июле следующего года во дворце произошли новые волнения, и Хам-Нги бежал в Лаос. После этого вмешались французы и посадили на трон своего ставленника Донг-Кханя. Они заключили с ним конвенцию, по условиям которой они назначали своих резидентов во все провинции Аннама. В январе 1886 года этот процесс установления французского господства достиг новой стадии: были назначены два *особых резидента*, один в Тонкин и второй в Аннам, которые подчинялись генеральному резиденту. В следующем месяце был создан общий для обеих стран институт гражданских резидентов.

Подобный же процесс закабаления происходил и в Камбодже. Губернатор Кохинхины Томпсон использовал злоупотребления мандаринов в качестве предлога для навязывания королю Нородому конвенции, по которой последний согласился провести такие реформы в управлении своего королевства, которые французы сочтут необходимыми. Ему разрешили устраивать дворцовые церемонии и сохранили другие прерогативы, но он должен был передать действительное управление государством французскому *верховному резиденту*, который мог игнорировать собрание министров, если находил нужным. В дополнение к этому в каждую провинцию королевства назначался резидент, в задачу которого входило наблюдение за всей иерархией местных чиновников и советов, составлявших его административный аппарат.

Соглашение было подписано в июне 1884 года. Оно создало новые трудности в тот момент, когда Франция имела их повсюду достаточно. Население подняло восстание под руководством принца королевской семьи Си Ватта. Оно было очень недовольно тем, что королю уже навязали ряд конвенций, касающихся перевозки оружия, отмены подушной подати на вьетнамцев и введения налогов на опиум и алкогольные напитки. Они были полны решимости не допускать создания иерархии новых чиновников. Вооруженные отряды прорвали границу в нескольких местах и вырезали кохинхинские войска, предназначенные для охраны резидентов. Восстание, начавшееся в январе 1885 года, продолжалось 18 месяцев и принесло тяжелые потери французам. Затем началась охота за Си Ваттой, которая продолжалась до 1892 года, пока он не исчерпал все свои ресурсы и не капитулировал.

В разгар этого восстания французы, установившие свою власть в Кохинхине, переживали критический период. Французские войска в Кохинхине были серьезно ослаблены тем, что часть их была отослана для несения службы в Тонкине, а оставшаяся постоянно отвлекалась в Камбоджу в связи с происходившими там событиями. Кохинхина оказалась под угрозой вторжения вооруженных отрядов мятежников, сосредоточившихся в аннамской провинции Биньтхуан. И вот в самый тяжелый момент, когда власти располагали в городе всего лишь тремястами солдатами, началось восстание и в Сайгоне. Когда оно было подавлено, губернатор обратился к местным добровольцам создать войска для вторжения в Бинь-тхуан и Фу-йен. В ответ на этот призыв тонг-док[1] Чан-ба-Лок, который был настроен лояльно по отношению к французскому режиму, выступил из Сайгона в июле 1896 года во главе отряда партизан, к которому присоединилась группа регулярных войск, и нагнал на обе провинции такого страху, что они были «полностью умиротворены». Его безжалостное обращение с восставшими помнили долго. В новой Французской империи волнения и восстания стали постоянными факторами в течение многих лет. К 1895 году Тонкин

[1] Генерал-губернатор провинции.—*Прим. ред.*

не был полностью «умиротворен», недовольные элементы Тонкина обрели грозного руководителя в лице Де-Тхама, который явился как бы острой занозой в теле французов.

Административное устройство было завершено декретами, изданными в октябре 1887 года. Они передавали протектораты Аннам и Тонкин под управление министра по делам флота и колоний Франции и объединяли Камбоджу, Кохинхину, Аннам и Тонкин в *Индокитайский Союз*. Высшее управление Союзом было возложено на гражданского генерал-губернатора и было разделено на пять департаментов, возглавляемых соответственно *главнокомандующим сухопутными силами*, *главнокомандующим флотом*, *генеральным секретарем*, *начальником юридической службы*, *директором таможенной службы*. Находившаяся под непосредственной властью генерал-губернатора Кохинхина управлялась губернатором; Аннамом и Тонкином управлял генеральный резидент; Камбоджей — другой генеральный резидент. Каждая из этих территориальных единиц сохраняла автономную организацию и имела собственный бюджет.

ГЛАВА XXXVI

СИАМ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МОНКУТА И ЧУЛАЛОНГКОРНА (1851—1910)

В 1824 году после смерти Рамы II единственным правомочным наследником престола был Монкут. Однако в то время он был буддийским монахом, и трон захватил его старший брат, провозгласивший себя королем Рамой III. Тогда Монкуту было двадцать лет и он не был искушен в государственных делах. Первоначально он пошел в монахи лишь на короткий срок, как обычно делали все молодые люди, затем решил остаться монахом, и в конце концов ему было присвоено духовное звание *санкарет бавараниват.* Еще в первые годы своего монашества он стал широко известен благодаря знанию буддийских священных текстов, а позже — благодаря созданию реформаторской секты Дхамаютика. Вскоре Монкут расширил круг своих познаний, изучая с помощью ученого французского миссионера епископа Паллегуа латынь, математику, астрономию, а также английский язык у американских миссионеров Кэзуэлла, Брэдли и Хауза. Английский язык, который стал его вторым языком, он изучал с энтузиазмом. Король Монкут подписывал все государственные бумаги не иначе, как используя романский алфавит. А его письма, написанные в беглой, не считающейся с грамматикой манере, восхитительны. «Мой любезный друг,— писал он английскому послу Джону Боурингу, прибывшему в Бангкок в 1855 году для ведения переговоров о заключении договора,— мне доставило сегодня огромное удовольствие известие о прибытии сюда Вашего Высочества... Пожалуйста, примите наше уважение, оказываемое в соответствии с сиамскими обычаями. Резиденция Вашего Высочества уже приготовлена. Мы давно готовы принять Ваше Высочество»[1].

Эти годы учения дали Монкуту то, чего ранее не имел ни один король Сиама,— возможность выйти за пределы граничащей с заключением жизни в королевском дворце. Когда он был монахом, то во время своих странствий и проповедей он встречал различных людей, живших в различных условиях, а от своих европейских учителей и из книг — а он был страстным читателем — Монкут получал сведения о чужих странах и международных отношениях, что позже принесло ему и его стране огромную пользу. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что Монкуту, более чем кому-либо, Сиам обязан сохранением своей независимости, в то время как к концу XIX века все прочие государства Юго-Восточной Азии попали под контроль европейцев. Ибо он почти единственный среди своего народа ясно понял, что если под давлением европейцев даже Китай не смог сохранить своей изоляции, то Сиам должен прийти к соглашению с угрожающими ему извне силами и приспособиться к новому миру, перед которым азиатский консерватизм оказался устарелым и неэффективным.

У короля Нанклао были сыновья, и он хотел, чтобы ему наследовал его старший сын. Но уже тогда, когда король лежал на смертном одре, собрание первых принцев королевской семьи и высоких чиновников королевства при-

[1] Факсимиле этого письма приложено к I части книги Боуринга «The Kingdom and People of Siam», London, 1857, vol. I.

гласило на трон Монкута. После некоторого колебания Монкут согласился, но с условием, чтобы его брат, принц Итсарат Рангсан, был назначен вторым королем. Принц Итсарат, который прекрасно владел английским языком и имел дом, выстроенный и обставленный в европейском стиле, никогда не играл видной роли в государственных делах, но в качестве советника правительства он имел большое влияние. Он отличался от брата более передовыми взглядами и обладал не менее острым умом.

Внедрение западных идей и методов, даже в ограниченных масштабах, вызвало двойной конфликт: один — между королем и правящими кругами, а другой — в самом короле, в котором западные прогрессивные идеи не вязались с восточным консерватизмом, делая его очень противоречивой фигурой.

Рама IV (Монкут), король Сиама.

Его портрет, принадлежащий г-же Леоновенс, состоявшей с 1862 года гувернанткой при детях короля, дает некоторое представление об этой противоречивой личности, хотя, описывая личную жизнь короля, Леоновенс руководствовалась больше воображением, нежели проницательностью[1]. В памяти сиамцев наших дней он, конечно, не является ни мстительным или жестоким человеком, ни необоснованно подозрительным. На фоне своего народа он более чем на голову возвышался в моральном и интеллектуальном отношении над современной ему сиамской аристократией. Можно без преувеличения сказать, что Монкут стоит в первых рядах среди благожелательных деспотов мира.

Заключив в 1855 году договор о дружбе и торговле с Великобританией[2], Монкут распахнул двери Сиама для проникновения европейского влияния. В обиде на оказанный им прием как «раджа» Брук, так и американские послы, которым не удалось договориться с Пра Нанклао, давали глупые советы, пола-

[1] L e o n o w e n s, An English Governess at the Court of Siam, Boston, USA, 1870. Основанная на работе Леоновенс книга Маргариты Ландон «Anna and the King of Siam» еще более несправедлива к Монкуту. Наиболее правильную оценку дал ему Малькольм Смит в своей книге «A Physician at the Court of Siam», London, 1946.

[2] В действительности это был первый договор о предоставлении европейцам права экстерриториальности, положивший начало превращению Сиама в полуколонию капиталистических держав.—*Прим. ред.*

гая, что Сиам может уступить только перед лицом военной демонстрации. Интересным штрихом в этом отношении является тот факт, что во время переговоров короля с Джоном Боурингом основным препятствием на пути к соглашению было опасение Монкута, как бы соперник Сиама Вьетнам не подумал, что соглашение было подписано под английской угрозой. Задача Боуринга облегчалась тем простым обстоятельством, что полномочия были возложены на него королевой Викторией, подписью которой были скреплены все его документы. Но огромное значение сыграло и то, что он любил и уважал сиамцев и завоевал личную симпатию короля. Самое же главное заключалось в том, что сам Монкут стремился к дружбе с Великобританией.

На заключение этого договора, содержавшего наиболее значительные из всех когда-либо предоставлявшихся Сиамом любой иностранной державе уступки, ушло менее месяца. Монкут ограничил пошлину на ввозимые английскими купцами товары тремя процентами от стоимости, разрешил беспошлинный ввоз опиума, но обусловил его необходимыми ограничениями и установил, что экспортируемые товары должны облагаться пошлиной в соответствии с согласованной шкалой. Английским подданным разрешалось покупать или арендовать землю около Бангкока, причем они не должны были облагаться никакими дополнительными сборами, за исключением случаев, когда на то будет дана санкция как верховных властей Сиама, то есть короля и второго короля, так и английского консула.

Боуринг утверждал, что условия этого договора «произвели целую революцию во всем финансовом механизме правительства». Исходя из того, что этот договор затрагивал значительную часть существовавших тогда источников государственного дохода, Боуринг полагал, что он должен был привести к полному изменению всей системы налогообложения и искоренить большое число старинных привилегий, а также монополий, которыми пользовались в государстве наиболее влиятельные представители знати и высшего чиновничества. Как Монкут, так и его преемник Чулалонгкорн честно выполняли договор.

Другой крупной уступкой было введение экстерриториальности для английских подданных. Договор устанавливал, что в Бангкоке будет находиться резиденция английского консула, который должен будет осуществлять гражданскую и уголовную юрисдикцию над всеми английскими подданными в Сиаме. Иначе говоря, англичане, таким образом, становились независимыми от сиамских судов и ответственными только перед консулом. Это не было новшеством в отношениях Сиама с европейскими державами. В XVII веке голландцы добились такой же уступки у короля Нарая, хотя и не на тех же самых условиях. Но ко времени Боуринга этот договор уже давно утратил силу. В XVII и XVIII веках, во времена господства крупных привилегированных компаний, правители стран Юго-Восточной Азии предпочитали, чтобы каждая община иностранных купцов — в том числе и китайцев — находилась под контролем старосты, с которым местный правитель мог бы непосредственно связываться по всем касавшимся их вопросам. Первоначальные колебания Монкута относительно введения системы экстерриториальности в основном были вызваны опасениями, что он не сможет контролировать консула, но Боуринг заверил короля в том, что на эту должность будет назначен лишь тот, кто будет достоин доверия Монкута.

Заключение этого договора было вехой в истории. Он быстро привлек внимание прочих держав, и в течение нескольких последующих лет Сиам заключил подобные договоры с Францией и Соединенными Штатами в 1856 году, с Данией и Ганзейским союзом — в 1858 году, с Португалией — в 1859 году, с Голландией — в 1860 году и Пруссией — в 1862 году. В 1868 году для заключения договоров с Бельгией, Италией, Норвегией и Швецией от имени Сиама был уполномочен сам Джон Боуринг. Наибольшую пользу от этого коренного изменения в политике Сиама извлекала английская торговля. Сингапур и Гонконг стали вести обширную торговлю с сиамскими портами. Английская Бомбей-Бирманская торговая корпорация обеспечила себе преобладающую часть тиковых разработок в лесах северного Сиама. На долю английских фирм

приходилась основная масса операций иностранных деловых кругов в Бангкоке, и вскоре Великобритания оказалась обладательницей самых крупных капиталовложений в Сиаме.

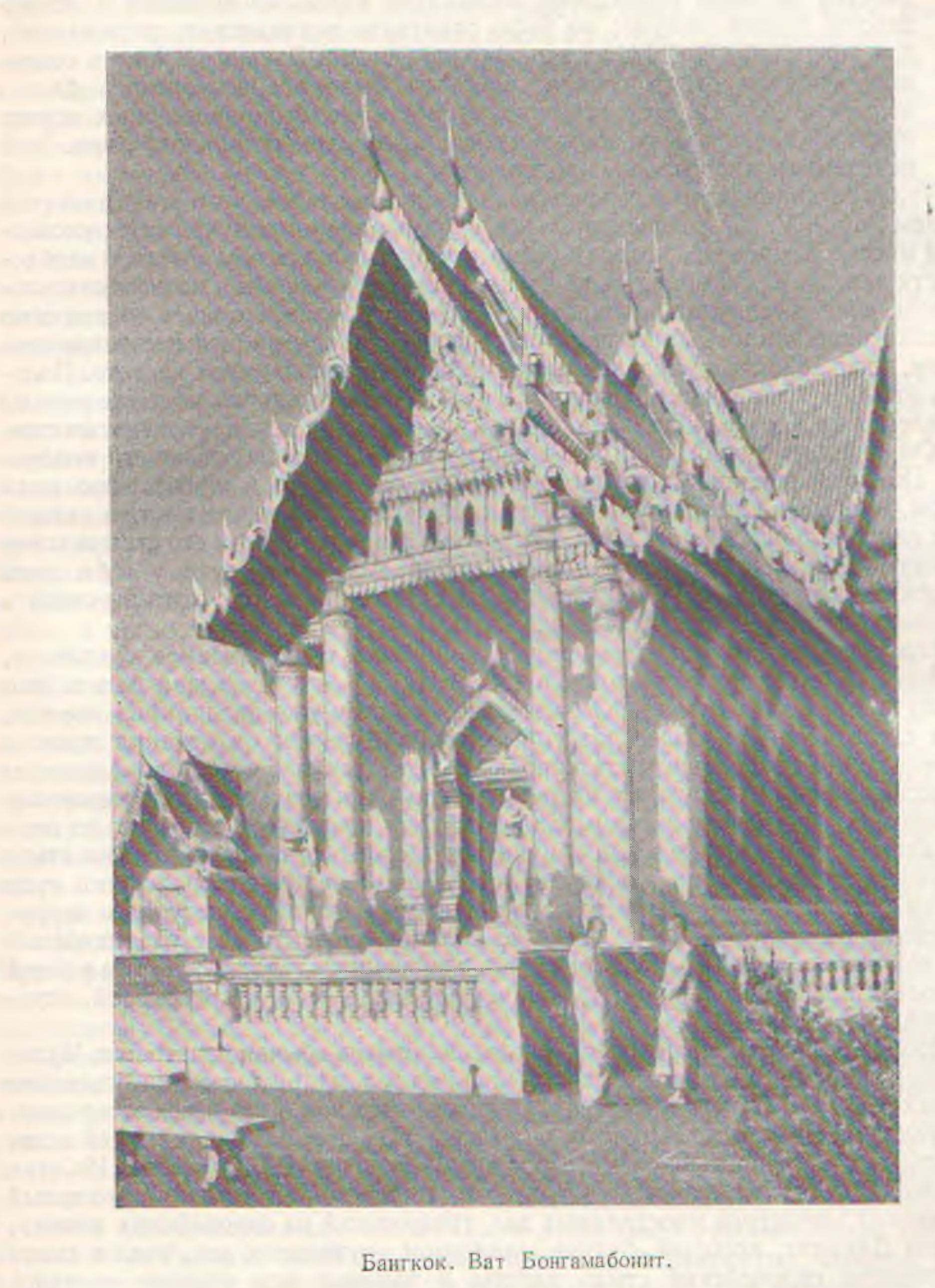
Но эти договоры, сыграв важную роль в деле внедрения в Сиам новых товаров и обеспечения новых связей, возможно, сделали меньше для модернизации страны, чем политика Монкута, направленная на привлечение европейцев к реорганизации государственного аппарата. Иностранцы прибывали в качестве советников или учителей, но ввиду отсутствия специально подготовленных лиц из местного населения или таких, которые имели бы достаточный административный опыт, многие из них стали возглавлять департаменты. В этом отношении Чулалонгкорн пошел даже дальше своего отца. Большинство из его советников были англичане, ибо благодаря опыту, полученному ими в Индии и Бирме, они подходили для работы в условиях Сиама. Но он также назначал советниками бельгийцев и датчан. Генеральным советником Чулалонгкорна, руководившим осуществлением большинства его реформ, был известный бельгийский юрист Ролен-Жекёмин, занимавший ранее в Брюсселе пост министра внутренних дел. Одним из наиболее способных служащих был датчанин, возглавлявший жандармерию провинций. Ведавший военным кадетским училищем итальянец майор Джерини достиг известности благодаря научному вкладу в историю и археологию Сиама, а позже в связи с тем, что первым изучил ту часть «Географии» Птоломея, которая относилась к Юго-Восточной Азии.

Отношения Монкута с Францией первоначально были сердечными, и в 1856 году послу Наполеона III был оказан блестящий прием в Бангкоке. Французские миссионеры пользовались большой свободой в деле строительства школ, семинарий и церквей, между тем как король и его двор оставались пламенными буддистами. Но французская торговля не смогла добиться больших успехов, столкнувшись с конкуренцией англичан. А когда Франция приступила к захвату Кохинхины и ее интересы столкнулись с интересами Сиама в Камбодже, то Монкут стал проявлять большое беспокойство. Договор 1867 года, согласно которому Сиам отказывался от претензий на Камбоджу взамен признания Францией его прав на старые камбоджийские провинции Баттамбанг и Сиемреап, а также исследование французами районов среднего и верхнего течения Меконга лишь усилили его подозрения насчет экспансионистских намерений Наполеона III и укрепляли его намерение сблизиться с Великобританией.

Страстное увлечение наукой явилось причиной смерти Монкута в 1868 году. 18 августа этого года ожидалось полное солнечное затмение. Поскольку затмение можно было наблюдать с побережья Сиама, французская научная экспедиция выбрала для этой цели Самройот на берегу Сиамского залива, в 140 милях к югу от Бангкока. Монкут приложил все усилия для обеспечения успеха экспедиции, приказав расчистить местность от джунглей и соорудить дома для своих гостей и для себя. По специальному приглашению короля для наблюдения за затмением прибыл губернатор Стрейтс-Сетлментса Гарри Орд с супругой, а также все европейцы из Бангкока. Как полагал Монкут, это был замечательный случай показать его подданным важность науки. Все шло хорошо. Погода благоприятствовала наблюдению затмения. Радости короля не было границ. Но кругом были малярийные места, поэтому, едва возвратившись домой, король слег от лихорадки. В следующем месяце он скончался.

Монкут содействовал прорытию каналов, строительству дорог, развитию судостроения и особенно изучению иностранных языков. Он создал во дворце монетный двор и с 1861 года стал чеканить плоскую монету вместо бывших ранее в обращении пулевидных кусков золота и серебра. Было ли совпадением, что годом раньше в Бирме Миндон тоже начал чеканить плоскую монету? Монкут покровительствовал печатному делу, введенному христианскими миссионерами, воздвигал здания в европейском стиле и приступил к реорганизации армии.

Но еще предстояло многое сделать. В 1868 году Сиам все еще являлся отсталой восточной страной и в целом еще не был готов к таким стремительным переменам, к которым неизбежно вело восприятие европейских методов организа-



Бангкок. Ват Бонгамабонит.

ции в различных отраслях государственного аппарата. Положение, в котором оказался Чулалонгкорн, было охарактеризовано следующим образом:

> «Не было ни определенного кодекса законов, ни какой-либо системы общего образования, ни надлежащего контроля над государственными доходами и финансами, ни почтовой и телеграфной службы. Долговое рабство не было упразднено полностью; плохо проводились в жизнь законы против опиума; не было санитарно-медицинских учреждений, для того чтобы следить за здравоохранением в Бангкоке. Армия современного типа отсутствовала; вовсе не было военно-морского флота; железные дороги отсутствовали, и почти не было шоссейных дорог. Местный календарь не соответствовал календарю остального мира. Этот перечень можно было бы продолжить»[1].

Чулалонгкорну было всего шестнадцать лет, когда умер его отец, и он стал королем Рамой V. Свое первоначальное образование он получил под руководством миссис Леоновенс, которая беспрестанно внушала ему мысль о необходимости для Сиама реформ. Позже Чулалонгкорн был передан на исключительное попечение наставника англичанина Роберта Морана. Но из-за смерти отца это положение длилось лишь полтора года. Поскольку он был несовершеннолетним, то до 1873 года управление страной находилось в руках регента. Пользуясь этим, Чулалонгкорн предпринял путешествие и изучал на месте методы управления на Яве и в Индии. Эта поездка произвела на него глубокое впечатление. Он вернулся домой куда более просвещенным, чем любой из его подданных. По возвращении Чулалонгкорн сразу приступил к проведению ряда реформ, которые в дальнейшем привели к глубоким изменениям почти в каждой сфере национальной жизни Сиама. Он ясно понимал, что, если его страна хочет сохранить независимость, она волей-неволей должна навести у себя дома порядок в соответствии с европейскими представлениями или хотя бы создать видимость, что стремится к этому.

Его первым шагом в этом направлении было торжественное заявление, сделанное им во время коронации в 1873 году, об отмене обычая падать ниц в присутствии особы короля. Как известно, его отец уже предпринял кое-что, чтобы сделать короля более доступным для населения: он отменил древнее правило, запрещавшее смотреть королю в лицо или наблюдать королевскую процессию. Рама III отлучался из дворца лишь один раз в год для совершения церемониальных визитов в храмы Бангкока. Эту поездку он совершал по реке и каналам, а народ должен был запираться в своих домах и не показываться на улице, причем с пути движения королевской ладьи убирались все суда и лодки. Чулалонгкорн же часто разъезжал среди народа и вступал в непринужденные беседы. Однако он вовсе не пытался избавиться от традиционной гаремной жизни, которая изолировала его в священном городке женщин и детей и раболепствующих придворных, с присущей этому мирку атмосферой, отравленной духом зависти.

Проводя свои ранние реформы, такие, как отмена обычая падать ниц, Чулалонгкорн исходил из сознания, что имеется ряд зол, дальнейшее существование которых было бы не в его интересах. Одним из этих зол было невежество представителей аристократии. Поэтому он заставил их посылать своих детей в две открытые им во дворце школы с европейской программой обучения. Из этих школ вышла горстка выдающихся людей, таких, как принц Девавонг — первый из сиамских министров иностранных дел, говоривший на европейских языках, и принц Дамронг, который, будучи министром внутренних дел, ввел в своем министерстве европейский стиль работы и изменил всю систему местного управления.

Другим нетерпимым злом было рабство. Несмотря на то, что рабство в Сиаме не было столь жестоким, как на плантациях Америки, и регулировалось принципами законов Ману, отмена его имела существенное значение в процессе преобразований. Еще при Монкуте был установлен ряд правил, направленных

---

[1] Malcolm Smith, op. cit., p. 85—86.

на смягчение участи рабов. Но Чулалонгкорн нанес сильный удар по основам рабства: в 1874 году он издал указ, согласно которому впредь никто не мог считаться рабом от рождения и продажа кем-нибудь себя в рабство за долги считалась противозаконной. Однако еще многое предстояло сделать для того, чтобы искоренить рабство и предотвратить возможность появления его под другим названием. Основной причиной рабства были азартные игры, поэтому указ 1874 года возымел действие лишь после того, как были запрещены игорные дома и ограничена деятельность ростовщиков. А это случилось только в XX веке.

Одновременно с отменой рабства исчезла принудительная служба категорий населения *праи* и *суи* в армии и полиции, а также барщина в пользу короны. Это явилось результатом реформы системы военной службы и введения новых форм налогообложения, которые в корне изменили их жизнь. В перспективе результаты этих мероприятий оказались замечательными, особенно в сравнении с положением в двух соседних с Сиамом странах — французском Индокитае и английской Бирме. Крестьянство Сиама, по словам Кэмпбелла, стало «крепким и независимым классом, свободным от древнего рабства, владеющим своей собственной землей, помещающим свои деньги в сберегательные кассы и на деле завоевавшим прочное положение в стране»[1].

Из-за коррупции и спекуляции, процветавших среди должностных лиц, Сиам прослыл одной из наиболее плохо управляемых стран в мире. Самой неотложной задачей было упорядочение финансов страны. А она состояла не в том, чтобы просто направить в государственную казну те деньги, которые текли в карманы чиновников-вымогателей, а в установлении контроля над расходами, создании налаженной системы ревизии и отчетности и реорганизации таможенной системы и системы внутренних источников государственных доходов. Однако центральная власть долгое время не могла разрешить эту задачу, пока в 1896 году английское правительство не послало в Сиам финансового советника, а после него — бывшего генерального бухгалтера Бирмы.

Но даже при этих условиях первый бюджет Сиама был опубликован лишь в 1901 году. Было подсчитано, что до реорганизации фискальной системы в Сиаме ежегодно налогосборщики и откупщики выжимали из народа от пяти до шести миллионов фунтов стерлингов, но из этой суммы до государственной казны доходило лишь 1,2 миллиона фунтов стерлингов. Особенно широко распространенным средством наживы был сбор налога без выдачи расписок, в результате чего налог мог насильственно взиматься по нескольку раз. Но в 1902 году Дж. Г. Д. Кэмпбелл имел основание писать, что даже злейшие враги Сиама признают, что достижения в области сбора налогов огромны и что в результате этого народ «живет несравненно лучше», чем десять лет назад[2].

Необходимо было улучшить также и систему управления провинциями. При прежней системе провинции пользовались значительной автономией, и если провинциальный губернатор регулярно отчислял центральной власти причитающуюся ей долю доходов, то от него больше ничего не требовалось. Огромным злом были отдача на откуп сбора налогов и феодальных привилегий, особенно в отношении принудительного труда, и вообще неэффективность управления. С точки зрения европейца, вопиющими были и нарушения правосудия. Поэтому в 1892 году вся система государственного управления была централизована под началом министерства внутренних дел, а прежняя практика отдачи сбора налогов на откуп была практически заменена во всех случаях системой непосредственного сбора. После этого было реформировано местное управление. Реформа была осуществлена принцем Дамронгом, который ввел в Сиаме систему, установленную англичанами в Бирме. Все королевство было разбито на восемнадцать *монтонов*, возглавляемых резидентами — верховными комиссарами. *Монтоны* подразделялись на провинции, деревни и хутора. Во главе каждого хутора, в котором проживало около двадцати семей, стоял старейшина. Старейшины на сходке выбирали старосту всей деревни.

---

[1] J. G. D. Campbell, Siam in the Twentieth Century, London, 1902.
[2] Там же, стр. 180.

Реорганизация судебной системы в основном была делом рук Ролен-Жекёмина, который пригласил в страну в помощь местным судьям ряд бельгийских юристов. Умелым помощником в этом деле оказался принц Раби, занимавший пост министра юстиции. Раби был одним из тех сотен молодых людей, которых Чулалонгкорн направил за границу для изучения методов, принятых на Западе. Образование он получил в Англии, где закончил Оксфордский университет. Одним из его достижений на посту министра было создание юридической школы для подготовки юристов из числа местного населения, ибо непосредственным результатом изменения судебной системы должна была явиться передача основных позиций в ней иностранцам. Дальнейшим шагом в области юридических преобразований была реформа системы тюремного заключения и модернизация полицейской службы. Для проведения реорганизации полиции в Сиам прибыли офицеры, набранные из личного состава имперской полицейской службы в Индии и Бирме.

Водные пути были основным видом транспорта в Сиаме; правители, желавшие улучшить пути сообщения, концентрировали свое внимание на прорытии каналов, а не на постройке дорог. Деревни строились на берегах водных путей. Провинциальные города представляли собой просто более крупные селения с множеством плавучих домов, разбросанные на лабиринте водных путей. В тот период, когда на трон вступил Чулалонгкорн, в Бангкоке почти не было улиц — его называли Венецией Востока. Лучшими дорогами считались обычные проселочные дороги, пригодные лишь во время сухого сезона, или горные дороги для вьючного транспорта. В таких условиях было еще далеко до железных дорог. Чулалонгкорн впервые осознал значение железных дорог в связи с попытками англичан проложить путь из Бирмы в Западный Китай. Однако строительство первой железнодорожной линии в Сиаме было завершено лишь в 1893 году. Она протянулась на шестнадцать миль от Бангкока до Пакнама. Эта дорога была построена благодаря частному предпринимательству, правда, при значительной финансовой помощи со стороны короля.

Покушение Франции на восточные границы Сиама в 80—90-х годах XIX века вызвало столь сильную тревогу, что было решено построить железную дорогу стратегического значения от Бангкока до Кората. В 1892 году Чулалонгкорн сам присутствовал на открытии строительства. Для руководства прокладкой новой дороги был создан королевский департамент железных дорог. Подрядчиком выступал один англичанин, имевший опыт строительства железных дорог на Цейлоне и в Малайе. Но, к несчастью, департамент возглавлялся немцем, который ранее сам безуспешно пытался заключить контракт на строительство этой дороги. Он так часто ссорился со своим соперником англичанином, что в конце концов в 1896 году правительство расторгло контракт с англичанином и закончило строительство с помощью своих инженеров. Первый отрезок дороги — от Бангкока до древней столицы Аютии — был закончен лишь в 1897 году, а остальная часть—в конце 1900 года. Открывая дорогу, Чулалонгкорн с гордостью заявил, что считает этот день одним из наиболее счастливых в своей жизни. Следующий участок дороги—до Лопбури, в семидесяти милях к северу от Бангкока, был открыт в 1901 году. Эта северная линия железной дороги к 1909 году была постепенно доведена до Уттарадита и Саванкалока. Строительство первого участка так называемой Полуостровной железной дороги, которая в конце концов была соединена с Малайской железной дорогой и связала Бангкок с Сингапуром, было начато в 1900 году. В 1903 году дорога была доведена до Петчабури. В 1909 году Сиам заключил соглашение с правительством Малайской Федерации о продлении этой железной дороги до границы Британской Малайи.

Так же как и в Бирме, в Сиаме обучение в прошлом было полностью сосредоточено в буддийских монастырях. Первыми людьми, которые ввели светское и более передовое обучение, были миссионеры. В 1891 году принц Дамронг был послан в Европу для изучения методов обучения. После его возвращения был создан департамент образования, который позже стал министерством народного просвещения. Первоначально в его задачу входило улучшение начального обу-

чения, с которой он справился путем приспособления помещений монастырских школ для нужд светского обучения, обеспечив их оборудованием. Однако задача развития неполного среднего и среднего образования была более трудной, ибо не было учебников на тайском языке. В качестве лучшего средства для получения полного среднего образования был избран английский язык. Поэтому вначале для системы государственного среднего обучения были предусмотрены два типа школ. Первый тип—для мальчиков, завершающих свое обучение средним образованием; здесь преподавание должно было вестись на языке таи. Второй тип школ обеспечивал пятилетний курс обучения на английском языке в качестве подготовки к научному изучению той или иной отрасли знаний.

В 1899 году Сиам обратился к правительству Великобритании с просьбой прислать чиновника английской гражданской службы для реорганизации системы обучения, и министерство просвещения Англии направило на два года Дж. Г. Д. Кэмпбелла в качестве советника принца Дамронга. Однако ввиду того, что основные усилия были направлены на деятельность других департаментов, департамент образования смог добиться лишь незначительных успехов, и, когда Кэмпбелл покинул Сиам, он указывал, что система образования все еще была очень отсталой. За пределами Бангкока почти не было неполных средних и средних учебных заведений. Но даже в самом Бангкоке школ не хватало, и обучение в них велось на очень низком уровне: не хватало подготовленных учителей, а систематическое инспектирование только начинало налаживаться.

Заметный успех был достигнут благодаря созданию в 90-х годах трех государственных школ, полностью укомплектованных английскими учителями. Одна из них была женской школой — Сунандалайа. Эта школа, а также одна из мужских — Королевский колледж — являлись пансионами для детей знати. В третьей школе учились сыновья среднего сословия. Учебная программа этих школ в основном была такой же, как и в соответствующих школах Англии, причем задача состояла в том, чтобы привить в Бангкоке английскую систему государственных школ. После того как были открыты эти учебные заведения, значительное число сиамских юношей получили образование в ведущих английских школах, и в конце прошлого века среди молодого поколения появилось много энтузиастов, убежденных в том, что высшим классам населения Сиама не хватало значительной доли тех качеств, которые прививались английской системой образования, таких, как дух сплоченности, мужество, чувство чести.

Во времена Чулалонгкорна в Сиаме не было высших учебных заведений, и лишь немногие сиамцы приезжали учиться в университетах Великобритании. Однако существовали ведомственные учебные заведения для подготовки специалистов в определенных отраслях: юридическая, медицинская, землемерная школы, военное и военно-морское кадетские училища. Но еще долго Сиам оставался без технических учебных заведений и учреждений для систематического изучения искусства. Резкое улучшение в области образования наступило только после смерти Чулалонгкорна. При нем появились лишь скромные начинания и были сделаны первые робкие шаги. В монастырских школах учились только мальчики; безнадежно малые суммы, которыми располагал департамент образования, сковывали его деятельность, несмотря на то огромное рвение, которое проявляли в борьбе с невероятными трудностями два англичанина, находившиеся на постоянной службе в департаменте образования,—Р. Л. Моран (позже сэр Роберт), сменивший Леоновенс в качестве воспитателя детей короля, и У. Дж. Джонсон, реорганизовавший систему начального образования.

Привлечение столь большой группы советников-европейцев действительно было чрезвычайно важным мероприятием, но едва ли можно утверждать, что их способности и опыт были использованы максимально. Лишь немногие должностные лица из местного населения изъявляли готовность сотрудничать с ними. Всюду господствовал, как говорит Кэмпбелл, «всеобщий ужас» перед всем, что

носило характер постоянной европейской гражданской службы в стране[1]. Этот ужас был вызван опасением, что упрочение подобной службы может привести к потере независимости. Поэтому путь советника-европейца был усеян искусными препятствиями, на выдумывание которых столь способны хитрые сиамцы. Однако как в свете последующего развития, так и на фоне глубоко укоренившегося консерватизма следует признать, что достижения периода правления Чулалонгкорна поистине замечательны. И даже если отказать ему в личном рвении к преобразованиям, что несколько преувеличенно приписывают Чулалонгкорну его поклонники, факт остается фактом, что тот подлинный прогресс, который был достигнут, стал возможным лишь благодаря использованию им своей абсолютной власти.

[1] J. G. D. Campbell, Siam in the Twentieth Century, p. 172.

ГЛАВА XXXVII

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, ФРАНЦИЯ И СИАМСКИЙ ВОПРОС

а) Луан-Прабанг

Захват Францией Кохинхины привел к резким изменениям во франко-сиамских отношениях. Прежде всего он положил конец экспансии Сиама на восток. Теперь место Вьетнама в качестве конкурента Сиама на господство в Камбодже заняла Франция, которая в кратчайший срок решительно взяла верх. В 1863 году король Камбоджи Нородом, который уже признал сюзеренитет Сиама, был буквально силой принужден французами согласиться на защиту со стороны Франции. Это, как вскоре понял Нородом, было равносильно установлению полного господства французов. Четыре года спустя Сиам подписал договор с Францией, в котором он признал свершившийся факт, правда, получив в виде компенсации камбоджийские провинции Баттамбанг и Сиемреап. Попытки Сиама расширить свою территорию на юге и обеспечить себе господствующие позиции в Малайе были пресечены действиями англичан, направленными на укрепление независимости оказавшихся под угрозой княжеств. Не в пример действиям Франции в Индокитае, Великобритания не торопилась навязывать правителям малайских княжеств свою «защиту». По мере развития французской экспансии в Индокитае различие в политике этих держав, создателей империй (как могут их назвать), становилось все более очевидным. Как было правильно отмечено, «Великобритания аннексировала те территории, в которых она уже имела интересы, требовавшие защиты, в то время как Франция аннексировала такие территории, в которых она лишь *хотела* иметь интересы, требовавшие защиты, и поэтому с самого начала стремилась ликвидировать здесь возможность чьей-либо конкуренции»[1].

Франция придерживалась в отношении Сиама следующей точки зрения: Сиам осуществляет экспансионистскую политику, а поскольку его честолюбивые планы были сорваны на востоке Францией, а на западе и юге — Англией, то он, естественно, стал сосредоточивать свое внимание на лаосских государствах на севере[2]. По-видимому, эта точка зрения впервые была высказана Огюстом Пави, сыгравшим столь важную роль в захвате Францией этих лаосских государств. По его мнению, пресечение захватов со стороны Сиама в одном направлении непременно должно было привести к новым попыткам захватов в каком-либо ином направлении. Это было наиболее благовидной теорией, которая давала в руки французских создателей империи чрезвычайно удобный аргумент. Ибо не за горами было время, когда французам пришлось всячески доказывать, что сюзеренитет Сиама над лаосским государством Луан-Прабанг ведет к неоправданному игнорированию более старых и более оправданных претензий императора Вьетнама на господство в этом районе. Основной порок подобного аргумента состоял в том, что он переносил на взаимоотношения между государствами Индокитайского полуострова европейские принципы дипломатии. Но французы делали это умышленно, с единственной целью максимально использовать все, что было им выгодно.

---

[1] E. V. G. Kiernan, British Diplomacy in China, 1880 to 1885, Cambridge, 1939.
[2] Le Boulanger, Histoire du Laos Français, 4 th ed., Paris, 1931. Этот тезис был некритически принят Виргинией Томпсон в ее книге «Thailand, the New Siam», p. 183—192.

В 1827 году сиамские войска, возглавляемые Пья Бодином, ликвидировали лаосское королевство Вьентян, пытавшееся провозгласить независимость. В это время соседнее с Вьентяном государство Луан-Прабанг, которое уже полвека находилось в вассальной зависимости от Сиама, также стало проявлять стремление к самостоятельности, и в 1831 году, а затем в 1834 году обратилось к правителю Хюэ с предложением принести ему вассальную присягу в надежде достигнуть независимости, играя на противоречиях Сиама и Аннама[1]. Однако это ни к чему не привело, ибо Минь-Манг и без того имел много хлопот в Кохинхине и Камбодже и не хотел подвергать себя риску где-либо еще[2].

Сука-Сеум, наследовавший в 1836 году трон Луан-Прабанга, в течение десяти лет жил в Бангкоке в качестве заложника и лишь в 1839 году был признан Сиамом и получил разрешение вернуться на родину. Вьетнамские источники свидетельствуют, что в период между смертью его отца и его собственным возвращением домой один из принцев Луан-Прабанга, воспользовавшись восстанием против Минь-Манга в Тонкине, в 1836 или 1837 годах совершил опустошительные набеги на провинции Тхай-нгюен, Као-банг и Ланг-шон. Но в конце концов он был разбит и заживо сожжен в лесу, в котором скрывался. Сука-Сеум, который правил до 1850 года, был благоразумным человеком и ни разу не пытался стать на путь героики, пользуясь тем, что сиамцы были заняты в Камбодже.

В течение всего его правления Луан-Прабанг строго придерживался мира и пребывал в благополучии.

В 1851 году Сука-Сеуму наследовал его брат Тианта Кумане. В 1861 году он принял французского исследователя Анри Муо; в октябре того же года Муо умер от лихорадки в маленькой деревушке Бан Напхао, недалеко от Луан-Прабанга[3]. Во время правления Тианта Кумане изучением Луан-Прабанга занимались и другие европейские исследователи. Например, голландец Дюшарт, который был на службе у сиамского правительства и труды которого, так и не увидевшие свет, видимо, были использованы Джеймсом Макарти при подготовке подробной карты Сиама, изданной в 1888 году Королевским географическим обществом. Кроме того, по пути в Юньнань в апреле 1867 года в Луан-Прабанге побывала экспедиция Дудара де Лагре — Гарнье.

Ненависть Гарнье к англичанам вспыхнула с новой силой, когда до него дошли сведения, что его экспедицию опередила группа английских исследователей, насчитывавшая около сорока человек, которая прошла с севера из Бирмы. Но около Чиен Куанга французы, продвигавшиеся вперед с твердой решимостью скорее умереть, чем допустить, чтобы их обошли, встретили спускавшегося вниз по течению реки Дюшарта — одинокого голландца в сопровождении обслуживающего персонала из туземцев. И только после этого они поняли с огромным облегчением, что именно деятельность Дюшарта вызвала слухи, которые так сильно взволновали их. Этот эпизод интересен тем, что он показывает нам точку зрения французов на положение дел в Индокитае. В этом отношении слова «англо-французское соперничество» употребляются слишком неточно. На деле соперничество имело место со стороны французов, которых бросало в дрожь от одной мысли, что воображаемые англичане уже опередили их в каком-либо направлении, в котором они планировали экспансию. Их действия снова и снова вынуждали англичан выступать на защиту того, в чем они считали себя законно заинтересованными, как, например, в случае похода на Мандалай в 1885 году.

Во время правления Тианта Кумане вновь возник вопрос о Чан Нине.

---

[1] См. гл. XXIII.

[2] См. гл. XXIV.

[3] Муо описывает Луан-Прабанг как «прелестный маленький город» с очаровательными окрестностями и населением в 8 тысяч человек. Его книга «Travels in the Central Parts of Indo-China (Siam), Cambodia and Laos during 1858—1860» была выпущена в 1864 году в Лондоне. См. краткие аннотации на его книгу в работах: Hugh Clifford, Further India, p. 208—211; Le Boulanger, Histoire du Laos Français, p. 219—229.

В 1832 году королевство Чиен Куанг[1] подверглось нападению Минь-Манга, который присоединил его к Вьетнаму. Это королевство порабощалось самыми жестокими методами, при этом захватчики не останавливались ни перед чем, вплоть до того, что заставляли местное население носить вьетнамскую одежду, чтобы уничтожить любое проявление его стародавней самобытности. Этим воспользовались тайные агенты Сиама. Они спровоцировали восстание, в ходе которого был убит вьетнамский губернатор. После подавления восстания Вьетнам склонил на свою сторону Чао По — старшего сына прежнего правителя Чан Ниня Чао Нои[2] — и в 1855 году передал ему управление Чиен Куангом, присвоив ему титул «принца с императорским мандатом». Это побудило Тианта Кумане заявить, что, поскольку прежнее королевство восстановлено, оно должно возобновить древнюю традицию выплаты дани Луан-Прабангу. После длительных переговоров, в которых позиции Тианта Кумане были усилены благодаря тому, что император Ты-Дык был втянут в конфликт с французами, Чао По согласился выплачивать дань Луан-Прабангу каждые три года, одновременно продолжая платить ежегодную дань Вьетнаму.

Последние годы правления Тианта Кумане были осчастливлены благородным актом короля Монкута, возвратившего знаменитую Прабангскую статую Будды на ее историческую родину. Она была увезена из Луан-Прабанга во Вьентян в 1707 году, когда старое королевство было разделено на два государства. Статуя была вывезена из Вьентяна сиамским полководцем Чулалоком, но спустя четыре года возвращена. Затем в 1828 году после разгрома Пья Бодином Вьентяна она была привезена в Бангкок.

В 1864 году, за пять лет до смерти Тианта Кумане, в Тонкин и различные лаосские государства стали прибывать беженцы из Западного Китая. Когда эти беженцы стали объединяться в вооруженные отряды, различавшиеся по цвету их знамен, первым пострадал Тонкин. В начале правления преемника Тианта Кумане Оун Кама (1870—1887)[3] пришла очередь Луан-Прабанга и Чан Ниня. Среди тайского населения эти беженцы были известны под названием *хо*, или *хау*, что значило «китайцы». В 1871 году отряд *хо* численностью около 2 тысяч человек, принадлежавших к организации «Красных флагов», был вытеснен «Желтыми флагами» из бассейна Черной реки в Тонкине. После этого «Красные флаги» пробились в Чан Нинь и построили укрепленный лагерь в Тунг-Чиенг-Каме, в трехдневном переходе от столицы. Разгромив объединенные силы Луан-Прабанга и Чан Ниня при поддержке вьетнамского отряда, они захватили Чиенг Кам и Чиен Куанг и настолько опустошили страну, что очень скоро им пришлось изыскивать новые источники добычи.

Следующий поход они предприняли против Луан-Прабанга, но в пути неожиданно свернули к югу на Вьентян и Нонгкай. Почти одновременно с этим в 1872 году к правительству Сиама обратились король Оун Кам и сиамский правитель Нонгкая с отчаянным призывом о помощи. В соответствии с этим туда была быстро отправлена сиамская армия для совместных действий с войсками Луан-Прабанга. Успешно начатая кампания, однако, затянулась, когда *хо* отступили в свои укрепленные районы. Поэтому, получив признание (сделанное в туманных выражениях) союзеренных прав Бангкока, сиамские войска прекратили военные действия и эвакуировали в Сиам оставшихся в живых местных жителей.

На сей раз Луан-Прабанг был спасен, но у северных и восточных границ и особенно в Дьен-бьен-фу и Сипсонг Чутай (к юго-западу от Черной реки) господствовала полная анархия. Оун Кам, будучи не в силах совладать с растущими беспорядками в его собственном королевстве, был вынужден все больше и больше опираться на помощь Сиама, в особенности после того, как его друг, правитель Сипсонг Чутая — Кам Синь, изгнав из своей страны отряды «Желтых флагов», оказался втянутым в партизанскую войну, которая вспыхнула

[1] Королевство Чан Нинь часто обозначается по названию его столицы Чиен Куанг или на многих картах—Кианг Кванг

[2] См. гл. XXIII.

[3] Его правление официально начинается лишь в 1872 году, когда он получил инвеституру из Бангкока. Тианта Кумане умер в 1869 году.

в Тонкине в районе дельты в результате военных успехов Франси Гарнье и Анри Ривьера.

Продвижение французов в Тонкине, вполне естественно, заставило Сиам укрепить свои позиции в Лаосе. В 1883 году, когда французы заставили Вьетнам признать их протекторат, лаосские и сиамские войска предприняли еще одну попытку штурмовать плацдармы *хо* в Чан Нине, но были столь жестоко разбиты, что Чулалонгкорн решил выслать большую армию для оккупации всей страны к северу и востоку от Луан-Прабанга, вплоть до долины Черной реки. Это было завершено в октябре 1885 года, и главнокомандующий сиамскими войсками Чомын Вайворонат назначил двух сиамцев комиссарами при стареющем Оун Каме[1] для надзора за управлением королевством.

Подготовка похода сиамских войск проходила столь секретно, что представитель Франции в Бангкоке граф де Кергарад узнал о походе тогда, когда он уже начался. Ле Буланже утверждает, что этот шаг был предпринят по совету английских советников Чулалонгкорна, ибо Великобритания ревниво относилась к проникновению Франции в район Красной реки, усматривая в этом угрозу своим планам проникновения в Юньнань с целью развития торговли[2]. Однако намного правильнее точка зрения Грэхэма, который указывает на то, что «неофициальные защитники» французской колониальной экспансии уже начинали выдвигать теорию, согласно которой территория, занятая Сиамом к востоку от реки Меконг, как некогда составлявшая часть Аннама, теперь, когда Вьетнам стал протекторатом Франции, должна быть возвращена ему[3].

Этот вопрос был освещен еще шире в вышедшей в 1885 году книге «Франция и Тонкин», принадлежавшей перу молодого английского журналиста Джэймса Джорджа Скотта (позже сэра), который был с французскими войсками в Тонкине и вскоре после этого участвовал в работе Бирманской комиссии. Он писал, что «судьба Верхней Бирмы была решена продвижением Франции к ее восточным границам»[4], и показал, что теперь Франция угрожает Сиаму. «Нет нужды особенно доказывать,— писал он,— что все действия Франции в отношении Сиама так же научно распланированы, как и игра в шашки. Каждый контрход рассчитан и обеспечен, однако мы вовсе не беспристрастные зрители, мы не хотим захватить Сиам и не имеем особой заинтересованности в шанских государствах, но в то же время мы не желаем допускать туда Францию». Он считал, что этого можно добиться путем соединения железной дорогой Моулмейна с Чиенгмаем и Чиенгмая с Бангкоком. «Тогда Сиам был бы связан с нами непосредственно и, кроме того, строительство потребовало бы таких больших вложений, что Сиам перестал бы быть безопасной добычей, какой он является сейчас в зловещих планах Франции. Если уж что-либо делать, то надо делать сразу. Иначе через год или два Сиам будет настолько окружен, что окажется не в состоянии сопротивляться». Как ни странно, это были пророческие слова, но в ту пору никто не обратил на них внимания.

Действия Сиама заставили Кэ д'Орсэ послать Бангкоку предостерегающую ноту и дать указание правительству Хюэ сформулировать свои претензии на Луан-Прабанг. В свою очередь Сиам заявил, что, посылая армию в Луан-Прабанг, он руководствуется единственной целью защитить этот район от *хо*. Хюэ претендовал на этот район, ссылаясь на то, что последний с XVII века платил ему дань. Поэтому Франция обратилась к Сиаму с просьбой согласиться на создание объединенной комиссии, для того чтобы на месте уточнить границы Луан-Прабанга. 7 мая 1886 года было заключено предварительное соглашение, разрешавшее создание в Луан-Прабанге французского вице-консульства. Это был своеобразный метод подхода к решению рассматриваемого вопроса, который, следует отметить, безоговорочно признавал власть Сиама над спорной территорией.

---

[1] Тогда ему было 70—75 лет. Он родился около 1811—1816 годов.

[2] Le Boulanger, op. cit., p. 251—252.

[3] Graham, op. cit., I, p. 220.

[4] Цитируется по G. E. Mitton (Lady Scott), Scott of the Shan Hills, London, 1936, p. 47—48.

При определении кандидатуры на новую должность выбор Франции пал на Огюста Пави, который позже снискал славу благодаря своей научно-исследовательской деятельности в долине реки Меконга. Он начал свою карьеру с офицерской службы во флоте. В 1868 году он перешел в департамент почты и телеграфа в Кохинхине. После франко-прусской войны его перевели к Кампот, камбоджийский порт на берегу Сиамского залива, где он привлек внимание своим исследованием древней кхмерской цивилизации. В 1880 году ему было поручено строительство телеграфной линии от Пном-Пеня до Бангкока. Последующие пять лет он занимался детальным изучением Камбоджи. Деятельность Муо, Гарнье и других вдохновила Пави на честолюбивые замыслы последовать их примеру и изучить территорию Лаоса. Его непосредственная обязанность заключалась в исследовании путей, соединяющих долину верхнего течения Меконга с Тонкином, причем он должен был присоединиться к пограничной комиссии, когда она будет создана.

Бангкокское правительство, с большой горечью осознавая направление политики Франции, на шесть месяцев задержало выдачу Пави разрешения на въезд в надежде, что Вайворонат успеет завершить свою миссию до прибытия этого француза.

Между тем в 1885 году осада сиамцами крепости *хо* Тунг-Чиенг-Кам не удалась. В следующем году, получив подкрепление, они предприняли более крупное наступление и достигли больших успехов. И вскоре после прибытия Пави в Луан-Прабанг в феврале 1887 года торжествующий Вайворонат объявил, что вся страна очищена от захватчиков, и предъявил карту с точным обозначением территорий, находящихся в вассальной зависимости от короля Оун Кама. Видимо, не было никакой необходимости в объединенной пограничной комиссии. Поэтому Пави стал готовиться к исследованию практического пути из долины Меконга в Тонкин.

Он выехал в конце марта 1887 года, но едва успел отъехать, как до него дошло известие о готовящемся нападении вооруженных отрядов на столицу. Он немедленно выслал своего нарочного, чтобы предупредить главнокомандующего сиамских войск. Полученный ответ гласил, что этим слухам не следует придавать большого значения, но для него было бы весьма благоразумно вернуться в Луан-Прабанг, так как время года не благоприятствует изыскательской работе, которой он занимается. И Пави вернулся. Но, прибыв в столицу, он обнаружил, что Вайворонат и верховный комиссар Сиама уже отбыли в Бангкок вместе с основной частью войск, несколькими заложниками из числа *хо* и старшими сыновьями короля, а также с упахатом.

Заявление, с легкостью сделанное Вайворонатом, будто он выполнил свою задачу, вскоре оказалось просто благим пожеланием. Осуществляя задачу по умиротворению, он поступил глупо, оттолкнув наиболее влиятельного правителя тайских кантонов в районе Черной реки, а именно правителя Мыонг-Лая — Кам Синя. Престарелый правитель был преданным другом короля Оун Кама и доверил ему воспитание двух своих сыновей. Но в то же время он был врагом как французов в Тонкине, так и сиамцев. Поэтому Вайворонат потерпел полный провал при попытке убедить его признать сюзеренитет Сиама. После этого он пошел на крутую меру — выкрал и увез в качестве заложников нескольких сыновей старого правителя.

Теперь Кам Синь взял к себе на службу отряд «Черных флагов», во главе которого встал его старший сын — Кам Оум, или Део-ван-Чи, как его звали вьетнамцы. В начале июня с шестьюстами сподвижниками он появился в городе Луан-Прабанге, требуя освобождения своих братьев. Обнаружив, что их там уже не было, он разграбил город. Король, его сиамский советник и Пави укрылись в Паклае, близ сиамской границы, но Део-ван-Чи не сделал никакой попытки захватить их.

Получив известие об этом несчастье, Чулалонгкорн пригласил Оун Кама в Бангкок, где он был принят с почестями. Вайворонату, к тому времени уже получившему титул Пья Сурьясак, был дан приказ мобилизовать армию для восстановления порядка в Луан-Прабанге. Захваченные принцы Мыонг-Лая

были освобождены, и одному из них было поручено передать примирительное письмо их отцу. В конце года была назначена пограничная комиссия в составе Пави, двух французских чиновников и трех сиамских поверенных.

Теперь Пави стал усиленно сосредоточивать дело в своих руках. В верхней части Тонкина, прилегающей к Сипсонг Чутаю, на подавление вооруженной борьбы были высланы два французских отряда под командованием полковника Перно и майора Удри. Пави связался с Перно, который вел тяжелую борьбу в районе Мыонг-Лая с Део-ван-Чи и его «Черными флагами». Они встретились в середине февраля 1888 года и договорились относительно плана действий, который предусматривал присоединение к французской империи двенадцати тайских кантонов. Чтобы положить конец этой затянувшейся истории, Пави в конце марта вернулся в Луан-Прабанг и объявил Пья Сурьясаку, который вторично оккупировал это княжество, что он намерен рекомендовать Франции присоединить тайские кантоны на том основании, что они были зависимы от Вьетнама. Затем он выехал в Ханой, где генерал Беген поручил ему руководство этими присоединенными территориями.

В октябре того же года он принял капитуляцию «Черных флагов», а в декабре Пья Сурьясак официально передал ему от имени Сиама эти кантоны. В январе 1889 года Пави вновь побывал в Луан-Прабанге, где присутствовал на церемонии восстановления на троне престарелого Оун Кама после его возвращения из Бангкока. Затем он приступил к изучению притязаний Франции на следующий участок территории, на этот раз в «Среднем Лаосе»,— на кантоны Кам-Кёт и Кам-Мон, некогда входившие в состав королевства Вьентян. Но здесь господствовали сиамские войска, и он не мог прибегнуть к тем же методам, которые были столь успешны в районе Черной реки. Поэтому в июне 1889 года Пави покончил со своей первой «миссией» и вернулся во Францию в отпуск. Там он пытался убедить Кэ д'Орсэ в необходимости расширения границ Французской империи в Индокитае до реки Меконг.

б) Вопрос о Меконге

Вторая «миссия» Пави, которую он начал подготавливать, как только вернулся во Францию, была задумана как научная экспедиция широкого масштаба: она должна была не только изучать географию Лаоса, но также «исследовать сухопутные и водные пути, создавать торговые склады, собирать образцы, изучать существующие формы коммерческой деятельности и подготовить конкретный доклад о характере и ценности продукции в бассейне Меконга». В тесной связи с этим проектом был создан Французский синдикат Верхнего Лаоса, который предоставил в распоряжение экспедиции пятнадцать тонн товаров. Как показано в монументальном труде Пави «Миссия Пави»[1], результаты работы этой миссии имели огромное познавательное значение. Однако конечной целью была подготовка французов к следующему крупному захвату территории.

Экспедиция начала свою работу в январе 1890 года. Ее участники разбились на несколько групп, работавших раздельно в Чан Нине, Кам-Моне и Стун Ченге, а руководитель находился в Луан-Прабанге, где через шесть месяцев должны были собраться все члены экспедиции для координации своей работы. В конце года Пави спустился по Меконгу до Сайгона и оттуда прибыл в Бангкок, где надеялся продолжить переговоры с правительством Сиама, чтобы облегчить процесс захвата земель. Но сиамцы вежливо уклонялись от переговоров с ним. Они были встревожены теми методами, которыми французы пытались усилить свое влияние среди населения Лаоса, и той агитацией, которая была поднята во Франции за «неоспоримые права Аннама» на всю территорию к востоку от Меконга[2].

Предложение, сделанное Сиамом в предыдущем году, когда Пави завершал свою первую миссию, сводилось к тому, что спорная территория до окончатель-

---

[1] P a v i e, Mission Pavie. Indochine 1879—1895; II vol., Paris, 1898—1919.

[2] В то время речь шла только о районах по среднему течению Меконга.

ного установления границы должна считаться нейтральной; тогда же было заключено соответствующее соглашение. Но затем обе стороны стали обвинять друг друга в нарушении этого соглашения. Франция утверждала, что Сиам стремился захватить территорию, которая никогда ему ранее не принадлежала, в порядке компенсации за земли, утерянные им в районе Черной реки. Однако это отражало лишь точку зрения самих французов. На деле действия Сиама объяснялись просто: они были полностью оборонительными. Все же на исходе 1890 года Пави характеризовал их как «вторжение Сиама» и убеждал генерал-губернатора Пике дать указание французским пограничным постам приложить все силы для предотвращения «вторжения», одновременно избегая стычек. В течение первой половины 1891 года он был занят на севере изучением условий в Сипсон Пана. Там до него дошло известие о том, что Сиам производит дополнительный набор в свои войска, запасается оружием и строит укрепленные посты. Сославшись на то, что это является настоящей подготовкой к войне, он прервал свою работу и выехал в Париж, отклонив предложение бангкокского правительства обсудить возникшую проблему. На этом закончилась его вторая миссия.

Захват Великобританией Верхней Бирмы, совершенный в начале 1886 года, повлек за собой присоединение большой группы шанских государств, которые с XVI века находились в вассальной зависимости от Авы. Это потребовало тщательного изучения линии прохождения границы на востоке. С военной точки зрения в качестве восточной границы Британской Бирмы выгодной была река Салуин, но территории некоторых шанских государств распространялись и к востоку от реки, а два наиболее значительных государства, расположенные по ту сторону Салуина,— Кенгтунг и Киангу Хуанг — претендовали на земли восточнее Меконга; фактически наиболее плодородные земли Кианг Хуанга находились на противоположном берегу этой реки.

Но возникал вопрос: что станет с территориями, расположенными к востоку от Салуина, если Великобритания уклонится принять на себя ответственность за них? Выдвигались предположения, не предложить ли Китаю или Сиаму присоединить эти территории к своим землям и создать таким образом буферное пространство между английскими владениями и Тонкином. Но Китай не одобрил такого решения, а Сиам, несмотря на благосклонное отношение к такому варианту, был слаб, и поэтому возникли опасения, что осуществление подобного плана может соблазнить Францию продвинуть свою границу вплоть до Салуина. В результате было решено, что Великобритания сама возьмет на себя полную ответственность, и были предприняты соответствующие меры к тому, чтобы все шанские государства признали вассальную зависимость. Последним из них был присоединен Кенгтунг; в 1890 году туда был направлен Скотт, который в торжественной обстановке предъявил *собва* документ о своем назначении.

При этом Великобритания преследовала две цели: избежать создания общей границы с французским Индокитаем и достичь полюбовного соглашения с Сиамом по всем пограничным вопросам. В отношениях с Сиамом было несколько трудных проблем, которые нужно было разрешить. Поэтому в 1889 году английское правительство назначило коммиссию Ни Эльяса для изучения англо-сиамской границы и разрешения споров с Сиамом. В ответ на предложение английской стороны принять участие в работе комиссии не было послано ни одного сиамского представителя; тем не менее комиссия завершила свою работу, и Сиам принял ее решения[1]. Однако возникли осложнения в отношениях с Францией.

В 1889 году посол Франции в Лондоне М. Уэддингтон посетил премьер-министра лорда Солсбери и высказал мнение, что было бы в интересах обеих стран объявить Сиам буферным государством между их империями. Он полагал, что в первую очередь следует установить границу между Кохинхиной и Сиамом и разрешить вопрос о границах Бирмы. В отношении Луан-Прабанга он заявил,

[1] Итог работы этой комиссии освещает Чарльз Кростуэйт (Charles Crosthwaite, Pacification of Burma, London, 1912, p. 219—221).

что его правительство предлагает провести границу от точки, расположенной почти строго к востоку от Луан-Прабанга, на юг до Меконга; отсюда вплоть до территории Камбоджи границей между Францией и Сиамом должна служить сама река. Границы Сиама надлежало определить вплоть до рубежей Китая как с английской, так и с французской стороны.

На предложение о буферном государстве Солсбери сразу же ответил положительно. В отношении же прочих предложений он сказал, что из-за недостатка сведений не может высказать своей точки зрения, но будет благодарен, если ему представят подробные данные о прохождении предлагаемой линии границы между Кохинхиной и Сиамом. 27 августа после консультации с отделом Индии Солсбери послал Уэддингтону обдуманный ответ. Как он отметил, Великобритания будет приветствовать меры, которые будут способствовать созданию сильного независимого королевства Сиам с твердо установленными границами; при этом он препровождал карту, показывающую точку зрения отдела Индии по вопросу о границах Сиама. Западная граница была четко намечена вплоть до северной границы Британской Бирмы, какой она была до присоединения государства короля Тибо. Граница на севере и северо-западе была очерчена приблизительно. Солсбери просил французское правительство высказаться по поводу восточной и северо-восточной границ, указывая, что по получении ответа он будет готов обсудить с Уэддингтоном следующий шаг для претворения в жизнь его предложений. Однако он предупреждал французского посла, что территориальные претензии Сиама могут быть разрешены только совместно с его правительством.

Прежде чем продолжить изложение следующего этапа переговоров, следует отметить два момента. Во-первых, Луан-Прабанг находился под сюзеренитетом Сиама по крайней мере в течение столетия, и на официальных французских картах, бывших в употреблении вплоть до указанного момента обмена мнениями, Луан-Прабанг фигурировал как часть Сиама[1]. Во-вторых, конвенция от 7 мая 1886 года, предусматривавшая назначение вице-консула в Луан-Прабанг, безоговорочно признавала сюзеренитет Сиама над ним.

Уэддингтон так и не ответил на послание Солсбери от 27 августа 1889 года. Обмен мнениями был на деле возобновлен лишь в феврале 1892 года. За это время Пави был отправлен со своей второй «миссией»; не может быть сомнения в том, что неожиданное молчание Франции по сиамскому вопросу было вызвано решением о посылке этой миссии. Прежде чем снова обратиться в феврале 1892 года к Форин Офису, Кэ д'Орсэ предприняло важные шаги. Оно увеличило число своих агентств в Сиаме, открыв полукоммерческие, полуполитические бюро в Утене, Бассаке и Стун Ченге; кроме того, оно назначило Пави своим посланником-резидентом в Бангкоке. Причину этих шагов не трудно угадать. Сиаму стало известно, что по вопросу о Меконге Франция обращалась как к Лондону, так и к Пекину. Поэтому Сиам стал стремиться занять более твердую позицию и искать поддержки у Великобритании. Следовательно, целью новой «миссии» Пави было смягчить положение, находясь в самой столице Сиама. И вовсе не случайно, что именно 16 февраля 1892 года — в день назначения Пави в Бангкок — Уэддингтон нарушил молчание между Лондоном и Парижем по вопросу о Меконге, выступив с новым предложением.

Его правительство, как он пояснил, заинтересовано в том, чтобы избежать дальнейших трений с Великобританией по данному вопросу, и полагает, что лучшим путем для обеих держав будет взять на себя обязательство не распространять своего влияния за пределы верховьев Меконга. Это предложение было ничем не оправдано, и лорд Солсбери предпочел откровенно возразить, что французское влияние не распространяется на верховья Меконга. В ответ на это Уэддингтон дал нарочито неубедительное объяснение своего предложения: дескать, он и не думал создать впечатление, что сфера влияния Франции или Великобритании в действительности достигла Меконга.

---

[1] Кэмпбелл в своей книге (J. G. D. Campbell, Siam in the Twentieth Century) иллюстрирует это схематической картой (на стр. 293) и цветной картой (на стр. 328—329).

Прежде чем переговоры были продолжены, правительство Солсбери пало и к власти вернулся Гладстон. Во главе министерства иностранных дел стал лорд Розбери. Спустя некоторое время в одной из личных бесед Уэддингтон снова коснулся французского предложения. В ответ лорд Розбери сделал продуманное заявление о позиции Великобритании. Оно содержалось в двух нотах, врученных соответственно в декабре 1892 года и апреле 1893 года. Он разъяснил, что благодаря аннексии Авы британское правительство приобрело права на ряд районов к востоку от Меконга. Так, например, территория Кенг Ченга, зависимого от Кенгтунга, протянулась к востоку от этой реки, равно как и северная часть Кенгтунга—район Кианг Хунг. Затем он указал, что Великобритания предполагает провести границу по реке Меконг, передав Кианг Хунг Китаю и Кенг Ченг Сиаму. Он заметил Уэддингтону, что проведение границы по линии, предложенной Францией, вызвало бы тревогу и подозрение у Сиама, и категорически заявил, что Великобритания не сможет рассматривать вопрос о заключении официального соглашения до тех пор, пока Франция не изложит совершенно ясно свою точку зрения относительно восточной и северо-восточной границ Сиама.

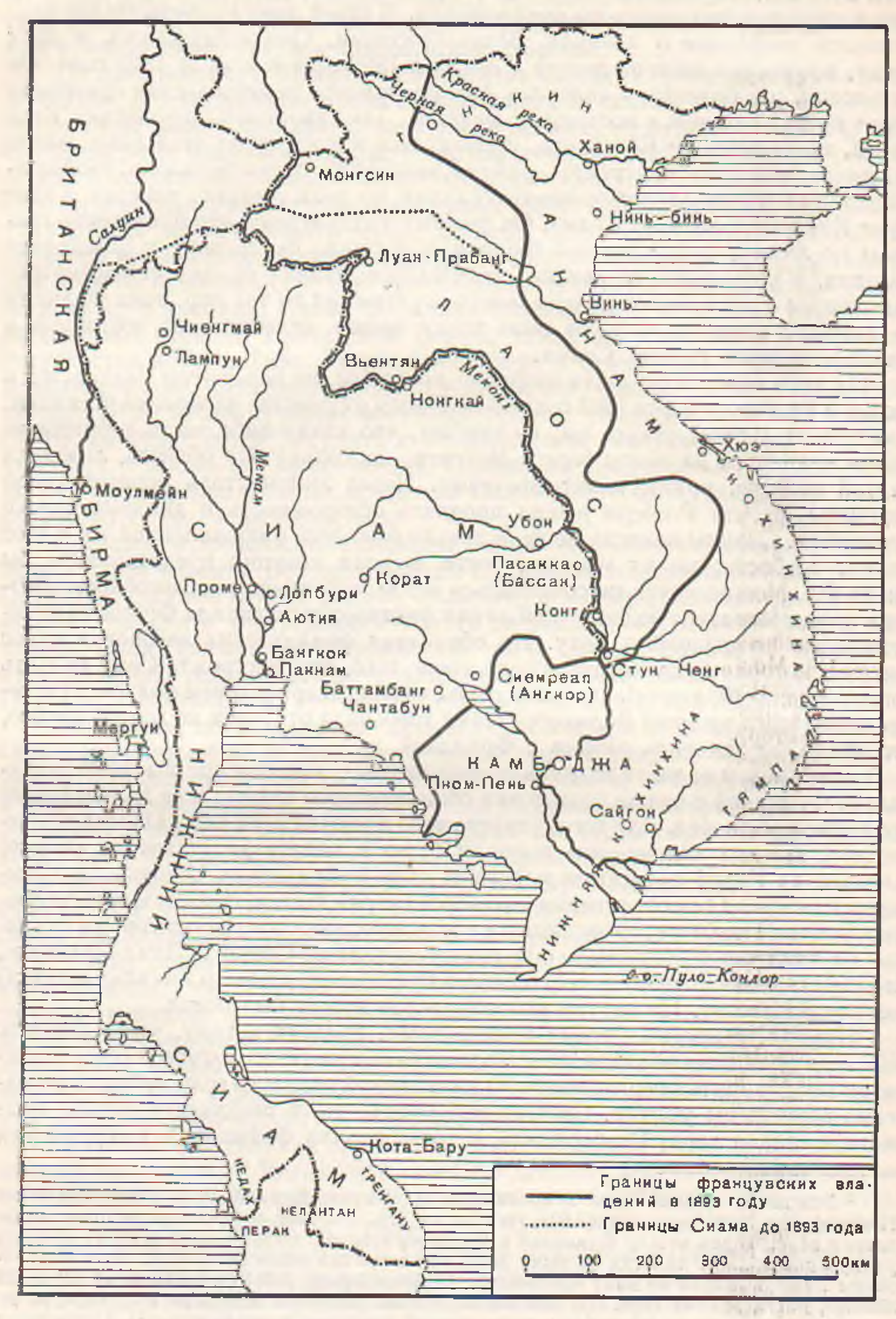
На этом переговоры были вторично прерваны, но перед этим Уэддингтон в беседе с Розбери в марте 1893 года проболтался о существе намерений Франции. Его правительство, сказал он, не считает, что какая-либо часть территории Сиама находится на левом берегу Меконга, поскольку вся область, лежащая на той стороне, принадлежит Вьетнаму. Перед лицом столь поразительной перемены фронта Розбери решил проявить осторожность и дипломатически промолчал. Сиамцы никогда не переставали сожалеть о проявленной им в этот момент слабости; по их мнению, более твердая позиция предотвратила бы много бед. Можно почти не сомневаться в том, что именно неспособность Розбери придерживаться более четкой линии фактически поощрила Францию самостоятельно приступить к делу. Но обвинения французских авторов в адрес Англии, которая будто бы отступила после того, как настроила Сиам оказать сопротивление Франции[1], является сплошным передергиванием фактов. В течение всего этого времени Великобритания требовала от Сиама не делать ничего, что могло бы ускорить разрыв с Францией.

Тем временем на месте возникали «инциденты», которые чрезвычайно раздувались Францией с целью подготовки общественного мнения к ее дальнейшему продвижению вперед. Для того, утратившего иллюзии века они казались пустяковыми. Но два «инцидента» вызвали бурю в палате депутатов, а именно: высылка из Удена сиамскими властями двух французских чиновников Шампенуа и Эскуиля без объяснения мотивов и смерть Масси, французского чиновника в Луан-Прабанге, происшедшая после того, как он покинул город в отчаянии от трудностей, чинимых ему представителями Сиама в Луан-Прабанге. Его смерть была вызвана естественными причинами, не было никаких признаков предательства. Но партии колониалистов нужен был повод.

Шумиха, вызванная этими инцидентами, привела к тому, что в феврале 1893 года французское правительство уполномочило генерал-губернатора Индокитая предпринять энергичные меры на сиамской границе, если не будут немедленно возмещены убытки. Следует напомнить, что в следующем месяце Уэддингтон заявил лорду Розбери, что, с точки зрения Франции, вся территория

---

[1] Эта точка зрения была некритически воспринята Виргинией Томпсон в ее книге «Thailand, the New Siam» (стр. 162). Она же на стр. 187 дает совершенно неправильную картину переговоров между Францией и Великобританией. Относящиеся к этому вопросу французские архивы никогда не были доступны широкой общественности, были опубликованы лишь выборки из них: «Documents Diplomatiques, Affaires du Siam et du Haut Mékong», Paris, 1893 et 1896. Английские же архивы доступны вплоть до 1902 года, но до сих пор не издано ни одной работы, посвященной изучению данного вопроса. Существует неопубликованная диссертация на соискание степени доктора философии К. С. М. Мурти «Англо-французские отношения с Сиамом, 1880—1904 годы» (K. S. M. Murti, Anglo-French Relation with Siam, 1880—1904), успешно защищенная в 1952 году в Лондонском университете и основанная на детальном изучении обширного материала Отдела гражданских отчетов.



К франко-сиамскому вопросу, 1893 год.

на левом берегу Меконга по праву принадлежит Вьетнаму. В то же время Пави по указанию Кэ д'Орсэ сделал такое же представление министерству иностранных дел в Бангкоке. Сиамцы запротестовали. Они предложили любые сомнительные вопросы передавать на арбитражное решение. Однако Пави потребовал немедленной эвакуации всех постов, занимаемых Сиамом на спорной территории.

В апреле французы приступили к реалиазции своих планов, организовав три колонны для оккупации (на случай, если бы пришлось прибегнуть к силе) территории по нижнему течению Меконга, на которую они предъявляли претензии. Одна колонна под командованием капитана Торо захватила город Стун Ченг на Меконге, расположенный по ту сторону сиамской границы, а вскоре после этого — остров Кон, ниже порогов. Вторая колонна выступила на Мыонг-Пин, третья направилась в район Кам-Мона.

Бангкок, оказавшийся в критическом положении и располагавший армией, совершенно неспособной противостоять французской, продолжал настаивать на арбитраже, одновременно взывая к Великобритании о помощи. Ответ лорда Розбери, который он направил также и Кэ д'Орсэ, был удивительно корректным. Он просил сиамцев избегать всего, что могло бы спровоцировать войну со стороны Франции. Но это было слабым утешением для обеспокоенного принца Девавонга. И неизбежно стали возникать пограничные инциденты. Было совершено нападение на французские позиции на острове Коне. Командир французов Торо попал в плен, а несколько вьетнамских солдат было убито. Сиамцы попытались взвалить вину за совершившееся на полудикие племена, жившие по соседству. Затем они изменили тон и стали утверждать, что капитан Торо и его отряд совершили вторжение и что его арест оправдан. Однако лорд Розбери поддержал требование Франции об освобождении Торо, и сиамцы в виде любезности вернули его.

Систематическое продвижение французских колонн вдоль Меконга вызвало целый ряд инцидентов. Невозможно установить правду о них; а поскольку их пропагандистское значение для Франции было велико, к французской версии, естественно, приходится относиться с недоверием. Французы искали предлога, чтобы использовать его в своих интересах. Наиболее нашумевшим был инцидент, в котором, согласно французским источникам, сиамцы убили француза Грогюрена, являвшегося должностным лицом, в тот момент, когда он вел один из французских пограничных отрядов из оставленного ими укрепления обратно к Меконгу. Последующее расследование установило, что на деле французы совершили нападение на сиамцев. Но, задолго до того как это стало известно, французская версия о случившемся успела вызвать такое возмущение во Франции против Сиама, что правительство смогло предпринять решительные действия, которые и являлись целью всего этого маневрирования.

в) *Пакнамский инцидент и последующие события*

К апрелю 1893 года положение в Бангкоке настолько обострилось, что туда для защиты жизни и собственности англичан на случай беспорядков была послана канонерка «Свифт». Спустя два месяца распространились слухи, будто французы намереваются послать свою эскадру для блокирования порта Бангкок. Возникли опасения, что если это действительно произойдет, то в городе вспыхнет массовое восстание низших слоев китайского населения. Поэтому из Сингапура к Бангкоку было направлено второе военное судно — «Паллас». Французское правительство было уведомлено о мотивах этого шага и получило заверение в том, что английское правительство сделает все возможное, чтобы склонить Сиам заключить дружественное соглашение с Францией. В ответ французское правительство обязалось немедленно информировать правительство Великобритании о любых передвижениях своего флота в ближайших к Сиаму районах.

На Менаме напротив здания французской дипломатической миссии стала на якорь французская канонерка «Лютен». В начале июля Пави предупредил

правительство Сиама, что к Бангкоку направились еще две французские канонерки, которые прибудут в Пакнам 13 числа. Он просил выделить лоцманов для сопровождения этих судов к Бангкоку. Правительство Сиама ответило, что по условиям договора с Францией ни одно военное судно какого бы то ни было иностранного государства не может подниматься выше Пакнама, если на то нет согласия правительства Сиама. И действительно, таков был смысл соответствующей статьи франко-сиамского договора 1856 года, хотя следует признать, что формулировка ее не была столь четкой, как в англо-сиамском договоре, заключенном годом раньше. Но Пави не стал считаться с возражением сиамского правительства и уведомил его, что судно «Инконстан» поднимется до Бангкока даже в том случае, если встретит сопротивление.

Получив это сообщение, сиамцы постарались преградить устье Менама, а лорд Розбери напомнил французам об их обещании информировать английское правительство о любых передвижениях их флота, а также разъяснил, что дополнительные английские суда, посланные из Сингапура, не продвинутся дальше Пакнама. В ответ французский министр иностранных дел М. Девель телеграфировал Розбери, что вновь прибывающие французские корабли тоже останутся у Пакнама, не заходя в устье Менама. Утром 13 июля в Бангкоке Пави дал такие же заверения принцу Девавонгу.

В этот же день «Инконстан» и «Комэт» прибыли к Пакнаму, где уже стояли на якоре английские военные суда. Командир английских судов капитан Маклеод информировал французов, что они, видимо, получат приказ не заходить в устье. Но командир французских судов игнорировал этот совет и после двадцатиминутной перестрелки с фортом Пакнама, при которой обе стороны понесли потери, прорвался вверх по реке к Бангкоку. Наилучшее описание этого события дано в книге очевидца Уорингтона Смита «Пять лет в Сиаме»[1]. Докладывая об этом инциденте, капитан Маклеод заявил, что французский командир действительно получил приказ остановиться у Пакнама, прежде чем войти в устье реки. Как бы там ни было, но сиамцы допустили серьезную ошибку, дав первый выстрел в этом столкновении. Игнорируя неоднократные советы Розбери, они тем самым сыграли на руку французам. Оба французских судна бросили якорь против здания французской дипломатической миссии. В этот критический момент выступил принц Девавонг. Он поздравил французского командира с тем, что он столь искусно и смело прорвался вверх по реке. Неотразимая обходительность и самообладание сиамского принца, видимо, и спасли положение.

Пави сразу же воспользовался обстановкой и потребовал отвода от Меконга всех сиамских войск и прекращения враждебных действий. Принц Девавонг согласился. Однако французское правительство вовсе не было этим удовлетворено. Оно дало указание Пави предъявить ультиматум с требованием уступить Франции всю территорию на левом берегу Меконга, включая княжество Луанг-Прабанг, уплатить компенсацию в размере 3 миллионов франков[2] за ущерб, нанесенный французским судам, и наказать лиц, ответственных за открытие огня в Пакнаме и убийство Грогюрена. В противном случае французы грозили блокировать Менам.

Ультиматум был передан 20 июля. Сиамское правительство приняло второе и третье требования, а вместо первого предложило компромиссное решение. Но Пави отказался вести переговоры и объявил, что если требования не будут приняты полностью, то 26 июля он покинет Бангкок. Теперь встревожилась Великобритания. Она оптимистически верила в то, что претензии Франции к Сиаму ограничивались лишь вопросом о границе в нижнем течении Меконга. Но сейчас для Великобритании стало ясно, что если Франция аннексирует всю территорию, указанную в первом требовании, то не только возникнет вопрос о целостности владений Сиама, но и создастся такое положение, когда в верховьях Меконга французы окажутся непосредственно у границы Бирмы и их притязания столкнутся с английскими интересами в этом районе.

---

[1] W a r r i n g t o n S m y t h, Five Years in Siam, New York, 1898.
[2] В то время курс франка составлял 25 франков за 1 фунт стерлингов.

Поэтому английскому послу в Париже было поручено добиться у Девеля ясного заявления о целях Франции. Девель ответил, что, поскольку условия ультиматума стали известны всему миру, французское правительство не может пойти вспять, учитывая возбужденное состояние общественного мнения в самой Франции. Однако он заверил посла в том, что, когда Сиам примет условия ультиматума, будет открыт путь для создания какого-либо буферного государства между французской и английской империями. Несмотря на прошлый опыт, показавший истинную цену французских обещаний на примере вопроса о Меконге, английское правительство приняло французские заверения. Девель обещал, что Франция будет уважать независимость Сиама. Поэтому лорд Розбери пошел даже на то, что стал убеждать сиамцев согласиться с условиями ультиматума.

25 июля, не видя никаких признаков согласия со стороны правительства Сиама, французы блокировали устье Менама. Два дня спустя Чулалонгкорн, который в течение этого кризиса был в состоянии обморока и ведение дел было полностью передано в руки принца Девавонга, безоговорочно принял условия ультиматума. 3 августа блокада была снята, но Чулалонгкорн был вынужден согласиться на новые условия, предъявленные под видом гарантий. Впредь до вывода сиамских войск с восточного берега Меконга французы оккупировали Чантабун. Более того, Сиам должен был отвести свои войска на 25 километров от западного берега реки, а также эвакуировать провинции Баттамбанг и Сиемреап (Ангкор), которые когда-то принадлежали Камбодже.

Но и после этого обстановка не разрядилась. Когда начались переговоры о заключении договора, который должен был закрепить все эти уступки, Франция попыталась включить в него ряд новых условий, якобы разработанных в качестве дополнительных гарантий, но, как сказал лорд Розбери, на деле рассчитанных на фактическое уничтожение независимости и целостности Сиама, которые Франция обязалась уважать. В течение этих переговоров Великобритания не переставала оказывать давление на Францию с тем, чтобы она умерила свои притязания. Однако Чулалонгкорн, ожидавший более существенной поддержки, был крайне разочарован тем, что он называл нейтралитетом Великобритании. Сиамское правительство делало все возможное, противодействуя требованиям Франции. И лишь после того, как последняя предъявила новый ультиматум, Чулалонгкорн по совету Великобритании уступил и 3 октября подписал договор.

Франция одержала дипломатическую победу над Великобританией, действия которой были скованы опасением, что более решительные меры с ее стороны могут привести к европейской войне. С того самого момента, когда сиамцы дали первый залп в Пакнаме, инициатива оказалась у Франции, и, по мнению проницательных обозревателей, Розбери, поступая последовательно и благоразумно, сделал все, что мог. То, что лорд Керзон охарактеризовал как «яростный шовинизм колониальных джингоистов Тонкина и Сайгона»[1], достигло опасных масштабов. Они требовали установления своего контроля над Баттамбангом и Сиемреапом, и дальнейшее сопротивление Сиама могло привести не только к потере им этих провинций в пользу Франции, но и к возникновению реальной угрозы его собственной независимости.

Любопытно, что предприняла бы Великобритания, если бы дело дошло до этого? Но при существовавшем положении Сиам своим спасением в немалой степени был обязан той последовательности, с которой Великобритания добивалась от Франции гарантии независимости бассейна Менама[2].

---

[1] J. G. D. Campbell, op. cit., p. 311, fn. 1.

[2] Автор во всем изложении истории империалистической борьбы Англии и Франции за раздел Таиланда, во всем пытается выгородить позицию первой. Характерно, что он ни слова не говорит о попытках Чулалонгкорна найти поддержку у других европейских держав. Так, известно, что король Таиланда совершил летом 1897 года поездку в Россию с целью добиться поддержки в деле защиты независимости своей страны, оказавшейся перед угрозой окончательного раздела между Англией и Францией.—*Прим. перев.*

После того как миновала острота кризиса, Великобритания сосредоточила свое внимание на проблеме создания в верховьях Меконга буферного государства, как это было условлено с Францией. В августе 1893 года Дж. Скотт был отозван из шанских государств, где он выполнял специальное задание, и назначен главой английской миссии в Бангкоке с тем, чтобы быть готовым в нужное время представлять Великобританию в комиссии по созданию буферного государства. Его оппонентом должен был быть Огюст Пави. Еще с предыдущего года между Великобританией, Китаем и Сиамом согласовывались вопросы, связанные с исправлением восточной границы Бирмы. Кианг Хунг и Монг Лем были отданы Китаю с условием, что они не могут быть переданы другому государству без согласия Великобритании. Однако, когда Франция заставила Сиам уступить ей часть территории в районах верхнего течения Меконга, Китай нарушил соглашение, уступив Франции государство Кианг Хунг, расположенное на другом берегу Меконга.

Великобритания собиралась добиться такой же договоренности о передаче Сиаму Кенг Ченга со столицей Монг Синг. Но теперь, согласно франко-сиамскому договору 1893 года, Франция предъявляла претензию на это государство, ссылаясь на то, что оно расположено на левом берегу Меконга. Но именно здесь и предстояло создать предполагаемое буферное государство. Поэтому Скотт и Пави договорились о встрече в конце декабря 1894 года в Монг Синге. Во главе этого маленького государства стоял некто Мыоса. Он получал так много противоречивых сообщений относительно как существующего, так и будущего статуса своего княжества, что в конце концов решил, что самым безопасным будет вывесить на своем *хау* французский флаг. Но, когда первыми стали прибывать члены английской делегации, он испугался и сбежал. Как указывал Скотт: «Это было самое мудрое из того, что он мог сделать»[1]. Скотт, который прибыл туда в день рождества и увидел развевающийся французский флаг, заставил тотчас же снять его. И, когда 1 января 1895 года появился Пави, над *хау* развевался «Юниэн Джэк»[2]. Это подлило масла в огонь. Незначительное столкновение чуть было не превратилось в крупнейшее международное событие. Комиссия по созданию буферного государства распалась, и переговоры пришлось перенести в Европу. План создания буферного государства бесследно исчез. Скотт и Пави не смогли договориться о его границах, и Скотт, ссылаясь на то, что при любом решении это государство станет средоточием опасных интриг, настоял на том, чтобы английское правительство отказалось от идеи создания такого государства.

Инцидент в Монг Синге и неудача комиссии по созданию буферного государства вызвали во Франции взрыв истерического возмущения против Великобритании, очень схожий с тем, который произошел три года спустя в связи с конфликтом в Фашоде[3]. Практически обе стороны стояли на грани войны. В переговорах, начавшихся 1 июня 1895 года, Великобритания отказывалась от претензий на территории к востоку от Меконга взамен совместной гарантии независимости долины Менама. Это была выгодная для Англии сделка, ибо она никогда не намеревалась удерживать земли, расположенные по ту сторону Меконга. И план лорда Солсбери, ограничивающий территорию Сиама границами долины Менама, хотя и был отвергнут возмущенными журналистами[4], обеспечивал эффективную гарантию независимости этого района, в котором было сосредоточено 80 процентов населения Сиама и который экономически являлся одним из богатейших на Индокитайском полуострове. Кроме того,

---

[1] M i t t o n, Scott of the Sham Hills, p. 211.

[2] Британский флаг.—*Прим. перев.*

[3] Фашода (Кодок) — небольшое поселение в верхнем Ниле, где в 1898 году встречное продвижение французского отряда и английских карательных войск чуть не привело к вооруженному англо-французскому столкновению за господство в верховьях Нила.— *Прим. перев.*

[4] M i t t o n, Scott of the Sham Hills, p. 166. Скотт, объясняя уступку Монг Синга, пишет, что лорд Солсбери, «который был, безусловно, наихудшим министром иностранных дел из всех когда-либо существовавших в Великобритании и ведавших вопросами территорий, расположенных восточнее Суэца... уступил в этом вопросе».

Франция получила экономически ничего не стоящие территории, несмотря на их большую площадь.

В 1896 году было подписано англо-французское соглашение. Монг Синг перешел к Франции. Оба государства гарантировали независимость долины Менама и обязались не добиваться особых прав в Сиаме. Соглашение не касалось плато Корат, прежних камбоджийских провинций Баттамбанг и Сиемреап, а также полуострова Малакка. Солсбери проявил осторожность и указал, что эти территории являются такой же неотъемлемой частью Сиама, как и долина Менама, но с точки зрения интересов Великобритании, отраженных в соглашении с Францией, никакого значения не имеют[1].

Правильность такой политики стала очевидной лишь по прошествии некоторого времени. Франция действительно вскоре обнаружила, насколько бесполезны были приобретенные ею территории вдоль Меконга по сравнению с долиной Менама. Партия колониалистов во Франции громко и открыто провозгласила, что для экономического процветания Французского Индокитая существенное значение имеет господство над бассейном Менама. Прошло несколько лет, прежде чем удалось отвратить подобную угрозу. Между Францией и Сиамом происходили постоянные столкновения, а длительная оккупация Чантабуна, на долю которой приходилась большая часть французских колониальных расходов без каких бы то ни было компенсирующих выгод, вызывала с обеих сторон большое негодование.

Наиболее опасное столкновение произошло в связи с одной плохо сформулированной статьей договора 1893 года, согласно которой Сиам обязался передать французской миссии в Бангкоке всех содержавшихся под стражей французских подданных — аннамитов, кхмеров и лаосцев — и разрешить вернуться на родину всем высланным из лаосских государств. В связи с этим французское консульство приступило к вербовке возможно большего количества «протежируемых Францией лиц», не занимаясь надлежащим разбором их дел. Затем оно пожаловалось сиамскому правительству на то, что этим лицам препятствуют пользоваться защитой французской юрисдикции. Это не на шутку встревожило сиамцев, так как личный состав их военно-морского флота состоял в основном из кхмеров. Этот вопрос мог легко дать Франции выгодный повод для ликвидации независимости Сиама, если бы она не боялась возможной реакции со стороны Великобритании на любую попытку нарушить соглашение 1896 года.

Англо-французские пререкания по поводу торговли с Юньнанью постепенно заглохли сами собой. В 1897 году было заключено соглашение, разрешавшее строительство железной дороги из Французского Индокитая до Юньнани и предусматривавшее последующее соединение ее с бирманской железнодорожной сетью. Французы построили линию, соединившую Тонкин с Юньнаньфу (Кунминь), и на этом остановились. В свою очередь англичане не стали продолжать свои изыскания дальше Бамо и Лашио. В период 1894—1900 годов майор Г. Р. Дэвис исследовал все возможные пути прокладки железной дороги в Юньнань и написал по этому поводу чрезвычайно интересную книгу и составил ценную карту. Он доказал, что район, который должна была пересечь железная дорога, был исключительно трудным для строительных работ и ставил под сомнение прибыльность этого предприятия, но тем не менее настаивал на строительстве. Однако к этому времени стало совершенно ясно, что наиболее легкие подступы к Юньнани были со стороны Тонкина. К тому же в конце прошлого века Великобритания оказалась слишком занятой бурской войной, а также проблемами, возникавшими в связи с притязаниями Германии, и не могла уделять много внимания индокитайским делам. Поэтому, когда лорд Керзон в качестве генерал-губернатора Индии назвал идею соединения бирманских железных дорог с Юньнанью «чистым безумием» и наложил вето на ее осуществление, она была быстро сдана в архив утраченных иллюзий.

---

[1] На долю Великобритании приходилось 90 процентов внешней торговли Сиама, $^{7}/_{8}$ этой торговли приходилось на торговлю с долиной Менама.

Заключение в апреле 1904 года «сердечного согласия»[1] окончательно ликвидировало франко-английский спор из-за Сиама и предоставило обеим сторонам впредь договариваться с Бангкоком независимо друг от друга. В том же году Франция заключила новый договор с Сиамом, в силу которого граница Лаоса была изменена в пользу сиамцев. Сиам отказался от своего сюзеренитета над Луан-Прабангом и согласился на создание объединенной комиссии для рассмотрения вопросов, связанных с камбоджийской границей. За это Франция согласилась эвакуировать Чантабун, а также умерила свои требования в отношении «протежируемых ею лиц» и нейтральной зоны. Это оказалось поворотным пунктом в отношениях двух стран. В 1907 году они подписали новое соглашение, по которому Сиам уступил камбоджийские провинции Баттамбанг и Сиемреап. В свою очередь Франция возвратила территории, уступленные ей Сиамом в 1904 году, и отказалась от всякой юрисдикции над ее азиатскими подданными.

В 1904 году приступила к переговорам с Сиамом и Великобритания. Они завершились заключением в 1909 году договора, согласно которому Великобритания отказывалась от всех своих прав экстерриториальности взамен за отказ Сиама от его суверенных прав над малайскими княжествами Келантан, Тренггану, Кедах и Перлис. Кроме того, она предоставила Сиаму заем в 4 миллиона фунтов стерлингов для строительства железной дороги на полуострове Малакка. В итоге Сиам выиграл от договора, ибо его права на перечисленные выше княжества были призрачны и никогда не могли иметь значения для контрагента в тех или иных переговорах.

Повествование о том, что Грэхэм удачно охарактеризовал как «затянувшийся ряд дипломатических выкрутас», в результате которых Сиам отразил хищного врага ценою пожертвования 90 тысяч квадратных миль территории, не из приятных. Оно касается периода наиболее интенсивного соперничества европейских государств за захват колониальных владений и отражает некоторые из его наихудших сторон. Как отметил один автор, Сиам «путем этой физической потери выиграл морально»[2], ибо стал более компактной и однородной страной. Очевидно, во время господства над другими народами Сиам не проявил себя с лучшей стороны. Англо-французское соглашение от января 1896 года значительно подняло дух сиамцев; оно положило начало новому периоду реформ, навеянных английскими идеями.

---

[1] Так называемое «сердечное согласие», заключенное 8 апреля 1904 года между Великобританией и Францией, состояло из конвенции и двух деклараций, разрешавших давние империалистические споры двух держав из-за дележа колоний и сфер влияний в районе Ньюфаундленда, в Западной Африке, Египте, Марокко и Сиаме. Согласно так называемой «Сиамской декларации», две державы разделили Сиам по реке Менам на две сферы влияния: западную — сфера влияния Великобритании и восточную — сфера влияния Франции. — *Прим. перев.*

[2] Virginia Thompson, Thailand, the New Siam, p. 183—192.

ЧАСТЬ IV

НАЦИОНАЛИЗМ И УГРОЗА ЕВРОПЕЙСКОМУ ГОСПОДСТВУ

ГЛАВА XXXVIII

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В начале XX века в историческом развитии Юго-Восточной Азии можно выделить новые факторы, имевшие огромнейшее значение. Вся Азия в целом, как никогда раньше, стала осознавать себя. Шел процесс брожения, который во многих отношениях имел поразительное сходство с европейским Возрождением XV—XVI веков. Однако в Юго-Восточной Азии в противоположность Европе наступление на традиции, проникновение нового образа мышления и новой техники и разрушение более старых, ранее сложившихся феодальных социальных порядков произошло в результате установления иностранного политического и экономического господства. К концу XIX века все страны Юго-Восточной Азии, за исключением Сиама, подпали под европейский контроль, причем политическая независимость самого Сиама, которой в 1893 году угрожала Франция, все еще находилась в опасности.

Угроза установления европейского господства стала ощутимой с 1511 года, после захвата Албукерки Малакки. Но европейские государства в XVI—XVII веках были не в состоянии упрочить свое господство над огромными территориями, столь отдаленными от их собственных берегов. В начале они этого и не желали. Они создавали «фактории», стремясь монополизировать торговлю, а не осуществлять политическую власть со всей вытекающей отсюда ответственностью. Свой контроль европейцы удерживали при помощи мощных флотов, а также фортов, в которых располагали свои гарнизоны. И когда, подобно голландцам в конце XVII столетия, они добились политического контроля, они не стали управлять территориями непосредственно сами, а осуществляли его через местных правителей. При этом местные институты остались почти нетронутыми, хотя в некоторых странах европейцы вмешивались в экономическую деятельность.

Португальцы объявили крестовый поход против неверующих, однако их миссионеры добились удивительно скромных успехов в борьбе как против ислама, так и буддизма теравадского толка. Голландцы и англичане вплоть до XIX столетия не пытались покушаться на существующие религии. Французы же во второй половине XVII века разработали грандиозную программу деятельности католических миссионеров, которые в качестве своей базы использовали Аютию. Однако взлелеянный Людовиком XIV проект обратить в христианство Дальний Восток рухнул, разбившись о скалу глубоких политических осложнений. Он вызвал в Сиаме сильное чувство ненависти к европейцам, которое не ослабевало до времени правления Маха Монкута. В других странах Азии, особенно Бирме, Аннаме и Тонкине, это чувство также было развито до крайней степени. В этих странах относились с величайшим подозрением ко всем видам деятельности европейцев.

XIX столетие ознаменовало собой новую фазу в распространении европейского влияния, причем во много раз возросла угроза для столь ревниво оберегаемой независимости стран Юго-Восточной Азии. Это был период быстрой политической и территориальной экспансии Запада, когда Англия, Франция и Голландия приобрели колониальные империи в Юго-Восточной Азии. Обстановка совершенно изменилась. Крупные торговые компании, направлявшие

предпринимательскую деятельность европейцев в начальный период, сошли со сцены. Купцов сменили государственные чиновники, вместо торговых прибылей был введен поземельный налог, а в метрополиях власть директоров компаний была заменена властью государственных министров.

Началась интенсивная эксплуатация естественных ресурсов; все больше увеличивалась сумма инвестиций иностранного капитала, причем не только европейского; экономическое развитие, особенно внутри стран, шло быстро, в некоторых случаях даже слишком быстро. Все это оказывало революционизирующее влияние на местную жизнь. Производители стали зависимыми от внешних рынков, а острая проблема сельскохозяйственной задолженности достигла гигантских масштабов. Огромный наплыв иностранных иммигрантов, в частности китайцев и индийцев, вызвал глубокое недовольство и создал острые проблемы. В течение некоторого времени туземные народы колониальных территорий беспомощно наблюдали за тем, как они все больше и больше оказывались в экономической кабале. Растущее осознание ими своего положения дало толчок национально-освободительному движению, характерному для первой половины XX века.

На Западе этот националистический вызов был встречен не без сочувствия. Уже в 1900 году Голландия публично заявила о принятии ею «нового курса», согласно которому *управление индонезийцами* должно быть *управлением для индонезийцев*. Франция определила свою деятельность как *цивилизаторскую миссию*. Великобритания в ответ на политические события в Индии обещала подготовить туземные народы к самоуправлению в соответствии с демократическими методами Запада и постепенно ввести самоуправление. Все три державы расширили и либерализировали управление колониями путем применения методов, рассчитанных на повышение социального благосостояния и подобных тем, которые они развивали в своих метрополиях. Все три державы поощряли распространение европейского образования. Однако, за исключением британской Малайи, где вплоть до окончания второй мировой войны не существовало мощного национального движения, новая политика явно не могла противостоять растущему недовольству господством Запада.

На национально-освободительное движение, достигшее широкого масштаба в Бирме, Индокитае и Индонезии, сильное влияние оказывали события, происходившие во всей Азии. Боксерское восстание 1899 года в Китае, выступление Японии и ее эффектная победа над Россией в 1905 году, китайская революция 1911 года и создание Сунь Ят-сеном гоминьдановской партии, растущее влияние в индийском Национальном конгрессе партии Сварадж, возвышение Мохандаса Кармчанда Ганди, положившего начало движению отказа от сотрудничества, направленного против английского владычества в Индии,— эта картина Азии, сбрасывающей с себя цепи, вызвала в них энтузиазм.

Однако в этот период рост национализма вовсе не ограничивался Азией. Мирная конференция в Версале в конце первой мировой войны способствовала росту националистических притязаний в самой Европе. При перекройке карты Европы в основу был положен принцип национального государства, правда, при довольно непрочной гарантии со стороны Лиги Наций ограничить то, что более проницательные мыслители зловеще называли «гигантским эгоизмом». Национализм и, в особенности, права малых наций стали главной темой для дискуссий, и все увеличивающееся число бирманцев, вьетнамцев и индонезийцев, получивших европейское образование в своих собственных странах или в известных европейских учебных центрах, неизбежно глотнули крепкого вина западной политической мысли.

Изучая историю Запада, они узнали о борьбе англичан за конституцию, об американской войне за независимость и Французской революции. Они читали «О свободе» Джона Стюарта Миля, их волновал страстный патриотизм Шекспира, когда они читали:

> «Нет, Англия вовеки не склонялась,
> и никогда не склонится она
> к завоевателя стопам надменным...»

и их сердца жгло пламя свободы. Именно эти люди стали особенно чувствительны к расовой дискриминации, практикуемой их западными правителями, так как от этого они страдали больше всего. И именно из их среды появились политические пропагандисты, а в конечном итоге—национальные вожди. Таким образом, националистические движения получили благодаря западному образованию средства выражения своих мыслей и методы борьбы.

Однако национализм не был порожден возмущением народов против европейского господства. Национализм в Юго-Восточной Азии, как и в Европе, имеет свои глубокие культурные истоки; несмотря на сильное влияние, оказываемое Индией, с одной стороны, и Китаем — с другой, наиболее развитые народы, которые восприняли это влияние, издревле проявляли заметную самобытность. Великие культуры, которые расцвели так пышно (особенно искусство и архитектура) в средние века — культура монов, кхмеров, тямов, яванцев и бирманцев,— не только отражают эту самобытность, но даже в своем наиболее раннем проявлении значительно отличаются от индийской. И даже во Вьетнаме, в отношении которого есть все обоснования утверждать, что его культура произошла от китайской, различия значительны, так как борьба Вьетнама за политическую независимость, успешно закончившаяся в X веке, была также реакцией на интенсивную китаизацию, систематически проводимую Китаем.

Задолго до прихода европейцев народы упомянутых выше стран имели свою местную литературу. У некоторых, особенно у бирманцев, монов, яванцев и балийцев, наблюдались большое разнообразие форм и высокий уровень письменности. В отношении бали интересно отметить утверждение Стуттерхейма, что как различные народы Европы создали свою собственную национальную культуру благодаря влиянию греческих и римских классиков, так и балийцы на основе индуизма создали «собственную, чисто национальную культуру». То же самое можно сказать с одинаковой достоверностью о других народах — бирманцах, монах, кхмерах, тямах и таи.

Вероятно, трудно сказать, насколько великие средневековые государства, такие, как Паган, Ангкор, Аютия или Маджапахит, представляли национальные идеи или устремления. В их истории существенную роль играл династический фактор. Но в борьбе бирманцев против господства шанов, в борьбе монов за свою независимость против владычества бирманцев и в войнах между Бирмой и Сиамом в XVI и XVIII веках национальные чувства были разбужены и сыграли свою роль. Наресуен и Пья Таксин, например, были национальными вождями в прямом смысле этого слова. Борьба между тямами и вьетнамцами на ее поздней стадии, совершенно очевидно, также приняла националистический характер. Национализм в этих случаях, видимо, проявился как политическое чувство, однако этот вопрос еще ждет своего систематического исследования, и его рассмотрение здесь следует считать лишь как предварительное.

Не может быть сомнения, что сопротивление, с которым столкнулись европейские державы во время территориальной экспансии в XIX столетии, в основном имело националистическое содержание. Немало вождей восстаний того периода считаются сейчас пионерами борьбы за свободу. В этой связи заслуживает внимания недавнее исследование о Дипо Негоро. Огромное большинство народов Бирмы и Индокитая в начале XX века принадлежало к поколению, родившемуся в период, когда еще не совсем угасла независимость и были свежи воспоминания о временах, предшествовавших европейскому господству. Каждое национальное движение частично черпало движущую силу из осознания исторического прошлого, предшествовавшего вторжению европейцев. Это было старательно культивируемое, оправдывавшее самые лучшие ожидания осознание славного прошлого, которое мало чем напоминало истинную историю. В этом была известная ирония, ибо не кто иной, как европейский археолог и европейский историк открыли действительные достижения прошлого и спасли исторические памятники от разрушения, а нередко и от предания их забвению.

В каждой стране национальное движение было во многом самостоятельным. Практически между лидерами разных стран не было никакой связи. Они были

более тесно связаны с левым движением в европейских странах, влияние которого они на себе испытывали. К тому же методы, используемые англичанами, голландцами и французами в подвластных им территориях, значительно различались. Поэтому трудно проводить параллели между различными движениями и опасно делать обобщения. Среди самих местных народов были большие разногласия относительно целей и методов национального движения. Одни стояли за эволюционное развитие, другие — за революционное. Встречались честные патриоты, которые стремились сохранить политические связи с Западом. Немногие выступали за восстановление отживших или отживающих свой век монархий. И, не в пример Индии, было чрезвычайно мало противников использования техники и научных методов Запада. Однако приверженность традициям сказалась в возрождении буддизма и ислама; в Бирме значительную роль стали играть буддийские ассоциации молодежи, а в Индонезии — «Сарекат ислам». Как в Бирме, так и в Сиаме буддизм стал почти синонимом национального духа; патриотизм иноверцев не признавался. Отчасти по этой причине коммунизм не смог обрести сторонников среди большинства народа. Только во Французском Индокитае коммунистам удалось установить контроль над национальным движением вьетнамцев, да и то лишь из-за непримиримости французов.

Г Л А В А XXXIX

БРИТАНСКАЯ БИРМА (1886—1942)

Самой большой ошибкой Англии в отношении Бирмы было присоединение ее к Индийской империи. Это было естественным шагом, поскольку на каждом этапе завоевание было организовано и проведено английскими властями в Индии. Неизбежным результатом этого акта явилась перестройка управления Бирмой по индийскому образцу. В Малайе этой ошибки удалось избежать, потому что проникновение англичан в эту страну началось после передачи Стрейтс-Сетлментса в ведение министерства по делам колоний. Даже еще в 1886 году можно было избежать этой ошибки, если бы при переходе всей страны под британское господство в должной мере посчитались бы с тем фактом, что культура, история и взгляды страны придали ей свой особый характер, сохранить который всеми возможными средствами было долгом завоевателей. Однако, поскольку очень немногие разбирались в этих вопросах, решающую роль сыграли соображения административного порядка.

Когда-то принято было говорить, что для того чтобы стать ирландцем, достаточно прожить в Ирландии в течение трех поколений. То же можно сказать и о Бирме. Больше того, первые английские администраторы пришли к выводу, что единственным эффективным средством добиться чего-нибудь является применение методов бирманцев. Любое явление бирманцы оценивали в зависимости от того, в какой степени оно соответствует бирманским обычаям, и ответ: «Это не в наших обычаях!»— данный двором Авы английскому послу в связи с каким-нибудь его предложением, был ответом окончательным; дальнейшее обсуждение было бесполезно. В связи с этим в Тенассериме после его оккупации в 1826 году и в Пегу после 1852 года хотя и был намечен порядок управления, соответствовавший образцу, введенному англичанами в Индии, на практике управление приближалось к бирманским традиционным методам. Хотя в теории применялся метод прямого управления, установленный в Бенгалии, на практике преобладало косвенное управление, имевшее некоторое сходство с голландской системой управления на Яве. Жизнь рядового сельского жителя протекала в основном так же, как и при бирманском управлении, а в городах жило очень мало бирманцев.

Радикальное изменение положения произошло под влиянием различных факторов. Во-первых, унификация управления по образцу управления в Индии стимулировалась в значительной степени стремлением к ликвидации беспорядков, возникших после присоединения Бирмы в 1886 году. С точки зрения более отдаленной перспективы этот фактор мог утратить свое решающее значение; традиционные бирманские методы могли со временем вновь утвердиться, если бы не возрастающее разделение функций и дополнительные обязанности, которые правительства современного западного типа брали на себя в течение последующего периода. Старая политика невмешательства была оставлена, и изобретены новые формы государственного вмешательства, преследовавшие цель повышения производительности и социального благосостояния. Наряду с этим в результате огромного усовершенствования средств связи все более и более расширялся централизованный контроль — контроль секретариата Рангуна

над администрацией округов и контроль английских властей в Индии над администрацией провинций.

После аннексии Бирмы возникла неотложная проблема устранения беспорядков. Бирманская армия пренебрегла приказом о сдаче и растеклась по деревням в джунглях, сохранив свое оружие, чтобы вести партизанскую войну на обширной территории. *Туджи*, являвшиеся основой бирманской системы окружной администрации, стали вожаками движения сопротивления и во главе мятежных отрядов действовали повсюду, пытаясь помешать образованию устойчивого управления. Не менее пяти принцев королевской семьи, из которых каждый был претендентом на престол, удерживались в различных районах. К тому же серьезное восстание вспыхнуло в Нижней Бирме. Ликвидация королевской власти, каким бы ничтожеством ни был сам Тибо, вызвала по всей стране реакцию против иностранного господства. Потребовалось пять лет тяжелой борьбы для того, чтобы подчинить страну, и в период наибольшего сопротивления в операциях участвовали войска численностью в 32 тысячи человек и 8500 человек военной полиции.

Для целей гражданской администрации Верхняя Бирма, за исключением шанских государств и обширных горных районов, населенных небирманскими народами, была разделена на четырнадцать округов, каждый из которых управлялся заместителем или помощником комиссара. Что касается налоговой и гражданской судебной службы, то первоначально Чарлз Бернард намеревался предоставить туземным ведомствам возможность управлять в соответствии с местными обычаями. Однако преемник Чарлза Бернарда Чарлз Кростуэйт являлся твердым приверженцем администрации, установленной в Индии, и привез с собой готовый план превращения деревни в основную социальную и политическую единицу, подобно тому, как это имело место в Индии. По его мнению, староста участка прежней администрации, известный под названием *мьотуджи*, или *тайтуджи*, по выражению автора недавно опубликованного исследования[1], «затмил и узурпировал законную власть сельского старосты». Его план поэтому заключался в том, чтобы разбить участок на деревни и усилить значение деревни как административной единицы в первую очередь для того, чтобы использовать ее в целях восстановления законности и порядка, ибо он прежде всего намеревался возложить на деревенскую общину ответственность за преступления, совершенные на ее территории.

Новая политика нашла свое воплощение в «Распоряжении о деревнях Верхней Бирмы» от 1887 года и в «Законе о бирманской деревне» от 1889 года, которые применялись по всей стране. В результате этих двух мероприятий старосты участков и деревень были облечены законными полномочиями в отношении поддержания порядка и взимания налогов. В результате этого *мьотуджи* и *тайтуджи* были постепенно устранены. Таким образом, наиболее крупная туземная социальная и политическая единица предшествовавшего периода была уничтожена и было установлено стереотипное прямое управление, при котором деревни были поставлены под начало гражданского служащего *мьо-о*, или районного чиновника.

Дж. С. Ферниволл, который имел многолетний опыт администратора в Бирме, не только непосредственно наблюдал за действием новой системы, но и тщательно изучил имевшиеся местные материалы, касающиеся системы *мьотуджи*[2], охарактеризовал результаты перемен в недавно вышедшей работе[3]. Во-первых, пишет он, на деревни были возложены обязанности, которые не компенсировались какими-либо правами. Во-вторых, в целях обеспечения равномерного распределения обязанностей старост и сочетания достаточного воз-

[1] F. S. V. Donnison, Public Administration in Burma, London and New York, 1953.

[2] Главные отчеты представляют собой собрание нескольких тысяч документов, известных под названием *Ситаны*. Ферниволл собрал большое число этих документов в томе, который, по-видимому, никогда не был опубликован. Он был использован Ма Мья Сейн для исследований, послуживших основой ее работы «Administration of Burma», Rangoon, 1938.

[3] J. S. Furnivall, Colonial Policy and Practice, p. 74—76.

награждения с эффективным управлением (с точки зрения надзора со стороны *мьо-о*) после 1909 года был проведен широкий план объединения деревень. Вызванное этим слияние деревень привело к сокращению числа старост более чем на 2 тысячи и превратило деревню в чисто искусственную административную единицу. В-третьих, с ликвидацией *мьотуджи* постепенно исчезала привычка в случае серьезных конфликтов между соседними деревнями обращаться к его арбитражу, «с тем чтобы найти компромисс на основе общепринятых обычаев»; на смену этому обычаю пришла «механическая логика судов». Общий вывод Ферниволла сводится к тому, что «народное самоуправление бирманских времен было заменено иностранной правовой системой».

Можно сомневаться в правильности применения термина «народное самоуправление» к полуфеодальной власти *мьотуджи*, хотя следует признать, что *мьотуджи* был связан местными обычаями и не принимал произвольных решений. Однако можно сомневаться и в способности старого бирманского института справиться с новыми обязанностями, которые он, безусловно, должен был бы выполнять в условиях XX столетия. Великое зло новой системы заключалось в том, что *мьо-о*, как гражданский служащий, подвергался частым перемещениям и редко оставался на одном месте достаточно долго, чтобы изучить все, что требовалось для налаживания хорошего управления, в то время как *мьотуджи* был местным жителем, предки которого до него занимали этот пост.

Искусственная связь Бирмы с Индией имела и другие неблагоприятные последствия. Два ее первых верховных комиссара, Артур Фейр и Альберт Фитч, наибольший период своей прежней деятельности провели в Бирме; они говорили по-бирмански, понимали религию и знали обычаи бирманцев, а Фейр написал первую на английском языке образцовую историю Бирмы. Однако после отставки Фитча в 1871 году пост верховного комиссара, а затем лейтенант-губернатора провинции занимали люди, получившие образование в Индии и стремившиеся по получении повышения вернуться туда. Они так и не научились бирманскому языку и обладали лишь поверхностным знанием страны.

Больше того, связи с Индией обусловливали отрицательное отношение английских администраторов в Бирме к религии страны. В то время буддизм был уже не просто религией народа, но и государственной религией и являлся таковой со времен правления короля Пагана Аноратхи (1044—1077). Поэтому с ликвидацией монархии вставал важный вопрос о положении буддийской организации при новом режиме. Люди, долго служившие в Бирме, особенно полковник (позднее сэр Эдуард) Слэден, близко знавший Миндона, настаивал на том, чтобы новое правительство поддерживало законную власть глав буддийской церкви, как это делали бирманские короли. Это требование поддерживали влиятельные бирманские лидеры. Глава буддийской церковной организации — Татанабайнг возглавил делегацию к главнокомандующему Фредерику Робертсу, обратившуюся к нему с просьбой утвердить полномочия церковной комиссии, действовавшей при королях.

Все его требования были охотно удовлетворены, за исключением одного крайне важного вопроса о признании его собственных полномочий и церковного кодекса, на основании которого поддерживалась дисциплина в монастырях этого ордена. Англичане утверждали, что, если они в этом вопросе последуют примеру короля, это явится своего рода вмешательством в вопросы религии, а декларация королевы от 1858 года, изданная после окончания индийского мятежа, содержала твердое обещание, что ее правительство воздержится от такого вмешательства. В Нижней Бирме буддийская церковь уже утратила дисциплину и спаянность в результате ее отрыва от главной церкви. Теперь с ликвидацией последних остатков церковной автономии утрачивался единственный эффективный механизм, регулирующий прием в члены ордена и исключение непокорных членов. Вытекавший отсюда упадок монастырской дисциплины привел к появлению невежественных, недисциплинированных монахов, пренебрегавших изучением священных палийских канонов ради того, чтобы заниматься подстрекательством к мятежу и создавать беспорядки.

Повышение верховного комиссара в 1897 году до ранга лейтенант-губернатора провинции, при котором находился законодательный совет из девяти назначаемых членов (в том числе пять недолжностных лиц), явилось прелюдией, хотя и не причиной, к значительному расширению функций управления и увеличению числа новых департаментов, занимавшихся вопросами социального благосостояния. Постепенно вводилась также судебная система, основанная на английском принципе разделения власти. Это началось с основания в 1900 году главного суда для Нижней Бирмы, за которым последовало в 1905 году создание отдельной судебной службы, которая должна была освободить чиновников исполнительной власти от всех гражданских и некоторых уголовных дел. Вначале по соображениям экономии это нововведение не применялось в Верхней Бирме, где комиссары области слушали дела на заседаниях суда, а заместители комиссаров разбирали гражданские дела в более отдаленных районах. Больше того, многие справедливо считали, что разделение власти на уровне ниже Верховного суда не будет способствовать хорошему управлению и что касается по крайней мере заместителя комиссара, правильнее было сосредоточивать власть в его руках, чем разделять эту власть[1].

Рост числа специализированных департаментов, начавшийся в 1899 году созданием особого департамента, к которому должно было перейти управление тюрьмами от генерального инспектора гражданских госпиталей, был отчасти обусловлен поощряемой крупным капиталом новой кампании за «увеличение производительности», а отчасти заботой о социальной справедливости, которая возрастала на протяжении всего XIX века среди более прогрессивных слоев англичан и которая должна была оказать столь могущественное влияние на политику в XX веке. Голландцы почувствовали влияние этого гуманистического импульса в то же самое время и объявили «новый курс» в Индонезии. В Бирме создание специального департамента по управлению тюрьмами было ускорено отчасти потому, что ввиду большого роста преступности и общего беззакония, являвшихся выражением протеста рядового бирманца против вводимых иностранными властями новшеств, было необходимо разгрузить чиновников общего административного аппарата, с тем чтобы они могли сосредоточить свои силы на кампании против преступности.

В 1900 году для более эффективного разрешения вопроса о поземельном налоге был назначен комиссар по делам поселений и регистрации земель. С 1900 года был также установлен более строгий контроль над обучением и началось значительное расширение государственного образования. В 1904 году был основан департамент кооперативного кредита. В 1905 году был назначен главный начальник службы охраны лесов, а в 1906 году — директор департамента сельского хозяйства. Появились департаменты сельского хозяйства, ветеринарный и рыболовства, а в 1908 году был назначен комиссар по вопросам санитарии и стал функционировать департамент общественного здравоохранения в качестве организации, существующей отдельно от медицинского департамента, частью которого он раньше являлся. В Рангуне появился новый крупный секретариат, который должен был связывать все эти департаменты, и бюрократическое управление стало обычным явлением.

Либералы гладстоновского толка стремились благоприятствовать политическому просвещению индийского народа путем постепенного внедрения местного самоуправления. Уже в 1874 году по настоянию английских властей в Индии в нескольких бирманских городах были образованы муниципальные комитеты, члены которых назначались. В 1882 году был введен принцип выборности. В области самоуправления прогресс был, однако, невелик. Общие действия затруднялись тем, что городское население состояло из различных национальных общин: бирманцев, китайцев и различных индийских народностей. Местное общественное мнение было также против всяких мероприятий, которые могли бы привести к росту налогового обложения, и часто не сочувство-

---

[1] Доннисон в своей книге (F. S. V. Donnison, op. cit., p. 40—41) высказывает по этому вопросу некоторые полезные замечания.

вало тем благим целям, для достижения которых создавались подобные комитеты. Поэтому эта система имела значительный успех только в Рангуне с его относительно большим числом европейцев и образованных азиатов.

Окружные сельские комитеты, впервые образованные в 1884 году, опять же по настоянию властей в Индии, явились крайне неудачным экспериментом самоуправления. Местному чиновнику приходилось держать их крепко в руках, а так как крайне вредная практика частого перемещения мешала ему хорошо изучить свой округ, общим результатом этого была неэффективность методов управления и коррупция среди подчиненных.

В результате реформы Минто — Морли 1909 года, касающейся управления Индией, число членов законодательного совета Бирмы было увеличено до 30 человек, причем большинство из них не были должностными лицами. Совет имел право делать запросы, выносить резолюции, проводить голосование, но его резолюции не были обязательны для правительства. Несмотря на резко выраженное желание самого Морли, чтобы реформы прямо или косвенно не привели к введению парламентской системы в Индии, теперь представляется очевидным, что в 1909 году Англия фактически перешла Рубикон, хотя принцип народных выборов и не был введен. Это стало ясным в годы первой мировой войны, когда Англия, чтобы удержать Индию, обещала обеспечить политический прогресс и в качестве конечной цели ввести ответственное самоуправление.

Однако доклад Монтегю — Челмсфорда, который положен в основу «Закона об управлении Индией» 1919 года, рекомендовал, чтобы вопрос о Бирме был отложен до специального обсуждения, поскольку ее народ принадлежит к другой расе, находится на другом уровне политического развития и перед ним стоят совершенно другие проблемы. Всех поразила та буря протеста, которая внезапно разразилась в Бирме, когда стал известен характер альтернативных предложений в отношении ее политического развития. Национальные чувства бирманцев достигли крайнего подъема; были организованы бойкоты, и раздавались громогласные требования самоуправления.

Поэтому парламент в 1921 году решил распространить на Бирму диархическую[1] форму конституции, которая была введена в других индийских провинциях «Законом об управлении Индией» 1919 года.

Был назначен комитет по делам реформ в Бирме под председательством Фредерика Уайта, который должен был на месте выработать детали нового устройства; и хотя экстремисты среди бирманских политиков отвергли диархическую систему как недостаточную, Бирма в 1923 году стала провинцией, во главе которой стоял губернатор, и, за исключением шанских государств, Каренни и районов, населенных горными племенами, были сделаны первые шаги к «постепенному осуществлению ответственного самоуправления».

Основные черты новой системы сводились к следующему: число членов Законодательного совета увеличивалось до 103 человек, из которых 79 должны были быть избраны на основе демократического избирательного права, 2 входили по должности и 22 должны были назначаться; управление было поручено губернатору, при котором находился Исполнительный совет, состоявший из двух членов, которые должны были ведать вопросами, резервированными за губернатором, и двух ответственных перед законодательным органом министров, которые должны были ведать вопросами, переданными им губернатором. К вопросам, резервированным за губернатором, относились: оборона, закон и порядок, финансы и доходы. Департаменты ведали переданными им вопросами просвещения, здравоохранения, лесного хозяйства и акцизами. Передача очень важного лесного департамента поставила Бирму впереди всех других провинций, за исключением Бомбея. Избирательное право было предоставлено главам семьи не моложе восемнадцати лет, без различия пола.

---

[1] Диархия — система управления, введенная в начале 20-х годов XX века в Индии и Бирме, при которой часть вопросов, наиболее важных (обороны, финансов и т. п.), находилась в полном ведении английского губернатора, а менее значительных (здравоохранение, образование)—в ведении министров, входивших в Исполнительный совет.— *Прим. ред.*

Чем было вызвано введение такого широкого избирательного права с возрастным цензом, более низким, чем в какой-либо европейской демократической стране? В комментариях Ферниволла по этому вопросу содержится краткое изложение различных попыток объяснить этот удивительный шаг[1]. «Официальное объяснение заключалось в невозможности установить возрастной, имущественный и образовательный ценз; наивные люди приветствовали это как свидетельство веры в либеральные идеалы; циники объясняли это раздражением, вызванным необходимостью делать «хорошую мину при плохой игре» или хитростью: если, мол, народу не нравится бюрократия, пусть получает полную демократию и в ней разочаруется. Наиболее благожелательно настроенные объясняли это тем, что правительство верило, что заслуженная, по его мнению, приверженность «консервативных элементов» перевесит недовольство нескольких опасных агитаторов».

Кроме того, Бирма получила пять мест в новом индийском законодательном органе в Нью-Дели, ведавшем «центральными вопросами». Было также предусмотрено большое увеличение числа местных органов самоуправления; большинство членов — как муниципальных комитетов, так и сельских окружных комитетов — должно было избираться. Более того, эти органы были облечены широким кругом полномочий, включая вопросы содержания дорог (за исключением главных), здравоохранения, санитарии, содержания госпиталей, надзора за состоянием скота, обеспечения и управления бойнями, организации и контроля над рынками, функционирования паромов и организации школьных советов; а это означало, что Бирма действительно получила в весьма значительной степени самоуправление как на местах, так и в центре. Перемены не коснулись правосудия, хотя почти в то же самое время был образован Верховный суд, который заменил собой главный суд в Нижней Бирме и комиссара по судебным делам в Мандалае, а разделение судебных функций достигло такой степени, что окружные комиссары уже больше не созывали сессий.

В Законодательном совете с самого начала образовался прочный националистический блок, который обычно располагал большим числом голосов, чем правительство. Господствующей партией была Народная партия, или «Партия двадцати одного»[2], возглавлявшаяся умеренным У Ба Пе. Существовала также небольшая Независимая партия во главе с Дж. А. Маунгом Джи, который был склонен поддерживать правительство. Крайние националисты во главе с У Чи Хлайнгом, президентом Великого совета буддийских ассоциаций (ВСБА), бойкотировали совет.

Избиратели вначале проявляли безразличие, и личное соперничество между выбранными лидерами мешало действенному объединению для контроля над правительством. Поэтому нетрудно было найти кандидатов на министерские посты даже среди оппозиции. В самом начале господствующая партия требовала улучшения системы просвещения с целью подготовить бирманцев к самоуправлению, быстрой бирманизации государственных учреждений, поощрения местного экономического развития, ограничения иностранной «эксплуатации» и предоставления бóльших денежных средств департаментам, «имеющим значение для национального развития», а также на цели сельскохозяйственного кредита. Наблюдался заметный прогресс в области просвещения и здравоохранения, но важные экономические и расовые проблемы были столь же далеки от разрешения, как и прежде. Финансы, представлявшие наиболее трудную проблему, относились к вопросам, резервированным за губернатором; и хотя департаменты, ведающие вопросами, переданными губернатором министрам, и получали причитающуюся им долю из денежных ассигнований, тот факт, что руководители не располагали полномочиями возложить какое-либо дополнительное бремя на налогоплательщика, означал, что проведение широкой национальной политики реконструкции было крайне затруднено.

---

[1] Furnivall, op. cit., p. 160.

[2] Получившая свое название по числу членов, подписавших первую программу партии.

Тем не менее диархия представляла собой действительно реальный шаг вперед в области политического воспитания обеих сторон. Во всем этом чувствовалось, однако, нечто получившее название «неустойчивый дух непостоянства»[1], ибо в «Законе об управлении Бирмой» 1921 года было указано, что через десять лет будет образована конституционная комиссия, которая обсудит возможность проведения дальнейших реформ. Вскоре было предъявлено требование о назначении этой комиссии раньше намеченного срока, создания полностью ответственного правительства и отделения Бирмы от Индии. Стремление к отделению было естественным, ибо возраставшая иммиграция из Индии и экономическая конкуренция вызывали у бирманцев опасения, что их страна может со временем превратиться в вассальное государство индийского содружества, управляемое индийцами.

В 1928 году прибыла «комиссия Саймона», чтобы изучить результаты реформ, проведенных в 1923 году. В своем отчете комиссия высказалась в пользу отделения и рекомендовала произвести еще целый ряд конституционных изменений. Однако внезапно мнение бирманцев по вопросу об отделении изменилось. Крикливая группа под руководством молодого претендента на политическое руководство д-ра Ба Мо утверждала, что, если Бирма будет отделена от Индии, темпы ее конституционного развития могут оказаться более медленными, чем в Индии. Наибольшие их подозрения вызывал тот факт, что правительство и крупный капитал безоговорочно стояли за отделение. Фактически одна из главных причин, почему официальные круги высказывались за отделение, заключалась в следующем: они считали, что доля Индии в доходах Бирмы слишком велика. Центральные налоги, как, например, подоходный налог, и таможенные пошлины могли возрастать в гораздо большей степени, чем доходы провинций.

В то время как с ноября 1931 года по январь 1932 года в Лондоне заседала специальная Конференция круглого стола по вопросу о Бирме и обсуждала основные положения конституции для отделенной от Индии Бирмы, волнение в стране достигло кульминационного пункта и привело к образованию сильной антисепаратистской лиги, которая ратовала за присоединение к предполагаемой Индийской федерации с правом выхода из нее. На обших выборах в ноябре 1932 года эта лига одержала полную победу. Едва ли нашелся бы хоть один бирманский антисепаратист, который был бы сторонником постоянного союза с Индией. Поэтому, когда Англия дала ясно понять, что она не склонна предоставить Бирме право по своему желанию отделиться от Индии, лига резко изменила свою позицию. По «Закону об управлении Индией» от 1935 года разделение этих двух стран должно было произойти 1 апреля 1937 года.

Новая конституция отделенной Бирмы определена в общих чертах в части XIV и в таблицах X—XV «Закона об управлении Индией», причем «сущность ее составил «Закон об управлении Бирмой» 1935 года, а дух был выражен в инструкциях его величества правительству»[2]. Правительство Бирмы было подчинено непосредственно английскому парламенту; министр по делам Индии стал министром по делам Индии и Бирмы, и было создано особое управление для Бирмы под началом заместителя министра по делам Бирмы. Ответственность за внешнюю и внутреннюю оборону, за валютную политику, денежное обращение и чеканку монет, иностранные дела и исключенные территории (шанские государства, Каренни и районы, населенные горными племенами) была теперь возложена исключительно на губернатора. По всем остальным вопросам, за исключением некоторых чрезвычайных полномочий, возложенных на него, он должен был действовать в соответствии с советами своих министров. Общее управление было поручено ответственному перед законодательным органом кабинету министров из десяти человек, возглавляемому премьер-министром.

Законодательный совет состоял из двух палат. В верхнюю палату, сенат, входило 36 членов, половина из которых избиралась палатой представителей,

[1] Donnison, op. cit., p. 55.
[2] Там же, p. 73.

а половина назначалась губернатором. Палата представителей насчитывала 132 члена, из которых 92 избирались по территориальным избирательным округам, а остальные представляли общины и другие специальные группы, такие, как Рангунский университет, торговцы и рабочие. Избирательное право было даже расширено; оно было распространено на большинство мужчин старше двадцати одного года и всех женщин того же возраста, способных выдержать элементарное испытание по грамотности.

Полномочия, резервированные за губернатором, теоретически были большими, чем на практике. В инструкциях губернатору рекомендовалось «так осуществлять свои полномочия, чтобы не давать министрам возможности полагаться на специальные полномочия губернатора с тем, чтобы снять с себя ответственность, которая лежит именно на них». Он должен был — там, где только возможно,— консультироваться с ними даже по вопросам, входившим в сферу его специальных полномочий. Надеялись на то, что его «специальные полномочия», рассчитанные на предотвращение серьезной угрозы внутреннему миру, защиту национальных меньшинств и предотвращение несправедливой дискриминации английских подданных и их товаров, по мере возможности останутся без применения.

Бирманский кабинет и парламент располагали теперь почти полным контролем над внутренними делами. Первые общие выборы сопровождались острой борьбой. Д-р Ба Мо был первым премьер-министром; он и его коллеги добились своих постов путем обещания разрешить серьезные проблемы, связанные с тяжелым состоянием сельского хозяйства, коррупцией и неэффективностью сельской администрации. Их первые попытки были не очень успешны. Новой системе управления, однако, не удалось утвердиться и устояться, так как миру во всем мире уже угрожали нацистская Германия и Япония, вторгнувшаяся в Китай. На политической жизни внутри страны отрицательно сказывалось личное соперничество претендентов на власть, что влекло за собой появление большого количества мелких партий. Доннисон, служивший в Бирме при новой системе управления, пишет, что «первая реакция новых министров на расширение власти, присвоенной им новым законом, выразилась в том, что они стали более дерзкими, менее добросовестными, более циничными и, как правило, вмешивались в дела управления и даже иногда оказывали давление на суды».

Англия раньше, чем Голландия, приступила к разрешению проблемы образования среди туземного населения. Фейр в качестве первого комиссара Британской Бирмы стремился создать систему образования на базе монастырских школ, которые, как и в Сиаме, давали общее начальное образование для мальчиков по всей стране. Его план, однако, не удался, так как первый директор департамента народного просвещения, назначенный в 1866 году, вскоре умер, а его преемник не знал бирманского языка.

Следующий план предусматривал замену монастырских школ светскими. В конечном итоге оба типа школ получали субсидии и инспектировались. Но в связи с неизбежным спросом на людей, знающих английский язык, вызванным потребностью государственных и деловых учреждений в клерках, внимание было обращено на развитие англо-бирманского образования. Государственные школы были основаны в 70-х годах, а миссионерские школы получали субсидии от католической церкви, Общества проповеди евангелия и все возрастающую помощь от американской баптистской миссии. Некоторые из лучших учеников этих школ сдавали экзамены в Калькуттский университет.

Когда в 1880 году вся система образования была пересмотрена и были введены экзамены в провинциях, конечной целью почти всех средних школ была подготовка к сдаче экзаменов в Калькуттский университет; однако основанная в 1873 году Рангунская англо-бирманская государственная школа ввела более высокую ступень обучения — Рангунский государственный колледж, который в 1884 году начал готовить учащихся для получения экстерном степени Калькуттского университета. Политика департамента просвещения, однако, заключалась скорее в поощрении основания частных школ, чем в организации государственных. В 1900 году насчитывалось 16 миссионерских сред-

них школ и небольшой баптистский колледж в Рангуне, где карены могли получать высшее образование. Департамент просвещения содержал пять нормальных школ для подготовки учителей и, кроме государственной средней школы и колледжа в Рангуне, ряд профессиональных школ, готовивших специалистов по землеустройству, элементарной технике, лесному делу и акушерству. Всего насчитывалось 17 тысяч туземных школ, из них 341 — для девочек.

В XX веке в связи с растущим спросом на людей со средним образованием, владеющих английским языком, сильно ослабел интерес к монастырским школам, и внимание было сосредоточено на увеличении числа средних школ. Это неизбежно выдвинуло на первый план вопрос о высшем образовании, и первый крупный спор по вопросу об отделении от Индии возник в связи с требованием создания собственного, независимого университета в Бирме. Это повлекло за собой основание в 1920 году Рангунского университета, представлявшего собой учебное заведение и интернат; в его состав вошли два существовавших до того высших учебных заведения—государственный и баптистский колледжи.

Университет начал свое существование в период крайнего политического напряжения, связанного с вопросом о диархии, а также с отказом департамента просвещения поддержать институт, созданный по образцу калькуттского, предоставлявший степени обучающимся экстерном и поощрявший деятельность местных филиальных общеобразовательных колледжей; это наряду с борьбой по вопросу об англо-бирманском образовании повлекло за собой по всей стране бойкот государственных и миссионерских учебных заведений. Совет национального просвещения сделал попытку создать законченную систему образования, свободную от государственного контроля. Национальное образование должно было открыть путь к национальной независимости и самоуправлению.

Это было наиболее внушительное движение, но после введения диархии и передачи образования в ведение бирманского министра оно потеряло свою актуальность. Попытки добиться примирения увенчались успехом, особенно когда в 1924 году был издан дополнительный закон об университете, предоставлявший бирманцам больший контроль. Бойкот был прекращен и лучшим школам Совета национального просвещения было предоставлено право на государственные субсидии. Университет также получил достаточно средств для расширения своей деятельности — открыть медицинский, технический и лесной факультеты, равно как создать крупный современный педагогический факультет, при котором были организованы школы для прохождения практики. Это послужило огромным стимулом для развития образования и культуры по всей стране[1]. Кончавшие этот университет значительно способствовали повышению уровня той службы, для работы в которой они были предназначены.

Однако попытки политического давления, часто предпринимавшиеся до 1937 года, стали значительно более ощутимы с введением в этом году новой конституции для Бирмы, и тот высокий уровень, который с большим трудом был достигнут до этого времени, начал неизбежно снижаться. Союз студентов также превратился в удобное поле деятельности для безответственных политических агитаторов, и дисциплина была подорвана. Введение нового устава для университета в 1939 году вдохновлялось не одними лишь честными целями образования; это делалось с намерением использовать его для подготовки политических агитаторов против англичан.

К сожалению, однако, авторы слишком много внимания обращали на эту сторону вопроса, так что подлинная ценность проделанной университетом в течение этого периода работы остается не освещенной[2]. Оглушающая болтовня плохо осведомленных критиков мешает правильно оценить факты.

---

[1] Жалобы Доннисона (D o n n i s o n, op. cit., p. 70) на то, что «курс обучения был часто нереалистичен и недостаточно связан с нуждами страны», отражают исключительно ошибочную позицию европейцев в отношении университетского образования для жителей Азии. Подлинным злом они считали тот факт, что это *было* университетское образование, а не высшее техническое образование, «связанное с нуждами страны».

[2] Пребывание и работа в университете с декабря 1952 по март 1953 года больше чем когда-либо убедили автора в том, что так именно и обстояло дело.

ГЛАВА XL

ГОЛЛАНДСКИЙ «НОВЫЙ КУРС» И НАЦИОНАЛИЗМ В ИНДОНЕЗИИ (1900—1942)

К 1900 году мнение голландцев по колониальным вопросам сводилось к тому, что политика частного предпринимательства устарела. Было ясно, что защитников этой политики мало беспокоят интересы индонезийцев и что огромная мощь, которой обладает частный капитал, находится в руках нескольких крупных корпораций, способных объединенными силами встать на защиту своих интересов, поистине «сверхмощных целей» новейшего времени. Д-р Абрахам Купер, занявший пост премьер-министра Нидерландов в 1901 году, был автором изданной в 1880 году брошюры под названием «Наша программа», в которой он доказывал, что правительство должно придерживаться политики моральной ответственности за благосостояние туземных народов. Эту идею он выразил в «тронной речи» этого года. Так было положено начало так называемой «этической политике».

К этому времени в состав голландского парламента впервые вошли социалисты, которые провозгласили во всеуслышание доктрину: «Правительство Ост-Индии для Ост-Индии!»— имея при этом в виду в качестве конечной цели введение самоуправления. Однако гораздо более сильное впечатление произвел либерал С. Т. ван Девентер, который не только составил проект новой программы своей партии, требующей повышения благосостояния, децентрализации и более широкого участия индонезийцев в управлении, но в 1899 году вызвал сенсацию своей статьей, озаглавленной «Долг чести», в которой он доказывал, что Ост-Индии должны быть возвращены все деньги, полученные по активному сальдо (*батиг сальдо*) после 1867 года, когда парламент принял на себя ответственность за финансы Ост-Индии.

Так, еще раз после обильных излияний благородных чувств была выдвинута программа «децентрализации» и повышения благосостояния туземных народов, причем почти с той же невероятной нерешительностью, которая отмечалась при ликвидации «системы культур». «Децентрализация» явилась новым евангелием. Она предусматривала передачу власти из Гааги в Батавию, от генерал-губернатора — департаментам и местным чиновникам и от европейских — индонезийским чиновникам. Децентрализация означала также создание автономных органов, управляющих своими делами в сотрудничестве с правительством. На практике, однако, закон о децентрализации от 1903 года и указы 1904—1905 годов о создании местных советов[1], состоявших из индонезийцев, европейцев и китайцев, отнюдь не заходили так далеко, как план децентрализации, представленный генерал-губернатором Мейером правительству Нидерландов еще в 1867 году. И вплоть до начала первой мировой войны, когда связи между Батавией и Гаагой были прерваны, генерал-губернатор оставался под полным контролем правительства Нидерландов.

В 1905 году заместитель директора гражданской службы де Графф поставил вопрос о замене европейцев индонезийцами и об объединении обеих служб в соответствии с его предложением провести реформу территориального устройства Явы, которая предоставила бы местным чиновникам бо́льшую власть.

[1] С совещательным голосом.—*Прим. ред.*

Но до поры до времени вопрос о реформе был отложен. В 1914 году де Графф представил более обширный план, предусматривавший реорганизацию управления Ост-Индии путем создания 12 административных единиц, каждая из которых располагала бы известной финансовой автономией. Это предложение тоже было отвергнуто, однако его план предоставить индонезийским чиновникам бо́льшую власть, «эмансипировать их», по его выражению, получил всеобщее одобрение. Однако ничего не предпринималось до 1921 года, когда было принято решение сделать некоторые уступки регентам в качестве признания их особых заслуг. Однако первый «эмансипированный» регент заявил, что это никак не изменило его положения, и на протяжении дальнейших десяти лет, по словам Раден Джайядинииграт, «европейская администрация осталась точно такой же, как была»[1].

Тем временем сторонники «этической политики» обратились к деревне, как рычагу повышения благосостояния туземного населения. В 1906 году де Графф издал постановление о деревне, предусматривавшее создание сельского управления, состоявшего из старосты и сельских чиновников, а также сельского собрания, призванного управлять сельскими учреждениями и обеспечивать потребности деревни. Начиная с этого времени принимались меры для улучшения сельскохозяйственного производства и ветеринарного обслуживания, для устройства сельских школ, для предоставления на здоровых началах кредита и для улучшения здравоохранения. Была создана хорошо разработанная система сельского управления. Она явилась, однако, орудием столь чрезмерного вмешательства сверху, что едва ли сохранялась в какой-либо степени автономия деревни, и в результате это восстановило деревенских жителей против голландского управления. Методы голландцев были охарактеризованы Ферниволлом следующими словами: «Дайте я вам помогу, дайте я вам покажу, как это надо делать, дайте, *я это сделаю за вас*»[2].

Первые признаки пробуждения национального самосознания начали проявляться на Яве в начале XX века. Такие внешние события, как боксерское восстание в Китае, восстание на Филиппинах против Испании и возвышение Японии, несомненно, сыграли свою роль, ибо они оказали заметное влияние на умы небольших групп *ученых* в различных странах Юго-Восточной Азии, недовольных тем второстепенным положением, которое им было отведено при господстве европейцев. Знаменательно, что в 1899 году японцы потребовали и получили равные права с европейцами в Нидерландской Индии. Однако в каждой стране национальное движение имело свой специфический характер.

Характерной чертой Индонезии на раннем этапе ее существования было преобладание Явы, причем две трети населения были сосредоточены на одной пятнадцатой части ее площади. Здесь большую роль играли культурные факторы, растущее осознание ценности яванской культуры, уходящей своими корнями в далекое прошлое, и требование развития просвещения, в отношении которого голландцы до XX века проявляли прискорбно пренебрежительное отношение. Новая глава в национальном движении открылась с появлением в 1900 году борца за женское образование в лице одаренной Раден Адженг Картини, дочери регента Джапары. Ее письма[3], опубликованные в 1911 году, стимулировали проявление духовной энергии туземцев, что привело к основанию школ имени Картини для девочек. Как она, так и д-р Вахидин Судирохусодо, врач в отставке, начавший в 1906 году кампанию за развитие Явы, считали распространение западного образования средством спасения.

В 1908 году Судирохусодо основал первую национальную организацию «Буди утомо» («Высокая цель»), в которую входили главным образом интелли-

---

[1] Raden Djajadiningrat, Indonesische Genootshap, 1929, p. 83, цит. у Ферниволла в его «Netherlands India», p. 269.

[2] Furnivall, op. cit., p. 389.

[3] Голландское издание вышло под названием «Door duisternis tot licht. Gedachten over en voor het Javaansche volk». Имеется английское издание «Letters of Javanese Princess by Raden Addjng Kartini», New York, 1920. Картини умерла в 1904 году в возрасте 25 лет.

генция и яванские чиновники. Цель ассоциации, вдохновлявшейся индийским поэтом Рабиндранатом Тагором и до некоторой степени Мохандасом Ганди, заключалась в организации школ на национальной основе. В 1911 году возникла другая ассоциация—«Сарекат ислам»[1], весьма отличавшаяся от первой по характеру и явившаяся проявлением оживления исламизма среди населения

Раден Аджеш Картини.

Суматры и Явы в противовес усилению деятельности христианских миссионеров. При своем возникновении «Сарекат ислам» выступил, однако, как объединение яванских торговцев батиком в борьбе против китайской конкуренции. Объявленные им четыре первоначальные цели состояли в поощрении индонезийского торгового предпринимательства, взаимной экономической поддержке, повышении духовного и материального уровня индонезийцев и борьбе за чистоту истинной религии — ислама. Очень быстро ассоциация приобрела народный характер, и через четверть века число ее членов достигло двух миллионов. «Ислам стал связующим началом и символом общих действий против других национальностей»,— пишет Коленбрандер[2]. На первом съезде этой организации, состоявшемся в Сурабайе в январе 1913 года, ее лидер Омар Саид Чокроаминото заверял, что деятельность ассоциации не направлена против голландского господства и что она будет добиваться своих целей конституционным путем. Первый общенациональный съезд партии, который состоялся в 1916 году и на котором присутствовали представители 80 местных отделений с числом членов в 360 тысяч человек, принял резолюцию, требующую самоуправления на основе союза с Нидерландами.

Тем временем социалистические идеи начали распространяться не только среди индонезийцев, но и среди индоевропейцев[3]. Русская революция 1917 года

---

[1] «Сарекат ислам» оформился как политическая организация в 1913 году. Возник из «Сарекат дагенг ислам» («Союз мусульманских торговцев»), который отражал интересы нарождавшейся яванской торгово-промышленной буржуазии.—*Прим. ред.*

[2] Colenbrander, Koloniale Geschiedenis, III, p. 129.

[3] Индоевропейцами в Индонезии называют метисов, родившихся от брака голландцев с индонезийцами.—*Прим. ред.*

оказала непосредственное влияние на положение на Яве. Хендрик Снеевлит основал Индийский социал-демократический клуб с революционными целями[1], а один из членов этого клуба — Семаун — пытался привлечь «Сарекат ислам» на сторону коммунизма[2]. На национальном съезде в Батавии в октябре 1917 года Чокроаминото изменил свою позицию и принял враждебный тон по отношению к правительству, хотя он по-прежнему рекомендовал использовать конституционные методы борьбы. Откладывание создания давно обещанного фольксраада (народного совета) и введенные голландцами ограничения избирательного права вызвали сильное недовольство. Была объявлена война «преступному капитализму». Однако Семауну, организовавшему энергичную коммунистическую секцию (секцию Б), тесно связанную с Москвой[3] не удалось добиться контроля над движением; он вышел из «Сарекат ислама», чтобы создать Коммунистическую партию Индонезии (КПИ), которая примкнула к III Интернационалу в Москве. Вспышка движения пассивного сопротивления в Преангере в июле 1919 года после безобразного инцидента на центральном Целебесе, во время которого погибли голландский инспектор и несколько должностных лиц, повлекла за собой следствие, выявившее причастность к этому делу тайных обществ, входящих «в секцию Б»; поэтому эта организация была распущена правительством.

Теперь борьба развернулась между Коммунистической партией Индонезии и «Сарекат исламом», причем главным пунктом расхождения являлся религиозный вопрос. II съезд Коммунистической партии Индонезии, состоявшийся в 1920 году, вынес решение, что коммунизм является таким же противником панисламизма, как и господства Запада. Коммунизм, однако, не был массовым движением; коммунисты, хотя они и были энергичны и образованны, были все же немногочисленны. Поэтому их тактика заключалась в попытке отвоевать у лидеров «Сарекат ислама» их влияние и привлечь на свою сторону профсоюзы.

Когда VI национальный съезд «Сарекат ислама» в октябре 1921 года собрался в Сурабайе, Чокроаминото находился в заключении по обвинению в подпольной деятельности; Абдул Муис и Хаджи Агус Салим, председательствовавшие вместо него, провели резолюцию, запрещающую членам «Сарекат ислама» принадлежать к другой партии[4]. В результате коммунисты были вытеснены из движения. Однако в течение пяти лет «Сарекат ислам» тщетно вел борьбу против относительно небольшой группы коммунистов, создававших свои собственные организации Сакарет, поддерживавших забастовки и проводивших подготовку к революционным выступлениям в районах северной и западной Явы. В 1922 году под влиянием молодых индонезийцев, окончивших учебные заведения в Европе и недовольных положением, которое они занимали в государственных учреждениях, «Сарекат ислам» установил отношения с индийской партией Национальный конгресс и стал сторонником политики отказа от сотрудничества с европейцами.

---

[1] Индийское социал-демократическое объединение было образовано в 1914 году. Это была политическая организация индонезийской и голландской революционной интеллигенции.—*Прим. ред.*

[2] Семаун был председателем профсоюза рабочих и служащих железных дорог и трамвая и одновременно являлся председателем семарангского отделения «Сарекат ислама». Индийское социал-демократическое объединение вело работу среди членов этого профсоюза, в результате чего социалистические идеи стали проникать в «Сарекат ислам». В годы первой мировой войны в связи с обострением классовых и национальных противоречий в ряды «Сарекат ислама» стали вступать широкие массы трудящихся. Наметилось разногласие между либеральным и революционным направлениями, которое возглавил Семаун.—*Прим. ред.*

[3] «Секция Б» «Сарекат ислама»—тайная революционная организация, ставившая своей целью подготовку революции. Ее члены в подавляющем большинстве были крестьянами. Существование этой организации было обнаружено в конце 1919 года, когда расследовались события, происшедшие в деревне Чимаремо на Западной Яве, где правительственные войска открыли стрельбу по крестьянам, которые протестовали против реквизиции риса. Колонизаторы не преминули увидеть в развертывании национально-освободительного движения «руку Москвы», их бредни повторяет и автор.—*Прим. ред.*

[4] Эта резолюция была принята на съезде «Сарекат ислама» в 1923 году по настоянию буржуазно-помещичьего крыла.—*Прим. ред.*

Период 1923—1926 годов отмечен рядом попыток революционных выступлений. Послевоенная депрессия, сопровождавшаяся множеством конфликтов в промышленности, давала экстремистам большую возможность способствовать максимальному нарушению политической и экономической жизни в надежде, что это поможет им захватить власть. В то время коммунисты стали наиболее жизнедеятельной силой в индонезийском движении.

Коммунистическая партия Индонезии, насчитывавшая много сторонников в профсоюзах, организовала в мае 1923 года железнодорожную забастовку, что заставило правительство внести поправки в уголовный кодекс, предусматривая тяжелые наказания за действия, могущие нарушить экономическую жизнь страны. Но политика репрессий лишь способствовала распространению революционных взглядов. В 1925 году была насильственно подавлена забастовка в металлообрабатывающей промышленности. В следующем году коммунистические лидеры пытались начать революцию на западе Явы и на Суматре. Эти действия были оценены как тщательно продуманные и получившие широкое распространение. Тем не менее движение было легко подавлено, и в результате жестоких репрессий, примененных голландцами, революционное движение потерпело крах. Коммунистическая партия была запрещена, запрещены были коммунистические собрания, и около 1300 членов партии было сослано на Новую Гвинею. Коммунистическое движение не было полностью подавлено, но с коммунистическим руководством в индонезийском национальном движении было покончено, и наступила новая фаза в истории этого движения.

После того как революционное движение потерпело неудачу, «Сарекат ислам» остался главной националистической организацией, хотя к этому времени возникло множество партий; некоторые из них были местными, как, например, «Сарекат Амбон», «Персерикатан минахасса» и «Суматранен бонд»; другие возникли на основе раскола политических партий в Голландии; третьи, такие, как Индо-Европейская лига и различные китайские общества, представляли интересы различных групп. «Сарекат ислам» начал теперь уделять больше внимания вопросам просвещения и экономического положения. Он потратил много энергии на основание «диких» школ и кооперативных учреждений. Этот род деятельности не удовлетворял, однако, стремлений недовольных студентов Индонезийского клуба в Голландии. Под их влиянием в 1927 году зародилась новая политическая партия — Национальная партия под руководством лидера Бандунгской исследовательской группы Чипто Мангукусумо и популярного молодого оратора, отличавшегося неподкупным характером, Сукарно. Эта партия стремилась объединить все существующие национальные организации под знаменем массового движения отказа от сотрудничества с европейцами по образцу движения Ганди. Однако, когда Сукарно начал проявлять революционные тенденции, он и два его помощника в декабре 1929 года были заключены в тюрьму; таким образом, попытка экстремистов овладеть национальным движением снова не удалась; как политическая сила они на данный период исчерпали себя. На первый план выдвинулись новые лидеры, интересовавшиеся социальными проблемами и вопросами социальной справедливости. Ки Хаджар Деванто/ ро («учитель всех богов»)[1]— под таким псевдонимом он был известен как общественный деятель—выступил за планирование и распространение национального просвещения, в то время как д-р Сутомо, который, будучи молодым студентом-медиком, был связан с д-ром Судирусодо в деле основания «Буди утомо», направлял силы Национальной партии на различного рода конструктивную деятельность, и в особенности на борьбу за освобождение крестьянства от тирании ростовщика.

Многие осложнения послевоенных лет явились результатом разочарования, вызванного нежеланием голландцев осуществить в какой-либо мере передачу власти на деле. Во время первой мировой войны в ответ на настоятельные

[1] Его настоящее имя Раден Мас Суварди Сурьянинграт; он принадлежал к княжескому дому Паку Алам.

требования националистов о большем участии в правительстве голландский парламент принял в 1916 году законопроект о фольксрааде (народном совете); этот совет — «эксперимент самоуправления»[1], как его называли,— собрался на свое первое заседание в мае 1918 года. Половина членов этого органа была избрана местными и городскими советами, а вторая половина состояла из лиц, назначенных генерал-губернатором. Народный совет не был представительным учреждением в подлинном смысле слова; большинство в нем составляли европейцы, и его полномочия ограничивались подачей советов, которым генерал-губернатор не мог следовать без санкции Гааги. На первом заседании разочарованные депутаты отвергли предложение направить королеве в знак благодарности верноподданническую телеграмму. Хотя по закону 1925 года о государственном устройстве число членов совета было увеличено с 48 до 61, причем большая часть его членов избиралась, индонезийцы получили всего 30 мест, а финансовые и законодательные полномочия совета, если их можно назвать «полномочиями», были по-прежнему очень невелики.

Реформированный совет надо рассматривать в связи с общим планом децентрализации, предусмотренным законом 1925 года, согласно которому была введена новая система провинциального управления. Для начала 22 резидентства Явы в 1929 году были объединены в три провинции, каждая из которых управлялась губернатором с помощью совета, состоявшего частично из выборных лиц, в котором большинство принадлежало неевропейцам. Были также созданы регентские советы, члены которых наряду с членами существовавших городских советов составляли контингент избирателей как в народный совет, так и в советы провинций. За пределами Явы, в районах, где политический уровень населения считался слишком низким для какой бы то ни было формы самоуправления, вместо провинций были организованы «управления» без представительных советов. Новая система формировалась очень долго и была завершена почти накануне вторжения японцев. Таковы были максимальные уступки голландцев, на которые они пошли до того, как разразился кризис.

Политика голландцев так же, как и политика консерваторов в Ирландии в 90-х годах, состояла в том, чтобы «задушить самоуправление любезностью». Энергия и энтузиазм, проявленные администраторами в области повышения экономического и социального благосостояния, были совершенно исключительны. Их сравнительно небольшие успехи объясняются главным образом феноменальным ростом населения Явы и противодействием частных интересов как в Голландии, так и в Индонезии. Однако влияние кризиса начала 30-х годов вынудило голландцев поощрять туземную промышленность; а когда началось оживление торговли и промышленности, стал проявляться и дух сотрудничества между голландцами и индонезийцами.

Несмотря на то, что политическая атмосфера была менее напряженной, индонезийское национальное движение продолжало с неослабевающей энергией добиваться осуществления двух своих целей — экономического самообеспечения и политического самоуправления. В 1936 году народный совет принял резолюцию, требующую от голландского правительства созыва имперской конференции, которая должна была обсудить методы осуществления самоуправления и определить срок его введения. Для голландской политики характерно, что подлинный отклик на это требование был дан лишь в июле 1941 года, когда королева Вильгельмина и ее правительство находились в качестве беженцев в Лондоне. При таких печальных обстоятельствах было совершенно естественно, что она должна была дать обещание созвать такую конференцию сразу же после войны. Однако, не проявляя излишнего скептицизма, можно усомниться, что в 1941 году голландское правительство имело серьезные намерения предоставить когда бы то ни было подлинное самоуправление Индонезии.

Подобно французам в Индокитае, голландцы не были горячими сторонниками того, чтобы давать туземцам образование, кроме начального. Опасаясь, что просвещение может способствовать народному недовольству, они медлили с вве-

[1] Vlekke, Nusantara, p. 346.

дением среднего и высшего образования. Давление, оказываемое «Сарекат исламом», фактически заставило их улучшить голландско-индонезийские школы, а это вызвало потребность в более высоком уровне образования. В соответствии с этим были основаны школы БРНО (более расширенное низшее образование), а в 1919 году — общие средние школы, в которых западные языки, математика, естественные науки и восточная литература преподавались в объеме, достаточном для поступления в университет. Однако темпы создания таких школ по стране националистам казались слишком медленными, и они пытались восполнить пробел тем, что основывали «дикие» школы буквально тысячами. Непригодность большинства этих школ — наряду с тем фактом, что многие из них использовались в целях распространения политического недовольства,— вынуждала правительство все больше и больше подчинять эти школы своему контролю. Поэтому, когда были созданы провинциальные советы, образование не было передано в их ведение.

Начиная с 1907 года прилагались огромные усилия для основания сельских школ. Практически деревня или группа деревень строила школу часто из материалов, предоставлявшихся бесплатно правительством, и вносила 90 гульденов в год на ее содержание. Правительство предоставляло учителей и снабжало учебниками. Предполагалось, что родители будут платить несколько центов в месяц, но их обычно от платы освобождали, поскольку многие из них посылали своих детей в школу только под давлением властей. К 1930 году в школах насчитывалось свыше полутора миллионов учащихся. Однако эти школы находились под столь строгим контролем, что они были скорее учреждениями центрального правительства, чем деревенских общин. Возможно, что больше всего это покровительство выражалось в чрезвычайно активном снабжении школ книгами не только для детей, но и для всего населения.

Крайне запоздалое развитие высшего образования надо рассматривать в свете тех ограниченных возможностей, какие, помимо государственной службы, открывались перед индонезийцами, получившими специальную подготовку. Лишь немногие индонезийцы сдавали экзамены в первые годы существования Бандунгского технического колледжа (открывшегося в 1919 году), юридического колледжа (основанного в 1924 году), медицинского колледжа (открытого в 1926 году) и государственных институтов, где изучалось сельское хозяйство и лесное дело. В основанный в 1941 году Батавский университет (ныне Индонезийский) было зачислено мало студентов-индонезийцев. Образование в этих институтах осуществлялось на базе самых лучших традиций голландской педагогики, но с английской точки зрения это было скорее обучение, чем образование. Не было общежитий для студентов, приехавших издалека, не было общественной жизни, поощрявшейся в английских институтах подобного рода.

Несмотря на крупные мероприятия, предпринятые голландцами в распространении образования в Индонезии при «новом курсе», ежегодные ассигнования по бюджету были по сравнению с ассигнованиями на образование на Филиппинах невелики. Больше того, развитие образования отставало от роста населения, и число неграмотных было в 1940 году фактически больше, чем в начале столетия.

ГЛАВА XLI

ФРАНЦУЗСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ В ИНДОКИТАЕ

Установление того, что было правильно охарактеризовано как «стройная иерархия французского колониального управления по наполеоновскому образцу»[1], в значительной доле было делом рук Поля Думера, занимавшего пост генерал-губернатора с 1897 по 1902 год. Он унифицировал гражданскую службу, перестроил администрацию Тонкина и организовал управление вновь приобретенными лаосскими территориями. В Тонкине он уничтожил последние следы автономии, ликвидировав должности вице-короля[2], тонг-дока и туан-фу[3] и превратив то, что теоретически было протекторатом, в то, что во всех практических целях было непосредственно управляемой колонией. Лаосские территории стали «автономным протекторатом» во главе с *верховным резидентом*, ответственным перед генерал-губернатором. Как пишет Жорж Ламар[4], с правления Думера начинается *современный Индокитай*.

Два предвоенных преемника Думера пытались либерализовать управление Индокитаем путем привлечения представителей местного населения. Поль Бо (1902 —1907) восстановил в Тонкине должности тонг-дока и туан-фу и основал консультативный орган из представителей местного населения. Кроме того, он создал провинциальные советы и школы для подготовки чиновников из местных жителей. Альбер Сарро (1911—1914) пошел дальше в этом направлении. Он ввел метод «ассоциации», в силу которой на низшие ступени государственной службы было привлечено еще большее число местных жителей, а образование было реорганизовано таким образом, чтобы увеличить число кандидатов на государственные посты из числа местного населения и чтобы повысить качество их подготовки. Помимо этого, он создал в протекторатах консультативные палаты из представителей местного населения по образцу тонкинской палаты. Однако жесткая структура управления, созданная Думером, устояла перед всеми попытками ограничить чрезмерную централизацию. Во всяком случае, предоставление самоуправления колониям никогда не было целью французской политики; ее основным принципом было: лучше ассимиляция, чем ассоциация.

Теоретически генерал-губернатор располагал почти абсолютной властью, но на деле он находился под непосредственным надзором управления контроля министерства колоний, которое периодически посылало своих инспекторов для проверки деятельности генерал-губернатора. А так как он не был профессиональным колониальным администратором, а обычно каким-нибудь политиком, не знакомым с внутренними проблемами управляемой им территории, то его функции сводились к тому, чтобы передавать указания, даваемые сверху, опытным постоянным чиновникам, служащим под его руководством.

---

[1] Charles A. Micaud in «The New World of Southeast Asia», p. 227.

[2] По-вьетнамски—кинь-лыок.—*Прим. ред.*

[3] Тонг-док — генерал-губернатор провинции; туан-фу—губернатор провинции. Согласно существовавшей в доколониальном Вьетнаме администрации, провинции объединились по две, причем одна из них управлялась генерал-губернатором (тонг-док), а во главе второй стоял просто губернатор (туан-фу), находившийся под контролем генерал-губернатора.—*Прим. ред.*

[4] In Georges Maspero (ed.), L'Indochine, II, p. 18.

В помощь генерал-губернатору существовал Большой совет по экономическим и финансовым вопросам. Он состоял из высокопоставленных французских и индокитайских чиновников, представителей Колониального совета Кохинхины, торговой палаты и палаты сельского хозяйства. Это был исключительно совещательный орган и мог заниматься лишь теми делами, которые передавал ему генерал-губернатор; однако общий бюджет колонии, как и бюджеты различных ее областей, подлежал утверждению совета. Основная масса законов для Индокитая принималась французским парламентом или имела форму декретов, издаваемых министерством колоний.

Практически Кохинхина была единственной из пяти областей, считавшейся колонией и находившейся под непосредственным контролем; Аннам, Камбоджа, Лаос и Тонкин были протекторатами. Управление Кохинхиной сосредоточивалось в руках губернатора, при котором существовали тайный и колониальный советы. Первый соответствовал примерно Исполнительному совету, второй — Законодательному совету в британских колониях. Кохинхина была разделена на большие районы, называемые провинциями, во главе каждой из которых стоял французский администратор. Несмотря на политику «ассоциации», провозглашенную Альбером Сарро, процент местных мелких чиновников во французской администрации был значительно ниже, чем в голландских и британских колониях Юго-Восточной Азии. В Бирме, например, 1900 европейцев занимали почти все посты в «договорной» гражданской службе, но огромное большинство административных постов «провинциальной» службы занимали, за малым исключением, бирманцы и индийцы. После введения диархии в 1923 году на высшие посты в административной и полицейской службах во все возрастающих количествах набирались бирманцы и индийцы.

В Аннаме, Камбодже и Лаосе параллельно с французской администрацией продолжали существовать короли и их дворы со всей иерархией мандаринов. Однако действительный контроль в каждом протекторате находился в руках *верховного резидента*, управляющего с помощью Тайного совета и Совета по делам протекторатов, состав и полномочия которых были одинаковыми с подобными же учреждениями Кохинхины. Каждый протекторат делился на провинции, управляемые резидентами-французами. Однако в протекторате власть осуществлялась не таким прямым путем, как в Кохинхине. Фактическое управление осуществлялось местными чиновниками под руководством соответствующих французских чиновников, которые никогда прямо не вмешивались в управление до тех пор, пока это становилось совершенно необходимым. Таким образом, деятельность мандаринов вовсе не была номинальной, однако французский контроль был полным. С некоторыми изменениями эта система была похожа на систему косвенного управления, применявшуюся голландцами в Индонезии. Однако в обоих случаях различие между прямым и косвенным управлениями было скорее юридическим, чем фактическим.

Внешне местное управление производило внушительное впечатление; оно также было удобным для того, чтобы сделать иностранное господство менее неприятным. Консультативная местная ассамблея, созданная в помощь *верховному резиденту*, является блестящим примером системы камуфляжа, применяемой французами. Большинство ее членов были выборными, однако в выборах участвовала небольшая группа лиц, в лояльности которых были уверены. Но даже в таком составе ей не разрешалось обсуждать политические проблемы, а по другим вопросам она могла высказывать свою точку зрения только в случае согласия на обсуждение со стороны *верховного резидента*. Бюджетные статьи расходов протектората ставились на ее обсуждение, однако в основном лишь для проформы.

В Кохинхине главной целью системы образования, введенной французами, сначала была лишь подготовка переводчиков. В соответствии с этим в крупных городах были открыты французско-вьетнамские школы. Когда обнаружилось, что эти школы были каналами для продвижения по службе, в них стали стекаться сыновья местной знати. Выработанная в 1879 году программа для осуществления официальной политики «ассимиляции» предусматривала создание

в каждом кантоне[1] и селении светских начальных школ, но их успехи были незначительными, в то время как предоставленные сами себе сельские школы традиционного типа стали совершенно исчезать, образуя ничем не заполненную пустоту. В протекторатах продолжала функционировать местная система обучения, а образование по западному образцу вводилось очень медленно. Несколько школ по подготовке переводчиков было создано в провинциальных центрах для обучения местных чиновников; уровень этих школ был очень низким. Как и в других колониальных странах Юго-Восточной Азии, национализм во Вьетнаме является, очевидно, характерным следствием обучения местного населения во французско-вьетнамских школах. В 1900 году выражалось недовольство тем, что в Кохинхине кривые роста преступлений и получения европейского образования росли одновременно[2].

Основы современной системы образования были заложены Полем Бо, который в 1906 году создал «Совет по усовершенствованию туземного образования», призванный реорганизовать систему народного обучения. Она должна была основываться на сельских начальных школах, где обучение велось при помощи как китайских иероглифов, так и куок-нгы[3]. Лучшие ученики должны были направляться во французско-вьетнамские начальные[4] и средние школы; остальные могли поступить в начальные местные школы главных городов кантона, где французский язык был необязательным, или в некоторых случаях в средние местные школы. Эта система была введена сначала в Анназме и Тонкине, а позднее, в 1909—1910 годах, в Кохинхине. Однако к 1913 году в государственных начальных школах было только 12 103 учащихся; в Аннаме и Тонкине предпочитали частное образование. В Камбодже и Лаосе начальное образование можно было получить лишь в монастырских школах.

В годы первой мировой войны осуществление культурной ассимиляции стало еще в большей степени, чем раньше, целью французской политики. В 1915 году были запрещены традиционные конкурсные экзамены для мандаринов в Тонкине. А Сарро во время второго срока пребывания на посту генерал-губернатора (1917—1918) начал осуществлять программу, согласно которой государство должно было взять в свои руки все начальное образование и сделать изучение французского языка всеобщим. Этот план однако оказался слишком дорогостоящим, и от него вынуждены были отказаться. Поэтому с 1924 года было восстановлено деление школ на местные и франко-вьетнамские, однако действительный прогресс в создании государственных школ в деревнях был настолько мал, что в 1926 году там, где еще не было государственных школ, разрешено было создавать свои собственные.

Вообще говоря, французы не были заинтересованы в развитии образования на вьетнамском языке; их целью было усиленное внедрение французской культуры. В их политике в этом вопросе существовало любопытное противоречие, так как сравнительно небольшая группа французских ученых провела значительные исследования в области языков и литературы, истории и археологии Востока и превратила Французскую школу Дальнего Востока, созданную в Ханое в 1899 году, в крупнейший мировой центр по изучению Востока. Трудно переоценить проделанную ими работу по открытию, сохранению и реставрации исторических памятников Индокитая, и особенно по ознакомлению всего человечества с сокровищницами кхмерского и тямского искусства и архитектуры.

Странно, что результаты политики ассимиляции были противоположны тем, которых от нее ожидали. Говорили, что злейшими противниками францу-

---

[1] Кантон — французское название вьетнамской административной единицы *тонг.—Прим. ред.*

[2] J. S. Furnivall, Educational Progress in Southeastern Asia, p. 40; Фернивалл цитирует работу Армана (Jules Harmand, Domination et Colonisation, 1940, p. 264).

[3] Куок-нгы—система латинизированного алфавита, изобретенная миссионерами-католиками в XVII веке.

[4] Термин «начальные» здесь означает школы выше элементарных; они не соответствуют начальным школам нынешней английской системы образования.

зов являются те, кто лучше знает французский язык. Когда Поль Бо в качестве уступки национализму основал в 1907 году Ханойский университет, произошел такой взрыв националистических чувств среди студентов, что в следующем году его закрыли; он был вновь открыт лишь в период второго срока пребывания Сарро на посту генерал-губернатора.

В националистическом движении в Индокитае принимали участие почти одни вьетнамцы[1]. Они были наиболее многочисленными среди народов этого района и к 1945 году составляли 75 процентов населения, насчитывающего примерно 25 миллионов человек. Их националистические традиции уходили корнями в глубь веков, когда они вели длительную борьбу за освобождение от Китая. Хотя после достижения независимости в 939 году их цивилизация по своему характеру оставалась преимущественно китайской, она в неменьшей степени была их собственной. И во время своего продвижения на юг, на территории, ранее принадлежавшие тямам и кхмерам, то есть на территории центрального и южного Аннама и Кохинхины, вьетнамцы вытеснили своей культурой индуизированную культуру, которую они нашли в этих районах.

Французы установили свое господство как в Кохинхине, так и в Тонкине путем захвата. В каждом из этих случаев они добивались этого в результате длительной борьбы. После того как вьетнамцы вынуждены были уступить, они никогда не теряли надежды, что в один прекрасный день ненавистный чужеземец вынужден будет убраться. Налеты повстанцев никогда не удавалось искоренить; постоянно образовывались заговоры, которые французы подавляли с бессердечной жестокостью. Французские колонисты обвиняли Бо и Сарро в либерализме и требовали защиты. Победа Японии над Россией в 1905 году вызвала волну восстаний, завершением которых был заговор Жильбера Тиеу в следующем году. Молодые вьетнамцы протестовали против франко-русского союза. Интеллигенция под влиянием произведений китайских реформаторов, таких, как Кан Ю-вей, который был сторонником изучения западной культуры, обратилась к изучению французских философов, особенно Монтескье и Руссо, и повалила в Ханойский университет после его открытия в 1907 году. Однако французские репрессии, включая аресты подозрительных и заключение их в тюрьму на острове Пуло-Кондор, а также закрытие университета знаменовали собой конец того, что можно рассматривать как первый этап националистического движения XX столетия.

Либеральная политика Сарро во время его первого срока пребывания на посту генерал-губернатора помогла удержать Индокитай в сравнительно спокойном состоянии во время первой мировой войны. Но Франция дала щедрые обещания, которые она не была в состоянии выполнить после войны. Кроме того, она вызвала недовольство народа, отправив насильно не менее 100 тысяч вьетнамцев на военную службу в Европе. Многие из них по возвращении домой привезли с собой бунтарские идеи. Политические заключенные на Пуло-Кондоре после войны также получили стимул к возобновлению своей деятельности благодаря установлению связей с сиамскими и китайскими революционерами. Поэтому в послевоенный период наблюдался процесс появления и роста политических партий. Цвет общества волновал лозунг самоопределения, провозглашенный державами-победительницами. Некоторые находились также под влиянием индийского движения *сварадж*, в то время как другие усвоили учение кантонских коммунистов. Существовала конституционалистская партия во главе с Буи-куанг-Тиеу, которая выступала за демократические реформы, и тонкинская партия, руководимая Фам-Куинем, с аналогичной программой. Правительство отвергло программу умеренных реформ, предложенную Фам-Куинем. После этого на передний план на смену умеренным выступили экстремисты.

---

[1] См. статью Виргинии Томпсон в книге: Emerson, Mills and Thompson, Government and Nationalism in Southeast Asia; см. также: Philippe Devillers, Histoire du Viet-Nam de 1940 à 1952, chaps. II and III.

В 1925 году была основана Революционная партия нового Аннама[1], однако деятельность партии была парализована из-за внутренней борьбы лидеров, и, когда в 1929 году от нее откололись коммунисты, ее вскоре постигла неудача, так как раскольники сообщили полиции о своих бывших товарищах и партия была разгромлена. Благодаря связям с гоминданом в Тонкине появилась партия, называвшая себя Националистической аннамитской партией[2]. Половина ее членов находилась на государственной службе. У нее было очень мало сторонников, но она надеялась на иностранную помощь. Она стремилась также завоевать на свою сторону вьетнамские подразделения в армии. В январе 1929 года она предприняла безуспешную попытку убить губернатора Паскье, а в следующем месяце членами партии был убит Базэн, глава Бюро труда. Террористическая деятельность партии привела к тому, что ее стала ожесточенно преследовать полиция, и в результате партия вынуждена была начать восстание без соответствующей подготовки. Восстание началось с неудавшегося мятежа в городе Иен-бай в феврале 1930 года; во многих местах страны произошли вспышки недовольства. Французы ответили на это самой чудовищной жестокостью. Всякая попытка манифестации и даже невооруженные демонстрации пресекались силой; было арестовано так много руководителей этой партии, что она перестала существовать.

Жестокое подавление выступлений экстремистов в 1930 году вынудило коммунистов уйти в подполье. Этой небольшой партией, насчитывающей в 1931 году около 1500 членов, умело руководил Нгюен-ай-Куок, известный больше под именем Хо-ши-Мина. Он вступил в Коммунистическую партию во Франции еще до первой мировой войны. После перемирия он отправился в Россию, где изучал революционные методы борьбы. Затем он основал в Кантоне Ассоциацию революционной аннамитской молодежи[3]. Она состояла из революционеров, прибывших туда для обучения в академии Вампу. Цель Хо-ши-Мина была националистической — добиться независимости Вьетнама. По его собственным словам, это могло быть достигнуто путем установления буржуазно-демократического режима[4]; коммунизм должен был быть установлен на более поздней стадии. Он разработал программу, в которой в равной степени обращался к интеллигенции и крестьянству. Она включала сокращение налогового бремени, перераспределение земли между крестьянами и запрещение набора рабочих и местных солдат для службы за границей.

Непритязательный как вождь, он был сторонником строгой дисциплины. Где терпели неудачу другие лидеры и партии, его твердое, умелое руководство имело успех; и хотя он был арестован англичанами в Гонконге и заключен на три года в тюрьму, возглавлявшееся им движение выстояло против всех попыток французов искоренить его, и в 1939 году на его основе был создан Вьет-Минь[5], или Лига независимости Вьетнама. Во время японской оккупации Вьет-Минь стал авангардом националистического движения. Таким образом, если в предвоенный период вьетнамский национализм как движение был неэффективным и был ослаблен личной и местнической завистью и соперничеством, то во время второй мировой войны под руководством вождя, обладавшего несгибаемой волей и неистощимой энергией, он обрел новую жизнь.

---

[1] Автор имеет в виду Тан Вьет кать-манг данг.—*Прим. ред.*

[2] Так автор называет партию Вьетнам куск-зан данг.—*Прим. ред.*

[3] Имеется в виду Вьетнам Тхань-ниен кать-манг донг-тн-кай, то есть Революционное товарищество вьетнамской молодежи.—*Прим. ред.*

[4] Nguyen-ai-Quoc, Le procès de la colonisation française, Paris, 1926.

[5] Допущена фактическая ошибка. Вьет-Минь был основан не в 1939 году, а в мае 1941 года с целью организации всех слоев вьетнамского народа для борьбы против японских оккупантов и французских колонизаторов, за независимость Вьетнама.—*Прим. ред.*

ГЛАВА XLII

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ГОСПОДСТВА

Экономический империализм являлся главным стимулом к расширению европейского господства в странах Юго-Восточной Азии. Ненасытная погоня Европы за рынками и продуктами тропических районов прошла через ряд определенных этапов в период между 1500 и 1900 годами. Самый острый из них совпал с революцией в жизни всего человечества, которая началась с появлением железных дорог, пароходов и электрического телеграфа и усилилась после изобретения автомобиля, самолета и беспроволочного телеграфа. Европейская промышленность стала все больше и больше зависеть от продуктов, которые Юго-Восточная Азия смогла поставлять в изобилии, таких, как нефть, каучук и различные металлы; а в то же время растущее население Европы еще больше нуждалось в продуктах того же района — рисе, кофе, чае и сахаре.

После 1870 года темпы освоения внутренних областей быстро нарастали. Это был век науки, и перед лицом развития прикладных наук все препятствия, которые до этого мешали эксплуатации европейцами внутренних областей, были быстро устранены. Тем самым традиционный уклад экономической жизни, который веками сопротивлялся европейскому влиянию и в котором господствующими чертами были натуральное сельское хозяйство, домашняя промышленность и меновая торговля, исчез с удивительной внезапностью, а на смену ему появились новые условия, при которых урожаи, выращиваемые с помощью полученных денежных ссуд, предназначались для мирового рынка, а внутренний рынок производителя был наводнен европейскими промышленными товарами в ущерб его собственной отечественной кустарной промышленности. Это приобрело широкие масштабы в рисопроизводящих районах Юго-Восточной Азии и имело исключительно серьезное значение для каждой страны, где выращивался рис.

а) *Британская Бирма*

До захвата англичанами провинции Пегу в 1852 году Бирма никогда не экспортировала рис. Купеческие корабли могли взять с собой не больше, чем нужно было для пропитания экипажа до прибытия в следующий порт. С другой стороны, в Аракане выращивали рис для экспорта уже с XVII века, и, когда Аракан в XIX столетии перешел в руки англичан, растущий спрос на рис со стороны Индии привел к дальнейшему расширению производства риса. Но дельта Иравади, район которой так и не оправился от последствий бирманской политики в отношении монов в конце XVII столетия, представляла собой в основном болото и джунгли. Ее редкое население выращивало рис преимущественно для своего личного потребления, а если урожай превосходил эти потребности, его могли и не убирать. Кроме того, непосредственным результатом второй англо-бирманской войны 1852 года была миграция населения дельты в Верхнюю Бирму.

Индийское восстание в 1857—1858 годах, по-видимому, дало первый толчок росту производства риса в районе дельты. Рангун, быстро развивавшийся порт, смог справиться с увеличением объема торговли; а из Верхней Бирмы часть населения спустилась в район дельты, чтобы заняться выращиванием риса. Расширение посевов риса в Нижней Бирме было поразительным: в 1845 году площадь под рисом составляла 354 тысячи акров, а в 1860 году — уже 1333 тысячи акров. Гражданская война 1861—1865 годов в Америке, прекратившая экспорт риса в Европу из Каролины, вынудила англичан обратить свое внимание на Бирму, чтобы восполнить эту потерю, и к 1870 году посевная площадь под рисом достигла 1735 тысяч акров. Открытие в 1869 году Суэцкого канала еще более ускорило темпы расширения посевов риса. В течение последующих пятнадцати лет посевные площади под рисом возросли не менее чем на один миллион акров, причем это расширение продолжалось без перерыва вплоть до мирового кризиса 1930 года; к этому времени в Верхней и Нижней Бирме под рисом было занято уже 12 370 тысяч акров. Это был наиболее блестящий период экономического развития в истории Бирмы. В конце XIX столетия Бирма экспортировала 2,5 миллиона тонн риса; в 1940 году производство риса по всей стране составляло 4,94 миллиона тонн.

В стране происходила жестокая борьба за землю. Но для расчистки участков земли требовалась наемная рабочая сила; в большинстве случаев земли заросли густыми джунглями, и, для того чтобы окупить издержки по освоению земли, земледельцу необходимо было вырастить не один урожай. Так как в стране почти не было ни одного бирманца, который мог ссудить капитал, то эта брешь была заполнена индийскими ростовщиками из касты *четтьяров*, которые предоставляли земледельцам деньги, не только необходимые им по скромным подсчетам, но и достаточные для гарантированного ведения хозяйства. Европейские экспортеры в свою очередь практиковали выдачу авансов под обеспечение поставок им риса. Первоначально при нормальных условиях земледелец мог сводить концы с концами. Однако его хозяйство было настолько близко к краху, что падение мировых цен, отсутствие дождей, болезнь его самого или падеж скота могли привести к распродаже его имущества с торгов, а его земля могла перейти к другому; на землю был такой спрос, что всегда легко было найти покупателя.

К 1895 году земля в районе дельты постоянно переходила из рук в руки. Вначале один крестьянин-собственник вытеснял другого. Однако в сделках все чаще и чаще стала иметь место спекуляция: торговцы и маклеры, заинтересованные в экспорте, скупали землю для того, чтобы контролировать поставку риса; индийские и китайские купцы в городах приобретали эти земли, вкладывая в них излишек денег. Поэтому с течением времени все увеличивающееся число земледельцев лишилось своих участков земли, и крестьянское землевладение стало клониться к упадку. В 1930 году, когда в Бирме с полной силой разразился мировой кризис, хотя и было зарегистрировано, что только 27 процентов обрабатываемой земли принадлежало землевладельцам, не занимающимся лично сельским хозяйством, трудность найти покупателя, способного приобрести землю по цене, которая возмещала бы задолженность земледельца, свидетельствовала о том, что практически в Нижней Бирме не занимающимся сельским хозяйством землевладельцам-абсентеистам принадлежала половина обрабатываемой земли. Общий сельскохозяйственный долг оценивался в 40 миллионов фунтов стерлингов.

Еще хуже, с точки зрения бирманцев, было то, что спрос на рабочие руки в период быстрого расширения посевных площадей привел к увеличению иммиграции из Индии. Имея более низкий жизненный уровень, чем бирманцы, они могли взять верх в борьбе за аренду земли. Поэтому между 1915 и 1930 годами местные собственники земли потеряли в результате задолженности не менее 1300 тысяч акров земли в дельте реки. В то же время мелкие бирманские рисорушки закрывались в результате увеличения количества крупных фабрик, использующих паровые двигатели и рабочую силу индийских кули; развитие пароходства на реке Иравади и ее притоках в ущерб местному судоходству

заставило многих бирманцев расстаться с их традиционными профессиями, и дешевая индийская рабочая сила вытеснила их с пристани.

В начале XX века в Бирму ежегодно прибывало 250 тысяч индийцев. Эта цифра росла каждый год и в 1927 году достигла максимальной цифры — 480 тысяч человек. Большинство из них приезжало только на сезонные работы в сельском хозяйстве и после этого возвращалось домой или оставалось всего на один-два года. Однако немало их оседало в Бирме, так как переписи, проводимые раз в десять лет, показывали заметное увеличение доли индийцев в общем населении страны. Включение Бирмы в состав Индийской империи в качестве провинции лишало ее правительство возможности предпринять эффективные меры защиты, как это сделали в 1870 году голландцы, когда они объявили противозаконным передачу земли индонезийцем иностранцу. В результате нарастали общественные противоречия, принимавшие опасный характер.

Эти противоречия вылились в 1930 году в мощные антииндийские выступления в Рангуне, когда бирманцы, используемые предпринимателями для срыва забастовки индийских докеров, протестовавших против увольнений, в трехдневной схватке убили 120 и ранили 900 индийцев. В конце того же года произошли аграрные волнения: в районе Таравади вспыхнуло мощное восстание под руководством Сая Сана, которое очень быстро охватило большую часть дельты. Сая Сан был обычным претендентом на трон (*минлаунгом*), которые часто появлялись в Бирме во время волнений; он стремился свергнуть английское господство, однако большинство его последователей было озабочено главным образом возвращением своих земель, находившихся в руках индийских ростовщиков и арендаторов.

В начале 80-х годов XIX века правительство стало заботиться о защите крестьян от частных ростовщиков. В 1882 и 1883 годах были приняты законодательные акты, согласно которым земледельцам предоставлялись кредиты под проценты намного меньше тех, которые взимали с них четтьяры. Однако условия, по которым предоставлялись кредиты, были слишком жесткими, а четтьяры знали лучше, чем правительственные служащие, как обмануть неискушенных бирманцев.

В начале XX столетия в качестве новой меры борьбы со злом было начато кооперативное движение. Был создан департамент кооперации для поощрения развития кооперативных земледельческих обществ, финансируемых земельными банками. Во время первой волны энтузиазма сторонников этого движения были созданы тысячи таких обществ. Большинство из них потерпело неудачу, и, когда в 1930 году начался мировой кризис, два самых главных земельных банка— Бирманский провинциальный кооперативный банк в Мандалае и банк Доусона,— имевшие свои главные конторы в Пьяпоне, в районе дельты, столкнулись с серьезными трудностями. Поэтому правительство возродило кооперативное движение, и в 1935 году приняло постановление, по которому первоначальный владелец, лишившийся права выкупа земли в результате просрочки платежей, мог в течение 15 лет ее выкупить по ее действительной рыночной цене. В 1936 году был принят закон о примирении в делах по долгам, согласно которому создавались комиссии, имевшие целью сокращение долгов и накопившихся процентов.

В 1937 году, когда Бирма была отделена от Индии и ей была предоставлена почти полная независимость во внутренних делах, одним из ее первых законодательных актов было принятие вопреки сильному сопротивлению четтьяров законопроекта об аренде земли в Бирме, предназначенного для защиты арендаторов. В отчетах об установлении ставок налога давно подчеркивалось, что по всей Нижней Бирме и в некоторых частях Верхней Бирмы у большинства арендаторов после уплаты арендной платы и долгов и покрытия издержек по обработке земли после продажи продукции оставалось так мало денег, что их не хватало на пропитание. Законопроект основывался на рекомендациях комитета, созданного для изучения этого вопроса. Однако, согласно Ферни-

воллу, мероприятие было «задумано не очень мудро»[1], и, прежде чем можно было более эффективно заняться этой неразрешенной проблемой, началось японское вторжение.

До резкого подъема производства риса в Бирме в последней четверти XIX столетия главной статьей бирманского экспорта было тиковое дерево. После аннексии Пегу в 1852 году были предприняты первые важнейшие шаги по защите ее лесов. Начало было положено исследованием доктора Дитриха Брандиса, проводившего исследования ценных лесных пород в районе Таравади — Проме и округе Таунгу и основавшего Лесной департамент Бирмы. Аннексия Верхней Бирмы в 1886 году привела к эксплуатации и сохранению европейцами новых лесных районов. Была создана служба охраны лесов с чиновниками трех степеней, аппарат которой достиг 2 тысяч человек. Коммерческая продукция в 1919—1924 годах ежегодно составляла в среднем более 500 тысяч тонн и лишь в 1925—1940 годах несколько меньше. Индия потребляла три четверти этой продукции. Кроме тика, леса давали другую твердую древесину, особенно *пьинкадо* (железное дерево), которая шла в Бирме и Индии на изготовление железнодорожных шпал. Существовало также множество других второстепенных лесных продуктов, таких, как бамбук, краска для тканей, лак, дрова, используемые на водном и железнодорожном транспорте и в промышленности, и обычный древесный уголь. Подсчитано, что бирманские леса могли давать ежегодно 787 тысяч тонн целлюлозы, однако до второй мировой войны в этом отношении сделано было мало. Леса давали 20 процентов государственных доходов.

Отсутствие дешевого угля препятствовало осуществлению индустриализации Бирмы. В течение нескольких поколений, до того как Англия захватила Верхнюю Бирму, нефтяные источники в районе Енанджаунга разрабатывались бирманскими владельцами. Английская «Бирма ойл компани», создавшая впоследствии Англо-Иранскую компанию, была основана в 1886 году. Сначала она скупала нефть у местных бурильщиков и ограничивалась ее перегонкой и распределением. Расширение деятельности компании началось в XX столетии, когда были введены современные методы бурения и началось производство нефти в больших масштабах. На территории от Индо в округе Верхний Чиндвин через Сабе и Сингу до Енанджаунга был открыт ряд нефтяных месторождений. В 1908 году был проложен нефтепровод длиной 275 миль, связывающий нефтяные месторождения на Иравади с нефтеочистительными заводами в Сириаме. К 1940 году добыча нефти выросла до 270 миллионов имперских галлонов[2], что составляло 5 процентов мировой добычи. К тому времени другие нефтяные компании объединились между собой, однако «Бирма ойл компани» контролировала три четверти добычи. Практически вся добыча поглощалась Индией и Бирмой.

В числе других крупных промышленных предприятий в Бирме, развитие которых было предпринято английским капиталом и английскими техническими силами, были большие свинцово-серебряные рудники Бодвина в Северных шанских государствах, разрабатываемые компанией «Бирма корпорейшн», рудник Мочи в Каренни, на долю которого приходилась половина олова и вольфрама, добываемых в Бирме, и оловянные и вольфрамовые рудники в Тенассериме.

До английского завоевания главными средствами сообщения Бирмы были ее большие реки и их бесчисленные притоки. Английские предприниматели в первую очередь обратили внимание на них. В 1865 году была основана «Иравади флотилла компани», располагавшая флотом, который в XX веке включал крупнейшие в мире пароходы мелкой осадки. Они курсировали по Иравади вплоть до Бамо, по Чиндвину до Хомалина и обслуживали главные города дельты. Шоссейные дороги появились позже. К 1918 году в стране было лишь 2 тысячи миль шоссейных дорог. Затем началось расширение строительства, и

[1] Furnivall, Colonial Policy and Practice, p. 193—194.
[2] Один имперский галлон равен 4,54 литра.—*Прим. перев.*

20 лет спустя было уже 6 тысяч миль шоссейных дорог и, кроме того, 5—6 тысяч миль дорог, по которым мог проходить автомобильный транспорт в сухой сезон. Железные дороги появились после открытия Суэцкого канала. Они строились в районах, которые не обслуживал водный транспорт. В конце XIX столетия Проме, Мандалай и Мьичина были связаны с Рангуном. Позже были проведены линии через Северные шанские государства до Лашно и через Южные шанские государства до Швеньяунга близ Таунджи. Всего в 1941 году в Бирме было 2060 миль железных дорог.

Бирма развивалась благодаря иностранному капиталу. Индийцы, китайцы и европейцы владели всеми крупными фабриками и промышленными концернами; большую часть государственного долга Бирмы составлял долг иностранцам, а индийские четтьяры в 1930 году имели вложения на сумму 750 миллионов рупий в рисовые плантации в районе дельты. В 1939 году иностранные инвестиции достигли суммы 155,25 миллиона фунтов стерлингов —в три раза больше, чем в 1914 году. Из этой суммы европейским корпорациям принадлежало немногим более 47 миллионов фунтов стерлингов, четтьярам — 56 миллионов, китайцам — 2,8 миллиона и правительству и муниципалитетам — 45 миллионов фунтов стерлингов. Бирманские железные дороги были построены английскими властями в Индии. Небольшая часть вложенного капитала была восполнена Бирмой, когда она отделилась от Индии в 1937 году и приняла на себя долг на сумму 344,5 миллиона рупий.

б) *Французский Индокитай*

Французский Индокитай имел два древних центра возделывания риса: дельта Красной реки в Тонкине и дельта Меконга в Кохинхине. Французская политика была строго протекционистской. С точки зрения французов, функция колонии состояла в том, чтобы снабжать метрополию сырьем и товарами, которые не конкурировали с ее собственными. Поэтому экономика Французского Индокитая стала почти полностью зависеть от интересов Франции. Большая часть населения оставалась земледельцами, причем оба района возделывания риса были перенаселены. Если же некоторые местные отрасли промышленности и выжили, то это произошло главным образом потому, что народ был слишком беден, чтобы покупать французские импортные товары.

Вьетнамцы были трудолюбивыми земледельцами, хорошими рыбаками и умелыми рабочими; камбоджийцы скорее были индифферентны и пассивны, а таи предпочитали охоту и рыбную ловлю. В перенаселенных районах сложилось очень тяжелое положение. Крестьянская земля была раздроблена на мельчайшие участки. В Тонкине 40 процентов всех рисовых полей принадлежало мелким землевладельцам. 60 процентов земледельцев имели в своем распоряжении менее одного акра земли каждый; 63 процента налогоплательщиков владели каждый участками менее половины акра или были совсем безземельными. В Кохинхине участки были крупнее, однако мелкие хозяйства составляли 45 процентов всей обрабатываемой земли.

До французского завоевания неравенство в земельной собственности уравновешивалось наличием совместной общинной ответственности в деревнях, и люди, не имевшие своих рисовых полей, могли обрабатывать общинную землю. Французская администрация поощряла создание крупных имений и европейских плантаций. В Кохинхине концентрация земли зашла настолько далеко, что класс землевладельцев контролировал более 80 процентов рисовых полей, где 200 тысяч семей работали в качестве издольщиков. Издольщик работал на французского плантатора, который давал ему в долг буйволов, пищу и орудия труда и снабжал семенами и удобрениями. Землевладелец обычно требовал непомерных процентов на свой капитал, и издольщик-арендатор, обескураженный и отчаявшийся, часто скрывался, после того как растрачивал задаток. Крупные имения обычно создавались путем скупки конфискованных земель или земель, заложенных крестьянами под чрезмерно высокие проценты. Захват общинных земель происходил различными методами и зашел так далеко,

что их осталось слишком мало, и, когда с наступлением мирового кризиса 1930 года многие крупные земельные собственники обанкротились, перераспределения их земли для нуждающегося населения проведено не было; французы предпочитали укреплять и расширять крупные имения, чем перераспределять землю среди крестьян.

Отношения между помещиком и арендатором имели феодальный характер. Издольщик платил помещику 40 процентов урожая и в дополнение к этому должен был посылать обременительные дары и оказывать различные услуги. Помещик предоставлял арендатору кредит обычно из расчета 50 процентов на период от 8 месяцев до одного года. Такая система не способствовала улучшению методов обработки земли, так как помещик больше полагался на проценты, которые он получит за свой капитал, чем на продуктивность своих полей. Поэтому имения обычно делились на мелкие участки и сдавались арендаторам, которые обрабатывали их традиционным примитивным способом.

Над крестьянами-собственниками также тяготела проблема задолженности, как и в Бирме. Китайские посредники монополизировали закупку риса. Вьетнамские ростовщики и четтьяры ссужали деньги под 120 процентов годовых. Французские законы об ограничении нормы процента не соблюдались. С 1913 года в Кохинхине стали создаваться учреждения взаимного сельскохозяйственного кредита. Но так как они могли ссужать только под обеспечение землей, то их деятельность редко распространялась на арендаторов. Они укрепляли положение помещиков, помогая им ссужать арендаторов и фермеров под более высокие проценты, чем те, которые они сами выплачивали за взятые в банках деньги.

В 1926 году была создана система «Народного кредита», которая была реорганизована в 1933 году в «Сельский взаимный кредит», однако она не распространялась на Кохинхину. «Сельский взаимный кредит» предоставлял займы сельскохозяйственным кооперативам, производящим не только рис, но и многие другие продукты, такие, как тунговое и касторовое масло, кукуруза, табак, чай, сахар, кофе, шелк-сырец, шеллак и пальмовый сахар. Кооперативы собирали и продавали урожаи крестьян — членов кооперативов и учили их применять селекционные семена, удобрения и т. п. Однако в большинстве случаев крестьяне были слишком бедны, чтобы купить удобрение и др., и никогда кооперативное движение не выходило за рамки экспериментальной стадии.

Общая картина выглядела следующим образом: высший класс и сельскохозяйственный пролетариат были тесно скучены в двух районах, в которых сельскохозяйственные работы требовали слишком большого труда. Отрицательные последствия перенаселения и недоедания усугублялись тем, что улучшение в области санитарии и медицинской службы вызвало резкое увеличение населения; в действительности это увеличение было большее, чем увеличение производства риса. Происходило постоянное сокращение покупательной способности крестьян. Рис — почти основной продукт питания всего населения — составлял половину всего экспорта страны. Однако экспорт зависел, как и в других странах Юго-Восточной Азии, от таких факторов, как засуха и колебания цен на мировом рынке.

Попытки французов отвлечь часть населения из района дельты для работы на плантациях, особенно каучуковых, расположенных во внутренних районах страны, не имели успеха, несмотря на то, что условия жизни там были лучше. Вьетнамцы не любили покидать места, где они отправляли культ предков. Кроме того, во внутренних районах свирепствовала малярия, были трудности с транспортом и правительство не имело широкого плана развития этих районов. Главные слабости французского управления экономикой хорошо иллюстрируются контрастом в производстве каучука в Индокитае и на Яве. В Индокитае крупные плантации, принадлежавшие французам и финансировавшиеся «Сосьете финансьер де каучу», монополизировали все производство каучука. На Яве 50 процентов каучука производилось местными жителями на их собственных участках.

Французская экономическая экспансия в Индокитае финансировалась двумя способами: средствами, получаемыми от налогов внутри страны, и займами, получаемыми во Франции. Французы настолько успешно противодействовали вложению нефранцузского капитала в зависимых от них территориях, что в 1938 году они владели 95 процентами европейского капитала, вложенного в деловые предприятия, и всем капиталом, вложенным в правительственные ценные бумаги. Однако существовали крупные китайские капиталовложения, которые достигали 80 миллионов американских долларов из общей суммы инвестиций в предприятия, насчитывавшей 382 миллиона долларов. Правительственные ценные бумаги составляли дополнительно 82 миллиона долларов; таким образом, общая сумма иностранных инвестиций составляла 464 миллиона долларов.

До 1924 года не существовало никакой статистики французских инвестиций в Индокитае. Сначала французский капитал привлекала горнодобывающая промышленность. К началу столетия в угольную промышленность было инвестировано 8—9 миллионов франков. Добыча олова началась в 1901—1902 годах с капиталом в 2 миллиона франков, цинка — в 1906 году с таким же капиталом. В 1899 году была основана «Артифисьель портланд симен компани» с капиталом 1,5 миллиона франков. Другими отраслями, в которые вкладывался капитал в начале XX столетия, являлись: перегонка спирта из риса, производство электроэнергии для городского потребления, юньнаньская железнодорожная компания, которая поглотила 102 миллиона пиастров в 1901—1911 годах, пивоваренные заводы, табачные и спичечные фабрики. Крупные французские металлургические компании также имели свои отделения в колонии.

Начиная с 1910 г. крупные капиталы были вложены в разработку ценных сортов древесины и в каучуковые плантации. В конце первой мировой войны стала осуществляться гораздо более широкая программа. В результате обесценения франка наблюдался большой приток французской валюты, что было вызвано желанием обеспечить ее пиастрами, и в 1924—1930 годах в колонию было вложено около 2870 миллионов франков. Поэтому мировой кризис серьезно задел колонию, и ввиду сокращения или полной приостановки инвестиций были понесены убытки, оцениваемые в 1255 миллионов франков. В 1936 году возобновился приток капиталовложений, но он был далек от предкризисного уровня.

С течением времени экономические связи между Индокитаем и Францией становились все теснее. В 1911—1920 годах в среднем 19,6 процента индокитайского экспорта шло во Францию, в 1938 году экспорт во Францию составил уже 53 процента. В 1911—1920 годах ежегодно 29,6 процента индокитайского импорта шло из Франции, а в 1931—1938 годах — 57,1 процента. Французская текстильная промышленность оказывала сильное влияние на колониальную политику; доля французских товаров в индокитайском импорте превосходила долю других стран. Французская металлургическая промышленность также обрела выгодный рынок для своей продукции в колонии. Товары этих двух отраслей промышленности составляли $^{2}/_{3}$ французского экспорта в Индокитай.

Столкнувшись с конкуренцией французских готовых изделий, местная промышленность погибала. И она вовсе исчезла бы, если бы не крайняя нищета широких народных масс, которые не могли покупать импортные товары. Хлопок и шелк продолжали прясть на примитивных ткацких станках. Деревообделочные работы, шлифовка камней, гончарное дело и изготовление плетеных изделий также оставались местным ремеслом, но уже более мелкого масштаба, так как крестьянин-ремесленник не мог позволить себе закупать большое количество сырья.

Целью экономической политики Франции в отношении местного населения, как уже говорилось, являлось повышение жизненного уровня населения, чтобы дать ему возможность покупать больше французских товаров и обеспечить работой французский торговый флот.

в) *Нидерландская Индия*

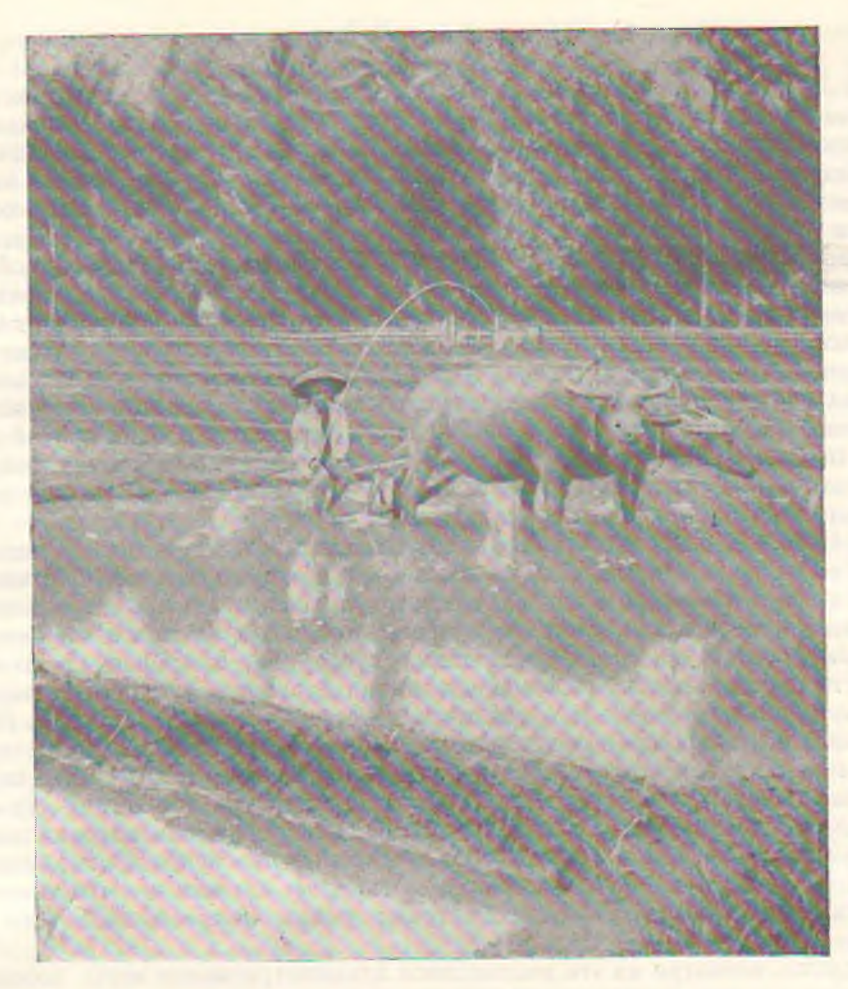
В 1900 году из Нидерландской Индии вывозились почти исключительно сельскохозяйственные продукты: каучук, чай, кофе, копру, хинин, табак, сахар. При этом экспортные отрасли производства почти полностью принадлежали голландцам. Местное производство давало лишь незначительную часть экспортируемой продукции, удовлетворяя главным образом внутренние потребности, причем рис являлся ведущей сельскохозяйственной культурой. Для Явы, так же как и для района дельты Красной реки и Меконга, главной проблемой являлась проблема перенаселения, а так как перенаселение было характерно для всех районов Явы, то эта проблема могла быть смягчена лишь за счет миграции населения на другие острова или на Малайский полуостров. Согласно приблизительным подсчетам, население Явы и Мадуры увеличилось с 28,74 миллиона человек в 1900 году до 49 миллионов человек в 1941 году. В последующие годы население возрастало ежегодно на 700 тысяч человек. Ни один другой район мира, по сравнению с Явой, не обладал такой плотностью населения при столь быстрых темпах его роста. Налицо было зловещее состязание между ростом населения и расширением производства.

В 1905 году был создан департамент сельского хозяйства (позднее ставший одним из отделов департамента по делам экономики) со специальным назначением разработать меры по систематическому улучшению местного сельскохозяйственного производства. Местное производство, которое специализировалось главным образом на продовольственных культурах, было расширено путем расчистки новых земель, усовершенствования ирригации, улучшения технических методов и значительного увеличения посевов побочных культур. В 1918 году была создана главная сельскохозяйственная экспериментальная станция. Департамент сельского хозяйства начал также создавать специальные отделы, особенно следует отметить отдел, ведавший вопросами экономики сельского хозяйства, а также другой отдел, известный как служба сельскохозяйственной информации. При сдаче земли в аренду европейцам следовало консультироваться с экспертом этой службы — местным служащим — относительно вероятных последствий этого акта с точки зрения интересов туземного населения.

Однако, несмотря на эти выдающиеся административные меры, небольшие запасы продовольствия сократились; производство оказалось не в состоянии увеличиваться теми же темпами, какими росло население. За период между 1929 и 1938 годами население возросло на 15 процентов, посевная площадь увеличилась лишь на 3,5 процента, причем это расширение было осуществлено за счет нарушения допустимых норм. В результате вырубки лесов под посевы площадь лесных массивов сократилась до 23 процентов общей площади, тогда как для сохранения водных ресурсов острова считалось необходимым иметь под лесом 30 процентов его территории. Между тем обнаружились признаки истощения земель вследствие чрезмерной их эксплуатации. Одна из трудностей заключалась в том, что индивидуальные земельные участки были слишком малы для того, чтобы их можно было производительно использовать. В начале XX столетия в среднем на семью приходилось всего лишь $2^1/_2$ акра земли, причем эта величина имела тенденцию к сокращению. Хотя дробление обрабатываемых земель и не приняло здесь столь же угрожающих масштабов, как в перенаселенных районах Французского Индокитая, тем не менее оно означало, что сельскохозяйственное производство на землях, принадлежавших туземному населению, страдало от избытка населения и нехватки оборудования.

С помощью аграрного закона 1870 года голландцы предотвратили образование класса помещиков[1], который сложился во всех странах Юго-Восточной Азии, однако переход к денежной экономике вынудил местное население жить

[1] После проведения в жизнь аграрного закона 1870 года процесс дифференциации индонезийского крестьянства, наоборот, усилился. К началу XX века в руках местных помещиков новой формации (из торговцев, ростовщиков и чиновников) было сосредоточено около 30 процентов всей земли.—*Прим. ред.*



Возделывание риса на Яве.

в кредит. Кредит обеспечивался главным образом ростовщиками китайцами, дававшими ссуды под залог, и ростовщиками арабами—под исключительно высокий процент. В 1898 году де Вольф ван Вестерроде принял на себя чрезвычайную миссию по разработке планов создания государственных ссудных касс и банков сельскохозяйственного кредита. В 1900 году были учреждены государственные ссудные кассы, а четыре года спустя было положено начало общедоступной системе кредита, организованной в форме «рисовых банков» и сельских банков денежного кредита. Государственным служащим было предписано рассматривать создание этих банков как одну из главных своих обязанностей. К 1912 году на Яве имелось 12 тысяч «рисовых банков», 1161 сельский банк и сельские кооперативы, которые управлялись представителями местной администрации под наблюдением властей.

Однако, как и повсюду, кооперативное движение на Яве не получило развития. Ростовщики шли на рискованные сделки, и их деловые расходы были ниже. На частном денежном рынке месячная норма процента сохранялась на уровне от 10 до 15; а еще больше ухудшало положение крестьян то, что доходы от продажи их продукции сократились в результате деятельности посредников, чья доля в рыночной цене составляла в среднем 50 процентов. Крестьяне, оказавшиеся в столь трудном положении, зачастую были вынуждены сдавать свою землю в аренду европейским плантационным компаниям. И снова прави-

тельство должно было прийти на помощь туземному населению, устанавливая минимальные нормы арендной платы и ограничивая размер земельных площадей, которые могли быть сданы в аренду, а также сроки аренды. Многие крестьяне уезжали работать на табачные, сахарные и чайные плантации Суматры и на каучуковые плантации Малайи, но, когда в 1930 году эти районы были поражены кризисом, тысячи людей возвратились на перенаселенную Яву.

Последствия кризиса для индонезийцев были не столь тяжелыми, как для европейцев, поскольку первые были заняты в основном возделыванием риса, а не экспортных культур. Однако особенно сильно пострадали те производители, которые были связаны с производством сахара. После ликвидации «системы культур» возросло производство сахарного тростника на плантациях, основанных на землях, арендованных у крестьян. В результате кризиса посевные площади под сахарным тростником сократились с 200 800 до 28 000 гектаров, общая сумма земельной арендной платы упала с 25 миллионов до 3,8 миллиона гульденов, а заработная плата понизилась приблизительно с 84 миллионов до 7,27 миллиона гульденов. Эта отрасль производства никогда уже не возродилась. Когда производство сахара стало снова расширяться, такие страны, как Индия, Китай и Япония, которые прежде вывозили сахарный тростник с Явы, стали производить собственный сахар. Однако голландцы начали осуществлять «кризисную политику», принимая все возможные меры для того, чтобы стимулировать местное производство, стабилизировать цены на рис и поддержать благосостояние туземного населения. «Сарекат ислам», главная организация националистического движения, посвятила всю свою энергию делу основания «диких»[1] школ и «диких» кооперативных учреждений. Общее возрождение национальной жизни в стране нашло свое выражение в замечательном развитии туземного сельского хозяйства. Судя по подсчетам европейцев, доходы яванских крестьян оставались по-прежнему шаткими, поскольку все мероприятия по улучшению экономического положения страны, осуществленные голландцами с 1900 года, были сведены на нет в результате огромного увеличения населения. Согласно авторитетному мнению Ферниволла, условия жизни населения Явы были примерно такие же, как бирманского населения, жившего вне рисовых районов.

В 1900 году оптовая торговля и банковское дело были сосредоточены в основном в руках голландцев; известную роль играли посредники и ростовщики — китайцы по национальности; туземцы принимали участие лишь в мелкой розничной торговле. Свобода действий, предоставленная позднее европейским предпринимателям, привела к увеличению числа неголландских поселенцев в Индонезии, особенно после 1905 года. В 1930 году в Индонезии насчитывалось 7195 японских, 6867 немецких и 2414 английских поселенцев. Иностранный (то есть неголландский) капитал был вложен главным образом в производство нефти и каучука. Английские инвестиции в чайные плантации, сделанные около 1900 года, явились первым крупным вложением иностранного капитала. С 1905 года англичане стали вкладывать капитал в производство каучука, и с 1912 года уже половина каучуковых компаний на Яве принадлежала англичанам. Развитие культуры табака в районе Дели на Суматре привлекло английский, швейцарский и немецкий капитал. К 1913 году голландские капиталовложения на восточной Суматре составляли всего лишь 109 миллионов гульденов из общей суммы инвестиций в 206 миллионов гульденов. Голландский капитал преобладал в производстве сахарного тростника. Накануне мирового кризиса капитал, вложенный в производство всех других культур, кроме сахарного тростника, составлял несколько более 40 процентов общей суммы инвестиций. В то время общая сумма иностранных (в том числе голландских) инвестиций в Нидерландской Индии оценивалась в 5 тысяч миллионов гульденов. Порожденная великим кризисом дефляция привела к значительному сокращению этой суммы, и в 1939 году общий объем иностранных инвестиций оце-

[1] «Дикие», то есть основанные на добровольных усилиях, предпринимаемых помимо правительственных мероприятий.

нивался в 2875 миллионов гульденов. Из этой суммы приблизительно 75 процентов принадлежало голландцам, 13,5 процента — англичанам и 2,5 процента — американцам. Кроме того, иностранные вкладчики капитала, главным образом голландцы, держали облигации государственных займов, выпущенных в Индонезии, на сумму около 2 тысяч миллионов гульденов.

Расцвет «внешних владений» в XX веке представлял контраст по сравнению с тем запустением, в котором они находились вплоть до конца XIX века. На Суматре, от Палембанга до Джамби в глубь страны, возникли крупные каучуковые плантации. После завоевания Аче на северо-восточном побережье Суматры получила развитие нефтедобывающая промышленность, а к 1940 году на Суматре уже ежегодно добывалось около 5 миллионов тонн сырой нефти. Богатые месторождения олова на островах Банка и Биллитон привлекли рабочих-китайцев, и к 1940 году годовая добыча руды составила 44 тысячи тонн. На острове Банка производилась выплавка олова, но большая часть руды отправлялась в Сингапур, пока в Арнеме, в Голландии, не был построен крупный завод по выплавке олова. На островах Риау добывались бокситы, и в 1938 году годовая добыча бокситов составила 275 тысяч тонн. Начатая англичанами добыча нефти в Брунее побудила голландцев заняться добычей нефти на принадлежавшей им части острова Борнео. Самаринда явилась одним из крупнейших нефтеносных районов Индонезии, и к 1940 году там ежегодно добывалось 12½ миллионов барелей нефти, которая перерабатывалась на заводах в Баликпапане. На острове Целебес были открыты месторождения золота, никеля, железа и нефти, но до второй мировой войны эти месторождения совершенно не разрабатывались.

г) *Малайя*

Над Малайей не тяготела проблема перенаселения. Главная проблема Малайи состояла в том, что ее население, как и прежде, занималось выращиванием продовольственных культур и отказывалось поставлять рабочую силу для развивавшегося производства каучука и олова. В 1940 году под другими культурами было занято лишь 15,5 процента всей земельной площади, причем более половины было занято под каучуковыми плантациями. Средний земельный участок малайского крестьянина составлял всего 2½ акра, однако этого было достаточно для существования обычной семьи, так как ее потребление не ограничивалось только рисом. Малайцы выращивали много огородных культур, а кроме того, разводили кокосовые и арековые пальмы, а также фруктовые деревья; они занимались также рыбной ловлей и охотой.

В результате того, что малайские крестьяне не были заинтересованы производить рис сверх своих личных потребностей, в начале XX столетия потребление риса в Малайе лишь на одну треть покрывалось за счет собственного производства. Две трети потребляемого риса закупалось в Сиаме и Бирме. После первой мировой войны, а затем снова после мирового кризиса производство риса увеличивалось благодаря поощрительным мерам, предпринятым правительством, однако отношение между местным производством риса и общим объемом его потребления оставалось неизменным. Корень зла лежал опять-таки в задолженности крестьян[1], в данном случае в задолженности ростовщикам — китайцам и индийцам по происхождению. В Малайе, как и повсюду, правительство пыталось решить эту проблему, поощряя создание кооперативов. В 1907 году в этом направлении были предприняты первые незначительные шаги. Серьезные усилия по развитию кооперативного движения были сделаны в 1922 году, когда в Куала-Лумпуре был создан департамент по делам кооперативных обществ.

Однако серьезным препятствием для развития кооперативного движения был индивидуализм малайцев, а также их склонность влезать в долги по случаю семейных торжеств, как, например, свадеб. В силу этого кооперативное

---

[1] Главной причиной нехватки риса являлась политика английских колонизаторов, превративших Малайю в страну монокультуры каучука.—*Прим. ред.*

движение заглохло. После мирового кризиса правительство попыталось побудить крестьян производить больше риса, защищая их от нажима со стороны мельников китайцев, которые устанавливали цены на рис. Однако крестьяне слишком зависели от индийских и китайских ростовщиков и поэтому не могли откликнуться на призывы правительства. Возникла реальная опасность превращения крестьян в безземельных сельскохозяйственных рабочих. Они не могли приспособиться к условиям, созданным иностранной промышленной и капиталистической системой, которая стала развиваться в Малайе. «Если в руки малайца попадают деньги,— писал в 1928 году К. Ф. Стриклэнд в отчете о положении кооперативного движения в Малайе,— он тратит их, не думая о том, что настанет время, когда он будет в них остро нуждаться»[1].

Первоначальной целью создания сельских кооперативных обществ было освобождение крестьян от долгового бремени. После мирового кризиса стало ясно, что необходимо усовершенствовать методы производства и сбыта. С этой целью были созданы общества нового типа, которые достигли некоторых успехов. Это были общества, преследовавшие общие цели поощрения всех видов кооперативной деятельности, а также общества по «улучшению условий жизни», которые стремились поднять общественное мнение против расточительности и давали ссуды просто с целью поддержать крестьян в период между севом и уборкой урожая.

В начале XX века в Малайе преобладали китайские и индийские рабочие. Китайцы приезжали работать на оловянных рудниках; впоследствии, когда получило развитие производство каучука, на работу на каучуковых плантациях стали приезжать индийские кули. Краткая справка об увеличении числа китайских и индийских рабочих даст некоторое представление о проблемах, порожденных этой иммиграцией.

	По данным переписи 1911 года	По данным переписи 1921 года	По данным переписи 1931 года	По данным переписи 1941 года
Число малайцев	1 437 000	1 651 000	1 962 000	2 278 000
Число китайцев	916 000	1 174 000	1 709 000	2 379 000
Число индийцев	267 000	471 000	624 000	744 000

При господстве голландцев в Малакке имелась сильная китайская община. Когда в 1786 году Фрэнсис Лайт основал Пенанг, многие китайцы переехали сюда из Малакки. Много китайцев поселилось и в Сингапуре, основанном в 1819 году. Они либо прибывали с территории, принадлежавшей голландцам, либо иммигрировали непосредственно из Китая. В 1941 году Пенанг и Сингапур были населены преимущественно китайцами. Из всех китайских общин в малайских государствах до XIX века наиболее крупной была община в Джохоре, куда китайцы уезжали, чтобы не сталкиваться с голландцами. Около 1830 года начался приток китайских рабочих в горнопромышленные районы, который резко усилился приблизительно с 1850 года. Тайные общества, объединявшие китайцев в Малайе, являлись практически их единственными социальными организациями. В районе Ларута в Пераке соперничали два таких общества — «Сы Хин» и «Хай Сан». Эта вражда позволила англичанам во время их первой интервенции в Малайе установить протекторат над одним из малайских государств.

В период протектората экономика Малайи находилась в основном в руках китайцев. С 1882 года на оловянные рудники стали прибывать европейцы, однако еще долгое время китайцы оставались главной силой в горнодобывающем производстве. Они также занимались садоводством в коммерческих целях, ремеслом, были лавочниками, подрядчиками, финансистами и фермерами, разводя выгодные сельскохозяйственные культуры. А когда стали возникать

[1] L. A. Mills, British Rule in Eastern Asia, p. 282.

каучуковые плантации, то в некоторых случаях китайцы становились крупными плантаторами. Роль китайцев, проживавших в Малайе, была столь велика, что в совете каждого государства, входившего в федерацию, обычно были представлены два китайца.

Вначале китайцы приезжали в Малайю лишь для того, чтобы нажить денег и как можно скорее вернуться на родину. Однако в XX веке в Малайе становилось все больше китайцев — местных уроженцев, которые считали эту страну своей родиной. Ко времени японского вторжения, в период второй мировой войны, около одной трети китайцев, проживавших в Малайе, утратили все связи с Китаем, кроме культурных связей. Китайская иммиграция создала ряд политических проблем; в Малайе появились подпольные организации, сначала гоминьдановские, а затем коммунистические. В период японского вторжения в Китай в 30-х годах китайцы в Малайе были решительными сторонниками прямых действий. Они организовали бойкотирующие группы, которые громили лавки с японскими товарами.

Китайцы создали много школ, в которых вместо литературного языка преподавался *гоюой*, или народный язык. Учителя в этих школах были почти исключительно уроженцами Китая и придерживались крайних националистических взглядов, враждебных властям Малайи. Учебники привозились из Китая; их содержание носило всецело подрывной характер. По всей своей направленности учебный план этих школ препятствовал воспитанию у учащихся чувства общности с малайской нацией.

Англичане прежде всего должны были принять меры против деятельности тайных обществ, которая время от времени приводила к серьезным беспорядкам. В течение длительного времени англичане не могли получить достаточно точной информации, чтобы предпринять эффективные действия. Именно по этой причине в 1877 году в Стрейтс-Сетлментсе был создан правительственный комитет по защите прав китайского населения. Начиная с 1883 года компетенция этого комитета была постепенно расширена — он стал защищать интересы китайских рабочих. В 1884 году был учрежден пост секретаря по делам китайского населения. Однако, поскольку первый секретарь относился к тайным организациям как к безвредным «обществам друзей» с теми же полезными функциями, какие осуществлялись аналогичными обществами в тогдашней Англии, постольку в решении китайской проблемы в течение некоторого времени не было достигнуто существенного прогресса.

Что касается положения рабочих, то здесь понадобились специальные законы, направленные против ужасных злоупотреблений «подрядной» системы и тех хитроумных приемов, к которым прибегали подрядчики и наниматели для того, чтобы «сжать в тисках» рабочих. Однако положения этого закона было трудно провести в жизнь, так как китайские рабочие предпочитали работать на сдельщине, а сдельщина открывала простор для мошенничества при учете. Между тем в 1937 году 80 процентов рабочих в рудниках федерации работали на сдельной оплате. Заработная плата, жилищные условия и состояние здоровья рабочих были объектом контроля со стороны правительственных органов. В конце 1936 года произошли крупные забастовки, имевшие целью добиться отмены проведенного в годы кризиса резкого сокращения заработной платы. Правительство вмешалось в спор и добилось соглашения между рабочими и предпринимателями, согласно которому заработная плата была повышена. В 1937 году был создан общемалайский комитет советников по делам китайских рабочих.

До 1930 года китайская иммиграция не подвергалась никаким ограничениям. Но вследствие кризиса 167 903 китайских рабочих, потерявших работу, вернулись в Китай. Секретариат по делам китайского населения (который был образован в 1934 году в результате слияния комитетов по защите прав китайского населения) организовал репатриацию не менее 13 тысяч безработных. А поскольку в этом же году в Малайю вновь прибыло 242 149 китайских иммигрантов, стала проводиться политика ограничения иммиграции. В течение 1931, 1932 и 1933 годов контроль за иммиграцией осуществлялся посредством

системы квот, с помощью которой ежемесячное число вновь прибывающих иммигрантов было постепенно сокращено до одной тысячи человек. В 1934 году, когда экономические условия стали улучшаться, квота была увеличена, но старая система неограниченной иммиграции не была восстановлена.

Проблема индийской иммиграции не была в Малайе столь острой, как в Бирме, но число индийцев-иммигрантов (прибывавших в Малайю главным образом для работы на каучуковых плантациях) быстро увеличивалось в результате каучукового бума 1907 года, а поскольку малайское и китайское население также быстро возрастало, то удельный вес индийцев в общем количестве населения страны в основном оставался на уровне примерно 14 процентов. В 1907 году спрос на индийскую рабочую силу был так высок, что пришлось создать Индийский иммиграционный фонд, призванный финансировать набор рабочей силы в Индии. Всем желающим приехать на работу в Малайю давали разрешение на проезд. В силу этого стало возможно ликвидировать злоупотребления, связанные со старой системой *кангани*. *Кангани* — это были агенты по вербовке рабочей силы, которых нанимали плантаторы в Малайе для набора рабочих. Завербованные рабочие получали от кангани ссуду на проезд до места работы, а затем возвращали эти деньги из своей заработной платы. В 1922 году английские власти Индии предприняли дальнейшие шаги по урегулированию системы вербовки индийцев на работу в Малайю: был издан закон об эмиграции, согласно которому в Индию и Малайю были направлены чиновники, осуществлявшие надзор за иммиграцией. В период великого кризиса система содействия иммиграции временно перестала действовать, но начавшийся в 1934 году экономический подъем позволил восстановить эту систему. Националистические круги в Индии, которые в 1922 году побудили английские власти вмешаться в дела иммиграции, все еще критически оценивали положение индийских рабочих в Малайе, и в 1936 году Сриниваса Шастри, который расследовал ранее положение индийских рабочих в Южной Африке, был послан властями Индии для изучения условий жизни индийских рабочих в Малайе. В своем отчете Шастри оценил положение индийских рабочих как весьма удовлетворительное и высказал мнение о том, что не следует препятствовать индийцам выезжать на работу в Малайю. Вместе с тем он предложил ликвидировать систему кангани, что и было сделано в 1938 году.

Тем временем департаменты труда и здравоохранения, имевшие резиденцию в Куала-Лумпуре, добились огромных успехов в деле улучшения жилищных и санитарных условий рабочих на плантациях. В первое время смертность от малярии была очень велика, но Малайя явилась одной из первых зависимых стран в тропическом поясе, которые внедрили в жизнь результаты открытий Рональда Росса и других пионеров тропической медицины. В 1910 году при медицинском департаменте был создан отдел здравоохранения на плантациях, и в течение десяти лет годовая смертность среди плантационных рабочих сократилась с 62,9 до 18,57 на 1000 человек. В 1937 году годовая смертность среди индийских рабочих составляла лишь 7,11 на 1000 человек. Следует отметить, что санитарные условия на плантациях, принадлежавших европейцам, были значительно лучше, чем на плантациях, принадлежавших собственникам азиатского происхождения. Главная проблема, которую порождал рост индийского населения в Малайе, состояла в том, что иммигранты индийцы, подобно огромному большинству китайцев, поддерживали политические связи с родиной.

В силу всего этого серьезность проблемы иммиграции в полной мере дала о себе знать уже в период между двумя мировыми войнами. Перепись 1941 года показала, что китайцев в Малайе насчитывалось больше, чем малайцев. А в доанглийский период малайцы составляли подавляющее большинство населения страны. Фактически в малайских княжествах малайцев было больше, чем китайцев, но в Сингапуре китайцы составляли 77 процентов населения, что и перевешивало чашу весов в их пользу. Удельный вес малайцев в населении Малайи (без Сингапура) был равен 49 процентам, а китайцев — 38 процентам. Большинство остального населения составляли индийцы. Однако среди собственно малайского населения не все были местными уроженцами,

поскольку издавна имела место сравнительно небольшая, но постоянно возраставшая миграция яванцев и других индонезийцев из Нидерландской Ост-Индии.

Естественно, что малайцы считали себя коренным населением Малайи, а к остальным относились как к иностранцам. Впрочем, сознание политической общности страны у них было развито слабо. Ведь обычно малайский крестьянин был подданным какого-либо султана, и житель другого малайского государства был для него иностранцем. Кроме того, огромное большинство китайцев и индийцев, поселившихся в Малайе, рассматривало эту страну как временное пристанище. Правительство Чан Кай-ши приложило все усилия к тому, чтобы внушить китайцам мысль о том, что все китайцы, живущие за границей, являются гражданами Китая, даже если их семьи на протяжении нескольких поколений имели английское гражданство. Индийцы также были насквозь пропитаны духом национализма. Но, во всяком случае, малайцы, как мусульмане, способные на крайние проявления фанатизма, хотя обычно и были добродушны, в глубине души вынашивали враждебность к язычникам — китайцам и индийцам; смешанные браки практически вовсе не имели места, и мирные отношения между национальностями поддерживались лишь благодаря сотрудничеству между султанами и английскими властями[1]. Большинство малайцев были кругом в долгу у китайцев, но в то же время их вожди требовали, чтобы в органах управления страной ни один китаец не мог занять должность, которая давала бы ему власть над малайцами. Если бы в стране существовало сильное малайское националистическое движение, то события, конечно, скоро достигли бы наивысшего развития. Но в период до японского вторжения малайцы оставались наиболее спокойным в политическом отношении народом Юго-Восточной Азии. Однако это блаженное умонастроение исчезло в период японской оккупации.

История Сингапура, который издавна был оплотом свободной торговли и центром английских торговых операций в районе от Суматры до Новой Гвинеи и от Явы до Китая, отмечена, с одной стороны, растущим процветанием и усилением его экономического значения и, с другой стороны, сокращением сферы его торговли. Значительная часть торговли с Китаем, осуществлявшейся через Сингапур, с 1842 года перешла к Гонконгу. Торговля с Индокитаем, игравшая важную роль в товарообороте Сингапура, была прекращена в результате завоевания Индокитая французами, которые обложили высокими пошлинами внешнюю торговлю Индокитая с другими странами и установили прямое пароходное сообщение между этой колонией и Францией. Несколько позже было установлено пароходное сообщение и между основными портами Нидерландской Индии и ее заморскими рынками, что существенно изменило связи Сингапура с этим районом. В XX веке значительная часть торгового оборота федерации стала осуществляться через Порт-Суиттенхэм.

Однако для полуострова Малакка, центральной Суматры и Борнео Сингапур остался центром средоточия и распределения товаров. Огромное расширение производства каучука в Малайе и на Суматре более чем компенсировало Сингапуру сужение сферы его торговых связей. Его торговля с Явой, Сиамом и Индокитаем по-прежнему оставалась значительной. Постоянное совершенствование портовых сооружений Сингапура явилось одной из причин, позволивших ему сохранить его позиции. Этому способствовало также его исключительно выгодное местоположение — на главном торговом пути, связывающем Европу и Дальний Восток. Например, когда во всем мире возросло потребление нефтепродуктов, Сингапур оказался самым удобным центром для сбыта нефти, добытой на Суматре, голландском Борнео и в Сараваке. Накануне второй мировой войны общий товарооборот Сингапура достиг суммы двух миллионов малайских долларов[2].

---

[1] Автор искажает действительные факты. Национальная вражда, наоборот, подогревалась английскими колонизаторами, которые противопоставляли один народ другому, чтобы упрочить свое господство в Малайе.—*Прим. ред.*

[2] Один малайский доллар равен 2 шиллингам и 4 пенсам.

Экономическое развитие Малайи тесно связано с производством олова и каучука. До 1900 года разработка месторождений олова осуществлялась почти исключительно китайцами. После 1900 года эта отрасль производства была коренным образом перестроена благодаря тому, что англичане вложили в нее свой капитал, внедрили свои методы руководства, машинное оборудование и научную технологию. Уже в 1887 году «Стрейтс трейдинг компани» начала выплавку олова в Малайе. В конце прошлого столетия американцы предприняли попытку сосредоточить в Соединенных Штатах всю выплавку олова и таким образом установить полный контроль над добычей оловянной руды в Малайе. Англичане отразили эти попытки, введя экспортные пошлины на оловянную руду. В результате Сингапур стал крупнейшим в мире центром по выплавке олова. Сюда направлялась на переплавку руда из Сиама, Французского Индокитая, Бирмы, Австралии, Китая, из Центральной и Южной Африки.

Производство олова в Малайе постоянно возрастало вплоть до 1926 года, когда цены на олово достигли самого высокого уровня: английская тонна олова стоила 284 фунта стерлингов 7 шиллингов и 7 пенсов. Затем перепроизводство привело к тому, что цена на олово упала до 120 фунтов стерлингов. Источником затруднений был в известной мере тот факт, что Соединенные Штаты стали крупнейшим в мире потребителем олова, а их спрос имел тенденцию к резким колебаниям. «Ассоциация производителей олова», которая объединяла представителей четырех богатейших районов добычи олова — Малайи, Боливии, Нидерландской Восточной Индии и Нигерии, — разработала программу ограничения производства и сбыта олова. В 1931 году эта программа вступила в действие. За ее осуществлением наблюдал Международный комитет по олову. Слабое место этой программы состояло в том, что она не включала менее крупных производителей олова, таких, как Сиам, Французский Индокитай и Конго. Поэтому эти страны могли присоединяться или не присоединяться к решениям, принимаемым комитетом. Начиная с 1933 года спрос стал возрастать, и в целях поддержания стабильности цен Международный комитет по олову прибег к практике создания запаса олова размером в 15 тысяч тонн. В 1938 году— последнем нормальном предвоенном году — на долю Малайи приходилось 29 процентов мировой добычи олова; Малайя была способна давать 100 тысяч тонн олова в год.

Бурное развитие Малайи как одного из главных мировых производителей каучука началось не ранее 1905 года. С этого времени и до послевоенного кризиса 1920 года его производство было расширено силами европейцев, китайцев и малайцев. В 1920 году Малайя вывезла 196 тысяч тонн каучука, что составляло 53 процента его мирового производства. Производство каучука существенно увеличило благосостояние Малайи и явилось главной причиной того, что население Малайи удвоилось за период между 1901 и 1921 годами (хотя, как мы уже видели выше, рост населения происходил в значительной мере за счет иммиграции немалайцев). Чтобы справиться с проблемами, которые порождало столь быстрое расширение производства каучука, департаменту сельского хозяйства в Куала-Лумпуре пришлось создать новые отделы для проведения научных изысканий и экспериментов.

Кризис 1920 года был следствием колоссального перепроизводства и послевоенной депрессии в Европе. Цена на каучук упала с 2 шиллингов за фунт в 1920 году до 6 пенсов в 1922 году. После этого англичане создали во главе со Стивенсоном комитет по изучению положения, который рекомендовал выработать совместно с Голландией и Цейлоном программу ограничений производства и сбыта каучука. Однако голландцы отказались принять в этом участие, так как они поощряли мелких землевладельцев на Яве разводить каучуковые деревья. Тогда Малайя и Цейлон, на долю которых приходилось 70 процентов мирового производства каучука, сочли возможным действовать на свой страх и риск. Такое решение было крупной ошибкой, как позже убедились производители каучука. После шестилетних безуспешных попыток проведения программы ограничений она была отменена под воздействием конкурен-

ции со стороны голландцев и вследствие огромного развития культивирования каучуконосов силами туземных мелких землевладельцев.

Затем наступил мировой кризис. Цены за фунт каучука упали до $2^1/_3$ пенса. В 1931—1933 годах положение было гораздо более тяжелым, чем в период 1920—1922 годов. Владельцы крупных плантаций вынуждены были пересмотреть целиком вопрос о стоимости продукции. Снова были сделаны попытки установить международное сотрудничество, и в результате в мае 1934 года между странами, производящими каучук, было заключено соглашение, по которому был учрежден Международный комитет по регулированию производства и сбыта каучука. Комитет осуществлял контроль за научными исследованиями в области производства каучука и за выполнением программы ограничений. В 1935 году цена на каучук поднялась до 6 пенсов за фунт. В результате улучшения методов производства, предпринятых для преодоления кризиса, эти цены обеспечивали прибыль крупным плантаторам. Затем гонка вооружения и бурный рост американской автомобильной промышленности привели к повышению цен на каучук; но опять-таки, как и в случае с оловом, колебания цен на каучук были слишком тесно связаны с изменением условий в Соединенных Штатах. Комитет по регулированию производства и сбыта каучука попытался стабилизировать цены на уровне 9 пенсов за фунт, но вынужден был прекратить такие попытки, поскольку он не мог влиять на величину спроса, который предъявляли на каучук промышленные страны. В 1938 году в Малайе было занято 3 302 170 акров земли под каучуконосами, и она давала 41 процент мирового производства каучука. Из общей площади, занятой под каучуковыми деревьями, 2 026 348 акров принадлежали крупным плантаторам и 1 275 822 акра — мелким земельным собственникам, главным образом малайцам. Общее производство каучука в Малайе составляло 361 тысячу английских тонн, а общая сумма экспорта — 527 тысяч тонн. Дело в том, что значительная часть каучука, производившегося в Сиаме, на Суматре и Борнео, доставлялась в Сингапур, где каучук сортировался и морским путем отправлялся потребителям.

Мировой кризис показал, что необходимо развивать в дополнение к рису и каучуконосам также и другие культуры. Было признано, что масличные пальмы могут вполне заменить каучуконосы. Однако масличные пальмы должны были культивироваться в крупных имениях, так как они не вызывали интереса у мелких землевладельцев. Хотя пальмовое масло более питательно, чем кокосовое, тем не менее малайцы отказывались его употреблять. Культивирование кокосовых пальм осуществлялось главным образом в мелких хозяйствах, но начали возникать и крупные плантации с целью производства копры. Выжимка масла производилась главным образом на оснащенных механическими прессами фабриках, расположенных на западном побережье.

Англичане никогда не вводили никаких ограничений на ввоз иностранного капитала в Малайю. Перед второй мировой войной американские компании владели крупными каучуковыми плантациями, значительный австралийский капитал был вложен в производство олова, а японцы контролировали всю добычу железной руды. Железорудные копи в Джохоре и Тренггану в 1938 году дали руды на сумму в 858 тысяч фунтов стерлингов. Капиталовложения западных стран в Малайе достигли в 1914 году общей суммы, несколько превышавшей 40 миллионов фунтов стерлингов. К 1930 году они возросли до 116,5 миллиона фунтов стерлингов. Английские инвестиции составляли около 70 процентов этой суммы. Китайские вложения в 1937 году составляли сумму более чем в 41 миллион фунтов стерлингов.

Резкая критика экономического империализма или «колониализма», как его в настоящее время неуместно называют, сводилась к тому, что-де иностранные капиталисты извлекали прибыли в интересах заморских акционеров, вместо того чтобы инвестировать их в колониальной стране. Эта точка зрения, шумно поддержанная политической оппозицией, кажется правдоподобной, однако при более тщательном рассмотрении факты не мирятся с таким примитивным

объяснением. Великие державы предоставили «колониальным» территориям крупные капиталы и технический опыт, без которых они никогда бы не достигли нынешнего экономического уровня. Эти державы коренным образом изменили условия здравоохранения и освободили огромные массы людей от ужасов эпидемий, уносивших много жизней. Их исследования в области земледелия в тропических районах и изучение других проблем первостепенного значения заложили прочные основы, опираясь на которые можно добиться процветания и более высокого уровня жизни. Изучение их баснословных прибылей в том виде, в каком оно ведется до сих пор, свидетельствует о том, что воображение значительно превосходит действительность и что критики «колониализма» не принимают в расчет больших потерь, имеющих место время от времени[1]. Кроме того, в большинстве случаев владельцы иностранных инвестиций платят основную часть государственных налогов. Здравомыслящий историк не позволит себе сделать на основании имеющихся в нашем распоряжении фактов скоропалительные обобщения, служащие оружием в политической борьбе.

Установлено, что перед второй мировой войной ежегодный импорт европейских стран из США примерно на 500 миллионов долларов превышал их экспорт в США и что бо́льшую часть средств для покрытия этого дефицита обеспечивала торговля со странами Юго-Восточной Азии. Общая сумма иностранных капиталовложений в странах Юго-Восточной Азии, включая Филиппины, составляла около 4370 миллионов долларов. Общая сумма капиталовложений складывалась соответственно из следующих сумм:

Капиталовложения	Млн. долл.
Европейских стран (главным образом Голландии в Индонезии и Франции в Индокитае)	1943
Англии	860
Китая	640
США	330
Японии	60

Предприятия, в которые были вложены эти суммы, обеспечивали Европу и Америку важными видами продовольствия и сырья для промышленности. Через Малаккский и Зондский проливы пролегли торговые пути огромного значения для великих держав. Сингапур оправдал ожидания Раффлза и действительно стал второй Мальтой. Лондонская имперская конференция 1921 года приняла решение о превращении Сингапура в первоклассную военно-морскую базу, и в 1938 году соответствующие работы, поглотившие 20 миллионов фунтов стерлингов, были завершены.

[1] Здесь автор опять выступает в роли апологета империализма и колониализма. Подробнее см. в предисловии.—*Прим. ред.*

ГЛАВА XLIII

СИАМ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД
(1910—1942)

Название этой главы заимствовано из книги профессора К. П. Ландона[1], посвященной революции 1932 года. Эта революция не только заменила абсолютизм династии Чакри одной из форм конституционного управления, но и значительно ускорила начатый при Чулалонгкорне процесс приспособления Сиама к условиям современного мира. Чулалонгкорн имел 34 сына и 43 дочери. В первые годы его правления сыновья были посланы в английские государственные школы, университеты и технические учебные заведения. Целый ряд из них проявил исключительные способности. Некоторые стали специалистами в области права, сельского хозяйства или техники. Другие прошли подготовку в британской, германской, российской и датской армиях, а также в британском военно-морском флоте. Их отец написал для них небольшую брошюру с советами на время поездок за границу.

Принц Маха Вичировуд, наследовавший своему отцу в 1910 году, был одним из тех, кто получил такую подготовку; он обучался в Кембриджском университете и некоторое время прослужил в британской армии. Поскольку, согласно правилам престолонаследия династии Чакри, Вичировуд был ближайшим прямым наследником, в 1902 году, незадолго до возвращения в Сиам, ему был присвоен титул наследника престола. В течение своего длительного пребывания за границей Вичировуд почти потерял связь с семьей. Поэтому, вернувшись, он собрал вокруг себя группу молодых людей, которые не принадлежали к числу членов королевского дома. Став королем, Вичировуд прекратил практику своего отца советоваться с наиболее видными представителями королевской семьи. Он редко советовался со своими братьями и дядьями и, чтобы противодействовать их влиянию, не только назначал на важные государственные должности своих фаворитов, но и основал полувоенный корпус скаутов «Дикие тигры», в который набирались добровольцы из числа гражданских служащих; возглавлял корпус лично сам король как главный генерал-скаут.

Но Вичировуд был безгранично робок и не обладал даром руководителя. Он увлекался искусством и театром и занимался написанием или переводами пьес на изысканный тайский язык. Однако назначение им своих приспешников на выгодные должности и последовавшая беспрецедентная коррупция вызвали недовольство его кликой и послужили причиной крайней непопулярности Вичировуда. В течение всего периода его правления в стране имело место приглушенное недовольство. Были даже предприняты две попытки свергнуть короля. Первая, в 1912 году, была заговором с целью его убийства. Она была в корне пресечена способным братом короля, принцем Питсанулоком. Заговор был вызван недовольством армии и флота созданием корпуса «Дикие тигры». Части бангкокского гарнизона были, видимо, готовы восстать и двинуться на дворец. Но цензура тогда была настолько строга, что даже сейчас подробности заговора неизвестны. Было арестовано около 60 офицеров. Вторая попытка,

[1] Kenneth Perry Landon, Siam in Transition, London, 1939. См. также его работу о Сиаме в книге: L. A. Mills and Assoc., The New World of Southeast Asia, p. 246—272.

имевшая место в 1917 году, также была военным заговором, возникшим вследствие недовольства прогермански настроенной части армии тем, что король благожелательно относился к союзникам.

Вичировуда в некоторой степени безответственно называют демократичным[1]. А между тем его попытки усилить абсолютную власть короля содействовали возникновению конституционного кризиса 1932 года. Кабинет министров, созданный Чулалонгкорном, собирался редко. Министры индивидуально советовались с королем, и каждый из них принимал решения самостоятельно. Таким образом, не было никакой координации деятельности. А склонность короля к возрождению старого церемониала наряду со все нарастающим усложнением государственного аппарата говорила о чрезмерном увлечении пышностью и наслаждении своим положением.

Вичировуд обладал большим чувством драматичности и сознательно воспитывал в народе национальную гордость. Он понимал огромное значение, которое имело для достижения этой цели движение бойскаутов, поэтому при его поощрении — или даже «по его приказу»— сиамские школы оказались охваченными бойскаутскими идеями и создали бесчисленные организации «тигрят», как их называли, так как они примыкали к корпусу «Дикие тигры». В Сиаме, так же как в национальных движениях того периода в Бирме и Индонезии, объединяющей силой выступила религия. В этом отношении между Сиамом и Бирмой существует любопытная параллель, так как в обеих странах националистическая пропаганда утверждала, что истинным патриотом может быть только буддист. Победа Японии над Россией в 1905 году усилила национальное чувство сиамцев; вполне возможно, что, предпринимая шаги для осуществления дальнейшей модернизации, Вичировуд полностью осознавал, благодаря каким методам Япония могла усилить свою мощь настолько, чтобы одержать верх над великой европейской державой.

В отличие от своего отца Вичировуд осуществил немного важных административных реформ. Однако его социальные реформы имели далеко идущие последствия. Они были осуществлены в основном с целью поднять Сиам до уровня западных идей и обычаев и обеспечить ему благодаря этому доступ в круг наций, взаимно признающих права и обычаи друг друга. Отсюда становится ясной причина рекодификации права, начатой при правлении Вичировуда, и в особенности появление законопроекта о моногамии, который по настоянию короля был включен в новый кодекс. Этот проект возник не только из одного желания эмансипировать женщин. Одним из самых горячих желаний Вичировуда было добиться упразднения прав экстерриториальности, которыми пользовались в его стране европейцы. Однако он осознавал, что существенным условием для этого является приведение правовой системы Сиама в соответствие с общепринятыми европейскими понятиями.

Некоторые из его социальных реформ, несомненно, были навеяны идеями, которые он усвоил в течение длительного периода обучения в Англии. Определенно, ими было вызвано появление его эдикта от 1916 года, обязывающего всех его подданных иметь фамилию, а также введение обязательной прививки. Также благодаря главным образом его воздействию женщины Сиама переняли европейские прически и юбки вместо короткой стрижки бобриком и *панунга*, то есть куска материи, обмотанного вокруг талии и пропущенного между ног, конец которого заправлялся спереди. В числе других полезных мер того же характера было принятие григорианского календаря, введение в 1921 году обязательного начального образования, основание в 1917 году Университета имени Чулалонгкорна и учреждение Общества Красного Креста. Он был восторженным поклонником футбола и атлетики. Футбол при его активной поддержке стал особенно популярен по всей стране, и он сам организовывал розыгрыши кубка. Его личным вкладом в области образования являлось основание в Бангкоке знаменитой школы имени Вичировуда —закрытого учебного заведения для мальчиков, учрежденного по типу английских государственных

[1] Virginia Thompson, Thailand, The New Siam, p. 49.

школ; директором ее был таиландец, окончивший Ондлскую школу[1] при Сандерсоне[2].

В первые годы своего правления Вичировуд наряду с проведением социальных реформ большое внимание уделял вопросам внешней политики. Когда в 1914 году разразилась первая мировая война, его личные симпатии были на стороне союзников. Однако среди сиамского народа все еще были сильны антифранцузские настроения, а в армии имелась сильная прогерманская группа. Тем не менее было очевидно, что не в интересах Сиама было оказаться центром, откуда Германия опутывала бы своими интригами соседние территории, принадлежащие Великобритании и Франции. Поэтому в июле 1917 года в ответ на презрительное отклонение Германией протеста Сиама по поводу ее методов подводной войны Вичировуд предпринял решительный шаг и объявил войну Германии. В следующем году во Францию был послан небольшой экспедиционный отряд сиамских войск. Присоединившись к побеждающей стороне, Сиам многое выиграл. В его руки в качестве трофеев попали германские суда стоимостью в несколько миллионов фунтов стерлингов; помимо этого, он смог освободить свою железнодорожную систему от контроля Германии, который она успела установить в предвоенные годы. Больше того, он обеспечил себе членство в Лиге Наций, а в 1922 году Соединенные Штаты заключили с ним новый договор, в силу которого они отказывались от всех своих прав экстерриториальности в Сиаме.

Вичировуду всегда не нравилась обременительная обязанность, связанная с необходимостью ежедневно заниматься будничными государственными делами. Поэтому большую часть конкретной работы он передавал своему дяде, принцу Девавонгу, который в свое время был ближайшим соратником его отца и около 30 лет занимал пост министра иностранных дел. Д-р Малколм Смит утверждает, что принц Девавонг был наиболее влиятельным человеком в стране после короля[3]. Это был человек большого ума и верности долгу: ему принадлежит видная роль в деле укрепления независимости и прогресса Сиама. После его смерти в 1923 году король главным образом опирался на Чаопья Йомарача, о замечательных способностях которого свидетельствовала его головокружительная карьера — от незаметной должности в доме одного из братьев Чулалонгкорна до министра внутренних дел.

В 1925 году Вичировуд умер, не оставив наследника. В течение большей части своего правления король оставался холостым к великому огорчению его матери, королевы Саовапы, скончавшейся в 1919 году. А когда он, наконец, в 1922 году женился, то мужского потомства у него так и не появилось. Поэтому ему наследовал его младший брат принц Прачатипок, который никогда не ожидал, что он станет королем, да и не желал этого. Он был 76-м ребенком своего отца и его самым младшим сыном. Дядя Прачатипока, верховный патриарх буддийской церкви, в свое время пытался уговорить его посвятить свою жизнь религии, так как хотел сделать принца своим преемником. Но, прослужив в 1917 году четыре месяца послушником, Прачатипок покинул монастырь с расшатанным здоровьем и отказался от мысли стать служителем культа. Это был скромный молодой человек с либеральными взглядами и с большим чувством ответственности.

Самой неотложной проблемой, которая встала перед ним после восшествия на престол, была необходимость экономии в государственных средствах. Расточительность Вичировуда внесла беспорядок в государственные финансы. Поэтому Прачатипок сместил многих из ставленников своего брата, резко сократил цивильный лист и расходы на содержание королевского двора и уменьшил численность королевского пажеского корпуса с 3 тысяч до 300 человек.

---

[1] Ондлская школа — одна из старейших школ в Англии, основанная в 1556 году в небольшом городке Ондл, расположенном к северо-востоку от Нортгемптона.—*Прим. перев.*

[2] Фредерик Уильям Сандерсон — автор ряда школьных учебников; с 1892 года был директором Ондлской школы.—*Прим. перев.*

[3] Malkolm Smith, op. cit., p. 121.

Эти меры наряду с возросшими таможенными поступлениями, последовавшими в результате заключения новых торговых договоров и прибыльной внешней торговли, дали казне возможность сбалансировать бюджет, не прибегая к внешним займам или повышению налогов. Кроме этого, он создал консультативный орган — Верховный совет в составе пяти наиболее влиятельных принцев и восстановил кабинет министров. В 1927 году для того, чтобы иметь возможность советоваться с более широким кругом лиц, он создал большой Тайный совет с комитетом сорока, которые должны были докладывать ему о любом деле, переданном на их рассмотрение.

В первые годы правления Прачатипока произошло много интересного: учреждение службы беспроволочного телеграфа, подготовка аэродрома Дом Мыанг для обслуживания международных авиалиний и основание Королевского института литературы, архитектуры и изящных искусств с отличной национальной библиотекой и музеем. Законом о денежном обращении от 1928 года тикаль был переведен на золотую основу. Были приняты законы о здравоохранении населения и установлены более строгие требования к лицам, избирающим себе медицинские профессии. Для усиления правительственного контроля над страхованием и банковскими операциями был издан закон относительно контроля над коммерческими предприятиями общественного значения, а в 1930 году д-р Карл Циммерман из Гарвардского университета провел экономическое обследование королевства.

Мировой кризис, наиболее резкие удары которого начали ощущаться в 1930 году, коснулся Сиама в некоторых отношениях слабее, чем других стран Юго-Восточной Азии. Рисовый рынок рухнул, а вследствие отказа Великобритании от золотого стандарта, что ударило по основному конкуренту Сиама на рынке риса — Бирме, и Сиам после длительных колебаний был вынужден отказаться от него в мае 1932 года. Последовавшее затем улучшение в экспортной торговле, особенно в зоне серебряного обращения, в конечном итоге принесло выгоду рисоводам и вызвало некоторую критику в адрес правительства за то, что оно не предприняло этого шага раньше. В сельских районах не наблюдалось серьезных волнений. А поскольку крупных промышленных предприятий в стране не было, следовательно, не было и массовой безработицы. Однако внешняя торговля полностью находилась в руках иностранцев. Поэтому главные отрицательные последствия кризиса должны были усилить позиции националистов, требовавших ликвидации иностранного контроля над экономической жизнью страны.

Все же правительство переживало серьезные финансовые затруднения. В марте 1931 года министр финансов был вынужден объявить о бюджетном дефиците в 11 миллионов тикалей. Поскольку попытки Сиама получить заем в Париже и Нью-Йорке окончились неудачей, сиамское правительство вынуждено было ввести строгую экономию, включая сокращение жалованья, что очень сильно отразилось на положении низших слоев государственных служащих. Они и без того были недовольны тем, что путь продвижения в средние слои служащих им преграждала большая фаланга людей королевской крови, монополизировавших все ключевые должности. Многие из них переняли демократические идеи, обучаясь в Европе, и стали выражать недовольство деятельностью изжившего себя королевского абсолютизма. В то же время в отсутствие короля, выехавшего в 1931 году на лечение, в Верховном совете разгорелась серьезная борьба между военным министром — принцем Боварде и министром торговли — принцем Пурачатра по вопросу об экономии. В октябре 1931 года это привело к острейшему политическому кризису, поколебавшему доверие народа к этому органу, в котором доминировали принцы.

Но круг недовольных ими не ограничивался, ибо были такие представители чиновничества, которые лишились своих мест в результате резкого сокращения Прачатипоком аппарата гражданской службы; к ним следует добавить также группу армейских офицеров, возмущенных сокращением жалованья и враждебно настроенных против засилья принцев. В 1932 году эти недовольные элементы нашли себе вождя в лице Луанг Прадит Манудхарма, больше извест-

ного под его собственным именем Приди Паномионг — блестящего молодого адвоката, получившего образование в Париже, и профессора права в университете Чулалонгкорна. Он разработал конституцию и с помощью военной силы захватил власть в Бангкоке. 24 июня 1932 года Приди осуществил бескровную революцию[1].

Народ не принимал никакого участия в перевороте, разве только в качестве зрителей. Король, которого в это время не было в столице, вернулся два дня спустя и сразу же принял временную конституцию, согласно которой он лишался всех своих прерогатив, за исключением права помилования, принцы смещались с министерских постов и военных должностей и управление государством переходило к Народной партии, как называли себя Приди и его сподвижники. Они назначили сенат в составе 17 членов, который приступил к созданию исполнительного совета, наделенного правом издавать законы и контролировать министров. Спустя шесть месяцев сенат должен был быть заменен ассамблеей, избранной путем голосования; через десять лет предусматривалось введение всеобщего избирательного права.

Новая система управления была поэтому диктатурой партии. Однако Приди и его помощники не захватили постов в правительстве. Председателем исполнительного совета они избрали Пья Манопакона, который не играл никакой роли в революции, но был хорошим председателем апелляционного суда. Его назначение, равно как и назначение бывшего министра просвещения председателем сената, было попыткой умиротворить консервативные элементы. С точки зрения революционеров, эта мера не имела успеха. Политика Пья Манопакона, по его собственному признанию, была продолжением политики экономии, которой следовал предреволюционный режим. Никто не был удовлетворен, все жили в атмосфере тревоги, а когда сложившимся положением попытались воспользоваться коммунисты и их сторонники из числа китайского населения, то правительство прибегло к репрессиям.

Консервативные тенденции в правительстве ясно проявились в декабре 1932 года, когда была провозглашена новая конституция, над которой со времени революции работала специальная комиссия в тесном контакте с королем, и в результате появился документ, согласно которому права короля были значительно большими, чем это было объявлено раньше. Законодательное право, контроль над финансами и право толкования конституции были предоставлены однопалатной ассамблее из 156 членов, из которых (в виде временной меры) половину должен был назначать король. Каждые четыре года должны были проводиться выборы. Кандидатами в члены ассамблеи могли быть сиамцы в возрасте не менее 23 лет, проживающие в том избирательном округе, в котором они баллотируются, и удовлетворявшие определенному образовательному цензу. Закон о гражданстве был пересмотрен, и в число привилегий граждан было включено право голоса. Министры должны были быть ответственны перед ассамблеей, но, если предлагалось поставить вотум доверия, голосование не могло проводиться в день обсуждения. Король сохранил три важных права. Он мог распускать ассамблею без одобрения кабинета, однако с условием, что в течение трех месяцев должны были состояться новые выборы. Ему было предоставлено право накладывать вето на законы, однако ассамблея могла обойти его вето путем повторного голосования. Он мог также издавать чрезвычайные декреты при условии визирования их соответствующим министром.

Были также ослаблены ограничения в отношении принцев королевской семьи. Оставаясь лишенными права занимать места в ассамблее и министерские посты, они в то же время могли выступать в качестве советников и занимать дипломатические должности. В качестве гарантии против партийной диктатуры любой партии было запрещено давать указания кому бы то ни было из своих членов, являющемуся одновременно членом ассамблеи. В 1933 году по требо-

---

[1] Эта дата является национальным праздником Таиланда. По традиции каждая ежегодная сессия таиландского парламента открывается именно в этот день. — *Прим. перев.*

ванию короля была сделана еще одна уступка — Народная партия как политическая партия была распущена и стала социальным клубом. Это был хитрый шаг в политической игре. Вначале король отклонил петицию ряда армейских офицеров и высокопоставленных лиц с просьбой о разрешении создать националистическую партию, а затем уже смог оказать давление на Народную партию. По-видимому, упомянутая петиция была предъявлена именно с этой целью.

Теперь Пья Манопакон стал подумывать об освобождении своего правительства от контроля Приди и его группы. Неопубликованный план развития экономики, который подготовил Приди, был объявлен коммунистическим, и в результате хорошо подготовленного переворота Приди был вынужден эмигрировать за границу. Затем правительство нажило капитал за счет его идеи, провозгласив национальную политику, направленную на использование национальных богатств, а также пообещав выделить безработным свободные участки земли. Но Пья Манопакон зашел слишком далеко, пользуясь перерывом в работе ассамблеи, и все больше и больше приобретал замашки диктатора.

Растущая тревога и подготовка премьер-министра к следующей чистке аппарата заставили четырех руководителей армии во главе с Пья Пахоном подать в отставку. Все они были соратниками Приди в революции 1932 года. После того как их отставка была принята, они подготовили новый переворот и успешно осуществили его 20 июня 1933 года. Пья Манопакон подал в отставку, и его пост занял Пья Пахон. Был назначен новый совет из числа сторонников Пья Пахона и вновь созвана ассамблея. Правительство официально объявило, что оно настроено антикоммунистически и будет защищать конституцию. Король, отсутствие которого в столице облегчило переворот, вернулся и в речи по радио — первом в истории Сиама публичном выступлении монарха — настаивал на необходимости сохранения мира и единства.

Приди, ставшему любимцем народа, было разрешено в сентябре вернуться. Ему была оказана восторженная встреча. Для расследования выдвинутых против него ранее обвинений в коммунизме была назначена комиссия, и в марте 1934 года представленный ею доклад полностью реабилитировал его. Между тем в октябре 1933 года правительство было поставлено перед фактом военного мятежа, возглавленного двоюродным братом короля — принцем Боварде. Мятежники захватили аэродром Дом Мыанг и потребовали отставки Пья Пахона и его сподвижников. Однако популярность премьера в армии обеспечила лояльность частей, охранявших столицу, и когда Луанг Пибунсонграм во главе правительственных войск вернул Дом Мыанг, главари повстанцев бежали в Сайгон и мятеж угас.

В течение всего кризиса король занимал нейтральную позицию. Однако стало известно, что он был в курсе подготавливавшихся событий и что большинство принцев королевской крови оказало моральную и финансовую поддержку восставшим. Королю так и не удалось восстановить доверие народа, и 1 января 1934 года он выехал за границу под предлогом специального лечения зрения, которое действительно внушало ему серьезное беспокойство. Аристократия также не смогла восстановить своих позиций. В то же время и новое движение средних классов оказалось расколотым в результате растущего соперничества между Пибунсонграмом, имя которого приобрело известность благодаря восстановлению порядка во время военного мятежа, и Приди. Пибун стал во главе милитаристской националистической группы, а Приди возглавлял группировку, в которой преобладали гражданские элементы. Правительство оставалось единым лишь благодаря сильной личности премьер-министра, которого все любили за его человечность.

В ноябре 1933 года были проведены всеобщие выборы, чтобы дать правительству возможность путем энергичной пропаганды противодействовать влиянию тех, кто симпатизировал мятежникам. В голосовании участвовало менее 10 процентов избирателей, и относительно незначительное число кандидатов согласилось баллотироваться. Сторонники Приди, очевидно, обеспечили себе большинство мест. Приди полностью стоял за радикальную экономическую

политику, но наблюдавшиеся симптомы волнений вызывали большую тревогу, а кампания Пибуна против тех, кого он называл коммунистическими элементами в правительстве, заставляла быть осторожным в вопросе проведения каких бы то ни было коренных изменений. В сентябре 1934 года в связи с отказом ассамблеи ратифицировать соглашение с Великобританией о каучуке возник правительственный кризис. Кабинет подал в отставку, но Пья Пахон был настолько популярен, что вновь занял пост премьера в новом составе правительства, которое получило вотум доверия прочным большинством голосов.

Вскоре возник новый кризис, который привел к отречению короля от престола. Король наложил вето на законопроект, предусматривавший отмену обязательной подписи короля под смертным приговором, а когда ассамблея воспротивилась, он пригрозил отречением, если не будут приняты его условия, включавшие роспуск ассамблеи и проведение новых всеобщих выборов. Попытка прийти к компромиссу окончилась неудачей, и в марте 1935 года он объявил о своем отречении. Королем был провозглашен его племянник, десятилетний принц Ананда Махидон, учившийся в это время в Швейцарии. Был назначен регентский совет в составе трех членов, который должен был управлять по достижении королем совершеннолетия. Во время этого кризиса Прачатипок находился с женой в Англии; он объявил о своем намерении остаться там на будущее с титулом «Принц Сукотаи».

На протяжении последующих лет влияние Пибуна продолжало расти, особенно после того, как Приди в середине 1935 года отправился в заграничную поездку. Государственный совет постепенно слабел из-за раздоров между его членами, и, поскольку все большее число гражданских должностей передавалось армейским офицерам, правительство стало проявлять тенденцию к превращению в военную диктатуру, что серьезно беспокоило ассамблею. Правительство Пья Пахона осталось у власти и после новых всеобщих выборов, проведенных в 1937 году. Однако ассамблея нового созыва была исполнена решимости отстоять свою волю и в декабре 1938 года приняла вопреки желанию правительства поправку процедурного характера, предусматривавшую более подробные доклады о бюджете[1]. Это привело к отставке совета, и Пья Пахон заявил о своей отставке.

Новое правительство возглавил Пибун; Приди вошел в правительство в качестве министра финансов. Доминирующей чертой нового правительства был усилившийся национализм. Новый закон о подоходном налоге, принятый в марте 1939 года по инициативе Приди, был попыткой облегчить бремя крестьянина и освободить его от зависимости от ростовщика. Намного был увеличен налог на торговые слои населения, представленные главным образом китайцами и частично европейскими фирмами. Затем последовали постановления, ставившие под контроль иммиграцию китайцев и резервировавшие за сиамцами ряд профессий, ранее являвшихся монополией китайцев. Правительство дошло даже до того, что закрыло сотни китайских школ, запретило издание китайских газет, стало высылать курильщиков опиума и даже арестовало некоторых руководителей китайской общины. В качестве оправдания выдвигалось утверждение, что якобы террористическая деятельность китайских тайных обществ представляет угрозу общественному порядку.

Эти меры ударили также по интересам европейцев, ибо последние использовали китайцев в рудниках и на лесоразработках. Лицензии на разработку тиковых лесов, которая находилась в руках англичан, были продлены на менее выгодных условиях, и для сиамских предпринимателей были отведены бо́льшие лесные массивы. Была предпринята попытка взять в свои руки местное судоходство, закупив суда для государственной компании, а также путем законодательства, устанавливающего, что капитал иностранных пароходных фирм по крайней мере на 70 процентов должен быть сиамским, что все суда должны

---

[1] В Таиланде бюджет принимается в виде закона и является одним из основных вопросов повестки дня каждой сессии ассамблеи народных представителей.—*Прим. перев.*

быть зарегистрированы как сиамские, а их команды на 75 процентов должны состоять из сиамцев. Частным сиамским фирмам были предоставлены государственные субсидии, были основаны техническая, торговая и сельскохозяйственная школы, много сиамских студентов было отправлено за границу для технического обучения.

Другим интересным проявлением нового шовинизма была смена официального названия Сиам в июне 1939 года на Таиланд. Сиамцы всегда с гордостью называли свою страну Мыанг таи—«страна свободных», а теперь было декретировано, что и иностранцы должны так называть страну[1]. Пибун начал также кампанию по внедрению западных манер и социальных порядков. В целях разъяснения политики правительства в этой связи была издана серия брошюр. Как мужчины, так и женщины должны были носить в обществе европейскую обувь и шляпы; был предписан европеизированный фасон одежды. Предпринимались попытки прекратить также обычай жевания бетеля[2]. Был установлен строгий контроль над системой образования. Все школы должны были придерживаться определенной программы, учебников и установить экзамены, строго предписанные министерством просвещения, а все учителя подлежали регистрации. Усилилась тенденция к отождествлению буддизма и патриотизма; имело место много случаев перехода христиан в буддизм. Населению дали понять, что государственные служащие, не исповедующие буддизм, находятся под угрозой увольнения или могут потерять надежду на повышение. Было также введено постановление, согласно которому ни один чиновник не мог жениться на иностранке без специального на то разрешения.

В области внешней политики прилагались усилия добиться уступок от западных государств путем угроз начать переговоры с Японией. С последней были установлены намного более тесные экономические отношения, и японские товары стали наводнять таиландский рынок. Возбуждался таиландский ирредентизм, особенно в отношении Французского Индокитая, и раздавались требования о возвращении камбоджийских и лаосских территорий, которые ранее Таиланд уступил Франции под давлением.

Начало второй мировой войны в 1939 году и последовавшее сосредоточение внимания Великобритании и Франции на угрозе со стороны Германии дали возможность Пибуну с помощью Японии — это официально называлось «посредничество»— вновь завладеть большой территорией. После высадки японцев на Индокитайском полуострове в декабре 1940 года был подписан таиландско-японский пакт, а в марте 1942 года французы отдали Таиланду камбоджийские провинции Баттамбанг и Сиемреап, а также лаосскую территорию к западу от реки Меконг.

Вместо того чтобы играть на противопоставлении Японии западным державам, Пибун продался японцам. Он и небольшая группа высокопоставленных должностных лиц стали на путь полного сотрудничества с Японией, естественным результатом которого было объявление Таиландом 25 января 1942 года войны Великобритании и Соединенным Штатам.

---

[1] В сентябре 1945 года страна снова стала называться Сиамом, но в 1948 году было восстановлено прежнее название страны—Таиланд.

[2] В Таиланде, как и во всей Юго-Восточной Азии, издревле в быт населения вошел обычай жевания листьев бетеля вместе с кусочками семян арековой пальмы. Пряные и острые на вкус эти листья являются возбуждающим средством и якобы укрепляют десны. При длительном его употреблении зубы покрываются черным налетом.—*Прим. перев.*

ГЛАВА XLIV

ЯПОНСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Когда в ноябре 1936 года Германия и Япония заключили Антикоминтерновский пакт и в июле следующего года Япония начала второе крупное наступление в Китае, новая русско-японская война казалась лишь делом времени. Летом 1938 года начались военные действия вблизи пересечения границ Маньчжурии, Кореи и Сибири, что привело к резкому обострению советско-японских отношений. Обе стороны начали концентрировать крупные соединения войск: Япония — в Маньчжурии, Россия — в Сибири.

Затем в сентябре 1938 года последовало заключение Мюнхенского соглашения, которое немедленно оказало влияние на политику Японии. Последняя решила, что слабость, продемонстрированная Великобританией и Францией перед лицом диктаторов, означала, что Япония может продолжать политику экспансии в Юго-Восточной Азии. Великобритания имела самую большую долю капитала в Китае, и японцев уже ободряло то, что их решительное продвижение в Китае усиливало стремление Великобритании добиться умиротворения. Поэтому Япония надеялась на то, что она достигнет своих целей без развертывания широких военных действий. Вот почему весной 1939 года она отказалась от приглашения присоединиться к военному союзу своих партнеров по антикоминтерновскому пакту.

Японское наступление на юг началось в том самом месяце после Мюнхена, когда японцы захватили Кантон и изолировали Гонконг от материкового Китая. Это было прелюдией к захвату стратегических пунктов в Южно-Китайском море, острова Хайнань около берегов Французского Индокитая 10 февраля 1939 года и островов Синнань, включая Спратли, 30 марта. Благодаря этому Япония хотела избавиться от серьезных неудобств, которые она испытывала, не имея, кроме Формозы (Тайваня), морских баз ближе к Сингапуру. Хайнань приблизил ее к Сингапуру на 1300 миль, остров Спратли — еще на 700 миль.

Главная опасность в той игре, которую вела Япония, исходила от Соединенных Штатов, где ее действия вызвали столь большие опасения, что уже в январе 1939 года американский флот был перебазирован из Атлантического океана в Тихий. Однако 21 августа 1939 года Германия и Россия подписали пакт о ненападении, а через две недели в Европе вспыхнула новая большая война. Япония была обеспокоена возможным вовлечением ее в пакт, но она рассчитывала, что, пока существовала опасность оказаться вовлеченной в войну в Атлантическом океане, Америка сделает все возможное, чтобы избежать войны на Тихом океане. Япония решила поэтому целиком посвятить себя рискованной авантюре в Юго-Восточной Азии.

Следующим шагом Японии в ноябре 1939 года было большое наступление в провинции Гуанси с целью захвата города Нанкина, чтобы перерезать стратегические дороги Китая, связывающие его с Французским Индокитаем. В результате этого у Китая оставалась только вновь открытая Бирманская дорога и железная дорога Ханой — Куньмин, имеющие выход к морю, причем Япония могла угрожать им обеим с воздуха. Главной целью Японии теперь стал Французский Индокитай. 9 апреля 1940 года начался *блицкриг* Гитлера. Ровно через неделю японский премьер-министр Арита сделал некоторые важные

заявления в отношении будущего Французского Индокитая и Нидерландской Индии на случай победы Германии. Это вызвало резкие ответы американского государственного секретаря Кордэлла Хэлла. Но Франция и Голландия капитулировали, и их владения в Юго-Восточной Азии остались без надлежащей защиты на случай возможного нападения японцев.

В тот же самый месяц, когда капитулировала Франция (июнь 1940 года), Япония подписала договор о дружбе с таиландским правительством Пибунсонграма. Теперь Япония имела возможность поставить эту страну под контроль при помощи своих методов проникновения, давления и угроз. В то же время она следила за постройкой в Сингоре таиландской морской базы. Но главное внимание она обратила на Французский Индокитай, решив, что настало время прибрать его к рукам.

В августе 1940 года кабинет Коноэ потребовал особых уступок в Индокитае. Правительство Виши под давлением Берлина подписало соглашение, по которому Япония могла использовать индокитайские порты, города и аэродромы для переброски своих войск. В следующем месяце между Виши и Токио был подписан договор, разрешавший японским войскам оккупировать северную часть Индокитая, вплоть до Ханоя. В том же месяце Япония «сожгла свои корабли», образовав военный союз со странами оси. Договор был составлен с целью предупредить Америку, чтобы она не вмешивалась в войну ни в Европе, ни на Тихом океане. Перед лицом этих событий американский изоляционизм «мгновенно скончался», и Вашингтон начал готовиться к самому наихудшему.

Следующей заботой Японии было добиться договора о нейтралитете с Россией и одновременно сдерживать Америку, ведя с ней переговоры. Тем временем она играла на ревизионистских настроениях Пибунсонграма, разрешив мнимое наступление Таиланда на границы Камбоджи и Лаоса, а после этого, в январе 1941 года, выступила с предложением о «посредничестве». Правительство Виши было вынуждено отказаться от камбоджийских провинций Баттамбанг и Сиемреап и лаосской территории, расположенной на западном берегу реки Меконг, которую Таиланд потерял во время Пакнамского инцидента в 1893 году. В апреле 1941 года желанный пакт о нейтралитете с Россией был благополучно заключен. В том же месяце в Сингапуре американский, британский, голландский, австралийский и новозеландский штабные офицеры встретились для военных переговоров.

Затем возникли неожиданные препятствия для осуществления японских планов экспансии на юге; 22 июня 1941 года Гитлер начал свое внезапное нападение на Россию. Теперь Япония колебалась, так как она во что бы то ни стало хотела избежать войны на два фронта. Однако вскоре выяснилось, что удача была все же на ее стороне, так как подавляющие и быстрые успехи Германии в войне против России сделали очевидным, что Япония может возобновить свою политику на юге Азии. В течение июля ее войска оккупировали весь Французский Индокитай. Однако позиция Америки теперь стала твердой, и ее военные приготовления были серьезным предупреждением для Японии против ее дальнейших шагов.

Поэтому Япония удвоила свои усилия, чтобы усыпить подозрения Белого дома и государственного департамента. В течение нескольких месяцев переговоры велись в обстановке растущей напряженности. Обе стороны убедились, что война стала неизбежной. 6 декабря 1941 года была предпринята последняя безнадежная попытка добиться мира — президент Рузвельт послал личную телеграмму императору Японии. На следующий день Япония предприняла неожиданное нападение на Пирл-Харбор и нанесла Америке одно из самых сокрушительных поражений, которые она когда-либо испытывала. Ее тихоокеанский флот был выведен из строя, и Япония могла свободно продолжать завоевание Юго-Восточной Азии.

Япония планировала короткую и решительную войну. Она спешила, так как была убеждена в победе Германии в Европе и хотела достичь своих целей до того, как Америка сможет восстановить свою мощь на Тихом океане. Поэтому после Пирл-Харбора японцы наступали без передышки. На следующий день

их войска высадились в Таиланде, и после незначительного сопротивления правительство Пибунсонграма капитулировало и согласилось объявить войну союзникам. До конца декабря пали американские базы на островах Гуам и Уэйк и британское владение Гонконг. Одновременно с этими действиями Япония развернула вторжение на Филиппинах. Уже на третий день после Пирл-Харбора два английских крупных корабля «Принц Уэльский» и «Репалс» на пути из Сингапура, откуда они следовали, чтобы помешать высадке японцев в северной Малайе, были потоплены самолетами, базирующимися в Индокитае. Япония обладала теперь подавляющим превосходством в морских силах в Тихом океане и восточно-азиатских водах.

Главные силы японской армии продвигались теперь вниз по Малаккскому полуострову к Сингапуру, в то время как другая армия, укомплектованная специально подготовленными ветеранами, вторглась в Бирму. Во всех этих районах — Филиппинах, Малайе и Бирме — завоеватели обладали решающим превосходством в наземных и воздушных силах. В разгар этих наступлений другие японские войска высадились на Бали и Суматре, готовясь к захвату Явы. Сингапур пал 15 февраля 1942 года. Вторжение в Бирму началось на третьей неделе января по двум направлениям с таиландской территории на Тенассерим. Англичане сделали первую попытку занять оборону на реке Салуин в районе Моулмейна. Отсюда они были отброшены на запад вдоль прибрежной дороги через Татон, а затем за Ситтанг к Пегу. Второе поражение в этом районе привело к эвакуации 4 марта Рангуна и отступлению англичан к Проме.

В эти дни Ява переживала муки оккупации, и 9 марта там закончилось организованное сопротивление. Тем временем английские войска в Бирме вели арьергардные бои в верховьях реки Иравади, и вскоре подошедшие по Бирманской дороге китайские войска пытались взаимодействовать с ними, удерживая рубежи от Пьинманы до Алланмьо. На Филиппинах американские и филиппинские войска были оттеснены на полуостров Баатан, в то время как другие их армии удерживали позиции на острове Коррехидор в Манильском заливе. В обоих местах американцы в течение нескольких месяцев вели жестокие бои с превосходящими силами противника.

В Бирме японцы отразили попытку англичан и китайцев закрепить свои позиции, вбив клин между ними. Англичане после этого отошли вверх по долине Чиндвина по направлению к Манипуру. Американский генерал Стилуэлл, командовавший китайскими войсками, надеялся задержать наступление японцев в северной Бирме, но японцы помешали ему, прорвавшись через Шанские холмы и нанеся поражение китайцам в Лойлеме. Войска Стилуэлла оказались раздробленными. Сам он с небольшим отрядом, состоящим из американцев, англичан, бирманцев и китайцев, пробрался глухими тропами по направлению к Индии, перейдя Чиндвин в Хомалине. Остатки войск отошли в Китай по Бирманской дороге. К концу апреля вся долина реки Иравади оказалась в руках японцев. К тому времени война на Филиппинах шла к концу. Баатан капитулировал 9 апреля. Коррехидор капитулировал 6 мая. В течение пяти месяцев после Пирл-Харбора японцы завоевали большую часть их «Великой восточно-азиатской сферы сопроцветания».

До захвата Юго-Восточной Азии Японии не удавалось спровоцировать какое-либо националистическое восстание против западных держав. Индонезия благодаря своим экономическим ресурсам была самой желанной целью Японии. Она пыталась заставить голландцев после захвата Германией Голландии играть такую же роль в Индонезии, какую играли французы в Индокитае. В сентябре 1940 года японский министр торговли и промышленности Итидзо Кобаяси прибыл в Батавию, чтобы добиться сотрудничества с голландцами в осуществлении плана «сопроцветания». Он надеялся, что Англия будет вынуждена капитулировать перед Германией, а после этого Япония сможет «уговорить» голландцев принять японский «протекторат» над их индонезийской империей.

Однако Англия не капитулировала. Поэтому Кобаяси не мог вручить свой ультиматум, а доктор Г. Дж. ван Моок оказался достойным соперником

в дискуссии. Когда в январе 1941 года в Батавию прибыл преемник Кобаяси — Кенкити Йосидзава, он обнаружил, что голландцы не собираются «сотрудничать». Главной целью Японии было предотвратить разрушение индонезийской нефтяной промышленности и не позволить осуществить тактику выжженной земли, что лишило бы Японию сырья, в котором она так нуждалась. Даже тогда, когда она знала, что ей придется воевать за Яву, ее первым планом было окружить Нидерландскую Ост-Индию и захватить Австралию. Очевидно, лишь упорство, с которыми голландцы готовились защищать свою империю, заставило японцев изменить свой план.

Индонезийцы не имели желания заменить голландское господство японским. Чрезмерные требования, предъявленные Йосидзавой во время переговоров с ван Мооком, показали им неискренность японских предложений о «сопроцветании». Он требовал ни больше ни меньше как неограниченной иммиграции японцев на все острова за пределами Явы и полной свободы действий в области торговли и промышленности Индонезии. Даже левая группировка Гериндо в старой «Партии Индонезии» заявила, что идея Великой Ост-Индии имела одну цель — лишение свободы других народов путем таких же форм господства, которые Япония использовала в Маньчжурии, Китае и Индокитае. Когда голландцы обратились с призывом вступать добровольно в ополчение и городскую гвардию, вместо 18 тысяч явилось 100 тысяч.

Нигде японские захватчики не получали материальной помощи от национального движения. В Малайе не было пятой колонны, и не было ни одного достоверного случая, чтобы малайцы стреляли по английским войскам. Рассказы об этом появились потому, что при применении тактики «просачивания» японцы одевались, как малайцы. Был вооружен и обучен лишь один батальон малайского полка, и он сражался с отчаянной храбростью. Более тысячи китайцев помогали при обороне Сингапура, однако их нечем было вооружить. Как и в Бирме, оборона страны лежала на английской армии, и было сделано очень мало для мобилизации и обучения местных жителей.

Бирманцы в целом не помогали японским завоевателям. Некоторые мятежные группы, организованные студентами-националистами из партии такинов, обучавшимися в Японии, снабжали японцев проводниками и топографической информацией. Уголовные элементы, оказавшиеся на свободе, грабили свой народ и убивали индийских беженцев. Но народные массы смотрели на это со страхом. Бирманские оборонительные войска были лояльными к англичанам, но они насчитывали всего 472 бирманца и 3197 каренов, китайцев и качинов. Небирманские народы оказывали всевозможную помощь отступающим англичанам, а карены в особенности сильно пострадали за свою лояльность.

Удивительные успехи японцев и быстрота, с которой они их добились, нанесли непоправимый ущерб престижу Запада. «Азия для азиатов»— было обычным лозунгом японской пропаганды, и Япония стремилась полностью уничтожить влияние Запада и его культуры. В буддистских странах материковой Азии японская пропаганда имела большой эффект потому, что Япония также была буддистской страной, хотя противоречия между теравадским буддизмом и буддизмом дзен северной школы были непримиримы. Отношения японцев с мусульманскими народами сложились не так легко. В Индонезии Япония во всеуслышание объявила о «Движении трех А» с его тремя лозунгами: «Япония — лидер Азии», «Япония — защитник Азии» и «Япония — свет Азии», но она вынуждена была отказаться от них из-за отсутствия поддержки. Японцы в Азии, как и немцы в Европе, проявили гениальность в деле восстановления против себя любого народа, над которым они устанавливали контроль. В Малайе они надеялись раздуть враждебность малайцев к китайцам и добились некоторого успеха, однако им не удалось вызвать ненависть малайцев к англичанам, несмотря на сильно пошатнувшийся престиж англичан в результате их поражения.

В Бирме практически все англичане из административного аппарата, а также большинство индийцев бежали в Индию. Бирманские чиновники, а также чиновники из числа небирманских местных народностей остались

на своих постах, чего от них и ожидали. Японцы оставили прежнюю администрацию, внеся небольшие изменения. Их метод обеспечения выполнения своих требований состоял в том, что они назначали политических комиссаров для работы вместе с гражданской администрацией. Бо́льшая часть работы должна была вестись на английском языке, так как бирманцы и японцы в основной своей массе не знали языка друг друга.

Почти то же самое, mutatis mutandis, произошло с английской администрацией в Малайе и голландской — в Индонезии; разница заключалась в том, что в последних странах служащие-европейцы административного аппарата были интернированы в лагеря для пленных. Во всех этих странах европейцы должны были быть заменены обычно недостаточно обученными и часто враждебно настроенными местными жителями — бирманцами, малайцами и индонезийцами. А так как военные преобладали в любой сфере деятельности и знали мало или почти ничего не знали в гражданской администрации, результатом явилась нищета, беспорядок и неизбежное ухудшение экономического положения. Японцы выступали с нападками на те области управления, где европейские традиции были наиболее сильны.

Полиция перешла в ведение Кэмпэйтай[1], и никто никогда, наверное, не узнает, какой степени достиг террор японцев против местного населения. Тысячи китайцев были вырезаны вскоре после капитуляции Сингапура, особенно те, кто имел какое-то отношение к «фонду помощи Китаю»[2]. Насилие было подлинным бедствием для оккупированной Малайи. Японцы, пишет Виктор Парселл, «осуществляли насилия в широких масштабах». Использование принудительного труда было, возможно, самой худшей формой тирании. Тысячи людей работали на строительстве получившей позорную известность «железной дороги смерти», соединившей южную Бирму с Бангкоком через Канбури. Тысячи индонезийцев были отправлены на кораблях на Новую Гвинею и Молуккские острова, чтобы работать для японских войск. С европейскими и евразиатскими военнопленными обращались с беспрецедентной грубостью. Бесчисленные европейские кладбища, расположенные близ бирмано-таиландской железной дороги, служат ныне мрачным напоминанием о неэффективности такого использования рабочей силы и бессердечной жестокости, вынуждавшей многих надрываться на работе до смерти или умирать от голода.

Всюду существовали группы сопротивления, так как непроходимые джунгли и гористые районы способствовали такой форме борьбы. Часто они возглавлялись европейскими офицерами, оставленными отступающими войсками или сброшенными на парашютах. В Малайе главной движущей силой подпольного движения были китайские коммунисты, хотя там участвовали также китайцы-гоминьдановцы и малайцы. С течением времени их число достигло 7 тысяч человек обоего пола; к ним примыкали 300 англичан, большинство которых было заброшено туда на парашютах. Эпическую историю их борьбы рассказал подполковник Спенсер Чапмен, этот Лоуренс малайских джунглей[3]. Они постепенно разрушали железнодорожный транспорт и в 1945 году были готовы парализовать японскую систему коммуникаций, когда началось наступление английской армии.

В Бирме движение сопротивления каренов, возглавляемое английскими офицерами, подавлялось с ужасающей жестокостью. Однако большая часть бирманской партии такинов, возмущенная поведением японцев, также ушла в подполье и к концу 1943 года вела неширокое, но хорошо организованное движение сопротивления. И здесь главными вдохновителями движения были также коммунисты. Во Французском Индокитае авангардом движения сопротивления после поражения ряда националистических восстаний стала лига Вьет-Минь, руководимая Хо-ши-Мином. На последней стадии борьбы они

---

[1] Кэмпэйтай — японское гестапо.—*Прим. ред.*

[2] «Фонд помощи Китаю» был основан китайцами, жившими за границей (большей частью в странах Юго-Восточной Азии), после нападения Японии на Китай в 1937 году.— *Прим. ред.*

[3] Spencer Chapmen, The Jungle is Neutral.

получили американское оружие и техническую помощь, что позволило им очистить от японцев несколько провинций северного Тонкина. В Кохинхине партизаны Хо-ши-Мина сотрудничали с Комитетом сопротивления, который поддерживал связь с союзниками.

В Индонезии вначале националистические лидеры, очевидно по договоренности, были разделены на две группы. Одна, возглавляемая Сукарно и Хатта, сотрудничала с японцами, видя в этом один из способов содействовать делу национального освобождения. Другая, во главе с Шариром и Шарифуддином, ушла в подполье, чтобы организовать движение сопротивления; в своей деятельности они поддерживали контакт со своими товарищами, сотрудничавшими с японцами.

В Таиланде Приди, ушедший в отставку с поста министра финансов, когда Пибун капитулировал перед японцами, безуспешно пытался создать независимое правительство на севере страны. Затем он стал регентом и, пользуясь своим привилегированным положением, организовал подпольное движение, которое находилось в тайной связи с движением «Свободное Таи» в Соединенных Штатах и Великобритании. Союзные войска, используя это подпольное движение, построили аэродромы и завезли необходимое оружие для наступления на японцев, которое так и не состоялось вследствие неожиданного поражения японцев в 1945 году. Участники подпольного движения оказали большую помощь европейским военнопленным, работавшим на «железной дороге смерти».

Японцы в завоевании территорий достигли больших успехов, чем они сами рассчитывали. Поэтому в Токио пересмотрели планы, включив в них более обширные территории, чем было задумано первоначально. В центральном районе Тихого океана в планы захвата была добавлена группа островов, чтобы не допустить создания американским флотом своих баз вблизи Азии. В Бирме японцы приступили к концентрации своих сил для нападения на Индию. Первоначальный план продвижения по морю был отклонен — частично из-за недовольства в индийской национальной армии, набранной в Малайе, которая отказалась выступать без ясных заверений, что будущая независимость Индии будет гарантирована.

Союзники сначала не могли противопоставить этому какой-либо согласованный план. В засушливый сезон 1942/43 года попытка англичан захватить северный Аракан полностью провалилась. Американцы, стремясь ослабить нажим японцев на Чунцин, делали все, чтобы вновь открыть сухопутную дорогу в Китай и одновременно обеспечить за собой Мьичину. Англичане сначала были настроены скептически к решению начать наступление в северной Бирме, но в конце концов согласились с этим планом. Поэтому американцы начали лихорадочно строить дорогу через Ледо и в то же самое время снабжать Чунцин материалами по ленд-лизу, доставляя их самолетами через Гималайский «горб».

Тем временем на Тихом океане поспешность японцев в расширении линии наступления создала трудности. В битве при Мидуэе в июне 1942 года американский флот потопил четыре авианосца, сопровождавших главный японский флот, и обратил его в бегство. Это было воспринято как поворотный момент в войне на Тихом океане[1]. Затем последовало небольшое контрнаступление на север Новой Гвинеи и Соломоновы острова. В 1943 году союзники готовились к широкому наступлению на Тихом океане, конечной целью которого был удар по самой Японии. Был разработан также согласованный план кампании в Бирме, предусматривавший наступление войск Стилуэлла на Мьичину и переброску главных союзных сил, концентрировавшихся в Индии, из Манипура через Чиндвин.

Перед лицом такой угрозы японцы начали терять свою уверенность. Они решили, что нужно сделать все возможное, чтобы привлечь на свою сторону

---

[1] По этому вопросу см. «The Campagns of the Pacific War», Washington, 1946, «Battle Report, Pacific War», опубликованные военно-морским флотом США; кроме того, см. детальные оперативные обзоры, изданные под руководством С. И. Морисона.

народы оккупированных стран и заставить их оказать сопротивление наступлению союзников. Их метод состоял в создании марионеточных государств, обладавших призрачной независимостью. 1 августа 1943 года Бирма стала «независимой»; ее президентом стал бывший премьер д-р Ба Мо, принявший титул *адипади*, что на языке пали означает «вождь». Не было разговоров о восстановлении конституции 1937 года[1], и во всех делах действительный контроль был сосредоточен в руках д-ра Готара Огава, бывшего члена японского правительства, который стал «Высшим советником» при бирманском правительстве. Подобный же режим был установлен на Филиппинах 15 октября 1943 года во главе с Хозе П. Лаурелем.

Так как Индонезии пока не угрожало быстрое наступление союзных войск, японцы действовали там более медленно. Но индонезийцам обещали участие в правительстве, и в сентябре 1943 года на Яве был создан Центральный совещательный совет во главе с Сукарно и Мохаммедом Хатта в качестве его заместителя. Совещательные советы были созданы также в различных резидентствах и городах. Однако положение Сукарно не было положением советника: его функции скорее сводились к интерпретации и рекомендации народу японской политики[3]. В Сингапуре был создан Малайский консультативный совет.

Однако все это было явной комедией, и японцам не удалось скрыть неискренность своих обещаний и пропаганды. Из оккупированных стран Бирма больше всех пострадала от рук японцев. Большинство ее городов было обращено в пепел японскими бомбардировщиками во время вторжения. Ее нефтяные скважины, оборудование шахт и речной транспорт были разрушены отступающими англичанами с тем, чтобы ими не мог воспользоваться враг. Бомбардировщики союзников вывели из строя ее железные дороги. Японцы систематически грабили страну, вывозя машины, научную аппаратуру и даже мебель. Бирма потеряла все свои внешние рынки. Полное прекращение экспорта бирманского риса в результате неспособности японцев организовать его привела к тому, что крестьяне стали вести чисто натуральное хозяйство. Юг страны страдал от избытка риса, в то время как север голодал. Нижняя Бирма была почти полностью лишена пищевых жиров, которые могла поставлять только сухая зона.

Неспособность японцев экспортировать бирманский рис и импортировать остро необходимые потребительские товары вызвала величайшее бедствие, которое впоследствии было усугублено хаосом и не поддающейся контролю инфляцией, вызванной денежной политикой японцев. Крестьянство потеряло большую часть крайне необходимого им скота из-за военных реквизиций, а также в результате эпидемии чумы. Перестали принимать меры против малярии, и народ тяжело страдал от этой болезни. В стране свирепствовали эпидемии оспы, холеры и бубонной чумы, против которых японцы должны были принять решительные профилактические меры. Вот почему в 1944 году экстремисты, которые помогали японскому вторжению и обладали политическим контролем, были заняты созданием секретной организации в национальном масштабе — Антифашистской лиги народной свободы, которая лишь ожидала благоприятного момента, чтобы открыто выступить против угнетателя.

В Малайе наблюдалось подобное же отсутствие оздоровительных мер с последующим увеличением случаев заболевания малярией и другими болезнями, сопровождавшихся резким ростом смертности. Все это здесь было особенно заметным, так как постановка народного здравоохранения в Сингапуре и Малайе была непревзойденной во всей Азии. Японцы ограбили госпитали, вывезя оттуда все современное оборудование и запасы. Школы также были совершенно разграблены, а некоторые местные преподаватели казнены. Голод и недоедание в городах Малайи чувствовались даже острее, чем в Бирме, так

[1] Конституция была опубликована не в 1937, а в 1935 году. Автор смешивает с датой отделения Бирмы от Индии и вступления в связи с этим конституции в силу (1 апреля 1937 года).—*Прим. ред.*

[2] Dr. H. J. van Mook, The Stakes of Democracy in South-East Asia, London, 1950, p. 151. Эта книга содержит ярко написанную главу об отношении японцев к индонезийцам.

как перед войной Малайя импортировала две трети риса, а японцам не удалось ввезти достаточное количество этого продукта из контролируемых ими рисопроизводящих районов. Ощущался столь же ужасающий недостаток потребительских товаров и такая же инфляция, возникшая вследствие бесконтрольного выпуска бумажных денег. Крупнейшие драги, находившиеся на оловянных рудниках, принадлежавших европейцам, были разрушены или выведены из строя во время отступления англичан в 1941—1942 годах, а на каучуковых плантациях повсюду были разрушены здания и оборудование.

Д-р ван Моок подвел итоги хозяйничания японцев в Индонезии в исключительном по своей силе и краткости заявлении: «Больше всего страдал простой народ. Японская экономика была ужасной, японская администрация — фарсом. С самого начала страна была разделена на три почти совершенно изолированные части: две — Ява и Суматра — под армейским командованием, и третья, остальная территория — под морским. Но так как продовольствия и других товаров недоставало, то было запрещено даже сообщение между этими районами и островами, чтобы военным было легче их грабить. Финансовая система состояла из нескольких печатных станков, выпускающих сырые правительственные бумажки; инфляция достигла чудовищных размеров. Торговля и экспорт были парализованы, так как Индонезия была отрезана от мировых рынков, а Япония, суда которой подвергались объединенным ударам подводного флота и авиации, предпочитала добывать необходимые ей продукты в Индокитае, расположенном на тысячу миль ближе к дому. Она продолжала интересоваться только нефтью, никелем и бокситами. Плантации и промышленные предприятия разрушались и приходили в упадок, посадки на плантациях уничтожались с целью увеличения посевов продовольственных культур; средства связи, однажды разрушенные, больше не восстанавливались, импортные товары пропадали или припрятывались; одежду почти невозможно было достать. Это означало безработицу для сотен тысяч; это означало нищету, нищету и нищету для всех, за исключением нескольких прихвостней японцев и спекулянтов, орудовавших на черном рынке»[1].

Что же касается военных действий, то 1943 год был использован союзниками для создания и концентрации своих сил, разработки планов и предварительных боевых действий. Были разработаны планы действий на Тихоокеанском театре войны, согласно которым готовился удар по Японии по двум направлениям. Планы предусматривали обход японских островных баз там, где можно было добиться контроля в воздухе. Один путь шел через Новую Гвинею на Филиппины и оттуда на южные острова Японии. Другой путь проходил через островные группы центральной части Тихого океана, остров Джильберта и Маршалльские острова к японским опорным пунктам на Марианских островах. Захватив эти последние, американцы могли бы использовать их в качестве баз для бомбежек самолетами Б-20 обширного района, включающего в себя японские города.

В Бирме небольшая группа под командованием Уингейта (так называемая «Чиндит»), состоявшая из англичан, бирманцев и гурков, двинулась через Тоне к реке Чиндвин, чтобы организовать саботаж и диверсии на железной дороге Мандалай — Мьичина во взаимодействии с запланированным наступлением с севера войск Стилуэлла. К несчастью, эту операцию пришлось отменить, и усилия чиндитской группы оказались в значительной части ненужными, если не считать, что они явились проявлением исключительного героизма. На конференции в Квебеке в августе 1943 года был сделан дальнейший крупный шаг вперед — было создано Командование Юго-Восточной Азии во главе с верховным главнокомандующим Маунтбеттеном и его заместителем Стилуэллом. Затем была разработана операция «Кэпитал», имеющая целью освобождение Бирмы с севера. В конце года англичане предприняли вторую попытку захватить северный Аракан, но были остановлены японской контратакой в начале 1944 года.

---

[1] Dr. van Mook, op. cit., p. 154, 155.

Китай в 1943 году в основном не был активным театром войны. Америка предпринимала громадные усилия, стремясь путем дипломатических и военных методов заставить Китай продолжать сопротивление. Так как Бирманская дорога была закрыта, его снабжение должно было осуществляться из Индии через «горб». Американские летчики, которым было поручено это опасное предприятие, проявили чудеса отваги, хотя поток материалов, который им удалось переправить в Чунцин, был недостаточным, чтобы побудить Чан Кай-ши начать наступательные операции против японцев. Он был гораздо больше занят борьбой с коммунистами в Яньани, чем энергичной войной против японцев. Еще одним, правда запоздалым, актом дипломатического «поощрения» Китая был отказ Великобритании и Соединенных Штатов от прав экстерриториальности в Китае. Их примеру со временем последовали и другие европейские державы, обладавшие такими правами.

К началу 1944 года японцы начали понемногу сознавать всю грандиозность приготовлений союзников к контрнаступлению. В центральной части Тихого океана и на Новой Гвинее в течение всего года японцы напрягали свои силы до предела, безуспешно пытаясь остановить продвижение союзников. Однако в двух других районах они предприняли главные наступательные операции, пытаясь сорвать планы противников. Как в северном, так и в южном Китае они наносили тяжелые удары, чтобы помешать Стилуэллу, который всеми силами старался уговорить Чан Кай-ши начать наступление и захватить полный контроль над главной артерией — железной дорогой Пекин — Ханькоу — Кантон, которая связывала по суше Корею и Сингапур.

Наступление японцев вызвало споры между Стилуэллом и Чан Кай-ши по поводу военных реформ, проведение которых Стилуэлл считал необходимым для отражения угрозы и более активного противодействия японцам. Чан Кай-ши обратился с протестом в Вашингтон, и в самый разгар операции «Вайнгар Джо» по освобождению Бирмы Стилуэлл был снят с занимаемого поста. В том же году стало совершенно очевидно, что союзники должны исключить Китай из своих стратегических планов, рассчитанных на сокрушение Японии. Однако в ноябре Харли, посол Соединенных Штатов в Чунцине, предпринял отчасти неуклюжую и совершенно бесплодную попытку добиться компромисса между Чан Кай-ши и коммунистами.

Другим районом, в котором японцы развили главные наступательные операции в 1944 году, была бирмано-индийская граница. В марте они начали крупное наступление на Манипур и Ассам. Это не было решительной попыткой завоевать Индию. Для этого она опоздала на целых два года, когда союзники концентрировали свои силы, а Япония распространила свое влияние на район Тихого океана. Исход главной игры японцев зависел от победы Германии в войне. Но в 1944 году Германия проигрывала войну. Поэтому наступление Японии на Индию было предпринято главным образом для того, чтобы отсрочить неизбежное контрнаступление из этого района.

Первой целью завоевателей был Импхал, захват которого позволил бы им создать плацдарм для наступления на Бенгалию. Они надеялись также изолировать Стилуэлла, занятого на севере подготовкой наступления в южном направлении на Мьичину, и одновременно обезвредить действия чиндитской группы Уингейта. Когда началось наступление, войска Стилуэлла двигались в направлении долины Хуконг, а более мощные, чем раньше, силы чиндитов, на этот раз сброшенные с самолетов, пытались ослабить сопротивление японцев их продвижению.

В течение нескольких месяцев положение на индийской границе оставалось критическим: японцы осаждали Импхал и наносили удары по Кохиме в отчаянных попытках достичь узловой станции Димапур на Ассамской железной дороге, по которой шло основное снабжение войск Стилуэлла. Это была настоящая бойня, но к концу июня японцы были остановлены и дорога между Кохимой и Импхалом очищена.

Это был переломный момент войны. В северной Бирме группа Стилуэлла совместно с чиндитами неумолимо наступала на Мьичину, которая пала в конце

августа. Однако Уингейт был убит во время воздушного инцидента в начале операции, а после захвата Мьичины Стилуэлл был освобожден от командования. К тому времени японцы при Импхале потерпели страшное поражение. Они беспорядочно отступали, преследуемые по пятам союзными войсками. Затем с наступлением холодного сезона после окончания влажных муссонов в октябре началась третья Араканская кампания, в ходе которой от японцев были очищены Каладанская долина и полуостров Мейу. За этим в январе 1945 года последовали высадки морских десантов в Акьябе и других местах побережья для предварительной подготовки крупных аэродромов, необходимых для взаимодействия воздушных сил с сухопутными при наступлении на Нижнюю Бирму.

Тем временем такие же решающие операции проводились в двух других секторах Тихого океана. Американцы начали 15 июня наступление на Сайпан (Марианские острова) и в течение трех недель полностью овладели им. За этим последовало освобождение Гуама и захват Тиниана. А в ноябре японцы начали ощущать последствия атак бомбардировщиков дальнего действия с Марианских островов. Более того, захват союзниками всей Новой Гвинеи позволил американским войскам высадиться 17 октября на Филиппинах. Их наступление в этом районе началось в заливе Леуте, в центре Филиппин, и имело тяжелые последствия для японского морского флота, так как японцы вынуждены были рисковать своими линейными кораблями в безнадежной попытке сорвать наступление. В этом крупнейшем морском сражении японский флот потерпел сокрушительное поражение. Эта битва была последним выступлением японского флота как организованной силы.

31 января 1945 года в Вантинг на бирмано-китайской границе пришел первый конвой из Ледо через северную Бирму, продолжив свой путь по Бирманской дороге к Чунцину. Сухопутная дорога в Китай была открыта. После поражения при Мьичине японцы переформировались в Бамо и в течение нескольких недель отбивали атаки, пока руководимые американцами китайские танкисты не взяли город штурмом. Затем прибыли многочисленные американские подкрепления и влились в войска, которые стали известны как Соединения северного района военных действий. Английская дивизия двинулась по железной дороге, и американская боевая группа Марса предприняла наступление по очень трудному направлению восточнее Иравади. Остальные войска стали прочесывать территорию Северных шанских государств и в конце концов достигли Лашио. Японцы быстро отступали к центральной Бирме, где суждено было произойти решающей битве 1945 года.

Однако главный удар был нанесен с гор Манипура и из района Чиндвина. 14-я армия генерала Слима мастерски осуществила продвижение вниз по Чиндвину к Мандалаю и Мейтиле в самом начале года. Мандалай пал в марте. В начале апреля, когда американцы высадились на острове Окинава в архипелаге Рюкю, что привело к падению кабинета Койсо в Токио, японская главная армия в Бирме понесла такое тяжелое поражение в Мейтиле, что стала распадаться. Часть войск бежала на восток, в Шанские горы. Другие пытались бежать на юг через Ситтанг. Японская 28-я армия в Аракане приступила к поспешной эвакуации через перевал Ан и Таунгуп. В этот момент Национальная армия Бирмы, организованная и обученная японцами, под командой Аунг Сана перешла на сторону союзников. Ее бирманские лидеры вели продолжительные тайные переговоры с Маунтбеттеном, и ее переход в то время, когда армия союзников быстро наступала вниз по долинам Иравади и Ситтанг, был тщательно согласованной и искусно выполненной операцией.

Началось стремительное продвижение союзников. Цель Маунтбеттена состояла в захвате Рангуна до начала влажных муссонов. И он достиг ее. Проме был захвачен союзниками до того, как японская армия успела выйти из Аракана через перевалы Араканского хребта, и тем самым была перерезана главная дорога ее отступления. Союзники 1 мая достигли Пегу, а на следующий день были в Рангуне. Наступление было столь стремительным, что план нападения на Рангун с моря оказался ненужным. Когда прибыли английские передовые отряды, японцы уже эвакуировали город.

Осталось провести еще одну крупную операцию —«Битву по прорыву» против 10 тысяч японцев, которых генерал Коба собрал в районе Пегу Йома из остатков армии, отступавшей из Аракана, и других войск, двигавшихся к западу от дороги Проме — Рангун. Сражение состоялось в конце июля, когда главные союзные державы находились на конференции в Потсдаме, вырабатывая свой окончательный ответ на просьбу о мире, с которой адмирал Судзуки Кантаро, новый японский премьер, обращался с мая месяца. После этого союзники должны были лишь подавить сопротивление разбитых японских гарнизонов и гнать их войска через горы в направлении Таиланда.

Крупная игра была проиграна. В мае капитулировала Германия. Американцы готовили вторжение в Японию. В Маньчжурии миллион японских войск ожидал объявления войны со стороны России. Войска Маунтбеттена готовились к высадке в Малайе и на Суматре. 26 июля в Потсдаме союзники заявили о своих условиях капитуляции Японии. Когда не последовало ответа, 6 августа на Хиросиму была сброшена первая атомная бомба. Двумя днями позже Россия объявила войну Японии. 9 августа атомная бомба была сброшена на Нагасаки. На следующий день Япония заявила о принятии условий капитуляции[1].

---

[1] Заявление японского правительства от 10 августа 1945 года, направленное СССР, США, Англии, а также Китаю, содержало оговорки и не означало безоговорочной капитуляции Японии в соответствии с Потсдамской Декларацией от 26 июля 1945 года. Поэтому это заявление было отклонено союзными державами. Военные действия продолжались. Не было действительной безоговорочной капитуляцией и следующее заявление японского правительства от 14 августа 1945 года. Лишь после полного разгрома Советской Армией Квантунской армии — главной ударной силы японской военщины на суше—Япония действительно капитулировала. 2 сентября 1945 года Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции.—*Прим. ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК ДИНАСТИЙ, ГУБЕРНАТОРОВ и ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ

1. БИРМА И АРАКАН

А. ПРАВИТЕЛИ ПАГАНА ДО 1044 ГОДА
(согласно бирманским хроникам)

	Год вступления на престол
1. Пьюзотхи	167
2. Тиминьи, сын 1-го	242
3. Йимминпай, сын 2-го	299
4. Пайтили, сын 3-го	324
5. Тинличаунг, сын 4-го	344
6. Чаунгдури, сын 5-го	387
7. Титхан, сын 6-го	412
(с 439 по 497 год правили незаконные правители)	
8. Тарамунпхья, внук 7-го	494
9. Тайтайнг, сын 8-го	516
10. Тинличаунгге, сын 9-го	523
11. Тинлипай, брат 10-го	532
12. Кханлаунг, брат 10-го	547
13. Кханла, брат 10-го	557
14. Тхунтай, сын 13-го	569
15. Тхунпьи, сын 14-го	582
16. Тхунчи, сын 15-го	598
17. Попа Сорахан, монах, незаконно захвативший престол	613
18. Шве Онти, зять 17-го	640
19. Пейтон, брат 18-го	652
20. Нгакхве, сын 19-го	710
21. Мьинчве, незаконный правитель	716
22. Тейнкха, из королевской семьи	726
23. Тейнсун, сын 22-го	734
24. Швелаунг, сын 23-го	744
25. Тхунтхвин, сын 24-го	753
26. Швемау, сын 25-го	762
27. Мунла, брат 26-го	785
28. Сокхинхни, сын 27-го	802
29. Кхелу, сын 28-го	829
30. Пьинбья, брат 29-го (основатель Пагана, 849 г.)	846
31. Танне, сын 30-го	878
32. Сале Нгакхве, незаконный правитель	906
33. Ньяунг-у Сорахан, незаконный правитель	931
34. Кунсхо Чаунгпхью, сын 31-го	964
35. Чисо, сын 33-го	986
36. Сокате, брат 35-го	992

Б. ПАГАНСКАЯ ДИНАСТИЯ (1044—1287)
Список составлен на основе хроник

1. Анoратха	1044
2. Солу, сын 1-го	1077

3. Чанзита, сын 1-го . . . 1084
4. Алаунгситу, внук 3-го . . . 1112
5. Нарату, сын 4-го . . . 1167
6. Наратейнкха, сын 5-го . . . 1170
7. Нарапатиситу, брат 6-го . . . 1173
8. Нантаунгмья (Тхиломинло), сын 7-го . . . 1210
9. Часва, сын 8-го . . . 1234
10. Узана, сын 9-го . . . 1250
11. Наратихапате (Таёпьемин), сын 10-го . . . 1254
12. Чосва, сын 11-го . . . 1287
13. Сохни, сын 12-го . . . 1298
14. Узана, сын 13-го . . . 1325

Список, составленный профессором Г. Льюсом на основе надписей

Короли Пукама, 1044—1287

1. Анируддха (Аноратха) . . . 1044?—1077?
2. Ман Лулан (Солу) . . . 1077?—1084
3. Тилуин Ман (Чанзита) . . . 1084 —1113
4. Кансу I (Алаунгситу) . . . 1113 —1165?
5. Имто Сьян (Нарату) . . . 1165?—1174
6. Кансу II (Нарапатиситу) . . . 1174 —1211
7. Натонмья (Нантаунгмья), сын 6-го . . . 1211 —1231?
8. Нарасингха Уккана (Наратейнкха), сын 7-го . . . 1231?—1235
9. Клаква (Часва), брат 8-го . . . 1235 —1249?
10. Уккана (Узана), сын 8-го . . . 1249?—1256?
11. Ман Ян, сын 10-го . . . ...—1256
12. Тарукплий (Наратихапате), брат 11-го . . . 1256?—1287

В. ПРАВИТЕЛИ МЬИНСАЙНГА И ПИНЬИ (1298—1364)

1. Атинкхая, 2. Язатинчан, 3. Тихату } Три шанских брата . . . 1298
3. Тихату, правитель Пиньи . . . 1312
4. Узана, сын паганского правителя Чосвы . . . 1324
5. Нгашишин, сводный брат 4-го . . . 1343
6. Чосванге, сын 5-го . . . 1350
7. Нарату, брат 6-го . . . 1359
8. Узана Пьяунг, брат 6-го . . . 1364
9. Тадоминбья, потомок 3-го (основатель Авы) . . . 1364

Г. ПРАВИТЕЛИ САГАЙНГА (1315—1364)

1. Союн, сын Тихату . . . 1315
2. Тарабьяджи, сводный брат 1-го . . . 1323
3. Шветаунгте, сын 2-го . . . 1336
4. Часва, сын 1-го . . . 1340
5. Норатхаминье, брат 4-го . . . 1350
6. Тарабьянге, брат 4-го . . . 1350
7. Минбьяу Тихапате, шурин 6-го . . . 1352

Д. ПРАВИТЕЛИ АВЫ (1364—1555)

1. Тадоминбья (из Пиньи) . . . 1364
2. Нгану, незаконный правитель . . . 1368
3. Минджи Свасоке . . . 1368

4. Тарабья, сын 3-го 1401
5. Нганаусхан, незаконный правитель 1401
6. Минкхаунг, сын 3-го 1401
7. Тихату, сын 6-го 1422
8. Минхланге, сын 7-го 1426
9. Калечетаунгньо, сын 4-го 1426
10. Мохньинтадо 1427
11. Минъечосва, сын 10-го 1440
12. Нарапати, брат 11-го 1443
13. Тихатура, сын 12-го 1469
14. Минкхаунг, сын 13-го 1481
15. Швенанчошин, сын 14-го 1502
16. Тоханбва, незаконный правитель 1527
17. Кхонмайнг, незаконный правитель 1543
18. Мобье Нарапати, сын 17-го 1546
19. Ситучотхин, незаконный правитель 1552

Е. ДИНАСТИЯ ТАУНГУ (1486—1752)

1. Минджиньо 1486
2. Табиншветхи, сын 1-го 1531
3. Байиннаунг, шурин 2-го 1551
4. Нандабайин, сын 3-го 1581

(1599—1605 годы—междуцарствие)

5. Анаупхелун, внук 3-го 1605
6. Минъедейпа, сын 5-го 1628
7. Талун, брат 5-го 1629
8. Пиндале, сын 7-го 1648
9. Пье, брат 8-го 1661
10. Наравара, сын 9-го 1672
11. Минъечодин, племянник 9-го 1673
12. Сане, сын 11-го 1698
13. Танинганве, сын 12-го 1714
14. Махадхаммаяза Дипати, сын 13-го . . . . 1733—52

Ж. ДИНАСТИЯ АЛАУНГПАЯ, ИЛИ КОНБАУНГ (1752—1885)

Столица находилась в Швебо (1752—1765), Аве (1765—1783), Амарапуре (1783—1823), Аве (1823—1837), Амарапуре (1837—1857) и Мандалае (1857—1885).

1. Алаунгпая из Швебо 1752
2. Наунгдоджи, сын 1-го 1760
3. Схпибьюшин, брат 2-го 1763
4. Сингу Мин, сын 3-го 1776
5. Маунг Маунг, сын 4-го (правил всего 7 дней) 1781
6. Бодопая, сын 1-го 1781
7. Баджидо, внук 6-го 1819
8. Таравади, брат 7-го 1838
9. Паган Мин, сын 8-го 1846
10. Миндон Мин, брат 9-го 1853
11. Тибо, сын 10-го 1878

З. МОНСКИЕ ПРАВИТЕЛИ ХАНТАВАДИ (ПЕГУ)

1. Тамала, легендарный основатель Пегу 825
2. Вимала, брат 1-го 837
3. Атя, племянник 2-го 854

4. Арейндама	861
5. монах	885
6. Гейнда	902
7. Мигадейппаджи	917
8. Гейсадья	932
9. Каравика	942
10. Пьинзала	954
11. Аттата	967
12. Ануяма	982
13. Мигадейпанге	994
14. Эккатаманта	1004
15. Уппала	1016
16. Понтарика	1028
17. Тисса	1043
(Примечание: до пункта 17 список правителей полностью легендарный)	
18. Вареру, зять Рамкамхенга, правителя Сукотаи	1287
19. Кхунло, брат 18-го	1306
20. Со О, племянник 19-го	1310
21. Созейн, брат 20-го	1324
22. Зейнпун, незаконный правитель	1331
23. Соегангаунг, племянник 21-го	1331
24. Бинья Е Ло, сын 19-го	1331
25. Бинья У, сын 24-го	1353
26. Разадари, сын 25-го	1385
27. Бинья Дхаммаяза, сын 26-го	1423
28. Бинья Ран, брат 27-го	1426
29. Бинья Вару, племянник 28-го	1446
30. Бинья Чан, двоюродный брат 29-го	1450
31. Модо, двоюродный брат 30-го	1453
32. Шинсобу, дочь 26-го	1453
33. Дхаммазеди, зять 32-й	1472
34. Бинья Ран, сын 33-го	1492
35. Такаюпи, сын 34-го	1526
(правление бирманцев; 1539—1550)	
36. Смимсотху (Тамейнсотху), незаконный правитель	1550
37. Смимтхо (Тамейнтхо), сын 34-го	1551
(правление бирманцев; 1551—1740)	
38. Смимтхо Буддакети (Тамейнтхо Буддакети)	1740
39. Бинья Дала, тесть 38-го	1747
(в 1757 году моны утратили независимость)	

И. ПРАВИТЕЛИ АРАКАНА

В хрониках имеется список 54 королей первой династии Диньявади (2666—825 годы до нашей эры) и 53 королей второй династии Диньявади (825 год до нашей эры—746 год нашей эры). Их следует рассматривать как чисто мифические.

Затем следуют:

Династия Вейшали, 12 королей (878—1018)
Первая династия Пьинса, 15 королей (1018—1103)
Династия Парин, 8 королей (1103—1167)
Династия Кхри, 4 короля (1167—1180)
Вторая династия Пьинса, 16 королей (1180—1237)
Династия Лаунгдже, 17 королей (1237—1433)
Династия Мрохаунг (Мраук-у) (1433—1785)

Полный список королей и династий имеется в работе Фейра (A. P. Phayre, «History of Burma», p. 289—304).

Г. Е. Харви (J. E. Harvey, op. cit., p. 369—372) начинает список королей с 146 года нашей эры.

На основе санскритских надписей в Аракане покойный профессор Е. Г. Джонсон[1] объединил оба списка правителей. Историчность первого списка невозможно проверить, но вполне вероятно, что он немного ближе к истине, чем списки ранних правителей, приводимые в хрониках. Список выглядит следующим образом:

	Продолжительность правления
1.	120 лет
2.	120 лет
3.	120 лет
4. Бахубалин	120 лет
5. Рагхупати	120 лет
6.	120 лет
7. Чандродая	27 лет
8. Аннаветские короли	5 лет
9.	77 лет
10. Римбхьяппа (?)	23 года
11. Куверами, или Кувера, королева	5 лет
12. Умавирья (?), муж 11-ой	20 лет
13. Джунга (?)	7 лет
14. Ланки	2 года

Второй список—это короли династии Чандра. Найдены монеты шести правителей этой династии. Джонсон предполагает, что эта династия начала править между 330 и 360 годами нашей эры. Хроники же указывают, что династия Чандра правила с 788 по 1018 годы. Однако, за исключением названия и продолжительности правления (230 лет), остальные данные не совпадают. Джонсон поясняет это следующим образом: «По-видимому, хроники исходят из совершенно достоверного списка династий, который находится в таком плохом состоянии, что нет никакой надежды на его восстановление»[2].

Династия Чандра (список Джонсона)

	Продолжительность правления
1. Двенчандра	55 лет
2. Раджачандра	20 лет
3. Калачандра	9 лет
4. Девачандра	22 года
5. Яджначандра	7 лет
6. Чандрабандху	6 лет
7. Бхумичандра	7 лет
8. Бхутичандра	24 года
9. Нитичандра	55 лет
10. Вирьячандра	3 года
11. Притичандра	12 лет
12. Притхвичандра	7 лет
13. Дхритичандра	3 год

---

[1] E. H. Jonson, Some Sanskrit Inscriptions of Arakan, BSOAS, XI, 2, p. 357—385.
[2] E. H. Jonson, op. cit., p. 369.

Династия Мрохаунг

	Год вступления на престол
1. Нарамейхла, сын короля Разатху	1404
2. Алихан, брат 1-го	1434
3. Басопхью, сын 2-го	1459
4. Долья, сын 3-го	1482
5. Басоньо, дядя 4-го	1492
6. Янаунг, сын 4-го	1494
7. Салингату, дядя 6-го по матери	1494
8. Минраза, сын 7-го	1501
9. Касабади, сын 8-го	1523
10. Минсо О, брат 7-го	1525
11. Татаса, сын 4-го	1525
12. Минбин, сын 8-го	1531
13. Дика, сын 12-го	1553
14. Сохла, сын 13-го	1555
15. Минсея, брат 14-го	1564
16. Минпалаунг, сын 12-го	1571
17. Мин Разаджи, сын 16-го	1593
18. Минкхамаунг, сын 17-го	1612
19. Тиритудхамма, сын 18-го	1622
20. Минсани, сын 19-го	1638
21. Нарапатиджи, правнук 11-го	1638
22. Тадо, племянник 21-го	1645
23. Сандатудхамма, сын 22-го	1652
24. Тиритурья, сын 23-го	1684
25. Варадхаммараза, брат 24-го	1685
26. Мунитудхаммараза, брат 25-го	1692
27. Сандатурьядхамма, брат 26-го	1694
28. Норатхазо, сын 27-го	1696
29. Маёпья, незаконный правитель	1696
30. Каламанда, незаконный правитель	1697
31. Нарадипати, сын 27-го	1698
32. Сандавимала, внук 22-го	1700
33. Сандатурья, внук 23-го	1706
34. Сандавизая, незаконный правитель	1710
35. Сандатурья, зять 34-го	1731
36. Нарадипати, сын 35-го	1734
37. Наравара, незаконный правитель	1735
38. Сандавизая, двоюродный брат 37-го	1737
39. Катья, незаконный правитель	1737
40. Мадари, брат 38-го	1737
41. Нара-апая, дядя 40-го	1742
42. Тириту, сын 41-го	1761
43. Сандапаяма, брат 42-го	1761
44. Апая, шурин 43-го	1764
45. Сандатумана, шурин 44-го	1773
46. Сандавинала, незаконный правитель	1777
47. Сандатадита	1777
48. Тамада	1782

КАМБОДЖА

А. ФУНАНЬ

1. Каундинья (Хун-цян)	конец 1 века н. э.

. . . .

2. Хун Пан-хуан	втор. пол. II века н. э.
3. Пан-пан, сын 2-го (правил три года)	начало III века н. э.
4. Фань Ши-мань, генерал	ок. 205—ок. 225
5. Фань Чин-шен, сын 4-го	
6. Фань Чжань, узурпатор	
7. Фань Чхан, сын 4-го	
8. Фань Снь, узурпатор	занял престол ок. 240, правил в 287
. . . .	
9. Чу Чан-тхан	правил в 357
. . . .	
10. Каундинья II	умер до 434
11. Че-ли-па-мо	посылал посольства в Китай в 434—435
. . . .	
12. (Каундинья) Джайяварман	правил в 484, умер в 514
13. Рудраварман	наследовал трон в 514, правил в 539

Б. ЧЕНЛА

	Годы вступления на трон
1. Бхававарман I, внук Рудравармана, короля Фунани	ок. 550
2. Махендраварман (Читрасена), брат 1-го	ок. 600
3. Ишанаварман I, сын 2-го	ок. 611
4. Бхававарман II, происхождение неизвестно	635(?)
5. Джайяварман I, сын 4-го (?)	ок. 650
6. Джайядеви, вдова 5-го	правила в 713

а) Аниндитапура

Баладитья
Нрипатиндраварман, внук Баладитьи—вторая пол. VII века
Пушкаракша, сын предшествующего, женился на наследнице Самбхупуры

б) Самбхупура

Самбхуварман, сын Пушкаракши	первая пол. VIII века
Раджендраварман, сын Самбхувармана	умер в последней четверти VIII века
Махипативарман, сын Раджендравармана	

В. АНГКОРСКАЯ МОНАРХИЯ

	Годы вступления на трон
1. Джайяварман II	802 (?)
2. Джайяварман III, сын 1-го	850
3. Индраварман I, двоюродный брат 2-го	877
4. Ясоварман I, сын 3-го	889
5. Харшаварман I, сын 4-го	900
6. Ишанаварман II, брат 5-го	ок. 922
7. Джайяварман IV, узурпатор	928
8. Харшаварман II, сын 7-го	942
9. Раджендраварман II, внук 3-го	944
10. Джайяварман V, сын 9-го	968
11. Удайядитьяварман I, племянник по материнской линии 10-го	1001
12. [Джайявираварман, 1102 (?)—1011 (?)]	
13. Сурьяварман I, узурпатор	1002
14. Удайядитьяварман II, сын 13-го	1050
15. Харшаварман III, брат 14-го	1066
16. Джайяварман VI, узурпатор	1080

17.	Дхаранидраварман I, брат 16-го	1107
18.	Сурьяварман II, внучатый племянник по материнской линии 17-го	1113
19.	Дхаранидраварман II, двоюродный брат 18-го	1150
20.	Ясоварман II, сын 19-го	1160
21.	Трибхуванадитьяварман, узурпатор	1166
22.	Джайяварман VII, сын 19-го	1181
23.	Индраварман II, сын 22-го	ок. 1219
24.	Джайяварман VIII, внук (?) 23-го	1243
25.	Индраварман III, зять 24-го	1295
26.	Индраджайяварман, родственник 25-го	1308
27.	Джайяварман Парамешвара, родственник 26-го	1327—1353(?)

Список остальных королей Ангкора, составленный Бриггсом

28.	Ху-еул-на	правил в 1371
29.	Самтач Преа Пхайя	умер в 1404 или 1405
30.	Самтач Чао Пхайя Пинг-я, Ниппеан Бат	1405—1409
31.	Лампонг, или Лампанг Парамараджа	1409—1416
32.	Сориджовонг, Сориджонг или Ламбанг	1416—1425
33.	Баром Рача или Гамкат Рамадхипати	1425—1429
34.	Пхоммо-Соккорач, или Дхармашока	1429—1431
35.	Понья Ят, или Гам Ят	1432—

Г. ПОСЛЕАНГКОРСКИЙ ПЕРИОД

Понья Ят (Шри Сурьяварман)	1432
Срей-рача	1459
Дхармараджа	1473
Срей Соконтхор Бат	1504
Най Кан, узурпатор	1508—1526
Анг Чан, в Пурсате	1516—1528
в Ловеке	1528—1566
Баром Рача (Сотха)	1566
Четта I	1576
Пра Рама, узурпатор	1594
Понья Тан	1596
Понья Ан	1598
Срей Сурьопор	1600
Четта II	1618
Понья То	1625
Понья Ну	1630
Анг Нон	1640
Рама Тхуфдей Чан	1642
Батом Рача	1659
Четта III	1672
Анг Чей	1673
Анг Нон	1674
Четта IV	1675
Тхоммо Рача	1702
Анг Ем	1704
Тхоммо Рача (второе правление)	1706
Анг Ем (второе правление)	1710
Сотта II	1722
Тхоммо Рача (третье правление)	1738
Анг Тон	1747
Четта V	1749
Анг Тон (второе правление)	1755
Пра Утей	1758
Анг Нон	1775
Анг Енг	1779

(Междуцарствие, 1796—1802 годы)

Анг Чан	1802
Анг Мей	1834
Анг Дуонг	1841
Нородом	1860
Сисоват	1904
Монивонг	1928
Нородом Сианук	1940

ТЯМПА

А. ЛИНЬ-И

Цзю Линь	192
его сын	?
Фань Сюнь	270
Фань И	ок. 284
Вэнь (первоначально премьер-министр)	336
Фань Фо, отправивший посольство в Китай	372, 377
Фань Ху-та, сын Фан Фо	?

Б. ТЯМПА

Согласно Г. Масперо «Королевство Тямпа»

Первая династия, 192—336 годы н. э.

	Годы вступления на трон или иные хронологические данные
Шри Мара	192
Х, сын Шри Мара	
Сын и внук Х	
Фань Хун	правил в 270
Фань И	конец правления 336

Вторая династия, 336—420 (?) годы

Фань Вэнь	336
Фань Фо	349
Бхадраварман I	правил в 377
Гангараджа	
Маноратхаварман	
Вэнь Ди	

Третья династия, 420 (?)—529 (?) годы

Семь правителей с титулом Фань	420 (?)—510 (?)
Деварарман	правил в 510
Виджайяварман	правил в 526—527

Четвертая династия, 529 (?)—757 (?) годы

Рудраварман I	529 (?
Самбхуварман	правил в 605
Кандхарпадхарма	629 (?)
Бхасадхарма	конец правления 645
Бхадресвараварман	645
дочь Кандхарпадхармы	
Пракашадхарма Викрантаварман I	653
Викрантаварман II	686 (?)—731 (?)
Рудраварман II	правил в 749

Пятая династия, 758 (?)—859 (?) годы

Притхиндраварман	758 (?)
Сатьяварман	между 774 и 784
Индраварман I	между 787 и 801
Хариварман I	между 803 (?) и 817 (?)
Викрантаварман III	правил в 854

Шестая династия, 875 (?)—991 (?) годы

Индраварман II	между 875 и 889
Джайя Синхаварман I	между 898 и 903
Джайя Шактиварман	
Бхадраварман II	правил в 910
Индраварман III	конец правления 959
Джайя Индраварман I	между 960 и 965
Парамешвараварман I	конец правления 982
Индраварман IV	982
Лю Цзи-цзун	986 (?)

Седьмая династия, 991 (?)—1044 (?) годы

Хариварман II	991 (?)
Ян Пу Ку Виджайя	между 999 и 1007
Хариварман III	правил в 1010
Парамешвараварман II	правил в 1018
Викрантаварман IV	конец правления 1030
Джайя Синхаварман II	1044

Восьмая династия, 1044—1074 (?) годы

Джайя Парамешвараварман I	1044
Бхадраварман III	правил в 1061
Рудраварман III	1061

Девятая династия, 1074 (?)—1139 (?) годы

Хариварман IV	1074 (?)
Джайя Индраварман II (первое правление)	1080
Парамабодисатва	1081
Джайя Индраварман II (второе правление)	1086
Хариварман V	между 1114 и 1129

Десятая династия, 1139 (?)—1145 (?) годы

Джайя Индраварман III	1139 (?)

Одиннадцатая династия, 1145 (?)—1318 годы

Рудраварман IV	правил в 1145 (?)
Джайя Хариварман I	1147
Джайя Хариварман II	
Джайя Индраварман IV	1167 (?)

(Разделение на два королевства)

А. КОРОЛЕВСТВО ВИДЖАЙЯ

Сурьяджайяварман	1190
Джайя Иднраварман V	1191

Б. КОРОЛЕВСТВО ПАНДУРАНГА

Сурьяварман	1190
(Королевства снова объединены)	
Сурьяварман (из Пандуранги)	1192—1203
(Кхмерская провинция 1203—1220)	
Джайя Парамешвараварман II	1220
Джайя Индраварман VI	правил в 1254
Индраварман V	1265 (?)
Джайя Синхаварман II	конец правления 1307
Джайя Синхаварман III	1307
Че Нанг	1312—1318
Двенадцатая династия, 1318—1390 годы	
Че Анан	1318
Ча Хоа	1342
Че Бонг Нга	конец правления 1390
Тринадцатая династия, 1390—1458 годы	
Ко Ченг	1390
Джайя Синхаварман V	1400
Маха Виджайя	1441
Мохо Гуй-лай	1446
Мохо Гуй-ю	1449
Четырнадцатая династия, 1458—1471 годы	
Мохо Пан-ло-юэ	1458
Пан-ло Ду-цзюан	1460

ИНДОНЕЗИЯ И МАЛАЙЯ

А. ЯВА. ДОМУСУЛЬМАНСКИЙ ПЕРИОД

(Взято из книги Крома «Индо-яванская история»)
(пропуски означают, что дата не известна)

I. Западная Ява

	Годы правления
Деваварман (?)	132
Пурнаварман	ок. 400
По-то-киа	424
Двараварман (?)	435
. . . .	
Джайябхупати	1030
. . . .	
Нискалавашту	
Дева Нискала	
Рату Девата	1333—1357
Сангхьянг	1552

II. Центральная Ява

Симо (?)	674
Санджайя, рака Матарама	732
Паньчапана, рака Пананкарана	778
рака Панунггалан	
рака Варак	
рака Гарунг	829 или 839
рака Пикатан	864 (?)

рака Кайювани	879—882
рака Вату Хумаланг	886
Балитунг, рака Ватукура	898—910
Дакса, рака Хино	915
Тулодонг, рака Лайянга	919—921
Вава, рака Пангкайя[1]	924—928

III. Восточная Ява

Девасимха	
Гаджайяна	760
А . . . нана (?)	
Синдок, рака Хино	929—947
Шри Исанатунггавиджайя, дочь Синдока (вышла замуж за Локапала)	947 (?)
Макутавамсавардхана, сын предыдущей	
Дхармавамса Анантавикрама	991—1007
Эрлангга	1019—1049
Джуру (? Джанггала)	1060
Джайяварса из Кедири	1104
Камешвара I	1115—1130
Джайябхайя	1135—1157
Сарввешвара	1160
Арьяйшвара	1171
Кроньчарьяйдвипа, Гандра	1181
Камешвара II	1185
Сарввешвара II, Срнгга	1190—1200
Кертаджайя	1216—1222

IV. Сингосари и Маджапахит, 1222—1451 годы

	Годы вступления на трон
1. Раджаса (Кен Ангрок)	1222
2. Анусапати, пасынок 1-го	1227
3. Тохджайя, сын 1-го	1248
4. Вишнувардхана, сын 2-го	1248
5. Кертанагара, сын 4-го	1268
6. Джайякатванг из Кедири, узурпатор	1292
7. Кертараджаса Джайявардхана (Виджайя), племянник и зять 5-го	1293
8. Джайянагара, сын 7-го	1309
9. Трибхувана, дочь 7-го	1329
10. Раджасанагара (Хайям Вурук), сын 9-го	1350
11. Викрамавардхана, племянник и зять 10-го	1389
12. Сухита, дочь 11-го	1429
13. Кертавиджайя (Бхре Тумапель), сын 11-го	1447—1451

V. Правители Восточной Явы после 1451 года

Раджасавардхана, Бхре Памотан	1451

(Междуцарствие, 1453—1456 годы)

Хьянг Пурвавишеса, Бхре Венгкер	1456
Сингхавикрамавардхана, Бхре Пандан Солар	1466—1478
Ранавиджайя	правил в 1486
Патеудра	правил в 1516

Б. ЯВА, МУСУЛЬМАНСКИЙ ПЕРИОД

I. Бантам

	Годы вступления на трон
1. Сусухунан Гунунг Джати (Фалета-хан)	1526
	умер ок. 1570
2. Маулана Хасан-уд-дин (пангеран Себакинкинг), сын 1-го	ок. 1550
3. Маулана Юсуф (пангеран Пасареан), сын 2-го	1570
4. Маулана Мухамьяд (пангеран Седанграна), сын 3-го	1580
5. Султан Абдул Кадир, сын 4-го	1596
6. Абдул Фатах, султан Агунг, сын 5-го	1651
7. Абдул Кахар, султан Хаджи, сын 6-го	1682—1687

II. Демак

1. Раден Патах Сенапати Джимбун, сын Бравиджайи, последнего правителя Маджапахита	(?)
2. Адипати Джунус, сын 1-го	1518
3. Пангеран султан Транггана, брат 2-го	1521—1546
4. Пангеран султан Правата, сын 3-го	(?)
5. Ария Пангири (Адипати?), сын 4-го	(?)
6. Пангеран Мас («правитель Явы»), сын 5-го	(?)

III. Правители Матарама

Сутавиджайя Сенопати	1582
Мас Джоланг	1601
Чакракусума Нгабдуррахман, сунан Агунг (в 1625 году принял титул сусухунана)[1]	1613
Прабу Амангкурат I, сунан Тегалванги	1645
Амангкурат II	1677
Амангкурат III, сунан Мас	1703
Паку Бувоно I, пангеран Пугер	1705
Амангкурат IV	1719
Паку Бувоно II	1725
Паку Бувоно III	1749

(Разделение Матарама на Суракарту и Джокьякарту, 1755 год)

IV. Правители Суракарты

Паку Бувоно III (из Матарама)	1788
Паку Бувоно IV	1820
Паку Бувоно V	1823
Паку Бувоно VI	1830
Паку Бувоно VII	1858
Паку Бувоно VIII	1861
Паку Бувоно IX	1893
Паку Бувоно X	1939
Паку Бувоно XI	1944
Паку Бувоно XII	

V. Султаны Джокьякарты

Абдуррахман Хаменгку Бувоно I, Мангкубуми	1755
Абдуррахман Хаменгку Бувоно II, султан Сепух	1792
Абдуррахман Хаменгку Бувоно III, Райя	1810
Абдуррахман Хаменгку Бувоно IV, Седа Песийяр	1814
Абдуррахман Хаменгку Бувоно V, Менол	1822
Абдуррахман Хаменгку Бувоно VI, Мангкубуми	1855

Абдуррахман Хаменгку Бувоно VII	1877
Абдуррахман Хаменгку Бувоно VIII	1921
Абдуррахман Хаменгку Бувоно IX	1939

В. МАЛАККА

1. Парамешвара (Мегат Искандер-шах)	1403
2. Шри Махараджа, сын 1-го	1424
3. Раджа Ибрагим, сын 2-го	1444
4. Раджа Қасим (Музаффар-шах), сводный брат 3-го	1446
5. Мансур-шах, сын 4-го	1459
6. Ала-уд-дин Риайят-шах, сын 5-го	1477
7. Махмуд, младший брат 6-го	1488—1511

Г. АЧЕ

Али Мугхайят-шах	1496
Салах-уд-дин ибн Али	1528
Ала-уд-дин ал-Қаххар ибн Али	1537
Хусейн	1568
Султан Муда (правил несколько дней)	1575
Султан Шри Алам	1575
айнал-Абдин	1576
Али-уд-дин из Перака (Мансур-шах)	1577
Султан Бойонг	1589(?)
Ала-уд-дин Риайят-шах	1596
Али Риайят-шах	1604
Искандер Муда (Махкота Алам)	1607
Искандер Тани	1636
Сафият-уд-дин Тадж ал-Алам бин Искандер Муда (вдова Искандера Тани)	1641
Накийят-уд-дин-Нур ал-Алам	1675
Закийят-уд-дин Инайят-шах	1678
Қамалат-шах Зинат-уд-дин	1688
Бадр ал-Алам Шариф Хашим Джамал-уд-дин	1699
Перкара Алам Шариф Ламтуи	1702
Джамал ал-Алам Бадр ал-Мунир	1703
Джаухар ал-Алам Амин-уд-дин (правил несколько дней)	1726
Шамс ал-Алам (правил несколько дней)	1726
Ала-уд-дин Ахмад-шах	1727
Ала-уд-дин шах Джахан	1735
Махмуд-шах (до 1781)	1760
Бадр-уд-дин (до 1765)	1764
Сулейман-шах	1775
Ала-уд-дин Мухаммад	1781
Ала-уд-дин Джаухар ал-Алам I (при регенте до 1802)	1795
Шариф Шайф ал-Алам	1815
Джаухар ал-Алам II	1818
Мухаммад-шах ибн Джаухар ал Алам I	1824
Мансур-шах	1838

(Оккупация Аче голландцами 1874)

Д. ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ НИДЕРЛАНДСКОЙ ОСТ-ИНДИИ

Питер Бот	1609
Герард Рейнст	1614
Лоуренс Реэл	1616
Ян Питерсзон Кун	1618
Питер де Қарпентье	1623

Б. К. де Йонге	1931
А. В. Л. Чарда ван Старкенборг-Стахоувер	1936
Г. Дж. ван Моок (до 1948) (помощник генерал-губернатора)	1942

ТАЙСКИЕ ДИНАСТИИ

А. СУКОТАИ

	Годы вступления на трон
1. Сри Интрадитья	1238
2. Банмыанг, сын 1-го	(?)
3. Рамкамхенг, брат 2-го	около 1275
4. Лотаи, сын 3-го	» 1317
5. Таммарача Лютаи, сын 4-го	1347
6. Таммарача II, сын 5-го	1370 (?)
7. Таммарача III, сын 6-го	1406
8. Таммарача IV, брат 7-го	1419

(Таммарача IV и последующие правители были всего лишь наследственными правителями—вассалами Аютии.)

Б. АЮТИЯ

1. Раматибоди I (Раматипат)	1350
2. Рамесуен, сын 1-го	1369
3. Бороморача I, дядя 2-го	1370
4. Тонглан, сын 3-го	1388
5. Рамесуен (второе правление)	1388
6. Рамрача, сын 2-го	1395
7. Интарача, племянник 3-го	1408
8. Бороморача II, сын 6-го	1424
9. Бромотрайлоканат, сын 7-го	1448
10. Бороморача III, сын 8-го	1488
11. Раматибоди II, брат 9-го	1491
12. Бороморача IV, сын 10-го	1529
13. Ратсада, сын 11-го	1534
14. Прачай, сводный брат 11-го	1534
15. Кео Фа, сын 13-го	1546
16. Кун Воравонг, узурпатор	1548
17. Махачакрапат, брат 13-го	1549
18. Махин, сын 16-го	1569
19. Махатаммарача, правитель Сукотаи	1569
20. Наресуен, сын 18-го	1590
21. Экатотсарот, брат 19-го	1605
22. Интарача II (Сонгтам), сын 20-го	1610
23. Четта, сын 21-го	1628
24. Атитьявонг, брат 22-го	1630
25. Прасаттонг, узурпатор	1630
26. Чао Фачай, сын 24-го	1656
27. Сри Сутаммарача, брат 24-го	1656
28. Нарай, брат 25-го	1657
29. Пра Петрача, узурпатор	1688
30. Прачао Сыа, сын 28-го	1703
31. Таисра, сын 29-го	1709
32. Махатаммарача II (Боромокот), брат 30-го	1733
33. Утумпон, сын 31-го	1758
34. Бороморача V (Экатат), брат 32-го	1758—1767

В. БАНГКОК

1. Пья Таксин, китайский генерал на сиамской службе 1767
2. Рама I (Пра Путтает Фа Чулалок), сиамский генерал 1782
3. Рама II, сын 2-го 1809
4. Рама III (Пра Нанклао), сын 3-го 1824
5. Рама IV (Маха Монкут), брат 4-го 1851
6. Рама V (Чулалонгкорн), сын 5-го 1868
7. Рама VI (Маха Вичировут), сын 6-го 1910
8. Прачатипок, брат 7-го 1925
9. Ананда Махидон, племянник 8-го 1935
10. Бумипон Адуньядет, брат 9-го 1946

Г. МЫАНГ СВА

Список тридцати пяти правителей, без дат до 1316 года, даты рождения Фа-Нгуна, основателя королевства Лан Санг; взято из местных хроник (по Буланже «История Французского Лаоса», стр. 39—40)

1. Пхайя-Нан-Тха (с Цейлона ?)
2. Пхайя-Интапатха (из Камбоджи), женившийся на вдове 1-го
3. Тхао-Пху-Тха-Сен, сын 2-го
4. Пхайя-Нгу-Леум, сын 3-го
5. Тхао-Пхе-Си, сын 4-го
6. Ай-Салеукхеук, сын 5-го
7. Ай-Тиет-Хаи, сын 6-го
8. Тхао-Тиантха-Пханит, торговец бетелем, прибывший из Вьентяна
9. Кхун-Шва, вождь племен кха
10. Кхун-Нгиба, сын 9-го
11. Кхун-Вилинга, сын 10-го
12. Кхун-Кан-Ханг, сын 11-го
13. Кхун-Ло, старший сын тайского принца
14. Кхун-Шва-Лао, сын 13-го
15. Кхун-Шун
16. Кхун-Кхет
17. Кхун-Кхум
18. Кхун-Кхип
19. Кхун-Кхап
20. Кхун-Кхоа
21. Кхун-Кхане
22. Кхун-Пхен
23. Кхун-Пхен
24. Кхун-Пхеун
25. Кхун-Фи
26. Кхун-Кхам
27. Кхун-Хунг
28. Тхао-Тхене, сын 27-го
29. Тхао-Нуп
30. Тхао-Неук
31. Тхао-Пхин
32. Тхао-Пхат
33. Тхао-Ванг
34. Пхайя-Ланг-Тхират
35. Пхайя-Суванна-Кхам-Фонг, сын 34-го, отец Тхао-Пхи-Фа и дед Фа-Нгуна

Д. ЛАН САНГ

(список взят у Буланже, цит. соч.)

1. Фа Нгун 1353
2. Сам Сене Таи сын 1-го 1373

1416
3. Лан Кхам Денг, сын 2-го
1428
4. Помматат, сын 3-го
1429
5. Пак Хуей Луонг, сын 2-го
1430
6. Тоа Сан, брат 5-го
1430
7. Пайя Кхаи, сын 3-го
1433
8. Чиен Саи, сын 2-го
1434
9. Сын 3, имя неизвестного
1535
10. Кам Кхеут, сын дворцового раба
1438
11. Саи Тиакапат, сын 2-го
1479
12. Тене Кхам, сын 11-го
1486
13. Ла Сене Таи, брат 12-го
1496
14. Сом Пу, сын 13-го
1501
15. Висун, сын 11-го
1520
16. Потисарат, сын 15-го
1548
17. Сеттатират, сын 16-го
1571
18. Сене Сулинта (регент)
1575
19. Маха Упахат, родственные отношения неясны
1580
20. Сене Сулинта (король)
1582
21. Накхоне Нои, сын 18-го

(Междуцарствие, 1583—1591 годы)

1591
22. Нокео Кумане, сын 17-го
1596
23. Таммикарат, деверь 21-го
1622
24. Упагнуварат, сын 22-го
1623
25. Потисарат II, сын 18-го
1627
26. Моне Кео, брат 24-го
27. Упагноварат, сын 25-го } даты неизвестны
28. Тоне Кхам, сын 26-го } даты неизвестны
29. Висаи, брат 27-го } даты неизвестны
1637
30. Сулинга Вонгса, сын 27-го
1694
31. Тиан Тала, зять 29-го
1700
32. Нан Тарат, узурпатор
1700
33. Саи Онг Хюэ, внук 29-го

В 1707 году королевство распалось на два независимых государства со столицами во Вьен-Чанге (Вьентян) и Луан-Прабанге.

Е. ВЬЕН-ЧАНГ (ВЬЕНТЯН)

(1700)
1. Саи Онг Хюэ, из Лан Тянга
1735
2. Онг Лонг, сын 1-го
1760
3. Онг Боун, сын 2-го

(Междуцарствие, 1778—1782 годы)

1782
4. Чао Нан, сын 3-го
1792
5. Чао Ин, брат 4-го
1805—1828
6. Чао Ану, брат 5-го

Ж. ЛУАН-ПРАБАНГ

1707
1. Кинг Китсарат, сын 29-го в Лан Санге
1726
2. Кхамоне Нои, двоюродный брат и зять 1-го
1727
3. Инта Сом, брат 1-го
1776
4. Сотика Кумане, сын 3-го
1781
5. Тяо Вонг, брат 4-го

(Междуцарствие, 1787—1791 годы)

1791
6. Анурут, сын 3-го

7. Манта Турат, сын 6-го 1817
8. Сука Сеум, сын 7-го 1836
9. Тиантха, брат 8-го 1851
10. Ун Кхам, брат 9-го 1872

(Междуцарствие, 1887—1894 годы)

11. Закарин, сын 10-го 1894
12. Сисаванг Вонг, сын 11-го 1904

ВЬЕТНАМ

А. ЛЕГЕНДАРНАЯ ДИНАСТИЯ ХОНГ-БАНГ (2879—258 год до н. э.)

Королевство Ван-ланг, столица Фонг-тяу

Б. ДИНАСТИЯ ТХУК

Королевство Ау-лак, столица Лоа-тхань

	Годы вступления на трон
Тхук-ан-Зыонг-выонг	257—208 г. до н. э.

В. ДИНАСТИЯ ЧИЕУ

Королевство Нам-Вьет, столица Фиен-нгу (Фан-юй)

Чиеу-Во-выонг (У-ди)	207 г. до н. э.
Чиеу-Ван-выонг	136 г. до н. э.
Чиеу-Минь-выонг	124 г. до н. э.
Чиеу-Аи-выонг	112 г. до н. э.
Чиеу-Зыонг-выонг (Киен-Дык)	111 г. до н. э.

(Королевство включено в Китай)

Г. ДИНАСТИЯ РАННИХ ЛИ

Столица Шонг-биен

Ли-Бон, Нам-Вьет-де	544 г. н. э.
Ли-куанг-Фук, Чиеу-Вьет-выонг, узурпатор	549—571 г. н. э.
Ли-тхиен-Бао, Зао-Ланг-выонг	549—555 г. н. э.
Ли-фат-Ты, Хау-де	571—602 г. н. э.

(В 602 году Вьетнам снова вошел в состав Китая)

Д. ДИНАСТИЯ НГО

Королевство Дай-Ко-Вьет

Нго-Кюен-выонг	939 г. н. э.
Зыонг-там-Кха, Винь-выонг, узурпатор	945 г. н. э.
Нго-сыонг-Ван, Нам-Тан-выонг	951—965 г. н. э.
Нго-сыонг-Нгай, Тхиен-Шать-выонг	951—954 г. н. э.

(965—968 годы—период анархии)

Е. ДИНАСТИЯ ДИНЬ

Динь-Тиен, Хоанг-де	968
Динь-де-Тоан	979

Ж. ДИНАСТИЯ РАННИХ ЛЕ

Ле-Хоан, Дай-Хань Хоанг-де	980
Ле-чунг-Тонг, Хоанг-де	1005

З. ДИНАСТИЯ ПОЗДНИХ ЛИ

Ли-тхай-То (Конг-Уан)	1009
Ли-тхай-Тонг (Фат-Ма)	1028
Ли-тхань-Тонг	1054
Ли-нян-Тонг	1072
Ли-тхан-Тонг	1127
Ли-ань-Тонг	1138
Ли-као-Тонг	1175
Ли-хюэ-Тонг	1210
Ли-тиеу-Хоанг	1224

И. ДИНАСТИЯ ЧАН

Чан-тхай-Тонг	1225
Чан-тхань-Тонг	1258
Чан-нян-Тонг	1278
Чан-ань Тонг	1293
Чан-минь-Тонг	1314
Чан-хиен-Тонг	1329
Чан-зу-Тонг	1341
Зыонг-нят-Ле	1369
Чан-иге-Тонг	1370
Чан-зюе-Тонг	1372
Чан-де-Хиен (Фе-Де)	1377
Чан-тхуан-Тонг	1388
Чан-Тхиеу-Де	1398

К. ДИНАСТИЯ ХО

Хо-кюи-Ли	1400
Хо-хан-Тхыонг	1400—1407

Л. ВОССТАНОВЛЕННАЯ ДИНАСТИЯ ЧАН

Чан-де-Кюи, Зян-динь-де	1407
Чан-кюи-Кхоать	1409—1413

М. ДИНАСТИЯ ПОЗДНИХ ЛЕ

Ле-Лои, Бинь-Динь-выонг	1418
Ле-Нга, узурпатор	1420
Чан-Као, узурпатор	1426
Ле-тхай-То, Као-хоанг-де	1428
Ле-тхай-Тонг, Ван-хоанг-де	1433
Ле-нян-Тонг, Тюен-хоанг-де	1442
Ле-нги-Зан, узурпатор	1459
Ле-тхань-Тонг, Тхуан-хоанг-де	1460
Ле-хиен-Тонг, Зюе-хоанг-де	1497
Ле-тук-Тонг, Тхуан-хоанг-де	1504
Ле-юи-Мук-де	1504
Ле-тыонг-Дык-де	1509
Чан-Као	1516
Чан-Тханг, узурпатор	1516
Ле-Банг, узурпатор	1518
Ле-Зу	1518
Ле-тиеу-Тонг, Тхан-хоанг-де	1518

Ле-хоанг-де-Суан (или Тхунг), Кунг-хоанг-де	1522—1527
(Междуцарствие, когда правили Маки	
Мак-данг-Зунг	1527
Мак-данг-Зоань	1530)
Ле-чанг-Тонг, Зу-хоанг-де	1533
Ле-чунг-Тонг, Во-хоанг-де	1548
Ле-ань-Тонг, Туап-хоанг-де	1556
Ле-тхе-Тонг, Нги-хоанг-де	1573
Нгюен-зыонг-Минь, узурпатор	1597
Нгюен-минь-Чи, узурпатор	1597
Ле-кинь-Тонг, Хюэ-хоанг-де	1599
Ле-тхан-Тонг, Юиен-хоанг-де	1619
Ле-тян-Тонг, Тхуан-хоанг-де	1643
Ле-тхан-Тонг, Юиен-хоанг-де	1649
Ле-хюен-Тонг, Мук-хоанг-де	1662
Ле-зя-Тонг, Ми-хоанг-де	1671
Ле-хи-Тонг, Тьыонг-хоанг-де	1671
Ле-зу-Тонг, Хоа-хоанг-де	1705
Ле-де-зюй-Фыонг	1729
Ле-тхуан-Тонг, Зян-хоанг-де	1732
Ле-и-Тонг, Хюи-хоанг-де	1735
Ле-хиен-Тонг, Винь-хоанг-де	1740
Ле-Ман-хоанг-де	1786—1804

Н. ДИНАСТИЯ МАК

Мак-данг-Зунг	1527
Мак-данг-Зоань	1530
Мак-фук-Хаи	1540
Мак-фук-Нгюен	1546
Мак-мау-Хоп	1562
Мак-Тоан	1592
Мак-кинь-Ти	1592
Мак-кинь-Кунг	1593
Мак-кинь-Кхоан	1623
Мак-кинь-Ву (Мак-кинь-Хоанг)	1638—1677

О. ПРАВЛЕНИЕ ЧИНЕЙ В ТОНКИНЕ

Чинь-Кием	1539
Чинь-Кои	1569
Чинь-Тунг	1570
Чинь-Чанг	1623
Чинь-Так	1657
Чинь-Кан	1682
Чинь-Кыонг	1709
Чинь-Зянг	1729
Чинь-Зоань	1740
Чинь-Шам	1767
Чинь-Кан	1782
Чинь-Кхаи	1782
Чинь-Бонг	1786—1787

П. ПРАВИТЕЛИ ТЭЙ-ШОНЫ

Нгюен-ван-Няк, старший из трех братьев	1778—1793
Нгюен-Хюэ, младший брат	1788—1792
Нгюен-куанг-Тоан, сын Нгюен-ван-Хюэ	1792—1802

Р. НГЮЕНЫ, ПРАВИТЕЛИ ХЮЭ

Нгюен-дык-Чунг	?
Нгюен-ван-Ланг	умер в 1513
Нгюен-хоанг-Зу	умер в 1518
Нгюен-Ким	умер в 1545
Нгюен-Хоанг	1558—1613
Нгюен-фук-Нгюен . . . наследовал в	1613
Нгюен-фук-Лан	1635
Нгюен-фук-Тан	1648
Нгюен-фук-Чан	1687
Нгюен-фук-Тю	1691
Нгюен-фук-Тю	1725
Нгюен-фук-Кхоат	1738
Нгюен-фук-Тхуан	1765
Нгюен (фук)-Ань (стал императором Аннама под именем Зя-Лонг)	1778
Зя-Лонг	1802
Минь-Манг	1820
Тхиеу-Чи	1841
Ты-Дык	1848
Нгюен-дык-Дык	1883
Нгюен-хиеп-Хоа	1883
Киен-Фук	1884
Хам-Нги	1885
Донг-Кхань	1886
Тхань-Тхаи	1889
Зюи-Тан	1907
Кхай-Динь	1916
Бао-Дай	1925

С. ГУБЕРНАТОРЫ И ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ ФРАНЦУЗСКОГО ИНДОКИТАЯ

Гражданские губернаторы

Ле Мир де Вилер	июль 1879—ноябрь 1882
Томсон	январь 1883—июль 1885
Генерал Бегэн	июль 1885—июнь 1886
Филиппини	июнь 1886—октябрь 1887
Ноэль Пардон, временно исполнявший обязанности вице-губернатора	23 октября—2 ноября 1887
Пикэ, временно исполнявший обязанности вице-губернатора	3 ноября—15 ноября 1887

Генерал-губернаторы

Контан	ноябрь 1887—апрель 1888
Ришо	апрель 1888—май 1889
Пикэ	май 1889—апрель 1891
Бидо, временно исполнявший обязанности	
Де Ланесан	апрель 1891—октябрь 1894
Родье, временно исполнявший обязанности	
Руссо	декабрь 1894—март 1895
Фур, временно исполнявший обязанности	
Поль Думэр	февраль 1897—март 1902

Поль Бо	октябрь 1902-февраль 1907
Бонур, временно исполнявший обязанности	
Клобуковски	сентябрь 1908—январь 1910
Пики, временно исполнявший обязанности	
Люс	февраль—ноябрь 1911
Альбер Сарро (первый срок губернаторства)	ноябрь 1911—январь 1914
Ван Волленховен, временно исполнявший обязанности	
Рум	март 1915—май 1916
Шарль, временно исполнявший обязанности	
Альбер Сарро (второй срок губернаторства)	январь 1917—май 1919
Монгийо, временно исполнявший обязанности	
Морис Лонг	февраль 1920—апрель 1922
Бодоэн, временно исполнявший обязанности	
Мерлэн	август 1922—апрель 1925
Монгийо (временно исполнявший обязанности, второй срок)	
Александр Варенн	ноябрь 1925—январь 1928
Монгийо (временно исполнявший обязанности, третий срок)	
Пьер Паскье	август 1928
Ренэ Робэн	февраль 1934
Жюль Бревье	сентябрь 1936
Генерал Жорж Альбер Жюльен Катру	август 1939
Адмирал Жан Деку	июль 1940

ЛИТЕРАТУРА

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Brebion A., Bibliographie des voyages dans l'Indochine française du IXe au XIXe siècle, Saigon, 1910.

Cordier Henri, Bibliotheca Indosinica, Dictionnaire Bibliographique des ouvrages relatifs à la Péninsule Indochinoise, 4 vols. in 2, Paris, 1932.

Embree J. F. and Dotson L. O., Bibliography of the Peoples and Cultures of Mainland South-East Asia, Yale Univ., 1950.

Hobbs Cecil C., South-East Asia, an annotated bibliography of selected reference sources, Washington, 1952.

Hobbs Cecil C. and assocs., Indochina, a bibliography of land and people, Washington, 1950.

II. МЕСТНЫЕ ХРОНИКИ

Annales du Laos (Luang Probang, Vientiane, Tran Ninh et Bassac), Hanoi, 1926.

Annales du Siam (traduction de Camille Notton), 4 vols., vols. I—III, Paris, 1926—1932; vol. IV, Bangkok, 1939.

Babad Tanah Djawi (in Javanese prose; original edition with notes by J. J. Meinsma, 's-Gravenhage, 1874 (many reprints).

Brown C. C. (tr.), Sejarah Melayu or Malay Annals, a translation of Raffles MS. 18, IRASMB, XXV, pts. 2 and 3, Singapore, 1953.

Damrong Prince (ed.), The Pongsawadan [Royal Autograph Edition revised by King Mongkut] (in Thai), Bangkok, 1907.

The Hmannan Yazawin (in Burmese), Mandalay, 1908.

The Konbaungset Chronicle (in Burmese), Mandalay, 1905.

Leyden John, Translations of Malay Annals (with introd. by Sir Stamford Raffles), London, 1821.

Michels Abel (tr.), Les Annales Impériales de l'Annam, Paris, 1889.

The Nagarakrtagama (trans. into Dutch by H. Kern, with notes by N. J. Krom), 's-Gravenhage, 1919.

Notton C. (tr.), Chronique de Xieng-Mai, Paris, 1932.

Olthof W. L. (tr.), Babad Tanah Djawi in proza Javaansche Geschiedenis, 's-Gravenhage, 1941.

Pararaton, The Book of the Kings of Tumapel and Majapahit (ed. by N. J. Krom), Batavia, 1920.

Pe Maung Tin and Luce G. H., The Glass Palace Chronicle of the Kings of Burma, a translation of the earlier parts of the Hmannan Yazawin, London, 1923.

III. ДОКУМЕНТЫ, МЕМУАРЫ

Aitchison C. U. (ed.), A Collection of Treaties, Engagements and Sanads relating to India and Neighbouring Countries, 14 vols, Calcutta, 1862 to 1939, Revised ed. 13 vols., 1909; one further fol. 1939.

Albuquerque Braz de, The commentaries of the Great Afonso Dalboquerque, 4 vols., Hakluyt Soc., London, 1875—84.

Anderson John, Practical and Commercial Considerations Relative to the Malayan Peninsula and the British Settlements in the Straits of Malacca, Prince of Wales Island, 1824.

Anderson John, A Report on the Expedition to Western Yunnan, via Bhamo, Calcutta, 1871.

Mandalay to Momein, A Narrative of the Two Expeditions to Western China of 1868 and 1875 under Colonel Edward B. Sladen and Colonel Horace Browne, London, 1876.

Argensola B. L., de, Conquista de las Islas Malucas, Madrid, 1609.

Baird J. G. A. (ed.), Private Letters of the Marquess of Dalhousie, London, 1910.

Beeckman Daniel, A Voyage to and from the Island of Borneo in the East Indies, London, 1718.

Birdwood G., and Foster W., The First Letter Book of the East India Company, 1600—1619, London, 1893.

Blanc R. P., le, Histoire de la Révolution de Siam, Lyon, 1692.
Bort Balthasar, 'Report on Malacca', JRASMB, Aug. 1937, Singapore.
Bouchot Jean, Documents pour servir à l'histoire de Saigon, 1859 à 1868, Saigon, 1927.
Bourges de, Relation du Voyage de Monseigneur L'Evêque de Béryte... jusqu'au Royaume de Siam, Paris, 1666.
Bowring Sir John, The Kingdom and People of Siam, with a Narrative of the Mission to that Country in 1855, 2 vols., London, 1857.
Browne Lieut.-Col. E. C., The Coming of the Great Queen, A Narrative of the Acquisition of Burma, London, 1888.
Burma, Report of the Burma Provincial Banking Enquiry Committee, 2 vols., Rangoon, 1930.
Report of the Committee of Enquiry into the Rice Trade, Rangoon, 1934.
Report of the Provincial Enquiry Committee on Vernacular and Vocational Education, Rangoon, 1936.
Report of Land and Agriculture Committee, Parts I, II and III, Rangoon, 1938.
Report of the Bribery and Corruption Enquiry Committee, Rangoon, 1940.
Report of the Committee of Enquiry into the Village System, Rangoon, 1941.
Burnell A. C., Tiele P. A. (eds.), The Voyage of John Huyghen van Linschoten to the East Indies, 2 vols., Hakluyt Soc., nos. 70 and 71, London, 1885.
Burney Henry, The Burney Papers (reprinted from the originals in the India Office), 15 vols., Bangkok, 1910—1914.
Cabaton Antoine (tr.), Brève et Véridique Relation des Événements du Cambodge par le P. Gabriel Quiroga de San Antonio, Paris, 1914.
Cadière L., Documents Relatifs à l'Epoque de Gia-Long, BEFEO, XII (1912), No. 7, pp. 1—82, Hanoi.
Cavenagh, General Sir Orfeur, Reminiscences of an Indian Official, London, 1884.
Chapman F. Spencer, The Jungle is Neutral, London, 1949.
Chaumont de, Relation de l'Ambassade de Mgr. Le Chevalier de Chaumont à la Cour du Roi de Siam, Paris, 1687.
Choisy F. T., de, Journal du Voyage de Siam fait en 1685 et 1686, Paris, 1687.
Coast John, Railroad of Death, London, 1946.
Coedès G. (ed.), Documents sur L'Histoire Politique et Religieuse du Laos Occidental, BEFEO, XXV (1925), Nos 1—2, pp. 1—205, Hanoi.
Colenbrander H. T., Jan Petersen Coen, Bescheiden Omtrent Zijn Bedriff in Indië, 5 vols., The Hague, 1919—1923.
Colesworthy Grant, Rough Pencillings of a Rough Trip to Rangoon in 1846, Calcutta, 1853.
Colquhoun Archibald R., Across Chrysê, being the Narrative of a Journey of Exploration through the South China Border Lands from Canton to Mandalay, 2 vols., London, 1883.
Amongst the Shans, London, 1885.
Cook James, Voyages, 2 vols., London, 1842.
Cordier H., Les Français en Birmanie au XVIIIe Siècle. Notes et Documents, T'oung Pao I (1890), II (1891), Leiden.
Correspondence; Correspondence of the Commissioner, Tenasserim Division, 1825—1826 to 1842—1843, Rangoon, 1915.
Cox Capt. Hiram, Journal of a Residence in the Burmhan Empire, London, 1821.
Cortesão Armando (ed.), The Suma Oriental of Tomé Pires, 2 vols., Hakluyt Soc., London, 1944.
Cowan C. D., (ed.), Early Penang and the Rise of Singapore, 1805—1832 (documents from the manuscript records of the East India Company), JRASMB, XXIII, pt. 2 (March, 1950), Singapore.
Sir Frank Swettenham's Perak Journals, 1874—1876, JRASMB, XXIV, pt. 4 (Dec. 1951), pp. 1—148, Singapore, 1952.
Crawfurd John, Journal of an Embassy... to the Court of Ava in the year 1827, London, 1829.
The Crawfurd Papers, A collection of official records relating to the mission of Dr. John Crawfurd sent to Siam by the Government of India in the year 1821, Bangkok, 1915.
Journal of an Embassy from the Governor-General of India to the Courts of Siam and Cochin China, London, 1828.
Daendels G. G. H. W., Staat der Nederlandsche Oostindische Beziittingen onder het Bestuur van den G. G. H. W. Daendels, 3 vols. The Hague, 1814.
Dagh-Register; Dagh-Register Gehouden int Casteel Batavia vant Passerende Daer ter Plaetse als over Geheel Nederlandts India, 1624—1682, Batavia, 1887, etc.
Dalrymple Alexander, Oriental Repertory, 2 vols., London, 1793, 1808.
Oriental Repertory, A reprint of papers relating to Burma, Rangoon, 1926.
Danvers F. C., Foster W., Letters received by the East India Company from its servants in the East, 1602—1617, 6 vols., London, 1896—1902.
avies H. R., Report on the Burma-China Boundary between the Taiping and the Shweli, Indian Army Intelligence Branch Report, Rangoon, 1894.
Report on the Part of Yuannan between the Bhamo Frontier and the Salween, Indian Army Intelligence Branch Report, Rangoon, 1895.

Decoux J., A la barre de l'Indochine (1940—1945), Paris, 1949.
Des Farges, Relations des révolutions arrivées à Siam dans l'année 1688, Amsterdam, 1691.
Deventer M. L. van, Daendels-Raffles (tr. C. C. Batten), London, 1894.
Het Nederlandsch Gezag over Java Sedert 1811 (vol. I, 1811—1820), The Hague, 1891.
Deventer S. van, Bijdragen tot de Kennis van het Landelijk Stelsel op Java, Zalt Bommel, 1865.
Douglas W. O., North from Malaya, Adventure on Five Fronts, New York, 1953.
Duroiselle C., Blagden C. O., Epigraphia Birmanica, 5 vols., Rangoon, 1919—1936.
Earle G. W., The Eastern Seas, or Voyages and Discoveries in the Indian Archipelago in 1832—1833—1834, London, 1837.
Ferrand G., Relations de Voyages et Textes Géographiques Arabes, Persans et Turcs Relatives à l'Extrême-Orient du VIII au XVIII siècles, 2 vols., Paris, 1913—1914.
Finlayson G., The Mission to Siam and Hué, London, 1826.
Foster Sir William (ed.), The Journal of John Jourdain, 1608—1617, Hakluyt Soc., Cambridge, 1905.
The English Factories in India, 1618—1669, 13 vols., Oxford, 1906—1927.
The Voyage of Thomas Best to the East Indies, 1612—1614, Hakluyt Soc., London, 1934.
The Voyage of Sir Henry Middleton to the Moluccas, 1604—1606, Hakluyt Soc., London, 1943.
France, Ministère des Affaires Étrangères, Documents, diplomatiques. Affaires du Tonkin, 2 vols., in I, Pt. I, 1874—1882, Pt . 2, 1882—1883, Paris, 1883.
Docs. dip. Affaires du Tonkin, Convention de Tientsin du 11 Mai, 1884, Incident de Lang Son, Paris, 1884.
Docs. dip. Affaires de Chine et du Tonkin, 1884—1885, Paris, 1885.
Docs. dip. Affaires du Haut Mékong, 25 Nov.—4 Dec. 1893, Paris, 1893.
Docs. dip. Affaires du Siam et du Haut Mékong, Paris, 1893, 1896.
France, Livre Jaune, Docs. dip. Affaires du Haut-Mékong et du Siam, 1893—1902, Paris, 1902.
Francklin W., Tracts, Political, Geographical and Commercial, on the Dominions of Ava and the North-Western parts of Hindostaun, London, 1811.
Fytche Albert, Burma Past and Present, with Personal Reminiscences of the Country, 2 vols., London, 1878.
Garnier F., Voyage lointain aux Royaumes de Cambodge et Laowven par les Néerlandais et ce qui s'y est passé jusqu'en 1644 (M. P. Voelkel's translation of van Wusthof's «Journal»), Bulletin de la Soc. de Géog. Paris, 1871 (2), pp. 249—289.
Voyage d'Exploration en Indochine 1866—1868, 2 vols., Paris, 1873.
Gouger H., Personal Narrative of Two Years' Imprisonment in Burmah, London, 1860.
Hakluyt Richard, The principall Navigations... of the English Nation, 3 vols., London, 1598—1600; Hakluyt Soc. ed. Glasgow, 1903—1905.
Hall D. G. E. (ed.), The Dalhousie-Phayre Correspondence, 1852—1856, London, 1932.
Hallett Holt S., A Thousand Miles on an Elephant in the Shan States, London, 1890.
Hamilton Capt. Alexander, A New Account of the East Indies, 2 vols., Edinburgh, 1727.
Heeres J. E. (ed.), Corpus Diplomaticum Neerlando-Indicum (Bijdragen tot de Taal-Land-en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië, Deel 87).
De «Consideratien van Van Imhoff» (Bijdragen tot de Taal-Land-en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië, Deel 66), 's-Gravenhage.
Hlutdaw Records, Selections from the Records of the Hlutdaw, 2 vols., Rangoon 1889.
Hunter W., A Concise Account of the Kingdom of Pegu, Calcutta and London, 1789.
Ibn Batuta, The Travels of, in Asia and Africa, 1324—1325, Translated from the abridged Arabic MS copies preserved in the Public Library of Cambridge, by the Rev. S. Lee, London, 1829.
Imhoff G. W., van, Consideratiën, The Hague, 1763.
Indochine, Gouvernement General, Contributions à l'Histoire des Mouvements Politiques de l'Indochine Française, 7 vols. of documents, Hanoi, 1933—1934.
Jonge J. K. J. de, De Opkomst van het Nederlandsch Gezag in Oost-Indië, 3 vols., 's-Gravenhage, 1862—1865.
Jonge J. K. J. de (Jr.), De Opkomst van het Nederlandsch Gezag over Java, 7 vols., The Hague, 1869—1878.
Judson Ann H., An Account of the American Baptist Mission to the Burman-Empire; in a series of letters addressed to a Gentleman in London, London, 1823.
Kartini R. A., Letters of a Javanese Princess, New York, 1920.
Keppel, Capt. the Hon. Henry R. N., The Expedition of H. M. S. «Dido», for the suppression of piracy, with extracts from the Journal of James Brooke, Esq. of Sarawak, New York, 1846.
Laharpe J. F., Abrégé de l'Histoire Générale des Voyages, 24 vols, Paris., 1816.

La Loubère M. de, Description du Royaume de Siam, 2 vols., Paris, 1691, Amsterdam, 1714.
A New Historical Relation of the Kingdom of Siam, by M. de L. L. Envoy Extraordinary from the French King to the King of Siam in the years 1687 and 1688, 2 vols., London, 1693.
Launay Adrien, Histoire de la Mission de Cochinchine 1658—1823, Documents Historiques, 3 vols., Paris, 1923—1925.
Histoire de la Mission du Tonkin, Documents Historiques, Paris, 1927.
Leonowens Anna H., The English Governess at the Siamese Court, Boston, Mass., 1870, London, 1954.
Linschoten J. H., van, The Voyage of J. H. Linschoten to the East Indies (English trans. of 1598 edited by A. C. Burnell and P. A. Tiele), 2 vols., Hakluyt Soc., n. n. 70 and 71, London, 1885.
Loftus A. J., Notes of a Journey across the Isthmus of Kra... January-April 1883, Singapore, 1883.
Luce G. H., Pe Maung Tin, Inscriptions of Burma, 3 portfolios of photogravures of rubbings, London, 1933—1939.
Lyautey L. H. G., Lettres du Tonkin et de Madagascar (1893—1899), 2 vols., Paris, 1920.
McMichael Sir Harold, Report of a Mission to Malaya, G. B. Colonial Office, No. 194, London, 1946.
MacGregor A., Translation of «A Brief Account of the Kingdom of Pegu» by an anonymous Portuguese writer of the early seventeenth century, JBRS, XVI, pt. 2 (Aug. 1926).
Major R. H., India in the Fifteenth Century, Hakluyt Soc., London, 1857.
Malcolm Rev. H., Travels in South-Eastern Asia, 2 vols., London, 1839.
Manrique Fray Sebastien, Travels of 1629—1643, Translated by Lieut.—Col. C. E. Luard, 2 vols., Hakluyt Soc., London, 1927.
Marshall Lieut. John R. N., Narrative of the Naval Operations in Ava during the Burmese War in the years 1824, 1825 and 1826, London, 1830.
Maybon C. B., Quelques documents inédits concernant Pierre Poivre, Études Asiatiques, Hanoi, 1925 II, pp. 143—157.
Mijer P., Verzameling van Instructien, Ordonnancien en Reglementen voor de Regering van Nederlandsch Indië, Batavia, 1848.
Mongkut, King, English Correspondence of King Mongkut, JSS, Bangkok, 1927.
Moreland W. H. (ed.), Peter Floris, His Voyage to the East Indies in the Globe, 1611—1615, A Contemporary Translation of his Journal, Hakluyt Soc., London, 1934.
Relations of Golconda in the early seventeenth century, Hakluyt Soc., London, 1931.
Mouhot H., Voyages dans les Royaumes de Siam, Paris, 1868.
Travels in the Central Parts of Indo-China (Siam), Cambodia and Laos during 1859—1860, 2 vols., London, 1864.
Muller Hendrik P. N. (ed.), De Oost-Indische Compagnie in Cambodja en Laos (verzameling van bescheiden van 1636 tot 1670), 's-Gravenhage, 1917.
Neale F. A., Narrative of a Residence at the Capital of the Kingdom of Siam, London, 1852.
d'Orleans Pierre, Histoire de M. Constance, Premier Ministre du Roy de Siam, Paris, 1690.
Pallegoix Jean Baptiste, Description du Royaume Thai ou Siam, 2 vols., Paris, 1854.
Pallu François, Relation Abrégée des Missions et Voyages des Evesques Français, Envoyés aux Royaumes de la Chine, Cochinchine, Tonquin et Siam, Paris, 1668.
Pavie Auguste, Mission Pavie, II vols., Paris, 1898—1904.
Pemberton, Capt. R. Boileau,, Report on the Eastern Frontier of British India (with a supplement by Dr. Bayfield on British Political Relations with Ava), Calcutta, 1835.
Penzer N. M. (ed.), The Travels of Marco Polo, Translated by John Frampton, London, 1929.
Pinkerton John, A General Collection of the best and most interesting Voyages and Travels in all Parts of the World, 17 vols., London, 1808—1814.
Pinto Fernão Mendes, Peregrinaçam de Fernão Mendes Pinto em que la conta de muytas e muyto estranhas cousas... Lisbon, 1614.
The Voyages and Adventures of Fernand Mendez Pinto... Done into English by H(enry) C(ogan) Gent., London, 1653, reprinted 1663, 1692.
The Voyages and Adventures of Ferdinand Mendez Pinto during his Travels for the space of one and twenty years in the Kingdoms of Ethiopia, China, Tartaria, Cauchinchina, Calaminham, Siam, Pegu, Japan and a great part of the East Indies (reprint [slightly abridged] of Henry Cogan's translation), London and New York, 1891.
Polo Marco, The Book of Ser Marco Polo, the Venetian, concerning the Kingdoms and Marvels of the East (Sir Henry Yule's translation revised by Henri Cordier), 2 vols., 1903. (Марко Поло, Путешествие, пер. с фр., Л., 1940).

Purchas Samuel, His Pilgrimes, 4 vols., London, 1625, Glasgow, 1905—1907.
Raffles T. S., Substance of a Minute Recorded by the Hon. T. S. Raffles on Feb. II, 1814, on the introduction of an improved system of internal management and the establishment of a land rental on the Island of Java, Privately printed, London, 1814.
Realia, Register op de Generale Resolutien van het Kasteel Batavia, 1632—1807, 3 vols., 's-Gravenhage, 1882—1886.
Richardson Dr., Journal of a Mission from the Supreme Government of India to the Court of Siam, JRAS Bengal, VIII (1839), pp. 1016—1036; IX (1840), pp. 1—30, 219—250.
Rivière Henri, Correspondence Politique du Commandant Rivière au Tonkin, Avril 1882—Mai 1883, Paris, 1933.
Rodger George, Red Moon Rising, London, 1943.
Rouffaer G. P., Ijzerman J. W., De Eerste Schipvaart der Nederlanders naar Oost Indië, 3 vols., Linschoten Vereeniging, VII, XXV, XXXII, The Hague, 1915—1919.
Sangermano Father Vincentius, A Description of the Burmese Empire (Translated from his MS by William Tandy D. D.), Rome, 1883, Rangoon, 1885.
Sayre F. B., Siam, Treaties with Foreign Powers 1920—1927, Northwood, 1928.
Schouten W., Oost-Indische Voyagie (original Dutch edition), Amsterdam, 1676.
Voyage aux Indes Orientales Commencé l'an 1658 et Fini l'An 1665, 2 vols., Amsterdam, 1707; Rouen, 1725.
Scott J. G., France and Tongking, A Narrative of the Campaign of 1884 and the Occupation of Further India, London, 1885.
Scott O'Connor, V. C., The Silken East, a record of life and travel in Burma, 2 vols., London, 1904.
Siam in the Dagh Register, Dutch Papers from the Dagh Register, 1624—1642, Bangkok, 1915.
Siam: Records of the Relations between Siam and Foreign Countries in the Seventeenth Century, 5 vols., Bangkok, 1915—1921.
Great Britain, Foreign Office, Correspondence Affecting the Affairs of Siam, London, 1894.
Sladen Sir E. B., Copy of Major Sladen's Report on the Bhamo Route (Parliamentary Report, London, 1871). Original Narrative, Rangoon, 1869.
Expedition from Burma, via the Irrawaddy and Bhamo, to South-Western China, Journal Royal Geog. Soc., XLI, London, 1871.
Smyth, H. Warington, Five Years in Siam from 1891—1896, 2 vols., London, 1898.
Sonnerat, Voyage aux Indes Orientales et à la Chine, 2 vols., Paris, 1782, 4 vols., Paris, 1806.
A Voyage to the East Indies and China, 1774—1781, English trans. by Francis Magnus, Calcutta, 1788.
Stapel F. W. (ed.), Pieter van Dam's Beschryvinge over de Oostindische Compagnie, The Hague, 1927—1939.
State Papers: Calendars of State Papers, Colonial Series, East Indies, China and Japan, London, 1862 onwards.
Symes Michael, An Account of an Embassy to the Kingdom of Ava, London, 1800, Edinburgh, 1827.
Tachard Guy, Voyage de Siam des Pères Jésuites Envoyés par Le Roy aux Indes et à La Chine, Amsterdam, 1687.
Second Voyage du Père Tachard et des Jésuites Envoyés par Le Roy au Royaume de Siam, Amsterdam, 1689.
Tcheou Ta-Kouan, Mémoires sur les Coutumes du Cambodge (trans. by P. Pelliot), BEFEO, II (1902), Hanoi.
Templer J. C., The Private Letters of Sir James Brooke, London, 1853.
Thomson J. T., Translations from the Hakayit Abdulla, London, 1874.
Thorn William, Memoir of the Conquest of Java, London, 1815.
Tiele P. A., Heeres J. E., Bouwstoffen voor de Geschiedenis van de Nederlanders in den Maleischen Archipel, 3 vols. (Supplement to de Jonge, Opkomst.), The Hague, 1886—1895.
Vajiranana National Library: Records of the Relations between Siam and Foreign Countries in the Seventeenth Century, Bangkok, 1915.
Varthema Ludovico di, The Travels of, Translated by J. W. Jones and edited by G. P. Badger, Hakluyt Soc., London, 1863.
Vaughan W., Adventures of Five Englishmen from Pulo Condore, a Factory of the New Company of the East Indies, who were shipwrecked in the little Kingdom of Johore, London, 1714.
Vliet Jeremias van, Révolutions arrivées au Royaume de Siam (English trans. by L. F. van Ravenswaay, Journal Siam Soc. vii, pt. I), Paris, 1673.
Vollant des Verquains, Histoire de la Révolution de Siam Arrivée en l'Année 1688, Lille, 1691.
Williams Clement, Through Burmah to Western China, London, 1868.

Wilson H. H., Documents illustrative of the Burmese war with an introductory sketch of the events of the war and an appendix, Calcutta, 1827.
Yule, Sir Henry, A Narrative of the Mission sent by the Governor—General of India to the Court of Ava in 1855, London, 1858.

IV. РАБОТЫ ПО ДРЕВНЕМУ ПЕРИОДУ И СРЕДНИМ ВЕКАМ

Aymonier E., Histoire de L'Ancien Cambodge, 1920.
Bagchi P. C., Pre-Aryan and Pre-Dravidian in India, Calcutta, 1929.
Berg C. C., De Evolutie der Javaanse Geschiedschrijving, Mededelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen, afd., Letterkunde (new series), vol. XIV, No. 2, Amsterdam, 1951.
Kertanagara, de Miskende Empire-builder, Orientatie (July 1950), No. 34, pp. 3—32, Bandung.
De Geschiedenis van Pril Majapahit II Achtergrond en Oplossing der Pril-Majapahitse Conflicten, Indonesië, V (1951), pp. 193—233, Amsterdam.
De Sadeng-Oorlog en de Mythe van Groot-Majapahit, Indonesië, V (1951), pp. 385—422, Amsterdam.
De Geschiedenis van Pril Mahapahit, I Het Mysterie van de Vier Dochters van Krtanagara, Indonesië, IV (1950), pp. 481—520, Amsterdam.
Herkomst, Vorm en Functie der Middeljavaanse Rijksdelingstheorie, Verhandelingen der Kon. Ned. Akad. van Wetenschappen, afd. Letterkunde (new series), vol. LIX, No. I, Amsterdam, 1953.
Braddell, Sir Roland, Ancient Times in the Malay Peninsula, JRASMB, XIII, pt. 2; XIV, pt. 3; XVII, pt. 1; XIX, pt. 1; XX, XXII.
Briggs, Lawrence Palmer, The Ancient Khmer Empire, Philadelphia, 1951.
Brown J. Coggin, Relics of the Stone Age in Burma, JBRS, XXI (1931), pp. 33—51.
Brown R. Grant, The Pre-Buddhist Religion of the Burmese, Folk-Lore, XXXII (1921), pp. 77—100.
Casparis J. G., de, Inscripties uit de Çailendra-Tijd (=Prasasti Indonesia, diterbitkan oleh Djawatan Purbukala Republik Indonesia I), Bandung, 1950.
Twintig jaar studie van de oudere geschiedenis van Indonesië (1931—1951) «Orientatie» (January 1954), n. 46, Djakarta, 1954.
Chijs J. A., van der, Proeve Eener Nederlandsch Indische Bibliographie (1659—1870), Batavia, 1875.
Claeys Jean Yves, L'Archéologie du Siam, Hanoi, 1931.
Introduction à L'Étude de L'Annam et du Champa, Hanoi, 1934.
Coedès G., Le Royaume de Çrivijaya, BEFEO, XVIII (1918), Hanoi.
Le Royaume de Dvâravatî, Bangkok, 1929.
Recueil des Inscriptions du Siam, Bangkok, 1924—1929.
Inscriptions de Sukhodaya, Bangkok, 1924.
Pour Mieux Comprendre Angkor, Paris, 1947.
Les États Hindouisés d'Indochine et d'Indonésie, Paris, 1948.
Inscriptions du Cambodge, 5 vols, Hanoi, 1937, 1942, 1951.
Colani M., Mégalithes du Haut-Laos, Paris, 1935.
Recherches sur le Préhistorique Indochinois, BEFEO, XXX, pp. 299—422.
Coomaraswamy A. K., History of Indian and Indonesian Art, London, 1921.
Dupont P., La Dislocation du Tchenla et la Formation du Cambodge Angkorien VIIe—IXe Siècle, BEFEO, XLIII (1943—1946), pp. 17—55.
Duroiselle C., The Art of Burma and Tantric Buddhism, Annual Report of Archaeological Survey of Burma, 1915—1916, pp. 79—93.
Duyvendak J. J. L., The true dates of the Chinese Maritime Expeditions of the early fifteenth century, T'oung Pao, XXXIV (1939), Leiden.
Ferrand G., Malaka, le Malaya et Malayur, Journal Asiatique, Mai-Juin et Juillet-Aout, 1918.
La Plus Ancienne Mention du Nom de L'Ile de Sumatra, Journal Asiatique, Mars-Avril, 1917.
L'Empire Sumatrannais de Śrivijaya, Journal Asiatique, 1922.
Gerini G. E., Researches in Ptolemy's Geography, London, 1909.
Goloubew V., L'Age du Bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam, BEFEO, XXIX (1929), pp. 1—46.
Art et Archéologie de l'Indochine, Hanoi, 1938.
L'Archéologie du Tonkin et les Fouilles de Dong-Son, Hanoi, 1937.
Grousset R., Auboyer J., Buhot J., L'Asie Orientale des Origines au XVe. Siècle, Paris, 1941.
Grousset R., Histoire de L'Extrême-Orient, 2 vols., Paris., 1929.
Heine-Geldern R. von, Urheimat und Früheste Wanderungen der Austronesier, Anthropos, XXVII (1932).
Vorgeschichtliche Grundlagen der Kolonialindischen Kunst, Wiener Beiträge zur Kunst- und Kultur-geschichte, VIII (1934).
The Archaeology and Art of Sumatra, in Loeb M., Sumatra: its History and People, Vienna, 1935.

L'Art Prébouddhique de la Chine et de L'Asie du Sud-Est et son Influence en Oceanie, RAA XI (1937), No. 4, pp. 177—206.
Ein Beitrag zur Chronologie des Neolithicums in Sudost-Asien, Festschrift F. W., Schmidt, 1938.
Prehistoric Research in the Netherlands Indies, Science and Scientists in the Netherlands Indies, pp. 129—167 (1945).
Hirth F., Rockhill W. W., Chau Ju-Kua, His work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries. Translated from Chinese, St. Petersburg, 1911.
Hocart A. M., Kingship, London, 1927.
Hoop T. à T. van der, Megalithic Remains in South Sumatra, Zutphen, 1932.
Praehistorie, in F. W. Stapel (ed.), Geschiedenis van Nederlandsch-Indië, I (1938).
Hornell J., The Origins and Ethnological Significance of Indian Boat Designs, Mem. Asiat. Soc., Bengal, VII (1920).
Huber, La Fin de la Dynastie de Pagan, BEFEO, IX (1909).
Janse Olov R. T., Archaeological Research in Indo-China, The District of Chiu-Chen during the Han Dynasty, 2 vols., Cambridge, Mass., 1947, 1949.
Johnston E. H., Some Sanskrit Inxcriptions of Arakan, BSOAS, XI (1944), No. 2.
Kempers Bernet, The Bronzes at Nalanda and Hindu-Javanese Art, Leiden, 1930.
Krom N. J., Inleiding Tot de Hindoe-Javaansche Kunst, 3 vols, 's-Gravenhage, 1923.
Barabudur, Archaeological Description, 2 vols., The Hague, 1927.
Hindoe-Javaansche Geschiedenis, 's-Gravenhage, 1931.
LeMay R. S., A Concise History of Buddhist Art in Siam, Cambridge, 1938.
Leuba Jeanne, Un Royaume Disparu, Les Chams et Leur Art, Paris, 1923.
Lévy Paul, Recherches Préhistoriques dans la Région de Mlu Prei, Accompagnées de Comparaisons Archéologiques, Hanoi, 1943.
Luce G. H., Burma's Debt to Pagan, JBRS, XXIII, pp. 120—127.
MacDonald A. W., A propos de Prajapati, JA, 1952.
Majumdar R. C., Ancient Indian Colonies in the Far East; I Champa, Lahore, 1927.
Ancient Indian Colonies in the Far East; II Suvarnadvipa, Dacca, 1937—1938.
Kambuja-Desa, Calcutta, 1944.
Mansuy H., La Préhistoire en Indochine, Paris, 1931.
Maspero G., Le Royaume de Champa, Paris, 1928.
Movius Hallam J. (Jr.), The Lower Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia, Trans. Am. Phil. Soc. (new series) XXXVIII, No. 4, pp. 329—420, Philadelphia, 1949.
Mus P., Bârâbudur, Les Origines du Stûpa et la Transmigration, BEFEO, XXXII (1923), No. 1, pp. 269—439.
Parmentier H., L'Art Khmer Primitif, 2 vols., Paris, 1927.
L'Art Khmer Classique, 2 vols., Paris., 1939.
Patris C., Essai d'Histoire d'Annam, Hué, 1923.
Pelliot P., Le Founan, BEFEO III (1903), pp. 248—303.
Deux Itineraires de Chine en Inde à la Fin du VIIIe Siècle, BEFEO, IV (1904).
Pleyte C. M., Bijdrage tot de Kennis van het Mahayana op Java, Bijdragen van het Koningklijk Instituut, LII, LIV (1901 and 1902).
Poerbatjaraka, Raden Ng., De dood van Raden Wijaya, den eersten koning en stichter van Madjapahit, Leiden, 1926.
Proceedings: Proceedings of the Third Congress of Prehistorians of the Far East, Singapore, 1938.
Przyluski J., Kôl and Munda, a New Aspect of the Austro-Asiatic Problem, JGIS, IV, pt. I (Jan, 1937).
Quaritch Wales H. G., The Making of Greater India, London, 1951.
Ray Nihar-Ranjan, Brahmanical Gods in Burma, Rangoon, 1932.
Sanskrit Buddhism in Burma, Amsterdam, 1936.
Remusat G. de Coral, L'Art Khmer, Les Grandes Étapes de son Evolution, Paris, 1951.
Sastri Nilakanta, Sri Vijaya, 1949.
Schnitger F. M., Forgotten Kingdoms of Sumatra, Leiden, 1939.
Stapel F. W. (ed.), Geschiedenis van Nederlandsch-Indië, Vols I and II, Amsterdam.
Stein, Callenfels P. van, Bijdrage tot de Chronologie van het Neolithicum in Zuid Oost Azië, Oudheidkundig Verslag, 1926.
Stern Philippe, Le Temple Khmer, Formation et Développement du Temple-Montagne, Saigon, 1937.
Stutterheim W. F., Rama-Legenden und Rama Reliefs in Indonesien, 2 vols., Munchen, 1927.
Oudheden van Bali, Singaradja, 1930.
De Hindu's, Vol. I, Groningen-Batavia, 1951.
Hinduisme in den Archipel, Vol. II, Groningen-Batavia, 1951.
De Islam en Zijn Komst in den Archipel, Vol. III, Groningen-Batavia, 1952.
Indian Influences on Old Balinese Art. London, 1935.
De Islam en Zijn Komst in den Archipel. Groningen-Batavia, 1935.
De Kraton van Majapahit. The Hague, 1948.
Het Hinduisme in den Archipel. Groningen Djakarta, 1951.

Takakusu Jyun, A Record of the Buddhist Religion as Practised in India and the Malay Archipelago, by I-Tsing, Oxford, 1896.
de Terra H., Movius H. J. (Jr.), Research on Early Man in Burma, Trans. Am. Phil. Soc. (new series) XXXII, No. 3, pp. 265—464, Philadelphia, 1943.
Tweedie M. W. F., Prehistory in Malaya, JRAS, 1942.
Verneuil, L'Art de Java, Les Temples de la Période Classique Indo-Javanaise, Paris, 1927.
de Zwaan, J. P. Kleiweg, De Oudste Mensheid van de Indische Archipel, 1943.
Vogler E. B., De Monsterkop in de Hindoe-Javaanse Bouwkunst, Leiden, 1949.

V. РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ БИРМЫ

Andrus J. R., Burmese Economic Life, Stanford, U. S. A., London, 1947.
Anstey Vera, The Economic Development of India (includes Burma up to 1937), New York, 1936.
Appleton G., Buddhism in Burma, Calcutta, 1943.
Banerjee A. C., British Relations with Burma, 1826—1886, Bombay, 1947.
Bayfield G. T., Historical Review of the Political Relations between the British Government in India and the Empire of Ava... to the end of the year 1834. Revised by Lieut.-Col. Burney, British Resident, Calcutta, 1835.
Bigandet P., An Outline of the History of the Catholic Burmese Missions from 1720—1887, Rangoon, 1887.
The Life or Legend of Gaudama, The Buddha of the Burmese, 2 vols., in I, London, 1911—1912.
Bourdounais M. le Comte A Mahé de la, Un Français en Birmanie, Paris, 1891.
Christian J. L., Modern Burma, A survey of political and economic developments, California, 1942.
Burma and the Japanese Invader (revised ed. of Modern Burma), Bombay, 1945.
Cochrane W., The Shans, Rangoon, 1915.
Collis Maurice, The Land of the Great Image, London, 1943.
Cordier Henri, Historique abrégé des relations de la Grande-Bretagne avec la Birmanie, Paris, 1894.
Les Français en Birmanie, T'oung Pao, 1891.
La France et l'Angleterre en Indochine et en Chine sous le Premier Empire, T'oung Pao, series 2 (1903), pp. 201—227.
Crosthwaite Sir C., The Pacification of Burma, London, 1912.
Desai W. S., History of the British Residency in Burma, 1826—1840, Rangoon, 1939.
Donnison F. S. V., Public Administration in Burma, London, 1953.
Ferrars Max and Bertha, Burma, London, 1901.
Furnivall J. S., Introduction to the Political Economy of Burma. 2nd ed., Rangoon, 1938.
The Fashioning of Leviathan, The Beginnings of British Rule in Burma, JBRS, XXIX (1939).
Colonial Policy and Practice, a comparative study of Burma and Netherlands India, Cambridge, 1948.
Справочники: British Burma Gazetteer, 2 vols., Rangoon, 1880.
J. G. Scott and J. P. Hardiman, Gazetteer of Upper Burma and the Shan States, 5 vols., Rangoon, 1900.
Hall D. G. E., Early English Intercourse with Burma 1587—1743, London, 1928.
Europe and Burma, a study of European relations with Burma from the earliest times to the annexation of Thibaw's Kingdom, London, 1945.
The Tragedy of Negrais, JBRS, XXI (1931), pp. 59—133.
The Dagh Register of Batavia and Dutch Trade with Burma in the Seventeenth Century, JBRS, XXIX (1939), pp. 139—156.
Studies in Dutch Relations with Arakan in the Seventeenth Century, JBRS, XXVI (1936).
Burma, London, 1950.
Hall, H. Fielding, The Soul of a People, London, 1899.
Harvey G. E., History of Burma, London, 1925.
British Rule in Burma, 1824—1942, London, 1946.
Huber Edouard, Une Ambassade Chinoise en Birmanie en 1406, BEFEO, IV (1904), pp. 429—432.
La Fin de la Dynastie de Pagan, BEFEO, IX (1909), pp. 633—680.
Ireland Alleyne, The Province of Burma, 2 vols., Boston and New York, 1907.
Laurie W. F. B., Our Burmese Wars and Relations with Burma, London, 1880.
Leach E. R., Political Systems of Highland Burma, London, 1954.
Low James, History of Tenasserim, JRAS, IV (1837), pp. 304—332; V (1839), pp 245—263.
Luce G. H., Chinese Invasions of Burma in the Eighteenth Century, JBRS, XV (1925), pp. 115—128.
A Century of Progress in Burmese History and Archaeology, JBRS, XXXII (1948).

The Economic Life of the Early Burman, JBRS, XXX (1940).
The Ancient Pyu, JBRS, XXVII (1937).
Early Chinese Texts about Burma, JBRS, XIV (1924).
Luce G. H., Pe Maung Tin, Burma down to the Fall of Pagan, an Outline (pt. I), JBRS, XXIX (1939), pp. 264—282.
Marshall H. I., The Karen People of Burma, Columbus, U. S. A., 1922.
Mason, Rev. F., Burma, its People and National Products, Rangoon, London, New York, 1860, 2 vols, ed. enlarged by W. Theobald Hertford, 1882—1883.
Maung Maung Pye, Burma in the Crucible, Rangoon, 1952.
McKelvie Roy, The War in Burma, London, 1948.
Nai Thein, Intercourse Between Siam and Burma as recorded in the «Royal Autograph Edition» of the History of Siam, JBRS, XXV (1935), pp. 49—108; XXVIII (1938), pp. 109—176.
Milne Mrs L., Cochrane Rev. W. W., Shans at Home, London, 1910.
Mitton G. E. (Lady Scott), Scott of the Shan Hills, London, 1936.
Nisbet John, Burma under British Rule—and Before, 2 vols., London, 1901.
Parker E. H., Burma with special reference to her relations with China, Rangoon, 1893.
Précis of Chinese Imperial and Provincial Annals Relating to Burma, Rangoon, 1893.
Pearn B. R., A History of Rangoon, Rangoon, 1939.
King Bering, JBRS, XXIII (1933), pp. 55—85.
Felix Carey and the English Baptist Mission in Burma, JBRS, XXVIII (1938), pp. 1—91.
Phayre A. P., History of Burma, London, 1883.
Ray N. R., An Introduction to the Study of Theravada Buddhism in Burma, Calcutta, 1946.
Ritchie Anna J., Lord Amherst and the British Advance Eastward to Burma, Oxford, 1894.
Scott Sir J. G., Burma, A Handbook of Practical Information, London, 1921. Burma, from the Earliest Times to the Present Day, London, 1924.
Scott J. G., Hardiman J. P., Gazetteer of Upper Burma and the Shan States, 5 vols., Rangoon, 1900—1901.
Sein Daw Mya, The Administration of Burma, Sir Charles Crosthwaite and the Consolidation of Burma, Rangoon, 1938.
Sen N. C., A Peep into Burma Politics, 1917—1942, Allahabad, 1945.
Shakespear, Col. L. W., History of Upper Assam, Upper Burmah and North-Eastern Frontier, London, 1914.
Smeaton D. M., The Loyal Karens of Burma, London, 1887 and 1920.
Smith Nicol, Burma Road, New York, 1940.
Snodgrass Major J. J., Narrative of the Burmese War, London, 1827.
Stewart J. A., Kyaukse Irrigation: a sidelight on Burmese History, JBRS, XI (1921), pp. 1—4.
Tan Pei-Ying, The Building of the Burma Road, New York, 1945.
Tinker Hugh, The Foundations of Local Self-Government in India, Pakistan and Burma, London, 1954.
Trant T. A., Two Years in Ava, from May 1824 to May 1826, London, 1827.
Wayland Francis, A Memoir of the Life and Labours of the Reverend Adoniram Judson, 2 vols., London, 1853.
White, Sir H. T., A Civil Servant in Burma, London, 1913,
Burma, London, 1923.
White, Capt. W., A Political History of the Extraordinary Events which led to the Burmese War, London, 1827.
Wilson H. H., Narrative of the Burmese War in 1824—1826 as originally compiled from official documents, London, 1852.

VI. РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ИНДОКИТАЯ (АННАМА, КАМБОДЖИ, КОХИНХИНЫ, ЛАОСА И ТОНКИНА)

Anonymous, Relation des Missions des Évêques Français aux Royaumes de Siam, de la Cochinchine, de Cambodge et du Tonkin, Paris, 1674.
Aubaret G. (tr.), Histoire et Description de la Basse Cochinchine (Pays de Gia-Dinh)... d'après le Texte Original, Paris, 1863.
Aurousseau Leonard, La Première Conquête Chinoise des Pays Annamites, Origine du Peuple Annamite, BEFEO, XXIII (1923), pp. 137—264.
Aymonier E. T., Le Cambodge, 3 vols., Paris, 1900—1904.
Blet Henri, L'Histoire de la colonisation française, 3 vols., Grenoble and Paris, 1946, 1948, 1950.
Bazancourt C. L. de, Les Expeditions de Chine et de Cochinchine d'après les Documents Officiels, 2 vols., Paris, 1861—1862.
Bouchot Jean, Documents pour Servir à l'Histoire de Saigon, 1859 à 1865, Saigon, 1927.
Buch Wilhelm J. M., De Oost-Indische Compagnie en Quinam; de Betrekkingen der Nederlanders met Annam in de XVII Eeuw, Amsterdam, 1929.

La Compagnie des Indes Néerlandaises et L'Indochine, BEFEO, XXXVI (1936), pp. 97—196; XXXVII (1937), pp. 121—237.
Cadière L., Tableau Chronologique des Dynasties Annamites, BEFEO, V (1905), pp. 77—145.
Le Mur de Dong-Hoi; Étude sur l'Établissement des Nguyen en Cochinchine, BEFEO, VI (1906), pp. 86—254.
Résumé de l'Histoire d'Annam, Quihnon, 1911.
Les Européens au Service de Gia-Long, Bul. Amis Hué, 1920—1922—1925—1926.
Croyances et Pratiques Religieuses des Annamites, Hanoi, 1944.
Chailley J., Paul Bert au Tonkin, Paris, 1887.
Chaigneau J. B., Le Mémoire sur la Cochinchine de Jean-Baptiste Chaigneau, Hanoi-Haiphong, 1923.
Chapman, Relation d'un Voyage en Cochin-Chine en 1778, Bul. de la Soc. des Études Indochinoises de Saigon (new series), XXIII (1948), No. 2, pp. 15—75.
Cheneau H., Du Protectorat Français en Annam, au Tonkin, et au Cambodge, Paris, 1904.
Cunningham A., The French in Tonking and South China, Hong Kong, 1902.
Degeorge J. B., À La Conquête de Chau Laos, Hong Kong, 1932.
Deschanel P., La Question du Tonkin, Paris, 1883.
Deveria G., Histoire des Relations de la Chine avec L'Annam-Vietnam du XVI au XIX siècle; d'après des Documents Chinois Traduits pour la Première Fois, Paris, 1880.
Devillers P., Histoire du Viêt-Nam de 1940 à 1952, Paris, 1952.
Diguet E., Annam et Indo-Chine Française, Paris, 1908.
Dijk L. C. D. van, Neerland's Vroegste Betrekkingen met Borneo, den Solo-Archipel, Cambodja, Siam en Cochin-China, Amsterdam, 1862.
Dupuis Jean, Les Origines de la Question du Tong-Kin, Paris, 1896.
Le Tonking de 1872 à 1886; Histoire et Politique, Paris, 1910.
Ennis T. E., French Policy and Developments in Indo-China, Chicago, 1936.
Ferry Jules, Le Tonkin et la Mère Patrie, Témoinages et Documents, Paris, 1890.
Gaudel A., L'Indochine Française en Face du Japon, Paris, 1947.
Gautier A. H., Les Français au Tonkin, 1787—1883, Paris, 1884.
Gosselin C., L'Empire d'Annam, Paris, 1904.
Gourou P., The Future of Indochina, Paris, 1947.
Grandjean G., L'Epopée Jaune, Missionaires et Marins en Indo-Chine, 1765—1885, Ed. Malfère, 1938.
Lanessan L. de, La Colonisation Française en Indo-Chine, Paris, 1895.
Launay A., Histoire Ancienne et Moderne de l'Annam, Tong-King, et Cohinchine, Paris, 1884.
Le Boulanger Paul, Histoire du Laos Français, Paris, 1931.
Leclère A., Histoire du Cambodge, Paris, 1914.
Lehault P., La France et L'Angleterre en Asie, Tome I, Indochine, les Derniers Jours de la Dynastie des Rois d'Ava, Paris, 1892.
Lemire C., Établissement du Protectorat Français au Cambodge; Exposé Chronologique des Relations du Cambodge avec le Siam, l'Annam et la France, Paris, 1879.
Le-Van-Dinh, Le Culte des Ancêtres en Droit Annamite, Paris, 1934.
Lévy Paul, Le Voyage de Van Wuysthoff au Laos (1641—1642) d'après son Journal (Inédit en Français), CEFEO, No. 38 (1944).
Les Royaumes Lao du Mekong, CEFEO, No. 25 (1940), pp. 11—17.
Levy Roger, L'Indochine et ses Traités, 1946, Paris, 1947.
Madrolle C., C., Indochine du Nord, Paris, 1932.
Indochine du Sud, Paris, 1936.
Malleret L., Une tentative ignorée d'établissement français en Indochine au XVIII siècle, les vues de l'Amiral d'Estaing, CEFEO, No. 29 (1941), pp. 10—16.
Maspero G. (ed.), Un Empire Colonial Français, L'Indochine, 2 vols., Paris, 1929—1930.
Maspero H., Etudes d'Histoire d'Annam BEFEO, XVI (1916), No. 1, pp. 1—55, and XVIII (1918), No. 3, pp. 1—36.
Masson A., Histoire de l'Indochine, Paris, 1950.
Maybon C. B., Histoire Moderne du Pays d'Annam (1592—1820), Paris, 1920.
Les Marchands Européens en Cochinchine et au Tonkin (1600—1775), Hanoi, 1916.
Maybon C. B., Russier H., Notions d'Histoire d'Annam, 2 vols., Hanoi-Haiphong, 1909.
Meyniard C., Le Second Empire en Indo-Chine (Siam, Cambodge, Annam), Paris, 1891.
Michels A. des, Les Annales Imperiales de l'Annam Traduites entier... du texte Chinois, 2 vols., Paris, 1889—1892.
Monet P., Français et Annamites, Paris, 1925.
Mus P., Le Vietnam Chez Lui, Paris, 1947.
Naville P., La Guerre du Viet-Nam, Paris, 1949.
Newman B., Report on Indo-China, London, 1953.
Nguyen-Ai-Quoc (Ho Chi Minh), Le Procés de la Colonisation Française, Paris, 1926.

Nguyen-van-Huyen, La Civilisation Annamite, Hanoi, 1944.
Noir L. S., Les Français au Siam et au Cambodge, Paris, 1894.
Norman C. B., Tonkin, or France in the East, London, 1884.
Parmentier H., La Religion Ancienne de l'Annam, Paris, 1906.
Patris C., Essai d'Histoire d'Annam, Première Partie, l'Antiquité et le Haut Moyen Age, Hué, 1923.
Pavie A., A La Conquête des Coeurs, Paris, 1921.
Petit R., La Monarchie Annamite, Paris, 1931.
Priestley H. I., France Overseas, A Study of Modern Imperialism, New York, 1938
Robequain C., The Economic Development of French Indo-China, London, 1944.
Roberts S. H., History of French Colonial Policy 1870—1925, 2 vols., London, 1929.
Rouger C. E., Histoire Militaire et Politique de L'Annam et du Tonkin depuis 1799, Paris, 1906.
Sasorith Katay D., Le Laos, Paris, 1953.
Schreiner A., Abrégé de l'Histoire d'Annam, 2nd ed., Saigon, 1906.
Thompson V., French Indochina, London, 1937.
Tran-van-Giap, Le Bouddhisme en Annam, des Origines au XIII siècle, BEFEO, XXXII (1932), pp. 191—272.
Teston E., Percheron M., L'Indochine Moderne, Paris, 1932.
Scott J. G., France and Tongking, London, 1885.
Villemerevil A. B., de, Les Voyages des Européens des Côtes d'Annam à la Vallée du Mékong, Bul. Soc. Geog. Rochefort, II (1880—1881), pp. 117—129.

VII. РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ МАЛАЙИ И ИНДОНЕЗИИ

Alting, J. H. Carpentier, Grondslagen der Rechtsbedeeling in Nederlandsch Indië, The Hague, 1926.
Baring-Gould S., Bampfylde C. A., A History of Sarawak under its Two White Rajahs, London, 1909.
Batten C. C., Translation of Daendels-Raffles (by M. L. Deventer), London, 1894.
Begbie, Capt. P. J., The Malayan Peninsula, embracing its History, Manners, Customs of the Inhabitants, Politics, Natural History, etc., etc., from its Earliest Times, Madras, 1834.
Bijllaardt A. C. van den, Onstaan en Ontwikkeling der Staatkundige Partijen in Nederlandsch Indië, Batavia, 1933.
Blumberger J. Th. P., De Nationalistische Beweging in Nederlandsch Indië, The Hague, 1931.
Bousquet G. H., Dutch Colonial Policy Through French Eyes, New York, 1940.
Boxer, C. R., The Third Dutch War in the East, The Mariner's Mirror, XVI (1930).
Braddell, Sir Roland, The law of the Straits Settlements, a Commentary, Singapore, 1915, New ed. 1931.
Braddell T., Statistics of the British Possessions in the Straits of Malacca, Penang, 1861.
Broek J. O. M., The Economic Development of the Netherlands Indies, New York, 1942.
Brugmans J., Geschiedenis van het Onderwijs in Nederlandsch-Indië, Groningen-Batavia, 1938.
Buckley C. G., An Anecdotal History of Old Times in Singapore, London, 1903.
Cator W. J., The Economic Position of the Chinese in the Netherlands Indies, Oxford, 1936.
Chijs J. A., van der, De Vestiging van het Nederlandsch Gezag Over de Banda-Eilanden, Batavia-The Hague, 1886.
Colenbrander H. T., Koloniale Geschiedenis, 3 vols., 's-Gravenhage, 1925.
Crawfurd John, History of the Indian Archipelago, 3 vols., Edinburgh, 1820.
A Descriptive Dictionary of the Indian Islands and Adjacent Countries, 2 vols., London, 1856.
Crofton R. H., A Pageant of the Spice Islands, London, 1936.
Day Clive, The Policy and the Administration of the Dutch in Java, New York, 1904.
Deventer M. L., van, Geschiedenis der Nederlanders op Java, 2 vols., Haarlem, 1886—1887.
Het Nederlandsch Gezag over Java sedert 1811, The Hague, 1891.
Djajadiningrat, Pangeran A. A. Hoesein, The Netherlands Est Indies, New York, 1941.
Dobby E. H. G., Agricultural Questions of Malaya, Cambridge, 1949.
Emerson Rupert, Malaysia, a study in Direct and Indirect Rule, New York, 1937.
Firth Raymond, Malay Fishermen, their Peasant Economy, London, 1946.
Furnivall J. S., Netherlands India, a Study of Plural Economy, Cambridge 1939, 1944.
Furnivall J. S., Colonial Policy and Practice, a Comparative Study of Burma and Netherlands India, Cambridge, 1948.

Gonggrijp G., Schets Eener Economische Geschiedenis van Nederlandsch Indië, Haarlem, 1949.
Graaf H. J. de, Geschiedenis van Indonesië, 's-Gravenhage, 1949.
Haan F. de, Priangan, 4 vols., Batavia, 1910—1911.
Oud Batavia, Bandung, 1935.
Hall D. G. E., From Mergui to Singapore, 1686—1819, JSS, XLI, No. 1 (July 1953), pp. 1—18.
Helsdingen W. H. van, and others, Mission Interrupted (English translation by J. J. L. Duyvendak), Amsterdam, Elsevier, 1945.
Hurgronje C. S., De Atjehers, 2 vols., Leiden, 1893—1894 (English ed., The Achinese, 2 vols., London, 1906).
Kaberry Phyllis, The Development of Self-Government in Malaya, Royal Inst. of Int. Affairs, London, 1946.
Kat Angelino A. D. A. de, Colonial Policy, abridged trans. of Staatskundig Beleid en Bestuurszorg in Ned. Indië by G. J. Renier, 2 vols., The Hague, 1931.
Kats J., Het Javaansch Tooneel, I Wajang Poerwa, Weltevreden, 1923.
Kennedy R., The Ageless Indies, New York, 1942.
Kern J. H. C., Verspreide Geschriften, 15 vols, The Hague, 1913—1928.
Klerck E. S. de, History of the Netherlands East Indies, 2 vols., Rotterdam, 1938.
De Atjeh Oorlog, The Hague, 1912.
Leeuw W. J. A. de, Het Painansch Contract, Amsterdam, 1926.
Louw P. F. J., de Klerk E. S., De Java Oorlog van 1825 to 1830, 6 vols., Batavia — The Hague, 1894—1896.
Makepiece W., Brooke G. E., Braddell R. St. J., One Hundred Years of Singapore, London, 1921.
Mansvelt W. M., Rechtsvorm en Geldelijk Beheer Bij de Oostindische Compagnie, Amsterdam, 1922.
A Brief History of the Netherland Trading Society 1824—1924, The Hague, 1924.
Marsden W., History of Sumatra, London, 1811.
Mills L. A., British Rule in Eastern Asia, London, 1942.
British Malaya, 1824—1867, Singapore, 1925.
Mollema J. C., De Eerst Schipvaart der Hollanders Near Oost Indië, 1595—1597, The Hague, 1935.
Molsbergen, E. C. Godée, Geschiedkundige Atlas van Nederland, 's-Gravenhage, 1938.
Mook H. J. van, De Organizatie van de Indische Regeering, Batavia, 1932.
The Stakes of Democracy in South-East Asia, London, 1950.
Mooy J., Geschiedenis der Protestantsche Kerk in Nederlandsch Indië, Batavia, 1923—1931.
Morrisson Ian, Malayan Postscript, London, 1942.
Mundy, Capt. Rodney R. N., Narrative of Events in Borneo and the Celebes down the occupation of Labuan, from the Journals of James Brooke Esq., together with the operations of H. M. S. «Iris», 2 vols., London, 1848.
Newbold, Capt. T. J., Political and Statistical Account of the British Settlements in the Straits of Malacca, etc., 2 vols., London, 1839.
Norman H. D. Levyssohn, De Britische Heerschappij over Java en Onderhoorigheden (1811—1816), The Hague, 1857.
Peet G. L., Political Questions in Malaya, London, 1949.
Percival, Lieut.-Gen., The War in Malaya, London, 1949.
Pierson N. G., Het Cultuurstelsel, Amsterdam, 1868.
Purcell Victor, The Chinese in Malaya, London, 1948.
Raffles, Sir Stamford, History of Java, 3 vols., London, 1817, 1830.
Reus G. C. Klerk de, Geschichtlicher Ueberblick der Administrativen, Rechtlichen und Finanziellen Entwicklung der Niederländischen Ostindischen Compagnie, Batavia, 1894.
Rutter Owen, British North Borneo, London, 1922.
Schrieke B. J. (ed.), The Effect of Western Influence on Native Civilization, Weltevreden, 1929.
Smith T. E., Population Growth in Malaya, A survey of recent trends, London, 1951.
Soest G. H. van, Geschiedenis van het Kultuurstelsel, 3 vols., Rotterdam, 1869—1871.
Somer J. M., De Korte Verklaring, Breda, 1934.
Song Ong Siang, One Hundred Years History of the Chinese in Singapore, London, 1923.
Stapel F. W. (ed.), Geschiedenis van Nederlandsch-Indië, 5 vols., Amsterdam, 1939.
(author), Geschiedenis van Nederlandsch-Indië, Amsterdam, 1930, 1943.
St. John H. R., The Indian Archipelago, Its history and present state, 2 vols., London, 1853.
Swettenham Sir F., British Malaya, London, 1948.
TerHaar B., Adat Law in Indonesia, New York, 1948.
Terpstra H., De Factorij der Oostindische Compagnie te Patani, Verhandelingen van het Kon. Inst., i, 's-Gravenhage, 1938.
De Nederlandsche Voorcompagnieen, in Stapel F. W., Geschiedenis van Nederlandsch

Indië, Deel II, D., Amsterdam, 1938.
Franschen en Engelschen, ibid,. Deel II., c. Amsterdam, 1938.
Thompson V., Postmortem on Malaya, New York, 1943.
Valentijn F., Oud en Nieuw Oost Indiën, Dordrecht-Amsterdam, 1724—1726.
Vandenbosch A., The Dutch East Indies, California, 1944.
Verboeket K., Geschiedenis van de Chineezen in Nederland-Indië, Kolonial Studiën, n. n. 5 and 6 (1936).
Vermeulen J. Th., De Chineezen te Batavia en den Troebelen van 1740, Leiden, 1938.
Vlekke B. H. M., Nusantara, A History of the East Indian Archipelago, Cambridge, Mass., 1943.
Wilde, de Neytzell, Moll J. Th., The Netherlands Indies during the Depression, Amsterdam, 1936.
Wilkinson R. J., History of the Peninsular Malays, 3rd ed., Singapore, 1923.
Wilkinson R. J., The Malacca Sultanate, JRASMB, XIII, pt. 2 (1935).
Winstedt, Sir Richard, A History of Johore, JRASMB, X, pt. 3 (Dec. 1932).
The Malays, A Cultural History, London, 1950.
History of Malaya, Singapore, 1935.
Malaya and its History, London, 1948.
Wolf C., The Indonesian Story, the Birth, Growth and Structure of the Indonesian Republic, New York, 1948.
Wormser C. W. (ed.), Wat Indië Ontving en Schonk, Wereldbibliotheek, Amsterdam, 1946.
Yao Tung, History of Overseas Chinese in Malaya (in Chinese), Chungking, 1943.
Wehl David, The Birth of Indonesia, London, 1948.
Blumberger J. Th. P., De Communistische Beweging in Nederlandsch Indië, Haarlem, 1928.

VIII. РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ТАИЛАНДА

Anderson J., English Intercourse with Siam in the Seventeenth Century, London, 1890.
Briggs L. P., Treaty of March 23, 1907, between France and Siam and the Return of Battambang and Angkor to Cambodia, FEQ, V (1946), pp. 439—454.
Dvaravati, Most Ancient Kingdom of Siam, J. Am. O. Soc. (1945), pp. 98—107.
Aubaret and the Treaty of July 15, 1867, between France and Siam, FEQ, VI (1947), pp. 212—238.
Campbell J. G. D., Siam in the Twentieth Century, London, 1902.
Cartwright B. O., English trans. of Turpin's History of Siam, Bangkok, 1909.
Christian J. L., Nobutake Ike, Thailand in Japan's Foreign Relations, Pacific Affairs, XV (1942), pp. 195—221.
Collis M., Siamese White, London, 1936.
Crosby Sir J., Siam: the Crossroads, London, 1945.
Damrong Prince, Siamese History prior to the Founding of Ayuddhya, JSS, XIII, pt. 2 (1919), pp. 1—66.
Deslandes M., Histoire de Monsieur Constance, Amsterdam, 1756.
Drans J., Bernard S. (eds.), Mémoire du Père de Bèze sur la vie de Constance Phaulkon, premier ministre du roi de Siam, Phra Narai, et sa triste fin, Tokyo, 1947.
Gervaise N., Histoire Naturelle et Politique du Royaume de Siam, Paris, 1688 (English tr. by H. S. O'Neil, Bangkok, 1929).
Graham W. A., Siam, 2 vols., London, 1924.
Guehler U., The Travels of Ludovico di Varthema, and his Visit to Siam, Banghella and Pegu A. D. 1505, JSS, XXXVI, pt. 2 (1947), pp. 113—149.
Hutchinson E. W., Adventures in Siam in the Seventeenth Century, London, 1940.
Landon K. P., The Chinese in Thailand, New York, 1941.
Siam in Transition, Shanghai, 1939.
(Pirated ed. Thailand in Transition, Bangkok, 1945).
Lanier L., Étude Historique sur les Relations de la France et du Royaume de Siam de 1662 à 1703 d'après les Documents Inédits des Archives du Ministère de la Marine et des Colonies, Versailles, 1883.
Launay A., Histoire de la Mission du Siam, 1662—1811, 2 vols., Paris, 1920.
Le May R., A Concise History of Buddhist Art in Siam, Cambridge, 1938.
Le Mire C., La France et le Siam, nos Relations de 1662 à 1903, Angers and Paris, 1903.
Exposé Chronologique des Relations du Cambodge avec le Siam, L'Annam et la France, Paris, 1879.
Leonowens A., The English Governess at the Siamese Court, Boston, Mass., 1870, London, 1954.
Luang Nathabanga, Extraterritoriality in Siam, Bangkok, 1924.
Notton C., Annales de Siam, 4 vols., Paris., 1926—1932, Vol. IV, Bangkok, 1939.
Reeve W. D., Public Administration in Siam, London, 1952.
Robert-Martigan L., La Monarchie Absolue Siamoise de 1350—1926, Paris, 1939.

Sayre F., The Passing of Extraterritoriality in Siam, New York, 1929.
Smith M., A Physician at the Court of Siam, London, 1946.
Smith Samuel, History of Siam, 1657—1767, Bangkok, 1880—1881.
Thompson V., Thailand, the New Siam, New York, 1941.
Wales H. G. Quaritch, Ancient Siamese Government and Administration, London, 1934.
Siamese State Ceremonies, their History and Function, London, 1931.
Wells K. E., Thai Buddhism, Its Rites and Activities, Bangkok, 1939.
Wood, W. A. R., History of Siam, London, 1926.
Zimmerman C. C., Siam, Rural Economic Survey, Bangkok, 1931.

IX. БИОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Boudet P., Un Voyageur Philosophe, Pierre Poivre en Annam (1749—1750), Hanoi, 1941.
Boulger D. C., Sir Stamford Raffles, London, 1897.
Cheng Hao Sheng, Cheng Ho I Shih Hui Pien (Life of Cheng Ho), Shanghai, 1948.
Collis M., Siamese White, London, 1936, 1940.
The Grand Peregrination: being the Life and Adventures of Fernão Mendes Pinto, London, 1949.
Coupland R., Raffles of Singapore, London, 1946.
Dupont de Nemours, Notice sur la vie de M. Poivre (avec une introduction et des notes par Louis Malleret), BSEI (1932), No. 3, pp. 13—62.
Duyvendak J. J. L., Ma Huan Re-examined, Amsterdam, 1933.
Egerton H. E., Sir Stamford Raffles, London, 1900.
Faure A., Les Français en Cochinchine au XVIII siècle, Mgr. Pigneau de Behaine, évêque d'Adran, Paris, 1891.
Freitas J. A., de, Subsidios para... a biographia de Fernão Mendes Pinto, Coimbra 1905.
Fernão Mendes Pinto, sua ultima viagem a China, 1554—1555 etc. Lisbon, 1905.
Gaultier M., Gia-Long, Saigon, 1933.
Minh-Mang, Paris, 1935.
Gobius J. F., Nieuw Nederlandsch Biographisch Woordenboek, 10 vols., Leiden, 1910.
Gruyter J. de, Het Leven en Werken van Ed. Douwes Dekker (Multatuli), 2 vols., Amsterdam, 1920.
Hahn Emily, James Brooke of Sarawak, London, 1953.
Raffles of Singapore, London, 1948.
Judson E., Adoniram Judson D. D., His Life and Labours, London, 1883.
Knowles J. D., Memoir of Mrs. Ann H. Judson... including a History of the American Baptist Mission in the Burman Empire, London, 1829.
Lee-Warner Sir W., The Life of the Marquis of Dalhousie K. T., 2 vols., London, 1904.
Louvet L. E., Monseigneur d'Adran, Notice Biographique, Saigon, 1896.
Lucena J., Historia da Vida do Padre Francisco de Xavier, Lisbon, 1600.
Lyall Sir A., Life of the Marquis of Dufferin and Ava, 2 vols., London, 1905.
Maung Maung Tin, Life of Kinwun Mingyi, Rangoon, 1936.
Munier P., Gia-Long, Hanoi, 1932.
D'Orleans Père, Histoire de M. Constance, Paris, 1692.
Petit E., Francis Garnier, sa Vie, ses Voyages, ses Oeuvres, Paris, 1885.
Raffles Lady, Memoir of the Life and Public Services of Sir T. S. Raffles, London, 1830.
Ritchie A. I., Lord Amherst and the British Advance Eastwards to Burma, Oxford, 1909.
Riley J. H., Ralph Fitch, England's Pioneer to India, London, 1899.
St. John, Sir Spenser, The Life of Sir James Brooke, Rajah of Sarawak, Edinburgh and London, 1879.
Saks J., Ed. Douwes Dekker, Zijn Jeugd en Indische Jaren, Rotterdam, 1937.
Stephens H. M., Albuquerque, Oxford, 1912.
Vietnam Information Service, Vietnam's President, Ho-Chi-Minh, Paris, 1947.
Winstedt, Sir Richard, The Malay Founder of Mediaeval Malacca, BSOAS, Univ. of London, XII (1948), pts. 3 and 4.

X. ОБЩИЕ РАБОТЫ

Barros J. de, Couto D. de, Deçadas da Asia, 24 vols., Lisbon, 1718—1788.
Beazley, Sir C. R., The Dawn of Modern Geography, 3 vols., London, 1897—1906.
Clifford, Sir Hugh, Further India, London, 1904.
Couto D. de, Da Asia, 9 vols., Lisbon, 1778—1788.

Danvers F. C., The Portuguese in India, 2 vols., London, 1894.
Dobby D. H. G., Southeast Asia, London, 1950.
Eckel Paul E., The Far East since 1500, London, 1948.
Emerson R., Mills L. A., Thompson V., Government and Nationalism in Southeast Asia, New York, 1942
Faria Y. Sousa, Asia Portugueza, 3 vols., Lisbon, 1666—1675.
Ferrand G., Instructions Nautiques et Routiers Arabes et Portugais des XV et XVI Siècles, 3 vols., Paris, 1921—1928.
Foster Sir W., England's Quest of Eastern Trade, London, 1933.
Furnivall J. S., Educational Progress in Southeast Asia, New York, 1943.
Progress and Welfare in South-East Asia, New York, 1941.
Grousset R., Histoire de l'Extrême Orient. 2 vols., Paris, 1929.
Grousset R., Auboyer J., Buhot J., L'Asie Orientale des Origines au XV Siècle, Paris, 1941.
Hall D. G. E., South-East Asia and the Archipelago, in C. H. Philips (ed.), A Handbook of Oriental History, London, 1951.
Harrison Brian, Southeast Asia, a short history, London, 1954.
Jayne K. G., Vasco da Gama and his Successors, London, 1910.
Landon K. P., Southeast Asia, Crossroad of Religions, Chicago, 1947.
Lasker B., Peoples of Southeast Asia, New York, 1944.
Launay A., Memorial de la Société des Missions Etrangères, 2 vols., Paris, 1912—1916.
Le May R., The Culture of South-East Asia, The Heritage of India, London, 1954.
Leroy-Beaulieu P., De la Colonisation Chez les Peuples Modernes, 6th ed., Paris, 1908.
Mills L. A. (ed.), The New World of Southeast Asia, Minneapolis and London, 1949.
Prestage E., The Portuguese Pioneers, London, 1933.
Purcell V. W. W. S., The Chinese in Southeast Asia, London, 1951.
Ribadeneyra M. de, Historia de las Islas del Archipelago y Reynos de la Gran China, Tartaria, Cochin-China, Malacca, Siam, Camboxa y Japon, Barcelona, 1591.
Sottas J., Histoire de la Compagnie royale des Indes Orientales, Paris, 1905.
Thayer P. W., Southeast Asia in the Coming World, Baltimore, 1953.
Thomson J. O., History of Ancient Geography, Cambridge, 1948.
Thompson V., Labour in Southeast Asia, Oxford, 1947.
Thompson V., Adloff R., The Left Wing in South Fast Asia, New York, 1950.
Cultural Institutions and Educational Policy in Southeast Asia, A Report, New York, 1948.
Vogel J. Ph., The Contribution of the University of Leiden to Oriental Research, Leiden, 1954.
Wales H. G. Quaritch, Ancient South-East Asian Warfare, London, 1952.
Wickizer V. D., Bennett M. K., Rice Economy of Monsoon Asia, San Francisco, 1941.
Williamson J. A., The Ocean in English History, Oxford, 1941.
Wong Shion-Fi, General History of Southeast Asia (in Chinese), Shanghai, 1920.
Wyatt Woodrow, Southwards from China, a survey of Southeast Asia since 1945, London, 1952.
Yule and Burnell, Hobson-Jobson, London, 1903.

УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть III

ПЕРИОД ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ

Часть IV

НАЦИОНАЛИЗМ И УГРОЗА ЕВРОПЕЙСКОМУ ГОСПОДСТВУ

Д.Дж.Е.Х

ИСТОРИ

ОГО-ВОСТО

АЗИИ